СБОРНИКЪ

ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ

СТАТЕЙ

Н. Я. ДАНИЛЕВСКАГО.

(Изданіе Н. Страхова).

С.-Петербургъ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская ул., д. № 33.
1890.

Того-же автора:

Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія Славянскаго міра къ Германо-Романскому. Изд. 4-е. (Съ посмертными примѣчаніями). Спб. 1889.

Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. I. ч. I. 519 стран. съ 7 табл. рис. и чертеж. Ч. 2. 580 стр. Прилож. 148 стр. Спб. 1885.—Т. II. (одна посмертн. глава, портретъ и указатели). Спб. 1889. Изданіе М. Е. Комарова.

О низкомъ курсѣ нашихъ денегъ и новыхъ источникахъ государственныхъ доходовъ. Изд. М. Комарова. Спб. 1886.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ Н. Я. Данилевскаго мы постарались соединить въ этомъ Сборникѣ тѣ статьи, которыя, по ихъ важности и интересу для читателей, наиболѣе желательно видѣть вновь въ печати. Поэтому въ первомъ отдѣлѣ—(*Статьи политическія*) собрано *все*, что онъ писалъ по вопросамъ политики. Въ свое время эти статьи, хотя не возбуждали общаго вниманія, производили однако глубокое впечатлѣніе на многихъ читателей, сердечно преданныхъ чести и благу Россіи, и навсегда остались въ ихъ памяти. Мы не разъ слышали настойчивое желаніе, чтобы эти статьи были собраны и вновь напечатаны для общаго поученія. Дѣйствительно, въ книгѣ, которую мы теперь предлагаемъ читателямъ, они найдутъ глубокое и вѣрное изображеніе всей русской внѣшней политики въ теченіе нынѣшняго столѣтія; взгляды, здѣсь изложенные, имѣютъ величайшую важность для правильнаго пониманія нашей ближайшей исторіи, и нельзя не пожелать, чтобы они были усвоены каждымъ образованнымъ русскимъ. Статья *Горе побѣдителямъ*, говорящая о Берлинскомъ конгрессѣ, есть, безъ сомнѣнія, лучшая политическая статья, писанная на русскомъ языкѣ. Само собою разумѣется, что авторъ „Россіи и Европы" вездѣ слѣдуетъ началамъ, которыя изложилъ въ этой своей основной книгѣ, и что его политическія статьи составляютъ лишь блистательное поясненіе и приложеніе этихъ началъ.

Второй отдѣлъ сборника *(Статьи экономическія)* представляетъ соединеніе наиболѣе выдающихся статей по различнымъ областямъ государственнаго хозяйства, составлявшаго и поприще службы покойнаго автора. Первая статья,—общетеоретическая, появилась нѣкогда безъ подписи автора и содержитъ мысли, на которыхъ была основана потомъ книга: *О низкомъ курсѣ нашихъ денегъ.* Вторая статья *Взглядъ на рыболовство* есть легкій и ясный очеркъ той части народнаго хозяйства, къ которой относятся огромные и многолѣтніе труды автора. Третья статья *Очеркъ уральскаго рыбнаго хозяйства* собственно имѣетъ въ виду не самое рыболовство на Уралѣ, а *общинное его устройство,*—въ высокой степени замѣчательное экономическое явленіе, очень характерное для русскихъ понятій о собственности. Обширная статья о продовольствіи *крайняго сѣвера* Россіи представляетъ полную экономическую картину сѣвернаго края Европейской Россіи; свѣдѣнія и соображенія, которыя здѣсь изложены, должны быть извѣстны всякому, желающему судить объ этомъ краѣ. Наконецъ, послѣдняя статья *О способахъ борьбы съ филлоксерою* излагаетъ основанія, по которымъ дѣйствовалъ авторъ противъ этой заразы. Какъ всегда у автора, дѣло изложено съ точною и твердою постановкою вопроса, такъ что всякій практикъ, борющійся съ филлоксерой, долженъ быть знакомъ съ этою статьею. Нельзя безъ удивленія вспомнить, что отъ начала и до сихъ поръ это ясное и простое дѣло навлекало и навлекаетъ на себя недовѣріе, сомнѣніе, наконецъ горячее противорѣчіе. Къ чему же служитъ людямъ умъ, если онъ не можетъ спасти ихъ отъ такой жалкой путаницы? Николаю Яковлевичу пришлось много потерпѣть отъ этого страннаго недовѣрія и недомыслія. Но онъ былъ отчасти самъ виноватъ, питая совершенно особенные вкусы. Въ одно изъ послѣднихъ свиданій въ Крыму, я передавалъ ему упреки столичныхъ знакомыхъ, которые говорили, что напрасно онъ упрямо забился на многіе годы въ глушь, что его мѣсто

въ Петербургѣ, на виду, въ большихъ дѣлахъ. „Да что́ тамъ дѣлать?“ какъ-будто нехотя спросилъ онъ. „Какъ что́?“ отвѣчалъ я шутя, — „законодательствовать! Мы тамъ всѣ законодательствуемъ“. — „Видите ли“, возразилъ онъ, „это законодательство — слова, а война съ филлоксерой — дѣло, настоящее дѣло“.

Политическія статьи напечатаны здѣсь отчасти въ исправленномъ видѣ; текстъ ихъ былъ провѣренъ по рукописямъ, такъ что внесены мѣста, пропущенныя при первомъ печатаніи, и возстановлены первоначальныя заглавія, напр , *Горе побѣдителямъ*. Въ видѣ приложенія помѣщена статья: *Г. Вл. Соловьевъ о православіи и католицизмѣ*, на которую существуетъ отвѣтъ г. Соловьева въ *Извѣстіяхъ Слав. Бл. Общества*, 1885, стр. 134 и слѣд. Статьи экономическаго отдѣла напечатаны согласно съ тѣмъ, какъ онѣ въ первый разъ явились въ печати. Мѣсто ихъ появленія читатели найдутъ въ *Библіографическомъ спискѣ*, помѣщенномъ въ концѣ книги и приведенномъ въ гораздо большую исправность, чѣмъ прежніе списки. Статья *О мѣрахъ къ обезпеченію народнаго продовольствія* и пр. является въ ея оффиціальномъ видѣ и говоритъ отъ лица министерства; но она принадлежитъ цѣликомъ Николаю Яковлевичу, и есть мѣста, гдѣ даже встрѣчается слово *я*, оставшееся отъ первоначальной редакціи.

Къ сожалѣнію, мы не успѣли избѣжать нѣкоторыхъ досадныхъ опечатокъ. Просимъ читателей обратить вниманіе на ихъ списокъ.

Н. Страховъ.

5 дек.
1889 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Читать.
114	16 сн.	слѣдаются	сдѣлаются
118	15 »	1879	1878
120	10 »	1879	1878
130	12 »	1879	1878
144	17 »	Савиллой	Сивиллой
145	2 св.	Савилла	Сивилла
194	15 сн.	Вѣсьма	Весьма
353	5 »	voleus	volens
396	7 »	карательнаго	картельнаго
397	10 св.	карательнаго	картельнаго

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

I.

РОССІЯ И ФРАНКО-ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА.

(Дополненіе къ книгѣ «Россія и Европа»).

(*Заря*, 1871, янв.).

Существеннѣйшее содержаніе длиннаго ряда статей, помѣщенныхъ въ „Зарѣ" за 1869 годъ, подъ заглавіемъ „Россія и Европа", —не политическаго, а преимущественно историко-философскаго свойства. Тѣмъ не менѣе, однако же, въ нихъ приходилось разсматривать и вопросы чисто политическіе, оцѣнивать нѣкоторыя явленія политической жизни Европы въ ихъ отношеніи къ Россіи и Славянству—и, какъ бываетъ необходимо при разсматриваніи вопросовъ близкаго прошедшаго и настоящаго,—высказывать предположенія о будущемъ направленіи событій. Но вотъ совершаются на Западѣ событія первостепенной важности, которыя не могутъ оставаться безъ огромнаго вліянія на судьбы Славянства и Россіи. О вѣроятномъ характерѣ этого вліянія считаемъ себя такъ-сказать обязанными изложить наши мысли, ибо безъ этого весь взглядъ нашъ на политическія отношенія Россіи къ Европѣ долженъ бы показаться не полнымъ, потерявшимъ всякое современное значеніе, хотя собственно говоря ни въ чемъ существенномъ онъ не измѣняется. „Безъ ненависти и безъ любви", говорили мы, „равнодушные и къ красному и къ бѣлому, къ демагогіи и къ деспотизму, къ легитимизму и къ революціи, къ *Нѣмцамъ*, къ *Французамъ*, къ Англичанамъ, къ Итальянцамъ, къ *Наполеону*, *Бисмарку*, Гладстону, Гарибальди,—мы вѣрный другъ и союзникъ тому, кто хочетъ и можетъ содѣйствовать нашей единственной и неизмѣнной цѣли. Если цѣною нашего союза и дружбы мы дѣлаемъ шагъ впередъ къ освобожденію и объединенію Славянства, приближаем-

ся къ Цареграду,—не совершенно ли намъ все равно: купятся ли этою цѣною: Египетъ—Франціей или Англіей, Рейнская граница—Французами, или Вогезская—Нѣмцами, Бельгія—Наполеономъ, или Голландія—Бисмаркомъ?" *) Вотъ единственная точка зрѣнія, съ которой, по нашему мнѣнію, должны мы смотрѣть на политическую борьбу европейскихъ государствъ вообще, а слѣдовательно и на настоящую борьбу Франціи съ Пруссіей.

Воспользовались ли мы настоящимъ случаемъ, когда дружба наша была такъ нужна Пруссіи,—ибо что̀ бы стали дѣлать Пруссаки, если бы Россія, поставивъ 300,000 или 400,000 войска на границѣ Пруссіи, сказала стой нѣмецкимъ побѣдамъ?—приблизились ли мы къ достиженію нашихъ народныхъ цѣлей; не упустили ли и этого случая,—этого никто не зналъ до послѣдняго времени; но циркуляръ князя Горчакова успокоилъ всѣ опасенія, удовлетворилъ всѣмъ надеждамъ. Каковъ бы ни былъ результатъ франко-германской распри,—для насъ не осталась она безплодною, мы воспользовались ею, чтобы сбросить съ себя тѣ унизительныя ограниченія, которыми насъ опутали несправедливость и ненависть Европы. Циркуляръ князя Горчакова есть великое національное торжество, и не столько по непосредственно достигаемымъ имъ результатамъ, сколько по его великолѣпной, духъ возвышающей формѣ, и еще потому, что онъ составляетъ залогъ того, что наша политика перестала заботиться о томъ, „что̀ скажетъ княгиня Марья Алексѣвна", что она и впредь будетъ имѣть въ виду свои особыя русскія цѣли, которыя будутъ стоять для нея выше всего, и на всѣ остальныя событія міра, какъ бы ни были они сами по себѣ важны, будетъ смотрѣть какъ на побочныя обстоятельства, благопріятствующія или нѣтъ достиженію нашихъ, якобы своекорыстныхъ, цѣлей, а не поступаться ими какъ несвоевременными въ виду великихъ такъ называемыхъ общеевропейскихъ столкновеній и замѣшательствъ. Съ дней Екатерины Великой, когда она пользовалась замѣшательствомъ, производимымъ французскою революціею, для того чтобы докончить возвращеніе русскихъ земель изъ-подъ польскаго ига, мы не видали еще подобнаго примѣра, мы не умѣли, или не хотѣли, пользоваться ни честолюбіемъ Наполеона I, ни смутами 1848 года для достиженія своихъ особыхъ, русскихъ и славянскихъ цѣлей; и потому, нельзя не видѣть огромнаго шага впе-

*) *Россія и Европа*, изд. 4-е, стр. 481, 482.

редъ въ томъ, что захотѣли и съумѣли воспользоваться честолюбіемъ Пруссіи и Бисмарка. Былъ ли этотъ шагъ результатомъ предварительнаго соглашенія съ геніальнымъ руководителемъ Прусской политики, или это сюрпризъ и для него, на который онъ принужденъ дѣлать bonne mine à mauvais jeu—сущность дѣла отъ этого не измѣняется. Но оставимъ это блистательное дѣйствіе русской политики и обратимся къ разсмотрѣнію, какое отношеніе имѣютъ настоящія событія сами по себѣ, по необходимой силѣ вещей, помимо всякаго съ нашей стороны содѣйствія или поротиводѣйствія, къ тому, что̀ составляетъ настоящую политическую задачу Россіи. Ибо, какъ мы уже говорили, хотимъ ли мы или не хотимъ, а за разрѣшеніе ея придется приняться, по нашему ли почину, или слѣдуя непреоборимому историческому потоку.

Но прежде бросимъ безотносительный взглядъ на дѣйствія Пруссіи, потому что въ этомъ отношеніи высказывается, по нашему мнѣнію, много невѣрнаго и несправедливаго смотрящими съ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Съ одной стороны сыплются на Пруссію и на руководителя ея политики самые разнообразные укоры; даже воинственный и политическій энтузіазмъ Нѣмцевъ охуждается, какъ нѣчто недостойное этой велемудрой націи. Громко и откровенно выражаемое ею желаніе возобновить Германскую имперію славныхъ временъ Гогенштауфеновъ служитъ текстомъ для нападеній и порицаній разыгравшагося нѣмецкаго патріотизма. Не питая ни малѣйшей симпатіи ни къ Германіи вообще, ни къ Пруссіи въ частности, ибо, сообразно указаніямъ исторіи, видимъ въ нихъ главныхъ и прямыхъ враговъ Славянства, мы думаемъ однако же, что безпристрастіе не позволяетъ раздѣлять этихъ порицаній. Дѣйствія Пруссіи и Бисмарка заслуживаютъ удивленія и подражанія, ибо цѣль ихъ, объединеніе нѣмецкаго племени въ одно сильное политическое цѣлое,—и законна и справедлива, и сообразна съ главнымъ токомъ историческихъ событій XIX столѣтія, направляющимъ всѣ великія народныя движенія къ цѣлямъ національнымъ, какъ было нами показано и доказано въ своемъ мѣстѣ. Неужели гнѣваться на нѣмцевъ за то, что они смѣло и ловко ведутъ свое историческое дѣло? По нашему мнѣнію, въ общихъ чертахъ и Пруссія и Бисмаркъ не заслуживаютъ ничего другаго, кромѣ удивленія и подражанія. Въ одномъ только отношеніи дѣйствія Пруссаковъ возбуждаютъ справедливое негодованіе — это ихъ варварскій способъ веденія войны, огранизо-

ванный грабежъ городовъ и селъ для доставленія тевтонскимъ воинамъ не необходимаго только пропитанія, а сигаръ и шампанскаго, сожженіе цѣлыхъ селеній съ женщинами и дѣтьми, разстрѣливаніе взявшихся за оружіе для защиты своего отечества. Эти дѣйствія вполнѣ оправдываютъ данное пруссакамъ Герценомъ прозваніе ученыхъ варваровъ. Насъ впрочемъ это нисколько и не удивляетъ и кажется совершенно въ порядкѣ вещей; мы ничего другаго и не ожидали отъ прирожденной насильственности истинныхъ представителей германскаго племени. Хорошъ однако же прогрессъ въ теченіе 56 лѣтъ, прошедшихъ между настоящимъ и предшествовавшимъ ему вторженіемъ иноземцевъ во Францію, съ 1814 по 1870 годъ! Но тогда во главѣ вторгнувшагося ополченія стояла варварская Россія, отмщавшая за пожаръ Москвы, за взрывъ Кремля; теперь же высоко-цивилизованной Пруссіи развязаны руки, никто не мѣшаетъ ей взрывать Іенскій мостъ.

Съ другой стороны, также неосновательно обвинять Францію, или даже одного Наполеона, за начало настоящей войны, видѣть въ нихъ безпричинныхъ нарушителей европейскаго мира. Никто добровольно не отказывается въ политикѣ отъ высоты занимаемаго имъ положенія. Не совершенно ли понятно, что Франція должна была стараться воспрепятствовать не только объединенію на ея восточной границѣ 38-милліонной Германской Имперіи, но еще распространенію ея вліянія на Пиренейскій полуостровъ? Не подобное ли дѣйствіе Людовика XIV возбудило нѣкогда тринадцатилѣтнюю войну за испанское наслѣдство, восхваляемую всѣми историками за возстановленіе ею нарушеннаго Франціею политическаго равновѣсія? Конечно, родственныя и династическія связи между монархами не имѣютъ теперь такого значенія, какъ за полтораста лѣтъ тому назадъ. Но вліянія этого все-таки нельзя отрицать, все еще оно довольно значительно, особливо въ началѣ царствованія новой династіи, пока она не усвоитъ себѣ вполнѣ характера и интересовъ той народности, во главѣ которой поставлена, пока не утратитъ, съ теченіемъ времени, своихъ прежнихъ семейныхъ и національныхъ преданій и пристрастій. Хотя личная политика государей имѣла въ Англіи ограниченный кругъ дѣятельности, по самому государственному устройству ея съ самаго 1689 года — не придавали ли, въ теченіе долгаго времени, особой окраски внѣшней политикѣ ея—Голландское происхожденіе Вильгельма III,

и Ганноверское—Георговъ? — Что европейскіе политики вовсе не равнодушны до сихъ поръ къ происхожденію кандидатовъ на вновь открывающіеся вакантные троны, служитъ доказательствомъ недавнее избраніе англійскаго принца въ короли Греціи. И такъ, Франція, начиная войну съ Германіей, была права съ точки зрѣнія политическаго равновѣсія, которое есть одинъ изъ жизненныхъ принциповъ европейской (Романо-Германской) системы государствъ, какъ мы доказывали это на своемъ мѣстѣ (см. „Заря" 1869 г. сентябрь, стр. 46—49). *) Германія, принуждая Францію объявить ей эту войну, была права съ точки зрѣнія интересовъ ея національности.

Но довольно о внутренней безотносительной политической правотѣ борющихся въ настоящее время соперниковъ. Перейдемъ къ гораздо болѣе для насъ интересному вопросу о вліяніи этой борьбы на наши русскіе и на нераздѣлимые отъ нихъ славянскіе интересы. И въ этомъ отношеніи, мы не можемъ согласиться съ мнѣніями, высказываемыми самыми вліятельными органами нашей печати. Одни видятъ въ успѣхахъ Пруссіи и въ униженіи Франціи предметъ непосредственнаго для насъ торжества, какъ въ отмщеніи за Севастопольскую невзгоду, за нанесенное намъ ею оскорбленіе, такъ и въ вѣроятности болѣе благопріятнаго поворота въ Восточномъ вопросѣ, черезъ содѣйствіе возвеличившейся Пруссіи. Другіе считаютъ усиленіе Германіи величайшею для насъ опасностью, грозящею намъ величайшими бѣдствіями.—Первое мнѣніе просто смѣшно. Крымская война, много повредившая нашимъ интересамъ, не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что̀ могло бы оскорбить нашу народную гордость, а слѣдовательно и не требуетъ отмщенія съ точки зрѣнія народнаго гонора—вѣдь оборона Севастополя непохожа не только на Седанскую или Мецкую катастрофу, но даже и на пресловутую защиту Страсбурга.

Но если бы даже мы могли чувствовать себя оскорбленными, то мстить за такія оскорбленія предстоитъ только намъ самимъ, а никакъ уже не Пруссіи.

Этотъ способъ возстановленія народной чести оскорбительнѣе самой неудачно и дурно веденной войны. Недоставало еще того, чтобы Пруссія стала нашей покровительницей! Что же касается до болѣе благопріятнаго рѣшенія Восточнаго вопроса при содѣй-

*) «Россія и Европа», стр. 451—461.

ствіи Пруссіи, мы были того мнѣнія, что Пруссія была единственною возможною для нась въ этомъ дѣлѣ союзницею, и потому, что она по меньшей мѣрѣ столько же нуждалась въ насъ, сколько мы въ ней, и потому, что никакія воспоминанія, никакіе политическіе предразсудки насъ не раздѣляли. Завѣтныя желанія Пруссіи, перешедшія уже изъ области патріотическихъ мечтаній въ систематически осуществляемый планъ, — не могли быть исполнены безъ нашего допущенія, безъ нашего, пассивнаго по крайней мѣрѣ, содѣйствія; и за это допущеніе, за это содѣйствіе мы могли требовать если не всего, то многаго и весьма многаго — Пруссія ни передъ какими требованіями бы не отступила. Новѣйшія событія доказали вѣрность нашего взгляда; Пруссія сдѣлалась нашею союзницею въ Восточномъ вопросѣ: вольною или невольною, сознательною, или безсознательною—это въ настоящемъ случаѣ все равно. Но теперь допущеніе это уже сдѣлано и плата за него уплачена — достаточная или недостаточная—это другой вопросъ, на который отвѣтитъ будущее. Объединеніе Германіи совершилось; единственный дѣйствительно заинтересованный въ противодѣйствіи ему противникъ низверженъ. Пруссія, повидимому, уже достигла своего и, закрѣпивъ свои пріобрѣтенія блистательнымъ миромъ, сдѣлается совершенно свободною отъ нашего вліянія. Дѣйствіями ея будетъ руководить отнынѣ единственно то, что̀ считается ею сообразнымъ съ ея собственнымъ и обще-нѣмецкимъ интересомъ, безъ всякихъ уступокъ, которыми приходится покупать имѣющіяся въ виду выгоды, какъ въ частной, такъ и въ политической жизни, тѣмъ, кто еще не совсѣмъ оперился, не сталъ еще твердо на ноги.

Что германскіе интересы противны нашимъ, — объ этомъ распространяться нечего. Исконная борьба Нѣмцевъ съ Славянами, географическое положеніе Чехіи, теченіе Дуная, который Нѣмцы считаютъ, вопреки географіи, исторіи и этнографіи, такъ же точно своею рѣкою, какъ и дѣйствительно нѣмецкій Рейнъ, — служатъ достаточнымъ тому ручательствомъ. Сочувствіе Англіи увеличивающемуся политическому могуществу Нѣмцевъ составляетъ другой, не менѣе ясный и непреложный признакъ, что и въ собственно такъ называемомъ Восточномъ вопросѣ, въ вопросѣ о Турціи и Константинополѣ, нѣмецкіе интересы вполнѣ противоположны нашимъ.

Вообще, мнѣніе объ опасности для насъ возвышенія Германіи гораздо основательнѣе и серьезнѣе,—и, если принимать Россію за

одинъ изъ членовъ европейской семьи, считать ея интересы солидарными съ общеевропейскими интересами, какъ къ сожалѣнію это всегда дѣлается, то мнѣніе это даже и совершенно, безусловно справедливо. Несправедливымъ остается только самъ этотъ коренной взглядъ, лежащій въ основаніи почти всѣхъ сужденій о политической роли и судьбѣ Россіи. Опроверженію его, какъ съ общей культурно-исторической, такъ и съ спеціально-политической точки зрѣнія, посвятили мы всю нашу книгу, озаглавленную «Россія и Европа», и потому напомнимъ теперь только вкратцѣ развитое тамъ въ подробности.

Если бы мы могли на неопредѣленное время продолжать мирное жительство съ европейскими государствами на основаніи въ разное время установившихся трактатовъ, какъ одинъ изъ членовъ европейской семьи народовъ, устраняя, при постоянномъ миролюбіи, то своевременною уступчивостію и непритязательностью, то твердостью политики, могущія отъ времени до времени возникать *„прискорбныя недоразумѣнія"*, какъ выражаются на языкѣ дипломатіи, что̀, конечно, было бы возможно при общности дѣйствительно существенныхъ интересовъ: тогда, конечно, возникновеніе могущественнаго и вмѣстѣ честолюбиваго государства у нашихъ границъ должно бы почитаться обстоятельствомъ вполнѣ неблагопріятнымъ, могущимъ нарушить идиллическій токъ нашей исторіи. Но къ сожалѣнію, или къ счастію, это не такъ. Противуположность нашихъ существеннѣйшихъ интересовъ съ интересами европейскими — самая положительная, самая коренная, ничѣмъ не устранимая. Мы — представители Славянства, и въ качествѣ таковыхъ должны содѣйствовать его политическому освобожденію изъ-подъ нѣмецкаго, изъ-подъ мадьярскаго и изъ-подъ турецкаго гнета и, затѣмъ, его политическому объединенію, дабы доставить тѣмъ и себѣ и ему достаточную силу сопротивленія противъ всякихъ грядущихъ политическихъ невзгодъ. Такова наша историческая роль, и если бы даже мы сами ея не поняли, или не хотѣли понять, другіе понимаютъ за насъ, и постараются, при всякомъ удобномъ случаѣ, вредить намъ, чтобы препятствовать исполненію этой нашей исторической задачи. — Всѣхъ бдительнѣе въ этомъ отношеніи Англія, которая, кромѣ общеевропейскихъ, имѣетъ свои особыя причины опасаться насъ въ Азіи. Благодаря своему политическому искусству и особенностямъ своего островнаго положенія, она издавна уже руководитъ общимъ ходомъ европейской поли-

тики. Вспомнимъ войны противъ Людовика XIV и XV, противъ республики и первой Имперіи, Восточную войну, послѣднее польское возстаніе... Да что приводить частные примѣры—можно сказать, что съ конца XVII столѣтія не было въ Европѣ политическаго событія, которое въ концѣ концовъ не разрѣшалось бы сообразно видамъ и интересамъ Англіи, причемъ орудіями ея служили попеременно то одно, то другое континентальное государство, то нѣсколько вмѣстѣ. — До низверженія Наполеона I цѣлью Англіи было ослабленіе и униженіе Франціи, съ 1815 же года, или по крайней мѣрѣ съ начала двадцатыхъ годовъ,—мѣсто Франціи заняла Россія. Зная проницательность Англіи и упорство ея въ достиженіи своихъ цѣлей, можно ручаться, что ею не упустятся случаи вредить Россіи и, при представившейся возможности, возбуждать противъ нея Европу,—а такіе случаи, или предлоги, доставятъ всегда въ изобиліи и Турція, и Греція, и Сербія, и Румунскія Княжества, и Чехія, и Польша, и пожалуй даже Остзейскія провинціи. Надо только, чтобы что-нибудь ближайшее, насущнѣйшее не занимало собою Европы.

Вотъ почему мѣ думаемъ, что: 1) борьба съ Европой во всякомъ случаѣ неизбѣжна, что 2) всякое нарушеніе политическаго равновѣсія въ Европѣ выгодно для Россіи.

Положенія эти были подробно доказаны въ своемъ мѣстѣ; теперь намъ надо только разсмотрѣть, какъ и въ чемъ видоизмѣняются они возвышеніемъ Пруссіи и униженіемъ Франціи.

Прежде и главнѣе всего, думаемъ мы, сложныя, запутанныя отношенія между Европой и Россіей этимъ упрощаются; — отдергивается еще одно покрывало, снимается еще одна маска; истинныя отношенія разъясняются; настоящіе враги становятся лицомъ къ лицу; политическіе предразсудки и предубѣжденія окончательно разсѣеваются силою событій, подобно тому, напримѣръ, какъ марево Священнаго союза разсѣялось во время Восточной войны. Объ отношеніяхъ Россіи къ Франціи мы говорили („Заря" 1869 г. окт. 71—74)*). „Между Россіей и Франціей стоитъ цѣлый рядъ предразсудковъ, уже издавна препятствующихъ имъ сблизиться. Со стороны Франціи это предразсудокъ польскій и католическій, со стороны Россіи предразсудокъ нѣмцелюбія и легитимизма, или ненавидѣнія революціи. Рядъ напрасныхъ столкновеній, натянутыхъ, недружелюбныхъ

*) «Россія и Европа», стр. 493—496.

отношеній, ратное товарищество французовъ и поляковъ, польскія агитаціи, сочувствіе къ политическимъ изгнанникамъ—обратились въ Россіи въ политико-дипломатическое преданіе, во Франціи въ настоящій народный предразсудокъ, не способный уже выслушивать голоса здраваго политическаго разсчета". Такое, почти полтораста лѣтъ длящееся, политическое недоразумѣніе, въ которомъ обѣ стороны виноваты, объясняемъ мы требованіями высшей исторической логики. „Франція"—говорили мы,—„есть истинный, такъ сказать нормальный представитель Европы, главный практическій проявитель европейскихъ идей съ самаго начала европейской исторіи и до настоящаго дня. Россія есть представитель Славянства. И вотъ, вопреки всѣмъ разсчетамъ политической мудрости, всѣмъ внушеніямъ здраво понятаго политическаго интереса, эти два государства, такъ сказать противъ своей воли, становятся почти постоянно враждебными соперниками съ самаго начала ихъ дѣятельныхъ взаимныхъ сношеній... и *этому антагонизму не нынче конечно предстоитъ кончиться*".

Объ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи мы выразили такое мнѣніе: „опять странное историческое явленіе, удивительная комбинація! Западные Славяне и Нѣмцы были въ теченіе всей европейской исторіи враждебны другъ другу. Первые были угнетателями, вторые—угнетенными, а властительная историческая судьба заставляетъ представителей германства и славянства—Пруссію и Россію, содѣйствовать другъ другу въ достиженіи ихъ повидимому противоположныхъ цѣлей. Пруссія, собственно говоря, возросла подъ крыломъ Россіи, и теперь можетъ на нее только опираться для довершенія германскаго единства, которое въ свою очередь становится первымъ звеномъ въ отдѣленіи Славянскаго отъ Нѣмецкаго... Въ теперешнемъ положеніи дѣлъ, Россія не можетъ имѣть другаго союзника, какъ Пруссія, точно такъ же, какъ Пруссія другаго союзника, какъ Россія. Такъ представляется дѣло на первыхъ порахъ. Чтò будетъ дальше — другой вопросъ. По достиженіи первыхъ успѣховъ, безобидныхъ для обѣихъ сторонъ, отношенія могутъ и вѣроятно должны перемѣниться". („Заря" 1869 г. октябрь, стр. 76—77) *). Вотъ эта-то перемѣна и совершается на нашихъ глазахъ. Первые успѣхи, безобидные для Россіи, могутъ считаться достигнутыми Пруссіею. Кое-что достигнуто и Россіей. Самая обидная

*) «Россія и Европа», стр. 498.

и вредная для Россіи статья Парижскаго трактата можетъ считаться уничтоженною. Конечно, достигнутые результаты не равны. Пруссія извлекла несравненно болѣе выгодъ отъ Россіи, чѣмъ Россія отъ Пруссіи, но она во всякомъ случаѣ достигла того, что отношенія ея къ Пруссіи перемѣнились по самой сущности дѣла. Антагонизмъ между Россіей и Франціей прекратился, ибо горькій опытъ на этотъ разъ кажется достаточно протрезвитъ Францію. Всѣ предразсудки ея: и польскій, и католическій, отступятъ на далекій задній планъ, когда дѣло идетъ о самомъ ея существованіи, какъ великой европейской державы, и о возстановленіи ея утраченнаго значенія. Надо надѣяться, что если еще не разсѣялись, тѣ въ скоромъ времени разсѣются и русскіе предразсудки. Россія также не замедлитъ узнать, кто ея дѣйствительный, настоящій, ненапускной врагъ. Мы подчеркнули въ сдѣланной выпискѣ слова: „и этому антагонизму не нынче конечно суждено кончиться"—чтобы выставить нашу грубую ошибку. Да! судьба была гораздо милостивѣе, чѣмъ можно было предполагать, разсѣявъ такъ быстро, такъ неожиданно туманъ, застилавшій глаза и Россіи и Франціи, заставлявшій ихъ враждовать, не потому, чтобы ихъ интересы были дѣйствительно противоположны, а такъ сказать по недоразумѣнію, дабы они слѣпо исполняли назначенную имъ политическую роль.

Роль романскихъ народовъ очевидно умаляется; ихъ, какъ первенцовъ европейской культуры, ранѣе должна постигнуть историческая дряхлость. Дѣятельная, передовая роль очевидно переходитъ къ болѣе молодымъ, чисто германскимъ племенамъ. Они должны будутъ главнымъ образомъ нести бремя, налагаемое европейскимъ историческимъ тягломъ. Съ ними, слѣдовательно, и предстоитъ преимущественно бороться Славянству.

Мы видѣли, какъ, со времени Восточной войны, борьба Россіи за Славянство, принимавшая временно форму борьбы противъ Турціи, получила свой настоящій характеръ борьбы противъ Европы, представителемъ которой являлась Франція, лично, индивидуально вовсе не заинтересованная въ борьбѣ противъ Славянства. Теперь исчезаетъ и это недоразумѣніе. Враждебная намъ вообще Европа сосредоточивается собственно въ чисто германскую ея половину; съ нею придется намъ въ будущемъ вести свои счеты.

Эти прямыя, незамаскированныя отношенія, при которыхъ врагами являются именно тѣ, интересы которыхъ дѣйствительно противоположны, имѣютъ большія, несомнѣнныя выгоды на своей

сторонѣ; они развязываютъ руки, позволяютъ идти прямой дорогой, освобождаютъ отъ необходимости принимать въ соображеніе разныя аттенціи, избавляютъ отъ неестественныхъ политическихъ комбинацій, при которыхъ одна сторона бываетъ всегда болѣе или менѣе одурачиваема. Мы испытывали это съ самой кончины Великой Императрицы, особенно же со времени Священнаго союза включительно до Восточной войны, во время которой фальшивыя отношенія наши къ Австріи, Пруссіи и вообще Германіи намъ всего болѣе повредили. Не надѣясь на нихъ, Россія или отклонила бы войну, или лучше бы къ ней приготовилась, и, отбросивъ опасенія нарушить германскіе интересы, съ самаго начала иначе повела бы ее. Франція испытала то же самое во время ея entente cordiale съ Англіей, за чтò теперь и казнится. И до сихъ поръ наши отношенія къ Пруссіи, съ которою считаемъ себя связанными старинною дружбою, связывали и спутывали насъ какъ во внѣшней, такъ, можетъ быть еще болѣе, во внутренней политикѣ.

Другое вліяніе теперешней франко-нѣмецкой борьбы на русскія дѣла состоитъ въ томъ, что она необходимо должна приблизить послѣдній фазисъ Восточнаго вопроса. Справедливое сознаніе военной силы и политическаго искусства укрѣпилось въ умахъ нѣмецкаго народа рядомъ быстрыхъ, рѣшительныхъ успѣховъ, пріобрѣтенныхъ съ 1864 по 1870 годъ. Политическое честолюбіе разыгралось во всѣхъ сословіяхъ и, когда ближайшая цѣль этого честолюбія будетъ достигнута, то есть внѣ-австрійская Германія соединена въ одно цѣлое, и мнимо-нѣмецкія Эльзасъ и Лорень къ ней присоединены,—честолюбіе это не успокоится на этихъ первыхъ шагахъ и, по всѣмъ вѣроятностямъ, примется за осуществленіе дальнѣйшихъ цѣлей. Послѣ столь долгихъ стремленій соединиться въ могущественное политическое цѣлое, надо же этому цѣлому дать почувствовать свое могущество. Надо же и нѣмецкому народу разыграть наконецъ міроправительную роль, которая поочереди доставалась всѣмъ его сосѣдямъ. Противъ этого искушенія не устоять Нѣмцамъ, тѣмъ болѣе, что многое ихъ къ тому приглашаетъ. Ежели бы *Сѣверогерманскій* союзъ и превратился въ *Германскій просто*, подъ именемъ Имперіи,—то все еще не будетъ онъ союзомъ *Всегерманскимъ*; внѣ его останется юго-восточная или Австрійская Германія—и тѣ Славянскія земли, которыя, какъ Чехія, по своему географическому положенію врѣзываются въ нее, и гдѣ неумѣвшая исполнить своей германской задачи Австрія допустила

зажиться, окрѣпнуть и получить вліяніе славянской мысли и славянскому движенію. Исключеніе Австріи изъ Германіи было конечно только предварительнымъ дѣйствіемъ, чтобы развязать руки Пруссіи, и, конечно, въ умахъ нѣмецкихъ патріотовъ не должно и не можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ отчужденіе отъ общаго великаго отечества 5-ти или 6-ти милліоновъ настоящихъ нѣмцевъ и освобожденіе изъ нѣмецкой власти и вліянія десятка милліоновъ Славянъ въ Чехіи, Моравіи, Штиріи, Каринтіи, Крайнѣ, Истріи. Такой ходъ дѣлъ былъ бы очевидно ко вреду общенѣмецкихъ интересовъ, и Пруссія, сдѣлавшая ихъ своими интересами съ того времени, какъ стала расширяться въ Германію, конечно не можетъ допустить въ нихъ такого ущерба, не потерявъ своего обаянія. Не можетъ еще и потому, что прибраніе къ нѣмецкимъ рукамъ такъ называемой Цислейтаніи окажется, подобно французской войнѣ, необходимымъ для сплоченія германскаго единства, для отвлеченія отъ внутреннихъ вопросовъ, для вознагражденія величіемъ, силою и блескомъ того, что̀ утрачено значительною долею нѣмецкаго народа въ экономіи, спокойствіи и свободѣ. Осуществленіе части этой задачи, то есть присоединеніе къ единой Германіи дѣйствительно нѣмецкихъ земель, каковы: Эрцгерцогство Австрійское, Тироль, Зальцбургъ, часть Штиріи и Каринтіи, нельзя даже не назвать справедливымъ и законнымъ. Но въ томъ-то и дѣло, что невозможно предположить, чтобы этимъ справедливымъ ограничилось прусско-нѣмецкое честолюбіе, оставивъ Славянскія земли устроиваться, какъ они сами пожелаютъ.

Это было бы не только сочтено всѣми Нѣмцами за измѣну нѣмецкому дѣлу, но даже просто не можетъ и войти въ нѣмецкую голову. А поглощеніе западныхъ Славянскихъ земель настоящею нѣмецкою державою, съ сильно возбужденнымъ національнымъ духомъ, въ то время, когда разлагающаяся Австрія обѣщаетъ имъ въ недалекомъ будущемъ самостоятельность и свободу, не можетъ быть терпимо Россіею, если въ ней есть капля политическаго смысла. Но если бы даже, вопреки всѣмъ своимъ выгодамъ, вопреки историческому смыслу своего существованія, Россія оказала самое грубое политическое непониманіе, самое непростительное равнодушіе къ судьбѣ западныхъ Славянъ, изъ этого непониманія и равнодушія вывело бы ее нарушеніе тѣхъ ближайшихъ интересовъ, которые она по историческому и дипломатическому преданію всегда причисляла къ насущнѣйшимъ вопросамъ своей политики; ибо при-

соединеніе къ Германской Имперіи западныхъ Австрійскихъ земель не могло бы совершиться безъ вознагражденія Австріи на Востокѣ, въ земляхъ, лежащихъ по нижнему Дунаю.

Есть, какъ извѣстно, еще другой предметъ нѣмецкаго честолюбія, который если и не ближе русскому сердцу, то непосредственнѣе касается спеціально русскихъ государственныхъ интересовъ. Это наши прибалтійскія губерніи. Насъ не можетъ успокоивать то, что прусскимъ государственнымъ людямъ очень хорошо извѣстно, насколько эти губерніи нѣмецкія. Если бы это обстоятельство и могло воздержать отъ враждебной иниціативы руководителей прусской политики,—они были бы вынуждены къ ней общественнымъ мнѣніемъ Германіи, наиболѣе враждебнымъ изо всего сонма враждебныхъ намъ европейскихъ мнѣній. Но плоха надежда и на прусскихъ государственныхъ людей, когда принадлежность Эльзаса и Лорени въ незапамятныя времена къ Германской Имперіи служитъ для нихъ достаточнымъ поводомъ для присоединенія ихъ къ теперешней Германіи, несмотря на рѣшительное офранцуженіе тамошняго населенія. Вѣдь забываютъ же эти государственные люди, что одно изъ двухъ: или этнографическій, или историческій принципъ долженъ лежать въ основаніи государственнаго права, что они несовмѣстимы, что этакъ и мы можемъ потребовать себѣ Померанію и островъ Рюгенъ, потому что нѣкогда были они поприщемъ славянской жизни и культуры. Почему же не прибѣгнуть для оправданія честолюбивыхъ замысловъ еще къ третьему—культурному принципу? Развѣ нѣмецкая культура прибалтійскихъ губерній не перевѣситъ въ ихъ глазахъ не-нѣмецкій племенной составъ массы ихъ народонаселенія и отсутствіе всякаго на нихъ историческаго права? Возможно ли сомнѣваться, по всѣмъ этимъ причинамъ, что современемъ остзейскій вопросъ сдѣлается въ рукахъ нѣмцевъ тѣмъ, чѣмъ былъ вопросъ польскій въ рукахъ французовъ?

Или западно-славянскій, или остзейскій вопросъ начнутся, какъ только успѣетъ отдохнуть Германія отъ напряженій, которыхъ ей стоитъ французская война (предполагая конечно, что она удачно кончится для Нѣмцевъ). Ей некуда болѣе обратить своего честолюбія, и ничто не можетъ такъ цементировать зданіе возникшей Ново-Германской Имперіи, такъ упрочить въ ней преобладаніе прусскаго элемента, какъ именно война противъ Россіи. Вспомнимъ, что этою цѣною даже столь ненавистный въ глазахъ Европы бона-

партизмъ съумѣлъ легитимировать себя въ ея глазахъ. Мы видимъ, что въ войнѣ противъ Франціи, съ тѣхъ поръ, какъ она потеряла характеръ войны противъ Наполеона, есть по крайней мѣрѣ одинъ изъ общественныхъ элементовъ Германіи—элементъ соціально-демократическій, который симпатизируетъ побѣжденнымъ. Въ войнѣ противъ Россіи не будетъ и этого разногласія, единомысліе будетъ полное.

Но это ускореніе борьбы, разумѣемой нами подъ общимъ именемъ Восточнаго вопроса,—борьбы во всякомъ случаѣ неминуемой, скорѣе полезно, чѣмъ вредно для Россіи, ибо настоящія событія уже въ достаточной мѣрѣ раскрываютъ намъ глаза, достаточно предупреждаютъ насъ и даютъ время приготовиться. Сама же борьба съ Нѣмцами болѣе, чѣмъ что-либо на свѣтѣ, послужитъ къ отрезвленію нашего взгляда, къ уясненію нашихъ истинныхъ народныхъ интересовъ. Она, и только одна она, разорветъ наконецъ вполнѣ ту сѣть, которою была опутанна русская политика вотъ уже три четверти столѣтія. Крымская война распутала ее только отчасти именно по отношенію къ Австріи. Покуда Пруссія нуждалась въ насъ, мы служили ея интересамъ какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ, даже въ столь независимой отъ политики вещи, какъ въ направленіи желѣзно-дорожныхъ линій, и поэтому нельзя не назвать счастливымъ того историческаго момента, съ котораго Пруссія перестанетъ въ насъ нуждаться и прямо выскажетъ тѣ чувства, которыя до поры до времени считала для себя полезнымъ и необходимымъ маскировать. Пусть хоть сама она сдернетъ надѣтыя намъ на носъ нѣмецкія очки, если мы никакъ не хотимъ снять ихъ добровольно.

Вообще, несмотря на нашу европейскую репутацію тонкихъ дипломатовъ и искусныхъ политиковъ, мы, въ сущности, политики самые плохіе, по крайней мѣрѣ со смерти Великой Императрицы, потому что чужіе интересы почти всегда считали важнѣе своихъ; и вотъ почему для насъ гораздо выгоднѣе прямая открытая игра, чѣмъ политическія жмурки. До такой степени выгоднѣе, что даже неудачная на первый разъ война съ Нѣмцами (ибо въ сущности мы все-таки гораздо сильнѣе ихъ) принесла бы намъ огромную пользу. Она заставила бы тѣснѣе соединить наши интересы съ интересами западныхъ и южныхъ Славянъ, заставила бы видѣть въ нихъ нашихъ естественныхъ союзниковъ, помогать которымъ всѣми силами насъ заставляетъ не только честь и совѣсть, но

самые ближайшіе, наисущественнѣйшіе интересы; а въ дѣлахъ міра сего это, къ сожалѣнію, весьма и весьма много значитъ. Во внутреннихъ дѣлахъ она показала бы, кого мы должны считать нашими злѣйшими врагами, и развила бы наконецъ den trotzigen Widerstandgeist противъ Нѣмцевъ, какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ.

Но, кромѣ этихъ соображеній, по которымъ ускореніе борьбы скорѣе полезно, чѣмъ вредно для Россіи, главное заключается въ томъ, что для насъ весьма выгодно, если приступъ къ рѣшенію Восточнаго вопроса (подъ именемъ котораго мы разумѣемъ всякую борьбу съ Западомъ изъ-за русскихъ и славянскихъ интересовъ) падетъ на время нарушенія политическаго равновѣсія Европы; когда, по пословицѣ: своя рубашка къ тѣлу ближе,—внутренніе раздоры, взаимныя обиды европейскихъ народовъ на болѣе или менѣе продолжительное время отвлекутъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ ихъ общей вражды къ Славянству. Это ведетъ насъ къ разсмотрѣнію третьяго вліянія франко-прусской войны на русскіе интересы, чрезъ посредство вліянія ея на политическое равновѣсіе европейскихъ государствъ.

Мы говорили («Заря» 1869, октябрь, стр. 67)*): «Вліяніе политическаго равновѣсія Европы и его нарушенія на судьбы Россіи можно выразить слѣдующею формулою: при всякомъ нарушеніи равновѣсія, Европа естественно раздѣляется на двѣ партіи, на нарушителя съ держащими волею или неволею его сторону, и на претерпѣвшихъ отъ нарушенія, стремящихся возстановить равновѣсіе. Обѣ эти партіи, естественнымъ образомъ, стараются привлечь на свою сторону единственнаго сильнаго сосѣда, находящагося, по сущности вещей (каковы бы ни были впрочемъ формы, слова и названія), внѣ ихъ семьи, внѣ ихъ системы. Обѣ партіи заискиваютъ, слѣдовательно, въ Россіи. Одна ищетъ у ней помощи для сохраненія полученнаго преобладанія, другая—для освобожденія отъ власти, вліянія или опасности со стороны нарушителя. Россія можетъ выбирать по произволу. Напротивъ того, при существованіи равновѣсія, политическая дѣятельность Европы направляется наружу,—и враждебность ея противъ Россіи получаетъ свой полный видъ. Тутъ, вмѣсто двухъ партій, наперерывъ заискивающихъ въ Россіи, Европа сливается въ одно—явно или тайно враждебное Россіи цѣлое».

*) «Россія и Европа», стр. 488.

Два примѣра изъ новой исторіи: вбйны Наполеона I и Восточная война вполнѣ подходятъ подъ эту формулу. Но всякая формула видоизмѣняется черезъ подставленіе на мѣсто ея общихъ знаковъ опредѣленныхъ величинъ, видоизмѣняется иногда до неузнаваемости. Такъ въ настоящемъ случаѣ видоизмѣненіе заключается въ томъ, что первая половина ея, выраженная словами: *одна партія ищетъ у Россіи помощи для сохраненія полученнаго ею преобладанія* (какъ Наполеонъ послѣ Тильзитскаго мира), оказывается какъ бы несправедливою, или—продолжая нашу математическую метафору—обращается въ нуль отъ внутренняго значенія подставленныхъ въ нее опредѣленныхъ величинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Пруссія, нуждаясь еще въ благосклонномъ нейтралитетѣ Россіи, пока не одолѣетъ энергическаго сопротивленія Франціи,—осиливъ его и обратившись въ Германскую Имперію, не будетъ имѣть никакой особенной надобности въ поддержкѣ Россіи для сохраненія полученнаго ею преобладанія, потому что не имѣетъ ни малѣйшаго основанія предвидѣть образованіе противъ себя европейской коалиціи.

Англію, бывшую издавна душою всѣхъ коалицій, не можетъ нисколько тревожить усиленіе Германіи, потому что Германія не имѣетъ ни флота, ни колоній, и слѣдовательно долго еще не можетъ быть ея соперницею въ другихъ частяхъ свѣта, какъ въ былыя времена Испанія, Голландія и Франція, противъ которыхъ она вела столь упорныя войны, и какъ въ настоящее время Америка и Россія. Такое положеніе дѣлъ продолжится до тѣхъ поръ, пока Германія не вздумаетъ присоединить къ себѣ Голландіи. И вотъ причина, почему она не сдѣлаетъ этого, или сдѣлаетъ послѣ всего, достигнувъ всѣхъ своихъ прочихъ цѣлей, хотя никакое другое пріобрѣтеніе не могло бы поставить Германію на такую высоту могущества, какъ именно пріобрѣтеніе Голландіи, которое доставило бы ей устья Рейна, значительный флотъ, верфи, открытыя гавани, великолѣпныя, послѣ англійскихъ самыя обширныя и богатыя колоніи, и сверхъ всего этого предоставило бы ей огромные, вѣками скопленные капиталы и соединенное съ ними денежное вліяніе. Съ присоединеніемъ Голландіи, Германія скоро могла бы сдѣлатьсяс трашною для Англіи, и тогда, безъ сомнѣнія, видѣли бы мы полное оправданіе нашей формулы, какъ во времена Наполеона I.

Но пока, могущество Германіи не только нимало не опасно для

Англіи, а напротивъ того можетъ служить самымъ удобнымъ для нея орудіемъ. Побѣдивъ къ началу XIX столѣтія всѣхъ своихъ морскихъ соперниковъ, Испанію, Голландію и Францію,— Англія увидала новаго соперника въ Россіи, хотя и чисто континентальнаго, но который, по своему географическому положенію и вліянію на востокѣ, могъ быть ей столько же, и даже болѣе опасенъ, чѣмъ самая могущественная морская держава на томъ именно материкѣ, на которомъ преимущественно сосредоточены ея интересы. Поэтому, почти съ самаго низверженія первой французской имперіи враждебность Англіи обратилась противъ Россіи. Предлогами служили ей то пагубное вліяніе Россіи на свободу европейскихъ народовъ, то алчные виды Россіи на Турцію, то усилія ея къ порабощенію героическихъ кавказскихъ народовъ, то горькая участь Польши и т. д. Отношенія Россіи къ Германіи, которыя въ сущности парализировали всѣ истинно народныя стремленія нашей политики, имѣли однако же видъ грознаго и непоколебимаго союза, главою котораго какъ будто бы была Россія. Поэтому Англія соединилась узами дружбы съ своимъ исконнымъ врагомъ—Франціею, которымъ и пользовалась насколько могла. Но союзъ съ Франціей былъ во всякомъ случаѣ un pis aller, во-первыхъ потому, что, собственно говоря, русскіе и французскіе интересы не были существенно противуположны на востокѣ, и слѣдовательно, туманъ обоюдныхъ предразсудковъ, мѣшающій обѣимъ понять это, могъ разсѣяться при извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ это и случилось въ 1807 и 1828 годахъ; во-вторыхъ потому, что Франція, не будучи сосѣдкой Россіи, не могла употребить противъ нея всей своей сухопутной силы. Все это упрощается и улаживается съ возникновеніемъ сильной могущественной Германіи. Англія, слѣдовательно, если и не всегда, то еще долго будетъ другомъ и пособникомъ, а не врагомъ и соперникомъ Германіи.

Чтó касается до Австріи, то конечно, казалось, не могло бы не страшить ея усиленіе возникшей на ея счетъ Германіи, изъ которой она исключена, и въ которую можетъ быть отчасти включена вновь не иначе, какъ на вассальныхъ отношеніяхъ къ Пруссіи, по раздробленіи и перенесеніи ея политическаго центра тяжести изъ нѣмецкихъ земель въ венгерскія, собственно говоря даже не иначе, какъ черезъ превращеніе Австріи въ Венгрію. Это усиленіе прежней ея соперницы Пруссіи дѣйствительно и пугало бы Австрію, если бы она уже не перестала быть государствомъ, хотя бы даже

искусственнымъ, и не обратилась, съ воцареніемъ дуализма, въ какую-то нелѣпую династико-дипломатическую комбинацію, державщуюся одной эквилибристикой, какъ балансеръ на канатѣ. Съ этого времени потеряла она даже самое имя свое, — она болѣе не Австрія, а какая-то соединенная Цисъ-и-Транслейтанія.— Человѣческій умъ уже такъ устроенъ, что онъ можетъ знать и понимать вещь только давъ ей имя; безъ этого и мыслить объ ней онъ не въ состояніи. Имя, названіе, номенклатура—великая вещь. Это—отраженіе дѣйствительности въ нашемъ разумѣ, и потому-то такъ и заботятся науки о точности, правильности и раціональности своей номенклатуры. Если, поэтому, понадобилось и вошло непримѣтно во всеобщее употребленіе такое, ни историческаго, ни этнографическаго смысла не имѣющее названіе, какъ Цисъ-и-Транслейтанія; то можно быть увѣреннымъ, что подъ этою нелѣпою номенклатурною оболочкою скрывается не менѣе нелѣпая сущность. И потому-то, что Австрія вовсе перестала быть политическимъ индивидуумомъ, хотя бы искусственнымъ, оживленнымъ не государственною идеею, а только временнымъ суррогатомъ идеи,— она и не можетъ имѣть своихъ настоящихъ индивидуальныхъ политическихъ интересовъ. Хотя и прежде, во времена Меттерниха, Баха, Шмерлинга, Белькреди, интересы Австріи были всегда интересами ложными, несоотвѣтствующими настоящимъ выгодамъ народовъ, соединенныхъ подъ Габсбургскимъ вѣнцомъ,—однако же такіе интересы *были*, *существовали*, и сообразная имъ политическая дѣятельность могла проявляться, и по временамъ весьма сильнымъ даже образомъ. Теперь ихъ нѣтъ вовсе, они перестали существовать,—а съ тѣмъ вмѣстѣ парализировалась и всякая возбуждаемая ими дѣятельность. Австрія представляетъ собою колесницу, влекомую щукой, ракомъ и лебедемъ. Эта басня—символъ, эмблема ея въ настоящій моментъ ея развитія—или правильнѣе ея разложенія. Результатъ дѣятельности ея, — равнодѣйствующая всѣхъ этихъ въ разныя стороны направленныхъ стремленій,—нуль. И до тѣхъ поръ будетъ она находиться въ такомъ положеніи, пока какая либо внѣшняя сила не захватитъ, не втянетъ ее въ кругъ своего политическаго притяженія и не будетъ распоряжаться ея элементарными, потерявшими жизненную индивидульность силами. Весьма вѣроятно, что этою внѣшнею силою будетъ Прусско-Германская. Сама по себѣ Австрія не можетъ ничего. Если бы она была способна къ какой бы то ни было политической самодѣятельности, не заставилъ ли бы ее самый очевидный и простой разсчетъ

стать на сторону Франціи и съ лихвою возвратить все, что она потеряла при Садовой? Но нѣмецкіе элементы Австріи на сторонѣ Пруссіи: они не хотятъ и не могутъ противодѣйствовать успѣхамъ и величію ихъ настоящаго Германскаго отечества. На сторонѣ Пруссіи же и мадьярскіе элементы, потому что проворливая и политически вышколенная мадьярская аристократія хорошо понимаетъ, что, только опираясь на нѣмецкую силу внѣ и внутри Австріи, могутъ Мадьяры поддерживать свое господство надъ Славянами, и тѣмъ отклонять неминуемое безъ этого поглощеніе Славянствомъ. Противодѣйствіе славянскихъ элементовъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, сдѣлало бы столь же невозможною самодѣятельную и сколько нибудь успѣшную помощь Австріи Германіи, но объ этой альтернативѣ намъ нѣтъ надобности теперь распространяться. Для нашей цѣли достаточно доказать, что Австрія не только не можетъ противодѣйствовать Германіи, но не можетъ даже и хотѣть этого.

Италія, наконецъ, умѣвшая весьма искусно воспользоваться всѣми совершившимися политическими комбинаціями для достиженія своихъ внутреннихъ цѣлей: Восточною войною для пріобрѣтенія симпатій Франціи и Англіи и положенія основаній своему единству и независимости, Австро-Прусскою войной—для пріобрѣтенія Венеціи, и наконецъ разгромомъ Наполеоновской Имперіи — для присоединенія Рима,—слишкомъ ослаблена своими напряженіями, чтобы оказывать какое нибудь дѣятельное вмѣшательство въ дѣла, происходящія по сю сторону Альпъ.—Притомъ же, пока Германія не вздумаетъ притянуть къ себѣ Австрійскихъ земель вплоть до береговъ Адріатическаго моря, и не уничтожитъ этимъ всякихъ надеждъ на присоединеніе Итальянской части Тироля. и всякихъ видовъ на дальнѣйшее расширеніе вдоль береговъ Адріатическаго моря, или не захватитъ Швейцаріи,—до тѣхъ поръ Италія можетъ такъ же мало тревожиться успѣхами нѣмцевъ, какъ и Англія, пока они не коснутся Голландіи. Съ другой стороны, конечно, не имѣетъ Италія никакихъ причинъ и благопріятствовать усиленію нѣмецкаго могущества. — Такимъ образомъ, Германіи нечего опасаться коалиціи нейтральныхъ европейскихъ державъ, имѣющей цѣлью обузданіе ея честолюбія и ослабленіе могущества, а слѣдовательно нечего и заискивать въ Россіи.

Мы видѣли изъ отношеній Англіи, Австріи и Италіи къ Германіи тѣ частныя причины, по которымъ усиленіе этой послѣдней не вызываетъ въ европейскихъ государствахъ того совокупнаго противо-

дѣйствія, результатомъ котораго постоянно бывало возстановленіе равновѣсія. Въ чемъ же заключается эта счастливая для Пруссіи или Германіи особенность? Отвѣтъ очень простъ — Особенность эта заключается въ томъ, что въ строгомъ смыслѣ этого слова — политическое равновѣсіе Пруссіею не нарушено, даже и послѣ блистательныхъ побѣдъ ея надъ Франціею; ибо объединеніемъ Германіи политическое равновѣсіе не только не нарушается, а получаетъ болѣе широкое основаніе, болѣе твердыя подпоры. Если съ перваго взгляда это представляется иначе, то лишь вслѣдствіе смѣшенія понятія о нарушеніи равновѣсія со всякими измѣненіями существовавшаго политическаго положенія вещей—такъ называемаго statu-quo. (См. «Заря» 1869 г. Сентябрь стр. 47—49) *). Но мы показали, что система политическаго равновѣсія имѣетъ положительный опредѣленный смыслъ, зависящій отъ этнографическаго состава и топографическаго положенія государствъ европейской системы, а не условная только комбинація, устанавливаемая на дипломатическихъ конгрессахъ, которые не менѣе войнъ и завоеваній нарушали истинное равновѣсіе. Въ самомъ дѣлѣ, обнаружившееся могущество Пруссіи произошло не вслѣдствіе внѣшнихъ завоеваній не-германскихъ земель, а вслѣдствіе превосходства военнаго устройства, административнаго порядка и внутренняго развитія. Если бы эти элементы силы въ той же мѣрѣ господствовали во всѣхъ земляхъ бывшаго Германскаго Союза, то онъ былъ бы еще могущественнѣе теперешняго, предводимаго Пруссіей, болѣе тѣснаго союза. Собственно говоря, Ново-Германская имперія—тотъ же Германскій Союзъ, только лучше устроенный и избавленный отъ дуализма, составлявшаго въ немъ элементъ слабости и разстройства. Но противъ усиленія политическаго могущества государствъ отъ такихъ причинъ нѣтъ другаго лекарства, какъ пользоваться даннымъ примѣромъ, т. е. прочія государства должны стремиться къ подобному же устройству и развитію заключающихся въ нихъ элементовъ силы и могущества. И вотъ, всѣ государства и послѣдовали уже этому примѣру; даже Англія намѣревается увеличить свои сухопутныя боевыя силы.

Пруссія не теперь усилилась, и даже не въ 1866 году—теперь она только обнаружила свои силы; ошибка и несчастіе Франціи въ томъ, что она не видѣла этихъ силъ и вызвала ихъ неосто-

*) «Россія и Европа». стр. 452—454.

рожно на бой, не организовавъ, не собравъ своихъ собственныхъ, которыхъ было бы, по меньшей мѣрѣ, вполнѣ достаточно для борьбы съ Германіей, какъ равнаго съ равнымъ. Это лучше всего доказывается геройскимъ сопротивленіемъ Франціи послѣ уничтоженія всѣхъ ея регулярныхъ армій, сопротивленіемъ, которое уже и теперь проявило бы блистательные результаты, если бы ихъ не парализировала въ значительной степени постыдная сдача Базена, освободившая не менѣе 200.000 нѣмецкихъ войскъ.

Пруссія была принуждена напрячь всѣ свои силы, чтобы поднять свое упавшее значеніе послѣ Іенскаго разгрома, и, сохранивъ введенное ею тогда устройство, и послѣ полученныхъ ею приращеній на Вѣнскомъ конгрессѣ, она могла считаться одною изъ пяти первостепенныхъ державъ Европы, несмотря на то, что по своему народонаселенію была вдвое слабѣе самаго малонаселеннаго изъ нихъ. Но другія государства, въ особенности же Россія, обладая гораздо большими средствами, все-таки превосходили Пруссію силою и могуществомъ и не прибѣгая къ такому всестороннему пользованію ими, и потому не считали нужнымъ вводить у себя ея превосходную военную систему. Рутина и привязанность къ старому не позволяютъ ни въ чемъ слишкомъ скоро проникать новизнѣ. Для Россіи, при существованіи крѣпостнаго права, эта система была даже просто невозможна. Пруссія воспользовалась стеченіемъ разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, какъ-то: нерасположеніемъ Россіи къ Австріи, вызваннымъ ея неблагодарнымъ образомъ дѣйствія въ крымскую войну, отчужденіемъ Россіи отъ европейскихъ дѣлъ вообще, вмѣшательствомъ западныхъ державъ во внутреннія дѣла Россіи по поводу Польскаго возстанія, благорасположеніемъ Англіи къ усиленію Германскаго могущества, ослѣпленіемъ Наполеона, и соединила Германію въ одно политическое цѣлое и тѣмъ удвоила свое народонаселеніе, обратившись изъ 19-милліоннаго въ 38-милліонное государство, въ которое вводитъ свою военную систему. Если эта система могла поставить прежнюю Пруссію почти въ уровень съ прочими великими державами, то, конечно, она стала теперь почти вдвое сильнѣе каждаго изъ нихъ, и по меньшей мѣрѣ сравнялась могуществомъ съ Россіей. Но очевидно, что это преобладаніе кратковременное, и можетъ продлиться только до тѣхъ поръ, пока подражаніе прусскому примѣру не возстановитъ прежняго отношенія между политическими силами государствъ; но нѣкоторый, и довольно значительный вы-

грышъ останется и послѣ этого на сторонѣ Пруссіи, потому что, воспользовавшись временнымъ превосходствомъ своихъ силъ, она успѣла образовать изъ сплоченной Германіи—государство равное Франціи по пространству и народонаселенію, и ея значеніе какъ первостепеннаго государства впредь не будетъ уже зависѣть отъ того, что прочія государства забываютъ пользоваться всею совокупностью находящихся у нихъ подъ руками средствъ, а будетъ опираться на твердыхъ и незыблемыхъ основаніяхъ.

Но, если первая половина нашей формулы оказывается невѣрною въ примѣненіи къ настоящему обнаруженію, такъ-сказать доселѣ подъ спудомъ скрывавшихся, нѣмецкихъ силъ; то зато вторая ея половина, выражающаяся словами: *„другая партія ищетъ помощи Россіи для освобожденія отъ власти, вліянія, или опасности со стороны нарушителя“*, вполнѣ оправдывается, и Россія въ теченіе довольно долгаго времени будетъ имѣть возможность пользоваться представляемыми ею выгодами.—Если Пруссію или опруссенную Германію и нельзя въ строгомъ смыслѣ считать нарушительницею равновѣсія; то она, тѣмъ не менѣе, будетъ казаться таковою съ спеціальной точки зрѣнія Франціи, и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ тягостнѣе будутъ предписанныя ей побѣдителемъ условія мира. Если и не нарушено равновѣсіе незаконнымъ усиленіемъ Пруссіи, то оно во всякомъ случаѣ нарушено ослабленіемъ Франціи, и Франція всегда будетъ искать союза съ Россіей для возстановленія своего прежняго положенія, своей прежней политической роли,—и такъ какъ это для нея вопросъ о жизни и смерти, то изъ-за помощи Россіи она будетъ готова поступиться въ весьма значительной степени своими предразсудками, какъ польскимъ, такъ и восточнымъ. Въ своемъ стѣсненномъ положеніи она легче пойметъ, что ея интересы въ сущности вовсе не противуположны интересамъ Россіи. При всякой борьбѣ съ Германіей, Россія можетъ поэтому разсчитывать на самую усердную помощь Франціи.

Но тутъ представляются два вопроса: 1) Не должна ли Россія, въ виду собственныхъ своихъ интересовъ, теперь же помочь Франціи избавиться отъ тяжелыхъ жертвъ, налагаемыхъ побѣдителями, отъ огромныхъ денежныхъ вознагражденій, отъ срытія крѣпостей, главное отъ территоріальныхъ уступокъ? 2) Можетъ ли ослабленная Франція быть дѣйствительно полезнымъ союзникомъ Россіи?

Мы не задумываемся отвѣтить отрицательно на первый изъ этихъ вопросовъ. Единственная выгода Россіи отъ избавленія Франціи

изъ ея тяжкаго положенія заключалась бы въ пріобрѣтеніи благодарности этой послѣдней; но горькій опытъ показалъ уже Россіи, какое ничтожное значеніе въ политикѣ имѣетъ это невещественное пріобрѣтеніе. Россія ли не спасала Австріи, не возлелѣивала Пруссіи, не охраняла Германіи, и что же? Образъ дѣйствія Австріи извѣстенъ, но, сверхъ сего, нигдѣ общественное мнѣніе, не исключая самой Англіи, такъ не враждебно Россіи, какъ именно въ этихъ облагодѣтельствованныхъ ею странахъ.

Но допустимъ, что Французы оказали бы болѣе политическаго благородства, чѣмъ Нѣмцы. Для чего Россіи добывать значительными жертвами и усиліями, безъ которыхъ не обошлась же бы война съ Германіей, то, что̀ ей достается по стеченію обстоятельствъ даромъ,—я разумѣю помощь Франціи, при всякомъ будущемъ столкновеніи съ Германіей? Этого мало—можно даже съ увѣренностью сказать, что тягость условій, которыя наложатся на Францію, будетъ гораздо сильнѣе понуждать ее къ выгоднымъ для Россіи усиліямъ противъ Германіи, чѣмъ сколько могло бы сдѣлать чувство благодарности за избавленіе отъ этихъ тяжелыхъ условій.

Если бы Нѣмцы и Французы разошлись полюбовно, будетъ ли то при содѣйствіи Россіи, или безъ онаго,—то можно смѣло утверждать, что немного прошло бы времени, какъ они готовы бы были соединиться на общей для нихъ почвѣ Европейскихъ или Германо-Романскихъ интересовъ противъ Славянства и Россіи.

Не надо забывать, что и тѣ и другіе, и Романское и Германское племя, и Франція и Германія, въ сущности наши недоброжелатели и наши враги; только вражда послѣднихъ глубже, прямѣе, непосредственнѣе, и скажемъ необинуясь—резоннѣе, раціональнѣе. Съ освобожденіемъ и соединеніемъ Славянства, Романскіе народы ничего существеннаго не теряютъ, ибо ни одинъ изъ нихъ, за исключеніемъ развѣ Итальянцевъ, и то въ весьма ничтожной степени, никогда не можетъ разсчитывать на подчиненіе своей власти котораго либо изъ Славянскихъ племенъ. Между тѣмъ Нѣмцы лишаются черезъ это преобладанія надъ милліонами Славянъ, и всякой надежды на дальнѣйшее расширеніе своего владычества и вліянія на востокъ, на обширныя и плодородныя сосѣднія имъ страны, страны, которыя въ ближайшемъ будущемъ должны же перемѣнить своихъ неспособныхъ обладателей и сдѣлаться или свободными, или же подпасть подъ власть новаго насилія, которое можетъ быть только нѣмецкимъ. Вражда Герман-

скаго племени къ Славянамъ есть историческая необходимость, вражда же Романскихъ народовъ—только историческій предразсудокъ. Но предразсудокъ тѣмъ не менѣе существуетъ, и потому все, что̀ его разрушаетъ, или по крайней мѣрѣ ослабляетъ, для насъ полезно; а ничто въ такой мѣрѣ не можетъ содѣйствовать его разрушенію или по крайней мѣрѣ временному пріостановленію его дѣйствія, какъ враждебное столкновеніе Германіи съ Франціею. Чѣмъ болѣе слѣдовъ оно за собою оставитъ, тѣмъ долѣе продлится и его полезное для насъ дѣйствіе, состоящее въ томъ, что ближайшая вражда заститъ собою дальнѣйшую до такой степени, что на мрачномъ фонѣ ея — эта дальнѣйшая можетъ показаться если и не постоянною дружбой, то по крайней мѣрѣ временною пріязнью. Но, если наша собственная выгода нисколько не понуждаетъ насъ помогать Франціи, спасать ее изъ ея критическаго положенія, то мы не имѣемъ на это и никакихъ другихъ поводовъ болѣе безкорыстнаго свойства; ибо отношенія къ намъ Франціи, какъ впрочемъ и всѣхъ остальныхъ Европейскихъ государствъ, были всегда таковы, что Россіи нѣтъ ни малѣйшихъ основаній питать къ которому либо изъ нихъ чувства доброжелательства или благодарности.

Что̀ касается до втораго вопроса, то, для непотерявшихъ исторической памяти, на него не можетъ быть другаго отвѣта, кромѣ вполнѣ утвердительнаго. Какъ бы жестоко ни воспользовались Нѣмцы своими побѣдами, какъ бы тяжелы ни были условія мира, предписанныя хотя бы на развалинахъ Парижа,—ослабленіе Франціи никогда не можетъ дойти до той степени, до которой доведена была Пруссія послѣ Тильзитскаго мира. Пусть отнимутъ отъ Франціи не только Эльзасъ съ частью Лорени, но и всю эту послѣднюю провинцію; за всѣмъ этимъ Франція будетъ заключать въ себѣ все еще не менѣе 35.000,000 жителей, между тѣмъ какъ Пруссія, которой были оставлены только неполныя четыре провинціи: Пруссія, Бранденбургъ, Силезія и часть Помераніи, имѣла въ 1807 году какихъ нибудь 4 или 5.000,000 жителей. Число войскъ ея было ограничено съ небольшимъ въ 40,000 человѣкъ, крѣпости заняты французскими гарнизонами. Со всѣмъ тѣмъ, принявшись хорошенько, Пруссія такъ умѣла устроиться, что черезъ 6 лѣтъ послѣ этого она была уже въ состояніи оказать Россіи значительную помощь въ освобожденіи Германіи. Прибавимъ еще къ этому то, что воен-

ное устройство, которое ввели въ ней Штейнъ и Шарнгостъ, было тогда еще неиспробованнымъ теоретическимъ предположеніемъ, между тѣмъ какъ теперь оно яркій положительный фактъ, много разъ блистательно оправдавшійся на практикѣ. Можно ли послѣ этого сомнѣваться, что и Франція, въ теченіе немногихъ лѣтъ послѣ ея разгрома, успѣетъ настолько по крайней мѣрѣ оправиться и переустроиться, чтобы быть сильной помощницей Россіи?

Правда, что въ теперешнее время требуется гораздо болѣе средствъ на то, чтобы устроить и вооружить сильную боевую армію, чѣмъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія; но зато, промышленная и финансовыя силы Франціи, какъ бы ни была она ослаблена военнымъ разореніемъ и тяжкими мирными условіями, все-таки останутся внѣ всякаго сравненія выше тѣхъ, которыми могла располагать Пруссія послѣ 1807 года. Что эти силы и патріотическій и военный духъ Франціи несравненно выше, чѣмъ въ Пруссіи 1806 года, доказываетъ напряженность войны послѣ всѣхъ пораженій, понесенныхъ французскими арміями. Конечно, Францію постигла Седанская и Мецкая катастрофы. Говорятъ, что еще не было примѣра такихъ позорныхъ капитуляцій, ибо всегда какъ-то ближайшее къ намъ событіе принимаетъ большіе размѣры сравнительно съ тѣми, которыя уже отодвинулись на разстояніе исторической перспективы. Но не надо забывать, что въ 1806 году, послѣ одного проиграннаго сраженія,—вся Пруссія: войска, крѣпости, народъ такъ сказать сдались военно-плѣнными, представили собой одинъ огромный Седанъ. Правда, не было примѣра, если позволено такъ выразиться, столь блистательныхъ измѣнъ, какъ въ Мецѣ, такой деморализаціи арміи, такого нелѣпаго и позорнаго распоряженія военными силами страны; но все это искупается геройствомъ французскаго народа,—который, и послѣ разгрома всѣхъ организованныхъ силъ страны, до сихъ поръ заставляетъ колебаться участь войны, такъ что невозможно еще предсказать ея исхода. Поэтому, весь позоръ падаетъ единственно и исключительно на Наполеона и его правительство. Мы проводимъ эту паралель 1806 и 1870 года не для униженія Пруссіи, а для того, чтобы показать, что Франція представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо болѣе залоговъ на то, что она и захочетъ и съумѣетъ загладить всѣ свои неудачи, чѣмъ Пруссія 1806 года.

Безпристрастное и всестороннее разсмотрѣніе того вліянія, которое усиленіе Пруссіи, или что все равно—Германіи, должно

имѣть на Россію, на осуществленіе ея великой исторической задачи—освобожденія и соединенія всѣхъ славянскихъ народовъ,—въ главномъ опять-таки подтверждаетъ наше общее положеніе: что всякое нарушеніе политическаго равновѣсія между Европейскими государствами выгодно для Россіи; во всякомъ случаѣ, гораздо выгоднѣе внутренняго Европейскаго мира, всегда скрывающаго въ своихъ нѣдрахъ грозу противъ Россіи, готовую разразиться при всякомъ удобномъ для того случаѣ или предлогѣ. Грозы неизбѣжимъ мы правда и теперь, и даже вѣроятно грянетъ она еще скорѣе, чѣмъ безъ этого, но при болѣе выгодныхъ для насъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Мы говоримъ это во первыхъ потому, что наше положеніе будетъ гораздо благопріятнѣе въ общественномъ мнѣніи значительной части Европы. При искусномъ съ нашей стороны образѣ дѣйствій—борьба за самые священные интересы Славянства, которыхъ конечно не признаетъ Европа, получитъ въ глазахъ ея видъ борьбы противъ нѣмецкаго преобладанія, угрожающаго въ будущемъ и Даніи, и Голландіи, и Швейцаріи, и Италіи. Наводящее ужасъ страшилище грядущаго панславизма заслонится въ глазахъ многихъ уже возникшимъ пугаломъ пангерманизма. Во вторыхъ, мы всегда можемъ разсчитывать, что Франція будетъ на нашей сторонѣ, а Италія останется нейтральною, тогда какъ, при враждебности намъ и Англіи, и Франціи, Италія, лишенная всякой точки опоры, для сохраненія своего нейтралитета, должна бы необходимо за ними послѣдовать.

Конечно, прежде и главнѣе всего мы должны принять внутри всѣ необходимыя предосторожности, собрать, приготовить, устроить и увеличить всѣ свои силы, но это необходимо во всякомъ случаѣ; теперешній же разгромъ Франціи служитъ для насъ громкимъ, взывающимъ и вопіющимъ, но вѣроятно уже послѣднимъ предостереженіемъ, и призывъ всѣхъ сословій къ равномѣрному участію въ военной службѣ позволяетъ надѣяться, что—гласъ этотъ не будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Хотя, такимъ образомъ, нарушеніе политическаго равновѣсія въ пользу Пруссіи и Германіи имѣетъ для насъ ту невыгодную сторону, что, вслѣдствіе изложенныхъ выше обстоятельствъ, Россія не имѣетъ выбора между сторонами побѣдившей и побѣжденной для заключенія съ любой изъ нихъ такого союза, который содѣйствовалъ бы ей въ достиженіи ея національныхъ цѣлей; но это обстоятельство въ сущности не такъ невыгодно для Россіи, какъ можетъ

показаться съ перваго взгляда. Союзъ могущественной Франціи съ могущественною Россіею, искренно заинтересованныхъ во взаимномъ охраненіи ихъ совокупнаго преобладанія, былъ бы конечно самою выгодною для насъ политическою комбинаціею, какъ показалъ короткій періодъ Тильзитской дружбы; но, къ сожалѣнію, побѣда Франціи безъ сомнѣнія возбудила бы съ новою силою предразсудки, которые до сего времени не только отчуждали Россію и Францію, но ставили ихъ почти постоянно во враждебныя отношенія, совершенно неоправдываемыя требованіями ихъ дѣйствительныхъ выгодъ. Съ другой стороны, побѣжденная, ослабленная Пруссія и вновь раздробленная Германія снова стали бы въ то отношеніе къ Россіи, въ которомъ, при кажущемся ея преобладаніи, она снова сдѣлалась бы, какъ во времена Священнаго союза, орудіемъ для достиженія нѣмецкихъ цѣлей, для охраненія нѣмецкихъ интересовъ. Тильзитская политика не могла бы возникнуть, и выборъ Россіи между побѣдителемъ и побѣжденнымъ остался бы чисто мнимымъ. Какъ внутри, такъ и внѣ Россіи и Франціи, замѣшано слишкомъ много интересовъ, заботящихся не допускать ихъ до сердечнаго соглашенія, слишкомъ много какъ польскихъ, такъ и нѣмецкихъ вліяній и зацѣпокъ самаго разнообразнаго свойства, пускающихъ въ ходъ всякаго рода пружины: династическія, аристократическія и демократическія. Франція, не найдя искренней поддержки въ Россіи своимъ честолюбивымъ видамъ, принялась бы по старому подогрѣвать польскія интриги. Россія, воображая себя угрожаемою революціонною или демократическою пропагандою, приняла бы такъ называемую строго консервативную политику нѣмецкой окраски. Напротивъ того, при побѣдѣ Германіи и временномъ ослабленіи и даже униженіи Франціи, всѣ эти предразсудки и вліянія должны потерять свою силу. Франція, имѣя возможность лишь въ одной Россіи найти опору для возстановленія своего политическаго положенія, поневолѣ откажется отъ поддержки мнимыхъ польскихъ интересовъ, когда самые существенные и дѣйствительные французскіе интересы станутъ имъ противуположны. Россія поневолѣ отступится отъ поддержки Пруссіи и Германіи, когда, снявъ маску, онѣ гордо станутъ преслѣдовать свои собственныя цѣли, идущія въ разрѣзъ съ самыми очевидными выгодами Россіи.

Кромѣ этого, есть еще и другая сторона, дѣлающая выгоднымъ для Россіи преобладаніе въ Европѣ Германіи и оттѣсненіе Франціи на второй планъ. Не смотря на весь вредъ, который Франція причи-

нила Славянамъ Балканскаго полуострова своею восточною политикою, а Славанамъ Австрійскимъ поддержкою польскаго и мадьярскаго элементовъ,—она все-таки пользовалась сочувствіемъ и расположеніемъ извѣстной части такъ называемой интеллигенціи въ различныхъ Славянскихъ земляхъ, а еще болѣе въ Румунскихъ княжествахъ. Этимъ расположеніемъ обязана она была: тому обаянію, которое получило имя ея въ глазахъ либераловъ со времени французской революціи; ея дѣйствительнымъ услугамъ національно-либеральному дѣлу въ Италіи; либеральной фразеологіи ея писателей, ораторовъ и государственныхъ людей, а также многимъ дѣйствительно симпатическимъ сторонамъ французскаго національнаго характера. Все это заставляло надѣяться многихъ Славянъ, что и на нихъ распространитъ она покровительство трехцвѣтнаго знамени. Конечно это не болѣе какъ самообольщеніе, обманъ, ибо и въ глазахъ французовъ, какъ и всѣхъ прочихъ европейцевъ, плоды свободы ростутъ и зрѣютъ не для Славянъ; но тѣмъ не менѣе соблазнъ дѣйствовалъ. Вотъ этого-то соблазна, по счастію, совершенно лишены Нѣмцы, лишены его по политическимъ интересамъ нѣмецкаго народа, діаметрально противуположнымъ интересамъ Славянъ, по издревле ведущейся между ними, подъ разными видами культуртрегерства, исторической борьбѣ, и наконецъ по самому нѣмецкому характеру, антипатичному для всѣхъ, вступающихъ съ Нѣмцами въ ближайшее столкновеніе народовъ. Въ этомъ я сошлюсь, кромѣ Славянъ, на Итальянцевъ, на нашихъ Эстовъ и Латышей, и наконецъ даже на родственныя нѣмцамъ скандинавскія племена. Эта разница въ оцѣнкѣ національныхъ характеровъ Французовъ и Нѣмцевъ другими народами всего яснѣе выражается при теперешнихъ обстоятельствахъ. Какъ только былъ низвергнутъ всѣмъ опротивѣвшій Наполеонъ, повсемѣстно стали обнаруживаться симпатіи къ Франціи; Бельгійцы, не смотря на то, что Франція угрожала независимости ихъ отечества, до такой степени обнаружили свое дружелюбное расположеніе къ Франціи, что Нѣмцы вздумали даже считать это за нарушеніе нейтралитета. Итальянцы высылаютъ своихъ волонтеровъ сражаться за Францію подъ предводительствомъ своего національнаго героя. Швейцарія, даже нѣмецкая, очевидно на сторонѣ Франціи; также въ Чехіи и наконецъ въ Россіи, гдѣ только та часть журналистики и раздѣляющей ея мнѣніе публики сочувствуетъ Пруссіи, которая всегда была лишена всякаго пониманія національныхъ интересовъ. Даже въ про-

стомъ народѣ часто случалось мнѣ слышать сожалѣніе, что Нѣмецъ одолѣваетъ Француза. Конечно, политическій разсчетъ можетъ заставить то или другое государство принять сторону Пруссіи или Германіи, но едва ли гдѣ вызываютъ къ себѣ Нѣмцы сочувствіе общественнаго мнѣнія.

Обстоятельство это, думаемъ мы, весьма важно. Всегда вѣрный инстинктъ народныхъ массъ и умы истинно передовыхъ людей во всѣхъ Славянскихъ земляхъ давно уже на сторонѣ Россіи; но за то значительная часть такъ называемый интеллигенціи, вліяніе которой весьма значительно, ощутительно склоняясь на сторону Франціи, проникалась антирусскими—а слѣдовательно въ сущности и антиславянскими стремленіями, и на Францію возлагала главныя свои надежды. Теперь, когда Франція надолго должна сосредоточиться внутри самой себя, думать единственно объ излеченіи нанесенныхъ ей ранъ, о возстановленіи своего утраченнаго могущества, о возвращеніи имѣющихъ вѣроятно отойти къ Германіи областей своихъ, и для этого искать дружбы и помощи Россіи,—Россія остается въ глазахъ всѣхъ Славянъ, не потерявшихъ не только политическаго, но и просто здраваго смысла, единственнымъ якоремъ ихъ спасенія, единственною ихъ путеводною звѣздой. Никто кромѣ Россіи не можетъ ихъ избавить отъ нѣмецкаго наплыва, никто кромѣ Славянъ не можетъ и Россіи доставить постоянныхъ пособниковъ противъ нѣмецкихъ стремленій, которыя не замедлятъ обнаружиться съ такою яркостью, что могутъ продолжать оставаться невидимыми только для слѣпорожденныхъ. Такое положеніе дѣлъ, которое должно тѣснѣе сблизить Россію съ прочими Славянами, и ихъ съ Россіей, не можетъ конечно не считаться благодѣтельнымъ для обѣихъ сторонъ.

Всестороннее разсмотрѣніе вліянія, которое должна оказать франко прусская война на Россію, подтверждаетъ вполнѣ прежде выраженную нами мысль, что всякое нарушеніе политическаго равновѣсія Европы, откуда бы оно ни происходило, для насъ болѣе или менѣе выгодно; но, кромѣ этого, въ общемъ результатѣ его оказывается какая-то странная двойственность, именно: что всѣ симпатіи наши на сторонѣ Франціи, политическія же соображенія заставляютъ желать полной побѣды Германіи и ослабленія Франціи. Но интересъ, который имѣетъ въ этомъ Россія, чисто отрицательнаго свойства. Не усиленіе Германіи и не пораженіе и униженіе Франціи сами по себѣ выгодны для Россіи, а выгодно то, что, во-пер-

выхъ, объединенная и усилившаяся Германія непремѣнно выкажетъ со всею яркостью и очевидностью противуположность политическихъ цѣлей и стремленій нѣмецкихъ и русскихъ, и Россія принуждена будетъ выступить на защиту самыхъ существенныхъ своихъ интересовъ, нераздѣльныхъ съ интересами всего Славянства; во вторыхъ, что съ ослабленіемъ Франціи разсѣются по крайней мѣрѣ на время тѣ предразсудки, которые и съ французской и съ нашей стороны такъ долго препятствовали понимать тожество обоюдныхъ интересовъ въ большинствѣ случаевъ. Такая противуположность между внушеніями чувства и интересовъ, равно какъ и отрицательный характеръ самихъ этихъ интересовъ, показываютъ, что не смотря на поворотъ къ національной политикѣ, послѣдовавшій въ Россіи послѣ Восточной войны и польскаго возстанія, все еще осталось многое, не заслуживающее носить этого названія,—обнаруживаютъ ненормальность многихъ сторонъ и внутренней и внѣшней политики, какъ у насъ, такъ и во Франціи.—Ошибки французской политики не позволяютъ намъ прямо и открыто стоять на сторонѣ Франціи, къ которой, по настоящему, долженъ бы насъ привлекать здравый политическій разсчетъ;—ошибки нашей политики принуждаютъ желать, чтобъ хоть тяжелый опытъ и близкая опасность заставили насъ увидать всю діаметральную противуположность между выгодами и цѣлями нѣмецкими и русскими и славянскими.

18 дек. 1870.

———

II.

ВОЙНА ЗА БОЛГАРІЮ.

1.

Чего мы въ правѣ благоразумно желать отъ исхода настоящей войны.

(*Русскій міръ*, 1877, 2 авг. № 207).

Во многихъ органахъ печати, и притомъ самыхъ достойнѣйшихъ, также какъ и въ публикѣ, слышится мнѣніе, что настоящая война есть рѣшительная, что она должна положить желанный конецъ такъ называемому Восточному вопросу, періодически тревожащему спокойствіе Европы и нарушающему правильный ходъ ея мирнаго развитія. Признаюсь, я никакъ не могу раздѣлять такихъ радужныхъ надеждъ, не могу даже убѣдить себя, чтобы надежды эти были дѣйствительно радужныя. Въ ихъ радужности заставляетъ меня сомнѣваться то, что, при такомъ взглядѣ, самый предметъ Восточнаго вопроса до крайности умаляется.

Восточный вопросъ, по подробно мною изложенному и, думается мнѣ, доказанному мнѣнію, есть огромный историческій процессъ, заложенный еще во времена древнихъ Греціи и Рима,—процессъ о томъ, должно ли Славянское племя,—членъ Арійской семьи равноправный съ племенами: Индійскимъ, Иранскимъ, Эллинскимъ, Латинскимъ и Романо-Германскимъ, создавшими каждое свою самобытную культуру,—оставаться только ничтожнымъ придаткомъ, такъ сказать прихвостнемъ Европы, или же въ свою очередь пріобрѣсти міродержавное значеніе и наложить свою печать на цѣлый періодъ Исторіи.

Самое величіе вопроса, понимаемаго въ такомъ смыслѣ, уже достаточно показываетъ, что настоящая война, сколько бы она ни была успѣшна, разрѣшить его не можетъ. Разрѣшить его цѣлый

періодъ борьбы не противъ Турціи только, и борьбы не однимъ только военнымъ оружіемъ.

Но настоящая война есть первый приступъ къ этому рѣшенію,— первое явленіе послѣдняго акта великой драмы, и эта слава принадлежитъ ей неотъемлемо, потому что она есть первое сознательное дѣйствіе Русскаго народа и Русскаго государства во имя освобожденія порабощеннаго Славянства. Это высокое значеніе останется за ней во всякомъ случаѣ, независимо даже отъ самаго ея успѣха.

Если настоящая война есть первый шагъ къ рѣшенію Восточнаго вопроса, то все дѣло въ томъ, чтобы шагъ былъ сдѣланъ правильный и дѣйствительно поступательный,—облегчающій въ будущемъ и приближающій рѣшеніе той всемірно-исторической задачи, которой дано названіе Восточнаго вопроса,—названіе въ географическомъ смыслѣ можетъ быть и неправильное, подобно множеству другихъ названій, но уже общепринятое, установившееся и котораго нѣтъ надобности, да нѣтъ и возможности перемѣнить.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я посвятилъ цѣлую книгу всестороннему разсмотрѣнію Восточнаго вопроса, какъ въ культурномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи; теперь я намѣренъ сказать нѣсколько словъ только о послѣднемъ, не только потому, что политическая сторона дѣла поглощаетъ собою общее вниманіе, но и потому, что, по глубокому моему убѣжденію, политическая сторона есть основаніе, на которомъ можетъ быть возведено культурное зданіе, а не на оборотъ, какъ многіе думаютъ. Въ доказательство достаточно указать на тотъ фактъ, что нигдѣ и никогда культурное развитіе не предшествовало утвержденію политической самобытности народа. Но, кромѣ того, само воздѣйствіе политическихъ событій на народное сознаніе огромно. Лучшимъ для сего доказательствомъ можетъ послужить то вліяніе, которое имѣло время Сербской войны на расширеніе Славянскаго самосознанія, какъ у насъ, въ Россіи, такъ и въ другихъ Славянскихъ земляхъ. Событія, дѣятельная историческая жизнь—не въ примѣръ могущественнѣйшіе проповѣдники, чѣмъ самыя даровитыя личности. Неувѣнчавшійся успѣхомъ подвигъ Черняева болѣе подвинулъ Славянское самосознаніе, чѣмъ годы самой талантливой и дѣятельной литературной пропаганды.

Рѣшеніе Восточнаго вопроса въ политическомъ смыслѣ можетъ быть выражено весьма краткою формулою: *независимость и един-*

ство Славянства. Но зато только одна эта формула и разрѣшаетъ его. Независимость безъ единства ослабитъ Славянство, сдѣлаетъ его игралищемъ постороннихъ интересовъ и интригъ, вооружитъ части его другъ противъ друга; единство безъ независимости лишитъ его свободы, широты и разнообразія внутренней жизни. И такъ:

1) Государственная самостоятельность каждаго Славянскаго племени. Будетъ ли при этомъ одно Велико-Сербское, одно Велико-Чешское государство, или отдѣльныя государства Сербское, Черногорское, Хорватское, Словинское, Чешское, Словацкое и т. п., это можетъ составить весьма важный временный практическій вопросъ; но въ общихъ цѣляхъ Славянскаго міроустройства это довольно безразлично при соблюденіи втораго условія:

2) Чтобы всѣ Славянскія единицы, крупныя или мелкія, составляли твердый союзъ, какъ между собой, такъ и съ Россіей.

3) Этотъ союзъ долженъ быть скрѣпленъ общимъ обладаніемъ Цареградомъ и проливами.

4) Въ этотъ союзъ должны быть включены и тѣ не-славянскіе или правильнѣе, не чисто-славянскіе элементы, которые вкраплены въ славянское тѣло, какъ Румынія, Греція и Венгрія, или точнѣе Мадьярія—ибо подъ Венгріей разумѣется искусственный конгломератъ земель, составлявшихъ корону Св. Стефана.

Одно изложеніе политической стороны задачи уже показываетъ, можетъ ли настоящая война имѣть своимъ предметомъ—полное и окончательное разрѣшеніе Восточнаго вопроса.

Можетъ ли, по крайней мѣрѣ, получить рѣшеніе хотя бы одна Турецкая часть вопроса? Также нѣтъ, потому что такая попытка повлекла бы за собою общеевропейскую войну, которой всѣ стараются избѣжать и къ которой мы едва ли достаточно приготовлены.

Чего же намъ, послѣ этого, разумно желать и ожидать отъ настоящей войны? Это также можетъ быть выражено весьма короткою формулою: *разрушеніе всѣхъ преградъ, какъ нравственныхъ, такъ и матеріальныхъ, раздѣляющихъ сѣверо-восточное Славянство,—Россію, отъ Славянства юго-восточнаго и всѣхъ православныхъ народовъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ*. Эта формула можетъ служить безошибочнымъ критеріумомъ выгодности, или невыгодности тѣхъ политическихъ комбинацій, которыя должны проистечь изъ настоящей войны.

Первый шагъ по этому пути на половину уже сдѣланъ. Румы-

нія стала независимымъ государствомъ. Независимость эта, однако, обоюдо-острый мечъ. Независимая Румынія можетъ быть клиномъ вбитымъ въ Славянское тѣло, она можетъ продолжать и въ пространствѣ и во времени ту пагубную для Славянства роль, которую имѣло, и до сихъ поръ имѣетъ, вторженіе Угровъ въ равнины Панонiи. Но независимая Румынія можетъ быть и мостомъ, соединяющимъ сѣверо-востокъ и юго-востокъ Славянства. Для этого представляется два средства. Или Россіи должна быть возвращена, за соотвѣтствующее вознагражденіе въ Бессарабіи, Придунайская окраина, отнятая у Россіи по Парижскому трактату, также какъ и острова Дунайской дельты, отошедшіе отъ Россіи вовсе не къ Румыніи, какъ бы слѣдовало, а непосредственно къ Турціи; или же вся Румынія съ присоединеніемъ къ ней островов дельты должна вступить съ Россіею въ тѣсный неразрывный союзъ, и такимъ образомъ сдѣлаться первымъ звеномъ будущаго восточнаго христіанскаго союза.—Первымъ путемъ достигается только отрицательный результатъ, то есть Румынія дѣлается безвредною для Россіи и Славянства; возможность ея служить для насъ препятствіемъ сокращается въ извѣстной мѣрѣ.—Напротивъ того, вторымъ путемъ достигается прямая и непосредственная польза для обѣихъ сторонъ: Румынія связывается съ нами неразрывными узами взаимныхъ выгодъ и услугъ.—Румынія, по объявленіи ея независимости, будетъ конечно государствомъ самостоятельнымъ, но никакъ еще не государствомъ цѣльнымъ, законченнымъ, то есть объединяющимъ въ одно политическое цѣлое всю Румынскую народность. Этого можетъ она достигнуть впослѣдствіи только при помощи и содѣйствіи Россіи, и эта надежда должна и можетъ служить основаніемъ той дружественной связи, которая соединитъ оба государства и народы, и безъ того уже связанные какъ родствомъ религіознымъ и въ значительной степени племеннымъ, такъ и воспоминаніями прошедшаго.

Если возсоединеніе съ Россіей Дунайскаго побережья, или, что̀ еще гораздо лучше, тѣсный союзъ Румыніи съ Россіей составляютъ условія, при которыхъ независимость Румыніи становиться выгодною для насъ политическою комбинаціею;—то независимость эта получила бы совершенно противоположный характеръ, если бы изъ Румыніи было образовано нейтральное государство, нѣчто въ родѣ южной Бельгіи. Это было бы стѣною, крѣпостью, воздвигнутою между двумя половинами Славянства, раздѣляющею то, что̀

соединила природа связями самаго высокаго характера—единствомъ вѣры и племеннымъ родствомъ; крѣпостью, охраняемою совокупными усиліями всей Европы. Это было бы вторымъ исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ Парижскаго трактата 1856-го года, изданіемъ, выпущеннымъ къ тому же въ свѣтъ на наше собственное иждивеніе, нашими трудами, усиліями, издержками и даже цѣною нашей крови.

Нейтрализація Румыніи, столь вредная для интересовъ Россіи и Славянства, была бы не менѣе гибельна для самой Румыніи, ибо лишила бы ее всякой исторической будущности. Нейтральными, то есть осужденными на политическую бездѣятельность,—могутъ быть лишь искусственно, дипломатически, а не исторически, созданныя государства, которымъ не соотвѣтствуетъ никакой народности. Такъ, есть Бельгійское государство, но нѣтъ Бельгійскаго народа. Бельгійцы—или Французы, или Фламандцы, и слѣдовательно должны бы быть распредѣлены между Франціей и Голландіей. Такія государства могутъ въ значительной степени пользоваться матеріальнымъ благосостояніемъ, но не могутъ жить политическою жизнію; лучше сказать, самое существованіе ихъ куплено цѣною политической смерти. Но на свѣтѣ существуетъ Румынскій народъ, и онъ имѣетъ право на политическую жизнь; имѣетъ право образовать не только независимое, но и цѣльное, полное національное государство, и слѣдовательно не имѣетъ права на нейтральность, на политическое самоубійство.

За Румынскимъ слѣдуетъ Болгарскій вопросъ. Собственно ужасы и страданія, вытерпѣнные несчастнымъ Болгарскимъ народомъ, вынудили Россію къ войнѣ; ибо, если бы все дѣло ограничивалось устройствомъ Босніи и Герцоговины, лежащихъ въ углу Турціи, Порта едва ли бы выказала такое упрямство, какъ по отношенію къ Болгаріи, занимающей самую средину Европейской Турціи и доходящей почти до воротъ Цареграда.

Если до войны и для избѣжанія ея можно было довольствоваться разными улучшительными полумѣрами; то, конечно, послѣ усилій, которыхъ стоили Россіи и желаніе сохранить миръ, и самая война,—Болгарія должна получить по меньшей мѣрѣ полную внутреннею независимость, то есть стать въ такія же отношенія къ Турціи, въ какихъ находились къ ней, послѣ Андріанопольскаго мира, Сербія, Молдавія и Валахія. При семъ, какъ само собою разумѣется, должна она быть свободною отъ всякаго постоя

Турецкихъ войскъ, и слѣдовательно, укрѣпленія по линіи Дуная и въ Балканахъ должны быть упразднены, дабы рушились матеріальныя преграды, раздѣляющія сѣверо-восточное Славянство отъ юго-восточнаго.

Конечно, трудно опредѣлить границы Болгаріи къ югу; но въ точномъ опредѣленіи ихъ нѣтъ и особенной важности. Только границею этою никоимъ образомъ не могутъ служить Балканы, такъ какъ хребетъ этотъ есть самое сердце Болгаріи. По крайней мѣрѣ, многострадальныя окрестности Софіи, Татаръ-Базарджика, Филиппополя, Сливно-Ямболя, хотя бы до Бургасскаго залива, должны войти въ составъ свободной Болгаріи. Онѣ купили это право кровью и невыносимыми муками.

Гораздо вреднѣе и опаснѣе преградъ матеріальныхъ: укрѣпленныхъ рѣчныхъ долинъ и горныхъ хребтовъ—преграды нравственныя; и всѣми мѣрами должно озаботиться, чтобы не воздвиглись такія преграды между Славянскими народами, вслѣдствіе самой освободительной войны. Всѣ Славяне Балканскаго полуострова сослужили свою службу Славянству: Герцоговинцы и Босняки, начавъ геройское возстаніе, доселѣ не побѣжденное, устоявъ противъ всѣхъ ужасовъ истребительной войны и противъ всѣхъ успокоительныхъ искушеній дипломатіи; Болгары своимъ мученичествомъ; Черногорцы своими побѣдами; Сербы своею можетъ быть неблагоразумною, но отважною рѣшимостью поднять знамя славянской независимости, рискуя самымъ существованіемъ своимъ. Не должно забывать, что именно Сербы съ ихъ славнымъ русскимъ вождемъ подняли и духъ Русскаго народа. Поэтому никто не долженъ остаться обдѣленнымъ. Всякому дѣятелю должна быть воздана мзда его. Между Сербіею, оставшеюся безъ вознагражденія въ виду увѣнчанія успѣхомъ дипломатической игры Румыніи, а вѣроятно и Греціи,—и Россіею можетъ возникнуть та нравственная преграда, то взаимное отчужденіе, которое безъ сомнѣнія постараются всѣми способами расширить главные недоброжелатели Славянства—Англія и Австрія.

Австрія, говорятъ намъ, не желаетъ возникновенія вдоль границъ ея объединеннаго славянскаго государства—странное и жалкое сознаніе своей несостоятельности!—Но пусть такъ. Уважимъ Австрійскую бередливость. Но если ни одной пяди земли не будетъ прибавлено къ Сербіи вдоль Савы, а къ ней будетъ присоединена, хотя бы на вассальномъ правѣ, также много-страдальная

старая Сербія, какое основаніе будетъ имѣть Австрія жаловаться на нарушеніе ея интересовъ? Съ такимъ же точно правомъ могла бы она претендовать и на естественный приростъ населенія въ Сербскомъ княжествѣ.

Австрія не можетъ стерпѣть, чтобы на ея границахъ образовалось Славянское государство въ 2½ милліона населенія. Но вѣдь такое же количество, и даже значительно больше, можетъ пропитать Сербское княжество и въ теперешнихъ своихъ границахъ. Не выселять же изъ него жителей, превышающихъ опредѣленную Австріею норму!

Справедливость къ княжеству, къ самой старой Сербіи, ко всему Сербскому народу, равно какъ и общіе интересы Славянства—одинаково требуютъ присоединенія старой Сербіи къ княжеству, хотя бы, въ успокоеніе Австріи, и подъ условіемъ сохраненія, до поры до времени, Турецкаго вассальства.

Черногорія должна выйти изъ войны, въ которой принимала, и до сихъ поръ принимаетъ, дѣятельное и славное участіе, вполнѣ обезпеченною въ своемъ существованіи и по возможности увеличенною и усиленною. Южная Герцоговина, хотя бы только до рѣки Наренты; сѣверная Албанія съ Подгорицею, Гусинье съ Скутарійскимъ озеромъ хотя бы до рѣки Дрины; морское прибрежье съ Специею и Антивари—вотъ на что, по крайней мѣрѣ, имѣетъ право Черногорія.

Самую затруднительную задачу составляютъ Боснія и Герцоговина, въ виду противодѣйствія Австріи справедливому устройству этихъ странъ. Если бы сѣверо-западная часть ихъ, преимущественно населенная католиками, и отошла къ Австріи, съ этимъ еще бы можно было помириться, такъ какъ вѣроятно самому католическому населенію такое присоединеніе не было бы непріятно. Но остальныя части Босніи и Герцоговины, ежели онѣ уже не могутъ быть присоединены ни къ Сербіи, ни къ Черногоріи,—должны бы составить отдѣльное вассальное владѣніе Турціи.

Чтò касается Греціи, то отъ нея зависитъ принять участіе въ борьбѣ и получить законно ей принадлежащую долю: Ѳессалію, Эпиръ и часть Македоніи; но странно требованіе, чтобы другіе съ крайними пожертвованіями и усиліями таскали для нея каштаны изъ печки.

Послѣ греческаго возстанія двадцатыхъ годовъ, въ которомъ Славяне Турціи не принимали участія—они ничего и не получили,

когда Грецiя, при содѣйствiи же Россiи, отвоевала свою независимость, и если не прiобрѣла всего ей слѣдовавшаго по справедливости, то благодаря ея же друзьямъ Агличанамъ, съ которыми она такъ любитъ совѣтоваться и на которыхъ возлагаетъ свои надежды.

Такимъ образомъ Балканскiе Христiанскiе народы получили бы имъ должное; будущая судьба ихъ была бы устроена и упрочена.

Но необходимо еще выполненiе нѣкоторыхъ особыхъ условiй въ видахъ вознагражденiя какъ Россiи за ея жертвы, такъ и самихъ Христiанскихъ народовъ Турцiи за перенесенныя ими страданiя. Собственно, въ вознагражденiе военныхъ издержекъ Россiи, ей долженъ быть уступленъ турецкiй броненосный флотъ, который сдѣлается для Турцiи безполезною тяжестью, и часть Азiи,— по крайней мѣрѣ Карсъ и Батумъ.

Но особенную важность, кажется мнѣ, имѣетъ слѣдующее обстоятельство. Съ самой Крымской войны Турцiя заключала за границею огромные займы, не для улучшенiя своего внутренняго состоянiя, а для подготовленiя къ борьбѣ съ Россiей, сильнѣйшаго угнетенiя своихъ христiанскихъ подданныхъ, и мотовства султановъ. Справедливо ли будетъ возложить эту тяжесть, частiю на тѣ христiанскiе народы, которые получатъ полную или вассальную самостоятельность, частiю же на тѣ, которые, будучи спорадически разсѣяны по Турцiи, останутся, во всякомъ случаѣ, подъ ея непосредственною властью? Не значило ли бы это заставлять платить невиннаго страдальца за тѣ орудiя пытки, которыми его терзаютъ?

Изъ этого только одинъ, пожалуй не легальный, но справедливый выходъ—банкротство Турцiи.

Не гораздо ли справедливѣе въ самомъ дѣлѣ, чтобы поплатились тѣ, кто, частью изъ алчности, частью изъ прямой вражды къ Россiи и Славянству, снабжали Турцiю денежными средствами, для ея беззаконныхъ цѣлей, нежели тѣ, которые несли цѣпи, сковываемыя и заклепываемыя этими самыми займами?—Не справедливѣе ли, чтобы наказанъ былъ дѣлавшiй зло, а не потерпѣвшiй отъ него?

Ежели правительства Англiи и Францiи поощряли своихъ подданныхъ давать въ займы деньги турецкому правительству, если они хотя только косвенно—своимъ влiянiемъ гарантировали эти займы, то пусть и отвѣтятъ за это; но Россiя не должна допу-

скать, чтобы этотъ беззаконный долгъ легъ бременемъ на освобождающіеся отъ ига народы, чтобы турецкое угнетеніе продолжало тяготѣть надъ ними изъ глубины прошедшаго. Само собою разумѣется, что исключеніе изъ этого долженъ составить долгъ желѣзнодорожный, такъ какъ онъ послужитъ въ пользу тѣхъ странъ, черезъ которыя были проведены желѣзные пути.

Такимъ образомъ, Россія, не присоединивъ себѣ ни пяди турецкой земли, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, достигнетъ своихъ высокихъ священныхъ цѣлей. Всѣ Славянскія и христіанскіе народы Балканскаго полуострова получатъ, по меньшей мѣрѣ, ту степень политической независимости, которая дозволитъ имъ безпрепятственно развивать свое внутреннее благосостояніе. Ни одинъ не выйдетъ обиженнымъ, обдѣленнымъ, но, получивъ должное вознагражденіе за свои жертвы, усилія и страданія—будетъ ясно видѣть, что все это достигнуто при братской помощи Россіи, вопреки противодѣйствію значительной части Европы. Нравственная связь между Россіею, Славянскими и прочими христіанскими народами Балканскаго полуострова сохранится, укрѣпится, усилится и возстановится тамъ, гдѣ событія послѣднихъ двадцати лѣтъ ее ослабили или расшатали; матеріальныя преграды, ихъ раздѣляющія, также рушатся. А между тѣмъ, Россія не возьметъ Костантинополя, не овладѣетъ проливами, не присоединитъ къ себѣ ни клочка Турецкой территоріи въ Европѣ; то есть, не нарушится ни одного изъ тѣхъ условій, которыя Европа, и въ особенности Англія, считаетъ необходимыми для сохраненія такъ называемаго равновѣсія на востокѣ.

Конечно, на этомъ мы не можемъ успокоиться. Мы должны будемъ впослѣдствіи заботиться, чтобы имѣть въ освобожденныхъ народахъ не простыхъ доброжелатей, но сильныхъ организованныхъ союзниковъ, могущихъ при случаѣ оказать намъ дѣйствительную помощь и содѣйствіе къ достиженію общихъ дальнѣйшихъ цѣлей. Это будетъ уже дѣломъ благоразумія нашей послѣдующей политики.

Что̀ касается самой Турціи, то, лишенная европейскаго кредита, флота, Дунайскихъ и Балканскихъ крѣпостей, и тѣхъ подданныхъ, соками которыхъ она питалась, ей не останется ничего инаго, какъ, отбросивъ мечты о невозвратимомъ внѣшнемъ величіи, предаться исключительно заботамъ о своемъ возможномъ еще внутреннемъ благосостояніи, и подчиниться вполнѣ вліянію Россіи. Только тогда

и тѣ христіанскіе подданные Порты, которые хотя спорадически, но въ большомъ числѣ разсѣяны по ея владѣніямъ, и которые не могутъ быть освобождены иначе, какъ съ совершеннымъ разрушеніемъ Турецкаго государства, найдутъ дѣйствительно покровительство въ вліяніи Россіи. Только тогда и само это *политическое вліяніе* перестанетъ быть обманчивымъ призракомъ, а перейдетъ въ область дѣйствительныхъ фактовъ.

Политическое вліяніе для дипломата тоже, что побѣда или завоеваніе для воина, что энергическая, всепроникающая, всѣмъ руководящая администрація для правителя: его слава, его торжество, цѣль всѣхъ его стремленій. Однако, не смотря на всѣ дѣйствительныя жертвы, которыя приносились Россіею для пріобрѣтенія этого вліянія въ Турціи, оно разлеталось какъ мыльный пузырь всякій разъ, когда въ немъ встрѣчалась настоящая надобность.

Послѣ Андріанопольскаго мира это дипломатическое вліяніе въ Константинополѣ сдѣлалось постоянною цѣлью русской политики на востокѣ. Ему были принесены въ жертву много интересовъ болѣе положительнаго свойства, напримѣръ 12 милліоновъ червонцевъ неуплаченной контрибуціи. Оно достигло своего апогея послѣ помощи, оказанной султану противъ Мегмета-Али, въ Хункіаръ-Скелесскомъ договорѣ; и что же?—менѣе чѣмъ черезъ двадцать лѣтъ, все это вліяніе, столькими жертвами и усиліями купленное, окончилось, подъ напоромъ французскихъ и англійскихъ интригъ, оскорбленіемъ самыхъ священныхъ интересовъ Россіи, съ очевиднымъ ущербомъ для самой Турціи, потому что этимъ же оскорблялись и религіозные интересы большинства ея Христіанскихъ подданныхъ, что̀, какъ извѣстно, и повело къ Восточной войнѣ. Неудивительно, что̀ въ тѣ времена приписывалась такая важность дипломатическому вліянію; вѣдь тогда господствовала, и у насъ можетъ быть болѣе чѣмъ гдѣ либо, Метерниховская школа,—это порожденіе самаго дипломатическаго изъ государствъ.

Но и еще разъ повторилось дипломатическое преобладаніе Россіи въ совѣтахъ Порты. Оно процвѣтало еще въ началѣ прошедшаго года. Когда обыкновенная дипломатическая интрига не могла совладать съ нимъ,—была пущена въ дѣло революція, направленная несравненно болѣе противъ русскаго вліянія, чѣмъ противъ несчастнаго Абдулъ-Азиса, и опять—самыя скромныя требованія Россіи были отвергнуты, что̀ опять привело къ войнѣ. Политическое вліяніе тогда только прочно, когда нѣтъ силъ ему противиться.

Конечно, Англія будетъ всѣми мѣрами противодѣйствовать такому исходу,—но какъ же можетъ она ему воспрепятствовать?

Относительно Сандвичевыхъ или Маркизскихъ острововъ, относительно дальныхъ заморскихъ странъ, Мыса Доброй Надежды, Чили, Явы, Суматры, пожалуй Японіи—Англія очень сильное и грозное государство; но относительно материковыхъ странъ Европы, западной Азіи, Америки, гдѣ она встрѣчается съ могущественными континентальными державами, могущество Англіи не болѣе какъ миражъ, отсвѣчивающій явленія давно-прошедшаго.

Конечно, Англія захочетъ себя вознаградить за усилившееся вліяніе Россіи. Ну пусть и вознаграждаетъ, только не на материкѣ Европейской Турціи и не у Кавказскихъ и Черноморскихъ окраинъ Малой Азіи, потому что оттуда мы ее прогонимъ, а если угодно въ Египтѣ, гдѣ это до насъ не касается, или въ Кандіи, гдѣ это будетъ въ извѣстномъ смыслѣ для насъ даже не безвыгоднымъ, потому что раскроетъ глаза Греціи на то, гдѣ и кто ея истинные друзья и доброжелатели.

Конечно, желала бы вознаградить себя и Австрія. Но чѣмъ? Присоединеніе сколько нибудь значительной части граничащихъ съ нею Славянскихъ странъ, если бы даже мы могли это допустить, встрѣтитъ сильное сопротивленіе со стороны Венгерской половины монархіи, опасающейся усиленія Славянскаго элемента. Если бы, со всѣмъ тѣмъ, Австрія рѣшилась, очертя голову, явно стать противъ Россіи, препятствуя ей въ достиженіи ея справедливыхъ цѣлей, въ сущности ни мало не подавляющихъ законныхъ интересовъ этой державы,—тогда дѣло вступило бы въ новый фазисъ, на сцену исторіи выступило бы второе явленіе послѣдняго дѣйствія восточной драмы, и пошелъ бы другой разговоръ, который еще нѣтъ надобности теперь начинать.

2.

Какъ отнеслась Европа къ Русско-Турецкой распрѣ.

(Русскій міръ, 13 октября 1877 г. № 279).

Европа не могла, не умѣла, не хотѣла—послѣднее думаю будетъ вѣрнѣе—обуздать свирѣпаго злодѣйства Турокъ,—не обезумѣвшей народной массы, а Турецкаго правительства, ибо, не говоря уже о теперешнихъ козняхъ и избіеніяхъ, и прошлогодняя Болгарская рѣзня не была взрывомъ народной злобы, а исполненіемъ правительственнаго заговора. При ужасной вѣсти объ изнасилованіяхъ, убійствахъ, истязаніяхъ стариковъ, женщинъ, дѣтей, у Европы не вырвался вопль негодованія, который, заглушивъ мнимый и лживый политическій расчетъ, заставилъ-бы ее встрепенуться, броситься на помощь несчастнымъ и своимъ могучимъ словомъ исторгнуть разъ навсегда жертву у палача.—Говоря: мнимый и лживый политическій расчетъ, я становлюсь на европейскую, антиславянскую точку зрѣнія. Быстрая, рѣшительная защита Герцоговинцевъ, Босняковъ, Болгаръ не придала-ли бы всему дѣлу общеевропейскаго, а не славянскаго характера, который оно теперь неоспоримо получило, какъ-бы это не закрывалось, не замаскировывалось дипломатическими фикціями? Угнетенные, жаждущіе спасенія не стали-бы разбирать, изъ чьихъ рукъ оно имъ подается. У Россіи была-бы отнята слава подвига и жертвы.

Но только-ли не могла, не умѣла, не хотѣла Европа обуздать Турецкую свирѣпость?—Не справедливѣе-ли будетъ сказать, что частію прямо и непосредственно, частію косвенно своимъ попустительствомъ,—она сама разнуздала ее и до сихъ поръ продолжаетъ ей потворствовать?—Прямое, непосредственное подстрекательство Англіи слишкомъ явно, чтобы нужно было на немъ останавливаться. Отказъ отъ подписанія Берлинской меморіи, сверженіе

Абдулъ-Азиса, прошлогодняя посылка флота въ Базикскую бухту: что это какъ не подстрекательство? „Дерзайте молъ на все—мы за васъ стоимъ". Что такое, опять, какъ не прямое подстрекательство—всѣ дѣйствія Венгріи, митинги Пештскихъ студентовъ, поднесеніе почетной сабли Кериму, недавнія иллюминаціи по поводу Турецкихъ успѣховъ? Не прямое-ли постревательство также закрываніе глазъ Австріи передъ многочисленными нарушеніями Австрійской территоріи, какъ напримѣръ пропускъ Турецкихъ войскъ на 6 километровъ вглубь отъ границы, для нападенія съ тылу на позицію Боснійскихъ инсургентовъ? Но это все частности, мелочи; главное, существенное потворство и попущеніе, а слѣдовательно и подстрекательство заключается въ томъ, что Турція знала, и покуда не ошиблась въ этомъ,—что, какъ-бы она ни поступала съ своими Славянскими подданными, Европа въ цѣломъ отнесется къ этому равнодушно, полуодобрительно, и всѣми мѣрами будетъ противодѣйствовать Россіи въ обузданіи и наказаніи ея. Если въ чемъ и ошиблась Турція, такъ это только въ оцѣнкѣ настоящаго политическаго положенія Европы. Чтобы вполнѣ убѣдиться, какъ сравнительно ничтожна доля сочувствія, выпадающая Россіи и Славянамъ, и то со стороны лишь нѣкоторыхъ благородныхъ исключеній представимъ себѣ, какъ отнеслось-бы общественное мнѣніе Европы, да и самыя правительства ея, еслибы часть тѣхъ ужасовъ, которымъ мы были свидѣтелями въ Болгаріи, совершалась, при тѣхъ же обстоятельствахъ, въ какомъ либо другомъ государствѣ Европы. Пусть, напримѣръ, въ правленіе Неаполитанскаго короля Фердинанда, прозваннаго „Бомбой", тамошніе лазарони, бандиты и вообще грубая чернь, подстрекнутая католическими монахами, затѣяла бы нѣчто подобное Батакской или Коварискской рѣзнѣ, въ наказаніе либераловъ. (Я слишкомъ уважаю Итальянскій народъ, что бы считать даже самые испорченные и грубые слои его, способными къ такимъ ужасамъ,—при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, и дѣлаю свои предположенія лишь въ видѣ примѣра). Какой раздался бы всеобщій вопль негодованія, какими оваціями былъ-бы осыпанъ вступившейся за обиженныхъ Гарибальди! Какая помощь была бы оказана Сардинскому правительству, если-бы оно вздумало послать свои войска, для обузданія и наказанія преступнаго правительства! Какое единодушіе представили-бы тогда воодушевленные благороднымъ негодованіемъ, состраданіемъ, чувствомъ оскорбленнаго человѣческаго достоинства, и правительства и общественное

мнѣніе Европы! Все это даже—не совсѣмъ предположеніе. Все это было на самомъ дѣлѣ, по поводу не болѣе какъ плохой администраціи королей Фердинанда и Франциска, которая конечно не можетъ же идти въ какое либо сравненіе съ Турецкими ужасами. Если, такимъ образомъ, замышляющій преступленіе увѣренъ въ потворствѣ большинства присяжныхъ и судей; то это развѣ не составляетъ-ли для него подстрекательства къ совершенію преступленія?

Кто-же въ Европѣ оффиціальной и неоффиціальной на сторонѣ Турокъ, и кто за восточныхъ христіанъ и Россію? На сторонѣ Турокъ, во-первыхъ, Англія, не министерство только, но и парламентъ, а слѣдовательно и представляемое имъ большинство націи. Вспомнимъ, какъ быстро пало министерство популярнаго Пальмерстона, когда оно выразило готовность исполнить желаніе Французскаго правительства о выдачѣ пособниковъ въ покушеніи на жизнь Наполеона III. Вѣдь съумѣла же тогда сказаться народная воля; а что-же теперь? Явно на сторонѣ Турціи транслейтанская часть Австрійскаго правительства и преобладающій въ ней, если не числено, то политически Мадьярскій народъ. На сторонѣ ея жидовствующая, банкирствующая, биржевая, спекулирующая Европа—то, что вообще понимается подъ именемъ буржуазіи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ лучшіе и знаменитѣйшіе выразители ея стремленій: Revue des deux mondes и Journal des débats. На ея сторонѣ Европа католическая съ святымъ отцемъ во главѣ; а какъ она еще сильна, энергична, какъ велика ея численная сила, это показываютъ явленія послѣднихъ годовъ. Но на сторонѣ же Турціи и отъявленные враги католичества и буржуазіи; Европа демократическая, революціонная и соціалистическая, начиная отъ національно-революціонныхъ партій, Польской, Мадьярской съ графомъ Платеромъ, Кошутомъ и Клапкою, до космополитической интернаціоналки. На сторонѣ Россіи и восточныхъ христіанъ, во-первыхъ, благородный и великодушный Императоръ Германіи, помнящій, что долгъ платежемъ красенъ; на той же сторонѣ, думаю, и его канцлеръ—тонкій и глубокій политикъ, да еще группа благородныхъ Англичанъ: Гладстонъ, Карлейль, Фриманъ, Брайтъ, Фарлей, и тѣ, конечно, которые слѣдуютъ за этими руководителями въ Германіи и въ Англіи. Конечно, найдутся и еще отдѣльные личности разныхъ націй и на разныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Вотъ и все. Если, со всѣмъ тѣмъ, за Турцію не ополчается поло-

вина Европы, какъ въ 1854 году, то не отъ недостатка доброй воли конечно, а отъ случайнаго сочетанія политическихъ созвѣздій, въ настоящее время благопріятнаго Россіи. Нарушеніе политическаго равновѣсія, въ чью бы то ни было сторону, всегда выгодное для Россіи, какъ это мною было строго и подробно доказано,— оказалось выгоднымъ и теперь, какъ было выгодно во времена Наполеона I, когда, послѣ неудачной войны 1807 года, мы заключили миръ, едва-ли не выгоднѣйшій изъ всѣхъ когда либо нами заключенныхъ, и которымъ мы только не съумѣли воспользоваться.

Но и при такой благопріятной для Россіи разстановкѣ политическихъ силъ, въ какое положеніе были поставлены Россія и Турція и во время дипломатическомъ переговоровъ, и теперь во время войны? Положеніе, которое въ концѣ концовъ ни отъ чего инаго зависѣть не можетъ, какъ отъ отношенія Европы къ обѣимъ сторонамъ. Это точной индикаторъ, означающій градусы сочувствія Европы къ намъ и къ нашимъ противникамъ,—обозначающій, такъ-сказать, его среднюю величину, выведенную изъ всѣхъ колебаній въ ту и въ другую сторону, изъ всѣхъ въ разныя стороны направленныхъ теченій.

Когда одного твердо сказаннаго Россіею слова оказалось достаточнымъ для удержанія Турецкихъ армій на пути къ Бѣлграду; когда, безъ сомнѣнія, одного такого слова было бы достаточно, что бы заставить Турцію принять всѣ условія, которыя обезпечили бы судьбу восточныхъ христіанъ, если-бы Россія могла дѣйствовать безпрепятственно, — придуманы были конференціи На конференціяхъ самыя умѣренныя предложенія, коллективно обдуманныя, были отвергаемы одно за другимъ Турціею, и когда, все съ общаго согласія всѣхъ державъ, они были обрѣзаны до неузнаваемости, сведены на нѣтъ: Турціи все таки было дозволено не принять ихъ. Европа забыла свое достоинство, и мы увидѣли повтореніе Вѣнскихъ конференцій 1853 года, когда предложенія, предъявленныя четырьмя державами и безусловно принятыя Россіей, были дерзко отвергнуты Турціей. Чѣмъ послѣ этого должно считать Константинопольскія конференціи, какъ не бревнами, брошенными подъ ноги Россіи, чтобы воспрепятствовать въ достиженіи ея святыхъ, безкорыстныхъ цѣлей? Чѣмъ, какъ не средствомъ доставить Турціи время приготовиться къ борьбѣ и тѣмъ по возможности ослабить перевѣсъ Россіи?

Но война началась. Турція, почти обанкрутившаяся, лишенная

кредита, съ страною опустошенною собственными неистовствами, находитъ однако-же средства вооружать, кормить, содержать многочисленныя арміи и флоты. Кто нибудь даетъ же ей средства? Въ своихъ дѣйствіяхъ она ничѣмъ не связана, совершенно свободна, можетъ наносить удары намъ, Черногорцамъ, Герцеговинцамъ, Боснякамъ, гдѣ ей угодно по своему произволу. Пытались положить на нее одно ограниченіе, не изъ сочувствія къ намъ, а изъ собственныхъ коммерческихъ выгодъ,—я разумѣю ходатайство Англіи, чтобы Турецкій флотъ не бомбардировалъ Одессы; но и на это Турки весьма основательно отвѣчали отказомъ. Но Турки не только могутъ свободно располагать своими силами, они могутъ пользоваться ими въ полномъ объемѣ, потому что, если въ настоящую минуту и не могутъ разсчитывать ни на чью дѣятельную помощь, то за то по крайней мѣрѣ вполнѣ увѣрены, что ни одно изъ нейтральныхъ государствъ, ни въ какомъ случаѣ, не обратится противъ нихъ. И этой свободы, этого обезпеченія имъ не приходилось покупать цѣною какихъ-либо уступокъ въ настоящемъ или будущемъ. Видно, ни чьимъ интересамъ въ Европѣ Турція вредить не можетъ. Есть правда одно нейтральное государство, со стороны котораго Турція конечно опасается, но повидимому не очень многаго—это Греція. Но вѣдь Греція въ этомъ случаѣ не можетъ быть причислена къ безпристрастной нейтральной Европѣ; она сама—задѣтая и весьма близко задѣтая сторона, и если до сихъ поръ все еще не можетъ вступиться за свое дѣло, то конечно также не безъ вліянія яко-бы безпристрастныхъ нейтральныхъ державъ.

Каково-же положеніе Россіи? Мы и союзники наши Черногорцы и того, и другаго, и третьяго не должны смѣть дѣлать, чтобы не нарушить чьихъ либо интересовъ. Мы не должны нападать на Египетъ, чтобы не повредить интересамъ Англіи, то-есть должны считать его нейтральнымъ. А Египетъ можетъ посылать, контингентъ за контингентомъ, сражаться за Турцію, да и то едва-ли даже на свой счетъ, такъ какъ у него завѣдомо нѣтъ денегъ, а на счетъ тѣхъ именно, въ чью пользу мы отказываемся отъ права на него нападать. А вѣдь мы бы могли послать для этого нашъ Балтійскій флотъ, и если не посылаемъ, ни для этой, ни для иной какой цѣли, то очевидно потому, что въ виду такъ называемаго нейтралитета Англіи, не рѣшались оставить безъ защиты Балтійское море. Египетъ воевать съ нами можетъ, а Сер-

бія намъ помогать не должна, по крайней мѣрѣ не должна была до сихъ поръ, потому что этимъ нарушались бы интересы Австріи, хотя, казалось бы, что вѣдь—Египетъ, принимая участіе въ войнѣ, нарушаетъ интересы Англіи, такъ какъ даетъ намъ право на репрессаліи. Но нѣтъ, въ отношеніи къ намъ дѣйствуетъ какой-то совершенно особый кодексъ международнаго права. Россія не можетъ также проводить своихъ войскъ черезъ Сербію, хотя опять трудно понять, по какой такой статьѣ международнаго права. Если считать Сербію вассаломъ Турціи, то мы имѣемъ право на занятіе Сербской территоріи, въ качествѣ воюющей стороны; если считать Сербію Славянскимъ государствомъ, стремящимся свергнуть съ себя и помочь свергнуть другимъ ненавистное иго; то мы имѣемъ право вступить на ея территорію, въ качествѣ друзей и союзниковъ. Но и этого еще мало; мы не должны были повидимому переступать р. Алуту, чтобы не приблизить театра войны къ границѣ Австріи, такъ какъ это нарушаетъ ея интересы, хотя нарушеніе воюющими—интересовъ мирныхъ невоюющихъ сосѣдей, въ извѣстной мѣрѣ, совершенно неизбѣжно, и не даетъ еще права налагать на воюющихъ разнаго рода ограниченій, а тѣмъ менѣе налагать ихъ только на одну сторону, и притомъ еще ограниченій такого рода, что они приносятъ другой сторонѣ положительную выгоду. По недавнимъ извѣстіямъ, Сербіи разрѣшается вступить въ войну, хотя опять таки съ ограниченіями относительно Босніи; предоставляется-ли также и русскимъ проходъ черезъ Сербію, не знаю. Но, какъ-бы то ни было, это позднее возвращеніе намъ права воюющей стороны не изглаживаетъ уже причиненнаго намъ вреда. Каковы бы ни были наши стратегическія ошибки, существенную причину нашей трехкратной неудачи подъ Плевномъ надо приписать совершенному обезпеченію Турецкаго тыла и флота со стороны Сербіи, которая, ни сама не должна была воевать, ни пропускать Русскихъ войскъ черезъ свою территорію, по требованіямъ Австріи, считающейся еще къ тому-же нашею союзницею. Результатъ этого союза, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, ограничивалъ свободу нашихъ дѣйствій, лишалъ насъ нашихъ естественныхъ, не мнимыхъ, а дѣйствительныхъ союзниковъ, обезпечивалъ тылъ и флотъ Турецкой арміи, предалъ Боснію турецкому произволу и едва не погубилъ Черногорію. Все это конечно превосходитъ пониманіе обыкновеннаго здраваго смысла и должно быть относится къ высшимъ областямъ науки междуна-

роднаго права, въ особомъ ея примѣненіи къ Россіи, по которому трудно рѣшить: отъ кого болѣе вреда Россіи—отъ ея враговъ, или отъ ея союзниковъ.

Тѣже стѣсненія, и еще въ большей мѣрѣ, налагаются на нашихъ союзниковъ. Черногорцы не должны вести наступательной войны, не должны идти въ Герцеговину—иначе вмѣшательство; вторгаться же Туркамъ въ предѣлы Черногоріи нѣтъ никакихъ препятствій. Обходъ позицій Боснійскихъ инсургентовъ черезъ Австрійскія владѣнія—также вполнѣ дозволителенъ.

Какъ извѣстно, блокада портовъ должна считаться дѣйствительною тогда лишь, когда блокирующихъ морскихъ силъ достаточно, дабы не пропускать ни въ портъ ни изъ порта торговыхъ кораблей; между тѣмъ ни у Одессы, ни у Севастополя, ни у Керчинскаго пролива, въ теченіе почти шести мѣсяцевъ, протекшихъ отъ начала войны, не стоитъ блокирующей эскадры, что̀ очень хорошо извѣстно всѣмъ Европейскимъ консуламъ, проживающимъ въ этихъ портахъ. Однако, нейтральныя державы признаютъ эту мнимую блокаду, и тѣмъ наносятъ вредъ, не только Русской, но и своей торговлѣ, и косвенно помогаютъ Турціи, доставляя ей возможность употреблять свой военный флотъ для нападеній на Кавказскій берегъ, для перевозки войскъ съ одного театра войны на другой и иныхъ военныхъ цѣлей. А это развѣ не нарушаетъ нашихъ интересовъ? Вѣдь одно изъ двухъ: или наши Черноморскіе и Азовскіе порты продолжали бы вести торговлю, что̀, не говоря уже о другихъ выгодахъ, противодѣйствовало бы паденію нашего курса; или значительная часть Турецкаго флота была бы парализована содержаніемъ этихъ портовъ въ блокадѣ.

Счастливая Турція! Она не только ничьихъ интересовъ не можетъ нарушить, какъ бы и гдѣ бы ни воевала; она не можетъ даже ни оскорбить, ни возмутить ничьихъ нравственныхъ чувствъ (за небольшими опять-таки исключеніями), хотя бы купалась въ Болгарской и Армянской крови. Никакіе протесты, никакія дипломатическія ноты не тревожатъ ея по поводу этихъ мелочей. Недавно читалъ, правда, въ газетахъ, что, по примѣру поданному Германіей, начинаютъ поступать протесты и дипломатическія вразумленія Портѣ отъ разныхъ государствъ, даже отъ Англіи. Но вѣдь это только по поводу обращенія съ русскими ранеными и плѣнными, несогласнаго съ правилами Женевской Конвенціи, къ которой приступила и Турція, слѣдовательно по поводу прямаго нарушенія

положительнаго, трактатомъ утвержденнаго пункта международнаго права, естественными охранителями котораго и суть нейтральныя державы; но нисколько не касается Болгаръ, Армянъ и Грековъ. Права сдирать съ нихъ кожу, сажать на колъ, жечь, или закапывать въ землю живыми, безчестить и затѣмъ убивать ихъ женъ и дочерей, раздирать на двое младенцевъ, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ еще никто у Турціи не оспариваетъ, какъ права несомнѣнно принадлежащаго державному и независимому государству, принятому въ сонмъ Европейскихъ державъ срамнымъ не для насъ, а для Европы Парижскимъ договоромъ, отмѣнившимъ ту нравственную опеку, которую Россія имѣла въ этомъ отношеніи надъ Турціею, по славному Кучукъ-Кайнарджискому договору.

Совсѣмъ иное дѣло Россія и ея союзники; она имѣетъ несчастье вездѣ задѣвать чьи либо интересы, то общіе, католическіе, то Англійскіе, то Австрійскіе, то даже Итальянскіе, ибо вѣдь и Италія не можетъ допустить, чтобы Черногорія получила портъ на Адріатическомъ морѣ. Жестокости Россіи, даже мнимыя, придуманныя Турецкимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, и засвидѣтельствованныя нѣсколькими негодяями корреспондентами, имѣютъ свойство возмущать Европу, появляются въ „синихъ книгахъ", возбуждаютъ журнальные вопли и, что̀ хуже всего, оскорбительные оправдательные приговоры, сваливающіе вину на Болгаръ—„этотъ варварскій и мстительный народъ", по словамъ г. Велеслея. Прелестная фраза особенно въ устахъ Англичанина, соотечественники котораго такъ благодушно усмиряли индѣйское возстаніе 1857 года!

И такъ, и на этотъ разъ, послѣ всей уступчивости Россіи, послѣ неоднократнаго призыва ею Европы рѣшить дѣло собща, руководствуясь единственно человѣколюбіемъ,—мы не можемъ похвалиться сочувствіемъ Европы. Ужасы, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, встрѣчаются (за нѣкоторыми, опять съ удовольствіемъ повторяемъ это, благородными исключеніями) довольно равнодушно, мѣстами даже сочувственно. Нигдѣ на Западѣ не является ничего подобнаго фильэллинизму двадцатыхъ годовъ. Къ русскому народному движенію во время Сербской войны отнеслись болѣе или менѣе враждебно. Дипломатическому дѣйствію Россіи ставились препятствія. На конференціяхъ, Россія, предоставившая рѣшеніе совокупному дѣйствію державъ, принуждена была отступаться, отъ одного за другимъ, отъ первоначальныхъ предложеній, болѣе чѣмъ крайне умѣренныхъ, потому конечно, что большинство пло-

хо ее поддерживало. Но и жалкій остатокъ этихъ предложеній отвергнутъ. Всѣ спокойно расходятся, нисколько не оскорбляясь насмѣшливою дерзостью Турокъ. Но возможно ли допустить такое забвеніе собственнаго достоинства? Чего другаго, а „щекотливаго гонора" нельзя же отрицать у Европы.

Если она отступила не краснѣя—значитъ, въ сущности, достигла, чего желала. Огромный перевѣсъ силъ, бывшій на сторонѣ Россіи, при совершенной неготовности Турціи, въ значительной мѣрѣ ослабился временемъ, даннымъ Турціи для напряженія всѣхъ своихъ силъ; Россія, желавшая дѣйствовать за одно съ Европой (выгодно ли бы это для нея было, соотвѣтствовало ли бы ея историческому призванію—это другой вопросъ), была принуждена начать войну на свой страхъ, и при этомъ была поставлена, вмѣстѣ съ ея естественными союзниками Черногоріей и Сербіей, въ самое стѣснительное, самое неловкое положеніе не имѣть возможности развернуть своихъ силъ, лишена свободы дѣйствія—и на сколько проигрывала Россія, на столько выигрывала при этомъ Турція.

Но зачѣмъ, могутъ возразить намъ, обвинять Европу огуломъ? По крайней мѣрѣ, вѣдь, Германія за насъ. Мы и не думаемъ отрицать благорасположенія къ намъ Германскаго правительства и значительной части Германскаго общественнаго мнѣнія, ни мало въ немъ не сомнѣваемся. Вообще, русскій народъ—чрезвычайно мягкосердечный, открытый чувству благодарности, чувствительный ко всякому привѣту и ласкѣ, которыми не избалованъ. Противъ привѣта и ласки мы даже рѣшительно устоять не можемъ—и это очень хорошо. Однако все же, кажется мнѣ, позволительно помнить, что благорасположеніе Германіи не даръ, а уплата долга—вѣдь не у всѣхъ же мѣдный лобъ. Далѣе, думается мнѣ, позволительно будетъ также замѣтить, не нарушая приличій и деликатности, что уплату принуждена намъ производить Германія за звонкую золотую монету—ассигнаціями не слишкомъ высокаго курса. Не говоря уже о давно прошедшемъ, въ 1870 году Россія обезпечила Германіи полный, абсолютный нейтралитетъ Австріи; между тѣмъ какъ обезпечиваемый намъ нейтралитетъ той же Австріи весьма условенъ, съ большими, не въ пользу нашу клонящимися, ограниченіями, нейтралитетъ, который, не нарушая справедливости, можно по меньшей мѣрѣ назвать нейтралитетомъ недоброжелательнымъ. И этого мы, опять таки, не думаемъ ставить въ вину Германіи, почему и употребили выраженіе: „Германія *принуждена* была про-

изводить уплату»... Мы охотно вѣримъ, что Германское Правительство дѣлаетъ для насъ все для него возможное; но если при всемъ томъ, это возможное такъ недостаточно, то какая же можетъ быть тому причина, какъ опять таки не общее теченіе европейскихъ интересовъ, мнѣній, сочувствій, которое въ цѣломъ не въ нашу пользу? А если это такъ, то что же обязываетъ насъ при окончательномъ разсчетѣ принимать во вниманіе именно эти интересы, мнѣнія, чувства Европы? Съ начала и до сихъ поръ мы не видали ни ея помощи, ни ея сочувствія (опять повторяю—мы не говоримъ о частностяхъ и исключеніяхъ), и конечно еще менѣе увидимъ ихъ при концѣ, при установленіи мирныхъ условій. Каждое предложеніе Европы будетъ,—внѣ всякаго сомнѣнія,—клониться къ нашему вреду.

Если мы видѣли себѣ постоянную помѣху во время предварительныхъ переговоровъ, видимъ ее во время самаго веденія войны, неужели имѣемъ нравственную обязанность сносить ее и при заключеніи мира? Когда Германія наложила свою тяжелую руку на Данію и на Францію, развѣ ей помѣшали овладѣть половиною територіи и населенія первой, двумя богатѣйшими провинціями и пятью милліардами у второй? Развѣ конгрессы рѣшили тогда дѣло, а не воля побѣдителя? Или, можетъ быть, тогда не были замѣшаны въ дѣло обще-европейскіе интересы, то есть, другими словами, Данія и Франція не въ такой интимной, близкой, тѣсной связи съ Европою, какъ Турція? Казалось бы совершенно наоборотъ.

Еще Пушкинъ сказалъ:

Оставьте! Это споръ Славянъ между собою...
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы—

и тѣмъ провозгласилъ Славянское ученіе Монроэ по поводу распри между двумя Славянскими народами. Конечно, въ той же и даже большей мѣрѣ, относится это и къ настоящему случаю, когда одинъ Славянскій народъ поднялся на освобожденіе своихъ братьевъ. Кому какое до этого дѣло, кто имѣетъ право вмѣшиваться въ этотъ Славянскій вопросъ, особливо послѣ того, какъ, благодаря Богу, всѣ отказались послѣдовать призыву Россіи рѣшить дѣло общими силами? Послѣ того, какъ вся тяжесть борьбы оказавшейся не легкою вслѣдствіе препятствій поставленныхъ Европою же, легла на плечи одной Россіи, кто можетъ требовать, чтобы она подѣлилась плодами своихъ усилій, своей крови и не только подѣлилась, а принесла ее въ жертву мнимымъ и беззаконнымъ,

интересамъ Европы?—Мы должны быть столь же свободны, какъ была въ свое время Германія, тѣмъ болѣе, что и притязанія наши гораздо умѣреннѣе. Мы желаемъ лишь, чтобы условія мира не послужили къ нашему вреду и ко вреду защищаемыхъ нами народовъ.

Въ первой статьѣ моей, я желалъ показать, какіе результаты войны могутъ считаться для насъ выгодными, могутъ быть приняты за дѣйствительный успѣхъ, за шагъ впередъ къ разрѣшенію Восточнаго вопроса.

Теперь я намѣреваюсь выставить на видъ тѣ вѣроятныя предложенія со стороны Европы, которыя, во что бы то ни стало, должны быть отвергнуты, какъ грозящія бѣдою и намъ, и Славянамъ. Одно изъ такихъ вѣроятныхъ предложеній, о которомъ уже и заговаривали, касается Босфора и Дарданелъ. Другое, еще болѣе гибельное, касается самаго Константинополя, если обстоятельства примутъ рѣшительный оборотъ и поднимется вопросъ о совершенномъ изгнаніи Турокъ изъ Европы.

8.

ПРОЛИВЫ.

(*Русскій міръ*, 1877, 23, 24 окт. №№ 289 и 290).

Съ разныхъ сторонъ слышится, что въ числѣ условій, которыя должна выговорить себѣ Россія, должно заключаться между прочимъ и то, чтобы проливы были объявлены нейтральными, или чтобы они были открыты для свободнаго плаванія, что̀ далеко не одно и тоже. Но то и другое крайне для насъ невыгодно. Предложенія эти слышатся не только изъ-за границы, но и въ Россіи, между тѣмъ какъ стоитъ лишь немного вникнуть въ значеніе этихъ либеральныхъ формулъ, чтобы убѣдиться въ томъ огромномъ вредѣ, который онѣ неминуемо должны имѣть для Россіи.

Разсмотримъ сначала случай нейтрализаціи проливовъ. Очевидно это значило бы, что военные корабли ни одной державы не должны бы проходить черезъ проливы. Русскій Чѐрноморскій флотъ слѣдовательно остался бы на старомъ положеніи, то есть запертымъ въ Черномъ морѣ, а весьма мало надѐжды когда-либо высвободиться изъ этого плѣна, ибо запрещеніе входа и выхода было бы наложено на него уже не одною Турціею, а общимъ рѣшеніемъ Европы, при документированномъ согласіи на него самой Россіи. Но какимъ образомъ провести нейтрализацію по отношенію къ самой Турціи? Вѣдь это значило бы сказать ей: строй корабли въ Черномъ морѣ и строй ихъ въ Архипелагѣ и Средиземномъ морѣ, но никогда не смѣй переводить ихъ изъ одного изъ этихъ бассейновъ въ другой. Мы конечно весьма далеки отъ того, чтобы принадлежать къ числу друзей Турціи, но все же полагаемъ, что такому условію ей невозможно подчиниться до тѣхъ поръ, пока берега проливовъ будутъ оставаться въ ея рукахъ. Какимъ образомъ,

въ особенности, заставить Турцію соблюдать это правило въ случаѣ войны съ какимъ бы то ни было государствомъ? Неужели, если ея Черноморскому флоту, напримѣръ, будетъ утрожать пораженіе,— а при входѣ въ Дарданелы у нея будутъ собраны значительныя морскія силы, она, изъ уваженія къ фиктивному дипломатическому препятствію, не пошлетъ ихъ на выручку своихъ Черноморскихъ кораблей? Если же это правило не можетъ быть обязательно для Турціи какъ владѣющей проливами, то не можетъ оно относиться и къ союзникамъ ея, которые должны пользоваться наравнѣ съ нею всѣми военными правами. Безъ этого что же они будутъ за союзники?

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что вообще можетъ идти рѣчь о нейтрализаціи только такихъ проливовъ или морскихъ каналовъ, которые, подобно Суэцкому или будущему Панамскому, служатъ лишь *проходами*, а не такихъ, которые, подобно Босфору и Дарданеламъ, или Зунду и Бельтамъ, составляютъ не только *проходы*, но еще кромѣ того *входы* и *выходы*. Можно согласиться не пропускать военныхъ кораблей черезъ Суэцкій каналъ потому, что собственно онъ ни откуда не выводитъ и никуда не ведетъ, куда нельзя бы было попасть инымъ путемъ, и если это запрещеніе будетъ для всѣхъ одинаково, то тутъ, собственно говоря, не будетъ теряющей стороны.

Совершено иное дѣло проливы, ведущіе въ глухія моря. Здѣсь воспрещается выходъ изъ нихъ прибрежнымъ державамъ, которыя другаго не имѣютъ и которымъ онъ слѣдовательно существенно необходимъ, и, въ вознагражденіе за это, запрещается входъ тѣмъ которымъ безъ того туда ходить не за чѣмъ, и которымъ этотъ путь могъ бы быть легко загражденъ безъ всякаго договора прибрежными державами. Гдѣ же тутъ равноправность? Однако же и на нейтрализацію Суэцкаго канала Англія, видно хорошо понимающая свои выгоды, соглашаться не хочетъ.

Въ сущности, нейтрализація проливовъ привела бы, какъ мы уже сказали, къ теперешнему положенію, то есть, что проливы, постоянно запертые для Россіи, были бы, въ случаѣ войны съ Турціей, открыты для нея и для ея союзниковъ. Но однако и это положеніе для Россіи несравненно выгоднѣе того, которое бы наступило вслѣдствіе провозглашенія свободнаго плаванія по проливамъ. Что̀ касается до свободы торговаго плаванія, то объ ней говорить нечего, она уже существуетъ болѣе ста лѣтъ,—со времени славнаго Кучукъ-Кайнарджискаго мира. Это одно изъ многихъ благодѣяній,

добытыхъ для всего свѣта успѣхами Русскаго оружія. Даже и теперь, при войнѣ съ Россіею, Турція, по настоящему, не имѣетъ права преграждать плаванія нейтральныхъ коммерческихъ судовъ черезъ проливы, хотя бы они направлялись къ Русскимъ портамъ. Доказательствомъ этому служатъ толки въ Англійскомъ парламентѣ о дѣйствительности Турецкой блокады, и, если бы дѣло не касалось любимаго англійскаго дѣтища, то англійскія торговыя суда, при подобныхъ обстоятельствахъ, и не задумались бы оставить безъ вниманія мнимую блокаду, продолжая вести торговлю съ портами, входъ въ которые совершенно свободенъ.

И такъ, дѣло можетъ идти только о свободѣ плаванія военныхъ судовъ по проливамъ. Тутъ надо различать нѣсколько случаевъ: 1) Проходъ военныхъ судовъ въ мирное время. Онъ не имѣетъ большой важности, хотя конечно представляетъ нѣкоторыя выгоды Россіи, давая возможность проходить судамъ, строющимся на Балтійскомъ морѣ, въ Черное и наоборотъ, подобно тому, какъ еще недавно проводились корабли, построенные въ Архангельскѣ, въ Кронштадтъ. Но очевидно, что длина пути дѣлаетъ эту выгоду почти ничтожною, и все, что̀ такое право могло бы намъ доставить—можетъ быть достигнуто постройкою кораблей въ самомъ Черномъ морѣ. Но эта ничтожная выгода оплачивается огромнымъ вредомъ въ военное время. 2) Въ случаѣ войны съ Турціею и ея союзниками—свободное плаваніе по проливамъ, какъ это само собою разумѣется, прекратится и наступитъ то же положеніе, которое и теперь существуетъ. Тутъ, слѣдовательно, не было бы ни выигрыша, ни проигрыша. Но всѣ вредныя для Россіи послѣдствія свободнаго плаванія по проливамъ обнаруживаются въ третьемъ случаѣ, именно: 3) Въ случаѣ мира съ Турціею и войны съ какою либо сильною морскою державою, напримѣръ, съ Англіею или съ Франціей, Россія, находящаяся въ необходимости содержать громадную сухопутную армію, которая и въ мирное время даже почти вдвое превосходитъ армію всякаго другаго государства, и довольно значительный флотъ въ Балтійскомъ морѣ, никогда не будетъ въ состояніи довести силу Черноморскаго флота до той степени, чтобы онъ могъ соперничать съ флотами первостепенныхъ морскихъ державъ. Допустимъ, что оба Русскіе флота въ совокупности равняются, напримѣръ, силою съ Французскимъ,—вѣдь далѣе этого не могутъ же идти самыя сангвиническія надежды,—и тогда часть Французскаго флота, немногимъ, положимъ на одну треть, превышающая каждый

изъ Русскихъ отдѣльныхъ флотовъ, имѣла бы на своей сторонѣ всѣ шансы разбить ихъ порознь; ибо разстояніе, которое будетъ отдѣлять Французскій флотъ отъ каждаго изъ нашихъ береговъ значительно меньше, чѣмъ разстояніе, раздѣляющее наши флоты.

Слѣдовательно, возможность, даваемая Черноморскому флоту принимать дѣятельное участіе въ войнѣ противъ сильныхъ морскихъ державъ, далеко не уравновѣшивается свободою, предоставляемою этимъ послѣднимъ вступать черезъ проливъ въ Черное море и нападать тамъ на нашъ флотъ и наши берега.

Одни общія соображенія всегда оставляютъ въ умѣ нѣкоторую неясность и неопредѣленность; попробуемъ, поэтому, оцѣнить, во сколько ослабляются силы Россіи—господствомъ враждебнаго намъ флота на водахъ Чернаго моря. Восточная война послужитъ намъ для этого масштабомъ. На Европейскомъ прибрежьи Чернаго моря, то есть только въ Крыму, по берегамъ Херсонской губерніи и небольшаго участка Бессарабіи, расположены у насъ два корпуса. Сколько войска употребляется для охраненія береговъ Кавказа, намъ въ точности неизвѣстно; знаемъ только, что его было меньше чѣмъ было нужно. У генерала Охлобжіо, занимавшаго пространство отъ Ріона до Батума, было, судя по газетнымъ извѣстіямъ, болѣе 30 батальоновъ. Прибавимъ къ этому отряды генераловъ Алхазова, Шелковникова и Бабичева. Оцѣнивъ въ 100.000 человѣкъ охрану нашего Европейскаго и Кавказскаго побережья, мы не достигнемъ еще дѣйствительной цифры; но остановимся на ней. Въ Добруджѣ стоитъ корпусъ генерала Циммермана, который, съ прикомандированными къ нему частями, достигаетъ, по газетнымъ извѣстіямъ, 50.000. Но отрядъ этотъ парализованъ въ своемъ наступательномъ дѣйствіи тѣмъ, что въ тылъ ему можетъ быть сдѣланъ десантъ. Безъ этого условія онъ оказалъ бы значительное облегченіе нашей главной дѣйствующей арміи, теперь же долженъ быть, собственно говоря, причисленъ къ числу войскъ, назначенныхъ, подобно 10 и 7 корпусамъ, для охраны прибрежій. И такъ, по самому умѣренному счету, 150.000 нашего войска парализовано господствомъ Турецкаго флота на Черномъ морѣ. Но этимъ еще далеко не исчерпываются выгоды, находящіяся на сторонѣ Турціи, вслѣдствіе ея положенія на морѣ. Сулейманъ сосредоточилъ до 100 батальоновъ для атаки Шипкинскаго прохода. Могъ ли бы онъ это сдѣлать, если бы съ тылу ему угрожалъ Русскій десантъ? Его армія была бы точно также въ значительной мѣрѣ парализована, какъ теперь нашъ Добруджинскій отрядъ.

Тоже самое относится до войскъ, занимающихъ Варну и окрестности. Прибавимъ къ тому возможность, которую имѣютъ Турки, быстро доставлять свои войска съ Европейскаго на Азіатскій театръ войны и наоборотъ, возможность, которою они пользовались. Когда разливъ Дуная препятствовалъ нашей переправѣ въ Болгарію, Турки усилили свою малоазіатскую и кавказскую арміи, а теперь взятыми оттуда войсками подкрѣпляютъ свои европейскія арміи, чѣмъ, если не исключительно, то въ значительной мѣрѣ, объясняются какъ наши неудачи подъ Карсомъ, такъ и затрудненія, встрѣтившіяся въ Болгаріи. Соединяя все это вмѣстѣ, мы не слишкомъ высоко оцѣнимъ услугу, оказываемую Турціи ея флотомъ, уравнивъ дѣйствіе его стотысячной арміи. Слѣдовательно, сложивъ то, чего насъ лишаетъ неимѣніе флота на Черномъ морѣ, съ тѣмъ, что̀ приноситъ Туркамъ ихъ преобладаніе на морѣ, мы можемъ не опасаться упрека въ преувеличеніи, признавъ за равнодѣйствующее этой суммѣ ихъ выгодъ и нашихъ невыгодъ—армію въ 250.000 человѣкъ. Представимъ же себѣ, какой видъ получила бы война, если бы, безъ новыхъ мобилизацій и наборовъ, съ самаго начала мы располагали бы лишними 250.000 на Дунаѣ и на Евфратѣ. Оставляя самое широкое поле разнымъ стратегическимъ и тактическимъ ошибкамъ, мы все-таки, по меньшей мѣрѣ, стояли бы уже подъ Константинополемъ и владѣли бы Карсомъ, Батумомъ и Эрзерумомъ. Невольно приходятъ на умъ слова Татьяны Онѣгину: „А счастье было такъ возможно!“

Съ 1871 года возвратили мы себѣ право держать флотъ на Черномъ морѣ. Если не доставало текущихъ средствъ на постройку его, не могли мы развѣ сдѣлать займа въ 30 или 40 милліоновъ и имѣть на Черномъ морѣ 20 или 25 первоклассныхъ броненосцевъ? Не говоря о сохраненныхъ человѣческихъ жизняхъ, развѣ сорокъ милліоновъ экономіи они бы намъ доставили? Я скорѣе склоненъ думать, что четыреста, и то считая лишь одни прямые расходы и не принимая въ расчетъ косвенныхъ выгодъ отъ быстраго и блистательнаго хода войны. Вмѣсто двадцати или двадцати пяти броненосцевъ у насъ двѣ поповки, имѣющія, кромѣ всѣхъ своихъ отрицательныхъ достоинствъ, ту удивительную спеціальность, что способны лишь къ защитѣ того, что̀ не требуетъ съ ихъ стороны никакой защиты, какъ-то Керченскаго пролива, входа въ Днѣпровскій лиманъ, Севастополя и Одессы, ибо торпеды и бе-

реговыя укрѣпленія удовлетворяютъ этой цѣли по меньшей мѣрѣ столь же хорошо и гораздо дешевле.

Вотъ къ какимъ результатамъ приводитъ насъ оцѣнка того вліянія, которое имѣетъ для насъ господство враждебнаго намъ флота на Черномъ морѣ. Оно равняется 250.000 арміи въ войнѣ противъ Турціи. Едва ли можно его цѣнить ниже въ случаѣ войны съ Англіей и особенно съ Франціей, которыя, при ихъ огромныхъ морскихъ средствахъ, всегда могутъ получить господствующее положеніе въ Черномъ морѣ, при условіи свободнаго плаванія по проливамъ. Огромныя русскія арміи были бы нейтрализованы сильнымъ непріятельскимъ флотомъ при содѣйствіи незначительнаго корпуса, предназначеннаго для десантовъ.

Даже относительно Испаніи, войну съ которой, по крайней мѣрѣ въ формѣ единоборства, конечно трудно предположить, нашъ будущій черноморскій флотъ едва ли могъ бы расчитывать на положительный перевѣсъ. Въ случаѣ войны съ Австріей, мы могли бы правда расчитывать на такой перевѣсъ; но самая незначительность австрійскаго побережья чрезвычайно ограничиваетъ тѣ выгоды, которыя могло бы намъ доставить право свободнаго выхода изъ Чернаго моря нашего флота, и то лишь, если бы Австрія выступила противъ насъ безъ союза съ сильною морскою державой, что также мало вѣроятно. Такимъ образомъ, при невозможности доставить нашему черноморскому флоту такой силы, которая обезпечивала бы за нимъ положительный перевѣсъ надъ флотами сильныхъ морскихъ державъ, — свободное плаваніе по проливамъ, въ большинствѣ случаевъ, было бы для насъ рѣшительно невыгоднымъ и имѣло бы своимъ результатомъ отвлеченіе значительной сухопутной арміи единственно для охраны нашихъ черноморскихъ береговъ.

Если Босфоръ и Дарданелы составляютъ ворота въ нашъ домъ, то выгоднымъ для насъ можетъ считаться только то положеніе, когда мы имѣемъ ключъ отъ этихъ воротъ въ своемъ карманѣ, а не то, когда эти ворота будутъ постоянно настежъ отверены для друга и недруга. Могутъ намъ конечно возразить, по видимому съ нѣкоторою основательностью, что свободное плаваніе есть общее правило, отъ котораго мы не имѣемъ права уклоняться, и должны, какъ и всѣ, подчиняться проистекающимъ изъ него выгодамъ и невыгодамъ. Не приступая пока къ разбору этого общаго правила, допустимъ, что, скрѣпя сердце, еще можно бы было согласиться

съ его требованіями, еслибъ такое выгодное для насъ положеніе изстари существовало, и отъ насъ бы стали требовать, чтобы мы его не измѣняли, не взирая на достигнутый военный успѣхъ. Но совершенно иное дѣло,—вслѣдствіе именно этого нашего военнаго успѣха, измѣнять существующее положеніе дѣла, имѣющаго правда и невыгодныя для насъ стороны, на другое, несравненно невыгоднѣйшее. Входъ въ Балтійское море также образуютъ проливы, хотя конечно и далеко не такіе длинные, узкіе и удобные къ защитѣ, какъ Босфоръ и Дарданелы; но эти проливы издавна считаются свободными для прохода военныхъ судовъ (хотя недавно только стали совершенно свободными для кораблей торговыхъ, выкупомъ Зундской пошлины); и понятно, что если бы, въ случаѣ успѣшной войны, Россія потребовала отъ Даніи запрещенія прохода по Зунду и Бельтамъ военныхъ кораблей; то другія державы этому бы воспротивились, считая требованіе Россіи нарушающимъ свободу, которою уже пользовалось Балтійское море. Но турецкіе проливы находятся въ совершенно иномъ положеніи. Издавна заперты они для всѣхъ военныхъ флотовъ, кромѣ турецкаго. Съ какой же стати требовать Россіи, въ видѣ одного изъ вознагражденій за веденную съ большими усиліями и жертвами войну, такого измѣненія въ существующемъ положеніи вещей, которое очевидно клонится къ ея собственной невыгодѣ, въ гораздо большей степени, чѣмъ къ невыгодѣ Турціи, которая, будучи обладательницею проливовъ, конечно запретъ ихъ, не взирая ни на какіе трактаты, въ случаѣ войны съ какимъ бы то ни было государствомъ? Изъ доселѣ сказаннаго несомнѣнно слѣдуетъ, что каково бы ни было общее правило о свободѣ морей, оно очевидно въ настоящемъ случаѣ не можетъ относиться къ Россіи. Въ мирномъ трактатѣ, ею предписываемомъ, она, внѣ всякаго сомнѣнія, по меньшей мѣрѣ имѣетъ право требовать, чтобы условія этого трактата не клонились явно къ ея вреду. Это тоже общее правило, изъ котораго даже невозможно представить себѣ исключенія. Посмотримъ, однако же, на вопросъ съ болѣе общей точки зрѣнія; посмотримъ, чего требуетъ общее правило о свободѣ морей, и какъ эти требованія относятся къ разсматриваемому случаю.

Всякое общее правило относится и къ общимъ случаямъ. Но Дарданелы и Босфоръ случаи въ высшей степени исключительные, почти единственные во всей топографіи морей земнаго шара. Одинаково ли въ самомъ дѣлѣ положеніе страны, лежащей на откры-

томъ морѣ, и такой, доступъ къ которой возможенъ только черезъ узкій и длинный проливъ? Пусть, напримѣръ, французскій флотъ, выйдя изъ Шербурга, потерпитъ неудачу въ сраженіи съ англійскимъ, и обратный входъ въ гавань будетъ ему загражденъ. Развѣ онъ не имѣетъ возможности укрыться въ Брестѣ, въ Ларошели, въ Лоріанѣ или въ какомъ либо другомъ портѣ Атлантическаго океана, Ламанша, или Нѣмецкаго моря? Но русскому флоту, вышедшему изъ Дарданелъ, въ подобномъ случаѣ уже некуда было бы укрыться, если обратный входъ въ проливъ былъ бы ему прегражденъ. Эта невыгода зависитъ уже отъ самой сущности вещей, и ее никакимъ трактатомъ измѣнить невозможно. Но это еще не все. Между тѣмъ, какъ флотъ, блокирующій открытую гавань, принужденъ бываетъ бурями и непогодами временно прекращать блокаду, непріятельскій флотъ, сторожащій входъ въ Дарданеллы можетъ войти въ самый проливъ (предполагая плаваніе по немъ свободнымъ) и стоять тамъ въ совершенной безопасности и постоянно стеречь входъ въ него, а между тѣмъ другой флотъ войти въ Черное море и хозяйничать тамъ по произволу. Если, такимъ образомъ, оставить проливы незащищенными и свободными для плаванія всѣхъ военныхъ судовъ, то на практикѣ это будетъ равносильно запрещенію выхода русскому флоту изъ Чернаго моря, въ случаѣ войны съ сильною морскою державою, по причинѣ страшнаго риска, сопряженнаго съ выходомъ изъ него. Изъ одного этого соображенія уже слѣдуетъ, что случай внутренняго моря, выходъ изъ котораго возможенъ только черезъ узкій проливъ, не можетъ быть подведенъ подъ общее правило свободы морскаго плаванія, ибо государство, берега котораго омываются такими внутренними морями, принуждено бы было въ морской войнѣ ограничиться одною обороною, безъ всякой возможности наступательнаго дѣйствія. Если внутреннее море, имѣющее выходъ черезъ узкій проливъ, представляетъ, такимъ образомъ, большія невыгоды, которыя, въ случаѣ свободнаго для всѣхъ плаванія по этимъ проливамъ, ничѣмъ не вознаграждаются, то справедливость требуетъ, чтобы эти невыгоды были уравновѣшены, а это возможно лишь въ томъ случаѣ, если свобода входа и выхода черезъ проливы будетъ принадлежать не всѣмъ вообще государствамъ, а только тѣмъ, берега которыхъ прилегаютъ къ внутреннему морю.

Но существуетъ-ли, полно, и само общее правило свободы плаванія по морямъ въ примѣненіи къ настоящему случаю? Изъ чего

истекають въ самомъ дѣлѣ эти общія правила, которыми руководствуются при рѣшеніи вопросовъ международнаго права? Такихъ источниковъ только два: обычаи, установленные трактатами или долговременною практикою, подъ которые подводятся и новые случаи; или, за неимѣніемъ таковыхъ, основанныя на здравомъ смыслѣ и справедливости разсужденія. Чтò же говорятъ въ настоящемъ случаѣ эти освященные трактатами и практикою обычаи? Правда, свобода плаванія по морямъ установлена послѣ долгихъ пререканій и войнъ преимущественно противъ Испаніи, защищавшей противуположный принципъ, и считавшей своею исключительною собственностью открытыя ею воды Америки. Однако же, изъ этого правила сдѣлано исключеніе, по которому прибрежная полоса въ 3 морскихъ мили ($5^1/_2$ верстъ) шириною считается принадлежащею тому государству, чьи берега оно омываетъ. Дарданелы и Босфоръ оказались бы изъятыми изъ общаго правила не только по факту, но и по праву.

Но проливы, будучи входами, выходами или проходами изъ однихъ морей или частей морей въ другія, имѣютъ особенную важность, и потому для нихъ, можетъ быть, существуютъ особыя общеустановленныя правила? Въ разсматриваемомъ нами отношеніи проливы раздѣляются самымъ естественнымъ образомъ на три слѣдующіе разряда. Одни лежатъ между не слишкомъ большими островами и материками или между двумя островами, какъ напримѣръ проливы: Мессинскій, Святаго Бонифація и т. п. Они могутъ быть всегда легко обойдены, и потому на практикѣ и не представляется надобности устанавливать для нихъ какихъ-либо особыхъ правилъ; и если въ подобныхъ проливахъ и были бы возведены укрѣпленія, то они имѣли бы значеніе защиты какого либо особаго пунктѣ, а не прегражденіе прохода черезъ нихъ, чтò не имѣло бы смысла.

Другіе проливы, составляющіе единственный проходъ изъ моря въ море, хотя и не могутъ быть обойдены, но столь широки, что не могутъ быть заграждены береговыми укрѣпленіями; таковы, напримѣръ, проливы: Гибралтарскій, про который напрасно думаютъ что черезъ него можетъ быть прегражденъ входъ въ Средиземное море, Отрантскій, Бабъ-Эль-Мандебскій и т. п. Они, по самому существу дѣла, выгораживаются изъ нашего разсужденія. Если ихъ нельзя преградить, то само собою разумѣется, что и плаваніе по нимъ свободно, какъ и по открытымъ морямъ.

Наконецъ, къ третьему разряду проливовъ принадлежатъ тѣ, которые не могутъ быть обойдены, и притомъ столь узки, что проходъ чрезъ нихъ можетъ быть прегражденъ. Но такихъ проливовъ на земномъ шарѣ только двѣ группы: одна составляющая входъ въ Балтійское море, а другая — въ Черное. Относительно первой группы издавна установился принципъ свободнаго плаванія военныхъ кораблей. Относительно второй группы утвердился принципъ діаметрально противуположный. Проходъ чрезъ проливъ запрещенъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время военнымъ кораблямъ всѣхъ націй, кромѣ самой Турціи, владѣющей обѣими берегами проливовъ, и ея союзниковъ. Когда всего на всего существуютъ только два случая, рѣшенные въ противуположныхъ смыслахъ; то очевидно, что изъ этого нельзя извлечь никакого общаго правила, и одинъ нихъ не можетъ служить юридическимъ прецедентомъ для другаго; слѣдовательно, за неимѣніемъ обычаевъ освященныхъ трактатами или долговременною практикою, ничего не остается, какъ обратиться къ разсужденію, основанному на справедливости и здравомъ смыслѣ.

Будемъ разсуждать методически, постепенно восходя отъ простаго къ болѣе сложному. За точку исхода возьмемъ случай возможно простѣйшій. Море окружено владѣніями одного государства, которому принадлежатъ оба берега ведущаго въ него пролива. Этотъ случай представляетъ намъ Азовское море и Керченскій проливъ. Тутъ дѣло совершенно ясно. Владѣющее моремъ и проливомъ государство имѣетъ полное и неоспоримое право запрещать въ него входъ военнымъ кораблямъ всѣхъ націй, такъ какъ военные корабли, входя въ этотъ проливъ, не могутъ имѣть иныхъ цѣлей, кромѣ враждебныхъ, защищаться отъ которыхъ не можетъ быть возбранено самостоятельному государству. Такъ, даже Парижскій трактатъ 1856 года не могъ отнять у насъ право укрѣпить Керченскій проливъ.

Этотъ случай, представляемый Азовскимъ моремъ, соблазняетъ меня сдѣлать небольшое отступленіе отъ хода настоящаго разсужденія. Азовское море не всегда было моремъ замкнутымъ, глухимъ тупикомъ, какъ теперь. Нѣсколько десятковъ тысячъ, а можетъ быть только нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, оно соединялось посредствомъ Манычскаго пролива съ Каспійскимъ моремъ, не всѣ берега котораго принадлежатъ теперь Россіи, а частью и Персіи. Если бы въ то отдаленное время существовали нынѣшнія поли-

тическія отношенія, и въ теперешнее время тѣ давнія топографическія условія; то какъ взглянули бы мы на требованіе посторонними государствами свободнаго плаванія по Керченскому и Манычскому проливамъ, дабы имѣть возможность, при удобномъ случаѣ, нападать на персидскіе берега? Какъ показались бы намъ, въ особенности, персидскіе политики, которые, послѣ побѣдоносной войны (преимущественно сухопутной) съ Россіею, вздумали бы отъ насъ требовать прохода по Керченскому и Манычскому проливамъ, не для своего флота, а для военныхъ флотовъ всѣхъ государствъ, дабы предоставить имъ этимъ возможность, при случаѣ, бомбардировать Энзели и Астрабадъ, въ той весьма слабой надеждѣ, что и Персіи когда нибудь удастся соорудить флотъ столь могущественный, чтобы бомбардировать Брестъ, Шербургъ, Плимутъ или Портсмутъ? Но возвратимся къ нашему разсужденію.

Второй по простотѣ случай, для котораго, къ сожалѣнію, мы не можемъ привести фактическаго примѣра, былъ бы тотъ, что внутреннее море окружено владѣніями двухъ государствъ, каждое изъ которыхъ владѣетъ и однимъ берегомъ ведущаго въ него пролива. Безъ сомнѣнія, эти государства, если политика ихъ не лишена здраваго смысла, очень скоро пришли бы къ такому соглашенію, что если, при мирѣ между ними, одному изъ нихъ придется вести войну съ третьимъ постороннимъ государствомъ; то общими силами закрыть тому третьему проходъ черезъ собща-принадлежащій имъ проливъ, сохранивъ для себя свободный входъ и выходъ. Всякое другое рѣшеніе было бы очевидно столь же противно ихъ выгодамъ, какъ и здравому смыслу. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ входить флотамъ постороннихъ государствъ въ это внутреннее море, какъ не для нанесенія вреда одному изъ прибрежныхъ владѣльцевъ? Въ договорѣ, обезпечивающемъ ихъ отъ такого возможнаго вреда, не возможно найти ничего противнаго справедливости. Прибрежнымъ владѣльцамъ выгодно, а изъ постороннихъ никому не обидно.

Третій по простотѣ своей случай представляется именно Чернымъ моремъ съ его проливами. Берегъ его принадлежитъ двумъ государствамъ, а оба берега выводящихъ проливовъ только одному изъ нихъ. Интересы обоихъ государствъ въ этомъ случаѣ тѣ же, что и во второмъ, но средства къ обезпеченію ихъ попали цѣликомъ въ руки лишь одного изъ нихъ. Конечно оно и пользуется своимъ положеніемъ, сообразно съ своими выгодами, хотя бы то было и вопреки справедливости. Другому ничего не остается, какъ терпѣть

эту несправедливость, пока не получить возможности устроить дѣло такъ, какъ во второмъ случаѣ, то есть выговорить себѣ, если не дѣйствительное владѣніе однимъ изъ береговъ проливовъ, то по крайне мѣрѣ такое же обезпеченіе своихъ прибрежій, какое додоставило бы ему дѣйствительное владѣніе; это было бы для обѣихъ сторонъ выгодно, по отношенію къ обѣимъ справедливо и никому изъ постороннихъ не обидно. Конечно выговоренное договоромъ право не равняется фактическому владѣнію уже потому, что, въ случаѣ войны между самими прибрежными государствами, оно нарушается, и власть преградить входъ и выходъ черезъ проливъ очутится опять въ рукахъ того, кому принадлежатъ оба берега. Но съ этимъ неизбѣжнымъ зломъ надо примириться до тѣхъ поръ, пока берега проливовъ останутся во власти Турціи, зломъ все таки несравненно меньшимъ, чѣмъ свободное плаваніе черезъ проливы. Такъ или почти такъ и было улажено дѣло Хункіаръ-Скелесскимъ договоромъ, возбудившемъ такое негодованіе англичанъ, хотя и трудно понять, на какомъ разумномъ основаніи.

Впрочемъ, исключительная власть Турціи надъ проливами имѣла, вначалѣ полное основаніе, такъ какъ было время, когда всѣ берега Чернаго и даже Азовскаго моря принадлежали одной Турціи, и оно было внутреннимъ Турецкимъ моремъ. Только когда значительная часть береговъ его перешла подъ власть Россіи, исключительная власть Турціи надъ проливами стала тягостною для Россіи, дѣлая ее неполноправнымъ хозяиномъ своихъ береговъ. Мало по малу неполноправность эта исчезала. Кучукъ-Кайнарджискимъ миромъ она была устранена относительно торговаго плаванія, а Хункіаръ-Скелесскимъ договоромъ и относительно военныхъ судовъ. Очевидно, слѣдовательно, что Россія имѣетъ полное основаніе добиваться равноправности, если не во владѣніи, то въ пользованіи проливами. Она должна быть вмѣстѣ съ Турціею полнымъ хозяиномъ въ морѣ омывающемъ ихъ берега. Это есть, такъ сказать, естественное и необходимое дополненіе къ тѣмъ мирнымъ договорамъ, по которымъ сѣверное и восточное побережье Чернаго моря перешло къ Россіи.

Съ русской точки зрѣнія, которая вмѣстѣ съ тѣмъ и точка зрѣнія здраваго смысла и справедливости, вопросъ о проливахъ можетъ имѣть только два рѣшенія. Одно—полное и окончательное, соотвѣтствующее полному окончательному рѣшенію восточнаго вопроса; другое—временное, предварительное, соотвѣтствующее част-

ному его рѣшенію, именно тому, котораго мы можемъ разумно ожидать отъ настоящей войны. Первое рѣшеніе, предполагающее уничтоженіе Турецкаго владычества въ Европѣ, должно передать проливы, если и не въ непосредственное владѣніе Россіи, то въ посредственное, какъ первенствующаго члена Славянскаго, или, точнѣе и полнѣе, Восточно-христіанскаго союза. Второе, оставляя оба берега проливовъ во власти Турціи, предоставляетъ военнымъ флотамъ одной Россіи право свободнаго черезъ нихъ входа и выхода. Впрочемъ, для этого собственно нѣтъ нужды ни въ какомъ спеціальномъ договорѣ. Вопросъ о проливахъ рѣшится самъ собою въ надлежащемъ смыслѣ, при томъ подчиненіи Турціи преобладающему вліянію Россіи, которое будетъ необходимымъ слѣдствіемъ успѣшности настоящей войны, условія которой изложены мною въ первой статьѣ. (См. выше, стр. 31-41).

Такимъ представляется это дѣло съ Русской точки зрѣнія; но таково-ли оно съ точки зрѣнія Европейской? Не противуположны-ли въ этомъ вопросѣ Европейскіе интересы интересамъ Русскимъ, я разумѣю конечно интересы законные, имѣющіе основаніе въ здравомъ смыслѣ и справедливости? При томъ положеніи, которое съ самаго начала заняла Европа относительно Русско-Турецкой распри, при сочувствіи, оказываемомъ большинствомъ ея Турціи, несмотря на всѣ творимые ею ужасы, при тѣхъ помѣхахъ и препятствіяхъ, которыя Россія встрѣтила во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, ей, собственно говоря, нечего было бы и обращать вниманіе на Европейскіе интересы; но станемъ, тѣмъ не менѣе, на совершенно безпристрастную точку зрѣнія и посмотримъ, какимъ дѣйствительнымъ Европейскимъ интересамъ можетъ вредить не только раздѣляемое съ Турціею обладаніе проливами, но даже и исключительная, полная власть надъ ними Россіи?

Здѣсь должны мы сдѣлать одно, весьма существенное для всѣхъ подобнаго рода вопросовъ, различеніе политическихъ интересовъ на прямые и косвенные. Вмѣсто того, чтобы вдаваться въ отвлеченныя опредѣленія и разсужденія о томъ значеніи, которое мы придаемъ этимъ терминамъ, представимъ нѣсколькихъ примѣровъ, изъ которыхъ это значеніе само собою выяснится:

Во время войны за Испанское наслѣдство, Англія захватила Гибралтаръ. Никакихъ владѣній на островахъ, или по берегамъ Средиземнаго моря, которыя могли требовать точки опоры для ихъ охраны, она тогда еще не имѣла. Путь въ Индію не пролегалъ

еще по Суэцскому каналу, да и самыя владѣнія Англичанъ, то есть, собственно говоря, частной Англійской торговой Компаніи, въ Индіи были еще ничтожны. Слѣдовательно, единственною цѣлью этого захвата могло быть только наблюденіе за державами прилегавшими къ Средиземному морю, пріобрѣтеніе точки опоры на случай войны съ которою либо изъ нихъ, полученіе средствъ распространять свое вліяніе на обширное море, совершенно чуждое для Англіи. Этимъ слѣдовательно были нарушены прямые интересы Франціи, Итальянскихъ государствъ и вообще всѣхъ державъ прилегающихъ къ Средиземному морю. Совершенно тоже самое можно замѣтить и о захватѣ острова Мальты. Допустимъ, что какое нибудь сильное морское государство, Англія, Франція, или Соединенные Штаты, ведя войну съ Даніею и побѣдивъ ее, выговорило бы себѣ обладаніе островомъ Борнгольмомъ, лежащимъ близь входа въ Балтійское море, въ которомъ ни одно изъ этихъ государствъ не имѣетъ никакихъ прибрежныхъ владѣній, и вообще никакихъ спеціальныхъ интересовъ, которые требовали бы спеціальной охраны. Очевидно, что этимъ нарушены бы были прямые интересы Пруссіи, Россіи и Швеціи. Но если бы этимъ же островомъ овладѣла одна изъ прибрежныхъ державъ, напримѣръ Швеція; то, хотя это могло бы быть весьма предосудительнымъ актомъ въ другихъ отношеніяхъ, ни Россія, ни Пруссія не имѣли бы, собственно говоря, основаній жаловаться на нарушеніе ихъ прямыхъ интересовъ, такъ какъ Швеція не пріобрѣла бы въ сущности никакой новой точки опоры для наступательныхъ цѣлей, такой, которой не могла имѣть и прежде.

Или, пусть при войнѣ съ Турціей, какъ напримѣръ теперь, Россія овладѣла бы Суэцскимъ каналомъ; это конечно нарушило бы прямые интересы Англіи, ибо дало бы Россіи возможность, въ случаѣ нападенія на Индію, преградить ближайшій путь англійскимъ военнымъ и транспортнымъ судамъ, спѣшащимъ на помощь своей колоніи. Также точно, если бы Англія, вслѣдствіи войны съ Турціею, или просто по взаимному съ ней соглашенію, завладѣла полуостровомъ Галлиполи, или островомъ Тенедосомъ, она нарушила бы прямые интересы Россіи, ибо получила бы этимъ новую возможность непосредственно вредить интересамъ Россіи, запирая для насъ выходъ изъ Чернаго моря, и открывая себѣ входъ въ него.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что нарушающими прямые интересы державъ, ненаходящихся между собою въ войнѣ, должно считать такія пріобрѣтенія, или вообще такія статьи договора съ

третьею державою, которыя соединяютъ въ себѣ слѣдующія условія: 1) если они даютъ одному государству новую точку опоры, новую возможность для непосредственнаго вреда; 2) если при этомъ это новое пріобрѣтеніе измѣняетъ положеніе одного государства въ ущербъ другому (съ нимъ не воевавшаго) и 3) если это пріобрѣтеніе не оправдывается необходимостью обороны, или вообще законными и естественными интересами государства, дѣлающаго территоріальное пріобрѣтеніе, или выговаривающаго себѣ новое право по мирному договору.

Что касается до косвенныхъ интересовъ, то трудно придумать такую статью договора, въ чемъ либо измѣняющую прежнее политическое отношеніе двухъ государствъ, которая не вредила бы косвеннымъ интересамъ какого либо третьяго государства: Пруссія устраняетъ Австрію изъ Германскаго союза и тѣмъ вводитъ единство въ Германію, разъединенную до тѣхъ поръ соперничествомъ двухъ преобладающихъ въ ней державъ. Этимъ образуется на границахъ Франціи могущественное государство, что̀ конечно вредитъ ея интересамъ. Но Пруссія удовлетворяетъ этимъ естественному и законному стремленію германской націи, и слѣдовательно тутъ нѣтъ прямаго нарушенія французскихъ интересовъ. Италія объединяется. Интересы Франціи и Австріи въ извѣстной мѣрѣ этимъ нарушаются. Усиленная Италія можетъ потребовать тѣхъ итальянскихъ областей, которыя еще принадлежатъ Франціи (Ница и Корсика) и Австріи (Итальянскій Тироль). Но Италія имѣла несомнѣнное право образовать изъ себя единое національное государство; возможный отъ этого ущербъ французскимъ и австрійскимъ интересамъ есть только случайное, косвенное послѣдствіе достиженія вполнѣ законной цѣли, и никто не имѣетъ права на это жаловаться. Сначала Пруссія и Австрія, а окончательно уже одна Пруссія пріобрѣтаетъ отъ Даніи Гольштейнъ и Шлезвигъ. Это можно пожалуй считать несправедливымъ и противнымъ народному праву по разнымъ соображеніямъ, но нарушенія прямыхъ интересовъ Россіи и Швеціи тутъ нельзя усмотрѣть, потому что Пруссія этимъ не пріобрѣла ничего такого, что̀ давало бы ей новую возможность дѣйствовать наступательно противъ этихъ двухъ государствъ на Балтійскомъ морѣ.

Даже чисто внутреннія распоряженія одного государства, или мирныя предпріятія, могутъ весьма существеннымъ образомъ косвенно нарушать интересы другихъ государствъ. Пруссія вводитъ

у себя общую воинскую повинность. Это принуждаетъ и другія государства принять и у себя эту мѣру и тѣмъ накладываетъ на нихъ новую тягость.—Россія проводитъ желѣзную дорогу въ глубь Средней Азіи, или пускаетъ Аму-Дарью по прежнему ея руслу въ Каспійское море. Это увеличиваетъ опасность русскаго нападенія на Индію.—Лессепсъ прорываетъ Суэцскій каналъ. Этимъ путемъ Англія можетъ быстрѣе доставлять войска и военные снаряды въ Индію. Этимъ, слѣдовательно, увеличиваются ея средства нападенія на русскія среднеазіатскія владѣнія. — Мало того, Америка безспорно считается Англіею за опаснаго соперника. Чѣмъ сильнѣе будетъ возрастать населеніе Штатовъ, тѣмъ они будутъ становиться могущественнѣе и соперничество ихъ опаснѣе. Слѣдовательно, переселеніе, массами идущее изъ Европы въ Америку, можетъ быть сочтено Англіею за косвенное нарушеніе ея интересовъ.

Изъ этихъ примѣровъ ясно, что нарушеніе косвенныхъ интересовъ не можетъ считаться достаточнымъ и законнымъ поводомъ со стороны нейтральныхъ государствъ, для противодѣйствія пріобрѣтенію какихъ либо выгодъ одною изъ воюющихъ державъ отъ другой.—Посмотримъ же, чьи прямые интересы (ибо на косвенные мы имѣемъ право не обращать никакого вниманія) нарушатся, если Россія пріобрѣтетъ отъ Турціи *исключительное* право на свободный проходъ ея военныхъ судовъ черезъ проливы въ Черное и изъ Чернаго моря, на которые имѣетъ самое естественное и очевидное право, такъ же точно, какъ и сама Турція, и кромѣ ихъ никто болѣе. Дѣйствительно, съ правомъ свободнаго прохода черезъ проливъ, Россія получитъ возможность нападать своимъ Черноморскимъ флотомъ на государства, омываемыя Средиземнымъ моремъ. Нерѣдко случалось намъ читать, что Средиземное море должно сдѣлаться Французскимъ озеромъ; правда, мы не читали того, чтобы оно должно было сдѣлаться Англійскимъ озеромъ, но не полагаю, чтобы ошиблись, думая, что таково именно мнѣніе большинства англійскихъ политиковъ. Съ другой стороны, никому не прійдетъ въ голову, чтобы Россія когда нибудь сказала, что Средиземное море должно сдѣлаться Русскимъ озеромъ. Слѣдовательно, всѣмъ тѣмъ, для кого не желательно, чтобы Средиземное море обратилось въ Французское или Англійское озеро (послѣднее конечно вѣроятнѣе), должно быть выгодно, что и Россія получитъ возможность этому препятствовать и съ своей стороны. Тамъ, гдѣ уже столько хозяевъ, новый участникъ можетъ для

каждаго изъ нихъ явиться съ такимъ же точно вѣроятіемъ союзникомъ, какъ и врагомъ; для нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ для Италія и Испаніи, такой союзъ даже гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ враждебное отношеніе. Относительно Австріи можно еще сказать, что обладаніе проливами, хотя бы только совмѣстное съ Турціей, даетъ Россіи возможность вредить ея интересамъ, ибо Дунай составляетъ для нея весьма важный торговый путь. Но построй только Россія достаточный флотъ въ Черномъ морѣ, она и безъ всякой власти надъ проливами имѣетъ полную возможность блокировать устья Дуная, и самое полное обладаніе проливами ей никакой силы въ этомъ отношеніи не прибавитъ. Остается Англія, которая по своему морскому могуществу не станетъ нуждаться въ содѣйствіи русскаго флота. Но, не говоря уже о незаконности всѣхъ англійскихъ владѣній въ Средиземномъ морѣ, которыя составляютъ не только нарушеніе прямыхъ интересовъ всѣхъ прибрежныхъ государствъ, но и самыхъ существенныхъ правъ Испаніи и Италіи (Гибралтаръ и Мальта), — пріобрѣтеніе Россіею права свободнаго прохода черезъ Босфоръ и Дарданелы будетъ только справедливымъ вознагражденіемъ за тѣ удобства быстрѣйшаго сообщенія съ Индіей, которыя получила Англія въ Суэцскомъ каналѣ. Вѣдь и въ настоящую войну говорили о приготовленіяхъ Англіи послать на театръ военныхъ дѣйствій ея индѣйскія войска на помощь Турціи. Неужели же справедливо, законно и не нарушаетъ ничьихъ интересовъ только то, что̀ даетъ новую возможность, новую точку опоры для нападенія на Россію; а напротивъ того, все, что̀ усиливаетъ ея оборону, то несправедливо, незаконно и нарушаетъ общіе интересы?

И такъ, съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть на дѣло, все же оказывается, что, пока Турція существуетъ, совмѣстное съ Турціей владѣніе проливами Россіи не нарушаетъ никакихъ прямыхъ интересовъ, уже по одному тому, что составляетъ естественное послѣдствіе обладанія Россіею большей частью береговъ Чернаго моря. Это есть необходимое послѣдствіе происшедшихъ въ теченіи столѣтій перемѣнъ, по которымъ берега Чернаго моря изъ исключительнаго владѣнія Турціи перешли значительною долею во владѣніе Россіи. Напротивъ того, свободное плаваніе (для военныхъ судовъ) по проливамъ есть нарушеніе самыхъ прямыхъ интересовъ Россіи, потому что, для державъ, неимѣющихъ въ Черномъ морѣ никакихъ владѣній, а слѣдовательно и никакихъ оборонительныхъ

интересовъ, оно имѣетъ лишь интересъ чисто наступательный, дастъ имъ новое средство нападать на Россію и ничего кромѣ этого, измѣнитъ нынѣ существующія политическія отношенія къ явной невыгодѣ Россіи. Однимъ словомъ, право свободнаго выхода изъ Чернаго моря русскимъ военнымъ судамъ есть право выхода изъ своего внутренняго двора на вольный Божій свѣтъ; право свободнаго входа въ Черное море для военныхъ судовъ всѣхъ прочихъ державъ есть право врываться въ нашъ дворъ и домъ единственно для грабежа.

4.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

(*Русскій міръ*, 1877, 11 *и* 12 *ноября*, №№ 308 *и* 309).

Въ виду отчаяннаго и сильнаго сопротивленія турокъ, въ виду новыхъ ужасовъ постигшихъ Болгарію и Арменію, въ виду усиленныхъ средствъ и усилій потребовавшихся со стороны Россіи, весьма естественно является желаніе болѣе радикальнаго рѣшенія вопроса, чѣмъ то, которымъ можно было бы удовольствоваться при легкомъ успѣхѣ, и при болѣе разумномъ и человѣческомъ образѣ дѣйствій Турціи. Слышатся голоса о совершенномъ изгнаніи турокъ изъ Европы. Замѣнить власть ихъ на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова не представляетъ особенно трудной задачи. Румелія и Македонія легко могутъ быть раздѣлены между имѣющими на нихъ право народностями: болгарами и греками. Вся трудность задачи заключается въ проливахъ и въ самомъ Константинополѣ съ его ближайшими окрестностями. О проливахъ говорено въ предыдущей статьѣ, въ которой, кажется мнѣ, ясно показано, что не можетъ быть худшей для интересовъ Россіи комбинаціи, какъ такъ называемое свободное плаваніе по проливамъ: комбинація, которая вмѣстѣ съ тѣмъ и несправедлива, и противна здравому смыслу съ общей теоретической точки зрѣнія. Вполнѣ соотвѣтствуетъ ей объявленіе Константинополя вольнымъ нейтральнымъ городомъ. Оба эти предположенія вяжутся между собою, одно составляетъ какъ бы дополненіе другому, и одно то, что Константинополь-вольный городъ необходимо предполагаетъ нейтрализацію проливовъ или свободное по нимъ плаваніе, такъ какъ защищать, запирать и открывать ихъ будетъ некому, было бы уже вполнѣ достаточно, чтобы заставить отвергнуть это предложеніе въ интересахъ Россіи. Но оставимъ въ сторонѣ, какъ уже достаточно разобранное, это не-

обходимое слѣдствіе объявленія Константинополя вольнымъ городомъ и разсмотримъ его само въ себѣ.

Не надо особой проницательности, чтобы представить себѣ довольно ясно и отчетливо характеристическія черты этого будущаго измышленія дипломаціи. Константинополь—вольный городъ будетъ городомъ въ полномъ смыслѣ космополитическимъ, по той весьма простой причинѣ, что, съ упраздненіемъ турецкой власти, исчезнетъ и тотъ восточный, турецкій колоритъ, который облекаетъ теперь этотъ городъ какимъ-то призракомъ національности, а иной національной основы, которая могла бы наложить на него свою печать, въ немъ нѣтъ и не откуда ей взяться.

Въ моихъ глазахъ, этотъ несомнѣнный космополитизмъ Константинополя-вольнаго города есть уже полный и безусловный надъ нимъ приговоръ. Что не національно, то не имѣетъ права на существованіе въ политическомъ мірѣ. Но, къ сожалѣнію, въ глазахъ многихъ космополитизмъ этотъ будетъ напротивъ того считаться величайшимъ достоинствомъ, штемпелемъ прогресса, причиной желательности такого явленія. Раскроемъ же съ нѣкоторою подробностью черты этого космополитизма, которыя неминуемо опредѣлятъ собою характеръ Константинополя, провозглашеннаго вольнымъ городомъ.

Начнемъ съ его единственнаго туземнаго элемента, который останется ему въ наслѣдство отъ теперешняго порядка вещей. Это фанаріотство. Дружественно ли оно расположено къ Россіи и къ Славянству? — Это мы видимъ изъ теперешняго образа дѣйствій Константинопольской Патріархіи. Говорятъ, что мы сами оттолкнули ее отъ себя одностороннимъ покровительствомъ Болгаръ въ ихъ распрѣ съ Греками. Охотно допускаемъ, что Болгары перешли надлежащую мѣру, что они (впрочемъ точно также, какъ и ихъ противники), призвали вмѣшательство мусульманской власти въ дѣла Православной Церкви, выговорили себѣ несогласное съ церковными канонами право имѣть самостоятельнаго главу своей церкви (оставшейся православной) въ томъ же городѣ, гдѣ находится каѳедра Вселенскаго Патріарха (нарушеніе, которое легко устранимо перемѣщеніемъ Болгарскаго экзарха въ другой городъ, напримѣръ — Тырново). Но что же повело къ этому и въ чемъ собственно сущность дѣла? Не въ честолюбивыхъ ли притязаніяхъ Грековъ эллинизировать Болгаръ, введеніемъ въ ихъ церквахъ богослуженія на греческомъ языкѣ, замѣщеніемъ болгарскихъ архіерейскихъ ка-

, өедръ исключительно греками, распространеніемъ греческихъ школъ среди Болгарскихъ населеній? Не таже ли это вина, въ которой повинны и Мадьяры относительно Словаковъ, Русскихъ, Сербовъ, Румынъ въ Транслейтаніи, или Поляки въ Галиціи, а прежде во всей западной Россіи? Не явно ли, что національное безпристрастіе которое должно бы руководить церковью, носящею названіе Все ленской, и которымъ въ прежнія времена она отличалась,—было принесено въ жертву узкимъ интересамъ эллинизма -- такъ называемой „великой идеѣ"? Не отголосокъ ли это тѣхъ навѣянныхъ съ запада опасеній всепоглощающаго панславизма, которыя такъ распространились въ послѣднее время между Греками, и которыя дошли до того, что значительная часть эллинской интеллигенціи проповѣдывала союзъ съ Турціей противъ Россіи и Славянства? Чѣмъ объяснить разницу въ поведеніи теперешней Патріархіи сравнительно съ временами греческаго возстанія двадцатыхъ годовъ, (тогда героизмъ и мученичество, теперь низкопоклонство и наружно покрайней мѣрѣ выказываемое сочувствіе турецкому дѣлу), *какъ не враждебнымъ отношеніемъ къ Славянству*? Какъ бы то ни было, но не можетъ быть сомнѣнія, что Фанаріоты будутъ дѣйствовать въ этомъ же духѣ честолюбиваго эллинскаго прозелитизма и въ вольномъ городѣ—Константинополѣ, только съ гораздо большею свободою и откровенностью. А этимъ развѣ не воспользуются съ своей стороны католичество и іезуитизмъ?

Искони ухищренія католицизма были направлены на Болгаръ, изъ-за которыхъ и возгорѣлся собственно споръ, поведшій къ раздѣленію церквей. Неужели столь тонко понимащее свои выгоды католическое духовенство не воспользуется національною враждой между Греками и Болгарами, чтобы обработывать ее въ свою выгоду, и не сдѣлаетъ вольнаго города Константинополя однимъ изъ центровъ іезуитскихъ интригъ и пропаганды? Не откроются ли здѣсь іезуитскія школы и не распространятся ли по лицу Болгаріи подъ предлогомъ оказанія помощи болгарской народности въ ея культурной борьбѣ съ эллинизмомъ? Не можетъ быть, чтобы столь дѣятельный въ послѣднее время ультрамонтанскій католицизмъ упустилъ сдѣлать изъ Константинополя могущественную точку опоры для борьбы съ Православіемъ.

Къ этимъ двумъ религіознымъ элементамъ не забудемъ присоединить и третій: многочисленныя миссіонерскія общества отъ разныхъ протестантскихъ сектъ, какъ европейскихъ, такъ еще

болѣе американскихъ. Не станетъ ли вольный городъ—Константинополь однимъ изъ центровъ ихъ проповѣднической, училищной дѣятельности среди Славянъ и въ особенности среди Болгаръ какъ ограбленнаго, разореннаго народа? При помощи благотворительности, не могутъ ли они надѣяться на значительный успѣхъ тамъ, гдѣ еще ничего не сложилось и по необходимости будетъ находиться какъ бы въ состояніи броженія? Вотъ вкратцѣ религіозная сторона дѣла; посмотримъ на политическую.

Политическіе выходцы всѣхъ странъ, начиная отъ революціонныхъ агитаторовъ національныхъ польскихъ и другихъ, до послѣдователей интернаціональнаго и демократическаго соціализма не совьютъ ли своего гнѣзда въ вольномъ городѣ Константинополѣ? Для этого онъ будетъ предоставлять имъ всевозможныя удобства: во-первыхъ, не только полную безопасность отъ преслѣдованія разныхъ правительствъ, но и *покровительство* отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ; во-вторыхъ, обширное новое, подъ руками находящееся, поле дѣйствія. Въ Англіи, въ Швейцаріи всѣ эти выходцы, — что̀ они такое, какъ не чуждый, посторонній элементъ, который терпится по принципу, но вокругъ и выше котораго идетъ своя самостоятельная широкая политическая жизнь? Здѣсь они будутъ не только главнымъ, но единственнымъ носителемъ политической жизни. Какое откроется передъ ними поприще! На развалинахъ Турціи общество новое, неустроенное, неустоявшееся, такъ сказать еще безъ историческаго баланса. Если русское войско и русская власть останутся на нѣкоторое время въ болгарскихъ странахъ, для устройства ихъ, власть эта конечно принуждена будетъ противодѣйствовать злонамѣренной пропагандѣ, причемъ не обойдется безъ мѣръ строгости, можетъ быть суровости; а это будетъ выставляться, какъ угнетеніе свободы, какъ честолюбивый замыселъ подчинить себѣ освобожденную страну. Такъ называемая народная интеллигенція въ Болгаріи и въ другихъ странахъ Балканскаго полуострова, конечно еще находится не на ступени самостоятельности, а, какъ по большей части и у насъ еще, на ступени пассивной пріемлемости. Въ такой средѣ, всѣ крайнія радикальныя ученія, принимаемыя за послѣднее слово науки и прогресса, имѣютъ самую удобную почву для своего распространенія, столь же удобную, какъ и въ тѣхъ странахъ, гдѣ многовѣковая историческая жизнь поставила другъ противъ друга, въ ихъ непримиримомъ противорѣчіи, противуположные общественные инте-

ресы. Могущественнаго союзника найдутъ эти ученія въ мелкомъ чувствѣ узкаго націонализма, къ которому также очень склонна *зарождающаяся*, *неустоявшаяся* интеллигенція у маленькихъ народовъ. Только въ такой развитой странѣ, какъ Чехія, богатой историческимъ опытомъ, видимъ мы, что высшіе общіе интересы славянскаго единства начинаютъ пониматься наравнѣ съ частными интересами Чешской народности. Въ средѣ совершенно неопытной, конечно, могутъ получить вѣру рѣчи такого рода: „Россія освободила васъ изъ видовъ своего честолюбія; какія страшныя раны заставила она васъ понести, но что́ ей до нихъ, лишь бы достигнуть своей цѣли. Просвѣщенная, гуманная Европа не менѣе Россіи сочувствовала вашимъ страданіямъ, но она любила васъ для васъ самихъ, а не для себя, и потому хотѣла дѣйствовать постепенно, не подвергая васъ ужасамъ турецкаго фанатизма. Турція согласилась на обширныя реформы, ввела парламентскую форму правленія. Въ началѣ это была бы конечно одна форма, но мы бы позаботились, чтобы форма обратилась въ дѣйствительность. Турки, неспособные къ просвѣщенію и прогрессу, не вынесли бы дыханія политической свободы, и вы бы сдѣлались прямыми, естественными ихъ наслѣдниками. Вотъ какой судьбы желали мы для васъ, и только честолюбіе и эгоизмъ Россіи, прикрытые маскою либерализма, подвергли васъ всѣмъ ужасамъ турецкаго мщенія..." и такъ далѣе, въ томъ же родѣ. Ни годъ тому назадъ, ни теперь никто этому не повѣрилъ бы; всякій бы отвѣчалъ, что не русское нападеніе, а англійская и австрійская явная и тайная помощь придали силу и дерзость турецкому звѣрству и фанатизму. Но черезъ нѣсколько лѣтъ этому легко могла бы повѣрить масса мелкой интеллигенціи, развращенная пропагандой. Со всѣмъ тѣмъ, мы не думаемъ, чтобы эта пропаганда имѣла рѣшительный успѣхъ; здравый инстинктъ народа съумѣетъ дать ей должный отпоръ; но однимъ изъ худшихъ ея результатовъ будетъ то, что святые интересы Славянства, и теперь съ разныхъ сторонъ злонамѣренно и ехидно смѣшиваемые съ интересами демократической и соціальной революціи, въ глазахъ многихъ дѣйствительно съ ними отождествятся, и что по внѣшности этому будетъ дано достаточное оправданіе. Одно это заставляетъ уже предположить, что такая пропаганда изъ вольнаго города Константинополя получитъ самое усердное содѣйствіе съ разныхъ сторонъ, даже весьма консервативной наружности.

Но злонамѣренная пропаганда изъ вольнаго города Константинополя не ограничится одними балканскими Славянами. Какое мѣсто выбрали себѣ наши русскіе выходцы для центра своей дѣятельности? Не Америку, гдѣ имъ было бы всего льготнѣе и свободнѣе; даже не Англію, съ которою наши сношенія не особенно часты, а Швейцарію, куда ѣздитъ масса путешественниковъ, откуда слѣдовательно всего легче дѣйствовать на Россію. Но какое преимущество будетъ имѣть въ этомъ отношеніи вольный городъ Константинополь сравнительно съ Цюрихомъ, или Женевою! Какъ близко изъ него до Россіи сухимъ путемъ, а особенно моремъ! Всего 24 часа пути до Крыма, полтора сутокъ до Одессы, двое до Кавказа. Всякій пароходъ, всякое торговое судно, даже рыбачья лодка могутъ ввозить революціонныя газеты, брошюры, подметные листы, прокламаціи и ихъ распространителей. Конечно, и при этомъ не погибнетъ Россія, въ ней не произойдетъ государственнаго переворота,—но сколько смутъ, сколько личныхъ и семейныхъ несчастій, сколько стѣсненій въ законной свободѣ будетъ имѣть это своимъ послѣдствіемъ!

Вольный городъ Константинополь будетъ центромъ религіозныхъ, политическихъ и революціонно-соціалистическихъ интригъ, заговоровъ и пропаганды, направленныхъ противъ Славянства и Россіи. Это первая, несомнѣнная его характеристическая черта.

Другую черту составитъ весьма обширная торговая и биржевая дѣятельность. Не собственно производительная проявится дѣятельность,—а то, что̀ такъ хорошо характеризуется новымъ, недавно вошедшимъ въ употребленіе, заимствованнымъ изъ жидовскаго жаргона, словомъ — *гешефтъ*. Все биржевое, барышничающее, жидовствующее стечется сюда, ибо тутъ будетъ ему широкій просторъ и большая пожива. Городъ безъ сомнѣнія будетъ порто-франко, ибо нѣтъ никакой причины не предоставить ему самыхъ широкихъ правъ свободной торговли, такъ какъ ни въ городѣ, ни въ его округѣ не существуетъ промышленныхъ интересовъ, которые требовали бы таможенной охраны. При этихъ условіяхъ и одномъ изъ выгоднѣйшихъ въ мірѣ торговомъ положеніи — матеріальное богатство города широко разовьется, а при отсутствіи всякихъ высшихъ интересовъ—ибо откуда имъ взяться—оно, какъ всегда и вездѣ, произведетъ стремленіе къ роскоши, веселью, разгулу и разврату.

Развратъ востока и запада, развратъ нравственный и развратъ

умственный подадутъ здѣсь другъ другу руку и такъ сказать помножатся другъ на друга. Прибавьте къ этому полное отсутствіе всякаго противувѣса, всякой охраны какъ извнутри, такъ и извнѣ.

Извнутри никакой почвы подъ ногами, ни религіозной, ни національной, ни охранительной силы историческихъ преданій. Полная и совершенная tabula rasa. Отсутствіе національнаго элемента ясно само по себѣ. Съ удаленіемъ наплывной оттоманской стихіи, не пустившей корней въ продолженіе слишкомъ четырехсотлѣтняго господства, останется лишь смѣшеніе языковъ. Но страннымъ можетъ показаться, что мы отрицаемъ даже присутствіе элемента религіознаго въ этой столицѣ православія. Конечно, было время, когда Константинополь былъ центромъ религіозной жизни для всего христіанства. Это было время Григоріевъ, Златоустовъ, время вселенскихъ соборовъ. Затѣмъ, въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій Константинополь продолжалъ быть главнымъ охранителемъ православной истины. И этотъ интересъ въ душахъ и сердцахъ его населенія перевѣшивалъ всѣ другіе интересы, даже интересы независимаго политическаго существованія. Но съ Турецкимъ погромомъ это все перешло въ область преданія, исторіи. Въ настоящемъ видѣ своемъ Константинополь не имѣетъ даже значенія великаго памятника христіанской святыни, подобно Іерусалиму, или даже подобно Аѳону, нашему Кіеву, Троицкой Лаврѣ. Онъ не привлекаетъ къ себѣ толпы поклонниковъ.

Нить исторической жизни тоже порвана. А великіе историческіе мертвецы также не оживаютъ, какъ и отдѣльные люди для продолженія ихъ прежней жизни. На старомъ, историческомъ пепелищѣ нерѣдко снова возжигается жизнь; но жизнь эта не продолженіе прежней, а жизнь совершенно новая, которая, хотя и почерпаетъ особые плодотворные соки изъ богатой исторической почвы, но для своего возникновенія требуетъ новыхъ живыхъ элементовъ и силъ. При Птоломеяхъ Египетъ возродился къ новой блистательной жизни, но то не было продолженіе жизни Египта Фараоновъ. И Римъ въ средніе вѣка снова сталъ центромъ могучей жизни; но опять таки то не было возрожденіе жизни Рима Цесарей.—И мы надѣемся на возрожденіе Константинополя,— но это не будетъ воскресеніемъ Константинополя Комненовъ и Палеологовъ. Дабы начать новую жизнь, онъ долженъ преобразиться въ Царьградъ — центръ свободнаго и объединеннаго Славянства.

При полномъ отсутствіи внутреннихъ охранительныхъ началъ,

религіозныхъ, національныхъ, историческихъ — вольный городъ Константинополь, сказали мы, будетъ лишенъ всякаго охранительнаго внѣшняго вліянія, ибо, разъ согласившись на образованіе этого вольнаго города,—Россія потеряетъ возможность всякаго на него воздѣйствія. Тѣ зловредныя начала: религіозныя и политическія интриги, развратъ умственный и нравственный, которыя обратятъ его въ гнѣздо заразы для всего Балканскаго Славянства и для самой Россіи, и составляютъ именно тѣ условія, по которымъ онъ будетъ особенно милъ и дорогъ врагамъ Россіи и Славянства, и каждый изъ нихъ будетъ имѣть свои особыя причины лелеять и оберегать его.

Вольный городъ Константинополь—сказали мы—будетъ однимъ изъ центровъ дѣятельности католической и іезуитской интриги— и въ этомъ качествѣ будетъ пользоваться особымъ расположеніемъ Франціи. По отношенію къ папству, къ ультрамонтантству и клерикализму—Франція играетъ совершенно особую роль. Съ одной стороны, она меньше всѣхъ другихъ католическихъ державъ подчинялась власти Рима, болѣе всѣхъ противодѣйствовала ультрамонтанству, даже въ эпоху самихъ католическихъ своихъ государей, напримѣръ Людовика XIV, и болѣе всѣхъ нанесла вреда католичеству и папству такъ называемымъ вольнодумствомъ XVIII вѣка. Съ другой же стороны, Франція болѣе всѣхъ содѣйствовала укрѣпленію и возвеличенію папства. Столь прославленныя въ средніе вѣка Gesta Dei per Francos были начиная съ Людовика и Карла Великаго дѣйствіями Франціи на усиленіе папства. И теперь всего болѣе, даже исключительно, на Францію возлагаетъ надежды свои Римская курія. Сообразно этому двоякому теченію, Франція возмущается всякими побѣдами клерикализма внутри, и готова всѣми своими силами способствовать его внѣшнимъ успѣхамъ. Покровительствуя вольному городу Константинополю, удовлетворитъ она разомъ нѣсколькимъ могущественнымъ стремленіямъ своимъ: продолжитъ свою историческую дѣятельность на защиту интересовъ католичества и папства; дастъ пищу народному честолюбію играть видную роль на востокѣ; оказывая внѣшнее содѣйствіе католическому властолюбію, получитъ бо́льшую свободу противодѣйствовать его захватомъ внутри.

Австрія, конечно, также не прочь оказать содѣйствіе католическому прозелитизму; но въ ея глазахъ главное достоинство вольнаго города Константинополя—служитъ орудіемъ и средствомъ къ

нравственному зараженію и разложенію Славянства, къ возбужденію его противъ Россіи, въ особенности же къ заподозрѣванію въ глазахъ Россіи чистоты славянскихъ стремленій, намѣреннымъ смѣшиваніемъ и отождествленіемъ ихъ съ стремленіями революціонныхъ и соціалистическихъ партій.

Наконецъ, Англія, всегдашняя покровительница всѣхъ политическихъ смутъ и заговоровъ—вѣдь получило же нѣкогда знаменитый Пальмерстонъ прозваніе лорда Фейербранда—прикрывающая свое покровительство маскою возвышеннѣйшаго политическаго либерализма, будетъ имѣть и еще особую причину благоволенія къ вольному городу на берегахъ Босфора. Въ политическомъ отношеніи онъ будетъ для нея точкою приложенія рычага, для дѣятельности ко вреду Россіи, въ чемъ и заключается вся сущность ея восточной политики. Въ отношеніи торговомъ—мы уже говорили, что вольный городъ Константинополь не можетъ не быть порто-франко. Но этотъ порто-франко будетъ въ совершенно особыхъ условіяхъ.

Привилегія порто-франко дается какому нибудь городу для искусственнаго возвышенія его торговаго значенія, промышленность же страны, въ которой онъ лежитъ, ограждается внутреннею таможенною линіею. Кто же будетъ охранять здѣсь эту таможенную линію? Интересъ города будетъ заключаться въ томъ, чтобы этой линіи не было, или, чтобы, по крайней мѣрѣ, она была наивозможно менѣе дѣйствительна, ибо, чѣмъ большее число товаровъ будетъ проходить черезъ городъ, тѣмъ обширнѣе торговая дѣятельность, и тѣмъ выше городскіе доходы. Но и окружающіе страны Балканскаго полуострова, неимѣющія почти никакихъ зачатковъ промышленной дѣятельности, исключительно производящія сырые матеріалы, будутъ считать своею выгодою возможно дешевое полученіе мануфактурныхъ и колоніальныхъ товаровъ черезъ Константинополь. Слѣдовательно, нельзя ожидать и съ ихъ стороны сильныхъ настояній на строгомъ соблюденіи таможенныхъ линій вокругъ порто-франко. Я выставляю на видъ эти обстоятельства, не съ цѣлью обсужденія ихъ экономическихъ послѣдствій, а лишь для того, чтобы показать, сколько любезенъ долженъ сдѣлаться для Англіи этотъ вольный городъ. Англія во всей своей государственной и торговой политикѣ любитъ держаться правила выраженнаго во французской пословицѣ: Le mieux est l'ennemi du bon *).

*) Лучшее врагъ хорошему.

Въ этомъ заключается ея консерватизмъ. Но когда она въ очію видитъ всѣ выгоды этого лучшаго, то умѣетъ по достоинству его цѣнить. Такъ она долго противилась прорытію Суэцкаго канала, но теперь поняла его выгоды и старается прибрать къ своимъ рукамъ. Также точно, она скоро бы убѣдилась, что для ея торговыхъ интересовъ вольный городъ Константинополь многимъ превосходнѣе турецкаго Стамбула.

Вотъ уже три вѣрныхъ защитника правъ и вольностей Босфорскаго вольнаго города. Четвертымъ, еще болѣе существеннымъ, будетъ общественное мнѣніе Европы, всегда враждебное Россіи, особенно когда дѣло идетъ о ея любимыхъ дѣтищахъ: свободѣ, либерализмѣ, безъ разбора, въ чемъ проявляются эти либерализмъ и свобода.

Что̀ же будетъ дѣлать Россія? Ея представленія конечно не будутъ уважены. Обратиться къ силѣ ей едва ли будетъ возможно. И теперь, когда она встала на защиту грубо и свирѣпо попираемыхъ основныхъ правъ человѣка на жизнь, честь и имущество, мы видимъ, что ей противупоставляютъ всевозможныя преграды, и это при самыхъ благопріятныхъ для нея сочетаніяхъ политическихъ обстоятельствъ. Чѣмъ оправдаетъ она себя тогда въ глазахъ, частію ослѣпленнаго, частію злонамѣреннаго общественнаго мнѣнія? Чѣмъ обезоружитъ правительство тѣхъ государствъ, которыя именно во вредѣ ей причиняемомъ и будутъ видѣть свою прямую непосредственную пользу, и при томъ будутъ имѣть возможность прикрывать свой эгоизмъ и лицемѣріе возгласами о либерализмѣ, о защитѣ свободы противъ честолюбиваго деспотизма? Руки Россіи были бы связаны, и, что̀ всего хуже, она сама помогла бы ихъ себѣ связать.

Въ маломъ видѣ и сравнительно въ узкой сферѣ, мы имѣли уже подобный примѣръ. На Вѣнскомъ конгресѣ, не зная, что̀ дѣлать съ Краковомъ, имѣвшимъ, повидимому, слишкомъ важное стратегическое, или иное какое значеніе, чтобы перейти вмѣстѣ съ большею частію герцогства Варшавскаго къ Россіи, рѣшили было обратить его въ вольный городъ. Конечно, онъ не былъ городомъ космополитическимъ, а напротивъ того, городомъ національно-польскимъ—и, соотвѣтственно этому, сдѣлался центромъ польскихъ политическихъ заговоровъ, такъ что, наконецъ, въ него должны были войти русскія и австрійскія войска. Вольный городъ былъ упраздненъ и присоединенъ къ Австріи. Сколько криковъ было

поднято по этому случаю въ Европейской либеральной журналистикѣ, въ англійскихъ и французскихъ правительственныхъ сферахъ! Но въ то время Священный союзъ существовалъ еще въ полной силѣ, интересы Россіи, Австріи и Пруссіи совпадали въ этомъ пунктѣ; во Франціи царствовалъ миролюбивѣйшій Людовикъ Филиппъ, самъ во все свое царствованіе еле отбивавшійся отъ насѣдавшей на него революціи; наконецъ, Краковъ лежитъ среди континента и недоступенъ для Англіи. Надо ли пояснять, что Константинополь будетъ повреднѣе и поважнѣе Кракова, что отдать его, даже еслибы Россія и могла на то согласиться, будетъ некому, что лежитъ онъ при морѣ, и что нѣтъ ни одной державы, интересы которой сходились бы на этомъ пунктѣ съ русскими?

Чтò же дѣлать съ Константинополемъ? Не настоящій ли это, выражаясь словами Карлейля, неразрѣшимый случай Кардана? Россія не хочетъ присоединять его къ себѣ, включить въ составъ своего государственнаго тѣла, опасаясь, что онъ перевернетъ центръ тяжести его. Разбирая въ моей книгѣ подробно этотъ вопросъ, я представилъ вѣскія, какъ мнѣ кажется, доказательства противъ такого включенія. Отдать его другой Европейской державѣ—противно всѣмъ интересамъ Россіи: обратить его въ вольный городъ, какъ мы только-что показали, едва ли не еще вреднѣе. Въ моей книгѣ, думается мнѣ, я представилъ рѣшеніе полное и удовлетворительное этой задачи. Но рѣшеніе это предполагаетъ полное, удовлетворительное и окончательное рѣшеніе Восточнаго вопроса во всемъ его объемѣ, составляетъ довершеніе и вѣнецъ его; въ настоящее же время это еще пока политическая мечта, политическій идеалъ, который долженъ конечно осуществиться, (какъ осуществилось итальянское и германское единства, такъ недавно также еще бывшія политическими мечтами), но не въ настоящемъ, еще пріуготовительномъ фазисѣ Восточнаго вопроса.

Но посмотримъ, въ чемъ заключается самая сущность этого, пока идеальнаго рѣшенія; переведемъ его, такъ сказать, на болѣе общій алгебраическій языкъ, и въ эту общую формулу подставимъ другія данныя; не получимъ ли этимъ способомъ временнаго, предварительнаго рѣшенія, съ нѣкоторыхъ сторонъ можетъ быть и весьма неудовлетворительнаго, но, по крайней мѣрѣ, охраняющаго самую сущность дѣла, ничего не предрѣшающаго ему во вредъ, хотя бы для этого пришлось подставить подъ нѣкоторые алгебраическіе знаки величины нулевыя и даже отрицательныя, за неимѣніемъ, неготов-

ностью еще въ настоящее время величинъ положительныхъ? По нашему рѣшенію задачи—назовемъ его пока идеальнымъ—Константинополь долженъ быть городомъ общимъ всему православному и всему славянскому міру, центромъ Восточно-христіанскаго союза. Въ этомъ качествѣ, онъ будетъ слѣдовательно принадлежать и Россіи, первенствующему члену этого союза, но не будетъ включенъ въ непосредственный составъ ея государственнаго тѣла. Вліяніе Россіи въ Константинополѣ было бы, какъ само собою разумѣется, преобладающимъ. Все, что̀ Константинополь заключаетъ въ себѣ великаго, — его православно-христіанскій и историческій ореолъ, его несравненное географическое, топографическое и стратегическое положеніе,—будетъ принадлежать Россіи наравнѣ со всѣми прочими народами, имѣющими на него право по своей религіи, этнографическому составу, историческимъ судьбамъ и географическому положенію занимаемыхъ ими странъ: между тѣмъ Россія будетъ ограждена отъ обаятельной и притягательной силы присущей этому величію, которая, какъ это свойственно всякому нравственному или физическому великому центру притяженія, могла бы оказать свое возмущающее вліяніе на внутренній составъ государственнаго тѣла Россіи. Здѣсь будетъ у мѣста сдѣлать одно замѣчаніе въ предупрежденіе могущихъ родиться недоразумѣній. И по нашему рѣшенію задачи, Константинополь долженъ пользоваться правами вольнаго города, но въ нашемъ смыслѣ вольный городъ имѣетъ значеніе муниципальное, а не политическое. Онъ долженъ быть вольнымъ городомъ, каковы: Гамбургъ, Бременъ, Любекъ среди Германской Имперіи, или, еще ближе, какъ Франкфуртъ въ бывшемъ Германскомъ союзѣ, которые, хотя и вольные города, но не составляютъ самостоятельныхъ космополитическихъ центровъ, а суть такія же части Германской Имперіи, какъ королевства и герцогства, и подчинены, подобно имъ, общему германскому закону.

Но, какъ мы уже сказали, элементы для полнаго рѣшенія задачи еще не существуютъ. Большая часть народовъ, которымъ сообща долженъ принадлежать Константинополь, не получили еще политической самостоятельности и не получатъ ее даже при самомъ успѣшномъ окончаніи настоящей войны. Слѣдовательно, въ нашей формулѣ, этому элементу пришлось бы присвоить нулевое значеніе. При этомъ получилось бы такое рѣшеніе, что Константинополь долженъ быть взятъ временно въ руки Россіи, съ тѣмъ

чтобы въ должное время быть переданнымъ всѣмъ тѣмъ, которые имѣютъ на него право. Такое временное, провизуарное владѣніе Константинополемъ едва-ли бы могло оказать на Россію то вредное вліяніе, которое возникло бы послѣ включенія его въ ея государственный составъ. Онъ могъ бы, пожалуй, быть признанъ и вольнымъ городомъ, но подъ исключительнымъ протекторатомъ Россіи, въ томъ видѣ, напримѣръ, какъ Іоническіе острова были подъ протекторатомъ Англіи,—то-есть съ русскимъ гарнизономъ и подъ общимъ ея административнымъ надзоромъ. Такое рѣшеніе было бы весьма желательно и вполнѣ удовлетворительно; но нельзя сомнѣваться, что оно встрѣтитъ самое рѣшительное сопротивленіе со стороны большинства Европейскихъ державъ. Если бы война была поведена съ самаго начала съ должной энергіей, искусствомъ и всесокрушающимъ перевѣсомъ силъ, то быстрый, рѣшительный успѣхъ, всегда внушающій страхъ и уваженіе, могъ бы еще пожалуй сломить это сопротивленіе; но теперь, каковъ бы ни былъ окончательный успѣхъ, то обаяніе силы, которое такъ искусно умѣла пріобрѣсти Германія въ кампаніи 1870—1871 годовъ, нами во всякомъ случаѣ утрачено, и слѣдовательно, теперь мы не въ силахъ побѣдить это сопротивленіе.

Обратимся снова къ нашей формулѣ и попробуемъ придать нашей измѣняющейся величинѣ вмѣсто нулеваго значенія, оказавшагося непригоднымъ,—значеніе отрицательное: то-есть оставимъ Константинополь и проливы подъ властью Турокъ. Какъ ни противно такое рѣшеніе нашему чувству, я тѣмъ не менѣе осмѣливаюсь утверждать, что въ настоящее время это единственное сообразное съ выгодами Россіи рѣшеніе вопроса, конечно, при осуществленіи всѣхъ прочихъ условій, при которыхъ результаты настоящей войны могутъ вообще быть признаны успѣшными, условій, которыя перечислены въ первой моей статьѣ (*) о настоящей войнѣ.

Турція будетъ поставлена ими въ полную зависимость отъ Россіи, будетъ подлежать ея исключительному политическому вліянію. Судорожный спазмъ Турціи долженъ окончиться полнымъ маразмомъ. Потерявъ вѣру въ союзниковъ, лишившись кредита, она не можетъ избѣгнуть полнаго подчиненія Россіи, которая будетъ имѣть въ своихъ рукахъ, при посредствѣ своихъ союзниковъ, осво-

*) См. выше, стр. 31—41.

божденныхъ Болгаръ, Сербовъ и Румынъ, Дунай и Балканы, будетъ обладать сильнымъ флотомъ на Черномъ морѣ, занимать господствующее положеніе въ Малой Азіи. Для Турціи это подчиненіе будетъ единственнымъ средствомъ продлить свое политическое существованіе, и апатическій характеръ Турокъ скоро съ этимъ примирится, какъ примирился послѣ Адріанопольскаго мира.

Съ этой точки зрѣнія, неожиданно сильное сопротивленіе Турціи есть явленіе, которое должно считать благопріятнымъ. Въ немъ, какъ во всемъ этомъ дѣлѣ, начиная съ Герцоговинскаго возстанія, ясно видна рука Божія, обращающая во благо самыя козни враговъ, самыя ошибки и неразуміе друзей праваго дѣла. Надо лишь одно—претерпѣвать до конца. Сопротивленіе должно быть сломлено, чего бы это ни стоило и во что бы ни обошлось, Турецкія арміи разсѣяны, уничтожены, крѣпости срыты, оружіе и военные запасы отобраны вмѣстѣ съ флотомъ въ замѣнъ денежной контрибуціи, Турція доведена до полнаго банкрутства, и долгъ ея ни коимъ образомъ не долженъ обременять собою освобожденные отъ ея ига народы. Это гораздо дѣйствительнѣе быстраго, блистательнаго и великодушнаго мира, который могъ бы быть заключенъ при иномъ образѣ веденія войны. Будетъ меньше блеска, но результатъ существеннѣе.

Отъ Турціи останется одна тѣнь; но тѣнь эта должна еще до поры до времени отѣнять берега Босфора и Дарданеллъ, ибо замѣнить ее живымъ и не только живымъ, но еще здоровымъ организмомъ пока невозможно. Такимъ образомъ, вопросъ не будетъ предрѣшенъ къ неисправимому вреду Россіи и Славянства. Константинополь не обратится въ новый Содомъ, въ центръ нравственной и умственной заразы, а будетъ ожидать времени своего преображенія изъ турецкаго стамбула въ православный и славянскій Царьградъ для новой славной исторической жизни.

5.

Конференція, или даже конгрессъ.

(*Русскій міръ,* 1878, 18 и 19 Марта).

I.

За войною, въ которой участвовали только Россія и Турція, должны послѣдовать конференціи или даже конгрессъ, гдѣ будутъ участвовать всѣ великія державы Европы, никакого участія въ войнѣ не принимавшія. Бывали конгрессы послѣ продолжительныхъ войнъ, касавшихся если не всѣхъ, то большей части европейскихъ государствъ, послѣ того, какъ всѣ границы были перепутаны, возстали новыя государства, прежнія рушились. Понятно, что необходимо было общее совѣщаніе, чтобы привести этотъ хаосъ въ порядокъ, чтобы формулировать результаты перемѣнъ, произведенныхъ войною. Такъ было послѣ тридцати лѣтъ непрерывной войны, окончившейся Вестфальскимъ конгрессомъ; такъ было и послѣ двадцати-двухъ-лѣтняго ряда отдѣльныхъ войнъ съ 1793 по 1815 годъ, окончившагося Вѣнскимъ конгрессомъ. Чтобы понять необходимость, напримѣръ, этого послѣдняго, стоитъ только сравнить карты Европы 1793, 1811 и 1815 годовъ. Бывали также дипломатическія совѣщанія разныхъ наименованій, имѣвшія цѣлью разрѣшить спорные вопросы, фактически еще не разрѣшенные, развязать гордіевы узлы, еще не разрубленные мечемъ. И это дѣло понятное. Но что̀ дѣлать конференціи или даже конгрессу въ 1878 году? Никакой путаницы въ границахъ и вообще въ отношеніяхъ между европейскими государствами не появилось. Произошли лишь перемѣны на Балканскомъ полуостровѣ, перемѣны, установленныя уже обѣими воевавшими сторонами заключеннымъ между ними миромъ. Для чего тутъ посторонніе?

Необходимость дипломатическаго совѣщанія всѣхъ въ дѣлѣ, касающемся только двоихъ, выводятъ изъ слѣдующихъ положеній:

1) Парижскій трактатъ опредѣлилъ положеніе Турціи въ Европѣ, которое такимъ образомъ гарантировано всѣми подписавшими его.

2) Мирныя условія между Россіею и Турціею касаются не только интересовъ этихъ двухъ державъ, но и интересовъ общеевропейскихъ.

Если бы первое положеніе было справедливо теоретически, а второе фактически, то дѣйствительно противъ необходимости общаго дипломатическаго совѣщанія трудно было бы возражать. Но, прежде чѣмъ взвѣсить вѣрность этихъ положеній, не лишнимъ будетъ подвергнуть оцѣнкѣ Парижскій трактатъ въ его сущности, опредѣлить его историческое значеніе и важность, независимо отъ приписываемой ему формальной обязательной силы. Очевидно, что памятникъ истинной дипломатической мудрости, составленный со всевозможною политическою предусмотрительностью, съ безпристрастнымъ вниманіемъ къ потребностямъ народовъ, судьбу которыхъ онъ имѣлъ въ виду устроить, — заслуживаетъ совершенно инаго вниманія, нежели скороспѣлый продуктъ тщеславнаго высокомѣрія, эгоизма и полнаго невѣдѣнія, если даже не намѣреннаго нехотѣнія знать тѣхъ именно отношеній и обстоятельствъ, которыя подлежали лучшей и справедливѣйшей организаціи.

II.

Парижскій трактатъ 1856 г.

Разсматриваемый по своему внутреннему достоинству, Парижскій трактатъ ни что иное, какъ гнусный и глупый дипломатическій хламъ. Мы можемъ такъ рѣзко о немъ отозваться, когда сами лица, принимавшія въ немъ и въ возбужденіи предшествовавшей ему войны непосредственное активное участіе,—какъ напримѣръ Гладстонъ,—въ сущности не болѣе высокаго о немъ мнѣнія. Гнусный онъ потому, что шелъ противъ естественнаго поступательнаго хода исторіи, стремился его задержать, скрѣпить оковы на милліонахъ несчастныхъ христіанъ, вдохнуть искусственную жизнь въ разлагавшійся уже трупъ;—глупый потому, что наложенныя имъ условія нисколько не соотвѣтствовали даже и той безза-

конной цѣли, которую трактатъ этотъ имѣлъ въ виду, и еще потому, что эти условія не имѣли за собою никакого дѣйствительнаго обезпеченія. Ничѣмъ существеннымъ онъ не ограничивалъ могущества Россіи, а только наносилъ ей рядъ невыносимыхъ и безцѣльныхъ оскорбленій. Версальскій трактатъ 1871 года налагалъ на Францію условія крайне тяжелыя, но онъ же и обезпечивалъ ихъ исполненіе ослабленіемъ Франціи, и еще въ гораздо большей степени усиленіемъ самой Германіи, не столько черезъ присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи, сколько черезъ объединеніе всей Германіи въ могущественное политическое тѣло, что̀ и даетъ ей возможность надолго сохранить разъ пріобрѣтенный перевѣсъ.

Чтобы выяснить всю безсмысленность Парижскаго трактата, стоитъ разобрать съ нѣкоторою подробностью его послѣдствія для всѣхъ, принимавшихъ въ немъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе, государствъ.

Конечно, Россія проиграла Восточную войну, но, собственно говоря, она не была побѣждена, не была поставлена въ необходимость безусловно и безпрекословно подчиниться волѣ побѣдителей, какъ напримѣръ Австрія въ 1866 г., Франція — въ 1871 г., или Турція теперь. Въ теченіе двухъ лѣтъ войны, грозные флоты союзниковъ на Балтійскомъ морѣ только издали смотрѣли на твердыни Кронштадта; на Черномъ морѣ грозные флоты и четырехъязычная армія въ годъ успѣла лишь овладѣть одною импровизированною крѣпостью и стояла въ бездѣйствіи, не имѣя возможности предпринять что либо дальнѣйшее. Русская армія не была разбита, не потеряла ни артиллеріи, ни плѣнныхъ, и стояла готовою къ бою. Значительная часть русскихъ войскъ вовсе не принимала участія въ войнѣ. Въ Азіи же мы были побѣдителями. Если, за всѣмъ тѣмъ, Россія согласилась на невыгодный миръ, то причиною тому были: во-первыхъ, сознаніе, что цѣли, съ которыми война была предпринята, на этотъ разъ уже не могутъ быть достигнуты; да и сами цѣли эти—въ этомъ должно сознаться—не представлялись ей тогда съ такою ясностью и опредѣленностью, какъ, напримѣръ, теперь; во-вторыхъ, враждебность всего европейскаго общественнаго мнѣнія, при такомъ политическомъ положеніи, что внутреннія европейскія отношенія не препятствовали перейти отъ словъ къ дѣлу,—къ дѣятельному вмѣшательству противъ Россіи многихъ европейскихъ державъ; въ третьихъ — и это главное —

желаніе приступить къ кореннымъ реформамъ и улучшеніямъ внутренняго государственнаго и общественнаго строя.

Чего требовало, при такомъ положеніи дѣлъ, политическое благоразуміе, не ослѣпленное злобою и эгоистическими цѣлями? Очевидно, двухъ вещей: прежде всего—принятія въ свои руки исполненія справедливыхъ и великодушныхъ, не скажу плановъ—опредѣленныхъ плановъ не существовало—а намѣреній Россіи относительно турецкихъ христіанъ. Такимъ ловкимъ маневромъ была бы вырвана изъ рукъ Россіи ея историческая задача, осуществленіемъ которой она, по разнымъ, частью внѣшнимъ, частью внутреннимъ причинамъ, слишкомъ долго медлила и принуждена была медлить. Если не навсегда, то, по крайней мѣрѣ, надолго сочувствіе единоплеменниковъ и единовѣрцевъ Россіи было бы отвращено отъ нея и обращено къ яко бы либеральнымъ народамъ Запада. Угнетеннымъ могло бы быть показано, что просвѣщенные народы Запада—истинные друзья ихъ, которые, какъ только приняли въ свои руки судьбу ихъ, такъ и доставили имъ широкое исполненіе ихъ чаяній. Они могли бы сказать: «Россія только подстрекала васъ изъ своихъ властолюбивыхъ видовъ, но ничего существеннаго не могла или даже не хотѣла для васъ сдѣлать». Нельзя отрицать, что такой образъ дѣйствій и такія внушенія могли бы имѣть весьма серіозный успѣхъ. Однимъ словомъ, слѣдовало бы сдѣлать то, чтó и теперь предлагалъ Гладстонъ, сказавшій же въ Оксфордѣ, что задача освобожденія выпала на долю государства, которое всего менѣе достойно ее исполнить. Почтенный предводитель либераловъ тоже видно заднимъ умомъ крѣпокъ. Конечно, все это была бы ложь, но и для такой лжи надо было, чтобы Европа, и въ особенности Англія, перестали бы быть Европой и Англіей.

Затѣмъ—слѣдовало бы предоставить Россіи, сохранившей, какъ мы уже замѣтили, и послѣ войны все свое могущество, такія почетныя условія, которыя не оставили бы въ ея сердцѣ жала негодованія и уязвленной народной гордости.

Что же было сдѣлано вмѣсто этого?—Перечтемъ:

Россіи было запрещено держать флотъ на Черномъ морѣ, имѣть верфи, морскіе арсеналы и строить прибрежныя укрѣпленія. Но флотъ нашъ былъ уже на дѣлѣ уничтоженъ самою войною; а если бы и не былъ уничтоженъ, то не только послѣдовавшія вскорѣ за войною техническія усовершенствованія, но уже и тѣ, которыя существовали въ то время у нашихъ противниковъ, ли-

шали старый русскій парусный и деревянный флотъ всякаго военнаго значенія. Между тѣмъ, сама война, предпринятыя послѣ нея реформы, сооруженіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, перевооруженіе арміи и крѣпостей,—до такой степени напрягали финансовыя силы Россіи, что она долго не могла удѣлить нужныхъ средствъ для построенія новаго пароваго и броненоснаго флота. Очевиднымъ доказательствомъ тому служитъ то, что, и добившись отмѣны этого пункта Парижскаго трактата, Россія въ теченіе 6 лѣтъ не приступала къ постройкѣ черноморскаго флота. Относительно морскихъ укрѣпленій можно сказать почти то же самое: которыя были въ Севастополѣ, Очаковѣ, Керчи—были уничтожены войной, а если бы и не были, то, вслѣдствіе усовершенствованій въ артиллеріи, оказались бы никуда негодными. Когда же почувствовалась надобность въ новыхъ, то они и были возведены и вооружены, въ Севастополѣ, въ Очаковѣ, въ Одессѣ, въ какой нибудь мѣсяцъ, и притомъ въ такой силѣ, что и Гобартъ-пашѣ пришлось только смотрѣть на нихъ, какъ нѣкогда Непиру на Кронштадтъ. На возможность этого впрочемъ указывала уже оборона Севастополя. Въ довершеніе всего, Россія сохранила за собою право устройства крѣпостей въ Азовскомъ морѣ и Керченскомъ проливѣ, чѣмъ и воспользовалась въ періодъ наибольшей дѣйствительности Парижскаго трактата, устроивъ въ Керчи первоклассную крѣпость, подъ защитою которой могъ бы въ совершеннѣйшей безопасности укрываться если не тяжелый броненосный, то легкій миноносный флотъ. Конечно, тогда еще инаго нельзя было предвидѣть, но все же остается несомнѣннымъ, что такого рода ограниченія рѣдко приводятъ къ цѣлямъ, имѣющимся въ виду при ихъ установленіи, именно потому, что невозможно предвидѣть, какое значеніе сохранятъ на будущее время самые предметы ограниченій, и какія могутъ быть найдены уловки, чтобы обойти ихъ. Такъ и въ этомъ случаѣ оказалось, потому что такъ сложились обстоятельства, что этотъ считавшійся столь важнымъ пунктъ Парижскаго трактата, изъ-за непринятія котораго Россіей война продлилась слишкомъ на годъ, не заключалъ въ себѣ никакого дѣйствительнаго ограниченія могущества Россіи, а наносилъ только ей совершенно безцѣльное оскорбленіе. Поэтому она и постаралась сбросить съ себя оскорбительную форму обязательства, при первомъ представившемся удобномъ случаѣ, даже ранѣе, чѣмъ имѣла намѣреніе приступить къ фактическому его упраздненію.

Россія была отрѣзана узкою полосою, у ней отнятой, земли отъ Дуная, съ двоякою цѣлью: чтобы обезпечить свободу судоходства по Дунаю и чтобы отгородить ее отъ Турціи, и тѣмъ лишить возможности нападать на нее съ сухаго пути, какъ запрещеніемъ держать флотъ мы лишились возможности нападенія съ моря. Сама отрѣзка куска Бессарабіи конечно не наносила никакого ущерба могуществу Россіи, но опять-таки, съ обѣихъ приведенныхъ точекъ зрѣнія, была напраснымъ, безцѣльнымъ оскорбленіемъ. Свободѣ Дунайскаго судоходства Россія никогда не препятствовала, а если не тратила значительныхъ суммъ на прочищеніе и поддержаніе въ судоходномъ для морскихъ судовъ состояніи Дунайскихъ гирлъ, то потому, что для нея они почти не имѣли никакого торговаго значенія. Что же касается до воспрепятствованія Россіи воевать съ Турціею, то событія съ достаточною силою показали тщету этихъ препонъ. Какъ въ прежнія времена,—такъ и въ 1877 году русскія войска перешли Дунай, когда Россія сочла это нужнымъ.

Россія была лишена права спеціальнаго покровительства какъ относительно Дунайскихъ княжествъ Молдавіи, Валахіи и Сербіи, такъ и относительно прочихъ православныхъ подданныхъ султана, и это покровительство было замѣнено чисто номинальнымъ, коллективнымъ покровительствомъ Европы. Еще напрасное, безцѣльное оскорбленіе! Въ сущности, Россія ничего не лишилась, а напротивъ того, она, и только она одна, часто вопреки другимъ, оказывала тутъ свое покровительство, болѣе дѣйствительное, чѣмъ когда-либо. Она возвысила голосъ въ пользу Черногоріи и Крита, и добилась сколько-нибудь сноснаго для нихъ существованія; при ея заступничествѣ выведенъ былъ гарнизонъ изъ Бѣлграда; ея настоянія постепенно повели къ консульской коммисіи въ Герцеговинѣ, къ нотѣ графа Андраши, къ Берлинскому меморандуму. Великодушное самоотверженіе ея генерала, милліоны рублей и тысячи добровольцевъ, посланные ея народомъ,—дали возможность осуществиться геройскому порыву сербскаго народа и помогли его неустроенному, плохо вооруженному, отвыкшему отъ войны ополченію четыре мѣсяца держаться противъ регулярныхъ, превосходно вооруженныхъ, храбрыхъ турецкихъ войскъ; а когда великодушная попытка неудалась, и пылающая мщеніемъ турецкая армія ринулась по пути въ Бѣлградъ,—слово Россіи остановило этотъ истребительный потокъ. Затѣмъ, не съ иною какою цѣлью, какъ именно

покровительства Черногоріи, Сербіи, Румыніи и всѣмъ турецкимъ христіанамъ, не взирая на то, что право этого покровительства было формально отнято у Россіи,—войска ея перешли Дунай, ведя за собой и румынъ, и сербовъ, и самихъ болгаръ, перешли Балканы, стоятъ у воротъ Цареграда, и русскій Царь предписалъ дать полную свободу Сербіи и Румыніи, признать всегда на дѣлѣ существовавшую свободу Черногоріи и предоставить полную внутреннюю автономію Болгаріи. Это ли не покровительство? И когда проявлялось оно съ такою силою, когда увѣнчивалось такимъ успѣхомъ, какъ не послѣ того, какъ Парижскій трактатъ лишилъ Россію этого священнаго права и этой священной обязанности? Но это еще не все. Можно смѣло утверждать, что если бы по прежнему право формальнаго покровительства надъ Дунайскими княжествами и надъ турецкими христіанами вообще оставалось за Россіею, то дѣла не приняли бы такого крутаго и благопріятнаго оборота. При русскомъ покровительствѣ, Турція два раза бы подумала, прежде чѣмъ рѣшиться на болгарскую рѣзню; а съ другой стороны—Сербія не могла бы объявить войны Турціи; русскій генералъ, хотябы и находившійся въ отставкѣ, не могъ бы принять начальства надъ сербскими войсками, и русскіе добровольцы не могли-бы сражаться въ ихъ рядахъ. Кому извѣстна та строгая, можно сказать щепетильная легальность, которой придерживается Россія во всѣхъ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ,—тотъ не можетъ имѣть въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Нельзя не поблагодарить виновниковъ Парижскаго трактата за то, что они такъ благовременно сняли съ Россіи эту формальную обязанность покровительства, связывавшую ее по рукамъ и по ногамъ.

И такъ, по отношенію къ Россіи, противъ которой Парижскій трактатъ былъ направленъ, онъ состоялъ изъ ряда мелкихъ стѣсненій, придирчивыхъ оскорбленій, которыя не только не ставили дѣйствительныхъ преградъ ея исконнымъ стремленіямъ къ освобожденію восточныхъ христіанъ и возможности воздѣйствія на Турцію, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже развязывали ей руки, конечно совершенно вопреки намѣреніямъ державъ, принудившихъ ее принять этотъ трактатъ. Посмотримъ теперь, какое имѣлъ онъ вліяніе на тѣхъ, кому благопріятствовалъ, чьимъ цѣлямъ долженъ былъ содѣйствовать, и прежде всего на Турцію.

По отношенію къ Турціи, — это было поистинѣ невѣроятное сцѣпленіе завѣдомой лжи и обмана и изумительнаго самооболь-

щенія. Турція была принята въ сонмъ европейскихъ государствъ, какъ равноправный членъ, съ гарантіею ея цѣлости и независимости, и возомнила о себѣ, что она не только первостепенная европейская держава, но еще боецъ за цивилизацію и свободу. Чтобы поддержать свое новое достоинство, она поспѣшила прежде всего обременить себя громадными государственными долгами, истраченными на самыя безполезныя вещи, какъ напримѣръ на огромный броненосный флотъ—третій въ Европѣ, который, какъ оказалось на дѣлѣ, не послужилъ ни къ чему; замѣтимъ кстати, второй примѣръ, что броненосный флотъ, будучи хорошимъ подспорьемъ для того, кто и безъ него имѣетъ перевѣсъ на своей сторонѣ, самостоятельнаго значенія однакожъ не имѣетъ и не въ состояніи доставить перевѣса или даже уравнять шансы стороны слабѣйшей въ другихъ отношеніяхъ. Народъ былъ обремененъ налогами — и все окончилось банкротствомъ еще до начала войны. Затѣмъ, заручившись обезпеченіемъ своей цѣлости и независимости, Турція вообразила себѣ, что для нея законъ не писанъ и дала свободу развратнымъ, хищническимъ и варварскимъ инстиктамъ худшихъ элементовъ своего населенія, чтó въ концѣ концовъ и привело ее къ гибели. Противъ естественнаго хода событій никакія дипломатическія гарантіи не помогли.

Австрія, хотя не принимала непосредственнаго участія въ Восточной войнѣ, но своею феноменальною неблагодарностью нанесла наибольшій вредъ Россіи. Въ самомъ разгарѣ войны, она заставила перемѣнить театръ ея, чтобы дать союзникамъ возможность перенести ее въ Крымъ. О вѣроятномъ успѣхѣ войны, еслибы она велась въ Болгаріи, мы можемъ отчасти судить по образчикамъ дѣйствій англо-французовъ, когда имъ приходилось удаляться отъ ихъ базиса—моря, хотя-бы на самое незначительное разстояніе, — по экспедиціи въ Добруджу и по бездѣятельному стоянію на тѣсномъ пространствѣ Хорсонесскаго полуострова, послѣ взятія Севастополя.

Менѣе нежели черезъ пять лѣтъ послѣ спасенія Австріи Россіей отъ конечной гибели, она обратилась противъ своей спасительницы, потребовавъ очищенія Молдавіи и Валахіи. Черезъ три года послѣ заключенія Парижскаго мира она потеряла Ломбардію, владѣніе своихъ эрцгерцоговъ, и всякое вліяніе на Апеннинскомъ полуостровѣ, черезъ десять—потеряла Венецію и была выброшена изъ Германскаго союза, и, вслѣдствіе этого, приведена въ такое

положеніе, что мѣсто Австрійской монархіи заступилъ какой-то невѣроятный, безсмысленный хаосъ двухъ Лейтаній, соединенныхъ между собою десятилѣтнимъ контрактомъ, точно акціонерная компанія на срокъ. Кому неизвѣстно, что при самыхъ переговорахъ по заключенію Парижскаго трактата, уже было рѣшено вознаградить Сардинію австрійскими владѣніями въ Италіи. Можно ли сомнѣваться, что, если бы Австрія честно исполнила долгъ благодарности — никогда не дозволили бы Франціи отнять у ней Ломбардію, также точно какъ никогда, при существованіи стариннаго союза, не дошло бы дѣло до войны между Австріей и Пруссіей? Порукой тому служитъ 1851 годъ.

Какіе же результаты извлекла въ концѣ концовъ изъ Восточной войны и Парижскаго трактата главная въ нихъ участница— Франція? Въ сущности почти тѣ же, что Турція. Она возомнила себя рѣшительницей судебъ Европы,—и была унижена и разгромлена. И опять, никто не станетъ утверждать, чтобы это не было прямымъ послѣдствіемъ той перемѣны въ отношеніяхъ европейскихъ государствъ, которую произвела именно Восточная война и Парижскій трактатъ.

Обратимся теперь къ главной виновницѣ всего дѣла, къ Англіи, которая всегда была такъ искусна въ загребаніи жара чужими руками и въ присвоеніи себѣ выигрышей тамъ, гдѣ всѣ проигрывали. Не усилилъ ли Парижскій трактатъ по крайней мѣрѣ хоть ея могущества, не содѣйствовалъ ли осуществленію ея особыхъ, такъ называемыхъ британскихъ интересовъ? О, нѣтъ, она и сама ясно теперь видитъ, что нѣтъ. Ея изолированное положеніе, метаніе изъ стороны въ сторону, крушеніе Турціи, которую она считала и считаетъ главною опорою своихъ интересовъ на Востокѣ, поддержаніе и обезпеченіе которыхъ и имѣлъ собственно въ виду Парижскій трактатъ, достаточно показываютъ, что и британскимъ интересамъ, какъ ихъ понимаетъ большинство англичанъ, онъ нанесъ самый существенный вредъ. Ближайшее разсмотрѣніе этого предмета выкажетъ этотъ результатъ въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ.

Послѣ Восточной войны, видя враждебное къ себѣ отношеніе большей части Европы, съ другой же стороны, чувствуя потребность внутреннихъ преобразованій, — Россія временно устранила себя отъ дѣятельнаго участія въ Европейской политикѣ. Съ тѣмъ большимъ вниманіемъ обратила она свои взоры на Азію, гдѣ не-

обходимо было устроить дѣла свои и упрочить свое положеніе въ свободное отъ другихъ политическихъ коллизій время.

Прежде всего былъ покоренъ Кавказъ. Черезъ три года послѣ Парижскаго мира сдался Шамиль и съ нимъ Чечня и Дагестанъ; черезъ семь—и западная половина Кавказскаго хребта. Съ этой стороны и оборонительное и наступательное положеніе Россіи обезпечено. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ то, какой ничтожный результатъ имѣла высадка въ Сухумъ-Кале, и съ какими малыми силами были усмирены волненія и взрывы мятежа горныхъ племенъ, во время нынѣшней войны. Сообразно съ этимъ и кругъ дѣйствія кавказской арміи уже расширился и распространяется на Туркменскій юго-восточный берегъ Каспійскаго моря.

Затѣмъ, пріобрѣтены Амуръ и длинная приморская полоса земли, извѣстная подъ именемъ Уссурійскаго края, съ цѣлымъ рядомъ превосходныхъ заливовъ и бухтъ—мѣстъ снаряженія и убѣжища для «Вестъ», «Россій» и «Константиновъ», имѣющихъ дѣйствовать на просторѣ Великаго океана, когда въ томъ встрѣтится надобность.

Дошла очередь и до Средней Азіи, хищническія ханства которой, по прежнимъ неудачнымъ опытамъ, считали себя отдѣленными отъ русскаго вліянія и власти непроходимымъ поясомъ безводныхъ пустынь. Но этимъ розовымъ иллюзіямъ суждено было исчезнуть. Коканъ, Бухара и Хива покорены. Если одинъ Коканъ въ полномъ составѣ непосредственно присоединенъ къ Россіи, то кто же не знаетъ, что остатки Бухары и Хивы ни что иное, какъ вассалы Россіи? Слѣдовательно, какъ съ суши, такъ и съ моря Россія далеко подвинулась впередъ къ Азіи, и стала въ ней гораздо болѣе твердою ногою чѣмъ прежде. Пріятны ли эти успѣхи для Англіи? А между тѣмъ они весьма значительною долею — послѣдствія Восточной войны и Парижскаго трактата.

Но были и воспользовавшіеся тою перемѣною отношеній, которая возникла изъ этихъ событій, и извлекшіе изъ нея громадныя выгоды; но это были собственно посторонніе дѣлу государства, не тѣ, которыхъ имѣлось въ виду въ такой степени усилить. То были Италія и Пруссія. Сардинія принимала, правда, участіе въ войнѣ противъ Россіи, но и вражда къ Россіи, и цѣли, которыхъ желали достигнуть главные руководители, были ей собственно совершенно чужды. Съ ея стороны тутъ былъ свой особый, національный, хотя и маккіавелистическій разсчетъ;—но вѣдь безъ

этого въ политикѣ рѣдко дѣло обходится. Разсчетъ этотъ былъ осуществимъ лишь при той перемѣнѣ въ расположеніи политическихъ созвѣздій, которую произвела Восточная война и Парижскій трактатъ. Россія поняла это — и, какъ извѣстно, не была злопамятна.

И такъ, цѣли Парижскаго трактата были недостойныя; средства, употребленныя для ихъ осуществленія, — нелѣпыя; практическіе результаты, которыхъ онъ достигъ, ничтожные и даже прямо противуположные тому, что имѣлось въ виду его авторами. Не въ правѣ ли мы были послѣ того назвать его гнуснымъ (по цѣлямъ) и глупымъ (по средствамъ и достигнутымъ результатамъ) дипломатическимъ хламомъ?

III.

Формальная обязательная сила Парижскаго трактата.

Мы разсмотрѣли Парижскій трактатъ въ его сущности, въ его историческомъ достоинствѣ, въ общемъ ходѣ развитія Восточнаго вопроса. Намъ предстоитъ оцѣнить его формальную обязательную силу по отношенію къ настоящему моменту, степень вліянія, которое онъ, такъ сказать, въ правѣ оказывать на установленіе мирныхъ условій между Россіей и Турціей, а также справедливость общаго положенія, что державы, нѣкогда гарантировавшія извѣстный политическій порядокъ вещей, имѣютъ право участвовать въ установленіи новаго порядка, когда прежній фактически отмѣненъ ходомъ событій, хотя бы онѣ и не участвовали въ этой фактической отмѣнѣ его. Касательно запрещенія Россіи держать флотъ на Черномъ морѣ, то объ этомъ говорить нечего: этотъ пунктъ былъ отмѣненъ въ 1871 году съ общаго согласія и, кромѣ того, нейтралитетъ Чернаго моря былъ отмѣненъ фактически, такъ какъ на немъ происходили военныя дѣйствія.

Свобода судоходства по Дунаю и поддержка гирлъ въ судоходномъ состояніи были, конечно, нарушены войной; съ возстановленіемъ же мира, относящіяся до этого предмета постановленія опять вступятъ въ полную силу. Ни войной, ни мирными условіями тутъ ничего не измѣнено, слѣдовательно Парижскій трактатъ ни причемъ.

Возстановленія исключительнаго и формальнаго покровительства Россіи надъ Сербіей и Румыніей, сколько извѣстно, никто не требовалъ. Въ этомъ пунктѣ Парижскій трактатъ остается неприкосновеннымъ.

Добровольнаго улучшенія быта христіанъ со стороны правительства султана, какъ извѣстно, не послѣдовало; напротивъ того, послѣдовало весьма значительное ухудшеніе, значительное до степени невыносимости. Въ этомъ отношеніи Парижскій трактатъ дѣйствительно былъ отмѣненъ, но отмѣненъ не со вчерашняго дня, и не съ прошлаго и не съ запрошлаго года, даже не со времени Критскаго возстанія, а съ самаго момента подписи Парижскаго трактата, который такимъ образомъ, собственно говоря, никогда и не вступалъ въ дѣйствительную силу. Это добровольное обязательство Турціи было единственнымъ обязательствомъ, наложеннымъ на одну сторону, въ соотвѣтствіе всѣмъ прочимъ обязательствамъ, наложеннымъ на другую сторону — Россію; а такъ какъ всякое юридическое обязательство имѣетъ силу лишь подъ условіемъ обоюднаго соблюденія, то Россія имѣла всегда полнѣйшее право считать Парижскій трактатъ несуществующимъ. Даже болѣе того: Турція, не исполняя своего добровольнаго обязательства, тѣмъ самымъ не признавала его; подписавшія трактатъ державы (кромѣ Россіи) знали это и молчали, слѣдовательно, tacito consensu не признавали трактата, который, слѣдовательно, должно считать фактически отмѣненнымъ задолго до войны.

Трактатъ гарантируетъ цѣлость и независимость Турціи. О независимости надо сказать, что она бываетъ двоякая: формальная и дѣйствительная. Только первую можно гарантировать трактатами; но ея никто и не нарушаетъ, ибо не слыхать, чтобы Турція къ кому либо поступала въ вассальныя отношенія. Дѣйствительная же независимость, по отношенію къ государствамъ и по отношенію къ частнымъ лицамъ, неуловима ни для какихъ трактатовъ и ни для какихъ договоровъ. Напримѣръ, въ теченіе послѣдняго времени, до начала и даже во время войны, была-ли Турція дѣйствительно независима? Независимо-ли дѣйствовала она, свергая султана Абдулъ-Азиса, отказываясь принять мягкія условія конференціи и даже приступая къ болгарской рѣзнѣ 1878 года? Безъ сомнѣнія—нѣтъ. Во всемъ этомъ волю Турціи направляла воля Англіи. Какъ, даже и въ болгарской рѣзнѣ?—Безъ малѣйшаго сомнѣнія. Развѣ не голосъ Англіи, бывшій въ то время всемогу-

щимъ въ Константинополѣ, посовѣтывалъ — читай приказалъ — дѣйствовать энергически; а — въ переводѣ на турецкія понятія,— что же значитъ дѣйствовать энергически, какъ не насиловать, грабить, рѣзать, сажать на колъ, сдирать кожу, жечь живыми и проч. и проч.? Еслибы это было не такъ, зачѣмъ бы англійскимъ офиціальнымъ агентамъ, восходя до самаго перваго министра, стараться замять и скрыть эти ужасы?

Цѣлость Турціи,—ну это, пожалуй, что нарушается. Однако же какимъ образомъ? Вассальность Сербіи, Молдавіи, Валахіи, Египта, Триполи, Туниса не считалась же прежде нарушеніемъ цѣлости Турецкой имперіи: почему же не примириться друзьямъ ея и съ вассальствомъ Болгаріи? Сербія и Румынія пріобрѣтаютъ полную независимость. Но онѣ именно изъ за этого вели удачную войну, которой не препятствовали радѣтели турецкой цѣлости. Нельзя же послѣ этого не покориться результатамъ ея. Впрочемъ, объ этомъ мы сейчасъ будемъ говорить подробнѣе. Наконецъ, Россія получаетъ нѣкоторыя турецкія области, но получаетъ ихъ за долгъ, котораго иначе Турція уплатить не въ состояніи. Въ Англіи существуютъ майораты, т. е., другими словами, англійскіе гражданскіе законы гарантируютъ цѣлость имѣній англійской нобилити и джентри. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что господа лорды избавлены отъ уплаты своихъ долговъ и даже судебныхъ издержекъ, по веденнымъ ими процессамъ, въ случаѣ ихъ проигрыша?—Ничуть. Въ этихъ случаяхъ имѣнія лордовъ продаются, какъ и всякія другія имущества. Уплата военныхъ издержекъ въ международныхъ отношеніяхъ и есть то именно, что уплата судебныхъ издержекъ въ обыкновенныхъ гражданскихъ процессахъ. Можно лишь замѣтить, что и въ этомъ отношеніи Россія простираетъ свою умѣренность и великодушіе до совершеннаго забвенія своихъ собственныхъ интересовъ. Области Карса, Батума, Ардагана и Баязета, которыя отходятъ къ Россіи, оцѣнены въ тысячу или тысячу сто милліоновъ рублей. Но развѣ онѣ этого стоятъ? Считая по 5%, тысяча сто милліоновъ приносятъ 55 милліоновъ дохода—а эти области и пяти не дадутъ. Такъ-ли поступали въ подобныхъ случаяхъ другіе! Эльзасъ и Лотарингія не Карсу, Батуму и Баязету чета, но сверхъ ихъ взяты были еще тысяча двѣсти пятьдесятъ милліоновъ рублей съ Франціи, да еще въ короткій срокъ, да еще не считая громадныхъ контрибуцій, взятыхъ во время самой войны, тогда какъ Россія не взяла ни копѣйки. И все-таки это называется чрезмѣр-

ными требованіями Россіи, на которыя великодушная Европа не можетъ согласиться! Но пусть такъ, — пусть нарушена цѣлость Турецкой имперіи, и съ нею вмѣстѣ и Парижскій трактатъ въ этомъ единственномъ пунктѣ: но что̀ же это значитъ, если этотъ же самый трактатъ былъ постоянно нарушаемъ Турціею и самими державами, его гарантировавшими, какъ мы сейчасъ видѣли, и какъ еще яснѣе увидимъ изъ разбора еще не разсмотрѣннаго нами пункта, составляющаго вѣнецъ и завершеніе всего трактата?

По этому пункту, государства, подписавшія трактатъ, приняли на себя обязательство, что если у одного изъ нихъ возникнетъ съ Турціею несогласіе, то оно, не приступая къ рѣшенію спорнаго вопроса силою, должно обратиться къ общему содѣйствію всѣхъ этихъ государствъ, для улаженія возникшаго несогласія. Россія исполняла это всегда, а въ настоящемъ случаѣ исполнила съ невѣроятною роскошью терпѣнія и дипломатической легальности. Въ четыре пріема оказывали державы свою совѣщательную дѣятельность: въ консульскихъ коммисіяхъ, въ нотѣ Андраши, въ берлинскомъ меморандумѣ и, наконецъ, въ константинопольскихъ конференціяхъ. Эти совѣщанія, по здравому смыслу и сущности дѣла, могли привести къ одному изъ трехъ слѣдующихъ способовъ дѣйствія. Или державы признали бы, что Россія неосновательно придирается къ Турціи, которая, въ силу своей независимости и государственнаго верховенства, не взирая на добровольно сдѣланное, торжественное обѣщаніе улучшить бытъ своихъ христіанскихъ подданныхъ, имѣла полное право ихъ рѣзать, вѣшать, жарить и проч., и въ такомъ случаѣ, должны были бы коллективно объявить Россіи, что она не должна препятствовать правительству его величества султана въ его законномъ образѣ дѣйствій, одобренномъ, или по крайней мѣрѣ допущенномъ ареопагомъ державъ порукъ. Или признать, что притязанія Россіи правильны, а Турція поступаетъ вопреки принятымъ ею на себя обязательствамъ,—и въ такомъ случаѣ, коллективно принудить ее измѣнить ея образъ дѣйствій, заручившись достаточными гарантіями, что впредь ничего подобнаго не повторится. Россія это именно и предлагала. Въ обоихъ этихъ случаяхъ державы-поруки заявили бы, что онѣ признаютъ Парижскій трактатъ сохранившимъ свою полную, обязательную для всѣхъ силу. Или, наконецъ, умыть руки и предоставить сторонамъ разбираться какъ знаютъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и было поступлено.

Съ того момента, какъ Россія объявила войну Турціи, и ни одна изъ державъ-порукъ не только не вмѣшалась въ эту войну, но даже не протестовала перерывомъ дипломатическихъ сношеній съ Россіею, или инымъ способомъ, онѣ собственноручно разорвали трактатъ. Всякая война полагаетъ конецъ прежнимъ отношеніямъ между воюющими государствами, и всякій новый миръ установляетъ новыя отношенія. Какъ Кучукъ-Кайнарджійскій и Адріанопольскій миры потеряли свою обязательную силу, съ объявленіемъ Восточной войны, такъ точно и Парижскій миръ потерялъ свою силу 12 апрѣля 1877 года, съ безмолвнаго, но само по себѣ разумѣющагося согласія всѣхъ державъ-порукъ. Если бы онѣ въ то время приняли сторону Россіи, или сторону Турціи, онѣ тѣмъ бы показали, что желаютъ возстановить ту часть трактата, которая, по ихъ мнѣнію, была нарушена тою или другою стороною, и сохранить остальную его часть; коль скоро онѣ этого не сдѣлали, онѣ, значитъ, рѣшились подвергнуть его участь жребію войны. Можетъ быть возразятъ, что это справедливо только относительно Россіи и Турціи, а не относительно Россіи и другихъ державъ. Безъ сомнѣнія, если бы въ Парижскомъ трактатѣ заключались условія, налагавшія на Россію обязательства непосредственно къ другимъ державамъ, независимо отъ ея отношеній къ Турціи, то эти обязательства и сохранили бы свою силу. Такія обязательства дѣйствительно были, а именно: несодержаніе флота на Черномъ морѣ, отказъ отъ исключительнаго покровительства Дунайскимъ княжествамъ и обязанность обращаться къ общему совѣту державъ, въ случаѣ возникновенія спорныхъ вопросовъ съ Турціею. Но всѣ они частію отмѣнены, частію же были исполнены или исполняются Россіей.

Предположимъ, что относительно какого либо имущества было бы положено обязательство на двѣ стороны: не начинать по поводу его судебнаго процесса, не собравъ предварительно семейнаго совѣта, имѣющаго постановить свое рѣшеніе по спорному дѣлу. Совѣтъ былъ собранъ и рѣшенія не постановилъ. Стороны начинаютъ процессъ, и, ни при началѣ его, ни во все продолженіе его, семейный совѣтъ не подаетъ никакого протеста противъ законности судебнаго разбирательства. Судъ постановляетъ наконецъ рѣшеніе. Имѣлъ ли бы послѣ этого значеніе протестъ семейнаго совѣта противъ законности рѣшенія суда?

Но въ такъ называемомъ международномъ правѣ положитель-

ныхъ законовъ нѣтъ: — единственнымъ руководствомъ служатъ прецеденты. Посмотримъ, что̀ отвѣтятъ намъ эти прецеденты.

Въ теченіе всей европейской исторіи, не было, конечно, дипломатическаго собранія, которое, по обширности интересовъ, подлежавшихъ его разбирательству, по числу участвовавшихъ въ немъ государствъ, по самой его формальной торжественности, по его исторической важности и, наконецъ, по продолжительности времени, въ теченіе котораго всѣ существенныя его постановленія составляли основаніе всего политическаго порядка вещей въ Европѣ, могло бы сравниться съ Вѣнскимъ конгрессомъ. Всѣ безъ исключенія европейскія государства принимали въ немъ участіе; не было ни одного между ними, котораго бы не касались его постановленія; не послы и министры только, но сами могущественнѣйшіе государи принимали въ немъ непосредственное участіе. Онъ составляетъ грань новаго періода въ исторіи Европы, который даже во всѣхъ учебникахъ принято называть „новѣйшею исторіею". Сорокъ четыре года (1815—1859) постановленія его составляли основной законъ для международныхъ отношеній, безъ существенныхъ перемѣнъ. Куда же равняться съ нимъ какому нибудь Парижскому трактату! Не чета ему Вѣнскій конгрессъ и по внутреннему своему достоинству. То былъ истинный памятникъ дипломатической мудрости. Всѣ интересы были приняты во вниманіе, постановленія конгреса соотвѣтствовали дѣйствительному распредѣленію политической силы и могущества, а также и справедливости, за немногими исключеніями. Обижены были только Данія — этотъ козелъ отпущенія европейской политики,—получившая Лауэнбургъ въ замѣнъ Норвегіи, и внѣ Европы—Голландія, лишившаяся мыса Доброй Надежды, и Франція, потерявшая чисто французскій островъ Иль-де-Франсъ. Напрасно укоряютъ конгрессъ, что онъ раздавалъ народы, какъ стада, не справляясь съ ихъ національными стремленіями. Принципъ національности мало кѣмъ въ то время сознавался. Требовать отъ Вѣнскаго конгресса, чтобы онъ имъ руководствовался, все равно что требовать отъ Сезостриса или Навуходоносора, чтобы они сообразовались въ своей политикѣ съ правилами христіанскаго милосердія. И какая могла быть рѣчь о національныхъ принципахъ, когда конгресъ не могъ же не признавать факта существованія Австрійской монархіи—прямаго его отрицанія! А если такъ, то почему же было, напримѣръ, не присоединить части

Италіи, въ которой и прежде Габсбурги имѣли владѣнія, къ этому конгломерату народностей?

Какъ бы то ни было, по рѣшенію конгресса Ломбардія и Венеція были присоединены къ Австріи. Другія части Италіи достались принцамъ Габсбурскаго дома. Во всей Италіи господствовало вліяніе Австріи. На послѣдовавшихъ дипломатическихъ конгрессахъ, которыми такъ изобиловало то время, этотъ порядокъ вещей былъ укрѣпленъ и подтвержденъ. Не смотря на все это, однакоже, вслѣдствіе неудачныхъ для Австріи войнъ 1859-го и 1866 годовъ, этотъ столь торжественно утвержденный порядокъ былъ измѣненъ въ самомъ корнѣ. Австрія лишилась Ломбардіи и Венеціи, эрцгерцоги—своихъ владѣній. Затѣмъ, и неаполитанскій король, которому тотъ же Вѣнскій конгрессъ возвратилъ его владѣнія, былъ изгнанъ. И все это совершилось простыми мирными договорами между воевавшими, и даже просто насильственнымъ захватомъ. Для обсужденія и узаконенія всѣхъ этихъ, столь существенныхъ, перемѣнъ, не сочли нужнымъ созывать дипломатическое собраніе представителей государствъ, подписавшихъ и гарантировавшихъ постановленія Вѣнскаго конгресса.

Вскорѣ и свѣтская власть папъ была уничтожена простымъ захватомъ итальянскаго правительства. Не говоря уже о томъ, что свѣтская власть папъ также была возстановлена и гарантирована Вѣнскимъ конгрессомъ, трудно найти предметъ, который бы въ большей степени касался интереса не только всѣхъ европейскихъ (за исключеніемъ развѣ Швеціи, Даніи и Голландіи, почти не имѣющихъ католическихъ подданныхъ), но и всѣхъ американскихъ державъ, какъ организація папской власти. И развѣ маловажная вещь — уничтоженіе свѣтской власти папъ? Конечно, на первый взглядъ, папство лишилось части своего могущества—что̀ на руку для власти государственной. Но вѣдь это зависитъ только отъ противуположности интересовъ папства съ государственными интересами Италіи. Но въ сущности, такъ ли они непримиримы и противуположны? И не возможно ли возрожденіе Гвельфскаго духа? Италія причисляется къ первостепеннымъ державамъ Европы, но вѣдь болѣе изъ вѣжливости, чѣмъ по дѣйствительнымъ размѣрамъ ея политической силы. Въ дѣйствительности, Италія не болѣе, какъ первое изъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ. Также и Римъ, ставъ столицею Италіи, потерялъ въ своемъ значеніи, хотя на первыхъ порахъ и не замѣчаетъ еще своего разжалованья. На-

родное честолюбіе итальянцевъ ни тѣмъ ни другимъ не можетъ долго оставаться довольнымъ. Папство же всегда умѣло сообразоваться съ обстоятельствами и подчинять ихъ себѣ. Вмѣсто хрупкой опоры, доставлявшейся папскому престолу двумя съ половиною милліоновъ его бывшихъ, большею частію мятежныхъ, подданныхъ, не можетъ ли оно задумать опереться на весь двадцатишести-милліонный итальянскій народъ, который съ своей стороны, черезъ нравственное значеніе папства, пріобрѣтетъ громадное политическое вліяніе, какого не въ состояніи доставить ему его національная сила? Въ этомъ смыслѣ уже высказался патеръ Курчи, одинъ изъ вліятельныхъ членовъ ордена Іезуитовъ, хотя идея не нашла себѣ пока сочувствія. Взаимное раздраженіе еще слишкомъ сильно, но оно уляжется.

Зачѣмъ однако заглядывать въ болѣе или менѣе отдаленное будущее? Практическая дипломатія имѣетъ преимущественно дѣло съ насущными вопросами настоящаго. Что же могло быть ближе и для интересовъ минуты и для вопросовъ будущаго, какъ перемѣны, происшедшія въ Германіи въ томъ же 1866 и въ 1871 годахъ? Главнымъ, основнымъ, существеннѣйшимъ, любимѣйшимъ созданіемъ Вѣнскаго конгресса былъ конечно Германскій союзъ. По выраженію нѣмцевъ,—съ этимъ союзомъ стоитъ и падаетъ все дѣло Вѣнскаго конгресса. И нельзя не сознаться, что учрежденіе это, хотя оно и подвергалось жестокимъ нападкамъ, было дѣломъ дѣйствительной политической мудрости, доставившимъ Европѣ слишкомъ сорокалѣтній миръ—благодѣяніе, котораго она еще никогда прежде не испытывала. Германскій союзъ былъ конечно искусственнымъ политическимъ зданіемъ, но въ то время не существовало еще никакого естественнаго организма, который могъ бы занять его мѣсто. Организмъ этотъ родился и созрѣлъ подъ его покровомъ. Германскій союзъ обладалъ огромною оборонительною силою, и, находясь въ срединѣ Европы, раздѣлялъ собою всѣ элементы ея, которые могли бы вступить между собою въ борьбу, по крайней мѣрѣ въ борьбу рѣшительную; сверхъ того, онъ нейтрализировалъ антагонизмъ Пруссіи и Австріи. Напротивъ того, его наступательная сила, нуждавшаяся для своего проявленія въ быстромъ соглашеніи всѣхъ его, во многихъ отношеніяхъ разнородныхъ, составныхъ частей, равнялась почти нулю. Этимъ онъ служилъ широкою основою для возможно устойчиваго равновѣсія Европы. Однако этотъ палладіумъ европейскаго равновѣсія и спокойствія былъ нис-

провергнуть, сначала внутреннею, а затѣмъ внѣшнею войной. На мѣсто чисто охранительнаго союза возникла сильная, способная къ самому энергическому наступательному дѣйствію, имперія,—и все же, ни послѣ первой, ни послѣ второй войны, ни послѣ 1866, ни послѣ 1871 года,—европейскія государства, подписавшія актъ Вѣнскаго конгресса, не сочли нужнымъ собраться на новый конгрессъ, хотя бы только для обсужденія и утвержденія происшедшей перемѣны.

Вотъ что говорятъ прецеденты!

И однакожъ, канцлеръ Германской Имперіи, въ произнесенной имъ въ рейхстагѣ рѣчи, между прочимъ, сказалъ: «то, что̀ будетъ составлять перемѣну противъ обязательствъ 1856 г., потребуетъ санкціи участвовавшихъ въ нихъ державъ»; и въ другомъ мѣстѣ: „насколько оно (т. е. вознагражденіе за убытки войны) денежное— оно касается лишь воюющихъ державъ; насколько территоріальное—контрагентовъ парижскаго трактата, и должно быть регулировано съ ихъ санкціи».

Странныя слова въ устахъ князя Бисмарка! Читая ихъ, невольно задаешь себѣ вопросъ, счелъ ли бы князь Бисмаркъ основательными, справедливыми и дружелюбными къ Пруссіи фразы подобныя этимъ, произнесенныя кѣмъ-либо изъ руководителей политики дружественныхъ Пруссіи государствъ въ 1866 и 1871 годахъ? Почему же въ 1878 году по отношенію къ Россіи справедливо и даже какъ бы само собою разумѣется, что все, составляющее отступленіе отъ трактатовъ 1856 года, должно подлежать утвержденію державъ, участвовавшихъ въ Парижскомъ трактатѣ; а въ 1866 и 1871 годахъ, по отношенію къ Пруссіи или Германіи, было бы несправедливо и пожалуй даже оскорбительно заявлять, что все, составлявшее отступленіе отъ трактатовъ 1815 года, должно подлежать утвержденію державъ, участвовавшихъ въ Вѣнскомъ конгрессѣ?

Все та же вѣчная двойственность мѣръ и вѣсовъ, какъ со стороны европейскихъ враговъ, такъ и со стороны европейскихъ друзей, когда дѣло идетъ о Россіи и о другихъ державахъ. Двойственность эта и оскорбительна и лестна. Оскорбительна она для тѣхъ, которые видятъ въ Россіи не болѣе какъ одного изъ членовъ европейской (не слишкомъ впрочемъ дружной) семьи, и естественно желаютъ, чтобы она пользовалась полною равноправностью съ прочими братьями. Дѣйствительно оскорбительна, очень оскорбительна должна быть эта

двойственность для тѣхъ, которые считаютъ высшею честью Россіи принятіе ея въ сонмъ европейскихъ державъ, и стараются заслужить эту честь, какою бы то ни было цѣною. Но она очень лестна для тѣхъ, которые видятъ въ Россіи иное: не равноправнаго члена европейской семьи, а главу иной семьи, равноправной всей совокупности того, что называется системою европейскихъ государствъ. Лестна потому, что въ этой двойственности слышится голосъ внутренняго сознанія, говорящій съ затаенною скорбью уязвленнаго самолюбія: „какъ ни скромничай, какъ ни умаляй себя, мы знаемъ—ты центръ инаго, новаго, начинающаго складываться міра... Въ виду судебъ твоихъ мы не можемъ быть къ тебѣ справедливы, мы не смѣемъ относиться къ тебѣ безпристрастно".

Какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, однакожъ, двойственность эта одинаково поучительна и приводитъ къ тому же окончательному выводу, что «друзей у нашей Руси нѣтъ»; что всѣ конечно готовы пользоваться ея услугами, но любятъ платить за эти услуги если и не отъявленною феноменальною неблагодарностью, на что конечно не всѣ обладаютъ достаточно мѣднымъ лбомъ, то по крайней мѣрѣ, какъ мы уже разъ выразились, ассигнаціями весьма низкаго курса за чистое золото;—что Россія должна всегда промышлять сама о себѣ; что она должна приготовить себѣ иныхъ друзей, связанныхъ съ нею не только болѣе или менѣе случайными общими интересами и временными сочувствіями, а общностью всей исторической судьбы своей, своего настоящаго и будущаго.

Но возвратимся къ нашему предмету. Примѣры недавняго прошлаго съ достаточною ясностью показываютъ, что принципъ пересмотра перемѣнъ, произведенныхъ войною между государствами, участвовавшими въ предшествовавшихъ мирныхъ договорахъ, которыми былъ установленъ тотъ именно порядокъ вещей, который отмѣняется въ цѣломъ, или отчасти,—на практикѣ признаваемъ не былъ.

Но русскія воззрѣнія на политическія дѣла отличаются, какъ извѣстно, удивительнѣйшею гуманностью и наитончайшею деликатностью. Мы не хотимъ брать примѣра съ другихъ, если ихъ дѣйствія не согласуются съ самою строгою справедливостью, съ самыми возвышенными требованіями интересовъ цивилизаціи, самымъ самоотверженнымъ безкорыстіемъ; мы не хотимъ, въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, «съ волками жить—по волчьи выть».

Избави Богъ осуждать въ самомъ ихъ основаніи такія качества русскаго политическаго міровоззрѣнія. Мы только сожалѣемъ, что нерѣдко нами пересаливаются эти политическія добродѣтели, пересаливаются въ томъ смыслѣ, что, въ погонѣ за преувеличеннымъ безкорыстіемъ, мы жертвуемъ нѣкоторыми интересами только потому, что они наши интересы, ради другихъ—только потому, что они чужіе, не обращая порой вниманія на внутреннія свойства этихъ интересовъ, на то, что наши интересы—интересы законные, справедливые, священные, человѣчные, а интересы чужіе—своекорыстные, эгоистическіе, даже варварскіе, — забываемъ, что не всегда великодушіе—дѣйствительно великодушно.

Для безкорыстной русской мысли представляется поэтому важнымъ не то, какъ въ подобныхъ случахъ поступали другіе, а какъ должно поступать. Если они поступали несправедливо, эгоистично, насильственно — это намъ не образецъ. Важно даже не то, каково внутреннее достоинство этого трактата, о которомъ идетъ рѣчь; важенъ самъ принципъ. Война измѣнила положеніе вещей, освященное договоромъ, выгоднымъ для насъ или невыгоднымъ—это все равно. Не справедливо-ли, чтобы всѣ участники прежняго договора обсудили эти перемѣны, съ тѣмъ чтобы ихъ утвердить или отвергнуть?—вотъ въ чемъ, по мнѣнію иныхъ, существенный вопросъ. Нѣтъ, несправедливо,—отвѣтимъ мы, не обинуясь; несправедливо, потому что не исторично. Великіе историческіе интересы изъемлются изъ юрисдикціи дипломатіи, которая, въ данномъ случаѣ, уже тѣмъ доказала свою некомпетентность, что дѣло вышло изъ ея рукъ и дошло до войны,—а рѣшаются непосредственною борьбою народныхъ силъ. Въ этихъ вопросахъ, опредѣляющихъ историческую будущность народовъ, рѣшеніе не можетъ быть предоставлено соглашенію отдѣльныхъ лицъ, часто своекорыстныхъ и всегда близорукихъ, но должно рѣшаться борьбою историческихъ силъ. Логика событій, логика исторіи находится нерѣдко въ противорѣчіи съ логикой индивидуальной. Кто признаетъ въ ходѣ исторіи направляющую волю высшаго разума,—конечно, не усомнится предпочесть первую—второй. Напротивъ того, кто въ этомъ ходѣ видитъ не болѣе, какъ сочетаніе неразумныхъ случайностей, результатъ борьбы неразумныхъ силъ, конечно, долженъ быть склоненъ видѣть величайшій успѣхъ въ подчиненіи хода событій человѣческому разуму. Но для нашей цѣли нѣтъ надобности возвышать вопроса до этой философской высоты. Мы готовы согласиться

съ послѣдними, если только намъ покажутъ, что въ дипломатическихъ собраніяхъ — не говоримъ дѣйствительно проявляется, но даже имѣетъ возможность проявиться эта разумность, имѣющая руководить судьбами народовъ. На дѣлѣ, критерій разумности ихъ рѣшеній приводится къ рѣшенію по большинству голосовъ, и еще по какому большинству! Въ парламентахъ, палатахъ, гдѣ также рѣшаетъ большинство, не смотря на всю противоположность интересовъ и воззрѣній, на всю игру страстей, господствуетъ всѣмъ общее стремленіе къ государственному благу, примиряющее противорѣчія. Различіе во взглядахъ относится собственно (съ исключеніями конечно) къ средствамъ его достиженія,—единая же цѣль всѣми одинаково признается. Гдѣ же это высшее примиряющее начало на дипломатическихъ конференціяхъ? Не благо-ли человѣчества? Не говоря уже о томъ, что никому неизвѣстно въ чемъ оно состоитъ,—не смѣшная-ли фикція предполагать, что стремленіемъ къ нему одушевляются члены дипломатическихъ конгрессовъ или конференцій?

Въ чемъ можетъ проявиться на дѣлѣ дипломатическое вмѣшательство государствъ, неучаствовавшихъ въ войнѣ? — Или въ безплодной тратѣ времени, тяжело отзывающейся на тѣхъ, кто ее велъ, ибо нерѣшительность положенія, поддерживаемая дипломатическими преніями, препятствуетъ имъ разоружиться; или въ новой войнѣ; или, наконецъ, въ рѣшеніи вопроса въ анти-историческомъ смыслѣ. Первые два случая понятны сами по себѣ, только послѣдній требуетъ нѣкотораго разъясненія.

Отношенія государствъ другъ къ другу, ихъ взаимныя права и обязанности опредѣляются мирными договорами. Но государства—живые организмы. Они ростутъ и измѣняются, и притомъ неравномѣрно, не одинаково въ разныхъ направленіяхъ. Съ теченіемъ времени, обязанности оказываются стѣснительными и нарушаются, права—излишними или недостаточными. Возникаютъ новыя требованія. Установленный договоромъ modus vivendi оказывается невыносимымъ. Конечно, дѣло можно уладить полюбовными сдѣлками, посредничествомъ—и здѣсь они вполнѣ умѣстны, по крайней мѣрѣ въ теоріи, если не на практикѣ. Полюбовныя сдѣлки, посредничество, даже при размежеваніи угодій, рѣдко удаются, и приходится прибѣгать къ силѣ судебныхъ рѣшеній. По неимѣнію такой силы въ дѣлахъ международныхъ, возникаетъ война и установляетъ новыя отношенія, болѣе соотвѣтствующія новымъ потребностямъ

и интересамъ, успѣвшимъ развиться въ періодъ предшествовавшаго мира, и болѣе соразмѣрныя съ новымъ распредѣленіемъ государственныхъ силъ. Въ чемъ же можетъ состоять посредническая дѣятельность государствъ, не участвовавшихъ въ войнѣ, но участвовавшихъ въ заключеніи того мира, послѣдствія котораго именно и отмѣняются войной? Очевидно они будутъ стараться о сохраненіи, на сколько возможно, прежняго порядка вещей, который былъ сообразенъ съ ихъ выгодами, такъ какъ они его установили. Чтò имъ за дѣло, что онъ не пригоденъ для тѣхъ, кого онъ ближе и прямѣе касается? Они знаютъ лишь свои интересы. Дѣйствіе ихъ не можетъ быть иное, какъ тормозящее, задерживающее, мертвящее, однимъ словомъ, противоисторическое. Они всегда будутъ на сторонѣ формальной легальности противъ живой дѣйствительности.

Эти посторонніе участники всегда будутъ отстаивать привилегированное положеніе, доставшееся имъ по прежнему трактату, несмотря на то, что привилегія уже отжила свой вѣкъ, совершенно такъ, какъ, напримѣръ, торійскіе аристократы отстаивали представительство гнилыхъ мѣстечекъ. Между тѣмъ, очевидно, что самые интересы, за которые они такъ горячо стоятъ, въ сущности и для нихъ несущественны; иначе они не предоставили бы ихъ защиту силамъ своего кліента, а сами бы помогали защищать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Но такъ какъ дѣло было не кровное, они возлагаютъ надежду на слабость имъ противной, на силу имъ пріязненной стороны. Когда же кривая не вывезла, они хотятъ жать тамъ, гдѣ не сѣяли, думая, что имъ легче удастся справиться съ противникомъ, ослабленнымъ только-что выдержанною имъ, хотя бы и побѣдоносною, войною. Честный-ли это расчетъ и можетъ-ли онъ повести къ благодѣтельнымъ, разумнымъ послѣдствіямъ? Освободилась-ли и объединилась-ли бы Италія, образовалась-ли бы Ново-Германская имперія, если-бы участь ихъ зависѣла отъ рѣшеній европейскаго конгресса или конференціи,—такъ какъ вѣдь все это были событія въ высшей степени антилегальныя, несогласныя съ прежними трактатами, хотя и совершенно законныя съ точки зрѣнія живой исторической дѣйствительности? По крайней мѣрѣ на сколько были бы они урѣзаны! Сколько новыхъ попытокъ потребовалось бы для окончательнаго достиженія ихъ цѣлей, а слѣдовательно сколько новыхъ войнъ пришлось бы выдержать!

Такимъ образомъ, съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть на вопросъ: съ точки-ли зрѣнія спеціальныхъ достоинствъ Парижскаго трактата, его особыхъ правъ на значеніе договора, который долженъ регулировать международныя отношенія, съ точки-ли зрѣнія авторитета прецедентовъ, представляемыхъ новѣйшею исторіею— авторитета дипломатическихъ обычаевъ, или, наконецъ, съ точки зрѣнія самаго выставляемаго принципа in abstracto:—мы приходимъ къ одинаковому заключенію, что не участвовавшіе въ войнѣ, въ сопряженныхъ съ нею жертвахъ и усиліяхъ, не имѣютъ достаточныхъ правъ и основаній на участіе въ установленіи ея результатовъ.

И такъ, мы имѣемъ полное право отвергнуть первое основаніе, приводимое въ оправданіе притязаній державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ, на пересмотръ состоявшихся между Россіей и Турціей мирныхъ условій, на собранномъ для этой цѣли дипломатическомъ собраніи. Посмотримъ, не заслуживаетъ-ли большаго уваженія второе изъ приводимыхъ основаній, заключающееся не въ требованіяхъ формальной легальности, а въ дѣйствительныхъ интересахъ европейскихъ державъ.

IV.

Общеевропейскіе интересы.

I.

(*„Русскій міръ“* 1879, 5 апр.).

Что такое европейскій интересъ и въ чемъ онъ заключается.—Примѣры Италіи и Германіи. — Вопросъ объ устьяхъ Дуная. — Значеніе территоріальныхъ перемѣнъ въ Малой Азіи.—Вопросъ о проливахъ.—Отзывъ князя Бисмарка.— Для кого важны ключи отъ нашего дома.—Примѣръ—проходы въ Индію.— Домогательства Англіи.—Значеніе Индіи для Англіи и для Россіи.—Безсмысленность взаимной вражды.

Конференціи или конгрессъ необходимы, говорятъ, потому, что, кромѣ интересовъ Россіи и Турціи, мирный договоръ между ними затрогиваетъ и интересы общеевропейскіе. Тутъ, слѣдовательно, вопросъ не въ теоріи, а въ фактахъ. Чтобы отвѣчать на вопросъ, есть-ли надобность въ дипломатическомъ собраніи европейскихъ государствъ, съ этой точки зрѣнія, надо показать, какіе-же это общеевропейскіе интересы, затрогиваемые русско-турецкимъ мирнымъ договоромъ.

Сербія и Румынія получаютъ полную независимость; независимость Черногоріи признается Турціею; владѣнія этихъ государствъ увеличиваются; Болгарія становится полунезависимымъ вассальнымъ княжествомъ, вступающимъ въ тѣ-же отношенія къ Турціи, въ которыхъ до сего времени находились Румынія и Сербія; Россія получаетъ денежное и территоріальное вознагражденіе. Прежде думали, что въ это вознагражденіе поступитъ и часть турецкаго флота, но отъ этой надежды приходится отказаться. Относительно проливовъ все остается по старому; только нейтральныя торговыя суда могутъ проходить черезъ нихъ и въ военное время. Къ этому присоединяется еще намѣреніе Россіи промѣнять у Румыніи уступленную ей Турціей Добруджу на часть Бессарабіи, отошедшую отъ Россіи по Парижскому трактату,—не всю, однакожъ, а только по самый сѣверный изъ рукавовъ Дуная. Подъ земельнымъ вознагражденіемъ разумѣется небольшая часть Малой Азіи, съ городами Батумомъ, Ардаганомъ, Карсомъ и Баязетомъ. Эрзерумъ, какъ было надѣялись, сюда не вошелъ.

Напрягая все свое вниманіе, во всемъ этомъ мы рѣшительно ничего общеевропейскаго не можемъ замѣтить. Ни единый общеевропейскій интересъ, не только прямой, но даже косвенный, ничѣмъ не нарушенъ. Разсмотримъ, однако, всѣ эти пункты подробнѣе и внимательнѣе,—не найдемъ-ли чего.

Прежде всего, что̀ такое общеевропейскій интересъ? Очевидно,—такой интересъ, который касается всѣхъ европейскихъ государствъ, или по крайней мѣрѣ большинства ихъ. Такъ, напримѣръ, интересъ, представляемый устройствомъ папской власти, о чемъ мы уже сказали нѣсколько словъ, можетъ быть названъ общеевропейскимъ, ибо касается почти всѣхъ государствъ Европы. Также вопросъ о Зундской пошлинѣ былъ общеевропейскимъ, и даже общеамериканскимъ, сверхъ того. Пожалуй, и вопросъ объ устройствѣ Германіи, въ видѣ ли блаженной памяти союза, или нынѣшней имперіи, былъ общеевропейскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, для Австріи эта перемѣна вообще весьма невыгодна, хотя бы уже по одному тому, что прежній союзъ гарантировалъ значительную часть ея земель,—а вѣдь всякая гарантія ей куда какъ нужна. Нѣтъ надобности, думаю, распространяться, что и для Франціи гораздо была пріятнѣе сосѣдка, растягиваемая надвое противоположными стремленіями Австріи и Пруссіи, съ придачею еще особыхъ тенденцій Баваріи, Бадена и проч., чѣмъ нынѣшняя объединенная

грозная нѣмецкая сила. Для Англіи явился новый конкуррентъ въ области политическихъ вліяній, пока, правда, только на европейскомъ континентѣ, но есть основанія предполагать, что онъ не замедлитъ оказать ихъ и на моряхъ; военный флотъ новой имперіи по крайней мѣрѣ усиливается; обо всемъ этомъ нечего было тревожиться со стороны Германскаго союза. Голландія населена народностью весьма близкою къ нѣмецкой, а отъ нижненѣмецкой даже мало чѣмъ и отличимою. Есть ей, слѣдовательно, основаніе позадуматься надъ германскими объединительными тенденціями. Къ тому же, чрезполосный Люксембургъ уже совсѣмъ нѣмецкій, и Рейну, по крайней мѣрѣ его судоходной части, только одна Голландія мѣшаетъ сдѣлаться совсѣмъ нѣмецкою рѣкою. Нужно ли говорить о Даніи?—она на опытѣ извѣдала, какая разница между Германскимъ союзомъ и самостоятельно дѣйствующей Пруссіей, изъ сравненія годовъ 1848 и 1849 и 1864. Швеція съ Норвегіей, уже по общескандинавскому чувству, стоятъ на этой же точкѣ зрѣнія. Швейцарія имѣетъ въ этомъ отношеніи точки соприкосновенія съ Голландіей. Для Россіи теперь положительно выгоднѣе имперія, чѣмъ прежній союзъ; но это можетъ измѣниться. Италія, думаю, въ томъ же положеніи, какъ и Россія. Для Испаніи и Португаліи — хотя отъ первой и загорѣлся сыръ боръ — что союзъ, что имперія—совершенно безразлично. И такъ, мы видимъ семь государствъ: три большихъ и четыре малыхъ, интересы которыхъ превращеніемъ союза въ имперію — или положительно нарушены, или болѣе или менѣе угрожаются въ будущемъ; два большихъ, для которыхъ это, говоря вообще, пока выгодно, и два: одно среднее, другое малое, для которыхъ это совершенно безразлично. Безспорно, слѣдовательно, что тутъ былъ интересъ общеевропейскій. Замѣтимъ еще, что оба упомянутые нами общеевропейскіе вопроса, Римскій и Германскій, были рѣшены въ національномъ и антиевропейскомъ смыслѣ, и весьма основательно. Потому что и Германія, и Италія домогались только своего, законнаго. Не стоять же имъ въ самомъ дѣлѣ изъ-за другихъ! Если кому отъ этого не поздоровилось—все, что̀ можно сказать: тѣмъ хуже для него. Значитъ, его организмъ чѣмъ нибудь да страдаетъ, въ какомъ-нибудь направленіи поврежденъ, ненормально развитъ, не на здравыхъ основахъ утвержденъ, — если чужой ростъ, удовлетвореніе законныхъ требованій другихъ народностей ему не понутру.

Возвращаясь къ своему предмету, мы найдемъ, что если бу-

демъ придерживаться вышеприведеннаго опредѣленія общеевропейскихъ интересовъ, то, въ числѣ поименованныхъ мирныхъ условій, мы не найдемъ ни одного, которое представляло бы необходимый для того характеръ. Уменьшимъ наши требованія; пусть общеевропейскимъ будетъ называться такой интересъ, который касается хотя бы только нѣсколькихъ, не замѣшанныхъ въ войнѣ государствъ.

Болѣе всѣхъ будетъ носить этотъ характеръ возвращеніе Россіи отошедшей отъ нея полосы Бессарабіи, такъ какъ съ этимъ сопряжено владѣніе Дунаемъ, а рѣка эта служитъ важнымъ торговымъ путемъ для Австріи и для небольшой части Германіи. Что̀ же требуется отъ такой международной рѣки? — Чтобы плаваніе по ней было свободно отъ истоковъ до устья, для всѣхъ прибрежныхъ государствъ. И больше ничего. Но вѣдь это условіе совершенно не зависитъ отъ того, кому принадлежитъ та или другая часть рѣки, предполагая, конечно, что ни одинъ изъ прибрежныхъ владѣтелей не покровительствуетъ рѣчному разбою, какъ то дѣлали въ былыя времена Алжиръ и Тунисъ на морѣ. Если государство, доселѣ не прилегавшее къ Дунаю, сдѣлается прибрежнымъ, то, само собою разумѣется, оно получитъ всѣ права и приметъ на себя всѣ обязанности, съ этимъ сопряженныя. Это могло бы еще составить какой-нибудь вопросъ, еслибъ Дунай былъ единственною въ мірѣ рѣкою, протекающею черезъ нѣсколько государствъ. Но такихъ рѣкъ на свѣтѣ не мало, и никого онѣ не затрудняютъ. Напримѣръ, Рейнъ протекаетъ черезъ Швейцарію, Германію и Голландію, а недавно протекалъ и по границѣ Франціи, однакожъ никто на это не жалуется. Можетъ быть, скажутъ, что устья Рейна находятся въ рукахъ государства незначительнаго по своей силѣ, которое не дерзнетъ рѣшиться на образъ дѣйствій несогласный съ выгодами верховыхъ государствъ, и что, отдавая Румыніи отошедшую отъ Россіи часть Бессарабіи, Парижскій трактатъ и имѣлъ именно въ виду устроить въ низовьяхъ Дуная положеніе дѣлъ, подобное существующему въ низовьяхъ Рейна. Въ виду этого возраженія, намъ стоитъ только перемѣнить примѣръ, чтобы доказать, что свобода судоходства ни мало не зависитъ отъ принадлежности рѣчныхъ устьевъ непремѣнно политически-слабому государству. Эльба протекаетъ по Австріи и Германіи; Висла—по Австріи, Россіи и Германіи, Нѣманъ—по Россіи и Германіи. Чего уже сильнѣе теперешней Германіи, а развѣ эта сила низоваго го-

сударства чѣмъ нибудь вредитъ интересамъ верховыхъ? Почему же Россія заслуживаетъ менѣе довѣрія, чѣмъ Германія? Такое утвержденіе было-бы весьма оскорбительно, и едва-ли кто рѣшится его произнесть. Ясно, что никакой конференціи и никакого конгресса не требуется для улаженія столь простаго дѣла.

Но если возвращеніе Россіи части Бессарабіи, не смотря на Дунай, имѣетъ весьма ничтожное значеніе съ точки зрѣнія общеевропейскихъ интересовъ,—оно составляетъ вопросъ большой важности для самой Россіи, и потому я позволю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе въ эту сторону.

Возвращеніе полосы Бессарабіи Россіи можетъ имѣть троякое значеніе: 1) значеніе территоріальнаго увеличенія, сопряженнаго съ увеличеніемъ государственнаго могущества; 2) значеніе вопроса чести, какъ подтвержденіе принципа, что Россія никогда не признаетъ насильственнаго отторженія самаго незначительнаго пространства ея территоріи; 3) значеніе стратегическое. О первомъ не стоитъ собственно и говорить. По своему пространству, по числу населенія, кусочекъ Бессарабіи, въ сравненіи съ Россіей, есть величина совершенно ничтожная. Во второмъ смыслѣ вопросъ этотъ, конечно, пріобрѣтаетъ несомнѣнную важность. Но тутъ одна квадратная верста равняется сотнямъ квадратныхъ миль. Все или ничего—должно быть въ этомъ случаѣ девизомъ. До 1856 года намъ принадлежала не только полоса земли до лѣваго берега самаго сѣвернаго изъ рукавовъ Дуная, но и вся дунайская дельта, отошедшая не къ Румыніи, а непосредственно къ Турціи, вмѣстѣ съ островомъ Фидониси, о которомъ и теперь еще не извѣстно, кому онъ будетъ принадлежать. Дельта же должна отойти къ Румыніи вмѣстѣ съ Добруджей. Слѣдовательно, вопросъ чести все-таки не будетъ удовлетворенъ. Но намъ кажется, что въ фактическомъ удовлетвореніи его въ настоящемъ случаѣ вообще не предстоитъ никакой надобности. Понятіе о чести, личной или государственной, есть понятіе идеальное, и идеальное возстановленіе ея вполнѣ достаточно. То-есть, вполнѣ достаточно убѣжденіе,—а кто же можетъ не имѣть его?—что Россія имѣла бы полную возможность возвратить себѣ у нея отнятое, если бы захотѣла; приводить же или не приводить въ исполненіе свою волю — она предоставляетъ своему благоусмотрѣнію. Наконецъ, стратегическое значеніе отошедшей полосы Бессарабіи заключается единственно въ непосредственномъ соприкосновеніи черезъ нее съ Болгаріею, а затѣмъ и съ Турціею,

еще третьимъ путемъ, сверхъ Малой Азіи и моря. Но это значеніе совершенно утрачивается, если Добруджа должна отойти къ Румыніи, въ видѣ вознагражденія за возвращаемую Россіи территорію.

Между тѣмъ, мысль объ уступкѣ Россіи куска Бессарабіи, какъ мы видѣли, въ сущности ей безполезнаго, возбуждаетъ неудовольствіе нашихъ бывшихъ союзниковъ, а отдѣленіе Добруджи отъ Болгаріи не можетъ быть пріятно Болгаріи, потому что нарушаетъ если не этнографическіе, то географическіе ея естественные предѣлы,—неудовольствіе, которое, конечно, постараются развить со всѣхъ сторонъ. Главный же интересъ Россіи въ странахъ нижняго Дуная заключается, думаемъ мы, въ слѣдующемъ: въ томъ прежде всего, чтобы Румынія не обратилась, какъ выражаются, въ южную Бельгію—въ нейтральное государство, а лучшее средство для этого, чтобы сами румыны этого не желали, какъ истинные ихъ интересы и не допускаютъ желать. По счастію, Австрія также не желаетъ нейтрализаціи Румыніи, конечно, въ надеждѣ осуществить въ будущемъ свои на нее виды. Но, еслибъ даже они и осуществились, мы твердо убѣждены, что Россіи скорѣе бы можно согласиться на присоединеніе Румыніи къ Австріи, чѣмъ на ея нейтрализацію. Австрія не такая сила, съ которою Россіи было бы особенно трудно справиться при случаѣ; общеевропейскій же клинъ, вбитый въ славянское тѣло, составилъ бы такое препятствіе, для устраненія котораго потребовалась бы со стороны Россіи рѣшимость на оскорбленіе европейскаго величества, на что, при извѣстномъ уваженіи ея къ легальности, невозможно, да и не желательно разсчитывать, не говоря уже о матеріальныхъ трудностяхъ такого нарушенія. Такія нарушенія сходятъ съ рукъ всегда только одной Англіи, сходили при благопріятныхъ обстоятельствахъ не разъ Италіи и Германіи, но Россіи едва ли когда сойдутъ, если уже и архилегальныя, наистрожайше законныя ея дѣйствія раздражаютъ столь многихъ до забвенія и внѣшней законности, и внутренней правды. Затѣмъ, интересъ Россіи требуетъ, чтобы Румынія сознавала, что до сихъ поръ она достигала своихъ цѣлей только тяжелыми усиліями и стараніями Россіи, направленными не противъ Турокъ только, и что точно также и въ будущемъ—дальнѣйшихъ своихъ національныхъ цѣлей она можетъ достигнуть не иначе, какъ опираясь на Россію, какъ сливая свои выгоды съ ея выгодами.

Пойдемъ далѣе. Въ вознагражденіе жертвъ и убытковъ своихъ Россія получаетъ небольшую часть Малой Азіи. Чѣмъ это затро-

гиваетъ общеевропейскіе интересы? Думаемъ — не болѣе, чѣмъ и присоединеніе Заревшанскаго округа или Ферганской области. Отношеніе силъ Россіи къ другимъ европейскимъ государствамъ черезъ это нисколько не измѣнится. Присоединенныя области не дадутъ ей ни одного лишняго солдата, да, кажется, и ни одного лишняго ружья на случай европейской войны. Это вовсе не то, что, напримѣръ, присоединеніе къ Германіи Шлезвигъ-Голштиніи, Эльзаса и Лотарингіи, которыя увеличиваютъ ея боевыя силы двумя или по крайней мѣрѣ полутора корпусами. Даже и финансовыя силы Россіи немного возрастутъ, если только возрастутъ. Все, что̀ Россія выиграетъ, — это улучшеніе ея стратегическаго положенія въ той отдаленной мѣстности, и облегченіе для торговли пріобрѣтеніемъ хорошей гавани, которой ей не доставало на протяженіи всей закавказской береговой линіи. Общеевропейскаго тутъ нѣтъ ничего. Есть, можетъ быть, спеціально англійское? Но это уже совершенно иное дѣло, ничего не имѣющее общаго съ созваніемъ общеевропейскаго конгресса. Но не самъ ли лордъ Дерби, которому ближе всего знать, объявилъ, что нѣтъ даже и этого? И въ самомъ дѣлѣ, ни для русскихъ, ни для англичанъ не пролегаетъ чрезъ эти страны пути въ Индію. Черезъ Трапезунтъ, Эрзерумъ, Баязетъ ведетъ Англія довольно значительную торговлю съ Персіей, ну и будетъ продолжать себѣ ее вести и послѣ присоединенія нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ къ Россіи. Только увеличится безопасность торговаго пути; вмѣсто вьючныхъ, слѣдаются дороги колесными, а чего добраго со-временемъ и желѣзными. Вотъ и всѣ измѣненія, которыхъ можно ожидать.

Но вотъ доходитъ, наконецъ, дѣло до проливовъ. Мирныя условія, къ сожалѣнію, ихъ не касаются. Но допустимъ предположеніе, что вопросъ этотъ былъ бы рѣшенъ самымъ желательнымъ для Россіи образомъ, то есть, что, тѣмъ или инымъ способомъ, они совершенно закрываются во всякое время для военныхъ флотовъ всей Европы и, напротивъ того, постоянно остаются открытыми только для военныхъ флотовъ Турціи и Россіи. Чѣмъ нарушило бы это общеевропейскіе интересы? Мы часто читали и слышали, что бѣда будетъ отъ этого для Европы страшная. Даже князь Бисмаркъ, человѣкъ и прозорливый и не пугливаго десятка, повидимому однакоже раздѣляетъ эти опасенія. «Вопросъ о Дарданеллахъ», сказалъ онъ въ рейхсратѣ, «имѣетъ громадную важность, если дѣло идетъ о томъ, чтобы проходъ черезъ нихъ, и ключи къ

Босфору и Дарданелламъ передать въ другія руки, предоставить, напримѣръ, Россіи отпирать и запирать ихъ по своему усмотрѣнію». Весь рейхстагъ кричитъ: «слушайте, слушайте!» то есть, также признаетъ за этимъ дѣломъ громадную важность. Въ чемъ же однако заключается эта громадная важность—этотъ страхъ и ужасъ общества, этотъ кошмаръ Европы,—и онъ не соблаговолилъ разъяснить; и никогда и ни отъ кого мы этого объясненія не слыхали. А вѣдь очень было бы любопытно узнать. Ужасъ, да и все тутъ! Важность тутъ конечно есть, но только для Россіи, и больше ни для кого. Какому хозяину не важно имѣть замокъ и ключъ отъ своего дома? Но что до этого хозяевамъ другихъ домовъ?—рѣшительно не понимаю. Еще могу постигнуть важность для плутовъ, мошенниковъ, воровъ, чтобы дома запирались плохими замками, къ которымъ легко поддѣлывать фальшивые ключи; но для чего это честнымъ домохозяевамъ,—не могу въ толкъ взять.

Но оставимъ шутки въ сторону, которыя, однакоже, въ сущности вовсе даже и не шутки, а самыя точныя и простыя уподобленія. Вопросъ о проливахъ раздѣляется самымъ естественнымъ образомъ на два вопроса: на вопросъ о запрещеніи входа иностраннымъ военнымъ судамъ въ Черное море — и на вопросъ о свободномъ выходѣ изъ Чернаго моря русскаго флота. Почему въ первомъ отношеніи Россія должна находиться не только въ вѣчной зависимости отъ произвола другаго государства, но даже не можетъ выговорить себѣ опредѣленныхъ на этотъ счетъ правъ, безъ дозволенія совершенно постороннихъ дѣлу государствъ,—это такое нарушеніе здраваго смысла и всѣхъ понятій о справедливости, которому нѣтъ имени и нѣтъ примѣра въ исторіи. Можетъ быть, не всѣмъ читателямъ извѣстно, что съ сухаго пути англійская Индія находится, въ отношеніи къ ведущимъ въ нее путямъ, совершенно въ такомъ же положеніи, какъ Россія на Черномъ морѣ. Со всѣхъ сторонъ окружена она горами, на сѣверѣ совершенно непроходимыми, но проходимыми съ запада. Главнѣйшихъ западныхъ проходовъ два: Хиберскій и Боланскій, и оба они лежатъ внѣ границъ англійской территоріи. Первый—въ Афганистанѣ близъ самой индійской границы, второй — въ Белуджистанѣ или Келатѣ, довольно далеко отъ границы. Англія обезпечила собѣ эти пути договорами съ тамошними ханами, и первый, если не ошибаюсь, даже укрѣпила и охраняетъ своими войсками. Что сказали-бы англичане, если бы кто сталъ утверждать, что общеевропейскіе, или хоть

пожалуй только спеціально русскіе интересы требуютъ, чтобы проходы эти находились въ совершенно свободномъ распоряженіи Кабульскаго эмира и Келатскаго хана, и чтобъ Англія отнюдь не смѣла заручаться какими бы то ни было обезпеченіями насчетъ закрытія ихъ, въ случаѣ непріятельскаго вторженія, не говоря уже о содержаніи въ нихъ гарнизона или устроенія англійскихъ укрѣпленій? Прежде всего, Англія могла бы спросить: «да какое вамъ дѣло до этихъ проходовъ? Они могутъ быть вамъ нужны только для вторженія въ Индію; ну, а противъ этого, извините, мы считаемъ себя въ правѣ принимать всякаго рода предосторожности». А наши опасенія относительно Чернаго моря еще гораздо справедливѣе. Въ Индію, съ тѣхъ поръ какъ она англійская, еще никто пока означенными проходами не врывался, а въ Черномъ морѣ господа англичане и французы уже хозяйничали и не мало бѣдъ намъ натворили. Во время крѣпостнаго права встрѣчались господа и чаще барыни, которые били своихъ людей и грозно требовали, чтобы они держали руки по швамъ, отнюдь не отбиваясь. Видно Европа считаетъ Россію своею крѣпостною дѣвкой и право требовать, чтобы она держала руки по швамъ, когда ей вздумается бить ее, считаетъ общеевропейскимъ интересомъ. Удивительнымъ образомъ устроены европейскіе мозги! Вообще очень ученые и здравомыслящіе, они непремѣнно подвергаются частному умопомѣшательству, лишь только ихъ вниманіе направится на Россію и русскія дѣла, умопомѣшательству, доходящему до совершенной невозможности отличать бѣлое отъ чернаго, правое отъ неправаго.

Если такъ ясно несомнѣнное право Россіи занять Босфоръ для своего огражденія, то не бо̀льшаго труда представляетъ доказательство и ея несомнѣннаго права отпирать, какъ Босфоръ, такъ и Дарданеллы, для выхода ея изъ Чернаго моря. Это доказательство допускаетъ совершенно геометрическую строгость. Предположимъ, въ самомъ дѣлѣ, что проходъ черезъ проливы былъ всегда свободенъ для Россіи, и только для нея одной (кромѣ Турціи, конечно); но что Россія, по какимъ бы то ни было соображеніямъ, не держала флота въ Черномъ морѣ. Результатъ былъ бы тотъ-же, что и теперь, т. е., что, не смотря на свободу проливовъ, русскій флотъ не появлялся бы на водахъ Средиземнаго моря. Но вотъ Россія вздумала обзавестись флотомъ. Имѣла-ли бы какая-либо европейская держава право протестовать противъ этого, подъ тѣмъ предлогомъ, что черезъ это явится на Средиземномъ морѣ

новая политическая сила? Очевидно, нѣтъ. Въ обоихъ случаяхъ произошло-бы, однакожъ, одинаковое явленіе: возможность присутствія на водахъ Средиземнаго моря и океановъ новаго элемента политическаго дѣйствія. Почему же въ одномъ случаѣ никто не сочтетъ себя въ правѣ препятствовать этому, а въ другомъ можетъ это дѣлать, не выходя изъ границъ международнаго права? Скажутъ, что въ предполагаемомъ нами случаѣ Россія пользовалась бы только естественнымъ правомъ, принадлежащимъ всякому независимому государству, устройства своихъ вооруженныхъ силъ. Совершенно вѣрно. А не то же ли самое и во-второмъ, дѣйствительно существующемъ случаѣ? Россія также пользовалась-бы лишь своимъ естественнымъ правомъ вступать въ договорныя сдѣлки съ другимъ также независимымъ государствомъ.

Но существуетъ если не право, то, по крайней мѣрѣ, поводъ къ ограниченію неоспоримаго права Россіи получить свободный входъ и выходъ изъ своего дома. Въ другой статьѣ *) мы разсматривали вопросъ о проливахъ съ этой точки зрѣнія, и потому, не повторяя здѣсь нашихъ доказательствъ, приведемъ лишь сдѣланный нами тамъ выводъ, что для государствъ бассейна Средиземнаго моря свободный проходъ русскаго военнаго флота черезъ Босфоръ и Дарданеллы не только можетъ быть, говоря теоретически, столько же благопріятнымъ, сколько и неблагопріятнымъ, но въ дѣйствительности, на практикѣ, это принесетъ имъ гораздо больше пользы, нежели вреда. Только относительно Англіи, которая, однакожъ, не есть средиземноморское государство, это можетъ казаться невѣрнымъ, такъ какъ, по своему преобладающему положенію на морѣ, она не имѣетъ надобности разсчитывать на полезнаго, при случаѣ, союзника, а скорѣе можетъ опасаться врага. Эта вѣроятность враждебнаго столкновенія Россіи съ Англіею, какъ извѣстно, основывается, по мнѣнію англійскихъ государственныхъ людей и англійской публики, на возможности, которую имѣетъ Россія, и одна только Россія, сдѣлать нападеніе на Индію съ сухаго пути. Изъ этого проистекаетъ для Англіи необходимость всегда держать открытымъ свободное сообщеніе съ Индіей, самымъ короткимъ путемъ, т. е. Суэцкимъ каналомъ, и слѣдовательно всѣми мѣрами противиться возможности для русскаго флота угрожать этому пути изъ Чернаго моря. Вотъ англійская точка зрѣнія, ко-

---

*) См. выше, стр. 53—70.

торая, хотя, въ сущности и не даетъ ей ни малѣйшаго права препятствовать осуществленію совершенно законныхъ требованій Россіи на свободный выходъ изъ замкнутаго моря, большею частію береговъ котораго она владѣетъ, но служитъ объясненіямъ беззаконныхъ домогательствъ Англіи. Посмотримъ, однакоже, на дѣло съ другой стороны, и мы легко убѣдимся, что, даже съ точки зрѣнія исключительныхъ интересовъ Англіи, ея образъ дѣйствій не имѣетъ смысла.

Имѣетъ-ли Россія какую-нибудь разумную, хотя-бы и самую эгоистическую причину овладѣть Индіею, вытѣснивъ оттуда англичанъ? Вмѣсто отвѣта поставимъ рядъ другихъ вопросовъ и отвѣтовъ. Увеличиваетъ-ли Индія наступательныя силы Англіи?—Нѣтъ, потому что ея сипайская армія недостаточна даже для охраненія Индіи, такъ какъ она должна, сверхъ нея, содержать еще дорогостоющую англійскую индійскую армію и англійскихъ офицеровъ въ рядахъ самихъ сипаевъ. Увеличиваетъ-ли Индія оборонительную силу Англіи?—Не только нѣтъ, но еще значительно ослабляетъ ее, требуя отвлеченія, для защиты ея, значительной доли англійскихъ силъ, и составляя тѣмъ не менѣе ея ахиллесову пяту по отношенію къ Россіи. Въ чемъ же заключается для Англіи важность обладанія Индіей? Во-первыхъ, въ отношеніи торговомъ, оно доставляетъ сбытъ англійскимъ произведеніямъ и значительный матеріалъ для фрахта англійскихъ судовъ; во-вторыхъ, при ультра-аристократическомъ характерѣ государственнаго и общественнаго строя, представляетъ возможность доставлять богато оплачиваемыя мѣста въ гражданской, судебной и военной службѣ младшимъ сыновьямъ англійской аристократіи. Можетъ быть, возразятъ, что при широкомъ развитіи англійской промышленности и торговли, ей нечего бояться конкурренціи, и что еслибъ Индія и не принадлежала ей политически, она все-таки продолжала бы находиться въ почти исключительной отъ нея торговой зависимости. Нѣтъ,—потому что неизвѣстно, какой торговой политики стали бы держаться тѣ туземныя или иноземныя государства, власть которыхъ замѣнила бы власть Англіи въ Индіи. Также безспорно, что, безъ политическаго преобладанія, Англіи никогда бы не удалось одною свободною конкурренціею сокрушить мануфактурную промышленность Индіи, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія имѣвшую огромное значеніе. Такъ, несмотря на конкурренцію, и даже на нѣкоторую помощь со стороны артиллеріи и флота, Англіи не удается подавить мануфактурную дѣятельность Китая; а любопытно

было-бы посмотрѣть, сколько лѣтъ она просуществовала-бы, еслибъ Китай, подобно Индіи, подпалъ подъ политическую власть Англіи.

Но если это такъ, если Индія не увеличиваетъ собственно политической силы Англіи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и отчасти даже ее ослабляетъ, то обладаніе этою страною, по тѣмъ же самымъ причинамъ, и въ еще гораздо большей степени, ослабитъ политическую силу Россіи. Я говорю «еще въ большей степени» потому, что Россіи пришлось бы поддерживать свою связь съ Индіей не быстрымъ и дешевымъ морскимъ, а медленнымъ и дорогимъ сухопутнымъ сообщеніемъ. Коммерческихъ выгодъ Россія изъ Индіи извлечь бы не могла, по неразвитости своей промышленности и морской торговли. Соціальныхъ причинъ, заставляющихъ Англію держать въ своихъ рукахъ Индію, Россія также не имѣетъ. Очевидно, слѣдовательно, что Россія не можетъ имѣть и не имѣетъ никакого желанія овладѣть Индіей. И однакоже весьма возможно, что Россія принуждена будетъ предпринять походъ въ эту страну съ единственною цѣлью выгнать изъ нея англичанъ. Въ рѣшительной борьбѣ съ Англіей, которая, при образѣ ея дѣйствій относительно насъ, неминуемо должна наступить, это есть единственное средство Россіи побороть своего противника. Указываютъ еще на крейсерство и каперство. Неоспоримо, что и это весьма дѣйствительныя пособія, но это только дѣйствія партизанскія, могущія нанести противнику довольно существенный вредъ, но не могущія повести къ рѣшительнымъ цѣлямъ.

Но съ какой стати Россіи воевать съ Англіей? Если кому нечего дѣлить другъ съ другомъ,—то это, конечно, Англіи съ Россіей. По праву или въ противность всякому праву владѣетъ Англія Гельголандомъ, Гибралтаромъ, Мальтою, Перимомъ, Трансваальской республикой, мысомъ Доброй Надежды, Иль-де-Франсомъ: — до этого Россіи нѣтъ никакого дѣла. Завладѣетъ ли она сверхъ сего Канарскими или Азорскими островами, Явой, Суматрой, Сан-Доминго, Кубой, хоть даже цѣлой Бразиліей:—Россіи опять-таки и до этого никакого не будетъ дѣла. Напротивъ того, для нея весьма пріятно быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ Англіей. Она лучшій покупатель русскихъ товаровъ; вѣрнѣйшій источникъ, изъ котораго Россія могла бы заимствовать капиталы для развитія своей промышленности. Англія также находитъ въ мирныхъ сношеніяхъ съ Россіей значительныя торговыя выгоды. Изъ-за чего же воевать? Единственно изъ-за того, что Англія уже съ давнихъ поръ по-

стоянно и неуклонно противодѣйствуетъ русской политикѣ относительно Турціи; противилась прежде, противится и теперь освобожденію единовѣрцевъ и единоплеменниковъ Россіи; противится развитію русскаго черноморскаго флота; не хочетъ допустить насъ пользоваться нашими естественными правами свободнаго входа и выхода изъ нашего внутренняго моря. Для чего же это она дѣлаетъ? Для охраненія Индіи на случай войны съ Россіей--войны, которая единственно изъ этого только можетъ проистечь. Такимъ образомъ, передъ нами предстаетъ слѣдующее невѣроятно нелѣпое положеніе вещей, слѣдующій курьезный circulus vitiosus:

Россія и Англія не имѣютъ ни малѣйшаго повода ко взаимной враждѣ. Сферы ихъ вліянія такъ различны, что не пересѣкаются ни въ одной точкѣ. Напротивъ того, многіе общіе интересы связываютъ ихъ между собою. Всего менѣе имѣетъ Россія побужденій угрожать положенію Англіи въ Индіи. Что же дѣлаетъ Англія? Чтобы предупредить эту, совершенно мнимую опасность, чтобы противодѣйствовать планамъ, которые никогда и въ голову Россіи не могли входить, она своими руками создаетъ эти побужденія, создаетъ дѣйствительную для себя опасность, принуждаетъ Россію усвоить себѣ эти планы, тѣмъ, что постоянно оскорбляетъ самыя святыя симпатіи Россіи, нарушаетъ самые насущные, самые законные, самые жизненные интересы, и наконецъ, рано или поздно, теперь или въ недалекомъ будущемъ, вынудитъ Россію обратиться къ единственному средству обороны, находящемуся въ ея рукахъ, отъ нападеній Англіи, истощитъ ея долготерпѣніе, заставитъ собрать всѣ свои силы, чтобы предпринять походъ въ Индію, и нанести Англіи смертельный ударъ. Это ли не безуміе!

II.

(„Русскій Міръ“ 1879 г. 12 апр.).

Болѣзненныя «европейскія» требованія.—Роковое положеніе Австріи.—Прежнія австрійскія войны, ихъ ограниченныя цѣли и предѣлы.—Грозная особенность столкновеній съ Россіею на почвѣ Славянства.—Невозможность федеративнаго устройства Австріи. — Благоразуміе австрійскихъ дѣятелей и тройственный императорскій союзъ. — «Почетный» выходъ изъ затрудненій—присоединеніе Босніи и части Герцеговины. — Двѣ Лейтаніи, съ прибавкою третьей, магометанской.—Тяжелая, но быть можетъ необходимая задача.

Остается послѣдній пунктъ мирныхъ условій, — освобожденіе балканскихъ христіанъ: независимость и увеличеніе Сербіи и Ру-

мыніи, усиленіе Черногоріи, автономія Болгаріи въ истинныхъ предѣлахъ болгарской національности. Чтò тутъ общеевропейскаго?

Ни одинъ народъ и ни одно государство не оказали стольких услугъ другимъ народамъ и государствамъ, какъ Русскій народъ и Русское государство—услугъ нетолько безкорыстныхъ, но часто даже противныхъ прямымъ выгодамъ Россіи. Ни одинъ человѣкъ, съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, не освободилъ стольких милліоновъ людей отъ разныхъ видовъ рабства, какъ Императоръ Александръ II, и никому, въ теченіе всей всемірной исторіи, не принадлежитъ съ такимъ правомъ титулъ Освободителя. Такова была милость Господня къ Русскому народу и благодушному Царю его. Желаетъ-ли Европа пріобщиться, если и не къ послѣднему ихъ подвигу, то, по крайней мѣрѣ, къ ихъ славѣ? Если такъ, то, противъ этого, конечно, никто возражать не станетъ. Но только съ одной этой точки зрѣнія и можно считать вопросъ о Болгаріи, Сербіи, Черногоріи, Румыніи и вообще о христіанскихъ земляхъ Турціи—вопросомъ общеевропейскимъ. Однако, по всему, чтò видно и слышно, не таковы намѣренія многихъ великихъ европейскихъ державъ. Не укрѣпить, а умалить добытую для христіанскихъ народовъ свободу хотятъ онѣ. Не съ точки зрѣнія человѣколюбія, свободы, справедливости требуютъ онѣ пересмотра русско-турецкихъ мирныхъ условій, а съ точки зрѣнія нарушенныхъ будто бы общеевропейскихъ интересовъ именно этими освободительными мирными условіями.

Въ самомъ германскомъ рейхстагѣ, въ отвѣтъ на рѣчь имперскаго канцлера, и не съ враждебной, повидимому, стороны, раздались такія странныя слова, произнесенныя депутатомъ Генкелемъ: „Ни одно изъ европейскихъ государствъ не имѣетъ интереса въ поддержкѣ связи между Турціей, Сербіей, Черногоріей и Румыніей. Но проекты, составленные въ настоящее время въ пользу Болгаріи и Босніи, слишкомъ имѣютъ въ виду интересы одной Россіи и прямо нарушаютъ интересы Австріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наши“. Полагаемъ, что имѣются и должны имѣться, прежде всего, въ виду интересы не Австріи, не Германіи и даже не принесшей безчисленныя жертвы Россіи, а интересы самой Болгаріи и самой Босніи. Если интересы Россіи совпадаютъ съ этими интересами, то есть, съ интересами справедливости, правъ національностей, слишкомъ долго презиравшихся, человѣколюбія,—неужели это совпаденіе можетъ считаться въ чьемъ-либо умѣ, если только это

умъ здравый и неослѣпленный,—достаточною причиною идти противъ справедливости, противъ правъ національностей, противъ человѣколюбія? Изумительная была бы эта логика! Если же интересы Австріи этому противорѣчатъ, то все, что можно и должно сказать въ этомъ случаѣ: тѣмъ хуже для нихъ. Есть разсказы, что иногда люди бываютъ одержимы такими болѣзнями, что жизнь ихъ можетъ быть спасена и поддержана только ваннами изъ человѣческой крови. Для такихъ больныхъ—только одно рѣшеніе: пусть умираютъ!

Умаленіе и стѣсненіе правъ народностей, выходящихъ изъ подъ турецкаго гнета, не можетъ быть общеевропейскимъ интересомъ. Тутъ интересъ только австрійскій. Если Англія, противодѣйствуя законнымъ стремленіямъ Россіи получить свободный выходъ изъ внутренняго моря и оградить берега его отъ посѣщенія непрошенныхъ гостей,—какъ говорится—съ жиру бѣсится, безъ всякой надобности, съ-дуру накликаетъ на себя бѣду, теперь или въ близкомъ будущемъ, то, по справедливости, мы не можемъ того же сказать объ Австріи.

Положеніе Австріи роковое, что бы она ни дѣлала, какъ бы ни изворачивалась. Она не больной человѣкъ, какъ Турція; она человѣкъ—приговоренный и обреченный на смерть. Вода, наполняющая сосудъ, стоящій въ совершенномъ спокойствіи, сохраняетъ свою жидкость, хотя температура ея далеко уже упала ниже точки замерзанія; но сотрясеніе разомъ ее замораживаетъ. Таково положеніе Австріи. Одинъ сильный ударъ можетъ ее окончательно убить и болѣе она уже не воскреснетъ. Австрія, какъ всякому извѣстно, есть политическое тѣло, лишенное внутренней связи между составляющими ее частями. Вѣрить въ жизненность ея могутъ только дипломаты. Мѣсто взаимной притягательной силы между этими частями заняла искусственная связь государственнаго управленія, давленіе двухъ политически преобладающихъ народностей, нѣмецкой и мадьярской, а также старая привычка политическаго сожительства. Извнѣ со всѣхъ сторонъ расположены центры внѣшняго притяженія, которые стремятся растянуть это разнородное тѣло, разорвать его на болѣе естественныя группы. Оно находится въ состояніи крайняго напряженія, при которомъ едва-едва сохраняется равновѣсіе. Одинъ сильный внѣшній ударъ, направленный съ надлежащей стороны, и Австрія лопнетъ по швамъ. Но ударъ этотъ можетъ нанести только Россія. Всѣ прочіе

сосѣди, находившіеся съ нею въ разное время во враждѣ, могли нанести ей лишь болѣе или менѣе тяжелыя, но несмертельныя и залечимыя раны. Съ одной стороны, сами они не имѣли интереса наносить Австріи вредъ болѣе существенный, съ другой—и сами элементы, составляющіе Австрію, не имѣли достаточныхъ побужденій продолжать и усиливать дѣйствіе внѣшняго удара. Напротивъ того, въ случаѣ борьбы Россіи съ Австріей, Россія не только можетъ, но даже и противъ воли своей принуждена будетъ нанести ей смертельный ударъ.

Цѣль Франціи, въ ея продолжительной борьбѣ съ Габсбургскимъ домомъ, заключалась лишь въ ослабленіи его нѣкогда могущественнаго вліянія на европейскія дѣла, но только до извѣстныхъ границъ, которыя никакъ не могли доходить до полнаго разложенія состава австрійскихъ наслѣдственныхъ земель, ибо это создало бы новую силу, гораздо опаснѣйшую для Франціи, на ея восточныхъ границахъ, какъ оно и случилось на дѣлѣ, помимо ея воли конечно, но по ея непредусмотрительности. Войны эти имѣли чисто политическій характеръ.

Италія могла разумно стремиться только къ отвоеванію итальянскихъ земель габсбургской короны, и къ этому прочіе элементы Австріи, за исключеніемъ нѣмецкаго, относились совершенно равнодушно. Но дѣло приняло бы совершенно иной оборотъ, еслибы Италія захотѣла, напримѣръ, овладѣть Далмаціею, Истріею и вообще Адріатическимъ прибрежьемъ, потому что нѣкогда они отчасти принадлежали Венеціанской республикѣ. Безъ сомнѣнія, не только нѣмцы, но и всѣ славянскія народности Австріи воспротивились бы этому всѣми своими силами.

Наконецъ тоже можно сказать и о борьбѣ съ Пруссіей и вообще съ Германіей. Интересы Пруссіи заключались только въ выдѣленіи Австріи изъ Германіи, въ совершенномъ устраненіи ея вліянія на нее, дабы тѣмъ уничтожить разъ навсегда пагубный дуализмъ, составлявшій истинную причину политической слабости нѣмецкой націи. Далѣе Пруссія не могла идти. Даже присоединеніе къ Германской имперіи чисто нѣмецкихъ австрійскихъ областей ослабило бы значеніе германской народности въ міровыхъ судьбахъ въ гораздо большей степени, чѣмъ насколько усилилось бы политическое могущество германскаго государства. Но и съ другой стороны, распаденіе Австріи на ея составные элементы, подъ напоромъ Пруссіи, не могло соотвѣтствовать интересамъ австрій-

скихъ народностей. Это справедливо не только по отношенію къ славянамъ, чтò уже само по себѣ ясно, но и по отношенію къ мадьярамъ и даже самимъ нѣмцамъ, которые лишились бы своего преобладающаго, господствующаго положенія.

Совершенно иное дѣло Россія. Еслибъ Россія была только Россіей, т. е. національно-русскимъ государствомъ, какъ Италія—національно-итальянское, Германія—національно-нѣмецкое, то вся политическая противуположность между Россіей и Австріей ограничивалась бы лишь тѣмъ, что въ составъ австрійскихъ владѣній входятъ и чисто-русскія земли: большая часть Галиціи, угорская Русь и часть Буковины. Противоположность эта могла бы разрѣшиться такъ же, какъ она разрѣшилась между Италіей и Австріей, присоединеніемъ этихъ земель къ общему Русскому отечеству. Послѣ этого ихъ отношенія приняли бы общій политическій характеръ, основанный на временномъ и случайномъ совпаденіи или противорѣчіи интересовъ. Но Россія не только національно-русское государство, а и глава Славянскаго міра. Въ Австріи же Славянство занимаетъ не отдѣльный какой нибудь уголъ, въ родѣ итальянскихъ Ломбардіи и Венеціи, а проникаетъ весь государственный составъ, составляетъ основную ткань, въ которую почти всѣ другія народности какъ бы вкраплены.

Понятно, на чьей сторонѣ будутъ народныя симпатіи, въ случаѣ борьбы Австріи съ Россіей, и какой результатъ могло бы имѣть пораженіе первой. Оно коснулось бы не какой либо окраины государства, но поразило бы его въ самое сердце, уничтоживъ то двойное давленіе, которое держитъ славянскій элементъ въ подчиненномъ положеніи. Чтобы противодѣйствовать этому, австрійское правительство не имѣло бы другаго средства, какъ предупредить это насильственное разложеніе, полнымъ уравненіемъ правъ своихъ славянскихъ подданныхъ съ правами привилегированныхъ народностей. Переустройство Австріи на благопріятный Россіи, то есть Славянству, ладъ сдѣлалось бы для нея необходимостью. Повторилось бы то же явленіе, которому мы были свидѣтелями послѣ 1866 года, только въ одномъ направленіи и въ большихъ размѣрахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, война 1859 года съ Франціей изъ-за Италіи не оказала никакого вліянія на внутренній строй австрійскаго государства, потому что итальянскія владѣнія были только внѣшней приставкой къ Австріи. Отдѣленіемъ этой приставки все и ограничилось. Напротивъ того, война съ Германіей, не лишившая Ав-

стріи ни одного кусочка земли, повела къ ея внутреннему переустройству, въ благопріятномъ для Германіи смыслѣ, потому что преобладаніе досталось какъ сочувственному Германіи элементу, нѣмецкому, такъ и по внутренней своей ничтожности нисколько для Германіи не опасному элементу, мадьярскому, подкрѣпляющему нѣмецкій, оказавшійся, по семнадцати-лѣтнему опыту, слишкомъ слабымъ для безраздѣльнаго и исключительнаго господства. Только послѣ утвержденія германо-мадьярскаго дуализма очутилось Славянство въ положеніи подчиненномъ, низшемъ, принесенномъ въ жертву другимъ. Въ прежнее Метерниховское и до-Метерниховское время (за исключеніемъ лишь неудавшихся объединительныхъ попытокъ Іосифа II) въ Австріи господствовалъ единственно отвлеченно-государственный, династическій принципъ; всякое же національное стремленіе, всякая національная жизнь—нѣмецкая и мадьярская въ томъ числѣ — были почти одинаково преслѣдуемы.

Такимъ образомъ, въ послѣднемъ выводѣ, намъ представится слѣдующее странное положеніе вещей: безъ искренней помощи своихъ славянскихъ подданныхъ, Австрія не можетъ воевать противъ Россіи; помощь эту можетъ она себѣ обезпечить только уравненіемъ ихъ правъ съ правами привилегированныхъ народностей; но съ этимъ уравненіемъ славянскія стремленія получатъ перевѣсъ, и славяне австрійскіе не захотятъ воевать противъ славянъ русскихъ, за стѣсненіе правъ славянъ турецкихъ: и Россія безъ войны достигнетъ всѣхъ своихъ цѣлей, Австрія же перестанетъ быть Австріей.

Весьма многіе изъ австрійскихъ славянъ, а также и у насъ, представляютъ себѣ, что такое перерожденіе Австріи и есть настоящая панацея отъ всѣхъ ея бѣдъ, и это переустройство Австріи на федеральныхъ началахъ величаютъ именемъ разумнаго панславизма, и удивляются ослѣпленію австрійскихъ государственныхъ мужей, никакъ не хотящихъ прибѣгнуть къ столь цѣлебному средству. Согласимся, что и это панславизмъ, но только не разумный, а идиллическій; согласимся, что и это панацея, — но панацея въ томъ только смыслѣ, въ которомъ называютъ смерть лекарствомъ отъ всѣхъ болѣзней.

При федеративномъ устройствѣ, Австрія становится славянскимъ государствомъ, и доселѣ господствовавшія народности, нѣмецкая и мадьярская, обращаются, если не въ угнетенныя, какъ

теперь славяне, то во всякомъ случаѣ въ подчиненныя. Но вѣдь и это невыносимо для честолюбивыхъ націй, привыкшихъ къ господству. Примѣромъ могутъ служить поляки, которымъ не свобода нужна, а господство, отчего и проистекаютъ всѣ ихъ бѣды. Съ потерею преобладанія исчезнетъ для нѣмцевъ и всякая побудительная причина продолжать оставаться въ союзѣ; они, очевидно, будутъ стремиться присоединиться къ могущественной Германіи, захвативъ съ собою въ придатокъ какъ можно больше славянскихъ клочковъ. Мадьяры, которымъ дѣваться некуда, конечно, тоже будутъ искать покровительства Германіи, чтобы, съ ея помощью, сохранить хотя часть своего господства. Австрійскіе же славяне не могутъ противиться ни тому, ни другому, и, окруженные сильными внѣшними врагами, разъѣдаемые внутренними, по самому политическому положенію, не говоря уже о національныхъ симпатіяхъ и влеченіяхъ, не будутъ имѣть другаго исхода, какъ вступить въ самую тѣсную связь съ Россіей. Такимъ образомъ, австрійская федерація неминуемо обратится въ федерацію всеславянскую, а идилическій панславизмъ — въ панславизмъ дѣйствительный, реальный.

Положеніе Австріи передъ вступленіемъ въ войну съ Россіей подобно положенію человѣка, готовящагося вынуть билетъ изъ лотереи, въ которой выигрышъ—извѣстная, хотя бы и значительная сумма денегъ, а проигрышъ смерть, и въ которой, какъ и вообще въ лотереяхъ, число проигрышей во много разъ превосходитъ число выгрышей. Много ли смѣльчаковъ, готовыхъ рѣшиться на такую азартную игру? Во всякомъ случаѣ, осторожная Австрія не въ числѣ ихъ, если только ей извѣстно истинное положеніе дѣлъ. А что оно ей извѣстно, о томъ свидѣтельствуетъ перемѣна тона многихъ ея туркофильскихъ газетъ, перестроившихъ свою лиру съ воинственнаго на мирный тонъ, какъ только наступила пора переходить отъ словъ къ дѣламъ, и съ еще гораздо большимъ авторитетомъ свидѣтельствуетъ тоже самое и вся новая исторія Австріи.

Австрію почему-то считаютъ государствомъ миролюбивымъ, и въ ея силѣ и вліяніи видятъ залогъ мирнаго направленія европейской политики. Такое мнѣніе дѣйствительно справедливо, если ограничить поле наблюденій одною эпохой Меттерниха, государственнаго мужа, вѣрно постигавшаго положеніе Австріи. Но если обратиться къ временамъ, предшествовавшимъ этой эпохѣ и послѣ-

довавшимъ за нею, то оно опровергается фактами. За послѣдніе два вѣка Австрія вела войны не только не рѣже, но едва ли даже не чаще всѣхъ прочихъ европейскихъ государствъ. Она пользовалась всѣми случаями, которые могли обѣщать ей какую либо выгоду, чтобы воевать со всѣми своими сосѣдями. Войны эти не происходили, какъ большая часть войнъ, веденныхъ Франціею, изъ войнолюбиваго характера ея населеній; или какъ войны Англіи,—изъ энергическаго преслѣдованія честолюбивой, а главное барышнической цѣли господства на всѣхъ моряхъ, то есть, собственно говоря, господства во всѣхъ частяхъ свѣта, кромѣ Европы. Онѣ не были также развитіемъ одной, неуклонно преслѣдуемой цѣли, какъ войны Пруссіи, или оборонительными войнами, какъ войны Россіи. Австрійскія войны носятъ на себѣ характеръ политико-династическій. Не будучи проявленіями національныхъ стремленій и требованій, онѣ велись всегда свободно и съ разсчетомъ, а потому всегда были благоразумны и прекращались во-время, не переходя своихъ цѣлей, при успѣхѣ, и не доводя государственнаго организма до полнаго изнеможенія, при неудачѣ. Поэтому онѣ не представляютъ такихъ крушеній, какъ войны 1806 г.—для Пруссіи, 1870 и 1871 гг. для Франціи, или 1877 и 1878 — для Турціи; но за то не представляютъ и такихъ торжествъ крайняго напряженія народныхъ силъ, какъ революціонныя войны для Франціи, или 1812 годъ для Россіи. Организмъ Австріи не могъ бы выдержать такихъ усилій. Однако, между всѣми этими многочисленными войнами, веденными со всѣми сосѣдями, мы не встрѣчаемъ ни одной войны противъ Россіи. (Войны 1809 и 1812 гг. были лишь одними демонстраціями, съ полнымъ сознаніемъ противниковъ, что они воюютъ только для вида). Между тѣмъ, столкновенія интересовъ между обоими государствами были довольно часты и такого характера, что не Россіи предстояла надобность противодѣйствовать стремленіямъ Австріи, а Австріи — стремленіямъ Россіи. Такъ было, напримѣръ, въ первую екатерининскую турецкую войну, въ 1828 и 1829, въ 1854 и въ 1863 годахъ. Зная свое положеніе, понимая всю опасность, не начнетъ Австрія войны и теперь, не начнетъ потому, что войны Австріи были всегда войнами благоразумными. Еслибы направленіе австрійской политики вполнѣ зависѣло отъ мадьярскаго вліянія, — тогда другое дѣло. Мадьяры — хотя маленькая, но все-таки національность, которая имѣетъ свои симпатіи и антипатіи, свои національныя цѣли. Ихъ

можетъ увлечь страсть, и разсчетъ можетъ быть забытъ. Но, во внѣшнихъ дѣлахъ, по крайней мѣрѣ, и нынѣшняя Австрія еще въ достаточной мѣрѣ сохранила свою независимость отъ мадьярскихъ увлеченій, чтобы устоять на своей разсчетливой, благоразумной отвлеченно-государственной точкѣ зрѣнія.

Эта благоразумная точка зрѣнія заключается для Австріи въ томъ, чтобы избѣгать того внѣшняго удара, который неминуемо приведетъ весь организмъ ея въ сотрясеніе и, какъ въ мало устойчивомъ химическомъ соединеніи, поведетъ къ разложенію его на составныя части и затѣмъ къ иной группировкѣ ихъ. За недостаткомъ внутренней связи, охрана ея организма зависитъ въ значительной степени отъ внѣшнихъ сдерживательныхъ вліяній, среди которыхъ она поставлена тройственнымъ союзомъ императоровъ. Понадѣявшись на свои внутреннія силы и соблазнившись благопріятными внѣшними обстоятельствами, она разъ уже сдѣлала попытку выйти изъ охранительныхъ условій подобнаго же союза. Она хорошо знаетъ, чѣмъ за это поплатилась, и какъ рада-рада была, когда, послѣ долгихъ мытарствъ, снова удалось ей поступить подъ его охрану. Неужели безъ пользы пропали для нея опыты недавняго прошлаго?

Конечно, образованіе и увеличеніе свободныхъ славянскихъ государствъ у границъ Австріи усиливаетъ тѣ внѣшніе центры притяженія, которые стремятся ее растянуть и заставить, какъ мы выразились, лопнуть по швамъ; но развѣ эта опасность можетъ сравниться съ тою, которою грозитъ война съ Россіей? Неужели она не понимаетъ, что, именно при этой борьбѣ, внѣшніе притягательные центры и пріобрѣтаютъ всю энергію своего дѣйствія?

Ручательствомъ для Австріи, что подъ эгидою императорскаго союза она можетъ надолго успокоиться, служатъ два свойства, издавна характеризующія внѣшнюю политику Россіи: самая строгая легальность и чрезвычайно медленное, но постепенное достиженіе своихъ цѣлей, чего во всей полнотѣ нельзя даже всегда приписывать сознательному способу дѣйствія руководителей ея политики, а скорѣе внутреннему инстинкту Россіи, говорящему ей, что у нея много времени впереди, и что цѣли ея лежатъ въ самомъ руслѣ историческаго потока и потому не могутъ отъ нея уйти. Скорѣе можно ожидать преувеличенія этихъ принциповъ, нежели ихъ нарушенія.

Къ такому положенію вещей, котораго не можетъ не понимать

Австрія, и, какъ по многому видно, дѣйствительно понимаетъ, присоединяется для нея весьма почетный выходъ изъ затрудненій, отличный предлогъ faire bonne mine à mauvais jeu. Это—присоединеніе въ той или другой формѣ, въ полномъ составѣ, или отчасти, Босніи и Герцеговины. Но какъ же намъ отнестись къ этой австрійской аннексаціи? Не будетъ ли она для славянскаго дѣла потерею, отрицательнымъ результатомъ, уравновѣшивающимъ тѣ положительные результаты, которые пріобрѣтены войною для Болгаріи, Сербіи и Черногоріи? Для непосредственнаго славянскаго чувства — это было бы, безъ сомнѣнія, въ высшей степени горестнымъ, печальнымъ событіемъ, и нельзя не желать пламенно, чтобы эта новая чаша горечи и испытаній прошла мимо Славянства. Однако, съ болѣе общей точки зрѣнія, и въ этомъ плачевномъ событіи откроется намъ, если и не утѣшеніе, то нѣкоторое вознагражденіе въ будущемъ. Добровольная сдача и пожаръ Москвы были въ высшей степени прискорбны для народнаго чувства; однакоже, они спасли Россію. Страданія, испытанныя Болгарами, какъ они ни обливали кровью славянское и даже вообще человѣческое сердце, искупили свободу Болгаріи. Такое же, думаемъ мы, будетъ имѣть значеніе присоединеніе Босніи и Герцеговины къ Австріи. Враги въ этихъ случаяхъ дальновиднѣе насъ самихъ и нашихъ друзей. Не даромъ и австрійскіе нѣмцы и мадьяры противятся этому присоединенію. Въ нашихъ глазахъ представляется важнымъ не то, что такимъ присоединеніемъ вообще усилится славянскій элементъ Австріи,—онъ и теперь уже достаточно силенъ, — а то, что усилится коренная рознь и противоположность между славянскою и неславянскою Австріею, что она прояснится для славянскаго сознанія.

Въ настоящее время Австрія оффиціально состоитъ изъ двухъ Лейтаній, но ихъ уже и теперь можно насчитывать три. Кромѣ Лейтаніи нѣмецкой, гдѣ нѣмецкой народности подчинены и принесены въ жертву чехи, словенцы и далматы,— кромѣ Лейтаніи мадьярской, гдѣ ради мадьярскаго меньшинства угнетены словаки, русскіе, сербы, хорваты и румыны, вѣдь есть еще Лейтанія польская, гдѣ интересамъ польскаго меньшинства принесены въ жертву болѣе многочисленные русскіе. Съ присоединеніемъ Босніи и Герцеговины, къ этимъ тремъ Лейтаніямъ прибавится еще четвертая, магометанская Лейтанія, въ которой магометанскіе беги будутъ приняты въ союзъ съ прочими преобладающими и угнетательными элементами, а на

долю православныхъ сербовъ нечего не останется, кромѣ несправедливости и угнетеній, которыя будутъ здѣсь тѣмъ невыносимѣе, что къ гнету политическому присоединится несравненно труднѣе переносимый гнетъ соціальный и экономическій. Такой союзъ ясно покажетъ, на чьей сторонѣ право и на чьей—насиліе, и отъ такого союза, конечно, не поздоровится. Напряженность національной вражды и противоположностей интересовъ возрастетъ и тѣмъ скорѣе доведетъ до кризиса. Присоединеніе Босніи и Герцеговины къ Австріи будетъ новымъ патрономъ динамита, подложеннымъ подъ государственную систему Австріи. Онъ еще скорѣе окажетъ свое дѣйствіе, если эти провинціи будутъ присоединены къ мадьярской Лейтаніи, какъ того требуетъ географическое ихъ положеніе, ибо въ способности подражать лягушкѣ, надувающейся въ быка, мадьяры имѣютъ достойныхъ соперниковъ въ однихъ только полякахъ.

Мужественные борцы за славянскую свободу, зажегшіе фитиль, взорвавшій на воздухъ зданіе турецкой неправды и нечестія, — вамъ не суждено еще успокоиться и насладиться плодами вашихъ геройскихъ усилій! Отъ васъ требуется новый завершительный подвигъ. Вамъ же, видно, предназначено подать сигналъ къ сокрушенію и другаго врага Славянства,—развѣ благоразуміе и осторожность возьмутъ верхъ въ совѣтахъ его.

III.

(*Русскій Міръ*. 1879 г., 14 апр.).

Исключительныя отношенія Европы къ Россіи.—Уступчивость и умѣренность во время войны и послѣ нея. — Еще о проливахъ.—Произвольная «европейская» опека. — Уроки прошедшаго и настоящаго. — Характеристика внѣшней политики Англіи.—Индійскій путь къ Босфору и Дарданелламъ.

Тщательнымъ и подробнымъ разборомъ мы показали, что мирныя условія между Россіею и Турціею, которыми устраиваются дѣла на Балканскомъ полуостровѣ, не подлежатъ обсужденію Европы, ни потому, что ими измѣняется Парижскій трактатъ, ни потому, что они, будто бы, касаются общеевропейскихъ интересовъ. Сколько мы ни искали, ни единаго общеевропейскаго интереса не оказалось. Оказались только частные интересы, англійскіе и ав-

стрійскіе, интересы характера чисто эгоистическаго, и притомъ съ англійской стороны чисто мнимые, воображаемые, съ австрійской же—хотя и дѣйствительные, но совершенно беззаконные, не заслуживающіе, съ точки зрѣнія права народовъ, справедливости и человѣчности, никакого вниманія. Почему же эти эгоистическіе мнимые и беззаконные интересы Англіи и Австріи, которыя притомъ вовсе не принимали участія въ войнѣ, ставятся не только на одну доску съ справедливыми, безкорыстными, человѣчными интересами Россіи, принесшей столько жертвъ кровью и достояніемъ своимъ, но даже гораздо выше ихъ, ибо нарекаются интересами общеевропейскими, передъ которыми должны преклониться интересы Россіи?

Потому, что, гдѣ только идетъ дѣло объ отношеніяхъ Европы къ Россіи,—тамъ нѣтъ и рѣчи о справедливости, равноправности, безпристрастіи. Эта безспорная истина вытекаетъ изъ анализа всѣхъ отношеній между Европой и Россіей уже съ очень давнихъ временъ. Она съ достаточной ясностью выразилась во всѣхъ обстоятельствахъ, приведшихъ къ Крымской войнѣ, во время и послѣ нея; но никогда еще она не обнаруживалась съ такою поразительною яркостью, какъ именно теперь.

Припомнимъ всю роскошь, все излишество уступчивости и миролюбія Россіи, въ теченіе почти двухлѣтнихъ переговоровъ отъ начала герцеговинскаго возстанія до объявленія войны Турціи. Война начинается, и тутъ дано время Турціи образумиться. Сама война ведется вначалѣ, такъ сказать, демонстративно. Россія не развиваетъ и трети своихъ силъ. Въ какихъ видахъ и въ чью угоду? спрашиваемъ мы. Но, по счастію для дѣла и по несчастію для самой Россіи, такъ какъ именно эта умѣренность увеличиваетъ въ огромныхъ размѣрахъ ея жертвы деньгами и людьми,—ослѣпленная Турція и въ самомъ дѣлѣ начинаетъ считать себя наканунѣ рѣшительной побѣды. Клики радости и восторга раздаются въ Европѣ. Но не на нихъ желаемъ мы обратить вниманіе. Прислушаемся, какъ относятся къ этому періоду войны наши доброжелатели. Напримѣръ, г. Бенигсенъ, мотивируя свой извѣстный вопросъ въ рейхстагѣ, видитъ въ нерѣшительномъ ходѣ начала войны, что русская армія, вслѣдствіе измѣнчивости военнаго счастія, претерпѣла столь сильныя неудачи, что это заставляло даже опасаться такого ослабленія Россіи, при которомъ она могла бы перестать служить достаточною поддержкою для сохраненія того положенія,

какое Германія занимаетъ въ Европѣ. Вотъ куда метнулъ! Между тѣмъ, не надо было имѣть большой проницательности, чтобы видѣть, что не было никакой измѣнчивости военнаго счастія, а было лишь недостаточное развитіе военныхъ силъ, вслѣдствіе того, что Россія избѣгала рѣшительнаго, подавляющаго образа веденія войны во вниманіе къ тому, что̀ называется интересами Европы. Также, доброжелательный, повидимому, къ намъ корреспондентъ Times'а пишетъ: „Неповоротливость, отличавшая русское войско въ началѣ кампаніи, исчезла, и та сила, которая только возбуждала насмѣшки военныхъ въ Европѣ, стала могущественнымъ орудіемъ войны". Въ чемъ же это господа европейскіе военные находили предлогъ для своихъ насмѣшекъ, и въ чемъ видѣли неповоротливость? Развѣ въ томъ изумительномъ геройствѣ, съ которымъ русская армія, попавшая въ критическое положеніе, единственно вслѣдствіе недостаточности введенныхъ въ дѣло силъ, не только боролась съ превосходными силами на Кара-Ломѣ, Шипкѣ и при Плевнѣ, но и сохранила всѣ преимущества, пріобрѣтенныя ею въ началѣ кампаніи? Мало въ этомъ смѣшнаго:—гораздо болѣе грознаго и внушительнаго!

Война ведется Турками со всѣми ужасами варварства, глубоко оскорбительными не только для народнаго чувства, при видѣ несказанныхъ терзаній тѣхъ, кого пришли мы защищать, не только для чувства военнаго товарищества и братства, при видѣ тѣхъ истязаній и поруганій, которымъ были предаваемы наши раненые и плѣнные, но и, вообще, для всякаго чувства человѣчности. И ни одного акта, не говорю мщенія, но даже и, всѣми признаваемыхъ законными, репрессалій, ни со стороны военнаго начальства, ни со стороны простыхъ солдатъ; ничего въ родѣ разстрѣливанія французскихъ вольныхъ стрѣлковъ, которые вѣдь только защищали свое отечество вполнѣ законными партизанскими дѣйствіями. Въ отвѣтъ на это мы встрѣтили гнусныя клеветы, подверглись чему-то въ родѣ изслѣдованія—enquête internationale. Когда, наконецъ, рядомъ неслыханныхъ, изумительныхъ подвиговъ, силы Турціи были разметаны въ прахъ,—наша армія остановилась среди своего тріумфальнаго шествія. Нѣсколько дней пути отдѣляли ее отъ Константинополя, отъ исполненія завѣтныхъ стремленій Русскаго народа, отъ водруженія креста на куполѣ св. Софіи. Въ угоду чьихъ интересовъ, и даже не интересовъ, а чьихъ завистливыхъ, ревнивыхъ желаній, остановилась русская армія? Представимъ себѣ на

мѣстѣ ея какое угодно побѣдоносное войско: германское, англійское, французское,—поступило ли бы оно такъ? Не сочли ли бы необходимымъ удовлетворить столь естественному, столь законному народному чувству? А еслибы, изъ уваженія къ смирившемуся врагу, хотя и не заслуживающему такого снисхожденія, и удержались отъ занятія его столицы,—то не оградили ли бы, не обезпечили-ли бы вполнѣ своего положенія условіями перемирія, что̀ въ то время было такъ легко сдѣлать, быстро занявъ, съ согласія или безъ согласія Турокъ, Дарданеллы и Босфоръ, и потребовавъ немедленной выдачи всего или хотя большей части турецкаго броненоснаго флота? Англія увидала бы тогда всю ничтожность своихъ грозныхъ морскихъ силъ и всѣ выгоды нашего стратегическаго положенія. Австрія была бы уничтожена однимъ ударомъ. Но Россія и тутъ, какъ и всегда, судила по себѣ: она не желала помнить многократныхъ опытовъ прошлаго, хотѣла видѣть въ своихъ скрытыхъ недругахъ честныхъ и благородныхъ противниковъ, и еще разъ должна была испытать коварство и вѣроломство.

За вниманіе къ ея такъ называемымъ интересамъ, Англія, и во время войны не соблюдавшая обязанностей нейтралитета, самымъ дерзкимъ образомъ ворвавшись въ Мраморное море, по своему исконному обычаю нарушила и этотъ нейтралитетъ, и прежніе, ею же защищаемые трактаты, какъ скоро соблюденіе ихъ представилось ей невыгоднымъ. Но уступчивость, снисходительность Россіи, скажу опять, не къ интересамъ, а просто къ желаніямъ другихъ державъ, не ограничилась условіями перемирія; она распространилась и на самый мирный договоръ. Россія отказалась отъ Салоникъ и отъ Адріанополя для Болгаріи, отъ Сѣнницы, Вароша, Призрена—для Сербіи, отъ Эрзерума и броненоснаго флота—для себя, а главное — отказалась отъ своего самаго естественнаго, самаго законнаго права на свободный проходъ своего военнаго флота черезъ проливы.

Два раза говорилъ я уже о проливахъ, разбирая вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія; но не могу не обратиться еще разъ къ этому предмету, чтобы выставить на видъ тотъ новый оборотъ, который принимаетъ это дѣло, послѣ того какъ Россія лишается своего естественнаго права, уже не отъ сопротивленія Турціи, сломленной въ конецъ, и которая уже ничему противиться не могла, а вслѣдствіе сопротивленія Европы.

Турція, вступивъ своими завоеваніями въ обладаніе всѣми бере-

гами Чернаго и Азовскаго морей, которыми владѣла еще безраздѣльно въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, имѣла неоспоримое право и власть надъ проливами; она могла распоряжаться ими по единому своему усмотрѣнію. Когда, по разнымъ мирнымъ трактатамъ, всѣ берега Азовскаго и большая часть береговъ Чернаго моря перешли во власть Россіи, но вмѣстѣ съ этимъ не было пріобрѣтено ею и прямое послѣдствіе этихъ территоріальныхъ измѣненій, заключающееся въ правѣ свободнаго плаванія по проливамъ для ея военныхъ судовъ: то въ этомъ еще не было ничего, кромѣ упущенія Россіею своихъ выгодъ, происходившаго отъ того, конечно, что упорство Турціи не было еще достаточно сломлено прежними войнами. Положеніе Россіи было похоже на положеніе тяжущагося, который выигралъ свой процессъ о какомъ либо спорномъ имуществѣ, но по какимъ нибудь причинамъ не могъ, или еще не успѣлъ, выговорить въ свою пользу нѣкоторыхъ правъ, пользованіе которыми нераздѣльно связано съ владѣніемъ выиграннаго имущества. Но съ того момента, какъ всякое сопротивленіе Турціи было окончательно сломлено, дѣло принимаетъ совершенно иной видъ. Вопросъ о выгодахъ переходитъ въ вопросъ о государственномъ и національномъ достоинствѣ Россіи. Она лишается своего естественнаго права уже не по обращенному въ ничто сопротивленію Турціи, единственнаго и законнаго владѣтеля проливовъ, а по сопротивленію Англіи или, лучше сказать, вообще Европы: ибо одна Англія, если бы не опиралась на сочувствіе Европы, не смѣла бы выставить своей оскорбительной претензіи, основываясь единственно на своихъ частныхъ эгоистическихъ интересахъ. Такое странное сопротивленіе Европы есть уже лишеніе Россіи равноправія, той свободы, верховенства и державности, которыя признаются неотъемлемыми свойствами всякаго, самаго маленькаго независимаго государства. Россія какъ бы ставится подъ опеку Европы, въ интересахъ которой налагаются на нее ограниченія въ пользованіи ея морскими силами. Въ сущности, это даже обиднѣе нейтрализаціи Чернаго моря. Россіи запрещается одинъ изъ способовъ проявленія ея государственной силы, въ видахъ мнимой общей пользы, мнимыхъ общихъ интересовъ Европы,—значитъ, признается, что она есть злая, вредоносная сила, къ которой питаютъ справедливое недовѣріе. Черноморскій флотъ Россіи считается какъ бы нравственно зачумленнымъ, отъ появленія котораго дозволительно ограждать себя нѣкотораго рода общими карантинными мѣрами,—

разбойничьимъ, пиратскимъ флотомъ, такъ что можно и должно не допускать его на общую арену состязанія—открытое море. Ни одно государство въ Европѣ, Америкѣ, Азіи, Африкѣ или Австраліи, ни большое, ни малое, не подвергается такому оскорбительному остракизму; ни на одно не налагается такихъ ограниченій въ пользованіи его вооруженными силами. Англія, угнетательница морей, несчетное число разъ нарушавшая своими произвольными дѣйствіями права нейтральныхъ судовъ, можетъ владѣть на чужихъ берегахъ и въ чужихъ водахъ Гельголандомъ, Гибралтаромъ, Мальтою, Перимомъ, Сингапуромъ, чуть не всѣми проливами и наблюдательными пунктами земнаго шара; а Россія, всегда стоявшая за свободу морей, за гуманизацію морской войны, лишается единственнаго выхода изъ своего замкнутаго моря общимъ къ ней недовѣріемъ, недоброжелательствомъ и непонятною пристрастностью Англіи. Развѣ это равноправность и справедливость? И когда подумаешь, изъ-за чего такая напасть! Беззаконная купеческая компанія, притѣснявшая, обманывавшая, грабившая, попиравшая царства и народы, и проливавшая кровь, какъ воду, ради своихъ акціонерныхъ барышей, — основала на дальнемъ востокѣ купеческое царство—едва-ли не самое безнравственное явленіе во всей всемірной исторіи:—и вотъ это-то постыдное произведеніе алчности и корысти, en grand отравлявшее Китай, должно быть сохранено во что бы то ни стало, какъ нѣкій драгоцѣнный перлъ англо-саксонской цивилизаціи, и изъ-за этого-то гнуснаго наслѣдія торгашествъ и барышничествъ, недавно переименованнаго въ Индійскую имперію ея британскаго величества, наша великодушная, славная Россія должна быть спутана и связана въ самомъ законномъ проявленіи своей государственной силы!

Ни самое кровавое оскорбленіе, нанесенное Россіи въ ея возвышеннѣйшихъ и священнѣйшихъ чувствахъ, ни безпримѣрно-великодушный образъ веденія войны, ни крайняя уступчивость и вниманіе къ посторроннимъ интересамъ и желаніямъ (вспомнимъ хоть Египетъ, напримѣръ), ни рыцарская довѣрчивость, при заключеніи условій перемирія, ни самая умѣренность при назначеніи мирныхъ условій,—ничто не обезоружило враждебности, питаемой къ намъ явно или скрытно большинствомъ Европы. Вопреки дипломатическимъ прецедентамъ и обычаямъ, которыми руководятся по отношенію къ другимъ государствамъ, выставляютъ лживый претекстъ обязательной силы трактатовъ и общеевропейскихъ интере-

совъ, чтобы подвергнуть вопросу всѣ, столькими жертвами купленные Россіей, результаты ея святой борьбы! Ихъ хотятъ обсуждать на конференціи или на конгрессѣ, и уже однимъ этимъ замедленіемъ наносятъ огромный экономическій вредъ Россіи, препятствуя ея разоруженію.

Неужели и этотъ новый урокъ останется втунѣ? Неужели не выведетъ Россія и на этотъ разъ заключающихся въ немъ поученій:

1) Что истинный врагъ Россіи не Турція. Турція не болѣе— какъ подставное лицо. Она дѣйствовала, какъ иначе не могла дѣйствовать по своей внутренней природѣ, какъ дѣйствовала не разъ и прежде. Но если дикій звѣрь вырывается изъ клѣтки, кусаетъ и растерзываетъ всѣхъ, кто попадается ему подъ зубы и когти, -- развѣ онъ несетъ за это отвѣтственность, а не тотъ, кто его кормитъ, поитъ, кто навострилъ его зубы и когти, выпустилъ на волю, науськалъ и даже обнадежилъ своею помощью?

Все это Англія, — скажутъ намъ, — а не Европа. Да, Англія, конечно, запѣвало; но еслибъ у Европы лежало сердце къ справедливости, если бы она относилась, не говорю, сочувственно—а только безпристрастно къ Россіи и Славянству, развѣ она не въ силахъ была бы заставить не только Турцію, но и самую Англію повиноваться голосу чести и человѣколюбія? Въ 1840 году, египетскій паша, знаменитый Мегметъ-Али, хотѣлъ получить Сирію, какъ наслѣдственное владѣніе,—собственно говоря. хотѣлъ основать независимое Египетско-сирійское государство. Франція стояла на сторонѣ Мегмета-Али; Англія, какъ и всегда стояла за султана. Россія, Австрія и Пруссія приняли сторону Англіи. Какъ ни хорохорились въ то время Тьеръ и Франція,—и она, и Египетъ, однакожъ, смирились передъ общимъ, твердо высказаннымъ требованіемъ. Въ настоящемъ случаѣ, вмѣшательство было еще гораздо настоятельнѣе, предметъ его важнѣе и возвышеннѣе, и нѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ его — и Англія, и Турція послѣдовали бы примѣру Франціи и Египта. Но дѣло въ томъ, что Европа никогда не станетъ за Россію противъ кого-бы то ни было изъ своихъ, особенно въ вопросѣ касающемся Славянства. Справедливость и человѣколюбіе, свобода и право народностей, о которыхъ такъ много кричатъ въ другое время, — отступаютъ здѣсь на второй, третій планъ, и даже утрачиваютъ всякое значеніе.

2) Что никогда, ничѣмъ Россія не заслужитъ не только доброжелательства, но даже и справедливости отъ Европы. Всѣми сво-

ими услугами она вызоветъ, если и не всегда отъявленную неблагодарность, то, во всякомъ случаѣ, не подниметъ выше точки замерзанія чувствъ самыхъ заявленныхъ друзей своихъ. „Наша хата съ краю, я ничего не знаю": вотъ высшая формула дружбы, на которую можетъ разсчитывать Россія.

3) Что Россія, въ твердомъ убѣжденіи, что цѣли ея законны, справедливы и требуются интересами Славянства, единственной народности въ Европѣ, за исключеніемъ еще Ирландцевъ, не достигшей еще равноправности съ другими народами, должна неуклонно преслѣдовать свои цѣли, не обращая вниманія на чуждые, а тѣмъ болѣе на враждебные ей интересы, на всякомъ шагу преграждающіе пути ея. Поступая такъ, она будетъ только слѣдовать тому образу дѣйствій, которому слѣдуютъ другіе, по отношенію къ ней. Пусть намъ покажутъ хотя бы единственный примѣръ, что другія державы—Англія, Франція, Австрія, Италія и даже Пруссія и Германія — добровольно принесли въ жертву Россіи какой либо изъ своихъ интересовъ, достиженіе какой-либо изъ своихъ цѣлей, и мы согласимся, что мы неправы, что мы смотримъ на вещи съ пристрастной точки зрѣнія.

Разъ убѣдившись на несчетномъ числѣ примѣровъ, безпрестанно повторяющихся, въ чьей-либо непримиримой враждебности, надо смотрѣть на дѣло прямыми глазами и врага считать врагомъ. Мы не будемъ говорить объ Австріи, или, вѣрнѣе, о мадьярахъ, которые постоянно и открыто заявляютъ свою враждебность къ намъ. На нихъ мы можемъ до поры-до-времени смотрѣть, пожимая плечами и повторяя стихъ Крылова:

„Ай Моська! знать она сильна,
Что лаетъ на слона!"

Но истинный, непримиримый, всегда и во всемъ, и въ мирѣ, и въ войнѣ стремящійся вредить Россіи врагъ—есть Англія.

У насъ очень любятъ заботиться объ общихъ интересахъ человѣчества, и если это не совершенно пустое слово, то на Россіи дѣйствительно лежитъ великая общечеловѣческая задача, которую она одна только и можетъ совершить, это—низверженіе Англіи съ того пьедестала, съ высоты котораго она считаетъ себя и въ правѣ и въ силѣ притѣснять и оскорблять всѣ народы земли, лицемѣря и тиранствуя въ одно и то же время. Всѣхъ ослѣпляетъ величіе Англіи, ея успѣхи въ наукахъ, поэзіи, промышленности, устрой-

ствѣ своего быта (впрочемъ только для высшихъ и среднихъ классовъ), въ политическомъ устройствѣ своего государства. Все это при ней и останется. Мы говоримъ о ея внѣшней политикѣ,—до которой только и есть дѣло другимъ народамъ и государствамъ. Развѣ Трансваальской республикѣ, захваченной англичанами, или бомбардированному ими Копенгагену, легче отъ того, что англичане пользуются habeas corpus'омъ, или что между ними родились Шекспиръ и Ньютонъ? Съ какихъ поръ высшіе дары духа оправдываютъ преступленія: воровство, грабежъ, дневной разбой, поджигательство и отравленіе? А во всемъ этомъ виновата Англія передъ другими народами земли.

Развѣ овладѣніе Гибралтаромъ, когда съ Испаніей она собственно и не воевала, а дѣлала видъ, что ее защищала отъ насилія Франціи, невозвращеніе Мальты, отнятой у французовъ, настоящимъ ея владѣтелямъ, мальтійскимъ рыцарямъ, или завладѣніе мысомъ Доброй Надежды отъ Голландіи, которую она также вѣдь защищала отъ завоевавшей ее Франціи—не воровство и не мошенничество? Захватъ Трансваальской республики—не явный грабежъ? Бомбардированіе Копенгагена и насильственный уводъ датскаго флота, сгноеннаго потомъ въ великобританскихъ гаваняхъ, не дневной разбой? А поддержка всѣхъ мятежей, заговоровъ и тайныхъ обществъ, заслужившая Пальмерстону названіе лорда Фейербранда, поддержка, доходившая до защиты участниковъ въ приготовленіи Орсиніевскихъ бомбъ,—не поджигательство? И наконецъ насильственно, оружіемъ навязанная китайцамъ покупка индійскаго опіума—этотъ вѣнецъ политическаго злодѣйства — не отравленіе, подобіе которому мы найдемъ только въ исторіи того бельгійскаго графа (Бокарли, кажется), который насильно влилъ никотинъ въ ротъ своей жертвы?

Англія очень дорожитъ Босфоромъ и Дарданеллами, она не можетъ допустить свободнаго прохода черезъ нихъ русскаго флота; ей важно безпрепятственное сообщеніе съ Индіей, которому, будто бы, угрожаетъ будущій русскій черноморскій флотъ. Ну, такъ Россіи ничего другаго не остается, какъ постараться, чтобы проливы потеряли для нея всякую цѣну, чтобы свободное сообщеніе съ Индіей утратило для нея всякое значеніе. Князю Паскевичу приписываютъ слова, что путь въ Константинополь идетъ черезъ Вѣну Видно и путь къ Босфору и Дарданелламъ идетъ черезъ Дели и Калькутту.

III.

ГОРЕ ПОБѢДИТЕЛЯМЪ!

(*„Русская Рѣчь“*, 1879, янв. и февр.) *).

Слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, вождь Галловъ Бреннъ, кладя свой мечъ на вѣсы, на которыхъ взвѣшивалась дань, уплачиваемая побѣжденнымъ Римомъ, воскликнулъ: горе побѣжденнымъ! Самъ-ли полумиѳическій вождь Галловъ произнесъ эти слова, или только вложилъ ихъ ему въ уста римскій историкъ, изрѣченіе это обратилось въ общую поговорку, въ пословицу,—подобно всѣмъ поговоркамъ и пословицамъ, выражающую мысль ясную, простую, несомнѣнно истинную и въ своей краткости и простотѣ не требующую никакихъ комментаріевъ.

Но вотъ, двадцать три вѣка спустя послѣ знаменитаго Галла, намъ, русскимъ, приходится воскликнуть діаметрально противоположно: *горе побѣдителямъ!* Изрѣченіе парадоксальное, звучащее нелѣпо—въ родѣ свѣтлой тьмы или громкаго молчанія, и которое поэтому едва ли получитъ такое общее примѣненіе, такое общее гражданство, какъ слово Бренна, но которое тѣмъ не менѣе, въ примѣненіи къ нашей недавно оконченной, славной и побѣдоносной войнѣ, выражаетъ собою фактъ столь-же несомнѣнный, какъ и древнее общепримѣнимое восклицаніе. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ одной изъ самыхъ полныхъ и рѣшительныхъ побѣдъ, обратившихъ въ ничто всю силу противника, вмѣсто торжества и упоенія славы—всеобщее уныніе, чувство глубокаго униженія, краска стыда на

---

*) Въ «*Русской Рѣчи*» статья эта была озаглавлена «Россія и Восточный вопросъ» и все начало, до новой строчки: *Въ прошломъ году*, было опущено.

лицѣ, слезы оскорбленной народной чести и поруганнаго достоинства. Потоки крови, мученія раненыхъ, истязуемыхъ варварами на поляхъ битвы, десятки тысячъ погибшихъ отъ непріятельскаго оружія, можетъ быть сотни тысячъ умершихъ отъ болѣзней, сотни милліоновъ рублей народнаго достоянія, невѣроятные подвиги терпѣнія, мужества, отваги войскъ, военнаго искусства полководцевъ,—все это потеряно и принесено въ жертву ради того, чтобы бо̀льшую и, какъ говорятъ очевидцы, лучшую часть многострадальнаго болгарскаго народа, уже было освобожденнаго, снова предать во власть его вѣковыхъ мучителей, ради того, чтобы закабалить благородныхъ Черногорцевъ, Сербовъ, Босняковъ, Герцеговинцевъ игу Австріи, ради того, чтобы утвердить на болѣе прочныхъ основаніяхъ пошатнувшуюся-было власть и вліяніе Англіи на берегахъ Архипелага, Мраморнаго моря, Босфора и Дарданеллъ.

Если-бы черезъ столѣтія сохранились о нашемъ времени извѣстія, столь скудныя, какъ, напримѣръ, тѣ, которыя мы имѣемъ о нѣкоторыхъ періодахъ Римской Имперіи, и потомству остались-бы лишь акты Санъ-Стефанскаго договора и Берлинскаго конгресса, по которымъ остроумію и проницательности историковъ предстояло-бы возстановить ходъ событій, завершенныхъ этими документами, не должны-ли они были бы предположить, что въ первое полугодіе 1878 года свирѣпствовала жестокая война, окончившаяся полнымъ пораженіемъ Россіи и принудившая ее отказаться отъ всѣхъ успѣховъ, пріобрѣтенныхъ ею въ войну 1877 года? Но происшедшее на самомъ дѣлѣ гораздо хуже такого предположенія этихъ гипотетическихъ историковъ. Военная неудача бываетъ часто результатомъ непредвидѣнныхъ случайностей. Отступленіе же передъ одною угрозой, и угрозой враговъ, въ сущности очень мало опасныхъ, какъ Англія и Австрія, не свидѣтельствуетъ ли о сознаніи безсилія государства, все равно, основано ли это сознаніе на дѣйствительномъ положеніи вещей, или только на ложномъ представленіи о немъ? Послѣднее, пожалуй, даже хуже перваго, ибо указываетъ не на матеріальную немощь, которая болѣе или менѣе исправима, а на разслабленіе и немощь духовную.

Въ прошломъ году, при началѣ турецкой войны, многіе надѣялись, что она поведетъ къ окончательному рѣшенію Восточнаго вопроса. Такой надежды мы не раздѣляли и вотъ что говорили по этому поводу (см. выше, стр. 31. 2-го авг. 1877 г.): „Настоящая война, сколько бы она ни была успѣшна, разрѣшитъ Восточнаго во-

проса не можетъ. Разрѣшитъ его цѣлый періодъ борьбы не противъ Турціи только... Настоящая война есть только первый шагъ къ этому рѣшенію... и все дѣло въ томъ, чтобы шагъ былъ сдѣланъ правильный, дѣйствительно поступательный, облегчающій въ будущемъ и приближающій рѣшеніе этой всемірно-исторической задачи, которой дано названіе Восточнаго вопроса". Для этого намъ предстояло достигнуть войной: разрушенія всѣхъ преградъ, какъ нравственныхъ, такъ и матеріальныхъ, раздѣляющихъ сѣверо-восточное славянство, т. е. Россію,— отъ славянства юго-восточнаго и отъ всѣхъ православныхъ народовъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ.

И всѣ преграды были разрушены штыками русскихъ солдатъ,— и снова возстановлены, а нѣкоторые даже усилены и вновь созданы перьями русскихъ дипломатовъ. Отрицательные результаты, достигнутые русскою политикой, многимъ превзошли положительные, достигнутые русскимъ военнымъ искусствомъ и русскою военною доблестью! Странно и нелѣпо звучащій парадоксъ: *горе побѣдителямъ!* съумѣла она обратить въ грустный, но несомнѣнный фактъ.

О возстановленіи и усиленіи преградъ матеріальныхъ, укрѣпленія Балканскихъ горныхъ проходовъ, опекѣ Англіи надъ Турціей и проч. — мы не будемъ говорить. Это всѣмъ слишкомъ хорошо извѣстно. Но считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о возстановленіи, усиленіи и возникновеніи новыхъ преградъ нравственныхъ. Станемъ для этого на мѣсто болгаръ, сербовъ, черногорцевъ, герцеговинцевъ, босняковъ, и постараемся уяснить себѣ тѣ чувства и мысли, которыя должны у нихъ возникнуть о Россіи и объ отношеніи ихъ къ ней. „Россія принесла для насъ дѣйствительно огромныя жертвы",—должны сказать они себѣ,—„и сокрушила Турцію. Но какъ только вмѣсто Турціи вступили на сцену настоящіе враги славянства, въ рукахъ которыхъ Турція была только орудіемъ нашего угнетенія,—то есть Европа и преимущественно Англія и Австрія,—Россія отступила, потому ли, что считаетъ себя безсильною для борьбы съ врагомъ болѣе могучимъ, чѣмъ Турція, или потому, что предпочитаетъ такъ называемые европейскіе интересы нашей свободѣ, нашей національной самобытности. Но почему же",—должны они разсуждать далѣе—„такъ враждебна къ намъ Европа? Не потому ли, что мы единоплеменны и единновѣрны съ Россіей? Европа страшится увеличенія могущества и силы Россіи нашею силою, правда, только еще зарождаю-

щеюся, но со временемъ могущею, въ союзѣ съ Россіею, сдѣлаться весьма значительною, въ особенности, при томъ географическомъ положеніи, которое мы занимаемъ. Но въ нашемъ ли положеніи мечтать о политической силѣ, о славномъ историческомъ будущемъ въ союзѣ съ Россіею, когда, съ одной стороны, она — могучая, сильная (такою, по крайней мѣрѣ, мы до сихъ поръ ее считали)— сама отъ насъ отрекается, а съ другой—когда еще самыя элементарныя человѣческія права за нами не обезпечены? При такихъ обстоятельствахъ, не разумнѣе ли намъ примкнуть къ Англіи и къ Австріи, которыя въ ближайшемъ будущемъ будутъ господствовать надъ нами, первая—подъ маской Турціи въ южной Болгаріи, названной Восточной Румеліей, во Ѳракіи и Македоніи, вторая— непосредственно въ западной части полуострова. Не приглашаетъ ли насъ къ этому сама Россія, подавая сербамъ и черногорцамъ совѣтъ — сойтись и сговориться съ Австріей? Не быть же намъ plus russes que les Russes eux mêmes". Мудрено ли послѣ этого, что высказанныя въ отвѣтъ нашей дипломатіи на критику Санъ-Стефанскаго договора въ извѣстной запискѣ лорда Салисбюри предсказанія о неблагодарности болгаръ, имѣющей возникнуть по примѣру неблагодарности Румынъ, дѣйствительно оправдаются? Благодѣянія, оказанныя на половину, обманывающія надежды, возбужденные самыми благодѣятелями и начавшія даже осуществляться, никогда не раждаютъ благодарности. Это всѣмъ извѣстная психологическая истина.

Подобнаго рода мысли, столь естественныя и благоразумныя со стороны славянъ Балканскаго полуострова, потому только—мы на это твердо надѣемся—окажутся ложными, что ненависть и злоба—слѣпы. Въ южной Болгаріи, турки, подстрекаемые и научаемые англичанами, будутъ потворствовать какъ турецкому насилію, такъ и честолюбивымъ притязаніямъ эллинизма, и тѣмъ усилятъ ея стремленіе къ соединенію съ сѣверными братьями. Въ западной части Балканскаго полуострова, австрійская политика, руководимая мадьярскими стремленіями, съумѣетъ сдѣлаться столь же ненавистной для своихъ новыхъ вассаловъ, сколько она ненавистна для непосредственныхъ славянскихъ подданныхъ Австріи. Какая странная, жестокая надежда: интересы славянства основаны на бѣдствіи несчастныхъ славянъ! И однако, другой надежды нѣтъ. Такова жестокая иронія судьбы.

Что̀ бы, впрочемъ, ни сказало будущее, какимъ бы путемъ ни

исправило оно сдѣланныхъ теперь ошибокъ — остается несомнѣннымъ, что между Россіей и славянствомъ воздвигнуты новыя нравственныя переграды нашею побѣдоносною войною, предпринятою для освобожденія славянства.

Со стороны Румыніи, матеріяльная преграда, раздѣляющая насъ отъ будущаго Болгарскаго княжества, не уничтожена, потому что Дунайская дельта присоединяется къ Румыніи, которая даже увеличивается тѣмъ, что Добруджа передается въ ея же владѣніе. Въ сердцахъ же румынскаго народа, — точнѣе, впрочемъ, будетъ сказать: въ заправляющей имъ интеллигенціи, — воздвигнута могущественная нравственная преграда возвращеніемъ, отошедшей отъ Россіи, части Бессарабіи. Мы уже прежде высказали наше мнѣніе объ этомъ предметѣ. Настойчивость дипломатовъ на этомъ ничтожномъ пунктѣ, когда они сочли возможнымъ поступиться самыми жизненными, существенными условіями Санъ-Стефанскаго договора, можемъ мы себѣ объяснить только желаніемъ добиться полной отмѣны Парижскаго трактата, поскольку онъ непосредственно касался Россіи. Желаніе вполнѣ законное и справедливое, требуемое честью и достоинствомъ Россіи, но только при томъ условіи, чтобы трактатъ этотъ не былъ замѣненъ своимъ близнецемъ по внутреннему смыслу и духу, актомъ Берлинскаго конгресса, и чтобы послѣдняя лесть не была горще первой. Оскорбительная сущность Парижскаго трактата заключалась не въ той или другой статьѣ его, болѣе или менѣе неблагопріятной Россіи, а въ томъ, что онъ связывалъ руки Россіи, ставилъ ее подъ оскорбительный контроль, подъ опеку Европы, лишалъ свободы дѣйствій на Востокѣ. Образъ дѣйствій Турціи и послѣдовавшая за тѣмъ война разорвали надѣтыя на насъ путы. Не налагаемъ ли мы ихъ на себя вновь Берлинскимъ конгрессомъ? Изъ-за чего послѣ этого такъ хлопотать объ отошедшемъ отъ насъ, двадцать два года тому назадъ, кусочкѣ земли! Если бы его возвращеніе не было сопряжено съ значительнымъ для насъ вредомъ, то, можно смѣло сказать, конгрессъ никогда бы на него не согласился. Вредъ этотъ состоитъ въ томъ, что нашъ естественный и необходимый для насъ союзникъ отстраняется отъ насъ и будетъ всегда готовъ принять сторону нашихъ враговъ. Здѣсь повторяется та же исторія, которая происходила на Вѣнскомъ конгрессѣ съ Польшею. Присоединенію ея къ Россіи, въ видѣ самостоятельнаго царства, противились до тѣхъ поръ, пока прусскіе

уполномоченные, ближе знакомые съ русско-польскимъ дѣломъ и съ сущностью тогдашнихъ русскихъ политическихъ воззрѣній, не разъяснили прочимъ членамъ конгресса, что присоединеніе Царства Польскаго къ Россіи съ сохраненіимъ его самобытности есть величайшій для Россіи вредъ, — что̀ событія и не замедлили оправдать. Относительно Бессарабіи дѣло было понято скорѣе, и, какъ кажется, не потребовало ни съ чьей стороны особыхъ разъясненій.

Если, такимъ образомъ, отношенія славянъ и румынъ къ Россіи, возникшія и имѣющія еще возникнуть, какъ послѣдствія веденной нами освободительной войны, представляются въ неутѣшительномъ видѣ, то въ еще худшемъ свѣтѣ являются, повидимому, наши отношенія къ грекамъ, которые сдѣлались прямо намъ враждебны и открыто-было перешли на сторону кореннаго нашего врага—Англіи, до готовности вести вмѣстѣ съ нею противъ насъ войну. *) Но сдѣланныя нами въ этомъ отношеніи ошибки, по счастію, исправлены англійскою политикою; выраженная нами надежда, что ненависть и злоба не допустятъ развиться всѣмъ вреднымъ для насъ послѣдстіямъ, начала уже осуществляться.

Но такъ или иначе, а печальное дѣло совершилось. Надежды Россіи и Славянства еще разъ обмануты по ея собственной винѣ. Дѣло теперь, на нѣкоторое время по крайней мѣрѣ, кажется непоправимымъ. Вмѣсто ожидавшагося облегченія, задача Восточнаго вопроса еще болѣе затруднилась. Мы находимся въ положеніи Тарквинія передъ Кумской Савиллой. Она подносила ему девять таинственныхъ книгъ, заключавшихъ въ себѣ предсказанія о судьбѣ Рима, и обладаніе которыми необ-

*) Моглобы казаться, что съ нашей стороны сдѣлана большая ошибка тѣмъ, что мы не побудили Грецію объявить войну Турціи, хотя-бы одновременно съ Сербами, послѣ плѣненія Плевненской арміи, дабы дать намъ этимъ предлогъ выговорить при заключеніи мира присоединеніе къ ней Ѳессаліи, Эпира и Крита. Но такой упрекъ едва-ли бы былъ справедливъ. Такое присоединеніе только увеличило-бы притязанія Греціи. Греки со своею «великою идеею» и эллинизмомъ принадлежатъ къ числу тѣхъ маленькихъ честолюбивыхъ народовъ, съ которыми, по странному велѣнію судьбы, все приходится имѣть дѣло Россіи; подобно Полякамъ и Мадьярамъ, они добиваются не свободы и своего права, а власти надъ другими народами, болѣе ихъ многочисленными, которыхъ они почему-то считаютъ ниже себя, чтобы питаться ихъ соками и основать на ихъ угнетеніи свое искусственное величіе. Я уже сравнивалъ ихъ съ лягушкою басни, надувающеюся въ быка. Россія не можетъ быть другомъ такихъ народовъ. *Черное. рукоп.*

ходимо для совершенія этихъ судебъ. Но цѣна, за нихъ просимая, казалась слишкомъ высокою. Савилла сожгла три книги и потомъ еще три, требуя за остальныя все ту же цѣну. Такъ и Россія отъ времени до времени призывается къ рѣшенію роковаго Восточнаго вопроса, заключающаго въ себѣ узелъ судебъ ея, — но и она, по подобно Тарквинію, отступаетъ передъ, кажущеюся ей, чрезмѣрностью требуемой отъ нея цѣны. Цѣна же все возрастаетъ и возрастаетъ. Но, наконецъ, все-таки придется ее заплатить, заплатить подъ страхомъ собиранія и въ огнь вметанія, какъ собирается и въ огнь вметается въ день историческаго суда все, что не исполнило своего назначенія. День же этотъ приходитъ, какъ тать въ нощи, какъ пришелъ споръ о Виѳлеемскихъ ключахъ между греческими и латинскими монахами, какъ пришло ничтожное, ни кѣмъ не замѣченное при своемъ появленіи, герцеговинское восстаніе. Слѣдовательно, нужно бодрствовать и быть готовыми, ибо не вѣдаемъ ни дня ни часа, когда вновь прозвучитъ призывъ исторіи. А чтобы быть готовыми, нужно понять причины, почему мы на этотъ разъ оказались столь неготовыми, что благопріятное рѣшеніе выпало изъ нашихъ рукъ, уже было крѣпко схватившихъ его. Тутъ виноваты уже не плохія ружья, не плутни поставщиковъ, не дурное устройство интендантства и санитарной части. Не смотря на все это, наши геройскія войска блистательно исполнили свое дѣло,—не за нами оказалась неустойка, обратившая торжество побѣды въ горечь пораженія.

Ближайшія причины нашей неудачи—у всѣхъ передъ глазами, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстны и ясны. Поэтому, мы ограничимся только сгруппированіемъ ихъ и представленіемъ въ систематическомъ порядкѣ. Причины эти подводятся подъ слѣдующія четыре категоріи: 1) недостаточность и неудовлетворительность самихъ условій Санъ-Стефанскаго договора и въ особенности того перемирія, которое было заключено подъ стѣнами Константинополя. 2) Неточность и неопредѣленность тѣхъ условій, которыя были предписаны Туркамъ, такъ что исполненіе ихъ ничѣмъ не было обезпечено и предоставлялось, собственно говоря, полному произволу Турокъ. 3) Необезпеченность, неограждепіе выполненія этихъ условій отъ посторонняго враждебнаго вмѣшательства, и, наконецъ, едва ли не самая важная причина 4) формулированіе этихъ условій въ видѣ прелиминарнаго договора.

Недостаточность и неудовлетворительность перемирія и са-

маго мира была двоякая: во-первыхъ, законныя и справедливыя желанія покровительствуемыхъ и освобождаемыхъ славянскихъ друзей и союзниковъ нашихъ оставались неудовлетворенными, въ угоду незаконныхъ и нелѣпыхъ притязаній Австріи, а частью и Греціи. Болгарія лишалась Солуни и вообще значительной части болгарской Македоніи; Сербія—Пристины и большей части Старой Сербіи; Черногорія Скутари, Требинье, и вообще должныхъ границъ на сѣверѣ, югѣ и востокѣ. Оба послѣднія княжества не должны были соприкасаться, въ виду дикаго австрійскаго требованія, чтобы оставленъ былъ промежутокъ для проведенія желѣзной дороги къ Эгейскому морю, какъ будто желѣзныя дороги возможно проводить только по турецкой землѣ. Во-вторыхъ, Россія не получала должнаго вознагражденія за свои жертвы. Такимъ вознагражденіемъ можно бы считать только уступку Россіи турецкаго броненоснаго флота и присоединеніе Эрзерума, ибо этимъ достигалось бы утвержденіе полнаго и неоспоримаго вліянія нашего на Турцію.

Уступка Россіи броненоснаго флота, доставляя ей разомъ сильное морское положеніе, прежде чѣмъ Англія успѣла бы собрать достаточную силу, давала средство занять проливы не только съ европейской стороны, но также съ азіатской и съ моря. Присоединеніе же Эрзерума выказало бы свое дѣйствіе постепенно, мало по малу. Въ самомъ дѣлѣ, изъ нашихъ малоазіатскихъ пріобрѣтеній, Батумъ, какъ хорошій портъ, доставляетъ только торговыя выгоды, Карсъ имѣетъ лишь оборонительное значеніе, обезпечивающее Закавказскій край. Напротивъ того, Эрзерумъ занимаетъ центральное господствующее положеніе надъ сообщеніями Анатоліи, Курдистана, Месопотаміи и Сиріи, составляющихъ основу турецкаго могущества. Владѣя имъ, мы могли бы спокойно смотрѣть на всѣ англійскія затѣи, какъ напримѣръ обезпеченіе за собою Эвфратской долины и проведеніе стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ отъ береговъ Босфора къ Персидскому заливу. Изъ Эрзерума наше давленіе на Турцію могло бы быть столь сильно, что его не могло бы перевѣсить враждебное намъ вліяніе въ самомъ Константинополѣ.

Если вникнуть въ условія Санъ-Стефанскаго договора, то нетрудно замѣтить, что руководящею мыслію его былъ раздѣлъ Турціи,—первая наброска этого раздѣла, имѣвшая въ виду не столько раздѣлъ ея территоріи, сколько раздѣлъ вліяній. Берега Эгейскаго и Мраморнаго морей, проливы и окрестности Константино-

поля предоставлялись вліянію Англіи (какъ это видно изъ уступки Салоникъ и незанятія Галлиполи) подъ сильнымъ, конечно, контролемъ Россіи, черезъ посредство Забалканской Болгаріи. Западъ полуострова предоставлялся Австріи, какъ то видно не только изъ предоставленныхъ ей Босніи и Герцеговины, но и изъ промежутка, оставленнаго между Сербіей и Черногоріей, также изъ того, что Пристина и Митровица не отдавались Сербіи. Русскому вліянію должна была подлежать восточная половина полуострова—вассальная Болгарія. Этимъ надѣялись удовлетворить желаніямъ нашихъ противниковъ. Но Англіи и Австріи показалась доля, имъ предоставленная, недостаточною; первой въ особенности не нравился сильный контроль Россіи. Берлинскій конгрессъ, собственно говоря, стоитъ потомъ на той же точкѣ зрѣнія; онъ только умаляетъ до ничтожества долю вліянія Россіи, а недоброжелательство Румыніи, нами же вызванное, еще болѣе содѣйствуетъ этому умаленію, почему европейскія державы и отнеслись такъ благосклонно къ возвращенію Россіи части Бессарабіи.

Но раздѣлъ Турціи составляетъ комбинацію, которой Россіи слѣдовало бы наиболѣе противиться, такъ какъ онъ совершенно противорѣчитъ интересамъ ея и Славянства. Существенная причина, которая могла и должна была удержать Россію отъ окончательнаго завладѣнія Константинополемъ и проливами, заключалась именно въ томъ, чтобъ не подать сигнала къ этому раздѣлу; но раздѣлъ безъ Константинополя и проливовъ, конечно, еще гораздо хуже. И справедливость, и выгоды Россіи требовали, чтобы Болгары, Сербы, Черногорцы были вполнѣ самостоятельны и со временемъ, вмѣстѣ съ Греками, сдѣлались полноправными наслѣдниками тѣхъ земель, на которыхъ они были порабощены нашествіемъ дикой турецкой орды; чтобы всѣ они добровольно подчинялись естественному вліянію одной только Россіи,—вліянію, основанному на единоплеменности, единовѣріи, на предшествовавшемъ ходѣ исторіи, на жертвахъ, принесенныхъ Россіею для ихъ освобожденія, и на взаимныхъ здраво понятыхъ выгодахъ.

Раздѣлъ Турціи, по отношенію къ Россіи, совсѣмъ не то, чѣмъ былъ раздѣлъ Польши. Этимъ послѣднимъ Россія получала почти все свое достояніе (за исключеніемъ лишь восточной Галиціи). Остававшаяся за тѣмъ часть составляла враждебный Россіи элементъ, который нейтрализировался раздѣломъ между Пруссіей и Австріей. Такая комбинація была даже выгоднѣе послѣдующаго

присоединенія Царства Польскаго къ Россіи. Въ Турціи, напротивъ того, Россія, съ одной стороны, не имѣетъ своего исконнаго достоянія, на которое могла бы имѣть законное притязаніе, но взамѣнъ того имѣетъ дружественныя народности, самобытности и благоденствію которыхъ она должна содѣйствовать; съ другой же стороны, враждебный Россіи остатокъ, при достиженіи перваго условія, долженъ бы былъ самъ собою подчиниться ея исключительному вліянію. Это безраздѣльное вліяніе имѣло бы ту важность, что предоставляло бы Россіи свободный входъ и выходъ въ Черное и изъ Чернаго моря.

Неопредѣленностью и неточностью условій перемирія, не назначавшаго срока, и при томъ возможно кратчайшаго—не свыше двухъ, много трехъ недѣль — для сдачи крѣпостей въ Болгаріи и Малой Азіи и дозволившаго гарнизонамъ ихъ свободно возвратиться въ Турцію,—мы сами увеличили силу ея сопротивленія и дали Англіи и Австріи немаловажную точку опоры въ ихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ противъ насъ. Кромѣ того, этимъ мы дали Турціи возможность, такъ сказать, дважды продавать намъ одну и ту же вещь. Очищеніе крѣпостей было цѣною, за которую ей былъ дарованъ миръ, избавлявшій ее отъ занятія столицы; и затѣмъ Турція стала требовать новыхъ льготъ, напримѣръ, удаленія русскихъ войскъ на извѣстное разстояніе отъ Константинополя, за то же самое очищеніе крѣпостей.

Но всѣ эти ошибки и упущенія теряютъ свое значеніе передъ двумя капитальными, по моему мнѣнію, ошибками, къ нѣсколько подробнѣйшему разсмотрѣнію которыхъ я теперь и приступлю. Я разумѣю упущеніе занятія Галлипольскаго перешейка и Босфора—съ согласія ли Турціи, какъ одно изъ условій перемирія, или и безъ онаго, силою,—и заключеніе прелиминарнаго мирнаго договора. Оба эти факта, въ ихъ совокупности и взаимодѣйствіи, составили всю силу нашихъ враговъ и настоящую причину всѣхъ послѣдовавшихъ нашихъ неудачъ. Говоря о важности сдѣланнаго нами упущенія незанятіемъ своевременно проливовъ, я повторяю только всѣмъ извѣстное. Но при этомъ я желаю обратить вниманіе на то, что и эта коренная ошибка пріобрѣла всю свою пагубную силу только отъ заключенія прелиминарнаго мира, и, наоборотъ, что заключеніе прилимирнаго мира могло оказать все свое вредное вліяніе только при незавладѣніи проливами.

Ходъ событій, обратившій Россію изъ грозной рѣшительницы

части Оттоманской имперіи, изъ державы, державшей въ своихъ рукахъ судьбы Востока, обаяніе которой, казалось, должно было утвердиться не только на берегахъ Босфора, но и на берегахъ Инда, Ганга и Ирравади, — въ скромную участницу Берлинскаго конгресса, принужденную довольствоваться тѣми крохами, которыя соблаговолятъ удѣлить ей Англія и Австрія отъ роскошной трапезы, ея же руками приготовленной, — повидимому, свидѣтельствуетъ о грозной силѣ Англіи. Ей стоило только проснуться и развернуть свой флагъ, чтобы спугнуть двуглаваго орла, заставить его бросить ту добычу, которую онъ уже держалъ въ своихъ когтяхъ. Между тѣмъ, въ сущности, сила Англіи есть одно напускное марево, фантасмагорія, нѣчто въ родѣ намалеванныхъ драконовъ, которыми китайцы пугаютъ или пугали своихъ враговъ, призракъ, основанный на одномъ предразсудкѣ, на привычкѣ, перешедшей изъ тѣхъ временъ, когда европейскія арміи считались десятками тысячъ, и англійскій вспомогательный корпусъ, всегда отлично снаряженный, могъ оказывать довольно рѣшительное вліяніе на ходъ кампаній. Въ особенности по отношенію къ континентальнѣйшему изъ всѣхъ государствъ, Россіи, сила Англіи почти совершенно равняется нулю. Но какъ всякому нулю, такъ и силѣ Англіи, можно придать огромное значеніе, приставивъ къ нему слѣва одну или нѣсколько единицъ. Эту приставку мы именно и сдѣлали. Вся сила Англіи, давшая ей въ настоящемъ случаѣ такое значеніе, есть вполнѣ наше созданіе: мы вызвали изъ небытія грозный призракъ, облекли его плотью, дали ему точку опоры, вложили ему въ руки рычагъ, которымъ онъ поднялъ и сковырнулъ насъ съ мѣста, занятаго нами съ такимъ трудомъ, съ такими жертвами.

Представимъ себѣ, для уясненія дѣла, простѣйшій случай: войну между Россіей и Англіей, одинъ на одинъ, при честномъ соблюденіи прочими державами, въ томъ числѣ и Турціей, нейтралитета. Дѣйствія Англіи ограничились бы полугодовою прогулкой по водамъ Балтійскаго и Бѣлаго морей, совершенно для насъ безвредною, какъ показалъ опытъ войны съ 1854 по 1856 годъ. Даже единственное, сколько нибудь дѣйствительное въ прежнія времена, оружіе Англіи—блокада портовъ—потеряло почти все свое значеніе съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ. Россія потерпѣла бы нѣсколько отъ возвышенія цѣнъ на предметы ея вывоза, вслѣдствіе удлиненія сухопутной перевозки; но главный покупщикъ

ихъ—Англія—потеряла бы почти столько же отъ этого вздорожанія. Въ барышахъ осталась бы одна Пруссія. Вывозъ изъ Чернаго моря оставался бы при этомъ свободнымъ, такъ какъ блокировать нейтральный Дарданелльскій проливъ Англія не имѣла бы права. Въ нашихъ же рукахъ оставалось бы крейсерство, которое принесло бы Англіи въ нѣсколько разъ болѣе вреда, чѣмъ намъ ея блокада. Но формалистическая Англія не страдаетъ, какъ извѣстно, излишнею привязанностью къ легальности въ дѣлахъ внѣшней политики, и, безъ сомнѣнія, нашла бы случай уговорить Турцію отказаться отъ своего нейтралитета, по крайней мѣрѣ, на столько, чтобы представиться неимѣющею силы заградить проливы для англійскаго флота. Тогда къ средствамъ Англіи прибавилась бы еще блокада Черноморскихъ портовъ, то есть, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, Россія была бы поставлена въ то же положеніе, какъ и въ прошломъ году, во время войны съ Турціей. О бомбардированіи прибрежныхъ городовъ, какъ въ Балтійскомъ, такъ и въ Черномъ морѣ, я не говорю. При силѣ сухопутной артиллеріи и при торпедахъ, угроза эта потеряла почти всякое значеніе. Допустимъ, что, дабы не усложнить своего положенія, мы стали бы смотрѣть сквозь пальцы на это нарушеніе турецкаго нейтралитета, какъ смотрѣли въ прошломъ году на дѣйствія нейтрализованнаго Египта. Всѣ жертвы кровью и деньгами, которыя мы несли бы въ войнѣ съ Турціей, оставались бы у насъ въ экономіи. Слѣдовательно, война съ Англіей одинъ на одинъ, хотя бы и при нарушеніи Турціей нейтралитета — пропускомъ англійскаго флота черезъ проливы, — для Россіи гораздо легче, чѣмъ даже война съ Турціей. Безъ значительнаго ущерба мы могли бы выносить ее нѣсколько лѣтъ. Въ резервѣ оставалась бы у насъ угроза похода въ Индію, одинъ приступъ къ исполненію котораго, вѣроятно, уже заставилъ бы Англію смириться, въ особенности при томъ вредѣ, который наносился бы ей нашими крейсерами. Вотъ итогъ, къ которому приводится сила Англіи, по отношенію къ Россіи, если смотрѣть ей безъ предразсудковъ прямо въ глаза. Многимъ ли онъ разнится отъ нуля?

Но перейдемъ отъ предположенія единоборства къ той дѣйствительности, которая существовала въ концѣ января нынѣшняго года. Занятіемъ Галлиполи и Босфора, Черное море гораздо лучше обезпечивалось отъ вторженія англійскаго флота, чѣмъ при нашемъ гипотетическомъ предположеніи о нейтралитетѣ Турціи.

Англіи оставалась еще возможность высадки ея британскихъ войскъ и привезенныхъ на Мальту сипаевъ. Но высадки—гдѣ? Не иначе, какъ на берегахъ Эгейскаго моря, въ почтенномъ разстояніи отъ расположенія главныхъ русскихъ силъ. Тамъ могли бы они занять твердую позицію и укрѣпиться, пожалуй, если бы позволила мѣстность, такъ же сильно какъ и въ Гибралтарѣ. Ну, пусть бы себѣ и укрѣпились. Имѣя въ своихъ рукахъ Дарданеллы и Босфоръ, мы могли бы спокойно ихъ пересиживать въ нашихъ укрѣпленныхъ позиціяхъ. Чтобы побудить насъ удалиться изъ нашихъ несравненно важнѣйшихъ позицій, англичане охотно согласились бы оставить свою. Мы господствовали бы надъ положеніемъ, значеніе же Англіи было бы совершенно ничтожно, ничтожнѣе, чѣмъ въ только-что разсмотрѣнномъ нами случаѣ единоборства. Въ такое положеніе поставила себя Англія рядомъ самообольщеній, какъ оказалось, ничѣмъ не оправдываемыхъ. Въ началѣ войны она льстила себя надеждою, что Турція, и безъ ея помощи,—по крайней мѣрѣ, явной,—устоитъ противъ Россіи, которая будетъ этимъ поставлена въ жалкое и смѣшное положеніе. Наши неудачи подъ Плевной еще болѣе укрѣпили ее въ этомъ мнѣніи и тѣмъ усыпили ея бдительность, лишили привычной прозорливости, и этимъ были для насъ, собственно говоря, благопріятны. Когда, 28-го ноября, Плевна пала, всѣ думали, что наступившая глухая осень, холода и ненастье заставятъ русскую армію отложить свои дальнѣйшія дѣйствія до весны, а къ тому времени, если бы не удались переговоры, можно было успѣть и приготовиться на всякія случайности. Когда эти расчеты были обмануты изумительнымъ, безпримѣрнымъ зимнимъ переходомъ черезъ Балканы (увы! оставшимся безполезнымъ), Англія была захвачена врасплохъ. Мы могли сдѣлать все, что̀ хотѣли, но на бѣду хотѣли не того, что̀ было нужно. Лордъ Дерби, правильно оцѣнившій дѣйствительную силу противниковъ, не полагался на силы Англіи, и еще менѣе на силы Австріи, и потому боялся войны, боялся до того, что, когда дерзкіе шаги его премьера, казалось, неминуемо къ ней вели, то онъ не захотѣлъ раздѣлить отвѣтственности въ политикѣ, которая обѣщала быть постыдною и гибельною для Англіи. Уступалъ-ли ему въ правильной оцѣнкѣ реальныхъ политическихъ силъ европейскихъ государствъ лордъ Биконсфильдъ—этого я не знаю; но за то послѣдній въ совершенствѣ разгадалъ характеръ дипломатіи и направленіе политики Россіи, и потому былъ твердо увѣренъ,

что войны не будетъ, чтò бы онъ ни дѣлалъ, какъ бы дерзко ни поступалъ. Дерби, какъ государственный человѣкъ, выводилъ свои заключенія изъ общихъ данныхъ, изъ общеизвѣстныхъ элементовъ народной и государственной силы; напротивъ того, Биконсфильдъ, какъ бывшій романистъ, основывалъ свою политику на психологическихъ комбинаціяхъ, на разгаданномъ имъ характерѣ противниковъ, съ которыми имѣлъ дѣло. Чтò подало ему ключъ къ этой разгадкѣ—глубокое ли изученіе новѣйшей исторіи, правильная ли оцѣнка веденныхъ переговоровъ и вообще образа дѣйствій русской дипломатіи съ самаго начала восточныхъ замѣшательствъ, или какія либо частности болѣе интимнаго характера, ему только извѣстныя, имъ только понятыя,—какъ бы то ни было, соображенія его оказались, къ несчастію, вѣрными. Какъ бы въ оправданіе ихъ, мы начали приставлять свои единички къ нулю. Первою единичкою было оставленіе свободнымъ входа въ Мраморное море, съ обѣщаніемъ не занимать пролива, если англичане сами не сдѣлаютъ высадки на Галлипольскомъ полуостровѣ. Босфоръ также остался незанятымъ. Но всѣмъ этимъ положеніе Англіи еще не очень усиливалось. Справиться съ нимъ еще было можно. Подвести десантъ въ Мраморное море, проникнуть флотомъ въ Черное—англичане бы не осмѣлились. Обѣщаніе, какъ само собою разумѣется, оставалось бы дѣйствительнымъ только до начала враждебныхъ дѣйствій, каковымъ, при всемъ желаніи смотрѣть сквозь пальцы, нельзя же бы было не признать прорыва въ Черное море, или высадки на берегахъ Мраморнаго, и, слѣдовательно, двери за ними захлопнулись бы. Самыя элементарныя правила, какъ сухопутной, такъ и морской стратегіи, не допустятъ ни одного военачальника прорваться черезъ дефилей, оставивъ послѣдній подъ угрозой немедленнаго занятія непріятелемъ. Про силы Турціи—я ничего не говорю: въ концѣ января ихъ не существовало, онѣ были разгромлены. Но тутъ-то и приставили мы вторую единицу къ нулю, допуская заключеніемъ прелиминарнаго мира, созданіе вновь этой силы, и тѣмъ же промахомъ, если не создавали, то придавали пагубное для насъ значеніе силамъ третьяго отъявленнаго нашего врага—Австріи.

Когда турецкіе послы прибыли въ нашу главную квартиру молить о дарованіи имъ мира, полагаясь единственно на наше великодушіе, ибо другой помощи, ни отъ людей, ни отъ пророка, не предвидѣлось, намъ предстояло,—такъ по крайней мѣрѣ каза-

лось,—или предписать окончательный миръ, если бы мы хотѣли сами рѣшить все дѣло,—или же ограничиться заключеніемъ продолжительнаго военнаго перемирія, ежели желали подвергнуть условія мира обсужденію Европы. Но было избрано нѣчто среднее—миръ прелиминарный, нововеденіе по меньшей мѣрѣ столь же неудачное въ дипломатіи, какъ поповки въ морскомъ строительномъ искуствѣ; прелиминарный миръ соединялъ въ себѣ всѣ невыгодныя стороны окончательнаго мира и военнаго перемирія, безъ заключающихся въ нихъ выгодъ.

Послѣдствія заключенія тогда же окончательнаго мира намъ собственно разсматривать нечего. Уже то обстоятельство, что сочтено было необходимымъ заключить только прелиминарный договоръ, доказываетъ, что мы ясно сознавали, что условія, которыми мы думали закончить нашу борьбу съ Турціей, не встрѣтятъ сочувствія Европы и, преимущественно, государствъ, считавшихъ себя наиболѣе затронутыми—Англіи и Австріи, и что они всѣми мѣрами будутъ стараться препятствовать ихъ осуществленію. Слѣдовательно, если бы, не смотря на эту нашу увѣренность, мы все-таки рѣшились придать условіямъ Санъ-Стефанскаго договора санкцію твердаго окончательнаго трактата, намъ необходимо было обезпечить себя отъ враждебнаго посторонняго вмѣшательства и для этого занять Дарданеллы и Босфоръ. Видя всякую помощь извнѣ отрѣзанною, Турція продолжала бы находиться въ томъ же настроеніи духа, въ которомъ находилась при заключеніи перемирія. Видя единственное спасеніе въ великодушіи Россіи, опасаясь еще худшихъ условій въ случаѣ возобновленія борьбы, она и не подумала бы собирать свои силы и истощаться для этой безнадежной борьбы. Съ другой стороны, и Англія, видя, что дѣло кончено, что перерѣшить его можно только новою войной, что всѣ шансы въ этой войнѣ противъ нея, что въ силахъ самой Турціи она никакой помощи найти не можетъ, а сама также помочь ей черезъ непреодолимую преграду не въ состояніи,—помирилась бы съ неизбѣжнымъ.

И такъ, разсмотримъ другой случай. Россія желала заручиться согласіемъ Европы на результаты, которые хотѣла извлечь изъ войны, и потому не хотѣла заключить окончательнаго мира. Въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы ограничиться военнымъ перемиріемъ. При заключеніи военныхъ перемирій преобладаетъ стратегическая точка зрѣнія и, главнымъ образомъ, имѣется въ виду (со стороны предписывающаго условія побѣдителя), чтобы, въ случаѣ возоб-

новленія военныхъ дѣйствій, противникъ не оказался въ положеніи болѣе выгодномъ, чѣмъ въ моментъ ихъ прекращенія; если же перемиріе завершится миромъ, то чтобы вліяніе побѣды сохранило всю свою силу вплоть до окончательнаго умиротворенія. Такъ, въ въ осажденную крѣпость допускаютъ подвозъ провіанта только въ количествѣ необходимомъ для пропитанія гарнизона и жителей, а не для возобновленія запасовъ. Поврежденные верки должны оставаться неисправленными, новые не могутъ возводиться. Слѣдовательно, при военномъ перемиріи, ни со стороны Галлиполи, ни со стороны Босфора, ни со стороны Константинополя, не могло и не должна было быть выкопано ни одного стрѣлковаго ровика, не могло быть возведено ни одного редута, не могло даже быть прибавлено ни одного новаго батальона. Пусть при такомъ положеніи дѣлъ Дарданеллы и даже Босфоръ оставались бы незанятыми; пусть тѣ, не помню хорошенько, шесть или восемь англійскихъ броненосцевъ вошли бы въ Мраморное море, даже получивъ наше обѣщаніе не занимать позади ихъ пролива, но подъ единственнымъ условіемъ, что англичане не сдѣлаютъ высадки и, что̀ само собою разумѣется, не начнутъ инымъ способомъ военныхъ дѣйствій— положеніе Россіи все бы оставалось господствующимъ. Могла ли Англія на что нибудь рѣшиться, зная, что, при малѣйшемъ ея движеніи, двери проливовъ, незащищенныхъ турками, захлопнутся за ея флотомъ? Допустимъ, наконецъ, что, употребивъ какую либо уловку, англичане успѣли бы предупредить насъ и занять Галлипольскій перешеекъ. Если бы даже намъ не удалось ихъ изъ него выбить, все же надо помнить, что сухопутныя силы Англіи могутъ имѣть только значеніе вспомогательнаго корпуса, а за неимѣніемъ кому помогать, при отсутствіи турецкихъ силъ, были бы осуждены на ничожество, и что такимъ образомъ Босфоръ, а, слѣдовательно, и сообщеніе по Черному морю продолжало бы оставаться въ нашемъ распоряженіи, а это парализировало бы стратегическое положеніе Австріи, которая, вмѣсто того, чтобы угрожать нашему пути сообщенія, сдѣлавшемуся отъ нея независимымъ, сама была бы почти со всѣхъ сторонъ окружена нами и нашими союзниками.

Заключеніе прелиминарнаго мира уничтожило всѣ эти выгоды, потому что послѣ него Турція вступала во всѣ права, принадлежащія независимому государству. На всѣ наши представленія, она могла утверждать, что взводимыя ею укрѣпленія, собираемыя и сосредоточиваемыя войска — имѣютъ единственною цѣлью защиту

ея нейтралитета, или даже подготовленіе для союзнаго съ нами дѣйствія." Мы могли, конечно, тому не вѣрить, но лишились уже всякаго легальнаго повода противодѣйствовать этому и, такимъ образомъ, результаты побѣды постепенно таяли и исчезали на нашихъ глазахъ и на глазахъ нашихъ противниковъ.

Это различіе между военнымъ перемиріемъ и мирнымъ договоромъ имѣло особенную важность именно для насъ, привыкшихъ столь строго соблюдать легальность въ международныхъ отношеніяхъ. При началѣ польскаго возстанія 1863 года, въ Journal de S.-Pétersbourg, слывущемъ и въ Россіи и въ Европѣ офиціознымъ органомъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, была помѣщена фраза, надѣлавшая въ свое время много шума: „La légalité nous tue". Упрекъ этотъ едва ли справедливъ, если сожалѣніе это относить (какъ это дѣлалъ французско-русскій журналъ) къ соблюденію излишней будто бы законности во внутреннихъ дѣлахъ, но совершенно основателенъ въ примѣненіи къ дѣйствіямъ нашей внѣшней политики. Въ дѣлѣ легальности мы составляемъ, кажется мнѣ, діаметральную противоположность съ Англіей. Тамъ легальность, какъ извѣстно, доводится до смѣшной крайности въ отношеніяхъ государственной власти и закона къ своимъ подданымъ. Тамъ, напримѣръ, адвокатъ дѣйствительно спасаетъ двоеженца отъ наказанія, совѣтуя ему взять какъ можно скорѣе третью жену, потому что законъ, крайне-строгій къ двоеженству, вовсе не предвидѣлъ случая троеженства. Но во внѣшнихъ дѣлахъ, Англія, когда это ей оказывается нужнымъ или выгоднымъ, не задумывается бомбардировать столицу государства, съ которымъ не находится въ войнѣ, или провести свой флотъ черезъ проливъ, вопреки тому самому трактату, который она защищаетъ. Россія, не простирая слишкомъ далеко своей легальности во внутреннихъ дѣлахъ,—въ отношеніяхъ внѣшнихъ видитъ въ каждой буквѣ связывающаго ее трактата препятствіе, черезъ которое не рѣшается переступить, хотя бы дѣло шло о существеннѣйшихъ ея интересахъ. Нисколько не охуждая этого и даже не выражая своего мнѣнія о преимуществахъ той или другой крайности, я желаю только выставить на видъ, что, при столь строгомъ соблюденіи легальности въ международныхъ отношеніяхъ, Россіи болѣе чѣмъ другимъ слѣдуетъ быть осторожной въ наложеніи на себя политическихъ стѣсненій и обязательствъ. Такъ, въ случаѣ, подобномъ нами разбираемому, можно смѣло утверждать, что Англія или Бисмарковская Пруссія, даже заключивъ

мирный договоръ, но замѣтивъ послѣдствія, къ которымъ онъ ведетъ не задумались бы его нарушить, чтобы вывести себя изъ крайне затруднительнаго положенія.

Военное перемиріе, вмѣсто прелиминарнаго мира, не только упрочивало бы наше господствующее стратегическое положеніе, но сглаживало бы путь и для дипломатіи. Нашимъ противникамъ нельзя было бы тогда требовать, какъ предварительнаго условія конгресса (какъ будто конгрессъ этотъ былъ для насъ какою нибудь милостью), чтобы всѣ пункты договора были представлены ему на обсужденіе, такъ какъ самихъ условій этихъ тогда бы еще не существовало. Мы явились бы на конгрессъ не съ формулированными уже условіями, подлежащими, съ нашего же согласія, его рѣшающей критикѣ, а съ такими, напримѣръ, словами на устахъ: „врагъ нашъ не существуетъ. Мы въ состояніи недопустить до него внѣшней помощи, откуда бы она ни происходила, и потому безспорно господствуемъ надъ положеніемъ; но не хотимъ злоупотреблять его выгодами и ограничиваемся: съ одной стороны, безусловно необходимымъ для осуществленія той цѣли, съ которою предприняли войну, то есть, для освобожденія христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова; а съ другой—самымъ умѣреннымъ вознагражденіемъ, на которое, кромѣ насъ, ведшихъ войну, конечно, никто не имѣетъ ни малѣйшаго права". Если бы, оградивъ себя со всѣхъ сторонъ, мы пожелали сдѣлать нѣсколько несущественныхъ уступокъ самолюбію Англіи и притязаніямъ Австріи, то онѣ были бы приняты съ благодарностью, ибо „всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ". Конгресса, котораго добивались мы, дѣлая невообразимыя предварительныя уступки для его осуществленія,—добивались бы тогда наши противники, чтобы избавить себя и Турцію отъ висящаго надъ ними Дамоклова меча, отъ непрестанно угрожающаго занятія Дарданеллъ, Босфора и Константинополя, ничѣмъ и никѣмъ незащищенныхъ. Всякое окончательное рѣшеніе мало-мальски умѣренное, не передающее намъ полной непосредственной власти надъ проливами, было бы принято съ благодарностью и радостью, какъ избавленіе отъ давящаго кошмара, отъ страшной и неотвратимой опасности. Вмѣсто іюня конгрессъ собрался бы въ мартѣ или въ апрѣлѣ. Побѣда наша не отошла бы, ко времени открытія этого высокаго собранія въ область прошедшаго, не обратилась бы въ исключительное достояніе исторіи, а оказывалась бы еще живымъ факторомъ, направляющимъ ходъ

событій. И на конгрессѣ стояли бы мы въ грозномъ положеніи побѣдителей, а не людей попавшихся въ западню.

Въ такомъ видѣ находились бы наши дѣла, если бы мы соблюли только въ отдѣльности любую изъ главныхъ предосторожностей, обезпечивавшихъ завоеванное нами положеніе. Конечно, дѣла много бы еще улучшились, если бы не только были приняты обѣ эти мѣры въ совокупности, но къ нимъ присоединились бы еще сдача турецкихъ крѣпостей въ краткій опредѣленный срокъ и уступка Турціей всего или большей части ея броненоснаго флота.

Но мы не заняли ни Галлипольскаго полуострова, ни Босфорскаго берега, а съ Турками заключили прелиминарный мирный договоръ, то есть, договоръ, между строками котораго самымъ четкимъ шрифтомъ было написано: „напрягайте силы ваши всѣ, недовольные миромъ, турки, англичане, австрійцы, и все существенное, что̀ вамъ въ немъ не нравится, будетъ отмѣнено и измѣнено въ вашу пользу". Слѣдуя подразумѣваемому совѣту, турки собрали полутораста или двухсотъ-тысячную армію, частью изъ нами же выпущенныхъ гарнизоновъ и возвели укрѣпленія на подобіе плевнинскихъ у входа къ Дарданелламъ, вдоль береговъ Босфора, въ окрестностяхъ Константинополя. Англія пріобрѣла значеніе даже какъ сухопутная военная держава, ибо могла съ быстротою пара бросить свои сорокъ или пятьдесятъ тысячъ войскъ на самый опасный для насъ пунктъ. Ничтожный англо-сипайскій корпусъ получилъ дѣйствительную важность, какъ всегда и всюду готовая помощь и безъ того значительнымъ турецкимъ силамъ. Черное море перешло въ распоряженіе Англіи, и этимъ возвращены Австріи всѣ, утраченныя-было, выгоды ея стратегическаго положенія. Турецкія крѣпости у насъ въ тылу или посреди нашего расположенія затруднили насъ еще болѣе, и наше положеніе изъ господствующаго стало критическимъ. Мы очутились въ западнѣ. Геройскія усилія войскъ, отстоявшихъ Шипку, перешедшихъ зимою Балканы, могли, конечно, вывести со славой и изъ такого положенія; но передъ подобными подвигами можно только благоговѣть, а не основывать на нихъ политическіе расчеты.

Неужели такъ трудно было все это предвидѣть? Еще въ то время, когда войска наши шли изъ Адріанополя на Константинополь и, по скуднымъ газетнымъ извѣстіямъ, направленіе многихъ значительныхъ отрядовъ оставалось неизвѣстнымъ, со всѣхъ сторонъ слышались догадки, что, свернувъ съ пути на столицу,

они, вѣроятно, быстро подвигаются къ Галлиполи. Такъ казалось тогда движеніе это естественнымъ и необходимымъ. Но что̀ говорить о проницательности и предвидѣніи! Развѣ не былъ намъ во всеуслышаніе, еще во̀-время, преподанъ совѣтъ, не со стороны газетныхъ политиковъ и стратеговъ, на которыхъ присяжные дипломаты имѣютъ, положимъ, право смотрѣть свысока, а авторитетнымъ голосомъ всѣми признаннаго, перваго политическихъ дѣлъ мастера въ Европѣ? Не произнесъ ли князь Бисмаркъ, съ каѳедры германскаго рейхстага, своей нагорной проповѣди о политическомъ блаженствѣ: „Beati possidentes",— сказалъ онъ. Кто же, или что̀ же заставило насъ пренебречь этимъ совѣтомъ, заставило добровольно отказаться отъ обладанія и черезъ это лишиться политическаго блаженства?

Недовольство Германіей, какъ за дѣйствія ея на конгрессѣ, такъ и во время предшествовавшихъ ему переговоровъ, довольно распространено въ нашемъ обществѣ. И я также писалъ, что за чистое золото нашихъ, столько разъ оказанныхъ, услугъ—Пруссія, или, что то-же самое, Германія, платитъ намъ ассигнаціями весьма низкаго курса. Но, положа руку на сердце, можемъ ли мы обвинять ее въ недостаточной къ намъ благодарности? Что Германія вообще и Пруссія въ особенности обязана намъ чрезвычайно многимъ — это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію и даже оффиціально ею признано. Но требовали ли мы отъ нея уплаты долга? Испытывали ли мы ея дружбу? Ставили ли мы ее въ такое положеніе, въ которомъ ей предстояло бы высказаться прямо и откровенно: за насъ она, или противъ насъ? Мнѣ кажется, что нѣтъ, и что поэтому, если мы можемъ упрекнуть Германію, то развѣ только въ томъ, что ея признательность не слишкомъ предупредительнаго свойства. Если частный человѣкъ, оказавшій другому большія услуги, по деликатности или другимъ причинамъ не обращается къ другу за помощью „въ минуту жизни трудную", когда, слѣдовательно, и наступилъ настоящій срокъ уплаты, не требуетъ отъ него уплаты долга и довольствуется кое-какими мелочными услугами, отъ времени до времени замолвленнымъ словцомъ; а другъ, по собственному побужденію, не спѣшитъ на выручку, но остается доволенъ такою непритязательностью, дающею ему возможность сохранить наружное благоприличіе и не ставящею его въ затруднительное положеніе—или честно уплатить свой долгъ, или удивить міръ своею неблагодарностью: — мы, строго говоря,

въ правѣ назвать такого друга—ложнымъ другомъ. Но едва ли такой высокій нравственный критеріумъ имѣетъ примѣненіе къ дружбѣ политической.

Военный успѣхъ и политическая неудача Россіи, благодарность Англіи, исполненіе обѣщанія, даннаго Австріи вознаградить ее на Востокѣ за потери въ Германіи и Италіи, безъ явнаго нарушенія своихъ дружественныхъ отношеній къ Россіи,—вѣдь это все, чего только могла желать и о чемъ едва ли могла мечтать Германія. И всего этого лишиться, не ради избѣжанія упрека въ неблагодарности, а просто изъ-за излишней предупредительности, изъ-за назязчивости своею благодарностью! Я искренно убѣжденъ, что такая мысль не только совершенно невмѣстима въ голову европейскаго политика, но даже, что едва ли она и должна вмѣщаться въ голову какого бы то ни было политика.

Мысль о желательности для Германіи чисто-военнаго успѣха Россіи можетъ, пожалуй, показаться парадоксальною. Такой скептицизмъ былъ бы весьма неоснователенъ. Для Германіи чрезвычайно важно мочь сказать: „смотрите, какого мы имѣемъ союзника и друга. Для себя онъ, конечно, извлекъ очень мало пользы изъ своей силы, но для насъ, повѣрьте, съумѣетъ ее извлечь. За это мы вамъ ручаемся". Впрочемъ, важность для Германіи русскаго военнаго успѣха не есть только наше личное, болѣе или менѣе вѣроятное, предположеніе. Разъяснить это обстоятельство принялъ на себя трудъ весьма вліятельный членъ германскаго рейхстага. Онъ сказалъ: что „неудачи русской арміи въ началѣ войны заставляли опасаться такого ослабленія Россіи, что она могла бы перестать служить достаточною поддержкою (какова честь, подумайте!) для сохраненія того положенія, которое Германія занимаетъ въ Европѣ". Кажется,—ясно, и чего же пріятнѣе, когда вмѣсто слабости оказалась сила, но не про себя, а про нужды Германіи?

Но возвращаемся къ нашему вопросу. Кто-же, или что̀ заставило насъ пренебречь благимъ совѣтомъ знаменитаго канцлера? На вопросъ, *кто*, мы отвѣчать не можемъ по множеству причинъ. Во-первыхъ потому, что этого не знаемъ; во-вторыхъ потому, что если бы и знали, то не могли бы напечатать; въ-третьихъ наконецъ потому, что не придаемъ этому ни малѣйшаго значенія. Пройдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и будущіе читатели тогдашняго *Русскаго Архива* или *Русской Старины* узнаютъ, по чьей ошибкѣ, недосмотру, недоразумѣнію, заблужденію, сдѣлано было

то или другое упущеніе, по чьему совѣту принята та или другая ложная мѣра и не принято надлежащей мѣры. Все это будеть чрезвычайно любопытно, еще любопытнѣе оно было-бы теперь — но настолько же безполезно, насколько любопытно.

Говоримъ мы это не потому, что склонны отвергать или умалять вліяніе личнаго элемента въ исторіи, согласно съ теоріями нынѣ господствующей исторической школы. Совершенно напротивъ, мы полагаемъ, что гораздо болѣе правды въ Карлейлевомъ культѣ героевъ, чѣмъ въ ученіи этой школы. Мы думаемъ, что безъ князя Бисмарка еще долго пришлось бы Нѣмцамъ мечтать за кружкой пива о гезамтъ-фатерландѣ, что все добро и все зло Петровской реформы имѣло своимъ главнымъ источникомъ силу генія и воли Петра. Но, съ другой стороны, люди обыкновенныхъ размѣровъ, безъ выдающейся оригинальности и силы мысли, безъ необыкновенной энергіи воли, отражаютъ въ себѣ направленіе той среды, которою окружены, подчиняются господствующему настроенію умовъ, живутъ традиціями и предразсудками прошлаго. Слѣдовательно, въ этомъ направленіи, въ традиціяхъ и предразсудкахъ среды, въ общественномъ мнѣніи, господствовавшемъ, если и не въ тотъ историческій моментъ, когда имъ приходится дѣйствовать, то въ то время, когда складывался ихъ образъ мыслей, должно искать корня какъ ихъ полезныхъ дѣйствій, такъ и ихъ ошибокъ. Они не способны идти противъ теченія и слѣдуютъ разъ данному имъ толчку. Возьмемъ для примѣра хоть настоящій образъ дѣйствій Англіи, гдѣ характеръ общаго направленія мнѣній очевиднѣе, чѣмъ въ какой либо другой странѣ. Развѣ графъ Биконсфильдъ не есть продуктъ этого направленія и не слѣдуетъ за потокомъ общественнаго мнѣнія, хотя безспорно имѣетъ всѣ необходимыя качества ума и воли, чтобы быть его достойнымъ представителемъ и главою? Поэтому, люди, гораздо выше его стоящіе по широтѣ взгляда, положимъ какъ Гладстонъ и Брайтъ, оказываются неравносильными ему, побѣжденными соперниками. Еслибъ эти люди даже стояли въ главѣ правительства, они должны бы были уступить ему поле дѣйствія, какъ только русскіе успѣхи задѣли бы за живое предразсудки и самолюбіе Англійской націи; такого рода случай и былъ передъ началомъ Крымской войны: миролюбивый Абердинъ долженъ былъ уступить мѣсто воинственному Пальмерстону, а Кобденъ лишился даже мѣста въ парламентѣ. Основываясь на этомъ, мы и считаемъ возможнымъ отвѣтить на

вопросъ: *что́* было причиною всѣхъ недоразумѣній, ошибокъ и упущеній, которыя привели насъ къ такой поразительной политической неудачѣ послѣ не менѣе поразительныхъ военныхъ успѣховъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается во всей исторіи внѣшнихъ отношеній Россіи въ теченіе всего XIX столѣтія.

Не входя въ изслѣдованіе, какъ благодѣтельнаго, такъ и вреднаго вліянія Петровской реформы въ чисто культурномъ отношеніи, мы ограничимся лишь тѣмъ фактомъ, что, не смотря на подражательность въ обычаяхъ, нравахъ и образѣ жизни высшихъ слоевъ нашего общества,—направленіе внѣшней политики Россіи, въ теченіе всего XVIII столѣтія, оставалось вполнѣ русскимъ. Въ эту сферу предпочтеніе чужаго своему еще не успѣло проникнуть. Русскихъ вельможъ того времени, въ ихъ отношеніи къ иностранному, можно сравнить съ римскими патриціями временъ имперіи. Эти патриціи усвоили себѣ греческую элегантность манеръ, костюма, образа жизни, отдавали справедливое предпочтеніе греческому искусству и греческой наукѣ, держали при себѣ домашнихъ греческихъ живописцевъ, скульпторовъ, врачей, педагоговъ и даже философовъ; но то, что́ они считали высшею сферой человѣческой дѣятельности, т. е. политика, продолжало носить чисто римскій характеръ. Такъ и наши Екатерининскіе вельможи, хотя и преклонялись передъ европейскими—собственно французскими—наукой, литературой, искусствомъ, промышленностью и модой, но сохраняли въ этомъ преклоненіи нѣкоторый оттѣнокъ полупрезрительнаго покровительства, и не допускали мысли предпочтенія политическихъ интересовъ высокопросвѣщенной Европы интересамъ своей варварской и грубой Россіи; не допускали мысли, чтобы сила и могущество Россіи могли служить не русскимъ цѣлямъ, хотя бы и окрестить ихъ названіемъ возвышеннѣйшихъ интересовъ человѣчества.

Когда грянула французская революція, и монархія вмѣстѣ съ аристократіей были попраны разгулявшеюся чернью,—это не могло не оскорбить монархическихъ и аристократическихъ чувствъ императрицы и ея вельможъ; но солидарности между собой и побѣжденною стороною вообще они не чувствовали. И въ самую бурную эпоху, въ самый разгаръ революціонныхъ страстей, русская политика продолжала преслѣдованіе своихъ цѣлей: доканчивалась вторая турецкая война, штурмовались Измаилъ и Прага, совер-

шался третій раздѣлъ Польши. Не было недостатка, со стороны консервативныхъ интересовъ Европы, въ заискиваніяхъ и просьбахъ о помощи; была даже собрана русская армія на западныхъ границахъ; но императрица все медлила, все мы не шли искать похмѣлья въ чужомъ пиру. Вопросъ: что же выиграетъ Россія отъ побѣды? удерживалъ отъ дѣятельнаго вмѣшательства въ чуждыя Россіи европейскія дѣла.

Съ кончиной великой Императрицы все это измѣнилось. Русскія войска была двинуты на помощь Австріи и Англіи, ради интересовъ совершенно чуждыхъ Россіи. Война была блистательна, подвиги русскихъ изумительны; но и въ 1799 г., какъ и въ 1878 г., можно было воскликнуть: горе побѣдителямъ! Побѣды были напрасны, отъ плодовъ ихъ не осталось и слѣда. Конечно, это горе было легче сносить, потому что и самые плоды русскихъ побѣдъ принадлежали тогда Австріи. Послѣ этой первой попытки употребленія русскихъ силъ для чуждыхъ Россіи цѣлей, сейчасъ же послѣдовало и разочарованіе. Императоръ Павелъ, наученный опытомъ, вѣрно понялъ отношенія Россіи къ Европѣ. На запискѣ графа Растопчина противъ словъ: «Одна лишь выгода изъ сего (изъ войны 1799 года) произошла—та, что сею войной разорвались всѣ почти союзы Россіи съ другими землями. Ваше императорское величество давно уже со мною согласны, что Россія съ рочими державами не должна имѣть иныхъ связей кромѣ торговыхъ. Перемѣняющіяся столь часто обстоятельства могутъ рождать и новыя сношенія и новыя связи, но все сіе можетъ быть случайно, временно», — императоръ Павелъ собственноручно написалъ: «святая истина».

Но урокъ былъ, къ сожалѣнію, скоро забытъ. Побудительною причиной военныхъ приготовленій Екатерины и войны Павла была мысль о сохраненіи и возстановленіи интересовъ консерватизма и легитимизма, нарушенныхъ французскою революціей. Это была та мазка, при помощи которой проскользнула въ русскую политику-забота объ европейскихъ интересахъ. Но уже и этой побудительной причины не существовало, когда въ 1805 году мы явились опять на выручку Австріи, подобно громоотводу притянувшей на себя ударъ, назначавшійся Англіи. Въ это время самъ Наполеонъ уже принялъ въ свои могучія руки охрану консервативныхъ интересовъ.

Поводомъ къ этой второй, не въ русскихъ интересахъ затѣ-

янной, войнѣ служило уже обузданіе ненасытимаго честолюбія Наполеона. Но вполнѣ ли справедливо это обвиненіе, тяготѣющее надъ памятью великаго человѣка—обвиненіе, принятое нами отъ его враговъ англичанъ и нѣмцевъ и, въ новѣйшее время, отъ враждебныхъ ему демократическихъ писателей? А, главное, было ли это честолюбіе направлено противъ Россіи, имѣло ли оно въ виду нанесеніе ей вреда, умаленіе ея политическаго значенія, какъ это несомнѣнно постоянно имѣетъ въ виду дѣйствительно ненасытимое честолюбіе Англіи, съ которымъ, однакоже, мы такъ желаемъ ужиться?—И то и другое опровергается фактами.

Наполеонъ, 19-го брюмера, низвергъ директорію. Но намъ ли было принимать на себя защиту революціонной легальности? Первая война, которую онъ велъ какъ самостоятельный властитель Франціи, противъ Англіи и Австріи, и со славою окончилъ столь умѣреннымъ Амьенскимъ и Люневильскимъ миромъ, была ему завѣщана директоріей. Онъ возложилъ на себя императорскую корону,—но то было единственнымъ средствомъ доставить побѣду монархическому принципу, и опять-таки не намъ и даже не европейскимъ монархіямъ было за это на него негодовать. Онъ возобновилъ войну противъ Англіи, и, съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть на это, за исключеніемъ точки зрѣнія англійскаго властолюбія, — право было на его сторонѣ. Онъ поддерживалъ этимъ традиціонную политику Франціи. Утвердивъ ея могущество и силу на материкѣ Европы, не могъ же онъ равнодушно сносить, что всѣ ея богатыя и цвѣтущія колоніи перешли въ руки ея историческаго врага. Въ этомъ еще нѣтъ признаковъ алчнаго, ненасытимаго честолюбія. Съ точки зрѣнія общихъ всемірныхъ интересовъ, политика Наполеона также была въ этомъ случаѣ разумна, справедлива и дальновидна. Не нашла ли себя даже императрица Екатерина вынужденною прибѣгнуть къ политикѣ вооруженнаго нейтралитета, для противодѣйствія англійскому самоуправству на моряхъ? Но сколько же разъ болѣе страдали отъ него интересы Франціи, издавна ведшей обширную морскую торговлю, чѣмъ интересы Россіи? Наконецъ, и съ точки зрѣнія легальности, не Англія ли была главною нарушительницею Амьенскаго мира тѣмъ, что не оставляла Мальты, какъ обязалась по договору? Присвоеніе себѣ острова на Средиземномъ морѣ было, подобно теперешнему захвату Кипра, вопіющимъ насиліемъ, котораго побѣдоносная Франція, понимавшая свои интересы и свое достоинство, не могла

снести. Но именно изъ этого возобновленія войны съ Англіей, въ которомъ все право было на сторонѣ Наполеона, проистекла уже по необходимости, роковымъ образомъ, вся послѣдующая его дѣятельность. При помощи золота и дипломатическаго искусства Англія съ этихъ поръ возбуждала противъ него все новыхъ и новыхъ враговъ, надѣявшихся загладить свои прежнія неудачи; а побѣды надъ ними поставили Наполеона на вершину политическаго величія, и тѣмъ заслужили ему укоръ въ ненасытимомъ честолюбіи. Не онъ былъ зачинщикомъ войнъ 1805, 1806 и 1809 годовъ; а разгромивъ своихъ враговъ, не могъ же онъ оставить въ ихъ рукахъ ту силу, которую они повторительно употребляли противъ него.

Уничтоженіе французскаго флота и, вслѣдствіе этого, невозможность произвести высадку на берега Англіи, заставили изобрѣтательный умъ Наполеона прибѣгнуть къ единственному дѣйствительному оружію противъ своего непримиримаго противника—къ континентальной системѣ—мѣрѣ, неоцѣненной его современниками, но которая, тѣмъ не менѣе, могущественнѣйшимъ образомъ содѣйствовала развитію промышленности на материкѣ: — упомяну лишь о свеклосахарномъ производствѣ, которое она породила.

Конечно, Наполеона можно упрекнуть въ неразборчивости средствъ, къ которымъ онъ иногда прибѣгалъ; но и въ этомъ противникъ его, Англія, по меньшей мѣрѣ, ни въ чемъ ему не уступала, прибѣгая къ мѣрамъ, подобнымъ бомбардировкѣ Копенгагена, причемъ, однако же, подобными дѣйствіями ничего не возбуждала, кромѣ безплоднаго и скоропреходящаго негодованія.

Но, каковы бы ни были дѣйствія Наполеона относительно Голландіи, Италіи, Испаніи, мелкихъ германскихъ государствъ, Пруссіи и Австріи,—относительно Россіи онъ постоянно выказывалъ самое дружеское расположеніе, искалъ ея союза, предоставлялъ ей самое широкое поле дѣйствія. Если, по роковому ходу событій, проистекавшихъ изъ твердаго и неуклоннаго стремленія Наполеона достигнуть своей вполнѣ законной, справедливой, неизбѣжно для него необходимой цѣли—обуздать и смирить Англію, близокъ онъ былъ къ достиженію всемірнаго владычества,—то онъ призывалъ Россію раздѣлить его съ нимъ, чувствуя, что одному ему оно было не подъ силу. Россія смѣло и съ чистою совѣстью могла бы послѣдовать этому призыву, потому что все могущество и величіе,

которыя пришлись бы на ея долю въ этомъ раздѣлѣ, принадлежали и принадлежатъ ей по праву: въ нихъ не заключалось никакого хищенія или неправаго стяжанія.

Призывая Россію въ первый разъ къ союзу, Наполеонъ великодушно отпускалъ ея плѣнныхъ, которыхъ Англія не хотѣла обмѣнять на французовъ, томившихся на ея корабляхъ-тюрьмахъ, не взирая на то, что русскіе попали въ плѣнъ единственно по винѣ Англіи и защищая ея интересы. Тогда обстоятельства еще не привели Наполеона въ близкія отношенія къ Россіи, и, конечно, онъ еще не могъ предвидѣть, что власть его будетъ простираться до береговъ Нѣмана. Онъ повторилъ свое приглашеніе въ Тильзитѣ, предоставляя Россіи всѣ выгоды, какихъ только она могла желать. Наконецъ, Наполеонъ не переставалъ предлагать своего союза и въ то время, когда былъ побѣжденъ, справедливо полагая, что его уничтоженіе не можетъ лежать въ истинныхъ интересахъ Россіи, и что, подобно тому, какъ онъ, на верху могущества и послѣ побѣды, считалъ усиленіе и возвеличеніе Россіи вполнѣ сообразнымъ съ своими интересами,—такъ и Россія, послѣ его пораженія, пойметъ, что сохраненіе его могущества требуется ея собственными выгодами.

Изъ этого очевидно, что Наполеонъ считалъ союзъ съ Россіей не временною сдѣлкою, имѣвшею для него важность при тѣхъ или другихъ случайныхъ обстоятельствахъ, а политическою необходимостью, существенною частью своей политической системы, независимо отъ временныхъ отношеній между обѣими державами, независимо отъ побѣды той или другой стороны. Война между Россіей и Франціей справедливо казалась ему лишь результатомъ недоразумѣній, наговоровъ, интригъ, непониманія истинныхъ интересовъ обѣихъ государствъ, и потому онъ надѣялся и вѣрилъ, что свиданіе съ императоромъ Александромъ разсѣетъ этотъ напускной туманъ. Того же мнѣнія держались и нѣкоторые русскіе люди высокаго ума и несомнѣнной преданности и любви къ Россіи. Сперанскій и Румянцевъ держались его еще до прискорбныхъ недоразумѣній, поведшихъ къ войнѣ 1812 года, а самъ побѣдитель Наполеона Кутузовъ былъ того же мнѣнія и послѣ этой войны.

Въ самомъ дѣлѣ, могущество Наполеона нейтрализировало дѣятельность Англіи и Австріи—этихъ главныхъ противниковъ нашей восточной политики; собственные же интересы Франціи на Восто-

кѣ далеко не могли уравновѣсить въ его глазахъ выгодъ отъ искренняго содѣйствія Россіи его планамъ на Западѣ. Про Польшу онъ самъ говорилъ, что считалъ ее лишь орудіемъ въ своихъ рукахъ, которымъ онъ охотно бы пожертвовалъ, убѣдившись, что Россія безъ заднихъ мыслей входитъ въ его политическіе планы, которые были совершенно согласимы съ тѣмъ направленіемъ русской политики, какому слѣдовали Петръ и Екатерина. Въ причинахъ, побудившихъ Россію, съ такимъ напряженіемъ силъ, вести противъ Наполеона войны 1805, 1807, 1812, 1813 и 1814 годовъ, невозможно отыскать никакого существенно русскаго интереса. Онѣ были предприняты въ защиту чуждыхъ намъ цѣлей и интересовъ: англійскихъ, прусскихъ, австрійскихъ, германскихъ, пожалуй— италіанскихъ, голландскихъ, испанскихъ и португальскихъ, однимъ словомъ—интересовъ и цѣлей европейскихъ, но никакъ не русскихъ. Мы низвергли не только совершенно безвредное, но существенно полезное для насъ могущество Наполеона, для того чтобы укрѣпить могущество Англіи и возстановить силу Австріи, которыя и прежде и послѣ этого всегда были намъ враждебны, которыя стояли и стоятъ поперекъ всѣмъ нашимъ исконнымъ, законнѣйшимъ и справедливѣйшимъ стремленіямъ; мы разметали могучія когорты великаго Императора для того, чтобы освободить Германію и вывести изъ ничтожества Пруссію, ни прежде ни послѣ этого неоказавшихъ намъ никакой дѣйствительной помощи въ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ которыя мы попадали, благодаря все той же Англіи, все той же Австріи и самой Франціи. И ради чего же мы такъ дѣйствовали?—ради сомнительной чести считаться дѣятельнымъ и безкорыстнымъ членомъ европейской политической системы—чести, которой все-таки, однакоже, не достигли въ сознаніи европейскихъ правительствъ и европейскаго общественнаго мнѣнія.

Не замѣчателенъ ли въ самомъ дѣлѣ фактъ, что изъ всѣхъ союзовъ, которые Россія, по смерти императрицы Екатерины, заключала съ разными государствами, извлекали для себя пользу только наши союзники, достиженію же нашихъ цѣлей эти союзы никогда не содѣйствовали, а, напротивъ того, были лишь путами, связывавшими свободу нашихъ дѣйствій? Въ критическіе для насъ моменты, союзники наши всегда держали болѣе или менѣе явно сторону нашихъ враговъ. Такъ, Священный союзъ, затормазившій нашу дѣятельность въ пользу возставшихъ Грековъ, держался лишь

до тѣхъ поръ, пока намъ потребовалась его помощь; такъ и недавній союзъ трехъ императоровъ не пережилъ перваго испытанія Единственное исключеніе изъ этого правила составляетъ нашъ союзъ съ Наполеономъ послѣ Тильзитскаго мира, доставившій намъ Финляндію, Бессарабію, Бѣлостокстую область и Тарнопольскій округъ Галиціи.

Послѣ неудачи 1805 года—этого истиннаго похмѣлья на чужомъ пиру,—мы обратились-было къ преслѣдованію нашихъ собственныхъ интересовъ, и начали обычную войну съ Турціей. Но лишь только появился новый поводъ выказать наше сочувствіе европейскому дѣлу,—свое дѣло было поставлено на задній планъ. Начатая война велась кое-какъ, а всѣ силы были сосредоточены для новой борьбы съ Наполеономъ. Чуждое намъ дѣло — защиту Пруссіи—приняли мы въ такой степени къ сердцу, что въ первый разъ, въ нашей новѣйшей исторіи, прибѣгли къ призыву народнаго ополченія. Результаты войны 1807 года были въ своемъ родѣ не менѣе изумительны, чѣмъ результаты кампаніи, веденной 70 лѣтъ послѣ нея,—но только въ обратномъ смыслѣ. Если теперь намъ приходится восклицать: горе побѣдителямъ! то послѣ Тильзитскаго мира мы имѣли поводъ къ не менѣе парадоксальному восклицанію: благо побѣжденнымъ!

Геній Наполеона указывалъ Россіи на прежнюю Петровскую и Екатерининскую политику, съ которой мы сбились послѣ смерти великой Императрицы. Руководимые его указаніями, мы и вступили на нее, но увы! не на долго. Заботы объ интересахъ Европы скоро вытѣснили изъ нашей политики заботы объ интересахъ Россіи, самое пониманіе которыхъ какъ-бы утратилось. Менѣе чѣмъ черезъ два года, мы стали уже тяготиться ея національнымъ направленіемъ и стремились снова стать на европейскую точку зрѣнія. Въ 1809 году, обязанные трактатомъ помогать Наполеону въ его новой войнѣ съ Австріей, мы отбросили даже свою обычную во внѣшнихъ сношеніяхъ легальность, и вели войну только для формы, чѣмъ и лишили себя случая возвратить исконное достояніе Россіи — Галицкую Русь. Въ слѣдующемъ году, мы точно также нарушили эту легальность допущеніемъ торговли съ англичанами черезъ Архангельскъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, мы не могли не предвидѣть, что это поведетъ къ ссорѣ съ Наполеономъ, не столько по важности самихъ отступленій отъ трактата, сколько по выражавшемуся въ

нихъ духу нашей политики. Мы какъ бы давали знать Наполеону, чтобы онъ на насъ не расчитывалъ, что мы ему не пособники, что нашихъ русскихъ интересовъ мы или не понимаемъ, или ставимъ ихъ ни во что, въ сравненіи съ болѣе дорогими нашему сердцу интересами европейскими. Чувствуя и зная, что Наполеонъ понялъ нашу политику, мы готовились къ борьбѣ съ нимъ, хотя, можетъ быть, и не ожидали, что она наступитъ такъ скоро, и потому вели войну противъ Турціи вяло, не употребляли на нее должныхъ силъ и, такимъ образомъ, изъ-за преслѣдованія европейскихъ интересовъ, лишились Молдавіи и Валахіи, упустили случай тогда еще освободить Болгарію, по крайней мѣрѣ до Балканъ, стать твердою ногою на Балканахъ и утвердить зарождавшуюся независимость Сербіи въ болѣе обширныхъ границахъ, чѣмъ это удалось впослѣдствіи Милошу. Когда непріятель вторгся въ русскіе предѣлы, по какимъ бы то ни было причинамъ, онъ, конечно, долженъ былъ быть изъ нихъ выгнанъ; но, тѣмъ не менѣе, грустно сознаніе, что Бородинская битва, оставленіе и пожаръ Москвы, разореніе значительной части государства, — были въ сущности жертвы, принесенныя нами ради интересовъ намъ чуждыхъ, и, какъ оказалось впослѣдствіи,—что̀, впрочемъ, и тогда можно было предвидѣть, а нѣкоторыми (Сперанскимъ, Румянцевымъ) и предвидѣлось,—не только чуждыхъ, но и прямо намъ враждебныхъ.

Какъ бы это ни показалось страннымъ, но мы смѣло утверждаемъ, что въ теченіе XIX столѣтія—Россія имѣла только одного истиннаго друга въ Европѣ, который и хотѣлъ, и могъ быть ей полезнымъ, — это Наполеона I. Дружбу эту, конечно, выгодную и для него,—въ политикѣ другой дружбы не бываетъ, да и не должно быть,—выказалъ онъ намъ дѣлами, положительными услугами, а не словами только, какъ прочіе наши друзья, нами облагодѣтельствованные, спасенные и даже возвеличенные. Онъ готовъ былъ дать намъ и гораздо сильнѣйшія доказательства своей дружбы, если бы мы только захотѣли принять ее искренно, безъ заднихъ мыслей, если бы мы рѣшились быть только русскими и ничѣмъ болѣе. Но мы предпочли быть европейцами и, ради Европы, собственными руками низвергли и погубили своего единственнаго друга, а потому, 18-го марта 1814 года, въ стѣнахъ Парижа, окруженные торжествомъ и блескомъ побѣды — если бы ясно понимали сущность нами совершеннаго и его послѣдствія—мы точно

также какъ 19-го февраля 1878 года подъ стѣнами Константинополя, въ виду куполовъ святой Софіи, должны были бы воскликнуть: горе побѣдителямъ!

Наша десятилѣтняя, славная въ военномъ, но не въ политическомъ смыслѣ борьба противъ Наполеона не принесла намъ никакой пользы. Правда, мы получили, въ вознагражденіе нашихъ жертвъ и усилій, Царство Польское; но, не говоря уже о томъ, что то же самое и даже еще гораздо болѣе мы могли бы получили и черезъ Наполеона, вспомнимъ тѣ цѣли и намѣренія, съ которыми мы дѣлали это пріобрѣтеніе въ 1815 году. Оно должно было послужить началомъ раздробленія Россіи и возстановленіемъ Польши въ предѣлахъ 1772-го года; великое политическое преступленіе Екатерины должно было быть искуплено отторженіемъ девяти русскихъ губерній, подобно тому, какъ въ маломъ видѣ это уже было испробовано надъ Выборгской губерніей. Результатомъ этой политики были два кровавыхъ возмущенія 1830-го и 1863-го годовъ.

Кромѣ этого сомнительной пользы пріобрѣтенія, чего же мы еще добились? Мы усилили нашихъ враговъ (Англію и Австрію) и не пріобрѣли ни одного истиннаго друга и союзника. Мы связали себя на долгое время вредною для насъ политикою такъ называемой солидарности съ Европой. Мы сочли себя обязанными нести огромную военную тягость ради устрашенія революціоннаго духа въ Италіи и между германскими студентами. Мы даже смѣшали и національное движеніе Греціи съ революціоннымъ. Мы самихъ себя причислили, вопреки исторіи, этнографіи и статистикѣ, къ числу державъ, по существу своему враждебныхъ національной свободѣ, и тѣмъ связали себѣ руки относительно Грековъ и Славянъ. Этой связывавшей насъ веревки не могли разорвать войны 1828 и 1829 годовъ, она продолжала связывать и спутывать наши дѣйствія, какъ въ 1853, такъ и въ 1876, 1877 и 1878 годахъ.

Не захотѣвъ содѣйствовать планамъ Наполеона, потому что они были направлены противъ интересовъ Европы, хотя содѣйствіе это не налагало на насъ никакихъ иныхъ обязательствъ, кромѣ преслѣдованія своихъ собственныхъ, вполнѣ законныхъ и справедливыхъ Петровскихъ и Екатерининскихъ плановъ,—мы предпочли поступить на службу къ Меттерниху съ явною уже обязанностью дѣйствовать вопреки очевиднѣйшимъ интересамъ Рос-

сіи, вопреки дѣйствительно священнымъ религіознымъ и національнымъ сочувствіямъ и стремленіямъ русскаго народа.

Стремленія и сочувствія эти не могли, однакоже, быть совершенно подавлены. Они вспыхивали отъ времени до времени въ 1828, 1853, 1876 и 1877 годахъ. Но, съ другой стороны, и противоположное имъ европейничанье въ политикѣ сохраняло свою силу. Традиція его хранилась преимущественно въ дипломатическихъ сферахъ. Поэтому и послѣ 1815-го года внѣшняя политика Россіи сохранила тотъ же характеръ двойственности, нерѣшительности, колебанія между двумя притягательными полюсами интересовъ русско-славянскихъ и интересовъ европейскихъ, который она имѣла въ началѣ столѣтія, или, правильнѣе сказать съ самой смерти великой Императрицы, при которой русская политика знала только одинъ русскій интересъ и ни о какой солидарности не заботилась. Въ этомъ заключается причина того обаянія, того ореола, которымъ окруженъ ея блистательный вѣкъ въ памяти потомства. Не собственно военные подвиги, не Кагулъ, Чесма, Рымникъ, Измаилъ и Прага придаютъ ея царствованію лучезарный блескъ. Русскія войска совершали послѣ нея подвиги не менѣе славные, даже еще болѣе трудные, и притомъ противъ противниковъ несравненно могущественнѣйшихъ и искуснѣйшихъ. Но эти новые подвиги, новыя побѣды: Требія, Нови, С.-Готардъ, Бородино, Лейпцигъ, двукратный переходъ черезъ Балканы и многіе другіе — отчасти неимѣли ни чего общаго съ интересами Россіи, отчасти же результаты ихъ были приносимы въ жертву чуждымъ и враждебнымъ намъ европейскимъ интересамъ, именно вслѣдствіе шаткости, неопредѣленности нашей политической точки зрѣнія, замѣнившей твердый, исключительно русскій политическій взглядъ Петра и Екатерины.

Такъ, когда, послѣ долгаго колебанія, русское направленіе политики одержало верхъ, и императоръ Николай I объявилъ войну Турціи въ 1828 году, результаты ея были умалены почти до ничтожества, въ угоду Австріи и ради соглашенія съ Англіей. Когда, по добровольному уговору съ Турціей, мы могли пріобрѣсти Молдавію и Валахію взамѣнъ контрибуціи, мы предпочли лучше простить ей часть этого долга, чѣмъ причинить неудовольствіе нашей вѣрной союзницѣ по Священному союзу.

Въ 1849 году, когда Европа, ослабленная внутренними смутами, не имѣла возможности сколько-нибудь успѣшно противиться

расширенію нашего вліянія на Востокѣ, мы опять стали на европейскую точку зрѣнія и своими руками возстановили готовую рухнуть монархію Габсбурговъ, исконную противницу нашей восточной политики. Нѣкоторые результаты венгерской войны: именно ознакомленіе венгерскихъ славянъ съ русскими и временное освобожденіе ихъ отъ мадьярскаго гнета—выставляютъ часто полезными для Россіи и Славянства. Но очевидно, что не эти, побочные, косвенные результаты имѣла въ виду русская политика, при оказаніи помощи погибавшей Австріи. Притомъ, если этотъ походъ русскихъ за Карпаты и послужилъ къ сближенію съ нами нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ и къ уничтоженію мадьярскаго гнета, тотчасъ же, впрочемъ замѣненнаго гнетомъ нѣмецкимъ, то это было лишь на короткое время, и въ концѣ концовъ послужило лишь къ его возстановленію и усиленію. Если бы же, напротивъ того, Венгрія выдѣлилась изъ состава Габсбургской монархіи,—то, слабая и ничтожная, она не могла составить сколько-нибудь дѣйствительной преграды Россіи на Востокѣ; напротивъ того, она должна была бы искать покровительства Россіи, противъ которой мадьяры не имѣли тогда никакой враждебности. При слабости своей, Венгрія точно также не могла бы держаться системы угнетенія относительно славянъ, а если бы и вздумала ея придержаться, то это повело бы лишь къ выдѣленію славянскихъ и румынскихъ элементовъ изъ состава венгерскаго государства. Но, какъ бы это тамъ ни было,—очевидно, что помощь, оказанная Австріи въ 1849 году, была одною изъ главныхъ причинъ неудачи Восточной войны. И въ этотъ разъ, какъ много разъ прежде, наша политика съ ея европейской точкой зрѣнія болѣе всего повредила нашей политикѣ, ставшей-было въ 1853 году снова на русскую точку зрѣнія. Но и тутъ мы стали на нее опять-таки нерѣшительно, съ оглядками, какъ и въ продолженіе всего XIX столѣтія. Вмѣсто быстраго и рѣшительнаго образа дѣйствій, мы приняли систему постепенныхъ уступокъ, столь противорѣчившихъ внезапности и, можно сказать, рѣзкости перваго нашего дипломатическаго шага въ Константинополѣ. И, какъ всегда, послѣдствіемъ этой медленности и нерѣшительности было то, что враги наши успѣли собраться съ силами, приготовиться, соединиться и тѣмъ окончательно нанести намъ пораженіе. И тогда мы вѣрили въ благодарность Австріи, въ Священный союзъ, въ доброжелательство, честность и безкорыстіе Англіи, хотѣли сговориться, сла-

диться съ нашими противниками, которыхъ даже и не признавали за таковыхъ: и такъ же точно были обмануты въ своихъ расчетахъ, какъ и теперь, благодаря все той же двойственности нашей политики, желающей, чтобы и овцы были цѣлы, и волки сыты. Въ результатѣ же только волки и оказываются сытыми.

Изъ этого краткаго обзора исторіи внѣшнихъ отношеній Россіи въ теченіе послѣднихъ 80-ти лѣтъ, ясно оказывается, что всякое дѣйствіе Россіи, имѣвшее въ виду соблюденіе, охраненіе или возстановленіе интересовъ Европы, заставляло упускать изъ виду русскіе интересы, пренебрегать и жертвовать ими различными способами.

Напротивъ того, когда мы отбрасывали въ сторону заботу о Европѣ — мы завоевали Финляндію и, слѣдуя той же политикѣ, очевидно, могли бы сдѣлать несравненно важнѣйшія пріобрѣтенія, достигнуть гораздо существеннѣйшихъ цѣлей.

Съ другой стороны, Европа, какъ только внутреннія ея дѣла давали ей къ тому возможность, постоянно противодѣйствовала намъ всякій разъ, когда мы предпринимали что либо въ пользу свою или Славянъ, противодѣйствовала всѣми силами, какія въ данный моментъ находились въ ея распоряженіи.

Послѣ этихъ неопровержимыхъ, постоянно повторявшихся фактовъ, позволительно будетъ сдѣлать вопросъ: существуетъ ли между Россіей и Европой какая либо солидарность, какая либо общность политическихъ интересовъ? Если же, какъ показываетъ 80-тилѣтній опытъ, этой солидарности, этой общности не существуетъ, то какимъ образомъ могутъ Россія и Европа составлять одну политическую систему государствъ? Не до очевидности ли ясно, что, по крайней мѣрѣ въ политическомъ отношеніи, Россія къ Европѣ не принадлежитъ?

У насъ твердо укоренилось убѣжденіе въ принадлежности Россіи къ Европѣ въ смыслѣ культурномъ, и изъ смѣшенія этихъ двухъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія, политической и культурной, мы бьемся изо всѣхъ силъ примкнуть къ Европѣ и въ политическомъ смыслѣ, принося все бóльшія и бóльшія жертвы этому пагубному заблужденію. О культурно-историческомъ европеизмѣ Россіи я точно и опредѣленно высказалъ свое мнѣніе въ другомъ мѣстѣ, и теперь этого вопроса не касаюсь. Я готовъ даже согласиться (конечно, не иначе, какъ въ видѣ реторической фигуры уступленія) на эту нашу культурную принадлежность къ Европѣ.

Но что же изъ этого слѣдуетъ? Японія предприняла въ послѣднія десятилѣтія рядъ реформъ, выказывающихъ ея намѣреніе усвоить себѣ плоды европейской цивилизаціи не въ научномъ только, но и въ политическомъ и, пожалуй, даже въ бытовомъ смыслѣ. Допустимъ, что реформа эта будетъ вполнѣ удачна и будетъ продолжать развиваться все въ томъ же европейскомъ духѣ, и что, черезъ нѣсколько десятилѣтій, это восточно-азіатское государство сдѣлается до неузнаваемости похожимъ на свои европейскіе образцы. Примкнетъ ли черезъ то Японія къ политической системѣ европейскихъ государствъ? Но оставимъ будущее и проблематическое. У насъ на глазахъ Америка, которая, въ культурномъ отношеніи, есть уже безспорно кость отъ костей и плоть отъ плоти европейской. Самые прогрессивные элементы Европы XVII столѣтія переселились за океанъ, затѣмъ освободились отъ своей метрополіи, и населеніе штатовъ постоянно пополнялось переселенцами изъ всѣхъ образованнѣйшихъ, культурнѣйшихъ странъ Европы. И что же? Принадлежатъ ли Сѣверо-Американскіе штаты къ европейской политической системѣ? Отвѣтомъ на это служитъ одинъ изъ политическихъ догматовъ американцевъ—ученіе Монроэ!

Но Японія отдѣлена отъ Европы всѣмъ материковымъ протяженіемъ Стараго свѣта, а Америка — Атлантическимъ океаномъ, между тѣмъ какъ Россія съ нею сопредѣльна. Возраженіе совершенно ничтожное. Географія имѣетъ, правда, свое значеніе въ этомъ вопросѣ, но въ совершенно противоположномъ смыслѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ; главное дѣло состоитъ все-таки въ томъ, что между Европою, съ одной стороны, и Америкою или Японіею—съ другой, не существуетъ общности, солидарности интересовъ. Если бы онѣ существовали, то при быстротѣ и удобствѣ теперешнихъ сообщеній, отдаленность не помѣшала бы ихъ принадлежности къ одной и той же политической системѣ. Географическое удаленіе, въ соединеніи съ разными другими условіями, оказываетъ то вліяніе, что интересы Европы и Америки—въ настоящемъ, интересы Европы и Японіи —въ предполагаемомъ будущемъ — совершенно другіе, бо̀льшею частію не перекрещивающіеся, не сталкивающіеся между собою, и потому можно сказать только то, что Америка и Японія—не Европа въ политическомъ смыслѣ. Но именно сопредѣльность Россіи съ Европой причиной тому, что интересы Россіи не только иные, чѣмъ интересы Европы, но что они взаимно про-

тивоположны, что, слѣдовательно, въ политическомъ смыслѣ Россія не только не Европа, но Анти-Европа.

На чемъ же основанъ этотъ антагонизмъ? На двухъ главныхъ причинахъ, совершенно неустранимыхъ до окончательнаго торжества одной изъ сторонъ. На славянствѣ Россіи—и на стремленіи Англіи къ безспорному преобладанію на азіатскомъ материкѣ, съ которымъ связано и все ея морское владычество. Къ этому присоединяется еще и третья причина, меньшаго значенія и не столь неустранимаго свойства: противоположность между православіемъ и католицизмомъ, борцомъ за который является, впрочемъ болѣе по предразсудку и традиціи, Франція. Всѣ эти три противоположности замѣчательнымъ образомъ спутываются въ одинъ узелъ на Босфорѣ, въ Дарданеллахъ и въ Константинополѣ.

Сила и могущество Европы — въ цѣломъ — въ значительной степени покоится частью на костяхъ Славянства, частью на его потѣ, крови и слезахъ. На костяхъ Славянства основано самое существованіе, а не только могущество Пруссіи, а съ нею и могущество Германіи. Но этотъ вопросъ уже покончень исторіей еще въ то время, когда оплотъ Славянства, — Россія, только что зарождалась. Тѣ, на долю которыхъ выпалъ жребій охранять его въ то время—преимущественно Польша, не только не исполнили своего назначенія, но даже содѣйствовали его гибели (напримѣръ, призывомъ рыцарскаго ордена), и потому, между прочимъ, Польша и сама погибла. Непосредственный антагонизмъ между Россіей и Европой или, точнѣе, между Россіей и Германіей даже и не возникалъ по этому поводу. Но всякое дѣло человѣческое ведетъ за собою длинный, нескончаемый рядъ послѣдствій, и Германія до сихъ поръ не можетъ отрѣшиться и никогда не отрѣшится отъ своего антиславянскаго направленія. Ея политическія сочувствія всегда будутъ на сторонѣ поработителей и угнетателей Славянства, не взирая на временныя и случайныя политическія комбинаціи, не взирая на временное возбужденіе негодованія на слишкомъ уже безцеремонныхъ враговъ его—негодованія, котораго не чужды иногда бываютъ даже и англичане. Опытъ достаточно показалъ, что обольщаться этимъ негодованіемъ и возлагать на него надежды не слѣдуетъ. Корни исторической вражды расъ проникли слишкомъ глубоко, чтобы это могло измѣниться.

Не столь радикаленъ, какъ образъ дѣйствій сѣверныхъ нѣмцевъ, былъ образъ дѣйствій нѣмцевъ южныхъ, италіанцевъ, мадь-

яръ и турокъ, и потому на юго-востокѣ Европы политически могущественная Россія еще застала славянство въ живыхъ, и, не смотря на свое увлеченіе европеизмомъ, отъ времени до времени, вольно и невольно, частью вѣдѣніемъ, частью невѣдѣніемъ, оказывала ему помощь, то здѣсь то тамъ, то такъ то иначе. Всякая подобная попытка была достаточна, чтобы возбуждать противодѣйствіе Европы. Пусть биржевая политика и вообще политическій матеріализмъ говорятъ, что мы сами въ этомъ виноваты: зачѣмъ-де прерывать ходъ биржевыхъ спекуляцій изъ-за дѣла собственно до насъ не касающагося? Лучше умалиться, принизиться, чѣмъ прерывать торжественное теченіе биржевыхъ дѣлъ. Но и этотъ благой совѣтъ ничему не пособитъ. Всякія политическія тенденціи и направленія скоропреходящи, непостоянны, а народныя сочувствія, историческіе инстинкты неискоренимы, и нѣтъ-нѣтъ, да и прорвутся совершенно нежданно и негадано, какъ въ 1876 году, заставятъ и политику и дипломатію выйти противъ воли изъ своей колеи, не смотря на твердо и незыблемо установившееся, по видимому, дипломатическое міросозерцаніе. Да и за самихъ политическихъ дѣятелей не только въ будущемъ, но даже и въ настоящемъ, развѣ можно поручиться? Вдругъ провернется какой нибудь Черняевъ, или Игнатьевъ, не говоря уже о Потемкиныхъ, и о другихъ русскихъ орлахъ такого-же, и даже еще болѣе высокаго полета. Это вѣдь также все въ руцѣ Божіей, какъ это и Европѣ очень хорошо извѣстно. Слѣдовательно, ни на какое миролюбіе полагаться нельзя и мѣры надо принять радикальныя. Народныя влеченія основаны на болѣе прочномъ фундаментѣ, чѣмъ вчерашнія, сегодняшнія или завтрашнія биржевыя или дипломатическія воззрѣнія. Поэтому, никакое умаленіе или приниженіе не поможетъ и въ будущемъ, какъ не помогало до сихъ поръ. Никакое любезничанье, никакія услуги, никакія уступки, жертвы, отреченія отъ самихъ себя—не помогутъ, какъ не помогали до сихъ поръ. Антагонизмъ Европы и Россіи, основанный на славянствѣ Россіи, не только сохранится по прежнему, но будетъ все возрастать и возрастать, по мѣрѣ возрастанія внутреннихъ силъ Россіи, по мѣрѣ пробужденія и уясненія народнаго сознанія, какъ Русскаго, такъ и другихъ Славянскихъ народовъ. Надо, впрочемъ, сказать, что этотъ биржевой взглядъ на дѣло, этотъ политическій матеріализмъ, никогда не руководилъ направленіемъ русской политики. Ошибки ея проистекали изъ совершен-

но инаго источника, болѣе идиллическаго свойства: отъ искренняго высокопочитанія Европы и благоговѣнія передъ нею, а иногда даже отъ тщеславнаго желанія заслужить похвалы и рукоплесканія ея ораторовъ и журналистовъ.

Въ антагонизмѣ Россіи и Европы, на сколько онъ обусловливается славянствомъ Россіи — представителемъ материка Европы является Австрія, какъ наиболѣе заинтересованная въ этомъ дѣлѣ, имѣя въ резервѣ за собой Германію.

Если бы Славяне жили и страдали гдѣ-нибудь въ глуби материка, а не по сосѣдству съ столь жизненными пунктами, какъ Босфоръ и Дарданеллы, англичане довольно равнодушно смотрѣли бы на наше заступничество за угнетенныхъ братьевъ, пожалуй, даже сочувствовали бы ему, такъ какъ склонны къ филантропіи, если она не противорѣчитъ болѣе существеннымъ британскимъ интересамъ. Но теперь, страна, гордящаяся сочувствіемъ всѣмъ угнетеннымъ народамъ, подаетъ руку на самое жестокое угнетеніе, на самое ужасное тиранство, какое только видѣлъ міръ въ новѣйшее время, потому, что, по ея мнѣнію, освобожденные Славяне сдѣлаются сторонниками, друзьями, союзниками Россіи, и жизненный узелъ стараго свѣта—Босфоръ и Дарданеллы попадутъ въ зависимостьРоссіи,могущей получить черезъ это возможность угрожать всемірному морскому владычеству Англіи, котораго послѣдняя добивалась въ теченіи всей новѣйшей исторіи, съ самаго царствованія Елизаветы. Войны противъ всѣхъ государствъ, обладавшихъ заморскими колоніями, составляютъ сущность англійской политики за все это время, и Англія предпринимала ихъ подъ видомъ охраненія европейскаго равновѣсія. Сначала чередъ былъ за Испаніей, потомъ за Франціей, во время Людовиковъ XIV, XV, XVI, революціи и Наполеона. Присоединеніе Голландіи къ Франціи дало желанный предлогъ овладѣть наиболѣе важными колоніями и этой послѣдней. Такимъ образомъ, почти всѣ колоніи европейскихъ государствъ подпали подъ власть Англіи или подъ ея преобладающее вліяніе. Посредствомъ этихъ же войнъ, веденныхъ якобы изъ-за охраненія европейскаго равновѣсія, а также посредствомъ отдѣльныхъ захватовъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, очутились во власти Англіи: главные проливы — Гибралтаръ, Перимъ, Сингапуръ; острова при входахъ во внутреннія моря, какъ напримѣръ Малые Антильскіе; центральные пункты во внутреннихъ моряхъ, какъ Мальта, Ямайка; прибрежные острова, составляющіе сторо-

жевые, наблюдательные пункты, какъ Гольголандъ, Гонгъ-Конгъ, Кипръ; пункты перекрещенія океанскихъ путей, какъ островъ св. Елены, мысъ Доброй Надежды; наконецъ, цѣлые материки или обширныя тропическія страны, какъ Австралія и Индія.

Но что собственно значитъ всемірное морское владычество? Непосредственно море никакому владычеству не поддается. Одно торговое преобладаніе, доставляемое обиліемъ капиталовъ, развитіемъ промышленности, обширностью коммерческихъ сношеній—непрочно, какъ доказалъ примѣръ Ганзы, италіанскихъ республикъ, Голландіи. Переведенное на общепонятный языкъ, морское владычество означаетъ политическую власть, или, по меньшей мѣрѣ, почти исключительное преобладающее политическое вліяніе во всѣхъ частяхъ свѣта, туземныя государства которыхъ не обладаютъ достаточнымъ военнымъ могуществомъ, для сопротивленія собственными силами флотамъ и десантамъ владычицы морей. Въ такомъ именно положеніи и находятся всѣ части свѣта, кромѣ Европы и Сѣверной Америки. Австралія принадлежитъ ужь безспорно Англіи. Африка пока не имѣетъ большаго значенія по недоступности ея внутренности, но и на этомъ континентѣ преобладаніе Англіи безспорно. Южная Америка находится подъ политическимъ и торговымъ вліяніемъ Англіи. На Сѣверную Америку, со времени усиленія Соединенныхъ Штатовъ, всякая надежда потеряна. Остается, слѣдовательно, для довершенія всемірнаго морскаго владычества, утвердить власть Англіи надъ обширнѣйшимъ и богатѣйшимъ азіатскимъ материкомъ. Лучшія страны его уже подчинены Англіи. Въ сохраненіи и распространеніи этой власти надъ Азіей и заключается въ настоящее время для Англіи весь вопросъ о всемірномъ владычествѣ. И тутъ-то именно, съ того времени, какъ Россія собственными руками низвергла послѣдняго и самаго страшнаго изъ прежнихъ противниковъ Англіи—Наполеона, является она новымъ противникомъ Англіи, уже не въ видѣ морской, а чисто континентальной державы. Россія, и только одна Россія имѣетъ возможность угрожать Индіи, въ случаѣ нужды подать помощь Китаю, защитить Персію и, вслѣдствіе ослабленія Турціи, съ одной стороны, овладѣть проливами, и черезъ нихъ угрожать кратчайшему пути сообщенія съ Индіей, съ другой же, по сосѣдству, сдѣлаться наслѣдницею богатѣйшихъ странъ Азіатской Турціи. Опасеніе это и выразилось въ оборонительномъ союзѣ Англіи съ Турціей, посредствомъ котораго она

овладѣла Кипромъ. Воспользуется ли Россія своимъ положеніемъ, захочетъ ли противодѣйствовать Англіи въ ея обладаніи лучшими частями Азіи, явится ли она, такимъ образомъ, противникомъ ея всемірнаго морскаго владычества — этого Англія не разбираетъ. Она ничѣмъ не хочетъ быть обязанной, ни умѣренности, ни расчету, ни великодушію своею противника, но стремится утвердить свое владычество единственно на собственной своей силѣ. При этомъ, какъ оказывается изъ ея послѣднихъ дѣйствій, Англія не хочетъ довольствоваться сохраненіемъ своей Индѣйской имперіи, чѣмъ прежде оправдывала свой образъ дѣйствій относительно Россіи, но имѣетъ очевидное намѣреніе прибрать къ своимъ рукамъ, какъ Афганистанъ, такъ и открывающееся, по ея собственнымъ словамъ, наслѣдство въ Сиріи, Месопотаміи и Малой Азіи.

Собственно говоря, такое преобладаніе Англіи надъ азіатскимъ материкомъ не можетъ быть пріятно другимъ европейскимъ государствамъ; но здѣсь-то и является на помощь Англіи славянскій вопросъ. Англія, подобно тому, какъ она отняла всѣ лучшія колоніи другихъ европейскихъ государствъ, прикрывшись маскою заботы о сохраненіи европейскаго равновѣсія, подъ видомъ противодѣйствія господству Филиппа II, Людовика XIV и Наполеона, чѣмъ и заслужила любовь и уваженіе Европы,—такъ и теперь пользуется тѣмъ же предлогомъ, принимая на себя охраненіе Европы отъ грознаго панславизма.

Къ этимъ двумъ главнымъ и неустранимымъ причинамъ антагонизма между Россіей и Европой, неустранимымъ потому, что если бы Россія, по совѣту нашихъ биржевыхъ политическихъ матеріалистовъ, даже отказалась отъ исполненія обязанностей, налагаемымъ на нее ея славянствомъ, и отъ всѣхъ выгодъ своего положенія въ Азіи (что̀ она почти постоянно и дѣлаетъ), то это нисколько не обезоружило бы ея враговъ, которые всѣ, подобно Англіи, основываютъ свою политику не на миролюбіи въ разсчетахъ, не на ложномъ и неумѣстномъ великодушіи Россіи, а на самой сущности вещей, независящей ни отъ какихъ политическихъ самоограниченій,—къ этимъ двумъ главнымъ и неустранимымъ причинамъ присоединяется еще третья, по моему мнѣнію, не столь существенная—это защита католическихъ интересовъ на Востокѣ. Защита интересовъ католичества совсѣмъ не то, что̀ защита интересовъ православія. Послѣднее ничего болѣе не требуетъ, какъ устраненія угнетеній, которыя претерпѣваютъ православные; католичество же,

какъ всегда и вездѣ, гдѣ только можетъ, домогается не свободы, а господства и преобладанія надъ прочими христіанскими исповѣданіями, въ особенности же надъ православіемъ, для чего готово даже заключить союзъ съ исламомъ. Защитницею этихъ интересовъ, не по дѣйствительному къ нимъ сочувствію, а по предразсудку и традиціи, является Франція.

По небывалому, исключительному совпаденію обстоятельствъ, которое никогда болѣе не повторится, эти три причины антагонизма устранялись преобладаніемъ Наполеона въ Европѣ. Сокрушить могущество Англіи было его главною цѣлью, ради которой онъ готовъ былъ пожертвовать многимъ; — но и жертвовать ему ничѣмъ не приходилось, потому что освобожденіе и возвеличеніе Славянства могло состояться лишь ко вреду и къ ущербу другаго враждебнаго ему элемента въ Европѣ, элемента германскаго. Наконецъ, нежеланіе папы войти въ его планы, несмотря на всѣ соблазны и прельщенія, не допускало Наполеона принять на себя защиту интересовъ католичества, вліяніе котораго, при томъ же, вскорѣ послѣ революціи было слабо и ничтожно во Франціи. Поэтому-то Наполеонъ и былъ прирожденный врагъ Европы и, слѣдовательно, другъ Россіи. Интересы его были антиевропейскіе, точно также, какъ и интересы Россіи. Онъ понималъ это тогдашнее тождество интересовъ Франціи и Россіи, но Россія, прельщенная своимъ недавнимъ европеизмомъ, не понимала и не хотѣла этого понять. Она не понимаетъ и не хочетъ понять и теперь своего кореннаго, ничѣмъ не устранимаго антагонизма съ Европой, обольщаясь мнимою и невозможною съ нею солидарностью Европа же, освободясь отъ своего грознаго властителя, сейчасъ же это поняла и продолжаетъ понимать до сихъ поръ.

Мы слышимъ, однако, нерѣдко вопросъ: что̀ такое Европа? Есть, говорятъ, европейскія государства, но никакой Европы въ политическомъ смыслѣ не существуетъ. Когда Пруссія и Австрія отнимали у Даніи Шлезвигъ и Гольштинію, когда затѣмъ Пруссія присвоила одной себѣ эту сообща пріобрѣтенную добычу, когда она разрушила утвержденный и санкціонированный всѣми государствами Европы Германскій союзъ, когда присоединяла къ себѣ родственный Англіи Ганноверъ, Гессенъ-Кассель, Нассау и вольный городъ Франкфуртъ, а затѣмъ отобрала у Франціи двѣ богатѣйшія провинціи; когда Сардинія, при помощи революціи, изгоняла неаполитанскаго короля и присвоивала себѣ его владѣнія и овла-

дѣла Римомъ; когда, наконецъ, подъ шумокъ Берлинскаго конгресса — собранія, обезпечивавшаго такъ называемую Европу отъ властолюбія и притязательности Россіи,—Англія овладѣла Кипромъ и наложила свой протекторатъ на азіатскія владѣнія султана, — гдѣ была при всемъ этомъ Европа? Не думаемъ, чтобы такое сомнѣніе было основательно. Европа не географическая (этой, пожалуй, что и нѣтъ), не культурная только, а именно Европа, какъ политическое цѣлое, какъ политическій организмъ, существуетъ несомнѣнно. Мнимое противорѣчіе бездѣйствія въ однихъ случаяхъ и напряженнѣйшей дѣятельности въ другихъ — очень легко примиряется, и новѣйшія событія, въ особенности овладѣніе Кипромъ, именно и подтверждаютъ существованіе Европы, какъ политическаго цѣлаго.

Всякій организмъ—будетъ ли то индивидуальный, какъ человѣкъ, или сложный, какъ государство, или коллективный, какъ система государствъ,—получаетъ сознаніе о своемъ отдѣльномъ бытіи только при пробужденіи сознанія своей противоположности чему либо. Человѣкъ сознаетъ себя какъ самостоятельное, отдѣльное *я*, потому только, что органы чувствъ доставляютъ ему свидѣтельство о существованіи внѣшняго міра—*не-я*, которое оказываетъ на него воздѣйствіе. Если бы на землѣ существовалъ только одинъ народъ, то понятіе о національности не могло бы родиться. Греки, не взирая на то, что въ культурномъ смыслѣ противополагали себя другимъ народамъ—варварамъ, и даже не взирая на то, что имѣли нѣкоторыя учрежденія общія всѣмъ греческимъ государствамъ, знали только Спартанское, Аѳинское и проч. государства, но не имѣли понятія о Греціи, какъ о политическомъ цѣломъ, пока оно не пробудилось въ нихъ борьбою съ Персами. Также точно и государства Европы получили понятіе о себѣ, какъ о политическомъ цѣломъ, отъ противоположенія мусульманскому Востоку. Вслѣдствіе борбы съ нимъ явилось сознаніе о себѣ, какъ о религіозномъ и политическомъ цѣломъ, которое называлось тогда не Европою, а всѣмъ христіанствомъ—toute la Chrétienté. Понятно, что и въ настоящее время сознаніе о политическомъ цѣломъ, именуемомъ Европою, точно также является результатомъ сознанія существованія чего-то ей политически противоположнаго, а это противоположное, эта Анти-Европа, и есть Россія и представляемый ею Славянскій міръ. Европа терпѣла всѣ иллегальности, сопровождавшія созданіе италіанскаго и германскаго единства,

потому что то были внутреннія явленія, только нѣсколько усиливавшія одни и нѣсколько ослаблявшія другіе ея элементы,—явленія, которыя поэтому могли возбудить лишь частное противодѣйствіе отдѣльныхъ государствъ. Англія овладѣваетъ Кипромъ. Это никому не можетъ быть пріятнымъ, для нѣкоторыхъ довольно безразлично, для другихъ, какъ для Франціи и Италіи, крайне невыгодно, даже оскорбительно; но это не возбуждаетъ противорѣчія и борьбы, потому что сообразно съ интересами цѣлаго, т. е. Европы въ виду ея антагонизма съ Россіей. Дѣйствіе это, иллегальное по формѣ, дерзкое по выбранному для него времени, однакоже допускается безъ протеста, потому что оно направлено противъ общаго врага—Россіи. Хищническое овладѣніе островомъ, съ явною цѣлью воспользоваться имъ для захвата всего азіатскаго наслѣдія Турціи, имѣетъ одно свойство, которое искупаетъ всю неправду его даже въ глазахъ ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ государствъ—это есть актъ враждебный Россіи. Этого довольно, чтобы освятить это насиліе въ глазахъ Европы. Это ли еще не доказательство существованія Европы, какъ политическаго цѣлаго, когда не что иное какъ именно интересы этого цѣлаго заставляютъ замолкнуть интересы отдѣльныхъ государствъ, чувствительнымъ образомъ нарушенные? Явное нарушеніе равновѣсія на Средиземномъ морѣ получаетъ названіе охраны этого равновѣсія. Европа, какъ цѣлое, торжествуетъ здѣсь надъ отдѣльными интересами Франціи и Италіи. Такіе положительные и незастѣнчивые дѣятели, какъ англійскіе государственные люди, конечно, пользуются общеевропейскимъ направленіемъ для достиженія своихъ частныхъ цѣлей и, конечно, всѣ это видятъ, но тѣмъ не менѣе прощаютъ это отважному бойцу за его общеевропейское дѣло. Свобода проливовъ считается общеевропейскимъ интересомъ, только подъ вліяніемъ опасенія, что иначе они перейдутъ подъ власть Россіи; но пусть свобода эта будетъ нарушена Англіей, пусть займетъ она Тенедосъ или даже сами Дарданелльскіе за̀мки, какъ, по слухамъ, она обнаруживаетъ къ тому поползновенія—никто противъ этого и не пикнетъ.

Что̀ же такое Европа въ политическомъ смыслѣ? Это есть совокупность европейскихъ государствъ, сознающихъ себя какъ одно цѣлое, интересы котораго противоположны интересамъ Россіи и Славянства. Инаго значенія и смысла, кромѣ этой постоянной враждебности къ намъ, политическая Европа, конечно, не имѣетъ.

Со стороны Европы этотъ антагонизмъ есть не только фактъ существующій, но и фактъ ясно и отчетливо сознаваемый; со стороны же Россіи и Славянства онъ не болѣе какъ фактъ существующій, но, къ сожалѣнію, еще недошедшій до ихъ сознанія.

Если настоящая война, всѣ ея жертвы, все горе нами перенесенное, всѣ ошибки нами сдѣланныя, все криводушіе нашихъ противниковъ и союзниковъ, всѣ оскорбленія нами претерпѣнныя — будутъ имѣть своимъ результатомъ, что фактъ этотъ достигнетъ наконецъ до нашего сознанія, станетъ нашимъ политическимъ догматомъ, то, не смотря на всю горечь испитой нами чаши, мы не напрасно воевали, не напрасно тратили достояніе и кровь Россіи. Такой результатъ былъ бы драгоцѣннѣе всякихъ матеріальныхъ пріобрѣтеній, всякаго видимаго успѣха, даже такого какъ овладѣніе проливами и водруженіе креста на куполѣ святой Софіи.

Отыскивая основную причину нашей политической неудачи, послѣ блистательнѣйшихъ военныхъ успѣховъ, мы нашли ее въ направленіи нашей политики въ теченіе всего XIX столѣтія, которая, не смотря на кажущійся блескъ нѣкоторыхъ эпизодовъ нашей новѣйшей исторіи, была въ сущности одною огромною неудачей и которая, послѣ не только блистательной, но и плодотворной внѣшней государственной дѣятельности XVIII столѣтія, завершилась на нашихъ глазахъ подчиненіемъ почти всѣхъ турецкихъ земель, какъ освобожденныхъ, такъ и не освобожденныхъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, преобладающему вліянію нашихъ отъявленнѣйшихъ враговъ—Англіи и Австріи. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взвѣсить, съ одной стороны, результаты политики Россіи въ XIX вѣкѣ, сравнительно съ результатами, достигнутыми политикою другихъ государствъ; съ другой же — сравнить результаты нашей внѣшней политики въ XIX и въ XVIII вѣкахъ.

Объ Англіи собственно нечего и говорить. Вся ея исторія въ теченіи XIX вѣка есть рядъ непрерывныхъ торжествъ. Она побѣдила всѣхъ враговъ своихъ не собственными силами, а искусствомъ заставлять, какъ друзей, такъ и враговъ своихъ, работать для достиженія ея цѣлей и тѣмъ утвердила свое владычество во всѣхъ частяхъ свѣта. Австрія и Пруссія грызлись за нее противъ Наполеона и довели себя до гибели, отъ которой избавились лишь благодаря Россіи, которая также почти непрерывно, въ теченіе

15-ти лѣтъ, враждовала, преимущественно изъ-за англійскихъ интересовъ, съ Наполеоновскою Франціей, единственнымъ государствомъ, предлагавшимъ ей свою искреннюю, на обоюдныхъ выгодахъ основанную и дѣлами, а не словами доказанную дружбу. Подобнымъ же образомъ умѣла Англія заставить наслѣдника великаго Наполеона способствовать ея планамъ противъ Россіи, съ которою она вступила во враждебныя отношенія тотчасъ послѣ пораженія, преимущественно руками Россіи же, великаго Императора. Собственныя силы Англіи ничтожны и все болѣе и болѣе уменьшаются, по мѣрѣ того, какъ умаляется значеніе флотовъ въ рѣшеніи великихъ международныхъ распрей. Ея могущество и сила—одинъ призракъ, и если, не взирая на это, успѣхи ея столь поразительны, то это доказываетъ, что міромъ политическимъ управляетъ не столько самая сущность вещей, сколько тѣ, большею частью невѣрныя и предразсудочныя понятія, которыя люди составляютъ себѣ о ней. Чтобы побѣдить Англію, надо только имѣть смѣлость посмотрѣть на вещи прямыми глазами, отрѣшиться отъ предразсудковъ, давно уже потерявшихъ всякій смыслъ. Но, каковы бы ни были силы Англіи, она никогда не употребляла ихъ иначе, какъ въ свою собственную пользу; никогда не вела войнъ въ чьихъ либо чужихъ интересахъ; никогда не задумывалась бросить союзника, если уже выжала изъ него всю пользу, которую онъ могъ ей доставить; никогда не упускала случая воспользоваться расположеніемъ политическихъ созвѣздій. Однимъ словомъ, политика ея была прямою противоположностью политикѣ русской—въ чемъ и заключается вся ея сила.

Пруссія, изъ маленькаго государства, спасеннаго отъ конечной гибели Россіею, освобожденнаго ея помощью изъ подчиненнаго, вассальнаго положенія,—собственнымъ искусствомъ, неутомимыми трудами, направленными къ никогда неупускаемой изъ вида цѣли, но все-таки при прямомъ содѣйствіи Россіи, возвысила себя до значенія первой европейской державы. Въ политикѣ ея встрѣчаются ложные шаги, несообразные съ ея дѣйствительными силами, какъ въ 1806 году; въ ней были моменты слабости, какъ въ 1848 г.; но все же Пруссія постоянно имѣла въ виду не посторонніе и чуждыя ей, а свои собственныя чисто-прусскія цѣли; прусскую окраску съумѣла она дать и общегерманскимъ стремленіямъ. Нечего и упоминать, что всѣ 8 войнъ, веденныхъ Пруссіей въ XIX столѣтіи, изъ коихъ было 6 удачныхъ и 2 неудачныхъ,

имѣли въ виду лишь прусскіе, а также и германскіе интересы, которые она слила съ прусскими, — и ничего кромѣ нихъ. При этомъ, сознавъ разъ историческую законность и справедливость своихъ цѣлей, она не останавливалась передъ нарушеніемъ дипломатической легальности, хотя стоявшія на пути ея преграды были не чета Парижскому трактату. Ее не устрашили ни Лондонскій договоръ, гарантировавшій цѣлость и неприкосновенность Датской монархіи; ни еще болѣе торжественный, всеевропейскій актъ Вѣнскаго конгресса, установившій Германскій союзъ; ни права независимыхъ германскихъ государей Ганновера, Гессенъ-Касселя и Нассау; ни права вольнаго города Фракфурта.

Еще блистательнѣе — успѣхъ, увѣнчавшій политику законнаго національно-историческаго эгоизма Италіи, или, точнѣе сказать, ничтожнаго, третье степеннаго Сардинскаго королевства, преобразовавшагося въ первостепенное государство.

Австрія, конечно, не могла преслѣдовать національныхъ цѣлей въ своей политикѣ, ибо самое бытіе ея есть отрицаніе идеи національности. Но за то австрійская политика постоянно преслѣдовала свои династическія цѣли, которыя, по необходимости, замѣняютъ для нея цѣли національныя. Послѣ крушенія Меттерниховой системы, Австрія приняла политику болѣе рискованную и потерпѣла сильныя неудачи; но въ настоящее время она вознаграждаетъ ихъ на счетъ Россіи и Славянства, постоянно ею оскорбляемыхъ, и поприще своихъ интригъ перемѣстила съ Апеннинскаго на Балканскій полуостровъ. Войны ея были большею частію неудачны— именно пять изъ девяти, веденныхъ ею въ теченіи XIX вѣка; а между удачными была лишь война противъ Даніи—основанная на ложномъ разсчетѣ; но тѣмъ не менѣе, всѣ ея войны и всѣ ея союзы имѣли постоянно въ виду лишь Габсбургскіе династическіе интересы. Результаты этой политики были далеко не столь блистательны, какъ результаты политики англійской, прусской и италіанской, и значеніе Австріи, сравнительно съ началомъ столѣтія, въ особенности же въ сравненіи съ временемъ, послѣдовавшимъ за 1815 годомъ, потерпѣло значительный ущербъ. Но, если мы примемъ во вниманіе ничтожность внутреннихъ силъ Австріи, столь справедливо оцѣненныхъ графомъ Дерби, антагонизмъ составляющихъ ее элементовъ, наконецъ, самое ея географическое положеніе, по которому она окружена со всѣхъ сторонъ сознательными или безсознательными врагами,—то нельзя не удивляться достигнутымъ

ею результатамъ. Подобно аббату Сіэсу, проведшему бурное время конвента, не попавъ на эшафотъ, она можетъ съ гордостью отвѣчать на вопросъ: что̀ дѣлала она въ теченіи трехъ четвертей столѣтія? — j'ai vécu. Этимъ сохраненіемъ своего существованія обязана она все той же политикѣ, постоянно преслѣдующей свои, а не чужія цѣли, которая такъ возвысила Англію, Пруссію и Италію.

Если политическое положеніе четырехъ разсмотрѣнныхъ нами государствъ усилилось, или, по крайней мѣрѣ, осталось приблизительно на той же точкѣ, какъ и въ началѣ столѣтія, то нельзя того же сказать про Францію. Въ настоящее время ея положеніе, очевидно, менѣе благопріятно, не только чѣмъ въ блистательные дни обоихъ Наполеоновъ, но и чѣмъ во времена Луи-Филиппа. Оно, въ теченіе всего столѣтія, безпрестанно колебалось, то возвышаясь, то опускаясь. Но сообразно съ этимъ и французская политика отличалась непостоянствомъ направленія. Она не преслѣдовала одной національной цѣли, а часто служила орудіемъ для чуждыхъ и постороннихъ ей цѣлей, различаясь однако тѣмъ отъ политики Россіи, что эти уклоненія не носили на себѣ систематическаго характера, а были послѣдствіемъ увлеченія то однимъ, то другимъ политическимъ предразсудкомъ. Замѣчательно, что судьба Франціи, главнѣйшимъ образомъ, зависѣла отъ ея отношеній къ Россіи. Въ началѣ—вина ихъ враждебныхъ отношеній, столько повредившихъ обѣимъ, падаетъ вполнѣ на Россію; съ половины же столѣтія— исключительно на Францію. Между тѣмъ какъ Англія, Австрія даже Германія, сверхъ общеевропейскихъ причинъ вражды къ Россіи, имѣютъ каждая свои особыя побудительныя причины къ этой враждебности,—Франція этого послѣдняго рода причинъ не имѣетъ. Поэтому Наполеонъ I, котораго судьба поставила въ антагонизмъ съ Европой и который слѣдовалъ чисто французской политикѣ, всегда искалъ союза съ Россіей. Вотъ почему также, враждебность къ Россіи, приносящая другимъ непосредственныя выгоды,—Франціи всегда вредила не менѣе, чѣмъ Россіи.

Положеніе Россіи въ началѣ столѣтія, послѣ столь блистательной и успѣшной національной политики Екатерины, было самое благопріятное. Всѣ наперерывъ искали ея дружбы, и она была истинною рѣшительницею судебъ Европы. Мы уже говорили, въ какую сторону должно было бы направить ее ясное пониманіе своихъ цѣлей и интересовъ. Чего бы не могла она достигнуть, слѣдуя этому пути? Играя вторую роль при Наполеонѣ, она не-

избѣжно заняла бы первую послѣ его смерти, когда неминуемо должна была возгорѣться война между порабощенною Европой и поработившею ее Франціей. Руки Россіи были бы развязаны. Константинополь и проливы легко сдѣлались бы ея достояніемъ. Но она избрала ложный путь, употребляя свои матеріальныя и нравственныя силы, собранныя Екатериной, въ интересахъ своихъ прирожденныхъ противниковъ, которые не могли обратиться въ друзей, не смотря на личное расположеніе людей, заправлявшихъ ихъ политикою. Но, тѣмъ не менѣе, значеніе этихъ силъ, независимо отъ ихъ правильнаго или неправильнаго употребленія, что̀ могло обнаружиться лишь впослѣдствіи, давало ей неоспоримое первенство въ Европѣ. Но первенство это было только видимое, кажущееся. Силы европейскихъ государствъ, Англіи, Пруссіи и Австріи, были употребляемы для достиженія ихъ собственныхъ цѣлей. Силы Россіи содѣйствовали имъ въ этомъ, а собственныя ея цѣли были пренебрежены, забыты. Поэтому, весьма естественно, что первенство Россіи могло сохраниться только до тѣхъ поръ, пока она довольствовалась внѣшностью, формою, продолжая напрягать свои силы и употреблять свое вліяніе все для тѣхъ же чуждыхъ ей цѣлей, какъ это было въ эпоху конгрессовъ, въ первые годы греческаго возстанія, даже въ 1828 и 1829 годахъ, когда она, ради этихъ цѣлей и интересовъ, почти не воспользовалась плодами своихъ побѣдъ; наконецъ, въ 1849 г., когда она спасла Австрію, и въ 1851, когда она своимъ словомъ разняла, готовыхъ броситься другъ на друга, своихъ союзниковъ. Но, какъ только Россія захотѣла употребить въ свою пользу этотъ союзъ, который поддерживала съ такими жертвами, не требуя, впрочемъ, ничего кромѣ честнаго и дружественнаго нейтралитета, — союзъ рушится. Рушится и преобладаніе Россіи, изъ котораго она, во все время его существованія, не извлекла для себя ни малѣйшей пользы, — и переходитъ къ Франціи, и тоже не на пользу, а отъ нея, опять-таки при содѣйствіи Россіи, къ Германіи.

Послѣдняя побѣдоносная война ставитъ Россію, вслѣдствіе все того же политическаго направленія, въ положеніе во многихъ отношеніяхъ худшее, чѣмъ Парижскій миръ. Это не фраза, внушенная разочарованіемъ отъ неосуществившихся надеждъ, — а горькая дѣйствительность, доказываемая сравненіемъ тѣхъ уступокъ, которыя сдѣлала Россія на Парижскомъ и на Берлинскомъ конгрессахъ.

Территоріальныя уступки 1856 года ограничивались клочкомъ Бессарабіи, весьма важная часть которой намъ и теперь не возвращается, а возвращаемая теряетъ всякое значеніе вслѣдствіи перехода Добруджи и части собственной Болгаріи къ враждебной намъ Румыніи. Теперь же уступлена нами вся забалканская Болгарія, урѣзана Черногорія, возвращены Баязедъ и Алашкертская долина. Всѣ эти земли вѣдь принадлежали намъ, или нашимъ друзьямъ и союзникамъ, хотябы и короткое время.

Въ 1856 году мы должны были отказаться отъ протектората надъ Сербіей, Молдавіей и Валахіей. Уступка неважная, чисто формальная, которая только избавляла Россію отъ обязанности наблюдать за славянскимъ движеніемъ въ Сербіи, и дала возможность помогать и содѣйствовать ему. Отказъ отъ протектората не помѣшалъ однако проходу русскихъ войскъ черезъ Румынію. Притомъ протекторатъ этотъ замѣнялся чисто номинальнымъ протекторатомъ Европы, который нисколько не увеличивалъ ея дѣйствительнаго вліянія въ ущербъ Россіи. Теперь же Румынія поставлена въ прямой антагонизмъ съ Россіей; Черногорія отдана подъ полицейскій надзоръ Австріи; Черногорія и Сербія поставлены въ торговую отъ Австріи зависимость, за которою, по естественному ходу вещей, не замедлитъ послѣдовать и зависимость политическая; цѣлыя двѣ славянскія привинціи пріобрѣтаются Австріею, изъ рукъ которой ихъ гораздо труднѣе будетъ вырвать, чѣмъ изъ рукъ разваливающейся Турціи. Однимъ словомъ, значеніе и вліяніе Россіи на западѣ Балканскаго полуострова безспорно уменьшилось сравнительно съ порядкомъ вещей, установленнымъ Парижскимъ трактатомъ. Значеніе же Австріи возрасло въ огромныхъ размѣрахъ, ибо сопротивленіемъ, встрѣченнымъ австрійцами при занятіи Босніи и Герцеговины, нечего увлекаться. Оно уже сломлено и послужитъ еще предлогомъ къ окончательному утвержденію австрійской власти въ этихъ мѣстахъ. То же придется сказать и о значеніи и вліяніи Россіи, сравнительно съ значеніемъ и вліяніемъ Англіи, къ югу отъ Балканъ. Сверхъ этого, вся Азіатская Турція поступаетъ подъ протекторатъ Англіи. Европѣ казалось нестерпимымъ, что, по Кучукъ-Кайнарджискому трактату, Россія имѣла право вмѣшательства въ пользу христіанскихъ подданныхъ Турціи; теперь же это вмѣшательство по всѣмъ отраслямъ управленія передается Англіи, къ ея величайшему удовольствію.

По Парижскому трактату, Черное море было объявлено ней-

тральнымъ, ни чьи военные флоты не должны были на немъ появляться; а теперь появленіе англійскаго флота будетъ зависѣть отъ произвола султана, а произволъ султана — отъ приказаній Англіи. Россія не должна была имѣть приморскихъ крѣпостей на Черномъ морѣ. На сколько этотъ пунктъ касался національнаго достоинства Россіи, на столько и теперь, хотя и въ болѣе вѣжливой формѣ, Батумъ составитъ такую же неполную собственность Россіи, какъ прежде Севастополь и другіе прибрежные пункты, «ради нѣкотораго обезпеченія свободы Чернаго моря», какъ изволилъ выразиться Салисбюри въ парламентѣ. Сверхъ всего этого намъ угрожаетъ еще занятіе Англіею Тенедоса, если даже и не самихъ Дарданелльскихъ замковъ.

Но, можетъ быть, эти невыгоды уравновѣшиваются пріобрѣтеніями, сдѣланными Россіей: основаніемъ вассальнаго Болгарскаго княжества до Балканъ, пріобрѣтеніями въ Малой Азіи, возвращеніемъ клочка Бессарабіи? Но Болгарскій народъ едва ли можетъ быть доволенъ этою полумѣрою, которою, отдѣленные отъ него братья преданы эллинизаціи, румынизаціи и, только формально ограниченному, произволу турокъ. Всякій по себѣ знаетъ, что обманутая надежда оставляетъ болѣе горечи въ сердцѣ, чѣмъ неосуществленное желаніе. Какъ Болгары, такъ и прочіе Славяне будутъ видѣть въ своей неудачѣ— безсиліе Россіи и будутъ обращаться за помощью уже не къ ея силѣ, а къ благорасположенію Европы, что̀, впрочемъ, имъ и рекомендуется; и это благорасположеніе будетъ даваться имъ по мѣрѣ ихъ отчужденія отъ Россіи. Поклонись мнѣ —и всѣ блага земныя будутъ принадлежать тебѣ— будетъ имъ обѣщано. Многіе ли устоятъ противъ такого искушенія? Единственная горькая надежда, на которую мы еще можемъ положиться, основана, какъ я уже говорилъ, на томъ, что ненависть къ Славянству переселитъ политическій расчетъ. Что̀ касается до Малой Азіи, то очевидно, что сравнительно неважныя пріобрѣтенія, тамъ сдѣланныя, не уравновѣшиваютъ перехода всего остальнаго въ болѣе или менѣе замаскированное распоряженіе Англіи. Клочекъ же Бессарабіи съ избыткомъ оплачивается враждебностью Румыніи, значеніе которой усиливается распространеніемъ ея территоріи на правый берегъ Дуная.

Но оставимъ частности и взглянемъ на общее положеніе Россіи въ восточныхъ дѣлахъ. Политика Россіи, по отношенію къ Турціи, очевидно, можетъ быть двоякою: 1) Или Турція должна

оставаться достаточно сильною, для охраненія своей самостоятельности. Въ этомъ случаѣ рѣшеніе вопроса, интересующаго Россію, предоставляется будущему, причемъ шансы этого рѣшенія въ пользу или во вредъ Россіи остаются неизвѣстными, и задача ея—наклонить ихъ сообразно своимъ выгодамъ—остается открытою. Турція можетъ, конечно, подпасть въ этомъ случаѣ болѣе или менѣе сильному вліянію враждебныхъ Россіи государствъ, какъ передъ Крымскою войною; но можетъ также подчиниться вліянію Россіи, какъ во время Хункіаръ-Скелесскаго договора, или передъ сверженіемъ Абдулъ-Азиса. Проливы, составляющіе настоящій узелъ вопроса, съ политической точки зрѣнія остаются во власти самостоятельнаго государства, ревниво охраняющаго свою самостоятельность, въ чемъ для Россіи не заключается ни оскорбленія, ни непосредственной опасности.Съ этой точки зрѣнія смотрѣла Россія на вопросъ при заключеніи Аріанопольскаго мира; она же имѣлась вт виду и въ Парижскомъ трактатѣ. 2) Или Россія должна ослабить Турцію до лишенія ея всякаго самостоятельнаго значенія. Была ли такая политика своевременна или нѣтъ, но самый смыслъ войны за освобожденіе Болгаръ не допускалъ уже инаго рѣшенія, а нашъ военный успѣхъ его оправдывалъ. Но въ такомъ случаѣ, ослабленная Турція должна была подпасть подъ полную и исключительную зависимость отъ Россіи. Очевидно, что именно эта цѣль имѣлась въ виду при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, что только она одна и согласовалась съ интересами Россіи, ибо въ противномъ случаѣ Турція неминуемо подпадала подъ зависимость отъявленныхъ враговъ и противниковъ Россіи—Англіи и Австріи. Никакой середины тутъ быть не могло. Наступилъ кризисъ, и исходъ получился самый неблагопріятный.

Турецкая часть Восточнаго вопроса, не менѣе чѣмъ вопросъ Польскій, составляетъ узелъ внѣшней политики Россіи со времень Петра. Все, что̀ во внѣшней дѣятельности Россія не имѣло въ виду ихъ правильнаго рѣшенія, было отклоненіемъ отъ настоящей ея цѣли. Слѣдовательно, неблагопріятное для Россіи разрѣшеніе восточнаго кризиса не можетъ считаться неудачею второстепенною, несущественною, а затрогиваетъ самую сущность международнаго положенія Россіи. Но, съ другой стороны, и причиною этой неудачи, какъ мы старались показать, были также не случайныя, личныя, или временныя ошибки, а общее направленіе политики, которой Россія слѣдовала почти неизмѣнно

въ теченіе послѣднихъ восьмидесяти лѣтъ. Слѣдовательно, мы не можемъ не признать, что, въ сущности, съ самаго начала столѣтія, дѣйствительное политическое значеніе Россіи не возвышалось, не смотря на огромное усиленіе ея внутреннихъ силъ и средствъ, превосходящее усиленіе всѣхъ прочихъ европейскихъ государствъ,—а постепенно упадало, уклонившись отъ Екатерининскихъ путей, не взирая на то, что упадокъ этотъ прикрывался, въ теченіи почти 40 лѣтъ, отъ 1815 по 1853 годъ, блистательною маскою политическаго преобладанія.

Къ такому же результату приводитъ насъ сравненіе результатовъ русской политики въ теченіи XVIII и XIX столѣтій.

Въ теченіи XIX столѣтія Россія вела 12 внѣшнихъ войнъ съ европейскими государствами, изъ коихъ семь были предприняты, какъ мы это показали выше, въ интересахъ ей совершенно чуждыхъ и даже враждебныхъ. Само собою разумѣется, что такое безплодное напряженіе силъ не могло привести къ благопріятнымъ послѣдствіямъ. Наружнымъ, видимымъ выраженіемъ этой политики было то, что пріобрѣтенія Россіи въ это время ограничились лишь однимъ Царствомъ Польскимъ, настоящимъ Пандоринымъ ящикомъ, приведшимъ Россію уже къ двукратной внутренней войнѣ и къ усиленію польскаго элемента въ западныхъ губерніяхъ. Безъ этого пагубнаго пріобрѣтенія, центръ Польскихъ волненій находился бы въ Пруссіи, или Австріи, а западныя губерніи продолжали бы русѣть, какъ во времена Екатерины.

Правда, что въ XIX же столѣтіи были присоединены къ Россіи Финляндія и Бессарабія, но первое присоединеніе было сдѣлано въ тотъ короткій періодъ, во время котораго Россія дѣйствовала въ Екатерининскомъ духѣ, отбросивъ было заботы о Европѣ, и соединилась съ тѣмъ, кто считался общеевропейскимъ врагомъ. Что̀ же касается до Бессарабіи, то, по ходу войны 1806 — 1812 года, отъ которой насъ безпрестанно отвлекали европейскія соображенія, можно утверждать, что, собственно говоря, мы не Бессарабію пріобрѣли, а упустили пріобрѣтеніе Молдавіи и Валахіи.

Въ XVIII столѣтіи Россія вела 11 войнъ, которыя всѣ, за исключеніемъ нашего участія въ Семилѣтней, были ведены въ прямомъ и непосредственномъ интересѣ Россіи; да и про Семилѣтнюю войну можно сказать, что то была лишь случайная ошибка, война, предпринятая безъ достаточныхъ основаній, безъ ясно сознанной цѣли, но все-таки не война, веденная въ чужихъ интере-

сахъ. За то и результаты этой Петровской и Екатерининской политики были совершенно иные, чѣмъ въ XIX столѣтіи. Они заключались въ присоединеніи въ Европѣ 17 губерній и областей, съ пространствомъ въ 15,000 кв. м. и съ населеніемъ въ 18.000,000, доставившихъ Россіи прибрежья трехъ морей; въ возсоединеніи съ нею ея исконнаго достоянія; въ возведеніи ея на такую ступень могущества, что, къ началу новаго столѣтія, Россія сдѣлалась рѣшительницею судебъ Европы, и могла употребить пріобрѣтенную ею силу и счастливое политическое положеніе для вознесенія себя на міродержавную высоту, вмѣсто чего она предпочла принести себя въ жертву ложному политическому идеалу, причисливъ себя — не формально только, а всѣмъ сердцемъ и всею душой—къ европейской политической системѣ государствъ.

Намъ можно возразить, что, если пріобрѣтенія Россіи въ XIX столѣтіи, на западной нашей границѣ, далеко уступаютъ, по ихъ обширности, населенности и политическому значенію, пріобрѣтеніямъ XVIII вѣка, то причину этого можно найти въ томъ, что всякому пріобрѣтенію долженъ же вѣдь наступить конецъ и что въ XVIII столѣтіи все существенное въ этомъ отношеніи было сдѣлано, такъ что XIX-му ничего болѣе дѣлать не оставалось. Многіе, дѣйствительно, это утверждаютъ, говоря, что Россія и безъ того уже слишкомъ велика, и поютъ извѣстную пѣснь на тему излишней обширности Россіи. Но на ростъ государства нѣтъ опредѣленной мѣрки. Нельзя сказать, что государство слишкомъ велико, потому что заключаетъ въ себѣ столько-то и столько квадратныхъ миль. Можно лишь сказать, что оно довольно велико, если собрало подъ свою руку весь свой народъ, если получило границы, которыя даютъ ей внутреннюю безопасность и полную свободу дѣйствій. Но ни перваго, ни втораго Россія еще не достигла, слѣдовательно, ей осталось еще кое-что пріобрѣсти и въ XIX столѣтіи. Еще около четырехъ милліоновъ русскаго народа находится въ подданствѣ иностраннаго государства,—народа, населяющаго область, составлявшую нѣкогда достояніе Россіи. Но, скажутъ, что и другіе великіе народы также не собрали всѣхъ соплеменниковъ своихъ въ одно государственное цѣлое, что есть англичане внѣ Англіи, французы внѣ Франціи, нѣмцы внѣ Германіи и италіанцы внѣ Италіи. Но въ какомъ положеніи эти англичане, французы, нѣмцы и италіанцы? Про англичанъ собственно говорить нечего. Единственные англичане внѣ англійскихъ

владѣній—граждане Соединенныхъ Штатовъ, отдѣлившіеся сами отъ притѣснявшей ихъ метрополіи, положившіе начало новой національности и не имѣющіе ни малѣйшаго желанія возвратиться въ британское лоно. Но и прочія перечисленныя народности, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, составляютъ или господствующій элементъ въ независимыхъ государствахъ, или, по крайней мѣрѣ, пользуются полною національною независимостью и равноправностью съ господствующимъ племенемъ, такъ что едва ли имѣютъ желаніе промѣнять свое господствующее, привилегированное или, по меньшей мѣрѣ, независимое и равноправное положеніе на присоединеніе къ своему главному національному центру. Такъ, французы Бельгіи образуютъ не только независимое извнѣ и свободное внутри Бельгійское государство, но и господствуютъ въ немъ надъ элементомъ фламандскимъ, ибо офиціальный языкъ политики, суда, администраціи, языкъ науки, литературы и общественной жизни въ Бельгіи — французскій. Также точно и французы Женевы, Невшателя и нѣкоторыхъ другихъ швейцарскихъ кантоновъ пользуются полною національною и гражданскою свободою. Сказанное о бельгійскихъ французахъ вполнѣ относится и къ австрійскимъ нѣмцамъ, семь или восемь милліоновъ которыхъ, совокупно съ четырьмя милліонами мадьяръ, господствуютъ надъ 25 милліонами своихъ австрійскихъ, не-нѣмецкихъ и не-мадьярскихъ, согражданъ. Но нѣмцы Германіи не успокоились, пока не притянули къ себѣ нѣмцевъ Гольштейна и Шлезвига, которые не имѣли преобладающаго значенія въ датскомъ государствѣ, хотя и пользовались всею полнотою гражданскихъ и политическихъ правъ наравнѣ съ настоящими датчанами. Точно также не успокоились и италіанцы, пока не выручили изъ неволи своихъ ломбардскихъ и венеціанскихъ братьевъ; а теперь они явно заявляютъ свои права не только на дѣйствительныхъ италіанцевъ Тироля, Корсики, Ниццы и Мальты, но даже и на мнимыхъ италіанцевъ Истріи и Далмаціи. Италіанцы Тессино столь же независимы, какъ и французы Женевы и, вѣроятно, точно также не желаютъ перемѣны въ своемъ положеніи.

Таково ли положеніе русскихъ въ Галиціи и въ русской Венгріи? Составляютъ ли они въ этихъ странахъ племя господствующее, или хотя бы только національно и граждански свободное? Не подчинены ли они невыносимому нѣмецкому, польскому и мадьярскому гнету, и не имѣетъ ли, слѣдовательно, Россія права

и обязанности освободить эти четыре милліона своихъ соплеменниковъ и возвратить ихъ — этнографическому и историческому отечеству?

Конечно, Россія не имѣетъ подобныхъ правъ на Молдавію и Валахію. Но жители этихъ странъ не сочли ли бы, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, за величайшее благо, за осуществленіе всѣхъ своихъ стремленій и желаній — присоединеніе къ единовѣрной Россіи? А съ другой стороны, не доставило ли бы это присоединеніе величайшихъ выгодъ Россіи, какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи? Не предотвратило ли бы оно зарожденіе того антагонизма противъ всего русскаго и славянскаго, которымъ заразилась, если не масса румынскаго народа, то румынская интеллигенція, при посредствѣ развитія революціонныхъ тенденцій 1848 и 1849 годовъ, галломаніи князя Кузы и офранцуженія языка и литературы? Насколько облегчилась бы занятіемъ твердаго положенія на Дунаѣ задача освобожденія и объединенія Славянства? Даже и послѣ 1829 года присоединеніе это было еще возможно и полезно. Теперь, конечно, обстоятельства перемѣнились. Но, если благопріятныя, для присоединенія Нижнедунайскихъ областей, обстоятельства невозвратно упущены, то, для сохраненія непосредственной связи съ Славянствомъ, было необходимо привлеченіе Румыніи на свою сторону, хотя бы это и стоило намъ нѣкоторыхъ жертвъ. Между тѣмъ, все было сдѣлано для ея отчужденія.

Наконецъ, въ завершеніе Екатерининскихъ пріобрѣтеній, намъ необходимо было обратить Черное море,—единственное изъ всѣхъ морей, омывающихъ наши берега, которое соединяетъ условія незамерзанія зимою и близости къ центру нашего политическаго могущества, — въ нашу полную собственность, съ свободнымъ, и притомъ свободнымъ для насъ однихъ, выходомъ и входомъ.

Можно ли, слѣдовательно, сказать, что, послѣ великихъ присоединеній восемнадцатаго вѣка, девятнадцатому уже не оставалось дѣлать ничего существеннаго для достиженія Россіей полнаго національнаго роста и для пріобрѣтенія ею полной свободы дѣйствій, зависящей отъ обладанія моремъ, омывающимъ ея южныя границы, отъ свободы выхода изъ него и входа въ него, отъ возможности загражденія его для всѣхъ враговъ?

Изъ этого сравнительнаго обзора результатовъ русской политики въ XIX столѣтіи, какъ съ результатами, достигнутыми въ тоже

время политикою главнѣйшихъ европейскихъ государствъ, такъ и съ результатами русской политики XVIII вѣка, очевидно, что русская политика и дипломатія не заслуживаютъ тѣхъ похвалъ, которыя расточаются ей иностранцами, частію лицемѣрно, въ родѣ похвалъ лорда Салисбюри, частію отъ непониманія дѣла. Русская политика и дипломатія XIX вѣка обязаны своею славою заслугамъ своихъ предшественницъ—политикѣ и дипломатіи XVIII столѣтія, въ особенности славнаго Екатерининскаго времени, а также тому недовѣрію, которое внушало ея, къ сожалѣнію слишкомъ искреннее, безкорыстіе и готовность жертвовать собою. Иностранцы не могли себѣ вообразить, что мы такъ легко отказались отъ своихъ славныхъ политическихъ преданій и такъ легко перешли отъ школы Екатерины къ школѣ Меттерниха, весьма сообразной съ австрійскими, но ни какъ не съ русскими интересами, къ ученію о сохраненіи европейскаго равновѣсія и европейской солидарности. Они, поэтому, видѣли необыкновенную тонкость и ловкость тамъ, гдѣ ничего подобнаго не было. Во время Крымской войны ходилъ разсказъ, что англійскій корабль, будто бы, вошелъ въ одинъ изъ проходовъ между укрѣпленными островами Свеаборга, которымъ могъ проникнуть до гельсингфорскаго рейда. Корабль осторожно подвигается, но въ него не стрѣляютъ изъ предполагавшихся грозныхъ орудій. Наконецъ, онъ останавливается и поворачиваетъ назадъ, предполагая военную хитрость, засаду, которая должна обратить его въ щепки, если онъ пойдетъ дальше. На дѣлѣ же оказалось, что проходъ вовсе не былъ вооруженъ. Вѣсьма вѣроятно, что это только анекдотъ; но, въ примѣненіи къ репутаціи нашей политики и дипломатіи XIX вѣка, онъ представляетъ вѣрную ея эмблему. Но этотъ отводъ глазъ, эта фантасмагорія едва ли еще можетъ продлиться. Послѣ Берлинскаго конгресса и обстоятельствъ, къ нему приведшихъ, глаза у всѣхъ открылись, и положеніе Россіи становится до крайности опаснымъ.

Наша послѣдняя цѣпь неудачъ есть только кульминаціонный пунктъ того политическаго направленія, которому слѣдовала Россія, почти безъ перерыва, въ теченіе послѣднихъ 80 лѣтъ; она потому только кажется столь поразительною, что прежде мы жертвовали въ пользу другихъ своими средствами, своими силами какъ-бы отъ избытка ихъ, и результаты этихъ жертвъ часто маскировались блистательною внѣшностью, а истинноое значеніе ихъ проявлялось лишь по истеченіи долгаго времени, когда уже скрывались отъ

непосредственнаго наблюденія причины, ихъ произведшія. Теперь намъ пришлось пожертвовать самою нашею побѣдою и въ самый моментъ этой побѣды, такъ что сомнѣніе въ причинѣ, приведшей къ этой неудачѣ, совершенно новозможно.

Можно смѣло предсказать, что подобныя же и еще большія неудачи ожидаютъ Россію въ будущемъ, если политика ея будетъ продолжать слѣдовать тому же пути, которымъ шла, съ рѣдкими и немногими исключеніями, съ самой смерти великой Императрицы.

Чтобы избѣжать плачевной участи перехода отъ неудачи къ неудачѣ, не смотря даже на самые поразительные военные успѣхи, политикѣ Россіи ничего не остается, какъ повернуть на старый Екатерининскій путь, то-есть открыто, прямо и безповоротно сознать себя русскою политикой, а не европейскою, и притомъ исключительно русскою, безъ всякой примѣси, а не какою нибудь двойственною, русско-европейскою или европейско-русскою, ибо противуположности не совмѣстимы. Пословица справедливо говоритъ: за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь; во сколько же разъ она справедливѣе, если догоняемые зайцы бѣгутъ въ діаметрально противоположныя стороны! Мы не догонимъ ни одного зайца: не достигнемъ русскихъ цѣлей и не пріобрѣтемъ расположенія Европы, враждебность которой все усиливается, по мѣрѣ оказываемыхъ нами ей услугъ, уступокъ и приносимыхъ нами жертвъ.

Интересы Россіи и Европы противоположны,—говоримъ мы. Что эта противоположность не выдумка, не изобрѣтеніе панславистовъ, славянофиловъ, или вообще журнальныхъ публицистовъ и теоретиковъ, какой бы то ни было партіи, а фактъ общепризнанный самыми трезвыми и практическими политическими умами, — свидѣтельствуютъ намъ всего лучше и прямѣе самые протоколы Берлинскаго конгресса. Читая эти документы, мы постоянно встрѣчаемъ, что, какъ представители Россіи, такъ и представители другихъ державъ безпрестанно противополагаютъ интересы Россіи— интересамъ Европы. Одни требуютъ во имя этихъ послѣднихъ— уступокъ со стороны Россіи, другіе соглашаются на нихъ именно въ виду этой причины. Слѣдовательно, эта противоположность интересовъ до того присуща представленію государственныхъ людей всѣхъ націй, что они инстинктивно, какъ бы противъ своей

воли, не смотря на всю дипломатическую осторожность, употребляютъ выраженія, соотвѣтствующія дѣйствительности и прямо противоположныя той видимости, которую, конечно, желали бы ей придать: представители европейскихъ государствъ для того, чтобы и впредь было имъ удобнѣе пользоваться тѣмъ обманомъ, въ который добровольно вдается Россія; представители же Россіи для того, чтобы не выставить на видъ всей несостоятельности того политическаго направленія, которое приноситъ интересы Россіи въ жертву интересамъ Европы. Въ другомъ, также офиціальномъ документѣ, мы читаемъ: „То, чтò совершается на нашихъ глазахъ теперь, сопровождало, впрочемъ, и всѣ прежнія наши войны на Востокѣ. Не смотря на всѣ наши успѣхи, мы никогда не могли разрѣшить задачу кореннымъ образомъ. Намъ всегда приходилось останавливаться предъ непреоборимыми трудностями задачи, предъ *сплоченною стѣной интересовъ и страстей, которые вызывались нашими успѣхами*".*) Съ такимъ объясненіемъ неполноты результатовъ нашихъ многократныхъ турецкихъ войнъ нельзя вполнѣ согласиться. Такъ, въ первую Екатерининскую войну сплоченная стѣна интересовъ и страстей намъ враждебныхъ не считала для для себя удобнымъ сопротивляться силою намѣреніямъ Россіи; чтобы отклонить ее отъ исполненія ихъ, ей представили, по почину прусскаго короля, обязавшагося помогать Россіи въ случаѣ войны съ Австріей, такую богатую перспективу интересовъ, еще ближе касавшихся достиженія русскихъ цѣлей, чѣмъ сами турецкія дѣла, что Екатерина не могла не предпочесть ее, тѣмъ болѣе, что безконечно важное для Россіи возвращеніе ея исконныхъ западныхъ областей отъ Польши доставалось почти безъ усилій. Всякій откажется отъ меньшаго и труднаго, когда ему предлагаютъ взамѣнъ большее и легкое. Во вторую турецкую войну сплоченная стѣна была очень слаба, какъ потому, что главный врагъ нашъ на Востокѣ, Австрія, подъ правленіемъ эксцентрическаго Іосифа II, была на нашей сторонѣ, такъ и потому, что подъ вліяніемъ поспѣвшей разгорѣться французской революціи, сопротивленіе Англіи и Пруссіи не обѣщало быть очень сильнымъ. Истинная причина недостаточности результатовъ этой войны была не политическая, а военная. Она заключалась въ дурномъ веденіи

*) Изъ заявленія 27 Іюля.

войны, которое было поручено мало-способному въ военномъ отношеніи Потемкину въ то время, когда геній Суворова уже успѣлъ высказаться во всемъ блескѣ. Въ войнѣ съ 1806 по 1812 годъ такой стѣны вовсе уже не было. Она была сломлена Наполеономъ, и отъ насъ зависѣло довести войну до самыхъ желательныхъ результатовъ; но мы сами предпочли заботы о благоденствіи Европы — разрѣшенію нашихъ историческихъ задачъ. Только относительно войнъ 1828 — 1829 и 1853 — 1856 годовъ слова приведенной нами выписки вполнѣ справедливы. Относительно только-что окончившейся войны, по нашему мнѣнію, стѣна эта также была уже сломлена подвигами нашихъ войскъ—и возстановлена ошибочными дѣйствіями дипломатіи, подъ вліяніемъ тѣхъ же заботъ о Европѣ, какъ и въ войнѣ съ 1806 по 1812 годъ. Но, какъ бы то тамъ ни было, въ приведенныхъ нами словахъ офиціальнаго документа самымъ яснымъ образомъ выражена мысль о противоположности интересовъ Россіи и Европы. Какимъ образомъ помирить съ этимъ совершенно вѣрнымъ и точнымъ пониманіемъ этого факта, нѣсколькими строками выше изложенную, прямо противоположную, мысль того же документа, что „солидарность и согласіе (съ Европою, конечно) суть единственные залоги благополучія и общаго мира для всего христіанскаго Востока“—за это мы не беремся.

Въ чемъ именно заключается эта, всѣми, и нашими, и европейскими государственными людьми признаваемая, противоположность, на это даютъ намъ отвѣтъ протоколы того-же Берлинскаго конгресса. Одинъ изъ представителей Россіи съ полною откровенностью выразился такъ: „Конгрессъ старался упразднить этнографическія границы и замѣнить ихъ границами торговыми и стратегическими“. На эти слова ни съ чьей стороны не послѣдовало возраженія. Очевидно, что это упраздненіе этнографическихъ границъ не составляетъ точки зрѣнія, на которой стояла Россія при заключеніи С.-Стефанскаго договора, стремившагося не упразднить, а, напротивъ того, установить этнографическія границы. Если, со всѣмъ тѣмъ, конгрессъ выразилъ противоположное этому стремленіе, то очевидно, что упраздненіе этнографическихъ границъ, или, другими словами, національнаго прицина, составляло точку зрѣнія европейскихъ государствъ (въ томъ числѣ и Италіи, столь громко провозглашающей принципъ національности; вотъ до чего доводитъ ослѣпленіе, порождаемое ненавистью къ Россіи и Славянству!). И Россія должна быть усту-

пить, во избѣжаніе войны, сдѣлавшейся для нея крайне-невыгодною вслѣдствіе положенія, въ которое она сама себя поставила незанятіемъ проливовъ и заключеніемъ, развязавшаго Турціи руки, прелиминарнаго мира,—опять-таки заключеннаго изъ-за желанія угодить Европѣ, не нарушить пресловутой солидарности. Если, такимъ образомъ, Россію можно упрекнуть въ слабости и недальновидности, то на гуманную и свободолюбивую Европу прямо падаетъ упрекъ въ злонамѣренномъ и сознательномъ (а не безсознательномъ, какъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, во времена котораго принципъ національности еще не выяснился) живосѣченіи народныхъ организмовъ. Мы не знаемъ, въ похвалу или въ осужденіе, или какъ простое формулированіе факта, произнесъ русскій уполномоченный свои достопримѣчательныя слова; во всякомъ случаѣ онѣ составляютъ краткую, но полную нравственную характеристику дѣятельности конгресса и составятъ печать или клеймо, съ которымъ онъ перейдетъ въ исторію. Но въ этой характеристикѣ заключается еще одна черта, ее дополняющая. Этнографическій принципъ проведенія границъ если нѣчто опредѣленное, онъ показываетъ не только, гдѣ граница должна быть проведена, но и кому должна принадлежать территорія по ту и другую сторону; самую же границу составляетъ, такъ сказать, математическая линія, сама по себѣ не имѣющая значенія. Напротивъ того, при границѣ стратегической, наибольшее значеніе получаетъ именно сама граничная черта, въ особенности, когда она идетъ вдоль горнаго хребта. Обладаніе его проходами даетъ средства не только для обороны, но и для нападенія; а стратегическій принципъ, самъ по себѣ, не даетъ еще никакого основанія для рѣшенія вопроса, кому должна принадлежать эта столь существенно важная граничная черта. Очевидно, что конгрессъ подразумѣвательно признавалъ еще добавочный принципъ, который нельзя выразить иначе, какъ словами: „замѣнить ихъ границами стратегическими, съ тѣмъ, чтобы проведены онѣ были къ выгодѣ сильнаго и угнетателя, и во вредъ слабому и угнетаемому“.

И такъ, по всеобщему сознанію, открыто выраженному многими, подразумѣваемому всѣми,—интересы Россіи и Европы противоположны. Слѣдовательно, для успѣшной русской политики въ будущемъ ничего другаго не остается, какъ смотрѣть на свое политическое и историческое положеніе открытыми глазами, то есть перестать считать Россію членомъ европейской политической

системы, которая постоянно оказывается намъ враждебною, лишь только обстоятельства выдвинутъ на сцену вопросы, затрогивающіе интересы или сочувствія Россіи, не взирая на всю справедливость и все безкорыстіе ея цѣлей,—открыто и рѣшительно выпутаться изъ нея, освободиться отъ добровольно наложенныхъ на себя путъ и цѣпей, стѣсняющихъ свободу нашихъ дѣйствій.

Что̀ же значитъ выступить изъ европейской политической системы? Прервать всѣ политическія сношенія съ европейскими государствами, вызвать нашихъ посланниковъ изъ европейскихъ столицъ? Или съ безумнымъ неистовствомъ, не разбирая ни силы, ни числа враговъ, наброситься на Европу? Конечно, нѣтъ. Вѣдь имѣемъ же мы политическія сношенія и съ Вашингтонскимъ, и съ Ріо-жанейрскимъ, и съ Пекинскимъ кабинетами, не считая себя членами, ни южно-, ни сѣверо-американской, ни восточно-азіатской политической системы, не чувствуя солидарности ни съ внѣшними, ни съ внутренними ихъ дѣлами. Дѣло идетъ о *сущности* направленія нашей политики, а не о формѣ. Выступить изъ европейской политической системы значитъ: не принимать къ сердцу европейскихъ политическихъ интересовъ, смотрѣть на дѣло какъ оно есть, и не закрывать глазъ передъ очевидностью, не принимать созданныхъ себѣ призраковъ за дѣйствительность; гдѣ есть врагъ— тамъ и видѣть врага, а не считать его за друга, прибѣгая ко всевозможнымъ фикціямъ, чтобы совершить эту метаморфозу, не на дѣлѣ, конечно, а въ собственномъ своемъ воображеніи. Въ моей книгѣ: „Россія и Европа“ я выразилъ эту мысль такъ: „Намъ необходимо отрѣшиться отъ мысли о какой бы то ни было солидарности съ европейскими интересами, о какой бы то ни было связи съ тою или другою политическою комбинаціею европейскихъ державъ—и, прежде всего, пріобрѣсти совершенную свободу дѣйствія, полную возможность соединиться съ каждымъ европейскимъ государствомъ, подъ единственнымъ условіемъ, чтобы такой союзъ былъ намъ выгоденъ, ни мало не взирая на то, какой политическій принципъ представляетъ собою въ данное время то или другое государство“ (стр. 488). Выступить изъ европейской политической системы значитъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуютъ Англія, Австрія, Германія и въ особенности Италія, которая пользовалась всякою комбинаціею европейской политики для достиженія своихъ цѣлей. Она шла противъ Россіи, чтобы заслужить расположеніе западныхъ державъ; она заключила союзъ съ Франціей для пріоб-

рѣтенія Ломбардіи; она пользовалась недоумѣніемъ своего союзника для завоеванія Неаполя, при помощи революціи; она вступила въ союзъ съ Пруссіей для пріобрѣтенія Венеціи; она завладѣла, наконецъ, Римомъ, употребивъ въ свою пользу отчаянное положеніе Франціи, въ ея борьбѣ съ Германіей; она, конечно, не усомнится воспользоватся всякимъ затрудненіемъ Австріи, для овладенія италіанскимъ Тиролемъ и Тріестомъ, и всякимъ затрудненіемъ Франціи, для возвращенія себѣ Ниццы. Положеніе Россіи имѣетъ лишь ту особенность, что ни Англія, ни Австрія, ни Германія, ни Италія, достигая своихъ частныхъ цѣлей, не выступаютъ черезъ это изъ европейской политической системы, которой они суть естественные и прирожденные члены, потому что общеевропейскій интересъ, въ настоящемъ фазисѣ исторіи, который длится съ самаго Вѣнскаго конгресса и продлится еще долго—состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ противодѣйствіи Россіи; для Россіи же твердое и неуклонное стремленіе къ достиженію своихъ цѣлей равнозначительно выступленію ея изъ европейской политической системы. Продолжая въ ней находиться, продолжая сообразовать виды своей политики съ видами политики европейскихъ государствъ, въ томъ, чтó они имѣютъ общаго, мы никогда не достигнемъ своихъ цѣлей.

Въ 1869 году я писалъ: „Именно такъ называемые высшіе европейскіе интересы и составляютъ единственное препятствіе къ освобожденію Славянъ и Грековъ и къ изгнанію Турокъ изъ завоеваннаго ими Балканскаго полуострова. Если во время греческаго возстанія императоръ Александръ не послушался своего великодушнаго свободолюбиваго сердца, то единственно потому, что считалъ необходимымъ подчинить національныя цѣли и интересы Россіи—интересамъ европейскаго мира и спокойствія, мнимовысшимъ цѣлямъ противодѣйствія революціоннымъ стремленіямъ, снова грозившимъ обхватить европейское общество,—стремленіямъ, опасатся которыхъ Россія не имѣла собственно ни повода, ни основаній“ (другими словами, потому, что считалъ Россію членомъ европейской политической системы). И далѣе: „Пока эти и подобныя имъ посторонніе Россіи соображенія, какъ, напримѣръ, забота о сохраненіи политическаго равновѣсія и т. д., будутъ имѣть вліяніе на рѣшенія Россіи, то само собою разумѣется, что нечего и думать объ удовлетворительномъ рѣшеніи Восточнаго вопроса, который и въ дѣйствительности, и въ общемъ сознаніи Европы,

непремѣнно долженъ нарушить, если не законныя ея права и интересы, то, по крайней мѣрѣ, то понятіе, которое она себѣ составила о своихъ правахъ и выгодахъ". (*Заря*, 1869, авг. стр. 26. *Росс. и Евр.* стр. 352). Вѣрно-ли мы тогда разсуждали, и не сбылись ли наши предсказанія отъ слова до слова съ поразительною точностью?

Слѣдовательно, Россія, для достиженія своихъ цѣлей, должна пользоватся всѣми ошибками Европы, всякимъ внутреннимъ раздоромъ ея, всякою надобностью, которую то или другое государство можетъ встрѣтить въ помощи Россіи. Есть примѣры и въ теченіе XIX столѣтія, хотя, къ несчастію, очень рѣдкіе, когда Россія держалась этихъ правилъ; есть и другіе, несравненно болѣе частые, когда она упускала ихъ изъ виду и дѣйствовала въ противоположномъ смыслѣ.

Такъ, послѣ Тильзитскаго мира, Россія, въ сущности, выступила изъ системы европейскихъ государствъ, вступивъ, на благо себѣ, въ союзъ съ ея внутреннимъ врагомъ. Такъ поступила она и въ 1870 году, объявивъ, что не считаетъ себя связанною трактатомъ 1856 года, относительно наложеннаго на нее запрещенія держать флотъ на Черномъ морѣ. Но первое выступленіе ея продолжалось не долѣе двухъ лѣтъ; второе же было лишь мгновенною вспышкою, потому что Россія испортила свое собственное дѣло, вступивъ въ переговоры и принявъ на себя обязательства Лондонскаго договора. Вмѣсто того, чтобы добиваться европейскаго признанія, въ которомъ не было никакой надобности, слѣдовало бы немедленно начать строить черноморскій флотъ.

Отрицательными примѣрами могутъ служить: нежеланіе воспользоваться войной 1809 года для возвращенія Галиціи; всѣ распри съ Наполеономъ не изъ-за русскихъ, а изъ-за чисто европейскихъ интересовъ, которыя привели французовъ въ Москву, а русскихъ въ Парижъ, и то и другое къ прямому и непосредственному, или къ косвенному и посредственному вреду Россіи. Отрицательные примѣры, какъ не слѣдовало Россіи дѣйствовать, представляютъ также періодъ конгрессовъ и послѣдующее время до войны 1828 — 1829 годовъ; спасеніе Австріи въ 1849; насильственное примиреніе Австріи и Пруссіи въ 1851; медленность и нерѣшительность дѣйствій въ угоду Европѣ въ 1853 и недопущеніе Германіи начать вторую войну съ Франціей въ 1875.

Выскажемъ нашу мысль прямо и откровенно. Политика Россіи, чтобы быть успѣшною, чтобы возвратить себѣ тотъ блескъ

и тѣ плодотворные результаты, которыми она увѣнчивалась во дни великой Императрицы, должна держаться, какъ постояннаго руководящаго принципа, *русско-славянскаго эгоизма*, въ чемъ и заключается настоящій смыслъ выступленія Россіи изъ европейской политической системы. Почему не обще-человѣческаго безкорыстнаго интереса?—воскликнутъ наивные политическіе идиллики. Потому, во-первыхъ, что, строго говоря, никто не знаетъ въ чемъ заключается дѣйствительно безкорыстный обще-человѣческій интересъ. Потому, во-вторыхъ, что, по крайней мѣрѣ въ настоящій періодъ исторіи, русско-славянскій эгоизмъ совпадаетъ съ безкорыстнымъ общечеловѣческимъ интересомъ. Наконецъ, въ-третьихъ, потому, что если не дѣйствовать въ духѣ русско-сла-славянскаго эгоизма, то ничего не останется, какъ дѣйствовать въ духѣ анти-русско-славянскаго, англо-австро-европейскаго эгоизма, какъ до сихъ поръ мы большею частію и дѣйствовали; потому что для политической дѣятельности Россіи только и открыты эти два пути, нигдѣ не сходящіеся, прямо другъ другу противоположные.

Русско-славянскій эгоизмъ совпадаетъ въ настоящее время съ обще-человѣческимъ безкорыстнымъ интересомъ! Въ этомъ-то и заключается вся наша сила, вся наша надежда на окончательный успѣхъ, не смотря на столько разъ повторявшіяся неудачи, происходившія не отъ чего другаго, какъ именно отъ непониманія этого тождества.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоятъ наши русско-славянскіе эгоистическія цѣли? Въ освобожденіи, полномъ и совершенномъ, всѣхъ Славянъ, какъ отъ ига Турціи, такъ и отъ ига Австріи, въ доставленіи имъ возможности достиженія полной политической самостоятельности. Интересы Славянства требуютъ правда не только свободы, но и единства; но оно явится, какъ необходимое, силою обстоятельствъ вынужденное слѣдствіе самостоятельности и свободы.

Далѣе, русско-славянскій эгоизмъ требуетъ достиженія Россіею политической полноправности, въ которой ей постоянно отказываютъ, подъ разными гнилыми предлогами, навязывая ей различныя ограниченія, повинности, сервитуты, относительно пользованія, омывающимъ ея берега, Чернымъ моремъ. Мы слышали, напримѣръ, изъ устъ Салисбюри, что пользованіе Россіей Батумскимъ портомъ преимущественно для торговыхъ цѣлей въ нѣко-

торой степени обезпечиваетъ свободу Чернаго моря, будто бы погибавшую безъ этого обязательства. То, что Россія въ своемъ морѣ, у своихъ береговъ, отказывается отъ пользованія нѣкоторыми изъ своихъ несомнѣнныхъ правъ, — называется, на европейско-политическомъ жаргонѣ, обезпеченіемъ свободы этого моря! Развѣ такой взглядъ совмѣстенъ съ понятіемъ о политической полноправности и верховенствѣ государства? На нашемъ политическомъ языкѣ, и на языкѣ здраваго смысла, свободою Чернаго моря можетъ быть названо только право Россіи (и Турціи, конечно, покуда она существуетъ, какъ независимое государство) вводить въ него и выводить изъ него, какъ свои торговые, такъ и свои военные корабли, а также право заграждать въ него входъ иностраннымъ военнымъ судамъ.

Какъ понимается право Славянскихъ народовъ на независимое политическое существованіе, видно также изъ словъ того же Салисбюри на европейскомъ ареопагѣ. „Если значительная часть Босніи и Герцеговины отойдетъ къ одному изъ сосѣднихъ княжествъ (Сербіи или Черногоріи), то образуется рядъ славянскихъ государствъ, простирающійся черезъ весь Балканскій полуостровъ, военное могущество которыхъ угрожало бы населенію другихъ племенъ, живущихъ на югѣ". И подобныя нелѣпости выслушиваются, принимаются во вниманіе, и даже постановляются сообразныя съ ними рѣшенія; и это получаетъ названіе высшихъ европейскихъ интересовъ! Но вѣдь эти страны, составляютъ ли онѣ, или не составляютъ сплошнаго ряда, населены славянскимъ народомъ, и слѣдовательно, не взирая на то, живетъ-ли кто и кто именно на югѣ, имѣютъ полное право составить изъ себя независимое политическое тѣло; но вѣдь и на югѣ полуострова только меньшинство не принадлежитъ къ славянскому племени; но вѣдь эти, занимающіе сѣверъ полуострова, славяне никогда ни дѣломъ, ни даже словомъ не выказывали своего намѣренія не уважать независимости этого неславянскаго меньшинства, то есть грековъ. Все это не принимается въ расчетъ. Почему же не высказывалось ни на какомъ конгрессѣ подобныхъ опасеній противъ соединенія въ одно государство съ Пруссіей—Баваріи, Виртемберга, Бадена и проч., подъ предлогомъ, что этимъ образуется сплошной рядъ нѣмецкихъ государствъ, который угрожалъ бы племенамъ живущимъ на югѣ, хоть въ Италіи, напримѣръ,—что̀ въ былые времена нѣмцы такъ часто дѣлали?

Но что говорить о словахъ, когда мы видимъ такія дѣла: Россія, послѣ войны съ Турціей, заключаетъ съ нею миръ, то-есть независимое государство вступаетъ въ соглашеніе съ государствомъ также независимымъ, о регуляціи своихъ будущихъ къ нему отношеній. Это находятъ недопустимымъ съ европейской точки зрѣнія. Восточныя дѣла,—говорятъ,—касаются всей Европы, и нельзя допустить, чтобы одно государство устанавляло ихъ по своему произволу. И въ то самое время, когда идутъ совѣщанія объ установленіи сообща этихъ отношеній, одно изъ совѣщающихся государствъ — то самое, которое болѣе всѣхъ другихъ настаивало на этомъ общеевропейскомъ воззрѣніи на дѣла Востока,— само заключаетъ съ Турціей такія условія, которыя передаютъ въ его руки несравненно сильнѣйшее вліяніе, чѣмъ давалъ Россіи Санъ-Стефанскій договоръ. И это явное и дерзкое нарушеніе общепризнаннаго принципа, коль скоро оно направлено противъ Россіи, всѣми молча принимается. Даже ничего не возражаютъ и скрываютъ свое негодованіе тѣ, интересы которыхъ оно нарушаетъ самымъ наглымъ образомъ. Франція и Италія, вмѣстѣ съ другими возстающія противъ возможности появленія русскихъ флотовъ въ Средиземномъ морѣ, терпятъ захваты Англіи въ этомъ самомъ морѣ, потому что главная цѣль ихъ — противодѣйствіе планамъ Россіи, даже мнимымъ и воображаемымъ. Не въ правѣ-ли мы послѣ этого усомниться, полноправное-ли и равноправное съ другими государство — Россія? Будучи третируема столь недостойнымъ образомъ, можетъ-ли она продолжать считать себя членомъ европейской политической системы? Ни одинъ частный человѣкъ не счелъ бы возможнымъ оставаться на такихъ условіяхъ членомъ какого либо общества. Равноправна-ли также славянская народность съ другими народностями въ глазахъ Европы?—Установленіе этой равноправности и полноправности—вотъ чего требуетъ русско-славянскій эгоизмъ, и чему противится анти-русско-славянскій, англо-австро-европейскій эгоизмъ. Не совпадаетъ ли первый съ требованіями справедливости, а, слѣдовательно, и съ требованіями общаго интереса человѣчества, къ которому стомилліонное славянское племя вѣдь также принадлежитъ?

Если такой безкорыстный и благородный характеръ носятъ на себѣ цѣли, къ которымъ стремится русско-славянскій эгоизмъ, то и тѣ средства, которыя volens-nolens онъ долженъ употребить для ихъ достиженія, не менѣе справедливы, не менѣе сообразны

съ обще-человѣческимъ интересомъ, то-есть съ интересомъ огромнаго большинства человѣческаго рода. Средства эти: во-первыхъ, сокрушеніе того исполинскаго хищенія, той громадной неправды, того угнетенія, распространяющагося на всѣ народы земли, которыя именуются англійскимъ всемірнымъ морскимъ владычествомъ. Мы уже видѣли, что это морское владычество приводится въ сущности къ обладанію всѣми лучшими частями Азіатскаго материка и эксплоатаціи его всѣми возможными средствами политическими и торговыми, доходящими до насильственнаго развращенія и отравленія такой огромной страны, какъ Китай. Вспомнимъ, что еще недавно графъ Дерби, въ рѣчи произнесенной въ Англійскомъ парламентѣ, на весь свѣтъ [громогласно объявилъ, что англо-индѣйская имперія можетъ сводить концы съ концами только при помощи торговли опіумомъ. Затмѣніе здраваго смысла европейничаньемъ доходитъ у насъ до того, что во время индѣйскаго возстанія, послѣдовавшаго, какъ извѣстно, черезъ годъ послѣ окончанія неправой и нечестивой Крымской войны, въ нашихъ журналахъ и газетахъ того времени можно было читать упреки въ узкомъ патріотизмѣ за пожеланіе успѣха возставшимъ индѣйцамъ. Говорилось, что общіе великіе интересы цивилизаціи заставляютъ насъ сочувствовать возстановленію и утвержденію потрясенной британской власти. Событія не замедлили опровергнуть эту гуманитарную нелѣпость. На томъ же дальнемъ востокѣ, государство, болѣе замкнутое и отчужденное своими нравами и обычаями, чѣмъ Индія, но сохранившее свою полную независимость, по собственному почину вступило на путь новой цивилизаціи и культуры, не будучи къ тому побуждаемо никакимъ чужестраннымъ, будто-бы благодѣтельнымъ гнетомъ, и пошло по этому пути несравненно успѣшнѣе, чѣмъ подвластная англичанамъ Индія, въ теченіе слишкомъ столѣтняго британскаго владычества. Такъ ли оно, слѣдовательно, необходимо и полезно въ интересахъ общей цивилизаціи, какъ думали наши европейцы? Освобожденная Индія развѣ прекратила бы свои сношенія съ Европой? Развѣ съ изгнаніемъ англичанъ, всѣ другіе народы, и французы, и голландцы, и нѣмцы, и итальянцы, и сѣверо-американцы и даже тѣ же англичане не основали бы своихъ факторій и небольшихъ торговыхъ колоній вдоль береговъ этой богатѣйшей страны, не вели бы съ ней торговли? А собственная индѣйская промышленность, нѣкогда столь развитая, не могла бы развѣ опять

возникнуть послѣ сверженія либеральнаго британскаго гнета? Прекратилось бы, конечно, замѣнившее ее воздѣлываніе опіума, чтò едва-ли бы составило потерю для человѣчества, гуманности, цивилизаціи и прогресса.

Другое средство, которое должно быть употреблено для достиженія цѣлей русско-славянскаго эгоизма, есть сокрушеніе и упраздненіе Австріи, о которой вѣдь тоже плакать некому, кромѣ пользующихся плодами угнетенія и насилія мадьяръ и австрійскихъ нѣмцевъ. Хотя въ то время, когда мы такъ безкорыстно сочувствовали возстановленію британскаго владычества въ Индіи, были у насъ также поклонники и цивилизаторской миссіи австрійскаго жандарма, которые и теперь еще не совершенно вывелись*), мы все-таки думаемъ, что излишне было бы распространяться въ доказательствахъ тому, что человѣчество могло бы встрѣтить безъ особеннаго сожалѣнія извѣстіе о кончинѣ Австріи, и что русско-славянскій эгоизмъ, совершивъ это ужасное дѣло, не нарушилъ бы безкорыстнаго общечеловѣческаго интереса.

Упомянемъ еще, для счета, и о третьемъ средствѣ, необходимомъ для достиженія цѣлей русско-славянскаго эгоизма—объ окончательномъ уничтоженіи турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ, не сопровождая его никакими оправдательными комментаріями.

Въ заключеніе, мы спросимъ: не совпадаетъ ли русско-славянскій эгоизмъ, какъ по цѣлямъ, такъ и по средствамъ своимъ, съ требованіями безкорыстнаго общечеловѣческаго интереса, насколько онъ намъ извѣстенъ и подлежитъ человѣскому пониманію? Потому-то мы и думаемъ, что судьбы Россіи лежатъ въ самомъ руслѣ историческаго потока, предполагая, что потокъ этотъ направляется къ разумнымъ, справедливымъ и благимъ цѣлямъ; поэтому мы и утверждаемъ, что положеніе Россіи есть единственное въ своемъ родѣ, не имѣвшее и не имѣющее себѣ ничего подобнаго. Ея величіе, ея міродержавное значеніе требуетъ не завоеваній чужаго, не угнетенія народностей, не присоединенія земель, по праву другимъ принадлежащихъ,—а освобожденія угнетенныхъ, возстановленія попранныхъ, сокрушенія насилія и неправды, какими бы титулами они ни величались. А интересы Европы, какъ она сама

---

*) Какъ свидѣтельствуетъ наставленіе, прочитанное однимъ журналомъ г. Иловайскому, попавшему въ цивилизаторскія руки этого жандарма. *Черн. рукоп.*

ихъ хочетъ понимать и понимаетъ на дѣлѣ, не прямо ли этому противоположны? То, что мы назвали анти-русско-славянскимъ, англо-австро-европейскимъ эгоизмомъ, не есть ли вмѣстѣ съ тѣмъ эгоизмъ, дѣйствительно противорѣчащій общечеловѣческому интересу?

Россіи и Славянству нужно освобожденіе Болгаріи въ границахъ болгарской народности. Европѣ нужно продолженіе господства батакскихъ извергогъ, укрѣпленіе его возвращеніемъ Балканскихъ проходовъ Турціи.

Россіи и Славянству нужно полное освобожденіе Сербскаго народа. Европѣ нужно отрѣзать другъ отъ друга двѣ родственныхъ части одного и того же племени: Сербію и Черногорію, вбивъ между ними австрійскій клинъ. Ей нужно искупить полуосвобожденіе третьей доли болгарскаго народа подчиненіемъ австрійскому гнету другаго столь же многострадальнаго славянскаго племени; ей нужна отрѣзка 120-ти квадратныхъ миль отвоеванныхъ геройскою Черногоріей, отданіе подъ австрійскій полицейскій надзоръ, по возможности урѣзаннаго, черногорскаго морскаго прибрежья.

Россіи и Славянству нужно присоединеніе къ Греціи—Ѳессаліи, Эпира, дѣйствительно-греческой части Македоніи, многострадальнаго Крита, островов Архипелага. Европѣ нужно раздуть эллинское тщеславіе и властолюбіе, возбудить этимъ грековъ противъ славянъ, склонить ихъ на свою сторону, а затѣмъ обмануть ихъ въ ихъ дѣйствительно законныхъ и справедливыхъ желаніяхъ.

Россіи и Славянству нужна дѣйствительная независимость и полноправность вновь освобожденныхъ государствъ: Румыніи, Сербіи и Черногоріи. Европѣ нужно, за невозможностью отнять у нихъ независимость политическую, лишить ихъ, по крайней мѣрѣ, независимости экономической и торговой, запрещеніемъ взимать транзитныя пошлины; ей нужна эксплоатація ихъ евреями, подъ лицемѣрнымъ предлогомъ охраненія религіозной свободы.

Россіи и Славянству нужно право Россіи на свободный входъ и выходъ въ Черное и изъ Чернаго моря, двѣ трети береговъ котораго ей принадлежатъ. Европѣ нужно наложеніе на Россію разнаго рода постыдныхъ сервитутовъ, ради охраненія британскаго хищничества, которому она даже и не угрожала,—подъ лицемѣрнымъ и кощунственнымъ названіемъ охраненія свободы Чернаго моря.

Россіи нужно справедливое и самое умѣренное вознагражденіе

за принесенныя ею жертвы. Европѣ нужно лишить ее этого вознагражденія и вмѣстѣ оскорбить, оказавъ предпочтеніе претензіямъ всякаго европейскаго жида, всякаго лондонскаго или парижскаго лавочника, доставляющихъ своими сбереженіями средства для расточительности султана и пашей, для разврата ихъ гаремовъ, для угнетенія и мученичества балканскихъ христіанъ.*)

Въ моей книгѣ „Россія и Европа“ я говорилъ объ отношеніяхъ Россіи къ Турціи и къ Европѣ послѣ Крымской войны: „Магометанско-турецкій эпизодъ въ развитіи Восточнаго вопроса окончился. Туманъ разсѣялся и противники стали лицомъ къ лицу, въ ожиданіи грозныхъ событій, страхъ передъ которыми заставляетъ отступать обѣ стороны доколѣ возможно, откладывать неизбѣжную борьбу на сколько Богъ попуститъ. Отнынѣ война между Россіей и Турціей сдѣлалась невозможною и безполезною: возможна и необходима борьба Славянства съ Европой, — борьба, которая рѣшится, конечно, не въ одинъ годъ, не въ одну кампанію, а займетъ собою цѣлый историческій періодъ“. Оправдались ли мои слова? Сбылось ли это предсказаніе подобно многимъ другимъ? Повидимому, только отчасти; но если вникнуть въ сущность дѣла, то оно сбылось вполнѣ. Въ заключеніе настоящей статьи я приму на себя трудъ доказать это, не изъ тщеславнаго желанія оправдать мою проницательность, а потому, что это даетъ мнѣ, такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется, самый удобный случай вполнѣ выяснить настоящій характеръ только-что совершившагося, огромной важности, историческаго событія, и даетъ возможность представить мои соображенія о будущемъ.

Что война между Россіей и Турціей оказалась безполезною и

*) Выходя изъ круга тѣхъ вопросовъ, для рѣшенія которыхъ была предпринята послѣдняя война и собирался Берлинскій конгрессъ, мы встрѣтимъ ту же противоположность правды и лжи, свободы и угнетенія, прослѣдить отдѣльные случаи которыхъ было-бы слишкомъ долго.—Но тамъ, гдѣ Россія по ошибкѣ и неправильному пониманію своего интереса, отклонилась отъ своей цѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ (сознаемся въ этомъ откровенно) и отъ справедливости, о, тамъ Европа охотно ей уступаетъ! Когда Россія требуетъ возвращенія ни на что ей не нужнаго клочка Бессарабіи и взамѣнъ его предаетъ румынизаціи болгарскую Добруджу и тѣмъ оскорбляетъ и своего недавняго союзника и освобожденную ею Болгарію,—тутъ Европа ей не противорѣчитъ, ибо видитъ, что, поступая такъ, Россія вредитъ себѣ. *Черн. рукоп.*

со многихъ сторонъ даже вредною, съ этимъ, я думаю, спорить не станутъ. Но я считалъ ее невозможною, а, между тѣмъ, она велась съ большими усиліями въ теченіи 9-ти мѣсяцевъ; напротивъ того, борьбы съ Европой, которую мы считали необходимою и единственно возможною, не произошло. Хотя факты эти и безспорны, но мы утверждаемъ однако же, что это лишь одна видимость, одинъ миражъ, обманъ чувствъ; въ дѣйствительности, мы, подъ личиной войны съ Турціей, вели войну съ Европой, по крайней мѣрѣ съ Англіей и Австріей, не безъ союза ихъ, впрочемъ, и съ прочими европейскими государствами, и мы были побѣждены въ этой войнѣ, опять-таки подъ маской побѣды надъ Турціей. Эти личины, эти маски надѣли на себя наши враги съ сознательною и опредѣленною цѣлью; а мы не только не рѣшились сорвать ихъ, но даже съ радостью надѣли ихъ и на себя, добровольно пошли на обманъ, что̀ и было настоящею причиной нашей неудачи. Оставить эту маску на другихъ, признать ее за настоящее лице и надѣть таковую же на себя заставилъ насъ не одинъ страхъ передъ грозными событіями, а главнымъ образомъ страхъ отступить отъ политическихъ и дипломатическихъ традицій, страхъ не нарушить европейскихъ интересовъ, сдѣлавшихся въ XIX столѣтіи столь дорогими русскому сердцу, и притомъ не одному только дипломатическому. Но именно этотъ страхъ передъ грозными событіями, передъ открытою борьбою съ Россіей, заставилъ Европу надѣть и до конца сохранять эту маску. Взглянемъ, какъ происходило дѣло.

Смуты въ Герцеговинѣ и Босніи начались, какъ извѣстно, съ подстрекательствъ Австріи, имѣвшихъ очевидную цѣль найти случай къ исполненію обѣщанія, даннаго Бисмаркомъ своему другу Андраши, вознаградить Австрію на Востокѣ за потери, понесенныя ею на Западѣ. Первымъ шагомъ къ исполненію этого обѣщанія было заключеніе тройственнаго союза, слѣдуя издавна извѣстному рецепту, что союзъ съ Россіей заключается всегда съ прямою цѣлью употребить ея силы для достиженія плановъ, ей не только чуждыхъ, но даже вредныхъ. Дѣло пошло. Сербія и Черногорія выступили на защиту славянъ. Въ Россіи возбудился общій народный энтузіазмъ. Можно ли сомнѣваться, что Австрія легко могла затушить начинавшій разгораться пожаръ, твердою угрозою Сербіи, недопущеніемъ въ нее русскихъ добровольцевъ, наконецъ, военнымъ занятіемъ Сербіи, если бы ничто другое не помогало?

Можно поручиться, что войны отъ этого бы не произошло, и Австріи это было очень хорошо извѣстно. Россіею были сдѣланы предложенія относительно Босніи и Герцеговины. Отвѣтомъ на нихъ было и да и нѣтъ, изъ котораго однако же Россія получила увѣренность, что прямаго противодѣйствія со стороны Австріи не послѣдуетъ. Болѣе всѣхъ побуждала Россію къ войнѣ, послѣ неудачи конференцій, Германія, которой очень желательно было исполнить данное Австріи обѣщаніе. Расчетъ Бисмарка былъ, вѣроятно, довольно простъ, такъ какъ для цѣлей Германіи большой сложности и не требовалось: наградить Австрію съ прямаго согласія Россіи, что̀ еще болѣе закрѣпило бы чрезвычайно выгодный для Германіи тройственный союзъ. Но расчеты Андраши были сложнѣе и тоньше. Ему желалось присоединить богатыя турецкія провинціи и подчинить своему вліянію западную часть полуострова, но не желалось, по весьма понятнымъ причинамъ, получить всю эту благодать изъ рукъ Россіи. Эта послѣдняя комбинація оставлялась про запасъ, на всякій случай, какъ немогущее миновать его рукъ pis aller. Поэтому, полная военная неудача Россіи не могла входить и въ австрійскіе планы, такъ же какъ и въ расчеты Германіи или, точнѣе, Бисмарка, по другимъ вышеизложеннымъ причинамъ. Поэтому, когда наши военныя неудачи начали, повидимому, угрожать неблагопріятнымъ исходомъ кампаніи, дано было разрѣшеніе перейти Дунай все медлившей румынской арміи и прекратилось сопротивленіе вмѣшательству Сербіи въ войну. Въ то время говорилось даже объ оказаніи Россіи непосредственной помощи. Всѣ эти хитросплетенія готовы были рухнуть передъ необычайнымъ зимнимъ переходомъ черезъ Балканы; но всѣ онѣ были возстановлены и получили даже новую жизненность и силу отъ незанятія нами проливовъ и заключенія прелиминарнаго мира. Конференціи или конгрессъ, мысль о которыхъ была пущена Австріей, должны были устроить все дѣло сообразно ея желаніямъ: то-есть доставить ей пріобрѣтеніе Босніи и Герцеговины, но не изъ рукъ Россіи, а въ видѣ европейской гарантіи противъ Россіи и Славянства. Что исполненіе этого европейскаго порученія оказалось на дѣлѣ сопряженнымъ съ трудностями и жертвами, которыя были бы избѣгнуты при союзномъ дѣйствіи съ Россіей, этого, конечно, тонкоумный Андраши не предвидѣлъ. Но въ концѣ концовъ цѣль его, на время по крайней мѣрѣ, будетъ достигнута.

Англія играла совершено въ ту же игру. Конечно, и она могла затушить разгоравшуюся распрю, подписавъ Берлинскій меморандумъ, или содѣйствуя улаженію мира на Константинопольскихъ конференціяхъ. Но ей также хотѣлось ловить рыбу въ мутной водѣ, хотя и съ нѣсколько иными расчетами. Видя все возраставшую уступчивость Россіи, она надѣялась, что Россія отойдетъ ни съ чѣмъ; а когда война грозила намъ неудачнымъ исходомъ, по крайней мѣрѣ, первой кампаніи, то самая военная неудача была бы ей пріятнѣе даже захвата Кипра и протектората надъ Малой Азіей, ибо лучше всего обезпечивала ея индѣйскія владѣнія, уничтожая все обаяніе русской силы на азіатцевъ. Опасности въ этой игрѣ она не предвидѣла, надѣясь, въ случаѣ надобности, всегда успѣть прійти на помощь Константинополю и проливамъ. Объ остальномъ она мало заботилась. И эти расчеты чуть-было не были посрамлены, подобно австрійскимъ, тѣмъ же нежданнымъ и негаданнымъ зимнимъ переходомъ чередъ Балканы; но снова оправданы незанятіемъ проливовъ и прелиминарнымъ миромъ. На полную уступчивость Россіи, однако, все еще не надѣялись. Вознагражденіемъ Англіи долженъ былъ служить Кипръ, или другая какая-либо позиція въ Средиземномъ морѣ. Война казалась неизбѣжною, и графъ Дерби, основывавшій свои расчеты на взвѣшиваніи политическихъ силъ, отступилъ передъ ея рискомъ и отвѣтственностью. Австрія представлялась ему ненадежною опорою; на собственныя силы, даже съ поддержкою сипайскаго контингента, онъ также не полагался. Но, какъ я уже разъ замѣтилъ, графъ Биконсфильдъ руководствовался соображеніями совершенно инаго рода. Психологическая проницательность романиста сослужила на этотъ разъ Англіи лучшую службу, чѣмъ статистико-политическія соображенія государственнаго человѣка.

Такимъ образомъ, причину войны возбудили одни изъ нашихъ европейскихъ противниковъ; другіе явною и тайною поддержкою укрѣпили сопротивленіе Турціи; они направляли ходъ войны, они же воспользовались ея плодами. Отъ начала до конца Турція была лишь орудіемъ ихъ замысловъ, маріонеткой, двигавшейся веревочками, за которыя ее дергали. Противъ кого же, слѣдовательно, мы въ сущности воевали?

Какъ же дѣйствовала Россія? Можно ли, по крайней мѣрѣ, утверждать, что Россія откровенно поддалась обману, дѣйствительно вѣрила, что воюетъ противъ Турціи? Нѣтъ, этому и она

не вѣрила; но она добровольно закрыла глаза, согласилась принять личину за живое лицо, и надѣла на себя маску. Въ этой дипломатической игрѣ дѣйствительно обманутыхъ не было, а былъ, такъ сказать, обманъ по взаимному соглашенію.

Русское чувство заставило Россію встрепенуться отъ головы до ногъ. Но она знала, что воевать съ Турціей значило воевать съ Европой, по крайней мѣрѣ съ Англіей и Австріей; а вся ея политическая и дипломатическая традиція возставала противъ такого нарушенія, принятыхъ ею на себя и восемьдесятъ лѣтъ почти безъ перерыва носимыхъ: политическаго европеизма, защиты европейскихъ интересовъ и подчиненія имъ русскихъ и славянскихъ интересовъ. Произошла драматическая комедія; борьба народнаго чувства, внутренняго, частью инстинктивнаго, частью сознательнаго пониманія своего историческаго назначенія — съ мнимымъ долгомъ, навязаннымъ пагубнымъ заблужденіемъ о нашей принадлежности къ европейской политической системѣ. Перипетіи этой внутренней борьбы извѣстны всѣмъ, слѣдившимъ за ходомъ событій. Изъ этой коллизіи Россія вывела себя дипломатическою фикціею. Переговоры, предшествовавшіе Константинопольской конференціи, сама эта конференція, въ особенности же переговоры за ней послѣдовавшіе, дипломатическія поѣздки, за кончившіяся лондонскимъ протоколомъ, — имѣли главною своею цѣлью добиться признанія этой фикціи. Фикція эта состояла въ томъ, что война противъ Турціи есть общеевропейская мѣра,— экзекуція, порученная намъ Европой, въ родѣ, напримѣръ, экзекуціонной войны, которую вела Франція противъ Испаніи, въ самый разгаръ реставраціи. Признанія этой фикціи мы собственно не добились, но, тѣмъ не менѣе, предъ войной была разослана русская нота, въ которой провозглашалось, что Россія предпринимаетъ войну для приведенія въ исполненіе безуспѣшныхъ настояній Европы. Въ то время и во время самой войны, эту фикцію можно было считать довольно невинною дипломатическою забавой, если угодно, даже ловкимъ дипломатическомъ маневромъ. Но, несмотря на грубое отрицаніе такого европейскаго признанія со стороны Англіи, мы, къ несчастію, продолжали считать его серіознымъ дѣломъ; и потому, когда наши войска стали у воротъ Константинополя и передъ роковыми проливами, мы, придерживаясь той же фикціи, рѣшили заключить не окончательный, а только прелиминарный миръ, который, какъ это прямо слѣдовало

изъ этой фикціи, подлежалъ утвержденію державъ, яко бы уполномочившихъ насъ на войну. Для обезпеченія нашего положенія было до очевидности необходимо занять проливы; но это было бы слишкомъ явнымъ противорѣчіемъ фикціи нашей европейской миссіи, ибо обезпеченіе это требовалось не противъ Турціи, но противъ самой Европы. Фикція восторжествовала надъ дѣйствительностью -- проливы остались незанятыми. О, тогда, конечно, Европа схватилась обѣими руками за данный нами ей предлогъ! Со всѣхъ сторонъ явились объявленія, что Восточный вопросъ есть вопросъ общеевропейскій, и наша фикція получила слишкомъ реальное осуществленіе въ Берлинскомъ конгрессѣ.

Не въ правѣ ли, слѣдовательно, былъ я утверждать въ 1869 еще году, что впредь война съ Турціей безполезна и, въ сущности, невозможна, и что, напротивъ того, возможна и необходима война съ Европой? Мы закрыли себѣ глаза и увѣрили себя, что ведемъ войну только противъ Турціи, что съ Европой мы въ мирѣ и ладу; на дѣлѣ же мы вели войну противъ Европы, лишь прикрываясь дипломатическою фикціей. Но, какъ само собой разумѣется, фикція была возможна только до тѣхъ поръ, пока между нами и Европой стояла турецкая фантасмагорія; когда же призракъ разсѣялся, и настоящіе враги явились лицомъ къ лицу, намъ ничего не оставалось, какъ взглянуть дѣйствительности прямо въ глаза. Но и тутъ мы предпочли отъ нея отвернуться.

Счастливыя случайности, а еще гораздо болѣе безпримѣрная отвага, стойкость и выносливость нашихъ геройскихъ войскъ, доставили намъ положеніе непреодолимое. Мы были законодателями судебъ Востока, даже безъ борьбы съ Европой, ибо борьба была невозможна съ ея стороны. Мы захватили ее врасплохъ. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться своимъ положеніемъ, мы добровольно промѣняли его на такое, въ которомъ борьба становилось уже крайне рискованною съ нашей стороны.

Въ рѣчи, въ которой англійскій первый министръ отдавалъ парламенту отчетъ въ торжествѣ Англіи и пораженіи Россіи на Берлинскомъ конгрессѣ, онъ, между прочимъ, произнесъ горделивыя слова: „Англія сказала: стой! — и Россія остановилась“. Мы не можемъ отрицать, что дѣло дѣйствительно имѣло такой видъ, и что таковъ именно эффектъ имѣютъ или будутъ имѣть

послѣднія событія на азіатскій міръ; однако же, самъ надменный министръ очень хорошо знаетъ, что въ сущности дѣло было не такъ. Не Англія, а ошибочная политика Россіи, ея угодливость передъ Европой—сказали стой русскимъ успѣхамъ. Сама Россія вложила въ руки Англіи оружіе противъ себя; сама устроила себѣ западню, захлопнула на ней крышу; сама дала окружить свои силы со всѣхъ сторонъ врагами: двухъ-сотъ тысячною турецкою арміею, со стороны проливовъ и Константинополя; англійскимъ флотомъ, съ возможными на разныхъ пунктахъ дессантами, со стороны Эгейскаго, Мраморнаго и Чернаго морей; силами Австріи съ тыла; несданными турецкими крѣпостями въ серединѣ своей позиціи,—и такимъ образомъ, поставила себя въ такое затруднительное положеніе, въ которомъ уступка за уступкой могли считаться горькою, но благоразумною необходимостью.

Это говоримъ мы вовсе не въ утѣшеніе оскорбленнаго народнаго самолюбія. Совершенно напротивъ. Въ нашихъ глазахъ было бы гораздо утѣшительнѣе, если бы Россія дѣйствительно отступила передъ англійскимъ: стой, а не по собственной угодливости передъ Европой, угодливости, которая засадила ее въ западню. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ означало бы отступленіе Россіи передъ угрозой Англіи? Что она взвѣсила свои силы и силы Англіи и нашла борьбу неравною, невыгодною для себя. Еслибъ этотъ разсчетъ былъ вѣренъ, то уклоненіе отъ борьбы было бы съ ея стороны благоразуміемъ. Если бы разсчетъ былъ ошибоченъ, то это свидѣтельствовало бы только о томъ, что силы противника были преувеличены, собственныя же силы преуменьшены; свидѣтельствовало бы о нашей нерѣшительности, трусливой осторожности, пожалуй, о нашемъ малодушіи. Но эта нерѣшительность, излишняя осторожность, малодушіе—были бы лишь явленіями временными, случайными, примѣры которыхъ повторялись не разъ въ исторіи разныхъ государствъ. Но ложная политика угодливости передъ Европой, жертвованіе ей своими интересами, приниманіе этихъ интересовъ за что-то высшее, требующее бо̀льшаго вниманія и уваженія, чѣмъ наши собственные русскіе интересы; политика, которая обратилась въ систему, въ традицію, въ неискоренимый предразсудокъ, вотъ уже восемьдесятъ лѣтъ парализирующій успѣшное развитіе нашей внѣшней исторической дѣятельности,—такое явленіе несравненно опаснѣе, несравненно оскорбительнѣе, чѣмъ невѣрный политическій разсчетъ, подавшій поводъ къ вре-

менному, случайному малодушію. Такая политическая система свидѣтельствуетъ не о сомнѣніи въ силахъ и средствахъ, имѣющихся въ данную минуту для достиженія предположенной цѣли, не объ ошибочной оцѣнкѣ нашего положенія въ настоящій моментъ, а о сомнѣніи въ смыслѣ, цѣли, значеніи самаго историческаго бытія Россіи, которые, какъ нѣчто несущественное, сравнительно маловажное, второстепенное, должны уступить мѣсто болѣе существенному, болѣе важному, первостепенному. Съ такими сомнѣніями въ сердцѣ исторически жить невозможно!

Упрекъ въ такомъ сомнѣніи падаетъ уже не на ту или другую, болѣе или менѣе вліятельную личность, а на извращеніе общаго народнаго сознанія, по крайней мѣрѣ тѣхъ классовъ народа, которые называются его интеллигенціею и призваны жить сознательною историческою жизнью. Гдѣ границы уступчивости, въ основаніи которой лежитъ такое сомнѣніе? Поставимъ себя на мѣсто государственнаго человѣка, заправляющаго судьбою любаго иностраннаго государства. Чего не сочтетъ онъ себя въ правѣ и въ возможности требовать отъ Россіи, если облечетъ свое требованіе въ одежду общеевропейскаго интереса, что̀ вѣдь такъ нетрудно сдѣлать? Стоитъ лишь наболтать всякаго вздора, въ который и самъ не вѣришь, въ ро̀дѣ сказаннаго на конгрессѣ графомъ Андраши противъ смежности границъ Сербіи и Черногоріи; или въ родѣ словъ Салисбюри о сплошномъ рядѣ славянскихъ государствъ; словъ Биконсфильда о непререкаемости правъ султана на Балканскіе проходы; или словъ самого Бисмарка въ германскомъ рейхстагѣ, что только денежные расчеты съ Турціей подлежатъ взаимному соглашенію воевавшихъ державъ, территоріальные же требуютъ санкціи Европы. Но, если бы со стороны Россіи даже послѣдовало сопротивленіе подчинить свои интересы чужимъ, то самая война противъ нея перестаетъ внушать опасеніе и страхъ, ибо сама побѣда въ рукахъ ея лишилась, присущей побѣдѣ, силы и дѣйствительности. Въ крайнемъ случаѣ, побѣжденному, на-голову разбитому противнику стоитъ лишь аппелировать къ европейскому конгрессу; а такую, ничего не стоющую помощь болѣе или менѣе краснорѣчивыми рѣчами, за краснымъ подковообразнымъ столомъ, готовъ оказать всякій, который задумался бы передъ оказаніемъ помощи, стоющей бо̀льшихъ жертвъ.

Кому не случалось слышать разсказовъ о полунощныхъ привидѣніяхъ, сквозь которыя безвредно пролетаютъ пистолетныя

пули? Какъ-бы такимъ привидѣніемъ—только наоборотъ—является Россія. Не сквозь нее безвредно пролетаютъ вражескія пули, а размахъ ея руки становится безсильнымъ; при ударѣ ея меча, разсѣкающемъ противника, половинки его percтаются; вся грозная сила ея войска обращается въ какой-то фантомъ, ибо самые тяжелые удары, имъ наносимые, не только исцѣляются ея же политикой и дипломатіей, но, какимъ-то непонятнымъ фокусомъ, отражаются на ней и заставляютъ истекать кровью ея собственное тѣло.

И такъ, не изъ страха передъ Англіей — въ сущности, даже не по ошибкѣ, отвѣтственность за которую должна бы падать на то или другое лицо, потеряли мы плоды нашихъ побѣдъ, а по гибельному политическому предразсудку, тяготѣющему надъ нами уже восемьдесять лѣтъ; предразсудку, которымъ проникнуто не только большинство нашихъ дипломатическихъ дѣятелей, но которымъ заражено большинство нашего общества, — вся та доля русскаго народа, которая носитъ названіе русской интеллигенціи и которая составляетъ ту среду, изъ которой выходятъ и наши дипломаты, и прочіе наши государственные и общественные дѣятели, которымъ, слѣдовательно, неоткуда набраться иныхъ политическихъ принциповъ, негдѣ проникнуться иными идеями. Не только немногіе голоса, отъ времени до времени раздававшіеся противъ нашихъ политическихъ и національныхъ заблужденій, но даже и самъ громкій и грозный голосъ такихъ событій, какъ Крымская война, были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

У насъ вошло въ обычай прославлять благодѣтельные результаты, проистекшіе, будто бы, изъ неудачъ Крымской войны, приписывая ихъ вліянію реформы послѣдняго двадцатилѣтія, въ томъ числѣ даже и самое освобожденіе крестьянъ. Мы всегда считали взглядъ этотъ невѣрнымъ, и убѣждены, что, каковъ бы ни былъ исходъ Крымской войны, либеральныя реформы непремѣнно послѣдовали бы въ наступившее тогда новое царствованіе. Защищать это воззрѣніе здѣсь не у мѣста, и мы упомянули о вліяніи Крымской войны на внутреннюю жизнь Россіи, единственно, чтобы указать, что опытъ ея въ тѣхъ сферахъ, къ которымъ онъ ближе всего относится, оказался малодѣйствительнымъ. Интендантская часть осталась столь же неудовлетворительною, какъ и тогда; политическія воззрѣнія на наши отношенія къ Европѣ также не измѣнились.

Мы надѣялись: „что сами событія (имѣющаго вновь выступить на историческую сцену Восточнаго вопроса) заставятъ отбросить, хотя бы по неволѣ, тѣ уваженія, которыя налагаются усвоенными привычками и преданіями, къ существующимъ, освященнымъ временемъ, интересамъ, даже незаконнымъ и враждебнымъ"; но должны сознаться, что горько въ этомъ ошиблись. Уваженія, основанныя на привычкахъ и преданіяхъ, оказались сильнѣе самихъ событій. Проистекшія изъ этого—глубокое разочарованіе и горечь неудачи, вмѣсто сладости и торжества побѣды, которыя мы уже готовы были вкусить,—произведутъ ли лучшее дѣйствіе? Если бы лѣкарство оказалось дѣйствительнымъ, мы благословили бы испитую нами чашу; но надѣяться на это не смѣемъ.

Хотя сила событій разъ уже обманула наши ожиданія, мы все продолжаемъ возлагать на нихъ преимущественно наши надежды. Въ только-что выписанномъ нами мѣстѣ, излагающемъ неисполнившіяся наши надежды на цѣлебную силу событій,—одно обстоятельство, считавшееся нами условіемъ успѣха и выраженное словами: „хотя бы то было по неволѣ", не осуществилось. Мы имѣли, къ несчастію, свободу выбора и предпочли протившей намъ дѣйствительности фикцію дружелюбнаго общаго дѣйствія рука объ руку съ Европой. Въ будущемъ, начинающемъ восходить на историческій горизонтъ, этого выбора, кажется, уже не будетъ.

Въ ряду слѣдовавшихъ другъ за другомъ, послѣ 19-го января, печальныхъ извѣстій, единственно отраднымъ было для насъ провозглашеніе Англіей протектората надъ Малою Азіей и захватъ Кипра. Не въ возбужденіи захватомъ Кипра негодованія и опасностей за будущее въ государствахъ, прилежащихъ къ Средиземному морю, видимъ мы зарю лучшаго будущаго. Мы такъ убѣждены въ коренной враждебности европейскихъ государствъ къ Россіи, что, если бы, вмѣсто Кипра, Англія захватила Сардинію и Корсику, то и этимъ не понудила бы Францію и Италію къ искреннему союзу съ Россіей, къ такому, который не только имъ помогъ бы обдѣлать свои дѣла, но содѣйствовалъ бы и Россіи въ достиженіи ея справедливыхъ и законныхъ цѣлей. Предразсудокъ окажется сильнѣе самихъ нарушенныхъ интересовъ. Во главѣ этихъ государствъ нѣтъ честолюбиваго, властолюбиваго, алчнаго Наполеона, и священные интересы Европы, то-есть интересы вражды и ненависти къ Россіи и Славянству, будутъ по прежнему стоять выше всего.

Насъ радуетъ и утѣшаетъ совершенно другое; то, что нако-

нецъ настоящіе враги стали другъ противъ друга. Безумный, по выраженію Гладстона, поступокъ Англіи заключаетъ въ себѣ прямое и дерзкое оскорбленіе Россіи, на которое первый министръ ея могъ рѣшиться только въ полнотѣ гордыни своего торжества. На всѣ наши, перешедшія всякую мѣру, уступки и жертвы матеріальныя и нравственныя, онъ отвѣтилъ грубымъ недовѣріемъ, на которое даже не счелъ нужнымъ испросить санкціи конгресса. Послѣ этого, конечно, и мы, не нарушая постановленій конгресса, были бы въ правѣ сказать: „Если полюбовное соглашеніе, такъ полюбовное, т. е. такое, которое не можетъ существовать безъ взаимнаго довѣрія и уваженія; если же система оскорбительнаго недовѣрія, предосторожностей и камня за пазухой, то она можетъ быть только обоюдною. Англія не вѣритъ намъ; она опасается за безопасность своихъ путей въ Индію, даже самыхъ окольныхъ; опасается нашихъ честолюбивыхъ поползновеній на азіатскія владѣнія Турціи; и мы, съ гораздо бóльшимъ основаніемъ, также опасаемся за наше черноморское прибрежье и за наши закавказскія владѣнія. Мы получили Карсъ, Ардаганъ, Батумъ, какъ самое ничтожное вознагражденіе за жертвы, принесенныя для обузданія турецкихъ злодѣйствъ; Англія же присвоила себѣ Кипръ даромъ, безъ всякихъ жертвъ, единственно въ исполненіе своихъ честолюбивыхъ видовъ и въ видахъ нанесенія намъ оскорбленія, какъ точку опоры для наблюденія за нами, для противодѣйствія нашему предполагаемому, хотя всѣми нашими дѣйствіями опровергаемому, честолюбію. У Англіи есть могущественный флотъ, — у насъ его нѣтъ на Черномъ морѣ. Она можетъ стремиться лишить насъ нашихъ закавказскихъ владѣній, можетъ, въ имѣющемъ подлежать ея вліянію армянскомъ населеніи Малой Азіи, устроить очагъ интригъ (вѣдь опасается же она нашихъ интригъ въ Афганистанѣ) для распространенія смутъ между нашими армянами. Противъ всего этого мы остаемся безоружными".

„Чтобы оградить себя отъ враждебнаго вліянія Англіи въ Константинополѣ, которое, каждую минуту, можетъ открыть ей ворота въ Черное море; чтобы предупредить замыслы, которые она можетъ имѣть противъ нашего Закавказья, мы должны были бы заявить, что мы оставляемъ за собою проходы черезъ Балканы, чтобы и съ своей стороны имѣть средства вліять на Турцію; что мы не возвращаемъ Баязета и Алашкертской долины; что мы остаемся въ Эрзерумѣ, чтобы, въ случаѣ нужды, пресѣчь ту же-

лѣзно-дорожную линію, которая должна идти вдоль долины Евфрата; что мы укрѣпимъ Батумъ. Англія объявила, что будетъ владѣть Кипромъ до тѣхъ поръ, покуда мы оставляемъ за собою то, чтò ей угодно называть нашими завоеваніями въ Малой Азіи; мы должны были бы объявить, что сохранимъ Балканскіе проходы, Баязетъ съ Алашкертской долиной, Эрзерумъ и батумскія укрѣпленія, до тѣхъ поръ, пока Англія не возвратитъ Кипра и не откажется отъ своей системы недовѣрія и оскорбительной подозрительности, выразившейся въ присвоеніи ею протектората надъ Малою Азіей. Если она истинный другъ Турціи—пусть докажетъ ей свою дружбу возвращеніемъ не только захваченнаго ею острова, но и всего того, чтò мы хотимъ оставить за собою сверхъ условленнаго по Берлинскому трактату, единственно въ видахъ предосторожности противъ интригъ и честолюбивыхъ замысловъ Англіи".

Хотя такія слова произнесены не были, но самый ходъ событій легко можетъ заставить насъ говорить именно этимъ языкомъ; во всякомъ случаѣ, теперь или послѣ, а дѣло поставлено такъ, что борьба между Англіей и Россіей сдѣлалась неизбѣжною. Уклониться отъ нея стало уже невозможнымъ. Англія дерзко вызываетъ насъ на бой, прямо и открыто, безъ всякой маски, безъ чьего либо посредства. Принятіе этого вызова есть только вопросъ времени, и такимъ образомъ, Восточный вопросъ приметъ свой настоящій видъ: борьбы Россіи и Славянства сначала противъ главнаго врага ихъ—Англіи. Весьма благопріятнымъ началомъ ея будетъ, если она возникнетъ изъ непосредственной ссоры съ Англіей изъ-за азіатскихъ дѣлъ. Этотъ окольный путь всего лучше приведетъ насъ къ нашимъ цѣлямъ: къ полному освобожденію и объединенію Славянъ и къ пріобрѣтенію проливовъ въ наше полное распоряженіе.

IV.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ КОНСТИТУЦІОННЫХЪ ВОЖДЕЛѢНІЙ НАШЕЙ „ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРЕССЫ".

(*Моск. Вѣд.* 1881, 20 мая).

Съ нѣкотораго времени все чаще и чаще стали появляться въ нашихъ либеральныхъ журналахъ болѣе или менѣе ясные и опредѣленные намеки на то, что единственно дѣйствительнымъ лѣкарствомъ для уврачеванія нашихъ общественныхъ золъ и бѣдъ было бы введеніе у насъ конституціи по образцу просвѣщенныхъ государствъ Запада. Намеки эти столь часто повторяются, что въ части нашей печати, держащейся другихъ воззрѣній, выражаемыя этими намеками вождѣленія должны были быть разоблачаемы и опровергаемы. И я желалъ бы сказать по этому предмету нѣсколько словъ. Прежде всего, дабы избѣжать дѣйствительныхъ недоразумѣній или умышленныхъ увертокъ, надо точно опредѣлить, что̀ разумѣть подъ словомъ *конституція*. Въ обширномъ смыслѣ оно обозначаетъ государственное устройство вообще, и въ такомъ смыслѣ конституціей обладаетъ и Россія. Но, конечно, не объ этомъ идетъ рѣчь. Всякому извѣстно, что слово *конституція* имѣетъ еще и другой, несравненно болѣе тѣсный, но, по этому самому, и болѣе точный, опредѣленный смыслъ.

Подъ конституціей разумѣется такое политическое учрежденіе, которое доставляетъ гарантію, обезпеченіе извѣстнаго политическаго и гражданскаго порядка не только отъ нарушенія его подчиненными агентами власти, но и самимъ главою государства. Конституція есть слѣдовательно ограниченіе верховной власти монарха или, точнѣе, раздѣлъ верховной власти между монархомъ и однимъ или нѣсколькими собраніями, составленными на

основаніи избранія, или родоваго наслѣдственнаго права. Въ этомъ ограниченіи, въ этомъ раздѣленіи власти вся сущность дѣла: есть оно—есть и конституція; нѣтъ его—нѣтъ и конституціи, и никакая гласность, никакія совѣщательныя учрежденія, при посредствѣ которыхъ желанія, потребности, нужды народа могли бы доходить до свѣдѣнія верховной власти, конституціи въ этомъ смыслѣ еще не составляютъ.

Конечно, я никому не скажу чего-либо новаго, утверждая, что всѣ осуществленныя на дѣлѣ и даже всѣ мыслимыя формы правленія несовершенны по самому существу своему, и что ежели каждая изъ этихъ формъ, т. е. различные виды монархій, аристократій и демократій, обладаютъ свойственными имъ достоинствами и преимуществами, то каждая изъ нихъ имѣетъ и свойственные ей недостатки; словомъ, что идеальной формы правленія не существуетъ, что поиски за таковою были бы поисками за философскимъ камнемъ, вѣчнымъ движеніемъ, квадратурой круга. Но этого мало. Если бы такая форма дѣйствительно существовала въ теоріи, то на практикѣ отъ нея было бы очень мало пользы, ибо вопросъ заключается не въ абстрактномъ существованіи такого политическаго идеала, а въ примѣнимости его къ данному случаю, то есть къ данному народу и государству въ данное время, и слѣдовательно, вопросъ о лучшей формѣ правленія для извѣстнаго государства рѣшается не политическою метафизикой, а исторіей. Я позволилъ себѣ написать эти немногія строки общихъ мѣстъ, *труизмовъ*, лишь для того, чтобы показать, что всякія разсужденія о пользѣ, безполезности или вредѣ конституціи для Россіи, по меньшей мѣрѣ разсужденія праздныя,—что имъ долженъ предшествовать другой, гораздо болѣе радикальный вопросъ: возможна ли конституція въ Россіи? И отвѣчаю на него: нѣтъ, конституція въ Россіи совершенно и абсолютно не возможна, то есть нѣтъ власти и могущества на землѣ, которыя могли бы ей даровать ее.

Во всѣхъ современныхъ политическихъ ученіяхъ болѣе или менѣе ясно и открыто провозглашается, какъ политическій идеалъ, принципъ державности или верховенства народа. Для осуществленія его на практикѣ требуютъ всеобщей подачи голосовъ, которая дѣйствительно введена уже во многихъ государствахъ, и должна въ непродолжительномъ времени ввестись и во многихъ другихъ, напримѣръ въ Италіи. Но и это, по справедливому въ сущности мнѣнію крайнихъ демократовъ, не даетъ не малѣйшаго ручатель-

ства въ томъ, что страна дѣйствительно управляется сообразно съ желаніями большинства. Какъ очевидный примѣръ противорѣчія образа дѣйствій правительства, избраннаго всеобщей подачей голосовъ, съ желаніями этого большинства, можетъ служить изгнаніе духовныхъ орденовъ изъ Франціи и атеизація французскихъ школъ, когда все деревенское населеніе, да и значительная часть городскаго остаются приверженными къ католицизму. Для осуществленія на дѣлѣ этого верховенства народа придумано новѣйшими радикалами ученіе о крайнемъ федерализмѣ, не такомъ, какой, напримѣръ, существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ или въ Швейцаріи, гдѣ штатъ или кантонъ заключаетъ въ себѣ отъ сотни тысячъ до нѣсколькихъ милліоновъ гражданъ, а о федераціи самыхъ элементарныхъ общественныхъ единицъ, т. е. общинъ. Немного нужно размышленія, чтобъ убѣдиться, что и при такомъ общественномъ устройствѣ верховенство народа останется такой же фикціей, какъ и при всеобщей подачѣ голосовъ въ большихъ государствахъ. Конечно, свои мелкія общественныя дѣла народъ будетъ въ состояніи рѣшать вполнѣ самостоятельно, ежели угодно державно— вѣдь это все дѣла такого рода, которыя и теперь, при любомъ государственномъ устройствѣ, самъ народъ можетъ рѣшать и рѣшаетъ при правильно устроенномъ самоуправленіи. Но дѣла болѣе общаго характера, обнимающія собою интересы цѣлыхъ группъ общинъ и, наконецъ, всего федеративнаго государства, чрезъ это не упразднятся, и, по отношенію къ нимъ, масса народа будетъ столь же не компетентна, какъ и теперь въ любомъ централизованномъ государствѣ. Чтобы выразить свою волю, надо прежде всего имѣть ее, а дабы имѣть, надо обладать сколько-нибудь отчетливымъ мнѣніемъ о предметѣ, относительно котораго должна выразиться эта воля. И напрасно думаютъ, что этого можно достигнуть просвѣщеніемъ народа. Просвѣщеніе это во всякомъ случаѣ можетъ быть только самымъ элементарнымъ, а предметы политическіе, точно также какъ и научные, требуютъ образованія обширнаго, требуютъ сосредоточенія мысли, а это въ свою очередь требуетъ досуга, котораго работающій на фабрикахъ, пашущій землю и вообще матеріально трудящійся народъ имѣть не можетъ. Словомъ, державность и верховенство народа, понимаемыя въ смыслѣ управленія внѣшними и внутренними дѣлами государства на основаніи воли народа, есть фикція, абсурдъ, нелѣпость, по той, уже вышеупомянутой, весьма простой причинѣ, что для управленія на основаніи

воли народа по меньшей мѣрѣ необходимо, чтобы такая воля была, а ея-то и нѣтъ и быть не можетъ.

Но верховность народа имѣетъ и другой смыслъ. Въ этомъ смыслѣ она не составляетъ ни права, ни какого-либо политическаго идеала, котораго можно и нужно бы было стремиться достигнуть, а есть простой фактъ, всеобщій, неизбѣжный, неизмѣнный, состоящій въ томъ, что основное строеніе всякаго государства есть выраженіе воли народа его образующаго, есть осуществленіе его коренныхъ политическихъ воззрѣній, которыхъ не лишенъ ни одинъ народъ, ибо иначе онъ и не составлялъ бы государства, да и вообще не жилъ бы ни въ какой формѣ общежитія, и ежели такое коренное народное политическое воззрѣніе затемняется, утрачивается, то и государство имъ образуемое разлагается и исчезаетъ: это не теорема, а аксіома, не требующая доказательствъ, истина сама по себѣ понятная.

Всякая идея, дабы осуществиться, перейти въ дѣйствительность, въ фактъ, должна имѣть въ подкладкѣ своей силу для своей реализаціи, а гдѣ же искать эту силу для идеи политической какъ не въ массѣ, не въ совокупности народа, который по ней устраивается въ государство и поддерживаетъ его противъ всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ въ теченіе своей исторической жизни? Всѣ исключенія, которыя можно представить противъ всеобщности этого закона, только кажущіяся. Напримѣръ, скажутъ, неужели Болгары, Греки и вообще вся христіанская райя составляющая большинсто населенія Европейской Турціи, своею волей поддерживала Турецкое государство? Конечно, нѣтъ, но эти народы никогда Турецкаго государства собою и не составляли, они были внѣ его, чужды ему во всѣхъ отношеніяхъ и удерживались въ немъ внѣшнею силой, точно такъ, какъ, напримѣръ непріятельская армія удерживаетъ въ своемъ повиновеніи занятую ею страну. Тутъ внѣшнее насиліе постоянно дѣйствовало въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, а не только въ тотъ историческій моментъ, когда произошло завоеваніе. Само собой разумѣется, что мы говоримъ не о завоеваніи, а о правомѣрномъ, самаго себя поддерживающемъ государственномъ строѣ. Но бываютъ случаи, которые сильнѣе говорятъ противъ нашего положенія, чѣмъ примѣръ турецкой райи. Несомнѣнно существуютъ примѣры, что въ иномъ государствѣ распространено всеобщее недовольство не какими-либо частными отдѣльными правительственными мѣрами, а самымъ

основнымъ политическимъ строемъ его и, несмотря на это, онъ сохраняется и продолжаетъ существовать многіе и многіе годы. Но не должно забывать—что̀ однако же такъ часто забывается—что всѣ такъ называемыя политическія, экономическія и вообще общественныя силы не самобытны, не непосредственны, какъ, напримѣръ, силы физическія, а могутъ дѣйствовать лишь чрезъ посредство индивидуальнаго сознанія,—а для того, чтобы достигнуть его, чтобъ оно уяснилось и опредѣлилось, требуется очень и очень много времени; а пока это не произойдетъ, старый порядокъ продолжаетъ держаться, по инерціи, по привычкѣ, и въ этомъ случаѣ все распадается при первомъ толчкѣ, пришедшемъ извнѣ или извнутри.

Можно представить и такое фактическое возраженіе. Если государственный строй есть выраженіе народной воли, то какимъ образомъ объяснить непрерывныя перемѣны этого строя во Франціи въ послѣднее столѣтіе, въ теченіе котораго различнаго вида и характера республики, имперіи и королевскія монархіи смѣняли другъ друга? Неужели народная воля могла столь быстро мѣняться, воля, которая имѣла даже возможность ясно и открыто себя заявлять и повидимому заявляла себя? Иные думаютъ даже, что нѣкоторыя изъ этихъ перемѣнъ, напримѣръ, установленіе второй имперіи, было чистымъ подлогомъ, подтасовкой голосовъ. Мнѣніе очевидно несправедливое; если и былъ въ самомъ дѣлѣ подлогъ, онъ могъ простираться на сотню, другую тысячъ голосовъ, съ цѣлью представить въ большемъ блескѣ единодушіе французской націи, а не на всѣ милліоны дѣйствительно поданные въ пользу Наполеона. Дѣло очевидно въ томъ, что какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлый народъ можетъ потерять твердость, ясность и опредѣленность своихъ убѣжденій, и результатомъ этого будетъ въ обоихъ случаяхъ шаткость всѣхъ поступковъ. Съ народомъ, какъ существомъ коллективнымъ, можетъ произойти еще и иное: убѣжденія народа могутъ потерять свою цѣльность, свое единство, раздѣлиться такъ, что ни одно изъ нихъ не будетъ имѣть безспорно преобладающей силы. Тогда, очевидно, то или другое изъ нихъ будетъ брать перевѣсъ, смотря по случайнымъ обстоятельствамъ. Это безъ сомнѣнія и имѣло и имѣетъ до сихъ поръ мѣсто во Франціи. Конечно Вандейцы, жители Бретани, имѣли въ эпоху первой Французской революціи весьма опредѣленное и ясное политическое убѣжденіе и выразили его въ своемъ героиче-

скомъ возстаніи, но убѣжденіе это было совершенно не то, которымъ было одушевлено населеніе Парижа. Послѣ всѣхъ этихъ треволненій, въ духѣ французскаго народа осталось твердымъ и незыблемымъ только одно политическое убѣжденіе самаго общаго характера, то, что Франція должна быть независимою и сильною державой,—и это убѣжденіе свое проявилъ онъ и въ 1870 и 1871 годахъ, проявляетъ и теперь, не жалѣя никакихъ жертвъ на устройство своихъ вооруженныхъ силъ. Но затѣмъ, какая государственная форма должна быть усвоена этою, непремѣнно сильною и независимою, Франціей, это для большинства Французовъ стало неяснымъ и неопредѣленнымъ, а для тѣхъ, для кого оно и опредѣленно и ясно, для тѣхъ, кто имѣетъ политическія убѣжденія (вѣрныя или не вѣрныя, это все равно), они чрезвычайно различны.

Діаметральную противоположность съ Французскимъ представляетъ въ этомъ отношеніи Русскій народъ. Его политическія воззрѣнія, его политическая воля до того ясны, опредѣленны и цѣльны, что даже ихъ нельзя назвать воззрѣніями, убѣжденіями и даже волей, потому что понятіе воли предполагаетъ выборъ, оцѣнку pro и contra. Политическія воззрѣнія и убѣжденія, государственная воля Русскаго народа составляютъ непреложный политическій инстинктъ, настоящую политическую вѣру, въ которой самъ онъ не сомнѣвается и относительно которой никто, сколько-нибудь знакомый съ нашимъ народнымъ духомъ, усомниться не можетъ. Я позволю себѣ привести слѣдующее мѣсто изъ моей книги *Россія и Европа*, ясно выражающее мою мысль:

„Нравственная особенность русскаго государственнаго строя заключается въ томъ, что Русскій народъ есть цѣльный организмъ, естественнымъ образомъ, не посредствомъ болѣе или менѣе искусственнаго государственнаго механизма только, а по глубоко-вкорененному народному пониманію, сосредоточенный въ его Государѣ, который, вслѣдствіе этого, есть живое осуществленіе политическаго самознанія и воли народной, такъ что мысль, чувство и воля его сообщаются всему народу процессомъ, подобнымъ тому, какъ это совершается въ личномъ самосознательномъ существѣ. Вотъ смыслъ и значеніе русскаго самодержавія, котораго нельзя поэтому считать формой правленія въ обыкновенномъ смыслѣ, придаваемомъ слову форма, по которому она есть нѣчто внѣшнее, могущее быть измѣненнымъ безъ измѣненія сущности предмета, мо-

гущее быть обдѣланнымъ какъ шаръ, кубъ или пирамида, смотря по внѣшней надобности, соотвѣтственно внѣшней цѣли. Оно, конечно, также форма, но только форма органическая, т. е. такая, которая не раздѣлима отъ сущности того, чтò ее на себѣ носитъ, которая составляетъ необходимое выраженіе и воплощеніе этой сущности. Такова форма всякаго органическаго существа, отъ растенія до человѣка; посему и измѣнена, или, въ примѣненіи къ настоящему случаю, ограничена такая форма быть не можетъ. Это невозможно для самой самодержавной воли, которая по существу своему, т. е. по присущему народу политическому идеалу, никакому внѣшнему ограниченію не подлежитъ, а есть воля свободная, т. е. самоопредѣляющаяся" (стр. 501).

Сомнѣваться, что таково именно понятіе Русскаго народа о власти Русскаго Государя, невозможно; спрашивать его объ этомъ безполезно и смѣшно. Такой вопросъ былъ уже заданъ ему самою исторіей, и отвѣтилъ онъ на него не списками голосовъ опускаемыми въ урны, а своими дѣяніями, своимъ достояніемъ и кровью. Было время, когда государство въ Россіи перестало существовать, когда была tabula rasa, на которой народъ могъ писать, чтò ему было угодно. Онъ по слову Минина собрался и снарядилъ рать, освободилъ Москву и вновь создалъ государство по тому образцу, который ясными и опредѣленными чертами былъ запечатлѣнъ въ душѣ его. Измѣнился ли съ того времени этотъ постоянно присущій ему образъ, и еслибъ, избави Боже, ему пришлось вновь проявить эту свою творческую, зиждительную дѣятельность, не такъ ли же точно онъ бы поступилъ, какъ и въ приснопамятныхъ 1612 и 1613 годахъ? Пусть всякій вдумается въ этотъ вопросъ и отвѣтитъ на него предъ своею совѣстью, не кривя душой!

Но, при такомъ понятіи народа о верховной власти, дѣлающемъ Русскаго Государя самымъ полноправнымъ, самодержавнымъ властителемъ, какой когда-либо былъ на землѣ, есть однако же область, на которую, по понятію нашего народа, власть эта совершенно не распространяется,—это область духа, область вѣры. Можетъ быть скажутъ, что тутъ нѣтъ никакой особенности Русскаго народа, что вѣра всегда и вездѣ составляетъ нѣчто не подлежащее никакой внѣшней власти, что всевозможныя принужденія и гоненія никогда не достигали своей цѣли. Но дѣло не въ принужденіяхъ и гоненіяхъ, а въ томъ, что многіе, въ другихъ отношеніяхъ высокоразвитые и свободолюбивые народы, не придавали та-

кого первенствующаго, наисущественнѣйшаго значенія внутреннему сокровищу духа,—такъ что предоставляли рѣшеніе относящихся до него вопросовъ государственной власти, между тѣмъ какъ за малѣйшее право внѣшней, гражданской, или политической, свободы стояли съ величайшею твердостью. Укажу лишь на примѣръ свободолюбивой Англіи, въ которой, начиная съ Генриха VIII, правительственныя власти составляли догматы, литургію и обряды новаго вѣроисповѣданія такимъ точно путемъ, какъ составляются всякіе другіе законодательные билли. Такимъ путемъ состряпанное вѣроисповѣданіе и есть англиканское, которое изъ рукъ правительства было принято тогда же большинствомъ Англійскаго народа, и теперь имъ удерживается. Рыцари нашихъ прибалтійскихъ губерній перешли изъ католичества въ лютеранство—слыхалъ ли кто-нибудь о сопротивленіи этому переходу со стороны Эстонскаго и Латышскаго народа? Да и во время реформаціи все исходило отъ владѣтельныхъ князей, бароновъ, городовъ, а про народъ въ различныхъ договорныхъ актахъ того времени говорилось, что онъ долженъ слѣдовать за своимъ сюзереномъ, и дѣйствительно онъ за нимъ послушно слѣдовалъ. Надо ли указывать на то, что не такъ понималъ и понимаетъ дѣло вѣры Русскій народъ?

Я уже сказалъ, что и политическій строй Русскаго государства составляетъ предметъ настоящей политической вѣры Русскаго народа, которой онъ держится и будетъ, несмотря ни на что, твердо и неизмѣнно держаться именно какъ вѣры. Если, слѣдовательно, когда-либо Русскій Государь рѣшится дать Россіи конституцію, то есть ограничить внѣшнимъ формальнымъ образомъ свою власть, потому ли, что коренная политическая вѣра его народа была бы ему не извѣстна, или потому, что онъ считалъ бы такое ограниченіе своей власти соотвѣтствующимъ народному благу, то и послѣ этого народъ, тѣмъ не менѣе, продолжалъ бы считать его государемъ полновластнымъ, неограниченнымъ, самодержавнымъ, а слѣдовательно, въ сущности онъ таковымъ бы и остался. Конечно, государь, подобно всякому человѣку, можетъ и долженъ себя ограничивать; но онъ не можетъ сдѣлать, чтобъ это самоограниченіе, т. е. истинная свобода, стало ограниченіемъ внѣшнимъ, формальнымъ, извнѣ обязательнымъ, т. е. принудительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ бы это внѣшнее ограниченіе заключалось, на что опиралось бы оно, когда народъ его бы не призналъ и не принялъ? А онъ его не принялъ бы и не призналъ бы, по-

тому что мысли объ этомъ не могъ бы въ себя вмѣстить, не могъ бы себѣ усвоить, какъ нѣчто совершенно ему чуждое. Конечно, онъ исполнялъ бы всю повелѣнную ему внѣшнюю обрядность, выбиралъ бы депутатовъ, какъ выбираетъ своихъ старшинъ и головъ, но не придавалъ бы этимъ избраннымъ инаго смысла и значенія какъ подчиненныхъ слугъ царскимъ, исполнителей его воли, а не ограничивателей ея. Чтó бъ ему ни говорили, онъ не повѣритъ, сочтетъ за обманъ, за своего рода „золотыя грамоты". Но если бы, наконецъ, его въ этомъ убѣдили, онъ понялъ бы одно, что у него нѣтъ болѣе царя, нѣтъ и Русскаго царства, что наступило новое Московское разореніе, что нужны новые Минины, новые народные подвиги, чтобы возстановить царя и царство...

Итакъ, внѣшнее формальное ограниченіе царской власти—чтó и составляетъ единственный смыслъ, который можно соединить со словомъ конституція—немыслимо и не осуществимо; оно осталось бы пустою формой, не дающею никакихъ другихъ гарантій или обезпеченій политическихъ и гражданскихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя верховная власть хочетъ предоставить своему народу, насколько и когда этого хочетъ—какъ всегда отъ ея воли зависящій, и ни отъ чего инаго не зависящій даръ.

Для гарантій, для обезпеченія правъ, скажемъ прямо, для ограниченія царской власти очевидно нужно имѣть опору внѣ этой власти, а этой-то опоры нигдѣ и не оказывается. Желаемая конституція, вождѣленный парламентъ вѣдь никакой иной опоры, кромѣ той же царской воли, которую они должны ограничивать, не будутъ и не могутъ имѣть. Какимъ же образомъ ограничатъ они эту самую волю, на которую единственно только и могутъ опираться? Вѣдь это nonsense, безсмыслица. Архимедъ говорилъ, что берется сдвинуть даже шаръ земной, но лишь подъ условіемъ, что ему дадутъ точку опоры внѣ его. Только Мюнхгаузенъ считалъ возможнымъ рѣшить подобную задачу инымъ образомъ, вытащивъ себя за собственную косу изъ болота, въ которое завязъ.

Какъ же назвать послѣ этого желаніе нѣкоторыми, конечно весьма немногими въ сущности, русской конституціи, русскаго парламента? Какъ назвать учрежденіе, которое завѣдомо никакóго серіознаго значенія не можетъ имѣть, какъ назвать дѣло имѣющее серіозную форму, серіозную наружность при полнѣйшей внутренней пустотѣ и безсодержательности? Такія вещи на общепринятомъ языкѣ называютъ мистификаціями, комедіями, фарсами, шу-

товствомъ, и русскій парламетъ, русская конституція ничѣмъ кромѣ мистификаціи, комедіи, фарса или шутовства и быть не можетъ. Хороши ли или дурны были бы эта конституція и этотъ парламентъ, полезны или вредны—вопросъ второстепенный и совершенно праздный, ибо онъ подлежитъ другому, гораздо радикальнѣйшему рѣшенію: русская конституція, русскій парламентъ невозможны какъ дѣло серіозное, и возможны только какъ мистификація, какъ комедія. Придать серіозное значеніе конституціонному порядку вещей въ Россіи—это ни въ чьей, рѣшительно ни въ чьей власти не находится.

Въ нашъ вѣкъ, очень обильный куріозами, мы видѣли уже въ одномъ государствѣ примѣръ такой конституціонной мистификаціи, такой парламентской комедіи. Шутовское представленіе было дано въ Константинополѣ въ 1877 году, послѣ того какъ русскія войска перешли уже черезъ Прутъ. Самъ устроитель его Мидхатъ, дарователь—султанъ, участники—депутаты и зрители (публика эта впрочемъ была очень малочисленна, ибо едва ли кто изъ подданныхъ султана удостоивалъ малѣйшаго вниманія отчеты, печатаемые въ газетахъ, о дебатахъ Стамбульскаго парламента), всѣ, безъ исключенія, знали, что устроена была мистификація и комедія. Впрочемъ, она имѣла еще нѣкоторое оправданіе. Мистификація была расчитана не на турецкую, а на европейскую публику. Даже нельзя сказать, чтобъ и ее надѣялись обмануть. Дѣло было предпринято съ совѣта и согласія Англіи, съ мыслію, не удастся ли обмануть Россію, не отступитъ ли она предъ упреками европейскаго общественнаго мнѣнія въ гоненіи свободныхъ государственныхъ формъ, въ гоненіи зараждающейся свободы. Но фарсъ былъ слишкомъ грубъ. Россія пошла своимъ путемъ, и даже со стороны европейскаго общественнаго мнѣнія упрека этого не послѣдовало.

Но даже и этого жалкаго оправданія не выпало бы на долю желаемой нѣкоторыми Петербургской комедіи. При чтеніи нѣкоторыхъ нашихъ газетъ, мнѣ представляется иногда этотъ вожделѣнный Петербургскій парламентъ: видится мнѣ великолѣпное зданіе въ старинномъ теремномъ русскомъ вкусѣ, блистающее позолотой и яркими красками; видится великолѣпная зала въ родѣ Грановитой Палаты, но конечно гораздо обширнѣе, и въ ней амфитеатромъ расположенныя скамьи; сидящіе на нихъ представители Русскаго народа во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, раздѣленные, какъ подобаетъ, на правую, лѣвую стороны, центръ,

подраздѣленный въ свою очередь на правый, лѣвый и настоящій центральный центръ; а тамъ вдали, на высотѣ, и наша молніеносная гора,—гора непремѣнно: безъ чего другаго, а безъ горы конечно уже невозможно себѣ представить русскаго парламента; затѣмъ скамьи министровъ, скамьи журналистовъ и стенографовъ, предсѣдатель съ колокольчикомъ, и биткомъ набитыя элегантными мущинами и дамами, въ особенности дамами, трибуны, а наконецъ и сама ораторская каѳедра, на которую устремлены всѣ взоры и направлены всѣ уши, а на ней ораторъ, защищающій права и вольности русскихъ гражданъ. Я представляю себѣ его великолѣпнымъ, торжествующемъ, мечущимъ громы изъ устъ и молніи изъ взоровъ, съ грозно поднятою рукой; слышу восторженные: слушайте, слушайте, браво, и ироническіе: о-го! Но между всѣми фразами оратора, всѣми возгласами депутатовъ, рукоплесканіями публики, мнѣ слышатся, какъ все заглушающій акомпаниментъ, только два слова, безпрестанно повторяемыя, несущіяся ото всѣхъ краевъ Русской земли: шутъ гороховый, шутъ гороховый, шуты гороховые!

Неужели пало на голову Россіи еще мало всякаго рода стыда, позора и срама, отъ дней Берлинскаго конгресса до гнуснаго злодѣянія 1 марта, чтобы хотѣть навалить на нее еще позоръ шутовства и святочнаго переряживанья въ западническіе костюмы и личины!

Мшатка
21 апр. 1881 г.

V.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ НАШЕГО НИГИЛИЗМА.

По поводу статьи: „Этюды господствующаго міровоззрѣнія".

(*Русь 1884*, 15 ноябр. и 1 дек.).

Помѣщенная подъ выписаннымъ заглавіемъ статья г. К. Толстаго въ 16 № „Руси" (1834) показалась мнѣ чрезвычайно интересною, какъ искренній голосъ человѣка, принадлежавшаго къ числу адептовъ ученія, окрещеннаго у насъ именемъ „нигилизма", затѣмъ понявшаго его ложность и возвратившагося къ болѣе правильному взгляду на вопросы нравственности и политики, и откровенно излагающаго, чтѣ именно заставило его, а вѣроятно и многихъ другихъ, примкнуть къ нигилистическому исповѣданію, а затѣмъ отрѣшиться отъ него. Въ концѣ статьи авторъ изъявляетъ благодарность за всякія указанія на ошибки и неясности.

Мнѣ захотѣлось заслужить ее, указавъ на то, чтѣ представляетъ, по моему, неясности и недоразумѣнія именно по вопросу о происхожденіи и широкомъ распространеніи нигилистическаго ученія, получившаго такую странную превлекательность для молодежи и для немолодежи въ оные дни, а затѣмъ изложить и собственныя мои мысли по этому предмету.

Если я вѣрно понялъ мысль автора, то причина, оттолкнувшая людей изъ поколѣнія начала шестидесятыхъ годовъ отъ христіанскихъ идеаловъ, заключалась въ загрязненіи и опошленіи ихъ разными Іудушками или Тартюфами, и что такое же загрязненіе и опошленіе новыхъ идеаловъ нигилистической этики Юханцовыми и собратіей заставили многихъ, подобнымъ же образомъ, отвратиться и отъ этихъ послѣднихъ.—Что таковъ дѣйствительно былъ историческій процессъ смѣны убѣжденій у автора и у многихъ

другихъ отдѣльныхъ лицъ, къ чести ихъ чувствъ, но не къ чести ихъ логики,—этому вполнѣ я вѣрю; вѣрю и тому, что „у большинства вѣра эта (новая, нигилистическая) была вполнѣ искренняя и горячая, что во всемъ процессѣ перемѣны идеаловъ не было ни слѣда (у большинства только конечно, а не у всѣхъ же) преднамѣреннаго самораспусканія, поддѣлки, фальши и вообще какой-нибудь недобросовѣстности“. Но если все это такъ было, то какое же было непониманіе цѣлей, какое отсутствіе всякой логики! Говоря такъ, я имѣю въ виду не вообще матеріалистическое ученіе, полагающее свое основаніе въ области чистаго мышленія, а не въ потребности новыхъ нравственныхъ началъ,—а именно нигилистическій матеріализмъ, который при самомъ своемъ возникновеніи вступилъ прямо въ нравственную сферу и потому въ ней же и коренится, по выраженію. г. К. Толстаго.—Да, изумительная нелогичность господствовала въ умахъ! Только она и позволяетъ понять недоумѣніе автора, когда онъ, описавъ процессъ возникновенія Юханцовыхъ и вообще того, что̀ онъ весьма вѣрно называетъ порнофикаціею русскаго общества, изъ новыхъ идеаловъ, восклицаетъ: „таковъ обыкновенный процессъ опошленія идеаловъ“, и, вслѣдъ за тѣмъ, еще недоумѣваетъ, говоря: „но въ данномъ случаѣ необыкновенна та быстрота, съ которою наши новые идеалы опошлились, между тѣмъ какъ идеалы христіанства такъ долго господствовали, и еще доселѣ продолжаютъ господствовать надъ человѣчествомъ“. Удивляться тутъ не́чему и не надъ чѣмъ недоумѣвать. Причина всего этого заключается не только въ различіи качествъ самихъ идеаловъ, которое конечно признаетъ и самъ авторъ, но еще и въ другомъ, весьма существенномъ для занимающагося насъ вопроса, обстоятельствѣ, которое по видимому не столь для него ясно. Дѣло въ томъ, что ни въ Іудушкахъ, или, общѣе и понятнѣе, ни въ Тартюфахъ, съ одной стороны, ни въ Юханцовыхъ съ собратіею, съ другой, нѣтъ ни малѣйшаго загрязненія и опошленія идеаловъ, а есть нѣчто совершенно иное. Всѣ Іудушки, Тартюфы и вообще всѣ исказите́ли христіанства или зазнамо отрекаются отъ его идеаловъ, зазнамо поступаютъ совершенно вопреки имъ и лишь маскируются ихъ личиною; или, по крайней грубости своего ума и чувства, вовсе не понимаютъ этихъ идеаловъ; или, наконецъ, по слабости и немощи человѣческой природы, не согласуютъ съ ними своей жизни вообще, или въ отдѣльныхъ случаяхъ, также болѣе или менѣе ясно сознавая это. Оче-

видно, что ни въ одномъ изъ этихъ трехъ случаевъ нѣтъ ни загрязненія, ни опошленія христіанскихъ идеаловъ, продолжающихъ по прежнему пребывать чистыми и недосягаемо высокими; а есть только или полное ихъ отрицаніе, или теоретическая, или практическая непослѣдовательность имъ, или обѣ вмѣстѣ. — Но точно такъ же и новые Іудушки и Катоны отъ нигилизма, какъ называетъ ихъ нашъ авторъ, вовсе не опошляютъ и не загрязняютъ своихъ новыхъ этическихъ идеаловъ. Совершенно напротивъ, эти практическіе нигилисты только одни изъ послѣдователей новаго ученія и выказали полное логическое его пониманіе, одни только и были вполнѣ послѣдовательны, вѣрны его духу.

Глубокое различіе и даже совершенная противоположность между идеалами и послѣдователями христіанства, съ одной стороны, и идеалами и послѣдователями нигилизма (такъ для краткости буду называть новое ученіе), съ другой, заключается между прочимъ въ томъ, что практика никогда не достигала, если позволено такъ выразиться, теоріи христіанства; въ новомъ же ученіи, напротивъ того, практики превзошли самыхъ послѣдовательныхъ теоретиковъ и въ правильности его пониманія, и въ логической строгости выводовъ изъ него. Собственно они одни и заслуживаютъ названіе нигилистовъ, потому что они одни остались вполнѣ вѣрными новому нравственному кодексу, правильно вывели изъ него всѣ его дѣйствительныя, а не мнимыя послѣдствія и осуществили ихъ, въ степени весьма близкой къ совершенству, въ жизни. Можно ли послѣ этого назвать этихъ столповъ нигилизма загрязнителями и опошлителями своего ученія? Теоретики же его оказались слабыми, непослѣдовательными, не понимающими сущности дѣла. Поэтому они и свернули съ настоящаго пути нигилизма куда-то въ сторону, прицѣпили къ своимъ метафизическимъ основамъ совершенно нейдущій къ нимъ и чуждый хвостъ, въ которомъ, скажу не обинуясь, все-таки, по счастливой непослѣдовательности человѣческой природы, стали видѣть сущность и главное содержаніе своей новой, собственно уже псевдо-нигилистической вѣры. На многое, и черезчуръ многое, хватило у нихъ духу; но все же не хватило на строгое и послѣдовательное проведеніе ими же признанныхъ началъ. Этого хватило только у Юханцовыхъ съ собратіей, которыхъ можно называть чѣмъ угодно, только никакъ уже не загрязнителями, не опошлителями началъ, ими исповѣдуемыхъ.

Для доказательства, стоитъ только нѣсколько вникнуть въ символъ новой вѣры, какъ онъ изложенъ самимъ г. К. Толстымъ.

„Существованіе Верховнаго Разума, построившаго вселенную и пекущагося о ней, нѣтъ возможности допустить. Это членъ первый.—Внѣ матеріи и силъ ей присущихъ, вселенная ничего въ себѣ не содержитъ. Это второй членъ.—Человѣкъ есть машина, съ разрушеніемъ которой изчезаетъ всякая ея способность въ какой бы то ни было работѣ. Это третій членъ.“—И въ этихъ трехъ членахъ и заключаются всѣ такъ-сказать, метафизическія основы ученія. Все дальнѣйшее уже будетъ этическими и политическими слѣдствіями, изъ коихъ правильно выведено только первое: „цѣль жизни есть счастіе“, чтó и примемъ за четвертый членъ символа. Но уже опредѣленіе счастья совершенно не согласно съ только-что приведенными началами. Счастіе должно будто бы состоять въ свободномъ упражненіи всѣхъ способностей и въ возможно-полномъ удовлетвореніи всѣхъ потребностей. Послѣднее конечно такъ, потому что удовлетворенія потребностей, несомнѣнно приносятъ удовольствія, совокупность которыхъ и составляетъ счастіе. Но упражненіе всѣхъ способностей! Съ какой стати? Не всѣхъ, а очевидно только тѣхъ, упражненіе коихъ приноситъ удовольствіе! Нужны ли доказательства? Возьмемъ очень извѣстный примѣръ: знаменитый музыкантъ Россини, конечно, обладалъ композиторскими способностями, но, какъ извѣстно, въ теченіе значительной части своей жизни совершенно пересталъ упражнять ихъ. Значитъ удовольствія это упражненіе ему не доставляло. Очевидно, что съ точки зрѣнія, на которую мы стали, счастіемъ можетъ быть названо лишь то, чтó или прямо доставляетъ удовольствіе, или, по расчету каждаго, можетъ доставить ему средства для удовольствій въ будущемъ, въ теченіе того времени, конечно, въ которое машина его, по вѣроятному расчету, можетъ дѣйствовать, т. е. сознавать и ощущать,—вотъ и все.

Еще неосновательнѣе и непослѣдовательнѣе, съ точки зрѣнія доставленія счастія, дальнѣйшее раздѣленіе способностей и потребностей на естественныя и искусственныя, и неизвѣстно откуда взятая необходимость уничтоженія потребностей названныхъ искусственными. „Справедливо ли это раздѣленіе и эта необходимость подавленія нѣкоторыхъ потребностей съ какой-либо объективной точки зрѣнія,—до этого“, скажетъ послѣдовательный адептъ нигилистическаго ученія, „вѣрующему лишь въ вышеизложенный

трехъ-или пожалуй четырехъ-членный символъ, нѣтъ никакого дѣла, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія признавать это дѣленіе и соглашаться на подавленіе потребностей отнесенныхъ къ разряду искусственныхъ. Для меня важно только то: пріятно ли мнѣ будетъ это подавленіе, или болѣзненно, и если даже и не болѣзненно и не непріятно, то не лишитъ ли меня это подавленіе нѣкоторой доли удовольствій, которыя я могъ бы испытывать при удовлетвореніи этихъ неправящихся кому-то потребностей, если бы онѣ во мнѣ сохранились? А при такомъ положеніи дѣла, во имя чего же я соглашусь на ихъ подавленіе, то есть на пожертвованіе долею моего счастія вопреки четвертому члену символа? Безъ крайней непослѣдовательности, безъ ничѣмъ не мотивированнаго отступленія отъ моего четырехъ-членнаго символа, я рѣшительно не могу признать, ни за собою, ни за кѣмъ-либо другимъ, права на такую ампутацію или кастрацію. — Я человѣкъ съ чрезвычайно тонкою способностью ощущать разнаго рода матеріальныя наслажденія. Я люблю пріятныя щекотанія нервныхъ сосочковъ моего языка разными изящными яствами и питіями, различаю ихъ и наслаждаюсь ими съ тонкостью Лукулла или Апиція. Фламинговы или соловьиные языки, приправленные гастрономическими соусами, или страсбургскіе пироги доставляютъ мнѣ неизъяснимое наслажденія, и потому составляютъ значительную долю моего счастія. Съ какой же стати я подчинюсь рѣшенію какихъ-то непослѣдовательныхъ нигилистовъ-теоретиковъ, неумѣющихъ сколько-нибудь логически связать предыдущее съ послѣдующимъ, посылокъ съ заключеніемъ, и вздумавшихъ помѣстить такія гастрономическія потребности въ разрядъ искусственныхъ?»

„Но можетъ-быть теоретики сдѣлаютъ мнѣ въ этомъ случаѣ уступку, допустивъ, что гастрономическія потребности естественны, — благо вѣдь и животныя, доставляющія норму для дѣленія, имѣютъ ихъ въ нѣкоторой, хотя бы очень слабой степени. Вотъ и моя собака, когда не голодна, не ѣстъ куска чернаго хлѣба, а съ наслажденіемъ проглатываетъ, если я обмочу его въ жирный соусъ. Благодаря собакѣ, и вообще зоологическимъ наблюденіямъ нигилистовъ-теоретиковъ, я могу успокоиться. Но вѣдь я не удовольствуюсь этою снисходительностью. Я не только гастрономъ, но еще и очень тщеславный человѣкъ. Похвалы, лесть, всякое поклоненіе моей особѣ и ѳиміамъ мнѣ воскуриваемый приносятъ мнѣ невыразимое удовольствіе и потому также составляютъ зна-

чительную долю моего счастія, можно даже сказать, оставивъ въ сторонѣ разныя пустяки и мелочи, составляютъ все мое счастіе, достиженію котораго я готовъ всѣмъ пожертвовать, — но этимъ счастіемъ никому и ничему. Оглядываюсь на собакъ и зоологію вообще, и вижу, что тутъ онѣ ужь рѣшительно противъ меня, что онѣ возвѣщаютъ на всѣ голоса, что потребность моя наиискусственнѣйшая, и что пощады ей никакой оказываемо быть не можетъ, по нигилистической лжелогикѣ. Изъ-за чего же опять я пожертвую ею въ угоду систематическимъ фантазіямъ моихъ учителей?"

Пойдемъ далѣе.

„Люди соединяются въ общество во имя матеріальныхъ удобствъ и взаимной выгоды"... „Это довольно согласно съ символомъ", скажетъ мой логически-послѣдовательный адептъ, „кромѣ однакоже словечка *взаимной*; но въ виду согласія въ главномъ, спорить не стану и лицемѣрно приму и это словечко, тѣмъ болѣе, что неопровержимо могу заключить: если „взаимной", то конечно и моей, а такъ какъ въ этомъ для меня и вся сила, ибо вѣдь, если другимъ ѣсть нечего,—мой желудокъ голода не ощущаетъ, и если другихъ бьютъ плетьми или палками,—моей спинѣ не больно; то въ этомъ именно смыслѣ и буду я понимать свово *взаимной*. Но вѣдь и это мало: ясно и очевидно, что если будутъ пусты желудки, и спины будутъ подвергаться ударамъ плетей и прочаго, и если я буду имѣть при этомъ нѣкоторую возможность распоряжаться увеличеніемъ и уменьшеніемъ этой пустоты, учащеніемъ или разрѣженіемъ этого палочнаго дождя, падающаго на спины, то изъ этого проистекутъ немалыя для меня удобства и выгоды, ибо во избѣжаніе этихъ, частію отъ меня зависящихъ, золъ, и въ видахъ пріобрѣтенія противоположныхъ имъ благъ, многіе будутъ мнѣ угождать, или, какъ говорится, многихъ буду я въ состояніи эксплоатировать изъ числа моихъ сочленовъ по обществу. Конечно, этотъ способъ пріобрѣтенія счастія требуетъ двухъ условій, очень впрочемъ цѣнимыхъ адептами новаго ученія: ума и энергіи, при совершенной безсовѣстности; но совѣсти откуда же и взяться при исповѣдываніи нашего новаго символа?»

„Слѣдовательно, энергическимъ, умнымъ и логически послѣдовательнымъ исповѣдникамъ нигилистической вѣры, и мнѣ въ томъ числѣ, предстоитъ рѣшить очень простую задачу: при допущеніи даже возможности осуществленія радикальнаго общественнаго пе-

реворота, будто бы вытекающаго, какъ логическое требованіе, изъ означенныхъ принциповъ или членовъ символа, будетъ ли доля личнаго моего счастія, понимаемаго въ истинномъ, сообразномъ съ ученіемъ смыслѣ, больше или меньше той, которой можно надѣяться достигнуть при эксплоатаціи не будущаго, находящагося еще за горами, а теперешняго общества? Отвѣтъ не можетъ быть сомнительнымъ. Та тысяче-милліонная доля общаго счастія человѣчества, или точнѣе его матеріальнаго благосостоянія и его матеріальныхъ наслажденій, которая падаетъ на мой удѣлъ, можетъ ли она идти въ сравненіе съ тою, которую я имѣю гораздо вѣрнѣе и безопаснѣе благопріобрѣсти отъ эксплоатаціи моихъ сочленовъ теперешняго общества, при томъ умѣ, той энергіи и той безсовѣстности, которые въ себѣ сознаю? Вѣдь первая доля ни въ какомъ случаѣ не можетъ многимъ превосходить того, что̀ мнѣ можетъ тогда доставить, положимъ, и при болѣе благопріятныхъ чѣмъ нынѣ кооперативныхъ условіяхъ, одинъ мой личный трудъ. Пусть будетъ она равняться концентрированнымъ во едино долямъ благостоянія или счастія теперешнихъ двухъ и даже трехъ русскихъ мужиковъ, или хотя бы и французскихъ, англійскихъ или нѣмецкихъ фабричныхъ рабочихъ,—больше вѣдь уже нельзя предположить по самому щедрому расчету. Куда же какъ еще далеко этой долѣ до счастія доставшагося, напримѣръ, г. Юханцову, не только во времена его славы и блеска, но и послѣ того, какъ его дѣло сорвалось, и ему пришлось искупить свою логическую послѣдовательность новымъ принципамъ жительствомъ въ мѣстахъ отдаленныхъ!»

„По всѣмъ этимъ соображеніямъ", продолжалъ бы мой адептъ, „хотя я пожалуй и согласенъ, что единственнымъ критеріемъ нравственныхъ отношеній между членами общества, вытекающимъ изъ основныхъ положеній нашего символа, является ариѳметика, но однако же совершенно не та ариѳметика, которую приняли, по своей крайней нелогичности, теоретики нигилизма. Моя ариѳметика превозглашаетъ вовсе не равенство и не равноцѣнность всѣхъ членовъ общества, и вовсе не то, „что выгода большинства есть абсолютное добро, а выгода меньшинства — абсолютное зло". Это совершенно некасающійся до меня выводъ, какой-то съ боку припёкъ къ единственно признаваемой мною обязательной для меня метафизикѣ, заключающейся въ неразъ упоминавшемся символѣ. Онъ ясно, громко гласитъ мнѣ, безъ

малѣйшей возможности непониманія или недоразумѣнія: Азъ есмь единица, огромная, всезатмѣвающая, всепоглощающая — и только азъ единъ. Всѣ прочіе—ничтожныя дробишки; и это только изъ вѣжливости,—а собственно нули, только тогда нѣчто для меня значущіе, когда, какъ и по обыкновенной ариѳметикѣ, будучи справа ко мнѣ приставлены, удесятеряютъ, усотеряютъ, утысячеряютъ долю моего счастья... — Если мнѣ возразятъ: ты, мнящій себя быть этою исключительною единицею, а всѣхъ прочихъ принимающій за нули, вѣдь и самъ подвергаешься такому же приниманію и тебя за нуль со стороны другихъ, также мнящихъ себя единицами,—я не убоявшись отвѣчу: это уже мое дѣло защитить свои притязанія, на то я отъ природы уменъ и энергиченъ, а по исповѣдываемому мною символу безсовѣстенъ. Развѣ вы не принимаете борьбы за существованіе за верховный міроправительный законъ, только недавно намъ возвѣщенный и потому вѣроятно и не успѣвшій еще попасть въ нашъ символъ, какъ четвертый или пятый его членъ? Оно правда, соглашусь я далѣе, за умныхъ и энергичныхъ признаютъ себя многіе, но вѣдь большинство ихъ конечно ошибается, и пусть себѣ ошибается, тѣмъ лучше для дѣйствительно умныхъ, энергичныхъ и послѣдовательныхъ. Результатомъ этого можетъ быть только то, что общество, и до, и послѣ проповѣдуемаго переворота, раздѣлялось, раздѣляется и будетъ раздѣляться на овецъ поѣдаемыхъ и стригомыхъ, т. е. глупыхъ и непослѣдовательныхъ, каково большинство, и на волковъ поѣдающихъ и лжепастырей стригущихъ, т. е. умныхъ, энергичныхъ и, главное, послѣдовательныхъ. — Такимъ образомъ, и при новомъ ученіи, хотя въ сущности все останется старымъ по старому, но однако же съ значительнымъ, смѣю даже сказать съ огромнымъ, усовершенствованіемъ, и это безъ всякой надобности въ какомъ-либо внѣшнемъ переворотѣ. Что теперь считается аномаліею, противорѣчіемъ нравственному закону, и отъ времени до времени въ томъ или въ другомъ даже отчасти и исправляется, какъ это недавно и у насъ въ Россіи случилось въ освобожденіи крестьянъ,—то сдѣлается общимъ правиломъ; ибо, въ теперешнемъ обществѣ, какъ оно ни несовершенно, зло значительно умѣряется потребностями, считаемыми нашими теоретиками искусственными, то есть потребностями нравственными и религіозными, ощущаемыми и признаваемыми многими умными, энергичными и послѣдовательными съ ихъ точки зрѣнія людьми, потребностями, которыя, при

распространеніи нашего символа, конечно отойдутъ въ область предразсудковъ и никого уже безпокоить не будутъ".

„Новая нравственная ариѳметика, не та, которую приняли непослѣдовательные теоретики нигилизма, ибо та на воздухѣ виситъ, а та, которая только-что была строго логически выведена изъ нашего новаго символа, отождествляется съ новою нравственною философіею, которую, по аналогіи съ метафизическимъ ученіемъ Фихте, можно пожалуй назвать этикою субъективнаго эвдемонизма, то есть ученіемъ, по которому только счастіе лично мною ощущаемое можетъ имѣть притязаніе на реальное значеніе; счастіе же всѣхъ остальныхъ существъ должно являться мнѣ какъ пустой бредъ, греза, галлюцинація, на которые никакому умному и послѣдовательному адепту ученія нѣтъ не только никакой надобности, но даже и никакой возможности обращать малѣйшее вниманіе".

Вотъ единственно какъ долженъ и какъ могъ бы говорить дѣйствительно послѣдовательный ученикъ того новаго ученія, которое изложилъ намъ г. К. Толстой, какъ ученіе начала шестидесятыхъ годовъ, прозванное нигилизмомъ. Эти единственно возможные изъ него выводы — не какія-либо запутанныя комбинаціи, за которыми трудно было бы слѣдить обыкновенному здравому смыслу, а выводы простые, ясные, какъ говорится, на ладони лежащіе и сами собою напрашивающіеся всякому дающему себѣ самый малый трудъ въ нихъ вникнуть. Поэтому, никоимъ образомъ не могутъ быть они и названы загрязненіемъ, опошленіемъ или искаженіемъ идеаловъ, изъ коихъ проистекаютъ, тогда какъ они напротивъ того очевиднѣйшія и законнѣйшія слѣдствія изъ основъ новаго міровоззрѣнія.—Не тому должно удивляться, что опошленіе этихъ идеаловъ, и то весьма неполное и несовершенное,—(ибо, по словамъ нашего автора, теперь еще имѣютъ они много приверженцевъ, именно будто бы всѣ группы нашей интиллигенціи, кромѣ славянофиловъ и консерваторовъ), — потребовало только тридцати лѣтъ; а удивительно скорѣе то, что такое міровоззрѣніе могло почитаться источникомъ для нравственнаго идеала въ теченіи хотя бы тридцати минутъ. Какъ могла несостоятельность его сразу не броситься въ глаза людямъ, и искавшимъ-то именно нравственныхъ идеаловъ?! Также точно, возможно ли себѣ представить, чтобы примѣры лицемѣрія Іудушекъ и Тартюфовъ, и примѣры грубаго непониманія христіанства, которые, какъ мы выше видѣли, никоимъ образомъ нельзя признать за загрязненіе, опошленіе или

искаженіе его дѣйствительныхъ идеаловъ, могли возбудить жажду къ отысканію новыхъ высшихъ идеаловъ и утолить ее, хотя бы на самый краткій срокъ, тѣми основными міровоззрѣніями, какъ бы плохо ихъ кто ни понималъ, которыя намъ излагаетъ' и по моему совершенно вѣрно излагаетъ, г. К. Толстой? Эти воззрѣнія ровно никакихъ нравственныхъ началъ въ себѣ не содержатъ—развѣ только тѣ, которыя излагаетъ Карлейль въ своей философіи свиней: „Что̀ такое справедливость"? (и нравственность, можно прибавить).— „Моя собственная доля въ свиномъ корытѣ, и никакой вашей доли".—„Но что̀ составляетъ мою долю"?—„А въ этомъ-то и лежитъ великое затрудненіе. Свиная наука, размышляя надъ нимъ долгое время, рѣшительно ничего не могла установить. Моя доля—хрюкъ, хрюкъ,—моя доля будетъ вообще то, что̀ я могу захватить не будучи повѣшенъ или сосланъ на каторгу".

Поэтому и нельзя согласиться съ положеніемъ, что жажда нравственнаго идеала могла служить причиной какъ происхожденія, такъ и распространенія нигилистическаго міровоззрѣнія между нашею молодежью шестидесятыхъ годовъ и вообще въ нашемъ обществѣ, и должно думать, что нашъ авторъ въ этомъ обманывается. Такимъ образомъ, и это новое объясненіе происхожденія печальнаго явленія нашей жизни, извѣстнаго подъ именемъ нигилизма, должно быть причислено къ числу несостоятельныхъ. Таковыми же представляются мнѣ и всѣ тѣ, которыя предлагались съ разныхъ сторонъ и стали ходячими въ разныхъ частяхъ нашего общества, смотря по излюбленному въ нихъ направленію, Перечислимъ и разберемъ ихъ вкратцѣ, прежде чѣмъ предложимъ свое.

Одни, впрочемъ немногіе, связываютъ происхожденіе и распространеніе нигилизма съ крѣпостнымъ правомъ, и притомъ двоякимъ образомъ: во первыхъ, тѣмъ, что нѣкоторые, лишившись своихъ выгодъ и правъ, были подвинуты этимъ къ отмщенію за понесенный ими ущербъ, точно такъ напримѣръ, какъ рабовладѣльцы Соединенныхъ Штатовъ, и сдѣлались возбудителями, тайными конечно, всякихъ противообщественныхъ ученій, какъ матеріала для послѣдующихъ противообщественныхъ дѣйствій. Во вторыхъ тѣмъ, что люди, испорченные крѣпостною зависимостью отъ нихъ крестьянъ, привыкшіе къ пріобрѣтенію средствъ къ жизни чужимъ трудомъ, очутились въ безвыходномъ положеніи и, будучи не способны къ какой бы то ни было трудовой дѣятельности, обратились

въ самый пригодный матеріалъ для воспринятія вредныхъ ученій. Странное дѣло!—такое мнѣніе высказывалось и со стороны очень либеральныхъ людей, и со стороны очень нелиберальныхъ. Оно до такой степени невѣроятно и противорѣчитъ фактамъ, что на опроверженіе его не стбитъ и тратить словъ. Достаточно сказать, что весь кодексъ нигилистическаго ученія былъ уже готовъ до освобожденія крестьянъ, хотя впрочемъ возможно, что нѣсколько неудачниковъ и этого происхожденія увеличили собою нигилистическій контингентъ.

Приписываютъ также нигилизмъ вліянію нашихъ политическихъ враговъ, преимущественно конечно Поляковъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всякими вредными для Россіи, ослабляющими ея внутреннія силы, явленіями Поляки готовы воспользоваться и, по мѣрѣ возможности, имъ содѣйствовать, а слѣдовательно и нигилизмъ имъ на руку; но породить его они конечно не могли, уже по одному тому, что явленіе въ области мысли (хорошее или дурное) возбуждается только словомъ печатнымъ или устнымъ и производится не вдругъ, а постепенно и исподоволь. Когда Поляки получили нѣкоторую возможность такимъ образомъ дѣйствовать, нигилизмъ былъ уже готовъ. Но главное здѣсь то, что идеи нигилистическаго пошиба между Поляками вовсе не господствовали, и имѣли можетъ-быть менѣе хода, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, такъ какъ мысли ихъ были направлены совершенно въ иную сторону, не къ матеріализму, а напротивъ того къ фантастическому идеализму и таковой же религіозности, съ совершенно имъ спеціальною лже-патріотическою окраскою. Слѣдовательно, чтобы передать намъ вредное ученіе, они должны бы были его искусственно сочинить собственно съ цѣлью преподнесенія его намъ, и сдѣлать это заранѣе, предуготовительно. Но это есть уже сама по себѣ вещь совершенно несообразная, ибо развивать и распространять съ успѣхомъ можно только то, во что самъ вѣруешь искренно и сильно. Возможность распространенія ложныхъ ученій, религіозныхъ и другихъ, путемъ сознательнаго обмана давно уже всѣми отвергнута. Наконецъ, мы просто знаемъ, что фактически ничего подобнаго не было во времена предшествовавшія обнаруженію нашего нигилизма, когда онъ подготовлялся, возрасталъ и развивался. Идеи конституціонализма, политической свободы, революціи, также какъ идеи о неправотѣ Россіи въ завладѣніи такъназываемыми польскими, а въ сущности коренными русскими зем-

лями,—идеи, которыя господствовали и господствуютъ между Поляками, могли быть ими распространены и развиваемы у насъ, какъ безъ сомнѣнія это издавна и дѣлалось; но относительно идей философскаго, эстетическаго и нравственнаго характера, къ числу коихъ конечно принадлежитъ, хотя и какъ уродливый выродокъ, и нигилизмъ, Поляки, думаю я, неповинны, т. е. неповинны въ ихъ зарожденіи и первоначальномъ распространеніи, хотя, видя ихъ зловредность для Россіи, они конечно впослѣдствіи не преминули содѣйствовать ихъ дальнѣйшему преуспѣянію и распространенію, а главное—придачѣ имъ той политической и соціальной окраски, которая согласовалась съ ихъ цѣлями. Еще болѣе, думаю я, виновны они, не только примѣромъ *ржонда*, жандармовъ-вѣшателей, кинжальщиковъ, но безъ сомнѣнія и прямымъ участіемъ, въ порожденіи террористическаго направленія тайныхъ обществъ, совершившихъ столь ужасныя преступленія и принесшихъ столько зла.

Далѣе, приводятъ нигилизмъ въ генетическую связь съ нашимъ школьнымъ дѣломъ, и притомъ двумя діаметрально противоположными путями. Одни утверждаютъ, что наша послѣдняя учебная реформа среднихъ учебныхъ заведеній, классицизмъ, и вообще болѣе строгое, а по мнѣнію ихъ даже черезчуръ строгое и требовательное отношеніе къ занятіямъ учениковъ, какъ въ теченіи курсовъ, такъ и при экзаменахъ, заставляя многихъ выходить изъ заведеній до срока, не получивъ ни правъ, ни знаній для какихъ бы то ни было занятій, обращали ихъ въ неудачниковъ, неимѣвшихъ куда головы преклонить и безъ средствъ зарабатывать себѣ хлѣбъ насущный. Для этихъ несчастныхъ, недовольныхъ, озлобленныхъ, не оставалось, говорятъ, инаго пути, кромѣ пути крайняго отрицанія, на который ничего и не стоило ихъ натолкнуть.—Совершенно вѣрно, что и эти неудачники могли увеличивать и дѣйствительно увеличивали контингентъ нигилистовъ, но что не въ нихъ заключался корень зла—объ этомъ, кажется, также нечего и говорить.

Другіе, напротивъ того, утверждаютъ, и повидимому съ гораздо лучшимъ основаніемъ, что плохое состояніе школъ, послѣ измѣненія учебнаго плана въ сороковыхъ годахъ, когда въ среднихъ заведеніяхъ было ослаблено изученіе классическихъ языковъ, и въ особенности послѣ реформы 1863 года, было главною причиною нигилистической заразы. Конечно, разсуждая съ очень общей точ-

ки зрѣнія,—въ дурномъ ученіи, имѣющемъ своимъ результатомъ неправильное понятіе о вещахъ, или, что еще хуже — неспособность различать правильное отъ неправильнаго, истинное отъ ложнаго, можно видѣть корень всякаго нравственнаго зла. Но то вполнѣ хорошее ученіе, которое давало бы въ своемъ результатѣ сообщеніе всѣмъ обучающимся правильнаго понятія о лицахъ, вещахъ и взаимныхъ отношеніяхъ ихъ, а главное—сообщало бы безошибочный критерій для различенія лжи отъ истины, есть конечно и навсегда останется pium desiderium, уже по одному тому, что это зависитъ не только и даже не столько отъ правильнаго преподаванія, сколько отъ правильнаго воспріятія и усвоенія преподаваемаго. При той же степени достиженія этого идеала ученія, образованія и даже воспитанія, до которой до сихъ поръ доходили люди, можно, кажется, съ достаточною вѣроятностью утверждать, что отношеніе числа отклоненій отъ правильнаго здраваго пути къ числу послѣдованій ему въ смыслѣ приближенія къ нравственной истинѣ—очень мало зависитъ отъ состоянія школъ и даже вообще отъ состоянія просвѣщенія, какъ бы ни было оно, напротивъ того, вліятельно въ другихъ отношеніяхъ. Гораздо сильнѣйшее и можно сказать даже почти исключительное вліяніе въ этомъ важнѣйшемъ дѣлѣ имѣютъ тѣ господствующія въ обществѣ и такъ-сказать носящіяся въ воздухѣ идеи, все равно истинныя или ложныя, которыя пріобрѣтаютъ власть надъ умами и сердцами людей, и влекутъ ихъ неудержимо за собою въ хорошую или дурную сторону, и или ставятъ ихъ на высокую степень нравственнаго совершенства, или ввергаютъ въ бездну зла: первое видимъ мы, напримѣръ, въ первые вѣка христіанства, а второе въ оргіяхъ французской революціи.

Что не плохое состояніе нашихъ школъ вообще, и не отсутствіе въ нихъ классическаго обученія въ особенности, было причиною возникновенія и распространенія у насъ нигилизма, видно до очевидности ясно изъ того, что въ той странѣ, гдѣ обученіе вообще, и притомъ именно классическое, находится уже давно на высокой степени совершенства—именно въ Германіи—преимущественно возникъ и распространился нео-матеріализмъ, не въ кругу народа конечно, но въ кругу интеллигенціи, которая вѣдь только одна и пользуется какъ среднимъ, такъ и высшимъ образованіемъ, и въ этомъ кругу спустился онъ довольно низко по лѣстницѣ общественныхъ положеній; а матеріализмъ есть не только корень

нигилизма, но въ теоретическомъ смыслѣ даже совершенно съ нимъ совпадаетъ. Развѣ имена Фейербаха, Штрауса, Штирнера, Фохта, Молешотта, Бюхнера, Геккеля не имена корифеевъ и учителей новаго матаріализма? Не они ли вмѣстѣ съ тѣмъ духовные отцы и родоначальники нашего нигилизма? Ибо, если это ученіе исходило въ прошедшемъ столѣтіи изъ Франціи, отъ энциклопедистовъ и послѣдователей ихъ, то со второй половины настоящаго столѣтія, и даже нѣсколько ранѣе, не вырабатывалось ли оно преимущественно въ Германіи и не оттуда ли перешло и къ намъ?

Но не только чистый теоретическій нигилизмъ заимствованъ нами оттуда,—не оттуда ли перешелъ къ намъ и соціализмъ въ новѣйшей формѣ его развитія? И какъ для перваго прямыми и непосредственными учителями конечно были означенные нѣмецкіе матеріалисты, такъ для послѣдняго такими же учителями были для насъ Лассаль, Марксъ и другіе нѣмецкіе соціалисты.

И такъ, скажу я, ни классицизмъ, ни другая какая-либо педагогическая метода не можетъ предохранить отъ порожденія, развитія и распространенія какъ матеріализма и нигилизма, такъ и вообще ложныхъ ученій, также какъ и противоположная имъ не можетъ ихъ породить, конечно если она не прямо направлена на ихъ сообщеніе учащейся молодежи. Само собою разумѣется, что, говоря это, я вовсе не имѣлъ намѣренія сказать что-либо въ охужденіе принятой у насъ теперь педагогической методы. Единственнымъ моимъ желаніемъ было показать, что нигилизмъ не есть наше русское самобытное явленіе, происшедшее какъ результатъ частныхъ золъ и неустройства нашей жизни; ни экономическихъ и общественныхъ, какъ крѣпостное право; ни политическихъ, какъ неправильныя наши отношенія къ Польшѣ; ни педагогическихъ, какъ плохое состояніе нашихъ школъ. Я хотѣлъ также показать, что, хотя исправленіе какъ этихъ, такъ и многихъ другихъ частныхъ золъ въ высшей степени желательно, но что отъ каждаго такого врачеванія и можно ожидать только частныхъ измѣненій, которыя, по общей связи между всѣми процессами органической жизни народа и государства, хотя и должны оказать нѣкоторое полезное вліяніе и на прочія отправленія общественной жизни, но все же останутся улучшеніями частными, а не будутъ панацеями, отъ коихъ позволительно было бы ожидать всевозможныхъ благъ и исцѣленія отъ всевозможныхъ золъ,—нигилизмъ же есть симптомъ общей болѣзни. Но какой же именно? Гдѣ источ-

никъ его? Въ чемъ состоитъ это болѣзненное состояніе, которое проявилось столь опаснымъ симптомомъ?

Мы уже собственно отвѣтили на этотъ вопросъ. Если нигилизмъ не результатъ какого-либо изъ частныхъ золъ нашихъ, не протестъ, хотя и ложно направленный, противъ котораго либо изъ нихъ, или противъ всѣхъ ихъ въ совокупности, если, далѣе, онъ не самобытное и спеціальное наше явленіе, а нѣчто заимствованное, какъ это показываютъ непреложные, неопровержимые факты, то и онъ есть дитя общей нашей болѣзни—подражательности.

Нашъ авторъ, съ разбора мнѣній коего я началъ свое разсужденіе, говоритъ: „не мы его выработали (новое міровоззрѣніе названное нигилизмомъ), оно старо какъ міръ,—мы только собрали его по кусочкамъ изъ разныхъ мыслителей всѣхъ вѣковъ и народовъ, да сшили самодѣльными нитками". Нѣтъ, и въ этомъ было бы еще слишкомъ много чести: такая компиляція, такое соображеніе и прилаживаніе разныхъ частей въ одно цѣлое, хотя бы и лыкомъ шитое, было бы уже трудомъ нѣсколько самостоятельнымъ. Хотя древность ученія и нахожденіе его у разныхъ народовъ несомнѣнны, но ни въ древности, ни въ современной разноплеменности мы ничего не изслѣдовали, не отыскивали, не сопоставляли, не извлекали, а, какъ я уже сказалъ, взяли и теоретическій матеріализмъ и порожденіе его (хотя и незаконное)—новѣйшій соціализмъ—преимущественно изъ послѣдняго нѣмецкаго изданія, какъ въ послѣднее время во всемъ привыкли это дѣлать. Прежде подражательность наша была по крайней мѣрѣ нѣсколько эклектичнѣе.

Самостоятельность наша въ дѣлѣ нигилизма оказалась только въ одномъ,—въ томъ, въ чемъ всякая подражательность самостоятельна, именно мы утрировали, а слѣдовательно и окарикатурили самый нигилизмъ, точно также какъ и новѣйшія моды утрируются и принимаютъ карикатурный видъ, переходя на головы, плечи, таліи провинціальныхъ модницъ и франтовъ.

Все различіе между нашимъ нигилизмомъ и нигилизмомъ заграничнымъ, западнымъ, заключается единственно въ томъ, что тамъ онъ самобытенъ, а у насъ подражателенъ, и потому, тотъ имѣетъ нѣкоторое оправданіе, будучи однимъ изъ неизбѣжныхъ результатовъ исторической жизни Европы, а нашъ виситъ на воздухѣ, ничѣмъ не поддерживается и ничѣмъ не оправдывается, и, несмотря на всю его печальность, есть явленіе смѣшное, карика-

турное, составляетъ сюжетъ комедіи, разыгранной нами на сценѣ исторіи, какъ впрочемъ и многіе другіе комедіи и фарсы.

Вотъ если бы говорилось о самобытномъ европейскомъ нигилизмѣ, то было бы вполнѣ умѣстно обращаться къ загрязненію, опошленію и искаженію идеаловъ, для объясненія бѣгства отъ нихъ, жажды и алчбы новыхъ идеаловъ.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ на идеалы религіозные, христіанскіе! Мы увидимъ не Іудушекъ и Тартюфовъ, а родственныя намъ прибалтійскія Славянскія племена и рядомъ съ ними Литовцевъ, Латышей, Эстовъ, затопленныхъ въ своей крови, обращенныхъ въ рабство, во имя христіанскаго идеала, насильственно имъ навязываемаго, что̀ конечно есть его загрязненіе и искаженіе; увидимъ то же самое и въ новооткрытой Америкѣ; увидимъ Крестовые походы противъ еретиковъ: Альбигойцевъ, Вальденцевъ, Гугенотовъ, увидимъ Варѳоломеевскую ночь; увидимъ святую инквизицію и святой іезуитскій орденъ, употребляющій для своихъ цѣлей отраву, убійство, развращеніе нравственности казуистикою; увидимъ торговлю благодатью, продажу индульгенцій искупающихъ прошедшіе, настоящіе и будущіе грѣхи, по стольку-то за штуку или за дни, недѣли, мѣсяцы и годы. Все это увидимъ мы совершаемымъ не какимъ-либо Тартюфомъ или какимъ-нибудь отдѣльнымъ лицомъ, и не какъ сознательно-лицемѣрное или безсознательно-грубое отступленіе отъ христіанскаго идеала,—а какъ нѣчто яко бы логически вытекающее изъ этого идеала, и притомъ, и это главное, совершаемое и проповѣдываемое тѣми, кто считалъ себя поставленнымъ хранить Святую-Святыхъ и непогрѣшимо истолковывать ея истины и тайны, то есть самою римско-католическою церковью. Не мудрено, что наконецъ умы и сердца отвернулись отъ этого идеала, какъ отъ дѣйствительно загрязненнаго, опошленнаго и искаженнаго. Протестъ и реформа понятны именно какъ бѣгство отъ загрязненнаго и какъ жажда новаго, лучшаго, высшаго идеала. Казалось, онъ и возсіялъ въ своей первобытной чистотѣ. Но лѣкарство вышло едва ли не хуже болѣзни. Идеалъ очищался, но очистка огнемъ раціоналистической критики улетучила его, скобленіе выскоблило до разрѣженія въ полное ничто, то есть въ идеалъ чисто-личный, субъективный и слѣдовательно произвольный, а по произвольности и необязательный; ибо всякій можетъ его составлять по образу и подобію своему, своихъ чувствъ страстей и мыслей. Ковчегъ его, церковь была разбита. Одни

ложнымъ пониманіемъ и ложными выводами загрязнили идеалъ до неузнаваемости и оттолкнули отъ него души людей, другіе улетучили его до полнаго исчезновенія ложною методою очистки.

Подобно тому, какъ римскій католицизмъ былъ нравственнымъ и религіознымъ идеаломъ европейскихъ народовъ, феодализмъ былъ ихъ идеаломъ политическимъ, проистекавшимъ отъ завоеванія. Цѣпь властей вершилась въ императорѣ и нисходила отъ него черезъ королей, герцоговъ, графовъ и бароновъ до послѣднихъ звеньевъ власти, распредѣляясь между ними и надъ покоренными народами, и надъ завоеванными землями. Правильныя отношенія между этими звеньями, правомѣрное опредѣленіе и ограниченіе власти сюзереновъ надъ вассалами и главныхъ вассаловъ—въ свою очередь сюзереновъ,—надъ второстепенными, и таковое же опредѣленіе и ограниченіе подчиненности вассаловъ къ сюзеренамъ, которая называлась лойяльностью, и взаимныя ихъ рыцарскія отношенія къ равнымъ,—вотъ въ чемъ состоялъ политическій идеалъ какъ чисто-Германскихъ, такъ и Романо-Германскихъ народовъ. Положеніе низшихъ подвластныхъ людей уже ни въ какой расчетъ не принималось, до такой степени, что даже уже въ очень позднее время, уже въ началѣ такъ-называемыхъ Новыхъ вѣковъ, когда возникло протестантство и повлекло за собою рядъ религіозныхъ войнъ, при установленіи мирныхъ договоровъ во Франціи и Германіи обращалось вниманіе лишь на религію сюзереновъ разныхъ степеней; масса же народа должна была слѣдовать религіи своихъ господъ, и это не на практикѣ только, а въ самой теоріи, и потому вовсе и не считалось сколько-нибудь несправедливымъ, какимъ-либо угнетеніемъ или насиліемъ, ни со стороны господъ, ни со стороны народа. Этими договорами опредѣлялось такимъ образомъ, кому быть католикомъ и кому протестантомъ. Такъ вѣдь, напримѣръ, и въ нашемъ Остзейскомъ краѣ рыцари сложили съ себя обѣтъ монашества и приняли реформу, а за ними послѣдовали и подвластные имъ Латыши и Эсты, безъ всякой проповѣди, безъ всякаго убѣжденія. Это сдѣлалось какъ нѣчто само собою разумѣющееся, безъ всякого насилія и принужденія со стороны господъ, также какъ и безъ всякого сопротивленія или протеста со стороны народа. Русскій, читая это, ошалѣваетъ, становится въ тупикъ. До такой степени кажется ему это дикимъ, непонятнымъ, немыслимымъ, невмѣщающимся въ его сердцѣ и умѣ, точно какъ если бы дѣло шло о происходящемъ на

другой планетѣ, а не у насъ на землѣ. Вотъ гдѣ были истинныя, а не метафорическія крѣпостныя души, въ полномъ, реальномъ значеніи этого слова!

Для отрицанія такого идеала не было уже конечно никакой надобности въ его загрязненіи или искаженіи; онъ уже самъ по себѣ носилъ въ себѣ достаточное для этого количество и лжи и грязи. Въ чистомъ видѣ онъ и существовалъ поэтому недолго, а постепенно разрушался уже со второй половины такъ-называемыхъ Среднихъ вѣковъ; но совершенно былъ разрушенъ на практикѣ и отвергнутъ въ теоріи лишь Французскою революціею и послѣдовавшими за нею, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ Европы, мелкими революціями. Но такъ же точно, какъ при протестантскомъ идеалѣ, послѣдовавшемъ за католическимъ, и тутъ, вмѣстѣ съ отверженіемъ ложнаго идеала (а не загрязненнаго и искаженнаго только) была разрушена и самая идея власти, ибо высшіе народные идеалы не сочиняются, не составляются искусственно, а коренятся въ этнографической сущности народа. Они зараждаются и вырабатываются въ безсознательно-творческій періодъ ихъ жизни, вмѣстѣ съ языкомъ, народною поэзіею и прочими племенными особенностями. Впослѣдствіи, въ историческій сознательный періодъ ихъ жизни, эти идеалы только развиваются и укрѣпляются, или же разрушаются, но не возстановляются и не измѣняются иными органическими идеями. Какъ не возможно при помощи таланта и искусства сочинить вторую Иліаду, также точно не возможно выработать народу, при помощи науки, новый политическій идеалъ, ибо это значило бы замѣнить живое и органическое, всегда и во всемъ безсознательно родящееся, мертвымъ и механическимъ, сознательно составляемымъ. За потерею перваго и является необходимо это механическое и мертвое замѣстительное органическаго и живаго. Таковое и было найдено въ договорѣ, то есть въ воплощеніи взаимнаго недовѣрія. Въ первый разъ сознательно и научно принципъ этотъ былъ формулированъ Руссо, и хотя ученіе его объ общественномъ договорѣ въ сущности, въ теоретическомъ ученіи о государствѣ, и не вѣрно, но въ примѣненіи къ данному фазису исторической жизни европейскихъ народовъ—договоръ составляетъ дѣйствительно единственно-возможный источникъ власти, ибо естественнаго, природнаго, бытоваго начала власти, по разрушеніи феодальнаго начала, у нихъ уже не стало, а гдѣ есть еще остатки, и тамъ они постепенно ослабѣваютъ и

исчезаютъ. Отсюда вытекаетъ, напримѣръ, часто встрѣчающаяся у европейскихъ публицистовъ мысль, что монархія невозможна безъ аристократіи, служащей ей вмѣстѣ проводникомъ къ народу и столпомъ, на который она опирается. Соотвѣтственно этому пониманію монархіи, въ Германіи, напримѣръ, гдѣ также настоящій феодальный аристократизмъ очень расшатался, ослабѣлъ и представляетъ уже очень некрѣпкій столпъ и слабую опору, стараются поддержать и даже создать мужицкую аристократію, разными мѣрами, придумываемыми для воспрепятствованія раздѣловъ, черезъ наслѣдство ли, черезъ долги ли, крестьянскихъ маіоратовъ или миноратовъ, чтобы такимъ образомъ выставить противъ разныхъ разлагающихъ элементовъ новую консервативную силу. Съ европейской точки зрѣнія оно и понятно, что такъ оно и должно бы быть. Для Европейца—феодализмъ, или договоръ: другой альтернативы для основанія политической власти и не существуетъ. Но договоръ требуетъ всякого рода взаимныхъ гарантій, и единственною санкціею ихъ исполненія для подвластныхъ служитъ и можетъ служить лишь право возмущенія, право революціи, право возводимое даже въ обязанность. Это начало гарантій, вытекающее изъ договора, и составляетъ новый, такъ сказать, протестантскій политическій идеалъ, извѣстный подъ именемъ конституціонализма.

Само собою разумѣется, что и въ политическомъ отношеніи тѣ, коихъ томятъ жажда и алканіе идеала, должны бѣжать отъ этого механизма и мертвечины; а какъ живаго и органическаго найти не могутъ, то полное отрицаніе, то есть нигилизмъ, и остается ихъ единственнымъ прибѣжищемъ,—нигилизмъ же въ политикѣ называется анархіею. Они какъ бы говорятъ: въ нашей долгой исторической жизни мы ничего не нашли кромѣ лжи, а внѣ ея, если бы что и было, оно для насъ безполезно, ибо если нельзя самимъ себѣ составить идеала искусственнаго, то тѣмъ еще менѣе можно взять его напрокатъ, заимствовавъ изчужи, и въ такомъ случаѣ, единственное, чего мы можемъ желать, будетъ возможно-полнѣйшее и возможно-скорѣйшее разрушеніе существующаго, дабы настала возможность на просторѣ, безъ всякихъ помѣхъ и препятствій, народиться и органически выработаться новому политическому идеалу.

Но съ разрушеніемъ феодальнаго политическаго идеала, вмѣстѣ съ тѣмъ и принципа власти вообще, уничтожены не были и всѣ его экономическія и соціальныя послѣдствія. Частію они оста-

лись съ своимъ феодальнымъ характеромъ, въ другихъ же частяхъ построились сообразно новому революціонному или протестантскому характеру. Феодальнымъ осталось отношеніе народа къ землѣ, оставшейся за ея феодальными завоевателями, или за тѣми, коимъ она была передана продажею или иными способами пріобрѣтенія. Сохранившіеся же отъ прежняго времени и вновь образовавшіеся, вслѣдствіе громаднаго развитія промышленности, капиталы и отношеніе къ нимъ труда устроились по новому принципу свободнаго договора,—приведшему здѣсь къ желанному въ политикѣ анархическому результату, къ формулѣ: laisser faire, laisser passer, которая и была возведена въ экономическій идеалъ, освященный и новою наукою политической экономіи.

Эта свободная игра экономическихъ силъ, никакимъ авторитетомъ не стѣсняемая, никакою предвзятою цѣлью не направляемая, должна была произвести экономическую гармонію, насколько эта послѣдняя вообще достижима. Въ недавнее время, и еще наука, изъ разряда особенно-уважаемыхъ положительныхъ наукъ, явилась какъ бы на помощь политической экономіи, объявивъ, что удивительные результаты гармоніи и цѣлесообразности, коимъ уже издавна привыкли изумляться въ области органической природы, были также достигнуты ничѣмъ инымъ, какъ тою же формулою: laisser faire, laisser passer, т. е. свободною борьбою органическихъ формъ за право существованія, производящею естественный подборъ, коему мы обязаны какъ всею гармоніею органической природы, такъ и самимъ разнообразіемъ органическихъ существъ. Слѣдовательно, научная санкція была полная. Но тѣмъ не менѣе, многіе изъ взиравшихъ на эту гармонію, какъ она установилась въ области экономическихъ отношеній, усмотрѣли, что отношенія эти, исходя повидимому изъ началъ совершенно противоположныхъ феодализму, привели однако къ совершенно тѣмъ же результатамъ, т. е. къ феодализму индустріальному, вмѣсто прежняго феодолизма земельно-аристократическаго. Но здѣсь логика ихъ покинула, и отъ анархіи они стали аппелировать къ анархіи же; отъ анархіи частной, въ одной области человѣческихъ отношеній (экономической), къ анархіи полной, распространяющейся на всѣ отношенія.

Не всѣ однако же поступили столь нелогично. Иные, видя, что жалкое, вполнѣ зависимое положеніе рабочихъ классовъ прямо происходитъ отъ примѣненія принциповъ анархіи къ экономиче-

кимъ отношеніямъ, обратились къ началу противоположному, именно къ началу организаціи труда, т. е. къ распространенію власти государства и на экономическую область. Но логичнѣе были они только повидимому, потому что въ политическомъ отношеніи придерживались договорнаго начала. Но очевидно, что, при всякомъ договорѣ, каждая изъ договаривающихся сторонъ выторговываетъ у противной стороны какъ можно больше, а уступаетъ ей въ замѣнъ какъ можно меньше. Такова уже природа всякаго договора. Слѣдовательно, сбыточное ли дѣло, чтобы управляемые уступили управляющимъ при договорѣ такую власть, которой они не имѣли даже при феодальномъ устройствѣ власти? Не наше дѣло, однакоже, показывать теперь, насколько логичны, или нелогичны умы дошедшіе до отрицательнаго отношенія какъ къ экономической, такъ и къ другимъ сторонамъ жизни европейскихъ народовъ: мы имѣемъ въ виду вѣдь только показать, какъ могли у нихъ самобытно развиться различные виды отрицанія или нигилизма. Съ этой точки зрѣнія, мы можемъ сказать, въ параллель вышесказанному о религіозномъ и политическомъ нигилизмѣ, что экономическій идеалъ организаціи труда властью составляетъ такую же переходную ступень, какъ протестантизмъ въ области религіи и конституціонализмъ въ области политики, и что неудовлетворительность его привела и тутъ къ полному отрицанію или нигилизму, т. е. къ анархизму. Но особую характеристическую черту, по отношенію къ экономическому идеалу, составляетъ тотъ ложный кругъ въ которомъ приверженцы его должны вращаться, какъ я уже объ этомъ упоминалъ, аппеллируя отъ анархіи къ анархіи же, какъ что ихъ единственное логическое прибѣжище заключается въ томъ, что они аппеллируютъ отъ анархіи частной къ анархіи общей, какъ бы говоря: хотя экономическая система обществъ и была построена на анархическомъ принципѣ laisser faire, laisser passer, тѣмъ не менѣе, однако же, она оказалась неудовлетворительною, потому что была недостаточно анархична, будучи стѣсняема религіозными и политическими принципами, которые также должны сдѣлаться анархичными, чтобы первый могъ принести всѣ ожидаемые отъ него плоды.

Взглянемъ теперь на развитіе философіи, къ области которой вѣдь собственно принадлежитъ и нигилизмъ, восколько онъ теорія и міросозерцаніе. Европейскіе народы получили свое философское наслѣдіе отъ народовъ классической древности, и преимущественно

отъ Грековъ,—наслѣдіе, къ которому въ теченіе долгаго времени и они относились подражательно, сначала, въ средневѣковой схоластикѣ, къ философіи Аристотеля, переданной имъ Арабами, а потомъ и къ прочимъ философскимъ системамъ, со времени Возрожденія. Хотя эта подражательность и была совершенно инаго свойства, чѣмъ наша, ибо соединялась по крайней мѣрѣ съ тщательнымъ изученіемъ воспринимаемаго, она все-таки оставалась безплодною и только связывала умы, лишая ихъ смѣлости самостоятельнаго мышленія и изслѣдованія. Но на подражаніи въ Европѣ не остановились, а дерзнули мыслить самостоятельно и самобытно, начавъ съ знаменитаго Декартова сомнѣнія, съ цѣлью отыскать твердую точку опоры для достовѣрности познанія сущаго, буде таковая имѣется. Извѣстно, въ чемъ ее нашелъ, или думалъ найти, Декартъ. Съ этого, по общему понятію, начинается развитіе новой философіи. Положенное французскимъ мыслителемъ начало развивалось, видоизмѣнялось, дополнялось и, казалось, завершилось стройною системой дѣйствительнаго познанія сущаго въ монадологіи и предустановленной гармоніи Лейбница, составившею такимъ образомъ въ философіи явленіе аналогическое, или скорѣе параллельное, тому, чѣмъ были католицизмъ въ религіи и феодализмъ въ политикѣ. Въ довершеніе этого параллелизма, и тутъ начинается въ критической философіи Канта критика достигнутаго, повидимому, метафизическаго идеала. Она отвергаетъ возможность познанія вещей самихъ въ себѣ, въ ихъ дѣйствительной сущности, т. е. метафизически отрицаетъ метафизику, такъ же точно, какъ критическое протестантское богословіе богословски отрицаетъ всякое положительное богословіе. Но послѣ того, какъ метафизическое умозрѣніе обошло это затрудненіе ловкимъ пріемомъ, — тѣмъ что самая критика познаванія, утверждающая его недостаточность для познанія сущности вещей, сама подвержена тому же сомнѣнію,— и снова стало себя утверждать, какъ тождественное въ ходѣ своего развитія съ самимъ объективнымъ процессомъ развитія міра, оно снова получило временное господство надъ умами. Это изумительное притязаніе возбудило общую противъ себя реакцію, приведшую къ совершенному отрицанію философіи вообще, т. е. къ нигилизму и въ этомъ отношеніи.

Какъ бы навстрѣчу этому движенію, и положительная наука— эта слава и величайшее пріобрѣтеніе новаго, или точнѣе Кельто-Романо-Германскаго міра, — также пришла къ отрицательному къ

самой себѣ отношенію. Подъ этимъ отрицаніемъ положительною наукой самой себя, или нигилизмомъ въ наукѣ, разумѣю я позитивизмъ, или такъ-называемую положительною философію Конта. Утверждая, что наука ограничивается изслѣдованіемъ явленій и ихъ законовъ, т. е. собственно говоря того, что̀ замѣчается общаго въ различныхъ болѣе или менѣе обширныхъ группахъ или разрядахъ явленій, и отвергая для науки возможность познанія причинъ, и въ то же время отрицая возможность всякаго другаго способа—методы—познаванія, кромѣ положительно-научнаго,—позитивизмъ очевидно низводитъ значеніе науки къ ея практической примѣняемости и къ удовлетворенію любопытства, т. е. къ пріятному занятію разгадками разныхъ задачъ, предлагаемыхъ міромъ нашему любопытству.

Показывая въ краткомъ очеркѣ, какъ во всѣхъ проявленіяхъ жизни европейская мысль доходила до отверженія своихъ началъ, или до нигилизма, я вовсе не имѣлъ намѣренія доказывать этимъ путемъ ложность началъ, лежащихъ въ основаніи всѣхъ сторонъ жизни европейскихъ народовъ. Моя цѣль заключалась единственно въ констатированіи того, что эти отрицательные результаты, между весьма многими другими положительными, были достигнуты тамъ вполнѣ самобытнымъ и самостоятельнымъ путемъ, точками отправленія для коего послужили дѣйствительныя явленія тамошней жизни, и это послѣ долгаго хода развитія, правильность или неправильность, законность или незаконность коего остается теперь для насъ совершенно въ сторонѣ.

Можемъ ли мы указать на такую же самобытность въ исторіи нашего нигилизма? Можемъ ли указать на точки его отправленія изъ реальныхъ же явленій нашей жизни, въ томъ смыслѣ, чтобы идеалы лежащіе въ ихъ основѣ были подвергнуты критикѣ, которая заставила бы отъ нихъ отвернуться и пуститься въ погоню за новыми высшими идеалами, заставила бы отыскивать ихъ въ потѣ лица, и уже за сознательнымъ отверженіемъ первыхъ и необрѣтеніемъ вторыхъ, остановиться на всеобщемъ отрицаніи, на нигилизмѣ? Можно ли указать на самостоятельный путь этого критическаго процесса развитія?

Прежде всего спросимъ: въ чемъ заключаются пункты обвиненія противъ ученія православной церкви, по коимъ она могла бы подлежать укору въ загрязненіи или искаженіи христіанскаго идеала? Вѣдь Іудушки для этого очевидно не годятся! Тутъ, безъ

сомнѣнія, необходимо бы указать на явныя противорѣчія съ идеею христіанства въ ученіи или въ практической дѣятельности, подобныя тѣмъ, на которыя намъ указываетъ исторія римскаго католицизма, и которыя фактически породили противу себя протестъ, или на то зерно, на тотъ зародышъ саморазрушенія, который заключаетъ въ себѣ протестантизмъ, и разлагающее, улетучивающее дѣйствіе котораго на само понятіе церкви также фактически проявилось въ исторіи. Если видимъ что-либо подобное въ нашей церкви, то никакъ не у нигилистовъ, а пожалуй у различныхъ нашихъ сектантовъ, какъ у старообрядцевъ, такъ и у мистиковъ и раціоналистовъ. У нихъ мы дѣйствительно найдемъ критику нашей церкви и идеала ея,—справедливую или нѣтъ, до того мы вѣдь не касаемся; мы констатируемъ только историческій процессъ, и можемъ сказать: да, у нашихъ сектантовъ мы находимъ самобытно-отрицательное отношеніе къ нашей церкви. Но въ какомъ же родствѣ находятся съ ними наши нигилисты? Чтò между ними общаго? Столь мало, что даже, когда они хотѣли подделаться къ нимъ, были совершенно отвергнуты, какъ нѣчто совершенно чуждое.

Если вникнемъ въ отношеніе нигилизма, да и прочихъ, менѣе радикальныхъ теченій нашей интеллигенціи, какъ къ нашему религіозному, такъ и ко всѣмъ прочимъ нашимъ идеаламъ, то, пожалуй, и дѣйствительно найдемъ, чтò составляло въ ихъ глазахъ загрязненіе и искаженіе этихъ идеаловъ. Это было то, что эти идеалы носили на себѣ печать всяческаго отверженія, именно, что они были свои, русскіе. Такой печати было вполнѣ достаточно, чтобы, не вникая въ сущность и глубь ихъ, уже просто и прямо считать ихъ вполнѣ негодными. — Если всякая мелочная бытовая черта считалась уже чѣмъ-то достойнымъ презрѣнія, потому что была русскою,—какъ это, напримѣръ, отразилось въ самомъ языкѣ тѣмъ презрительнымъ оттѣнкомъ, который присвоился у насъ слову „доморощенный",—то во сколько же сильнѣйшей степени должно было это относиться къ тому, чтò выставлялось,—horribile dictu!—русскимъ идеаломъ религіознымъ, политическимъ, экономическимъ! Этого одного конечно было достаточно для ихъ отверженія. Можетъ ли чтò хорошее происходить отъ Назарета!

Отношеніе нашихъ отрицателей къ политическому идеалу Русскаго народа было, если возможно, еще проще, еще элементарнѣе. Вникать въ его сущность, въ его особенности, сравнительно съ

политическими идеалами другихъ народовъ, безъ чего вѣдь никакое критическое отношеніе не возможно, — объ этомъ никто и помышленія не имѣлъ. Не обращалось вниманія и на то, что это идеалъ чуть не ста милліоновъ людей, не со вчерашняго дня появившійся, а пережившій столько историческихъ превратностей, мало того, не разъ возстановлявшійся самимъ Русскимъ народомъ, когда ходъ событій дѣлалъ его болѣе или менѣе полнымъ хозяиномъ своихъ судебъ. Правда, была черта въ общественномъ и политическомъ строѣ Россіи, которая не могла не считаться настоящимъ загрязненіемъ и искаженіемъ политическаго идеала ея народа. Я говорю о крѣпостномъ правѣ.

Но кому же было неизвѣстно, что оно никогда не было основною характерною чертою его быта, необходимымъ продуктомъ его исторіи, существенною составною частью его общественнаго и политическаго идеала, подобно западному феодализму, а только случайною, временною политическою или скорѣе административною мѣрою? Именно на этомъ примѣрѣ крѣпостнаго права не оправдалась ли вѣра Русскаго народа въ его политическій идеалъ, не пало ли рабство по манію Русскаго царя? И вотъ тутъ-то явилась во всей своей силѣ иронія судьбы. Какъ разъ въ то самое время, когда осуществлялись надежды народа, когда политическій идеалъ его столь блистательно и безпримѣрно оправдывался, въ это самое время нараждался нигилизмъ, т. е. нараждалось отрицаніе, между прочимъ и даже главнымъ образомъ, этого самаго идеала. Какое доказательство подражательности, несамобытности, безпочвенности нашего нигилизма можетъ сравняться съ этимъ совпаденіемъ? Не очевидно ли послѣ этого, что онъ не исходилъ изъ явленій русской жизни, какъ изъ точекъ своего отправленія? Болѣе посчастливилось, правда, самобытнымъ экономическимъ явленіямъ русской жизни: общинѣ и артели. Но почему? Какъ, по Канту, на недовѣдомую намъ сущность вещей самихъ въ себѣ мы надѣваемъ субъективныя формы нашего созерцанія: пространство и время, и только въ нихъ ихъ постигаемъ, также точно и наши демократы, соціалисты и нигилисты надѣваютъ на совершенно недовѣдомую имъ сущность экономическихъ явленій руской жизни, общину и артель, формы западнаго соціализма, и внѣ ихъ не могутъ ихъ постигнуть ни поклонники, ни хулители. Какое же послѣ этого можетъ быть и тутъ самостоятельное отношеніе, будетъ ли оно критическое или утвердительное!

Про философію и говорить нечего: самостоятельнаго философскаго движенія въ Россіи не было, не было даже и того, хотя бы подражательнаго, усвоенія древней и новой философіи, какое мы видимъ въ средневѣковой Европѣ, не говоря уже о свободномъ и самостоятельномъ къ ней отношеніи; слѣдовательно, не могло быть и самостоятельной критики, которая бы привела къ ея отрицанію, и отрицаніе это могло быть также только заимствованнымъ, подражательнымъ.

И такъ, если всѣ отрицательныя положенія нашего нигилизма суть повторенія такихъ же положеній западной мысли, если, сверхъ сего, нельзя признать, что точками отправленія этихъ отрицаній служили явленія русской жизни, что эти отрицанія были плодомъ самостоятельной критической русской мысли, въ каковомъ случаѣ можно бы считать нашъ нигилизмъ самостоятельною провѣркою западнаго нигилизма, пришедшею отъ новыхъ точекъ отправленія, самобытнымъ трудомъ и развитіемъ мысли, къ одинаковымъ результатамъ съ западнымъ нигилизмомъ; то ничего не остается, какъ признать его за явленіе вполнѣ подражательное.

Прямой ходъ доказательствъ привелъ насъ, слѣдовательно, къ признанію подражательнаго характера нашего нигилизма. Но въ явленіяхъ такой сложности, какъ всѣ явленія общественныя, и въ особенности какъ направленія мысли и общественнаго мнѣнія, одинъ прямой ходъ доказательствъ рѣдко бываетъ достаточенъ и вполнѣ убѣдителенъ. Тутъ необходимо озираться по сторонамъ и тщательно осматривать—не измѣняется ли нашъ выводъ разными побочными обстоятельствами, не вошедшими въ кругъ тѣхъ основаній, на коихъ мы его построили, и однакоже существенно на него вліявшими, и не пришли ли мы черезъ эту односторонность къ ошибочнымъ заключеніямъ, по видимому строго и безукоризненно логическимъ. Эта прямолинейность мысли, какъ назвалъ ее, кажется, Достоевскій, и есть именно то, что̀ называется радикализмомъ, который ничто иное, какъ крайній раціонализмъ. Но этотъ крайній раціонализмъ или радикализмъ даже и въ области мысли, не говоря уже о практикѣ, пригоденъ только въ одномъ отдѣлѣ знанія—въ математикѣ.

Здѣсь, дѣйствительно, начавъ съ вѣрнаго, само по себѣ очевиднаго первоначальнаго положенія и правильно умозаключая (на что̀ строгая метода всегда даетъ возможность), мы неизбѣжно приходимъ и къ вѣрному выводу, безъ возможности ошибиться по

пути. Но почему это такъ? Потому что всякое первоначальное математическое положеніе есть наше собственное же опредѣленіе, про которое мы можемъ утверждать, что въ него ничего не вкралось отъ насъ независимаго, само по себѣ даннаго; можемъ утверждать, что все, что̀ мы въ него вложили, въ немъ дѣйствительно и есть, и что напротивъ того, въ немъ кромѣ этого ничего нѣтъ другаго, независимаго, особеннаго, т. е. такого, которое не вытекало бы уже изъ принятаго, какъ необходимое его слѣдствіе. Напримѣръ, мы говоримъ: окружность есть замкнутая кривая линія, внутри которой есть точка — центръ, отъ коей всѣ точки кривой находятся въ равномъ разстояніи. Это не болѣе, какъ наше собственное опредѣленіе, на которое мы были только наведены дѣйствительно существующими фигурами, похожими на окружность; и поэтому, именно то свойство, которое мы вложили въ нашу идеальную кривую, въ ней не только вполнѣ и въ совершенствѣ есть, но и никакого другаго, независимаго отъ этого, свойства въ ней нѣтъ. Очевидно, что ни въ какомъ дѣйствительно эмпирически данномъ случаѣ это условіе не соблюдено, или, по крайней мѣрѣ, намъ неизвѣстно, что оно соблюдено, ибо, во всѣхъ этихъ случаяхъ, данное, въ нихъ заключающееся, не нами въ нихъ вложено, а существуетъ отъ насъ независимо, само по себѣ, нами же лишь замѣчено или открыто, и поэтому, строго говоря, мы никогда не можемъ быть увѣрены, что чего-либо изъ этого независимо отъ насъ даннаго мы не пропустили, или по ошибкѣ туда чего-нибудь не привложили лишняго, тамъ ненаходящагося. Во избѣжаніе возможныхъ отъ сего ошибокъ, ничего не остается, какъ не довольствуясь прямымъ логическимъ выводомъ, осматриваться кругомъ, по сторонамъ, не оказывается ли гдѣ чего-либо противорѣчиваго въ нашихъ выводахъ съ иными, внѣ нашего прямаго вывода лежащими слѣдствіями нашего положенія.

Примѣняя это разсужденіе къ занимающему насъ вопросу о русскомъ нигилизмѣ, мы дѣйствительно легко увидимъ, что есть такія обстоятельства, которыя кажутся несогласующимися съ нашимъ выводомъ, а именно: Во 1-хъ, если нашъ нигилизмъ явленіе подражательное, западный же явленіе — самобытное, происшедшее отъ самостоятельнаго критическаго мышленія, постепенно развивавшагося и исходившаго изъ точекъ отправленія данныхъ тамошнею жизнію; то какъ могло случиться, что наша интеллигенція (употребляю это слово въ общепринятомъ у насъ смыслѣ)

въ сильнѣйшей мѣрѣ одержима нигилистическимъ міровоззрѣніемъ, чѣмъ интеллигенція западная? Хотя мы и не имѣемъ статистики умственныхъ направленій, ни у насъ, ни на Западѣ, но можемъ, кажется, съ достовѣрностью утверждать, что если даже абсолютное число лицъ придерживающихся нигилистическихъ ученій въ Европѣ (на континентѣ по крайней мѣрѣ) и больше, чѣмъ у насъ, то относительное число ихъ къ общему числу лицъ могущихъ причисляться къ интеллигенціи будетъ, напротивъ того, къ несчастію, у насъ гораздо значительнѣе. Во 2-хъ, если нашъ нигилизмъ— подражаніе, то почему предметомъ этого подражанія въ такой преобладающей степени сталъ именно нигилизмъ, а не другое какое явленіе, другой какой-либо плодъ европейской жизни и мысли, которыхъ онѣ вѣдь въ продолженіе своего долгаго пути произвели много, и притомъ прекраснѣйшихъ, прежде чѣмъ въ нѣкоторыхъ изъ теченій своихъ дошли до нигилизма? Въ 3-хъ, нигилизмъ родился, развился, разросся и распространился у насъ внезапно, въ тотъ самый моментъ, какъ только представилась ему возможность высказаться въ словѣ и дѣлѣ. Какъ же объяснить эту быстроту и внезапность? Когда и какъ успѣла подражательность именно въ этомъ одномъ направленіи обхватить собою такую значительную часть нашей интеллигенціи, чтобы оно могло стать господствующимъ? Не указываетъ ли это, напротивъ, на долговременное подготовленіе, а слѣдовательно и какъ бы на нѣкоторую продолжительную подготовительную работу мысли, что̀ уже предполагаетъ и нѣкоторую самостоятельность ея?

На всѣ эти три вопроса, думается мнѣ, можно дать вполнѣ удовлетворительные отвѣты только съ точки зрѣнія на нашъ нигилизмъ какъ на явленіе подражательное, а не съ какой другой.

Относительно меньшее распространеніе нигилизма въ Европѣ зависитъ отъ двухъ причинъ. Западная жизнь въ своемъ долговременномъ и славномъ теченіи не могла не породить сильной приверженности и любви къ различнымъ фазисамъ или этапамъ своей эволюціи. Возьмемъ для примѣра французскій легитимизмъ. Много ли въ этой почтенной партіи лицъ дѣйствительно вѣрящихъ въ возможность возвращенія старинной французской монархіи, съ ея знаменемъ бѣлымъ, украшеннымъ лиліями, и со всѣмъ, что̀ имъ символизуется? Должно думать, что очень мало, — такъ мало, что едвали ли и остались такіе послѣ смерти графа Шамбора; да весьма сомнительно, чтобы и тотъ вѣрилъ въ осуществимость своей

мечты. Но древняя слава, древній блескъ французскаго королевства—этого le plus beau royaume, après celui des cieux,—дѣйствуютъ такъ обаятельно не столько на умы, сколько на сердца многихъ французовъ, не потерявшихъ историческаго чувства, что, вопреки невозможности, въ глазахъ ихъ разсудка, возстановленія этой золотой для нихъ поры, они предпочитаютъ отвращать глаза отъ дѣйствительности и жить въ этомъ прошедшемъ своею любовью и своими сердечными привязанностями. Радикалы, стоящіе теперь во главѣ школьнаго дѣла во Франціи, стремятся вытравить изъ молодаго поколѣнія эту любовь и уваженіе къ прошедшему, стараются вселить въ него убѣжденіе, что французская исторія, то, что̀ достойно носить названіе исторіи, началась только съ 1789-го года. Но пока это имъ плохо удается, и XVII вѣкъ продолжаетъ для Французовъ сіять въ ореолѣ всякого рода величія, тогда какъ у насъ изреченіе, что Петръ I создалъ Россію, было такъ легко и охотно принято за великій историческій афоризмъ.

Но не одни легитимисты питаютъ такую безкорыстную любовь къ прошедшему. Всѣ режимы, испытанные Франціею въ столь богатое переворотами послѣднее столѣтіе, оставили искреннихъ и жаркихъ поклонниковъ. Суровый, грозный и преступный 1793 годъ идеализуется своими поклонниками, чтителями единой, нераздѣльной, демократической, безпримѣсной (даже для идей соціализма) республики. Имѣетъ ихъ не мало и славная Первая имперія, и конституціонная буржуазная Іюльская монархія, и даже такъ осрамившаяся подъ конецъ Вторая имперія. Про Англію и говорить нечего. Любовь ея къ прежнимъ формамъ жизни слишкомъ извѣстна и многими ставится ей даже въ укоръ. Но что̀ такое нѣмецкій романтизмъ, нѣкогда господствовашій въ литературѣ, а нынѣ перешедшій на музыку, какъ не любовь и поклоненіе древнему величію и древней славѣ имперіи Гогенштауфеновъ? И мы не ошибемся сказавъ, что этотъ романтизмъ, какъ излюбленная нѣмецкая идея, осуществился въ соотвѣтствующей времени формѣ въ Бисмарковомъ единствѣ Германіи.—Возьмемъ, какъ примѣръ изъ другой области жизни, знаменитаго Ренана. По своимъ взглядамъ на религію, онъ конечно полный радикалъ, но назовемъ ли его нигилистомъ въ этомъ отношеніи? Нѣтъ, потому что онъ сохранилъ любовь къ старому идеалу—не христіанства только, но и католицизма. У него сердце въ разладѣ съ умомъ. Многіе называютъ это сантиментальничаньемъ, — пусть такъ; я, повторю еще

разъ, не хвалю и не осуждаю, а только констатирую фактъ. Другая причина, ослабляющая относительное значеніе нигилизма въ Европѣ, еще важнѣе. Такъ какъ развитіе жизни и мысли было тамъ органическое, самобытное, то всѣ стороны его не шли въ ногу. Одни остановились на одномъ пунктѣ, другіе на другомъ; разумно или не разумно, послѣдовательно или непослѣдовательно, логично или нелогично, но въ пунктѣ, на которомъ кто остановился, и видитъ онъ если и не абсолютную, то относительную истину, которая, хотя можетъ и должна развиться и идти далѣе, но не тѣмъ путемъ, которымъ пошли ушедшіе дальше его, а инымъ, хотя бы еще вовсе неизвѣстнымъ. Всѣ эти промежуточныя станціи или этапы представляются имъ если и не полною цѣлью пути, то законною и необходимою остановкою, и потому они далеки отъ нигилизма или полнаго отрицанія. А если что̀ и отрицаютъ, то не весь пройденный путь, но только часть его послѣ извѣстнаго поворота,—не всѣ достигнутые результаты и полученные плоды, а только тѣ, которые выросли послѣ того, какъ была покинута настоящая дорога. Другіе находятъ и весь путь правильнымъ, и думаютъ продолжать плаваніе не измѣняя румба компаса. Такъ это и въ религіи, и въ политикѣ, и въ экономическомъ и общественномъ бытѣ, и въ искусствѣ, и въ философіи, и въ положительной наукѣ. Очевидно, что при такомъ положеніи дѣла, остается много мѣстъ незанятыхъ нигилизмомъ въ общественномъ мнѣніи, много людей упорно стоящихъ на различныхъ этапахъ развитія.

У насъ, этой любви къ прошедшей жизни не было и не могло быть тамъ, гдѣ мысль была настроена подражательно, ибо подражательность необходимо предполагаетъ отсутствіе любви къ своему. Еслибы она сохранилась, то какъ бы бросили свое и обратились къ чужому? Подражательность и любовь къ своему—понятія взаимно исключающія другъ друга.

Далѣе, если нашъ нигилизмъ подражаніе, а не самобытное явленіе, то само собою разумѣется, что онъ не могъ имѣть своихъ фазисовъ развитія, а слѣдовательно никому изъ подражателей и не на чѣмъ было остановиться: не было станцій, этаповъ, точекъ отдохновенія и опоры, на которыхъ можно бы было остановиться и стоять съ любовью сердца и съ упорнымъ убѣжденіемъ ума.— Но если не было точекъ опоры и остановки, за отсутствіемъ хода самобытнаго развитія, то почему же было не найтись таковымъ

въ самомъ ходѣ подражательности? Почему должна была эта подражательность обратиться, какъ къ предмету достойному подражанія, только къ крайнимъ точкамъ пути пройденнаго европейскимъ развитіемъ, точкамъ, оказавшимся отрицательными, нигилистическими? Это и составляетъ нашъ второй вопросъ.

Отвѣчать на него также не трудно: таковъ уже неизбѣжный, необходимый результатъ всякой подражательности, въ чемъ бы она ни заключалась, къ какой бы области жизни и мысли ни относилась. Подражательность, по самому существу своему, характеризуется самою крайнею радикальностью нѣкотораго особаго рода и свойства,—радикальностью не по существу, а по временной послѣдовательности явленій. Сакраментальныя слова ея суть: „современная жизнь", „современная наука", „современное мышленіе", „современный покрой шляпки или платья", или „послѣднее слово", все равно,—науки, философіи, жизни или меблировки салóновъ. Иначе вѣдь и быть не можетъ. Подражательность, сказали мы, да и безъ нашихъ словъ это само собою понятно, предполагаетъ отсутствіе любви къ своему; а кто отрѣшился отъ этой любви— любви прирожденной, самобытной, роковой, то какую же собственно любовь можетъ онъ имѣть къ чему-либо чужому? Ни къ чему особенному, ибо это особенное не разобрано и не взвѣшено подражателемъ. Любезно ему въ чужомъ то, что оно чужое, что оно принадлежитъ тому, кого оно считаетъ достойнымъ подражанія, и въ этомъ чужомъ привлекательнымъ, достойнымъ подражанія очевидно можетъ ему казаться лишь самое новое, самое послѣднее. Въ самомъ дѣлѣ, съ чего, съ какой стати будетъ онъ подражать тому, что̀ отвержено уже самимъ оригиналомъ, что̀ имъ самимъ найдено несостоятельнымъ и что онъ уже отбросилъ или ниспровергъ, если еще не на дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ уже въ мысли? Очевидно, что только то, на чемъ остановилась передовая мысль, можетъ, по мнѣнію подражателя, заслуживать подражанія. Скажутъ, что и подражатель могъ бы отнестись критически къ явленіямъ чужой жизни; но тогда, и по этому самому, онъ не былъ бы уже подражателемъ, а самобытнымъ дѣятелемъ или мыслителемъ, а если бы былъ самобытнымъ, то началъ бы съ своихъ исходныхъ точекъ, подвергъ бы ихъ сначала изученію, а затѣмъ критикѣ, и велъ бы дѣло самостоятельною работою. Но именно этого-то наши подражатели, какъ всякому извѣстно, и не дѣлали, не дѣлали потому, что свое безъ изслѣдованія признали негоднымъ и недостойнымъ изслѣдо-

ванія, а себя неспособными къ изслѣдованію, довѣрившись чужимъ силамъ, какъ бы говоря: „вамъ и книги въ руки". Довѣрившись же чужому уму и ходу чужой жизни, они должны были признать послѣдніе результаты дѣятельности этого ума за самое вѣрное рѣшеніе задачи изъ всѣхъ доселѣ предложенныхъ какъ жизнію, такъ и мыслію. Подражатель и становится подражателемъ потому, что счелъ себя некомпетентнымъ судіею въ существѣ дѣла и потому принужденъ довольствоваться единственнымъ оставшимся для него критеріумомъ или признакомъ истины — формальною послѣдовательностью явленій по времени. Кто клянется словами учителя, тотъ можетъ клясться вѣдь только его послѣдними словами, а не тѣми конечно, которыя онъ уже самъ отвергъ. Для подражателя жизнь и мысль предмета его подражанія, — въ нашемъ случаѣ Запада или Европы, — развивалась закономѣрно и правильно; мы же только зрители этого процесса, осчастливлены возможностью пересаживать къ себѣ готовые плоды его. Но какіе же именно, если они различные? Конечно тѣ, которые составляютъ послѣднія слова, послѣдніе результаты развитія образца. Тутъ и разсуждать нечего, да и не должно смѣть разсуждать,—остается лишь благоговѣть и воспринимать то, что онъ предлагаетъ послѣдняго, а слѣдовательно и наилучшаго. Другаго признака для лучшаго, по самой сущности подражанія, у подражателя нѣтъ, и быть не можетъ.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ случилось мнѣ быть въ Уральскѣ и на тамошнихъ вечерахъ видѣть всѣхъ казачекъ, какого бы чина ихъ мужья или отцы ни были, одѣтыми въ русскій костюмъ, въ бархатныхъ, глазетовыхъ, атласныхъ сарафанахъ, очень красивыхъ и нарядныхъ. Любовь къ своему родному, значитъ, предохраняла ихъ еще лѣтъ около тридцати тому назадъ,—не знаю какъ теперь,—отъ подражанія иноземнымъ модамъ. По тому, что мы видимъ вокругъ себя, это было явленіемъ очень необыкновеннымъ, страннымъ, но однакоже совершенно понятнымъ и объяснимымъ. Любили онѣ свое, старое, родное, казавшееся имъ красивымъ и удобнымъ, и потому чужаго не принимали. Но мыслимо ли, спрашиваю я, встрѣтить въ какомъ бы то ни было захолустьѣ, перенявшемъ уже чужую одежду—старомодныя платье, шляпку, прическу и т. п., зазнай что онѣ старомодны, иначе какъ въ маскарадѣ? Столичный житель конечно найдетъ, что провинціальные щеголи и щеголихи во многомъ отстали отъ послѣднихъ па-

рижскихъ модъ; но вѣдь это только потому, что послѣднія моды до нихъ не дошли, а тѣ, которымъ они слѣдуютъ, они все-таки считаютъ за послѣднія. Критиковать же моду, находить, что новое хуже такого-то или такого-то стараго, конечно ни имъ, ни ихъ столичнымъ собратьямъ въ голову не войдетъ, потому что они подражатели, и въ качествѣ таковыхъ ни въ какую критику не считаютъ себя въ правѣ пускаться, а всегда признаютъ послѣднее превосходнымъ и восхитительнымъ. Послѣднее, новѣйшее — для нихъ единственно мыслимый критеріумъ для распознаванія лучшаго, удобнѣйшаго, красивѣйшаго въ одеждѣ, меблировкѣ, сервировкѣ стола, однимъ словомъ—во всемъ, къ чему они относятся подражательно. Такъ же точно, если кто не имѣетъ сомостоятельнаго сужденія о музыкѣ, живописи и вообще о художественныхъ произведеніяхъ, и однакоже желаетъ или считаетъ себя обязаннымъ высказывать о нихъ свое мнѣніе, то и ему ничего не остается, какъ руководствоваться новѣйшими, послѣдними изъ извѣстныхъ ему книжныхъ или журнальныхъ оцѣнокъ. Въ глазахъ подражателя, и въ высшихъ сферахъ жизни и мысли, какой-либо интересъ, значеніе и важность можетъ имѣть не жизнь или наука, а только послѣднее ихъ слово: иначе онъ вѣдь рискуетъ, по совершенно правильному съ его точки зрѣнія понятію, принять какой-нибудь старый, негодный, уже пережитой хламъ за настоящій образецъ жизни и мысли, которымъ онъ и самъ желаетъ подражать и другихъ подражать заставить. Въ такомъ образѣ мыслей находитъ подражательность не малую еще поддержку и подкрѣпленіе въ ученіи о прогрессѣ. Если все движется поступательно и улучшительно, то не вполнѣ ли естественно и разумно принять послѣднее за тождественное съ наилучшимъ, съ наиболѣе приближающимся къ истинному? Конечно, говоря вообще, и при прогрессѣ считаются возможными и отклоненія въ сторону, и сбиванія съ пути, но вѣдь это принимается только вообще, такъ-сказать для очистки совѣсти; а въ частности, гдѣ же тутъ разбирать и дѣло ли это подражателя! Это пусть уже разбираютъ тѣ, которые почище, тѣ, которые сами поставляютъ прогрессъ. Если и ошибутся, то замѣтятъ ошибку и повернутъ въ другую сторону; не великъ будетъ трудъ повернуть въ слѣдъ за ними.

Но во время появленія нашего нигилизма случилась на небѣ европейской жизни и мысли такая конъюнкція или расположеніе руководящихъ свѣтилъ, что радикализмъ присущій подражательно-

сти, т. е. радикализмъ современности и послѣдняго слова, совпалъ съ радикализмомъ по существу, который и есть нигилизмъ,— конъюнкція, которая и доселѣ продолжается. Посему нигилизмъ и долженъ былъ получить господство въ умственномъ направленіи нашей подражательной интеллигенціи.

Теперь, послѣднее затрудненіе! Хотя новѣйшія моды, благодаря подражательности, принимаются очень скоро при нынѣшнихъ средствахъ сообщенія и распространяются весьма быстро; хотя, съ другой стороны, и нашъ нигилизмъ явленіе также вполнѣ подражательное: но все же его почти внезапное явленіе и быстрое распространеніе, подобное разливу воды прорвавшей плотину, или пламени охватившему солому, можетъ казаться непонятнымъ, недостаточно объясненнымъ нашимъ истолкованіемъ его подражательностью. Вѣдь образъ мыслей, по самому существу своему, не можетъ столь быстро мѣняться, какъ покрой одежды, меблировка комнатъ или сервировка стола. Даже эти двѣ послѣднія менѣе быстро мѣняются, чѣмъ первый, потому что на нихъ затрачивается нѣкоторый капиталъ, и не всегда есть средства для ихъ скорой замѣны, при всемъ желаніи ее сдѣлать. А мысли, идеи—вѣдь ихъ надо хоть сколько-нибудь себѣ усвоить; между новыми и старыми должна же предварительно произойти какая-нибудь борьба. А тутъ, въ концѣ пятидесятыхъ и въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, произошла точно перемѣна декорацій. Конечно, въ глазахъ тогдашней интеллигенціи авторитетъ гг. Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева и прочихъ былъ очень высокъ, но вѣдь и самъ этотъ авторитетъ надо было сначала имъ пріобрѣсти, такъ какъ это были все люди новые, а какъ извѣстно, самъ авторитетъ свой пріобрѣли они не инымъ чѣмъ, какъ проповѣдью тѣхъ же крайнихъ идей, совокупность которыхъ, вслѣдъ за Тургеневымъ, была прозвана нигилизмомъ. Мы вертимся слѣдовательно въ ложномъ кругу: авторитетъ упомянутыхъ лицъ долженъ намъ объяснить быстроту распространенія идей; а только проповѣдь самихъ этихъ идей и доставила имъ авторитетъ, ибо другихъ предшествовавшихъ заслугъ или правъ на него за ними не водилось, да никто ихъ имъ и не приписывалъ. Слѣдовательно, должна была существовать въ публикѣ особая воспріимчивость именно къ этимъ идеямъ, особая внутренняя къ нимъ симпатія. Какъ же, кѣмъ или чѣмъ были онѣ произведены? Въ чемъ состояло подготовленіе къ столь быстрому воспріятію и распространенію нигилизма въ

разныхъ слояхъ нашей интеллигенціи, заставившихъ нѣкоторыхъ думать и утверждать, будто есть какое-то естественное сродство съ нигилизмомъ въ самомъ духѣ русскомъ?

Подражательность началась у насъ съ реформъ Петра I, въ своей страстности далеко перешедшихъ за должную мѣру заимствованій, необходимыхъ тогда собственно лишь для нѣкоторыхъ чисто-государственныхъ потребностей. Эта подражательность распространялась постепенно на всѣ области жизни и мысли, все возрастая и возрастая, и по разрядамъ явленій, къ которымъ относилась, и по кругу сословій и лицъ, которыхъ охватывала изъ Петербурга, какъ изъ центра. Весьма было бы интересно прослѣдить за ходомъ этого распространенія въ обоихъ смыслахъ. Для поясненія моей мысли, я приведу здѣсь лишь фактъ, что начавшикь въ области чисто-государственной, съ войска, флота (гдѣ дѣйствительно была необходима) и администраціи, подражательность долго, почти все прошлое столѣтіе не налагала печати своей на нашу внѣшнюю политику, которая, за небольшими лишь исключеніями, оставалась самобытною и чисто-національною до самой смерти Екатерины Великой, и во благо намъ было это.— Только съ этого времени потеряла наша внѣшняя политика національность направленія, и тѣмъ обратила всю нашу мощь въ служебную силу для чуждыхъ намъ европейскихъ, преимущественно же нѣмецкихъ интересовъ; а когда, въ теченіе нынѣшняго столѣтія, и призывалась на короткое время народно-русская политика, подъ давленіемъ ли общественнаго мнѣнія, какъ въ 1877 году, или по собственному почину руководящихъ лицъ, какъ въ 1828—1853 годахъ, это направленіе не имѣло выдержки, и даже при благопріятныхъ результатахъ войнъ, достигнутыхъ большими жертвами крови и денегъ, мы поступались ими.

Но подражательность эта, все возрастающая и расширяющаяся, была все-таки безсознательною. Мы даже обольщались мыслію, что идемъ путемъ самостоятельнаго развитія. Только съ конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ, наша подражательность была приведена съ сознанію, и притомъ съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Одни, славянофилы, обличали ее и усматривали въ ней корень и причину всѣхъ нашихъ внутреннихъ золъ и неустройствъ, всей нашей культурной слабости. Другіе, западники, напротивъ того, видѣли все зло нашей жизни въ недостаточности нашей подражательности, въ ея односторонности и несмѣлости.

По ихъ мнѣнію, все зло заключалось въ путахъ, налагаемыхъ на насъ національностью, въ путахъ, препятствующихъ намъ свободно двигаться впередъ по пути прогресса, начертанному Западомъ. Они обличали, отрицали и опровергали тогда, какъ и до сихъ поръ это продолжаютъ дѣлать, мечту самобытности, и въ заимствованіи сущности и формъ западной жизни и мысли видѣли единственный путь спасенія, единственный путь истиннаго прогресса.

Это западническое направленіе, проповѣдывавшееся въ наиболѣе распространенныхъ журналахъ и съ каѳедръ талантливѣйшими и вліятельнѣйшими профессорами, завоевывало себѣ все большій и большій кругъ читателей и слушателей уже по одному тому, что гармонировало со всѣмъ подражательнымъ характеромъ, складомъ и строемъ нашей культуры. Скоро стало оно господствующимъ и въ сознаніи нашей интеллигенціи, какъ уже и прежде было на дѣлѣ, и, несмотря на разныя правительственныя теченія, на подтягиванія и ослабленія цензурныхъ поводьевъ, продолжало преобладать въ теченіе всѣхъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ.

Этою проповѣдью сознательной подражательности были вытравлены изъ умовъ всякія начала самобытности, жившія въ нихъ хотя бы въ качествѣ предразсудковъ или иллюзій. Даже всякое стремленіе къ самобытности было заклеймено названіями обскурантизма, косности и т. п. нелестными эпитетами, и этимъ самымъ была возбуждена алчба и жажда напитаться и напиться приготовленнымъ уже и для насъ на Западѣ брашномъ и питіемъ. Умы, такимъ образомъ настроенные, были какъ губка готовая всосать въ себя жидкость, или какъ пустой сосудъ, ожидающій своего содержанія и готовый всею силою пустоты втянуть его въ себя, лишь только ему будетъ дано прикоснуться къ нему своимъ горлышкомъ.

Это западническое ученіе само по себѣ никакого содержанія еще не предлагало, а только приготовляло къ его воспріятію. Но мы уже видѣли—каково непремѣнно должно быть то содержаніе, которое соотвѣтствуетъ подражательности, къ которому она влечется, какъ бы по нѣкоторому избирательному сродству, котораго она настоятельно требуетъ по свойству ея особаго рода радикальности.

Часто можно слышать упрекъ, что подцензурная литература сороковыхъ, а частію даже и пятидесятыхъ годовъ, подготовила умы къ нигилизму, который внезапно обнаружился въ первые годы

прошедшаго царствованія, тою затаенною проповѣдью отрицательныхъ началъ, которую тогдашніе журналы умѣли искусно проводить въ томъ, что̀ печаталось въ нихъ между строкъ. Отъ этого упрека, думаю я, должно ихъ совершенно освободить. Этимъ я не хочу сказать, чтобы въ нихъ не было такого междустрочнаго содержанія. Оно было. Отыскать и указать его было бы нетрудно. Но, не говоря уже о томъ, что оно не столь обыкновенно и часто встрѣчалось, какъ полагаютъ, и то, что̀ встрѣчалось, не имѣло и не могло имѣть почти никакого дѣйствія на массы умовъ, по той весьма простой причинѣ, что было понятно только для тѣхъ, которымъ и безъ того содержаніе этого междустрочнаго писанія уже было извѣстно, и которымъ слѣдовательно оно ничего новаго не сообщало, которыхъ ничему не научало. Такъ-называемое писаніе между строкъ есть своего рода письмо символическое, потому что оно подъ видимымъ смысломъ скрываетъ другой, потаенный. Но символическое письмо, за рѣдкими исключеніями, можетъ быть разгадано или только тѣми, кто имѣетъ ключъ къ нему, или тѣми, кому уже извѣстно его содержаніе. Такъ вѣдь, напримѣръ, и іероглифы были прочитаны Шамполіономъ лишь благодаря тому, что ему посчастливилось найти греческій переводъ іероглифической надписи. Но какой трудъ, какое вниманіе требуются для прочтенія всякой криптографіи!—и можно ли предположить, чтобы обыкновенный читатель, не любящій и не привыкшій слишкомъ углубляться въ смыслъ имъ читаемаго, и только слегка по немъ скользящій, задалъ себѣ трудъ отгадывать смыслъ этого таинственнаго междустрочнаго письма, хотя конечно онъ и гораздо легче отгадывался чѣмъ египетскіе іероглифы? Такъ, недавно обратила на себя вниманіе и надѣлала много шума одна олеографія, разосланная „Нивою", какъ премія ея подписчикамъ. Удивительныя вещи указывались въ ней, также, будто бы, между-складочно (если позволено такъ выразиться) въ ней нарисованныя. Признаюсь, и послѣ указаній я немного тутъ разобралъ. Но еслибы указаній не было, еслибы шумъ не былъ поднятъ, то не зависимо отъ того, есть ли что̀ между складками или нѣтъ, олеографія успѣла бы преспокойно отвисѣть свое время на стѣнахъ и быть заброшенною на чердаки и въ чуланы, не обративъ на себя ничьего вниманія въ тайнописномъ отношеніи. Точно то же было и съ противоцензурною, отрицательною, нигилистическою, что̀ ли, междустрочною проповѣдью журналовъ сороковыхъ годовъ. Въ большинствѣ слу-

чаевъ, обыкновенный читатель даже и не догадывался, что между строками что-нибудь написано, — и если оно и было въ самомъ дѣлѣ написано, то совершенно для него незамѣтными симпатическими чернилами, подносить которыя къ жару или посыпать проявительнымъ порошкомъ ему и въ голову не приходило, да и порошка такого у него вовсе не было.

Нѣтъ, не эта тайная междустрочная проповѣдь отрицательныхъ началъ, или точнѣе только намеки на нихъ, во всякомъ случаѣ отрывочные, безсвязные и мало кому вполнѣ понятные, послужили подготовкою нигилизму. Подготовкою этою была явная, открытая проповѣдь подражательности, хорошо извѣстная и самой цензурѣ и той высшей полицейской власти, которая имѣла своимъ спеціальнымъ назначеніемъ слѣдить за направленіемъ умовъ. И не только была она имъ извѣстна, но сверхъ сего была и одобряема ими и имъ сочувственна, ибо вполнѣ гармонировала съ строемъ нашей жизни и только приводила къ сознанію весь ходъ послѣдняго періода нашей исторіи.

Кромѣ утвержденія въ умахъ этого стремленія, этой сознательной уже жажды и алчбы къ подражанію, ничего болѣе и не требовалось для наполненія ихъ нигилизмомъ при данныхъ условіяхъ, при данномъ положеніи европейской жизни и мысли; ибо, какъ я уже показалъ выше, не сама жизнь, не сама наука, не сама мысль важны для подражателей, а только послѣднее ихъ слово.

При другихъ условіяхъ подражаемаго образца, и явленія были бы другія. Умы подражательные, изъ коихъ и жизнію, т. е. ходомъ историческаго процесса, и литературною, и изустною проповѣдью вытравлено самобытное содержаніе и любовь къ своему, могли бы одинаково наполниться всякими отвлеченными идеалами: и средневѣковымъ романтизмомъ, и аристократизмомъ, и любою философскою системою, такъ же точно, какъ и нигилизмомъ, смотря по тому, какое направленіе было бы въ данный моментъ послѣднимъ словомъ жизни или мысли той культурной среды, которая служитъ имъ образцомъ для подражанія. Но, во всякомъ случаѣ, результатъ этотъ, какимъ бы онъ ни былъ, былъ бы въ сущности одинаково вреднымъ, хотя бы и не проявлялся въ формѣ столь острой болѣзни, какъ нашъ нигилизмъ.

Я собственно кончилъ, но однакожъ для полноты долженъ представить еще одно разъясненіе. Неужели не нашлось своевременно въ Россіи умовъ достаточно прозорливыхъ, чтобъ понять

всю ложь, весь вредъ, все безсмысліе подражательности и противустать ей? Я уже замѣтилъ, да и всѣмъ это извѣстно, что почти одновременно съ западничествомъ возникло у насъ и противоположное направленіе умовъ, вполнѣ это понимавшее и видѣвшее единственный путь спасенія и преуспѣянія въ самобытности развитія. Къ этому направленію принадлежали люди высокоталантливые, высокообразованные, и притомъ не только проникнутые идеями русской жизни, но и гораздо лучше своихъ противниковъ знакомые съ ходомъ развитія западной жизни и западныхъ идей,— съ европейскою жизнію, наукою и мыслію. Но безсознательная подражательность была уже такъ вкоренена въ умы самихъ власть имѣвшихъ, что, инстинктивно симпатизируя съ западническимъ направленіемъ, приняли и они возжигаемый славянофилами спасительный маякъ за обманный огонь, ведущій корабль на подводныя скалы и мели. Извѣстно, что не только когда западническое направленіе процвѣтало подъ строгою цензурою, но и когда значительная степень свободы, сначала подъ легкою цензурою, а потомъ и вовсе безъ нея,была дана нашей литературѣ, когда не только неопредѣленно-западническія, но уже и прямо-нигилистическія идеи могли открыто печатно излагаться и страстно проповѣдываться: изданія славянофиловъ, какъ наивреднѣйшія, запрещались одно за другимъ: „Молва“, „Парусъ“, „День“, „Москвичъ“—какъ костями покрыли скорбный путь, которымъ должно было пробиваться русское самобытное направленіе. Даже изданіе, неотносившееся собственно къ славянофильскому направленію, но родственное ему тѣмъ, что также стояло за самобытность, именно „Время“ Достоевскаго, было запрещено при самомъ свободномъ взглядѣ на литературу изъ-за пустой обмолвки или недоразумѣнія по польскому дѣлу, между тѣмъ какъ другіе журналы и газеты, явно сочувствовавшіе польщизнѣ, продолжали благоденствовать. Такъ претила всякая мысль о самобытности! А противодѣйствіе часто талантливой и страстной проповѣди подражательности противниками по меньшей мѣрѣ столь же талантливыми, конечно, имѣло бы весьма сильное вліяніе въ то именно время, когда ученіе о сознательной подражательности только-что начиналось, не успѣло еще окрѣпнуть, утвердиться въ умахъ и находилось, какъ говорится въ химіи, in statu nascenti. Впослѣдствіи, когда, на свободѣ распространившись и утвердившись, оно получило, подобно всякому ученію, въ значительной мѣрѣ, характеръ догматичности, неоспо-

римости и предразсудка, искоренить его уже было трудно. Я не хочу этимъ сказать, что еслибы славянофильскому направленію дана была та же свобода развиваться и распространяться своевременно путемъ печати, какъ направленію противоположному,—то мы совершенно бы избавились отъ нигилизма: но полагаю, что смѣло можно утверждать, что онъ никогда бы не занялъ тогда господствующаго положенія въ средѣ нашей интеллигенціи, всегда встрѣчалъ бы въ значительной ея долѣ сильный отпоръ, и потому не получилъ бы того повальнаго характера, тѣхъ пагубныхъ послѣдствій, какія имѣлъ и до сихъ поръ еще имѣетъ.

Такимъ образомъ, по независящимъ, какъ у насъ говорится, отъ редакціи причинамъ, западническое направленіе, сознательно стоявшее за подражательность, не имѣло достойныхъ себѣ противниковъ. Таковыми были лишь изданія съ такъ-называемымъ казеннымъ направленіемъ, которыя своею бездарностью, тошноту возбуждающимъ подобострастіемъ, льстивостью и лживостью тона, въ сущности служатъ отрицательнымъ образомъ тому же дѣлу, какъ и западническія, выгодно оттѣняя ихъ собою.

При этомъ невольно воскликнешь: какою неразумною и страшною силою можетъ сдѣлаться цензура, какія медвѣжьи услуги можетъ она оказывать, какъ великъ можетъ быть приносимый ею вредъ, при всемъ желаніи принести пользу, и потому какъ должна она быть осторожна не столько въ томъ, что̀ она допускаетъ, сколько въ томъ, что́ она запрещаетъ! Такъ и въ настоящемъ случаѣ, не въ томъ должно ее обвинять, что она пропускала междустрочные намеки,—мы видимъ, что они были почти безвредны, и не въ томъ, что подъ сѣнью ея процвѣтало западническое подражательное направленіе, — какой маломальски законный предлогъ могла бы она имѣть, чтобы стѣснять его? — а въ томъ, что она яростно преслѣдовала то единственное направленіе, которое могло бы служить противовѣсомъ ученію о подражательности, изъ коего проистекаетъ все наше зло: какъ нигилизмъ, — указаннымъ мною косвеннымъ путемъ,—такъ и всякое другое, въ какой бы то ни было сторонѣ жизни и мысли.

И такъ, кажется мнѣ, на всѣ три вопроса отвѣтилъ я удовлетворительно, показавъ: какъ и почему относительное распространеніе нигилизма значительнѣе въ нашей интеллигенціи, чѣмъ на Западѣ; почему подражательность наполнилась именно нигилистическимъ, а не другимъ какимъ содержаніемъ; и наконецъ—почему

нигилизмъ могъ такъ быстро, почти внезапно возникнуть и такъ широко распространиться, и что послужило подготовленіемъ къ этому *).

Изъ этого же разбора причинъ и условій происхожденія и распространенія нашего нигилизма выясняются и тѣ средства, которыми это печальное явленіе нашей умственной жизни могло бы быть уврачевано и устранено. Одинъ изъ этихъ путей былъ бы тотъ, отъ насъ независящій, еслибы сама подражательность наша получила другое направленіе, что могло бы случиться лишь, если бы отрицательное нигилистическое направленіе потеряло свою силу и значеніе въ своемъ первоисточникѣ — на Западѣ, еслибы оно тамъ перестало считаться передовымъ. Вслѣдъ за этимъ поворотомъ въ любую сторону, по истеченіи нѣкотораго времени, конечно и наша подражательность повернула бы туда же. Но на это расчитывать не возможно, ибо логическій процессъ долженъ совершить свое полное роковое теченіе. А еслибы и можно было расчитывать, то такое излѣченіе вовсе и нежелательно, ибо было бы только перемѣною одной болѣзни на другую, хотя и менѣе острую: мы все продолжали бы носиться по вѣтру ученій, безъ балласта, руля и компаса, завися единственно отъ состоянія погоды, отъ ведра или ненастья за нашимъ западнымъ горизонтомъ. Другой путь былъ бы обращеніемъ къ самобытности во всѣхъ сферахъ мысли и жизни. Кромѣ этого — все будетъ лишь временно и слабо дѣйствующимъ палліативомъ, хотя и полезнымъ въ томъ или другомъ отношеніи.

---

*) Остается просить глубокоуважаемаго автора, чтобъ онъ также тщательно, въ средѣ самихъ *жизненныхъ на Руси явленій*, раскрылъ причины благопріятствовавшія успѣху заноснаго нигилизма, побуждавшія свое, *родимое зло* лѣчить лѣкарствомъ отъ чужой болѣзни или одѣвать въ чужую болѣзнь. Человѣкъ боленъ, напримѣръ, простымъ разстройствомъ желудка отъ неудобоваримой пищи и воображаетъ, что онъ боленъ—ну хоть холерой, которая эпидемически свирѣпствуетъ у сосѣдей! А мнимо-больные подчасъ хуже настоящихъ больныхъ. Ложь подражанія была не въ одной области отвлеченной мысли, а во всей общественной и государственной русской *жизни*,—хотя и безсознательная, какъ говоритъ авторъ, однако тѣмъ не менѣе вносившая фальшь и кривду въ общественную атмосферу, въ сердца и умы, сбивавшая съ толку самыя усилія сознанія... *Ред. (И. С. Аксаковъ)*

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Г. ВЛАДИМІРЪ СОЛОВЬЕВЪ О ПРАВОСЛАВІИ И КАТОЛИЦИЗМѢ.

(*Извѣст. Славянск. Общества*, 1885, мартъ).

«Сближеніе между нами возможно-ли? Кромѣ рѣшительнаго отрицанія, инаго отвѣта нельзя дать на этотъ вопросъ. Истина не допускаетъ сдѣлокъ».

Хомяковъ: *„Нѣсколько словъ православнаго христіанина"*.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Пальмеру Хомяковъ сказалъ: „Я увѣренъ въ справедливости того мнѣнія, что важнѣйшее препятствіе къ единенію заключается не въ тѣхъ различіяхъ, которыя бросаются въ глаза, т. е. не въ формальной сторонѣ ученій, но въ духѣ, господствующемъ въ западныхъ церквахъ, въ ихъ страстяхъ, привычкахъ и предразсудкахъ, а главнымъ образомъ въ томъ чувствѣ самолюбія, которое не допускаетъ сознанія прежнихъ заблужденій, въ томъ горделивомъ пренебреженіи, вслѣдствіе котораго Западъ никогда не рѣшится признать, что Божественная истина столько лѣтъ охранялась отсталымъ и презрѣннымъ Востокомъ". Слова эти съ удивительною точностью оправдались при отдѣленіи такъ называемыхъ старокатоликовъ, которые, отшатнувшись отъ папской непогрѣшимости, утвержденной какъ догматъ, повидимому не имѣли бы уже никакихъ причинъ не присоединиться къ православію, ибо все, догмати-

чески отличающее ихъ отъ насъ, осталось висящимъ на воздухѣ, по расторженіи цѣпи папской непогрѣшимости. Чтобы сказать эти слова и повторить ихъ за нимъ, нужно было и у Хомякова, и у всѣхъ православныхъ непоколебимое убѣжденіе, что христіанская истина на сторонѣ этого востока; и вдругъ, отъ человѣка, и глубоко религіознаго, и много занимавшагося религіозными вопросами, и много размышлявшаго о богословскихъ предметахъ, слышимъ мы какъ разъ слова, діаметрально противуположныя только-что приведеннымъ. Проповѣдь самоотверженія обращается къ намъ, къ смиренному востоку. Оказывается, что мы должны побѣдить страсти, привычки и предразсудки, побѣдить то чувство самолюбія, которое не допускаетъ сознанія прежнихъ заблужденій, унаслѣдованныхъ отъ Византіи. Не должно-ли было это всѣхъ удивить? Меня, по крайней мѣрѣ, это удивило до крайности.

Г. Соловьевъ въ нѣсколькихъ статьяхъ своихъ въ „Руси“ и въ „Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“ посмотрѣлъ на это дѣло не съ точки зрѣнія полнаго безпристрастія, а принялъ въ немъ явно и открыто сторону римскаго католичества. Это видно изъ его изложенія историческаго хода событія, неправильно называемаго раздѣленіемъ церквей, событія, въ которомъ, по его мнѣнію, главная вина падаетъ на Византію и византизмъ. Тоже видимъ и въ другихъ мѣстахъ этихъ статей, напримѣръ, въ объясненіи смысла и значенія магометанства. Авторъ нашъ говоритъ: „Между православною вѣрою и жизнью православнаго общества не было сообразности“. Это совершенно вѣрно, но вѣдь и на западѣ точно такъ же, какъ и на востокѣ; почему же онъ говоритъ, относя свои слова исключительно къ востоку: „Православно исповѣдуя единаго Христа въ согласномъ сочетаніи божественной и человѣческой природы, византійскіе христіане въ своей полуязыческой дѣйствительности разрывали этотъ союзъ... Побѣдившіе ересь въ мысли, побѣждались ею въ собственномъ дѣйствіи; православно разсуждавшіе жили еретически“. Опять справедливо, но будто только византійскіе христіане? Все это разсужденіе, продолжаясь въ томъ же духѣ, оканчивается словами: „Восточные христіане потеряли то, въ чемъ грѣшили, въ чемъ не были христіанами—независимость политической и общественной жизни“. Будто западные христіане были въ этомъ отношеніи болѣе христіанами, чѣмъ восточные?

Также точно всѣ недостатки, всѣ пороки Византіи выстав-

ляются на справедливый позоръ, а о подвигѣ той же Византіи, величайшемъ, самомъ геройскомъ подвигѣ самоотверженія, когда-либо совершенномъ народомъ, упоминается какъ о дѣйствіи, заслуживающемъ укора, а не похвалъ, и о постыднѣйшемъ актѣ торга и духовнаго соблазна, совершенномъ Римомъ, не упоминается вовсе. Взирая на эти два историческіе поступка, я счелъ себя въ правѣ сказать: „Какъ сатана соблазнитель, говорилъ Римъ одряхлѣвшей Византіи: видишь-ли царство сіе? пади и поклонися мнѣ, и все будетъ твое“. — Въ виду грозы Магомета собираетъ онъ Флорентійскій соборъ и соглашается протянуть руку помощи погибавшему не иначе, какъ подъ условіемъ отреченія отъ православія. Дряхлая Византія показала міру невиданный примѣръ духовнаго героизма. Она предпочла политическую смерть и всѣ ужасы варварскаго ига измѣнѣ вѣрѣ, цѣною которой предлагалось спасеніе.—Откуда это мѣряніе двумя мѣрами?

Это явное пристрастіе настолько изумило меня, такъ противорѣчило всему, чего я ожидалъ отъ г. Соловьева, а съ другой стороны, всѣ доводы его показались мнѣ столь мало убѣдительными, и цѣли его столь неясными и туманными, что становилось страннымъ, какъ могъ онъ самъ убѣдиться первыми, или увлечься послѣдними. Изъ этого родилось у меня невольно нѣкоторое подозрѣніе, что г. Соловьевъ не относился свободно къ своему предмету, что онъ былъ прельщенъ, соблазненъ, подкупленъ. Но да не приходитъ ни онъ, ни читатели въ ужасъ отъ моей дерзости. Да, думаю я, подкупленъ, но вѣдь, само собою разумѣется, не деньгами, не лестью и ничѣмъ сему подобнымъ, а чѣмъ-то совершенно инымъ, чѣмъ могъ бы быть подкупленъ даже человѣкъ честности Аристида, безкорыстія Сократа, смиренія христіанскаго подвижника.

Г. Соловьевъ человѣкъ, безъ сомнѣнія, съ философскимъ направленіемъ ума. Качество довольно рѣдкое и очень цѣнное, но, однако же, какъ и всякое умственное и даже какъ и всякое нравственное качество, имѣющее и свои слабыя стороны, заставляющія впадать въ пороки своихъ добродѣтелей. Опытъ намъ показываетъ, что главный недостатокъ или порокъ философствующихъ умовъ, т. е. метафизически философствующихъ, есть склонность къ симметрическимъ выводамъ. При построеніи міра по логическимъ законамъ ума, является схематизмъ, и въ этихъ логическихъ схемахъ все такъ прекрасно укладывается по симметри-

ческимъ рубрикамъ, которыя, въ свою очередь, столь же симметрически подраздѣляются. Затѣмъ находятъ оправданіе этому схематизму въ томъ, что будто бы онъ ясно проявляется въ объективныхъ явленіяхъ міра. Взглянемъ на столь эмпирическое, повидимому, дѣло, какъ зоологическая и ботаническая систематика; и къ ней Окены, Фицингеры, Рейхенбахи, все люди высокаго ума и съ большими положительными знаніями, находили возможность прилагать свои симметрическія, схематическія формулы.

Въ такихъ симметрическихъ дѣленіяхъ принимали за таинственнаго направителя гармоніи развитія или эволюціи нѣкоторыя числа: кто *четыре*, какъ пиѳагорейцы, кто *пять*, какъ англійскій зоологъ Макъ-ли (M'Leay), но излюбленнѣйшимъ числомъ было *три*. Трихотомія была любимѣйшею формулой схематически-симметрическаго дѣленія. Когда грубые, неуклюжіе факты не поддавались этой симметріи, ихъ подталкивали, подпихивали, давали, по мѣткому французскому выраженію, un coup de plume.

Вотъ эту-то любовь къ симметрически-схематической троичности замѣтилъ я и у нашего многоуважаемаго автора, и подозрѣваю, что именно она прельстила, соблазнила, подкупила его,—сейчасъ увидимъ, какимъ образомъ. Сначала укажемъ на примѣры такихъ симметрическихъ дѣленій, съ ихъ почти неизбѣжными coups de plume.

Начинается дѣло съ знаменитаго противуположенія востока и запада, будто бы имѣвшаго мѣсто съ самаго начала человѣческой исторіи, вѣроятно, какъ проявленіе не менѣе, чѣмъ симметрическая схема, излюбленной метафизикою полярности. Но на бѣду, въ началѣ исторіи—должно вѣдь, конечно, разумѣть культурной исторіи, оставивъ въ сторонѣ каменные вѣка—мы знаемъ только востокъ, т. е. страны западной, южной и восточной Азіи и Египетъ, безъ малѣйшей примѣси запада. Этотъ западъ, т. е. Европа, былъ тогда покрытъ сплошнымъ покровомъ варварства, или скорѣе дикости, и въ этомъ качествѣ никакой культурной противуположности востоку представлять не могъ. Слѣдовательно, исторія началась безъ полярнаго противуположенія. Это первый coup de plume, первое подталкиваніе и подпихиваніе фактовъ, съ тѣмъ, чтобы заставить ихъ гармонировать съ логическою схемою.

Далѣе, за характеристику востока принимается подчиненіе человѣка во всемъ сверхчеловѣческой силѣ, а за характеристику запада—самодѣятельность человѣка. Но ни одинъ народъ въ мірѣ

не заботился и не заботится менѣе о сверхъестественной силѣ какъ та треть человѣчества, которая живетъ въ Китаѣ, какъ разъ на самомъ настоящемъ востокѣ. Слѣдовательно, эту неудобную и неподатливую на схемы треть человѣчества приходится выкинуть изъ исторіи. Второй coup de plume. Вообще, этотъ несносный Китай стоитъ поперекъ всѣмъ апріористическимъ построеніямъ исторіи! Выключеніе его мотивируется тѣмъ, что Китай уже черезчуръ восточенъ по своей замкнутости и неподвижности. Но замкнутость его происходила отъ чисто внѣшнихъ географическихъ причинъ, по духу же и направленію не менѣе его были замкнуты Индія и Египетъ. Что же касается до неподвижности, то очевидно, что народъ, сдѣлавшій большую часть основныхъ культуродныхъ изобрѣтеній, не могъ быть неподвижнымъ, что теперешняя и давняя уже неподвижность—не отличительное свойство духа его, а возрастный признакъ его долговременной національной и государственной жизни.

Въ доказательство того, что теософическая идея связывала все мышленіе восточныхъ народовъ и обращала въ теургію все творческое воздѣйствіе человѣка на природу, между прочимъ приводится и то, что земледѣліе было у нихъ богослужебнымъ обрядомъ. Но таковымъ было оно и есть именно у китайцевъ, наименѣе теософическаго, а слѣдовательно и наименѣе теургическаго народа изо всѣхъ живущихъ и когда либо жившихъ на землѣ.

Но и народы востока проявляютъ свою общую характеристическую черту въ различныхъ формахъ: „Индія пришла къ признанію истиннаго божества, какъ чистой, отъ всего *отрѣшенной безконечности*. Это есть истина, хотя и не вся истина. Религіозная мысль востока не остановилась на индѣйскомъ міросозерцаніи". «Тутъ», продолжаетъ нашъ авторъ, „скрывается раздвоеніе и противорѣчіе". Это доказывается, и далѣе выводится: „такимъ образомъ умозрительная противоположность сверхсущей истины и ложнаго бытія замѣняется *нравственною противоположностью добра и зла*. Вмѣсто Брамы и Майи являются Ормуздъ и Ариманъ" т. е. міровоззрѣніе иранское. Но и на этомъ дѣло не останавливается. Все дѣло въ борьбѣ, цѣль ея—торжество добраго начала. Торжество злаго начала—смерть. Торжество добраго—жизнь всему, и если торжество полное—то жизнь вѣчная. „*Идея жизни и жизни вѣчной* лежитъ въ основѣ египетской религіи и культуры". Вотъ и прекрасно; показаны три формы религіозной жизни востока.

Это развитіе выставлено, какъ эволюціонный процессъ, слѣдовательно какъ процессъ преемственный, что подтверждается еще слѣдующимъ мѣстомъ: „Религіозный человѣкъ востока, *на послѣдней ступени своего развитія—въ Египтѣ,* обоготворилъ идею жизни". Да иначе какой бы и смыслъ имѣли эта великолѣпная трихотомія и эти дивные три момента развитія, если бы не выражались послѣдовательно? Только какое понадобилось для нихъ подталкиваніе и подпихиваніе фактовъ, какой жестокій coup de plume, точно землетрясеніе перепутавшій всю хронологію, всю послѣдовательность явленій во времени! Египетъ не послѣдняя, а первая ступень развитія религіознаго человѣка востока, нѣсколькими тысячелѣтіями предшествовавшая развитію религіознаго человѣка въ Индіи и Иранѣ. Да и индѣйская ступень не предшествовала иранской, а по меньшей мѣрѣ была ей одновременна—я разумѣю браманизмъ, буддизмъ же несомнѣнно явился гораздо позже магизма, совершенно обратно тому, что требовалось бы по схемѣ.

Но толчки, подпихиванія и удары перьевъ не прекращаются. „Когда римскіе легіоны", говорится далѣе, „явились за Евфратомъ и близъ границъ Индіи, а евреи Петръ и Павелъ стали проповѣдывать новую религію на улицахъ вѣчнаго города,—восточнаго и западнаго міра уже не было, — произошло двойное объединеніе историческаго человѣчества (т. е. по прежнему должно бы быть всего цивилизованнаго человѣчества, кромѣ Китая), внѣшнее во всемірной имперіи, и внутреннее во вселенской церкви".—Вотъ до чего доводятъ симметрическія схемы! Вѣдь г. Соловьеву, такъ же какъ и всѣмъ намъ, хорошо извѣстно, что римскіе легіоны никогда и близко не подходили къ границамъ Индіи; что за Евфратомъ ихъ большею частію били и истребляли; что между Римскою имперіею и Индіею лежалъ цѣлый культурный типъ Ирана, какъ разъ вскорѣ послѣ этого времени разцвѣтшій въ новомъ блескѣ и славѣ; что наконецъ всемірная Римская имперія—не болѣе какъ метафорическое выраженіе, гипербола, и притомъ очень смѣлая. Употреблять ее, какъ точное выраженіе дѣйствительности, всего менѣе позволительно тамъ, гдѣ идетъ дѣло о противоположеніи востока и запада, какъ двухъ полюсовъ, опредѣляющихъ собою характеръ развитія всемірной исторіи, когда изъ всего того, что г. Соловьевъ называетъ востокомъ, только Египетъ и вошелъ въ составъ этой имперіи, и, слѣдовательно, только по отношенію къ нему одному и можно говорить о внѣшнемъ упраздненіи вос-

тока. Но это искаженіе фактовъ требовалось для схематическаго построенія исторіи, дабы вмѣсто якобы „двухъ культуръ (когда ихъ было не двѣ, а нѣсколько), стоявшихъ доселѣ рядомъ, можно было поставить двѣ концентрическія сферы жизни: одну высшую—церковь, а другую низшую—гражданское общество“.

Въ другой статьѣ своей г. Соловьевъ, исходя изъ вѣрнаго, принятаго церковью, начала тройственности достоинствъ, заключавшихся въ лицѣ Іисуса Христа, какъ пути къ истинѣ и жизни: достоинства Царя, Первосвященника и Пророка, выводитъ тоже, кажется мнѣ, совершенно вѣрно, что и въ церкви, „когда первосвященникъ, царь и свободный дѣятель согласны между собою, тогда они могутъ собирательно совершать такое же служеніе, какое Христосъ совершалъ единолично, что тогда они дѣйствительно представляютъ собою всю церковь“. Но, когда онъ переходитъ къ изложенію проявившагося въ исторіи раздѣленія этихъ служеній и вражды между ними, то прибѣгаетъ и тутъ къ натяжкамъ, къ подталкиванію и къ подпихиванію фактовъ, дабы уложить ихъ въ свою схему: „Христіанскій востокъ, говоритъ онъ, избралъ царя носителемъ единовластія, представителемъ единства, верховнымъ вождемъ и управителемъ своей жизни; христіанскій западъ сосредоточился вокругъ первосвященника“. Я и тутъ спрашиваю, когда же это было? Вѣдь тутъ говорится о религіозной жизни церкви, а не о политической. Первымъ христіанскимъ царемъ былъ Константинъ, но власть его была совершенно одинаковою во всѣхъ отношеніяхъ, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, и ни на томъ, ни на другомъ онъ одинаково не считался верховнымъ вождемъ и управителемъ жизни церковной; во всякомъ же случаѣ, если даже и признать, что считался, то въ одинаковой мѣрѣ въ обѣихъ половинахъ имперіи. Ближайшіе преемники его, хоти и жили въ Константинополѣ, т. е. на востокѣ, имѣли принципіально ту же власть и тѣ же границы власти во всей имперіи. Когда Ѳеодосій раздѣлилъ имперію, то и Аркадію, и Гонорію достались, опять-таки и на востокѣ и на западѣ, одинаковыя доли власти, совершенно одинаковое царское достоинство. Когда Юстиніанъ на время и отчасти возсоединилъ западъ съ востокомъ, значеніе его было одинаково, и въ гражданскомъ и въ религіозномъ смыслѣ, на всемъ пространствѣ его владѣній. До сихъ поръ никакого различія въ этомъ отношеніи между востокомъ и западомъ не было. Затѣмъ, на западѣ общаго всему христіанству единаго царя даже

и въ принципѣ не стало. Отъ этого положеніе западнаго первосвященника стало различаться отъ положенія первосвященниковъ восточныхъ. Но когда единая царская власть снова возстановилась на западѣ въ лицѣ Карла Великаго, то значеніе царя опять стало одинаковымъ и на западѣ и на востокѣ, и слѣдовательно, нельзя сказать, чтобы во все это время съ самаго появленія христіанскихъ царей, „явилось раздѣленіе между царскимъ востокомъ и первосвященническимъ западомъ“ — первосвященническимъ сталъ онъ значительно позже, въ это же время въ обоихъ были цари равнаго достоинства: въ одномъ реальный, а въ другомъ фактивный наслѣдникъ двухъ половинъ Римской имперіи. По дальнѣйшему развитію мысли г. Соловьева выходитъ, что это раздѣленіе между царскимъ востокомъ и первосвященническимъ западомъ и составляетъ настоящую причину раздѣленія церквей. Это видно, во-первыхъ, изъ того, что сейчасъ вслѣдъ за симъ внутренняя западная вражда между царскою и первосвященническою властью выставляется, какъ причина беззаконнаго проявленія третьяго начала—начала свободной проповѣди; а во-вторыхъ, изъ того, что, по мнѣнію автора, антагонизмъ восточнаго и западнаго христіанства коренится въ почвѣ церковно-политической, въ томъ, что католики укоряютъ насъ въ цезаро-папизмѣ, а мы ихъ въ папо-цезаризмѣ. Но не трудно усмотрѣть, что при этомъ объясненіи происхожденія протестантства, факты насилуются; какъ и въ прежде приведенныхъ примѣрахъ, они перестанавливаются во времени для удобной укладки въ схему. Во-первыхъ, почему же вина сваливается на царскую власть, не захотѣвшую подчиниться первосвященическому единовластію; не эта ли послѣдняя скорѣе хотѣла себѣ присвоить то, чтò ей вовсе не принадлежало? Но, какъ бы это тамъ ни было, очевидно, что не борьба между царскою и первосвященническою властью возбудила беззаконное проявленіе третьяго начала—свободной проповѣди или протестантсво. Эта борьба происходила во времена Гогенштауфеновъ, Гвельфовъ и Гиббелиновъ, и тогда ничего подобнаго протестанству не произвела; когда же это послѣднее возникло, то кесарь и папа не были во враждѣ: и нѣмецкіе и испанскіе Габсбурги, и французскіе Валуа были въ союзѣ съ папою противъ ереси.

Здѣсь не лишнимъ будетъ еще замѣтить, что мысль г. Соловьева: „когда первосвященникъ, царь и свободный дѣятель согласны между собою, тогда они могутъ собирательно совер-

шать такое же служеніе, какъ Христосъ совершалъ единолично, тогда они дѣйствительно представляютъ собою всю церковь",— была нарушена никѣмъ инымъ, какъ папами, хотѣвшими соединить въ лицѣ своемъ всѣ эти три достоинства, присвояя себѣ и исключительное первосвященничество, то есть включая въ себя всю іерархію, и исключительную царскую власть, которая только отъ него должна была получать все свое значеніе и всю свою санкцію, и все пророчество — присвояя единственно себѣ непогрѣшимость церкви и тѣмъ совершенно уничтожая въ ней всякую свободную дѣятельность, осуждая ее на полное рабство.

Указывая на всѣ эти подпихиванія, подталкиванія и перемѣщенія фактовъ, ради умѣщенія ихъ въ схему, я не имѣлъ собственно въ виду представить критики тѣхъ пролегоменовъ автора, которые онъ почелъ за нужное положить въ основу своихъ тезисовъ; не имѣлъ въ виду, во-первыхъ, потому, что это заняло бы много времени и мѣста, а главное потому, что такая критика была бы безполезна, такъ какъ и за устраненіемъ всей этой подготовительной части, г. Соловьевъ могъ бы оставаться при своей точкѣ зрѣнія на раздѣленіе церквей, и при желаемомъ имъ соединеніи ихъ. Я хотѣлъ лишь извлечь нѣсколько примѣровъ того, какъ схематическая симметрія можетъ прельщать, соблазнять и подкупать умы, извѣстнымъ образомъ настроенные, и направленные. Но гдѣ же именно то симметрическое построеніе, которое, по мнѣнію моему, собственно и подкупило г. Соловьева, то, которому я приписываю невѣрность его взгляда на разбираемый имъ важный вопросъ?

Въ одномъ изъ прежнихъ своихъ сочиненій, да и въ разбираемыхъ теперь статьяхъ, г. Соловьевъ проводитъ ту мысль, что осуществеленіе христіанскаго идеала должно выразиться по отношенію къ мысли въ *теософіи*, т. е. въ христіанской религіозной философіи и наукѣ; по отношенію искусства и вообще воздѣйствія человѣка на природу—въ *теургіи*; а по отношенію къ взаимнымъ отношеніямъ людей и къ человѣческому обществу, т. е. въ политикѣ въ обширномъ значеніи этого слова,—въ *теократіи*. *Теософію*, хотя конечно еще неполную и несовершенную, мы уже имѣемъ въ религіозной философіи; чтó такое и какъ должна проявиться *теургія*, это вѣроятно еще покажетъ намъ авторъ. До сихъ поръ едва ли кто имѣетъ о ней ясное понятіе,—я по край-

ней мѣрѣ его не имѣю; во всякомъ же случаѣ теургическая дѣятельность можетъ наступить лишь по осуществленіи христіанской политики. Слѣдовательно, главная потребность настоящаго времени, главная цѣль, къ достиженію которой надо стремиться, заключается въ *теократіи*. Но ея и искать нечего—она давно уже осуществлена на западѣ въ папствѣ. Ограничиваясь однако только частію христіанства, эта теократія не имѣетъ полнаго характера вселенскости, настоящей каѳоличности, и потому несовершенна.

Прельстительное, соблазнительное, подкупательное дѣйствіе такой идеи на умъ, философски, или, вѣрнѣе, метафизически настроенный, и потому склонный къ схематической симметріи, понятно. Симметрическая схема этой троичности должна непремѣнно осуществиться. Мы видѣли, какъ сама фактическая послѣдовательность историческихъ явленій не могла устоять противъ подобныхъ стремленій. Они все затуманиваютъ, все собою заволакиваютъ: и чувство религіозной истины, и подавно уже чувство національности. И вотъ, г. Соловьевъ видитъ далѣе въ русскомъ народѣ—народъ по преимуществу теократическій; ему, слѣдовательно, и предстоитъ совершить великій подвигъ соединенія разрозненнаго, осуществленіе вселенской теократіи, дабы на ея основаніи и при ея помощи осуществилась во всемъ блескѣ и славѣ теософія въ теоріи и теургія на практикѣ. Призваніе это, какъ оказывается, должно состоять не въ провозглашеніи міру новой великой идеи, а въ великомъ нравственномъ подвигѣ, подвигѣ, состоящемъ въ великомъ актѣ самоотреченія, духовнаго самопожертвованія, который русскій народъ уже два раза совершалъ въ болѣе низкихъ сферахъ дѣятельности: разъ при призваніи Варяговъ, а другой разъ при Петрѣ. Слѣдовательно и тутъ, какъ бы въ подтвержденіе вѣрности и логичности вывода, основательности надеждъ, опять является таже соблазнительная тройственность и симметричность. Оцѣнивать значеніе совершенныхъ уже подвиговъ мы не станемъ, но приступить къ оцѣнкѣ того, который намъ еще предстоитъ, необходимо. Въ одномъ конечно согласится со мною и г. Соловьевъ: что самимъ величіемъ подвига еще не должно соблазняться, потому что даже и самоотреченію и самопожертвованію—этимъ величайшимъ нравственнымъ подвигамъ, какъ и всему на свѣтѣ, есть предѣлъ и мѣра, и эти предѣлъ и мѣра — истина. Истинѣ конечно можно и должно все принести въ жертву! А лжи? Нужно, слѣдовательно, прежде чѣмъ приступить къ жертвѣ, взвѣсить и оцѣнить

съ величайшею осмотрительностью то, чему насъ призываютъ принести величайшую изъ возможныхъ жертвъ.

Зло, устранить которое мы приглашаемся актомъ самоотреченія, есть раздѣленіе церкви. Раздѣленіе церкви! — да развѣ это вещь возможная? Если подъ церковью разумѣть вообще религіозное, или даже и христіански-религіозное общество, то почему же нѣтъ!—и раздѣленіе и подраздѣленіе, и всякое дробленіе вполнѣ возможны, да и на дѣлѣ множество разъ повторялись. Но, если разумѣть подъ церковью таинственное тѣло Христово, тѣло, коего Онъ глава, и одушевляемое Духомъ Святымъ, — а вѣдь такъ понимаетъ церковь г. Соловьевъ, — то вѣдь тѣло это есть святой таинственный организмъ въ реальномъ, а не въ метафорическомъ только смыслѣ; а ежели организмъ, то и индивидуальность—особь особеннаго высшаго порядка. Какъ же можетъ тѣло это раздѣлиться, оставаясь живымъ, сохраняя свою живую индивидуальность? Недопустимость, невозможность этого очевидны. И такъ, возможно только или отдѣленіе, т. е. отпаденіе отъ церкви, или же такъ называемое раздѣленіе должно быть чѣмъ-то кажущимся, несущественнымъ, т. е. не болѣе какъ прискорбнымъ недоразумѣніемъ. Другой альтернативы тутъ нѣтъ и быть не можетъ. Слѣдовательно, предстоитъ разсмотрѣть, если было отдѣленіе, отпаденіе,—то кто, чѣмъ и когда отпалъ? Если-же такъ называемое раздѣленіе церквей было лишь прискорбнымъ недоразумѣніемъ, то чѣмъ можно его разсѣять и устранить?

Чтобы приступить къ рѣшенію перваго вопроса, кажется мнѣ, всего проще держаться тѣхъ рубрикъ, которыя самъ г. Соловьевъ выставилъ въ № 19 „Руси" 1883 года, въ видѣ 9 вопросовъ.

1) „Постановленія вселенскихъ соборовъ о неприкосновенности Никейской вѣры относятся-ли къ *содержанію* этой вѣры, или-же къ буквѣ символа Никео-Константинопольскаго?"

Не обинуясь отвѣчу: къ содержанію, и притомъ, въ томъ самомъ смыслѣ, какъ понимаетъ эти слова самъ г. Соловьевъ въ статьѣ „О расколѣ въ русскомъ народѣ и въ обществѣ" *), гдѣ говоритъ: „точно также и разность въ чтеніи символа между господствующею церковью и старобрядцами могла-бы имѣть значеніе для вѣры и благочестія только въ томъ случаѣ, если бы ею

---

* „Религіозныя основы жизни", стр. 159.

затрогивался догматическій смыслъ символа, т. е. если бы ею *измѣнялось выражаемое въ сказанномъ членѣ символа понятіе и опредѣленіе о Духѣ Святомъ.* Догматичны и *общеобязательны* опредѣленія символа лишь въ *силу ихъ смысла*, ибо тутъ смыслъ можетъ быть одинаковъ для *всѣхъ народовъ и временъ*, можетъ имѣть вселенское кафолическое значеніе, которое никакъ не принадлежитъ отдѣльнымъ реченіямъ и буквамъ".

Затѣмъ г. Соловьевъ предлагаетъ прямо 2-й вопросъ: „содержитъ-ли въ себѣ прибавленіе Filioque непремѣнно *ересь*?" Но мнѣ кажется, что по логической послѣдовательности тутъ одинъ вопросъ пропущенъ, такъ что вопросъ о еретичности вставки долженъ-бы оказаться уже третьимъ, который самъ собою разрѣшается отвѣтомъ на второй—пропущенный. Мы позволимъ себѣ поэтому его вставить:

2) Измѣненіе Никео-Константинопольскаго символа, введенное Римскою церковью, относится къ содержанію-ли вѣры или только къ буквѣ символа?

Къ буквѣ символа относится, по справедливому объясненію самаго г. Соловьева, то различіе, которое замѣчается въ чтеніи его православною церковью и старообрядцами, т. е. вставка или выпускъ слова *„истиннаго"*, неизмѣняющее смысла, потому что во всякомъ случаѣ все, приписываемое въ этомъ членѣ символа Духу Святому, приложимо только къ Богу истинному, а само слово было бы только плеоназмомъ. Ну, а Filioque, исповѣданіе исхожденія Духа Святаго не отъ Отца только, но и отъ Сына,—развѣ также только плеоназмъ и необходимо подразумѣвается при исповѣданіи исхожденія Его отъ Отца, также точно, какъ подразумѣвается *истинная* Божественность Духа Святаго, при исповѣданіи прочихъ частей этого члена символа? Вѣдь вопросъ именно въ этомъ заключается, въ томъ, какъ г. Соловьевъ поставилъ его въ своей статьѣ о расколѣ. Слѣдовательно и отвѣчать на этотъ вопросъ, который (хотя и не самимъ г. Соловьевымъ сдѣланный), нельзя иначе, какъ тѣмъ, что измѣненіе символа, введенное Римскою церковью, относится къ самому содержанію вѣры, а не только къ буквѣ символа.

Случается слышать, что это Filioque не измѣненіе символа, а только лишь дополненіе его. Но что же это значитъ? Дополненіе есть одинъ изъ видовъ измѣненія. Измѣненіе можетъ быть сдѣлано сколько мнѣ извѣстно, только тремя способами, или тремя видами

этого родоваго понятія, но и не менѣе, какъ этими тремя: опущеніемъ, замѣщеніемъ и дополненіемъ. Всѣ эти три вида измѣненій могутъ, смотря по своему содержанію, одинаково измѣнять или только букву, или самый смыслъ измѣняемаго. И опущенія и замѣщенія могутъ быть также точно невинны и несущественны, какъ дополненія могутъ быть важны и существенны. Напримѣръ, *дополненіе* въ томъ-же членѣ сvмвола слова *„истиннаго"* будетъ столь-же несущественно какъ и *опущеніе* его (если-бы оно находилось въ первоначальномъ текстѣ). Можно пойти еще далѣе. Въ сvмволѣ есть слова: „свѣта отъ свѣта", поставленныя для поясненія рожденія Сына отъ Отца. Если-бы это уподобительное поясненіе и было какою нибудь мѣстною церковью опущено, то, полагаю, существеннаго измѣненія смысла сvмволъ не потерпѣлъ-бы. Ересью такой пропускъ во всякомъ случаѣ нельзя бы было назвать, а только формальнымъ нарушеніемъ заповѣданной неприкосновенности его. Также точно можно бы, безъ сомнѣнія, и замѣнить нѣкоторыя слова сvмвола другими, хотя можетъ быть и менѣе обозначительными, но безъ существеннаго измѣненія его смысла. Но если бы кто вздумалъ сдѣлать во 2-мъ членѣ дополненіе совершенно аналогическое со сдѣланнымъ въ 8-мъ латынянами, сказавъ про Второе Лицо Св. Троицы: „иже отъ Отца и Духа Святаго рожденнаго", какъ это и спрашиваетъ Фотій въ окружномъ посланіи къ восточнымъ патріархамъ, — какого рода было бы это дополненіе: измѣняющее лишь букву, или и самый смыслъ сvмвола? Изъ этого очевидно, что измѣненіе въ формѣ дополненія можетъ быть столь-же существенно, какъ и въ прочихъ формахъ: опущенія и замѣщенія.

Изъ логической послѣдовательности частей сvмвола очевидно, что о каждомъ Лицѣ Св. Троицы сначала устанавливается внутреннее отношеніе его къ другимъ Лицамъ, а затѣмъ доля его участія въ спасеніи рода человѣческаго. Такъ и о Третьемъ Лицѣ говорится о вдохновеніи Имъ пророковъ и о подобающемъ Ему поклоненіи, а прежде этого конечно объ Его отношеніи къ другимъ Лицамъ; а если это такъ, то одинаковыми ли будутъ понятія православія и римской церкви объ отношеніи Лицъ Св. Троицы между собою? Слишкомъ явно, что не одинаковы. Слѣдовательно, смыслъ сvмвола измѣненъ въ самомъ его содержаніи, а не въ буквѣ только. Если бы въ сvмволѣ вовсе ничего не говорилось о внутреннемъ отношеніи Третьяго Лица къ другимъ Лицамъ, если бы тамъ было лишь сказано:

„и въ Духа Святаго, Господа животворящаго.... съ Отцемъ и Сыномъ спокланяема и славима"... то латинская формула могла бы считаться только дополненіемъ (правильнымъ или неправильнымъ—это другой вопросъ), а не измѣненіемъ его по смыслу и содержанію. Теперь же, измѣненіе по содержанію неоспоримо, ибо нельзя вѣдь требовать, чтобы ко всякому утвержденію прибавлялось, во избѣжаніе недоразумѣній, и отрицаніе всего, могущаго противорѣчить этому утвержденію, т. е. нельзя требовать, чтобы было сказано: только, единственно отъ Отца исходящаго, ибо, если что̀ утверждается, то тѣмъ самымъ уже и отвергается все несогласное съ этимъ утвержденіемъ. Иначе вѣдь и конца бы не было формулировкѣ вѣры, которая должна быть возможно краткою и сжатою.

Послѣ этого, отвѣтъ на 2-й (а по нашему счету на 3-й) вопросъ является самъ собою, какъ результатъ отвѣта на два первые. 3-й (2): „Слово Filioque, прибавленное къ первоначальному тексту Никео-Константинопольскаго сvмвола, содержитъ-ли въ себѣ непремѣнно *ересь*?".

Да, содержитъ непремѣнно, потому что относится не къ буквѣ сvмвола, а къ смыслу и содержанію его.

Но какъ-же согласить съ этимъ выставляемыя г. Соловьевымъ въ свою пользу столь высоко-авторитетныя слова Филарета Московскаго, не хотѣвшаго произнести суда надъ римскою церковью? Г. Кирѣевъ, въ отвѣтѣ своемъ, приписываетъ это тому, что сочиненіе покойнаго митрополита, на которое указываетъ г. Соловьевъ, было издано еще задолго до Ватиканскаго собора. Мнѣ кажется, что и въ этомъ нѣтъ надобности. Осужденія не хотѣлъ онъ произнести по христіанскому смиренію, тѣмъ болѣе, что высокочтимый голосъ его могъ-бы считаться отголоскомъ самой церкви,—по смиренію, правило котораго въ этомъ отношеніи выражено такъ незабвеннымъ Хомяковымъ въ его катехизическомъ ученіи о церкви: „Такъ какъ церковь земная и видимая не есть еще полнота и совершеніе всей церкви, которымъ Господь назначилъ явиться при конечномъ судѣ всего творенія, то она творитъ и вѣдаетъ только въ своихъ предѣлахъ, не судя остальному человѣчеству, и только признавая отлученными, т. е. не принадлежащими ей, тѣхъ, которые отъ нея сами отлучаются". Позволительно думать, что сказанное митрополитомъ Филаретомъ имѣло ближайшее вліяніе на приведенныя слова Хомякова, такъ какъ и тамъ проведена таже мысль.

И при судѣ надъ обыкновеннымъ преступникомъ, если онъ даже не отрицаетъ дѣла имъ совершеннаго, не считая его противузаконнымъ, а напротивъ того, съ горделивою смѣлостію выставляетъ его дѣяніемъ похвальнымъ, онъ все таки не считается виновнымъ, а только обвиненнымъ, и по фикціи невиннымъ, пока не произнесенъ приговоръ тѣмъ, кто къ тому призванъ. Но, однакоже, хотя и удерживаются отъ произнесенія надъ нимъ осужденія, тѣмъ не менѣе, всѣ считаютъ дѣяніе его преступленіемъ и не позволятъ себѣ совершить его. Такъ и тутъ, воздерживаясь отъ обвиненій Римской церкви въ ереси, не судя ее, мы можемъ и должны судить самихъ себя, т. е. думать, что не можемъ послѣдовать ученію ея именно изъ опасенія стать повинными въ ереси. Мы не осудимъ римскую церковь, заклеймивъ ее названіемъ ереси, какъ не призванные къ суду, но можемъ и должны опасаться, именно какъ ереси, тѣхъ отклоненій отъ православнаго ученія, которыя допустила Римская церковь.

Впрочемъ, какъ бы сильно кто ни выражался объ этомъ предметѣ, сильнѣе выразиться онъ не можетъ, чѣмъ самъ папа Іоаннъ VIII въ письмѣ къ Фотію, которое приведемъ здѣсь: „Намъ извѣстны неблагопріятные слухи, которые были вамъ переданы на нашъ счетъ и на счетъ нашей церкви; вотъ для чего я хотѣлъ объясниться съ вами, прежде даже чѣмъ вы бы мнѣ объ этомъ написали. Вамъ не безъизвѣстно, что вашъ посланный, объясняясь съ нами о сvмволѣ, нашелъ, что мы соблюдаемъ его, какъ первоначально получили, не прибавляя къ нему и не опуская ничего, потому что знаемъ то наказаніе, котораго заслуживаетъ тотъ, кто дерзнулъ бы коснуться до него. И такъ, чтобы успокоить васъ на счетъ этого предмета, который сдѣлался для церкви поводомъ къ соблазну, мы объясняемъ вамъ еще разъ, что не только мы произносимъ его такъ, но что мы осуждаемъ даже тѣхъ, которые *въ своемъ безуміи имѣли дерзость поступать иначе*, въ принципѣ, какъ нарушителей Божественнаго слова и поддѣлывателей ученія Іисуса Христа, апостоловъ и отцевъ, которые передали намъ сvмволъ черезъ соборы. *Мы объясняемъ, что доля ихъ—доля Іуды*, за то, что дѣйствовали какъ онъ, такъ какъ, хотя они и не сами тѣло Господа предаютъ смерти, но раздираютъ вѣрныхъ Божіихъ, которые суть члены его, расколомъ, предавая ихъ, какъ и самихъ себя, вѣчной смерти, какъ было поступлено недостойнымъ апостоломъ. Я предполагаю, однако же, что Ваша Святость, которая

исполнена мудрости, не можетъ не знать, что не легко заставить раздѣлять это мнѣніе нашихъ епископовъ и измѣнить въ короткое время столь важный обычай, укоренившійся уже въ теченіи стольких лѣтъ. Посему-то мы думаемъ, что не должно никого принуждать къ оставленію этой прибавки, сдѣланной къ символу, но что должно дѣйствовать съ умѣренностью и благоразуміемъ, увѣщевая мало по малу къ отказу отъ этого *богохульства*. И такъ, тѣ, которые насъ обвиняютъ въ раздѣленіи этого мнѣнія, говорятъ неправду. Но тѣ, которые утверждаютъ, что еще есть между нами лица, которыя осмѣливаются такъ произносить символъ, не слишкомъ удалены отъ истины. И такъ, прилично, чтобы Ваше Братство не слишкомъ приходило въ соблазнъ на нашъ счетъ и не удалялось отъ *здравой части тѣла нашей церкви*, но чтобы оно содѣйствовало своимъ усердіемъ, своею кротостью и благоразуміемъ *обращенію тѣхъ, которые удалились отъ истины*, дабы заслужить съ нами обѣщанную награду. Здравіе о Господѣ, каѳолическій и достоуважаемый братъ" *). Если не какія нибудь поношенія и бранныя слова называются богохульствомъ, а ученіе, то чѣмъ инымъ можетъ оно быть въ мнѣніи самого папы, какъ не ересью? И однако, менѣе чѣмъ черезъ полтораста лѣтъ (въ 1015 году) это самое богохульство было принято самими папами, какъ нераздѣльная часть символа. Какова непогрѣшимость!

На вторую часть вопроса: на какомъ же вселенскомъ соборѣ эта ересь подвергалась осужденію?—кажется мнѣ, также не трудно отдѣчать. На всѣхъ тѣхъ, на которыхъ былъ установленъ Никео-Цареградскій символъ, и на всѣхъ тѣхъ, на которыхъ постановленія двухъ первыхъ соборовъ были подтверждены и неприкосновенность символа провозглашена. Въ самомъ дѣлѣ, если какой либо догматъ установленъ, какъ торжественное свидѣтельство, что такова именно была постоянная вѣра вселенской церкви, къ чему же еще повторять тоже свидѣтельство при всякомъ случаѣ, когда какое либо общество вѣрующихъ (хотя бы это была самая многочисленная и уважаемая мѣстная областная церковь), отступаетъ отъ этого догмата, и не одинаково ли это относится какъ къ тому случаю, когда догматъ былъ формулированъ по поводу бывшаго уже уклоненія отъ содержимой въ ней истины, или въ предупреж-

*) *Guettée*, «La pap. schism», p. 347—348.

деніе еще будущихъ и неслучившихся еще уклоненій? Если поэтому не предстоитъ надобности въ новомъ повторительномъ провозглашеніи догмата, напримѣръ, о единосущности Отца и Сына (формулированнаго по поводу явившейся до собора ереси), то также точно не предстоитъ ея и для всѣхъ тѣхъ частей символа, противъ коихъ никто еще не возставалъ до ихъ вселенскаго утвержденія. Позволю себѣ для поясненія снова обратиться къ примѣру законодательства гражданскаго. Совершенъ проступокъ, не предусмотрѣнный закономъ, какъ положительное нарушеніе права. Очевидно, судъ будетъ въ затрудненіи и даже въ невозможности поставить рѣшеніе, ибо для сего требуется еще предварительный законодательный актъ. Но если точный и опредѣленный законъ уже постановленъ, какая надобность въ повторительномъ законодательномъ актѣ, для подтвержденія закона, при его нарушеніи? И тутъ, достаточность законодательнаго акта совершенно независима отъ того,—былъ ли законъ установленъ въ виду случавшагося уже правонарушенія, или въ виду только предупрежденія правонарушеній, возможныхъ въ будущемъ.

4 (3): „Если сказанное прибавленіе, появившееся въ западныхъ церквахъ съ VI вѣка и около половины VII ставшее извѣстнымъ на востокѣ, заключаетъ въ себѣ ересь, то какимъ образомъ бывшіе послѣ сего два Вселенскіе собора: шестой въ 680 и седьмой въ 787 годахъ не осудили эту ересь и не осудили принявшихъ ее, но пребывали съ ними въ церковномъ общеніи?"

Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти тоже уже данъ. Не осудили снова потому, что оно было уже осуждено ясною формулировкою догмата объ исхожденіи Св. Духа. Но почему же пребывали въ общеніи? Потому, что прибавленіе Filioque было ересью, появившеюся въ области Римскаго патріархата, но не было еще тогда ересью Римскаго патріархата, какъ свидѣтельствуетъ отказъ Льва III допустить измѣненіе символа слишкомъ двадцать лѣтъ послѣ седьмаго Вселенскаго собора. Почему же было и не оставаться въ общеніи съ этимъ патріархатомъ въ цѣломъ и съ представителями его на соборахъ? Въ Римскомъ патріархатѣ было тогда, или, пожалуй, даже имѣло тогда большое распространеніе ложное богословское мнѣніе, противорѣчащее ясно формулированному догмату символа, одинаково принятаго какъ на западѣ, такъ и на востокѣ. Вѣроятно и на востокѣ также были тогда распространены нѣкоторыя ложныя богословскія мнѣнія, какъ это во всѣ времена

бываетъ. Вотъ и все; изъ-за чего же повторять на соборѣ догматъ и изъ-за чего прекращать общеніе? Да и этого мало: въ сущности онъ былъ повторенъ, т. е. подтвержденъ, такъ какъ соборы обыкновенно подтверждали рѣшеніе прежнихъ соборовъ, и папскіе легаты наравнѣ съ прочими участвовали въ этомъ подтвержденіи *), слѣдовательно ни они, ни римскій патріархатъ, который они собою представляли, не могли быть почитаемы состоящими въ ереси, какъ, еще гораздо послѣ этого, это прямо выражаетъ папа Іоаннъ VIII въ только-что приведенной выпискѣ. Какъ частное (сколько бы оно ни было распространено) неправильное мнѣніе, оно и могло и должно было быть предоставлено внутреннему распоряженію областной Римской церкви, тогда въ цѣломъ не только еще вполнѣ православной, но особенно уважаемой по твердости и непоколебимости ея въ борьбѣ противъ иконоборства.

На 5 (4) вопросъ: „не дозволительно ли всякому православному слѣдовать о прибавленіи Filioque мнѣнію св. Максима Исповѣдника, толкуя это прибавленіе въ православномъ смыслѣ?“—кажется мнѣ, должно отвѣчать, что толковать это прибавленіе, какъ и вообще всякое мнѣніе, можно и должно только въ томъ смыслѣ, въ какомъ толкуютъ сами принимающіе его, т. е. въ настоящемъ случаѣ римскіе католики; а они, безъ сомнѣнія, толкуютъ его въ смыслѣ предвѣчнаго исхожденія Св. Духа, какъ ѵпостаси Св. Троицы Если же придавать какому бы то ни было мнѣнію—религіозному, философскому, научному, политическому, литературному не тотъ смыслъ, который придаютъ ему тѣ, кто его установили и приняли, а свой особый смыслъ; то можно согласиться почти со всѣмъ, съ чѣмъ угодно. Такъ, напримѣръ, понимая по своему народное вер-

*) Седьмой вселенскій соборъ говоритъ въ правилѣ 1-мъ: «Начертанныя прежними вселенскими соборами правила и постановленія пребываютъ несокрушимыми и непоколебимыми... Всецѣлое и непоколебимое содержимъ постановленіе сихъ правилъ, изложенное отъ всехвальныхъ Апостоловъ, святыхъ трубъ Духа, и отъ шести святыхъ вселенскихъ соборовъ».—*Макарія*, Введеніе въ православное богословіе, стр. 308.—А на VI соборѣ читалось посланіе папы Агаѳона къ императору Константину отъ 679 года, гдѣ сказано: «Съ простотою сердца и съ твердостію преподанной отъ отцевъ вѣры, мы соблюдаемъ все, что̀ только правильно опредѣлено святыми достопочтенными предшественниками нашими и пятью великими соборами». (ibid. стр., 324). Какъ же послѣ этого VI собору было не продолжать состоять въ общеніи съ западнымъ патріархатомъ?

ховенство (souveraineté du peuple), можно утверждать, что мы, русскіе, придерживаемся тѣхъ же политическихъ воззрѣній, какъ французскіе республиканцы, послѣдователи Жанъ-Жака-Руссо, потому что вѣдь весь Россiй народъ желаетъ самодержанія, видитъ въ немъ свой политическій идеалъ.

6-й (5) вопросъ: „Помимо Filioque, какія другія ученія римской церкви и на какихъ вселенскихъ соборахъ осуждены какъ *ересь*?"

Догматическихъ ученій, въ строгомъ смыслѣ этого слова, принимаемыхъ Римскою церковью и отвергаемыхъ Православною, кромѣ различія въ символѣ, только два: провозглашенныя на послѣднемъ ватиканскомъ соборѣ, какъ догматы, ученія: о безпорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи, и о непогрѣшимости папы, говорящаго ex cathedra. О первомъ я говорить не буду, какъ потому, что оно дѣйствительно не было осуждено ни на одномъ вселенскомъ соборѣ, такъ и потому, что вмѣстѣ съ ученіемъ о папской непогрѣшимости падаетъ и все то, что только на ея авторитетѣ и зиждется. Ученіе же о папской непогрѣшимости также точно ересь противъ догмата символа о церкви, какъ Filioque ересь противъ догмата о Третьемъ Лицѣ св. Троицы.

Надо только замѣтить, что неправильное понятіе о церкви, въ которомъ заключается вся сущность различія между православіемъ и латинствомъ, въ началѣ было выражено не еретическимъ словомъ, а еретическимъ поступкомъ, который, по неизбѣжному логическому развитію, довершился въ наши дни и еретическимъ словомъ. Въ чемъ состоялъ и какія послѣдствія имѣлъ этотъ еретическій поступокъ, изложено со всею желательною полнотою, ясностью и убѣдительностью въ богословскихъ статьяхъ Хомякова.

Если каждый протестантъ признаетъ за собою полное право рѣшенія того, въ чемъ заключается религіозная истина; то то же право присвоила себѣ и областная римская церковь, съ тою однакоже разницею, что если протестантъ и присваиваетъ себѣ право на опредѣленіе религіозной истины, то зато и обязанность признанія этого опредѣленія ограничиваетъ своимъ лицомъ; тогда какъ римская областная церковь считаетъ признаніе своей узурпаціи обязательнымъ для всѣхъ. Но протестантъ и основываетъ свое понятіе о церкви на началахъ разума, а не на преданіи; преданія не находилось также и въ пользу западнаго патріархата, какъ обладателя религіозной истины, и потому область

надо было замѣнить лицомъ, патріархатъ патріархомъ, на что можно было частію отыскать, частію поддѣлать нѣкоторое подобіе преданія. Истинное преданіе, также какъ и писаніе, усвоиваютъ непогрѣшимость только церкви, какъ единому цѣлому,—и римскій католицизмъ этого не отвергаетъ, но только сосредоточиваетъ церковь, по крайней мѣрѣ въ отношеніи знанія истины, въ одно лицо. Подобно Людовику XIV, сказавшему l'état c'est moi, и папа говоритъ: церковь—это я. Но гдѣ же это основаніе? Церковь есть существо единое и вѣчное; поэтому, разъ данная ей сила и власть съ нею, какъ съ единымъ и вѣчнымъ, во вѣкъ и пребываетъ. Но папа существо смертное, и посему, если кому-либо изъ папъ и была бы присвоена полнота церковной власти, то онъ не только отъ кого нибудь долженъ былъ ее получить, но и кому либо передать, и на эту преемственную передачу должно бы быть установлено какое нибудь, вполнѣ достаточное для достиженія своей цѣли, средство, точно такъ, какъ, напримѣръ, всѣ эти условія исполнены при передачѣ той доли власти или значенія церковнаго, которыя присвоены епископу, священнику—рукоположеніемъ, и даже всякому міранину—крещеніемъ. Чѣмъ же выполняются эти условія для каждаго отдѣльнаго папы? Если даже признать, что эта полнота власти, или это сосредоточеніе въ одномъ лицѣ аттрибута всецерковности и было присвоено первому папѣ, т. е. апостолу Петру; то, такъ какъ ни онъ, и ни одинъ изъ послѣдующихъ папъ не передавалъ того, чѣмъ во всемъ мірѣ только одинъ и обладалъ, своему преемнику—этимъ путемъ передача происходить не могла.

Или же при поставленіи всякаго новаго папы совершается нѣкое особое 8-е таинство? Какъ говоритъ Хомяковъ: „Кто пріурочиваетъ учительство къ какой либо должности, предполагая, что съ нею неразлучно связанъ божественный даръ ученія, тотъ впадаетъ въ *ересь* таинства раціонализма, или логическаго знанія" *); и въ другомъ мѣстѣ: „что касается до совершенства вѣры, то признавая его обязательнымъ для каждаго христіанина (ибо христіанинъ лишается чистоты вѣры не иначе, какъ дѣйствіемъ грѣха), церковь не можетъ допустить притязанія какого либо епископа на такое совершенство, иначе на непогрѣшимость въ вѣрѣ;

*) Полн. собр. сочин. Хомякова, т. II, стр. 59.

по ея понятію, такое притязаніе есть верхъ нелѣпости. Что бы подумали, если бы епископъ заявилъ притязаніе на совершенство христіанской любви, какъ на принадлежность своего сана? А притязаніе на непогрѣшимость вѣры не тоже ли самое?" и въ выноскѣ дополняетъ это: „предположить, что мнимо-непогрѣшительный епископъ обладаетъ совершенствомъ не вѣры, въ точномъ смыслѣ слова, а только логическаго познанія въ вещахъ міра невидимаго, значило бы допустить небывалое *таинство раціонализма*, иначе сказать, допустить предположеніе, что существуетъ таинство, сообщающее человѣку силу, не чуждую даже и бѣсамъ" *). Но такого таинства не признаютъ и сами католики, а если бы и признавали, то опять таки, кто же передаетъ папѣ спеціальную благодать этого таинства, такъ какъ вѣдь обладающіе низшею степенью благодати, потребной для совершенія таинства, не могутъ передать высшей ея степени?

Или при каждомъ избраніи папы совершается непосредственное, прямое повтореніе разъ совершившагося сошествія Духа Святаго въ день пятидесятницы? Но никто не имѣетъ дерзости утверждать этого.

Или вся церковь, несомнѣнно обладающая даромъ непогрѣшимости въ установленіи и охраненіи божественной истины—какимъ либо актомъ сполна передаетъ этотъ даръ папѣ? Въ чемъ же состоитъ этотъ актъ? Въ избраніи папы конклавомъ кардиналовъ? Но мы знаемъ историческое значеніе этого званія. Первоначально назывались кардиналами семь епископовъ городовъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Рима: Остіи, Порто, Ст. Руфины, Альбы, Сабины, Тускули, и Пренесты. Почему же сосредоточивалась въ нихъ полнота церковныхъ даровъ? Да сверхъ того мы знаемъ еще, что этой коллегіи кардиналовъ, каковы бы ни были ея значеніе и преимущества,—право на избраніе папъ было присвоено только на помѣстномъ Латеранскомъ соборѣ 1059 года, а что до этого папы избирались весьма различнымъ образомъ, часто римскими патриціями, духовенствомъ и народомъ; на какомъ же основаніи можно бы было присвоить этимъ избирателямъ всецерковное полномочіе?

Или не принять ли, наконецъ, за основаніе главенства, верховен-

*) Полн. собр. соч. Хомякова, т. II, стр. 122.

ства и конечно непогрѣшимости папъ то изумительное, невѣроятное основаніе, которое приводитъ г. Соловьевъ? Я охотно сознаюсь, что, не будучи начитанъ въ богословскихъ ухищреніяхъ католической полемики, не берусь рѣшить--римскимъ ли богословамъ, или самому г. Соловьеву принадлежитъ открытіе этого, для меня по крайней мѣрѣ, новаго краеугольнаго камня, лежащаго въ основѣ папскаго зданія. Своими словами передать мысль эту я не могу, изъ опасенія такъ или иначе невольно исказать ее, и потому буквально переписываю, и только позволю себѣ подчеркнуть нѣкоторыя выраженія и сдѣлать въ скобкахъ нѣкоторыя примѣчанія. „Эта каѳедра (т. е. римская) должна быть въ *реальномъ* смыслѣ кеѳедрою св. Петра, т. е. за настоящаго руководителя земной церкви во всемъ теченіи ея историческаго бытія долженъ быть принятъ одинъ и тотъ же могучій и безсмертный духъ первоверховнаго апостола, *таинственно связанный съ его могилою въ вѣчномъ городѣ и дѣйствующій черезъ весь преемственный рядъ папъ*, получающій такимъ образомъ единство и солидарность между собою. Такимъ образомъ, *видимый папа является орудіемъ*, часто весьма несовершеннымъ, а иногда и совсѣмъ негоднымъ, *посредствомъ котораго незримый руководитель церкви* (т. е. вѣдь духъ апостола Петра) *проводитъ свое дѣйствіе* и направляетъ историческія дѣла земной церкви въ каждую данную эпоху; такъ что каждый папа есть не столько глава церкви, сколько вождь данной исторической эпохи. Но, если въ это свое время онъ умѣетъ вести временныя дѣла церкви въ согласіи съ ея вѣчными цѣлями", (да какъ же бы ему не умѣть, если онъ, независимо отъ своихъ личныхъ качествъ—все таки остается орудіемъ духа апостола Петра?) „если онъ является чистымъ и достойнымъ орудіемъ Вѣчнаго Первосвященника и Его верховнаго апостола (значитъ онъ орудіе не только духа ап. Петра, а и самаго Іисуса Христа), тогда христіанское человѣчество прямо видитъ черезъ него то, что больше его, и признаетъ въ немъ своего истиннаго вождя и главу" (значитъ иногда только вождь, а иногда и глава вмѣстѣ; кто же судитъ непогрѣшимаго и рѣшаетъ о его достоинствѣ?). Въ этихъ немногихъ строкахъ столько удивительнаго, что и не перечислишь всѣхъ недоумѣній, которыя рождаются при ихъ чтеніи. У церкви значитъ, двѣ главы невидимыя: Іисусъ Христосъ—глава всей церкви небесной и земной, и духъ апостола Петра—только земной, и еще третья глава видимая—папа, впрочемъ не постоянная, а только

перемежающаяся, иногда бывающая, иногда нѣтъ, и въ послѣднемъ случаѣ замѣняемая вождемъ, но все таки остающаяся орудіемъ духа Петрова. Далѣе, если, не смотря на недостоинство и даже совершенную негодность, папа все таки остается орудіемъ духа апостола, то и тутъ является, безъ сомнѣнія, нѣкоторое таинство, которое, однакоже, мы уже не въ правѣ назвать восьмымъ, потому что это будетъ таинство нѣкоего особаго низшаго разряда, таинство, коимъ недостойному сообщается благодать не Божія, а апостольская только, и черезъ это таинство рядъ папъ оказывается рядомъ оракуловъ, черезъ которыхъ говоритъ духъ апостола, по крайней мѣрѣ, когда папы говорятъ ex cathedra. Могучій и безсмертный духъ апостола таинственно связанъ съ его могилою въ Римѣ! Почему же только его духу дана такая привилегія, или только на его духъ наложена такая повинность?— основаній для этого не видно. Такая связь духа съ могилой и оракульское дѣйствіе на папъ не будетъ ли тѣмъ, что̀ Хомяковъ называетъ фетишизмомъ мѣста? И если эта связь существуетъ, переставали ли папы быть орудіемъ духа, когда жили въ Авиньонѣ, и перестанутъ ли, когда переселятся въ Фульду, или на островъ Мальту, какъ имѣли намѣреніе? Если столькое зависитъ отъ освященія мѣста могилою, то не гораздо ли большую таинственную силу долженъ бы имѣть Іерусалимъ? И значеніе главы, или, по крайней мѣрѣ, вождя церкви, не вѣрнѣе ли бы было присвоить Іерусалимскому, чѣмъ Римскому патріарху?

Изъ всего сказаннаго объ этомъ предметѣ видно, что, хотя догматъ символа о церкви и читается одинаково и въ тѣхъ же самыхъ словахъ, какъ православными, такъ и римскими католиками, но смыслъ, соединяемый ими съ этими словами, совершенно различный, такъ что тотъ и другой смыслы не могутъ считаться правильными, и если одинъ православенъ, то другой еретиченъ; а вѣдь въ смыслѣ, въ содержаніи вѣры и вся сущность дѣла, говоритъ самъ г. Соловьевъ. Если отнести этотъ смыслъ, это значеніе догмата о церкви къ тому времени, когда былъ измѣненъ Никео-Цареградскій символъ, то окажется, что латыняне относили тогда понятіе о ея святости и каѳоличности единственно къ своему римскому патріархату, такъ какъ присвоили ему право провозглашенія обязательнаго для всей церкви исповѣданія вѣры, ибо когда присвоили себѣ это право относительно одного члена символа, — уже нѣтъ никакихъ основаній, почему бы они могли не

счесть себя въ правѣ поступить точно также и относительно всего символа, любая часть котораго вѣдь не болѣе же священна и неприкосновенна, чѣмъ всякая другая. Если же отнести пониманіе догмата о церкви къ послѣдующимъ временамъ, и въ особенности ко времени послѣ послѣдняго Ватиканскаго собора, то очевидно, что понятіе это заключаетъ въ себѣ по крайней мѣрѣ слѣдующее догматическое ученіе: вѣрую во единую святую, каѳолическую и апостольскую церковь, всецѣло передавшую свой существеннѣйшій аттрибутъ быть органомъ познанія божественной истины единому лицу папы. Г. Соловьевъ утверждаетъ, что такая передача столь же законна и сообразна съ духомъ церкви, какъ и передача этого аттрибута ея собору. „Это не значитъ, говоритъ онъ, чтобы православная церковь принимала самую форму соборности за непремѣнное ручательство истины... Вѣрить въ соборъ вообще или въ соборное начало никто не обязанъ... Соборное начало само по себѣ есть начало человѣческое, и какъ все человѣческое, можетъ быть обращено и въ хорошую и въ худую сторону... Ясно, такимъ образомъ, что соборность не ручается за истинность, а слѣдовательно не можетъ быть предметомъ вѣры". Это все совершенно справедливо. Поэтому православная церковь и не вѣритъ въ соборъ, какъ въ соборъ, подобно тому какъ римская церковь вѣритъ въ папу какъ въ папу. Православная церковь вѣритъ только въ самое себя, а потому и въ такой соборъ, который ею утвержденъ, который есть ея проявленный голосъ, выражающій истинное, изначала ей присущее, исповѣданіе, и потому нарекаетъ его Вселенскимъ. А это-то, по самому существу дѣла, несообразно, несовмѣстимо съ догматическимъ признаніемъ непогрѣшимости папы въ дѣлѣ ученія, признаніемъ безъ разсужденія, безъ оцѣнки имъ провозглашаемаго или имѣющаго еще быть имъ провозглашеннымъ, признаніемъ, такъ сказать, предварительнымъ, какъ было бы несообразно и несовмѣстно съ таковымъ же признаніемъ непогрѣшимости и собора. Церковь никогда не признавала непогрѣшимости собора вообще или собора съ такими-то и такими-то опредѣленными признаками, а признаетъ только непогрѣшимость тѣхъ семи соборовъ, которые сама, а не кто другой, нарекла Вселенскими, также какъ и тѣхъ, которые и впредь наречетъ Вселенскими.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же ручательство за тождество исповѣданія церкви съ исповѣданіемъ папскимъ? А римская церковь, при самомъ выгодномъ для нея толкованіи догмата папской непогрѣ-

шимости, должна признавать это совпаденіе, это тождество не только за все прошедшее время, вопреки исторіи (признаніе полуаріанскаго сvмвола папой Либеріемъ и осужденіе Вселенскимъ соборомъ папы Гонорія, недопущеніе однимъ папою вставки въ сvмволъ и допущеніе ея другимъ), но и, такъ сказать, предварительно и за все будущее время бытія земной церкви. — Г. Соловьевъ приводитъ примѣры ложныхъ, еретическихъ соборовъ, имѣвшихъ притязаніе быть Вселенскими. Но эти примѣры свидѣтельсвуютъ не за него, а противъ него, ибо доказываютъ, что критеріумъ истины полагаетъ православная церковь не въ какомъ либо формальномъ, наружномъ качествѣ того или другаго историческаго собора, а въ признаніи или непризнаніи голоса собора за свой собственный голосъ. Какъ же поступить съ папскимъ рѣшеніемъ, за которымъ напередъ уже признана непогрѣшимость? Соборное начало, какъ таковое, авторъ признаетъ за человѣческое, и съ этимъ мы не споримъ; а единоличное папское начало признаетъ ли онъ, или не признаетъ за таковое же? Онъ признаетъ по крайней мѣрѣ, что папство превращалось въ папизмъ; отрѣшилось ли оно и теперь отъ него, для насъ безразлично, ибо если превращалось въ прошедшемъ, то можетъ состоять въ немъ и теперь и превратиться въ будущемъ. Что̀ же дѣлать тогда признающей папство (въ католическомъ смыслѣ) церкви? Ей нѣтъ другаго выхода, какъ такъ или иначе отречься отъ самой себя, т. е. или не послѣдовать за папой и отказаться отъ ею же признаннаго догмата непогрѣшимости, или же отказаться отъ собственной своей непогрѣшимости и святости, послѣдовавъ за ложью, такъ какъ вѣдь папизмъ есть ложь и по признанію самого г. Соловьева. При соборномъ началѣ, какъ церковь его понимаетъ, въ такую дилемму она и впасть не можетъ. Или же папизмъ можетъ проявляться только въ частныхъ ошибкахъ по церковному управленію, по различнымъ временнымъ мѣрамъ, имъ принимаемымъ, а не по пониманію и провозглашенію религіозной истины? Опять спрашиваю, гдѣ же за это ручательство?—И мы опять впадаемъ въ 8-е таинство—таинство раціонализма.

Соборное начало есть начало человѣческое. Правда, и это не ведетъ насъ ни къ какому противорѣчію, ни къ какому абсурду. Но можно ли признать единоличное папское начало за божественное? Мы видѣли, что также нѣтъ, хотя по католическому началу и должно бы было, ибо, какъ же иначе приписывать ему не-

погрѣшимость? Утверждать этого не рѣшается по видимому и г. Соловьевъ, почему и придумалъ свою странную гипотезу о духѣ апостола Петра, таинственно связанномъ съ его могилою. Божественность остается безспорно и единственно за началомъ всецерковнымъ и началу соборному можетъ принадлежать лишь по стольку, поскольку оно совпадаетъ съ нимъ, а потому и не вводитъ насъ въ избѣжное противорѣчіе. Поэтому и признается оно церковью, какъ средство обнаруженія или проявленія хранимой ею истины,—только, и не болѣе этого. Начала же единичнаго, папскаго Церковь признать не можетъ, ибо была бы при этомъ принуждена или признать его за божественное, какъ таковое, или же, подобно соборному, также за человѣческое, и тѣмъ подвергнуть себя противорѣчію, подчиняясь ему, какъ непогрѣшимому. Неизбѣжность этого противорѣчія Церкви самой съ собою ясно признавали и сами папы, пока были провославными. Не писалъ ли Григорій Великій Артіохійскому патріарху по случаю приданія титула вселенскаго Константинопольскому патріарху: „Ты не можешь не согласиться, что если одинъ епископъ назовется вселенскимъ, то вся церковь рушится, если падетъ этотъ *вселенскій* *)“. Очевидно, что тутъ разумѣлся не одинъ почетный титулъ, каковымъ былъ, напримѣръ, почтенъ папа на халкидонскомъ соборѣ, а названію *вселенскій* приписывалось то именно значеніе, которое придается папамъ, какъ непогрѣшимымъ главамъ церкви. И дѣйствительно, рушилась бы церковь, если бы какому либо патріарху

---

*) Что Григорій I имѣлъ въ виду, наравнѣ съ другими патріархами, и папъ самихъ, видно изъ его отвѣта Александрійскому патріарху Евлогію, который согласившись не давать титула вселенскаго Константинопольскому патріарху титуловалъ имъ самого Григорія: «*Какъ вы приказали?* я прошу васъ, не давайте мнѣ никогда слышать это слово—*приказаніе*, потому что я знаю, кто я и кто вы. По вашему мѣсту—вы мои братья, по вашимъ добродѣтелямъ — мои отцы... Я вижу однако, что Ваше Блаженство не совсѣмъ удержали то что я желалъ довѣрить вашей памяти, потому что я сказалъ, что вы *не должны придавать и мнѣ этого титула столько же, какъ и другимъ*; а вотъ въ надписи письма вашего, вы даете мнѣ, который ихъ отвергъ, горделивые титулы *вселенскаго* и *папы* ..... Если Ваша Святость называетъ меня Вселенскимъ папою, *вы отнимаете у себя то, чѣмъ я былъ бы всецѣло*». Въ письмѣ къ Императору Маврикію Григорій Великій выражается еще сильнѣе: «Я говорю безъ малѣйшаго колебанія, что *кто называетъ себя вселенскимъ епископомъ, или желаетъ этого титула, есть по своей гордости предтеча Антихриста*». (*Guettée*, La papauté schismatique, pag. 219, 221, 223).

этотъ титулъ могъ принадлежать въ этомъ смыслѣ, ибо нѣтъ ни одного древняго патріаршаго престола, на которомъ по временамъ не возсѣдали бы еретики... Такъ и на римскомъ былъ полуаріанинъ Либерій, патрипассіяне Зефиринъ и Каллистъ и монοθелитъ Гонорій, осужденный посмертно VI вселенскимъ соборомъ и преданный имъ анаθемѣ, и анаθема эта была подтверждена и папою Львомъ II *).

Г. Кирѣевъ въ своемъ возраженіи противъ г. Соловьева, между прочимъ, выразился такъ: „Отцы соборовъ не самостоятельные законодатели, а, такъ сказать, свидѣтели вѣроученія своихъ духовныхъ чадъ, своихъ церквей. Соборныя постановленія отцевъ санкціонируются отдѣльными церквами и составляютъ часть непогрѣшимаго ученія вселенской церкви". Я не знаю, почему слова эти показались г. Соловьеву прямымъ отрицаніемъ церкви **). Въ нихъ собственно ничего другаго не сказано сверхъ того, что̀ говоритъ и самъ г. Соловьевъ: „По католическому ученію папа (равно какъ и Вселенскій соборъ) имѣетъ обязанность формулировать церковные догматы, но не имѣетъ никакого права выдумывать свои собственные". Или въ другомъ мѣстѣ: „верховный первосвященникъ не имѣетъ права провозглашать какія нибудь новыя откровенія, или новыя истины, не содержащіяся въ данномъ всей церкви Божественномъ откровеніи. Папа не можетъ быть источникомъ или дѣйствующей причиной догматической исти-

---

*) Въ письмѣ Льва II къ императору Константину Погонату отъ 7 мая 683 г. сказано: «Мы анаθематствуемъ изобрѣтателей новаго заблужденія: Θеодора Фаранскаго, Кира Александрійскаго, Сергія Пирра, Павла и Петра Константинопольскихъ и *также Гонорія*, который, вмѣсто̀ того, чтобы очистить эту апостольскую церковь ученіемъ апостольскимъ, едва не ниспровергъ вѣры нечестивою измѣною». (*Guettée*, La papauté schismat. стр. 249). И такъ, непогрѣшимый предаетъ непогрѣшимой анаθемѣ непогрѣшимаго за ересь, видно также непогрѣшимую.—Сверхъ сего и папа Адріанъ II призналъ это осужденіе какъ фактъ (ibid., pag. 315).

**) Гетте въ своей исторіи церкви говоритъ также: «Онъ (епископъ), въ силу своего епископскаго достоинства, есть законный (autorisé) представитель своей церкви; но эта церковь имѣла право протестовать, если ея епископъ приписывалъ ей другую вѣру, чѣмъ ту, которую она исповѣдывала, преслѣдовать своего епископа и заставить его низложить по канонамъ» (Vol. III, pag. VIII). Такъ поступила, напримѣръ, и русская церковь со своимъ митрополитомъ, вернувшимся съ флорентинскаго собора.

ны". Но что значить формулировать догматы, какъ не тоже самое, что и свидѣтельствовать о вѣроученіи церкви? Но существенная разница православнаго и католическаго понятія заключается въ томъ, что, ежели соборъ, никогда не считаемый непогрѣшимымъ предварительно, невѣрно формулируетъ ученіе церкви, т. е. дастъ невѣрное свидѣтельство объ ученіи церкви, то она его не признаетъ истиннымъ соборомъ, какъ это и было и съ разбойничьимъ соборомъ, и съ соборомъ флорентинскимъ. Но какъ поступить церкви при неправильной формулировкѣ догмата папой, какъ поступить въ томъ случаѣ, если даже вмѣсто формулированія догмата онъ выдумаетъ свой собственный, т. е., по словамъ г. Соловьева, превыситъ свою власть, которой границъ не положено, поступитъ вопреки своего права, котораго онъ есть однакоже единственный судья и блюститель? Вѣдь онъ уже предварительно признанъ непогрѣшимымъ. Падетъ единый вселенскій, и рушится церковь! Очевидно, дѣло въ томъ, что г. Соловьевъ совершенно неправильно выразилъ католическое вѣроученіе, сказавъ, что папа *не имѣетъ права* чего либо сдѣлать. Чтобы примирить значеніе папы съ значеніемъ церкви, по католическому понятію, должно бы сказать что папа, по какимъ то таинственнымъ причинамъ *не имѣетъ не права, а возможности* выдумывать свои собственные догматы и что все, что бы онъ ни призналъ за догматъ, будетъ уже ipso facto непремѣнно формулировкою догмата, т. е. свидѣтельствомъ всецерковнымъ, по тѣмъ же таинственнымъ причинамъ. Вѣдь и о церкви нельзя сказать, что она не имѣетъ права выдумывать новые догматы, а должно сказать, что она по божественному обѣтованію, по руководительству истиннаго главы ея, по вдохновенію Духа Святаго, не имѣетъ этой возможности, хотя про соборъ можно и должно сказать, что онъ не имѣетъ этого права.

Кажется, различіе между православнымъ понятіемъ о непогрѣшимости собора и между католическимъ понятіемъ о непогрѣшимости папы—достаточно рѣзко и велико. Одно есть совпаденіе съ непогрѣшимостью самой церкви, достигаемое посредствомъ санкціи или, такъ сказать, ратификаціи рѣшеній собора фактическимъ признаніемъ церкви; другое же требуетъ для такого совпаденія или особаго таинства, или таинственнаго воплощенія, концентраціи церкви въ папѣ, или, по крайней мѣрѣ, признанія его невольнымъ органомъ проявленія духа апостола Петра, т. е. его оракуломъ—все такихъ предположеній, на которыя, по меньшей мѣрѣ, не

имѣется никакихъ основаній, или, вѣрнѣе, которыя противорѣчатъ истиннымъ началамъ христіанства.

„Церковь управляется не снизу а свыше; образъ ея устройства не демократическій, а теократическій" говоритъ далѣе г. Соловьевъ. Первое положеніе справедливо, но противъ него никто и не возражаетъ; но вторымъ совершенно ничего не сказано, или сказано тоже, какъ еслибъ кто думалъ опровергнуть, что такой-то предметъ круглый, утверждая, что онъ зеленый. Демократическій противуполагается монархическому или аристократическому, но ни коимъ образомъ не противуполагается теократическому. Теократія, т. е. непосредственное Божіе руководительство церкви, можетъ проявляться также точно черезъ одно лицо, черезъ собраніе лицъ, какъ и черезъ совокупность всѣхъ сыновъ церкви, т. е. теократія церковная представляется, повидимому, одинаково возможною и въ формѣ монархіи, и, въ формѣ аристократіи, и въ формѣ демократіи. Я говорю *повидимому*, т. е., что такъ это намъ вообще представляется; а въ сущности тутъ возможность должна вполнѣ совпадать съ дѣйствительностью, т. е. всецерковность и есть единственная возможная форма истинной теократіи.

Въ доказательство теократическаго управленія Церковью, съ чѣмъ конечно всѣ вѣрующіе въ Церковь согласны, г. Соловьевъ приводитъ формулу рѣшенія церковныхъ постановленій: „изволися Духу Святому и намъ".—Вотъ этимъ-то именно изволеніемъ Духа Святаго и выражается *всецерковное признаніе* соборнаго рѣшенія. „Въ этихъ словахъ", говоритъ Хомяковъ, „выражается не горделивое притязаніе, но смиренная надежда, которая впослѣдствіи оправдывалась или отвергалась согласіемъ или несогласіемъ всего народа церковнаго, или всего тѣла Христова". Что это не чье либо частное мнѣніе, доказывается, съ одной стороны, свидѣтельствомъ исторіи, а съ другой прямымъ свидѣтельствомъ православной Церкви въ лицѣ восточныхъ патріарховъ и собора восточныхъ епископовъ, выразившихся въ своемъ окружномъ посланіи отъ 6 мая 1848 г., признанномъ и нашимъ Сѵнодомъ: „У насъ ни патріархъ, ни соборы никогда не могли ввести чего-либо новаго потому, что *хранитель благочестія у насъ есть самое тѣло церкви, т. е. самый народъ*"... Тоже самое выражено и въ словахъ Василія Великаго: „гдѣ духовные мужи начальствуютъ при совѣщаніяхъ, *народъ же Господенъ послѣдуетъ имъ по единодушному приговору*, тамъ усумнится ли кто, что совѣтъ составляется въ обще-

ніи съ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ" *). Въ этомъ, значитъ, и заключается единственное ручательство за изволеніе Святаго Духа; гдѣ же оно при папской непогрѣшимости, при которой одно изъ двухъ: или соизволеніе Духа Святаго напередъ уже прикрѣплено къ папскому рѣшенію, или же принимается совпаденіе церкви съ лицомъ папы, поглощеніе ея въ немъ, черезъ посредство одной изъ вышеприведенныхъ, ни на чемъ не основанныхъ и по существу своему несообразныхъ фикцій? Однимъ словомъ, соборное начало, и только оно одно, хотя само по себѣ и человѣческое, совмѣстимо съ понятіемъ о церкви; единоличное же папское начало съ нимъ не совмѣстимо.

И такъ, догматъ о Церкви въ сvмволѣ, хотя и читается и нами и католиками въ тѣхъ же словахъ, не совершенно ли различенъ по смыслу, ему придаваемому въ православіи и въ латинствѣ? И сообразно ли будетъ съ христіанскою совѣстью, хотя бы и подъ возвышенными предлогами смиренія и самоотреченія, считать по существу различное за тождественное, потому что оно прикрывается въ сvмволѣ единствомъ буквы? А при различномъ пониманіи, возможно ли церковное единеніе?

Что̀ касается до неосужденія римскаго понятія о церкви на Вселенскомъ соборѣ, то мы скажемъ, что осужденіе на соборѣ, въ которомъ участвовала бы одна православная церковь, было бы излишне, потому что ученіе о папской непогрѣшимости несовмѣстно съ слѣдствіями, выходящими изъ понятія о церкви, какъ оно выражено въ сvмволѣ; а если несовмѣстно слѣдствіе, то несовмѣстны и самые принципы; да кого бы рѣшенія такого собора убѣдили, кромѣ тѣхъ, которые уже убѣждены? Такой же соборъ, въ которомъ участвовали бы и православная и римская церковь, невозможенъ, ибо одно уже искренее согласіе на такой соборъ со стороны послѣдней было бы уже отреченіемъ отъ ея неправильнаго понятія о церкви, было бы уже полнымъ самоосужденіемъ, ибо и самая ересь ея, по отношенію къ догмату о церкви, въ томъ и заключается, что подъ полноправною церковью разумѣла она въ разныя епохи: или свою областную церковь — римскій патріархатъ, или своего верховнаго іерарха—папу.

7 (6): „Если расколъ, по точному опредѣленію св. отецъ, есть

*) *Макарій*, Введ. въ прав. бог., стр. 306.

отдѣленіе части церкви отъ своего законнаго церковнаго начальства изъ-за вопроса обряда или дисциплины, то отъ какого своего церковнаго начальства отдѣлилась римская церковь"? спрашиваетъ г. Соловьевъ и этимъ вопросомъ утверждаетъ, что для римской церкви, какія бы новшества она ни вводила въ обрядѣ или въ дисциплинѣ, расколъ невозможенъ по самому существу дѣла, по самому опредѣленію понятія: „расколъ". Но, утверждая это, онъ доказываетъ слишкомъ много. Онъ доказываетъ, что вообще расколъ невозможенъ для всякой автокефальной церкви, ни для русской, напримѣръ, ни для греческой (королевства), ни для румынской, ни для сербской, ни для каждаго изъ восточныхъ патріархатовъ. На это, кажется мнѣ, можно отвѣчать, что и для каждой автокефальной церкви расколъ все таки остается возможнымъ, ибо всѣ онѣ только части вселенской церкви и, слѣдовательно, не совершенно самостоятельны, не отдѣльныя индивидуальности, а только органы одного тѣла, обладающіе извѣстною долею самостоятельности, а слѣдовательно имѣютъ и свое начальство въ совокупности и цѣлости церковной. Позволю себѣ прибѣгнуть и тутъ къ сравненію, взятому изъ другой области. Штаты, составляющіе сѣверо-американскій союзъ, вѣдь также могутъ быть названы автокефальными, ни одинъ не можетъ считать другаго, да и не считаетъ, своимъ политическимъ начальствомъ, но таковымъ, безъ сомнѣнія долженъ считать всю совокупность штатовъ, весь союзъ; а потому, есть и такія стороны политической жизни, произвольно допустивъ которыя, они были бы повинны въ политическомъ расколѣ. Продолжая наше сравненіе, мы можемъ сказать, что всѣ тѣ общія начала, которыя были установлены въ первоначальномъ союзномъ актѣ—суть какъ бы политическіе догматы союза, обязательные для всѣхъ штатовъ. — и слѣдовательно, отклоненіе отъ нихъ было бы политическою ересью. Но относительно рабовладѣльчества въ союзномъ актѣ ничего сказано не было, и слѣдовательно, оно догматомъ считаться не могло, а подходило подъ разрядъ обрядовъ; но, какъ извѣстно, это дѣло не было предоставлено ихъ полному произволу, и изъ-за него началась война. Вопросъ въ томъ: строго ли легально съ формальной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія границъ автокефальности, былъ положенъ предѣлъ ихъ произволу въ этомъ случаѣ? И въ церковномъ отношеніи весь вопросъ приводится къ тому же,—къ тому: до какихъ границъ простирается автокефальность, включаетъ ли она въ себя все, что не

относится къ догмату въ строгомъ смыслѣ этого слова, отпаденіе отъ коего было бы уже ересью? Анализа этого вопроса я на себя не беру, но правильнымъ отвѣтомъ на него былъ бы, кажется, тотъ, что есть обряды, которые, по несущественности ихъ, предоставляется каждой автокефальной церкви устанавливать совершенно независимо отъ другихъ; есть еще менѣе существенные, которые могутъ быть различны даже и въ предѣлахъ одной и той же независимой областной церкви; но что есть обряды другіе, служащіе символическимъ выраженіемъ самаго церковнаго ученія или догмата, которые не могутъ быть предоставлены полной свободѣ отдѣльныхъ церквей, какую бы долю самостоятельности за ними ни признавать. Иные своеобразные обычаи римской церкви, какъ, напримѣръ, причащеніе міранъ подъ однимъ видомъ, и принадлежатъ именно къ этому послѣднему разряду. Самопроизвольное измѣненіе въ такихъ обрядахъ есть, во всякомъ случаѣ, соблазнъ, какъ это и доказали гуситскія войны, а вводить въ соблазнъ всего менѣе прилично церкви. Что̀ бы сказали, напримѣръ, если-бы какая либо изъ восточныхъ церквей ввела у себя это различіе въ причащеніи клира и міранъ, не снесясь съ прочими церквами, подъ предлогомъ своей автокефальности! Посему, и на этотъ вопросъ г. Соловьева должно отвѣчать, что и автокефальная церковь въ иныхъ случаяхъ можетъ стать повинною въ расколѣ, ибо, хотя такія церкви по отношенію ихъ другъ къ другу и состоятъ въ свободномъ союзѣ, но въ союзѣ любви, избѣгающемъ паче всего соблазна, и что совокупность всѣхъ церквей, т. е. церковь вселенская, и для нихъ начальство, употребляя этотъ не совсѣмъ тутъ приличный терминъ. Если это и не совсѣмъ согласуется съ опредѣленіемъ раскола, приведеннымъ г. Соловьевымъ, то отвѣчу его же словами, что во всемъ надо смотрѣть на смыслъ, а не на букву. Спеціально же въ этомъ случаѣ надо бы знать, къ какому времени относится представленное имъ опредѣленіе, чтобы рѣшить, какое значеніе придавалось въ немъ понятію обряда: ибо всякое опредѣленіе дается вѣдь сообразно съ фактами, имѣющимися въ виду, съ фактами констатированными, и слѣдовательно надо удостовѣриться въ объемѣ понятія, заключавшагося въ словахъ: обрядъ и дисциплина, чтобы опредѣлить долю свободы, которая приведеннымъ опредѣленіемъ предоставлялась автокефальнымъ церквамъ, т. е. дѣлала для нихъ возможнымъ или невозможнымъ вообще впаденіе въ расколъ.

Если на эти 6, а по моему счету 7 вопросовъ, отвѣты сдѣланы правильно, то отвѣты на остальные вытекаютъ изъ нихъ уже сами собою.

8 (7): Римская церковь не можетъ уже теперь почитаться нераздѣльною частью вселенской церкви; раздѣленія церквей, какъ невозможнаго, никогда не было, а было отпаденіе римской церкви отъ вселенской, начавшееся съ IX-го вѣка и завершившееся Ватиканскимъ соборомъ 1870 и 1871 годовъ, и, хотя оно въ корнѣ своемъ, пожалуй, не было дѣломъ человѣческой политики, но въ дальнѣйшемъ развитіи и результатѣ своемъ далеко перешло за границы ея.

9 (8): Стараться о возстановленіи церковнаго единства между востокомъ и западомъ, конечно, должно, но не жертвуя ради его истиною вѣры и церкви, ибо, перейдя за эти границы въ своемъ стараніи, мы именно впали бы въ вину подчиненія дѣлъ вѣры расчетамъ человѣческой политики, хотя бы то было и ради святаго дѣла славянскаго объединенія.—Наконецъ,

10 (9): „Если возстановленіе церковнаго общества между восточными и западными *православными* есть наша обязанность, то должны ли мы отлагать исполненіе этой обязанности подъ предлогомъ чужихъ грѣховъ и недостатковъ?"

Не должны, если можемъ по совѣсти считать и западныхъ *православными*, если чужіе грѣхи и недостатки не представляютъ непреодолимаго препятствія для церковнаго общенія; въ противномъ же случаѣ, должны пока стараться устранять эти препятствія къ общенію, а не закрывать на нихъ глаза и не представлять ихъ себѣ въ ложномъ свѣтѣ, ибо въ такомъ же ложномъ свѣтѣ будемъ смотрѣть тогда и на ту истину, причастниками которой сдѣлались по милости Божіей.

Такъ представляется дѣло, если то прискорбное событіе, которое неправильно именуется раздѣленіемъ церквей, совершилось дѣйствительно, а не мнимо и призрачно только, т. е. если совершилось отпаденіе одной части вселенской церкви отъ ея единства.

Посмотримъ теперь на него съ другой стороны, соглашаясь съ г. Соловьевымъ, что въ сущности такого факта не было, что римскій патріархатъ не отпадалъ въ сущности отъ церковнаго единства, что церковь продолжала сохранять свое существенное единство, не смотря на видимые раздоръ и раздѣленіе, и что, слѣдовательно, произошло лишь прискорбное тысячелѣтнее недоразумѣ-

ніе между двумя половинами христіанскаго міра. Въ этомъ случаѣ, возстановленіе церковнаго общенія между ними и возможно и обязательно, и всякія, препятствующія этому святому дѣлу, стороннія соображенія, и прежде всего гордость, должны быть отложены въ сторону. Тогда оставалось бы лишь ознакомиться со способами, какъ осуществить это великое дѣло, и это долженъ бы намъ показать г. Соловьевъ, такъ какъ онъ всего ближе съ нимъ освоился. Но, къ сожалѣнію, такого указанія мы у него не находимъ, встрѣчая лишь одно предложеніе, которое, во всякомъ случаѣ, можетъ считаться только предварительнымъ, весьма отдаленнымъ къ нему шагомъ. Эта предварительная мѣра заключается, по мнѣнію г. Соловьева, въ допущеніи *полной свободы духовнаго взаимодѣйствія между западнымъ католичествомъ и нашимъ православіемъ*.

Эта формула: *полная свобода духовнаго взаимодѣйствія*—очень обща. Чтó собственно подъ нею разумѣть? Сейчасъ вслѣдъ за нею г. Соловьевъ разбираетъ положеніе нашей печати относительно церковнаго вопроса. Свобода духовнаго взаимодѣйствія, во сколько она выражается въ печати, была бы свободою церковной полемики. Это, кажется, разумѣетъ и авторъ, заключая свою рѣчь желаніемъ допущенія полной богословской свободы, ради доставленія возможности войти въ безпрепятственное общеніе съ церковными силами запада. Но подъ полною свободою духовнаго взаимодѣйствія можно вѣдь также понимать и свободу католической вообще, и іезуитской въ частности, пропаганды въ народѣ. Между этими двумя свободами лежитъ однако же самое рѣзкое, самое существенное различіе. Первая есть добросовѣстная борьба равнымъ оружіемъ, которой, и по моему мнѣнію, не должно быть полагаемо никакихъ преградъ, и это даже совершенно независимо отъ взгляда на римскій католицизмъ, на то, будетъ ли онъ считаться нами ересью, расколомъ, или нераздѣльною частью вселенской церкви, отдѣленной отъ насъ лишь прискорбнымъ недоразумѣніемъ. Но также точно и при всѣхъ этихъ трехъ взглядахъ не можетъ и не должна быть допускаема пропаганда католичества въ народѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если и на нашей и на ихъ сторонѣ истина, то единственно желательнымъ будетъ лишь то, чтобы мы взаимно это поняли и признали, и, въ такомъ случаѣ, къ чему съ нашей стороны допущеніе, а съ ихъ домогательство проповѣди обращенія отъ одной формы истины къ другой въ средѣ невѣжественной, гдѣ вѣдь эта

проповѣдь возможна не иначе, какъ подъ условіемъ выставленія нашей формы истины ложью? Безъ этого вѣдь перемѣна формы истины невозможна, какъ ничѣмъ не мотивируемая. Съ этой точки зрѣнія, это не оправдывалось бы даже и въ томъ случаѣ, если бы, при равныхъ силахъ пропаганды, мы могли расчитывать на равный успѣхъ въ католическихъ странахъ, ибо это было бы напраснымъ смущеніемъ совѣстей, и даже прямымъ противурѣчіемъ тому, чего собственно желаетъ и г. Соловьевъ. О практическихъ послѣдствіяхъ объ усиленіи полонизма, я уже и не говорю, ибо не можетъ же и онъ отрицать, что католичество смѣшало свое дѣло съ полонизмомъ и наоборотъ, и что объединеніе славянства, въ какомъ бы смыслѣ его ни понимать, есть дѣло предназначенное русскому, а не польскому народу. И такъ, намъ остается только говорить о допущеніи полной свободы церковной полемики, и въ этомъ я становлюсь совершенно на одну сторону съ г. Соловьевымъ, считая это дѣло полезнѣйшимъ и необходимѣйшимъ, хотя польза, которой онъ отъ сего ожидаетъ и желаетъ, совершенно отлична отъ той, которой желаю и ожидаю я. Я ожидаю и желаю отъ полемики не сглаженія недоразумѣній—ибо это было бы только заштукатуриваніемъ и замалевываніемъ нашихъ различій, а, напротивъ того, выясненія и распространенія въ нашемъ сознаніи въ большей опредѣленности, силѣ и живости истины православія и лжи католичества. Но все равно, какія бы ни были наши желанія и надежды; въ ближайшемъ средствѣ, ведущемъ къ ихъ осуществленію, мы согласны, и вотъ мои доводы:

Мой отрицательный доводъ тотъ, что, какихъ бы мнѣній кто ни держался о значеніи цензуры вообще, остается, какъ несомнѣнный фактъ, что цензура въ предметахъ религіозныхъ и церковныхъ лишена всякой силы и значенія, потому что и сама печать, которую она ограничиваетъ и которая безспорно составляетъ одну изъ величайшихъ общественныхъ силъ въ вопросахъ философіи, науки, политики и литературы, никогда не выказывала ея, или только въ слабой сравнительно степени въ предметахъ религіозныхъ. Религіозная мысль въ своемъ теченіи и развитіи не избирала себѣ, и до сихъ поръ не избираетъ, русла печати, и, хотя распространеніе другихъ идей чрезвычайно ускорилось и расширилось съ тѣхъ поръ, какъ было проложено для нихъ это новое русло, идеи религіозныя все продолжали и продолжаютъ по прежнему держаться древнѣйшаго русла—изустнаго сообщенія.. Это,

для другихъ проявленій мысли столь узкое, мелкое, усѣянное столькими препятствіями, русло всегда имѣло и продолжаетъ имѣть такую ширину, глубину, скорость паденія для идей религіозныхъ, что ихъ распространеніе вдоль него оставляетъ далеко за собою все, чѣмъ можетъ похвалиться печать. Слѣдовательно, загражденіе русла печати для распространенія религіозныхъ идей уподобляется запиранію узкой калитки, при настежъ открытыхъ воротахъ. Какое распространеніе идей печатью можетъ сравниться съ распространеніемъ живымъ словомъ трехъ прозелитивныхъ религій: буддизма, христіанства и ислама? Даже распространеніе ересей Арія, Несторія далеко превосходитъ его. Реформы Гуса, Лютера, Кальвина много ли были обязаны печати, когда она уже появилась во времена двухъ послѣднихъ? И въ новѣйшее время, разныя секты за границей и у насъ: квакерство, методизмъ, мормонство, хлыстовщина, молоканство, штундизмъ и даже, распространившіеся въ высшихъ слояхъ общества, редстокизмъ, пашковское согласіе—посредствомъ ли печати распространялись и распространяются? Многимъ ли задержалось распространеніе всѣхъ видовъ нашего старообрядчества и раскола тѣмъ, что печать была не къ ихъ услугамъ?

Мой положительный доводъ тотъ, что религіозныя ученія только тогда выказывали свое величайшее жизненное воздѣйствіе на умы и сердца людей, когда имъ было противъ чего бороться, что побѣждать. Такъ было въ первые вѣка христіанства, когда они боролись противъ гоненій; такъ было въ послѣдовавшіе за тѣмъ четыре вѣка, когда они боролись противъ ересей. Напротивъ того, когда водворялось мертвящее единство, все равно—устанавливаемое ли властью, или обычаемъ и жизнію, сила религіознаго вліянія иссякала. Такъ и римское католичество изсыхало въ самомъ корнѣ своемъ, покрывалось плѣсенью индиферентизма и внутренняго невѣрія, передъ тѣмъ какъ разбудило его реформатское движеніе. Послѣ него, на самомъ папскомъ престолѣ, вмѣсто развратнаго, покрытаго преступленіями Александра VI, политика и воителя Юлія II, мецената Льва X, мы видимъ мужей строго благочестивыхъ. Католичество ожило и теперь живетъ еще тѣмъ импульсомъ, который тогда ему былъ данъ. Когда мысль обращается къ религіознымъ вопросамъ, неизбѣжны и уклоненія—но это есть признакъ жизни, и неужели полезно задувать разгорающуюся искру?

Позволю себѣ по этому случаю одно отступленіе. Нашъ знаме-

нитый писатель-художникъ, графъ Л. Н. Толстой оставилъ свою художническую дѣятельность и обратился къ религіозной и богословской. Сочиненія его считаются еретическими, и на сколько я знаю, не будучи съ ними близко знакомъ, они и дѣйствительно таковы, потому что, признавая въ самомъ строгомъ смыслѣ нравственную сторону христіанства (которую также, можетъ быть, въ томъ или другомъ неправильно толкуютъ), они отвергаютъ его догматическую сторону и на этомъ, конечно, основаніи не допускаются до печати. Что̀ же этимъ предупреждается и какая достигается польза? Не предупреждается ровно ничего, потому что всякій, желающій съ ними ознакомиться, имѣетъ полную на то возможность; а главное, кому же неизвѣстны тѣ возраженія, которыя дѣлаются противъ христіанскихъ догматовъ со стороны полнаго невѣрія? Вѣрующій христіанинъ, непоколебленный стольким нападками на христіанство, которыя, такъ сказать, носятся въ воздухѣ, бьютъ въ уши и въ глаза, конечно не поколеблется и доводами графа Толстаго, въ которыхъ вѣдь нѣтъ же ничего новаго, особеннаго, и который вѣдь и не имѣлъ собственно спеціально въ виду этого колебанія. Но, съ другой стороны, не будетъ ли уже выигрышемъ то, если кто отъ полнаго невѣрія будетъ приведенъ, и высокимъ авторитетомъ писателя, и его изложеніемъ, къ воспріятію хотя бы одной высокой нравственной стороны ученія, что̀ часто можетъ послужить путемъ къ полному обращенію невѣрующаго? На полу-дорогѣ, такъ сказать на скользкомъ склонѣ, рѣдко кто можетъ остановиться, и, какъ сказалъ Хомяковъ: „нравственныя требованія, неоправданныя доктриною, скоро теряютъ свою обязательную силу и превращаются въ глазахъ людей въ выраженіе непослѣдовательнаго произвола".—Тѣ, на кого подѣйствовали бы съ указанной стороны сочиненія графа Толстаго, не могли бы долго оставаться на этой точкѣ, и, или бы снова впали въ свое прежнее умственное состояніе, или, если бы были сильно поражены нравственнымъ величіемъ ученія, жалѣя съ нимъ разстаться, стали бы искать его догматическаго оправданія и основанія. Не съ нравственной ли стороны и всегда начинало христіанство свое привлеченіе и свое просвѣтительное воздѣйствіе на умы и сердца людей? На сколькихъ и между русскими, и между людьми другихъ вѣроисповѣданій, имѣли самое благодѣтельное вліяніе богословскія сочиненія Хомякова, нѣкогда также вѣдь запрещенныя! Какая же польза отъ мнимаго сокрытія сочиненій графа Толстаго отъ слуха

и взоровъ? Не иная какая, какъ только охраненіе ихъ же отъ тѣхъ возраженій и опроверженій, которыя, безъ сомнѣнія, были бы на нихъ сдѣланы, потому что вѣдь ни одинъ уважающій себя человѣкъ не будетъ писать противъ того, кто лишенъ возможности защищаться, да и сами эти возраженія и опроверженія становятся въ сущности невозможными. Въ чистомъ проигрышѣ остается само движеніе религіозной мысли, лишаемой необходимаго ей жизненнаго возбужденія подъ мертвящимъ покровомъ наружнаго единства и тѣмъ приводимой къ покою индиферентизма, самаго близкаго сосѣда полному невѣрію.

Возвращаюсь къ г. Соловьеву. Свободная полемика, допущенія которой онъ справедливо желаетъ, можетъ, во всякомъ случаѣ послужить только къ расчищенію пути для предполагаемаго общенія и единства. Въ чемъ же будетъ состоять сама цѣль, для которой полемика вѣдь только средство? Какую форму могутъ принять эти единство и общеніе? Надо же имѣть это въ виду, чтобы знать, къ чему же наконецъ стремиться; объ этомъ должно же вѣдь составить себѣ какое нибудь понятіе, вѣдь долженъ же свѣтить намъ впереди какой нибудь маякъ, по которому мы могли бы направлять нашъ путь. Г. Соловьевъ объ этомъ ничего не говоритъ, предполагая вѣроятно, что говорить объ этомъ еще слишкомъ рано. Но мы видимъ передъ собою нѣсколько формъ такихъ возможныхъ общеній и единеній, т. е. нѣсколько для нихъ основаній. Попробуемъ разобрать ихъ, и если г. Соловьевъ видитъ еще иныя, пустъ ихъ укажетъ.

Во-первыхъ, это могла бы быть унія въ томъ смыслѣ, въ какомъ она была осуществлена въ православныхъ областяхъ бывшаго польскаго государства на основаніяхъ постановленій Флорентинского собора, т. е. признанія всѣхъ догматовъ католичества, не только уже установленныхъ, но и впредь имѣющихъ быть установленными, съ сохраненіемъ православныхъ обрядовъ и славянскаго богослуженія. Но объ этомъ видѣ единства и общенія говорить нечего, ибо г. Соловьевъ самъ положительно отъ него отказывается. „Желанное соединеніе церквей никакъ не можетъ состоять въ облатыненіи православнаго востока, или исключительномъ преобладаніи западной церкви“, говоритъ онъ. И еще въ другомъ мѣстѣ: „съ нашей стороны для соединенія съ ними не нужно отказываться ни отъ чего своего истиннаго и существеннаго“.— Значитъ, это не то.

Во-вторыхъ, мы могли бы признать догматы католицизма, сохранивъ вполнѣ и свое церковное управленіе, и свою церковную независимость, т. е. не признавать ни главенства, ни непогрѣшимости папы. Но это было бы еще менѣе тѣмъ, чего желаетъ г. Соловьевъ: ибо, съ одной стороны, онъ говоритъ, что стоитъ за непреложность догматическихъ рѣшеній семи вселенскихъ соборовъ, а съ другой—не произошло бы никакого единства, въ особенности не установилось бы теократіи въ томъ смыслѣ, какъ онъ ее понимаетъ и желаетъ. Да и какъ приняли бы мы догматы, не признавая главнаго основанія, на которомъ они утверждаются?

Въ-третьихъ, мы могли бы сохранить всѣ свои догматы и всѣ свои обрядовыя различія, но признать главенство папы, въ томъ же смыслѣ, въ которомъ признаютъ его католики, т. е. непремѣнно и непогрѣшимость его въ дѣлѣ ученія. Этимъ путемъ единство пожалуй бы и установилось, но вѣдь только или на счетъ того, что̀ мы считаемъ религіозной истиной, или на счетъ самыхъ очевидныхъ требованій логики, противъ которыхъ устоять невозможно, ибо вѣдь это значило бы принять основаніе и не принимать послѣдствій изъ него вытекающихъ, признать непогрѣшимость папы и не признавать того, что̀ онъ въ своей непогрѣшимости постановилъ и догматически утвердилъ. Мы бы остановились на крайне скользкой и узкой ступенькѣ, на которой не могли бы удержаться и должны бы были неизбѣжно скатиться въ полный римскій католицизмъ, или, по крайней мѣрѣ, въ унію

Остается еще четвертый возможный видъ единства и общенія, собственно тотъ, при которомъ различія православія и римскаго католичества являются чистымъ недоразумѣніемъ, и потому именно тотъ, который и долженъ быть желателенъ г. Соловьеву: „Все нами признаваемое признается и католиками, ничего нами признаваемаго они не отрицаютъ“, говоритъ г. Соловьевъ. Значитъ, это, и только это и есть существенное, все же остальное—одно недоразумѣніе и слѣдовательно несущественно. Чего же лучше! Но въ дѣлѣ религіи все догматическое непремѣнно и существенно, хотя можетъ быть и не наоборотъ, т. е. не все существенное вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнно и догматично. Объ этомъ можно спорить и разсуждать, и во всякомъ случаѣ, какъ въ геометрическихъ теоремахъ, обратное положеніе потребовало бы особаго доказательства. Но, если все догматическое непремѣнно существенно, то, во всякомъ случаѣ, все несущественное уже никакъ не догматично.

Несущественнымъ, а слѣдовательно и недогматичнымъ, будетъ такимъ образомъ все, въ чемъ мы различествуемъ; слѣдовательно и въ символѣ вѣры несущественно, а потому и не догматично все то, чѣмъ мы различаемся; не догматична поэтому и вставка Filioque. Внѣ символа тоже не существенна и не догматична папская непогрѣшимость, а догматична только непогрѣшимость церкви.

Если съ обѣихъ сторонъ это будетъ признано, то, думается мнѣ, всѣ препятствія къ общенію и единенію будутъ устранены; признать же это съ нашей стороны также, кажется, нѣтъ препятствій; а со стороны католиковъ? Но г. Соловьевъ говоритъ: „что̀ должны сдѣлать католики для соединенія съ нами—это ихъ дѣло". Ихъ дѣло, конечно; но тѣмъ не менѣе я не понимаю, что такое значитъ соглашеніе, если оно дѣлается не съ обѣихъ соглашающихся сторонъ? И какое же это будетъ единеніе и общеніе. если къ нему приступаютъ не обоюдно? Для меня это что-то немыслимое. Мы можемъ согласиться на томъ основаніи, что все намъ общее существенно и догматично, а все насъ различающее существеннаго и догматичнаго значенія не имѣетъ; но признаніе это необходимо должно быть обоюднымъ, т. е. если наша церковь допуститъ римскихъ католиковъ къ полному церковному общенію съ собою, то и римская церковь должна точно также допустить и насъ къ полному съ собою общенію. Иначе мы впадемъ въ нелѣпость, которую Хомяковъ, обсуждавшій этотъ же вопросъ, при разборѣ брошюры князя Гагарина, выставилъ съ поразительною ясностью. Словами его я и окончу свое слишкомъ длинное возраженіе: „И такъ, церковь сложилась изъ двухъ провинціальныхъ церквей, состоящихъ во внутреннемъ общеніи: церкви римской и церкви восточной" (но не на началахъ полной обоюдности). „Одна смотритъ на спорные пункты, какъ на сомнительныя мнѣнія" (какъ на несущественное, чего и требуетъ отъ русскаго православія г. Соловьевъ), „другая, какъ на члены вѣры" (что̀ опять-таки ей повидимому предоставляетъ г. Соловьевъ). «Отлично! Восточный принимаетъ римскую вѣру; онъ остается въ общеніи со всею церковью; но половина принимаетъ его съ радостью, а другая не смѣетъ судить его, потому что объ этомъ предметѣ у нея нѣтъ опредѣленной вѣры" (или можемъ даже выразиться, потому, что признаетъ несущественнымъ то, что̀ призналъ существеннымъ перешедшій въ римскую вѣру). „Возьмемъ теперь обратный случай,

Кто нибудь изъ области римской принимаетъ восточное мнѣніе; онъ необходимо исключается изъ общенія съ своею провинціальною церковью, ибо онъ отвергъ членъ ея символа, то есть догматъ вѣры" (теперь мы должны уже сказать не одинъ, а три догмата ея вѣры), „а черезъ это самое исключается изъ общенія и съ восточными (такъ какъ они признаютъ себя въ полномъ общеніи съ западными). Западные исключаютъ человѣка изъ общенія за то, что онъ вѣруетъ тому, чему вѣруютъ ихъ братья, съ которыми они состоятъ въ общеніи, а восточные исключаютъ этого несчастнаго за то, что онъ исповѣдуетъ ихъ собственную вѣру. Трудно вообразить себѣ что-либо болѣе нелѣпое. Изъ этого смѣшнаго положенія только одинъ выходъ, а именно: допустить, что латинянинъ не лишится общенія за принятіе восточнаго вѣрованія, то есть за оставленіе догмата. Тѣмъ самымъ латинскій догматъ низводится на степень простаго мнѣнія". То есть, мы возвращаемся къ первому единственно возможному предположенію обоюдности, которое и заключаетъ въ себѣ подразумѣвательное отступленіе римской церкви отъ всѣхъ ея отличительныхъ догматовъ, въ особенности же отъ папской непогрѣшимости, въ которой всѣ прочіе имѣютъ свое единственное основаніе — не какъ мнѣнія, а какъ догматы. Но на такой точкѣ и ей оставаться невозможно. Естественное и неизбѣжное логическое развитіе должно привести отъ подразумѣвательнаго къ ясному и отчетливому отказу отъ всего несущественнаго, т. е. отъ всего догматически различающаго римскую церковь отъ православія, которое тѣмъ самымъ и признается за тождественное съ вселенскимъ вѣроученіемъ.

Вотъ неизбѣжный результатъ единенія и общенія обѣихъ церквей, при томъ предположеніи, что въ настоящее время ихъ раздѣляетъ только недоразумѣніе, что лишь то существенно и догматично, что̀ обще имъ обѣимъ. Отъ такого рѣшенія вопроса ни русскому народу, ни православію вообще нѣтъ причинъ отказываться; дай Богъ, чтобы этихъ причинъ не было и у римскаго католицизма; но неужели же можно обольщать себя надеждою, что ихъ и въ самомъ дѣлѣ у него не найдется?

Въ заключеніе я долженъ сказать, что та искренность и смѣлость, съ которыми г. Соловьевъ рѣшился высказать свое мнѣніе, по истинѣ, заслуживаетъ уваженія и благодарности.

СТАТЬИ ЭКОНОМИЧЕСКІЯ.

I.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ПО ПОВОДУ УПАДКА ЦѢННОСТИ КРЕДИТНАГО РУБЛЯ, ТОРГОВАГО БАЛАНСА И ПОКРОВИТЕЛЬСТВА ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

(1867 г.).

I.

Всѣ считающіе себя въ правѣ именоваться адептами экономической науки—у насъ по-крайней-мѣрѣ—нисколько не усомнятся отвѣчать на вопросы, поставленные въ заглавіи статьи, что *кредитные рубли упали отъ того, что ихъ выпущено слишкомъ много*; что *торговый балансъ есть противонаучная нелѣпость*; что *покровительство промышленности вообще, и въ особенности посредствомъ тарифовъ, приноситъ одинъ лишь вредъ,* и только съ надменнымъ сожалѣніемъ пожмутъ плечами на невѣжество профана, дерзающаго сомнѣваться въ этихъ «научныхъ истинахъ», точно какъ если бы дѣло шло о сомнѣніи въ справедливости Коперниковой системы. И однакожъ, въ основательности «научныхъ истинъ» этихъ сомнѣваются люди, которыхъ, безъ очевидной недобросовѣстности, нельзя укорить ни въ невѣжествѣ, ни въ недостаткѣ развитія и тонкости мышленія, нужныхъ для того, чтобы вникнуть въ силу и взаимную связь употребляемыхъ экономистами доказательствъ. Такое разногласіе, рѣдкое относительно предметовъ, принадлежащихъ къ областямъ наукъ, болѣе положительныхъ, нежели Политическая Экономія, зависитъ, думается мнѣ, главнѣйше отъ того, что, какъ по тремъ

означеннымъ, такъ и по многимъ другимъ вопросамъ, ни правовѣрные экономисты, ни противники ихъ, не имѣютъ въ своемъ распоряженіи средствъ для *количественнаго анализа* изслѣдуемыхъ ими явленій. Между тѣмъ, при одномъ *качественномъ анализѣ* явленій, какъ бы онъ ни былъ тонокъ, выводы, на немъ основанные, всегда будутъ шатки. Во время оно, химики утверждали, что горѣніе и окисленіе металловъ зависитъ отъ отдѣленія изъ горящаго или окисляющагося вещества—нѣкоей весьма тонкой матеріи, именуемой флогистономъ. И надо отдать справедливость выдумавшему это объясненіе, что факты весьма гладко имъ истолковывались и приводились очень удовлетворительно во взаимную стройную систематическую связь. Но вотъ пришло въ голову, что, если при горѣніи и окисленіи что либо отдѣляется, то вѣсъ продукта долженъ уменьшаться; къ рѣшенію вопроса примѣнили вѣсы, т. е. количественный анализъ — и флогистонъ разсѣялся. Исторія величайшаго открытія человѣческаго ума представляетъ подобный же примѣръ. Открывъ законъ всемірнаго тяготѣнія, Ньютонъ захотѣлъ провѣрить его, т. е. подвергнуть критикѣ количественнаго анализа; но элементы этой провѣрки, т. е. размѣры земли, не были еще точно опредѣлены, и геніальная мысль осталась въ его умѣ на степени блистательнаго предположенія, не имѣвшаго права занять мѣсто въ числѣ научныхъ истинъ, пока болѣе точное градусное измѣреніе Пикара на подтвердило его путемъ количественнымъ. Пресловутый до-Галилеевскій horror vacui удовлетворялъ всѣ умы, пока не было показано, что это «отвращеніе отъ пустоты» доходитъ для воды только до 32 футовъ, а для ртути—только до 28 дюймовъ. Можно было бы привести множество подобныхъ примѣровъ изъ исторіи точныхъ наукъ, но, вмѣсто напраснаго повторенія всѣмъ извѣстнаго, разскажу бывшій со мною случай, доказывающій тоже самое въ микроскопическихъ размѣрахъ. Мнѣ вздумалось удивить кое-кого, показавъ, что иголка съ нѣсколько жирною поверхностью, осторожно положенная на воду, будетъ на ней плавать. Иголка дѣйствительно не тонула, но не произвела въ зрителѣ ожидаемаго изумленія. Онъ слыхалъ кое-что о физикѣ и замѣтилъ, что тутъ ничего нѣтъ удивительнаго: вѣдь жиръ легче воды, а потому и долженъ поддерживать иголку. При одномъ качественномъ разборѣ явленія, нельзя ничего возразить противъ этого, ибо дѣйствительно жиръ легче воды и можетъ, поэтому, заставить иголку плавать—но только въ такомъ случаѣ, когда ко-

личество его было бы для сего достаточно. Этотъ разсказъ привелъ я потому, что онъ какъ-то остался въ моей памяти неразрывно связаннымъ съ только-что прочитаннымъ тогда въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» доказательствомъ безвредности для торговаго баланса — проживательства значительнаго числа русскихъ за границею. Доказательство это, какъ читатели можетъ быть припомнятъ, заключалось въ томъ, что, съ одной стороны, продукты, потребляемые этими русскими за границею, усилили бы собою ввозъ иностранныхъ произведеній, если бы эти господа оставались дóма, а съ другой, — что тѣ продукты русскаго производства, которые бы они, живя въ Россіи, скушали, износили, искурили и т. д., должны, оставаясь за ихъ отсутствіемъ непотребленными, усилить нашъ вывозъ. Не то же ли это, что иголка плавающая на водѣ въ силу того, что тяжесть ея уравновѣшивается неизмѣримо-тонкимъ слоемъ жира!

Обвинять экономистовъ собственно за то, что они не вводятъ количественнаго элемента въ свои теоріи, было бы несправедливо, потому что явленія, подлежащія ихъ вѣдѣнію, по бóльшей части такъ сложны, а числовыя данныя объ общественныхъ явленіяхъ, доставляемыя статистикою, не у насъ только, а и вездѣ, такъ недостаточны, что, въ большинствѣ случаевъ, это совершенно невозможно. Но, когда подмостки, на которыхъ стоишь, такъ шатки, зачѣмъ такая самоувѣренность, къ чему такіе олимпическіе взгляды, и такія юпитеровскія движенія бровей, будто въ самомъ дѣлѣ съ вершины какого нибудь незыблемаго научнаго Олимпа?!

Приведенные примѣры показываютъ, что безъ введенія въ анализъ явленій количественнаго элемента самыя высокія истины остаются лишь на степени болѣе или менѣе замысловатыхъ предположеній, самыя ложныя теоріи (флогистонъ и horror vacui) получаютъ видъ истины, и даже самыя дикія объясненія (плавающая иголка и экономическая безвредность абсентеизма) не могутъ быть вполнѣ уличены въ нелѣпости. Очевидно, что и вопросъ о томъ, происходитъ ли у насъ низкій курсъ кредитнаго рубля отъ излишняго выпуска кредитныхъ билетовъ, принадлежитъ также къ числу вопросовъ, точное рѣшеніе которыхъ безъ количественнаго анализа— невозможно. Задача, подлежащая рѣшенію, состоитъ собственно въ томъ, чтобы при данныхъ: народонаселеніи страны, ея пространствѣ, степени напряженности экономической жизни, средствахъ сообщенія и пересылки, торговыхъ обычаяхъ и т. п.—опредѣлить ко-

личество денежныхъ единицъ, которыя должны въ ней обращаться. Одно уже изложеніе задачи показываетъ невозможность ея рѣшенія. Но, по счастію, мы можемъ, для цѣли нашей, удовольствоваться, вмѣсто этого общаго рѣшенія, несравненно-простѣйшимъ частнымъ случаемъ. Необходимо знать не то, *сколько* именно должно бы было быть денежныхъ знаковъ въ Россіи при нормальныхъ условіяхъ, а только то, находится ли ихъ теперь *слишкомъ много*, или нѣтъ; и вопросъ, поставленный въ такомъ болѣе скромномъ видѣ, кажется мнѣ, можетъ быть рѣшенъ путемъ количественнымъ. Именно, если вопросъ не слишкомъ тонокъ (т. е. если границы, въ которыхъ можетъ колебаться величина, на него отвѣчающая, не измѣняя смысла или направленія отвѣта, довольно пространны), то можно употребить при его рѣшеніи слѣдующій методъ. Принявъ предварительно рѣшеніе въ томъ или въ другомъ смыслѣ, надо уменьшить условія, благопріятствующія этому смыслу, до такой степени, чтобы уже не оставалось сомнѣнія, что они не могутъ быть еще меньше, и, наоборотъ, увеличить условія ему, противорѣчащія, до той степени, чтобы также не оставалось сомнѣнія, что они не могутъ быть еще больше. Если, несмотря на это, предварительное рѣшеніе сохранитъ свою силу, то, очевидно, надо принять его за истинное. Если-же, напротивъ того, несмотря на крайнее преувеличеніе обстоятельствъ благопріятствующихъ, и на крайнее преуменьшеніе обстоятельствъ противорѣчащихъ, предварительное рѣшеніе, и при этихъ наиблагопріятнѣйшихъ предположеніяхъ, все-таки приведетъ насъ къ какой нибудь несообразности, то его безсомнительно уже должно отвергнуть. Поясню это примѣромъ. Предлагается вопросъ: есть ли на свѣтѣ два человѣка, на головѣ у которыхъ имѣлось бы, единица въ единицу, одинаковое число волосъ? Многіе, не подумавъ хорошенько и опираясь на разнообразіе, господствующее въ природѣ, отвѣтятъ отрицательно; иные, вѣроятно, скажутъ, что вопросъ не можетъ быть точно рѣшенъ, такъ-какъ невозможно пересчитать всѣхъ волосъ на всѣхъ головахъ. И дѣйствительно, если бы спрашивалось: сколько существуетъ людей съ такимъ-то и съ такимъ-то числомъ волосъ, то отвѣчать на это было бы нельзя; но въ томъ видѣ, какъ вопросъ поставленъ нами, онъ подлежитъ совершенно-точному рѣшенію. Предположимъ, что нѣтъ двухъ головъ съ равнымъ числомъ волосъ. Въ этомъ предположеніи, хотя бы мы приняли, что существуетъ всевозможное разнообразіе въ числѣ волосъ, начиная отъ одного волоска,

торчащаго на лысинѣ, до крайняго предѣла густоволосости, все-же, если бы число людей на свѣтѣ оказалось больше числа волосъ на самой густоволосой головѣ, то однѣ и тѣже числа волосъ необходимо должны повторяться на нѣсколькихъ головахъ. И такъ, увеличимъ число волосъ за границы возможнаго; примемъ, напримѣръ, что поросшая волосами поверхность кожи на этой исключительной головѣ занимаетъ четыре квадратныхъ фута; примемъ, далѣе, что на каждую квадратную линію приходится по 1,000 волосковъ, т. е. гораздо болѣе чѣмъ сколько можетъ ихъ помѣститься, если бы даже волосà росли сплошъ, безъ всякихъ промежутковъ: все-же получимъ мы только 57,600,000 волосковъ. Какъ ни уменьшай числа жителей на землѣ, менѣе чѣмъ въ 700 миллiоновъ принять его нельзя. Слѣдовательно, и при допущенныхъ нами нелѣпыхъ преувеличенiяхъ и преуменьшенiяхъ, оказывается, что въ среднемъ выводѣ число волосъ, растущее на той или другой головѣ, должно повторяться на головахъ еще двѣнадцати человѣкъ.

Примѣнимъ этотъ методъ къ рѣшенiю вопроса: слишкомъ ли много у насъ кредитныхъ билетовъ? Представимъ себѣ, что вмѣсто дѣйствительно - существующаго обращенiя денежныхъ знаковъ, каждый билетъ можетъ служить всего только одинъ разъ (какъ, напримѣръ, теперешнiя почтовыя марки) и послѣ каждой передачи изъ рукъ въ руки долженъ помѣчаться приложенiемъ штемпеля. Предположимъ также, что этотъ неудобный способъ не оказывалъ бы однако вреднаго влiянiя на денежное обращенiе. Помноживши число штемпелей на число денежныхъ единицъ (рублей), заключающихся въ каждомъ билетѣ, и сложивъ всѣ эти произведенiя, получимъ сумму, которая выразитъ величину денежнаго обращенiя нашего въ рубляхъ; а раздѣливъ эту сумму на число кредитныхъ рублей, находящихся въ обращенiи, узнàемъ сколько разъ среднимъ числомъ обратился въ теченiи года каждый рубль. Это будетъ, слѣдовательно, *средняя дѣйствительная скорость обращенiя денежной единицы* (рубля). Ежели бы скорость эту и могли мы опредѣлить въ точности, этого все-таки было бы для насъ еще недостаточно. Независимо отъ дѣйствительной скорости обращенiя денежныхъ знаковъ, обусловливаемой величиною годичнаго денежнаго оборота и числомъ денежныхъ знаковъ, существуетъ, при извѣстномъ числѣ жителей, извѣстномъ пространствѣ, данныхъ экономическихъ потребностяхъ, средствахъ сообщенiя и пересылки,

вспомогательныхъ кредитныхъ и вообще платежныхъ учрежденіяхъ, и т. п., извѣстная скорость обращенія, опредѣляемая именно этими только-что поименованными условіями, скорость, которая сама собою должна была бы установиться, если бы ей не препятствовалъ излишекъ или недостатокъ денежныхъ знаковъ, или, другими словами, если бы число этихъ знаковъ сообразовалось единственно съ величиною годичнаго обращенія и съ экономическими условіями страны, ускоряющими или замедляющими денежное обращеніе. Назовемъ эту величину *среднею нормальною скоростью обращенія денежной единицы*, и посмотримъ теперь, къ какимъ явленіямъ должны повести различныя отношенія, могущія существовать между этими двумя скоростями, *дѣйствительною* и *нормальною*. Если онѣ равны между собою, то каждый денежный знакъ (среднимъ числомъ) обернется столько разъ, сколько онъ способенъ это сдѣлать вслѣдствіе силъ, его побуждающихъ, и препятствій, сему противостоящихъ, и, если нѣтъ никакихъ другихъ вліяній, дѣйствующихъ на цѣнность денежной единицы, то эта послѣдняя должна быть полноцѣнна. Если средняя нормальная скорость обращенія больше средней дѣйствительной, то денежные знаки, совершивъ всѣ свои обороты, сохранятъ еще, такъ-сказать, возможность обращенія, когда въ немъ не будетъ уже болѣе надобности, и останутся свободными отъ дѣла, такъ-сказать тунеядными: другими словами, они совершатъ всѣ свои обороты какъ бы раньше срока. Этотъ именно случай и имѣетъ у насъ мѣсто, по мнѣнію экономистовъ. Наконецъ, если дѣйствительная скорость обращенія больше скорости нормальной, или (такъ какъ это, по самой сущности дѣла, невозможно) если нормальная скорость обращенія, помноженная на число денежныхъ знаковъ, не удовлетворяетъ потребности, то чувствуется необходимость въ ихъ увеличеніи, и номинальная цѣна денежной единицы возвышается, опять-таки если нѣтъ иныхъ причинъ, стремящихся ее понизить. Что этотъ послѣдній случай возможенъ даже и для бумажныхъ денегъ, доказывается лажемъ, который, до введенія счета на серебро, платился у насъ одинаково, какъ на цѣлковые, четвертаки, гривеники, такъ и на бѣленькія, красненькія и синенькія ассигнаціи.

Примемъ, согласно съ увѣреніемъ большинства нашихъ экономистовъ, что у насъ существуетъ второй случай. Очевидно, что этому предположенію благопріятно уменьшеніе годичнаго денежнаго оборота, а слѣдовательно и средней дѣйствительной скорости

обращенія рубля. Постараемся-же отыскать для годичнаго обращенія такую величину, которая, въ глазахъ каждаго, казалась бы минимумомъ, всякое дальнѣйшее пониженіе котораго было бы уже безразсудно. Доходы казны простираются у насъ до 350 милліоновъ. Примемъ для каждаго рубля, входящаго въ составъ этой суммы, только четыре оборота, а именно: полученіе его изъ рукъ плательщика податей; выдачу его служащимъ, подрядчикамъ казны и т. п.; употребленіе этими послѣдними полученнаго жалованья, платы или аванса не удовлетвореніе своихъ нуждъ; и, наконецъ, добываніе денегъ плательщиками податей, откуда бы то ни было, такъ какъ деньги, идущія отъ нихъ въ казну (черезъ посредство прямаго или косвеннаго налога), не лежатъ-же у нихъ готовыми. Не можетъ быть сомнѣнія, что принятіе для суммы, идущей на государственный доходъ и расходъ, всего четырехъ только оборотовъ—до нелѣпости мало: ограничимся имъ однакожъ. Оно даетъ намъ оборотъ въ 1,400 милліоновъ. Но доходъ и расходъ казны не можетъ быть полагаемъ выше одной пятой доли общаго дохода и расхода всѣхъ гражданъ государства; слѣдовательно, мы будемъ еще далеко ниже истины, если примемъ, что годичный денежный оборотъ Россіи равняется 7,000 милліонамъ рублей. Скинемъ съ этой, до крайности уменьшеной, суммы еще 500 милліоновъ: будемъ имѣть 6,500 милліоновъ. Кредитныхъ билетовъ находится у насъ въ обращеніи на сумму около 650 милліоновъ рублей. Слѣдовательно средняя дѣйствительная скорость обращенія будетъ равняться 10 или, лучше сказать, эту скорость никакъ нельзя уже принять менѣе 10. Но, по мнѣнію экономистовъ, кредитныхъ билетовъ на сумму 650 милліоновъ рублей слишкомъ много для удовлетворенія потребностей Россіи въ денежныхъ знакахъ, и излишекъ этотъ, приблизительно, опредѣляется въ одну пятую долю помянутой суммы, такъ какъ цѣна кредитнаго рубля упала на 20% противъ номинальной. Другими словами, это значитъ, что *средняя нормальная скорость* обращенія на одну пятую долю больше *средней дѣйствительной скорости*, и что ежели послѣдняя, какъ мы видѣли, не можетъ быть принята менѣе 10, то первая должна равняться 12. То есть: когда всѣ кредитные рубли имѣющіеся въ обращеніи, обратятся среднимъ числомъ по десяти разъ, и такимъ образомъ удовлетворятъ денежному обороту въ 6,500 милліоновъ, за каждымъ изъ нихъ сохранится возможность обернуться, среднимъ числомъ, еще два раза, чего однако они не дѣлаютъ,

потому что, при существующей напряженности экономической жизни, уже и безъ этихъ двухъ лишнихъ оборотовъ въ годъ, все, что̀ отъ денежныхъ знаковъ требуется, ими уже совершено. Слѣдовательно, при всѣхъ денежныхъ дѣлахъ ощущалось бы присутствіе лишнихъ 1,300 мил. въ годъ. Другими словами, совершивъ «вся дѣла̀ своя» въ теченіе десяти мѣсяцевъ, два мѣсяца въ году вся сумма нашихъ кредитныхъ билетовъ оставалась бы лежать спокойно въ шкатулкахъ, какъ будто наступила бы для нихъ двухъ-мѣсячная еврейская суббота; или, если эта форма представленія не нравится, то каждый мѣсяцъ 108 милліоновъ, или каждый день около $3^1/_2$ милліоновъ, искали бы себѣ дѣла, не зная, куда бы съ пользою употребить себя. Такое давленіе $3^1/_2$ мил. въ день, или 108 милліоновъ въ мѣсяцъ, или 1.300 милліоновъ въ годъ, необходимо проявлялось бы въ легкости расплаты. Ни одинъ купецъ не сталъ бы забирать товаровъ въ долгъ на долгіе сроки, имѣя возможность, по причинѣ излишка въ денежныхъ знакахъ, быстро расплачиваться и тѣмъ избавляться отъ напрасно платимыхъ процентовъ, и т. д. Спрашиваемъ теперь: ощущается ли на нашихъ рынкахъ такое давленіе излишка денежныхъ знаковъ или, точнѣе сказать, перевѣса средней нормальной надъ среднею дѣйствительною скоростью обращенія, и притомъ излишка не маленькаго, а по крайней мѣрѣ равняющагося 1.300 милліонамъ въ годъ, излишка, который не могъ бы не дать себя почувствовать, еслибъ дѣйствительно существовалъ? Все торговое сословіе въ одинъ голосъ отвѣчаетъ: *нѣтъ*, и находитъ, что скорѣе чувствуется противное. Такъ какъ это вопросъ факта, то мы имѣемъ полное право основываться на сужденіи тѣхъ лицъ, которымъ фактъ этотъ по преимуществу долженъ быть чувствителенъ, каковы бы впрочемъ ни были при этомъ наши понятія о развитости или неразвитости, объ экономическомъ пониманіи или непониманіи, обнаруживаемыхъ этими лицами. Въ вопросахъ факта даже и ревностные католики не признаютъ непогрѣшимости папы: неужели-же экономисты желаютъ пользоваться еще высшимъ авторитетомъ?

Если факта отрицать нельзя, то надо придумать нѣчто такое, что̀ могло бы объяснить, чѣмъ это давленіе излишка денежныхъ знаковъ нейтрализуется и тѣмъ не допускается до ощущенія его нашими торговыми людьми. Козломъ отпущенія грѣховъ теоріи служитъ въ этомъ отношеніи для экономистовъ нашихъ—торговля разными бумажными цѣнностями: она-то, видите, и отвлекаетъ къ

себѣ весь излишекъ кредитныхъ билетовъ, и не даетъ ему обнаруживаться въ другихъ жизненныхъ сферахъ. Это было легко утверждать пока говорилось объ излишкѣ вообще, безъ означенія его величины; но, когда излишекъ этотъ долженъ составлять, какъ крайній минимумъ 1,300 милліоновъ въ годъ, то нѣтъ уже никакой возможности приписывать такіе громадные размѣры биржевымъ сдѣлкамъ этого рода. Но пусть будетъ и такъ, не будемъ и объ этомъ спорить, пусть обороты по торговлѣ бумажными цѣнностями поглощаютъ всѣ 1,300 милліоновъ: поглощаютъ — слѣдовательно этимъ самымъ перевѣсъ нормальной скорости обращенія надъ дѣйствительною уже уничтоженъ. Можно утверждать, и весьма основательно, что такое сильное развитіе торговли бумагами вредно въ тѣхъ-то и тѣхъ-то отношеніяхъ, но объ излишкѣ денежныхъ знаковъ толковать уже болѣе нельзя. А ежели нельзя, то чѣмъ же объяснить упадокъ кредитнаго рубля?

Прежде чѣмъ пойду далѣе, считаю обязанностью извиниться въ нѣкоторыхъ употребленныхъ мною, по примѣру экономическихъ писателей, неправильныхъ выраженіяхъ; я говорилъ, напримѣръ: *излишекъ денежныхъ знаковъ давитъ*, и т. д. Смѣю увѣрить, что это однѣ только метафоры, и что я никакъ не думаю, чтобы кипы бумажныхъ денегъ могли давить иначе какъ количествомъ заключающихся въ нихъ фунтовъ или пудовъ. Къ такому наивному объясненію я вынужденъ тѣмъ, что метафорическое значеніе подобныхъ выраженій отъ многихъ совершенно ускользаетъ и принимается ими за настоящее дѣло. Риторическая фигура олицетворенія играетъ большую роль въ дѣлахъ самыхъ серьезныхъ, и не мало содѣйствуетъ къ усиленію сумбура въ понятіяхъ. Всѣмъ вѣроятно случалось читать или слышать фразу: *капиталы не имѣютъ отечества*. Конечно не имѣютъ, ибо отечество могутъ имѣть только существа разумныя; но точно также не имѣютъ капиталы ни крылышекъ, ни ножекъ, ни собственной воли, которая бы ими двигала; двигаются-же они волею своихъ обладателей, а обладатели эти имѣютъ отечество, или, по крайней мѣрѣ, должны бы его имѣть; а если дѣйствуютъ такъ, какъ бы его не имѣли, то должны считаться вредными гражданами, и если въ качествѣ таковыхъ и не могутъ, въ большинствѣ случаевъ, подвергаться отвѣтственности по законамъ—ибо иногда лѣкарство бываетъ хуже болѣзни—то, тѣмъ не менѣе, при болѣе правильныхъ понятіяхъ, не спутанныхъ метафорами и фигурами олицетворенія, должны были бы

всюду и всегда наказываться публичнымъ презрѣніемъ и позоромъ. Но метафора все это спутываетъ, потому-то и счелъ я необходимымъ извиниться въ употребленіи метафорическихъ выраженій.

II.

Предположеніе о существованіи излишка въ кредитныхъ билетахъ привело насъ къ противорѣчію съ фактами, къ несообразности. Билеты эти, однако, потеряли часть своей цѣны. Болѣзнь существуетъ—это несомнѣнно. Всякая болѣзнь, кромѣ вреда ею приносимаго, обнаруживается извѣстными симптомами, и симптомы эти даютъ возможность врачу заключать объ ея причинахъ. Болѣзнь состоитъ, напримѣръ, въ истощеніи; истощеніе можетъ происходить отъ недостаточнаго питанія, но также и отъ недостаточнаго дыханія, или еще отъ другихъ причинъ, и, ежели бы нельзя было заключать объ этихъ различныхъ причинахъ по различію въ симптомахъ, то и лѣчить болѣзнь можно бы было только на удачу рискуя принести болѣе вреда, чѣмъ не лѣча вовсе. Мы видѣли, что симптомы болѣзни нашихъ кредитныхъ рублей не согласуются съ гипотезой объ ихъ излишествѣ. Прежде всего, надо посмотрѣть, нѣтъ ли другихъ возможныхъ болѣзнетворныхъ причинъ. Прибѣгнемъ для этого изысканія къ методу, также во многихъ случаяхъ весьма дѣйствительному—къ упрощенію. Если въ наукахъ, справедливо пользующихся правомъ называться „точными“, случается имѣть дѣло со сложнымъ явленіемъ, то стараются расположить опытъ или умозрѣніе такъ, чтобы предоставить дѣйствіе только одной изъ многихъ вліяющихъ причинъ. Поступимъ и мы такимъ же образомъ.

Предположимъ, что среди океана существуетъ островъ — назовемъ его хоть Атлантидой — который не имѣетъ никакихъ сношеній съ остальнымъ міромъ, и жители котораго думаютъ о себѣ, что они единственныя разумныя существа во вселенной. Благопріятствуемые климатомъ, почвою и природными способностями, Атлантидцы собственнымъ трудомъ вышли изъ состоянія грубости и достигли извѣстной степени цивилизаціи. Условія жизни ихъ до того усложнились, что они не могутъ болѣе довольствоваться простою мѣною своихъ произведеній. Скотъ, соль, раковины не удовлетворяютъ уже потребности ихъ въ томъ средствѣ, которое мы называемъ деньгами. Драгоцѣнные металлы на островѣ есть,

но островитяне еще не открыли ихъ. Мудрецъ, жившій въ то время между Атлантидцами, сталъ разсуждать, какъ бы помочь горю, и вотъ, приблизительно, ходъ его разсужденій. Искомое средство должно имѣть такія свойства, чтобы его можно было промѣнивать на каждый товаръ и на каждое количество товара. Такъ какъ всѣ товары дѣлимы, то и наше искомое должно имѣть соотвѣтственную дѣлимость. Бараны и быки для этого не годятся. Соль и раковины, пожалуй, удовлетворяютъ этому требованію, потому что, назначивъ, что раковина соотвѣтствуетъ самому малому количеству самаго дешеваго вещества, можно достигнуть того же, какъ еслибъ онѣ были дѣлимы. Далѣе, необходимо, чтобы средство всеобщей мѣны долго сохранялось, не уничтожаясь и не портясь. Соль для этого рѣшительно не годится, раковины-же, хотя съ грѣхомъ пополамъ, удовлетворяютъ и этому требованію. Но и этого еще мало надо, чтобы нельзя было или, по крайней мѣрѣ, очень трудно было поддѣлывать наше общемѣновое средство; а то всѣ, вмѣсто того чтобы настоящее дѣло дѣлать, станутъ заниматься его поддѣлкою, и никогда нельзя будетъ быть увѣреннымъ, что его не слишкомъ много надѣлали. Раковины и въ этомъ отношеніи, пожалуй, годятся. Надо, наконецъ, чтобы вещество, которое употребимъ на общемѣновое средство, было достаточно рѣдко, для того чтобы каждый не могъ увеличивать по произволу количества его. Мудрецъ пришелъ къ тому заключенію, что ни одно изъ извѣстныхъ ему произведеній острова не годилось для желаемой цѣли. Но почему бы, подумалъ онъ, не придать требуемыхъ качествъ какому-либо веществу искусственно? Возьмемъ, напримѣръ, хоть кусокъ бумаги Разною величиною или формою кусковъ можемъ удовлетворить требованію дѣлимости; труднымъ рисункомъ, котораго секретъ будетъ извѣстенъ лишь правительству, предупредимъ поддѣлку; промѣномъ старыхъ, износившихся бумажекъ на новыя придадимъ имъ неуничтожимость; наконецъ, ограничивъ количество ихъ выпуска единственно потребностію торговли и промышленности, предупредимъ излишнее ихъ накопленіе. Конечно, думалъ онъ, странно, какимъ образомъ вещь сама собою ни на что не пригодная будетъ вымѣниваться на всякій дѣйствительно-полезный предметъ; но вѣдь цѣнность вещи основывается на ея пригодности для какого либо употребленія; быть же орудіемъ мѣны есть употребленіе весьма важное, и какъ только мои бумажки станутъ на это употребляться, то тѣмъ самымъ пріобрѣтутъ онѣ и цѣнность. Не то ли же самое

со всякимъ предметомъ. пока не придумаютъ ему употребленія? Бѣлая глина, которой у насъ такъ много, не имѣла никакой цѣны, пока не придумали дѣлать изъ нея превосходныхъ фарфоровыхъ сосудовъ, и съ тѣхъ поръ глина стала цѣнна: почему же и бумажки, когда онѣ примѣнятся къ своему назначенію посредствомъ извѣстнаго приготовленія, а главное посредствомъ строго-соблюдаемыхъ условій ихъ выпуска, также точно не получатъ цѣнности, весьма хорошо удовлетворяя своему назначенію? Проектъ былъ приведенъ въ исполненіе. Сначала опредѣлили условно, что бумажная денежная единица соотвѣтствуетъ такому-то количеству необходимѣйшаго вещества, напримѣръ хлѣба, и въ такомъ лишь случаѣ прибавляли число денежныхъ знаковъ, когда постоянный лажъ удостовѣрялъ, что оно не достаточно для нуждъ промышленности и торговли. Такимъ образомъ утвердилась въ Атлантидѣ полная довѣренность къ искусственному средству облегченія мѣны. Это былъ *первый періодъ денежнаго обращенія* въ Атлантидѣ.

Черезъ нѣсколько столѣтій, островъ былъ открытъ и вступилъ въ торговыя и иныя сношенія съ иностранцами. Конечно, иностранцы не захотѣли принимать Атлантидскихъ бумажныхъ денегъ, но изъ этого затрудненія вывернулись счастливымъ открытіемъ на островѣ золота и серебра. Атлантидцы такъ привыкли къ своимъ деньгамъ, что не хотѣли перемѣнить ихъ на золотыя и серебряныя, а согласились на слѣдующую сдѣлку. Золото и серебро было собрано въ особое хранилище, и установлена соотвѣтственность бумажной денежной единицы извѣстному вѣсу этихъ металловъ. Торговля стала производиться слѣдующимъ образомъ. Атлантидцы пріѣзжали въ иностранныя земли и покупали на свои бумажныя деньги тамошніе продукты. Иностранцы съ этими деньгами пріѣзжали въ Атлантиду, вымѣнивали ихъ на золото въ размѣнной палатѣ и потомъ за это золото покупали Атлантидскіе товары. Получившіе золото Атлантидцы спѣшили въ размѣнную палату и возвращали себѣ, за золото, свои любимыя бумажки. Это былъ *второй періодъ Атлантидской торговли*, совершавшейся посредствомъ размѣна билетовъ на золото и золота на билеты.

Вскорѣ обѣ торгующія стороны замѣтили, что онѣ совершенно напрасно затрудняютъ себя излишнею процедурою двукратнаго размѣна, и стали поступать такъ. Иностранцы, получивъ Атлантидскіе билеты, прямо покупали на нихъ Атлантидскіе товары. Размѣнная палата опустѣла и чуть не была совершенно забыта.

своихъ товаровъ отпускали Атлантидцы какъ разъ на столько, на сколько покупали иностранныхъ, и потому иностранные купцы брали бумажки, какъ еслибы онѣ были чистымъ золотомъ, зная, что вѣдь нужно же будетъ имъ покупать Атлантидскіе товары, а на нихъ и уйдутъ бумажки; развѣ цѣнили ихъ немного дешевле за то, что въ промежутокъ времени между полученіемъ бумажекъ и покупкою на нихъ товаровъ, они не имѣли для нихъ употребленія; но такъ какъ торговля шла непрерывно, то эта причина не могла оказывать сильнаго дѣйствія. Это былъ *третій періодъ въ развитіи Атлантидской торговли*, въ который размѣнъ на драгоцѣнные металлы подразумѣвался, и, вмѣсто прямаго, существовалъ, такъ сказать, косвенный размѣнъ. Цѣна бумажекъ и тутъ не падала, и невозможно вообразить никакой причины, по чему бы ей было пасть.

Но, вотъ, Атлантидцы развратились, забыли староотческіе обычаи и преданія, пристрастились къ разнымъ удобствамъ жизни, приняли разныя чужеземныя привычки, которымъ могли удовлетворять лишь иностранными продуктами, и стали ихъ накупать въ гораздо бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ отпускали своихъ собственныхъ товаровъ. Очевидно, что, при такомъ порядкѣ вещей, нѣкоторое количество Атлантидскихъ бумажекъ должно было оставаться въ рукахъ иностранцевъ, и когда ихъ порядочно понакопилось, иностранцы, конечно, не знали, что́ съ ними дѣлать. Къ счастію вспомнили про размѣнную палату. Она снова была открыта, и золото потекло изъ нея рѣкою за границу. Атлантидцы вовсе объ этомъ не безпокоились, такъ какъ не были заражены меркантилизмомъ. Таковъ былъ *четвертый періодъ въ ходѣ торговли и въ судьбѣ бумажныхъ Атлантидскихъ денегъ.*

Періодъ этотъ, конечно, не могъ быть продолжителенъ, и однажды иностранные купцы, явившись промѣнивать оставшійся у нихъ излишекъ бумажекъ, услышали горестную вѣсть, что промѣнивать ихъ не на что̀. То, что́ они считали деньгами, и что̀ было таковымъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, обратилось въ простыя бумажки. Они было хотѣли прекратить всякія сношенія съ Атлантидцами, но тѣ стали ихъ успокоивать: «чего вы опасаетесь? Вѣдь не нынче мы начали, не нынче и перестанемъ торговать съ вами. Мы признаемъ за бумажками полную ихъ цѣну; отдайте ихъ намъ, а мы доставимъ вамъ на слѣдующій годъ товаровъ на всю ихъ стоимость, да еще проценты за то, что вы намъ раньше срока

деньги въ руки дадите».—«Хорошо, отвѣчали иностранцы, но вы не берете въ разсчетъ, что на будущій годъ опять пріѣдете къ намъ закупать наши товары въ такомъ же количествѣ, какъ и за прошлый, а пожалуй и еще того больше, и захотите платить тѣми же бумажками, тогда какъ значительную долю вашихъ товаровъ должны вы будете отпустить намъ за тѣ уже бумажки которыя мы вамъ теперь отдадимъ, да за проценты на нихъ: такимъ образомъ вы, наконецъ, должны будете отпускать все потребное для насъ количество вашихъ товаровъ за старые долги, а на что будете вновь покупать? Такъ нельзя, а послушайте, вотъ что. Вы покупали у насъ въ послѣдніе годы товаровъ на 150 милліоновъ, мы же вашихъ—только на 100 милліоновъ; слѣдовательно 100 мил- вашихъ билетовъ имѣютъ и для насъ полную цѣнность, осталь, ные-же 50, съ тѣхъ поръ какъ нельзя промѣнять ихъ на золото все равно что клочки тряпья. Такъ какъ однако на вашихъ биле тахъ не написано, которые изъ нихъ принадлежатъ къ первой сотнѣ, и которые ко второй полусотнѣ милліоновъ, то мы можемъ и будемъ принимать ихъ вообще лишь за двѣ трети ихъ цѣны, а тамъ, что̀ будетъ, то будетъ». Такъ и рѣшили, что внутри Атлантиды билеты будутъ по прежнему въ полной ихъ цѣнѣ, а по внѣшней торговлѣ будутъ приниматься лишь въ двѣ трети ихъ номинальной стоимости. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Всякій торговецъ туземными произведеніями внутри острова сталъ разсуждать, что можетъ, вѣдь, случиться, что на вырученныя деньги придется ему покупать иностранные товары, по отношенію къ которымъ бумажки стоятъ всего $^2/_3$ своей цѣны, да если и не придется этого ему самому, то пожалуй вздумаетъ разсуждать такимъ образомъ тотъ продавецъ, у котораго онъ будетъ покупать внутренніе продукты; слѣдовательно, противъ такого риска надо себя обезпечить, и нельзя принимать билетовъ въ полной ихъ цѣнѣ. На оборотъ, иностранные купцы стали думать, каждый съ своей стороны: положимъ, Атлантидскіе билеты сто̀ятъ у насъ лишь $^2/_3$ ихъ номинальной цѣны; но вѣдь Атлантидскіе товары остались въ прежней своей цѣнѣ, и я смѣло могу разсчитывать, что, сколько бы ни закупилъ ихъ, все сбуду. Если, поэтому, стану принимать билеты не въ $^2/_3$, а въ $^3/_4$ или $^4/_5$ ихъ цѣны, то мнѣ охотнѣе будутъ продавать, я закуплю больше чѣмъ другіе, и увеличу свои обороты. Такимъ образомъ убѣдились, что билеты или вообще деньги имѣютъ характеръ жидкости, т. е. что цѣна ихъ стремится прійти

къ одному уровню. Однакоже, какъ и жидкости вполнѣ этого не достигаютъ, если изъ двухъ дѣйствующихъ причинъ одна стремится возвысить или удержать жидкость на извѣстной высотѣ, а другая стремится ее понизить,—убѣдились, что и тутъ, по мѣрѣ удаленія дѣйствующей причины, дѣйствіе ея ослабляется въ нѣкоторой степени, почему рѣзкія и крутыя разности въ цѣнѣ, какъ полноцѣнность на внутреннемъ и ²/₃ цѣны на внѣшнемъ рынкѣ, рядомъ существовать не могутъ; и что, хотя на внутреннемъ рынкѣ цѣнность билетовъ будетъ стоять выше, чѣмъ на внѣшнемъ, переходъ между этими двумя уровнями будетъ однакоже постепененъ, и разница между ними не такъ велика. Тѣмъ не менѣе, пониженіе цѣны билетовъ очень всѣхъ изумило; говорили: «кажется, условія, предписанныя древнимъ мудрецомъ, исполняли мы въ точности, лишнихъ билетовъ не выпускалось, были мы въ этомъ отношеніи скорѣе скупы, чѣмъ щедры,—и однакоже билеты упали». Имя виновника стольких бѣдствій готовы были предать проклятію, пока слѣдующія соображенія не привели Атлантидцевъ къ болѣе справедливому образу мыслей: «вѣдь мудрецъ, рекомендовавшій употребленіе бумажныхъ денегъ, подъ единственнымъ условіемъ благоразумнаго и умѣреннаго выпуска ихъ, жилъ въ то время, когда мы думали, что кромѣ насъ на свѣтѣ никого нѣтъ; когда, слѣдовательно, Атлантидская цѣнность и всемірная цѣнность были выраженіями тождественными. Онъ говорилъ, что бумажныя деньги могутъ служить, при извѣстныхъ условіяхъ, представителями Атлантидскихъ цѣнностей, и онѣ служили ими вполнѣ; мало того, дальнѣйшая судьба ихъ показала, что посредствомъ косвеннаго размѣна могутъ онѣ служить отчасти и представителями иностранныхъ цѣнностей, именно такой доли ихъ, которая равняется цѣнности нашего отпуска. Его ли вина, если мы захотѣли, чтобы наши билеты сдѣлались представителями не только нашихъ, но и вообще всемірныхъ цѣнностей, безъ всякаго ограниченія»?

Какова была дальнѣйшая судьба Атлантидскихъ бумажныхъ денегъ, мнѣ неизвѣстно. Но изъ участи ихъ доселѣ оказывается несомнѣннымъ, *что цѣнность бумажныхъ денегъ не зависитъ исключительно отъ того, соотвѣтствуетъ ли ихъ количество внутренней потребности въ этихъ деньгахъ, а зависитъ также и отъ хода внѣшней торговли.* Конечно, въ дѣйствительности торговыя сношенія происходятъ не такъ, какъ въ нашемъ примѣрѣ; но всѣ различія въ этомъ отношеніи усложняютъ только процессъ, ни-

сколько не измѣняя его сущности: и, такъ какъ, думаю я, нельзя указать на какую либо ошибку въ изложенномъ ходѣ торговыхъ сношеній и въ ихъ вліяніи на цѣнность билетовъ, то и должно признать, что торговый балансъ можетъ оказывать вліяніе на цѣнность бумажныхъ денегъ.

Представимъ это образно. Бумажныя деньги, служа представителями цѣнностей какой либо страны, черезъ обращеніе покрываются, такъ сказать, каждый разъ слоемъ цѣнности извѣстной толщины, какъ бы позлащаются. Толщина этого слоя опредѣляется номинальною цѣною денежной единицы, раздѣленной на среднюю нормальную скорость ея обращенія; и, если среднее число дѣйствительныхъ оборотовъ равняется этой послѣдней, то единица будетъ полноцѣнна (принимая въ разсчетъ одно лишь внутреннее обращеніе). Количественнаго изъяна въ такихъ деньгахъ нѣтъ; но можетъ быть изъянъ качественный. Деньги должны имѣть способность промѣниваться на каждый желаемый предметъ. Но, если мы отпускаемъ менѣе, чѣмъ ввозимъ, то, собственно, этотъ излишекъ ввоза не можетъ быть представляемъ такими знаками, которые служатъ лишь представителями цѣнностей внутреннихъ, ибо не на что̀ ихъ вымѣнять, кромѣ какъ на долговое обязательство. Въ денежныхъ знакахъ, хотя бы они покрывались полнымъ числомъ цѣнныхъ слоевъ, ощущается тогда какъ бы присутствіе нѣкоторыхъ мѣстъ, намазанныхъ протравою, къ которой эти слои не пристаютъ.

Или—вообразимъ себѣ, что въ нѣкоторомъ государствѣ существуютъ разные кредитные билеты: одни—для внутренней, другіе—для внѣшней мѣны. Пусть внутренніе билеты будутъ обезпечены размѣномъ, довѣренностью къ государству, чѣмъ и ка̀къ угодно. Для внѣшнихъ-же пусть служатъ размѣннымъ фондомъ товары, выпускаемые за границу. Пока этотъ размѣнный фондъ не превышаетъ заграничной потребности въ немъ, то нѣтъ основанія думать, чтобы билеты, его представляющіе, могли упасть въ цѣнѣ; но, когда иностранная потребность насыщена, то весь излишекъ билетовъ является вовсе ничѣмъ не обезпеченнымъ, ибо того, чѣмъ они обезпечивались,—или вовсе нѣтъ, или въ немъ нѣтъ надобности въ данное время. Очевидно, что такіе билеты могли бы пасть; между тѣмъ какъ билеты внутренніе сохранили бы полную свою цѣнность. Но сольемъ воедино оба эти сорта билетовъ, или, что̀ все равно, сдѣлаемъ обоюдный размѣнъ ихъ другъ на друга обя-

зательнымъ: очевидно, что изъянъ, присущій внѣшнимъ билетамъ, отыметъ часть достоинства у внутреннихъ; внѣшніе билеты нѣсколько возвысятся, а внутренніе нѣсколько упадутъ. И, чѣмъ меньше будетъ въ странѣ вѣроятность и близость такого размѣна для внутреннихъ билетовъ, тѣмъ выше будутъ они стоять; на оборотъ, чѣмъ вѣроятность или близость эта будетъ больше, тѣмъ ниже будетъ ихъ цѣнность.

Впрочемъ, это вѣдь совершенно подходитъ подъ любимое положеніе экономистовъ, что цѣна вещей опредѣляется отношеніемъ предложенія къ требованію. Если, покупая иностранные продукты, мы отдаемъ за нихъ болѣе кредитныхъ билетовъ, чѣмъ сколько можетъ иностранцамъ понадобиться купить на нихъ нашихъ продуктовъ,—не значитъ ли это, что наше предложеніе билетовъ превышаетъ иностранное въ нихъ требованіе? Не могутъ же они, въ послѣднемъ результатѣ, дѣлать изъ нашихъ билетовъ инаго употребленія, какъ вымѣнивать на нихъ наши произведенія или услуги. Почему-же, когда дѣло идетъ о бумажныхъ деньгахъ, хотятъ непремѣнно ограничивать отношеніе между предложеніемъ и требованіемъ лишь одною потребностью во внутренней мѣнѣ?

Для непредубѣжденныхъ читателей, этимъ могли бы мы и закончить наши разсужденія. Выходитъ, что существуютъ вобще двѣ причины, могущія производить упадокъ въ цѣнѣ кредитныхъ билетовъ: излишекъ ихъ выпуска, и невыгодный торговый балансъ. Если, въ примѣненіи къ частному случаю—къ упадку бумажныхъ денегъ въ Россіи, — оказывается, что первая причина не имѣетъ мѣста, такъ какъ экономическая болѣзнь не сопровождается симптомомъ ощущенія излишка въ денежныхъ знакахъ при торговыхъ сдѣлкахъ всякаго рода, то очевидно, что причину упадка надо искать во второмъ обстоятельствѣ, которое можетъ произвести тотъ же самый недугъ, т. е. въ невыгодномъ балансѣ. Но мы имѣемъ дѣло съ людьми предубѣжденными, которые скорѣе готовы приписать всему торговому люду русскому родъ галлюцинаціи или частнаго умомѣшательства, препятствующаго ему ощущать давленіе излишка въ денежныхъ знакахъ, чѣмъ признать непріятный фактъ, ниспровергающій одностороннюю ихъ теорію. Уступимъ и въ этомъ, такъ какъ въ запасѣ у насъ есть еще доказательство, отъ котораго не отвертѣться даже повальною галлюцинаціею всего русскаго купечества, а надо будетъ приписать ему полнѣйшій идіотизмъ, да и не одному купечеству русской національности — за

этимъ, пожалуй, дѣло бы не стало—а и всѣмъ занимающимся въ Россіи отпускною торговлею нѣмцамъ, англичанамъ, евреямъ, итальянцамъ, грекамъ, армянамъ и др. и пр. Къ тому же, мы положимъ въ основу нашего доказательства не фактъ—который, если нельзя опровергнуть, то можно, по крайней мѣрѣ, отвергнуть — а положеніе, признанное всѣми экономическими писателями безъ различія партій и школъ. Дѣло въ томъ, что, ежели кредитные рубли упали отъ излишка въ ихъ выпускѣ, то, кромѣ симптома ощущенія чрезмѣрнаго прилива денежныхъ знаковъ на рынки, болѣзнь эта имѣетъ необходимо сопровождаться еще тѣмъ признакомъ, что цѣна рубля на внутреннихъ рынкахъ должна быть если не ниже, то никакъ уже и не выше, чѣмъ на иностранныхъ. Другими словами, если, какъ бо̀льшая часть экономическихъ писателей утверждаетъ, неполноцѣнность нашего кредитнаго рубля не есть слѣдствіе низкаго вексельнаго курса, а просто упадокъ бумажныхъ денегъ, обусловливаемый излишкомъ ихъ выпуска, то необходимо, чтобы цѣнность рубля внутри государства была, по мѐньшей мѣрѣ, не выше заграничной его цѣнности, ибо, по теоріи этихъ писателей, упадокъ послѣдней есть только отраженіе упадка первой; еслиже главный корень злу лежитъ въ обстоятельствахъ внѣшней мѣны, то, очевидно, дѣйствіе причины должно быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе центръ, изъ котораго оно исходитъ, и должно ослабляться по мѣрѣ того, какъ вліяніе внѣшняго рынка удаляется. Но всѣ экономическіе писатели утверждаютъ, что низкій курсъ содѣйствуетъ отпуску товаровъ: въ этомъ отношеніи нѣтъ споровъ ни между различными теоріями, ни между теоріей и практикой. Посмотримъ же, ка̀къ производится это выгодное на отпускъ товаровъ вліяніе.

Пусть французскому купцу выгодно заплатить за четверть пшеницы 32 франка, а русскому купцу выгодно продать ее за $8^1/_2$ рублей. Французскій купецъ промѣниваетъ 32 франка на 10 р., по курсу 3 франка 20 сантимовъ, и отдаетъ изъ нихъ 9 руб. русскому купцу; послѣдній чрезъ это имѣетъ $^1/_2$ рубля лишняго противъ той цѣны, по которой считалъ выгоднымъ продать свой товаръ; французскій также купилъ пшеницу 3 фр. 20 сант. дешевле, чѣмъ думалъ. Выгода, слѣдовательно, обоюдная, и нельзя, чтобъ такое положеніе дѣлъ не благопріятствовало отпускной торговлѣ. Но все разсыпается въ прахъ, если внутренняя цѣнность рубля не выше иностранной. Если она равна ей, то вѣдь русскій купецъ

получилъ не 9 руб., даже не 8 р. 50 к., а всего только 7 р. 20 к. Слѣдовательно не низкій курсъ самъ по себѣ, а болѣе высокая цѣнность денегъ на внутреннемъ рынкѣ, чѣмъ на внѣшнемъ, составляетъ причину, благопріятствующую отпускной торговлѣ. Пусть бы, въ самомъ дѣлѣ, у насъ вовсе не было ассигнацій, но, вслѣдствіе какихъ либо причинъ—хотя бы того же невыгоднаго баланса,—на золото и на серебро существовалъ значительный лажъ. Пусть, напримѣръ, цѣнность полуимперіала относительно всѣхъ другихъ товаровъ считалась бы въ 6 рублей. Иностранный купецъ, разсчитывающій, что ему выгодно заплатить за какой нибудь русскій товаръ 20 фран. 60 сант., вручая ихъ русскому купцу, вручалъ бы ему, по мнѣнію сего послѣдняго, 24 фр. и слѣдовательно изъ этихъ 20 фр. 60 сан. иностранецъ могъ бы еще нѣчто у себя сохранить, и все же торгъ былъ бы для обоихъ сугубо выгоденъ. Изъ этого выходитъ одно изъ трехъ: 1) или въ настоящее время низкій курсъ (который будто бы не низкій курсъ, а упадокъ цѣнности рубля, зависящій отъ внутреннихъ причинъ) нисколько не благопріятствуетъ отпускной торговлѣ; 2) или всѣ русскіе купцы (въ обширномъ, вышеобъясненномъ, смыслѣ этого выраженія) совершенные идіоты, какъ малые ребята утѣшающіеся крупными числами, которыми имъ платятъ, не разбирая, рубли ли это, или другое что̀, лишь бы побольше выходило; или, наконецъ, 3) внутренній курсъ рубля стоитъ значительно выше внѣшняго, а, слѣдовательно, и понижающая причина лежитъ изъвнѣ и только отражается на внутренней его цѣнности, потому что не можетъ же ни цѣна товаровъ вообще, ни въ особенности цѣна денегъ, обрываться кручей или падать водопадомъ, а должна стремиться къ одному уровню, постепенно понижаясь и возвышаясь, хотя все таки будетъ стоять ниже тамъ, гдѣ дѣйствіе понижающей причины непосредственнѣе и ближе. Первую альтернативу отвергаютъ сами экономисты, восторгаясь премудростью экономическаго порядка вещей, въ которомъ все само собою приходитъ въ порядокъ и гармонію, точно какъ и въ Божьемъ мірѣ, только laissez faire laissez aller. Выборъ между второю и третьею альтернативами предоставляемъ собственному ихъ вкусу....

Но если, такимъ образомъ, причина упадка нашей денежной единицы заключается въ невыгодномъ торговомъ балансѣ, а не въ излишествѣ выпущенныхъ билетовъ, то развѣ можно помочь горю уничтоженіемъ извѣстнаго числа кредитныхъ билетовъ? Такъ-

какъ уменьшеніе числа обращающихся денежныхъ знаковъ необходимо ведетъ къ возвышенію ихъ цѣнности, и такъ-какъ цѣнность эта стремится повсемѣстно достигнуть одного и того же уровня, то возвышеніе курса конечно произойдетъ и при этомъ, но только какъ? Курсъ этотъ будетъ подверженъ вліянію двухъ причинъ, дѣйствующихъ на него въ противуположномъ смыслѣ, причемъ противуположность эта будетъ еще сильнѣе, нежели нынѣ; и какъ причины эти совершенно разнороднаго качества, имѣютъ такъ-сказать не общую точку приложенія въ своемъ дѣйствіи на курсъ, а, напротивъ того, точки, весьма удаленныя одна отъ другой, то нейтрализировать другъ друга онѣ не могутъ, а могутъ только постоянно между собою бороться, и, попеременно пересиливая другъ друга, одна извнѣ, другая изнутри, должны усилить колебаніе курса, хотя средняя его высота и возвысится. Но, такъ-какъ колебаніе въ цѣнѣ денежной единицы еще вреднѣе самого упадка ея, то очевидно, что полезнымъ образомъ исправить нашъ курсъ можно лишь исправленіемъ торговаго баланса.

Хотя сторонники доказываемаго здѣсь взгляда и довольно часто изъясняли, что они понимаютъ подъ „торговымъ балансомъ", тѣмъ не менѣе противники ихъ притворяются какъ бы не слышащими, что̀ имъ говорятъ, и, основываясь на оффиціальныхъ таможенныхъ данныхъ, утверждаютъ, что торговый балансъ и такъ въ нашу пользу. Не думая вовсе опираться на невѣрность оффиціальныхъ таможенныхъ показаній, хотя и въ этомъ отношеніи были уважительныя заявленія, удостовѣряющія, что цѣнность иностранныхъ товаровъ обозначается ниже настоящей, повторимъ, во сто-первый разъ, что балансъ, сообразно съ здравымъ смысломъ, понимается въ слѣдующемъ видѣ:

повышаютъ балансъ:	*понижаютъ балансъ:*
1. Цѣнность нашего отпуска.	1. Цѣнность объявляемаго въ таможняхъ ввоза иностранныхъ произведеній.
2. Минимальная величина, представляющая издержки иностранцевъ, путешествующихъ и проживающихъ въ Россіи, но почерпающихъ свои доходы изъ-за границы.	2. Цѣнность дозволеннаго безъ пошлины ввоза рельсовъ, подвижнаго состава для желѣзныхъ дорогъ, и т. п.
	3. Цѣнность контрабанды, которая, судя по азарту, съ которымъ Прусскія газеты отвергаютъ таможенный картель, должна быть очень велика.

4. Цѣнность правительственныхъ заказовъ за границею для потребностей арміи, флота и т. д.

5. Сумма процентовъ, уплачиваемыхъ правительствомъ за внѣшніе долги.

6. Сумма издержекъ, дѣлаемыхъ путешествующими и проживающими за границею русскими.

Ежели кто станетъ утверждать, что цѣнности лѣваго столбца уравновѣшиваютъ цѣнности праваго, то остается только подивиться смѣлости такого храбреца, и позавидовать металлической твердости его лба. Всякое же сравненіе, инымъ способомъ произведенное, должно считаться ни чѣмъ инымъ, какъ недобросовѣстною увerткою.

Въ числѣ цѣнностей праваго столбца мы не помѣтили еще перевода нашихъ капиталовъ въ иностранные банки или бумаги, что также можетъ понижать балансъ. Это сдѣлано съ намѣреніемъ. Такъ какъ у насъ, говоря вообще, капиталъ даетъ высшіе проценты, чѣмъ за границею, то переводъ этотъ можетъ имѣть мѣсто лишь вслѣдствіе опасенія дальнѣйшаго упадка курса,—упадка, который долженъ происходить отъ какой либо изъ предшествующихъ причинъ; а такъ какъ причины этой нельзя искать въ излишкѣ денежныхъ знаковъ, то приписывать упадокъ курса такому переводу капиталовъ за границу, значитъ принимать слѣдствіе за причину; но, разумѣется, какъ упадокъ уже разъ произошелъ и все болѣе и болѣе угрожаетъ сдѣлаться хроническимъ и даже возрастать, то бѣгущіе отъ такой бѣды капиталы, въ свою очередь, увеличиваютъ зло еще болѣе. Точно такъ, давка на пожарѣ можетъ увеличить число жертвъ его, но давка это происходитъ уже отъ предшествующаго ей пожара, а не сама произвела пожаръ. Но допустимъ, что драгоцѣнные металлы ушли отъ насъ именно вслѣдствіе перевода капиталовъ за границу: все-же собственниками этихъ капиталовъ остаются русскіе. Теперь завелось у насъ нѣсколько предпріятій: желѣзныхъ дорогъ, банковъ и проч., которымъ дозволено вести счетъ на иностранную денежную единицу, неподверженную колебаніямъ: почему-же, спрашивается, капиталы эти не возвращаются обратно въ Россію, когда не только процентъ, получаемый съ нихъ въ Россіи будетъ выше, да еще въ пользу владѣльцевъ этихъ капиталовъ придется вся разность между номи-

нальною и дѣйствительною стоимостью кредитнаго рубля, которая была имъ во вредъ при переводѣ капиталовъ изъ Россіи за границу?

Какъ, слѣдовательно, ни верти дѣла, безпристрастный и непредубѣжденный разборъ признаковъ, обнаруживающихся при упадкѣ цѣнности нашей денежной единицы, заставляетъ приписывать этотъ упадокъ не иному чему, какъ *продолжительному невыгодному торговому* или, чтобы точнѣе выразиться, *мѣновому балансу*.

III.

Авторскому самолюбію простятъ, надѣюсь, если осмѣлюсь льстить себя надеждою, что изъ многочисленнаго полчища приверженцевъ теоріи излишка денежныхъ знаковъ и противниковъ торговаго баланса найдется хотя одинъ, который, убѣдясь вышеприведенными доказательствами, отступится отъ ученія, господствующаго между экономическими писателями. Этотъ обращенецъ внушаетъ мнѣ, конечно, живѣйшую симпатію. Кому случалось забавляться рѣшеніемъ такъ называемыхъ «математическихъ пѣшекъ», тотъ пойметъ его положеніе. Вамъ доказываютъ, напримѣръ, что въ треугольникѣ можетъ быть два прямыхъ угла. Вы очень хорошо понимаете нелѣпость вытекающихъ изъ этого слѣдствій и въ состояніи привести множество опроверженій, такъ сказать, со стороны; но самаго хода предлагаемыхъ вамъ доказательствъ не можете поколебать, не можете замѣтить, чѣмъ именно васъ поддѣли. Это васъ тревожитъ, и вы не можете успокоиться, пока не открыли уловки, которою васъ обморочили. Не то ли же самое и съ предполагаемымъ обращенцемъ? Видитъ онъ всѣ несообразности, къ которымъ приводитъ отверженіе торговаго баланса, а между тѣмъ не замѣчаетъ той уловки, того софистическаго пріема, которыми успѣли его заставить отказаться отъ понятія столь естественнаго, какъ торговый балансъ; и какъ бы новообращенецъ мой ни былъ убѣжденъ, что отрицаніе торговаго баланса ведетъ къ самымъ очевиднымъ несообразностямъ въ теоріи, къ самымъ вреднымъ послѣдствіямъ на практикѣ, все-же не можетъ онъ успокоиться, пока не отыщетъ ошибки въ самомъ процессѣ доказательства, которымъ отвергается этотъ балансъ, пока не найдетъ балансу теоретическаго оправданія. Вотъ въ этомъ то и хотѣлось бы мнѣ, прежде всего, ему помочь.

Какъ извѣстно, ученіе о торговомъ балансѣ было установлено

такъ называемою «школою меркантилистовъ». Она утверждала, что драгоцѣнные металлы составляютъ единственное богатство, все-же прочее, хотя и можетъ быть весьма полезно, но само по себѣ еще богатства не составляетъ. По ея мнѣнію, золото и серебро составляютъ какъ бы цѣнность по преимуществу. Такой взглядъ признанъ ложнымъ, и признанъ таковымъ по справедливости; но совершенно ли и вполнѣ онъ ложенъ? Это весьма трудно допустить, ибо если бы въ немъ не заключалось какой нибудь истинной стороны, которая прикрывала бы собою его общую ложность, то едва-ли бы могъ онъ получить такое обширное практическое примѣненіе, едва-ли бы могъ имѣть на своей сторонѣ такихъ людей, каковъ былъ, напримѣръ, Кольберъ.

Представимъ себѣ, что какой нибудь купеческій домъ вздумалъ прекратить свои дѣлà, потому-ли, что ему надоѣло заниматься торговлею или, еще лучше, потому что вступившій въ управленіе имъ наслѣдникъ не чувствуетъ въ себѣ способности къ торговлѣ. Въ моментъ этого рѣшенія закромы его наполнены мукою, амбары—мѣшками съ хлѣбомъ, кладовыя—цибиками съ чаемъ, грудами мѣховъ и т. п. Можетъ ли онъ считать всѣ эти нужныя и полезныя вещи за дѣйствительное богатство? Очевидно, нѣтъ. Мѣхамъ непрестанно угрожаетъ моль, чаю и мукѣ—сырость, хлѣбу — мыши и слоники, всему—пожаръ, наводненіе, или, и безъ этихъ несчастныхъ случаевъ, просто упадокъ цѣнъ отъ обильнаго ли урожая, отъ перемѣны ли вкусовъ и модъ и т. д. Дѣйствительнымъ богатствомъ въ правѣ считать онъ все это тогда, когда обратитъ въ ту форму, которая, изо всѣхъ земныхъ благъ, наименѣе подвержена порчѣ, перемѣнѣ вкусовъ, насыщенію рынка и зависящему отъ того упадку въ цѣнѣ, т. е. въ форму золота и серебра. Только послѣ этого обращенія считаетъ онъ свои капиталы *реализированными*, такъ-что всѣ прочіе виды капитала въ его глазахъ какъ бы недостаточно реальны. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія *купеческой конторы, ликвидирующей свои дѣла*, взглядъ меркантильнаго ученія оказывается совершенно основательнымъ и разумнымъ; неосновательно и неразумно только смотрѣть на государство, какъ на ликвидирующую свои дѣла контору, ибо при этомъ оно, въ случаѣ исполненія своихъ желаній, впало бы въ положеніе древняго короля Мидаса.

Нынѣ господствующая экономическая школа учитъ, что все, чтò можетъ быть въ данное время предметомъ мѣны, имѣетъ дѣй-

ствительную цѣнность, а, слѣдовательно, составляетъ настоящее богатство. Важно только то, чтобы при мѣнѣ не быть обсчитаннымъ, за промѣниваемую цѣнность получить какъ можно болѣе цѣнностей вымѣниваемыхъ, и, если это условіе соблюдено, то и достигнуто все, чтò отъ торговли требуется; а такъ какъ даромъ никто ничего не даетъ, то нечего и толковать о балансѣ, ибо, по самой сущности дѣла, онъ всегда существуетъ въ вожделѣнномъ равновѣсіи: цѣнность ввоза, по необходимости, всегда равна цѣнности вывоза, изъ чего бы впрочемъ ввозъ и вывозъ не состояли. И дѣйствительно, съ точки зрѣнія *купеческой конторы*, *не думающей заканчивать своихъ торговыхъ оборотовъ*, важно не то, получитъ ли она за вывозимый хлѣбъ золото или индиго, а то важно—которое изъ этихъ двухъ вымѣниваемыхъ веществъ, по цѣнѣ и по количеству, представляетъ собою бòльшую цѣнность. Здѣсь понятіе количественное вполнѣ устраняетъ понятіе качественное. Купеческая контора видитъ въ индиго не вещество, окрашивающее въ синій цвѣтъ, въ сахарѣ — не подслащивающее, въ хлѣбѣ — не питающее, въ винѣ—не подкрѣпляющее и развеселяющее и т. д., а только вещества, которыя могутъ быть промѣниваемы на другія, при каковомъ процессѣ цѣнность вымѣниваемаго всякій разъ можетъ возрастать, а для нея только это и нужно. И такъ, съ *точки зрѣнія купеческой конторы*, *продолжающей вести свои торговыя операціи и изъ всѣхъ свойствъ вещей обращающей вниманіе лишь на ихъ цѣнность*, взглядъ нынѣшней экономической школы также совершенно разуменъ и основателенъ. Но такъ же ли основателенъ и разуменъ онъ съ точки зрѣнія государственной? Не думаемъ. Государство въ этомъ отношеніи болѣе уподобляется всякому потребителю, или производителю, нежели торговцу. Ежели землевладѣльцу, пославшему въ городъ возъ пшеницы, чтобы, продавъ ее, купить на вырученную сумму сахару и чаю, пришлютъ вмѣсто того дегтю, то едва ли онъ утѣшится тѣмъ, что на дегтю сдѣлана ему большая уступка, такъ что цѣнность полученнаго имъ дегтя не только равняется, но еще превосходитъ цѣнность того количества сахару или чаю, которое онъ желалъ имѣть. Почему же это такъ? Потому, что для землевладѣльца процессъ продажи и купли заключается не просто въ мѣнѣ цѣнностей на цѣнность, каковы бы онѣ ни были, а въ пріобрѣтеніи опредѣленныхъ, для его спеціальныхъ цѣлей потребныхъ, полезностей. Сахаръ важенъ для него именно по его сладости, а не по способности быть промѣни-

ваему съ бо̀льшею или мѐньшею выгодою. Цѣнность вещи для него не болѣе, какъ отвлеченное понятіе, помогающее ему въ разсчетахъ, какъ средство приводить разныя полезности къ общему знаменателю, чтобы, такъ сказать, не сбиться въ производствѣ сложеній и вычитаній. Совершенно тоже самое имѣетъ мѣсто для торговли и съ точки зрѣнія государственной. И государство въ понятіе о мѣнѣ цѣнностей необходимо привноситъ понятіе о полезности, чего не дѣлаетъ купеческая контора. И для государства въ цѣломъ также мало еще, чтобы цѣнность вывозимаго равнялась цѣнности ввозимаго, а существенно важно, что̀ именно и въ какомъ количествѣ вывозится и ввозится. Однимъ словомъ, какъ только понятіе о полезности вступаетъ въ свои права̀ при производствѣ мѣны, такъ вступаетъ въ свои права̀ и понятіе о торговомъ балансѣ.

Пусть, на-примѣръ, случился въ Россіи годъ посредственнаго урожая, при которомъ хлѣба только-что достаточно для прокормленія ея населенія; пусть въ тоже время въ Англіи, Франціи и Голландіи, въ тѣхъ странахъ, однимъ словомъ, куда Россія вывозитъ свой хлѣбъ, случился голодъ. Примемъ далѣе, что всѣ эти страны богаче Россіи, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, и что онѣ въ состояніи заплатить въ крайности по 20 руб. за четверть хлѣба, тогда-какъ для значительнаго числа Русскихъ эта цѣна, или даже и нѣсколько низшая, равнялась бы необходимости ѣсть мякину, древесную кору, или даже совершенно голодать. Если бы правительство русское въ этомъ гипотетическомъ году не состояло изъ крайнихъ доктринеровъ, для которыхъ perissent plutôt les colonies qu'un principe, усомнилось ли бы оно запретить вывозъ хлѣба? А между тѣмъ, съ точки зрѣнія мѣны цѣнностей на цѣнности, противъ свободнаго вывоза хлѣба ничего нельзя возразить, несмотря на то, что это повлекло бы за собою бѣдствіе милліоновъ. Съ точки зрѣнія купеческой конторы такое время было бы даже самымъ удобнымъ для вывоза, именно такимъ, когда можно продать дорого и купить дешево. Тѣмъ-не-менѣе большинство здравомыслящихъ, неотуманенныхъ одностороннею теоріею людей согласится, что такой вывозъ хлѣба былъ бы гибеленъ для государства. Но вѣдь вредъ этотъ заключался бы не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, что торговля въ этомъ году представляла бы для Россіи крайне невыгодный *торговый балансъ по отношенію къ хлѣбу*. Если обращать вниманіе не на одну отвлеченную цѣнность, а на

дѣйствительную полезность вымѣниваемыхъ вещей, то можно представить тысячи примѣровъ такого невыгоднаго баланса — невыгоднаго по весьма различнымъ причинамъ. Напримѣръ, по Либихову ученію страна, не потребляющая своего хлѣба и вообще произведеній своей почвы внутри ея самой, необходимо должна истощать свою почву. Г. Андреевъ, въ статьѣ, напечатанной въ „Современной Лѣтописи" (№ 38, 39 и 40 за 1866 годъ) въ защиту свободной торговли, совершенно неправильно объясняетъ это ученіе, утверждая будто бы изъ него вытекаетъ, что почва служитъ только мѣстомъ прикрѣпленія для растеній, а питаніе должно имъ доставляться удобреніемъ. Еслибъ почва служила лишь мѣстомъ прикрѣпленія для растеній, тогда-то именно и не требовалось бы никакого удобренія, растенія питались бы, значитъ, только воздухомъ и водою. Но въ томъ то и дѣло, что въ концѣ концовъ удобреніе необходимо; удобреніемъ-же можетъ служить лишь то именно, что̀ было извлечено изъ почвы — извѣстныя соли, въ извѣстной пропорціи. Добыть это удобреніе можно пожалуй извнѣ, какъ напримѣръ съ гуанныхъ островоюъ, изъ минераловъ, или изъ остатковъ морскихъ животныхъ, заключающихъ въ себѣ фосфорную кислоту, изъ веществъ, содержащихъ кали и т. д. Но всѣ эти посторонніе источники не только по большей части дороги, но истощимы: поэтому Либихъ и ставитъ въ образецъ раціональнаго земледѣлія не Англію, гдѣ таковое удобреніе изъ внѣшнихъ источниковъ производится въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, а Китай, куда не ввозится и золотника удобрительныхъ веществъ, а гдѣ между-тѣмъ почва сохранила свое плодородіе въ теченіе тысячелѣтій сильной культуры. И это весьма понятно, ибо только то можетъ считаться неистощимымъ, что циркулируетъ, постоянно само въ себя обращается; но если зерно вывозится, то заключающіяся въ немъ удобрительныя вещества почвѣ уже не возвращаются. Вотъ смыслъ Либихова ученія, и съ точки зрѣнія этого ученія можно утверждать, что торговый балансъ страны, постоянно вывозящей зерно— невыгоденъ въ отношеніи къ плодородію ея почвы. Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ еще, чтобы должно было принимать уже черезъ чуръ заблаговременно мѣры къ ограниченію вывоза хлѣба, ибо запасъ питательныхъ веществъ въ почвѣ можетъ быть очень великъ, и не пользоваться имъ изъ страха будущаго было бы смѣшно; тѣмъ-не-менѣе, съ теоретической точки зрѣнія можно всетаки утверждать, что при вывозѣ зерна балансъ страны невыгоденъ

въ отношеніи сохраненія плодородія ея почвы. Съ болѣе практической точки зрѣнія позволительно утверждать тоже о лѣсахъ, о рыбѣ, добываемой изъ внутреннихъ истощимыхъ бассейновъ, и т. д. Или — допустимъ, что какая нибудь страна обладаетъ копями сѣры не слишкомъ богатыми, но впрочемъ достаточными для потребностей ея арміи. Еслибы, увлекаясь высокою заграничною цѣною, стали бы отпускать продуктъ этотъ за границу въ такомъ количествѣ, что не могли бы составить необходимыхъ на случай войны запасовъ (фактъ, который трудно себѣ впрочемъ представить, потому что едва ли какое правительство въ такомъ дѣлѣ послушаетъ проповѣдниковъ свободной торговли), то торговый балансъ былъ бы невыгоденъ въ военномъ отношеніи. Но, если какая либо страна, источникомъ продовольствія которой не можетъ считаться весь міръ, такъ-какъ она не преобладаетъ на морѣ, должна въ случаѣ войны ощущать недостатокъ въ какомъ нибудь весьма употребительномъ произведеніи, хотя бы оно и не принадлежало къ числу непосредственно необходимыхъ для войны матеріаловъ,— произведеніи, которое могло бы однакоже съ успѣхомъ производиться внутри страны — а между тѣмъ выписываетъ его изъ-заграницы, то не въ правѣ ли мы сказать, что и въ этомъ случаѣ торговый ея балансъ невыгоденъ въ военномъ отношеніи; ибо этотъ недостатокъ не можетъ же не оказывать во время войны неблагопріятнаго на нее давленія. Такъ, на-примѣръ, не гораздо ли легче было для насъ переносить въ извѣстномъ отношеніи послѣднюю восточную войну, когда мы имѣли свой свекловичный сахаръ, чѣмъ англійскую блокаду послѣ Тильзитскаго мира, когда у насъ своего сахару не было? А ка̀къ тяжело будетъ переносить войну, которая можетъ лишить насъ рельсовъ и подвижнаго состава желѣзныхъ дорогъ, когда сами къ тому времени не будемъ еще въ состояніи приготовлять ихъ?! Однимъ словомъ, хотя бы цѣнности отпуска и ввоза были равны между собою, торговый балансъ будетъ невыгоденъ для страны, когда она отпускаетъ за границу какого либо своего продукта больше, чѣмъ сколько бы оставалось его, за удовлетвореніемъ собственныхъ ея надобностей. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, на-примѣръ въ случаѣ войны, балансъ можетъ сдѣлаться невыгоднымъ и тогда, когда страна ввозитъ такой продуктъ, который могла бы выдѣлывать у себя. Можно сказать вообще, что для всякой страны торговый балансъ угрожаетъ сдѣлаться, при извѣстныхъ случаяхъ, невыгоднымъ, если разнообразіе произ-

водимыхъ ею продуктовъ не велико, если все, что она производитъ — въ одномъ родѣ. Пусть, напримѣръ, посвятитъ себя страна исключительно шелководству, какъ персидская провинція Гилань, и вдругъ случится болѣзнь червей, или что-нибудь подобное: лишившись шелка, она лишается не его одного, а разомъ всѣхъ средствъ для удовлетворенія своихъ потребностей. Тоже относится къ хлѣбу, вину, или даже вообще къ исключительно земледѣльческой промышленности. Страна можетъ долгое время благоденствовать пробавляясь однимъ родомъ произведеній, но надъ ней постоянно будетъ висѣть Дамокловъ мечъ: нельзя сказать, чтобы въ данное время торговый балансъ ея былъ невыгоденъ въ дѣйствительности, но онъ будетъ постоянно невыгоднымъ въ возможности.

Теперь спрашивается: заключаютъ ли въ себѣ драгоцѣнные металлы какую либо спеціальную полезность или нѣтъ; и если они заключаютъ въ себѣ таковую, то почему-же представляютъ такое странное исключеніе, что не могутъ сдѣлаться предметомъ невыгоднаго торговаго баланса? Свойство этихъ товаровъ, напротивъ того, таково, что они всего легче могутъ представить собою случай невыгоднаго баланса; почему, когда говорятъ о немъ, то и примѣняютъ это выраженіе спеціально къ драгоцѣннымъ металламъ, употребляя его въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Способность-же драгоцѣнныхъ металловъ легче всякаго другаго продукта представлять невыгодный балансъ заключается въ томъ, что сбытъ ихъ почти неограниченъ. И радъ бы вывезти больше хлѣба, когда напрасно гніютъ и поѣдаются мышами по нѣскольку лѣтъ немолоченныя скирды, да рынокъ уже насыщенъ хлѣбомъ. Золото-же и серебро суть именно тѣ товары, для которыхъ граница насыщенія рынковъ наиболѣе отдалена; они легче расходятся, такъ-сказать растворимѣе въ потребностяхъ, чѣмъ все остальное. Потому и предстоитъ наибольшая опасность выпустить ихъ изъ страны въ такомъ количествѣ, что останется ихъ меньше, чѣмъ требуется для внутреннихъ надобностей — таже самая опасность, что̀ и съ хлѣбомъ въ годъ посредственнаго урожая, когда за границею голодъ, ибо на золото почти всегда голодъ, а урожай его по нуждамъ нашимъ весьма посредственный.

И такъ, не смотря на всю видимую противоположность между школою теперешнихъ экономистовъ и школою меркантилистовъ, въ сущности различіе между ними по занимающему насъ предмету весьма не велико; и та, и другая, смотрятъ на торговлю съ точки

зрѣнія купеческихъ конторъ: одна — съ точки зрѣнія конторы, продолжающей свои дѣла, другая — съ точки зрѣнія конторы ликвидирующей дѣла, потому что обѣ обращаютъ вниманіе лишь на одно изъ свойствъ вещей, на ихъ цѣнность, видя ее, одна — лишь въ золотѣ и серебрѣ, другая — во всякой вещи безразлично; но ни та, ни другая, не обращаютъ вниманія на дѣйствительную полезность вещей, которая одна только и важна, какъ для потребителей и для производителей, такъ и для государства вообще. Обѣ школы, слѣдовательно, могутъ быть одинаково названы „меркантильными". Цѣнность составляетъ такое свойство вещей, по которому онѣ дѣлаются такъ-сказать соизмѣримыми между собою; потому, всякая цѣнность можетъ быть замѣнена, безъ сомнѣнія, всякою другою цѣнностью, лишь бы было между ними ариѳметическое равенство: съ этой точки зрѣнія торговый балансъ дѣйствительно не имѣетъ смысла, *и экономисты правы*. Но это — точка зрѣнія ведущей свои дѣла купеческой конторы. Если же золото и серебро представляютъ дѣйствительныя, реальныя цѣнности, что съ извѣстной точки зрѣнія также справедливо, то выгодною торговлею можетъ считаться только та, которая доставляетъ драгоцѣнные металлы, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше: *правы и меркантилисты*. Но это—взглядъ купеческой конторы ликвидирующей свои дѣла. Съ точки-же зрѣнія государственной, конечно, нелѣпо утверждать, что чѣмъ больше получается изъ за границы золота и серебра, во что бы то ни стало, тѣмъ лучше, и что всякій вывозъ этихъ металловъ убыточенъ. Но совершенно основательно думать, что какъ ввозъ, такъ и вывозъ всевозможныхъ товаровъ можетъ быть какъ излишнимъ, такъ и недостаточнымъ; что на совершенно одинаковыхъ правахъ съ другими товарами состоятъ и драгоцѣнные металлы, что ихъ вывозъ можетъ быть излишенъ, или ввозъ недостаточенъ; и что этотъ недостатокъ нисколько не вознаградится излишнимъ ввозомъ другаго рода товаровъ, хотя бы равнымъ по цѣнности,—потому что *полезности вещей между собою не соизмѣримы*, потому что сахаръ не замѣнимъ ни какимъ количествомъ дегтя, и на оборотъ; а однѣ только полезности и важны со всякой, кромѣ купеческой, точки зрѣнія, которая, по своей особенности, дѣйствительно имѣетъ дѣло только съ цѣнностями. *И правы будутъ тѣ, которые, не преувеличивая значенія торговаго баланса въ тѣсномъ смыслѣ этого выраженія, признаютъ его значеніе въ смыслѣ общемъ, при которомъ вывозъ драгоцѣнныхъ метал-*

[illegible]

IV

Я старался доказать выше, что только состояніемъ мѣноваго баланса Россіи и можно удовлетворительно объяснить упадокъ курса нашихъ кредитныхъ билетовъ. Слѣдовательно, все, что въ состояніи улучшить балансъ, должно считаться для Россіи полезнымъ, и одно это основаніе заставляетъ уже защищать покровительственный тарифъ, такъ какъ онъ уменьшаетъ ввозъ. Но вникнемъ въ покровительственную систему саму по себѣ, и посмотримъ, не окажется ли въ пользу ея другихъ соображеній, какъ общихъ, такъ и специальныхъ Россіи.

При этомъ входитъ мнѣ въ голову слѣдующая аналогія. Одна, не только весьма уважаемая, но и весьма уважительная газета, по великимъ услугамъ, оказаннымъ ею русскому обществу, вела побѣдоносную войну за основанное на изученіи классическихъ языковъ воспитаніе юношества. Но въ томъ, что было писано объ этомъ предметѣ, какъ въ этой газетѣ, такъ и въ другихъ журналахъ и книгахъ, мнѣ, по крайней мѣрѣ, не случилось встрѣтить убѣдительнаго теоретическаго доказательства тому, чтобы въ самомъ существѣ греческаго и латинскаго языковъ присутствовала специальная сила, которая присвоивала бы имъ способность изощрять и воспитывать молодой умъ лучше, чѣмъ могли бы то сдѣлать другіе предметы ученія. Въ пользу этого «Московскими Вѣдомостями» было употреблено однакоже одно доказательство, которое, если не въ теоріи, то на практикѣ, совершенно удовлетворительно рѣшаетъ этотъ вопросъ. Образованіе, основанное на изученіи классическихъ языковъ, доказало опытомъ наиболѣе просвѣщенныхъ народовъ (Нѣмцевъ, Французовъ, Англичанъ), что оно можетъ служить пьедесталомъ весьма высокой цивилизаціи, и, хотя бы мы думали, что другая метода воспитанія можетъ дать ничѣмъ не худшіе, пожалуй даже лучшіе результаты, но какъ такое мнѣніе не подтверждено путемъ опыта, то для государства молодаго было бы опасно, отвергнувъ *основанное на опытѣ хорошее*, пуститься на удачу отыскивать *еще лучшее*. Но, если такое доказательство, въ практическомъ отношеніи по крайней мѣрѣ, достаточно убѣдительно въ педагогіи, почему-же доказательство совершенно однородное счи-

тается недостаточнымъ, когда дѣло идетъ о развитіи промышленности? Согласимся, что внѣ покровительственнаго тарифа есть, можетъ быть, несравненно дѣйствительнѣйшія средства содѣйствовать промышленному развитію государства; но зачѣмъ-же гнаться намъ за этимъ *лучшимъ въ возможности*, отвергая то, чтó на опытѣ Англіи, Франціи, Пруссіи и, въ новѣйшее время, Соединенныхъ Штатовъ оказалось *прекраснымъ въ дѣйствительности*?

Впрочемъ, какія-же это такія покровительственныя мѣры промышленности—кромѣ тарифа? Тѣ, кому не желательно, чтобы что-нибудь въ самомъ дѣлѣ дѣлалось, по какимъ бы то ни было причинамъ, — по увлеченію ли одностороннею теоріей, по боязни ли смѣть свое сужденіе имѣть, по другимъ ли болѣе практическаго свойства соображеніямъ,—можно быть увѣреннымъ, выставятъ на первый планъ по этому вопросу—*распространеніе просвѣщенія*: «всякаго улучшенія въ этомъ дѣлѣ надо ожидать, дескать, едвали не единственно, отъ распространенія просвѣщенія». Средство это имѣетъ, между прочимъ, то неоцѣненное качество, что, хотя бы въ данномъ случаѣ дѣйствіе его и было подвержено сомнѣнію, или, по крайней мѣрѣ, оказывалось столь медленнымъ, что пока дождешься результатовъ его, можетъ не-вѣсть сколько бѣдъ натвориться, тѣмъ не менѣе само по себѣ оно такъ благотворно, что противъ него никакъ уже нельзя возставать. Въ Россіи, какъ извѣстно, есть не только ярые защитники свободной торговли, но и свободнаго пьянства, и всякое предлагаемое противъ этого зла средство кажется имъ, или негуманнымъ, или недѣйствительнымъ, или по чему то ни было негоднымъ, кромѣ лишь одного распространенія просвѣщенія. Правда, что уровень просвѣщенія, который необходимъ, чтобы служить противуядіемъ пьянству — весьма высокъ: дабы достигнуть его низшимъ классамъ народа, при наиблагопріятнѣйшихъ условіяхъ, мало и ста лѣтъ; правда и то, что не только между образованными, но даже и между учеными людьми не мало можно указать пьяницъ; правда, что даже высокопросвѣщенные Римляне въ самый золотой вѣкъ ихъ просвѣщенія были, а не менѣе ихъ высокопросвѣщенные Англичане суть и по сей день преусердные поклонники Бахуса; правда, что затрудненіе доступа къ вину составляетъ, если и не столь радикальное, то болѣе скорое средство, чѣмъ идеальная степень просвѣщенія, которой нигдѣ и никогда еще не достигали—все это въ разсчетъ не принимается: въ глазахъ поборниковъ свободы пьянства просвѣщеніе

все-таки остается единственнымъ раціональнымъ средствомъ къ излѣченію этого порока. Точно также и для фритредеровъ, чуть ли не единственнымъ раціональнымъ средствомъ къ развитію промышленности является распространеніе общаго и техническаго образованія. Что оно дѣйствительно составляетъ такое средство, въ этомъ никто не сомнѣвается; но, во-первыхъ, достаточно ли оно, и, во вторыхъ нѣтъ ли другого болѣе скораго средства, которое притомъ со временемъ даже само вызвало бы это техническое образованіе?—вотъ въ чемъ вопросъ. Любопытно бы, напримѣръ, узнать, была ли Франція болѣе или менѣе технически и всячески образована до Кольбера, чѣмъ теперешняя Россія, и если была болѣе образована, то почему-же, несмотря на это, промышленность ждала тамъ для своего развитія, чтобъ этотъ великій государственный мужъ завелъ покровительственные тарифы; а если была менѣе образована, то опять таки, почему, несмотря на это, промышленность такъ быстро и сильно развилась, да и само техническое образованіе явилось, какъ скоро были заведены высокіе тарифы?

Словомъ, тарифъ есть ни что иное, какъ средство обезпечить за внутренними производителями выгодный сбытъ ихъ произведеній, оградивъ отъ соперничества иностранцевъ, съ которыми они, по разнымъ причинамъ, безъ этого соперничать не могутъ. Чтобы доказать, что средство это недѣйствительно, неразумно и вредитъ государственному благосостоянію, надо доказать одно изъ слѣдующихъ положеній:

1) *Что обезпеченіе выгоднаго сбыта не составляетъ кореннаго условія для развитія каждой отрасли промышленности, и тарифъ не обезпечиваетъ такого сбыта внутри государства*; или
2) *что, содѣйствуя возникновенію промышленности огражденіемъ ея отъ иностранной конкуренціи, таможенное покровительство дѣлаетъ невозможнымъ ея усовершенствованіе или по крайней мѣрѣ затрудняетъ его*; или
3) *что, хотя это обезпеченіе и содѣйствуетъ развитію промышленности одного рода, но тѣмъ самымъ вредитъ другимъ отраслямъ промышленности*; или, наконецъ,
4) *что развитіе промышленности посредствомъ покровительственнаго тарифа налагаетъ такія тягости на народъ, что получаемая отъ него выгода не окупается*,

т. е. что лѣкарство хуже болѣзни.

Разберемъ-же силу этихъ возраженій, подъ которыя подводится весь фритредерскій арсеналъ.

1. Что касается до *перваго положенія*, то я думаю, что самые ревностные защитники свободной торговли не рѣшатся на такую фронтальную атаку на проломъ; по крайней мѣрѣ все, что они могутъ противъ этого возражать, будетъ заключаться въ голословныхъ увѣреніяхъ, или въ урывочныхъ, неосмысленныхъ цифрахъ, въ родѣ приведенныхъ г. Молинари въ его «блистательной» рѣчи, или, лучше сказать, репримандѣ начинающимъ отбиваться отъ рукъ ученикамъ, подавшимъ было семь лѣтъ тому назадъ столь блистательныя надежды. Съ этой стороны, кажется, опасаться нечего, и если позиція протекціонистовъ столь же крѣпка съ фланговъ и съ тылу, то арміи ихъ нечего сомнѣваться въ побѣдѣ.

2. Зато *второе положеніе* составляетъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ и любимыхъ фритредерскихъ аргументовъ. Какова эта сила, показываетъ, между прочимъ, слѣдующій любопытный, но совершенно необходимый изъ него выводъ. Если бы когда нибудь осуществилось на землѣ всемірное государство, то ему пришлось бы отказаться отъ всякой надежды на улучшеніе и удешевленіе произведеній промышленности, такъ какъ внѣшней конкуренціи, существенно необходимой для всякаго промышленнаго усовершенствованія, взять бы было не откуда, и экономистамъ этого всемірнаго государства ничего не оставалось бы дѣлать, какъ обращать полныя мольбы и упованія взоры на Венеру, Марса или Юпитера, ожидая, не появится ли оттуда спасительная внѣшняя конкуренція, ибо внутренняя, вѣдь, какъ бы ни былъ обширенъ кругъ ея, рѣшительно никуда не годна. Точно также, по этому взгляду ничего не остается, какъ горько сожалѣть о томъ, что князья Московскіе поуничтожали удѣлы. То-то бы экономическая жизнь была! Теперь, хоть и уничтожь таможни, будутъ соперничать съ Москвой Англія, Франція, Германія, а тогда, сверхъ того, оказывали бы самое дѣйствительное и полезное соперничество Ростовъ, Муромъ, Суздаль, Владиміръ, Тверь, Бѣлоозеро, Рязань, Можайскъ, Верея и т. д.; соперничество, которое теперь всякой *экономической* поощрительной силы лишилось, потому что города эти составили съ Москвою одно *политическое* цѣлое. Словомъ, все это доказательство вредоносности покровительственныхъ тарифовъ сводится къ тому, что вліяніе конкуренціи на улучшеніе и удешевленіе промышленнаго производства зависитъ не столько отъ обшир-

ности ея круга, сколько отъ политической самобытности конкурирующихъ странъ. Единственно, чтó можно придумать въ пользу такого предпочтенія, оказываемаго конкуренціи внѣшней предъ внутреннею, заключается въ томъ, что экономическія условія внутри одного государства предполагаются слишкомъ однообразными, чтобы въ немъ могла возникнуть дѣятельная конкуренція. Если бы мы имѣли дѣло съ государствами въ родѣ Швейцарскихъ кантоновъ или Нѣмецкихъ вольныхъ городовъ, то конечно возраженіе имѣло бы свою силу; но какое-же можетъ онъ имѣть примѣненіе къ Россіи?

Впрочемъ, посмотримъ на факты. Самый крайній результатъ покровительственнаго тарифа относительно внѣшней конкуренціи будетъ состоять въ томъ, что онъ совершенно изгонитъ иностранные продукты съ внутренняго рынка. Хуже этого для конкуренціи вѣдь ничего ужъ не придумаешь. Предполагаемое вредное отъ этого вліяніе на усовершенствованіе промышленности нисколько не измѣнится отъ свойства причины, устраняющей иностранныя произведенія съ внутренняго рынка. Если нѣтъ тамъ этихъ произведеній, то и внѣшней конкуренціи нѣтъ, а почему ихъ нѣтъ, это ужъ все равно. Если такъ, то чѣмъ же объяснить совершенство достигнутое производствомъ шалей въ Кашемирѣ, лаковыхъ издѣлій въ Японіи, фарфора, шелка, красокъ и всей земледѣльческой промышленности въ Китаѣ? Вѣдь всѣ эти отрасли промышленности достигли высочайшей степени совершенства безъ благодѣтельнаго вліянія внѣшней конкуренціи. Не мудрено отыскать примѣры подобныхъ же усовершенствованій и въ томъ случаѣ, когда устраненіе внѣшней конкуренціи происходило именно вслѣдствіе покровительственнаго тарифа. Достаточно указать на ліонскія шелковыя матеріи. Впрочемъ, я долженъ сознаться, что сильно ошибся, сказавъ, что все равно чѣмъ бы внѣшняя конкуренція не отстранялась, но ошибся не въ свою пользу. Когда китайскіе промышленники совершенствовали свои шелки, краски и фарфоры, имъ конечно не приходило въ голову, что вдругъ нагрянутъ «рыжіе варвары» и навезутъ имъ этихъ произведеній по такой цѣнѣ и такой доброты, что имъ ничего не останется какъ бросить свое дѣло; поэтому они и не боялись затрачивать, ни своего капитала, ни своего труда, на эти отрасли промышленности. А когда «варвары» стали толкаться въ ворота Небесной Имперіи, Китайцы, въ этомъ отношеніи, смѣло могли сказать: ну-ка попробуйте покон-

курировать. Такъ же точно и Французы имѣли счастіе заняться усовершенствованіемъ своей шелковой промышленности въ такое время, когда всякая мысль о допущеніи иностранныхъ шелковыхъ товаровъ показалась бы и вверху, и внизу сущимъ сумасбродствомъ. Но если надъ покровительствуемою промышленностью вѣчно виситъ Дамокловъ мечъ прекращенія или ослабленія (часто равняющагося прекращенію) этого покровительства, какъ-же ожидать чтобы кто-либо сталъ затрачивать трудъ и капиталы на эти не покровительствуемыя, а скорѣе угрожаемыя промышленности? Конечно, кто завелъ фабрики во время оно, будетъ поддерживать ихъ, пока возможно, но не много найдется смѣльчаковъ, которые стали бы заводить новыя, или тратить значительные капиталы на улучшеніе старыхъ. При этомъ внутренняя конкуренція конечно не можетъ развиться въ полной своей силѣ, и можетъ казаться, что эта внутренняя конкуренція по самой сущности своей не достаточна. Русскую промышленность упрекаютъ, что 44 года тарифнаго огражденія мало принесли ей пользы. Но, во первыхъ, мало ли — это еще вопросъ, и, во вторыхъ, не во всемъ ли всякое начало идетъ медленно? А послѣ этого начала, на которое въ такомъ дѣлѣ, какъ возникновеніе мануфактурной промышленности, вѣдь надо же положить хоть десятка два годовъ, много ли времени оставалась она въ спокойномъ обладаніи своею будущностью? Чему-же удивляться, что внутренняя конкуренція не выказала всей своей подстрекательной силы.

3. *Покровительство, оказываемое нѣкоторымъ отраслямъ промышленности, вредитъ другимъ промышленностямъ.* Нельзя не сознаться, что положеніе это въ такомъ общемъ видѣ страждетъ большою неопредѣленностью. Чтобы разсуждать, такъ ли это, или не такъ, надо бы знать, вредятъ ли эти покровительствуемыя промышленности всѣмъ вообще менѣе счастливымъ сестрамъ своимъ, или только нѣкоторымъ, и притомъ какая — какой. Неужели, напримѣръ, покровительство свекло-сахарной промышленности вредитъ охотѣ за соболями и рябчиками, или производству икры и рыбьяго клея? Факты, по крайней мѣрѣ, ничего подобнаго не указываютъ. Значитъ, если покровительство однимъ промышленностямъ и вредитъ другимъ, то уже во всякомъ случаѣ не всѣмъ, а лишь нѣкоторымъ. Какимъ же? Для этого дѣлятъ промышленности страны на естественныя и искусственныя, утверждая, что покровительство искусственныхъ убиваетъ естественныя. Но охота за со-

болями и рябчиками, такъ же, какъ выдѣлка клея и икры, принадлежитъ въ Россіи къ числу промышленностей наиестественнѣйшихъ. Возразятъ, можетъ быть, что эти уже черезъ чуръ естественны, составляютъ такъ сказать природную монополію, и ихъ поэтому ничѣмъ не проймешь, да притомъ и вредящія, и вредимыя уже слишкомъ разнородны, ничего общаго между собой не имѣютъ. Хорошо. Возьмемъ въ примѣръ вредоносной покровительствуемой промышленности архи-неестественную, а въ примѣръ бѣдствующей отъ нея естественной — такую, которая обладаетъ лишь весьма среднею мѣрою естественности. Наложимъ на апельсины пошлину въ 5, въ 10 р, за десятокъ. Вслѣдствіе этого, пусть настроятъ оранжерей и начнутъ выводить въ нихъ апельсины и продавать по 11 и 12 р. десятокъ. Чтó изъ этого произойдетъ? Апельсины станутъ ѣсть немногіе, и то болѣе изъ тщеславія, какъ теперь ѣдятъ зимой вишни или спаржу. Сами экономисты утверждаютъ, что существуетъ законъ, по которому, когда какой продуктъ дешевѣетъ, то потребленіе его возрастаетъ въ пропорціи сильнѣйшей, чѣмъ удешевленіе, т. е. что производство потребляемаго товара не только не уменьшается отъ пониженія цѣны, но еще возрастаетъ. Если это справедливо, то должно быть справедливо и обратное, т. е. что при вздорожаніи товара потребленіе его должно уменьшаться въ пропорціи сильнѣйшей, чѣмъ вздорожаніе. Слѣдовательно, болѣе или менѣе значительная часть денегъ, уходившихъ на апельсины до обложенія ихъ пошлиною, должна оставаться въ карманахъ потребителей апельсиновъ. Куда же онѣ пойдутъ? Извѣстно, что привыкшій пить кофей, если онъ обѣднѣетъ или кофей вздорожаетъ, станетъ пить цикорій; привыкши пить кяхтинскій чай—станетъ пить кантонскій, хотя гораздо благоразумнѣе бы поступилъ, если бы обратился къ мятѣ, шалфею и душицѣ; привыкшій къ сахару перейдетъ къ патокѣ: мнѣ извѣстны примѣры, что иногда по лѣстницѣ суррогатовъ спускаются съ сахара даже на вяленую рѣпу,и пьютъ чай съ нею въ прижовку. И такъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что потребители апельсиновъ замѣнятъ ихъ другими плодами, и на оставшіяся у нихъ свободныя деньги станутъ покупать груши, яблоки, вишни, крыжовникъ, смородину, отъ чего внутреннее садоводство необходимо разовьется. Значитъ пошлина на апельсины, какъ бы она ни была странна въ другихъ отношеніяхъ, не только не убила бы, а напротивъ того содѣйствовала бы развитію весьма естественнаго и сроднаго съ апельсино-

водствомъ садоводства. Правда, можно вообразить случай, когда бы этого не произошло, именно когда на устройство апельсинныхъ оранжерей употребили бы до послѣдней копѣйки всѣ имѣющіеся въ государствѣ свободные капиталы; но на сколько это вѣроятно, предоставляю судить самимъ противникамъ промышленнаго покровительства. Впрочемъ, и въ этомъ, крайне невѣроятномъ случаѣ разведеніе новыхъ садовъ только не много бы замедлилось. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь у потребителей апельсиновъ остались бы лишнія деньги въ карманѣ, и желающіе разводить сады не могли бы не знать этого, на основаніи самыхъ простѣйшихъ соображеній; слѣдовательно, вся хитрость заключалась бы въ томъ, чтобы выманить у потребителей эти деньги впередъ подъ залогъ будущихъ яблоковъ, грушъ и т. д., что́, при столь, вѣрномъ разсчетѣ, весьма легко совершается посредствомъ кредита.

Можетъ и этотъ примѣръ покажется не убѣдительнымъ уже по самой рѣзкости своей. Возьмемъ-же тотъ, который чаще всего употребляется самими ревнителями свободной торговли, т. е. злокозненную хлопчатобумажную промышленность и страждущую отъ нея, столь любезную фритредерскому сердцу, льняную и полотняную. Эти двѣ промышленности внушаютъ мнѣ слѣдующую дилемму. Въ то время, какъ оказывается тарифное покровительство хлопчатобумажной промышленности, оно также оказывается и промышленности полотняной, и притомъ въ достаточной мѣрѣ; или-же оно ей не оказывается, или, по крайней мѣрѣ, оказывается не въ достаточной мѣрѣ. Вѣдь одно изъ двухъ, третьяго ничего не выдумаешь. Ежели оно оказывается, то спрашивается, почему-же капиталы не приливаютъ къ полотнянымъ фабрикамъ, точно такъ же какъ къ ситцевымъ и миткалевымъ? Ежели-же покровительство не оказывается, то причину бѣдственнаго положенія полотняной промышленности ближе всего искать въ томъ, что она не покровительствуется, чѣмъ въ томъ, что покровительствуется ея соперница. Но положимъ, что міазмъ покровительства такъ тонокъ, что просачивается и сквозь эту дилемму. Уничтожимъ-же мысленно всякую пошлину на хлопчатобумажныя ткани. Онѣ должны отъ этого чрезвычайно подешевѣть: иначе изъ чего же бы и биться друзьямъ потребителей? По вышеупомянутому экономическому закону, потребленіе бумажныхъ тканей возрастетъ въ пропорціи сильнѣйшей, чѣмъ ихъ удешевленіе, и очевидно, что сбытъ полотня-

ныхъ издѣлій будетъ еще менѣе въ состояніи соперничать съ бумажными, чѣмъ до снятія пошлины съ сихъ послѣднихъ.

Что хлопчатобумажныя ткани повредили полотнянымъ, это безспорно и весьма естественно; но столь же безспорно. что безъ покровительства они повредили бы имъ еще въ гораздо большей степени. Можетъ быть это станетъ яснѣе изъ другаго примѣра. Производство стеариновыхъ свѣчъ совершенно уничтожило производство свѣчъ восковыхъ (исключая лишь приготовляемыхъ для цѣлей богослужебныхъ). Но стеаринъ въ Россію не ввозится, покровительства не требуетъ и потому тутъ нѣтъ повода клепать на тарифъ. Но представимъ себѣ, что стеаринъ также могъ бы идти къ намъ изъ за границы, и чтобы завести у себя стеариновое производство, наложили бы на него пошлину. Должно полагать, что стеариновыя свѣчи были бы у насъ дороже нынѣшняго, однако вѣроятно все еще дешевле восковыхъ. Неужели фритредеры и тогда стали бы кричать, что покровительство стеариновымъ свѣчамъ убило восковыя, и утверждать, что если бы снять съ нихъ пошлину, т. е. еще удешевить ихъ, то производство восковыхъ свѣчей у насъ бы процвѣло? Никакого нѣтъ сомнѣнія, что они стали бы такъ кричать, ибо неумолимая логическая послѣдовательность ихъ къ тому принуждаетъ. Развѣ признать, что она имъ не въ законъ! Сколько ни думаю, не вижу иного средства помочь полотняному производству, черезъ посредство хлопчатобумажнаго, какъ наложить въ пользу этого послѣдняго высокій тарифъ на иностранныя бумажныя ткани, да, въ добавокъ къ тому, всякому, кто придетъ просить разрѣшенія устроить прядильную миткалевую или ситцевую фабрику, отказывать въ таковомъ, дѣлая отеческое внушеніе, что не стать, молъ, заниматься неестественными фабрикаціями, а заводите-ка полотняныя фабрики. Развѣ тѣмъ, что не такъ это дѣлается, виноваты миткали и ситцы? Другой-же вины противъ полотенъ въ нихъ не обрѣтаю.

Поискать развѣ еще примѣровъ. Беру статью г. Андреева (№ 39 „Современной Лѣтописи" за 1866 годъ), и вижу: „Развиваясь естественно, онѣ (т. е. покровительствуемыя отрасли промышленности) воспитались бы на основѣ экономіи, и, напримѣръ промышленность хлопчатобумажная не ожидала бы американскаго кризиса, чтобы обработывать азіятскій хлопокъ". Вооружаюсь опять дилеммой и говорю: азіятскій хлопокъ до американскаго кризиса былъ или дороже, или дешевле американскаго, или въ одинаковой

съ нимъ цѣнѣ. Если онъ былъ дороже и не употреблялся при тарифѣ, при которомъ цѣна тканей дорожаетъ, то тѣмъ паче не употреблялся бы безъ тарифнаго покровительства; если онъ былъ дешевле, то въ гг. хлопчатобумажныхъ фабрикантахъ должно видѣть въ нѣкоторомъ родѣ Косму и Даміяна безсребрениковъ, такъ-какъ получая 10, 20, или сколько тамъ угодно, процентовъ барыша, добровольно отказывались они зашибить еще пятокъ-другой лишнихъ процентиковъ. Но въ этой гипотезѣ — гипотезы, вѣдь, тогда только и хороши, когда объясняютъ всѣ подлежащія имъ явленія, — долженъ я разубѣдиться, узнавъ, что какъ только американскій хлопокъ вздорожалъ, хлопчатобумажные фабриканты оставили свое похвальное безсребренничество и обратились таки къ азіятскому. Наконецъ, если онъ былъ въ одной цѣнѣ съ американскимъ, то не вижу, почему бы основа экономіи требовала отъ нихъ предпочтенія бухарскому хлопку передъ американскимъ?— Если, за всѣмъ сказаннымъ, и эта дилемма покажется недовольно строгою, то беру слова г. Андреева и дѣлаю въ нихъ маленькое измѣненіе: „Развиваясь естественно, онѣ (т. е. *не покровительствуемыя* отрасли промышленности) воспитались бы на основѣ экономіи, и, напримѣръ, англійская хлопчатобумажная промышленность не ожидала бы американскаго кризиса, чтобы обработывать индѣйскій, китайскій, бразильскій, египетскій, малоазіятскій хлопокъ". Такъ какъ, оба умозаключенія оказываются одинаково справедливыми при совершенно противоположныхъ посылкахъ, то заключаю, что обѣ посылки ровно никуда не годятся, что оба умозаключенія совершенно отъ нихъ независимы, и что ни покровительство, ни непокровительство, нисколько не причастны въ томъ, что до американскаго кризиса всѣ пользовались главнѣйше американскимъ хлопкомъ, а не другимъ какимъ.

Возьмемъ еще примѣръ, которымъ опять снабдитъ насъ г. Андреевъ. По его словамъ, гг. Скальковскій и Краевскій (брошюры ихъ не имѣлъ удовольсвія читать, но, судя по разумной цѣли, полагаю, что должно быть брошюра хорошая) говорятъ, что почему-то мыло у насъ дурнаго качества, и по этой причинѣ за границу нейдетъ. Г. Андреевъ находитъ, что такое свойство нашего мыла весьма естественно, ибо откуда-же взяться хорошему мылу, когда покровительствуютъ свекольному сахару, миткалямъ и ситцамъ? „Отдайте", говоритъ, „народной промышленности 66 милліоновъ, которые ежегодно берутся у ней *такъ-называемымъ*

покровительствомъ, тогда увидите, что будетъ!" Давайте, посмотримъ, что будетъ. „Шестьдесятъ шесть милліоновъ берутся у народной промышленности». Не понимаю: если они берутся у народной промышленности, то куда же они дѣваются? Очевидно, что они передаются въ руки фабрикантовъ, занимающихся производствомъ покровительствуемыхъ фабрикатовъ, и составляютъ ихъ барышъ; а если они ведутъ свои дѣла не по основѣ экономіи, то поступаютъ въ карманы тѣхъ, которые пользуется этимъ недостаткомъ экономіи. Фабриканты, какъ я слышу, вовсе не заботятся ни объ лишнихъ кубическихъ дюймахъ, занимаемыхъ ихъ строеніями, ни о лишнихъ, идущихъ на нихъ, кирпичахъ. Это несомнѣнно уменьшаетъ ихъ барыши, но зато увеличиваетъ доходы кирпичныхъ заводчиковъ и заработки каменщиковъ, подрядчиковъ и рабочихъ; вѣроятно тоже должно разумѣть и о столярахъ, кузнецахъ и плотникахъ. Какъ бы то ни было, я не вижу, чтобы 66 милліоновъ отнималось у промышленности; все, съ чѣмъ я могу согласиться, это то, что 66 милліоновъ отнимаются у потребителей, положимъ самымъ несправедливымъ и насильственнымъ образомъ, и передаются покровительствуемымъ фабрикантамъ и всѣмъ прямымъ или косвеннымъ участникамъ въ привилегированной фабрикаціи. Это, конечно, было бы весьма дурно; но разсужденіе объ этомъ отлагаю до слѣдующаго пункта, имѣющаго трактовать о тягостяхъ, налагаемыхъ на народъ и государство покровительственною системою. Пока ограничиваюсь тѣмъ, что 66 милліоновъ не отнимаются у промышленности, а только передаются изъ рукъ потребителей въ руки вышепоименованныхъ лицъ. Но, спрашивается, почему же изъ рукъ этихъ лицъ они точно такъ же не могутъ поступить на усовершенствованіе мыловаренія, какъ поступили бы изъ рукъ первоначальныхъ своихъ хозяевъ-потребителей? Приходится опять прибѣгать къ гипотезѣ безсребренничества. Передаются имъ страшные капиталы; могли бы весь государственный долгъ уплатить, да еще 12,500 верстъ желѣзныхъ дорогъ построить, а даже и мыловаренія не могутъ усовершенствовать: что они только дѣлаютъ съ этимъ капиталомъ, уму непостижимо! Скажутъ, они затрачиваютъ ихъ на покровительствуемое фабричное производство. Позвольте, на это они получаютъ еще почти въ два съ половиною раза столько же, т. е. 144 милліона въ годъ, а 66 милліоновъ—это ихъ барышъ, или плата за не-экономію, т. е. излишніе доходы каменьщиковъ, мастеровъ, работниковъ. Виноватъ: ра-

ботники тутъ не причемъ; они, какъ извѣстно, въ выгодахъ покровительства не участвуютъ. Чтò-бы всему этому народу не удѣлить хоть частички на усовершенствованіе мыловаренія, какъ бы это несомнѣнно сдѣлали потребители, если бы 66 милліоновъ оставалось въ ихъ распоряженіи! Нѣтъ ли уже, полно, въ мыловареніи чего либо такого, чтò бы ослабляло надежду съ выгодою сбывать усовершенствованное мыло за границу? Прежде чѣмъ приступить къ этому послѣднему ресурсу, посмотримъ еще, не ошиблись ли мы какъ нибудь. Попробуемъ испытанное средство, уничтожимъ мысленно покровительственный тарифъ. Вслѣдствіе этого, или фабриканты примутся за умъ и станутъ отпускать за 144 м. то, за чтò прежде брали 210 (144+66), или же всѣ ихъ фабрики лопнутъ, и потребители станутъ получать сахаръ, ситцы и т. д. изъ за границы; а 66 милліоновъ у нихъ, въ томъ и въ другомъ случаѣ, останутся въ карманѣ. Изъ нихъ-то вѣроятно и удѣлится частица на мыловареніе. Но неумолимый экономическій законъ гласитъ, что съ удешевленіемъ произведеній, потребленіе ихъ возрастаетъ въ сильнѣйшей пропорціи, чѣмъ само удешевленіе: значитъ, по меньшей мѣрѣ всѣ 66 милліоновъ опять таки уйдутъ на ситцы, да на сахаръ, а на мыло опять таки ничего не останется. Скажутъ, что эти 144 милліона, да еще въ добавокъ 66 милліоновъ чѣмъ нибудь да надо-же будетъ уплачивать. Конечно; но вѣдь нынѣ же ихъ уплачиваютъ, не прибѣгая къ усовершенствованію мыла: тѣмъ же и тогда будутъ уплачивать, и все я не вижу, какъ и на чтò мыло усовершенствуется. А, вотъ, кажется нашелъ — вѣдь, сахаръ и ситцы покупаютъ не все одни потребители sensu strictiore—потребители въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова, ничѣмъ кромѣ потребленія не занимающіеся,—а напримѣръ и производители ситца также покупаютъ сахаръ, и въ послѣднемъ результатѣ платятъ за него ситцемъ; а производители сахара также покупаютъ ситцы, и въ послѣднемъ результатѣ платятъ за него сахаромъ; но ни ситцевъ у первыхъ, ни сахару у послѣднихъ не будетъ, когда эти продукты станутъ изъ-за границы получаться, и господамъ, выдѣлывавшимъ ихъ въ былое время, при покровительственномъ тарифѣ, придется voleus nolens мыло варить усовершенствованнымъ образомъ, чтобы было съ чѣмъ чай пить и изъ чего своимъ женамъ платья шить (какъ тарифа не будетъ, куда уже имъ о шелковыхъ думать!). Казалось бы такъ, да вотъ опять затрудненіе. Чтобы начать мыло варить, необходимо также

имѣть капиталъ. Если таковой у нихъ будетъ имѣться въ моментъ уничтоженія тарифа, то, значитъ, онъ былъ у нихъ уже въ тарифное время, независимо отъ того, который обращался въ ситцевомъ или свеклосахарномъ дѣлѣ (у нихъ, или у каменьщиковъ, плотниковъ, приказщиковъ и т. д., обогатившихся отъ неумѣнія хозяевъ экономно вести дѣла,—это все равно). А если онъ былъ у нихъ въ это печальное время, то что же мѣшало тогда употребить его, самимъ ли непосредственно, или одолживъ кого за хорошіе проценты капитальцемъ, на усовершенствованіе мыловаренія (разумѣй подъ этимъ такъ-сказать алгебраическимъ выраженіемъ и всякое другое непокровительствуемое и у насъ неразвивающееся производство), если бы таковое обѣщало выгоды? Кружили, кружили, а все таки пришли къ тому же *если бы*. Нечего дѣлать, надо посмотрѣть, нѣтъ ли въ самомъ усовершенствованномъ мыловареніи какого либо изъянца, отпугивающаго предпринимателя. На хорошее мыло, какъ извѣстно, нужна сода. А соду откуда прикажете взять? Она, вѣдь, у насъ изъ-за границы получается: гдѣ-же намъ заграничные сырые матеріалы обработывать, да въ обработанномъ видѣ съ барышкомъ за границу переправлять? Это намъ не полагается: и своихъ-то не моги обработывать, а отсылай сырьемъ. Да неужели-же земля наша велика и обильна, а соды, точно порядка, въ ней нѣтъ? Какъ не быть, даже слишкомъ много; поменьше было бы, лучше бы было; да для хорошаго и вмѣстѣ дешеваго мыла все равно, какъ будто бы ея и не было: на соль, изъ которой сода добывается, у насъ акцизъ наложенъ; какъ-же быть дешевой содѣ, а, слѣдовательно дешевому, и хорошему мылу? Да этого еще мало: у насъ не только есть соль, но еще и прямо самородная сѣрнокислая сода, такъ что полъ-дѣла при превращеніи соли въ соду сама природа сдѣлала. Но этой сѣрнокислой соды нельзя, или, по крайней мѣрѣ, недавно еще нельзя было добывать, подъ страхомъ обвиненія въ корчемствѣ. Мнѣ извѣстенъ случай, что одинъ изъ нашихъ значительнѣйшихъ стеклянныхъ заводчиковъ хотѣлъ употребить этотъ даръ природы на выдѣлку стекла, и разрѣшеніе получилъ, но со всѣмъ тѣмъ вывозъ сѣрнокислой соды подвергался такимъ осмотрамъ и пересмотрамъ, что бросилъ онъ это дѣло. И такъ, вотъ простая и прямая причина, почему мыловареніе не совершенствуется, а тарифъ тутъ ни при чемъ. И посмотрите на всякую другую промышленность, застой которой приписывается тарифу: я увѣренъ,

всегда найдется подобная причина. По крайней мѣрѣ, относительно мыла, стекла, нѣкоторыхъ химическихъ продуктовъ, скотоводства, приготовленія мясныхъ и рыбныхъ произведеній, вмѣсто: «возвратите промышленности 66 миліоновъ», которыхъ у нея никто не отнималъ, можно съ гораздо большимъ правомъ воскликнуть: «сложите съ промышленнотти 9 или 10 мил. солянаго акциза, и посмотрите, что̀ будетъ».

Такъ какъ мы не нашли общаго правила, которое показало бы, какой именно непокровительствуемой промышленности вредитъ такая-то и такая промышленность покровительствуемая, то должны были пробавляться отдѣльными примѣрами и никакъ не могли напасть на такой, гдѣ бы вредъ этотъ оказался на дѣлѣ, если попристальнѣе на него посмотрѣть. Чтобы насъ не упрекнули, однако, въ намѣренномъ умолчаніи, взглянемъ и на тотъ вредъ, который будто бы покровительственный тарифъ оказываетъ сельской промышленности. Промышленность эта такъ обширна и занимаетъ такое мѣсто въ Россіи, что дѣйствительно можно бы было жалѣть, что капиталы обращаются на что либо иное, еслибы не доставало ихъ для этой промышленности. Да и въ этомъ случаѣ, прежде пришлось бы пожалѣть о тѣхъ капиталахъ, которые затрачиваются на вновь введенную у насъ экономическимъ прогрессомъ биржевую игру, чѣмъ о тѣхъ, которые пошли на полезную и необходимую для самой земледѣльческой промышленности—промышленность мануфактурную. Но дѣйствительно ли ощущали наши сельскіе промыслы въ теченіе бо̀льшей части покровительственнаго періода недостатокъ въ капиталахъ? Всякому извѣстно, что было совершенно наоборотъ, что ни одна отрасль промышленности не пользовалась такими дешевыми капиталами, какъ именно сельское хозяйство. Опекунскій Совѣтъ снабжалъ нашихъ сельскихъ хозяевъ, т. е. помѣщиковъ, капиталами въ количествѣ многихъ сотенъ милліоновъ рублей, за такіе проценты и подъ такими условіями, подъ которыми тѣ, которые употребили свои капиталы на водвореніе у насъ покровительствуемыхъ отраслей промышленности, никогда бы не снабдили ими сельскаго хозяйства. Если со всѣмъ тѣмъ, эти сотни милліоновъ не развили нашего сельскаго хозяйства, то надо благодарить судьбу за то, что другіе милліоны пошли на другое дѣло. Были, значитъ, иныя причины, а не недостатокъ капиталовъ, которыя тому препятствовали, напримѣръ, хоть крѣпостное право. Но теперь крѣпостнаго права нѣтъ, и источникъ Опекунскаго Со-

вѣта изсякъ. Не полезнѣе ли было бы обратить капиталы въ эту сторону, чѣмъ поддерживать искусственныя, какъ ихъ величаютъ, промышленности? Не повторяя того, что̀ было сказано выше по случаю садоводства, фабрикаціи бумажныхъ тканей и мыловаренія, что̀, какъ само собою разумѣется, вполнѣ примѣняется и къ хлѣбопашеству, посмотримъ, нѣтъ ли и въ этой обширной отрасли промышленности такихъ условій, которыя, совершенно независимо отъ тарифнаго покровительства мануфактурной промышленности, не допускаютъ къ ней прилива капиталовъ? Дѣйствительно, въ томъ, чтобы значительные капиталы могли имѣть полезное приложеніе къ сельской промышленности, есть весьма основательныя причины сомнѣваться. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, тѣ сотни милліоновъ, которыя, черезъ посредство опекунскихъ совѣтовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія, притекали къ нашей сельской промышленности, такъ мало принесли ей пользы и имѣли главнымъ своимъ результатомъ, что лица̀, получившія ссуды на столь выгодныхъ условіяхъ, вошли лишь въ безполезные долги, — главнѣйше отъ неразвитости, невѣжества, расточительности и всякихъ другихъ дурныхъ качествъ бывшихъ русскихъ помѣщиковъ, а не отъ какихъ либо свойствъ присущихъ нашей сельской промышленности? Чтобы повѣрить, такъ-ли это, попробуемъ сдѣлать приблизительный разсчетъ.

Число десятинъ пахатной земли въ Россіи нельзя принять менѣе, чѣмъ въ 90 милліоновъ, что составляетъ всего $^2/_{11}$ пространства Европейской Россіи, или по $2^1/_2$ десятины кругомъ на мужскую душу, а вѣдь въ томъ числѣ считаются и помѣщичьи запашки, бывающія нерѣдко въ нѣсколько тысячъ десятинъ, также запашки колонистовъ и вообще крестьянъ многоземельныхъ губерній, гдѣ запахиваютъ и по десятку десятинъ на душу; припомнимъ также, что и у работниковъ нашихъ фабрикъ и у прочаго промышленнаго люда запашка по большей части идетъ своимъ чередомъ. Разсчитывая по трехпольному сѣвообороту, 30 милліоновъ оставалось бы изъ нихъ подъ паромъ. Но въ значительной части Россіи, именно въ самой многоземельной и плодородной, господствуетъ залежная система, при которой все, что̀ вспахивается, все и засѣвается, слѣдовательно на собственно засѣваемое пространство придется значительно болѣе 60 мил. десятинъ. Изъ нихъ, въ трехпольной системѣ половина засѣвается хлѣбными растеніями въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. такими, изъ которыхъ дѣй-

ствительно печется хлѣбъ; но и въ яровомъ полѣ большое пространство идетъ подъ яровую пшеницу, немного подъ яровую рожь и подъ ячмень. Тамъ, гдѣ ведется залежное хозяйство, да и вообще въ Южной Россіи, хлѣбныя растенія, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, далеко преобладаютъ надъ прочими посѣвами; поэтому, если вмѣсто 30 мил. отдѣлимъ 40 мил. на этого рода хлѣба, то навѣрно не перейдемъ за границу дѣйствительности. Теперь предположимъ самый умѣренный средній урожай — всего самъ $4^1/_2$: меньше кажется уже нельзя для пшеницы и ржи. При засѣвѣ въ 10 мѣръ на десятину будемъ имѣть 225 мил. четвертей средняго урожая ржи и пшеницы. Изъ нихъ, 50 мил. пойдетъ на посѣвъ. Сколько пойдетъ затѣмъ на прокормленіе народа? Солдатъ получаетъ у насъ 1 п. 30 ф. пайка въ мѣсяцъ, т. е. 21 пудъ муки или $2^1/_3$ четверти ржи въ годъ, и этотъ паекъ оказывается достаточнымъ. Но невозможно-же считать количества съѣдаемаго солдатомъ, т. е. молодымъ крѣпкимъ мущиною, ведущимъ трудовую жизнь, за среднее для всего населенія, въ число котораго входятъ женщины, дѣти, старики и высшія сословія, какъ извѣстно, потребляющія гораздо меньше хлѣба. Если, поэтому, примемъ двѣ четверти за среднее количество, то примемъ вѣроятно слишкомъ много. На 70 мил. населенія это составитъ 140 мил., за исключеніемъ которыхъ остается еще 35 мил. четвертей. Положимъ, что въ Россіи выкуривается 80 мил. ведеръ вина, при выкуркѣ по 8 ведеръ съ четверти: это потребуетъ всего 10 мил. Остается еще 25 мил. Въ годъ самаго изобильнаго отпуска хлѣба за границу онъ никогда не достигаетъ этой цифры. Или 70 милліоновъ мало принять для народонаселенія Россіи? Такъ накинемъ еще пять. Все-же у насъ остается 15 мил. четвертей—количество, которое много превосходитъ наши заграничные отпуски. Кто вспомнитъ, что въ нашихъ плодородныхъ губерніяхъ хлѣбъ остается въ скирдахъ по нѣсколько лѣтъ немолоченнымъ, потому что дешевизна не позволяетъ его продавать маломальски разсчетливому хозяину, не приневоливаемому къ тому нуждою; кому извѣстно, что въ 1865 году четверть овса стоила, напримѣръ въ южныхъ уѣздахъ Курской губерніи, 40 к., а въ 1844 г. доходила до 60 к. ассигнаціями; кто захочетъ обратить вниманіе на то, что никакія требованія за границу никогда не истощали нашихъ запасовъ, а если и случались въ этомъ отношеніи затрудненія, то единственно вслѣдствіе затруднительности доставки, такъ что, напримѣръ, въ 1866 году

Одессо-балтская желѣзная дорога была не въ состояніи перевезти имѣвшихся запасовъ,—тотъ согласится, что выведенный нами приблизительный разсчетъ близко выражаетъ настоящее положеніе дѣла. Но допустимъ, что разсчетъ преувеличенъ, что нашего средняго урожая только что хватаетъ на внутреннія нужды и на отпускъ нѣсколькихъ милліоновъ четвертей, и будемъ себѣ сулить золотыя горы отъ прилива капиталовъ къ сельской промышленности. Пусть же эти капиталы дадутъ самый умѣренный результатъ, пусть увеличатъ они наши урожаи на полъ-зерна: чтó станемъ мы дѣлать съ лишними 25 мил. четвертей — неужели по 35 или 40 мил. четвертей за границу отпускать станемъ? Такое увеличеніе нашихъ урожаевъ конечно было бы весьма полезно, но кому — покупающимъ нашъ хлѣбъ иностранцамъ, которые удовлетворяли бы всѣмъ своимъ потребностямъ въ немъ за гораздо меньшую сумму, да, кромѣ того, содѣйствовало бы развѣ размноженію и утучненію мышей. Если смотрѣть на нашу сельскую промышленность, по крайней мѣрѣ на главную ея отрасль, хлѣбопашество, съ точки зрѣнія искусства для искусства, то, конечно, оно окажется на весьма низкой степени: и пахать, и сѣять, и удобрять, и жать можно гораздо лучше, нежели мы пашемъ, сѣемъ, удобряемъ и жнемъ; но если оцѣнивать промышленность, по скольку она удовлетворяетъ потребностямъ въ ея продуктахъ, то должны будемъ сказать, что наше хлѣбопашество стоитъ именно на той степени, на которой, при настоящихъ условіяхъ сбыта, стоять можетъ. Тогда станетъ понятно, почему она такъ-сказать отразила отъ себя тѣ сотни милліоновъ, которые къ ней протекали; и ту же отражательную способность сохранитъ она, пока не усилится для нея сбытъ. Ей нужны не столько капиталы, сколько сбытъ, а въ нашей власти для этого есть только одинъ путь — усиленіе нашей промышленности мануфактурной, причисляя къ ней, конечно, и такіе роды сельской промышленности, какъ производство свекловичнаго сахара и т. п., такъ что тѣ капиталы, которые приливаютъ къ этимъ отраслямъ промышленности, принесутъ и нашему земледѣлію гораздо болѣе пользы, чѣмъ ежели бы они прямо шли на его техническое усовершенствованіе. Почему, напримѣръ, находится въ такомъ цвѣтущемъ состояніи хлѣбопашество въ Соединенныхъ Штатахъ? Потому, что треть его населенія, весь югъ, производитъ хлопчатую бумагу и табакъ, а не хлѣбъ; потому, что тамъ есть такіе торговые и промышленные центры,

какъ Нью-Іоркъ, Филадельфія, Бостонъ, Новый-Орлеанъ, Балтимора, Санъ-Луи, Чикаго, Цинцинати, и т. д.

Такимъ образомъ, всѣ частные примѣры, нами разобранные, оказались не въ пользу того мнѣнія, чтобы покровительство однимъ промышленностямъ необходимо вредило другимъ, непокровительствуемымъ. Но какъ бы ни были вѣрны эти изъ частныхъ примѣровъ выведенныя заключенія, мы не можемъ ими удовлетвориться и должны стараться отыскать самые источники, откуда проистекаетъ ошибочность этого мнѣнія. Мы намекали уже на нихъ при обсужденіи отдѣльныхъ примѣровъ, теперь удѣлимъ нѣсколько мѣста, чтобы разсмотрѣть ихъ самихъ въ себѣ. Это—

а) Смѣшеніе понятій о переводѣ капиталовъ изъ рукъ въ руки, съ ихъ отнятіемъ у промышленности. Напримѣръ: нѣсколько лицъ имѣютъ 10 милл. капитала, который они желали бы помѣстить и который могъ бы послужить для заведенія или усиленія какой нибудь отросли промышленности; но вдругъ то или другое обстоятельство дѣлаетъ выгоднымъ покупку домовъ въ столицѣ; они и обращаютъ на это свои капиталы. Развѣ можно сказать, что чрезъ это означенные капиталы отняты или даже отвлечены отъ промышленности? Если купили домà, такъ кто нибудь же ихъ продалъ; значитъ капиталы только перешли изъ рукъ въ руки, и по прежнему къ услугамъ промышленности, если только можетъ она представить имъ достаточныя выгоды. Не тоже ли самое, если покупаются биржевыя бумаги? Покупаются, такъ, значитъ, и продаются. Конечно, возможно, что тотъ, кто продалъ бумаги только и дѣлаетъ, что ждетъ, чтобы опять накупить новыхъ и т. д.; тогда, конечно, эта спекуляція отнимаетъ капиталы у промышленности; но это еще не есть необходимое послѣдствіе всякой покупки бумагъ.—Ежели бы, теперь, 66 милліоновъ, которые изъ рукъ потребителей передаются, по г. Андрееву, покровительственнымъ тарифомъ въ руки производителей, оставались у своихъ первоначальныхъ хозяевъ, то конечно могли бы, составляя ихъ экономію, какъ нибудь соединиться и обратиться на новыя промышленныя предпріятія; но развѣ такъ же точно не могутъ они соединиться и изъ рукъ производителей, къ которымъ поступили въ видѣ барышей или лишнихъ заработковъ? Тутъ есть переводъ капитала изъ рукъ въ руки, пожалуй тягостный и несправедливый, но нѣтъ необходимаго отвлеченія его отъ промышленности.

б) Но это еще мелочь; главная же ошибка заключается въ

слѣдующемъ. Положеніе, что капиталы, притягиваемые къ искусственно покровительствуемой промышленности, непремѣнно отливаютъ отъ другихъ промышленностей, защитимо только при предположеніи, что капиталовъ въ странѣ какъ разъ въ обрѣзъ; что, одушевляемые, такъ-сказать, нѣкіимъ гонящимъ ихъ духомъ, они вращаются и движутся съ такою скоростью, какая только для нихъ возможна; что нѣтъ капиталовъ бездѣйственныхъ. Вполнѣ гипотеза эта, можетъ быть, нигдѣ не осуществлена; но во всякомъ случаѣ степень, въ которой она осуществлена, весьма различна въ различныхъ странахъ. Въ Англіи, конечно, если не всѣ, то почти всѣ капиталы находятся въ такомъ движеніи, такъ какъ въ ней не только абсолютное количество, но и относительная напряженность экономическихъ силъ больше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ Россіи же совершенно наоборотъ: здѣсь не только количество экономическаго движенія, но и относительная напряженность силы, его производящей, значительно меньше, чѣмъ въ другихъ образованныхъ странахъ; въ ней, поэтому, имѣется относительно больше, чѣмъ гдѣ либо, капиталовъ, или совершенно необращающихся, или обращающихся медленнѣе, чѣмъ бы могли. Давно-ли еще зарывали монету въ землю, и кто поручится, что не зарываютъ ея и теперь? Но не будемъ говорить объ этихъ крайностяхъ. Въ то самое время, какъ правительственная система создавала мануфактурную промышленность и, слѣдовательно, привлекала къ ней капиталы, не приливали-ли сотни милліоновъ къ промышленности земледѣльческой, хотя и безъ результата, и за всѣмъ тѣмъ не собралось-ли въ Опекунскомъ Совѣтѣ столько капиталовъ, что правительство черпало изъ нихъ десятками милліоновъ въ теченіе многихъ лѣтъ; и, наконецъ, не сочли-ли нужнымъ вытѣснить ихъ чрезмѣрнымъ пониженіемъ процентовъ, такъ какъ ихъ накопилось болѣе, чѣмъ могли или умѣли употребить? Не очевидно-ли, что тарифное покровительство нимало не отвлекало капиталовъ отъ другихъ промышленностей, а только возбуждало къ жизни капиталы спавшіе, и что, если можно о чемъ жалѣть, такъ о томъ лишь, что оно не привлекло ихъ гораздо больше, этимъ для другихъ промышленностей не только безобиднымъ, но весьма полезнымъ образомъ, ибо всякая промышленность, по самой сущности дѣла, всегда содѣйствуетъ другой, если только не вредитъ ей отвлеченіемъ капиталовъ? Не привлекло же оно ихъ больше, во-первыхъ, потому, что тарифное покровительство отличается, къ своей

невыгодѣ, отъ покровительства естественнаго тѣмъ, что нерѣдко изъ покровительства обращается въ угрозу, хотя это невыгодное свойство и не лежитъ вовсе въ самой его сущности. Во-вторыхъ— потому, что это покровительство, въ значительной степени, обращалось въ чисто номинальное, ибо промышленность недостаточно ограждалась отъ контрабанды, неизвѣстно почему-то считающейся неустранимою. Въ-третьихъ—потому, что, вытѣснивъ скопившіеся капиталы въ бывшихъ правительственныхъ банкахъ, заставили ихъ метаться изъ угла въ уголъ, вмѣсто того, чтобы постепенно и правильно открывать имъ пути, по которымъ бы они знали, куда и на что́ имъ идти, какъ это сдѣлалъ въ свое время покровительственный тарифъ. Отъ этого развилась биржевая спекуляція, которая дѣйствительно отвлекаетъ капиталы отъ промышленностей, но отвлекаетъ ихъ какъ отъ непокровительствуемыхъ, такъ и отъ покровительствуемыхъ. Приписывать же вину этимъ послѣднимъ, значитъ сваливать съ больной головы на здоровую. Нельзя, конечно, отвергать, чтобы не могли быть такія обстоятельства и условія экономической жизни народа, при которыхъ покровительство однимъ сторонамъ этой жизни не наносило бы тѣмъ самымъ ущерба другимъ; но частный случай не можетъ быть возведенъ въ общее безусловное правило, и, какъ мы видѣли, экономическая жизнь Россіи не подходила и не подходитъ подъ этотъ частный случай.

4. *Покровительство налагаетъ на народъ, а, слѣдовательно, и на государство такія тягости, которыя далеко превосходятъ предполагаемыя отъ него выгоды.* Прежде всего надо замѣтить, что если покровительство и налагаетъ на кого тягости, то конечно на потребителей; чтобы перейти отъ этого къ наложенію тягостей на народъ, на государство вообще, необходимо отождествить интересы потребителей съ общимъ интересомъ народа и государства. Это и дѣлается посредствомъ слѣдующаго софизма, который я извлекаю изъ книги Бастіа „Экономическіе софизмы", переведенной на русскій языкъ для назиданія нашей публики, книги, которой, какъ мы замѣтили уже, должно отдать ту справедливость, что она совершенно вѣрно озаглавлена. Въ первой статьѣ, подъ названіемъ *обиліе и недостатокъ*, которая служитъ основаніемъ всѣхъ дальнѣйшихъ разсужденій и выводовъ, знаменитый экономистъ говоритъ (стр. 6 и 7):

„Возьмемъ какого нибудь производителя; въ чемъ непосред-

ственная его выгода? Въ двухъ слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы возможно меньшее число людей занимались тѣмъ же трудомъ; 2) чтобы возможно большее число людей требовали произведенія этого труда. Политическая экономія излагаетъ это короче: „чтобы предложеніе было самое ограниченное, а требованіе какъ можно обширнѣе“, или еще другими словами „чтобы соперничество было ограничено, а сбытъ неограниченъ“.—Въ чемъ состоитъ непосредственная выгода потребителя? Въ томъ, „чтобы предложеніе потребнаго ему произведенія было обширно, а требованіе ограничено“. До сихъ поръ все совершенно вѣрно. Послушаемъ, чтò дальше будетъ. „Такъ какъ эти двѣ выгоды противорѣчатъ одна другой, то одна изъ нихъ должна совпадать съ общественнымъ или общимъ интересомъ, а другая должна быть ему противуположна“. Никоимъ образомъ. Это совершенно противно всякой здравой логикѣ. Если два крайніе и противуположные интереса тянутъ каждый въ свою сторону, то общее благо никакъ не можетъ лежать въ одной изъ крайностей, а непремѣнно въ чемъ нибудь среднемъ, примиряющемъ обѣ крайности. Бастіà позволилъ себѣ маленькій фокусъ-покусъ и воспользовался не совсѣмъ добросовѣстно извѣстнымъ логическимъ закономъ *исключенія третьяго*; но этотъ законъ имѣетъ примѣненіе лишь тамъ, гдѣ одно изъ двухъ противурѣчащихъ положеній заключаетъ въ себѣ прямое отрицаніе другаго, и больше ничего, никакого другаго утвержденія, т. е. когда противорѣчіе полное, напримѣръ, „эта фигура есть треугольникъ“ и „нѣтъ, эта фигура не треугольникъ“. Конечно, истина тутъ должна заключаться или въ утвержденіи или въ отрицаніи. Но ежели скажемъ: „эта фигура треугольникъ“; и „эта фигура четвероугольникъ“, то дѣло совершенно перемѣняется. Говоря „эта фигура четвероугольникъ“, мы конечно отрицаемъ, что она треугольникъ, но при этомъ прибавляемъ кое-что лишняго, и весьма можетъ статься, что фигура будетъ—пятиугольникъ. Такъ точно и у Бастіà. Еслибы непосредственная выгода потребителя состояла только въ томъ, чтобы предложеніе *не было* самое ограниченное и чтобы требованіе *не было* самое неограниченно-обширное, тогда бы такъ; но вѣдь для потребителя этого мало, его интересъ требуетъ, какъ справедливо утверждаетъ Бастіà, чтобы предложеніе *было* неограниченно обширное, а требованіе *было* возможно ограниченное. При этомъ, дѣло сейчасъ же перемѣняетъ видъ. Представимъ въ доказательство нѣсколько положеній, совер-

шенно аналогическихъ положеніямъ Бастіà, но изъ другихъ сферъ жизни, и посмотримъ, къ чему они насъ приведутъ. Интересъ чиновниковъ получать какъ можно болѣе жалованья; интересъ казны, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, давать чиновникамъ какъ можно менѣе жалованья. Неужели же интересъ государства находится въ одной изъ этихъ крайностей? Нѣтъ, интересъ государства требуетъ, чтобы чиновники получали справедливое, соотвѣтственное ихъ трудамъ вознагражденіе, ибо иначе способныхъ людей мало служить пойдетъ. Или — въ нѣкоемъ государствѣ интересъ аристократіи или, точнѣе, олигархіи—захватить всю власть въ свои руки; а интересъ демократіи или, точнѣе, демагогіи—сосредоточить ее въ своихъ рукахъ. Чего-же требуетъ интересъ государства, или общее благо? Не того ли, чтобы всѣ классы народа пользовались должною мѣрою власти и вліянія? Или — Франція при Лудовикѣ XIV и Наполеонѣ I полагала свой интересъ въ томъ, чтобы господствовать надъ всей Европой; въ томъ же полагали свой интересъ Германія и Испанія при Карлѣ V; а интересъ Европы въ чемъ же заключался? Не въ томъ ли, чтобъ и Франція и Германія съ Испаніей, каждая пользовались приличествующею имъ долею вліянія? И такъ далѣе, сколько угодно.

Слабеньки же, слабеньки въ логикѣ оказываются сами учителя-то и авторитеты, и плохо, преплохо разсуждаютъ! Послѣдуемъ однако за учителемъ далѣе, къ чему-то онъ насъ приведетъ:

«Надо согласиться—продолжаетъ Бастіà—что желанія у всѣхъ насъ, какъ у производителей, противуобщественны, антисоціальны. Пусть, напримѣръ, мы винодѣлы: вѣдь мы не огорчились бы, если бы померзли всѣ на свѣтѣ виноградники». Совершенно справедливо — калькирую съ этого и свое доказательство. «Надо согласиться, говорю я, что желанія у всѣхъ насъ, какъ у потребителей, противуобщественны, антисоціальны. Пусть, напримѣръ, мы любители вина: вѣдь мы не огорчились бы, если бы конфисковали все вино во всѣхъ погребахъ кромѣ нашего, и роздали его намъ даромъ». Воля ваша, іота въ іоту такъ же справедливо. Не въ подобныхъ ли стремленіяхъ и обвиняютъ коммунистовъ? А если они питаютъ такіе безумные и хищническіе замыслы, то вѣдь не иначе какъ исключительно въ качествѣ потребителей.

Возьмемъ еще примѣръ изъ Бастіà: «Положимъ, что мы производимъ хлопчатобумажныя ткани. Конечно, мы желаемъ продавать ихъ какъ можно *выгоднѣе для себя*. Мы охотно бы согласи-

лись на запрещеніе всѣхъ соперничествующихъ съ нами мануфактуръ, и если не осмѣливаемся выразить такого желанія публично, то однакожъ достигаемъ этого осуществленія въ извѣстной мѣрѣ косвенными средствами, напримѣръ, запрещая иностранныя ткани, чтобы уменьшить предлагаемое количество» и проч. Отвѣчаю: «Положимъ, что мы — потребители хлѣба. Конечно, мы желаемъ покупать хлѣбъ, какъ *можно дешевле*. Мы охотно согласились бы на запрещеніе употреблять хлѣбъ не только для приготовленія изъ него разныхъ продуктовъ, напримѣръ, вина, но даже и на удовлетвореніе нуждъ другихъ потребителей, напримѣръ вывоза за границу, и если не осмѣливаемся выразить такого желанія, то потому лишь, что не послѣдовательны». Скажутъ, пожалуй, что съ потребительской стороны никогда ничего подобнаго не выражалось. Въ такомъ случаѣ позволю себѣ разсказать слѣдующій анекдотъ, за достовѣрность котораго ручаюсь. Когда основалась компанія для приготовленія животныхъ продуктовъ, связанная съ именемъ г. Кокорева, то въ народѣ разнесся слухъ, будто г. Кокорева схватили и заключили въ Петропавловскую крѣпость, за то, что онъ скупилъ слишкомъ много скота и отправилъ его за границу, и весьма радовались постигшему его злоключенію, находя, что оно весьма имъ заслужено произведенною имъ будто бы дороговизною мяса. Не выразилось ли этой легендѣ тайное желаніе потребителей узкой, исключительно потребительской точки зрѣнія?

Поэтому, если справедливо мнѣніе Бастіа «о законодательномъ собраніи, составленномъ изъ работниковъ, въ которомъ каждый членъ могъ бы обратить въ законъ свое *тайное желаніе* производителя», мнѣніе, заключающееся въ томъ, что «уложеніе, вотированное такимъ собраніемъ было бы систематизированною монополіею, теоріею недостатка, приложенною къ практикѣ», то совершенно неосновательно его мнѣніе о палатѣ, «въ которой каждый членъ соображался бы исключительно съ своею непосредственною выгодою потребителя» — будто бы такая палата «пришла бы къ системѣ свободы, къ уничтоженію всѣхъ ограничительныхъ мѣръ, къ ниспроверженію всѣхъ искусственныхъ препятствій; словомъ, къ осуществленію теоріи изобилія». Совершенно напротивъ, и эта палата, руководимая интересомъ, не менѣе одностороннимъ и эгоистическимъ, какъ и первая, пришла бы къ узаконеніямъ, ограничивающимъ потребленіе, какъ, напримѣръ, къ запрещенію вывоза

(точно такъ же, какъ первая къ запрещенію ввоза), и стремленіемъ къ уменьшенію выгодъ производителей искусственнымъ удешевленіемъ продуктовъ привела бы точно также къ осуществленію теоріи недостатка. Изъ этого видно, ка̀къ ошибочно отождествленіе исключительнаго интереса потребителя съ интересомъ общественнымъ: этому послѣднему исключительный интересъ потребителя противурѣчитъ столько же, какъ и исключительный интересъ производителя, и здравая экономическая политика, имѣя въ виду и тотъ, и другой, не можетъ однако слѣдовать ни тому, ни другому, а должна разсматривать, что̀ въ каждомъ данномъ случаѣ соотвѣтствуетъ общему благу.

Если, такимъ образомъ, тягость, наложенная на потребителей, не составляетъ еще непремѣнно и необходимо ущерба всему обществу, то тягость эта, будучи только частная, можетъ имѣть и свою полезную сторону. Но, прежде чѣмъ пойдемъ далѣе, любопытно и важно бы было оцѣнить величину той тягости, которую несетъ на своихъ плечахъ Россія. Къ счастію, мы имѣемъ тутъ нѣкоторую точку опоры. Вмѣсто возгласовъ о неудобоносимости налагаемаго покровительственною системою бремени, г. Андреевъ въ упомянутой уже не разъ статьѣ, приложилъ стараніе къ опредѣленію его вѣса и размѣровъ и вычисляетъ это бремя въ 66 мил. руб. Вѣрно ли это вычисленіе? Сомнѣваться въ точности числовыхъ величинъ, на основаніи которыхъ онъ сдѣлалъ свои вычисленія, я, по крайней мѣрѣ, не имѣю ни какихъ основаній и никакими другими замѣнить ихъ не могу; если онъ ошибся въ чемъ, пусть укажутъ другіе. Но вѣрна ли его метода вычисленія? Была бы она, не скажу, вѣрна, но по крайней мѣрѣ вѣроятна, еслибы не существовало внутренней конкуренціи, о которой такъ часто говорилось въ «Торговомъ Сборникѣ», но которой рѣшительно не хотятъ знать приверженцы свободной торговли; была бы она вѣроятна, еслибы каждый родъ покровительствуемой промышленности сосредоточивался въ заведеніяхъ, принадлежащихъ одному хозяину; но и въ этомъ случаѣ, хозяинъ могъ бы еще разсчитывать, что, въ видахъ усиленія сбыта, ему выгоднѣе продавать дешевле, чѣмъ по цѣнѣ на иностранныхъ рынкахъ+перевозъ и+тарифъ.

Вычисленіе г. Андреева, на которомъ мы и остановимся, такъ какъ другого не знаемъ, произведено слѣдующимъ образомъ. Онъ беретъ количество каждаго выдѣлываемаго продукта, помножаетъ его на тарифную пошлину и сумму этихъ произведеній прини-

маетъ за премію платимую потребителями покровительствуемымъ отраслямъ промышленности. Эту методу подкрѣпляетъ онъ слѣдующею дилеммою: еслибы стали утверждать, что цифра эта слишкомъ велика, то пришлось бы доказывать: 1) что покровительство, нами принятое, въ дѣйствительности не существуетъ, что, слѣдовательно, нынѣшнія наши пошлины *слишкомъ велики*, и что, слѣдовательно, *ихъ можно уменьшить*; 2) или-же—что количество ежегодныхъ издѣлій, нуждающихся въ покровительствѣ *менѣе*, *чѣмъ его приняли*, и что, слѣдовательно, значеніе покровительства не такъ важно въ общей судьбѣ нашей промышленности, какъ мы его приняли. Въ томъ и другомъ случаѣ протекціонистамъ пришлось бы отказаться отъ одного изъ важнѣйшихъ для нихъ положеній, отъ необходимости поддержанія существующихъ высокихъ пошлинъ, или отъ необыкновенной важности протекціонизма для Россіи. —Nego. Не знаю ничего объ томъ, менѣе или болѣе количество ежегодныхъ издѣлій, чѣмъ оно принято г. Андреевымъ; но утверждаю, что хотя бы продукты покровительствуемыхъ отраслей промышленности были значительно дешевле того, чѣмъ тарифъ позволяетъ имъ быть (что̀, вслѣдствіе внутренней конкуренціи, необходимо и должно быть), тѣмъ не менѣе уменьшить тарифъ до такой нормы, которая, повидимому, требуется цѣною, по которой наши фабриканты въ состояніи продавать и дѣйствительно продаютъ свои произведенія, значило бы подвергнуть существованіе этихъ отраслей промышленности большой опасности.

Я думаю, не станутъ спорить, если я скажу, что иностраннаго соперничества должно опасаться не столько отъ могущихъ завестись за границею фабрикъ, основанныхъ именно для сбыта ихъ произведеній въ Россію, сколько отъ фабрикъ, уже существующихъ и уже сбывающихъ свои продукты и безъ Россіи. Ставлю себя въ положеніе одного изъ такихъ фабрикантовъ и начинаю разсуждать: «Производу я до 100,000 пудовъ товара въ годъ, продаю его по 12 руб., и десятая доля моего валоваго дохода составляетъ мой чистый доходъ, то-есть 120,000 рублей. Я человѣкъ экономный и скопилъ себѣ капиталъ, который желалъ бы употребить на расширеніе своего производства, но, ни внутри моего отечества, ни въ тѣхъ странахъ, куда мнѣ не мѣшаетъ проникать тарифъ, усиленія сбыта не предвидится. Хорошо, если бы мнѣ можно было открыть для себя сбытъ въ Россію, хотя бы еще на 50,000 пудовъ въ годъ. Тамъ фабрикантъ, выдѣлывающій это количество, какъ

мнѣ извѣстно, продаетъ пудъ по 14 руб. и также считаетъ одну десятую валоваго дохода своимъ чистымъ доходомъ, т. е. получаетъ 70,000 руб. Тарифъ, ограждающій эту промышленность, составляетъ 4 руб. на пудъ, такъ что внутренняя конкуренція, противъ того, чѣмъ тарифъ позволялъ бы, ей быть, понизила цѣну 2 рублями на пудъ. Если я, несмотря на тарифъ, стану ввозить мои произведенія и продавать по 12 р. 70 коп., считая 30 коп. на провозъ, которыхъ нечего принимать въ счетъ, и потому собственно по 12 руб. 40 к., я выручу 620,000 р. Шестьсотъ тысячъ выручки дали бы мнѣ уже 60,000 чистаго дохода, да 20,000 барыша отъ лишнихъ 40 к. съ пуда; это, вмѣстѣ съ 120,000 р. которые я теперь получаю, составитъ какъ разъ 200,000 дохода; но я долженъ бы заплатить и 200,000 пошлины, что̀ поглотило бы не только всѣ мои выгоды по новой операціи, но и всѣ прежніе доходы. Это значитъ невозможно. Положеніе русскаго фабриканта, котораго бы я принудилъ, соперничествомъ со мной, продавать товаръ по 12 руб. 70 коп., все-же было бы несравненно лучше нежели мое, такъ какъ онъ все еще сохранилъ бы 5,000 р. чистаго дохода. Но наши экономическіе писатели, дай Богъ имъ здоровья, поддѣли много русскихъ экономистовъ и не экономистовъ на удочку. Много, слышалъ я, развелось на Руси фритредеровъ: что̀ если бы удалось убѣдить ихъ похлопотать о пониженіи тарифа до той только нормы, которая какъ разъ обезпечивала бы фабрикантамъ цѣну въ 14 р., по которой они на самомъ дѣлѣ продаютъ свой товаръ? Вѣдь это не могло бы уже считаться крайнимъ фритредерскимъ увлеченіемъ, а только сбавкою доли тарифа, совершенно излишней для дѣйствительнаго покровительства. Еслибы мнѣ это удалось, то вотъ въ какомъ видѣ представились бы мои дѣла̀: изъ 200,000 моей чистой выручки, мнѣ пришлось бы заплатить всего 100,000 р. пошлины, а 100,000 р. у меня бы оставалось. Конечно и тутъ я лишился бы 20,000 сравнительно съ тѣмъ, что теперь получаю; но года черезъ два, много черезъ три, я и мои товарищи, которые непремѣнно послѣдуютъ моему примѣру, мы совершенно бы убили русскую фабрикацію, которая не можетъ же довольствоваться барышомъ, составляющимъ вмѣсто $^1/_{10}$, только $^1/_{140}$ долю валовой выручки, и тогда могли бы мы возвысить цѣну на наши продукты, на сколько намъ желательно. При этомъ я не беру еще въ разсчетъ, что расширеніе производства—не то, что заведеніе вновь, и что, слѣдовательно, я получу

въ чистый барышъ долю валоваго дохода бо̀льшую чѣмъ разсчитывалъ, не $^1/_{10}$, а можетъ быть $^1/_9$ или $^1/_8$. Далѣе — хотя мы и увеличимъ цѣну, когда уничтожимъ соперниковъ, но можемъ все же съ выгодою спустить цѣну и ниже 14 р., если это будетъ входить въ наши разсчеты, и тѣмъ усилить сбытъ. Но, оставивъ это пока въ сторонѣ, какъ не подходящее подъ строгую ариѳметику, все же ясно, что пониженіе русскаго тарифа до той степени, какая повидимому требуется цѣнами, по которымъ русскіе фабриканты сбываютъ свои товары, представило бы мнѣ и моимъ товарищамъ отличный случай убить эту отрасль русской промышленности и завладѣть русскимъ рынкомъ. Боюсь только — догадаются и поймутъ, что если тарифъ есть, такъ сказать, ограждающая стѣна, то оградительная способность стѣны измѣряется вѣдь ея вышиною надъ уровнемъ почвы наружной, а не внутренней. А если не догадаются?"

Изъ этого слѣдуетъ, что 66 милліоновъ не могутъ считаться выраженіемъ той суммы, которую потребители дѣйствительно платятъ производителямъ, а только выраженіемъ крайняго максимума, котораго эта сумма могла бы достигнуть при такихъ-то и такихъ условіяхъ, такъ что на дѣлѣ она можетъ быть и половины, даже трети 66-ти милл. не составляетъ. Чтобы получить истинную величину жертвы, налагаемой на потребителей тарифомъ, надо было бы изъ средней цѣны продуктовъ покровительствуемыхъ промышленностей на внутреннемъ рынкѣ, помноженной на количество этихъ произведеній, *вычесть:* 1) такое же количество товаровъ помноженное на среднюю цѣну ихъ на рынкахъ иностранныхъ, 2) цѣнность провоза отъ мѣстъ заграничнаго производства до центральнаго русскаго рынка, 3) и ту пошлину на эти привозные товары, которую правительство могло бы наложить съ цѣлью чисто финансовою. Только разность этихъ двухъ величинъ выражаетъ собою дѣйствительную дань, платимую потребителями производителямъ.

IV.

Мы доказали, что, хотя бы отрицательная сила тарифа и выражалась численно суммою въ 66 милл., отяготительное его вліяніе будетъ непремѣнно гораздо ниже этого. Но значительность какой либо тягости, какой либо жертвы не можетъ быть опредѣлена однимъ лишь исчисленіемъ ихъ величины: нужно еще знать,

что̀ пріобрѣтается цѣною ихъ. Посмотримъ же, что̀ покупаемъ мы цѣною жертвъ, налагаемыхъ на потребителей.

А. Во-первыхъ, мы покупаемъ экономическую независимость и самостоятельность. Я знаю, что слова̀ эти звучатъ дико и странно въ ушахъ нѣкоторыхъ экономистовъ, которые, обращая вниманіе, изо всѣхъ свойствъ вещей, на одну лишь цѣнность ихъ, утверждаютъ, что, такъ какъ мѣна обоюдна, и цѣнность промѣниваемая всегда равна цѣнности вымѣниваемой, то и экономическая зависимость обоюдна, одна другую уравновѣшиваетъ и нейтрализуетъ, сохраняя такимъ образомъ за обѣими сторонами ихъ полную экономическую независимость. Но такими общими положеніями не рѣшаются дѣла̀ въ семъ до крайности сложномъ мірѣ. Между страною чисто или преимущественно земледѣльческою, или, лучше сказать, сельско-хозяйственною, и страною мануфактурною и торговою устанавливаются тѣже отношенія, что между деревнею и городомъ; а городъ, какъ мѣсто сосредоточенія и централизаціи капиталовъ и вообще промышленныхъ силъ, будетъ всегда преобладать надъ деревнею, гдѣ эти силы разсѣяны, и держать ее въ своей зависимости. Странно повидимому, что деревня, которая доставляетъ предметы первой необходимости, зависитъ отъ города, могущаго заплатить за нихъ предметами гораздо менѣе нужными. Но дѣло въ томъ, что тогда какъ деревня связана съ городомъ сбытомъ своихъ произведеній, городъ, обладая сосредоточенными капиталами, можетъ во всякое время, когда только это покажется ему выгоднымъ, расширить сферу, изъ которой онъ добываетъ свои сырые продукты. Такое положеніе дѣлъ еще значительно усиливается, когда, играющее въ отношеніи къ намъ роль города, государство — подобно Англіи — сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всемірную торговлю, т. е. производитъ мѣну, не какъ обыкновенно дѣлаютъ это государства, пополняя лишь избыткомъ нѣкоторыхъ своихъ произведеній недостатокъ въ другихъ, а въ значительной степени приближаясь къ характеру торговой конторы, для которой торговля становится сама по себѣ цѣлью. Этимъ, между прочимъ, и объясняется вражда политико-экономической науки, по преимуществу англійской, къ торговому балансу. Такое ненормальное нарушеніе экономическаго порядка вселенной очевидно должно вести къ ненормальности и въ противуположномъ смыслѣ. У насъ, именно на основаніи характера нашихъ произведеній, составляющихъ предметы первой необходимости, долго существовало мнѣніе о зависи-

мости Англіи отъ насъ, и въ подтвержденіе этого сочинено даже много легендъ. Теперь едва ли кто держится такого образа мыслей. Тѣмъ не менѣе, не безполезно будетъ посмотрѣть на причину этого, такъ сказать, оптическаго обмана. Если сравнить степень зависимости Россіи ото всего что не Россія, съ таковою же зависимостью Англіи ото всего, что не Англія, то, безъ сомнѣнія, Россія окажется несравненно независимѣе Англіи; но дѣло въ томъ, что Россія никоимъ образомъ не можетъ воспрепятствовать сношеніямъ Англіи съ остальнымъ міромъ, тогда какъ почти всѣ торговыя связи Россіи съ остальнымъ міромъ находятся въ рукахъ Англіи, а при извѣстномъ неблагорасположеніи къ намъ Европы — можно даже сказать *всѣ*, безъ *почти*. И это должно разумѣть не въ одномъ предвидѣніи войны. Одно уже сознаніе, что въ сбытѣ своихъ произведеній мы зависимъ отъ произвола Англіи, тогда какъ она сознаетъ, что можетъ замѣнить истекающіе отъ насъ источники необходимыхъ для нея сырыхъ произведеній другими, ставитъ уже насъ въ неравноправныя отношенія. Есть у насъ люди, которые полагаютъ, что Россія всѣми сторонами своей жизни должна быть подчинена просвѣщенной Европѣ и должна лишь служить орудіемъ для достиженія ея возвышенныхъ, а не своихъ грубыхъ цѣлей. Такіе люди по крайней мѣрѣ послѣдовательны. Но что сказать о тѣхъ, которые, высоко ставя нашу самостоятельность политическую, не хотятъ даже и слышать о томъ, что можетъ быть зависимость экономическая? Они забываютъ, что, говоря о жизни государства, политической, экономической, умственной, религіозной, какъ явленіяхъ отдѣльныхъ, мы дѣлаемъ лишь отвлеченіе; что государство, какъ человѣкъ, живетъ одною цѣльною жизнью; и что, если оно не вполнѣ свободно съ одной изъ этихъ сторонъ, то это отражается и на всемъ прочемъ. Нужны ли примѣры? Тильзитскій миръ доставилъ Россіи возможность удобно достигнуть истинно національной цѣли; слѣдуя установленной имъ политикѣ, Россія пріобрѣла Финляндію, могла бы пріобрѣсть Молдавію и Валахію, а можетъ быть даже и Галицію и Булгарію (я здѣсь не касаюсь того, было ли бы это хорошо въ другихъ отношеніяхъ); но давленіе экономическихъ интересовъ было такъ сильно, что миръ и дружба съ Англіею, а, слѣдственно, разрывъ съ Наполеономъ сдѣлались всеобщимъ желаніемъ; конечно, это была не единственная причина послѣдовавшей перемѣны въ политикѣ, однакоже одна изъ важнѣйшихъ. Возьмемъ примѣръ еще болѣе безспорный и рѣзкій. Ан-

глія ли не ревниво наблюдаетъ за интересами какъ всего государства, такъ и отдѣльныхъ гражданъ своихъ, часто не обращая даже вниманія на справедливость; она шлетъ флоты свои блокировать Пирей изъ-за какого-то Пачифико, или пушками прокладывать путь продаваемой ея подданными отравѣ въ Китай, наказывая его несправедливѣйшею изъ всѣхъ когда либо бывшихъ войнъ, за то, что китайское правительство осмѣлилось сжечь пойманную имъ контрабанду. И, однакоже, эта самая гордая Англія сколько сносила отъ Америки, потому лишь, что считала себя въ экономической отъ нея зависимости по отношенію къ хлопчатой бумагѣ! Опытъ обнаружилъ, правда, что зависимость эта была не такъ велика, какъ казалось, что вся бѣда ограничилась для Англіи кратковременнымъ страданіемъ, которое она легко перенесла. Но что̀ же это доказываетъ? Во-первыхъ—то, что сознаніе своей экономической зависимости связываетъ государству руки и въ дѣлахъ политическихъ; во-вторыхъ — то, что, даже и при такихъ отношеніяхъ, которыя существовали между Англіею и Соединенными Штатами, бывшими почти единственными и самыми дешевыми поставщиками хлопчатой бумаги, все же зависимость мануфактурнаго государства отъ земледѣльнаго оказалась не сильною. Своими капиталами вызвала Англія хлопчатую бумагу изъ почвы Индіи, Китая, Бразиліи Египта, Малой Азіи. Такъ же ли вызвали мы изъ земли золото и вообще всѣ нужные намъ мануфактурные товары нашимъ хлѣбомъ? Итакъ, мы покупаемъ тарифомъ нашу экономическую, а, слѣдовательно, отчасти и нашу политическую самостоятельность. Къ сожалѣнію, я говорю „покупаемъ", а не „купили", потому что тарифу не дали выказать всего своего могущества — тѣми колебаніями, которымъ его подвергали, и сознаніемъ, вслѣдствіе того, самой промышленности, что она пользуется тарифомъ не какъ правомъ, ведущимъ къ общему благу государства, а какъ милостынею, подаваемою ей противъ убѣжденія, такъ, по какому-то снисхожденію къ предразсудку и къ прежде пріобрѣтеннымъ правамъ; главное же—тѣмъ, что и такое покровительство-угроза значительною частью лишь номинально, потому что уничтожается контрабандою, считаемою, по мнимому экономическому закону, какъ бы необходимымъ зломъ, или даже косвеннымъ добромъ.

Б. Но не только экономическую независимость и отчасти политическую самостоятельность, а еще обезпеченность нашего промышленнаго развитія, какъ сельско-хозяйственнаго, такъ и ману-

фактурнаго, долженъ пріобрѣсти намъ тарифъ. Характеръ сырыхъ произведеній Россіи таковъ, что не только мало надежды на значительное усиленіе сбыта ихъ за границу, но даже и теперешній размѣръ его совершенно не обезпеченъ. Уже много случайностей постигло этотъ сбытъ и еще много другихъ по всей вѣроятности ожидаетъ его въ будущемъ. Въ этомъ отношеніи, характеръ различныхъ странъ весьма различенъ, и, хотя различіе это должно бы опредѣлять собою въ значительной степени и самый характеръ промышленности страны, на него рѣшительно не хотятъ обращать вниманія. Есть особенности, которыя обезпечиваютъ за нѣкоторыми произведеніями какъ бы естественную монополію, а, слѣдовательно, въ значительной мѣрѣ обезпечиваютъ и экономическую будущность тѣхъ странъ, которыя ихъ производятъ, даже въ случаѣ, еслибы страны эти почти исключительно посвятили свою промышленную дѣятельность добыванію, воздѣлыванію или обработкѣ однихъ этихъ произведеній. Такъ, напримѣръ, одно обстоятельство, повидимому весьма мало могущее имѣть вліянія на такую обезпеченность сбыта, имѣетъ однакожъ огромное вліяніе. Именно, весьма важно то, доставляется ли продуктъ однолѣтними, или-же древесными растеніями. Представимъ себѣ, что хлопчатая бумага Южныхъ Американскихъ Штатовъ, вмѣсто того, чтобы быть однолѣтнею травою, росла бы на большихъ деревьяхъ. Очевидно, что монополія ихъ была бы несравненно сильнѣе и не могла бы быть вырвана изъ ихъ рукъ другими теплыми странами въ теченіе какихъ нибудь четырехъ лѣтъ американскаго междоусобія, при посредствѣ какихъ бы то ни было капиталовъ.

Еще сильнѣйшую монополію доставляютъ нѣкоторымъ странамъ продукты, подобные чаю и винамъ. Взаимодѣйствіе почвы и климата производитъ въ нихъ столѣтіями извѣстныя разновидности; съ другой стороны, эти разновидности или породы приходятъ мало-по-малу въ такое же гармоническое соотношеніе со вкусами потребителей; наконецъ, долговременная естественная монополія порождаетъ въ тѣхъ, кто ухаживаетъ за такими растеніями и приготовляетъ изъ нихъ продукты, практическую сноровку и ловкость, которыя тѣмъ труднѣе перенимаются, что не заключаютъ въ себѣ какого либо особаго секрета, который можно было бы въ точности передать. Если бы какая нибудь страна съ подходящимъ климатомъ и пересадила къ себѣ разные сорты китайскихъ чайныхъ кустарниковъ или французскихъ лозъ, то десятки и, вѣроятно, сотни

лѣтъ прошли бы прежде, чѣмъ между новыми условіями и растеніями съ одной стороны, и получаемыми продуктами и вкусами потребителей — съ другой, уставились новыя гармоническія отношенія, которыя могли бы поколебать пріобрѣтенную вѣками монополію Китая или Франціи. Никакихъ такихъ привилегированныхъ продуктовъ Россія не имѣетъ, за исключеніемъ развѣ вышеупомянутыхъ, весьма по цѣнности своей незначительныхъ, пушныхъ товаровъ и нѣкоторыхъ рыбныхъ продуктовъ.

Всѣ сырые продукты, которые производитъ Россія, могутъ быть столь же хорошо, или даже лучше, производимы другими странами, находящимися сравнительно съ Россіею въ выгоднѣйшихъ условіяхъ, почвенныхъ, климатическихъ и топографическихъ. Жалуются, что относительно главнѣйшаго нашего продукта, хлѣба, мы получили въ послѣднее время опасныхъ соперниковъ въ Дунайскихъ княжествахъ и въ Египтѣ, и, по обыкновенію, приписываютъ вину въ этомъ частію тарифу, отвлекающему капиталы отъ сельской промышленности, частію нашей безпечности и разнаго рода непохвальнымъ качествамъ русскаго народнаго характера. Между тѣмъ, ни за первымъ, ни за послѣдними, вины ровно нѣтъ никакой, а вся вина лежитъ въ природѣ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, Дунайскія княжества, по плодородію почвы, по меньшей мѣрѣ равняются самымъ нашимъ плодороднымъ губерніямъ, по климату лучше ихъ, а по путямъ сообщенія имѣютъ на своей сторонѣ теченіе почти круглый годъ незамерзающаго Дуная, отъ котораго всѣ пункты страны весьма мало удалены. Желѣзныя дороги могутъ, правда, отчасти замѣнить судоходную рѣку, но кто же помѣшаетъ и Дунайскимъ княжествамъ провести таковыя же? Наконецъ, исходный пунктъ для внѣшняго сбыта, устье Дуная, хотя немногимъ, но, все же ближе, чѣмъ наши Черноморскіе и Азовскіе порты, къ мѣстамъ потребленія. Если, несмотря на это, земледѣльная промышленность до недавняго времени не развивалась въ Дунайскихъ княжествахъ, то это происходило отъ господствовавшихъ тамъ общественныхъ и политическихъ неустройствъ послѣ турецкаго гнета; и если Россія виновата, что дала возникнуть этимъ соперницамъ, то развѣ въ томъ отношеніи, что не держалась торговой политики Англіи, и, какъ всегда, дѣйствовала безкорыстно и доброжелательно.

Сказанное о Дунайскихъ княжествахъ еще въ сильнѣйшей мѣрѣ относится къ Египту. Здѣсь, кромѣ климатическихъ преимуществъ,

позволяющихъ собирать двѣ жатвы, существуетъ такая удобрительная машина какъ Нилъ. Это едва ли не единственная страна, къ которой не относится Либихова теорія хищенія. Здѣсь самое хищническое хозяйство будетъ чрезъ это и самымъ раціональнымъ. Тутъ нѣтъ надобности ни въ плодоперемѣнной системѣ, ни въ глубокой распашкѣ, ни въ разведеніи кормовыхъ травъ; только собирай себѣ какъ можно больше зерна, Нилъ все вознаградитъ. Сверхъ того, неширокая Нильская долина прорѣзывается великолѣпною рѣкою, которая стоитъ всякой желѣзной дороги, а мѣсто сбыта, устье Нила, находится слишкомъ тысячи на двѣ верстъ ближе къ центрамъ сбыта, чѣмъ наши Одесса и Ростовъ. Какое же тутъ возможно соперничество? И опять, если этотъ соперникъ возникъ, то виноваты въ томъ Мегметъ-Али и его преемники, которые, послѣ безобразнаго владычества Мамелюковъ, доставили странѣ нѣкоторое благоустройство и порядокъ. Противодѣйствовать этому я не вижу другихъ средствъ, кромѣ Тамерлановскаго опустошительнаго набѣга.

Но развѣ только Египетъ и Дунайскія Княжества? Въ древности провинція Африка считалась одною изъ житницъ Римской Имперіи. Немного болѣе порядка и благоустройства — и въ Тунисѣ возникнетъ намъ новый соперникъ. Сицилія тоже была римскою житницею. Правда, Либихъ утверждаетъ, что хищническое хозяйство обезплодило ея почву; но вѣдь каменныя породы, постепенно разрушаясь, хотя и медленно, но доставляютъ почвѣ необходимыя ей соли. Весьма вѣроятно, что почти двухъ-тысячелѣтній паръ далъ достаточно отдохнуть полямъ Сициліи, чтобы, по окончаніи господства бандитовъ и монаховъ, которое уже кажется при послѣднемъ издыханіи, и этотъ островъ снова сдѣлался значительнымъ центромъ хлѣбнаго производства. Во времена Карѳагена и Мавровъ, Испанія также считалась одною изъ плодороднѣйшихъ странъ. Населеніе ея не велико, и порядокъ тоже когда нибудь да возвратится туда. Наконецъ Булгарія, Ѳракія, Македонія, да и самая Малая-Азія не вѣкъ же останутся подъ турецкимъ игомъ, а это все страны плодородныя, благопріятствуемыя климатомъ, не густонаселенныя и расположенныя для внѣшняго сбыта сельскихъ произведеній гораздо выгоднѣе, чѣмъ Россія. На что же этой послѣдней разсчитывать? На неограниченный сбытъ хлѣба? Признаюсь, слова А. П. Шипова, что иностранцы по два раза обѣдать не будутъ, сохранили для меня свою силу и послѣ всего того, что было противъ нихъ ска-

зано. Утверждающимъ, что обѣдъ работниковъ въ Западной-Европѣ весьма скуденъ, не худо бы припомнить слѣдующую черту изъ нашихъ народныхъ нравовъ. На нашихъ постоялыхъ дворахъ кушанье подаютъ, какъ извѣстно, не порціями, а, взявъ опредѣленную плату съ человѣка, подаютъ всего столько, сколько кому угодно, какъ говорится „до отвалу". Но когда заворачиваютъ на постоялый дворъ степные мужики, то во многихъ мѣстахъ это правило не соблюдается для хлѣба, за который платится отдѣльно, такъ какъ хозяевамъ извѣстно, что эти мужики, не привыкшіе къ разнообразной пищѣ, будутъ довольствоваться самымъ дешевымъ столомъ, но уже на хлѣбецъ понапрутъ. Да и нужно ли знать этотъ обычай, чтобы понимать, что, чѣмъ лучше кто ѣстъ, тѣмъ менѣе употребляетъ онъ хлѣба? Вотъ если бы наши фритредеры имѣли основаніе думать, что обѣдъ западно-европейскихъ работниковъ долженъ становиться все скуднѣе и скуднѣе, тогда имѣли бы они право надѣяться на усиленіе сбыта нашего хлѣба. Но, видя въ товарахъ однѣ ихъ цѣнности, они никакихъ другихъ свойствъ ихъ какъ бы не хотятъ видѣть и не признаютъ за рынками весьма различной способности насыщенія для разныхъ товаровъ. Если бы фритредеры обратили на это вниманіе, то не могли бы не увидѣть, что, именно по отношенію къ хлѣбу, рынки имѣютъ такъ сказать наименѣе растяжимости. Усиленіе сбыта его зависитъ почти единственно отъ возрастанія народонаселенія, которое возрастаетъ же и у насъ; увеличеніе-же благосостоянія, равно какъ и удешевленіе хлѣба, почти не увеличиваютъ его потребленія. Сравнимъ съ хлѣбомъ, напримѣръ, вино. Съ удешевленіемъ его и съ увеличеніемъ благосостоянія, кто не пилъ вовсе вина, начнетъ его пить; кто пилъ по праздникамъ, начнетъ употреблять ежедневно; кто довольствовался рюмкою, захочетъ стакана; кто употреблялъ судацкое или кизлярскій чихирь, перейдетъ къ медоку; для кого былъ хорошъ медокъ, потребуетъ лафиту и т. д., чуть не до безконечности. Можетъ ли потребленіе хлѣба представить такое прогрессивное движеніе? Но этого мало: не только рынокъ скоро насыщается хлѣбомъ, но, по причинѣ самой крайней необходимости въ этомъ продуктѣ, рынокъ почти всегда имъ насыщенъ; и только исключительные годы неурожаевъ могутъ въ сколько нибудь значительной мѣрѣ временно возвышать на него требованіе. Если, при такомъ постоянствѣ въ требованіи на хлѣбъ, усиленнымъ производствомъ его, во что-бы то ни стало, мы бы значительно усилили предложеніе этого продукта, развѣ

крайній упадокъ цѣнъ не перевѣсилъ бы то, что̀ могли бы мы выиграть въ количествѣ, перебивъ сбытъ у нашихъ естественныхъ соперниковъ—если допустить даже, что это возможно?

Хлѣбъ, хотя и главный продуктъ сельскаго хозяйства, однако не единственный. Но велики ли наши надежды на значительное усиленіе сбыта и бо̀льшей части другихъ сельскихъ произведеній? Любятъ, напримѣръ, жаловаться на уменьшеніе сбыта нашихъ кожъ, приписывая это дурному, не тщательному способу ихъ снимапія. Не могу оспаривать, чтобы и это обстоятельство не имѣло своей доли вліянія; но главную причину все-таки надо искать въ соперничествѣ странъ несравненно болѣе благопріятствуемыхъ природою и въ этомъ отношеніи. Обширная Аргентинская Республика обладаетъ громадными пастбищами, на которыхъ пасутся безчисленныя стада рогатаго скота совершенно на волѣ, не требуя ухода и не принося убытка при падежахъ. За ними охотятся, какъ за дикими звѣрями. Въ близкомъ къ этому положеніи находится и Южная Африка съ Австраліею. Не естественно ли, что соперничество этихъ странъ должно было повредить нашему сбыту, даже безъ всякой съ нашей стороны вины? Тоже можно сказать и о шерсти. Почему-же, однако, могутъ возразить, уменьшеніе отпуска въ этихъ отношеніяхъ совпадаетъ со введеніемъ и развитіемъ у насъ покровительствуемыхъ отраслей промышленности? Потому—отвѣчаемъ, —что около этого же времени приходится освобожденіе Южно-Американскихъ колоній отъ власти Испаніи, которая сама, по своему разстройству, не могла быть для нихъ выгоднымъ посредникомъ въ торговлѣ, а непосредственный торгъ съ прочими странами стѣсняла.

Важный продуктъ сельскаго хозяйства составляютъ жирныя вещества. И дѣйствительно, еслибы нашему салу и нашему маслу предстояла завидная участь освѣщать такіе города, какъ Лондонъ, Парижъ и проч., то сбытъ этихъ веществъ достигъ бы громадныхъ размѣровъ и при покровительственной системѣ. Но изъ этой позиціи выбилъ насъ, конечно ужъ совершенно безъ нашей вины, каменный уголь; а что каменный уголь сдѣлалъ для улицъ, площадей и магазиновъ, то дѣлаетъ теперь петролеумъ для внутренности частныхъ домовъ. Да и для другихъ потребностей не встрѣчаютъ ли наши жирныя вещества соперниковъ въ пальмовомъ маслѣ и другихъ продуктахъ жаркихъ странъ, съ которыми, при ихъ производительности, вообще странамъ съ природою не столь расточительною трудно соперничать?

И такъ, по климатическимъ условіямъ Россіи, за тягости, налагаемыя на потребителей покровительственнымъ тарифомъ, покупается обезпеченность и вѣрное расширеніе сбыта нашихъ сельско-хозяйственныхъ произведеній. Жаловаться на эти тягости — странно и смѣшно равно столько же, какъ жаловаться на всякую *страховую премію, обезпечивающую насъ въ будущемъ.* Ежели посредствомъ государственныхъ долговъ мы учитываемъ будущее въ пользу настоящаго, то развѣ не столь же необходимо и справедливо учитывать и настоящее въ пользу будущаго, какъ это именно и дѣлается посредствомъ тарифа?

В. Кромѣ особенностей климатическихъ, еще и топографическія свойства нашего государства требуютъ и требуютъ, во что̀ бы то ни стало, чтобы Россія была вмѣстѣ и земледѣльческимъ, и мануфактурнымъ государствомъ. Это свойство заключается въ громадности ея континентальнаго протяженія, при которомъ естественные пути сообщенія, т. е. рѣки, направлены не вдоль, а поперекъ этого протяженія, въ теченіе половины года замерзаютъ, и главнѣйшія изъ нихъ впадаютъ или въ Ледовитый Океанъ, какъ рѣки сибирскія, или въ замкнутыя моря, какъ Волга и Сыръ-Дарья. По обширности своего континентальнаго протяженія всего ближе къ Россіи подходятъ Сѣверо-Американскіе Штаты, Китай и Бразилія. Но и тутъ, какая разница! Всѣ означенныя страны омываются теплыми, удобными для плаванія океанами, которые посредствомъ громадныхъ рѣкъ приводятся въ сообщеніе съ самыми внутренними частями ихъ территорій. То ли въ Россіи? Если Россія должна оставаться государствомъ земледѣльческимъ, то какая будущность можетъ ожидать прекрасную и плодородную юго-западную Сибирь? Куда сбывать ей свои сельско-хозяйственныя произведенія? Никакія желѣзныя дороги этому пособить не могутъ. Среднее удаленіе юго-западной Сибири отъ самыхъ ближайшихъ портовъ можно положить въ четыре тысячи верстъ. Если принять, что тарифъ Московско-Петербургской желѣзной дороги на цѣлую треть слишкомъ высокъ, и что можно бы за 600 верстъ платить только по 10 к. съ пуда, то и тогда провозъ четверти пшеницы изъ юго-западной Сибири обошелся бы около 7-ми рублей: есть ли какая нибудь возможность развиться земледѣлію въ такой странѣ въ размѣрахъ, превышающихъ непосредственныя потребности мѣстнаго населенія?

Г. Не только особенности русской государственной области требуютъ самостоятельности и разнообразія ея промышленной органи-

заціи, а, слѣдовательно, и огражденія тѣхъ отраслей ея, которыя еще слишкомъ слабы, чтобы возникнуть и процвѣтать при соперничествѣ иностранцевъ: это является необходимымъ еще и по особенностямъ въ строѣ и въ развитіи русскаго общества. Еще не совсѣмъ окончила Россія борьбу съ напиравшими на нее азіатскими народами и едва приступила къ борьбѣ съ препятствіями, представляемыми физическими условіями ея территоріи, какъ очутилась она лицомъ къ лицу со сплотившимъся уже въ сильныя государственныя тѣла—Западомъ. Охрана перваго народнаго блага—политической самобытности и независимости — поставила ее въ необходимость устремить всѣ свои силы на укрѣпленіе своей государственности. Ежели при этой работѣ зашли слишкомъ далеко, коснувшись нравовъ, быта, характера жизни народной, какъ думаютъ нѣкоторые, какъ думаемъ и мы, тѣмъ не менѣе, государственная сторона реформы была крайне необходима. Она имѣла своимъ послѣдствіемъ, что государственное развитіе Россіи, какъ могущественнаго политическаго тѣла, далеко опередило ея экономическое развитіе. Поэтому и государственный бюджетъ составляетъ у насъ болѣе значительную долю расходовъ гражданъ, чѣмъ въ государствахъ, съ бо̀льшимъ промышленнымъ развитіемъ. А къ государственному бюджету надо еще причислить и бюджетъ земскій, и плату за судебныя издержки (наемъ адвокатовъ и т. д.), ибо всѣ эти расходы имѣютъ то общее свойство, что сократить ихъ не во власти плательщика. Значительная часть этихъ бюджетовъ расходуется на плату служащимъ, военнымъ и гражданскимъ всевозможныхъ разрядовъ, на разные заказы, подряды, строенія и проч., изъ коихъ строители, подрядчики и т. д. получаютъ свои выгоды, законныя или незаконныя, для нашихъ соображеній это теперь все равно, такъ какъ для насъ важно только одно то свойство этихъ доходовъ, по которому выплачивающее ихъ общество не имѣетъ возможности ихъ сократить. Лица, получающія плату за оказываемыя ими услуги изъ этихъ разныхъ бюджетовъ, принадлежатъ къ классу болѣе или менѣе образованному, съ развитыми потребностями, который не можетъ удовлетворяться сырыми продуктами, доставляемыми страною земледѣльческою. Къ числу ихъ надо еще прибавить и всѣхъ тѣхъ, которые косвеннымъ образомъ содержатся отъ бюджета: литераторовъ, художниковъ, медиковъ и т. д., ибо бо̀льшая часть ихъ доходовъ доставляется лицами получающими, въ томъ или другомъ видѣ, средства

для своего существованія изъ доходовъ казны. Очевидно, что существуетъ большая разница, съ одной стороны, между обществомъ, гдѣ бюджетъ составляетъ столь значительную долю доходовъ, получаемыхъ частными лицами, и такимъ, гдѣ большинство образованнаго класса извлекаетъ средства своего существованія изъ своей промышленной дѣятельности; а съ другой стороны—и между такими двумя обществами, у которыхъ, хотя роль бюджета и одинаково велика, но одно изъ коихъ само въ состояніи удовлетворять потребностямъ и жизненнымъ удобствамъ, развиваемымъ извѣстною формою цивилизаціи, а другое нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, между ввозомъ и вывозомъ необходимо должно произойти равновѣсіе, ибо ввозъ для каждаго изъ производителей оплачивается непосредственно или посредственно его вывозомъ, и при недостаткѣ вывоза необходимо сокращается и ввозъ, ибо если нельзя оплатить его вывозомъ, то ничего не остается, какъ войти въ долгъ, и долгъ этотъ будетъ ощутителенъ именно тому, кто его заключаетъ. Но, если производители должны отдавать значительную часть своихъ доходовъ за разныя оказываемыя имъ государствомъ нематеріальныя услуги, а тѣ лица, которымъ эти доходы передаются, имѣютъ интересъ пріобрѣтать на нихъ заграничныя произведенія, то что же можетъ ихъ отъ этого удержать? Правда, и тутъ приходится входить за нихъ въ долгъ, но долгъ этотъ уплачивается не тѣмъ, кто его дѣлаетъ и продолжаетъ получать свой опредѣленный доходъ. И, какъ бы производители ни желали привести въ порядокъ свои разсчеты по отношенію вывоза къ ввозу, та сумма, которую они уплачиваютъ разнымъ лицамъ черезъ посредство государственнаго и земскаго бюджета, находится внѣ ихъ вліянія; и ежели эти лица находятъ выгоднымъ истрачивать свои доходы на продукты заграничные, то первые должны принимать на себя долгъ, сдѣланный послѣдними на ихъ счетъ. Правда, что со временемъ этотъ долгъ остается не безъ вліянія и на получающаго опредѣленную плату изъ бюджета, такъ какъ и она упадаетъ ниже своей номинальной суммы; но въ такомъ случаѣ тѣ, которые за услуги свои могутъ уговариваться съ казною, увеличатъ свои требованія; да и тѣмъ, которые получаютъ плату опредѣленную, въ видѣ жалованья, принуждено бываетъ правительство возвышать его, чтобы имѣть надежныхъ слугъ. Деньги, говорятъ экономисты, суть какъ бы векселя, которые получаетъ каждый за оказанную имъ обществу услугу, какого бы рода она

ни была, и притомъ векселя такого сорта, по которымъ каждый можетъ требовать себѣ уплаты отъ общества, чѣмъ онъ пожелаетъ, въ размѣрѣ, опредѣляемомъ цѣною предметовъ. Слѣдовательно, всякій, получившій въ свои руки, такъ или иначе, долю изъ бюджета, получилъ векселя на русскихъ производителей, ибо кромѣ ихъ у бюджета нѣтъ другихъ источниковъ, и притомъ такіе векселя, которые они, во что бы то ни стало, должны выдавать на себя каждый годъ. По нимъ требуютъ, конечно, уплаты. Производители и готовы расквитаться: вотъ хлѣбъ, вотъ ленъ, вотъ пенька, вотъ сало, дрова, смола, поташъ, щетина и пр. пр., все, что̀ русскіе производители имѣютъ въ своемъ распоряженіи. Но владѣтель векселей справедливо замѣчаетъ, что все это вещи очень хорошія и отчасти ему нужныя, и что поэтому въ извѣстномъ количествѣ онъ ихъ и принимаетъ себѣ въ уплату, но что, кромѣ того, онъ желаетъ имѣть винограднаго вина, кофе, чаю, сахару, шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ матерій и т. д., а такъ какъ этихъ вещей у русскихъ производителей нѣтъ, то онъ передаетъ имѣющіеся у него на нихъ векселя Бордосскимъ винодѣламъ, Ліонскимъ, Эльбёфскимъ, Манчестерскимъ фабрикантамъ, и Англійскимъ купцамъ, которые все, даже чай, хотя и плоховатый, ему доставятъ, а русскіе производители пускай разсчитываются съ ними, какъ знаютъ. Они конечно и разсчитываются хлѣбомъ, саломъ, пенькой и т. д., но что же дѣлать, ежели мѣра потребности въ этихъ полезныхъ предметахъ, выказываемая иностранцами, меньше, чѣмъ цѣнность переданныхъ имъ векселей, извѣстныхъ подъ именемъ денегъ? Ничего не остается, какъ принять на себя долгъ, долгъ ежегодно повторяющійся, и уничтожить который вовсе не во власти производителей. Какъ ни вертись, необходимо поступить въ разрядъ неоплатныхъ должниковъ, т. е. пойти въ кабалу, какъ бы въ крѣпостное состояніе, по которому часть имущества кабальнаго составляетъ собственность кредитора; и часть эта съ теченіемъ времени должна необходимо все возрастать.

Что̀-же въ этомъ случаѣ дѣлать? Такъ или иначе, а надо прійти на помощь къ должнику не по своей винѣ. Это и дѣлается посредствомъ тарифа, который вооружаетъ производителя правомъ уплачивать свои обязательства предъ владѣтелемъ его векселей, пріобрѣтающимъ ихъ черезъ посредство бюджета, собственными произведеніями, хотя бы они и были нѣсколько хуже по качеству и нѣсколько дороже по цѣнѣ. Тарифъ такъ сказать ограничиваетъ

право (или возможность) передачи векселей въ чужія иностранныя руки, что не только совершенно необходимо, но даже и совершенно справедливо, ибо должника-производителя нельзя укорить тѣмъ, что онъ мотоватъ, неразсчетливъ и выдалъ на себя болѣе векселей, чѣмъ въ состояніи уплатить, ибо выдача векселей для него обязательна. Итакъ, тарифъ, нѣкоторою долею своего вліянія, имѣетъ какъ бы характеръ контръ-бюджета, заставляетъ часть платежей по бюджету притекать обратно къ производителямъ, и притомъ не однихъ только непосредственно покровительствуемыхъ тарифомъ продуктовъ, но всѣхъ вообще, потому что долгъ, выражающійся въ упадкѣ цѣны денежныхъ знаковъ, падаетъ на всѣхъ и даже на самихъ потребителей, про которыхъ собственно нельзя даже сказать, чтобы тарифъ налагалъ на нихъ какую либо тяжесть. Положеніе ихъ таково, что имъ остается только выборъ между двумя тягостями: или платить нѣсколько дороже за необходимые для нихъ продукты, или, платя за нихъ дешевле, подвергнуться слѣдствіямъ долга, накопляющагося на всемъ государствѣ и имѣющаго своимъ необходимымъ послѣдствіемъ упадокъ денежной единицы, такъ такъ къ ней, можно сказать, приростаетъ извѣстная отрицательная величина, черезъ то, что единица эта въ извѣстной мѣрѣ лишается косвеннаго размѣна, какъ это было изъяснено выше. Но эта послѣдняя тягость несравненно тяжелѣе первой, ибо необходимо должна все болѣе и болѣе возрастать, тогда какъ первая должна все болѣе и болѣе уменьшаться, ибо и одна внутренняя конкуренція, безъ внѣшней, необходимо удешевляетъ и улучшаетъ продукты. Очевидно, что въ такомъ государствѣ, которое само производитъ значительную долю предметовъ, служащихъ къ удовлетворенію потребностей лицъ, получающихъ свое содержаніе отъ бюджета, даже и большой бюджетъ не имѣетъ свойства вводить страну въ долгъ иностранцамъ, потому что поглощаемыя бюджетомъ суммы сами собою обратно притекаютъ къ производителямъ.

VI.

Итакъ, все, что ни говорится противъ покровительственной системы, какъ вообще, такъ и въ примѣненіи къ Россіи, не имѣетъ твердаго основанія. Любопытно узнать, въ чемъ же именно заключается общій характеръ тѣхъ ошибокъ, которыя приводятъ за-

щитниковъ свободной торговли къ ложнымъ выводамъ и доставляютъ такое распространеніе ихъ теоріямъ. Я думаю, что такихъ общихъ ошибокъ—три, къ которымъ присоединяется еще четвертая, спеціально русская.

а. Экономисты весьма нерѣдко принимаютъ частные случаи за общія правила. Мы видѣли этому уже нѣсколько примѣровъ, а именно: 1) толкуя слишкомъ узко свое же собственное любимое положеніе, что цѣнность вещей зависитъ отъ отношенія между предложеніемъ и требованіемъ, они приходятъ къ тому выводу, что цѣнность бумажныхъ денегъ зависитъ единственно отъ выпущеннаго ихъ количества, тогда какъ изъ того же начала выводится, что цѣнность эта должна зависѣть и отъ торговаго баланса; а разные признаки показываютъ, что именно этотъ случай и имѣетъ у насъ мѣсто; 2) экономисты-фритредеры, то есть почти всѣ, утверждаютъ, что покровительствуемыя промышленности необходимо отвлекаютъ капиталы отъ остальныхъ. Это справедливо, но для того лишь частнаго случая, когда капиталовъ въ странѣ какъ разъ въ обрѣзъ, или точнѣе, когда всѣ капиталы страны находятся въ движеніи, и притомъ въ движеніи столь быстромъ, какое только при данныхъ условіяхъ можетъ существовать. Но, какъ только мы примемъ существованіе капиталовъ мертвыхъ, спящихъ или дремлющихъ, то результатъ покровительства можетъ состоять въ пробужденіи или оживленіи именно этихъ капиталовъ, а не въ отвлеченіи уже дѣйствующихъ отъ другихъ промышленностей—опять случай, который именно и оказался у насъ вслѣдствіе таможенной реформы графа Канкрина.

б. Экономисты утверждаютъ, что, по мѣрѣ удешевленія продуктовъ, потребленіе ихъ увеличивается въ пропорціи сильнѣйшей, чѣмъ та, въ которой произошло удешевленіе, такъ что произведеніе, получаемое отъ помноженія количества потребляемаго продукта на его цѣну, будетъ возрастать съ уменьшеніемъ цѣны. Теоретическую необходимость такого закона трудно усмотрѣть и, дѣйствительно, основаніемъ для него служатъ лишь частные случаи. Мы видѣли выше, что, какъ только введемъ въ наши соображенія понятіе о различной насыщаемости рынковъ разными товарами, то этотъ такъ называемый законъ долженъ получить большія ограниченія и, такъ сказать, изнемочь подъ тяжестью исключеній; но это еще не единственная причина, не позволяющая приписывать этому частному правилу значенія общаго закона. На количество

потребленія, кромѣ удешевленія товара, и кромѣ его различной способности насыщать рынокъ, имѣетъ вліяніе и самое общественное устройство страны. Если степени благосостоянія и развитости потребностей ея гражданъ расположены рядомъ незамѣтно переходящихъ одинъ въ другой оттѣнковъ, то, конечно, удешевленіе продукта быстро расширяетъ сферу его сбыта. Здѣсь, за пользующимися извѣстною дозою жизненныхъ удобствъ, стоятъ толпою алчущіе и жаждущіе удешевленія тѣхъ продуктовъ, которые сдѣлали бы ихъ участниками въ пользованіи тѣми же удобствами. Но тамъ, гдѣ различные классы общества, и по степени своего благосостоянія, и по характеру своихъ требованій отъ жизни, разграничены широкими промежутками, удешевленіе продукта вовсе не можетъ имѣть тѣхъ же послѣдствій; ибо, при такихъ рѣзкихъ различіяхъ, даже довольно значительное пониженіе цѣны можетъ быть еще недостаточнымъ для того, чтобы вывести потребленіе продукта за предѣлы того отдѣла общества, въ которомъ онъ доселѣ находилъ себѣ сбытъ, — потому-ли, что слѣдующее за нимъ отдѣленіе все еще слишкомъ бѣдно, чтобы его пріобрѣтать, или-же потому, что потребность эта въ немъ вовсе не развита. Напримѣръ, можно почти съ увѣренностью сказать, что пониженіе нашей таксы за письма не увеличило бы значительно числа отправляемыхъ писемъ, ибо тѣ, которые теперь писемъ не пишутъ—вовсе не потому ихъ не пишутъ, чтобы было для нихъ слишкомъ убыточно отправлять на почту, а потому, что или писать не умѣютъ, или не чувствуютъ потребности частаго сообщенія письмами.Обѣ страны можно себѣ представить въ видѣ водоемовъ, изъ коихъ одинъ съ весьма пологими, низменными, а другой съ крутыми, уступообразно возвышающимися берегами.Если мы примемъ, что пониженіе цѣны соотвѣтствуетъ въ нашемъ примѣрѣ возвышенію уровня воды въ водоемахъ, то въ первомъ случаѣ малѣйшее возвышеніе зальетъ обширное пространство берега и обратитъ его въ озеро, тогда какъ во второмъ поверхность водоема нимало не увеличится, и нужно большаго прилива воды (удешевленія), чтобы она залила слѣдующую террасу.

в. Принимая во вниманіе лишь тотъ случай мѣны, при которомъ только *одна цѣнность* товаровъ имѣетъ важность, именно случай, имѣющій мѣсто лишь при исключительно купеческомъ взглядѣ на торговлю, какъ меркантилисты, такъ и экономисты-фритредеры, приняли такой частный случай за общее правило; и

одни всю сущность, всю пользу торговли видѣли въ накопленіи драгоцѣнныхъ металловъ, а другіе не менѣе односторонне отвергаютъ торговый балансъ вообще.

г. По отношенію къ торговому балансу въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то есть касательно ввоза и вывоза драгоцѣнныхъ металловъ, можно уличить экономистовъ въ принятіи частнаго случая за общее правило еще и другимъ путемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключается существеннѣйшее различіе между драгоцѣнными металлами и прочими товарами, съ экономической точки зрѣнія? Въ томъ, что каждый изъ этихъ прочихъ товаровъ удовлетворяетъ какой либо дѣйствительной, спеціальной потребности, драгоцѣнные-же металлы, если не обращать вниманія на ихъ способность служить къ украшенію, не соотвѣтствуютъ никакой опредѣленной, дѣйствительной потребности, а, напротивъ того, служатъ къ удовлетворенію всякой потребности, но не въ дѣйствительности, а въ возможности. Ежели, поэтому, годовой результатъ торговли какой либо страны состоитъ во ввозѣ въ нее драгоцѣнныхъ металловъ, то это вѣдь значитъ, что страна своими трудами удовлетворила непосредственно или посредственно (мѣною) всѣмъ своимъ насущнымъ потребностямъ, и, сверхъ того, удовлетворила еще и нѣкоторой части своихъ будущихъ возможныхъ потребностей; такъ что, если бы на слѣдующій годъ трудъ ея былъ, на сумму равную ввезеннымъ драгоцѣннымъ металламъ, менѣе производителенъ, чѣмъ въ прошедшемъ, то она все-же могла бы прожить точно такъ-же, какъ жила прошлый годъ. Но такое удовлетвореніе будущихъ возможныхъ потребностей можетъ имѣть мѣсто или потому, что всѣ дѣйствительныя спеціальныя потребности уже удовлетворены, или потому, что въ удовлетвореніи нѣкоторыхъ изъ этихъ потребностей было отказано. Первый случай едва ли когда можетъ осуществиться на практикѣ: значитъ, мы имѣемъ дѣло только со вторымъ случаемъ. Но тутъ опять можетъ быть, что, отказывая себѣ въ удовлетвореніи нѣкоторыхъ потребностей, мы поступаемъ благоразумно, бережливо; но можетъ также случиться, что вредъ отъ такого подавленія своихъ настоящихъ потребностей далеко не окупается пользою, приносимою скопленіемъ средствъ для удовлетверенія возможныхъ будущихъ потребностей: тогда мы поступаемъ не бережливо, а скупо. Очевидно, что экономисты, ратующіе противъ заботы перетянуть на свою сторону торговый балансъ, принимаютъ въ разчетъ лишь именно этотъ вто-

рой случай, въ каковомъ торговый балансъ дѣйствительно могъ бы приносить только вредъ экономическому развитію страны, слѣдовательно опять принимаютъ частный случай за общее правило. Такого рода ошибки весьма естественны въ наукѣ, занимающейся явленіями весьма сложными, а между тѣмъ, безъ достаточныхъ средствъ анализа (отсутствіе количественнаго элемента), считающей себя въ силахъ рѣшать вопросы эти путемъ чистой теоріи, легко упускающей изъ виду многія обстоятельства. Тоже самое представляетъ намъ, напримѣръ, исторія другой науки—климатологіи. Наиболѣе поражающею причиною климатическихъ различій являются: различная высота солнца надъ горизонтомъ, или широта мѣста, и различная высота поверхности надъ уровнемъ океана. Естественно, что сначала имъ однимъ и приписывали все разнообразіе климатовъ. Когда до ученыхъ XVII и начала XVIII вѣка дошло извѣстіе о необыкновенныхъ, съ точки зрѣнія западнаго европейца, сибирскихъ холодахъ, для объясненія ихъ сочли нужнымъ прибѣгнуть къ принятію огромной выпуклости или вздутости земнаго шара на равнинахъ Сибири. Но когда узнали, что огромное вліяніе на климатъ имѣетъ распредѣленіе воды и суши, вращеніе земнаго шара, холодныя и теплыя морскія теченія и т. д., то увидѣли, что въ этой гипотезѣ нѣтъ никакой надобности, и вообще пришли къ заключенію, что вопросъ о распредѣленіи климатовъ до того усложняется, что пока вовсе не подлежитъ теоретическому рѣшенію, и что въ рукахъ климатологіи остается лишь одно средство — здравая эмпирія. Кажется, что и въ экономическихъ вопросахъ результаты, добытые такими эмпириками, какъ напримѣръ, Кольбѐръ и Фридрихъ-Великій, графъ Канкринъ и государственные люди Соединенныхъ Штатовъ, заслуживаютъ несравненно большаго уваженія, чѣмъ умозрѣнія науки, очевидно обладающей слишкомъ слабыми средствами для рѣшенія ея многосложныхъ задачъ путемъ чистой и общей теоріи.

д. Экономисты не довольно строго различаютъ объекты, къ которымъ относятся ихъ умозрѣнія, что̀ однако должно во многомъ измѣнять дѣлаемые изъ нихъ выводы. Юристы отличаютъ, напримѣръ, право частное, право публичное и право международное, по тому, что въ первомъ случаѣ объектомъ права являются отношенія частныхъ лицъ между собою, во второмъ — отношеніе частныхъ лицъ къ государству, въ третьемъ-же—государствъ между собою; и, смотря по этому различію, положенія ихъ совершенно

видоизмѣняются. Напримѣръ, въ частномъ правѣ никоимъ образомъ не допускается самоуправство и составляетъ уже само по себѣ преступленіе, какъ бы впрочемъ ни былъ справедливъ поводъ, заставившій прибѣгнуть къ нему; война-же становится дѣйствіемъ совершенно правомѣрнымъ, когда дѣло идетъ о тяжбахъ междугосударственныхъ. Не тоже ли должно оказаться, если вмѣсто юридической принять экономическую точку зрѣнія? Купецъ занимается извѣстною торговлею. Выгода его состоитъ очевидно въ томъ, чтобы покупать какъ можно дешевле и продавать какъ можно дороже, и странно говорить, чтобы ему, съ его личной точки зрѣнія, выгоднѣе было поступать иначе, такъ какъ, продавая дешевле, онъ увеличилъ бы свой сбытъ,—странно потому, что безграничное или только значительное увеличеніе сбыта для отдѣльнаго купца даже вовсе не желательно, и такъ увеличило бы его трудъ, что онъ превзошелъ бы его силы. Для отдѣльнаго купца, поэтому, желательнѣе продавать дорого, чѣмъ продавать много. Но, какъ только мы примемъ въ разсчетъ не отдѣльнаго купца, а цѣлое торговое сословіе, то заключеніе измѣнится: покупая слишкомъ дешево, сословіе это изсушаетъ источники производства; продавая слишкомъ дорого, оно вообще приведетъ къ сокращенію своихъ операцій, не вознаграждаемому обыкновенно вздорожаніемъ продуктовъ. Если имѣются въ виду отдѣльныя части государства, то никому не приходитъ въ голову защищать внутреннія таможенныя линіи, потому что ихъ невозможно защищать иначе, какъ выгодою отдѣльныхъ областей; но въ государствѣ никакой самостоятельности за отдѣльными областями не признается, и всякая выгода ихъ, если только она приноситъ ущербъ цѣлому, въ разсчетъ не принимается. Но, какъ только рѣчь идетъ о цѣломъ государствѣ, никакой высшей единицы уже не имѣется, и оно должно составлять альфу и омегу всѣхъ нашихъ теоретическихъ разсужденій и практическихъ заботъ: если наше государство отъ какой либо мѣры выигрываетъ, мы можемъ оставаться совершенно равнодушны къ тому, выигрываетъ или проигрываетъ человѣчество вообще. Поэтому, и политико-экономы должны бы смотрѣть на свой предметъ единственно съ государственной, а не съ космополитической точки зрѣнія, и, во всякомъ случаѣ, если и могутъ принимать въ кругъ своихъ умозрѣній все человѣчество, то только тѣмъ изъ своихъ выводовъ должны придавать практическую цѣну, которые сообразны съ выгодами государства, хотя бы даже онѣ

были выгодами исключительными. Съ точки зрѣнія космополитической можно конечно доказывать, что, если какое государство ограждаетъ себя тарифами, то тѣмъ уменьшаетъ общую производительность, ибо, если имѣетъ нужду въ тарифѣ, то не по чему другому, какъ потому, что должно, при извѣстныхъ условіяхъ своего развитія, затрачивать бо̀льшіе труды и капиталы на какую либо отрасль промышленности, чѣмъ другія государства. Но какое намъ дѣло до общей производительности? Для насъ важно то, чтобы наша производительность была велика, и чтобы мы всегда имѣли достаточно средствъ для удовлетворенія своимъ потребностямъ, непосредственно или посредственно (мѣною). Въ этихъ послѣднихъ двухъ словахъ и заключается собственно вся теорія свободной торговли, утѣшающая тѣмъ, что вѣдь даромъ никто ничего не даетъ, и что если мы будемъ въ бо̀льшемъ количествѣ производить тѣ изъ предметовъ, которые для насъ сподручнѣе, то и будемъ за нихъ получать потребные намъ иностранные продукты съ бо̀льшею выгодою, чѣмъ ежели бы сами ихъ производили. Мнѣ кажется, что въ томъто именно и бѣда, что даромъ никто ничего не даетъ. Если бы, напримѣръ, международная мѣна производилась по Сенъ-симонистской формулѣ—à chacun selon ses besoins, тогда пожалуй и на свободную торговлю можно бы согласиться: пусть брали бы у насъ Англичане столько хлѣба, сколько имъ надо, и давали за то сахару, бумажныхъ матерій, стальныхъ издѣлій и т. д., не столько, сколько взятый ими хлѣбъ стоитъ, а сколько намъ этихъ произведеній нужно: тогда пожалуй. Но, такъ какъ утвержденіе, что намъ не можетъ быть нужно этихъ фабрикатовъ и продуктовъ болѣе, чѣмъ сколько мы производимъ хлѣба, сала, пеньки и прочаго; равно какъ и другое утвержденіе, что иностранцы всегда у насъ потребуютъ этихъ продуктовъ никакъ не менѣе, чѣмъ сколько намъ можетъ понадобиться ихъ произведеній и услугъ — суть ничто иное какъ совершенно произвольныя гипотезы, прямо опровергаемыя фактомъ нашего низкаго вексельнаго курса, то мы и не можемъ удовольствоваться утѣшеніемъ, что даромъ никто ничего не даетъ. Намъ надо бы имѣть еще другое, что не потребуютъ отъ насъ въ уплату чего-либо такого, что̀ намъ отдавать невыгодно, или за неимѣніемъ этого другого не поставятъ насъ въ разрядъ неоплатныхъ должниковъ. Мы не думаемъ отвергать, хотя и не беремся доказывать, что, если бы иностранцы могли свободно ввозить въ Россію все, что̀ имъ вздумается, то ихъ производитель-

ность увеличилась бы въ большей мѣрѣ, чѣмъ наша бы оскудѣла; даже не отвергаемъ и того, что мы могли бы въ этомъ случаѣ производить болѣе тѣхъ продуктовъ, добываніе которыхъ фритредеры считаютъ нашимъ естественнымъ промышленнымъ поприщемъ, и что, слѣдовательно, средняя производительность человѣчества черезъ это бы усилилась. Мы опасаемся лишь того, что такое удешевленіе продуктовъ было бы не въ нашу пользу. Мы знаемъ, что по мѣрѣ усиленія предложенія падаетъ цѣна, а между тѣмъ нисколько не увѣрены, что требованіе иностранцевъ возрастетъ въ той же мѣрѣ, въ каковой усилится наше предложеніе, чтобы такимъ образомъ поддержать цѣну нашихъ продуктовъ; и, наоборотъ, не увѣрены, чтобы, съ усиленіемъ предложенія иностраннаго, наше требованіе не возрасло еще въ сильнѣйшей степени. Во всемъ этомъ мы не увѣрены, или даже увѣрены въ противномъ, потому что принимаемъ въ разсчетъ различіе въ товарахъ по ихъ способностямъ насыщать рынокъ, и знаемъ, что рынокъ гораздо растяжимѣе для предметовъ роскоши, чѣмъ для предметовъ необходимости; принимаемъ въ разсчетъ также и особенности нашего общественнаго устройства. Поэтому, среднее для всего человѣчества усиленіе производительности не имѣетъ въ нашихъ глазахъ ровно никакой цѣны. Но, скажутъ, если требованіе на наши продукты будетъ меньше, чѣмъ наши требованія на продукты иностранные, то volens-nolens придется намъ отказаться отъ части сихъ послѣднихъ, и что такимъ образомъ возстановится вождѣленный экономическій порядокъ. Да, возстановился бы, отвѣтимъ мы, если бы не предстояло возможности дѣлать долговъ, и если бы разнаго рода удобствъ и наслажденій нельзя было оплачивать—не результатами своего труда, а все возрастающею долею своего имущества, какъ оплачивала Португалія, оплачиваетъ Турція,, да и мы уже начали оплачивать. Такая расплата возможна для частныхъ лицъ, называемыхъ мотами и расточителями, и не знаемъ, почему бы ей быть невозможною для цѣлыхъ народовъ и государствъ. Можетъ быть за такое, будто бы низкое, мнѣніе о своемъ народѣ, сравниваемомъ съ мотами и расточителями, насъ обвинятъ въ недостаткѣ уваженія къ своему народу. Такое обвиненіе было бы весьма неосновательно. Если народъ и государство могутъ, точно такъ же какъ и отдѣльныя лица, расточать свое имущество, то упрекъ въ расточительности, справедливый относительно частныхъ лицъ, совершенно несправедливъ, однако, относительно народа,

когда этотъ-послѣдній поставленъ въ обстоятельства благопріятныя расточительности. Всѣ впечатлѣнія и дѣйствія отдѣльнаго лица приходятъ къ единству въ его сознаніи, гдѣ они обсуживаются, и гдѣ могутъ и должны направляться къ его благу. Дѣйствія-же отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ народъ, не сосредоточиваются въ такое единство въ сознаніи народномъ; это можетъ происходить лишь въ правительствѣ, какъ народномъ органѣ, которое слѣдовательно и принимаетъ мѣры противъ всего, чтò грозитъ народу бѣдою, а, слѣдовательно, и мѣры противъ расточительности народной, которая совсѣмъ иное дѣло, чѣмъ расточительность частная, и можетъ имѣть мѣсто даже въ томъ случаѣ, когда отдѣльныя лица будутъ оставаться вполнѣ экономны въ качествѣ отдѣльныхъ лицъ, какъ доказано было это выше, при разборѣ вліянія производимаго нашимъ бюджетомъ. Принимающіе за объектъ своихъ экономическихъ умозрѣній все человѣчество могутъ возразить, что теперь сознается уже солидарность, существующая между отдѣльными государствами, и что, слѣдовательно, здравая экономическая политика можетъ то лишь считать выгоднымъ для одного государства, чтò выгодно и для другаго, что эксплуатація одного другимъ невозможна, и что истощеніе одной страны, при системѣ свободной торговли, отражается и на другихъ. Но мы и не говоримъ, чтобы дѣло шло объ эксплуатаціи преднамѣренной. Наука учитъ также, что между благосостояніемъ сельскаго хозяйства и составомъ почвы, имъ обработываемой, существуетъ полнѣйшая солидарность. Но пусть хозяиномъ будетъ хоть самый вѣрный ученикъ Либиха: если во владѣніи его находятся обширныя плодородныя степи, помѣшаетъ ли это ему вести залежное хозяйство, вытягивая изъ одного участка всѣ жатвы, которыя только онъ можетъ дешевѣйшемъ образомъ доставить, а потомъ, забросивъ его, и предоставивъ медленному разложенію породъ вознаграждать понесенные почвою убытки, обращаться къ другимъ участкамъ, въ надеждѣ, что къ тому времени, какъ ему снова придется прибѣгнуть къ первому, этотъ успѣетъ уже возстановить свое плодородіе? Не такое ли точно отношеніе существуетъ между государствами мануфактурными и торговыми,—особливо такими, которыя, споспѣшествуемыя, какъ Англія, разными благопріятными обстоятельствами, успѣли захватить въ свои руки всемірную торговлю,—и странами земледѣльческими? Что за бѣда для Англіи, которая можетъ эксплуатировать весь шаръ земной, если какая-нибудь изъ этихъ странъ истощится

наконецъ подъ слишкомъ усиленнымъ извлеченіемъ ея природныхъ богатствъ: развѣ нѣтъ въ запасѣ Сѣверной Америки, обѣихъ Индій, Китая, странъ Южной Америки, Австраліи и проч.? Къ тому времени, когда придется снова обратиться къ истощенной странѣ, она успѣетъ отлежаться, а между тѣмъ наибольшая производительность, какая только возможна въ данное время, будетъ достигнута. Конечно, ежели бы сберечь силы этихъ странъ, и постепенно развивать ихъ средства, хотя бы съ временнымъ уменьшеніемъ средняго итога общей производительности, результатъ вышелъ бы болѣе выгодный, даже и съ точки зрѣнія, не политической, а космополитической экономіи. Но неужели-же думать за цѣлыя столѣтія впередъ, и кто-же будетъ управлять этимъ благоразумнымъ ходомъ? Неужели вполнѣ разнузданная конкуренція, полное laissez faire, laissez aller, т. е. промышленный эгоизмъ?

Политическая экономія смотритъ на государства, такъ сказать, какъ на существа исключительно экономическія, забывая всѣ прочія ихъ отношенія. Конечно, она въ правѣ такъ поступать въ видахъ упрощенія задачъ: разсматриваетъ-же механика, напримѣръ, рычаги, какъ не гибкія, не имѣющія вѣса линіи; но вѣдь это право предоставляется ей только съ тѣмъ, чтобы, какъ только она задумаетъ отъ этихъ теоретическихъ рычаговъ перейти къ дѣйствительнымъ, отнюдь бы не забывала ввести въ свои выкладки и прочія свойство настоящихъ рычаговъ, оставленныя ею пока безъ вниманія. Чтó сказали бы мы о докторѣ, который изо всей физіологіи не хотѣлъ бы ничего знать, кромѣ системы питанія, и, на томъ основаніи, что мясо всего удобоваримѣе и питательнѣе, прописывалъ бы мясную діэту даже въ случаѣ воспаленія? Ежели бы съ отвлеченно-экономической точки зрѣнія теорія свободной торговли не подлежала никакимъ возраженіямъ—наше мнѣніе не таково—все-же не слѣдовало бы забывать, что торговля эта производится не гдѣ-либо въ безвоздушномъ пространствѣ, а между государствами, которыя, кромѣ экономическихъ, имѣютъ и многіе другіе интересы. Если бы свобода торговли имѣла лишь ту невыгоду, что лишала бы государство свободы въ его политическихъ движеніяхъ, оставляла бы его безъ обезпеченія на случай войны, то одного этого было бы уже достаточно, чтобы не допускать этой теоріи до практическаго осуществленія, несмотря на всю ея отвлеченную справедливость.

Наши русскіе приверженцы свободной торговли, или покрайней мѣрѣ большинство ихъ, погрѣшаютъ еще особымъ образомъ. Какъ въ экономическихъ, такъ и во всѣхъ вопросахъ, мы по справедливости привыкли видѣть въ Европейцахъ своихъ учителей, а ученикъ, какъ извѣстно, всегда склоненъ клясться словами учителя. Фраза «современное человѣчество, современная наука дошла до того-то и того-то» имѣетъ для насъ магическую силу, хотя не худо бы имѣть въ виду, что подъ современнымъ человѣчествомъ разумѣются собственно Нѣмцы, Французы и Англичане, и что «современный» есть весьма нелестный эпитетъ для науки. Главное достоинство несомнѣнныхъ, положительныхъ истинъ въ томъ и заключается, что онѣ принадлежатъ не «современной наукѣ», а, напротивъ того, наукѣ всѣхъ временъ. Что Нѣмцы, Французы и Англичане сдѣлали много для науки, сдѣлали больше, чѣмъ какіе либо народы съ самаго начала исторіи,—это не подлежитъ сомнѣнію; но ихъ научное могущество не даетъ имъ еще патента на полное безпристрастіе, на полную объективность въ дѣлѣ знанія. Если они предлагаютъ намъ какое либо открытіе или ученіе въ наукахъ математическихъ, физическихъ, филологическихъ, мы не имѣемъ никакого резона быть предубѣжденными противъ истины этихъ ученій на томъ основаніи, что они суть результатъ, добытый мыслителями изъ этихъ національностей; напротивъ, зная, сколько великаго сдѣлано ими въ наукахъ, это является скорѣе предубѣжденіемъ въ пользу этихъ ученій. Но, ежели намъ возвѣщаютъ исторію Наполеона, написаную французомъ, исторію Вильгельма Оранскаго написанную англичаниномъ, хотя бы онъ былъ Маколей, исторію войны 1813 года, написаную нѣмцемъ, не въ правѣ ли мы ожидать въ этихъ сочиненіяхъ пристрастнаго взгляда, и не должны ли вооружиться заранѣе критикою, приступая къ ихъ чтенію? Почему, вообще, такъ мало склонны всѣ довѣрять современной исторіи? Не потому ли, что требуемые ею безпристрастіе и объективность взгляда считаются выше силъ человѣческихъ? Но почему-же то, чтó справедливо по отношенію къ вопросамъ историческимъ, несправедливо по отношенію къ вопросамъ экономическимъ? Развѣ современный интересъ тутъ еще не гораздо болѣе замѣшанъ, чѣмъ въ исторіи, которая всегда уже имѣетъ дѣло съ прошедшимъ? Вопросы-же въ родѣ вопросовъ о свободной торговлѣ задѣваютъ за живое настоящее и ближайшее будущее страны. Или народное тщеславіе способно ослѣплять самые здравые умы,

а національные интересы этого сдѣлать не могутъ, не могутъ заставить видѣть въ истинѣ частной, односторонней — истину всеобщую? Если гдѣ, то здѣсь именно благоразумно сомнѣніе, выражаемое въ пословицу вошедшимъ стихомъ:

Timeo Danaos et dona ferentes.

Вѣдь ученіе о свободной торговлѣ есть ученіе англійское, а не въ англійскихъ ли видахъ—достигать безпрестанно расширенія сбыта своихъ произведеній, во что бы то ни стало, per fas et nefas, хотя бы произведеніе это былъ опіумъ, и обезпечивать его сбытъ пришлось посредствомъ пушекъ, направленныхъ на мирный и беззащитный народъ? Конечно, этотъ аргументъ, возбуждающій недовѣріе къ чистотѣ источника, изъ коего проистекаетъ ученіе, не можетъ примѣняться ко всѣмъ его послѣдователямъ. Иные приняли догматъ фритредерства, подвергнувъ его предварительно достодолжной критикѣ, или покрайней мѣрѣ мнятъ о себѣ, что такъ поступили. Но пусть большинство адептовъ вникнетъ въ то побужденіе, которое заставляетъ ихъ держаться этого ученія; если они захотятъ быть добросовѣстными съ самими собою, то увидятъ, что главную роль играла тутъ не истинность его сама по себѣ, а то, что въ ихъ глазахъ оно запечатлѣно печатью прогресса и современности, какъ произведеніе тѣхъ народовъ, отъ которыхъ они привыкли ожидать рѣшенія всѣхъ интересующихъ человѣчество задачъ. На этотъ разъ, покрайней мѣрѣ, не худо бы было, сохраняя достодолжное уваженіе къ стоящимъ во главѣ человѣчества и его прогресса, вспомнить, что никто не судья въ собственномъ дѣлѣ.

Этотъ аргументъ можно, по видимому, обратить и на приверженцевъ того ученія, которое мы здѣсь защищаемъ. Да мы и не ищемъ абсолютной экономической истины, а просто экономической пользы Россіи. Если бы и противники наши говорили, что свободная торговля требуется во имя выгодъ и пользъ Англіи, напримѣръ, а не всѣхъ вообще странъ и народовъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ,—то мы бы и не имѣли ничего возразить противъ нихъ, такъ какъ не утверждали ничего иного кромѣ того, что и свободная торговля, и протекціонизмъ, не суть общія нормы международной мѣны, а только частные случаи, изъ которыхъ въ однихъ обстоятельствахъ одинъ, а въ другихъ—другой, могутъ и должны имѣть примѣненіе.

VI.

Изложивъ истинныя причины нашихъ экономическихъ и финансовыхъ бѣдствій, остается спросить: какъ же избавиться намъ отъ этихъ бѣдствій? Что въ чисто финансовомъ отношеніи бѣдствія эти выражаются однимъ словомъ „дефицитъ", объ этомъ никто не споритъ. Но все доселѣ сказанное и доказанное ведетъ къ несомнѣнному заключенію, что и общія наши экономическія бѣдствія, выражающіяся въ паденіи цѣнности денежной единицы, — также точно, во всей полнотѣ своей, опредѣляются тѣмъ же самымъ словомъ „дефицитъ". Дефицитъ по балансу международной мѣны, безпрестанно возрастающій долгъ, не государственный только, но и народный, есть отрицательная величина, которая прикладывается ко всякой нашей положительной цѣнности, означая, что во всемъ, что̀ мы имѣемъ и что̀ только поступаетъ въ мѣну, часть принадлежитъ уже не намъ. Однимъ удается свалить этотъ, ко всему присоединяющійся, минусъ на другихъ, а самимъ остаться безъ убытку; но тѣмъ сильнѣе ложится тягость его на тѣхъ, которымъ это не удается. Слѣдовательно, все лѣченіе въ обѣихъ сферахъ, какъ спеціально финансовой, такъ и общеэкономической, сводится на уничтоженіе дефицита; и та связь, то взаимнодѣйствіе, которыя существуютъ между обѣими этими сферами, скорѣе облегчаютъ, чѣмъ затрудняютъ лѣченіе, ибо все, что̀ послужитъ къ уменьшенію одного дефицита, поведетъ и къ уменьшенію другаго; и, если хорошо выбрать лѣкарство, то, чѣмъ какая либо мѣра окажется менѣе дѣйствительною въ отношеніи одного дефицита, тѣмъ болѣе дѣйствительною будетъ она въ отношеніи другаго, слѣдовательно косвенно воздѣйствуетъ и на первый. И такъ, надо пройти весь тотъ рядъ причинъ, который производитъ нашъ дефицитъ, и противодѣйствовать каждой изъ нихъ. Пройдемъ же ихъ по порядку.

1. На дефицитъ имѣетъ вліяніе уплата процентовъ по государственнымъ долгамъ. Уменьшить ихъ прямо — невозможно: по крайней мѣрѣ налогъ на государственную ренту почитается мѣрою столь радикальною, что лучше объ ней и незаикаться, хотя въ сущности, что̀ же можетъ быть справедливѣе ея? Государство обезпечиваетъ безопасность жизни, свободы и имущества гражданъ, и на это обезпеченіе требуетъ отъ нихъ доли изъ ихъ

доходовъ. Земледѣлецъ, фабрикантъ, купецъ, всѣ платятъ: почему бы одному живущему рентою, то есть именно тому, кто всего ближе и непосредственнѣе чувствуетъ обезпеченіе, которымъ онъ пользуется,—не платить? Но оставимъ это. Одна уже увѣренность, что новые долги будутъ дѣлаться лишь въ случаѣ крайней необходимости, должна улучшить общее положеніе дѣлъ, а эта увѣренность можетъ породиться лишь уменьшеніемъ государственныхъ расходовъ. Въ этомъ всѣ согласны, и говорить про это нечего; разсуждать же о томъ, какъ и какіе расходы слѣдуетъ уменьшить, могутъ только тѣ, которымъ извѣстны всѣ малѣйшія подробности бюджета.

2. Мѣновой дефицитъ происходитъ отъ того, что мы мало сбываемъ за границу. Но увеличить сбытъ, по крайней мѣрѣ увеличить его скоро, мы можемъ только однимъ средствомъ, — улучшеніемъ путей сообщенія, что̀, въ свою очередь, сводится главнѣйше къ устройству желѣзныхъ дорогъ. Объ этомъ также никто не споритъ. Слѣдовательно и намъ толковать нечего.

3. Мѣновой дефицитъ происходитъ отъ излишняго ввоза, на расплату за который, при другихъ расходахъ, не только не хватаетъ своихъ произведеній, но даже золота и серебра, и приходится расплачиваться долговыми обязательствами. Уменьшить вредный излишекъ ввоза можно только пересмотромъ таможеннаго тарифа. Требуетъ ли выгода нашей промышленности усиленія тарифа по нѣкоторымъ отраслямъ, и по какимъ именно,—это можетъ рѣшить только спеціальная коммисія. Но достовѣрно то, что уже одно положительное ручательство въ томъ, что тарифъ не будетъ сбавляемъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, обезпечило бы промышленность, вызвало бы новыя фабрики, повело бы къ улучшенію существующихъ и, усиливъ внутреннюю конкуренцію, удешевило бы продукты и тѣмъ уменьшило ввозъ тѣхъ иностранныхъ товаровъ, которые ввозятся, несмотря на обложеніе ихъ пошлиною. Достовѣрно также, что есть производства, какъ напримѣръ, машинное, которыя для своего развитія необходимо требуютъ тарифнаго покровительства. Достовѣрно, что общая польза требуетъ запрещенія ввоза съ западной границы нѣкоторыхъ продуктовъ, какъ напримѣръ чая, провозъ котораго былъ разрѣшенъ въ послѣднее время. Любопытно, въ самомъ дѣлѣ, сравнить, кому это измѣненіе положеній о чайномъ тарифѣ принесло выгоды, и кому невыгоды?

Невыгоды принесло оно:

а) Казнѣ, которая, съ уменьшеніемъ пошлины на кяхтинскій чай, получаетъ теперь съ него менѣе доходу, чѣмъ прежде.

б) Всѣмъ потребителямъ, которые, не видя ни малѣйшаго удешевленія, находятся однако въ крайнемъ затрудненіи получать продуктъ хорошаго качества, ибо не увѣрены, не примѣшанъ ли къ нему кантонскій чай, и по этому должны выписывать чаи лишь отъ извѣстныхъ столичныхъ фирмъ, разомъ въ большомъ количествѣ (дабы избѣжать почтовыхъ расходовъ), что̀ конечно не для всѣхъ возможно, а для всѣхъ затруднительно.

в) Фабрикантамъ сбывающимъ свои произведенія въ Китай, въ обмѣнъ за чай, и страдающимъ отъ уменьшенія сбыта. Если это уменьшеніе сбыта и менѣе чувствительно, чѣмъ можно было ожидать, такъ причиною тому не иное что, какъ открытіе имъ доступа на внутренніе рынки Китая, вслѣдствіе новаго трактата о томъ съ этою державою. Но трактатъ имѣлъ бы несравненно выгоднѣйшіе результаты, если бы непосредственная торговля съ Китаемъ не уменьшилась.

г) Занимавшимся провозомъ чая съ Китайской границы до нашихъ центральныхъ рынковъ, а также и нашихъ товаровъ, идущихъ на обмѣнъ въ Китай. Сколь значительна эта потеря для Сибири, края нуждающагося въ оживленіи, можно видѣть изъ слѣдующаго приблизительнаго разсчета. Чаю привозилось изъ Китая по крайней мѣрѣ 300,000 пудовъ; полагая провозъ только съ небольшимъ втрое дороже чѣмъ по желѣзной дорогѣ, т. е. по 50 коп. съ пуда за 600 верстъ, получимъ на 6,000 верстъ (раздѣляющихъ Нижній-Новгородъ отъ Китайской границы) 1.500,000 рублей, не считая провоза товаровъ въ обратномъ направленіи.

Кто-же получилъ выгоды?

а) Изъ русскихъ, только тѣ недобросовѣстные торговцы, которые подмѣшиваютъ кантонскій чай къ настоящему, и, скрывая это, продаютъ подмѣсь за кяхтинскій. Затѣмъ—

б) Англійскіе купцы ведущіе торговлю съ Кантономъ и увеличивающіе свои обороты на столько, на сколько уменьшаются обороты русскихъ купцовъ.

в) Англійскіе или вообще иностранные судохозяева, которые пользуются фрахтомъ за то количество чаю, которое доставляютъ моремъ изъ Китая къ портамъ Россіи и, такимъ образомъ, замѣняютъ нашихъ извощиковъ.

Но имѣетъ ли это допущеніе ввоза кантонскаго чая прямое вредное вліяніе на торговый балансъ, а слѣдовательно и на упадокъ денежнаго курса? По всѣмъ вѣроятіямъ—да. Правда, нельзя доказать, чтобы происшедшій отъ этого излишекъ ввоза черезъ западную границу оплачивался весь, или по крайней мѣрѣ отчасти, лишнимъ выпускомъ денегъ, но достовѣрно, что, ежели бы ввозъ чая съ этой стороны и прекратился, то это не удержало бы Англичанъ покупать потребные для нихъ продукты и за деньги, когда нельзя будетъ покупать ихъ за чай; прямо же отъ Китая всегда будетъ возможно вымѣнивать чай на товары. Если и случались годы, когда за чай шло отъ насъ въ Китай серебро, то происходило это лишь вслѣдствіе случайныхъ и временныхъ причинъ. Отъ возстановленія непосредственной торговли съ Китаемъ въ прежнемъ размѣрѣ есть, слѣдовательно, основаніе ожидать нѣкотораго улучшенія въ нашемъ торговомъ балансѣ.

Количество ввозимыхъ къ намъ иностранныхъ товаровъ далеко еще не исчерпывается тѣми товарами, къ которымъ прикладывается таможенное клеймо. Всѣмъ извѣстно, что огромная масса товаровъ идетъ къ намъ контрабандою. Какъ велика должна быть эта масса, видно изъ напечатаннаго въ „Торговомъ Сборникѣ" извѣстія, что на одной только трети протяженія прусской границы украдено у казны около 11 милліоновъ пошлины. Не преувеличено ли это показаніе? Трудно предполагать тутъ преувеличеніе, когда показаніе извлечено изъ свѣдѣній обнародованныхъ въ Пруссіи. Не станутъ же, въ самомъ дѣлѣ, Прусаки сами на себя клепать и нарочно обращать вниманіе нашего правительства, нуждающагося въ финансовыхъ средствахъ, на тѣ огромные убытки, которые оно несетъ по милости контрабандистовъ. Или они уже такъ увѣрены въ успѣхахъ у насъ фритредерства, что думаютъ будто опасаться нечего, и что великость зла только скорѣе заставитъ склонить передъ нимъ шею? По негодованію, возбуждающемуся въ органахъ прусскаго торговаго міра, когда рѣчь заходитъ о мѣрѣ столь справедливой, какъ заключеніе картельнаго договора, также нельзя не заключить о важности интересовъ, замѣшанныхъ въ контрабандной торговлѣ съ Россіею. Извѣстная петербургская рѣчь г. Молинари, какъ идущая изъ враждебнаго лагеря, также удостовѣряетъ, что тутъ нѣтъ преувеличенія. По его словамъ, „Записка" г. Мичеля (которой намъ не удалось прочесть) показываетъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ имъ на мѣстѣ (а вѣдь не по

всей же русской границѣ разъѣзжалъ г. Мичель), и съ помощію вычисленій, основанныхъ на minimum, что больше половины мануфактурныхъ произведеній, входящихъ въ Россію, ввозится тайкомъ.

И такъ, навѣрное больше 30 милліоновъ пошлины крадется у правительства. И это только minimum. Еще поучительна рѣчь графа Бисмарка на запросъ депутата Валигорскаго. Прусскій министръ говоритъ, что Пруссія могла бы легко добиться отмѣны нѣкоторыхъ стѣснительныхъ для ея подданныхъ распоряженій русскаго правительства, если бы согласилась на заключеніе картельнаго договора относительно контрабанды, и полагаетъ, что прусское купечество должно быть благодарно своему правительству за то, что это послѣднее медлитъ заключеніемъ подобнаго договора: „я думаю, что купечеству *дорого пришлось бы поплатиться за такой договоръ*", добавляетъ министръ. Любопытное сознаніе! Прусскій министръ дѣлаетъ также весьма поучительное раздѣленіе нашей контрабанды на *законную* и *незаконную*, причемъ намекаетъ, что главные обороты производятся именно въ области той изъ двухъ этихъ контрабандъ, которой придаетъ онъ юмористическое, возбудившее хохотъ палатъ, названіе „законной". — Конечно, это и у насъ ни для кого не было тайною; но слова знаменитаго прусскаго государственнаго мужа придаютъ частнымъ по этому предмету свѣдѣніямъ оффиціальный характеръ, ибо нельзя же, чтобы прусскому министру не было извѣстно, какимъ путемъ главнѣйше проникаетъ контрабанда изъ Пруссіи въ Россію. Почему бы, кажется, не принять мѣръ къ искорененію этого зла? Это имѣло бы благодѣтельное вліяніе въ нравственномъ отношеніи и сдѣлало бы покровительство, оказываемое нашей промышленности, вполнѣ дѣйствительнымъ. Расширивъ значительно ея сбытъ, уничтоженіе контрабанды усилило бы доходы казны многими милліонами; уменьшивъ же ввозъ—улучшило бы нашъ денежный курсъ. Въ этихъ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ, мѣры, принятыя противъ контрабанды, имѣли бы то неоцѣненное свойство, что чѣмъ менѣе были бы они удачны въ прямомъ дѣйствіи на усиленіе доходовъ казны, тѣмъ удачнѣе были бы онѣ относительно торговаго баланса и возвышенія нашего курса, а, слѣдовательно, тѣмъ сильнѣе бы, хотя и косвенно, содѣйствовали улучшенію нашихъ финансовъ, и на оборотъ. Всѣ знаютъ, что существуетъ огромная контрабанда, и когда нужно, какъ напримѣръ при разрѣшеніи ввоза кантонскаго чая,

даже преувеличиваютъ ея значеніе: почему же не попытаться прекратить это зло, когда его прекращеніе обѣщаетъ столько положительнаго, осязательнаго добра? Потому—провозглашаетъ извѣстное ученіе—что уничтоженіе контрабанды есть какъ бы финансовая квадратура круга, рѣшеніе которой почитается такимъ же сумасбродствомъ, какъ и рѣшеніе этой знаменитой математической задачи. Едва ли не придумано даже экономическаго или статистическаго закона—благо имя имъ легіонъ — по которому съ усиленіемъ пошлины и контрабанда возрастаетъ въ какой-то фатальной, неизбѣжной какъ рокъ, прогрессіи. Но зачѣмъ же намъ добиваться такихъ точныхъ рѣшеній какъ въ математикѣ, если въ финансовой квадратурѣ можно достигнуть сотой, тысячной доли приблизительности достижимой въ математической? Вѣдь этого было бы достаточно. А что приблизительно можно бы уничтожить контрабанду, въ этомъ удостовѣряетъ насъ всѣмъ извѣстный опытъ, произведенный въ самыхъ обширнѣйшихъ размѣрахъ. Когда господствовалъ винный откупъ, въ прибалтійскихъ губерніяхъ, въ сѣверо- и юго-западномъ краѣ, и въ губерніяхъ малороссійскихъ, вино было несравненно дешевле и лучше, чѣмъ въ непривилегированной части Россіи. Откупщики ухитрились однако, и ухитрились весьма успѣшно, не допускать дешеваго и хорошаго вина черезъ граничную черту, которая своимъ протяженіемъ не уступала той части нашей внѣшней границы, черезъ которую главнѣйше проникаетъ къ намъ контрабанда; а какая же контрабанда можетъ сравниться привлекательной силой своей съ силою дешеваго вина? Но этого еще мало: каждая губернія и многіе уѣзды губерній были отдѣлены другъ отъ друга весьма успѣшно охраняемыми винно-таможенными чертами. Почему же откупщикамъ, у которыхъ не было въ распоряженіи ни многочисленной пограничной стражи, ни казаковъ, ни арміи, возможно было побѣждать неизбѣжный какъ рокъ, фаталически-экономическій законъ, а всѣ силы Россійскаго Государства должны передъ нимъ пасовать? Вотъ это такъ ужь дѣйствительно непостижимый законъ! Намъ извѣстенъ еще слѣдующій фактъ изъ исторіи борьбы откупа—не съ корчемствомъ, которое почему-то не считается непобѣдимымъ, — а съ самою уже непобѣдимою контрабандою. Корчемная стража Санктпетербургскаго виннаго откупа, равно какъ и руководители ея, находили для себя полезнымъ преслѣдовать, за одно съ виномъ, и всякую другую контрабанду, и въ этомъ преслѣдованіи оказывалъ откупъ столь

успѣшное соперничество съ офиціальною таможенною стражею, что на сумму, выручаемую продажею перехватываемой контрабанды (откупъ конечно не предавалъ ее уничтоженію, а продавалъ тайкомъ въ свою пользу), не только содержалъ онъ всю дорогостоющую корчемную стражу, кабачныхъ ревизоровъ и т. п., но имѣлъ еще и довольно значительный барышъ. А вѣдь врагами откупа, кромѣ самихъ контрабандистовъ и экономическаго закона, была еще и законная таможенная стража, у которой отнималась принадлежащая ей выгода, и вся столичная полиція,—и всетаки откупъ успѣвалъ. Уничтоженіе контрабандной язвы составляетъ въ настоящую минуту дѣйствительнѣйшее средство къ совершенно неотяготительному для народа усиленію финансовыхъ средствъ казны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ возвышенію курса нашихъ ассигнацій, слѣдовательно опять таки къ усиленію средствъ казны.

5. Другимъ средствомъ, раздѣляющимъ съ предъидущимъ неоцѣненное свойство вознаграждать неудачу въ прямо финансовомъ результатѣ тѣмъ бóльшимъ успѣхомъ относительно возвышенія курса кредитныхъ билетовъ, является налогъ на путешествующихъ и проживающихъ за границей, налогъ, который, чтобы быть дѣйствительнымъ, долженъ быть высокъ, напримѣръ около 500 или 600 руб. въ годъ, но который, для облегченія ѣздящихъ на краткій срокъ, могъ бы уменьшаться въ сильнѣйшей пропорціи, чѣмъ уменьшается время отсутствія за границею. Проживаніе за границею, съ одной стороны, совершенно равняется иностранному ввозу товаровъ, ибо при этомъ обмѣниваются на русскіе товары, деньги, или иныя средства уплаты—не только тѣ продукты, которые проживающіе за границей потребляютъ, но еще и разнаго рода услуги, которыя уже никоимъ образомъ не могли бы ввозиться; съ другой же стороны, всѣ тѣ услуги, которыя эти лица потребовали бы для себя живя въ Россіи, услуги, немогущія быть предметомъ вывоза, какъ-то: помѣщеніе, отопленіе, трудъ ремесленниковъ, домашней прислуги, а также многіе жизненные припасы, вывозу не подлежащіе—остаются вовсе безъ требованія, и потому не производятся. Наконецъ, и многіе мануфактурные товары, которые, оставаясь въ экономіи отъ внутренняго потребленія вслѣдствіе того, что проживающіе за границею ихъ не употребляютъ, хотя и могли бы, по природѣ своей, служить предметомъ вывоза, въ дѣйствительности не вывозятся, потому что и для внутренняго сбыта требуютъ покровительства; ихъ, слѣдовательно, также перестаютъ

производить. Принимая въ разсчетъ развитіе, которое приняло въ послѣдніе годы проживательство за границей, нельзя не придти къ заключенію, что все это на нѣсколько десятковъ милліоновъ понижаетъ нашъ торговый балансъ и, можетъ быть, на не менѣе значительную сумму уменьшаетъ требованія на продукты русской промышленности и на русскій трудъ. О нравственномъ вредѣ абсентеизма, грозящаго многими бѣдствіями Россіи въ будущемъ, особливо при вкоренившемся гибельномъ и постыдномъ обычаѣ воспитывать дѣтей за границею, мы уже и не говоримъ.

Но, скажутъ, такая мѣра есть стѣсненіе свободы. Безъ малѣйшаго сомнѣнія. Чтó же однако изъ этого слѣдуетъ? Не только жизнь въ государствѣ, но даже простое сожительство двухъ лицъ стѣсняетъ уже ихъ свободу. Весь вопросъ въ томъ, чтобы свобода стѣснялась какъ разъ на столько, на сколько этого требуетъ общее благо, никакъ не болѣе и никакъ не менѣе; всякій же излишекъ, не менѣе чѣмъ и всякій недостатокъ свободы противу этой нормы, долженъ отзываться вредными послѣдствіями. Все правительственное искусство состоитъ въ томъ, чтобы, при данныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, отыскать эту норму. Налогъ на проживательство за границею стѣсняетъ свободу, и качественно, и количественно, не иначе, какъ это дѣлаетъ и всякій другой налогъ. Развѣ налогъ на табакъ, на сахаръ, на соль, словомъ на что угодно, не лишаетъ меня свободы, заставляя употреблять эти вещества въ меньшей мѣрѣ или худшаго качества, чѣмъ бы я желалъ? Или, если налогъ не въ состояніи заставить меня отказаться отъ употребленія обложенныхъ предметовъ въ томъ количествѣ и того качества, къ которымъ я привыкъ, такъ развѣ не принуждаетъ онъ меня сокращать издержки другаго рода, которыя я желалъ бы дѣлать, и дѣлалъ бы, если бы тому не препятствовалъ налогъ? Короче сказать, какой же налогъ не лишаетъ меня отчасти возможности употреблять мои средства такъ, какъ я считалъ бы это лично для себя полезнымъ или пріятнымъ? Слѣдовательно, какой же налогъ, прямой или косвенный, не лишаетъ меня извѣстной доли моей свободы? Весь вопросъ только въ томъ, чтобы налогъ былъ по возможности справедливъ, чтобы онъ не лишалъ одного необходимаго, дозволяя другому излишекъ, роскошь. Можно ли же считать пошлину на заграничныя поѣздки чрезъ мѣру стѣснительною, когда существуютъ налоги на предметы, безъ малѣйшаго сомнѣнія, гораздо необходимѣйшіе, чѣмъ эти увеселительныя и достав-

ляющія разныя жизненныя удобства отлучки, напримѣръ хоть налогъ на соль? Признано также, что самые справедливые налоги суть налоги на роскошь. Неужели же поѣздки, и особливо долговременное проживательство за границею, не подходятъ вполнѣ подъ категорію роскоши? Роскошью называются такія удобства и наслажденія, безъ которыхъ, сравнительно, легко обойтись. Роскошью называется также то, что̀, по дороговизнѣ своей, доступно лишь для кошелька немногихъ. Развѣ заграничныя поѣздки не соединяютъ въ себѣ обоихъ этихъ условій? Въ числѣ причинъ, побуждающихъ къ отлучамъ за границу, выставляютъ обыкновенно интересы здоровья. Да развѣ Россія—міазмами наполненная страна, нѣчто въ родѣ Понтійскихъ Болотъ, чтобы отсутствіе изъ нихъ возстановляло здоровье? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ нуженъ теплый климатъ: у насъ есть теплыя страны. Бываютъ нужны морское купанье и морской воздухъ: есть у насъ и теплыя, и холодныя моря̀. Бываютъ нужны минеральныя во̀ды: есть превосходнѣйшаго качества цѣлебные источники, соединяющіе, на небольшомъ пространствѣ, все, что̀ въ другихъ странахъ разбросано по разнымъ мѣстамъ. Но источники эти не устроены и не представляютъ желаемыхъ удобствъ: да какъ же имъ и устроиться, когда ихъ не посѣщаютъ? Они такъ же, какъ и всякая отрасль промышленности, требуютъ для начальнаго своего развитія покровительственнаго тарифа. Наконецъ, міръ уже такъ устроенъ, что даже самое попеченіе о здоровьѣ во многихъ случаяхъ должно быть причисляемо къ предметамъ роскоши, потому что часто бываетъ доступно лишь для весьма немногихъ. Поѣздки за границу и проживательство тамъ составляютъ, слѣдовательно, настоящую роскошь, и часто роскошь весьма вредную, а потому составляютъ такой предметъ, который, преимущественно передъ прочими, подлежитъ обложенію высокою пошлиною. Но этого еще мало. Самая справедливость ко всѣмъ платящимъ подати требуетъ, чтобы была наложена пошлина на заграничныя отлучки. Лица, разъѣзжающія и проживающія за границей, почти всѣ безъ исключенія, не несутъ прямыхъ податей, и потому должны бы по крайней мѣрѣ содѣйствовать ношенію общегосударственнаго бремени уплатою податей косвенныхъ. Но, проживая за границею, они отдѣлываются и отъ этого, усиливая своими лептами государственные доходы Пруссіи, Италіи или Франціи. Не справедливо ли, чтобы, вмѣсто всѣхъ косвенныхъ податей, уплаты которыхъ избѣгаютъ отъѣзжаю-

щіе за границу, требовать отъ нихъ плату, замѣняющую эти пошлины, разомъ, за самое право отъѣзда?

Если такая пошлина въ состояніи отвадить отъ отлучекъ за границу, отъ продолжительныхъ по крайней мѣрѣ, тѣмъ лучше. Хотя казначейство не усилило бы этою пошлиною своихъ доходовъ, зато не одинъ десятокъ милліоновъ потянулъ бы на нашу сторону мѣновой балансъ, и происшедшее отъ этого возвышеніе курса не осталось бы безъ благодѣтельнаго вліянія и въ чисто финансовомъ отношеніи. Если же и эта мѣра не устояла бы противъ волшебной силы разныхъ Женевъ, Ниццъ, Баденъ-Баденовъ и, главное, Парижа, то эти потѣхи увеличивали бы по крайней мѣрѣ государственные доходы, и на ту сумму, которая оставалась бы въ рукахъ казны, все-таки уменьшили бы наши заграничныя траты.

6. Къ числу обстоятельствъ, невыгодно дѣйствующихъ на нашъ торговый балансъ, должно причислить еще правительственные заказы за границею, и безпошлинный ввозъ рельсовъ и другихъ принадлежностей желѣзныхъ дорогъ. Чтò касается до первыхъ, то объ этомъ распространяться нечего. Что всѣ принадлежности арміи и флота должны производиться дòма, въ этомъ согласны кажется всѣ; доказывать это значило бы терять по пусту слова. Иное дѣло принадлежности желѣзныхъ дорогъ. Вопросъ, въ самомъ дѣлѣ, затруднителенъ. Если назначить на ввозъ умѣренную пошлину, то вѣроятно она не будетъ достаточна, чтобы заставить возникнуть у насъ совершенно новое дѣло. Казна не получитъ никакихъ выгодъ, выдавая одною рукой гарантіями то, чтò соберетъ другою въ видѣ пошлины. Торговый балансъ также не улучшится. Если назначить пошлину высокую, достаточную, чтобы вызвать внутреннее производство рельсовъ и прочихъ принадлежностей желѣзныхъ дорогъ, то столь существенно необходимое устройство этихъ путей сообщенія возложитъ еще бòльшія тягости на государственное казначейство. Существуетъ одинъ только разумный исходъ — послѣдовать совѣту, давно уже данному М. П. Погодинымъ, строить желѣзныя дороги даромъ, или почти даромъ, т. е. на вновь выпускаемыя ассигнаціи; другими словами, строить ихъ учитывая впередъ тотъ доходъ, который онѣ должны будутъ дать. Конечно, этотъ способъ устраняетъ всѣхъ промежуточныхъ паразитовъ, которые, подъ видомъ оказывающихъ благодѣянія банкировъ, питаются милліонными крохами, падающими отъ желѣзно-

дорожнаго дѣла, и потому въ мірѣ финансистовъ считается нераціональнымъ. Но, на глаза трезваго и здраваго разсудка, ничего не можетъ быть проще и раціональнѣе, если повести дѣло осторожно. Когда три вышеизложенныя мѣры: пересмотръ тарифа, уничтоженіе контрабанды и налогъ на заграничныя поѣздки, обративъ въ нашу пользу мѣновой балансъ, поднимутъ курсъ нашихъ бумажныхъ денегъ, и тѣмъ сдѣлаютъ для всѣхъ осязательно яснымъ, что паденіе ихъ произошло вовсе не отъ мнимаго излишка денежныхъ знаковъ, то не будетъ уже предстоять никакой опасности выпустить ихъ нѣсколько болѣе, подъ вѣрное обезпеченіе ихъ скораго уничтоженія послѣ того, какъ они сослужатъ ту службу, для которой были выпущены. Это обезпеченіе доставятъ принадлежащая казнѣ Николаевекая желѣзная дорога, строющіяся уже казною другія желѣзныя дороги, и, наконецъ, тѣ, которыя будутъ выстроены на выпущенныя бумажныя деньги. Пусть будетъ рѣшенъ, въ видѣ опыта, выпускъ 100 милліоновъ. Такую сумму употребить въ теченіи одного года на постройку желѣзныхъ дорогъ, при прочихъ, уже строющихся изъ другихъ источниковъ, будетъ затруднительно; потому постройку эту можно бы раздѣлить на четыре года, выпуская по 25 милліоновъ въ годъ. Но московско-петербургская желѣзная дорога, будучи отдана въ аренду на длинный срокъ, и въ виду вновь прибывающихъ къ Москвѣ дорогъ, можетъ, безъ сомнѣнія, доставить 6 милліоновъ въ годъ чистаго дохода. Употребляя ихъ исключительно на погашеніе вновь выпускаемыхъ ассигнацій, окажется въ концѣ перваго года только 19, втораго 38, третьяго — 57, и четвертаго — 76 милліоновъ лишнихъ бумажныхъ денегъ болѣе противъ нынѣшняго. Но и этого еще слишкомъ много. Допустимъ, что въ первые два года только и будетъ, что 6 милліоновъ для погашенія выпущенныхъ асигнацій; на третій годъ нѣкоторыя дороги, изъ вновь строющихся, будутъ же открыты, да и изъ другихъ источниковъ строющіяся дороги начнутъ давать доходъ, такъ что погашающую сумму можно, безъ малѣйшаго преувеличенія, принять въ 8 мил. на третій, и въ 10 мил. на четвертый годъ. Такимъ образомъ, въ концу четвертаго года будетъ всего только около 70 мил. лишнихъ ассигнацій въ обращеніи. Какъ ничтожно вліяніе такой суммы на курсъ нашихъ бумажныхъ денегъ, можно видѣть изъ опыта нынѣшняго года, когда и безъ предлагаемыхъ мѣръ для улучшенія торговаго баланса, единственно подъ влія-

ніемъ нѣсколько усилившагося отпуска, 63 мил. кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ банкомъ, никакого угнетающаго вліянія на курсъ не оказали, къ великому смущенію защитниковъ теоріи излишка денежныхъ знаковъ. Потому смѣло можно было бы приступить къ выпуску новыхъ 50 милліоновъ, разсроченному на два года. При ежегодномъ погашеніи въ 10 мил., это составитъ всего только 100 мил. къ концу шестаго года, какъ первоначально предполагалось. Эти новыя желѣзныя дороги на 50 мил., равно какъ и постоянное возрастаніе доходовъ съ прочихъ дорогъ, если онѣ не будутъ отданы въ постоянную аренду, возвысятъ по крайней мѣрѣ еще на 2 милл. ту сумму, которая назначена будетъ на погашеніе; черезъ восемь лѣтъ, всѣ вновь выпущенныя асигнаціи будутъ изъяты изъ обращенія, такъ что черезъ 14 лѣтъ мы будемъ имѣть не менѣе 2,000 верстъ лишнихъ желѣзныхъ дорогъ, считая версту въ 75,000, и ни одного рубля бумажныхъ денегъ больше противъ нынѣшняго; доходы-же казны возрастутъ на 12 милліоновъ, и все это по самому умѣренному разсчету, который, безъ сомнѣнія, будетъ далеко превзойденъ дѣйствительностью. Бояться высказаннаго предположенія—не значитъ ли страшиться малеванныхъ драконовъ, подобно храброму китайскому воинству? И чѣмъ-же достигнутся всѣ эти результаты? Всего на все пожертвованіемъ, въ теченіе 14 лѣтъ, 3½ милліоновъ рублей, которые нынѣ получаетъ казна отъ Николаевской желѣзной дороги. Занять 150 милліоновъ, и погасить долгъ этотъ въ теченіи 14 лѣтъ, выплачивая изъ настоящихъ своихъ доходовъ по 3½ мил. въ годъ, неужели это не самая блистательная финансовая операція, какую только можно себѣ вообразить? Строя желѣзныя дороги такимъ дешевымъ образомъ, не трудно будетъ, не только употреблять на нихъ рельсы и прочія принадлежности внутренняго приготовленія, но можно будетъ обязывать къ тому же и всѣ прочія общества, которыя не получали еще привилегіи на безпошлинный вывозъ изъ-за границы этихъ принадлежностей. Долженствующее произойти отъ этого новое возвышеніе курса нашихъ кредитныхъ билетовъ съ избыткомъ вознаградитъ не только гарантію на бóльшій капиталъ, но и то пониженіе, которое, паче чаянія, могло бы произойти отъ незначительнаго выпуска новыхъ ассигнацій, или, лучше сказать, уничтожитъ самую возможность опасенія такого пониженія въ самыхъ мнительныхъ умахъ. Присоединивъ эти 2,000 верстъ дорогъ къ тѣмъ, которыя уже имѣемъ,

и которыя уже строятся, или предполагаются къ постройкѣ, будемъ имѣть черезъ 6 лѣтъ отъ 7,000 до 8,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ — что на первый случай можно считать достаточнымъ—и въ этихъ дорогахъ будемъ имѣть могущественный рычагъ для развитія нашей металлургической промышленности на Уралѣ, и новое орудіе къ поднятію нашего курса черезъ усиленіе вывоза.

Словомъ, стоитъ только приняться съ настоящаго конца за лѣченіе нашихъ экономическихъ и финансовыхъ недуговъ, а не подливать все новаго масла въ огонь, въ угоду односторонней, на прокатъ взятой, теоріи, и недуги эти исчезнутъ какъ дымъ.

II.

ВЗГЛЯДЪ НА РЫБОЛОВСТВО ВЪ РОССІИ *).

Всякая промышленная выставка, а тѣмъ болѣе тѣ огромныя коллекціи естественныхъ и промышленныхъ произведеній, которыя подъ именемъ всемірныхъ выставокъ, вотъ уже въ четвертый разъ собираются почти со всего земнаго шара въ столицахъ Англіи и Франціи, должны представлять собою картины разныхъ отраслей промышленности, — картины, по которымъ можно бы судить о сравнительномъ значеніи каждой изъ этихъ отраслей какъ въ ряду различныхъ отраслей промышленности той же страны, такъ и въ ряду одинаковыхъ отраслей разныхъ странъ,—и это въ трояномъ отношеніи: количества продуктовъ, ихъ разнообразія и ихъ качества или степени достигнутаго совершенства. Многія обстоятельства препятствовали до сихъ поръ этимъ выставкамъ достигнуть той полноты, которая необходима для того, чтобы онѣ могли служить вполнѣ вѣрными образчиками, или такъ сказать представительницами, всемірной промышленной производительности въ уменьшенномъ масштабѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ обстоятельствъ, какъ напримѣръ мѣстныя войны, несовершенство путей сообщенія, малый интересъ, принимаемый извѣстною страною въ этихъ всемірныхъ конкурсахъ, случайны и временны, и мы оставимъ ихъ въ сторонѣ; другія же заключаются въ самомъ характерѣ нѣкоторыхъ отраслей промышленности, въ образѣ ихъ производства, или въ свойствѣ добываемыхъ ими продуктовъ, недопускающемъ, чтобы эти продукты могли быть представлены на выставкѣ со всею тою

---

*) Настоящая статья есть объясненіе къ коллекціямъ по русскому рыболовству, отправленнымъ на парижскую всемірную выставку (1867 г.), и была также издана во французскомъ переводѣ.

полнотою, которой они заслуживають по своей важности. Именно, сюда относятся всѣ тѣ отрасли промышленности, которыя занимаются добываніемъ или приготовленіемъ продуктовъ, невыдерживающихъ значительной перевозки, немогущихъ быть долго сохраняемыми безъ порчи, или требующихъ для своего сохраненія особыхъ климатическихъ условій. Къ этому разряду принадлежитъ, безъ сомнѣнія, и рыбная промышленность въ Россіи.

Значительная доля—четверть или даже треть—продуктовъ рыболовства разсылается по всей Россіи не иначе, какъ въ мороженомъ видѣ. Нѣкоторыя рыбы, какъ напримѣръ, навага, ловимая исключительно въ Бѣломъ морѣ, не смотря на то, что составляетъ предметъ довольно значительной торговли, ибо разсылается до Одессы и до Астрахани, не подвергается никакому искусственному способу сохраненія и извѣстна только въ мороженомъ видѣ; тоже самое должно сказать о значительной части бѣломорскихъ сельдей и осетровыхъ породъ. Другіе продукты, и притомъ самые цѣнные, какъ напримѣръ зернистая икра, хотя и подвергаются извѣстному приготовленію, но все же могутъ сохранить свои высокія качества, на сколько нибудь значительное время, не иначе какъ при помощи мороза. Наконецъ, и многія рыбы обыкновеннаго посола солятся въ Россіи не въ бочкахъ (какъ сельди), въ которыхъ все время остаются покрытыми разсоломъ и потому могутъ долго держаться и безъ ледниковъ, а въ огромныхъ ларяхъ окруженныхъ льдомъ, откуда вынимаются при продажѣ. Рыба такого посола извѣстна подъ именемъ коренной. Конечно, можно бы посолить въ боченкахъ всѣ сорта рыбы, солимой въ корень, и послать ихъ на выставку. Но эти, собственно для выставки приготовленные, продукты никакимъ образомъ не могли бы считаться образчиками или представителями русской рыбопромышленности. Изъ этого видно, что, какъ бы ни была старательно составлена коллекція произведеній русскаго рыболовства, она сама по себѣ никогда не можетъ дать полнаго понятія о разнообразіи его продуктовъ и о достоинствѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Чтобы выставка могла дать болѣе точное и полное понятіе о русскомъ рыболовствѣ, необходимо прибавить къ тѣмъ предметамъ, которые могутъ быть выставлены, атласы рисунковъ употребительныхъ въ Россіи орудій и способовъ лова и приготовленія рыбы, а также краткое статистическое и техническое описаніе русской рыбной промышленности.

Уже пятнадцать лѣтъ тому назадъ начались изслѣдованія рыбной промышленности во всѣхъ водныхъ бассейнахъ европейской Россіи въ отношеніяхъ научномъ, экономическомъ и административномъ. Эти изслѣдованія, еще донынѣ продолжающіяся, даютъ намъ возможность представить эти необходимыя дополненія. Атласы рисунковъ обнимаютъ собою пока рыболовство въ бассейнахъ Каспійскаго моря и Сѣвернаго океана *). Хотя, безъ сомнѣнія, и въ прочихъ русскихъ моряхъ, рѣкахъ и озерахъ найдется не мало особенностей въ производствѣ этихъ промысловъ, — особенностей, заслуживающихъ изображенія; однако же можно съ увѣренностью сказать, что все существенное и характерное съ достаточною полнотою представлено въ двухъ вышедшихъ уже въ свѣтъ атласахъ состоящихъ изъ 139 таблицъ рисунковъ. Именно, рыболовство азовское, по употребляемымъ имъ способамъ и орудіямъ лова, въ главныхъ чертахъ сходно съ каспійскимъ; рыболовство же въ большихъ озерахъ сѣверной и сѣверозападной Россіи подобно бѣломорскому. Въ Черномъ морѣ существуютъ, правда, нѣкоторые совершенно особенные, нигдѣ болѣе въ Россіи не употребительные способы лова; но море это въ рыболовномъ отношеніи не имѣетъ большой важности. Хотя, составленныя въ поясненіе рисунковъ, подробныя описанія непонятны для иностранцевъ, такъ какъ они напечатаны по русски, но приложенныя къ атласамъ краткія изъясненія таблицъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, кажется достаточны для того, чтобы пояснить все, что̀ показалось бы не понятнымъ съ перваго взгляда.

Второе дополненіе къ выставкѣ рыболовныхъ произведеній Россіи—должно составить краткое статистическое и техническое описаніе нашей рыболовной промышленности. Въ настоящемъ описаніи я обращу преимущественное вниманіе на цѣнность и количество улововъ, на породы рыбъ, имѣющихъ у насъ хозяйственное значеніе, и на способы приготовленія спеціальныхъ Россіи продуктовъ рыболовства.

Опредѣленіе цѣнности и количества улововъ можетъ быть, къ сожалѣнію, только приблизительное. Не говоримъ уже, что изслѣдованія о рыболовствѣ еще не повсемѣстно произведены, но даже

*) См. «Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи». Изд. министерствомъ государственныхъ имуществъ.

и для тѣхъ морей, гдѣ они окончены, не вездѣ было возможно собрать точныя статистическія свѣдѣнія.

Наши рыбныя ловли, по ихъ хозяйственному устройству, могутъ быть раздѣлены на три категоріи. Однѣ сосредоточены въ рукахъ казны, или владѣльцевъ обширныхъ прибрежныхъ водъ. Здѣсь ловъ и приготовленіе рыбы и ея продуктовъ производятся, такъ сказать, фабричнымъ образомъ, съ примѣненіемъ раздѣленія труда. Ловцы, нанятые за опредѣленную плату на срокъ, съ уловленной ими рыбы, или изъ извѣстнаго пая въ добычѣ, измѣняющагося отъ 1/8 до 1/2 улова, свозятъ рыбу въ центральное заведеніе. называемое ватагою. Рыбу принимаютъ на плотъ, устроенный на сваяхъ надъ водою рѣки. Одни разрѣзываютъ рыбу, съ неподражаемою ловкостью и быстротою вынимаютъ внутренности и тѣ части, которыя имѣютъ спеціальное назначеніе, какъ-то икру, молоки, клей (плавательный пузырь), вязигу, ежели нужно отрубаютъ голову и разрѣзаютъ тѣло на части такихъ формъ и величины, какія требуются для соленья; другіе относятъ клей, икру, вязигу въ отдѣленія, назначенныя для ихъ приготовленія; третьи укладываютъ разрѣзанную рыбу въ лари, въ которыхъ ее солятъ. Приготовленіе каждаго продукта состоитъ подъ наблюденіемъ особаго мастера, солельщика, икрянника, клеевщика, балычника, смотрителя вязижной палатки. Какъ всякая рыба попадающая на плотъ, такъ и всякій фунтъ приготовляемыхъ изъ нея продуктовъ, записываются. Нѣсколько десятковъ такихъ большихъ заведеній находятся при устьяхъ Волги, но самое значительное изо всѣхъ,—да вѣроятно самое значительное рыбопромышленное заведеніе въ мірѣ, находится на рѣкѣ Курѣ въ 30 верстахъ отъ ея устьевъ. Это такъ называемый Божій Промыселъ. Цѣнность приготовляемой на немъ рыбы нельзя положить менѣе какъ въ 500,000 р.; бываютъ дни въ апрѣлѣ, когда на плотъ Божьяго Промысла свозится и на немъ приготовляется не менѣе, чѣмъ на 100,000 франковъ рыбнаго товару *). Гдѣ ввелся этотъ фабричный способъ промышленности, тамъ конечно легко получить самыя точныя статистическія свѣдѣнія о рыбной промышленности.

*) Отъ 9,000 до 10,000 севрюгъ по 2 франка штука, до 3,000 осетровъ и шиповъ по 4 фр., до 1,000 пудовъ икры по 48 фр. за пудъ (3 фр. килограммъ), до 50 пудовъ вязиги (по 60 фр. пудъ), и до 40 пудовъ клею (по 480 р. пудъ). Лѣтъ сорокъ тому назадъ это количество бывало вдвое больше.

Другія, тоже очень обширныя воды находятся во владѣніи казацкихъ обществъ, и нѣкоторыя изъ послѣднихъ обложили продукты своего рыболовства извѣстною пошлиною, собираніе которой заставило ввести на Уралѣ и на Кубани довольно точную отчетность. Но за всѣмъ тѣмъ, все еще значительная доля каспійскаго и азовскаго рыболовствъ и вся рыбная промышленность на моряхъ Бѣломъ, Ледовитомъ, Балтійскомъ и Черномъ и въ озерахъ сѣверной Россіи, со впадающими въ нихъ рѣками, производится въ разбродъ средними и мелкими промышленниками, большая часть которыхъ не ведетъ никакой письменной отчетности. Получить свѣдѣнія объ этой долѣ улововъ можно только отъ торговцевъ рыбою, слѣдящихъ лично или посредствомъ коммиссіонеровъ за ходомъ улововъ, дабы сообразовать съ ними количества и цѣны своихъ закупокъ.

Соединяя эти трояккаго рода источники статистическихъ свѣдѣній, мы приходимъ къ заключенію, что средняя цѣнность ежегодныхъ улововъ въ моряхъ, рѣкахъ и озерахъ европейской Россіи составляетъ не менѣе 20.000.000 р. по первоначальной ихъ цѣнѣ на мѣстѣ. Количество это распредѣляется слѣдующимъ образомъ по различнымъ мѣстностямъ лова: на Каспійское море и низовья впадающихъ въ него рѣкъ: Волги, Урала, Куры и Терека приходится немногимъ болѣе половины этой суммы, именно 10.500.000 рублей; на Азовское около 1/5—4.000.000, и на Балтійское слишкомъ 1.000.000, приблизительно милліонъ съ четвертью (*). Уловъ Бѣлаго моря, Ледовитаго океана у береговъ Архангельской губерніи, и рѣкъ, вливающихся въ эти моря, составитъ также по крайней мѣрѣ 1.000.000 руб., изъ коихъ около 400.000 придется на треску, ловимую у лапландскаго берега, и 250.000 на сельдей бѣломорскаго улова. Уловъ черноморскій надо считать отъ 500.000

(*) Академикъ Бэръ считаетъ средній уловъ сельдей въ сѣверной части Балтійскаго моря, до устьевъ Двины, въ 300.000 бочекъ или 900.000.000 штукъ, что́ составляетъ, если считать по 6 р. 50 к. бочку, — 1.950.000 р.; принимая только половину этого количества за уловъ у береговъ Россіи (включая и Финляндію), получимъ 975.000 рублей. Если принять еще въ разсчетъ цѣнность улововъ семги, килекъ (которыми Ревель производитъ обширный торгъ), камбалъ, миногъ, а также весь уловъ Финскаго залива и Невы, доставляющій значительныя количества сиговъ, корюшки, ряпушки и другой рыбы въ свѣжемъ видѣ, для потребленія Петербурга, то показанную выше сумму нужно увеличить по крайней мѣрѣ еще на 200.000.

до 600.000 р., изъ коихъ двѣ трети придется на ловъ въ лиманахъ днѣпровскомъ, бугскомъ и днѣстровскомъ и въ низовьяхъ этихъ рѣкъ. Такимъ образомъ, ловъ въ пяти моряхъ, омывающихъ берега Россіи, и въ низовьяхъ впадающихъ въ нихъ рѣкъ составляетъ отъ 17.000.000 до 17.500.000 р. с. Ловъ, производимый во внутреннихъ водахъ, т. е. въ озерахъ и въ среднихъ и въ верхнихъ частяхъ большихъ рѣкъ, орошающихъ Россію, въ цѣломъ не приведенъ еще въ извѣстность; но слѣдующія соображенія помогутъ намъ опредѣлить его приблизительно. Въ Чудскомъ озерѣ, по г. Бэру, ежегодно приготовляютъ по меньшей мѣрѣ до 125.000 бочекъ снѣтковъ по 3 р. 70 к. бочка (т. е. по 6 р. 50 к. асс. пудъ), что̀ составитъ 463.000 рублей. Полагая цѣнность уловокъ всей остальной рыбы только въ 150.000 р., мы получимъ 600.000. Кубенское озеро, имѣющее лишь отъ 60 до 70 верстъ въ длину и отъ 8 до 12 въ ширину и, слѣдовательно, немогущее даже считаться въ числѣ главнѣйшихъ бассейновъ озерной полосы, занимающей сѣверо-западъ Россіи, доставляетъ, по изслѣдованіямъ бѣломорской экспедиціи, не менѣе какъ на 150.000 р. рыбы. Итакъ, только эти два озера доставляютъ рыбы на три четверти милліона рублей. Слѣдовательно, болѣе чѣмъ вѣроятно, что такія озера, какъ Ладожское, Онежское, Бѣлое, Ильмень, и прочія озера сѣверной и сѣверозападной Россіи и Финляндіи доставляютъ уловы, превышающіе вдвое уловъ двухъ означенныхъ озеръ. Если, далѣе, примемъ въ соображеніе, что Волга съ Камою, Окою, Шексною и всѣми притоками своими (не считая лишь самыхъ низовьевъ Волги отъ границъ Астраханской губерніи, такъ какъ мы причислили ихъ къ Каспійскому морю) не можетъ доставить менѣе рыбы, чѣмъ низовья Днѣпра и Днѣстра, то должны будемъ согласиться, что принятая нами сумма въ 20.000.000 руб. сер., для оцѣнки средняго годичнаго улова въ Россіи, скорѣе ниже, чѣмъ выше, дѣйствительности.

Но одна цѣнность не можетъ дать еще полнаго понятія о значительности какой нибудь отрасли промышленности; для этого необходимо еще опредѣлить количество доставляемыхъ ею продуктовъ. Но опредѣленіе количества улововъ еще гораздо затруднительнѣе, чѣмъ опредѣленіе ихъ цѣнности, ибо, для нѣкоторыхъ мѣстъ и для нѣкоторыхъ породъ рыбы, уловы опредѣляются вѣсомъ, для другихъ счетомъ, для третьихъ мѣрою; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, именно тамъ, гдѣ мы должны довольствоваться по-

казаніями торговцевъ, можно имѣть свѣдѣнія только о цѣнности товаровъ. Соображая однако, что всѣ продукты, получаемые изъ красной рыбы, какъ-то: клей, икра, вязига, да и самое мясо красной рыбы, гораздо дороже 1 р. за пудъ и могутъ быть оцѣнены кругомъ около 3 р. пудъ; прочія же рыбы, составляющія по вѣсу въ нѣсколько кратъ бóльшую массу, нежели красная рыба, не могутъ быть оцѣнены выше 50 к. пудъ,— мы придемъ къ заключенію, что число пудовъ вылавливаемой рыбы нѣсколько превосходитъ число рублей, которыми мы опредѣляли ея цѣнность, такъ что 25.000.000 пудовъ, или миліардъ фунтовъ, будетъ весьма приблизительнымъ выраженіемъ того количества рыбы, которое добывается изъ водъ принадлежащихъ Россіи, не причитывая сюда того количества, которое потребляется на мѣстѣ самими рыбаками,—количества, которое должно быть очень велико, судя по тому, что нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ почти исключительно питаются рыбою въ теченіи большей части года. Едва ли можно принять это количество менѣе, чѣмъ въ два милліона пудовъ.

Чтобы получить ясное понятіе о значительности русской рыбной промышленности, надо сравнить ее съ главными рыболовствами другихъ странъ. Кромѣ свѣдѣній, которыя я самъ имѣлъ случай собрать о важномъ рыболовствѣ норвежскомъ, я имѣю подъ рукою только одно сочиненіе, изъ котораго можно было извлечь нужныя для подобнаго сравненія данныя. Это — сочиненіе гг. Одуэна и Мильнъ-Эдвардса Recherches pour servir à l'histoire naturelle du littoral de la Erance. Хотя статистическія данныя, собранныя въ этомъ превосходномъ сочиненіи, уже нѣсколько устарѣли, однако мы думаемъ, что можемъ воспользоваться ими, не дѣлая значительной ошибки, потому что продукты рыболовства не увеличиваются съ такою быстротою, какъ большая часть произведеній другихъ промышленностей. Они скорѣе подвержены періодическимъ колебаніямъ, чѣмъ постояннымъ измѣненіямъ, идущимъ все въ томъ же направленіи. Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Мильнъ-Эдвардсомъ о ньюфаундлендскомъ ловѣ трески, видно, что средняя цѣнность французскаго улова составляетъ 7.543.000 франковъ (1.885.000 рублей), количество же добываемой трески, тресковыхъ жира и икры около 1.375.000 пудовъ. Въ томъ же сочиненіи, количество этихъ продуктовъ, получаемыхъ съ англійскихъ ловель, опредѣлено въ 2.700.000 пудовъ безъ означенія цѣны. Продукты американскихъ ловель той же мѣстности не означены вовсе, но

изъ числа и вмѣстимости американскихъ судовъ, занимающихся тамъ ловлею, можно заключить, что ими добывается едва ли менѣе рыбы, чѣмъ англичанами. Такимъ образомъ, добыча трески, получаемая тремя народами съ ньюфаундлендскаго лова (включая сюда ловъ на Большомъ Банкѣ и у береговъ Канады и Лабрадора), равнялась бы приблизительно 6.800.000 пудамъ, цѣнность которыхъ, считая по французскимъ цѣнамъ, составила бы около 37.000.000 франковъ или 9.250.000 р. с. И такъ, знаменитое ньюфаундлендское рыболовство еще далеко отъ того, чтобы сравняться съ Каспійскимъ, ибо продукты его лишь немногимъ превосходятъ половину доставляемыхъ Каспійскимъ моремъ, а цѣнность ихъ на 5.000.000 франковъ ниже. При этомъ замѣтимъ, что принятая здѣсь цѣнность ньюфаундлендскихъ улововъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, значительно менѣе дѣйствительной, такъ какъ англичане и американцы продаютъ свою рыбу гораздо дешевле, нежели французы; ибо, между тѣмъ какъ средняя французская цѣна пуду трески (считая вмѣстѣ треску, жиръ и икру) составляетъ 1 руб. 37 коп. (5 фр. 48 сант.) или слишкомъ 34 сантима килограммъ,—по словамъ г. Мильнъ-Эдвардса (Томъ I. стр. 355), англійская средняя цѣна килограмма трески составляетъ только отъ 15 до 18 сантимовъ (отъ 60 до 75 к. пудъ), т. е. почти въ половину менѣе.

Въ томъ же сочиненіи, г. Мильнъ-Эдвардсъ опредѣляетъ цѣнность лова вдоль всѣхъ береговъ Франціи въ 13.500.000 франковъ. Свѣдѣнія, собранныя экспедиціею, изслѣдовавшею наше сѣверное рыболовство вдоль береговъ архангельской губерніи и проведшей, для сравнительнаго изученія нашего рыболовства съ норвежскимъ, 9 мѣсяцевъ въ Норвегіи, опредѣляютъ цѣнность уловов трески и сельдей въ этомъ государствѣ въ 7.000.000 р. или 28.000.000 фр. Соединяя эти три суммы, т. е. цѣнность всего улова ньюфаундлендскаго и улова вдоль всѣхъ береговъ Франціи, получимъ 78.500.000 фр. или 19.625.000 р., что едва равняется цѣнности рыбы и ея продуктовъ, добываемыхъ изъ морей, главныхъ озеръ и рѣкъ европейской Россіи.

При этомъ сравненіи, сами собою возникаютъ два вопроса: 1) отъ чего, при такомъ изобиліи рыбы, такъ мало вывозится ея изъ Россіи, и 2) какимъ образомъ такія ничтожныя по пространству моря, какъ Каспійское и Азовское, могутъ соперничать, по количеству доставляемой ими рыбы, съ большею частью сѣвернаго бас-

сейна Атлантическаго океана отъ Нордъ-Капа до береговъ Америки и съ частью Средиземнаго моря?

Отвѣтъ на первый вопросъ весьма не затруднителенъ. Стоитъ только вспомнить, какъ незначительно протяженіе морскихъ и озерныхъ береговъ Россіи сравнительно съ огромною континентальною массою, ее составляющею, населенною 75.000.000 душъ, которымъ эти берега должны доставлять рыбную пищу. Къ этому присоединяется еще то, что въ продолженіи менѣе строгихъ постовъ, составляющихъ около 150 дней въ году, русскій народъ не употребляетъ другой животной пищи, кромѣ рыбной. Послѣ этого станетъ понятнымъ, что, между тѣмъ какъ Россія вывозитъ едва на 750.000 руб. рыбныхъ товаровъ, и то преимущественно неупотребляемыхъ въ пищу, какъ напримѣръ клей (на 500 или 600 тысячъ руб.), или продуктовъ роскоши, какъ икра (тысячъ на 100 или на 150), она ввозитъ на два слишкомъ милліона рыбы изъ-за границы. Именно, привозится на 1.500.000 р. сельдей и на 400.000 или 500.000 трески изъ Норвегіи. Недостающую сумму составляютъ сардники, анчоусы и другія приправы и закуски.

Что̀ касается до втораго вопроса, то объясненія его надо искать въ естественной исторіи рыбъ, или же воды вообще, и я думаю оно можетъ быть представлено въ слѣдующихъ трехъ положеніяхъ:

1) Вмѣстилища прѣсной, или мало соленой воды, каковы моря Каспійское и Азовское, при прочихъ равныхъ обстоятельствахъ, должны быть изобильнѣе рыбою, чѣмъ настоящія моря или океаны. Въ океанѣ и въ настоящихъ моряхъ, кромѣ рыбъ и такихъ животныхъ, которыя по своей мелкости или мягкости могутъ удобно служить пищею для рыбъ,—огромная доля животнаго вещества принимаетъ форму ежевокожныхъ, раковинъ и кораловъ, т. е. такихъ формъ, при которыхъ животное получаетъ твердую неорганическую оболочку, которая почти совершенно защищаетъ ихъ (по крайней мѣрѣ въ зрѣломъ возрастѣ) отъ хищности почти всѣхъ рыбъ; сюда же должны быть причислены большія породы крабовъ и длиннохвостыхъ раковъ. Только немногія породы рыбъ, какъ напримѣръ зубатка, могутъ питаться нѣкоторыми изъ этихъ твердоскорлупчатыхъ животныхъ. Не только самое животное изъемлется, защищающею его скорлупою, изъ кругооборота животнаго вещества въ морѣ, такъ какъ можетъ служить матеріаломъ для другихъ животныхъ не ранѣе, какъ подвергнувшись предварительно разложенію послѣ своей смерти; но и сама твердая оболочка ра-

ковинъ и ежевокожныхъ, или стержень кораловъ, содержатъ въ себѣ долю органическаго вещества, которая уже на неопредѣленно большое время изъемлется изъ всякаго дальнѣйшаго участія въ общей жизни моря. Эта пропорція неорганической матеріи, служащей какъ бы предохранительнымъ панцыремъ для животныхъ, увеличивается съ увеличеніемъ солености морской воды (до извѣстной степени по крайней мѣрѣ). Напротивъ того, въ прѣсноводныхъ озерахъ почти вся животная жизнь является намъ въ формѣ рыбъ. Если тщательное наблюденіе показываетъ намъ, что и тутъ есть много другихъ животныхъ формъ, кромѣ рыбъ, то всѣ эти формы чрезвычайно размельчены и состоятъ изъ инфузорій, мелкихъ ракообразныхъ животныхъ, водяныхъ червячковъ и личинокъ насѣкомыхъ, а также тонкостворчатыхъ раковинъ, которые всѣ въ высшей степени удобны къ тому, чтобы служить пищею рыбамъ даже самымъ маленькимъ и самымъ молодымъ. Кромѣ этого, прѣсныя и малосоленыя воды населены, между прочимъ, рыбами травояднаго семейства сазановидныхъ, которыя могутъ непосредственно питаться растеніями, тогда какъ въ океанѣ почти всѣ рыбы хищны. Поэтому въ прѣсныхъ водахъ все какъ-бы принаровлено къ тому, чтобы органическое вещество могло въ наивозможно-скорѣйшее время достигать, рядомъ превращеній, до формы рыбъ— наиболѣе, даже почти единственно, полезной человѣку, такъ что г. академикъ Бэръ считаетъ даже возможнымъ утверждать, что въ каждомъ обширномъ прѣсноводномъ бассейнѣ все количество питательныхъ веществъ, ежегодно имъ производимое, ежегодно же превращается въ рыбье мясо. Слѣдовательно, въ прѣсныхъ водахъ, кругооборотъ вещества происходитъ быстрѣе, потому что ни малѣйшая часть его не принимаетъ формы, не позволяющей ему служить пищею для рыбъ, и не выдѣляется на неопредѣленное время изъ общаго кругооборота органической матеріи. Типы хозяйства природы въ океанѣ и въ прѣсныхъ водахъ можно сравнить съ культурою плодовитыхъ деревъ, или, еще лучше, орѣховъ и зерновыхъ хлѣбовъ. Въ этомъ сравненіи, древесные плоды, или орѣхи, и хлѣбныя зерна, какъ тѣ продукты хозяйства, которые идутъ непосредственно на пищу человѣка, будутъ соотвѣтствовать- первые морскимъ рыбамъ, а вторыя прѣсноводнымъ. При одинаковомъ пространствѣ, поле, занятое хлѣбомъ, дастъ гораздо болѣе питательныхъ веществъ, нежели занятое орѣховыми деревьями. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, значительная доля идущихъ въ дѣло составныхъ

частей почвы идетъ на образованіе древесины и орѣховой скорлупы и на долгое время выдѣляется изъ почвы; въ первомъ же случаѣ, не только гораздо бо́льшая часть идетъ на образованіе зерна, но и то, что̀ составляетъ солому, на другой же годъ можетъ быть возвращено почвѣ, дабы снова служить на пищу растеніямъ. Изъ этого очевидно, что изъ двухъ равныхъ по пространству участковъ, изъ коихъ одинъ занятъ прѣснымъ озеромъ, или слабосоленымъ моремъ, а другой океаномъ, или одинаковымъ съ нимъ по солености моремъ, и кои получаютъ извнѣ равные притоки органическихъ веществъ,—первый участокъ, гдѣ происходитъ быстрѣйшій кругооборотъ этихъ веществъ, такъ-сказать принаровленный къ скорѣйшему уподобленію ихъ въ форму рыбъ, долженъ доставить бо́льшіе уловы, чѣмъ второй.

2) Вторая причина необыкновенныхъ уловов, доставляемыхъ морями Каспійскимъ и Азовскимъ, заключается въ ихъ мелкости. Глубина Азовскаго моря, занимающаго около 600 кв. миль, нигдѣ не достигаетъ болѣе 44 футовъ; глубина же Каспійскаго, хотя и весьма значительна съ средней и южной его частяхъ, въ сѣверной трети, ограничиваемой линіей, проведенной отъ устьевъ Эмбы къ устьямъ Терека, гдѣ именно сосредоточено рыболовство, рѣдко превышаетъ 7 или 8 саженъ. Рѣки, впадающія въ море, сносятъ туда съ собою множество органическихъ веществъ, увлекаемыхъ въ нихъ дождемъ, тающимъ снѣгомъ и наводненіями, какъ-бы удобряютъ море. Чѣмъ слѣдовательно мельче тотъ водоемъ, въ который онѣ вливаются, тѣмъ концентрированнѣе долженъ быть растворъ питательныхъ веществъ. Какъ значительно это вліяніе, можно судить по тому, что Азовское море, принимающее въ себя двѣ такія рѣки, какъ Донъ и Кубань, включаетъ въ себѣ никакъ не болѣе $^3/_4$ кубич. мили воды, такъ что весь бассейнъ его въ 3, много что въ 4 года, могъ бы наполниться водою изъ вливающихся въ него рѣкъ (не обращая вниманія на испареніе). Очевидно, что, при этихъ условіяхъ, рыбное населеніе этого моря можетъ быть несравненно гуще, чѣмъ какъ это обыкновенно бываетъ въ моряхъ; точно также какъ населеніе страны съ богатою почвою должно быть, при прочихъ равныхъ условіяхъ, значительнѣе, нежели страны съ почвою скудною.

3) Наконецъ, третья причина заключается въ необыкновенной приспособленности устьевъ нѣкоторыхъ рѣкъ, впадающихъ въ эти моря, преимущественно же Волги и Кубани, къ размноженію рыбы.

Дельты этихъ рѣкъ заключаютъ въ себѣ обширную сѣть внутреннихъ озеръ, называемыхъ лиманами или ильменями, самой развѣтвленной формы и, большею частью, небольшой глубины, соединенныхъ какъ между собою, такъ и съ рукавами, на которые раздѣляются рѣки передъ впаденіемъ, посредствомъ множества протоковъ называемыхъ, „ериками." Въ мелкой, сильно прогрѣваемой солнцемъ водѣ лимановъ, поросшей безчисленными водяными растеніями, образуется огромное количество органическаго вещества, въ видѣ простѣйшихъ и мельчайшихъ водорослей, инфузорій, мелкихъ ракообразныхъ животныхъ, личинокъ насѣкомыхъ (между прочимъ миріадовъ комаровъ), т. е. все такихъ формъ, которыя приспособлены къ питанію молодыхъ рыбокъ. И это только одна изъ многихъ выгодъ, доставляемыхъ естественному рыболовству обширными поверхностями, заливаемыми неглубокимъ слоемъ стоячей или слабо текучей воды. Камыши, куга (Juncus и Scirpus), рогозъ (Typha), кугиръ (Potamogeton) и другія травы, покрывающія ихъ, доставляютъ самыя удобныя мѣста для метанія икры большей части рыбъ, составляющихъ предметъ лова въ Россіи, такъ какъ выметанная и оплодотворенная икра, прилѣпляясь къ листьямъ и стеблямъ, или разстилаясь по нимъ, не засоряется пескомъ и иломъ, какъ это было бы, если бы она падала на дно, главное же,—не скучивается волненіемъ, а оставаясь раздѣленною и какъ бы переложенною водяными травами, обмывается со всѣхъ сторонъ водою, насыщенною растворенньмъ въ ней воздухомъ, богатымъ кислородомъ, отдѣляемымъ зелеными частями растеній, подъ вліяніемъ свѣта. Выведшіеся въ такихъ мѣстностяхъ мальки имѣютъ также все, чтò имъ нужно для успѣшнаго развитія: обильную пищу, теплоту, затишье и защиту отъ многоразличныхъ своихъ враговъ, начиная съ человѣка до водяныхъ насѣкомыхъ. Попеченія природы объ этихъ молодыхъ рыбкахъ не ограничиваются сказаннымъ. Она указываетъ на выходъ изъ этихъ лимановъ, когда дальнѣйшее пребываніе въ нихъ могло бы сдѣлаться имъ гибельнымъ. Вода лимановъ охлаждается осенью быстрѣе, чѣмъ въ рѣкахъ, и эта низкая температура заставляетъ молодую рыбу покидать лиманы и входить въ рѣки и въ море, безъ чего она погибла бы зимою, задохнувшись подо льдомъ, чтò, однако же, случается иногда, когда воды очень низки и сообщеніе между лиманами и рѣчными рукавами прекращается прежде, чѣмъ вода успѣла достаточно охладѣть, чтобы стать непріятною для молодыхъ рыбокъ.

Изложеніе условій, доставляющихъ морямъ Каспійскому и Азовскому возможность соперничать въ рыбномъ богатствѣ съ несравненно обширнѣйшими водоемами, показываетъ уже, что характеръ ихъ рыбной фауны долженъ быть прѣсноводный, и что породы рыбъ, составляющихъ главное основаніе русской рыбной промышленности, принадлежатъ къ числу рѣчныхъ, озерныхъ, или хотя и морскихъ, но такихъ, которыя любятъ скорѣе солонцеватую, чѣмъ настоящую соленую воду. И дѣйствительно, это составляетъ самый отличительный характеръ русскаго рыболовства отъ всѣхъ прочихъ значительныхъ рыболовствъ, такъ что изъ всей массы продуктовъ русской рыбной промышленности едва ли $^{1}/_{10}$-я придется на долю собственно морскихъ рыбъ, такъ какъ даже балтійская сельдь, извѣстная подъ именемъ салакушки, составляетъ такую разновидность, которая живетъ въ весьма слабосоленой, почти прѣсной водѣ Финскаго, а особенно Ботническаго заливовъ; породы же русскихъ осетровъ не только поднимаются въ рѣки для метанія икры, хотя и живутъ въ морѣ, но, кромѣ этого, бываютъ многочисленны только въ моряхъ съ солонцеватою водою. Такъ въ Черномъ морѣ, которое все еще почти на половину менѣе солено, чѣмъ Средиземное, ихъ гораздо меньше, нежели въ еще менѣе соленыхъ моряхъ Каспійскомъ и Азовскомъ.

Было бы интересно опредѣлить цѣнность, доставляемую каждою отдѣльною породою рыбъ; но, къ сожалѣнію, для точнаго рѣшенія этой задачи нѣтъ достаточныхъ данныхъ, особливо для менѣе важныхъ породъ, которыя и въ торговлѣ большею частью не различаются, а идутъ подъ именемъ бѣлой рыбы, частиковой рыбы и другими коллективными названіями. Мы въ этомъ отношеніи должны ограничиться нѣкоторыми приближеніями, раздѣливъ породы рыбъ на нѣсколько разрядовъ, по степени ихъ торговой важности. Этого будетъ, впрочемъ, совершенно достаточно, чтобы вполнѣ выставить прѣсноводный характеръ русской рыбной промышленности.

Къ 1-му разряду принадлежитъ, такъ называемая красная рыба, т. е. четыре породы осетроваго рода: бѣлуга, осетръ, шипъ и севрюга. Раздѣлить ихъ невозможно, потому что продукты, изъ нихъ добываемые и составляющіе значительную долю доставляемой цѣнности,—икра, клей и вязига,—почти всегда смѣшиваются. Притомъ же, и мясо этихъ рыбъ немного отличается по вкусу. Въ совокупности, цѣнность красной рыбы съ ея продуктами составляетъ не менѣе 8.000.000 руб.; именно: около 600.000 даетъ клей (5.000 пудовъ),

отъ 100.000 до 150.000 вязига, около 2.250.000 р. икра (180.000 п.) и 4.750.000 руб. самое мясо (около 2.500.000 пуд.). Къ красной рыбѣ мы не причисляемъ стерлядей, потому что эта знаменитая рыба, подобно многимъ другимъ прославленнымъ предметамъ роскоши, какъ напримѣръ соболь, представляетъ лишь незначительную торговую цѣнность. Въ Петербургѣ, Москвѣ, на нижегородской ярмаркѣ платятъ, правда, баснословныя цѣны за живыхъ стерлядей; но это бываетъ не такъ часто, чтобы придать этой рыбѣ дѣйствительное торговое значеніе. Притомъ же, дороговизна эта зависитъ вовсе не отъ большихъ цѣнъ, платимыхъ на мѣстѣ лова, единственныхъ, которыя мы здѣсь принимаемъ въ разсчетъ (на нижней Волгѣ стерляди составляютъ очень дешевую рыбу), а отъ трудностей провоза на нѣсколько тысячъ верстъ и долгаго сохраненія въ садкахъ живыми. На мѣстахъ изобильнаго лова, какъ напримѣръ въ Астрахани, стерлядь идетъ обыкновенно лишь на мѣстное употребленіе; солится же въ небольшихъ количествахъ, и въ такомъ видѣ, равно какъ и мороженая, продается дешевле прочихъ осетровыхъ породъ.

Во второй разрядъ я помѣщаю тѣхъ рыбъ, которыя въ огромныхъ количествахъ развозятся почти по всей Россіи, или доставляютъ большія количества употребляемыхъ въ промышленности продуктовъ, и цѣнность каждой изъ которыхъ составляетъ отъ 800.000 до 1.500.000 руб. Сюда принадлежатъ, въ приблизительномъ порядкѣ ихъ торговой важности: *Судакъ* (Lucioperca vulgaris), котораго ловятъ иногда въ количествѣ 45.000.000 штукъ въ однихъ низовьяхъ Волги и до 7.000.000 въ дельтѣ Кубани. Уралъ, Донъ, озера и прочія рѣки Россіи также доставляютъ большое количество этой рыбы. *Обыкновенная сельдъ*, бѣломорская и балтійская (Clupea harengus). *Сельдъ волжская и азовская* (Clupea pontica Eichw.), которой солится между 50 и 100 милліонами штукъ и изъ которой, кромѣ того, выдѣлывается отъ 100.000 до 150.000 пудовъ жира. *Лещъ* (Abramis Brama), вылавливаемый среднимъ числомъ въ Каспійскомъ морѣ въ количествѣ около 30.000.000 штукъ; кромѣ того, его ловится нѣсколько милліоновъ въ сѣверной части Азовскаго моря и большое количество въ озерахъ сѣверной и сѣверо-западной Россіи. *Таранъ* (Leuciscus Heckelii Nord.). Дельта Кубани доставляетъ отъ 40 до 60 милліоновъ штукъ этой рыбы; кромѣ того, огромное количество, иногда неуступающее кубанскому, ловится въ Дону и въ самомъ Азовскомъ морѣ. Рыба эта, принадлежащая къ са-

мымъ дешевымъ, развозится преимущественно по Малороссіи и по юго-западнымъ губерніямъ. Небольшое количество идетъ въ Молдавію и Валахію. *Снѣтки* (Osmerus eperlanus, var. lacustris). Самая маленькая изъ употребляемыхъ въ пищу человѣка рыбъ, добывается въ количествѣ 250.000 или 300.000 пудовъ изъ одного Чудскаго озера, гдѣ ее сушатъ; сверхъ того, огромное количество идетъ изъ Бѣлаго озера, откуда снѣтки вывозятъ большею частью морожеными. Значительное количество ея получается и изъ другихъ озеръ, губерній Олонецкой и Новгородской, съ песчанымъ дномъ.

Къ третьему разряду я отношу породы рыбъ, цѣнность которыхъ измѣняется отъ 250.000 до 500.000 руб. и которыя имѣютъ распространеніе или мѣстное, или, хотя и по всей Россіи, но не какъ предметъ общаго употребленія. Сюда принадлежатъ: *Треска*, имѣющая у насъ сбытъ только въ трехъ сѣверныхъ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской и Олонецкой, и отчасти въ Петербургѣ. Въ Москвѣ эта рыба уже почти неизвѣстна. *Сазанъ* (Cyprinus carpia). *Сомъ* (Silurus glanis). Кура, Волга и Кубань доставляютъ наибольшее количество этихъ рыбъ. Сомъ вывозится съ Кубани въ небольшомъ количествѣ въ Молдавію и Валахію. *Семга и лосось*. Сверхъ количества, ловимаго въ сѣверныхъ моряхъ, Кура и Терекъ доставляютъ отъ 40.000 до 60.000 пуд. этой рыбы. *Бѣлорыбица* (Corregonus leucychtis Pall). Большая часть идетъ съ Волги, но ловится также въ сѣверной Двинѣ и въ Печорѣ. Только высокая цѣна этихъ двухъ рыбъ позволяетъ причислить ихъ къ этому разряду, такъ какъ количество ихъ никогда не превышаетъ 100.000 пуд.

Къ четвертому разряду причисляю я рыбъ, имѣющихъ лишь небольшую торговую важность, и цѣнность которыхъ не превышаетъ 200.000 руб. Между ними встрѣчаются двѣ породы, составляющія исключительную принадлежность одна сѣверной, а другая южной Россіи, это — *навага* (Gadus Navaga Koelr.) и *шемая* (Aspius clupeoides Pall.). Обѣ пользуются большою извѣстностью, но употребленіе ихъ довольно ограничено. Навагу ловятъ по заливамъ Бѣлаго моря, не имѣющимъ большой глубины, какъ-то: въ Двинскомъ, Онежскомъ и Мезенскомъ, а также близь устьевъ Печоры. Напротивъ того, ея нѣтъ не только вдоль Мурманскаго берега и въ широкой смежной океану части Бѣлаго моря, но даже и въ Кандалакскомъ заливѣ, составляющемъ самую глубокую часть его. Въ небольшой глубинѣ, на которой живетъ навага, заключается, ка-

жется мнѣ, причина замѣчательнаго факта, что она никогда не попадается тамъ, гдѣ ловится треска. На мѣстахъ лова рыба эта цѣнится менѣе всѣхъ прочихъ, вѣроятно по причинѣ ея изобилія и необыкновенной легкости лова, такъ какъ мальчикъ легко налавливаетъ удочкою до 1,500 штукъ въ короткій зимній день приполярныхъ странъ. Напротивъ того, эта рыба весьма уважается въ остальной Россіи отъ Петербурга до Одессы и Астрахани, гдѣ ее подаютъ на лучшихъ столахъ. Она перевозится только свѣжею во время зимы. Шемая поднимается въ концѣ осени въ рѣки, впадающія въ южныя части Каспійскаго и Азовскаго морей: въ Куру, Терекъ и Кубань, гдѣ налавливается ея отъ 1.500,000 до 2.500,000 штукъ, что̀, при цѣнѣ въ 6 руб. за тысячу, составляетъ цѣнность отъ 90,000 до 150,000 руб. Для отправки приготовляютъ ее тѣмъ же способомъ, какъ и копченыя сельди, которымъ предпочитаютъ ее обыкновенно въ Россіи. Въ противность наваги, эта рыба пользуется наибольшею славою именно на мѣстахъ ея лова, какъ показываетъ самое ея имя—испорченное персидское—*шахъ-маге*, т. е. царская рыба.

Въ числѣ прочихъ рыбъ этого разряда я приведу еще *кильку* (Clupea sprattus), маленькую породу сельдей, приготовляемую въ довольно большомъ количествѣ въ Ревелѣ съ солью и пряностями въ стеклянныхъ банкахъ, разсылаемыхъ по всей Россіи. *Скумбрія* (Scomber scombrus L.) встрѣчается у насъ только въ Черномъ морѣ, гдѣ ловится преимущественно на косахъ Кинбурнской и Тендрѣ. Ее приготовляютъ какъ сельдь, не вычищая впрочемъ внутренностей, развозятъ по Херсонской губерніи и даже до Кіева, гдѣ она извѣстна подъ именемъ кинбурнскихъ сельдей. *Кефаль* (Mugil saliens et auratus) составляетъ самую обыкновенную рыбу въ Черномъ морѣ. Нѣсколько милліоновъ кефали ловятъ вдоль крымскихъ береговъ и въ озерахъ, соединенныхъ съ днѣстровскимъ лиманомъ, и приготовляютъ на манеръ копченыхъ сельдей. Обѣ эти морскія породы, кефаль и скумбрія, взятыя вмѣстѣ, едва ли составятъ цѣнность въ 200,000 р. *Различныя породы сиговъ* (Corregonus), ловимыя въ довольно большомъ количествѣ въ озерахъ и рѣкахъ сѣверной Россіи. Ихъ солятъ, коптятъ и морозятъ. Прочія рыбы этого разряда, которыхъ слишкомъ долго было бы перечислять, принадлежатъ, за немногими исключеніями, къ рѣчнымъ породамъ западной Европы. Въ нѣкоторыхъ рѣкахъ и озерахъ ловятъ ихъ, впрочемъ, въ достаточномъ количествѣ, для

отправки солеными или морожеными на значительныя разстоянія. Между этими рыбами есть однакоже одна порода, которая получитъ современемъ такую же торговую важность, какъ азовская тарань. Это—рыба, принадлежащая къ семейству сазановидныхъ, извѣстная подъ именемъ *воблы*. Она поднимается въ началѣ весны безчисленными косяками въ Волгу. Ее легко можно бы было ловить въ числѣ десятковъ, а можетъ быть и сотни милліоновъ штукъ, если бы изобиліе рыбы лучшаго качества не заставляло пренебрегать ею доселѣ. Но развитіе этого лова едва ли желательно, ибо распространеніе въ обширныхъ размѣрахъ лова плохихъ сортовъ рыбы должно имѣть необходимымъ послѣдствіемъ уменьшеніе въ количествѣ болѣе уважаемыхъ рыбъ, для которыхъ онѣ служатъ пищею.

Изъ этого перечисленія видно, что изъ рыбъ, составляющихъ предметъ лова въ Россіи, только двѣ морскія — треска и сельдь (балтійская и бѣломорская) имѣютъ нѣкоторую торговую важность; всѣ же прочія, важныя въ хозяйственномъ отношеніи, рыбы —или совершенно рѣчныя, или, по крайней мѣрѣ, поднимаются періодически въ рѣки. Поэтому, русское рыболовство въ цѣломъ имѣетъ совершенно характеръ рѣчнаго, и ежели значительная часть нашихъ каспійскихъ и азовскихъ ловель и производится въ морѣ, то это только вслѣдствіе экономическихъ, а не естественныхъ причинъ. Именно, владѣльцы морскихъ береговъ, которые не владѣютъ въ тоже время рѣкою, или владѣютъ лишь небольшимъ участкомъ ея, изъ опасенія, чтобы рыба не ушла изъ ихъ рукъ, перейдя въ чужія воды, стараются встрѣчать ее въ морѣ, перехватывать ее сколько можно на пути въ рѣки. Тоже самое еще въ сильнѣйшей степени относится къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ морской ловъ, по коренному русскому закону,—для всѣхъ вольный, рѣки же принадлежатъ казнѣ, или частнымъ лицамъ. Но тамъ, гдѣ прилежащій къ устьямъ рѣки участокъ моря, равно какъ и самая рѣка, на большомъ протяженіи принадлежитъ одному владѣльцу, казнѣ, какъ на Курѣ, или казацкому обществу, какъ на Уралѣ и на Кубани, тамъ морской ловъ весьма незначителенъ, ибо производящіе ловлю не могутъ не понимать, что они поймаютъ столько же рыбы, но съ гораздо меньшими издержками и трудомъ, если не пойдутъ къ ней навстрѣчу въ море, а дождутся пока она войдетъ въ рѣку.

Въ этомъ же самомъ обстоятельствѣ, т. е. въ томъ, что породы

рыбъ, составляющихъ основаніе русской рыбной промышленности, живутъ въ моряхъ или въ частяхъ морей съ прѣсною или малосоленою водою и поднимаются по временамъ въ рѣки, заключается главнѣйшая причина той необыкновенной рыбности, которою славятся русскія рѣки, впадающія въ Каспійское и Азовское моря, какъ-то: Волга, Уралъ, Кура, Кубань, Донъ и, въ меньшей степени, Терекъ, — рыбности, съ которою никакія рѣки, впадающія въ болѣе соленыя моря, не могутъ даже и близко сравниться. До экспедиціи, изслѣдовавшей наше сѣверное рыболовство, рѣки архангельской губерніи, особенно же Печора, пользовались славою чрезвычайной рыбности. Но и самая Печора, которая, по своей ширинѣ и обилію водъ, въ полной мѣрѣ заслуживаетъ названія громадной рѣки, даетъ много если на 80,000 или на 100,000 р. рыбы въ годъ. Конечно для 2,000 душъ Пустозерской волости, заселяющихъ низовья Печоры на протяженіи 300 верстъ, этого количества вполнѣ достаточно не только для собственнаго употребленія, но и для довольно значительнаго вывоза. Сѣверная Двина— рѣка тоже огромная, но берега которой гораздо болѣе заселены, не имѣетъ уже достаточно рыбы для продовольствія своихъ прибрежныхъ жителей. Ежели изъ нея вывозятъ нѣсколько сотъ, а можетъ быть и тысячъ, штукъ живыхъ стерлядей, недавно туда зашедшихъ по каналамъ изъ водъ волжской системы, и нѣсколько сотъ пудовъ семги,—зато болѣе сотни тысячъ пудовъ мурманской и норвежской трески и сайды потребляется населеніемъ Архангельска, Устюга и другихъ городовъ и селъ, лежащихъ по Двинѣ и ея окрестностямъ.

Еще до сихъ поръ существуетъ молва о необыкновенной рыбности сибирскихъ рѣкъ, и, безъ сомнѣнія, онѣ на столько рыбны, на сколько рѣка сама по себѣ можетъ быть рыбною. Но слава этого изобилія въ рыбѣ многимъ уменьшится, если перевести ее на точный языкъ цифръ: мѣры, вѣса, или цѣнности, какъ видно по уловамъ березовскаго края, занимающаго низовья Оби, о которыхъ имѣются статистическія данныя. По этимъ даннымъ, цѣнность этихъ улововъ не превышаетъ 150,000 р., а количество добываемой красной рыбы составляетъ только 7,000 пудовъ. Что же это значитъ сравнительно хоть, напримѣръ, съ ничтожнымъ Ураломъ, рѣкою въ 50—60 саженъ шириною, но въ которомъ добывается рыбы на сумму отъ 1.000,000 до 1.200,000 р., или съ Курою, за которую казна получаетъ одного откупа 386,000 р.?

Такъ какъ выбранные мною примѣры лежать на глубокомъ сѣверѣ, то можно подумать, что относительная бѣдность этихъ рѣкъ зависитъ отъ холода, вообще неблагопріятнаго для развитія органической жизни. Я склоненъ думать, что въ этомъ заключается одна изъ причинъ относительной бѣдности большихъ сѣверныхъ рѣкъ, но далеко не единственная и даже не главная; ибо, обратившись на югъ, мы опять найдемъ, что самыя большія рѣки и притомъ съ дельтами, изобилующими лиманами (чтб, какъ мы видѣли, весьма благопріятствуетъ размноженію рыбы, если только онѣ впадаютъ въ соленыя моря), не могутъ сравняться даже и съ меньшими изъ рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское и Азовское моря. Напримѣръ, Дунай имѣетъ даже болѣе благопріятныя климатическія условія, чѣмъ большая часть этихъ послѣднихъ, въ величинѣ уступаетъ одной Волгѣ, по характеру дельты, благопріятствующему естественному рыбоводству, уступаетъ можетъ быть Волгѣ и Кубани, но навѣрно превосходитъ и Донъ, и Уралъ, и Куру, и Терекъ. И что же? Съ Кубани возятъ рыбу, и рыбу самаго низкаго сорта (тарань), слѣдовательно наименѣе выдерживающую издержки перевозки,—въ Молдавію и Валахію, такъ что на нижнемъ Дунаѣ не хватаетъ рыбы даже для мѣстнаго потребленія его прибрежныхъ городовъ. Когда дельта Дуная принадлежала Россіи, тамъ было устроено рыболовство по образцу каспійскаго, и для заведенія его выписаны были ловцы и мастера для приготовленія икры, клея и вообще рыбныхъ продуктовъ изъ Астрахани. Въ это время, самое цвѣтущее для дунайскаго рыболовства, вылавливалось во всей его дельтѣ и въ прилежащей къ ней части моря около 30,000 пудовъ красной рыбы; между тѣмъ, въ одномъ изъ многочисленныхъ рукавовъ Кубани, называемомъ Протокою, имѣющемъ не болѣе 30 саженъ въ ширину и всего на протяженіи 9 верстъ отъ устьевъ, налавливается почти такое же количество красной рыбы. Ежели бы величина и выгодныя условія, представляемыя дельтами для размноженія рыбы, составляли главнѣйшее условіе рыбности рѣкъ, то безъ сомнѣнія Нилъ, Гангъ, Миссисипи превосходили бы въ этомъ отношеніи Волгу. Однако же о такой рыбности этихъ рѣкъ, чтобы онѣ служили поприщемъ обширной рыбной промышленности, которая снабжала бы своими продуктами обширныя страны, ничего не слыхать. Италія, напримѣръ, снабжается рыбою въ значительномъ количествѣ не съ устьевъ Нила, а изъ отдаленной Норвегіи, также точно Антильскіе острова не съ устьевъ Миссисипи

а съ Ньюфаундленда и также изъ Норвегіи. На основаніи всѣхъ этихъ примѣровъ, я полагаю, можно безошибочно утверждать, что ни одна рѣка, предоставленная своимъ собственнымъ средствамъ, не въ состояніи доставлять рыбы больше, чѣмъ сколько нужно для ея прибрежныхъ обитателей, да и то если населеніе береговъ не слишкомъ густо. Вывозить же свои продукты могутъ лишь тѣ рѣки, которыя подобно Волгѣ, Уралу, Дону, Кубани, впадаютъ въ слабосоленыя моря, населенныя прѣсноводными породами рыбъ, временно поднимающимися изъ нихъ въ рѣки. Причину этого легко усмотрѣть, если обратить вниманіе на незначительность пространства, занимаемаго рѣками даже самыми большими. Такъ, напримѣръ, хотя Волга развѣтвляется на весьма значительное число рукавовъ, все-таки развитіе всѣхъ рукавовъ ея дельты нельзя положить выше 1,000 верстъ, что̀ соотвѣтствовало бы 20 большимъ рукавамъ при средней длинѣ въ 50 верстъ и въ версту шириною, и что̀ конечно не ниже дѣйствительности. Если къ этому прибавить еще 500 верстъ нижняго теченія Волги выше ея раздѣленія, на каковомъ пространствѣ она все еще можетъ считаться очень рыбною рѣкою, мы получимъ приблизительно 1,500 кв. верстъ или 30 кв. географическихъ миль, между тѣмъ какъ почти прѣсная часть моря, прилегающая къ ея устьямъ и населенная тѣми же рыбами, что̀ и Волга, превосходитъ это пространство по меньшей мѣрѣ въ 40 разъ.

Соотвѣтственно прѣсноводному характеру рыбъ, составляющихъ главную основу русскаго рыболовства, и самые способы лова имѣютъ совершенно рѣчной характеръ. Главныя орудія лова суть невода и крючная самоловная снасть, которыми добывается навѣрное не менѣе $^9/_{10}$ всего улова. Ловъ неводомъ не требуетъ никакого описанія, ибо, помимо безчисленныхъ мелкихъ отличій въ устройствѣ, мѣняющихся по мѣстностямъ, онъ, въ сущности, совершенно сходенъ съ неводнымъ ловомъ въ другихъ странахъ; но о ловѣ крючною самоловною снастью надо сказать нѣсколько словъ, такъ какъ, сколько мнѣ извѣстно, онъ нигдѣ, кромѣ морей Каспійскаго и Азовскаго, не употребителенъ. Снасть эта состоитъ изъ веревки саженъ въ 50 длиною, къ которой привязаны, въ разстояніи вершковъ шести одна отъ другой, болѣе тонкія веревки, къ каждой изъ которыхъ прикрѣплена удочка или крючекъ чрезвычайно острый,—различной величины, смотря по породѣ рыбы, для лова которой предназначена снасть. Такія веревки выкладываются какъ въ рѣкѣ,

такъ и въ морѣ, на небольшой глубинѣ, линіями въ нѣсколько верстъ длиною, такъ чтобы удочки почти касались дна. Снасть эта, слѣдовательно, похожа на ту, которою ловятъ треску, какъ въ Норвегіи и у насъ по Лапландскому берегу, такъ и въ ньюфаундленскихъ водахъ. Но между ними то существенное различіе, что на тресковыхъ ярусахъ каждый крючекъ наживленъ, на самоловахъ же не бываетъ наживки, и рыба ловится тѣмъ, что, проплывая мимо крючковъ, задѣваетъ за нихъ какою либо частью тѣла и, желая высвободиться, еще болѣе запутывается и обыкновенно вонзаетъ въ себя еще нѣсколько крючковъ. Поэтому, уды самоловной снасти должны висѣть гораздо чаще, чѣмъ ярусной: между тѣмъ какъ въ этой послѣдней онѣ расположены не ближе сажени одна отъ другой, въ самоловныхъ снастяхъ онѣ сидятъ вершкахъ въ 6 или 5 другъ отъ друга, т. е. въ восемеро или въ десятеро чаще. Очевидно, что снасть эта годится только для лова рыбы не имѣющей чешуи, или съ чешуею самою мягкою, ибо, въ большинствѣ случаевъ, крючья, какъ бы остры они ни были, скользнули бы по чешуѣ сазановъ, или судаковъ. Поэтому, самоловными снастями ловятъ исключительно красную рыбу, но для всѣхъ породъ этой послѣдней — отъ маленькой стерляди до вѣсящей нѣсколько десятковъ пудовъ бѣлуги—она составляетъ самое главное орудіе лова.

Я не думаю, чтобы предстояла надобность описывать другіе орудія и способы лова, имѣющіе лишь второстепенную важность; но нѣкоторыя свѣдѣнія о рыболовствѣ уральскомъ не будутъ лишены интереса, какъ по особенностямъ его хозяйственнаго устройства, такъ и по оригинальности пріемовъ лова.

Нижняя часть теченія Урала верстъ на 600 и пространство моря передъ устьями его принадлежатъ уральскому казачьему войску, въ которомъ числится въ настоящее время около 80.000 душъ обоего пола. Принадлежность эта установилась искони и была только подтверждена впослѣдствіи русскимъ правительствомъ. По понятіямъ казаковъ, вся рѣка и все море, на означенномъ протяженіи, составляютъ нераздѣльную общественную собственность всего войска, какъ бы жалованье за тѣ воинскія повинности, которыя они на себѣ несутъ. Поэтому, весь ловъ совершается сообща, по общему, разъ навсегда установленному, плану, въ которомъ дѣлаются лишь, примѣнительно къ разнымъ обстоятельствамъ, небольшія измѣненія каждый годъ. Основныя черты этого порядка заключаются: 1) *Въ сосредоточеніи лова въ рукѣ преимущественно*

передъ моремъ, для чего и приняты мѣры къ тому, чтобы какъ можно болѣе входило рыбы въ рѣку, гдѣ ловъ несравненно легче и требуетъ меньше издержекъ, чѣмъ въ морѣ, и потому въ одинаковой степени доступенъ какъ самому бѣдному, такъ и самому богатому казаку. Море передъ устьями Урала верстъ на 40 въ ширину и на 80 въ длину всегда остается совершенно свободнымъ отъ всякаго лова, и морской ловъ дозволяется производить лишь посредствомъ правильныхъ линій снастей, расположенныхъ вдоль этихъ границъ справа и слѣва заповѣднаго пространства. Число сѣтей, которыя каждый можетъ выставить въ этихъ линіяхъ, опредѣляется чиномъ, а мѣста, которыя не всѣ одинаково выгодны, распредѣляются жеребьемъ. Эта метода охраненія устьевъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, была въ послѣднее время примѣнена правительствомъ и къ Волгѣ, дабы входъ рыбы въ устье всегда оставался свободнымъ,—правило первостепенной важности для разумнаго устройства рыболовства въ озерѣ или въ морѣ, изъ котораго рыба поднимается въ рѣки, для метанія икры. 2) *Въ ловѣ рыбы въ холодное время года преимущественно передъ лѣтомъ*, такъ какъ рыба тогда цѣннѣе и требуетъ наименѣе издержекъ для своего сохраненія, для чего въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ весь Уралъ обращается какъ бы въ огромный садокъ. Мысль эту почерпнули казаки изъ наблюденія надъ нравами рыбы, особенно же осетровыхъ породъ. 3) *Въ производствѣ лова сообща въ мѣстахъ и въ сроки, которые заранѣе опредѣлены*, безъ чего невозможно достигнуть первыхъ двухъ цѣлей, предположенныхъ себѣ казаками.

Всѣхъ различныхъ рыболовствъ, о мѣстѣ производства и времени начала которыхъ казаки всегда заблаговременно повѣщаются, и которыя производятся извѣстнымъ, строго опредѣленнымъ порядкомъ, какъ бы съ нѣкотораго рода воинскою дисциплиною, подъ надзоромъ нарочно для сего назначаемаго начальника,—рыболовнаго атамана,—насчитывается 16. Чтобы дать понятіе объ этихъ ловахъ, на нѣкоторые изъ которыхъ стекается болѣе 10.000 человѣкъ, опишемъ два наиболѣе отличающіеся своею своеобразностью: осеннюю плавню и багренье.

Когда весною рыба входитъ изъ моря въ Уралъ для того, чтобы метать икру, то ту рыбу, которая идетъ самымъ русломъ Урала, необходимо тутъ же вылавливать, несмотря на то, что наступающее теплое время года заставляетъ употреблять много соли на

сохраненіе рыбы, и что сама рыба въ это время имѣетъ наименьшую цѣну, ибо, выметавъ икру, рыба возвратится въ море и совершенно ускользнетъ изъ рукъ промышленниковъ. Только части той рыбы, которая идетъ на разливы, можно, въ нѣкоторыхъ благопріятныхъ для сего мѣстностяхъ, преградить обратный путь, заставивъ его сѣтями или загородивъ заколами, что̀ и дѣлается ежегодно съ цѣлью вылавливанія ея зимою въ этого рода садкахъ. Но та рыба, которая входитъ въ Уралъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ (все въ бо̀льшемъ и бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ ближе къ осени), въ томъ же году уже не возвращается въ море, а, какъ показали долговременныя наблюденія, остается зимовать въ рѣкѣ; но это только въ такомъ случаѣ, если рыба не будетъ преслѣдуема и тревожима. Какъ только вода начнетъ холодѣть, рыба выбираетъ себѣ глубокія мѣста, называемыя „ятовями“, собирается на нихъ все въ большемъ и большемъ количествѣ и проводитъ въ нихъ зиму въ какомъ-то полусвѣ или оцѣпененіи. Чтобы извлечь наивозможно бо̀льшую пользу изъ этого обстоятельства жизни рыбъ, уральцы издавна запрещаютъ не только всякій ловъ въ Уралѣ въ теченіе трехъ лѣтнихъ и перваго осенняго мѣсяцевъ, но, преувеличивая даже, какъ мнѣ кажется, потребность рыбы въ покоѣ, доводятъ охраненіе его до педантизма: запрещаютъ ѣзду на лодкахъ, такъ что даже переѣздъ на другой берегъ допускаютъ только въ случаяхъ необходимости, какъ напримѣръ для кошенія сѣна на зауральскихъ заливныхъ лугахъ и т. п.,—не поятъ скота и лошадей въ рѣкѣ, не стрѣляютъ близь берега изъ ружей, въ прежнія времена не освѣщали даже оконъ, выходящихъ лицомъ на Уралъ, въ прибрежныхъ селеніяхъ. Пароходы должны останавливаться въ извѣстномъ разстояніи отъ устьевъ рѣки, и даже каботажныя суда, на которыхъ казаки производятъ небольшую торговлю съ Астраханью, никогда не входятъ въ рѣку, но, съ тѣхъ поръ, какъ назначенный для нихъ рукавъ высохъ, остаются въ маленькой бухтѣ, лежащей влѣво отъ теперешняго устья Урала. Такимъ образомъ, Уралъ составляетъ рѣку, исключительно предназначенную для рыболовства. Въ каждой изъ станицъ, которыя всѣ расположены вдоль берега рѣки, назначается опытный старикъ, называемый смотрителемъ за Ураломъ, чтобы наблюдать за ходомъ рыбы и за тѣмъ, въ какомъ примѣрно количествѣ она ложится на ятовяхъ. Опытность, пріобрѣтаемая ими въ этомъ дѣлѣ, такъ велика, что по всплеску они узнаютъ не только видъ, но и полъ рыбы — именно красной,

для которой различіе между икряной и яловой имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ самка съ икрою по крайней мѣрѣ втрое дороже самца. Сбереженную такимъ образомъ рыбу вылавливаютъ въ два пріема, двумя различными способами. Нижняя часть Урала, на пространствѣ почти 280 верстъ, вылавливается еще осенью. Для этого, всѣ желающіе участвовать въ этомъ рыболовствѣ, называемомъ „осеннею плавнею", собираются къ Антоновскому форпосту, откуда начинается ловъ, иногда въ числѣ 8.000 чел. съ 3.000 бударокъ. Все предназначенное къ вылову пространство рѣки раздѣляется обыкновенно на 15 рубежей, изъ которыхъ каждый вылавливаютъ въ теченіе одного дня, спускаясь внизъ по рѣкѣ. Орудіемъ лова на этомъ рыболовствѣ служитъ „ярыга", родъ сѣтянаго мѣшка въ 7 саженъ длиною, имѣющаго два крыла — верхнее и нижнее; ее тянутъ по дну рѣки съ двухъ лодокъ, идущихъ на веслахъ. Ловъ начинается съ солнечнымъ восходомъ, для окончанія же его нѣтъ опредѣленнаго часа, а кончаютъ, когда успѣютъ расплавить всѣ ятови, находящіяся въ рубежѣ. Передъ началомъ лова бударки выравниваются въ линію на берегу и по сигналу сталкиваются въ воду. Когда всѣ бударки въ водѣ, начальникъ ведетъ ихъ до нѣкотораго разстоянія отъ ятови гурьбою, такъ сказать колонною, не давая никому заходить впередъ своей лодки. Приблизившись къ ятови, начальникъ отплываетъ въ сторону, и тогда начинается перегонка; гребутъ съ такимъ напряженіемъ силъ, что сильные и здоровые люди иногда загребаются до обморока. Здѣсь цѣль каждаго не просто обогнать товарищей въ довольно вѣрной, нерѣдко однако же ошибочной, надеждѣ, что ловъ впереди другихъ будетъ изобильнѣе, а достигнуть первымъ, или по крайней мѣрѣ изъ первыхъ, ятови, т. е. мѣста, гдѣ скопилась рыба и откуда, прежде чѣмъ она будетъ распугана, ее можно черпать какъ изъ садка. Такая гонка называется *ударомъ*. Когда одна ятовь выловлена, то вытаскиваютъ ярыги въ бударки, и на промежуткѣ до слѣдующей ятови, которыхъ на пространствѣ рубежа бываетъ иногда по нѣскольку, казаки не ловятъ, потому что тутъ нѣтъ красной рыбы, а только подвигаются впередъ на веслахъ, сначала тихо и въ порядкѣ, а приближаясь къ слѣдующей ятови, опять въ перегонку, что̀ называется дѣлать *второй ударъ* и т. д. По рубежамъ, которые войско оставитъ за собою, имѣютъ право ловить неводами тѣ, которые не участвовали въ главномъ ловѣ. Они не только подбираютъ ту красную рыбу, которая ускользнула отъ главной пере-

довой массы ловцовъ, но ловятъ большое количество судаковъ, лещей, сазановъ и другихъ рыбъ меньшей цѣнности.

Вслѣдъ за войскомъ ѣдетъ по берегу много торговцевъ, которые тутъ же скупаютъ рыбу сырьемъ, солятъ ее прямо въ воза, приготовляютъ икру, клей и вязигу. Такъ какъ погода въ это время уже холодная, то казаки не спѣшатъ продавать рыбу, какъ только вытащатъ ее изъ воды; поэтому торгъ происходитъ на другой день, составляющій дневку. Такимъ образомъ проходятъ всю рѣку до устьевъ въ продолженіе мѣсяца.

Верхняя часть Урала, отъ Уральска до Антоновскаго форпоста, на разстояніи почти 220 верстъ, оставляется на зиму, чтобы ловить, когда рѣка покроется уже льдомъ. Это пространство раздѣляется тоже на рубежи, т. е. части, предназначаемыя къ вылову въ теченіе одного дня. Ловъ также производится лишь на ятовяхъ. Единственнымъ орудіемъ лова служитъ багоръ. Это большой стальной крюкъ, прикрѣпленный къ деревянной рукояткѣ, длина которой увеличивается по мѣрѣ надобности, т. е. по глубинѣ мѣста, подвязкою новыхъ частей, и иногда доходитъ до 9 саженъ (63 фут.). Во время лова привязываютъ внизу багра, недалеко отъ самаго крючка, нѣсколько желѣзныхъ или свинцовыхъ гирь, иногда болѣе пуда вѣсомъ, смотря по длинѣ багра и быстротѣ теченія, чтобы багоръ не относило и онъ оставался всегда въ вертикальномъ положеніи. Въ назначенный день, не ранѣе однако 10 часовъ утра, (чтобы дать время всѣмъ собраться, такъ какъ по холодному времени года многіе ночуютъ по окрестнымъ хуторамъ, или въ ближайшемъ форпостѣ), всѣ пріѣзжаютъ на саняхъ, къ упряжи которыхъ прицѣплены багры, и становятся въ порядкѣ на берегу противъ ближайшей къ рубежу ятови; при этомъ требуется соблюденіе глубокой тишины, чтобы не испугать преждевременно рыбы. По данному сигналу, выстрѣломъ изъ пушки, всѣ бросаются на ледъ, чтобы какъ можно скорѣе занять мѣста, начать рубить проруби и успѣть къ самому началу лова опустить въ нихъ багоръ. Проруби дѣлаютъ круглыя и обыкновенно около полуаршина въ діаметрѣ. Въ нѣсколько минутъ изрѣшетятъ все пространство ятови; каждый опускаетъ въ свой прорубь багоръ почти до самаго дна, слегка опуская и приподнимая его. Рыба, которая или еще лежитъ совершенно неподвижно, или, уже разбуженная шумомъ, начинаетъ медленно двигаться и расходиться, непремѣнно попадаетъ на багры, составляющіе какъ бы густой лѣсъ подъ водою, такъ какъ ихъ

бываетъ болѣе 10.000 на пространствѣ въ версту, или въ полторы, длиною и сажень въ 60 шириною. Слѣдовательно, на этомъ ловѣ рыба не колется багромъ какъ острогою, а подцѣпляется снизу, и онъ можетъ быть сравненъ съ ловомъ крючковою самоловною снастью, о которой говорено было выше, съ тою лишь разницею, что здѣсь крючья, вмѣсто того, чтобы висѣть правильными рядами на веревкахъ, насажены на концы шестовъ, которые держатъ въ рукахъ, и расположены безъ всякаго порядка. Почувствовавъ тяжесть на багрѣ, рыбакъ его тихонько приподнимаетъ, чтобы подцѣпить рыбу и осторожно подтягиваетъ ее къ себѣ; это очень легко, пока рыба, имѣющая почти одинаковый удѣльный вѣсъ съ водою, еще въ водѣ, тѣмъ болѣе, что, будучи въ оцѣпененіи, она зимою очень смирна. Но случается ловить бѣлугъ въ 20 и даже въ 50 пудовъ, которыхъ одинъ человѣкъ не только не въ состояніи вытащить изъ воды, но которыя даже не пролѣзли бы сквозь прорубь. Счастливецъ зоветъ къ себѣ на помощь, и кто нибудь изъ той же артели подбѣгаетъ пособить; ибо, и на багреньѣ, какъ и на большой части другихъ рыболовствъ, казаки соединяются въ артели отъ 6 до 15 человѣкъ, какъ для оказанія другъ другу помощи, такъ и для уравненія шансовъ улова, ибо, каждая артель раздѣляетъ добычу поровну между своими членами. Такъ какъ ловъ не можетъ быть одинаково счастливъ вездѣ, то всѣ бросаются туда, гдѣ онъ начинаетъ дѣлаться особенно изобильнымъ, оставляя свои прежнія проруби, и вся масса промышленниковъ безпрестанно движется то взадъ, то впередъ, на пространствѣ, составляющемъ поприще этого лова. Толпа багрящихъ бываетъ такъ велика и ледъ такъ изрѣшетенъ, что, не смотря на крѣпость и толщину его, онъ обдавливается, и вода, выступающая сквозь проруби, стоитъ на нѣсколько вершковъ выше его поверхности и скоро окрашивается кровью забагренныхъ рыбъ. На берегу происходитъ не менѣе оживленная сцена продажи и покупки рыбы и приготовленія изъ нея зернистой икры. Во время этого лова, какъ и вообще на зимнихъ рыболовствахъ, оставляютъ клей и вязигу въ рыбѣ, чтобы ее не испортить. Разбагривъ одну ятовь, отправляются по берегу на слѣдующую, и такъ до конца рубежа, куда достигаютъ обыкновенно уже къ вечеру. Переходить рубежъ до 10 часовъ слѣдующаго утра, равно какъ и употреблять какія либо другія орудія лова, кромѣ багровъ, строго запрещается.

Багренье—любимый промыселъ уральцевъ, какъ по доступности

его для самыхъ бѣдныхъ, ибо онъ не требуетъ ничего кромѣ багра, саней и нѣсколько дневнаго запаса овса для корма лошади, такъ и по дорогой цѣнѣ, по которой продается въ это время рыба; главнѣйше же потому, что здѣсь, болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ рыболовствѣ, играютъ роль счастье и случай. Это своего рода лотерея, въ которой счастливому удается иногда въ четверть часа получить болѣе сотни рублей.

Цѣнность продуктовъ, добываемыхъ съ обоихъ только описанныхъ рыболовствъ, составляетъ отъ 300.000 до 400.000 рублей.

Орудій и способовъ лова, употребляемыхъ на другихъ рыболовствахъ, мы описывать не станемъ, потому что ихъ особенности легко могутъ быть усмотрѣны изъ атласовъ рисунковъ, снабженныхъ объясненіемъ таблицъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Мы замѣтимъ только, что, такъ какъ отличительную черту главныхъ русскихъ рыболовствъ составляетъ ихъ прѣсноводный рѣчной характеръ, и такъ какъ даже собственно морской ловъ производится главнѣйше по мелкимъ мѣстамъ, обыкновенно не глубже 4 саженъ; то число рабочихъ можетъ быть меньше, чѣмъ при ловѣ въ открытомъ глубокомъ морѣ, и все снаряженіе на ловъ, на суда, лодки, снасти, обходится сравнительно дешево. По этому правительство не только не принуждено что-либо тратить на поощреніе рыболовства, какъ это дѣлала Англія въ прошедшемъ столѣтіи для сельдянаго лова, и какъ еще теперь, кажется, дѣлаетъ Франція для лова трески, но получаетъ еще съ этой отрасли промышленности, въ видѣ акцизовъ съ лодокъ за право производства лова, или арендныхъ суммъ за принадлежащія казнѣ воды, отъ 800.000 до 900.000 руб. Если же присоединить сюда доходъ, получаемый съ соли, идущей на соленіе рыбы, то весь доходъ казны отъ рыболовства нельзя положить менѣе 2.000.000 р. с. Какъ на примѣръ крайней дешевизны издержекъ производства, укажемъ на уральскій ловъ, рѣчной характеръ котораго поддерживается, какъ мы видѣли, нарочно придуманными для сего мѣрами. Именно, при ежегодномъ доходѣ съ этого рыболовства въ 1.200.000 р. с., цѣнность судовъ, снастей и вообще орудій производства составляетъ никакъ не болѣе 220.000 р., ежегодный же расходъ, считая въ томъ числѣ и ремонтъ на суда и снасти, а также ежегодную потерю въ цѣнности, претерпѣваемую ими, опредѣлится не выше 175.000 р.

Намъ остается еще сказать о способахъ сохраненія и приго-

товленія продуктовъ лова. Эти продукты поступаютъ въ торговлю главнѣйше подъ тремя слѣдующими видами: морожеными, солеными и вмѣстѣ солеными и сушеными. Самый выгодный изъ этихъ способовъ приготовленія, безъ сомнѣнія,— первый. Онъ ничего не стоитъ, рыба сохраняетъ почти всѣ достоинства свѣжей, а потому дороже цѣнится, и ничего не теряетъ въ вѣсѣ, такъ какъ въ ней остаются внутренности, и влажность не вытягивается изъ тѣла солью. Поэтому, хотя количество рыбы, ловимой зимою, вездѣ значительно уступаетъ уловамъ въ остальныя времена года, цѣнность мороженой рыбы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти равняется цѣнности рыбы, сохраняемой посредствомъ соли. Такъ на Уралѣ, изъ общей цѣнности улововъ въ 1.200.000 руб., 525.000 приходится на мороженую рыбу, между тѣмъ какъ вѣсъ свѣжей рыбы составляетъ только безъ малаго 270.000 пуд. на слишкомъ 800.000 пуд. рыбы соленой. Конечно, такая выгодная пропорція зависитъ какъ мы видѣли, отъ особенно принаровленной къ этой цѣли системы лова, и потому ни въ какомъ другомъ рыболовствѣ не достигается Но и на Волгѣ, гдѣ такое единство въ системѣ лова невозможно, большая часть хозяевъ или арендаторовъ водъ не продаетъ рыбы лѣтнихъ уловъ, а сохраняетъ ее живою до зимы, пуская въ огромные садки, которыми служатъ отгороженныя части рѣки, чаще же какіе либо лиманы или озера, иногда въ нѣсколько верстъ длиною откуда ее вылавливаютъ по наступленіи морозовъ большими неводами. На Азовскомъ морѣ отношеніе мороженой рыбы къ соленой менѣе выгодно, чѣмъ на Каспійскомъ, а Кура и Черное море вовсе не доставляютъ мороженой рыбы. Но съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, что и самыя сѣверныя изъ нашихъ морей, Бѣлое и Ледовитое, доставляютъ очень не много мороженой рыбы,—именно, большую часть сельдей, ловимыхъ въ Онежской губѣ, преимущественно же у селенія Сороки, гдѣ добывается ихъ отъ 100 до 150 милліоновъ штукъ, навагу и часть печорской рыбы. Прочая же рыба, какъ-то семга, крупная разновидность сельдей, ловимая въ Кандалакской губѣ (около 20.000.000 штукъ), треска, палтусъ и многія другія рыбы идутъ въ рѣки, или приближаются къ берегамъ только весною, лѣтомъ или осенью. Правда, часть трески ловится довольно рано для того, чтобы ее можно было отпускать въ торговлю въ мороженомъ видѣ, но ловъ ея производится въ такой мѣстности у береговъ Лапландіи, откуда сухопутная доставка ея слишкомъ затруднительна, чтобы не сказать со-

вершенно невозможна. Напротивъ того, значительная доля нашей озерной рыбы поступаетъ въ продажу мороженою.

Въ южной Россіи подвергаютъ соленую уже рыбу, предназначаемую къ дальней отправкѣ въ лѣтнее время, еще сушкѣ; но многое въ этомъ отношеніи зависитъ и отъ укоренившагося обычая. Такъ на Уралѣ соленую рыбу никогда не сушатъ, на Волгѣ сушатъ судака, леща и сазана весеннихъ и лѣтнихъ улововъ, на Азовскомъ же морѣ судака и тарань. Рыбу, ловимую въ началѣ осени, никогда не сушатъ, потому что прохладная погода позвоаляетъ уже хорошо сохранять ее однимъ соленіемъ; также никогд-, не сушатъ сомовъ. Для сушки вынимаютъ рыбу изъ чановъ, гдѣ она солилась, обмываютъ и, связавъ хвостами попарно, развѣшиваютъ на горизонтальныя жерди, утвержденныя на подставкахъ называемыхъ вѣшалами или бугунами, или же, распластавъ по брюху (еще до соленія), раскладываюкъ слоями на подстилки изъ тростника.

Соленіе рыбы производится на мелкихъ промыслахъ въ бочкахъ или небольшихъ четыреугольныхъ ларяхъ, помѣщаемыхъ въ тѣни подъ навѣсомъ нарочно устроеннаго для сего сарая; на большихъ же промыслахъ, называемыхъ ватагами, расположенныхъ по берегамъ рукавовъ волжской дельты и въ сосѣдней ей части морскаго прибрежья, для этого устраиваются громадныхъ размѣровъ ледники, до ста и болѣе саженъ длиною. Для устройства такихъ ледниковъ по большей части пользуются такъ называемыми буграми, или природными невысокими холмами правильной формы, разсѣянными по островамъ волжской дельты, въ которыхъ вырываютъ широкіе коридоры, коихъ потолокъ, покрытый толстымъ слоемъ земли поддерживается толстыми деревянными столбами. Полъ этихъ коридоровъ составляетъ покрышку большихъ четыреугольныхъ чановъ, могущихъ вмѣщать отъ 40.000 до 100.000 рыбъ, расположенныхъ обыкновенно въ три ряда вдоль всего ледника. Стѣны ледника двойныя и промежутокъ между ними набитъ льдомъ. Гдѣ нѣтъ природныхъ бугровъ, тамъ нарочно насыпаютъ ихъ. Такіе ледники находятся не только на самыхъ ватагахъ, для соленія рыбы на нихъ приготовляемой, но и въ Астрахани, для склада рыбы, приготовляемой мелкими промышленниками, въ ожиданіи отправки ея вверхъ по Волгѣ.

Кромѣ этихъ главныхъ способовъ приготовленія рыбы, употребительны еще копченіе, маринованіе, сушка въ печахъ безъ пред-

варительнаго соленія и провѣшиваніе или валеніе. Сушатъ безъ посола въ печахъ только снѣтковъ, а на вольномъ воздухѣ треску весенняго улова, когда еще холодно. Маринуютъ, въ количествѣ достаточномъ для торговли, только миногъ. Коптятъ около десятка милліоновъ мелкихъ сельдей осенняго улова близь села Сороки, два сорта кефали (Mugil saliens и Mugil auratus), ловимыхъ по сѣверному, преимущественно же по крымскому, берегу Чернаго моря, и главнѣйше шемаю въ количествѣ отъ 1.500.000 до 2.000.000 штукъ. Кромѣ этого, довольно значительное количество красной рыбы и бѣлорыбицы приготовляется на балыки. Это собственно соленая и потомъ провяленная рыба; но приготовленіе ея дѣлается съ такимъ тщаніемъ, что рыба получаетъ превосходный и совершенно особенный вкусъ.

Балыки приготовляются только весною до жаровъ, ибо иначе ихъ надо бы было слишкомъ сильно солить, чтобы они не испортились. Лучшими считаются мартовскіе. Въ Азовскомъ морѣ и въ сѣверной части Каспійскаго, на балыки идутъ лишь осетры и бѣлуги Но на Курѣ, въ Закавказьѣ, употребляется отъ 200.000 до 300.000 севрюгъ на балыкъ низшаго качества, извѣстный подъ именемъ джирима. Онъ сухъ и очень солонъ, но именно это и составляетъ его достоинство въ глазахъ жителей Катехіи, гдѣ главный его сбытъ, потому что онъ возбуждаетъ жажду, которую охотно утоляютъ превосходнымъ виномъ, доставляемымъ этою страною. Для хорошаго балыка выбираютъ самую крупную рыбу, отрѣзаютъ голову, хвостъ, брюхо и боковыя части, оставляя одну лишь спину, которая собственно и называется балыкомъ, такъ сказать рыбою по преимуществу, ибо по-татарски „балыкъ" значитъ—рыба. Отдѣленныя части солятся обыкновеннымъ способомъ, или употребляются свѣжими въ пищу рыбаками-работниками. Но стѣнки брюха, которыя необыкновенно жирны, также нерѣдко приготовляются какъ балыки и называются тешкою. Осетровыя спины не разрѣзаются, и каждая составляетъ отдѣльный балыкъ; но спины большихъ бѣлугъ раздѣляются еще вдоль и поперекъ на нѣсколько частей, составляющихъ столько же балыковъ, ибо иначе они не просолились бы. Спинки укладываютъ въ чаны, обсыпая каждую солью, такъ чтобы онѣ ни между собою, ни къ стѣнкамъ не прикасались. Безъ этой предосторожности онѣ непремѣнно бы испортились. Въ соли держатъ рыбу отъ 9 до 12 дней, а въ теплое время и большіе балыки и до 15. Къ соли примѣшиваютъ селитру, на 50 пудъ

балыка по 2 фунта, чтобы придать ему красноватый цвѣтъ. Кромѣ того, прибавляютъ въ разсолъ для лучшихъ балыковъ перцу, простаго и англійскаго, гвоздики и лавроваго листу. Когда балыки достаточно пропитались солью, ихъ вынимаютъ и вымачиваютъ день или два въ водѣ, для чего слабо соленая вода Азовскаго моря почитается даже лучше совершенно прѣсной. Когда вымачиваніемъ извлекли излишекъ соли, вывѣшиваютъ балыки спѣть, сначала на солнцѣ, чтобы они провяли, а потомъ въ тѣни, гдѣ-либо подъ навѣсомъ, открытымъ со всѣхъ сторонъ, такъ чтобы они провѣвались вѣтромъ. Балыкъ спѣетъ, смотря по погодѣ, отъ 4 до 6 недѣль. Признакъ спѣлости составляетъ плѣсень, которою онъ снаружи покрывается. Если такой плѣсени не появляется, то значитъ балыкъ пересоленъ. Несмотря на всѣ предосторожности, всѣ балыки никогда не выходятъ одинаковаго качества; между ними есть всегда такіе, которые съ перваго взгляда отличаются своимъ темнымъ цвѣтомъ, — это самые лучшіе. Хорошій балыкъ, какой приготовляется только на Дону и по нѣкоторымъ мѣстамъ Азовскаго прибрежья, преимущественно вдоль сѣвернаго и восточнаго береговъ Керченскаго полуострова, бываетъ почти также нѣженъ и мягокъ, какъ соленая семга, красновато или коричнево-оранжеваго цвѣта, и просвѣчиваетъ насквозь; запахъ его совершенно особенный, нѣсколько походящій на огуречный; притомъ, въ немъ не должно быть ни малѣйшей прогорклости, гнилости, или слишкомъ соленаго вкуса. Соединенія всѣхъ этихъ качествъ достигаютъ только немногіе мастера. Хорошій балыкъ продается рублей по 18 пудъ на мѣстѣ, а въ мелочной торговлѣ стоитъ до рубля фунтъ.

Изъ осетровыхъ породъ, кромѣ мяса ихъ, которое морозятъ, солятъ и приготовляютъ въ видѣ балыка, дѣлаютъ еще икру, клей и вязигу, приготовленіе которыхъ также заслуживаютъ болѣе подробнаго описанія, такъ какъ они составляютъ почти исключительную принадлежность Россіи.

Икру приготовляютъ двухъ сортовъ: жидкую,—называемую зернистою, и твердую — паюсную. Въ обоихъ случаяхъ, вынутую изъ рыбы икру, натуральный цвѣтъ которой черный или темносѣрый, кладутъ на грохотку, т. е. на рамку съ натянутою проволочною или веревочною сѣтью, сквозь ячейки которой зерна икры могли бы свободно проваливаться, и протираютъ руками. При этомъ зерна отдѣляются отъ окружающихъ ихъ частей „ястыка“ (яичника), и

падаютъ въ подставленный подъ грохотку „обрѣзъ" (полу-бочка) или другой сосудъ, а волокна и перепонки ястыка, проникнутыя жиромъ, остаются на грохоткѣ. При приготовленіи зернистой икры въ сосудъ, куда падаютъ зерна, кладутъ въ мелкій порошокъ истолченную соль самаго лучшаго качества. Количество соли зависитъ отъ времени года и измѣняется отъ $1^1/_2$ до $4^1/_2$ фунтовъ на пудъ. Чѣмъ икра менѣе солона, тѣмъ она выше цѣнится; но малосольную можно приготовлять лишь во время морозовъ, такъ чтобы во время перевозки и на мѣстѣ сбыта она оставалась замерзшею. Икру перемѣшиваютъ съ солью, причемъ сначала икряная масса походитъ на ощупь на тѣсто, когда же она впитаетъ въ себя соль, то зернушки надуются, и при мѣшаніи производятъ ощущеніе, какъ если бы перебирать кучу бисера. Это знакъ, что она готова. Ее вливаютъ въ липовые боченки, единственные, которые не придаютъ икрѣ дурнаго вкуса.

Если же хотятъ приготовить паюсную икру, то въ сосудъ, стоящій подъ грохоткой, наливаютъ тузлукъ (растворъ соли), также измѣняющійся въ крѣпости по температурѣ и временамъ года. Дабы зерна икры, падающія въ тузлукъ, равномѣрно проникались солью, приводятъ массу въ круговое движеніе, мѣшая ее лопаткою все въ одну сторону; потомъ выливаютъ на волосяное сито, даютъ стечь и накладываютъ въ кульки, вмѣщающіе въ себя отъ 2 до 3 пудовъ. Кульки эти кладутъ подъ прессъ, чтобы выдавить лишній разсолъ и обратить икру въ плотную массу. Само собою разумѣется, что этимъ давленіемъ раздавливаютъ много зеренъ, содержимое которыхъ вытекаетъ вмѣстѣ съ тузлукомъ. Поэтому паюсная икра никогда не бываетъ такъ хороша и нѣжна, какъ зернистая, и теряетъ отъ 12 до 15 фунтовъ на пудъ. Изъ кульковъ выкладываютъ икру въ боченки или въ бочки, вмѣщающія въ себя около 30 пудовъ, выстилаемыя внутри салфеточнымъ холстомъ, отчего и происходитъ названіе салфеточной икры, подъ которымъ она извѣстна въ торговлѣ; ее въ эти бочки плотно надавливаютъ. Лучшіе сорты паюсной икры, т. е. наименѣе соленую и выдавленную, набиваютъ въ длинные узкіе цилиндрическіе мѣшки, что̀ и составляетъ мѣшечную икру. Ее набиваютъ также въ жестяные коробки, плотно закупориваемыя и запаиваемыя. При этомъ послѣднемъ способѣ упаковки, малосольная паюсная икра можетъ довольно долго держаться даже во время жаровъ. Икра бываетъ болѣе или менѣе

жирна, смотря по качествамъ рыбы и по времени лова. Если икра сама по себѣ не довольно жирна, то въ бочки наливають нѣсколько рыбьяго жира, собираемаго съ внутренностей осетровыхъ же породъ и вытапливаемаго въ водяной ваннѣ; въ жестянки наливаютъ и прованскаго масла. Зернистая икра цѣнится всегда дороже паюсной и на лучшихъ промыслахъ продается на мѣстѣ въ Астрахани по 30 р. пудъ, въ Москвѣ же и въ Петербургѣ до 1 р. и до 1 р. 50 к. за фунтъ, смотря по уловамъ. Лучшая же паюсная икра, не смотря на потерю вѣса при ея приготовленіи, оптомъ никогда не продается дороже 24 р. пудъ. Изъ этого видно, что приготовленіе зернистой икры гораздо выгоднѣе; она дороже, требуетъ меньше соли и труда и ничего не теряетъ въ вѣсѣ. Опредѣлить отдѣльно количество зернистой и паюсной икры очень трудно. На Уралѣ количество зернистой икры составляетъ немного менѣе ½ паюсной; но такъ какъ на Курѣ (гдѣ приготовляютъ до 30,000 пудовъ икры) и на морскомъ Эмбенскомъ ловѣ вовсе не дѣлаютъ зернистой икры, на Волгѣ же и въ Азовскомъ морѣ она приготовляется въ меньшей пропорціи, нежели на Уралѣ, гдѣ приняты всѣ мѣры къ усиленію лова въ холодное время года, насчетъ лѣтняго лова, то я думаю, что, вообще, пропорцію зернистой икры нельзя опредѣлить выше ⅐ или даже ⅛ всего количества добываемой икры, т. е. отъ 20,000 до 25,000 пудъ. Лучшая икра, безъ сомнѣнія, астраханская. Въ торговлѣ цѣнится бѣлужья икра выше другихъ сортовъ, не потому, чтобы она была вкуснѣе, а потому, что зерно ея крупнѣе и она красивѣе на видъ. Икра осетровая отъ севрюжьей при приготовленіи не отличается; икра стерляжья—самая мелкая, и, хотя многіе считаютъ ее самою вкусною, однако она предмета торговли не составляетъ, потому что ея мало.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ приготовлялись еще нѣкоторые сорта икры, нынѣ болѣе не употребительные. Паюсную икру смѣшивали съ пряностями, чтд называлось икрою армянскою или цареградскою; или, просоливъ, сушили на солнцѣ въ ястыкахъ, т. е. яичникахъ, какъ и нынѣ еще приготовляется на Черномъ морѣ икра кефалья, считаемая греками лакомымъ кушаньемъ и продаваемая по 1 р. и по 1 р. 20 к. фунтъ. Въ послѣднее время, лѣтъ 12 тому назадъ, стали приготовлять въ довольно большомъ количествѣ икру судачью, лещевую и таранью, изъ которыхъ первая идетъ исключительно въ Турцію и Грецію, лещевая же расходится по Россіи и употребляется только самымъ бѣднымъ

классомъ. Судачья икра издавна уже приготовляется на Азовскомъ морѣ, особливо въ Черноморьѣ, что̀ дѣлается очень простымъ способомъ. Мѣшечки, въ которыхъ она заключается и которые довольно плотны и не такъ легко разрываются, какъ у осетровыхъ породъ, кладутъ слоями въ бочки и пересыпаютъ солью. Въ одномъ Черноморьѣ приготовляютъ этой икры отъ 15 до 20,000 пудовъ. На Каспійскомъ морѣ, гдѣ ловъ судаковъ и лещей такъ обиленъ, лѣтъ 15 тому назадъ икру ихъ не приготовляли, а отдавали даромъ—нанимавшимся рѣзать и солить рыбу женщинамъ, которыя цѣлыми ведрами уносили ее къ себѣ, сушили на воздухѣ и кормили ею домашнюю птицу, что̀ дѣлало ее почти не съѣдобною. Только въ 1853 или 1854 году появились на астраханскихъ промыслахъ греки, начавшіе солить судачью икру. Многіе хозяева ватагъ давали имъ это право даромъ. Греки отгораживали себѣ рогожами уголъ на плоту и солили тамъ судачьи ястыки, укладывая ихъ слоями. Еще позже стали извлекать выгоду изъ лещевой икры.

Клей, какъ извѣстно, получается изъ плавательнаго пузыря всѣхъ осетровыхъ породъ. Пузыри сома и сазана также даютъ клей, но гораздо низшаго качества. Пузыри, вырѣзанные изъ рыбъ, кладутъ на нѣсколько дней въ воду, которую часто перемѣняютъ чтобы вытянуть изъ нихъ всѣ кровяныя и жирныя части. Чѣмъ теплѣе вода, тѣмъ скорѣе происходитъ эта вымочка; вымочкѣ способствуетъ и то, что вода получаетъ нѣкоторую гнилость отъ находящихся въ ней животныхъ частей; впрочемъ, гнилость эта не должна превосходить извѣстной мѣры. Когда пузыри вымокнутъ, то ихъ разрѣзаютъ вдоль ножницами и въ видѣ листовъ выставляютъ дѣйствію солнца и воздуха. Ихъ разстилаютъ на лубки такъ чтобы наружная сторона пузыря была обращена внизъ, а внутренняя къ верху. Пузырь состоитъ изъ двухъ слоевъ, раздѣленію которыхъ также способствуетъ вымочка, ибо только одинъ внутренній слой, обращенный при сушкѣ на лубкахъ къ верху, составляетъ „клеину“, которую и отдѣляютъ осторожно, отдирая отъ нея наружную перепонку. Послѣ раздѣленія обоихъ слоевъ, клеины раскладываютъ между холстомъ и наваливаютъ на нихъ тяжести, чтобы онѣ, медленно высыхая, не сжимались и не коробились. Съ наружныхъ перепонокъ соскабливаютъ оставшіяся на нихъ частички клея, мнутъ ихъ и соединяютъ этимъ въ небольшіе кусочки, которые называются крошками и идутъ отдѣльно въ продажу, но нѣсколько дешевле, чѣмъ листовой клей.

Въ настоящее время клей продается пачками, заключающими въ себѣ отъ 10 до 50 клеинъ или листовъ бѣлужьяго, 25 осетроваго и севрюжьяго и отъ 50 до 100 клеинъ стерляжьяго клея. Пачки эти укладываютъ обыкновенно по 80 штукъ въ рогожи, и въ такомъ видѣ отпускаютъ въ торговлю. Прежде шелъ клей въ продажу не отдѣльными листами, а такъ называемыми скобками, приготовляемыми изъ ремней, на которые разрѣзали клеины, и, сильно сдавивъ въ мокромъ видѣ, придавали желаемую форму цилиндровъ, сердецъ, подковъ и т. п. Хорошій клей долженъ быть бѣлый, гладкій, съ перламутровымъ блескомъ и нѣсколько просвѣчивать. Лучшій сортъ и понынѣ называется еще, по старой памяти, патріаршимъ, потому что лучше всего приготовляли его на тѣхъ волжскихъ промыслахъ, которые принадлежали московскому патріарху, какъ еще донынѣ лучшія бѣломорскія сельди приготовляются соловецкимъ монастыремъ.

Изъ осетровыхъ же породъ добывается вещество, называемое вязигою; это—chorda dorsalis этихъ хрящевыхъ рыбъ. Для полученія ея, дѣлаютъ при распластываніи рыбъ небольшой прорѣзъ въ ихъ хрящевомъ позвоночномъ столбѣ, или—точнѣе сказать—позвоночномъ футлярѣ, и, всунувъ въ него палецъ, поддѣваютъ имъ вязигу и вытаскиваютъ на подобіе длинной ленты. Обмывъ ее, отдѣляютъ наружный мягко-хрящеватый слой, негодный въ пищу, крѣпко придавливая ленту вязиги къ краю бочки, въ которой ее мыли. Эти ленты просушиваютъ въ особыхъ строеніяхъ въ видѣ башенокъ, со стѣнками, состоящими изъ узкихъ досокъ, между которыми оставлены щелевидныя отверстія дюйма въ два шириною, чтобы вѣтеръ продувалъ сохнущую вязигу. Когда вязига высохнетъ, ленты эти связываютъ въ пучки по 12 штукъ для бѣлужной и по 20 для осетровой, шиповой и севрюжьей вязиги. Вязига сильно разбухаетъ въ водѣ, если ее варить, и въ такомъ видѣ, разрубленная на мелкіе кусочки, употребляется она для начинки кулебякъ, одна или вмѣстѣ съ какою нибудь рыбою, что̂ составляетъ единственное ее употребленіе. Пудъ вязиги стоитъ отъ 15 до 20 р. с. Ея получается изъ осетровыхъ рыбъ немногимъ больше, чѣмъ клею, такъ что все количество ея можно опредѣлить отъ 6.000 до 7.000 пудовъ.

Одинъ изъ главнѣйшихъ побочныхъ продуктовъ, получаемыхъ изъ рыбъ, составляетъ безъ сомнѣнія рыбій жиръ, котораго получается на нѣсколько сотъ тысячъ, а можетъ быть и на полмилліона

рублей. Жиръ этотъ имѣетъ троякое употребленіе: въ лекарство, въ пищу и на фабричныя производства. Происхожденіе жира также троякое, смотря потому, въ какихъ частяхъ рыбьяго тѣла онъ по преимуществу сосредоточивается. У нѣкоторыхъ породъ, какъ напримѣръ у трески, онъ собирается исключительно въ печенкѣ, у другихъ, какъ у судака, жиръ окружаетъ кишки и желудокъ—самое же тѣло рыбъ этихъ разрядовъ никогда не бываетъ жирно; наконецъ, у большой части породъ, какъ напримѣръ у сельдей, семги, сома, жиръ проникаетъ все тѣло. Сообразно этимъ различіямъ въ распредѣленіи жира въ рыбьемъ тѣлѣ и тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ онъ добывается, и способы приготовленія бываютъ различные.

Лекарственный жиръ добывается, какъ извѣстно, только изъ печенки трески, которую разрѣзаютъ въ самомъ свѣжемъ видѣ и подвергаютъ дѣйствію легкаго жара въ водяной ваннѣ. Этотъ способъ введенъ у насъ на мурманскомъ берегу только недавно, по иниціативѣ министерства государственныхъ имуществъ, назначившаго преміи первымъ, которые станутъ приготовлять жиръ по способу имъ опубликованному и заимствованному изъ Норвегіи. Вызовъ этотъ не остался безъ отвѣта, и одному изъ мурманскихъ рыбопромышленниковъ заказано уже военнымъ министерствомъ, для казенныхъ аптекъ, 14.000 фунтовъ такого жира.

Жиръ, употребляемый въ пищу, собирается главнѣйше со внутренностей осетровыхъ породъ и судака. Его промываютъ и въ совершенно свѣжемъ видѣ вытапливаютъ въ водяной ваннѣ. Этотъ жиръ идетъ почти исключительно на улучшеніе икры, которая недовольно жирна сама по себѣ. Кромѣ того, онъ идетъ на мѣстахъ производства въ пищу по постнымъ днямъ, вмѣсто растительнаго масла.

Жиръ, предназначаемый для разныхъ фабричныхъ цѣлей, какъ-то: на мыловареніе, дубленіе кожъ, освѣщеніе и т. п., вообще получается посредствомъ гніенія, которое, разлагая тѣ оболочки, въ которыхъ заключенъ жиръ, способствуетъ его выдѣленію. Такому гніенію подвергаютъ или только нѣкоторыя части рыбъ, негодныя на другое употребленіе, какъ-то печенку трески и внутренности другихъ рыбъ, или же цѣлыя рыбы — главнѣйше астраханскую сельдь, а также нѣкоторыя мелкія рыбы изъ семейства сазановидныхъ. Въ первомъ случаѣ, и этотъ процессъ, какъ онъ ни отвратителенъ самъ по себѣ, долженъ однако же считаться выгоднымъ;

но употребленіе на жиротопленіе цѣлыхъ рыбъ составляетъ по истинѣ нетерпимое злоупотребленіе, потому, что для добыванія сравнительно ничтожнаго количества жира дурнаго качества, который могъ бы быть съ выгодою замѣненъ многими ископаемыми или растительными веществами, жертвуется гораздо большимъ количествомъ мяса, котораго для пищи ничто замѣнить не можетъ.

При добываніи жира изъ тресковыхъ и акульихъ печенокъ и внутренностей другихъ рыбъ посредствомъ гніенія, подвергаютъ эти вещества въ бочкахъ дѣйствію солнечнаго жара. Вытопленный такимъ образомъ жиръ—„самотеку", считающійся за лучшій, сливаютъ, а оставшуюся массу нагрѣваютъ въ котлахъ на огнѣ, прибавивъ къ ней нѣсколько воды, чтобы она не пригорала, и получаютъ еще новое количество жира нѣсколько худшаго качества. Изъ тресковыхъ печенокъ добывается такого жиру отъ 15.000 до 20.000 пудовъ, а изъ внутренностей рыбъ, преимущественно судака, на промыслахъ восточнаго берега Азовскаго моря, принадлежащихъ кубанскимъ казакамъ, болѣе 10.000 пудовъ. При добываніи жира изъ цѣльныхъ рыбъ поступаютъ нѣсколько иначе. Сельдей насыпаютъ въ открытыя сверху бочки, вмѣщающія въ себѣ около 1.000 штукъ, обливаютъ ихъ кипяткомъ, и перемѣшиваютъ массу. Въ первый разъ проходитъ нѣсколько дней, прежде чѣмъ рыба, при дѣйствіи воздуха, теплоты и воды, придетъ въ гнилое броженіе и, выдѣливъ изъ себя жиръ, обратится сама въ жидкое красноватое тѣсто отвратительнаго вида и запаха. Но послѣ того, какъ гніеніе завелось уже въ бочкахъ, жиръ бываетъ готовъ менѣе, чѣмъ въ сутки. Его счерпываютъ съ поверхности воды и вливаютъ въ бочки, самую же массу зарываютъ въ землю, или выпускаютъ въ рѣку.

Лѣтъ 12 или 13 тому назадъ, всѣ сельди, поднимающіяся огромными стаями въ Волгу, не имѣли другаго употребленія, кромѣ приготовленія изъ нихъ жира, на что̀ шло и много другой малоцѣнной мелкой рыбы. Употребленіе ихъ было бы несравненно производительнѣе, если бы, вмѣсто извлеченія жира, ихъ оставляли въ водѣ служить пищею другимъ рыбамъ. Поэтому было запрещено топить жиръ изъ всѣхъ рыбъ, кромѣ сельди, съ которой не знали что̀ дѣлать, потому что она считалась негодною въ пищу, по народному предразсудку, основанному на томъ, что рыба эта во время метанія икры быстро кружится въ водѣ, почему ее считали бѣшеною и назвали „бѣшенкою". Только небольшое количество ея издавна приготовляли на нѣкоторыхъ ватагахъ, подъ презри-

тельнымъ названіемъ мордовскаго товара. Во время ученой экспедиціи на Каспійскомъ морѣ, начальникъ ея, г. академикъ Бэръ, старался объяснить промышленникамъ, что эта рыба, такъ презираемая ими, принадлежитъ къ роду сельдей и можетъ быть такимъ же точно образомъ приготовляема. Нѣкоторые изъ нихъ, именно гг. Кожевниковъ и Недорѣзовъ, послушались этихъ совѣтовъ и стали приготовлять эту бѣшенку какъ сельди. Это было въ 1853 и 1854 годахъ. Сбыту ея помогла война, прекратившая подвозъ иностранныхъ — главнѣйше норвежскихъ — сельдей къ балтійскимъ портамъ. Съ тѣхъ поръ бѣшенка пошла все болѣе и болѣе въ ходъ, и теперь около трети всего количества, входящаго въ Волгу, солится. Вмѣстѣ съ этимъ, унизительное названіе бѣшенки замѣнилось болѣе почетнымъ—астраханской селедки, подъ которымъ она доходитъ даже до Москвы и до Петербурга. Къ сожалѣнію, все еще около 100.000.000 штукъ этой рыбы продолжаетъ ежегодно вытапливатся на жиръ. Какъ ни желательно прекращеніе этого неразумнаго употребленія прекрасной рыбы, правительство не нашло однакоже возможнымъ употребить для сего крутыя мѣры, главнѣйше потому, что проходъ этихъ сельдей въ огромныхъ массахъ происходитъ столь быстро, что весьма трудно посолить въ свѣжемъ видѣ все количество пойманной рыбы. Въ теченіе трехъ недѣль, когда жиротопленіе дозволено, приготовляется изъ астраханскихъ сельдей въ настоящее время отъ 100.000 до 250.000 пудовъ жира, смотря по количеству улововъ и по степени жирности рыбы, весьма различной въ разные годы.

Рыбій жиръ, приготовленія котораго мы коснулись, приводитъ насъ къ разсмотрѣнію еще одного продукта, почти тождественнаго съ нимъ, но получаемаго изъ другаго класса морскихъ животныхъ. Охота на морскихъ звѣрей, хотя и не столь значительна въ Россіи, какъ можно бы было предполагать по протяженію ея береговъ, омываемыхъ Лодовитымъ океаномъ, составляетъ однако же довольно значительный промыселъ, цѣнность продуктовъ котораго едва ли не превосходитъ полумилліона рублей. Если промыселъ этотъ не прибыльнѣе, то причину этого должно искать въ нѣкоторыхъ физическихъ условіяхъ, проявляющихся между прочимъ въ томъ странномъ фактѣ, что и тутъ первое мѣсто принадлежитъ не Ледовитому океану съ его заливами, а опять-таки, какъ и въ отношеніи рыболовства, Каспійскому морю.

И въ этомъ отношеніи Каспійское море сохраняетъ свой общій

характеръ, состоящій въ маломъ разнообразіи населяющихъ его видовъ, но въ чрезвычайномъ изобиліи индивидуумовъ. Изъ морскихъ млекопитающихъ, въ Каспійскомъ мѣрѣ живетъ только одна порода тюленей, причисляемая нѣкоторыми натуралистами къ породѣ обыкновенныхъ тюленей Phoca vitulina (L.), нѣкоторыя особенности которой подали поводъ другимъ составить изъ нея особый видъ, подъ названіемъ каспійскаго тюленя (Phoca Caspica Nils). Тюлень этотъ живетъ во всемъ морѣ и составляетъ предметъ промысла, какъ вдоль сѣвернаго прибрежья, близь устьевъ Волги и Урала, такъ и вдоль восточнаго берега, а также въ южной части моря близь острововъ, лежащихъ около Апшеронскаго полуострова. Главное поприще этого лова составляетъ однако же группа Тюленьихъ острововъ (Кулалы, Святой, Морской и Подгорный), лежащая къ сѣверу отъ Мангишлакскаго полуострова, гдѣ добывается болѣе 100.000 штукъ тюленей ежегодно. Впрочемъ, количество это довольно значительно и на другихъ островахъ. Такъ на островѣ Тюленьемъ (котораго не должно смѣшивать съ группою Тюленьихъ острововъ), лежащемъ среди сѣверной части моря, бывали года, когда ихъ убивали до 8.000 штукъ, въ уральскихъ водахъ добывали до 11.000 штукъ тюленя, а въ 1846 году въ одну ночь убили на островѣ Пѣшномъ въ 8 верстахъ отъ устья Урала 1.300 штукъ. На островахъ Бакинскихъ убивали въ прежнее время до 4.000, теперь же едва нѣсколько сотенъ штукъ. Тюленій промыселъ производится на Каспійскомъ морѣ троякимъ образомъ: 1) боемъ на островахъ, 2) гонкою и 3) боемъ на льду.

Бой на островахъ составляетъ самую обильную отрасль этой промышленности. Для него промышленники собираются на островъ Кулалы, гдѣ заведены строенія для жительства промышленниковъ, и куда поэтому тюлень, любящій совершенное спокойствіе, болѣе не выходитъ. Весною и осенью тюлени вылѣзаютъ на сосѣдніе острова для отдыха и чтобы погрѣться на солнцѣ. Сторожащія ихъ суда, принимающія всегда предосторожность быть подъ вѣтромъ, а не на вѣтрѣ у тюленей, такъ какъ ихъ обоняніе очень остро, даютъ знать, когда тюлень въ большомъ количествѣ вышелъ на островъ. Ночью промышленники выходятъ на берегъ, вооруженные толстыми палками, усаженными на одномъ концѣ желѣзными шипами и окованными до половины желѣзомъ; тихонько подползаютъ они къ стаду, выравниваются въ линію и стараются занять мѣсто между тюленями и моремъ. По знаку, данному забой-

щикомъ, они убиваютъ передовыхъ животныхъ, изъ которыхъ образуется валъ. Ежели этотъ валъ изъ первоубитыхъ животныхъ сплошной и безъ перерыва, то изъ остальной стаи едва ли которому удастся уйти, потому что, и такъ очень неповоротливые на сушѣ, они лишь медленно и съ большимъ трудомъ могутъ перелѣзть черезъ стѣну, состоящую изъ ихъ убитыхъ товарищей. Иногда въ одну ночь убиваютъ ихъ до 10,000 штукъ. Съ разсвѣтомъ начинаютъ ихъ раздѣлывать, т. е. отрубивъ голову, снимаютъ шкурки, на которыхъ остается и сало, составляющее толстый подкожный слой. Тушки или зарываютъ глубоко въ землю, или, сложивъ въ лодки, далеко отвозятъ отъ острова и бросаютъ въ море; это дѣлается для того, что, ежели оставить тюленьи тушки гнить на берегу, то запахъ этотъ отгоняетъ этихъ животныхъ отъ зараженнаго мѣста, если не навсегда, то на очень продолжительное время.

Второй способъ—гонка—производится преимущественно у восточныхъ устьевъ Волги, образующихъ своимъ соединеніемъ прѣсноводный заливъ, извѣстный подъ именемъ Синяго морца. Шумомъ, стукомъ, крикомъ загоняютъ стада плавающихъ тюленей въ напередъ разставленныя сѣти. Этотъ способъ лова запрещенъ тамъ, гдѣ сопряженный съ нимъ шумъ можетъ повредить рыболовству, или правильному тюленьему бою на островахъ.

Наконецъ, промышляли тюленей на льду. Промышленники отправлялись для этой охоты въ саняхъ, отыскивали матерей съ дѣтенышами, сидящихъ на льду, и, не давъ имъ уйти въ продушины, которыя дѣлаютъ тюлени, протаивая ледъ своимъ дыханіемъ и теплотою тѣла, убивали ихъ изъ ружей или чекушами по головѣ. Иногда промышленники случайно находятъ тюленей, запутавшимися въ „аханы“, (сѣти) выставленные для лова бѣлугъ. Теперь зимній бой строго запрещенъ, потому что въ это время убивались преимущественно молодые дѣтеныши, изъ-за ихъ мѣха, нѣжнаго и бѣлаго, который прекрасно принимаетъ всякую окраску. При такомъ уничтоженіи дѣтенышей и небольшомъ плодородіи этихъ животныхъ, очевидно, что тюлени должны бы были быстро уничтожиться и наконецъ совершенно исчезнуть изъ сравнительно небольшаго и совершенно замкнутаго моря.

Въ Бѣломъ морѣ и число видовъ морскихъ млекопитающихъ, и количество индивидуумовъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, именно лысуна (Phoca grœnlandica) несравненно значительнѣе, чѣмъ въ Каспій-

скомъ; къ тому же и сами лысуны гораздо больше, чѣмъ каспійскій тюлень. Со всѣмъ тѣмъ, количество жиру, добываемаго изъ нихъ, составляетъ только около половины добываемаго въ Каспійскомъ морѣ, именно отъ 60,000 до 70,000 пудъ. Это зависитъ отъ того, что лысуны появляются въ Бѣломъ морѣ только къ зимѣ, на берега не выходятъ и могутъ быть промышляемы только на льду, гдѣ часто набить ихъ можно сколько угодно, но невозможно утащить съ собою добычи, такъ что собственно эта трудность и ограничиваетъ количество убиваемыхъ животныхъ. И этотъ промыселъ бываетъ троякій, смотря по времени и мѣсту его производства.

Лѣтомъ, съ половины мая по октябрь, лысуны рѣдко встрѣчаются въ Бѣломъ морѣ; они проводятъ это время въ глубинѣ полярныхъ морей. Съ октября начинаютъ они идти въ заливы Сѣвернаго океана рожать дѣтей, кормить ихъ грудью и совокупляться. Къ началу февраля щенятся они на льдинахъ въ серединѣ Бѣлаго моря и въ Двинскомъ заливѣ. Пока дѣти кормятся грудью, и еще нѣсколько времени послѣ этого, звѣри эти не оставляютъ льдовъ, потому что дѣтеныши не могутъ еще плавать. Въ это время льды, съ находящимися на нихъ лысунами, уносятся непрерывнымъ движеніемъ къ сѣверу, вдоль восточнаго берега Бѣлаго моря, извѣстнаго подъ именемъ Зимняго. При каждомъ отливѣ, подвижной ледъ отходитъ отъ постоянныхъ береговыхъ припаевъ и относится въ море, съ каждымъ же приливомъ снова приносится къ берегу, но уже не къ тому мѣсту, откуда былъ отнесенъ, а нѣсколько ниже, т. е. сѣвернѣе. Господство того или другаго вѣтра измѣняетъ впрочемъ правильность этого передвиженія льдовъ. На этомъ движеніи льда вдоль восточнаго берега Бѣлаго моря основанъ одинъ изъ промысловъ лысуновъ, продолжающійся отъ начала февраля до послѣдней трети марта. Промышленники или слѣдятъ по берегу за передвиженіемъ льдовъ, или избираютъ себѣ постоянное мѣстопребываніе въ удобной мѣстности, мимо которой проносятся однѣ за другими льдины съ тюленями. При каждой пригонкѣ льда переходятъ на него, таща за собою лодки на полозьяхъ, съ запасомъ на нихъ нѣсколько-дневной провизіи. Встрѣчаемыхъ на льду молодыхъ звѣрей бьютъ палками, а старыхъ стрѣляютъ изъ винтовокъ, стараясь подкрасться къ звѣрю, надѣвъ сверхъ малицы бѣлую рубашку, по цвѣту трудно отличимую отъ снѣга. Набивъ звѣря, тутъ же снимаютъ шкуры съ саломъ, свертываютъ ихъ въ юрки и, набивъ столько, сколько въ состояніи за

собою тащить, спѣшать вернуться на берегъ, чтобы обезпечить свою добычу отъ относовъ. Ежели въ это время подуетъ относный вѣтеръ, то льды съ находящимися на нихъ промышленниками уноситъ въ море. Хорошо еще, если ихъ прибьетъ къ острову Моржовцу, лежащему у входа въ Мезенскій заливъ, или къ противоположному Терскому берегу, а то такъ уноситъ ихъ и въ океанъ, гдѣ имъ предстоитъ неминуемая гибель. Въ этой крайности, или принужденные голодомъ, они оставляютъ льды, служившіе имъ охраною отъ бурь, и пускаются на своихъ утлыхъ лодкахъ въ море. Изъ способа, которымъ производится этотъ промыселъ, понятно, что, какъ бы ни было много звѣрей на льдахъ, безразсудно набивать ихъ болѣе, чѣмъ сколько можно тащить съ собою по льду. Если же все господствуютъ относные вѣтра, то промыселъ этотъ бываетъ совершенно неудаченъ, потому что промышленникамъ рѣдко даже удается выѣзжать на льдины. Для уменьшенія опасностей напраснаго риска, устраиваютъ теперь по Зимнему берегу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ башни, снабженныя зрительными трубками, чтобы промышленники могли видѣть, есть ли звѣрь на льду и стоитъ ли на него забираться.

Когда льды поравняются съ поворотомъ въ Мезенскій заливъ, они въ него не заносятся (здѣсь плаваетъ свой ледъ), а относятся къ Терскому берегу, откуда, при возвратномъ движеніи, ихъ уже прибиваетъ къ острову Моржовцу, послѣ чего они двигаются вдоль сѣверной части восточнаго берега, называемаго Канинскимъ, только-что описаннымъ образомъ. Лысуны приносятся сюда вмѣстѣ со льдами около половины марта, и ихъ переселеніе продолжается до начала мая, когда они достигаютъ Канина носа и вступаютъ въ океанъ. Промыселъ вдоль Канинскаго берега совершается точно также, какъ и вдоль Зимняго, но позже.

Къ половинѣ марта молодые лысуны достаточно уже подросли, чтобы оставлять льды и плавать въ водѣ, взрослые оставляютъ ихъ плыть далѣе вонъ изъ Бѣлаго моря, сами же начинаютъ совокупляться. Утомленные и истощенные рожденіемъ дѣтей, кормленіемъ ихъ и совокупленіемъ, они не идутъ еще въ океанъ, а заходятъ въ Мезенскій заливъ, на тихую воду, отдыхать на льдахъ среди этого залива, подобно тому, какъ три мѣсяца назадъ шли рожать въ Двинскій заливъ. Лысуны остаются въ Мезенскомъ заливѣ отъ начала апрѣля до второй трети мая. Они не разсѣеваются по ледяному пространству, а соединяются большими стадами, которыя

промышленники называютъ, употребляя странную метафому, *кожею.* Эти звѣри протаиваютъ во льду, теплотою своего тѣла, какъ-бы корыта или ванны и, обернувшись на спину, грѣютъ брюхо на солнцѣ, лучи котораго въ это время уже сильно дѣйствуютъ. Льды Мезенскаго залива, хотя также то приближаются къ берегамъ, то удаляются отъ нихъ, движимые приливами и отливами, однако изъ залива въ море не относятся, а тутъ же мало по малу и растаиваютъ. Промышленники собираются, въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, большими партіями, близь устья рѣки Кулоя, съ такими же лодками, снабженными полозьями, какъ и на зимнебережномъ промыслѣ, только большей величины и нагруженными бо̀льшими запасами провизіи и даже дровами, такъ какъ они располагаютъ провести нѣсколько недѣль на льдахъ. На каждой лодкѣ— 7 человѣкъ.

Отъ берега отчаливаютъ всѣ разомъ, помолившись въ часовнѣ, нарочно для этого выстроенной на берегу моря въ совершенно пустынномъ мѣстѣ. Доѣхавъ до льдовъ, вытаскиваютъ на нихъ лодки и располагаются на льду какъ бы лагеремъ. Въ лодкахъ и спятъ, сдѣлавъ надъ каждою родъ крыши изъ паруса. Изъ этого лагеря отправляется нѣсколько партій молодыхъ и ловкихъ ребятъ на лыжахъ отыскивать залежки зрѣря. Розыски эти очень трудны, опасны и требуютъ большой снаровки, потому что ледъ не сплошной, но перерѣзанъ различной ширины трещинами, наполненными мелкими осколками льда, плавающими въ водѣ и составляющими какъ бы кашу, по которой надо проскальзывать на лыжахъ. Найдя залежку, развѣдочная партія возвращается къ лагерю, который, дождавшись остальныхъ партій, такъ какъ звѣри не скоро оставляютъ разъ выбранныя ими мѣста, отправляются по указываемому направленію, таща за собою лодки. Лодки эти, нагруженныя дровами и провизіею, такъ тяжелы, что весь экипажъ, состоящій изъ 6 работниковъ и хозяина, долженъ впрягаться въ нихъ. Только приближаясь къ мѣсту залежки звѣрей, сами хозяева, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшіе стрѣлки, отдѣляются отъ прочихъ и подползя къ звѣрю, стараются набить столько, сколько можно стащить съ собою сверхъ лодки. Эта охота требуетъ отличныхъ стрѣлковъ, потому что надо убивать звѣря всегда на повалъ; если только одного звѣря обшавятъ, т. е. ранятъ, то весь промыселъ пропалъ. Ни звукъ выстрѣловъ, ни видъ убитыхъ товарищей нисколько не пугаетъ тюленей; но крикъ, испущенный лысуномъ, рас-

пугиваетъ все стадо, которое спѣшитъ спастись въ воду. Для обезпеченія набитой добычи, тутъ же отправляютъ на берегъ часть лодокъ съ кожами лысуновъ, свернутыми въ юрки, которые бросаютъ въ воду, привязавъ за корму. Эти же лодки, возвращаясь, привозятъ новые запасы провизіи, необходимой для продолженія промысла. Изъ этого опять видно, что этотъ промыселъ сопряженъ съ большими трудностями и что, какъ бы многочислены ни были стада отдыхающаго въ Мезенскомъ заливѣ звѣря, все же благоразуміе заставляетъ промышленниковъ ограничиваться лишь тою частью добычи, которую могутъ съ собою забрать.

Третій способъ лова производится съ Терскаго, западнаго берега моря. Здѣсь ловъ почти никогда не бываетъ столь изобиленъ, какъ у восточнаго берега, ибо льды, при ихъ движеніи къ сѣверу плывутъ вдоль его. Большую часть тюленей (въ самые обильные годы не свыше 15.000 пудовъ), добываемыхъ здѣсь, стрѣляютъ съ береговаго припая льда, въ то время, когда они проплываютъ мимо. И на этотъ промыселъ берутъ съ собою лодки съ полозьями, но такія маленькія и сдѣланныя изъ столь тонкихъ досокъ, что никогда не вѣсятъ болѣе 1½ пуда. У каждой лодки, кромѣ хозяина, бываетъ только по два человѣка. Ставъ на край ледянаго припая, хозяинъ стрѣляетъ въ проплывающихъ мимо тюленей; помощники же его въ тоже мгновеніе сталкиваютъ лодку въ море, садятся въ нее и багромъ или кутиломъ стараются подхватить тюленя, который, будучи убитъ, тотчасъ же идетъ ко дну,—такъ что здѣсь столь же выгодно ранить звѣря, не убивъ его на повалъ, сколько это убыточно на промыслѣ, производимомъ въ Мезенскомъ заливѣ.

Итакъ, главная причина, не позволяющая тюленьему промыслу въ Бѣломъ морѣ развиваться до тѣхъ же, или даже до еще бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ въ Каспійскомъ, заключается въ томъ, что время посѣщенія этого моря лысунами и ихъ прывычка не выходить на берегъ, а только на ледъ, не позволяютъ промышленникамъ убивать ихъ столько, сколько бы можно было, судя по ихъ количеству.

Кромѣ лысуновъ, предметъ сколько нибудь значительнаго промысла составляетъ еще только порода дельфиновъ, называемая бѣлугами (Delphinapterus Leucas). Въ лѣтнее время, въ тихіе и ясные дни, приближаются стада ихъ въ нѣсколько десятковъ штукъ къ берегамъ, заходя на мелкія мѣста, въ бухты и проливы между

многочисленными островами Бѣлаго моря и особенно Онежскаго залива, менѣе глубокаго, чѣмъ прочія его части. Промышленники, или лучше сказать рыбаки, сторожащіе ихъ обыкновенно съ какой нибудь гранитной "луды", (островка), которыми усѣяны нѣкоторыя мѣста Онежскаго залива, увидѣвъ стадо бѣлугъ на мелкомъ мѣстѣ, бросаются на лодки и стараются, подъѣхавъ на извѣстное къ нему разстояніе, обметать неводомъ изъ бичевокъ толщиною въ мизинецъ. Каждая лодка, которыхъ бываетъ обыкновенно восемь, имѣетъ кусокъ невода въ 120 саженъ длиною и отъ 5 до 6 вышиною. Искусство промышленниковъ заключается главнѣйше въ вѣрности глазомѣра, ибо удача лова зависитъ отъ того, чтобы начать выметывать неводъ въ должномъ разстояніи отъ стада бѣлугъ. Въ это время разстоянія между лодками должны равняться длинѣ тѣхъ частей невода, которыя на нихъ находятся. Всѣ лодки должны стараться одновременно достигнуть мѣста, съ котораго предшествующая ей начала выметывать свой неводъ. Если всѣ эти условія хорошо выполнены, то всѣ части невода соединятся въ непрерывную ограду какъ разъ въ то мгновеніе, когда обѣ передовыя лодки встрѣтятся, обогнувъ спереди окруженное стадо. Когда неводная ограда завершена, одна или двѣ лодки вступаютъ въ кругъ и окружаютъ бѣлугъ второю болѣе тѣсною оградою, послѣ чего начинаютъ ихъ бить спицами и кутилами.

Изъ морскихъ звѣрей, добываютъ еще моржей у береговъ Новой Земли; но число ихъ не велико, также какъ и количество морскихъ зайцевъ (Phoca barbata) и нерпъ (Ph. annelata Nils.), тоже убиваемыхъ въ Бѣломъ морѣ. Способъ же охоты на нихъ не представляетъ ничего особеннаго.

Кожа, сало и моржовые клыки составляютъ, какъ извѣстно, тѣ продукты, изъ-за которыхъ производится охота на этихъ звѣрей. Кожи молодыхъ лысуновъ подкрашиваютъ и выдѣлываютъ въ довольно красивые и мягкіе мѣха, также точно какъ и каспійскихъ бѣльковъ. Кожи взрослыхъ лысуновъ не подвергаются обыкновенно никакому приготовленію; внутри Россіи ихъ солятъ и большею частью отправляютъ за границу; впрочемъ, часть ихъ выдѣлывается въ Холмогорахъ на черную сапожную кожу. Сапожную же кожу стали въ послѣднее время выдѣлывать и изъ бѣлужьихъ шкуръ, которыя прежде бросали безъ всякаго употребленія. Изъ кожъ большихъ лысуновъ и морскихъ зайцевъ выдѣлываютъ также ю-фтевые, обыкновенно же кожи зайцевъ и моржей разрѣзаютъ на

ремни для гужей. Ремни рѣжутъ не вдоль, а вокругъ всей кожи. Изъ большаго зайца выходитъ до 50 саженъ ремня, который продаютъ отъ 10 до 25 коп. ассигнаціями сажень. Но главный продуктъ звѣриныхъ промысловъ составляетъ, безъ сомнѣнія, жиръ. На Бѣломъ морѣ, и отчасти на Каспійскомъ, приготовляютъ его очень простымъ способомъ. Снявъ сало съ кожи, оставляютъ его стекать на солнцѣ въ бочкахъ или котлахъ, что̀ даетъ первый сортъ ворвани—самотеку. Послѣ того, кладутъ кожу въ желѣзные котлы, на дно которыхъ налито немного воды, чтобы сало не пригорало, и вытапливаютъ на огнѣ. Только въ 15 верстахъ ниже Астрахани существуетъ заводъ г. Кожевникова, гдѣ тюленье сало вытапливается паромъ, и гдѣ это производство устроено въ огромныхъ размѣрахъ. Это заведеніе можетъ одно доставить болѣе 100.000 пудовъ тюленьяго жира. Тюленя зимняго улова перетапливаютъ прямо, не соля предварительно шкуръ съ саломъ; но лѣтняго необходимо солить, чтобы сохранить кожи въ теченіе нѣкотораго времени. Для храненія этихъ послѣднихъ устроенъ подъ землею большой погребъ, въ которомъ есть мѣсто для 50.000 штукъ. Приготовляемый жиръ раздѣляется на три сорта: самотеку, вытекающую отъ одного давленія верхнихъ слоевъ кожъ на нижніе; жиръ, который получается, если подвергнуть срѣзанное съ кожъ сало дѣйствію пара въ герметически запирающихся котлахъ, и наконецъ, жиръ, получаемый изъ шкварына выдавливаніемъ подъ прессомъ. Восемнадцать большихъ чановъ, отъ 200 до 7.000 ведеръ вмѣстимостью, могутъ содержать въ себѣ разомъ до 40.000 пудовъ жира разнаго сорта. Наружный и внутреній виды этого завода изображены на таблицахъ В. IV. 3 и В. IV 4 атласа рисунковъ каспійскаго рыболовства.

Жиръ морскихъ звѣрей, добываемыхъ изъ Каспійскаго моря, почти весь употребляется внутри Россіи; бѣломорскій же идетъ весь за границу. Продукты всего этого промысла морскихъ млекопитающихъ должны быть оцѣнены по крайней мѣрѣ въ полмилліона рублей.

III.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ УРАЛЬСКАГО РЫБНАГО ХОЗЯЙСТВА *).

Я начну мое описаніе уральскаго рыболовства выписками изъ сочиненій двухъ знаменитыхъ членовъ Русскаго Географическаго Общества: покойнаго Надеждина и академика Бэра, помѣщенныхъ въ изданіяхъ Общества.

„Не есть ли это живая картина общинныхъ работъ, какъ онѣ производились нѣкогда по всей Руси, какъ производятся еще и нынѣ по мѣстамъ, *гдѣ старая русская община сохранилась цѣлѣе;* напримѣръ въ Сибири, тоже при сѣнокосахъ; *на Уралѣ, — при общественной рыбной ловлѣ*". (Надеждинъ. Записки Русскаго Географическаго Общества, кн. I и II, стр. 177).

„Можно представить себѣ въ какомъ восхищеніи, видѣвъ промышленниковъ Новой Земли, я прибылъ потомъ къ поморцамъ Бѣлаго моря. Но здѣсь меня увѣрили, что тѣ же люди, столько честные, вѣрные и безкорыстные далеко на сѣверѣ, дѣлаются хитрыми и лукавыми въ сношеніяхъ съ полицейскими властями. Тамъ они почитаютъ свои обычаи необходимостью, здѣсь же видятъ въ законахъ только препоны, которыя надобно обойти. Не знаю, справедливы ли жалобы Архангелогородцевъ, но они рѣзко выражаютъ разницу между *законами писанными и законами обычая.* Впрочемъ, законы обычая основаны *не только на общей необходимости, они вытекаютъ также изъ природныхъ свойствъ человѣка.*" (Бэръ. Записки Русск. Географ. Общества, кн. I и II, стр. 80).

*) Статья эта была читана въ собраніи Географическаго Общества 10-го февраля 1888 года.

Оба выписанныя мною мѣста выражаютъ собою ту цѣль, которой желалъ бы достигнуть настоящею статьею, т. е. представить *живую картину общинныхъ работъ при общественной рыбной ловлѣ на Уралѣ* и показать еще примѣръ разницы между *законами писанными и законами обычая*, въ подтвержденіе того, что такіе обычаи должны зависѣть отъ природныхъ свойствъ человѣка, и, ежели не могутъ даже основываться *только на общей необходимости*, то еще менѣе могутъ быть объясняемы внѣшними правительственными цѣлями и соображеніями и почитаться навязанными народу административными мѣрами. Если бы особенности экономическаго устройства уральскаго рыболовства не дѣлали изъ него явленія въ высшей степени оригинальнаго, описаніе его не представило бы, можетъ быть, довольно интереса, чтобы составить предметъ публичнаго чтенія передъ собраніемъ Географическаго Общества; не смотря на то, что рыболовство это, уже само по себѣ, составляетъ довольно значительную отрасль промышленности, доставляя рыбнаго товара на 1.200.000 р. с., т. е. пятую долю всей цѣнности каспійскаго улова, не считая того, чтò потребляется на мѣстѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, Уралъ есть единственная въ мірѣ большая рѣка, исключительно предназначенная для рыболовства, которому принесены въ жертву всѣ прочія услуги, оказываемыя человѣку текучими водами. На немъ нѣтъ ни судоходства, ни сплава лѣсу (по крайней мѣрѣ ниже учуга при Уральскѣ), ни движимыхъ водою мельницъ. Во весь годъ нельзя почти увидать на немъ ни одной лодки, которая бы плыла не съ рыболовною цѣлью. Самый переѣздъ черезъ Уралъ затрудненъ. На всемъ пространствѣ отъ учуга до моря, что составитъ около 500 верстъ по почтовой дорогѣ, устроенъ только одинъ мостъ у самаго Уральска, и одинъ паромъ у Гурьева — два пункта, гдѣ бываетъ значительная мѣна съ Киргизами. Даже Гурьевскій паромъ возбуждаетъ негодованіе многихъ, которые считаютъ его вредящимъ входу рыбы въ Уралъ, потому что онъ пугаетъ ее хлопаньемъ каната объ воду. Если нужно бываетъ переправиться черезъ Уралъ съ возами, связываютъ двѣ или три бударки (небольшія лодки), настилаютъ на нихъ, вмѣсто помоста, плетень, на носу и на кормѣ каждой бударки садится по казаку съ короткими и широкими веслами—и паромъ готовъ. — Эта рѣка, предназначенная исключительно на рыболовство, представляетъ особенность еще болѣе замѣчательную. Отъ

Бородинскаго форпоста, въ ста верстахъ выше Уральска, до моря; въ настоящее же время и значительная часть моря: по берегу отъ Пороховинскаго до Граннаго бугра, болѣе чѣмъ на 100 верстъ; въ глубь же до 6-ти и 7-ми-саженной глубины, справа на 76, а слѣва на 88 верстъ; равно какъ и всѣ рѣки и озера лежащія въ земляхъ Уральскаго войска, и внѣ этихъ земель, лежащее въ Киргизской степи, Черхальское морце, съ впадающими въ него двумя рѣчками Анкотами, — составляютъ общую собственность всего Уральскаго войска. Всѣ эти воды не раздѣлены на участки между отдѣльными лицами или селеніями, а принадлежатъ всему войску сообща; такъ что казаки, живущіе въ Гурьевѣ, имѣютъ право отправляться за 500 верстъ въ Уральскъ для участія въ производимомъ, начиная оттуда, багреньи, и дѣйствительно пользуются этимъ правомъ. Наоборотъ, и живущіе въ Уральскѣ и выше могутъ спускаться для лова до самаго моря, напримѣръ во время весенняго лова, или ловить и въ самомъ морѣ, весною, осенью и зимою.—Такого способа пользованія, весьма законнаго и справедливаго по отношенію къ дарамъ природы, предлагаемымъ человѣку безъ всякаго со стороны его участія въ ихъ произведеніи или размноженіи, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не существуетъ, кромѣ Урала. Здѣсь, въ казацкомъ товариществѣ, распоряжавшемся занятою имъ страною по своему произволу, безъ всякихъ внѣшнихъ ограниченій, проявилось на совершенномъ просторѣ и въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, ничѣмъ не стѣсняемое, но ничѣмъ внѣшнимъ и не возбуждаемое, сродное всѣмъ славянскимъ племенамъ, стремленіе къ общинному пользованію собственностью. Но, ежели такая собственность состоитъ изъ большой рѣки, на пространствѣ 600 верстъ длины, изъ участка моря тысячъ въ 9 квадратныхъ верстъ, и множества мелкихъ рѣчекъ и озеръ, изъ которыхъ одно имѣетъ до 60 верстъ въ окружности; хозяинъ же ея—собирательное лицо въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, — то общее пользованіе такою собственностью, чтобы не впасть въ совершенную неурядицу, должно представить весьма сложное, а чтобы быть еще къ тому же справедливымъ, — весьма мудрое экономическое устройство, которое—полагаю я—уже по своей оригинальности имѣетъ нѣкоторое право на общее любопытство.

Особенности этого общиннаго хозяйства громадныхъ размѣровъ проявляются, какъ въ добываніи рыбы — способахъ производства рыболовства,—такъ и въ способахъ распредѣленія добычи. На все

это существуютъ строгія и опредѣленныя правила, примѣненныя къ мѣстнымъ и временнымъ обстоятельствамъ, и, что еще рѣже, всѣ эти правила строго выполняются, за исключеніемъ сравнительно немногочисленныхъ злоупотребленій, происходящихъ болѣе со стороны начальствующихъ лицъ, чѣмъ простыхъ казаковъ. Они основаны, однако же, не на какихъ либо положительныхъ узаконеніяхъ; все установилось здѣсь въ прежнія времена подъ вліяніемъ духа казацкаго товарищества на мірскихъ сходкахъ, такъ называемыхъ казацкихъ кругахъ, на которыхъ, подобно всѣмъ прочимъ казацкимъ дѣламъ, обсуживались, измѣнялись и наконецъ окончательно утверждались и ихъ рыболовныя постановленія. Такимъ образомъ установленное передавалось преданіемъ. Въ настоящее время, правила, такимъ путемъ установившіяся, находятся подъ наблюденіемъ войсковаго начальства; впрочемъ и теперь по просьбамъ казаковъ они отъ времени до времени измѣняются.

Для того, чтобы понять и оцѣнить это свободное казацкое рыболовное законодательство, надо будетъ намъ, прежде его изложенія, обратить вниманіе на тѣ естественныя условія, къ которымъ должны были примѣняться казаки для составленія своего кодекса, и на исторію постепеннаго развитія уральскаго рыболовства.

Прежде всего, скажемъ нѣсколько словъ о самой мѣстности, на которой происходитъ уральское рыболовство. Рѣка Уралъ, на всемъ протяженіи своемъ отъ Уральска до Гурьева, течетъ по ровной глинистой степи неширокимъ русломъ, имѣющимъ въ верхней части не болѣе 50, у Гурьева же до 80 саженъ ширины. Эта степь въ южной части своей солонцевата, и поэтому, единственно возможныя здѣсь отрасли промышленности: рыболовство и скотоводство. Только въ 80 верстахъ ниже Уральска, отъ Бударинскаго форпоста начинается плодородная почва, способная къ обработкѣ, и дѣйствительно обрабатываемая. О степени плодородія почвы и распредѣленіи занятій между Уральскими казаками, смотря по мѣсту ихъ жительства, всего лучше можно будетъ судить изъ слѣдующихъ данныхъ. Собственно такъ называемая Земля Уральскихъ казаковъ въ административномъ отношеніи раздѣляется на слѣдующія части:

1) *Илецкія станицы*, отъ Мухрановскаго форпоста до Бородинскаго, на 50 верстъ по Уралу и за Ураломъ въ Илецкомъ городкѣ.

2) *Верхняя дистанція*, отъ Бородинскаго форпоста до Уральска, по Уралу верстъ на 100.

3) Городъ *Уральскъ* съ округомъ.

4) *Средняя дистанція*, отъ Уральска до Калмыковской крѣпости, на 257 верстъ по Уралу.

5) *Нижняя дистанція*, отъ Красноярскаго форпоста до Гурьева городка, 220 верстъ по Уралу.

6) *Гурьевъ городокъ* съ округомъ, по Уралу до моря верстъ на 16.

7) *Чижинская линія*, расположенная по рѣчкамъ 1-й, 2-й и 3-й Чижи, къ ю.-з. отъ Уральска на границѣ съ Ново-Узенскимъ уѣздомъ Самарской губерніи.

8) *Внутренняя линія* по узенямъ, на границѣ съ землями внутренней Киргизской орды.

Въ этихъ подраздѣленіяхъ земли Уральскаго войска было высѣяно хлѣба и содержалось скота:

	Жителей обоего п.	Четв. пшен., овса, проса и ячменя.	Содержалось скота: крупнаго.	мелкаго.
Въ Илецкихъ станицахъ на	10.356	8.985	26.015	15.985
„ Верхней дистанціи „	12.024	8.213	22.978	6,205
„ Округѣ Уральскомъ „	11.138	11.914	50.137	38.160
„ Средней дистанціи „	20.076	1.908	28.348	50.252
„ Нижней дистанціи „	5.476	—	11.256	45.520
„ Гурьевскомъ округѣ „	1.874	—	5.396	29.236
„ Чижинскихъ линіяхъ „	938	1.212	3.850	4.100
„ внутренней линіи „	1.534	566	11.691	37.383

Такъ что приходится на душу:

Въ Илецкихъ станицахъ	6,9	2,5	1,5
„ Верхней дистанціи	5,5	1,9	0,5
„ Уральскомъ округѣ	8,6	4,5	3,4
„ Средней дистанціи	0,8	1,4	2,5
„ Нижней дистанціи	—	2,1	8,3
„ Гурьевскомъ округѣ	—	2,9	15,6
„ Чижинскихъ линіяхъ	10,3	4,1	4,4
„ внутренней линіи	2,9	7,6	24,4

Изъ нихъ всего болѣе высѣвается хлѣба на Чижинскихъ линіяхъ, въ округѣ Уральскомъ, въ верхней дистанціи и въ Илецкихъ станицахъ—(въ Чижинской линіи приходится слишкомъ по четверти (10¹/₄ мѣръ) на человѣка), т. е. въ сѣверной части Земли Уральскаго войска, гдѣ почва хороша; въ нижней дистанціи и въ Гурьевскомъ округѣ хлѣба не сѣется вовсе; въ средней приходится кругомъ менѣе четверика на человѣка, во внутренней же линіи менѣе 3-хъ четвериковъ, такъ что во всей нижней половинѣ этой области хлѣбопашества почти вовсе не существуетъ; за то тутъ содержится весьма много скота, такъ что во внутренней линіи, гдѣ притомъ мѣстное рыболовство по узенямъ не очень прибыльно, и откуда довольно далеко отправляться на уральскіе ловы, приходится кругомъ на жителя мужскаго и женскаго пола почти 8 штукъ крупнаго и 24 штуки мелкаго скота.

На всемъ пространствѣ своего теченія, отъ Уральска до моря, принимаетъ въ себя Уралъ только 2 небольшія рѣчки съ правой стороны и ни одной съ лѣвой. За то Уралъ выпускаетъ изъ себя много рукавовъ, которые ниже съ нимъ же соединяются. Такіе рукава называются „старйцами", какъ бы потому, что они были нѣкогда главными руслами рѣки. Нѣкоторыя изъ этихъ старйцъ имѣютъ только одно сообщеніе съ рѣкою, другія же—два: истокъ и устье. Эти послѣднія называются полуусыми старйцами. Черезъ пересыханіе одного изъ соединеній съ Ураломъ обращаются онѣ въ простыя. Раздѣленіе этихъ старицъ на полуусыя и простыя имѣетъ значеніе въ правилахъ уральскаго рыболовства. Въ обыкновенномъ разговорѣ смѣшиваютъ старицы съ „черными рѣчками", подъ которыми собственно должно понимать рѣки, текущія изъ степи въ Уралъ, или текущія по степи и впадающія въ озера или топи, какъ напримѣръ Анкоты и Чижи.—Теченіе Урала чрезвычайно извилисто тамъ, гдѣ онъ вдается колѣномъ въ степь—берега совершенно обрывисты; но въ такомъ углѣ съ противуположнаго берега всегда образуется низменная коса, вдающаяся въ рѣку. Эти отлогія косы называются здѣсь *песками* и весьма удобны для вытягиванья неводовъ. Только этими вдающимися углами подходитъ Уралъ къ глинистой степи, на всемъ же остальномъ пространствѣ отъ Уральска до Зеленовскаго форпоста (118 верстъ выше Гурьева) онъ окаймленъ низменною полосою, въ нѣсколько верстъ шириною, ежегодно заливаемою и потому покрытою богатою травянистою растительностью и лѣсомъ. Эта низменная полоса

имѣетъ поверхность чрезвычайно неровную. Она вся изрѣзана ериками, рытвинами, котлубанями (озеровидными расширеніями) и старицами, которые всѣ долго, нѣкоторые даже постоянно, сохраняютъ воду послѣ разлитія Урала. Ниже Зеленовскаго форпоста низменная полоса не столь уже рѣзко отличается отъ остальной степи, ибо начиная съ него, въ годы сильныхъ разливовъ, вся степь на значительную ширину сливается подъ одну водную скатерть, идущую вплоть до моря. Вода эта скоро стекаетъ; будучи мелкою и занимая обширное пространство, она весьма скоро нагрѣвается солнцемъ и способствуетъ скорому нагрѣванію взморья, также весьма мелкаго. Дно Урала отъ Уральска до моря, сначала песчанное, потомъ становится все болѣе и болѣе глинистымъ и иловатымъ; только верстахъ во ста выше Уральска, именно верстахъ въ 20 отъ этого города, берегъ и дно рѣки состоятъ изъ плитняка, и только еще верстъ 80 выше, по дачамъ Илецкихъ казаковъ, дно состоитъ изъ мелкаго камушника, представляя самыя удобныя мѣста для метанія икры красною рыбою. Обстоятельство, что такое дно начинается далеко отъ устьевъ, весьма невыгодно для распложенія въ Уралѣ самыхъ цѣнныхъ породъ каспійской рыбы.

Другая невыгода заключается въ постоянно усиливающемся обмеленіи устьевъ Урала и прилежащей къ нимъ части моря. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное изслѣдованіе этого предмета, и я замѣчу только, что вмѣсто 19 устьевъ, которыми впадалъ Уралъ еще въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, остались теперь только 7 (изъ которыхъ два обязаны своему происхожденію недавнему раздвоенію двухъ старыхъ рукавовъ, такъ что собственно говоря изъ бывшихъ 19 осталось только 5). Чтобы показать, какъ сильно обмелѣло взморье, — скажу только, что мнѣ случилось купаться въ совершенно открытомъ морѣ, гдѣ уже не было видно никакихъ признаковъ берега, и вода доходила только по поясъ. Это было почти при совершенномъ безвѣтріи, т. е. при нормальномъ уровнѣ моря. И это не отмель какая нибудь—все море на большое пространство здѣсь такъ мелко.

Кромѣ Урала и моря, изъ мѣстностей, на которыхъ производится рыболовство Уральскими казаками, заслуживаютъ еще вниманія: на правой, европейской, или по мѣстному названію самарской, сторонѣ—оба узеня съ Камышъ-Самарскими озерами, въ которыя они впадаютъ; на лѣвой же, азіятской — такъ называемой

бухарской, — озеро извѣстное подъ именемъ Черхальскаго морца, которое чрезвычайно обильно рыбою, имѣетъ около 60 верстъ въ окружности и принимаетъ въ себя двѣ рѣчки: большую и малую Анкоту, и выпускаетъ вливающуюся въ Уралъ Солянку. Въ этой Солянкѣ, впрочемъ, вода бываетъ только весною, и течетъ изъ морца въ Уралъ или обратно, смотря по относительной высотѣ въ нихъ уровня воды.

Въ водахъ, принадлежащихъ уральскому войску, ловятся главнѣйше слѣдующія породы рыбъ: бѣлуги, осетры, шипы и севрюги, составляющіе такъ называемую красную рыбу; и судаки, лещи, сазаны, называемые вмѣстѣ со всѣми остальными мелкими породами, въ противоположность красной, черною рыбою. На двухъ обстоятельствахъ въ жизни всѣхъ этихъ рыбъ основано устройство уральскаго рыболовства. Первое изъ нихъ есть весенній ходъ рыбы въ рѣки для метанія икры. Привлекаемыя прѣсною водою, которая почти для всѣхъ породъ, живущихъ въ Каспійскомъ морѣ, необходима для метанія икры, онѣ стремятся весною въ рѣки. Такъ какъ къ тому побуждаетъ рыбу непреодолимая физическая потребность, пробуждающаяся для большей части каспійскихъ рыбъ весною, то идутъ онѣ въ это время массами, болѣе или менѣе многочисленными косяками, быстро слѣдующими одинъ за другимъ. Время это, впрочемъ, не одинаково для всѣхъ притоковъ Каспійскаго моря, и зависитъ отъ скорѣйшаго или медленнѣйшаго нагрѣванія воды. Мы уже видѣли, что въ Уралѣ и въ прилежащей къ нему части моря нагрѣваніе происходитъ очень быстро, поэтому и метаніе икры бываетъ здѣсь раньше, чѣмъ въ сосѣдственной Волгѣ. Войдя въ рѣку, каждая порода отыскиваетъ пригодныя для себя мѣста. Для черной рыбы нѣтъ недостатка въ такихъ мѣстахъ по разливамъ Урала. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать и о красной рыбѣ. Та, которой удается избѣгнуть направленныхъ противъ нея орудій лова, не находя въ главномъ руслѣ Урала того, что̀ ей нужно для выметыванья икры при благопріятныхъ обстоятельствахъ, идетъ въ разливы его,—на такъ называемые „наборы“ или прибоистыя мѣста, гдѣ грунтъ твердый, много „каршей“ (т. е. повалившихся деревьевъ) и еще стоящихъ на корню деревьевъ, гдѣ она можетъ тереться о шероховатую ихъ кору. Казаки, которымъ посчастливится, во время весенняго лова, попасть на такіе наборы, получаютъ большую добычу. Но такъ какъ и эти наборы далеко не составляютъ мѣстъ, вполнѣ пригодныхъ

для метанія икры красною рыбою, то она и выметываетъ ее въ меньшемъ числѣ; а главное, изъ выметанной икры не можетъ развиваться столько мальковъ, какъ при нормальныхъ условіяхъ.

Какъ бы то ни было, выметавши икру, или даже не найдя для этого благопріятныхъ условій, рыба въ рѣкѣ не остается, а возвращается обратно въ море — свое настоящее мѣсто жительства. Слѣдовательно, что̀ не было поймано въ это время въ рѣкѣ или на взморьѣ, спасается въ глубины моря, гдѣ вообще трудно уже поймать рыбу. Изъ рукъ же Уральцевъ она этимъ ускользаетъ совершенно, ибо они не ловятъ внѣ своихъ предѣловъ. На этомъ весеннемъ ходѣ рыбы основаны всѣ весеннія уральскія рыболовства, сообразуясь съ нимъ въ способахъ своего производства.

Совершенно другой характеръ имѣетъ лѣтній и осенній ходъ рыбы въ рѣки. Хотя и этотъ ходъ рыбы не составляетъ чего-либо исключительно принадлежащаго Уралу; однако же, не только ни въ одномъ изъ притоковъ Каспійскаго моря, но можетъ быть и нигдѣ, не имѣетъ онъ столь рѣзкаго и отличительнаго характера, какъ въ этой рѣкѣ. Поэтому, я поговорю о немъ нѣсколько подробнѣе.

Цѣль его составляетъ потребность зимняго отдыха или сна. Какъ на ходѣ рыбы для метанія икры основаны всѣ виды весенняго рыболовства, такъ точно на зимнемъ отдыхѣ ея основаны всѣ выды осенняго и зимняго рыболовства. Этотъ зимній отдыхъ не проявляется нигдѣ съ такою очевидностью, какъ въ Уралѣ, — потому, что нигдѣ не принято человѣкомъ такихъ мѣръ, чтобы не мѣшать рыбѣ, во время ея входа въ рѣку, и охранять ея покой. Съ конца іюля уже замѣчаютъ, что какъ красная, такъ и черная рыба начинаетъ вторично подниматься въ Уралъ. Въ это время всякій ловъ запрещенъ, чтобы не пугать входящей рыбы. Сначала она гуляетъ по рѣкѣ, но, по мѣрѣ того какъ вода начинаетъ холодѣть, въ августѣ и въ сентябрѣ, останавливается на извѣстныхъ мѣстахъ для нея удобныхъ, преимущественно глубокихъ, и держиться около такого избраннаго ею мѣста, далеко не отходя отъ него. Во все это время, опытные казаки, особо для этого назначенные, зорко слѣдятъ за ходомъ рыбы, знаютъ каждый прошедшій мимо ихъ косякъ, и гдѣ онъ остановился. Объ этомъ передаются извѣстія съ конца въ конецъ уральской линіи, и казаки всегда могутъ приблизительно предсказать, каковы будутъ осенняя плавня и багренье. Когда рыба останавливается на извѣстныхъ

мѣстахъ, сторожевые казаки наблюдаютъ въ какомъ количествѣ и какая рыба тутъ легла. Для этого смотрятъ они по зарямъ, какъ рыба подымается, т. е. играетъ, выпрыгиваетъ изъ воды. Опытность ихъ въ этомъ такъ велика, что издали, на разстояніи, на которомъ уже нельзя ясно различать формы рыбы, во время ея быстраго всплеска, — они по этому всплеску безошибочно узнаютъ не только породу, но и полъ рыбы, подобно тому, какъ опытные охотники узнаютъ птицу по полету. Икряная, говорятъ они, лишь немного и тихо изъ воды приподнимается; яловая же очень быстро выскакиваетъ всѣмъ тѣломъ.

Мѣста, на которыхъ скопляется рыба, называются Уральцами *ятовями*. На ятови, которую избираетъ для себя красная рыба, черной уже не бываетъ, и на-оборотъ. Изъ красной на ятови всего болѣе собирается осетра, севрюги же и бѣлуги несравненно менѣе. Ятови эти извѣстны казакамъ всѣ на перечетъ и имѣютъ опредѣленныя названія. Пока ятовное мѣсто еще не покрылось льдомъ, рыба часто подымается на поверхность и играетъ, особливо по утрамъ; по замерзаніи же его, опускается въ глубь, но, по замѣчанію казаковъ, не лежитъ на днѣ, а держится въ небольшомъ отъ него разстояніи. Часто казаки, сторожащіе рыбу, послѣ покрытія ятовей льдомъ, пока его еще не занесло снѣгомъ и онъ прозраченъ, подползаютъ на животѣ къ самой ятови, стараясь разсмотрѣть рыбу. Такъ какъ на днѣ ее не видать — они сильно ударяютъ палкою по льду, отъ чего она вся поднимается къ верху, и какъ бы прислушивается къ шуму, ее потревожившему, ибо поднимается обыновенно бокомъ, какъ бы обращая ухо къ поверхности льда.

Ятовная рыба выпускаетъ изъ себя слизь, которая одѣваетъ ее тонкою оболочкою, называемою „сленомъ", или шубою. Но мнѣнію казаковъ, рыба чрезвычайно бережетъ во всю зиму этотъ сленъ, который долженъ предохранять ее отъ холода, опасаясь сбить или стереть его съ себя. Этимъ объясняютъ они необыкновенную тихость и медленность ея движеній въ это время, такъ что, даже, когда зацѣпятъ ее багромъ, она весьма мало бьется. Такое состояніе рыбы конечно гораздо естественнѣе объяснить ея сномъ или состояніемъ какого-то оцѣпененія, могущаго происходитъ какъ отъ холода, такъ и отъ меньшаго количества воздуха подъ льдомъ, и слѣдовательно отъ слабѣйшаго дыханія. Во всякомъ случаѣ, онъ этотъ или оцѣпененіе не очень крѣпки, потому что, черезъ

нѣсколько времени послѣ начала багренья, всегда сопровождаемаго большимъ шумомъ, рыба поднимается со дна, и начинаетъ медленно расходиться въ стороны.

Вся лежащая на ятовяхъ рыба почти совершенно вылавливается въ осеннюю плавню и въ багренье; та же, которая остается становится весною, когда ледъ разойдется, очень бойкою и старается освободиться отъ покрывающаго ее слоя слизи—слена.

Ходъ рыбы въ Уралъ для зимняго отдыха продолжается съ іюля по конецъ сентября, и вошедшая рыба остается въ рѣкѣ всю осень и зиму. Тутъ нечего слѣдовательно опасаться, чтобы эта рыба ускользнула изъ рукъ; поэтому ясно, что, основанныя на этомъ отдыхѣ, осеннія и зимнія рыболовства должны имѣть совершенно другой характеръ, нежели весеннія, что̀ и увидимъ ниже. Теперь же посмотримъ, какимъ образомъ получили Уральцы въ свое владѣніе весь Уралъ, значительный участокъ моря и нѣкоторыя особливыя льготы, имѣющія связь съ рыбною промышленностью.

Не входя въ разсмотрѣніе того, какъ и когда появились казаки на берегахъ Урала, что̀ до настоящей нашей цѣли вовсе не касается, мы остановимся на томъ положительномъ фактѣ, что въ тридцатыхъ годахъ прошедшаго столѣтія казаки жили только въ Уральскѣ—тогдашнемъ Яицкомъ городкѣ, и въ ближайшихъ его окрестностяхъ. Вся нижняя часть теченія Урала тогда еще имъ, да и ни кому, не принадлежала. Здѣсь кочевали по лѣвой сторонѣ рѣки Киргизы, по правой Калмыки, которые другъ на друга безпрестанно нападали и другъ друга грабили, переходя для этого разграничивающую ихъ рѣку. При самомъ же устьѣ Урала существовалъ, еще за долго до этого времени, Гурьевъ-городокъ, и, въ четырехъ верстахъ ниже теперешняго городка, на мѣстѣ доселѣ называемомъ *брантвахтою*, былъ устроенъ казенный учугъ, отдававшійся на откупъ. Въ учугѣ этомъ первоначально были открыты съ обоихъ концовъ ворота, шириною отъ 6 до 8 саженъ, но въ послѣдствіи они были уничтожены, вѣроятно откупщиками, и рыба могла проходить въ Уралъ лишь побочными его устьями, въ то время многочисленными и глубокими. Къ этому учугу, а не къ уральскому, относится преданіе, что рыба такъ напирала на него весною, что должны были разгонять ее пушечными выстрѣлами, изъ опасенія, чтобы она не опрокинула всей забойки.

Казаковъ, жившихъ тогда въ яицкомъ городкѣ, было до 3.000 способныхъ носить оружіе. Они охраняли лишь ту часть границы, которая примыкала къ мѣсту ихъ жительства. Главнѣйшій доходъ свой, подобно тому какъ и нынѣ, имѣли они отъ рыболовства, которое вѣроятно распространяли и нѣсколько ниже своего городка, повыше котораго тогда уже устроенъ былъ учугъ, дабы не пропускать вверхъ рыбы лѣтняго и осенняго хода. Астраханскимъ губернаторомъ Татищевымъ поданъ былъ проектъ: поселить по Уралу, для охраненія его ниже жилищъ уральскихъ казаковъ, казанскій драгунскій полкъ и, подъ его прикрытіемъ, въ родѣ иррегулярнаго войска, самарскихъ и алексѣевскихъ дворянъ. Проектъ этотъ былъ утвержденъ резолюціею Кабинета отъ 21-го генв. 1739 года, но, за нѣкоторыми препятствіями, рѣшеніе это нѣсколько лѣтъ не было приводимо въ исполненіе.

Казаки, между тѣмъ, опасаясь, что эти новые поселенцы будутъ перелавливать на пути идущую къ нимъ рыбу, подали просьбу, въ которой обязывались построить у урочищъ Кулагина и Калмыкова яра — по крѣпости и охранять ихъ, равно какъ и всю линію вплоть до Гурьева, своими силами, прося лишь, чтобъ на этомъ пространствѣ не дѣлали предполагаемыхъ заселеній уволили ихъ отъ постороннихъ командировокъ и отворили ворота по обоимъ концамъ Гурьевскаго учуга въ 8 саженъ ширины каждыя.

Какъ боялись казаки предполагаемаго поселенія драгунъ, можно видѣть изъ ихъ просьбы, въ которой они говорятъ: «отъ такого заселенія мы прійдемъ въ крайнюю нищету и разореніе, и рыбные наши промыслы, отъ которыхъ все свое содержаніе и пищу имѣемъ, и службу отправляемъ, вовсе уничтожатся, ибо, за таковымъ поселеніемъ, рыба до нашего городка, за тѣмъ, что всегда будетъ пужана, приходить уже не можетъ, и отъ одного оружейнаго выстрѣла, или огнища, или кто не во время хотя одну рыбу поймаетъ—вся на низъ уходитъ». Несправедливость этихъ словъ очевидна, ибо, если такое препятствіе, какъ Гурьевскій учугъ, рыбы назадъ не ворочалъ, и она доходила въ достаточномъ количествѣ до Яицкаго городка, для того, чтобы казаки могли, по собственнымъ же словамъ, имѣть отъ рыболовства все свое пропитаніе; то какъ могла сдѣлать это несвоевременная поимка одной рыбы, одинъ выстрѣлъ или на берегу разведенный огонь? Все это—вы-

думки, имѣвшія цѣлью отвратить предполагавшееся заселеніе, которое, дѣйствительно, имѣло бы погубныя слѣдствія для казаковъ, —выдумки, въкоторыхъ въ послѣдствіи казаки сами себя убѣдили. Въ этомъ заключается, вѣроятно, начало мысли, составляющей до настоящаго времени коренное убѣжденіе Уральцевъ, хранимое какъ завѣтъ старины, которой они во всемъ такъ твердо придерживаются, что не только судоходство, но всякій малѣйшій шумъ и даже огонь въ домахъ на берегу Урала, пугаютъ рыбу.

Тогдашній оренбургскій губернаторъ Неплюевъ, которому весь этотъ край такъ много обязанъ, вступился съ своей стороны за казаковъ, представляя, что предполагаемое заселеніе по Нижнему Уралу, совершенно бы разорило ихъ, тогда какъ, по его выраженію, „такой де сильный, легкій и исправный корпусъ разорять весьма не полезно". Снисходя къ этимъ просьбамъ, Императрица отмѣнила резолюцію бывшаго Кабинета и, граммотою отъ 23 апрѣля 1743 года, пожаловала яицкое войско отвореніемъ учуга, наложивъ на него за это обязанность построить двѣ означенныя крѣпости, Калмыкову и Кулагину, содержать въ нихъ по 500 человѣкъ гарнизона, сначала ежегодно перемѣняемаго, а потомъ тутъ совершенно населить означенное число казаковъ, и своими разъѣздами отъ Уральска до Гурьева охранять границу, недопуская до перебѣговъ, кочующихъ по берегамъ рѣки, Киргизъ и Калмыковъ.

Такимъ образомъ, заселеніе нижняго Урала было для казаковъ не расширеніемъ ихъ владѣній, которое бы они считали своею выгодою,—а наложенною обязанностью, которую, правда, они сами предложили на себя принять, но только во избѣжаніе бо́льшаго зла—видѣть низовья ихъ кормильца, Яика, доставшимися въ чужія руки. Вслѣдствіе этого, долгое время должны были казаки смотрѣть на свои низовыя крѣпости и форпосты, какъ на колоніи. Они ревниво надзирали, чтобы отъ этихъ низовыхъ жителей не происходило вреда для ихъ метрополіи, ихъ коренной отчины—Яицкаго городка и, какъ увидимъ ниже, сколько могли противились развитію низоваго рыболовства, особливо же морскаго. На это имѣли они отчасти и благовидные доводы, ибо морское рыболовство, устроившееся въ позднѣйшее время, уже не свободнымъ путемъ обычая и товарищескаго согласія, а подъ вліяніемъ присутственнаго мѣста, — Войсковой Канцеляріи, далеко не носитъ на себѣ того характера справедливости и равномѣрности въ распредѣленіи выгодъ, какъ рѣчное. Подобно тому, какъ во времена Неплюева

жители Яицкаго городка желали лучше, чтобы низовья Урала были ничьи, чѣмъ ихнія, такъ точно и теперь большинство верховыхъ жителей желало бы лучше, чтобы принадлежащій войску участокъ моря былъ ничей, чѣмъ ихній, но конечно лучше ихній, чѣмъ чужой. Разселеніе казаковъ по всему Уралу послужило къ ихъ же пользѣ; конечно и морское рыболовство, давая само по себѣ значительную прибыль, будучи устроено на нѣсколько другихъ началахъ, помирило бы съ собою большинство.

Стараясь объ отвореніи Гурьевскаго учуга, Неплюевъ писалъ объ этомъ и къ Татищеву, подавшему первую мысль о поселеніи драгунъ на Уралѣ, желая и его преклонить на свою сторону. Татищевъ не только согласился съ мнѣніемъ Неплюева, но, принимая въ соображеніе ничтожность выгодъ, получаемыхъ казною отъ Гурьевскаго учуга, доставившаго въ два года 1740 и 1741 только 5,037 р. 66 коп., предложилъ отдать учугъ казакамъ вмѣсто жалованья, предоставивъ на ихъ произволъ сломать его, или содержать въ свою пользу. Казаки, понявъ всю выгоду, которую могло бы имъ доставить осуществленіе мысли Татищева, вошли объ этомъ съ новою просьбою въ Военную Коллегію. Неплюевъ поддержалъ ихъ и въ этой просьбѣ, представивъ между прочимъ резоны, что гораздо выгоднѣе будетъ совершенно отчислить Гурьевъ отъ астраханскаго вѣдомства къ оренбургскому. 25 мая 1752 года полученъ былъ указъ, удовлетворявшій просьбѣ казаковъ, и 16 сентября того же года былъ заключенъ въ Каммеръ-Коллегіи контрактъ съ Яицкимъ войскомъ, которымъ съ 1 января 1753 года отданъ былъ ему Гурьевскій учугъ на уничтоженіе, за ежегодную плату 4,692 р. 69½ коп. Эту сумму, составляющую на серебро по теперешнему курсу 1,340 р. 77 коп., уральскіе казаки и доселѣ вносятъ въ казну. Въ контрактѣ не приведено причинъ, почему положено Гурьевскій учугъ уничтожить, а не отдать казакамъ въ пользованіе; но можно догадаться, что это было согласнѣе съ желаніемъ войска. Въ этомъ же контрактѣ сказано, что, по силѣ присланнаго изъ Сената указа, запрещается казакамъ ловить рыбу при Гурьевѣ городкѣ и близъ онаго, гдѣ производился ловъ во время казеннаго управленія.

Это ясно доказываетъ, что въ то время, даже послѣ уничтоженія Гурьевскаго учуга, тамошняя мѣстноть и берега моря, а тѣмъ болѣе самое море, казакамъ вовсе не принадлежали. Владѣніе, принадлежащею имъ теперь, частію моря казаки основываютъ

на указѣ, послѣдовавшемъ отъ Государственной Каммеръ-Коллегіи въ Оренбургскую Губернскую канцелярію отъ 24 февраля 1758 года, но окончательно и безповоротно утвержено оно за ними только указомъ отъ 23 декабря 1803 года.

Такъ какъ въ половинѣ прошедшаго столѣтія существовали еще внутреннія пошлины съ привозимыхъ товаровъ, то казаки съ вывозимой ими рыбы должны были отдавать десятую въ казну въ видѣ пошлины. Такъ какъ этотъ вывозъ значительно долженъ былъ увеличиться отъ уничтоженія Гурьевскаго учуга, то для удобнѣйшаго сбора этой пошлины, вмѣнено имъ въ обязанность везти рыбу не иначе, какъ на одно изъ слѣдующихъ мѣстъ: Самару, Сызрань, Батрацкую ярмарку, Сергіевскъ и Алексѣевскъ. При этомъ же была установлена новая пошлина съ соленой рыбы и икры, также десятая рыба или десятая часть по вѣсу, вмѣсто соли, „которую имъ на это соленіе покупать изъ казны было должно", но которою они безпошлинно пользовались изъ Индерскаго и Грязнаго озеръ.

Еще въ томъ же 1753 году всѣ внутреннія пошлины были уничтожены. Вскорѣ послѣ этого, казаки стали просить, чтобы и сборъ съ соленой рыбы и икры отдали имъ же въ откупное содержаніе. Просьба ихъ была уважена, и съ 1 января 1759 года повелѣно отдать имъ въ откупное содержаніе сборъ, производимый съ вывозимой съ Яика соленой рыбы и икры за 5,003 р. 84½ к., — сумму, которую до сихъ поръ уральское войско вноситъ въ Государственное казначейство, по нынѣшнему курсу 1,429 р. 67 коп. Вмѣсто этого казеннаго сбора, стали собирать въ Уральскѣ, въ общую пользу войска, пошлину, по извѣстной таксѣ съ каждаго пуда вывозимой соленой рыбы и икры. Сборъ этотъ отдаетъ войско въ свою очередь на откупъ, получая за это по послѣднимъ торгамъ 46,800 р. сер. Для обезпеченія этого сбора существуетъ на Уралѣ строго выполняемое правило, по которому вся рыба и икра, какъ свѣжая, такъ и соленая, должны непремѣнно везтись во всѣ мѣста Имперіи не иначе, какъ черезъ Уральскъ.

Такимъ образомъ, къ шестидесятымъ годамъ прошедшаго столѣтія уральское войско получило въ свое владѣніе всѣ воды и вступило во всѣ права, которыя теперь имѣетъ.

Мнѣ остается еще сказать, какіе изъ видовъ уральскаго рыболовства должно считать исконными, и какіе введены вновь, когда и по какому случаю.

Всѣ виды уральскаго рѣчнаго рыболовства имѣютъ свое начало съ давнихъ временъ, и о введеніи не осталось никакихъ свѣдѣній ни письменныхъ, ни изустныхъ. Но ежели позволено мнѣ будетъ сдѣлать догадку, то, по моему мнѣнію, рѣчныя неводныя рыболовства новѣе багренья и плавныхъ лововъ, потому что на нихъ позволено имѣть въ работникахъ иногороднихъ, что̀ уже противорѣчитъ основному правилу, такъ сказать догмату Уральцевъ, что въ Уралѣ никто, кромѣ природнаго казака, ловить не можетъ. Сверхъ этого, и самая мѣстность, на которой неводные ловы производятся, поступила въ собственность казаковъ только со времени уничтоженія Гурьевскаго учуга, и дѣйствительно, въ перечисленіи уральскихъ рыболовствъ Рычковымъ, въ его Топографіи Оренбургскаго края, не упоминается еще объ этихъ неводныхъ ловахъ.

Въ 1801 году увеличеніе народонаселенія принудило завести новый рядъ форпостовъ по Узенямъ, названный Внутреннею линіею. Съ самаго поселенія начали казаки, безъ сомнѣнія, ловить рыбу въ тѣхъ рѣкахъ, но безъ всякихъ правилъ, какъ и когда кто хотѣлъ. Только съ начала двадцатыхъ годовъ устроенъ и тутъ правильный ловъ, начинающійся въ опредѣленные сроки, для того, чтобы не одни живущіе на Внутренней линіи, но, согласно понятіямъ объ общинной собственности всѣхъ рыбныхъ водъ, имъ принадлежащихъ,—всѣ вообще казаки, буде только пожелаютъ, могли принимать въ немъ участіе.

Подобно сему, приведенъ въ систему весенній ловъ въ Черхальскомъ морцѣ въ 1821 году, а зимній только въ началѣ сороковыхъ годовъ, преимущественно съ тою цѣлью, чтобы отвлечь часть казаковъ отъ багренья. Когда вообще начался черхальскій ловъ, я никакъ не могъ узнать. Вѣроятно первоначально ходили казаки на морце самовольно, небольшими партіями, тѣмъ болѣе, что Киргизы не умѣли пользоваться богатымъ озеромъ, лежавшимъ въ ихъ землѣ. Вообще, казаки всегда завладѣвали, если только могли, тѣмъ, что̀ представляло для нихъ выгоды. Такъ, еще въ 1854 году просили они дозволить имъ ловъ въ рѣкахъ, называемыхъ Анна-Куль, лежащихъ въ Киргизской степи, болѣе чѣмъ въ 40 верстахъ отъ Урала; но Войсковая Канцелярія отвѣчала, что не имѣетъ права разрѣшить этого лова, и строжайше запретила имъ туда отправляться.

Если подъ именемъ морскаго лова разумѣть и ловъ по Култукамъ, и вообще по прибрежью, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ уже

производился въ прошедшемъ столѣтіи, преимущественно въ Курхайскомъ морцѣ, куда въ то время вливался еще западнѣйшій изъ рукавовъ Урала—Нарынка, и которое соединялось нѣсколькими прорвами съ Богатымъ Култукомъ—заливомъ Каспійскаго моря, славившимся изобиліемъ въ немъ рыбы. До сихъ поръ существуетъ преданіе о началѣ этого лова. Раскольничьи монахи и бѣглые, укрывавшіеся у нихъ, жившіе по пустынному прибрежью моря, разсказывали, какъ весною толпится рыба въ Култукахъ и жмется къ тѣмъ мѣстамъ берега, откуда переливается со степи прѣсная вода. Эти разсказы послужили поводомъ къ начатію тамъ лова на простыхъ бударкахъ. Только въ 1816 году просили нѣкоторые чиновники (т. е. офицеры) и казаки Войсковую Канцелярію о дозволеніи имъ производить рыболовство въ морѣ вправо отъ Бабинской Косы. Въ причинахъ, выставленныхъ Войсковою Канцеляріей, по которымъ этотъ ловъ разрѣшается, и въ правилахъ, для него установленыхъ, видны уже опасенія Уральцевъ, чтобы морской ловъ не повредилъ рѣчному. Потому, строго былъ запрещенъ ловъ противъ устьевъ Урала, что̀ и доселѣ во всей строгости соблюдается, а также и съ лѣвой стороны оныхъ до Эмбинской, — восточной грани Уральскихъ владѣній.

Уже черезъ 20 лѣтъ послѣ этого, въ 1837 году, разрѣшенъ былъ ловъ и слѣва отъ устьевъ Урала, и то потому, что Астраханскіе—вольные эмбинскіе промышленники, пользуясь тѣмъ, что сами Уральцы здѣсь не ловятъ, ставили свои сѣти въ большомъ количествѣ въ этихъ водахъ. Трудность прекратить эти облавы заставила казаковъ самихъ учредить здѣсь свой ловъ.

Но морской ловъ доставлялъ преимущественно выгоды только богатымъ казакамъ, во 1-хъ потому, что только такіе могутъ справить себѣ хорошія морскія палубныя лодки, во 2-хъ же потому, что они скупали, подъ видомъ довѣренностей, права бѣдныхъ казаковъ, не имѣющихъ средствъ участвовать въ этомъ ловѣ, и занимали такимъ образомъ своими сѣтьми обширныя пространства моря. Поэтому, когда въ 1840 году Войсковая Канцелярія вошла съ представленіемъ къ тогдашнему оренбургскому военному губернатору, генералъ-адъютанту Перовскому, о введеніи осенняго лова въ морѣ, онъ, безъ сомнѣнія принимая во вниманіе понятія большинства казаковъ, его не разрѣшилъ. Но въ 1843 году Войсковая Канцелярія разрѣшила сама этотъ ловъ въ видѣ опыта и, найдя его выгоднымъ, просила новаго оренбургскаго губернатора, гене-

ралъ-лейтенанта Обручева, объ утвержденіи его. Но генералъ Обручевъ, основываясь на томъ, что между казаками существуетъ мнѣніе, „что морской ловъ препятствуетъ входу рыбы въ Уралъ, гдѣ рыболовствуетъ все войско, въ морѣ же немногіе, и тѣ больше именемъ, ибо передаютъ свое право богатымъ казакамъ, которые такимъ образомъ овладѣваютъ всѣмъ богатствомъ войска", сначала не согласился на это, и сдѣлалъ Войсковой Канцеляріи вопросные пункты о вредѣ морскаго рыболовства. Войсковая Канцелярія, приводя въ пользу своего мнѣнія умноженіе уральскаго народонаселенія и уменьшеніе входа рыбы въ Уралъ, вслѣдствіе обмеленія его устьевъ, отвѣчала: „что мнѣніе казаковъ о вредѣ морскаго рыболовства, какъ основанное лишь на желаніи какъ нибудь объяснить себѣ уменьшеніе рыбы въ рѣкѣ, и на предубѣжденіи противъ всего новаго, не заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что за нѣсколько передъ симъ лѣтъ морское рыболовство было отмѣнено, а рыбы въ Уралѣ отнюдь не умножилось, и что теперь отмѣнить морское рыболовство, существующее уже болѣе четверти столѣтія, значило бы добровольно пожертвовать выгодами войска, которое, вѣроятно, со временемъ должно будетъ искать средствъ къ обогащенію уже не въ Уралѣ, а въ морѣ". Только послѣ этого отвѣта былъ утвержденъ новый видъ морскаго рыболовства, такъ называемый осенній Курхай или жаркой ловъ.

Однако, съ отвѣтомъ Войсковой Канцеляріи генералу Обручеву нельзя безусловно согласиться. Мнѣніе казаковъ о вредѣ, приносимомъ морскимъ рыболовствомъ рѣчному,— вовсе не одно предубѣжденіе, не заслуживающее никакого вниманія. Конечно, морскія рыболовства значительно увеличиваютъ собою общее количество годичнаго улова, такъ что съ уничтоженіемъ его, одно рѣчное доставило бы уловъ меньшій, чѣмъ то и другое вмѣстѣ. Но, съ другой стороны, неоспоримо также, что рѣчной ловъ значительно бы черезъ это усилился. Цѣль какъ той рыбы, которая идетъ на пространствѣ моря противъ Урала, между обѣми линіями баkеновъ, отграничивающими это пространство справа и слѣва, и которая, отклоняясь отъ одного пути, попадаетъ въ передніе ряды сѣтей, разставленныхъ вдоль бакенныхъ линій, такъ и той, которая, идя съ востока, со стороны Эмбинскихъ, или съ запада, со стороны Юсуповскихъ водъ, попадаетъ въ задніе ряды этихъ сѣтей,— все таки Уралъ. И если, конечно, не вся, попадающая въ курхайскія сѣти, рыба, то, по крайней мѣрѣ, значительная часть ея, достигала

бы своей цѣли, входила бы въ Уралъ и увеличивала бы собою добычу съ рѣчныхъ рыболовствъ. Приведенное же, въ доказательство безвредности морскаго рыболовства для рѣчнаго, временное отмѣненіе его, не болѣе какъ уловка, или совершенное непониманіе того, чѣмъ морской ловъ можетъ вредить рѣчному. Чтобы удовлетворить голосу большинства казаковъ, возставшихъ противъ морскаго рыболовства, былъ отмѣненъ въ видѣ опыта съ 1831 по 1835 годъ одинъ изъ его видовъ. Но какой?—зимній, подледный ловъ—такъ называемый аханный, который очевидно никакого вліянія на рѣчное рыболовство имѣть не можетъ, такъ какъ въ январѣ и февралѣ рано еще рыбѣ подниматься въ рѣки.

И такъ, курхайскія рыболовства, хотя и значительно увеличиваютъ количество годичнаго улова, приносятъ небогатому большинству скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, уменьшая рѣчной уловъ, участіе въ которомъ каждому доступно.

Около 1816 же года установлено было и зимнее морское рыболовство, — аханное, по примѣру Астраханцевъ. Если оно избѣжало неудобствъ курхайскаго, то этимъ оно обязано, какъ увидимъ ниже, самой сущности производства этого лова.

Такимъ образомъ, не ранѣе 1843 года окончательно учредились всѣ виды рыболобствъ, производимыхъ въ настоящее время въ водахъ, принадлежащихъ уральскому войску.

Я не стану описывать всѣхъ уральскихъ рыболовствъ одно за другимъ, а постараюсь только представить въ сжатомъ видѣ существенное въ ихъ устройствѣ, съ двухъ точекъ зрѣнія: добыванія и распредѣленія богатства, вдаваясь лишь тамъ въ нѣкоторыя частности и подробности, гдѣ онѣ представляютъ нѣчто характеристическое, показывая до какой тонкости часто доводили казаки свою заботливость—о возможной выгодности своего главнаго промысла, и о возможной справедливости, при распредѣленіи этихъ выгодъ.

Всѣ рыболовства, производимыя въ водахъ, принадлежащихъ уральскому войску,—а ихъ съ мелкими насчитывается около 25,—могутъ быть раздѣлены на такія, желающіе участвовать въ которыхъ должны собираться къ опредѣленному времени въ назначенное мѣсто и, подъ наблюденіемъ начальника — рыболовнаго атамана,—занимаются своимъ промысломъ; и на такія, во время корыхъ, каждый, оставаясь на своемъ мѣстѣ жительства, занимается своимъ ловомъ отдѣльно, или собираясь въ небольшія артели.

Для нихъ не назначается особливыхъ начальниковъ и, вообще, для ихъ производства не существуетъ столь строгихъ правилъ, какъ для первыхъ. Поэтому можно ихъ назвать свободными рыболовствами. — На первыхъ всегда строго и точно опредѣляются времена начала и окончанія лововъ, и это по слѣдующимъ причинамъ: 1) чтобы несвоевременнымъ ловомъ не помѣшать входу рыбы въ Уралъ, 2) чтобы нѣкоторые изъ казаковъ, начавъ ловъ прежде другихъ, не воспользовались лишними выгодами въ ущербъ остальнымъ, и наконецъ 3) чтобы каждый могъ заблаговременно приготовиться къ предстоящему рыболовству и, записавшись въ одно изъ нихъ, не могъ въ то же время участвовать въ другомъ, съ нимъ одновременномъ, посредствомъ своихъ рабочихъ, или передачею своего права другому казаку по довѣренности. Всѣ, сколько нибудь значительныя, рыболовства принадлежатъ къ этому разряду. Ихъ можно еще подраздѣлить на *главныя* и на *побочныя*. Главныя суть всѣ тѣ, которыя производятся въ Уралѣ или въ морѣ, побочныя же по старйцамъ Урала, въ Узеняхъ и другихъ черныхъ рѣчкахъ, въ морскихъ култукахъ и въ Черхальскомъ морцѣ, одновременно съ главными. Доставляя также не маловажныя выгоды, они уменьшаютъ число совмѣстниковъ на главныхъ рыболовствахъ. —Свободныя рыболовства, несравненно менѣе важныя по количеству доставляемой ими добычи, производятся лишь зимою по самому Уралу и старицамъ его. Изъ нихъ стоитъ упомянуть лишь о запорныхъ ловахъ.

Главныя рыболовства, а за ними слѣдовательно и одновременныя имъ побочныя, по времени и по характеру лова, раздѣляются на три группы. Двѣ изъ нихъ соотвѣтствуютъ двукратному ходу рыбы въ Уралъ и на немъ основаны. Это рыболовства *весеннія*, куда принадлежатъ, изъ главныхъ, морское — *весенній курхай* и рѣчное—*севрюжья плавня*, изъ побочныхъ же — *весеннее черхальское*, и *осенне-зимнія*, куда относятся, изъ главныхъ, морское — *осенній курхай*, рѣчныя *осенняя плавня*, *осеннее неводное*, *багренье* и *зимнее неводное*, изъ побочныхъ — *осеннее и зимнее узенское* и *зимнее черхальское*. Третій разрядъ заключаетъ въ себѣ лишь одно зимнее морское рыболовство—*аханное*, не имѣющее никакого отношенія къ ходу рыбы въ рѣку.

Чтобы ясно представить себѣ послѣдовательность и синхронизмъ всѣхъ этихъ рыболовствъ, должно имѣть въ виду, что побочныя рыболовства, имѣя конечно своею главною цѣлью доставить

войску по возможности бо̀льшій доходъ, установлены между прочимъ и съ тѣмъ, чтобы предотвратить чрезмѣрное скопленіе рыболововъ на главныхъ рыболовствахъ. Поэтому, каждое изъ нихъ современно которому нибудь изъ главныхъ, однако же одновременность эта, по различнымъ естественнымъ и экономическимъ причинамъ, не совершенная. Они иногда начинаются нѣсколько раньше и оканчиваются позже соотвѣтствующихъ имъ главныхъ.

Со вскрытіемъ отъ льда моря и Урала, начинаются весеннія рыболовства: курхай и севрюжья плавня и современное имъ весеннее черхальское. Въ началѣ іюня всякій ловъ во всѣхъ водахъ, принадлежащихъ уральскому войску, совершенно прекращается до 15 августа. 15 августа начинаются осенне-зимнія рыболовства осеннимъ курхаемъ, за нимъ слѣдуетъ съ 28 сентября осенняя плавня съ одновременнымъ ей осеннимъ неводнымъ и осенними побочными ловами. Въ ноябрѣ всѣ эти рыболовства оканчиваются, и тутъ бываетъ въ главныхъ рыболовствахъ перерывъ, болѣе или менѣе продолжительный, смотря по тому, рано или поздно станетъ Уралъ; но этого промежутка почти не существуетъ между осеннимъ и зимнимъ узенскомъ ловомъ. Съ замерзаніемъ Урала начинаются багренье и зимнее неводное съ современнымъ имъ зимнимъ черхальскимъ, въ это же время начинается аханное рыболовство. Багренье и зимнее неводное оканчиваются въ первой или во второй половинѣ января, но аханное, зимнее узенское и черхальское продолжаются до 1 марта, а два послѣднія нерѣдко и того долѣе. Съ окончаніемъ осенней плавни начинаются въ различныхъ частяхъ Урала въ разныя времена, смотря по окончанію главныхъ рыболовствъ,— свободные ловы, которые идутъ до послѣднихъ чиселъ марта. Изъ этого уже видно, какъ систематически распредѣлены уральскія рыболовства по времени. Эта систематичность и, смѣю сказать, разумность устройства уральскаго рыбнаго хозяйства являются въ несравненно болѣе яркомъ свѣтѣ, если вникнуть во всю совокупность многосложныхъ его правилъ. Читая рыболовныя инструкціи В. Канцеляріи, сначала видишь только множество безсвязныхъ правилъ, въ большинствѣ которыхъ не можешь отдать себѣ никакого отчета. Прибывъ на Уралъ, уже довольно знакомый съ подробностями каспійскаго рыболовства, и прочитавъ нѣсколько описаній самаго уральскаго рыболовства, я однако же принужденъ былъ составить цѣлые листы вопросовъ и недоразумѣній о цѣли, которую могли имѣть различные пункты инструкцій.

Добиваясь разрѣшенія ихъ, какъ распросами у опытныхъ рыболововъ, такъ и розысканіями въ старыхъ дѣлахъ, гдѣ нерѣдко означены тѣ обстоятельства, изъ которыхъ возникли нѣкоторыя постановленія, — я убѣдился, что изъ всѣхъ моихъ вопросныхъ пунктовъ не было почти ни одного, который не разрѣшался бы самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Краткость этого обзора едва позволитъ мнѣ представить нѣсколько примѣровъ этихъ тонкостей уральскаго рыболовнаго законодательства.

Весеннія и осенне-зимнія рѣчныя рыболовства весьма существенно отличаются между собою своимъ характеромъ, и это различіе основывается на различіи въ характерѣ весенняго и лѣтне-осенняго хода рыбы въ Уралъ. Весною рыба массами идетъ въ эту рѣку, для метанія икры, и, окончивъ это, сейчасъ же возвращается въ море. По этому, весенняя севрюжья плавня, такъ названная отъ преимущественнаго лова севрюги во время ея, — не медля въ одинъ пріемъ вылавливаетъ весь Уралъ, отъ Уральска до моря. Свойства русла въ верхней части этого пространства рѣки заставляютъ перемѣнять орудія лова у Антоновскаго форпоста (219 верстъ ниже Уральска), но это дѣлается безъ малѣйшей перемежки, такъ что собственно тутъ два рыболовства сливаются въ одно непрерывное.

Лѣтомъ съ начала іюля до половины сентября рыба поднимается въ рѣку не такими массами, какъ весною, а идетъ постепенно небольшими косяками, съ тѣмъ, чтобы лечь на ятови. Найдя себѣ удобныя мѣста, она уже ихъ не покидаетъ. Тутъ, слѣдовательно, спѣшить нечего, и Уралъ вылавливается въ нѣсколько пріемовъ по частямъ, ожидая по возможности, чтобы холода придали рыбѣ и икрѣ бо̀льшую цѣнность. Отъ Каленовскаго форпоста (въ 191 верстѣ отъ Уральска) до Кандауровскаго (въ 16 вер. выше Гурьева) и отъ Гурьева до моря производится осенняя плавня въ теченіи октября и начала ноября. Въ оставленномъ промежуткѣ между Кандауровымъ и Гурьевымъ идетъ въ то же время осенній неводный ловъ, какъ болѣе удобный по мѣстности. Между тѣмъ, вся верхняя часть Урала отъ Каленовскаго форпоста до Уральска остается нетронутою; до багренья рыба какъ-бы бережется тутъ съ садкѣ, до времени, когда морозы придадутъ ей наибольшую цѣнность. Самое багренье раздѣляется, для своевременной доставки рыбы и икры къ Высочайшему двору и для удобства ловцовъ, часто довольно большими промежутками, на три части: презент-

ное, малое и большое, хотя всѣ они, по способу производства и употребляемымъ орудіямъ, составляютъ одинъ и тотъ же видъ рыболовства. Тутъ замѣчается, слѣдовательно, совершенная противуположность севрюжьей плавнѣ. Наконецъ, во время зимняго неводнаго рыболовства проходятъ еще разъ участокъ между Гурьевымъ и моремъ, потому что въ осеннюю плавню выловили тамъ только красную рыбу на знаменитой нѣкогда своимъ изобиліемъ— *Славущей ятови*, а черную оставили до зимы, для увеличенія ея цѣнности. Вотъ почему соединяю я въ одну группу зимнія съ осенними рыболовствами, за исключеніемъ одного аханнаго. Хотя болѣе различныя между собою по способамъ производства и орудіямъ лова, чѣмъ осеннія отъ весеннихъ, они однородны потому-что основаны на лежаніи рыбы на ятовяхъ и служатъ какъ-бы продолженіемъ и дополненіемъ одно другому.

И такъ, весь порядокъ рыболовства на Уралѣ основанъ на естественныхъ условіяхъ жизни рыбъ; какое же отношеніе къ нимъ имѣетъ почти четырехъ-мѣсячный перерывъ рыболовства въ Уралѣ? Цѣль этого строго соблюдаемаго постановленія состоитъ главнѣйше въ томъ, чтобы дать время рыбѣ улечься на ятовяхъ, дабы потомъ легче ее выловить, и при томъ въ такое время, когда она будетъ имѣть гораздо большую цѣнность, чѣмъ лѣтомъ; опасности же, что она обратно уйдетъ въ море, какъ весною, въ это время болѣе не существуетъ. Съ перваго взгляда, это запрещеніе лова въ жаркое время года можетъ показаться имѣющимъ еще болѣе достоинства, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Можетъ видѣться въ этомъ рѣдкій примѣръ предусмотрительной экономической мудрости, принимающей мѣры къ тому, чтобы источникъ богатства не оскудѣлъ въ будущемъ, и жертвующей для этого частію настоящихъ выгодъ. Можно подумать, что такое запрещеніе лова съ половины и даже съ начала іюня имѣетъ цѣлью дать рыбѣ возможность выметывать икру. Такое понятіе особливо легко себѣ составить, имѣя въ виду время метанія икры красною рыбою въ Волгѣ, гдѣ оно именно происходитъ съ конца іюня по конецъ іюля. Но, вспомнивъ, что красная рыба мечетъ икру въ Уралѣ гораздо ранѣе, и съ этою цѣлью въ іюнѣ уже въ рѣку не поднимается, а главное, принявъ во вниманіе, что производство рыбной ловли на севрюжьей плавнѣ устремлено, какъ увидимъ ниже, къ тому, чтобы по возможности не пропустить ни одной рыбы, должно будетъ оставить эту лестную для предковъ нынѣшнихъ Уральцевъ мысль. Въ

установленіи правила не ловить въ лѣтніе мѣсяцы, мысль о метаніи рыбою икры не имѣла ни малѣйшаго участія уже потому, что, по теперешнимъ понятіямъ казаковъ, которыя они безъ сомнѣнія наслѣдовали отъ своихъ предковъ, красная рыба, хотя и мечетъ икру въ Уралѣ, но какъ бы случайно; по ихъ понятіямъ не здѣсь главное для этого мѣста, а въ морѣ по прибрежью. Да при томъ же, думаютъ они, и изъ выметанной въ рѣкѣ икры — мальковъ, т. е. дѣтенышей, не выходитъ, для чего будто бы нужно присутствіе солодковой воды взморья. Но, если бы даже казаки имѣли ясное и вѣрное понятіе о метаніи икры красною рыбою, то и въ такомъ случаѣ упущеніе части своихъ выгодъ, съ цѣлью благопріятствовать ея размноженію, было бы съ ихъ стороны не правильнымъ экономическимъ расчетомъ, а самопожертвованіемъ, несправедливостью къ самимъ себѣ, ибо они знаютъ и знали, что эта рыба не живетъ въ Уралѣ, а только на время входитъ въ него, какъ и во всѣ другія рѣки, и что, слѣдовательно, и выведшаяся въ Уралѣ рыба расходится по всему морю, а выросши поднимается безразлично по всѣмъ его притокамъ. Такимъ образомъ, имъ не могло быть неизвѣстнымъ, что своими оберегательными и охранительными мѣрами они принесли бы пользу лишь другимъ, сами участвуя въ ней въ самой ничтожной степени, и мѣняя вѣрное на невѣрное. Этого, конечно, ни требовать, ни ожидать отъ нихъ нельзя. И теперь, введеніе охранительныхъ мѣръ, которыя бы содѣйствовали расположенію красной рыбы, лишь тогда будетъ справедливо, когда будетъ распространено на всѣ притоки Каспійскаго моря.

Оцѣнимъ лучше это запрещеніе лѣтняго лова по его дѣйствительному достоинству. Для этого достаточно сказать, что давая рыбѣ время спокойно улечься на ятовяхъ, оно замѣняетъ лѣтній ловъ осеннимъ и зимнимъ, и возвышаетъ цѣну на красную рыбу отъ 1 р. 25 к. за пудъ до 2 и даже до 4 и 5 рублей, смотря по тому, оставляютъ ли ее до осенней плавни, или до багренья; на черную рыбу отъ 30 до 55 к. и до 1 р. 15 к., на икру же отъ 9 и 10 р. до 14 и до 24 р. сер. Подобнаго добровольнаго откладыванія лова съ лѣта на осень и на зиму не только не существуетъ ни въ какой другой мѣстности Каспійскаго моря, но, сколько мнѣ извѣстно, оно нигдѣ невозможно при обыкновенномъ способѣ пользованія рыбными водами. Всѣми выгодами его обязаны Уральцы своему правильному пониманію преимуществъ общественнаго поль-

зованія рѣкою. Въ самомъ дѣлѣ, владѣльцы рѣчныхъ участковъ, хотя бы и знали, что вошедшая лѣтомъ и осенью, рыба не уйдетъ уже до весны обратно въ море, все же старались бы поймать по возможности каждую рыбу, когда бы она ни проходила черезъ ихъ участокъ, ибо имъ неизвѣстно, въ чьемъ участкѣ изберетъ она себѣ мѣсто для зимняго отдыха. Какое ему дѣло до того, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ цѣна ея утроится или учетверится, если она достанется другому, а не ему?

При этомъ самъ собою представляется вопросъ: такъ какъ на багреньи цѣна ловимой рыбы и добываемой икры самая высокая въ году, то по чему не замѣняетъ оно собою совершенно осенней плавни, или, по крайней мѣрѣ, почему граница между этими рыболовствами не проведена ниже Каленовскаго форпоста?— чему нѣтъ рѣшительно никакихъ физическихъ препятствій, происходящихъ отъ измѣненія въ свойствахъ рѣки, или въ образѣ лежанія рыбы на ятовяхъ. На это отвѣчать не трудно. Весьма естественно, что длинный перерывъ рыболовства лѣтомъ, продолжающійся отъ 3½ до 4-хъ мѣсяцевъ, заставляетъ казаковъ съ нетерпѣніемъ ожидать времени, когда имъ можно будетъ кое-что себѣ заработать на рыбѣ, тѣмъ болѣе, что осеннія цѣны на малосольную рыбу и икру довольно высоки. Кромѣ того, осенняя плавня доставляетъ много черной рыбы, которую багреньемъ поймать почти невозможно, а другими средствами, на пространствѣ столь обширномъ, какъ весь Уралъ отъ Уральска до моря, весьма затруднительно. Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи вѣрность экономическаго разсчета Уральцевъ выдерживаетъ всякую критику. Что же касается до установленной границы между обоими рыболовствами, я позволю себѣ слѣдующее предположеніе, кажущееся мнѣ весьма вѣроятнымъ. Когда казаки жили въ окрестностяхъ Уральска, они не могли зимою далеко спускатся внизъ по Уралу, берега котораго были тогда совершенно пустынными; уже одинъ провозъ набагренной рыбы съ нижнихъ частей рѣки былъ бы затруднителенъ. Вѣроятно, мѣстность, гдѣ теперь Каленовской форпостъ, служила границею, докуда заходили казаки во время своихъ лововъ; когда же они разселились по всему Уралу, они конечно стали и ловить по всей рѣкѣ, что̀ гораздо удобнѣе было имъ дѣлать на лодкахъ, чѣмъ сухимъ путемъ, по причинѣ трудности доставать зимою кормъ для лошадей, при тогдашней ненаселенности всего заволжскаго края. Такимъ, можетъ быть, образомъ Каленовскій форпостъ

сталъ гранью между древнѣйшимъ уральскимъ рыболовствомъ—багреньемъ, и новѣйшимъ его распространеніемъ осеннею плавнею.

Переходя къ частностямъ устройства отдѣльныхъ рыболовствъ, я начну съ двухъ предварительныхъ мѣръ, которыми Уральцы, такъ сказать, удерживаютъ въ своей власти всякую рыбу, зашедшую въ ихъ воды; это 1) *охраненіе уральскихъ водъ и самаго Урала отъ постороннихъ или несвоевременныхъ облововъ*, чѣмъ обезпечивается морской ловъ, входъ рыбы въ Уралъ и спокойное размѣщеніе ея по ятовямъ, и 2) *уральскій учугъ*, который, хотя не имѣетъ никакого вліянія на весенній ловъ, существенно важенъ для осенняго и зимняго, собирая исключительно въ руки уральскихъ казаковъ всю рыбу, входящую въ Уралъ лѣтомъ и осенью. Для охраненія морскихъ водъ назначаются особливые смотрители изъ офицеровъ или урядниковъ, въ распоряженіи которыхъ находится 9 разъѣздныхъ лодокъ, для безпрестанныхъ разъѣздовъ по всему уральскому морскому участку, для наблюденія за тѣмъ, чтобы противъ устьевъ Урала (между косами Бабинскою справа и Дуванною слѣва) никто не ловилъ даже въ дозволенное время, чтобы въ остальное время не ловили и въ прочихъ мѣстахъ, главное же, чтобы непринадлежащіе къ войскому сословію не разставляли никакихъ снастей въ уральскихъ водахъ. Съ тою же цѣлью учреждены пикеты по всему морскому берегу. Въ случаѣ поимки такихъ обловщиковъ, по закону ихъ должно доставлять къ начальнику Гурьева городка, ихъ лодки со всѣмъ находящимся на нихъ конфисковать. Разъѣздные дѣйствительно строго смотрятъ за тѣмъ, чтобы Астраханцы не ловили въ уральскихъ водахъ, но съ нарушителями этого правила поступаютъ по своему. Они начинаютъ съ того, что угрожаютъ имъ доставкою къ начальству, и бьютъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не дадутъ за себя выкупа. Тогда тотчасъ же мирятся, и обѣ враждебныя партіи, казаки и Астраханцы вмѣстѣ пьютъ и гуляютъ. Къ начальству же представляютъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дракѣ случится несчастье, котораго скрыть нельзя. Случается, впрочемъ, что побѣдителями остаются и Астраханцы, которые тогда спокойно удаляются въ свои воды съ наловленною ими рыбою.

Для охраненія самаго Урала отъ лова въ запрещенное время и запрещенными снастьми,—крючьями, въ каждомъ форпостѣ назначаются, изъ отставныхъ казаковъ по найму, такъ называемые *смотрители за Ураломъ*. Они-то наблюдаютъ за ходомъ рыбы

по Уралу и за тѣмъ, гдѣ, и примѣрно въ какомъ количествѣ, она ложится на ятови.

Уральскій учугъ не составляетъ самъ по себѣ орудія лова, какъ напримѣръ волжскіе и куринскіе, ибо передъ нимъ не лежатъ ряды веревокъ съ привязанными къ нимъ крючьями. Онъ состоитъ изъ ряда свай, отстоящихъ одна отъ другой сажени на $1\frac{1}{2}$, съ привязанной къ нимъ съ наружной стороны рѣшеткою изъ круглыхъ шестовъ, около вершка въ діаметрѣ, называемою *кошакомъ*. Воротъ въ учугѣ этомъ нѣтъ никакихъ; но за то на зиму онъ совершенно разбирается, и устраивается вновь не ранѣе первыхъ чиселъ іюля. Съ наступленіемъ морозовъ, въ концѣ октября или началѣ ноября, снимается кошакъ, а когда рѣка уже крѣпко замерзнетъ, выдергиваются и сваи. Не ранѣе половины іюня, когда у Уральска рѣка войдетъ уже въ свои берега, приступаютъ къ постройкѣ учуга, которая оканчивается не ранѣе первыхъ чиселъ іюля. По этому учугъ этотъ никаго вліанія на весеній ловъ не имѣетъ и не можетъ препятствовать ходу рыбъ для метанія икры. Онъ служитъ только къ тому, чтобы не пропускать, вошедшую лѣтомъ или осенью въ Уралъ, рыбу изъ той его части, которая принадлежитъ уральскому войску, чтобы она не могла внѣ ея искать себѣ ятовныхъ мѣстъ.

Во всѣхъ уральскихъ рыболовствахъ могутъ участвовать всѣ казаки, служащіе и отставные, находящіяся на лицо, т. е. проживающіе въ Землѣ уральскаго войска, въ нѣкоторыхъ рыболовствахъ только лично, въ другихъ же и по довѣренностямъ. Не могутъ же участвовать въ нихъ всѣ казаки, находящіеся на дѣйствительной службѣ, хотя бы и внутри Земли уральскаго войска. Чтобы это было понятно, надо знать, какимъ образомъ несется служба уральскими казаками, сохранившими и въ этомъ свои древніе обычаи. Всякій казакъ, которому минетъ 18 лѣтъ, считается на службѣ, и несетъ ее 25 лѣтъ; но дѣйствительно служатъ, конечно, не всѣ, а лишь сколько того требуетъ надобность. Въ это число назначаются казаки не по очереди, какъ въ другихъ казацкихъ войскахъ, а сами поступаютъ по добровольному найму. Ежели, напримѣръ, требуется на дѣйствительную службу четвертая часть всѣхъ, считающихся служащими, то трое изъ нихъ нанимаютъ четвертаго по вольнымъ цѣнамъ, причемъ берется во вниманіе трудность и вѣроятная продолжительность предстоящей службы, такъ что иные получаютъ иногда до 2,000 р. ассигнац.

Такимъ образомъ, одинъ исполняетъ служебную обязанность натурою, и за то получаетъ деньги съ остающихся; а эти послѣдніе несутъ свою службу деньгами и, за это, пользуются выгодами отъ рыболовства. Наемка эта относится впрочемъ къ однимъ рядовымъ. Офицеры и даже урядники не могутъ пользоваться ея выгодами, и потому, если находятся на лицо въ войскѣ, и не удерживаются обязанностями службы, имѣютъ право участвовать во всѣхъ рыболовствахъ, при которыхъ пользуются даже, по справедливости, значительными преимуществами. Отставными называются тѣ, которымъ окончился 25 лѣтній срокъ, все равно, были ли они или не были на дѣйствительной службѣ; они могутъ участвовать въ рыболовствахъ, но съ нѣкоторыми ограниченіями въ правахъ. Такъ, напримѣръ, на Курхаяхъ они выставляютъ меньшее число сѣтей, чѣмъ служащіе казаки; на багреньи, для участія въ которомъ каждый долженъ имѣть билетъ — въ уральскомъ переводѣ *печатку*, — билетъ этотъ для служащихъ даровой, тогда какъ отставные должны платить за него по 3 р. сер. Изъ такимъ образомъ собираемыхъ денегъ, часть,—именно 4.285 р. 71$^{5}/_{7}$ к. (15.000 асс.), идетъ на вознагражденіе тѣхъ должностныхъ лицъ, кооторымъ служебныя обязанности не позволяютъ участвовать въ этомъ, какъ его нѣкогда называли, *первомъ и наилучшемъ промыслѣ,—багреньи*. Общинное пользованіе, такимъ образомъ, составляетъ, и въ дѣйствительности, и въ понятіяхъ казаковъ, матеріальное основаніе ихъ государственныхъ повинностей, точно такъ, какъ для крестьянъ земля, распредѣляемая между членами сельскихъ общинъ. Но, по крайней мѣрѣ относительно казацкой общинной собственности, можно съ увѣренностью сказать, что несомая въ пользу государства повинность лишь освятила коренной исконный обычай, но конечно не вызвала его.

Чтобы представить въ краткомъ очеркѣ всѣ особенности уральскихъ рыболовствъ, мы раздѣлимъ ихъ по тѣмъ орудіямъ, которыми они производятся, ибо ими главнѣйше опредѣляется характеръ производства. Мы можемъ это сдѣлать, потому что предварительно изложили тотъ порядокъ, въ которомъ они слѣдуютъ одно за другимъ въ теченіи года. Такимъ образомъ получается четыре разряда рыболовствъ: 1) производимыя плавными сѣтями, 2) неводами, 3) баграми, и наконецъ 4) сплавными сѣтями.

Плавныхъ рыболовствъ два: *весеннее севрюжье* и *осеннее плав-*

ное. Первое производится на протяженіи всего Урала, отъ Уральска до моря, и въ самомъ морѣ передъ устьями Урала—единственное исключеніе въ году, когда дозволенъ ловъ въ этомъ заповѣдномъ пространствѣ дней на десять или на двѣ недѣли; второе отъ Каленовскаго (191 вер. ниже Уральска) форпоста до Кандауровскаго (16 верстъ выше Гурьева) и отъ Гурьева до моря. Эти два рыболовства, поприще которыхъ Уралъ на значительной части своей длины, въ чемъ съ ними сходствуетъ еще багренье,—имѣютъ ту особенность, что производятся по рубежамъ. Для того, чтобы главная масса рыбачущаго войска, или такъ называемая *громада*, двигалась стройно и правильно, назначены границы, отъ куда и до куда можно плавать въ теченіи одного дня, и такимъ образомъ отъ рубежа къ рубежу проходится весь Уралъ. Кромѣ сохраняемаго порядка, черезъ это никто не можетъ себѣ выбирать особливо выгодныхъ для лова, подмѣченныхъ имъ, мѣстъ, и тѣмъ наносить прочимъ ущербъ. Къ тому же, систематичность лова, доходящая въ извѣстныхъ случаяхъ до строгости военной дисциплины, обусловливаетъ болѣе полный выловъ рыбъ, чѣмъ безпорядочный ловъ.

Эти же рѣчныя рыболовства, производимыя по рубежамъ, т. е. обѣ плавни и багренье, имѣютъ еще ту особенность, что на нихъ никто не можетъ имѣть даже въ работникахъ—иногородняго, т. е. не принадлежащаго къ казацкому сословію.

Какъ, вообще, начало и окончаніе каждаго рыболовства въ цѣломъ строго опредѣлены, такъ и каждый день подается сигналъ, большею частію выстрѣломъ изъ пушки, къ началу лова съ рубежа. До этого времени, всѣ бударки должны стоять на самарскомъ берегу въ линіи и, по данному знаку, вталкиваются въ воду. Ловъ производится на весенней плавнѣ отъ Антоновскаго форпоста плавными сѣтями, выше же и во время всей осенней плавни—ярыгами. Плавная сѣть состоитъ изъ двухъ полотенъ, передняго болѣе рѣдкаго, которое туже натянуто, и задняго болѣе частаго, которое на слаби. Длина ихъ 32 сажени; за одинъ конецъ держитъ ее на веревкѣ сидящій въ бударкѣ ловецъ, другой же прикрѣпленъ къ поплавку, который поддерживаетъ верхній край сѣти на водѣ. Ярыга есть мѣшокъ изъ сѣти, сшитый до половины такъ, что остаются два свободныхъ крыла, верхнее и нижнее. Ярыги—не болѣе 7 саженъ длиною. Веревки отъ обоихъ концевъ —въ рукахъ ловцовъ, сидящихъ каждый въ свой бударкѣ. Они

усиленною греблею подвигаются впередъ, и тянутъ ярыгу какъ раскрытую пасть.

На севрюжьей плавнѣ всѣ ловятъ на пространствѣ рубежа въ разбродъ, ибо и сама рыба въ это время разбрелась по всему Уралу и разливамъ его; съ плавною сѣтью даже и невозможно сильно грести, надо только слѣдовать за теченіемъ. На первой половинѣ этой плавни, когда ловятъ ярыгами, казаки стараются, правда, обгонять другъ друга, въ надеждѣ, что впереди прочихъ ловъ изобильнѣе, но расчетъ этотъ не всегда вѣренъ. Такому лову, а также и теплому времени года, не позволяющему беречь рыбу, не посоливши ее скоро, соотвѣтствуетъ и способъ продажи. Купцы, иногородніе или изъ казаковъ, также разсѣяны по всему берегу, и кто что поймаетъ, сейчасъ же спѣшитъ продать.

Совершенно другую картину представляетъ осенняя плавня. Во время ея рыба уже улеглась по ятовямъ, мѣста которыхъ напередъ извѣстны. Собственно на нихъ только и ловятъ. Поэтому, для возможнаго уравненія шансовъ улова, онъ производится съ удара. Когда бударки уже въ водѣ, рыболовный атаманъ ведетъ ихъ до нѣкотораго разстоянія отъ ятови гурьбою, такъ сказать колонною, не позволяя никому заходить впередъ своей лодки Когда начальникъ отплываетъ въ сторону, начинается перегонка. Всякій гребетъ съ величайшимъ напряженіемъ силъ. Бывали случаи, что здоровые, сильные и привычные къ работѣ казаки загребались до обморока. Здѣсь цѣль каждаго уже не просто обогнать товарищей, въ надеждѣ, довольно вѣроятной, однако нерѣдко ошибочной, что ловъ впереди другихъ будетъ обильнѣе, — а достигнуть изъ первыхъ ятови, гдѣ скопилась рыба, съ вѣрнымъ расчетомъ какъ можно болѣе изъ нея вычерпать до прихода прочихъ. Когда одна ятовь выловлена, на пути къ слѣдующей казаки опять гребутъ въ перегонку, т. е. по ихъ выраженію, дѣлаютъ второй ударъ. Тутъ, очевидно, некогда продавать свою добычу и торговаться съ купцами, да и нечего спѣшить; холодная погода позволяетъ сохранять рыбу не посоленною около сутокъ. Наконецъ, сама усиленная работа требуетъ отдыха. Поэтому, на осенней плавнѣ черезъ день назначаются дневки, во время которыхъ бываетъ базаръ для продажи пойманнаго наканунѣ.

На обѣихъ плавняхъ сзади войска или громады происходитъ другой ловъ, частію плавными же сѣтями, частію неводами, какъ для того, чтобы подобрать ускользнувшее отъ передовыхъ лов-

цовъ, такъ и для лова черной рыбы, которой мало попадаетъ въ плавныя сѣти, а особливо въ ярыги.

Здѣсь у мѣста будетъ сказать нѣсколько словъ объ одной изъ тѣхъ тонкостей уральскихъ рыболовныхъ постановленій, о которыхъ я упоминалъ выше.

Во время осенней плавни не положено времени, когда дневной ловъ долженъ оканчиваться; тогда какъ на собственно севрюжьей плавнѣ, въ два часа пополудни, выстрѣломъ изъ пушки подается сигналъ къ прекращенію лова и къ вытаскиванію бударокъ на берегъ. Такое постановленіе сдѣлано въ пользу рыбачущихъ сзади войска. Весною рыба на ходу, и иной косякъ, боясь шума, необходимо сопровождающаго ловъ на нѣсколькихъ тысячахъ бударокъ, не переходитъ нижняго рубежа пока продолжается ловъ; но съ прекращеніемъ его косяки эти трогаются и идутъ вверхъ. Если бы главный ловъ продолжался до ночи, то эти косяки ускользнули бы за ночь и отъ заднихъ ловцовъ. Теперь же, когда въ два часа задніе начнутъ свой ловъ съ верхняго рубежа, у нижняго все уже спокойно; косяки трогаются, и случается, что задніе ловятъ успѣшнѣе переднихъ. Ничего подобнаго нѣтъ на осенней ловлѣ. Тогда ниже рубежа рыба спокойно лежитъ на ятовяхъ и поэтому заднимъ ловцамъ нѣтъ никакой выгоды, чтобы передніе рано оканчивали свой ловъ. Такихъ примѣровъ, изъ однихъ отношеній главнаго лова къ производящемуся сзади его, я могъ бы привести нѣсколько; но это заняло бы слишкомъ много времени. Скажу только, что на обѣихъ плавняхъ все установлено такъ, чтобы по возможности уравновѣсить для всѣхъ шансы уловокъ. Здѣсь приняты во вниманіе интересы и тѣхъ, которымъ, по различнымъ обстоятельствамъ, нельзя участвовать въ главномъ ловѣ, и притомъ, тѣмъ изъ нихъ, которые ловятъ въ верхнихъ частяхъ рѣки, гдѣ рыбы менѣе изобильно, предоставлены передъ прочими нѣкоторыя преимущества; одно изъ нихъ нихъ, напримѣръ,—дозволеніе ловить выше Янайскихъ хуторовъ (60 вер. ниже Уральска), во все время севрюжьей плавни, неводами, запрещенными въ это рыболовство на всемъ остальномъ пространствѣ.

При всемъ моемъ уваженіи, иные, можетъ быть, скажутъ пристрастіи, къ уральскому казачеству, а главное къ устройству ихъ рыболовства, я не могу не сказать, что Уралъ содѣйствуетъ не въ примѣръ менѣе всѣхъ прочихъ значительныхъ притоковъ Каспійскаго моря —къ поддержанію общаго запаса въ немъ красной

рыбы, далеко не соотвѣтственно той долѣ, въ которой онъ участвуетъ въ общемъ выловѣ, такъ что на уральскомъ рыболовствѣ пропорціонально болѣе, чѣмъ на прочихъ, лежитъ вина уменьшенія красной рыбы въ Каспійскомъ морѣ, и вина эта исключительно падаетъ на способъ производства весенней плавни. Не смотря на отдаленность мѣстъ, удобныхъ для метанія икры красною рыбою, нѣтъ сомнѣнія, что она подымалась бы до нихъ, если бы тому не препятствовалъ способъ производства этого рыболовства. Оно производится столь стройно и систематически, что рѣдкая рыба проходитъ сквозь движующуюся, хотя и не непрерывную стѣну сѣтей. Здѣсь приняты всѣ мѣры, чтобы ни одна рыба, если возможно, не ускользнула отъ ловцовъ, чтобы вычерпать изъ Урала всю рыбу до-чиста. Въ иной годъ до 2.000 и болѣе бударъ, со столькими же сѣтьми, дружно встрѣчаютъ всякій косякъ, поднимающійся по Уралу, и ежели въ какой нибудь части рѣки уловъ хорошъ, проходятъ тотъ рубежъ еще разъ. Рыба, ускользнувшая отъ главной массы севрюжниковъ, попадается въ сѣти рыбачущихъ непосредственно вслѣдъ за ними, или къ тѣмъ, которые ловятъ, оставаясь на своихъ форпостахъ. Наконецъ, отъ Янайскихъ хуторовъ вверхъ до Уральска собираютъ уже неводами то, что̀ могло туда проскользнуть. Это можетъ служить убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ тому, что только способъ употребленія какого-либо рыболовнаго орудія, а не оно само по себѣ, бываетъ вреднымъ для рыболовства, препятствуя ходу рыбы. Такъ, невинныя плавныя сѣти и ярыги въ Уралѣ гораздо полнѣе достигаютъ своей цѣли—вылавливать все что̀ есть, чуть не до-чиста, чѣмъ, напримѣръ, на Курѣ самые учуги, съ лежащими передъ ними порядками столь сильно обвиняемыхъ крючьевъ, ибо выше ихъ ловится тамъ ежегодно только въ три лѣтніе мѣсяца болѣе 10.000 осетровъ и шиповъ и 55.000 севрюгъ; тогда какъ выше Уральскаго учуга налавливаютъ всей красной рыбы не болѣе 1,000 штукъ въ круглый годъ.

Однако, все мое обвиненіе не походитъ ли скорѣе на похвалу, и я боюсь, что оно будетъ имѣть видъ реторической фигуры уступленія. Въ самомъ дѣлѣ, нелзя обвинить Уральцевъ въ невѣжествѣ, равнодушномъ къ предмету ихъ главныхъ занятій, за то, что имъ не были извѣстны истинныя условія метанія икры красною рыбою, неизвѣстныя никому до изслѣдованія г. академика Бэра на Каспійскомъ морѣ; или въ жадности, за то, что не ввели у себя такой охранительной мѣры, которая приносила бы пользу

не имъ, а прочимъ каспійскимъ рыболовамъ,—мѣры, не могущей составлять предмета частнаго рыболовнаго хозяйства, хотя бы оно производилось въ столь обширныхъ размѣрахъ, какъ уральское,— а только хозяйства всего Каспійскаго моря, устройство котораго при настоящихъ условіяхъ можетъ зависѣть только отъ правительства. Не достоинство ли въ самомъ дѣлѣ — организація лова столь правильная и систематическая, что при ней самыми обыкновенными средствами достигаются результаты, превосходящіе все, до чего достигаютъ въ другихъ мѣстахъ орудіями болѣе усовершенствованными?

Второй разрядъ рыболовствъ—ловы неводные раздѣляются на обыкновенные и подледные; изъ значительныхъ рыболовствъ къ первымъ принадлежатъ: осеннее неводное, осеннее узенское и весеннее черхальское; ко вторымъ: зимнее неводное, зимнее черхальское и ловъ въ запорныхъ старицахъ.

На всѣхъ неводныхъ ловахъ, хотя бы они производились въ самомъ Уралѣ, дозволяется имѣть работниковъ изъ иногороднихъ: простымъ казакамъ и урядникамъ, по одному,—чиновникамъ же: оберъ-офицерамъ по два, а иногда по три, а штабъ-офицерамъ по три, а въ иныхъ рыболовствахъ по четыре.

Для примѣра обыкновенныхъ неводныхъ лововъ, мы возьмемъ— самое значительное изъ этихъ рыболовствъ: *осеннее неводное*. Оно начинается 10-ю и оканчивается 7-ю днями позже осенней плавни, и производится на небольшомъ пространствѣ по Уралу,верстъ на 20 выше Гурьева. Это, какъ бы вставка въ осеннюю плавню, учрежденная потому, что въ этомъ промежуткѣ Урала нѣтъ ятовей съ красною рыбою, черную же гораздо удобнѣе ловить неводами.

Не каждый казакъ имѣетъ свой собственный неводъ. Нѣкоторые имѣютъ одинъ, сообща имъ принадлежащій, другіе же пристаютъ къ хозяевамъ неводовъ, на извѣстныхъ, опредѣленныхъ уральскими рыболовными постановленіями, условіяхъ. Такимъ образомъ составляются неводныя артели. Всѣ неводныя артели расписываются *по пескамъ*, т. е. по отмелымъ мѣстамъ берега, на которыя удобно вытягивать невода. Этихъ песковъ здѣсь, на пространствѣ осенняго неводнаго лова, болѣе 20, и всѣ они имѣютъ свои названія. Партія, пришедъ на свой песокъ, мечетъ жеребьи о порядкѣ закидыванья неводовъ. Каждая артель, желая закинуть свой неводъ какъ можно большее число разъ, торопитъ свою предшественницу, и начальнику этого рыболовства строго предписано

слѣдить за безостановочнымъ ходомъ неводовъ, взыскивая съ тѣхъ, которые будутъ обличены въ умышленно-медленной тягѣ. Поэтому, для большей быстроты, употребляются на этомъ рыболовствѣ невода небольшіе и безъ такъ называемой мотни. Двое сутокъ (кромѣ ночей) тянутъ безостановочно, на третьи дѣлается отдыхъ для посола и дѣлежа рыбы, послѣ чего переметываютъ жребій, чтобы перемѣнить порядокъ тяги и тѣмъ, по возможности, для всѣхъ уравнить шансы улововъ.

Если рыба ускользнетъ отъ неводовъ, тянущихъ на одномъ пескѣ, она попадается въ руки партіи, рыбачущей на другомъ; если же пройдетъ чрезъ верхнюю или нижнюю грань всего пространства, на которомъ производится осенній неводной ловъ,—то или сдѣлается добычею плавичей, или останется на долю промышляющихъ зимнимъ неводнымъ ловомъ. Но на этомъ послѣднемъ рыболовствѣ, производимомъ отъ Гурьева до моря, по рукавамъ, развѣтвившагося съ этого городка, Урала, рыба, ускользнувшая въ верхъ или въ море, гдѣ въ то время не производится лова, по крайней мѣрѣ неводнаго, которымъ только и можно поймать много черной рыбы, совсѣмъ бы ушла изъ рукъ казаковъ.

Въ предупрежденіе этого, и по причинѣ медленности подледной тяги, дающей рыбѣ много средствъ укрыться отъ угрожающей ей опасности, на зимнемъ неводномъ рыболовствѣ перегораживаютъ каждый изъ 5 участковъ, на которые оно раздѣляется, по числу рукавовъ Урала, переставами на верхней и на нижней грани каждаго участка. Слѣдовательно, ловъ въ каждомъ участкѣ производится какъ бы въ сажалкѣ, и его вылавливали бы до послѣдней рыбки, если бы рыба, въ небольшомъ конечно числѣ, не могла спасаться, прижимаясь къ ярамъ. Всѣ рыбачущіе на немъ казаки росписываются по участкамъ, и въ каждомъ участкѣ по неводнымъ артелямъ. Такъ какъ каждый участокъ занимаетъ пространство въ нѣсколько верстъ, то всѣ невода тянутся разомъ, а не по очереди. Здѣсь каждая тяга продолжается трое сутокъ денно и ночно; послѣ чего дѣлается дневка для дѣлежа добычи.

Зимній черхальскій ловъ замѣчателенъ огромными размѣрами употребляемыхъ на немъ неводовъ, которые, имѣя 5 сажень ширины, доходятъ до $2^1/_2$ верстъ длины. Изъ 12 неводовъ, бывшихъ на этомъ озерѣ въ 1852 году, самый большій имѣлъ 1,600, а самый меньшій 1,000 маховыхъ сажень длины. Такіе невода закидываются съ середины озера, верстахъ въ 7 отъ берега, къ ко-

торому тянутся лошадьми, припряженными къ воротамъ. Въ трое сутокъ едва успѣваютъ вытягивать одинъ неводъ. — Тяга можетъ быть успѣшною лишь тамъ, гдѣ ледъ сталъ на озерѣ гладко. Весьма любопытно какъ поступаютъ при этомъ казаки: чтобы уровнять выгоды лова, сдѣлать выгоды лова для всѣхъ одинаковыми, они измѣряютъ веревками вокругъ всего озера тѣ мѣста берега, противъ которыхъ ледъ гладокъ, и всѣ эти удобныя мѣста дѣлятъ такъ, чтобы на каждыя 100 саженъ совокупной длины всѣхъ неводовъ приходилось по участку ровной длины, и мечутъ жеребій о мѣстахъ для каждаго невода.

Наконецъ надо упомянуть и о запорныхъ ловахъ, потому что они представляютъ единственное исключеніе изъ правила, что всѣ воды, принадлежащія Уральцамъ, составляютъ нераздѣльную собственность всего войска. — Во время разлива Урала, пока вода не начала еще сбывать, по всему заливному пространству имѣетъ право ловить всякій, участвующій въ главномъ или въ заднемъ севрюжьемъ плавномъ рыболовствѣ; въ это время еще нельзя дѣлать никакихъ запоровъ. Полоусыя старицы также всегда остаются свободными отъ всякихъ запоровъ, и вылавливаются одновременно съ главною трубою Урала. Только тѣ старицы и вообще всякаго названія водовмѣстилища, которыя имѣютъ одно соединеніе съ Ураломъ, могутъ быть запираемы съ разрѣшенія Войсковой Канцеляріи съ того времени, какъ полая вода пойдетъ на убыль, дабы зашедшая туда рыба не ушла обратно въ Уралъ. Эти послѣднія раздѣляются на два разряда: одни составляютъ общую собственность всего войска,—это по большей части старицы, недавно перешедшія, пересыханіемъ одного изъ устьевъ, изъ полоусыхъ въ запорныя; другія же составляютъ частную собственность одного или нѣсколькихъ форпостовъ, въ дачахъ которыхъ они находятся.—Свободныя запорныя старицы могутъ запирать, а слѣдовательно и ловить въ нихъ, всѣ желающіе; принадлежащіе же къ нѣкоторымъ форпостамъ могутъ запирать лишь казаки этихъ форпостовъ. Если эти послѣднія остаются незапертыми, то казаки каждаго форпоста ловятъ въ участкѣ, лежащемъ въ его дачахъ; если же казаки только одного изъ форпостовъ, которымъ съобща принадлежитъ старица, запрутъ ее, то одни они и могутъ ловить въ ней.

Весною, желающіе запирать старицы подаютъ прошеніе въ Войсковую Канцелярію, а она извѣщаетъ объ этомъ начальниковъ

тѣхъ форпостовъ, въ дачахъ которыхъ эти старицы находятся, для объявленія всѣмъ жителямъ ихъ, чтобы желающіе участвовать въ предстоящемъ зимнемъ ловѣ записывались не позже окончанія севрюжьей плавни.

Всѣ расходы на запоры должны быть дѣлаемы съ вѣдома форпостныхъ начальниковъ, дабы устроивающіе не могли потомъ объявить ихъ стоющими дороже дѣйствительнаго.

Способы раздѣла добычи на неводныхъ ловахъ чрезвычайно разнообразны, и лучше всего высказываютъ духъ справедливости, господствующій въ уральскомъ рыболовномъ законодательствѣ; но мы отложимъ ихъ изложеніе до того мѣста, гдѣ будемъ говорить о распредѣленіи улова между казаками на всѣхъ рыболовствахъ, а теперь будемъ продолжать говорить о различныхъ способахъ добыванія рыбы.

Багренье, составляющее исключительную особенность уральскаго рыболовства, производится, подобно плавнямъ, по рубежамъ, и ежедневно начинается по данному сигналу.

Все пространство ятови, рѣдко болѣе версты длиною и въ 50 сажень шириною, въ нѣсколько минутъ изрѣшетятъ прорубями (около 1/2 аршина въ діаметрѣ). Каждый казакъ, а ихъ бываетъ до 7,000 и болѣе человѣкъ, спускаетъ въ прорубь багоръ, иногда сажень въ 10 длиною, у конца котораго навязаны гири, чтобы его не относило водою и чтобы багоръ всегда оставался въ вертикальномъ положеніи, и слегка двигаетъ имъ съ верху въ низъ. Рыба сама попадаетъ на багры, которыми не колютъ, а подцѣпляютъ ее. Такой ловъ, очевидно, возможенъ только при большомъ скопленіи рыбы въ одномъ мѣстѣ, какъ это бываетъ на ятовяхъ, и при большомъ числѣ ловцовъ, такъ чтобы при малѣйшемъ движеніи ей почти нельзя бы было не попасть на этотъ или на другой багоръ. Разбагривъ одну ятовь, отправляются на слѣдующую, но уже берегомъ съ своими санями, и такъ до конца рубежа, гдѣ, между тѣмъ, передъ началомъ лова разставляютъ поперегъ всего Урала переставы изъ сѣтей, чтобы рыба, ускользнувшая отъ багровъ, въ нихъ попадала. И на багреньи, казаки, вѣрные своему обычаю, соединяются въ артели отъ 6 до 15 человѣкъ, какъ для взаимной помощи при ловѣ, когда напримѣръ посчастливится подцѣпить бѣлугу или осетра въ нѣсколько пудовъ, такъ и для

удачнѣйшая частію улова, ибо артели пойманное или по большей части дѣлятъ поровну между своими членами, но это не обязательно.

Багренье составляетъ любимый промыселъ Уральцевъ, какъ по воспоминаніямъ прежняго, когда случалось вытаскивать изъ одной проруби до 40 рыбъ, такъ и по доступности его, даже и для самыхъ бѣдныхъ, ибо онъ не требуетъ ничего, кромѣ багра, саней и нѣсколько-дневнаго запаса овса для лошади; главное же, потому, что тутъ, болѣе чѣмъ на всякомъ другомъ рыболовствѣ, играютъ роль счастье и случай. Это своего рода лотерея, въ которой счастливому удается иногда въ четверть часа получить до сотни рублей.

Раздѣленіе багренья на большое и малое, изъ которыхъ первое продолжается обыкновенно 5 дней, а второе 8, съ промежуткомъ 10 дней между ними, существуетъ единственно въ уваженіе трудности поднять нужное на все время количество хлѣба и овса. Что касается до презентнаго багренья, продолжающагося всего одинъ день и производящагося на одной, или, въ случаѣ малаго улова, на нѣсколькихъ ближайшихъ къ Уральску ятовяхъ, для доставленія рыбы и икры къ Высочайшему двору, то это старинный обычай, ведущій свое начало съ первыхъ временъ заселенія казаками Урала, какъ бы въ знакъ ихъ подданства московскому царю.

Къ послѣднему разряду рыболовствъ,—производимому плавными сѣтьми, принадлежатъ только морскіе ловы: два курхайскихъ, весенній и осенній, и подледный аханный.

Такъ какъ ловъ въ морѣ противъ устьевъ Урала строго запрещенъ, какъ могущій препятствовать входу рыбы въ рѣку; то для производства морскихъ рыболовствъ назначаются грани, такъ называемыя бакенныя линіи, справа и слѣва уральскихъ устьевъ, означаемыя кольями, а на большой глубинѣ пловучими знаками—бакенами. Между этими линіями остается заповѣдное пространство верстъ въ 70 или 80 шириною. На аханномъ ловѣ эти линіи между собою сближаются и заповѣдное пространство съуживается. Кромѣ этихъ двухъ линій проводится еще третья вдоль западной границы уральскихъ морскихъ водъ.

Эти три линіи составляютъ три участка, на которыхъ росписываются казаки, желающіе участвовать въ курхайскихъ ловахъ. Вдоль этихъ линій выставляются ставныя сѣти въ три ряда, обра-

зующія какъ бы три параллельныя стѣны, впрочемъ не сплошныя, ибо между каждыми двумя сѣтьми остается промежутокъ, приблизительно въ сажень. Сама же ставная курхайская сѣть имѣетъ отъ 10 до 12 сажень въ длину, и отъ 2 до $2^1/_2$ аршинъ въ ширину. Онѣ прикрѣпляются ко дну кольями. Число сѣтей, которое казакъ имѣетъ право выставить, различно по чинамъ, и по тому, служащій онъ или отставной, и измѣняется отъ 9 до 48 (т. е. отъ 3 до 16 въ линію). Самое большое число сѣтей, именно 80, имѣютъ право выставлять рыболовные атаманы—т. е. начальники участковъ,—помощники же ихъ 40.

Росписавшись по участкамъ, казаки соединяются въ артели. Число лицъ, составляющихъ артель, ограничено, такъ, чтобы въ совокупности они имѣли право на выставку не болѣе 100 сѣтей, или, чтó тоже самое, занимали бы не болѣе 450 сажень въ линію. Такъ какъ не всѣ мѣста равно уловисты, то мечутъ жеребьи для размѣщенія артелей, которыя и выставляютъ свои сѣти въ порядкѣ доставшихся имъ нумеровъ. Жеребьи называются полными, если достанутся полнымъ артелямъ, т. е. имѣющимъ право на выставку 100 сѣтей, неполными, если достанутся меньшимъ артелямъ, и одиночными, если ихъ получатъ казаки, не приписавшіеся ни къ какой артели, чтó впрочемъ весьма рѣдко случается. Отъ этого жеребьеваго порядка освобождены лишь начальники участковъ и ихъ помощники, которые выбираютъ себѣ мѣста по желанію. Мѣста эти конечно самыя лучшія и такъ постоянны, что составляютъ какъ бы живыя урочища, слывущія между казаками подъ именемъ *атаманскихъ мѣстъ*. Вообще же, хорошими мѣстами считаются ближайшія къ берегу, — какъ по большему улову, такъ и потому, что для лова на малой глубинѣ не нужно имѣть дорого-стоющихъ, большихъ и исправныхъ лодокъ. Можетъ случиться, что артелямъ, получившимъ послѣдніе нумера, недостанетъ уже мѣста въ бакенныхъ линіяхъ; тогда они идутъ на такъ называемыя вольныя воды, т. е. въ пространства сзади бакенныхъ линій. (Линія вдоль западной границы уральскихъ владѣній, по невыгодности въ ней лова, въ послѣдніе годы не выбивалась и причислялась къ вольнымъ водамъ). Туда же идутъ и получившіе мѣста на бакенныхъ линіяхъ, но уже на большой глубинѣ, для лова на которой не имѣютъ пригодныхъ лодокъ. Наконецъ въ вольныхъ водахъ ловятъ и получившіе хорошія мѣста въ бакенныхъ линіяхъ, но имѣющіе много лишнихъ сѣтей и ло-

довъ, которыя желаютъ употребить въ дѣло: ибо въ этихъ водахъ число выставляемыхъ сѣтей и направленіе ихъ совершенно произвольны, — и на курхайскихъ ловахъ число работниковъ, даже изъ иногороднихъ, не ограничено.

Повидимому, и на этомъ рыболовствѣ все очень хорошо устроено, но, вникнувъ въ дѣло, откроется, что оно представляетъ обширнѣйшее поле для злоупотребленій и что интересы большинства тутъ принесены въ жертву немногимъ богатымъ казакамъ.

1) Участные начальники выставляютъ въ нѣсколько разъ большее число сѣтей, чѣмъ то, на которое имѣютъ право. На багреньи и на осенней плавнѣ такихъ злоупотребленій не замѣчается, потому что по самому устройству этихъ рыболовствъ они невозможны. Начальники ихъ пользуются только рыбою, попадающею въ переставы или ряды крючьевъ, разставленныхъ у нижняго рубежа, какъ это имъ дозволено, и больше ничѣмъ.

2) Артели, составляемыя казаками, бываютъ двухъ родовъ: одни истинно-товарищескія въ видахъ взаимной выгоды своихъ членовъ, какъ напримѣръ потому, что нѣсколько казаковъ имѣютъ одну общую морскую лодку и т. п. Другія же суть, такъ сказать, артели номинальныя, составляемыя богатыми казаками, чтобы, подъ видомъ ихъ, занять своими собственными сѣтьми какъ можно бóльшее пространство вдоль бакеновъ. Они нанимаютъ себѣ бѣдныхъ казаковъ въ работники, составляя съ ними какъ бы товарищество, въ которомъ однако, въ сущности, одинъ полновластный хозяинъ, прочіе же получаютъ не долю изъ добычи, а уговорную плату; или они скупаютъ у казаковъ, имѣющихъ право участвовать въ ловѣ, но не желающихъ этого, или неимѣющихъ на это средствъ, довѣренности, которыми они имъ поручаютъ ловить на себя.

О размѣрахъ, въ которыхъ производился этотъ ловъ по довѣренностямъ, можно судить изъ слѣдующаго примѣра: въ 1849 году въ 1 участкѣ весенняго Курхая на 325 дѣйствительно участвовавшихъ казаковъ было 265 учавствовавшихъ по довѣренностямъ и передавшихъ, такимъ образомъ, въ руки немногихъ богатыхъ по крайней мѣрѣ 1,590 сѣтей, или болѣе 14 верстъ пространства вдоль бакенной линіи.

На это можно возразить: что за бѣда, если богатые нанимаютъ бѣдныхъ въ работники? Бѣда въ томъ, — что значитъ, бѣдные поставлены по устройству этого рыболовства въ такое положеніе,

что не имѣютъ возможности иначе пользоваться своимъ общиннымъ достояніемъ, какъ въ видѣ заработной платы, чего не бываетъ, какъ мы видѣли и скоро еще подробнѣе увидимъ, ни на одномъ изъ прочихъ рыболовствъ.

3) Богатый казакъ, хозяинъ многихъ номинальныхъ артелей, имѣетъ много шансовъ получить одинъ или нѣсколько хорошихъ нумеровъ; получивъ ихъ, онъ приписываетъ на нихъ полные жеребья и переводитъ своихъ довѣрителей или работниковъ, тогда какъ, по правилу, артели должны имѣть опредѣленный составъ еще до метанія жеребьевъ. Понятно, что этимъ отнимается много хорошаго мѣста у прочихъ.

4) Ресурсъ вольныхъ водъ какъ бы вовсе не существуетъ для бѣдныхъ, которые въ немъ наиболѣе нуждаются, ибо, получивъ жеребья на глуби, поневолѣ должны туда отправляться. Такъ какъ рыба въ этихъ водахъ не идетъ столь густо, какъ у бакенныхъ линій, то въ нихъ выгодно ловить выставляя лишь длинный рядъ сѣтей, число которыхъ здѣсь не ограничено, на что бѣдные не имѣютъ средствъ. Къ тому же, богатые, имѣя большія лодки, могутъ своими сѣтными порядками перехватывать рыбу на пути къ прибрежью, такъ что рыбачущимъ на небольшихъ лодкахъ приходится ловить въ пространствѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ рядами ставныхъ сѣтей. Это всего очевиднѣе доказывается слѣдующимъ примѣромъ: въ теченіи 5 лѣтъ, и въ тѣхъ участкахъ, за которые у меня есть всѣ нужныя для подобныхъ выводовъ данныя, ловили въ вольныхъ водахъ 31 казакъ, выставляя каждый по 518 сѣтей. — Въ 1848 году въ ловѣ по бакенамъ лѣвой стороны участвовало 177 казаковъ. Они получили кругомъ на человѣка по 2 штуки толстой красной рыбы (т. е. бѣлуги, осетра или шипа), по 19 севрюгъ и почти по 30 ф. икры; тогда какъ въ вольныхъ водахъ 17 казаковъ добывали кругомъ почти по 13 шт. толстой красной рыбы, по 132 севрюги и по $4^1/_2$ пуда икры, несмотря на то, что уловъ, приходящійся на каждую сѣть, былъ вдвое менѣе, чѣмъ по бакенамъ.

Прибавимъ къ этому, что, хотя курхайскія рыболовства значительно увеличиваютъ общую массу годичныхъ улововъ рыбы, они однако значительно уменьшаютъ собственно рѣчные ловы, ибо въ сѣти курхайщиковъ попадаетъ много рыбы, которая безъ этого вошла бы въ Уралъ, гдѣ рыболовство въ равной степени доступно каждому.

Изъ всего сказаннаго, конечно, не слѣдуетъ желать уничтоженія курхайскихъ лововъ. Ихъ нужно только устроить на основаніяхъ болѣе справедливыхъ и болѣе согласныхъ съ характеромъ общиннаго владѣнія водами, примѣняясь по возможности къ правиламъ, установленнымъ для разныхъ видовъ рыболовства рѣчнаго.—Здѣсь будетъ не у мѣста проектъ такого улучшенія;—не у мѣста можетъ быть и самъ длинный обвинительный актъ противъ Курхая; но я рѣшился на него потому, что онъ всего ближе ведетъ къ моей цѣли — показать разницу, существующую между ловами, учрежденіе которыхъ относится ко времени, когда всѣ правила устанавливались и развивались чисто обычнымъ путемъ, на основаніи коренныхъ, всѣми раздѣляемыхъ понятій о пользованіи общественною собственностію, сообразно выгодамъ большинства, отъ лововъ, возникшихъ недавно, но по своей сущности требовавшихъ новыхъ постановленій, которыхъ нельзя было скалкировать съ болѣе древнихъ лововъ.

При этомъ я долженъ добавить, что по моему искреннему убѣжденію, при установленіи правилъ Курхая, не имѣлось въ виду намѣренно покровительствовать немногимъ богатымъ на счетъ большинства. Это сдѣлалось невольно, само собою, вслѣдствіе измѣненій въ самомъ способѣ казацкаго рыболовнаго законодательства.

Другой видъ морскаго рыболовства—есть подледный ловъ аханами,—тоже ставными или, правильнѣе, висячими сѣтями, ибо они висятъ въ водѣ длинными порядками на перекладинахъ, опирающихся на края прорубей. Для него существуютъ почти тѣ же постановленія, какъ и для Курхаевъ, и между тѣмъ оно не представляетъ ни одного изъ ихъ неудобствъ. 1) Оно нисколько не вредитъ рѣчнымъ ловамъ, потому что въ январѣ и въ февралѣ, когда оно производится, рыбѣ еще рано подниматься въ рѣки. 2) Бакенныя линіи не имѣютъ тутъ никакого значенія, ибо выгодный ловъ начинается за 4-хъ саженною глубиною, преимущественной же на 6-ти и 7-ми саженной, гдѣ каждому полный просторъ къ выставкѣ желаемаго числа сѣтей. 3) Для этого рыболовства нужны только сани, лошадь, нѣсколько десятковъ ахановъ, самыхъ дешевыхъ изо всѣхъ сѣтей, и запасъ овса для лошадей; а главное—привычка къ лишеніямъ, отважность и находчивость, капиталы, въ которыхъ Уральцы не имѣютъ недостатка. 4) Число рабочихъ тутъ ограничено соотвѣтственно чинамъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ, нельзя составлять большихъ номинальныхъ артелей, ибо, каждый, имѣя возможность ловить на себя, приставая къ дѣйствительнымъ товарищескимъ артелямъ, не пойдетъ въ работники изъ-за заработной платы. Какъ для верховыхъ казаковъ багренье, такъ для низовыхъ, и въ особенности для Гурьевцевъ, это любимое рыболовство, несмотря на грозящія на немъ опасности, можетъ быть даже по причинѣ этихъ самыхъ опасностей.

Въ концѣ декабря или съ января, отправляются казаки на саняхъ въ море, гдѣ проводятъ около двухъ мѣсяцевъ на льду, изрѣдка пріѣзжая въ Гурьевъ, для склада добычи и закупки продовольствія себѣ и лошадямъ. Хотя и среди зимы, случается, что льдины съ живущими и рыбачущими на нихъ казаками откалываются отъ сплошной массы прибрежнаго льда и носятся по морю, но опасности этого рода становятся значительными только съ приближеніемъ весны. По нѣскольку недѣль носятся тогда аханщики по морю, такъ что у нихъ выходятъ иногда съѣстные припасы. Тогда рѣжутъ лошадей, чтобы ихъ мясомъ прокормить по крайней мѣрѣ рабочихъ изъ Киргизъ, сами же рѣшаются его ѣсть только въ послѣдней крайности, считая нечистымъ.

Замѣтя, что льдина, носящая ихъ, подтаивая все болѣе и болѣе, грозитъ распасться, они надуваютъ лошадиныя шкуры, снятыя черезъ шею по отрѣзаніи головы, дѣлаютъ изъ нихъ бурдюки, прикрѣпляютъ ихъ къ своимъ санямъ, изъ оглобель дѣлаютъ весла, и на этихъ особаго рода судахъ предоставляютъ судьбу свою морю. Такимъ образомъ бѣдствующихъ аханщиковъ обыкновенно прибиваетъ къ какому либо берегу, или ихъ принимаютъ встрѣчные Астраханцы, идущіе на эмбинскій ловъ. Жизнь аханщиковъ на льду и опасности, которымъ они подвергаются, весьма живо и вѣрно описаны г. Желѣзновымъ въ статьѣ «Картины аханнаго рыболовства», помѣщенной въ 9 № Москвитянина за 1854 годъ. Я слышалъ изъ устъ самихъ бѣдствовавшихъ подтвержденіе часто изумляющихъ случаевъ, тамъ описанныхъ.

Если изъ всего доселѣ сказаннаго мы бы захотѣли опредѣлить характеристическую черту уральскаго рыбнаго хозяйства, относительно добыванія предлагаемаго природою богатства, то я полагаю, что мы могли бы опредѣлить ее такъ: достиженіе наивозможно большаго улова при наивозможно легчайшихъ средствахъ, и по возможности въ такое время года, когда добываемый продуктъ

имѣетъ наибóльшую цѣнность. Слѣдовательно, наивозможно полнѣйшее пользованіе дарами природы, то именно, чтò должно составлять стремленіе всякаго разумнаго хозяйства, если оно ограничивается пользованіемъ, предлагаемымъ природою, не заботясь о сбереженіи и увеличеніи ея производительныхъ силъ. Я надѣюсь, что мнѣ прежде удалось уже показать, почему эта забота вовсе не могла входить въ разсчеты и соображенія Уральцевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Уральцами приняты всѣ предосторожности, часто даже преувеличенныя, чтобы рыба находила въ Уралѣ, до поры до времени, полное приволье и совершенные тишину и покой. Въ морѣ же противъ устьевъ Урала существуетъ заповѣдное пространство, на которомъ никогда ея не ловятъ и гдѣ ей совершенно свободный ходъ. Однимъ словомъ, все сдѣлано, чтобы болѣе входило рыбы въ Уралъ, гдѣ поймать ее и легче, и дешевле, и доступнѣе каждому, чѣмъ въ морѣ. И дѣйствительно, все, чтò войдетъ въ него, вылавливается въ два срока почти до-чиста. Весною, когда медлить нельзя, она почти вся перехватывается на пути севрюжниками. Въ это время рыба, правда, дешева, да дѣлать нечего — лова отложить нельзя. Чтò не вошло въ рѣку, вылавливается по возможности въ морѣ, вправо и влѣво отъ ея устьевъ. Осенью и зимою Уралъ исподоволь, въ нѣсколько пріемовъ, вылавливается въ другой разъ; чтó осталось въ морѣ, попадаетъ въ аханы. Такимъ образомъ Уралъ составляетъ какъ бы громадный вентерь, крылья котораго—прибрежья моря и ряды сѣтей вдоль бакенныхъ линій. Чтó въ этотъ вентерь вошло, уже почти не возвращается, а составляетъ вѣрную добычу казаковъ. Уралъ въ отношеніи къ морю тоже, чтò запорная старица въ отношеніи къ нему. Весною, при большой водѣ, когда рыбѣ свободный входъ и выходъ, вылавливаютъ по старицамъ что могутъ; но какъ только спадаетъ вода и откроется возможность отрѣзать рыбѣ отступленіе, дѣлаютъ запоры. Такъ и въ Уралѣ, гдѣ мѣсто запоровъ занимаютъ строгое охраненіе его тишины и собственный инстинктъ рыбы. Все лѣто остается въ старицахъ, какъ и въ Уралѣ, рыба нетронутою и вылавливается зимою. И такъ, Уральцы вполнѣ достигаютъ цѣлей, которыя мы обозначили, какъ характеристическую черту ихъ рыбнаго хозяйства: 1) вылавливать наивозможно большее количество рыбы — два раза въ годъ вычерпывая почти всю рыбу изъ Урала; 2) вылавливать ее самыми легкими, дешевыми и каждому доступными средствами — покровительствуя

рѣчному лову охраненіемъ рѣчныхъ устьевъ; наконецъ 3) оставлять по возможности рыбу какъ бы въ садкѣ до того времени, когда она получитъ наибольшую цѣнность,—запрещая лѣтній ловъ.

Обратимся теперь ко второй точкѣ зрѣнія на устройство уральскаго рыбнаго хозяйства, на распредѣленіе добычи, получаемой отъ рыбныхъ промысловъ.

На рыболовствахъ плавныхъ, багренномъ и аханномъ, собственно нечего говорить о распредѣленіи добычи; тутъ всякій беретъ на свою долю, чтò поймаетъ. И для этихъ рыболовствъ это самый лучшій способъ, ибо на нихъ употребляютъ самыя дешевыя орудія лова: багоръ, бударка съ недорогою плавною сѣтью или ярыгою, или нѣсколько еще дешевѣйшихъ ахановъ, чтò все по своей цѣнѣ доступно самому бѣдному. Слѣдовательно, каждый и беретъ себѣ изъ предлагаемаго природою долю, соотвѣтствующую его отважности, искусству, неутомимости въ работѣ или счастію, а между тѣмъ личное стараніе поощрено, не убито какою-нибудь искусственною уравнительною комбинаціею, чтò весьма важно въ такихъ занятіяхъ, гдѣ каждое лицо можетъ составлять такъ сказать промышленную единицу, не имѣющую нужды въ посторонней помощи. Только тамъ, гдѣ элементъ счастія и случайности слишкомъ преобладаетъ, какъ напримѣръ въ багреньи, для ослабленія его введены артели, составляющія въ этомъ случаѣ, такъ сказать, примѣненіе начала среднихъ величинъ. Во всѣхъ этихъ рыболовствахъ, богатство имѣетъ весьма мало значенія, ибо въ названныхъ рѣчныхъ рыболовствахъ, всякое участіе рабочихъ не войсковаго сословія строго запрещено; на аханномъ ловѣ хотя и дозволено, но очень ограничено; наемъ же работниковъ изъ *казаковъ* на всѣ эти рыболовства затруднителенъ, ибо всякій изъ нихъ имѣетъ не только право, но и возможность участвовать въ нихъ самостоятельно. И опять, это совершенно разумно и законно, ибо на какомъ основаніи давало бы богатство право черпать большую долю изъ общаго достоянія, только потому, что оно существуетъ, хотя вовсе не содѣйствуетъ увеличенію добычи, да и нѣтъ нужды въ его содѣйствіи?

Совершенно другое дѣло—въ тѣхъ рыболовствахъ, гдѣ орудія лова стоятъ сравнительно дорого, такъ что не каждый можетъ ихъ имѣть. Тамъ справедливо, чтобы доставляющіе своими издержками всему войску средства къ лову, получили за это и бòльшую долю въ добычѣ. Таковы всѣ неводные ловы, ибо неводъ стоитъ

не дешево; на черхальскомъ зимнемъ ловѣ, напримѣръ, до 1.000 руб. сер. На этихъ рыболовствахъ, къ тому же, промышленная единица—не отдѣльное лицо, а неводьная артель; поэтому тутъ и совершенно иныя правила дѣлежа улововъ. Мы разсмотримъ главнѣйшія ихъ видоизмѣненія по различнымъ рыболовствамъ.

На *осеннемъ неводномъ ловѣ*, что̀ какимъ неводомъ вытянуто, то и принадлежитъ приписанной къ нему артели, тянувшей его, и раздѣляется по паямъ между ея членами. Хозяинъ получаетъ за свой неводъ пять паевъ, каждый изъ простыхъ казаковъ за работу по паю, слѣдовательно и хозяинъ, если онъ работалъ, какъ всегда бываетъ. Офицеры, лично участвующіе въ тягѣ, получаютъ: оберъ-офицеры по два, штабъ-офицеры по три пая. Наконецъ, на каждаго иногороднаго работника также полагается по паю, который получаетъ за него, нанимавшій его, хозяинъ. Вообще, на всѣхъ неводныхъ ловахъ офицеры имѣютъ значительныя преимущества, получая лишніе паи за личное участіе, и за иногородныхъ работниковъ, которыхъ могутъ нанимать въ большемъ числѣ, чѣмъ простые казаки. Это постановленіе совершенно справедливо, потому что офицеры, какъ мы видѣли, несутъ службу, не получая за нее денежнаго вознагражденія отъ войска. На осеннемъ неводномъ ловѣ существуетъ постановленіе, что неводная артель не можетъ состоять меньше, чѣмъ изъ шести человѣкъ— еще одна изъ тѣхъ тонкостей, о которыхъ я говорилъ. Причина тому слѣдующая. Такъ какъ никому не запрещается имѣть по нѣскольку неводовъ, что̀, при ограниченіи числа иногородныхъ работниковъ, не имѣетъ для прочихъ казаковъ никакихъ вредныхъ послѣдствій, ибо ихъ должны тянуть казаки же изъ паевъ; то такому хозяину нѣсколькихъ неводовъ, которые должны тянуться послѣдовательно, въ порядкѣ доставшихся имъ жеребьевъ, а не вдругъ, весьма выгодно имѣть какъ можно меньше приписныхъ изъ паевъ казаковъ къ каждому неводу; а симъ послѣднимъ выгодно быть товарищами у такого хозяина, получая паи съ каждой тяги, даже съ нѣкоторою уступкою въ пользу его изъ своей доли. Это было бы, однако же, невыгодно для большинства, такъ какъ многіе черезъ это вовсе не могли бы участвовать въ ловѣ.

Правило, что каждая неводная артель беретъ то, что̀ сама наловила, не имѣетъ на этомъ рыболовствѣ никакихъ неудобствъ, потому что всѣмъ полная свобода приписываться къ какому угодно песку, черезъ что на болѣе уловистый приписывается больше

артелей, и каждой приходится рѣже тянуть и наоборотъ; къ тому же, жеребьевый порядокъ измѣняется послѣ каждой дневки.

На зимнемъ неводномъ ловѣ дѣлежъ добычи совершенно иной. Здѣсь ловъ въ каждомъ участкѣ производится сообща, т. е. каждый неводъ ловитъ не на себя, а складываютъ весь уловъ въ общія кучи, называемыя *урсами*. Такъ какъ здѣсь ловъ идетъ всѣми неводами вдругъ въ запертомъ пространствѣ, куда рыба изъ другихъ участковъ зайти не можетъ, то неводъ, получившій невыгодное мѣсто, былъ бы въ большомъ убыткѣ передъ другими. Дѣлежъ урсовъ по паямъ отличается лишь тѣмъ, что хозяева неводовъ получаютъ здѣсь по шести паевъ, вмѣсто пяти, потому что зимніе невода стоютъ дороже осеннихъ; офицерамъ лично участвующимъ полагается здѣсь безъ различія чиновъ по два пая. На неводъ не должно быть приписано менѣе 14 человѣкъ.

На весеннемъ Черхальскомъ ловѣ, производимомъ лишь на небольшомъ пространствѣ озера, не болѣе какъ верстъ на 15 по берегу, пойманная рыба сейчасъ же солится, и черезъ нѣсколько дней тяги свозится въ одно мѣсто и раздѣляется на равныя кучи по числу тянувшихся неводовъ. Такъ какъ ихъ однако совершенно уравнять нельзя, то одинъ изъ казаковъ отбираетъ у хозяевъ артелей шапки и, перемѣшавъ ихъ, кладетъ по шапкѣ на каждую кучу,—чья шапка, того и куча. Каждая же куча дѣлится по паямъ, такъ что за каждыя 100 саженъ невода получаетъ хозяинъ пять паевъ. Прочія правила дѣлежа тѣ же, чтó и на зимнемъ неводномъ. При этомъ надо замѣтить, что, какъ невода, здѣсь употребляемые, очень длинны, то принадлежатъ обыкновенно нѣсколькимъ хозяевамъ, и приходящіеся имъ на долю паи распредѣляются въ пропорціи пяти паевъ на 100 саженъ. Это еще въ большей степени относится къ зимнему Черхальскому лову.

На этомъ послѣднемъ дѣлежъ происходитъ отдѣльно въ каждой неводной артели, ибо по обширности пространства, занимаемаго промышленниками вокругъ всего озера, было бы затруднительно соединять уловъ въ одну кучу. Здѣсь на каждыя 100 саженъ длины и пять саженъ ширины невода полагается хозяевамъ по шести паевъ, на части же меньшія—по разсчету, потому что зимою невода подвергаются большой опасности зацѣпиться за льдины и оборваться. Прочія правила тѣ же, чтó и на зимнемъ неводномъ. Казаки расписываются по неводамъ такъ, чтобы приблизительно на одинаковую длину невода пришлось ихъ по ровну.

На узеняхъ, гдѣ, по различному свойству рѣчекъ и озеръ, употребляются и невода различной длины и ширины, вознагражденіе хозяевъ ихъ предоставлено взаимному соглашенію между членами артелей.

Запорные ловы представляютъ слѣдующія замѣчательныя особенности: передъ началомъ лова запорщики объявляютъ о своихъ расходахъ на устройство запоровъ и окарауливаніе водъ, и получаютъ немедленно приходящуюся имъ за то сумму со всѣхъ участниковъ въ ловѣ по уравнительной раскладкѣ, т. е. не по числу лицъ, а по числу паевъ, на которые каждый имѣетъ право лично, за рабочихъ и за невода. Такимъ образомъ, если бы въ запорной старицѣ и вовсе не оказалось рыбы, то запорщики все же получаютъ обратно свои издержки, и потому, казаки, имѣющіе денежныя средства, ничѣмъ не рискуя, не удерживаются страхомъ убытка отъ устройства запоровъ, и безбоязненно могутъ, такъ сказать, ссужать войско на расходы для общеполезной цѣли. Впрочемъ, иногда запорщики, предвидя хорошій уловъ, сами отступаютъ отъ этихъ правилъ, требуя лишь извѣстнаго числа паевъ въ вознагражденіе за свои издержки. При дѣлежѣ полагается хозяевамъ неводовъ по 5 паевъ, прочимъ же—какъ при зимнемъ неводномъ. Въ каждой старицѣ не дозволяется тянуть болѣе чѣмъ 4-мя неводами, дабы излишнимъ числомъ неводовъ, противъ дѣйствительной въ нихъ потребности, не увеличить чрезъ мѣру числа паевъ, приходящихся на невода, въ ущербъ прочимъ казакамъ-работникамъ.

Такимъ образомъ, при всѣхъ неводныхъ ловахъ, полагается извѣстное число паевъ, сверхъ приходящихся каждому за его трудъ при тягѣ, въ вознагражденіе тому, кто сдѣлалъ полезныя для всѣхъ издержки на неводъ. Однако приняты мѣры, чтобы вознагражденіе это не было слишкомъ стѣснительно для большинства.

Опредѣленіе наибольшаго числа неводовъ, при ловѣ въ запорныхъ старицахъ, или назначеніе наименьшаго числа рабочихъ при неводѣ, на осеннемъ неводномъ и другихъ ловахъ,—полагаютъ границу числу или величинѣ паевъ, приходящихся на долю хозяевъ неводовъ, съ тѣмъ, чтобы паи эти могли доставаться большему числу казаковъ-работниковъ, участвующихъ въ ловѣ однимъ своимъ трудомъ. Такимъ образомъ, богатство допускается здѣсь къ пользованію изъ общественнаго источника лишь по мѣрѣ той поль-

зы, которую оно приноситъ цѣлому казацкому сословію, общему и нераздѣльному владѣльцу всѣхъ уральскихъ водъ. Непримѣненіе этого принципа къ курхайскимъ ловамъ, гдѣ всякій можетъ брать изъ общаго достоянія сколько дозволяютъ его денежныя средства, какъ бы изъ своей частной собственности, нисколько, или почти не прилагая ихъ къ выгодамъ общимъ, дѣлаетъ изъ этихъ рыболовствъ совершенное исключеніе изъ общаго экономическаго устройства уральскаго рыбнаго хозяйства. Несмотря на это единственное исключеніе, кажется мнѣ, что я въ правѣ буду однако сказать, что характеристическую черту этого хозяйства, относительно распредѣленія улововъ, все-таки составляетъ возможно-равномѣрное пользованіе выгодами рыболовства всѣми казаками, съ отдачею нѣкоторыхъ преимуществъ тѣмъ, которые несутъ государственную службу; и что равномѣрность эта достигается различными способами, смотря по различію въ самыхъ способахъ производства рыболовствъ, не полагая на всѣхъ стѣснительнаго уровня, но давая просторъ личнымъ усиліямъ каждаго.

Хотя мы далеко еще не исчерпали нашего предмета, я полагаю, однако же, что сказаннаго довольно, чтобы составить себѣ довольно опредѣленное и ясное понятіе объ общинномъ уральскомъ хозяйствѣ, признать его самобытность и несомнѣнныя экономическія достоинства. Въ заключеніе представимъ нѣсколько статистическихъ фактовъ, которые намъ покажутъ степень значительности уральской рыбной промышленности.

Въ пятидесятыхъ годахъ, изъ уральскихъ водъ добывалось, или, правильнѣе сказать, доставлялось торговлѣ, ибо количество рыбы, потребляемое на мѣстѣ, неизвѣстно, до 140.000 пудовъ красной рыбы, отъ 800.000 до 900.000 пудовъ черной, около 14.500 пудовъ икры и до 300 пудовъ клею.

Въ послѣднее время, количество добываемой черной рыбы весьма усилилось, что̀ должно приписать бо̀льшему вниманію, обращенному на ловъ ея, вслѣдствіе сильнаго уменьшенія въ уловахъ красной рыбы, которые во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ доходили до 270.000 пудовъ рыбы и до 33.000 пудовъ икры въ годъ; за то черной рыбы ловилось тогда не болѣе, какъ отъ 500.000 до 600.000 пудовъ.

Общее число уральскаго населенія въ 1855 году состояло изъ 34.779 мужчинъ и 36.219 женщинъ. Но въ это число включены казаки станицъ Илецкихъ и Сакмарскихъ и Башкирскаго отдѣле-

нія, которые не имѣютъ права на участіе въ общественной уральской рыбной ловлѣ. Считая только пользующихся этимъ правомъ, будемъ имѣть для 1855 года 25.497 лицъ мужескаго пола. Въ 1847 году ихъ было 23.139. Изъ этого числа, дѣйствительно участвовало въ рыбной ловлѣ, хотя бы въ которомъ нибудь одномъ промыслѣ, отъ 6.589 человѣкъ въ 1854 году (когда война вызвала большое число казаковъ на дѣйствительную службу), до 13.168 человѣкъ въ 1852 году. Средняя цѣнность улова за трехлѣтіе отъ 1851 по 1853 годъ составляетъ около 1.150.000 руб. сер., доходившая въ 1852 году до 1.200.000.

Принимая въ разсчетъ возвышеніе цѣнъ въ послѣднее время, мы найдемъ, что цѣнность уловов въ послѣдніе годы не уменьшилась сравнительно съ цѣнностью ихъ 20 лѣтъ тому назадъ, ибо въ 1836 году она составляла 1.170.000 руб. сер. Но, такъ какъ народонаселеніе увеличилось съ тѣхъ поръ на цѣлую треть, то на долю каждаго казака приходится теперь меньшій доходъ, который въ трехлѣтіе отъ 1851 по 1853 составлялъ, однако же, на казака вообще 47 руб. 82 коп. сер., на дѣйствительно участвовавшаго въ ловѣ 115 руб. 64 коп. Доходъ весьма значительный, если примемъ во вниманіе, что онъ получается только съ избытка рыбы, поступающей въ продажу, не считая того, что̀ потребляется на мѣстѣ; что, кромѣ рыболовства, казаки получаютъ немаловажныя выгоды, одни отъ хлѣбопашества, другіе отъ обширнаго скотоводства, а нѣкоторые и отъ перепродажи скота, покупаемаго у Киргизъ; наконецъ, что расходы на рыболовство весьма незначительны, ибо каждый казакъ по большей части самъ и хозяинъ и работникъ. По самому щедрому разсчету, они составятъ не болѣе 175.000 р. сер. въ годъ, такъ что чистаго ходода отъ рыболовствъ въ пользу войска остается до 1.000.000 р. сер.,—не считая 46.800 руб., поступающихъ въ Войсковую Канцелярію. Изъ этихъ чиселъ видно, къ какой значительной отрасли промышленности примѣнено Уральцами самобытно ими выработанное начало общиннаго пользованія. Замѣчу еще, что начало это господствуетъ у нихъ и во всѣхъ прочихъ отрасляхъ ихъ экономической дѣятельности, въ сѣнокошеніи, въ пользованіи лугами и пастбищами и въ землопашествѣ, хотя конечно въ другихъ видахъ, чѣмъ для рыболовства. Но такъ какъ предметы эти не были мною спеціально изучены, то я не могу о нихъ говорить, и ограничиваюсь сказаннымъ о рыболовствѣ.

IV.

О МѢРАХЪ КЪ ОБЕЗПЕЧЕНІЮ НАРОДНАГО ПРОДОВОЛЬСТВІЯ НА КРАЙНЕМЪ СѢВЕРѢ РОССІИ.

1869.

Часто повторяющіеся на крайнемъ сѣверѣ Европейской Россіи неурожаи (на десятилѣтіе, среднимъ числомъ, приходится три неурожайныхъ года) и, въ особенности, полный неурожай 1867 года, заставили Министерство Внутреннихъ Дѣлъ обратить особенное вниманіе на обезпеченіе народнато продовольствія жителей сѣвера, и преимущественно Архангельской губерніи. Министерство не нашло возможнымъ остановиться въ этомъ отношеніи на мѣрахъ служащихъ къ обезпеченію народнаго продовольствія только во время голода, считая такія мѣры, при всей безотложной ихъ необходимости въ это время, только временными и палліативными, и рѣшилось идти далѣе, т. е. изслѣдовать коренныя условія экономическаго благосостоянія жителей крайняго сѣвера, и заботиться о развитіи этого благосостоянія въ той мѣрѣ, чтобы само населеніе не имѣло слишкомъ большой надобности въ непосредственной помощи государства на случай столь часто повторяющихся неурожаевъ.

Поставить жителей крайняго сѣвера Россіи въ такія условія представлялось Министерству тѣмъ болѣе возможнымъ, что, при климатическихъ условіяхъ Архангельской губерніи, жители ея занимаются не исключительно земледѣліемъ, а прибѣгаютъ для обезпеченія своего благосостоянія къ разнаго рода промысламъ, даю-

щимъ имъ возможность пріобрѣтать покупкою количество хлѣба, въ значительныхъ размѣрахъ недостающее для мѣстнаго потребленія даже и въ урожайные годы (количество хлѣба, недостающаго для мѣстнаго потребленія Архангельской губерніи, простирается въ обыкновенные годы до 1.000.000 пуд. въ годъ, а въ неурожайные—можетъ возрасти до 1.800.000 пуд.). Такимъ образомъ, обезпеченіе народнаго продовольствія Архангельской губерніи зависитъ не столько отъ урожая, сколько отъ соразмѣрности выгодъ, получаемыхъ жителями отъ промысловъ, съ цѣною привознаго хлѣба.

Вслѣдствіе сего, правительственная задача по отношенію къ жителямъ крайняго сѣвера Россіи заключается въ томъ, чтобы, изслѣдовавъ въ подробности экономическія условія края, съ одной стороны, устранить препятствія къ развитію всѣхъ тѣхъ промысловъ, которые нынѣ обезпечиваютъ благосостояніе жителей, и способствовать развитію тѣхъ, которые, будучи возможны по физическимъ условіямъ страны, находятся еще въ неразвитіи или упадкѣ, а съ другой стороны — удешевить цѣны на привозимый изъ болѣе хлѣбородныхъ мѣстностей хлѣбъ, безъ котораго крайній сѣверъ Россіи ни въ какомъ случаѣ обойтись не можетъ.

Имѣя въ виду выполненіе такой задачи, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ обратилось къ Министерству Государственныхъ Имуществъ, въ вѣдѣніи коего находятся не только лѣса и пустопорожнія земли Архангельской губерніи, но и къ предмету вѣдомства коего относятся заботы объ улучшеніи земледѣлія и рыболовства, и, по соглашеніи съ симъ Министерствомъ, былъ командированъ въ Архангельскую губернію служащій въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, инспекторъ сельскаго хозяйства и рыболовства, дѣйствительный статскій совѣтникъ Данилевскій, столь извѣстный своими изслѣдованіями о рыболовствѣ Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана. Задача, поставленная дѣйствительному статскому совѣтнику Данилевскому, заключалась въ опредѣленіи, при помощи мѣстныхъ властей и совершенныхъ уже по инціативѣ начальника губерніи мѣстныхъ изслѣдованій, нынѣшняго экономическаго положенія жителей Архангельской губерніи, и тѣхъ мѣръ, коими правительство можетъ содѣйствовать развитію мѣстныхъ промысловъ въ губерніи, обезпечивающихъ благосостояніе населенія, и уменьшенію цѣнъ на хлѣбъ, привозимый ежегодно въ губернію въ весьма значительныхъ размѣрахъ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Данилевскій возвратился

въ Петербургъ въ январѣ 1869 года, и представилъ нынѣ отчетъ свой гг. Министрамъ Государственныхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ. Такъ какъ отчетъ этотъ выясняетъ вопросъ объ экономическомъ положеніи жителей крайняго сѣвера Россіи со всѣхъ сторонъ, то „Правительственный Вѣстникъ" представляетъ извлеченіе изъ этого отчета, съ изложеніемъ различныхъ предположеній, какъ Данилевскаго, такъ и мѣстнаго начальства Архангельской губерніи, которыя въ непродолжительномъ времени предположено разсмотрѣть въ особой имѣющей для сего учредиться коммисіи.

Въ началѣ своего отчета, прежде нежели приступить къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ предметовъ, касающихся до народнаго хозяйства жителей Архангельской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Данилевскій старается установить нѣсколько общихъ точекъ зрѣнія на предметъ, и прежде всего отвѣчаетъ на вопросъ: должно ли считать Архангельскую губернію, по ея естественнымъ средствамъ, краемъ богатымъ или бѣднымъ? Поводомъ къ постановкѣ подобнаго вопроса служитъ то, что въ литературѣ нерѣдко встрѣчаются указанія на естественныя богатства края вообще, или нѣкоторыхъ частей его, которымъ недостаетъ только инниціативы правительства и частныхъ капиталистовъ или компаній для своего развитія, которое въ скоромъ времени обратило бы Архангельскую губернію въ одинъ изъ богатѣйшихъ краевъ нашего отечества. Нѣкоторые даже видятъ процвѣтаніе края въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошедшемъ, кто—въ прошедшемъ столѣтіи, кто—въ первой четверти настоящаго, кто—даже не далѣе какъ въ сороковыхъ годахъ; по мнѣнію же Данилевскаго, стоитъ только обратить вниманіе на медленное возрастаніе народонаселенія Архангельской губерніи, чтобы убѣдиться, что средства ея не могутъ быть велики. Уже болѣе 700 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ русская колонизація устремилась въ Двинскій и Поморскій край и все еще населеніе Архангельской губерніи не превышаетъ 270.000 душъ, между тѣмъ какъ позже начавшая заселяться и въ пять разъ меньшая по пространству, Вятская губернія достигла въ восемь разъ бо́льшаго населенія. Къ тому же заключенію придемъ, если обратимъ вниманіе на движеніе народонаселенія въ Архангельской губерніи за тѣ годы, когда уже стали вести до извѣстной степени аккуратный счетъ народонаселенію, какъ показываетъ слѣдующая табличка:

	Годы.	Число душъ.	Общая прибыль или убыль.	Средняя годичная прибыль или убыль.
По 4-й ревизіи	. 1782	183.627	— 111	— 8
„ 5-й „	. 1796	183.516	— 399	— 25
„ 6-й „	. 1812	183.117	— 6.114	—1.528
„ 7-й „	. 1816	177.003	+29.213	+1.623
„ 8-й „	. 1834	206.216	+19.585	+1.152
„ 9-й „	. 1851	225.801	+20.969	+2.867
„ 10-й „	. 1858	245.870	+ 7.130	+1.019
„ переписи 1865 *) около		253.000.		

Слѣдовательно. въ теченіе первыхъ 30 лѣтъ. населеніе стояло неподвижно; въ слѣдующіе четыре года убыло тысячъ на шесть и затѣмъ только стало медленно прибывать, именно—въ 50 лѣтъ на 76.000 или почти на 44%, между тѣмъ какъ, если бы население увеличивалось на 1% въ годъ, то въ 50 лѣтъ оно бы должно было увеличиться на 64% т. е. на 113.000.

Истинное значеніе богатствъ Архангельскаго края уясняется изъ сравненія цѣнностей главнѣйшихъ продуктовъ его между собою, и съ однородными продуктами другихъ мѣстностей Россіи. Рыба и лѣсъ—вотъ главныя произведенія Архангельскаго края. Ежегодные уловы—Мурманскій, Бѣломорскій и Печорскій составляютъ цѣнность не болѣе какъ въ 1.000.000 рублей, тогда какъ Астраханская губернія, которую, однако, все еще нельзя назвать богатымъ краемъ, доставляетъ рыбы не менѣе какъ на 10.000.000 руб. Цѣнность вывозимаго изъ Архангельска лѣса и лѣсныхъ продуктовъ не можетъ быть опредѣлена болѣе какъ въ 1.400.000 или 1.500.000 руб., но только половина этой цѣнности доставляется Архангельскою губерніею, какъ видно изъ слѣдующаго приблизительнаго разсчета. Въ послѣдніе годы вывозилось изъ Архангельскаго порта около 160.000 нормальныхъ дюжинъ досокъ (standart dozen), что, кладя по 5 рублей дюжину, не считая фрахта, даетъ

*) Собственно, наличное податное народонаселеніе по этой переписи составляло 243.218 душъ, но, такъ какъ, при ревизіяхъ, исчислялось не наличное, а приписное народонаселеніе, то для полученія чиселъ подлежащихъ сравненію, надо причислить къ наличному населенію 1865 года около 10.000 душъ, находившихся въ отлучкѣ по паспортамъ.

800.000 руб; но только менѣе половины этого количества доставляется Архангельскою губерніею, другая же,бо̀льшая половина идетъ изъ Вологодской губерніи. Изъ Онежскаго порта вывозится около 100.000 бревенъ т. е. на 300.000 или 350.000 руб., но изъ нихъ не болѣе 20.000 бревенъ изъ Архангельской губерніи, прочее же количество идетъ изъ Олонецкой и, частію, Вологодской губерніи, такъ что отпускаемый за границу строевой лѣсъ, вырубаемый въ предѣлахъ Архангельской губерніи, составляетъ цѣнность не выше 450.000 или 500.000 рублей. Произведенія смолокуренія не могутъ быть опредѣлены, въ настоящее время, выше 300.000 рублей, что̀ составитъ около 750.000 или 800.000 руб. Въ этой суммѣ заключается доходъ казны, плата рабочимъ, фабричныя издержки на пилку лѣса, проценты на капиталъ, и барыши предпринимателей и торговцевъ. И такъ, два главныя богатства Архангельскаго края доставляютъ не болѣе какъ на 1.750.000 или 1.800.000 руб. въ годъ. Между тѣмъ, хлѣбопашество Архангельской губерніи доставляетъ въ годъ хорошаго средняго урожая около 1.850.000 пудовъ хлѣба, какъ видно изъ слѣдующаго разсчета: въ 1867 году посѣяно яроваго до 57.303 четвертей, озимаго—до 14.613: принимая средній урожай въ самъ-пять для озимаго, самъ-четыре — для яроваго, и отсчитывая по одному зерну для посѣва, четверть же ржи считая въ 9, а ячменя—въ 7 пудовъ 30 фунтовъ—получимъ 1.332.000 пудовъ ячменя и 528.000 пудовъ ржи, итого 1.860.000 пудовъ хлѣба, могущаго идти на продовольствіе населенія. Принимая дешевую для Архангельской губерніи цѣну въ 80 коп. за пудъ, все же цѣнность хорошаго средняго годоваго урожая опредѣлится не менѣе какъ въ 1.500.000 руб. Слѣдовательно, хлѣбопашество Архангельской губерніи, которое по справедливости считается совершенно ничтожнымъ—ибо даже въ годы особенно урожайные, какъ напримѣръ настоящій 1868 годъ, оно не можетъ прокормить губерніи,—составляетъ тѣмъ не менѣе главную отрасль ея промышленности, цѣнность продуктовъ которой, въ годы средняго хорошаго урожая, доходитъ до $^6/_7$ цѣнности произведеній лѣсныхъ и рыбныхъ промысловъ, вмѣстѣ взятыхъ. Это значеніе хлѣбопашества возрастетъ еще болѣе, если принять во вниманіе, что доходъ отъ земледѣлія распредѣляется между лично занимающимися имъ, безъ всякаго участія постороннихъ лицъ, тогда какъ доходъ отъ лѣсныхъ промысловъ значительною долею остается въ рукахъ немногихъ владѣльцевъ лѣсопильныхъ заводовъ и загра-

ничныхъ отправителей; да и значительная часть дохода отъ рыболовства идетъ въ пользу хозяевъ морскихъ судовъ, лодокъ и снастей. Изъ прочихъ промышленностей Архангельскаго края, торговля Архангельскаго порта представляетъ собою цѣнность гораздо высшую, нежели земледѣліе, рыболовство и лѣсные промыслы, вмѣстѣ взятые; но не должно забывать, что значительное большинство предметовъ этой торговли суть произведенія Вятской и Вологодской губерній, и что, по этому, торговля ими, по отношенію, къ Архангельской губерніи, имѣетъ какъ бы транзитный характеръ. Прочія отрасли промышленности Архангельской губерніи, сравнительно съ торговлею, земледѣліемъ, рыболовными и лѣсными промыслами, должны быть названы ничтожными; такъ, напримѣръ: охота за бѣлкою и дичью, круглымъ числомъ, доставляетъ населенію не болѣе 100.000 руб. въ годъ, кожевенный промыселъ—около 65.000, канатный—до 45.000, солеваренный, въ настоящее время—менѣе 20.000 руб., хотя сей послѣдній можетъ быть еще значительно развитъ.

Если обратиться непосредственно къ естественнымъ условіямъ Архангельской губерніи, къ ея климату, почвѣ и произведеніямъ, то нельзя не прійти къ тому же результату, на который указываютъ слабое движеніе ея народонаселенія и сравнительный взглядъ на ея промыслы. Въ самомъ дѣлѣ, почва Архангельской губерніи, хотя и можетъ давать хорошіе урожаи, но не иначе какъ при усиленномъ удобреніи и самой тщательной обработкѣ, почему, въ короткій періодъ сѣвернаго лѣта, жителямъ нельзя обработывать значительнаго количества земли. Климатъ позволяетъ произрастать самымъ малоцѣннымъ хлѣбамъ—ржи и ячменю: ни ленъ, ни пенька, ни прочія мануфактурныя, ни маслянистыя, ни красильныя растенія, произрастать въ губерніи не могутъ. Самые рожь и ячмень часто побиваются морозами. Лѣсъ составляетъ дѣйствительно запасъ неистощимый, но хотя извлеченіе изъ него выгодъ можетъ быть значительно усилено, все же громаднѣйшая доля его останется на многіе и многіе годы мертвымъ капиталомъ, такъ что, при необозримости заросшихъ лѣсомъ пространствъ, онъ составляетъ теперь, и долго еще будетъ составлять, не богатство только, но и сильное препятствіе къ развитію культуры. Рыбные промыслы далеко не такъ богаты, какъ обыкновенно себѣ это представляютъ, и притомъ не многіе изъ нихъ подлежатъ дальнѣйшему развитію. Изъ рыбныхъ промысловъ значительно усилиться могутъ только:

1) сельдяной ловъ въ Кандалацкой губѣ, чрезъ введеніе лова ставными сѣтями, совмѣстно съ нынѣ исключительно употребляемыми неводами. При ставныхъ сѣтяхъ рыбаки будутъ въ состояніи сами отыскивать сельдей на глубинѣ, не ожидая непремѣнно прихода ихъ въ мелкія мѣста прибрежья, куда они не всегда приходятъ; 2) Мурманскій тресковый промыселъ, если произведеніямъ его будетъ открытъ болѣе обширный сбытъ въ Вятскую губернію, гдѣ онъ можетъ соперничать съ произведеніями Каспійскаго рыболовства. Море и соляные источники доставляютъ сами по себѣ неисчерпаемый источникъ соли, но соль, добываемая вываркою изъ этихъ разсоловъ, опять таки можетъ, при наибольшемъ развитіи солянаго промысла, удовлетворять только мѣстнымъ потребностямъ губерніи, ибо, по дальности провоза и относительной дороговизнѣ производства, Архангельская соль не можетъ вступить въ соперничество, внѣ предѣловъ губерніи, съ почти даровою солью, доставляемою соляными озерами Астраханской губерніи, и съ богатыми Пермскими соляными источниками.

Представленныхъ данныхъ достаточно для доказательства, что Архангельская губернія очень бѣдна естественными средствами, такъ что составляетъ едва ли не самую бѣдную губернію Европейской Россіи. Отсюда, разумѣется, не слѣдуетъ, что и населеніе Архангельской губерніи, по необходимости, по самой сущности вещей, должно быть непремѣнно бѣднымъ; отсюда слѣдуетъ только что естественныя богатства края, такъ сказать, розлиты весьма тонкимъ слоемъ по его поверхности, и что, слѣдовательно, для безбѣднаго существованія населенія, надо собирать ихъ съ бо̀льшаго пространства; а для этого необходимо предоставить населенію, по возможности, полную свободу пользованія естественными средствами края, ограничивая ее только существенно необходимымъ, для охраненія самаго источника богатства, а не общими отвлеченными началами, или требованіями единообразія и симметріи съ другими мѣстностями Россіи. То, что̀ своевременно, крайне полезно и необходимо въ средней Россіи — совершенно рановременно и вредно въ Архангельской губерніи, которая, по степени населенности и характеру разселенія жителей, слѣдующему теченію большихъ рѣкъ—Ваги, Двины, Пинеги, Онеги, Мезени и проч., соотвѣтствуетъ еще тому состоянію, въ которомъ находился бассейнъ Верхней Волги столѣтій семь тому назадъ. Свободное передвиженіе русскаго народа, бродачій характеръ его пріобрѣлъ

Россіи Двинскую область, Вятку, Пермь, и самую Сибирь. Когда свобода передвиженія была пріостановлена изъ за государственныхъ цѣлей, то закрѣпленіе это несомнѣнно принесло огромную пользу въ центральной части Россіи, но весьма было бы вредно, если бы оно могло было быть строго проведено и по отношенію къ ея окраинамъ. По счастію, оставалось два главныхъ пути, которыми Русскій народъ продолжалъ разселяться по привольнымъ степямъ восточной и южной Россіи: путь легальный—переселеніе крестьянъ помѣщиками, посредствомъ котораго преимущественно заселился Оренбурскій край, и путь незаконный—бродяжничества и бѣговъ, которымъ преимущественно заселилась Новороссія. Внутри Архангельской губерніи произошло также своего рода закрѣпленіе населенія, хотя, конечно, по совершенно инымъ побужденіямъ, и иными способами. Именно, съ одной стороны, ради полицейскаго благоустройства, былъ затрудненъ выходъ отдѣльныхъ лицъ изъ одной общины или волости и причисленіе въ другую; съ другой же, проведена рѣзкая граница между землею, находящеюся въ непосредственномъ пользованіи крестьянъ, и необозримымъ лѣснымъ моремъ—спеціальною собственностію казны, въ которой, слѣдовательно, крестьянинъ, безъ особаго разрѣшенія и извѣстной платы, не только не можетъ расчищать мѣстъ подъ пашни, луга и пастбища, но изъ которой не имѣетъ онъ права даже вырубить нужное ему бревно, жердь или охапку дровъ. Между тѣмъ, это право собственности казны надъ Архангельскимъ лѣснымъ моремъ, неоспоримое въ теоріи, въ дѣйствительности есть не болѣе, какъ юридическая фикція; единственнымъ же настоящемъ владѣльцемъ этого лѣса остаются разрушительныя силы природы: бури, пожары и тлѣніе, такъ какъ только они одни имѣютъ возможность потреблять этотъ лѣсъ. При такихъ условіяхъ, только два соображенія практическаго характера могли бы вынудить Правительство къ стѣсненію населенія въ пользованіи лѣсомъ, а именно, забота: 1) объ охраненіи лѣсовъ отъ истребленія, и 2) объ извлеченіи изъ лѣса государственныхъ доходовъ. Что̀ касается до охраненія лѣса, разумѣя въ дальнѣйшихъ соображеніяхъ собственно дровяной лѣсъ (ибо только въ немъ и могутъ имѣть крестьяне нужду въ сколько нибудь значительномъ количествѣ, какъ для подсѣкъ, такъ и для смолокуренія), то, при настоящей степени населенности Архангельской губерніи, лѣса эти никакими усиліями населенія неистребимы, и даже неуменьшимы

въ сколько нибудь чувствительной степени, а, слѣдовательно, и всякое охраненіе ихъ излишне. Что они неистребимы, это доказывается слѣдующимъ примѣрнымъ разсчетомъ, который, несмотря на то, что онъ примѣрный, имѣетъ совершенно такую же доказательную силу, какъ и основанный на самыхъ точнѣйшихъ измѣреніяхъ и вычисленіяхъ, потому что всѣ данныя его до крайности преувеличены въ сторону противную доказываемому здѣсь положенію.

Въ Архангельской губерніи считается, круглымъ числомъ, до 31.000.000 десятинъ лѣсу (за исключеніемъ тундръ, болотъ и вообще неудобной земли). Видѣвшій Архангельскіе дровяные лѣса (отъ 4 вершковъ въ діаметрѣ и ниже) согласится, что, принимая по одному дереву на квадратную сажень, густота Архангельскихъ лѣсовъ опредѣлится въ два или три раза ниже дѣйствительности, потому что, по бо̀льшей части, они составляютъ непролазную чащу. Но примемъ для круглаго счета только 2.000 деревьевъ на десятинѣ *). Съ другой стороны, мужское сельское населеніе Архангельской губерніи составляетъ 115.000 человѣкъ; изъ нихъ половина дѣтей, стариковъ, больныхъ. Изъ 57.000 взрослыхъ, отбросимъ хоть 7.000 на занимающихся постоянно рыболовствомъ, звѣриными промыслами, стрѣляніемъ пушныхъ звѣрей и птицъ, фабричными производствами, извозомъ, почтовою и обывательскою гоньбою, на живущихъ въ тундрѣ, какъ, напр. Пустозеровъ, однимъ словомъ на тѣхъ, которые не могутъ имѣть прикосновенія собственно къ лѣсу. Остающіеся 50.000 должны въ лѣтнее и осеннее время заниматься хлѣбопашествомъ, уборкою хлѣба и молотьбою. Откинувъ праздники, дни съ вьюгами и мятелью, получается не болѣе 150 дней въ году, которые могли бы быть посвящены этими пятидесятью тысячами на лѣсоистребленіе. Предположимъ, что въ эти 150 дней всѣ 50.000 рубятъ лѣсъ безъ жалости, безъ милосердія, даже безъ цѣли, а какъ одержимые какимъ-то лѣсоненавидѣніемъ, сильвофобіей. Такъ какъ бо̀льшая часть этихъ 150 дней падаетъ на зиму, съ ея короткими 4-хъ часовыми днями, то болѣе

*) По таксаціямъ, произведеннымъ въ Пинежскомъ уѣздѣ, на десятину приходится кругомъ около 26 куб. саж. дровъ; на кубическую же сажень идетъ около 150 деревьевъ въ 3 саж. вышиною и $2^1/_2$ вершка средняго діаметра, что составитъ 3.900 деревьевъ на десятину, т. е. почти вдвое больше, чѣмъ принято.

100 деревьевъ или 15.000 въ годъ, т. е. по нашему разсчету, $7\frac{1}{2}$ десятинъ человѣку не вырубить. При 30.000.000 десятинъ лѣсу на долю каждаго пришлось бы кругомъ по 600 десятинъ; такъ что и при этихъ нелѣпыхъ преувеличеніяхъ вырубалась бы въ годъ только $\frac{1}{80}$ часть лѣса; но лѣсъ до 3 или 4 вершковъ толщины, даже при медленномъ ростѣ его на сѣверѣ, все-таки выростаетъ въ 60 лѣтъ. Слѣдовательно, лѣсопотребители не могли бы справиться съ ежегоднымъ подростомъ, и лѣсъ выросталъ бы у нихъ, такъ сказать, подъ ногами, по мѣрѣ того, какъ они бы его рубили. Поэтому, истребить, или даже уменьшить въ чувствительномъ размѣрѣ, лѣса Архангельской губерніи, для теперешняго его населенія, дѣло неисполнимое—это все равно, что наполнить бочку Данаидъ. На это можно возразить, что во многихъ весьма лѣсистыхъ мѣстахъ лѣсъ былъ однако-же въ значительной степени истребленъ, какъ напримѣръ около металлическихъ заводовъ Пермской губерніи. Несмотря на то, что населеніе Пермской губерніи въ восемь разъ превосходитъ населеніе Архангельской, и что пространство Пермской губерніи въ $2\frac{1}{2}$ раза меньше, можно было бы принять въ уваженіе это возраженіе, если бы не особенность условій, въ которыхъ находятся лѣса этихъ двухъ губерній. Въ Пермской губерніи дровяной лѣсъ рубится для доставки его на заводы, которые не могутъ перемѣнить своего мѣста; слѣдовательно, неудивительно, что въ окрестностяхъ ихъ лѣсъ можетъ быть истребленъ; а подвозъ его издали слишкомъ увеличиваетъ его цѣнность. Напротивъ того, въ Архангельской губерніи лѣсъ можетъ быть рубимъ только съ двоякою цѣлью, или для подсѣкъ, или для смолокуренія; а для этихъ двухъ промысловъ лѣсъ не доставляется къ какому нибудь опредѣленному пункту, а желающій употребить его въ дѣло отправляется туда, гдѣ онъ растетъ въ изобиліи, и употребляетъ на мѣстѣ, въ первомъ случаѣ обращая тутъ же золу въ удобреніе, а во второмъ, доставляя къ мѣстамъ сбыта не лѣсъ, а смолу, которая отъ семи до десяти разъ меньше вѣсомъ и въ нѣсколько разъ цѣннѣе употребленныхъ для добыванія ея дровъ, а потому, при прочихъ благопріятныхъ условіяхъ, можетъ выдержать перевозку отвсюду, гдѣ по близости есть небольшая рѣчка, по которой въ весеннее время можно сплавить плотъ. Изъ этого слѣдуетъ, что рубка лѣса въ Архангельской губерніи не можетъ сосредоточиваться, въ значительныхъ размѣрахъ, въ окрестностяхъ одного какого-либо мѣста, а должна по необходимости распредѣляться,

съ нѣкоторою равномѣрностью, по всему необозримому лѣсному пространству.

Невозможность истребленія лѣса наличными силами населенія, ни въ Архангельской губерніи вообще, ниже въ какомъ-либо изъ уѣздовъ ея, можетъ быть доказана и положительными цифрами отношеній числа взрослаго мужескаго населенія къ пространству лѣса, представляемыми слѣдующею табличкою.

Приходится десятинъ лѣсу на взрослаго мужчину въ уѣздахъ

Мезенскомъ	1.588	Выше средней нормы.
Пинежскомъ	766	
Кемскомъ	608	
Онежскомъ	346	
Архангельскомъ	210	Ниже средней нормы.
Холмогорскомъ	188	
Шенкурскомъ	146	

Такъ какъ весьма трудно предположить, не прибѣгая къ безсмысленной и безцѣльной страсти къ истребленію лѣса, чтобы человѣкъ могъ вырубить съ какимъ-либо разумнымъ основаніемъ и двѣ десятины въ годъ, то должно придти къ заключенію, что уменьшеніе лѣса невозможно и надолго еще останется невозможнымъ, безъ всякихъ особыхъ охранительныхъ мѣръ, даже и въ самомъ населенномъ уѣздѣ Шенкурскомъ, тѣмъ болѣе, что по южнѣйшему мѣстоположенію его, приростъ лѣса совершается тамъ быстрѣе, чѣмъ въ сѣверныхъ частяхъ губерніи.

Чтó касается до дохода казны отъ дровянаго лѣса, то тутъ надобно отличать два вида его употребленія: смолокуреніе и подсѣки. Такъ какъ первое есть промыслъ, дающій непосредственный доходъ занимающимся имъ, то ничего нѣтъ справедливѣе обложенія его пошлиною, соразмѣрною съ цѣнностію товара; но далѣе, при спеціальномъ разсмотрѣніи вопроса о смолокуреніи, будутъ изложены соображенія о томъ, что уменьшеніе пошлины и другія облегчительныя мѣры должны въ непродолжительномъ времени усилить доходъ казны отъ этой статьи. Чтó же касается до лѣсныхъ подсѣкъ, то на нихъ должно смотрѣть въ Архангельской губерніи не какъ на доходный промыслъ, а какъ на устраненіе естественнаго препятствія къ распространенію культуры,—естественнаго препятствія, которое усиливается еще искусственно взиманіемъ пошлины

за срубленный лѣсъ, и другими ограничительными мѣрами. Смѣло можно утверждать, что, если бы за нѣсколько столѣтій тому назадъ, вырубка лѣсовъ въ средней Россіи была обставлена такими же затрудненіями, какъ нынѣ въ Архангельской губерніи, то до сихъ поръ населеніе тянулось бы лишь вдоль Волги, Оки, Клязьмы и подобныхъ значительнѣйшихъ рѣкъ, узкими полосами, раздѣленными вѣковыми суземами или тайболами, какъ въ Архангельской губерніи называютъ ея лѣсныя пустыни. Правда, при такомъ взглядѣ на этотъ предметъ, казна ничего не будетъ получать съ срубаемаго и сжигаемаго для этой цѣли лѣса, но вѣдь и теперь она ничего или почти ничего съ этого не получаетъ, такъ какъ, при существующихъ правилахъ, подсѣкъ почти не дѣлаютъ. Но съ разрѣшеніемъ ихъ, если казна и не получитъ прямыхъ выгодъ, то получитъ весьма значительныя косвенныя, ибо, съ увеличеніемъ количества распахиваемой земли, уменьшится надобность въ прикупкѣ хлѣба, по крайней мѣрѣ въ южной, болѣе благопріятствуемой климатомъ части губерніи, и, слѣдовательно, уменьшатся недоимки и увеличатся косвенные доходы отъ потребленія.

И такъ, при бѣдности Архангельской губерніи, народонаселеніе ея можетъ быть зажиточно, при условіи болѣе свободнаго обращенія съ ея скудными и распредѣленными на обширныхъ пространствахъ богатствами, въ особенности съ лѣсами. Въ какомъ же состояніи находится нынѣ народонаселеніе губерніи по отношенію къ зажиточности? На этотъ вопросъ, какъ и вообще на бо́льшую часть вопросовъ, относящихся къ сложнымъ предметамъ общественной жизни, нельзя отвѣчать однимъ отвѣтомъ. Во-первыхъ, нельзя не замѣтить, что въ Архангельской губерніи пропорція зажиточныхъ и даже богатыхъ, обладающихъ нѣкоторымъ капиталомъ крестьянъ значительнѣе, чѣмъ въ бо́льшей части другихъ губерній. Особенно относится это къ поморью, окрестностямъ Архангельска и къ Печорскому краю. Такое явленіе весьма естественно тамъ, гдѣ крестьянское населеніе живетъ не однимъ земледѣліемъ, а разнаго рода промыслами. Умъ, искусство, настойчивость, оборотливость, бережливость, счастье, скоро выдѣляютъ въ такомъ случаѣ изъ общаго уровня нѣкоторое число семей, въ которыхъ разъ пріобрѣтенная зажиточность обыкновенно передается и усиливается отъ поколѣнія къ поколѣнію, между тѣмъ какъ, при исключительномъ занятіи земледѣліемъ, всѣ условія такъ уравнены, что весьма немногимъ позволяютъ обстоятельства выдѣлиться изъ общаго уровня. Но

самая эта зажиточность крестьянъ Архангельской губерніи показываетъ, что гораздо бо̀льшее число лицъ могутъ достигнуть ея, при усиленіи развитія промысловъ. Впрочемъ, масса народонаселенія, повидимому, пользуется въ Архангельской губерніи бо̀льшею степенью благосостоянія, чѣмъ въ бо̀льшей части внутреннихъ губерній; но это, отчасти, одна только видимость, отчасти же, благосостояніе здѣсь особаго, весьма ненадежнаго и шаткаго свойства. Кажущаяся лучшая обстановка Архангельскаго крестьянина зависитъ отъ большихъ чистыхъ избъ, или скорѣе домовъ, въ которыхъ онъ живетъ. Обыкновенно дома эти имѣютъ 5, нерѣдко же 6, 7 и 8 оконъ на улицу, при соотвѣтственной боковой длинѣ; однимъ словомъ, относительно помѣщенія, Архангельскій крестьянинъ пользуется дѣйствительно такими удобствами, о которыхъ въ другихъ мѣстностяхъ и помышлять нельзя. Но это результатъ не особаго довольства Архангельцевъ, а изобилія почти дароваго, превосходнаго строеваго лѣса; такъ что большой помѣстительный домъ Архангельскаго крестьянина стоитъ ему гораздо меньшихъ издержекъ, чѣмъ избушка Курскаго, Орловскаго или Тамбовскаго крестьянина. Не только жилище, но и пища Архангельскаго крестьянина въ урожайные годы вообще разнообразнѣе и лучше пищи крестьянъ земледѣльческихъ губерній. Между тѣмъ какъ, въ сихъ послѣднихъ губерніяхъ, пища крестьянина состоитъ главнѣйше изъ хлѣба, гречневой или пшенной каши, капусты и небольшаго количества молока, къ которымъ лишь очень рѣдко присоединяется мясо, или соленая рыба, Архангельскій крестьянинъ пользуется дешевою соленою морскою рыбою: сайдою, пикшуемъ, низшимъ сортомъ трески, стоющимъ отъ 30 до 40 коп. пудъ; рыбою изъ почти повсюду разсѣянныхъ озеръ, которую крестьянинъ или самъ себѣ добываетъ, или дешево покупаетъ; крупною и малоцѣнною дичью, глухарями и бѣлыми куропатками, которыхъ въ иные годы налавливаютъ на Печорѣ по 3.000 и по 4.000 штукъ на семейство, и которые въ продажу нейдутъ; большимъ изобиліемъ грибовъ и ягодъ (брусники, черники, голубики, морошки, клюквы); дешевою олениною и, наконецъ, молочною пищею, которой, при довольно развитомъ скотоводствѣ и хорошихъ породахъ скота, бываетъ почти вездѣ достаточно. Конечно, есть мѣстности, какъ напримѣръ Корела, гдѣ бѣдность постоянная, хлѣбъ всегда съ примѣсью толченой коры, и, при недостаточномъ скотоводствѣ, мало и молока. Но и вообще, въ Архангельской губерніи неурожайный годъ измѣняетъ всю эту

обстановку. Какимъ образомъ неурожай дѣйствуетъ на благосостояніе Архангельскаго крестьянина, лучше всякихъ разсужденій покажетъ слѣдующій примѣръ. Одинъ зажиточный крестьянинъ Холмогорскаго уѣзда. съ 10-ю душами семейства и работниковъ, долженъ былъ прикупить, въ концѣ 1867 и началѣ 1868 г., 120 пудовъ муки, платя отъ 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 70 коп. за пудъ, круглымъ же по 1 руб. 50 коп., слѣдовательно издержалъ 180 руб. чтобы прокормить себя съ семействомъ. Въ годъ средняго урожая этому крестьянину приходилось прикупать не болѣе 60 пудовъ хлѣба по 80 коп., т. е. на 48 руб.; слѣдовательно, неурожай увеличилъ его расходъ на 132 руб., т. е. въ одинъ годъ пришлось издержать на покупку хлѣба столько, сколько хватило бы на три года. Зная денежныя средства нашихъ крестьянъ, легко себѣ представить, въ какое положеніе должно быть поставлено крестьянское семейство такимъ увеличеніемъ расходовъ; и хотя тотъ крестьянинъ, который мнѣ это про себя разсказывалъ, принадлежитъ къ числу зажиточнѣйшихъ, однако и онъ не могъ вынести ихъ, не продавъ части своего скота. А такъ какъ неурожаи прежде 1867 года повторялись еще въ 1865, 1862, 1857 и 1856 годахъ, то неудивительно, что они должны были сильно разорить крестьянскія хозяйства *). При этомъ невольно рождается вопросъ: какимъ же образомъ еще выдерживали крестьяне этотъ рядъ неурожаевъ? Своими средствами они и не могли вынести ихъ, и задолжали казнѣ съ 1855 года 960.000 руб. за хлѣбъ, выдававшійся имъ въ ссуду, да кромѣ того изъ запасныхъ магазиновъ взяли въ долгъ съ 1840 года до 135.000 четвертей хлѣба.

Изъ этого слѣдуетъ, что. хотя въ урожайные годы обстановка крестьянина въ Архангельской губерніи и лучше, чѣмъ въ большей части другихъ губерній, но это положеніе ихъ очень шатко. и неурожаи, которые по климатическимъ причинамъ случаются тамъ часто, грозятъ ему разореніемъ. При этомъ надо принять во вниманіе и то, что запасовъ изъ своихъ урожаевъ, даже въ хорошіе годы, Архангельскіе крестьяне дѣлать не могутъ, потому

*) О степени этихъ неурожаевъ можно заключить изъ того, что, по свѣдѣніямъ бывшей Палаты Государственныхъ Имуществъ, въ четыре урожайныхъ года съ 1858 года по 1861 было собрано государственными крестьянами 170.000, 206.000, 292.000 и 270.000 четвертей хлѣба; между тѣмъ какъ въ 1856 году было собрано только 103.000, а въ 1857 г. всего 64.500 четвертей.

что и въ эти годы ихъ хватаетъ лишь въ немногихъ мѣстностяхъ на годичное продовольствіе.

И такъ, чтобы обезпечить въ будущемъ население Архангельской губерніи, необходимо совокупное дѣйствіе нѣсколькихъ родовъ мѣръ: 1) надо доставить населенію возможность добывать бо́льшее количество хлѣба, въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, частяхъ губерніи, гдѣ по климатическимъ условіямъ это возможно, т. е. надо увеличить крестьянскія запашки. Такъ какъ, все-таки, нельзя надѣяться, чтобы и при такомъ увеличеніи хватило собственнаго хлѣба, не говорю уже въ неурожайные, а и въ урожайные годы, то 2) надо дать жителямъ средства прикупать необходимое для ихъ продовольстія количество хлѣба, т. е. развить по возможности тѣ промыслы, которые подлежатъ развитію. Такъ какъ, далѣе, прикупка хлѣба, которую должны дѣлать жители Архангельской губерніи, бываетъ весьма значительна, да и другія неотлагательныя нужды могутъ быть удовлетворяемы не иначе, какъ доходами съ этихъ же промысловъ, то 3) необходимо удешивить привозимый въ Архангельскую губернію хлѣбъ, т. е. провести такіе пути сообщенія, которыми хлѣбъ могъ бы, въ случаѣ нужды, своевременно и дешево доставляться къ Архангельску, и притомъ изъ такой мѣстности, гдѣ онъ дешевъ. Разнаго рода мѣры двухъ послѣднихъ категорій были уже предложены г. Архангельскимъ губернаторомъ, въ цѣломъ рядѣ его ходатайствъ о нуждахъ Архангельской губерніи. Съ своей стороны, дѣйствительный статскій совѣтникъ Данилевскій совершенно согласенъ съ большинствомъ изъ нихъ, и если взглядъ его въ чемъ-либо оказывается различнымъ отъ взгляда мѣстнаго губернскаго начальства, то, по бо́льшей части, только въ той относительной важности, которую слѣдуетъ придавать той или другой мѣрѣ. Что же касается до мѣръ первой категоріи, то и онѣ займутъ не послѣднее мѣсто въ ряду прочихъ, такъ какъ нельзя считать Архангельскую губернію чисто промысловою, ибо, какъ показано было выше, хлѣбопашество все-таки составляетъ въ ней самую важную отрасль народной промышленности.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ мѣръ, предстоитъ еще рѣшить вопросъ: упала-ли прошленность Архангельской губерніи вообще, или только нѣкоторые виды ея,—и если упала, то отъ какихъ причинъ,—для того, чтобы имѣть возможность опредѣлить, на что́ именно должно быть направлено преимущественное вниманіе правительства? Желая основать свой взглядъ на данныхъ,

по возможности точныхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Данилевскій собралъ за возможно-длинный періодъ времени свѣдѣнія объ отпускѣ товаровъ изъ Архангельскаго порта, основанныя на выпискахъ, которыя торговыя конторы составляютъ для самихъ себя. Данныя эти доходятъ до 1807 года, и могутъ служить безошибочнымъ указаніемъ на ходъ развитія не только торговли Архангельскаго порта вообще, но и тѣхъ отдѣльныхъ статей отпуска, которыя составляютъ продукты промысловой дѣятельности самой Архангельской губерніи.

Главнѣйшіе изъ предметовъ, отправляемыхъ за границу и, въ то же время, составляющихъ произведенія Архангельской губерніи, суть: ворванный жиръ, щипаное перо, смола, пекъ и строевой лѣсъ.

Тюленій жиръ отправлялся за границу ежегодно, за исключеніемъ 1812, 1813 и 1855 годовъ. Соединяя количества вывозимаго жира по десятилѣтіямъ, получимъ слѣдующія среднія числа:

Съ	1807	по	1818 *)	годъ	17.238
»	1819	»	1828	»	17.528
»	1829	»	1838	»	18.395
»	1839	»	1848	»	36.149
»	1849	»	1859	»	34.816
»	1860	»	1868	»	31.877

Изъ этой таблицы видно, что промыслъ морскихъ звѣрей въ Архангельской губерніи постоянно развивался. Слабое уменьшеніе замѣченное въ два послѣдніе періода сравнительно съ четвертымъ могло зависѣть, какъ отъ преобладанія относныхъ, т. е. восточныхъ вѣтровъ, неблагопріятныхъ для промысла, такъ и отъ того, что, въ послѣдній періодъ, промышленники стали отчасти продавать тюленій жиръ непосредственно въ Норвегію. Посему вѣроятно, что замѣчаемое за послѣднее время уменьшеніе — только кажущееся, зависящее отъ отправки части жира мимо Архангельскаго порта. Вообще же, по характеру Бѣломорскаго тюленьяго промысла онъ быстро развиваться не можетъ. Количество звѣрей здѣсь очень велико, и убивать ихъ можно бы въ нѣсколько разъ болѣе, не опа-

*) 1812 и 1813 годы, за которые вывозъ не обозначенъ, совершенно опущены.

саясь за оскудѣніе источника промысла; но такъ какъ бой тюленя производится на льдинахъ, то можно убивать звѣря лишь столько, сколько шкуръ съ саломъ въ состояніи промышленникъ тащить за собою сверхъ лодокъ на полозьяхъ, которыя они также должны за собою тянуть.

Относительно числа поморскихъ судовъ, отправлявшихся въ Норвегію, надо замѣтить, что оно увеличивалось и уменьшалось не равномѣрно, а какъ бы скачками, причины которыхъ легко отыскать въ измѣненіяхъ тѣхъ условій, которымъ эта торговля подвергалась. Поэтому, для обозрѣнія хода этой торговли, мы примемъ вмѣсто равнодлинныхъ періодовъ, періоды различной продолжительности, отграничиваемые другъ отъ друга сильнымъ увеличеніемъ или уменьшеніемъ числа судовъ, отправлявшихся въ Норвегію.

Годы.	Среднее число судовъ.	Крайнія числа между которыми колебалось число судовъ.
1806—1811	47	отъ 24 (1806) до 77 (1808)
1812—1829	въ Норвегію Поморы почти не ходили.	
1830—1836	41	отъ 18 (1831) до 60 (1835)
1837—1842	84	„ 72 (1840) „ 94 (1839)
1843—1851	111	„ 83 (1848) „ 126 (1844)
1852—1858 *)	91	„ 72 (1852) „ 106 (1854)
1859—1868	196	„ 165 (1862) „ 218 (1859)

Изъ этого опять видно несомнѣнное сильное развитіе каботажной торговли съ Норвегіей; частыя-же, довольно крутыя, измѣненія въ ея ходѣ совершенно удовлетворительно объясняются слѣдующимъ образомъ. До 1812 года Поморы производили торгъ съ Норвегіею по старому обычаю, начавшемуся еще съ половины прошедшаго столѣтія. Въ 1812 и 1813 годахъ торговля съ Даніей, которой тогда принадлежала Норвегія, была, конечно, затруднена войною съ Франціей, съ которою она была въ союзѣ, а съ 1814 года вступила Норвегія въ соединеніе съ Швеціей, и старинная привелегія города Бергена снабжать Финмаркенъ хлѣбомъ возымѣла свое дѣйствіе, къ величайшему вреду самаго Финмаркена, пока 13-го сентября 1830 года не состоялся въ Норвегіи законъ, доз-

*) 1855 г. не принятъ во вниманіе.

волявшій Русскимъ, съ 1-го іюня по 15-е августа новаго стиля промѣнивать на рыбу жителямъ Финмаркена, безъ Норвежскихъ купцовъ, слѣдующіе 10 сортовъ товаровъ: рыбачью снасть, пеньку, желѣзо, хлѣбъ въ зернѣ, муку, крупу, парусину, смолу, канаты и лѣсъ, и притомъ въ произвольномъ количествѣ,—и, кромѣ того, въ какое-бы то ни было время года, продавать съ своихъ судовъ привезенные ими товары (безъ всякаго ограниченія въ количествѣ) не только мѣстнымъ жителямъ, но и Норвежскимъ судамъ: въ городахъ—въ теченіи 4-хъ недѣль, а въ прочихъ гаваняхъ—въ теченіи 2-хъ недѣль со времени прибытія судна въ портъ. Съ 1830 года возобновляется, поэтому, старинная торговля Поморовъ съ Норвегіею и усиливается къ 1832 году (съ 18 и 20 судовъ до 48), когда это постановленіе сдѣлалось общеизвѣстнымъ между Поморами, и они успѣли приготовиться къ расширенію своей торговли. Но нѣкоторые пункты этой привелегіи весьма непріятны Норвежскимъ купцамъ, нежелающимъ, чтобы Поморы вели торгъ на деньги съ мѣстными жителями безъ ихъ посредства, и посему этотъ законъ оказалъ еще сильнѣйшее вліяніе на развитіе нашей Норвежской торговли, когда 11-го іюня 1834 г. эта привелегія, данная Русскимъ—Норвежскимъ закономъ, была утверждена торговою конвенціею между Россіею и Норвегіею, и когда эта выгодная для обѣихъ сторонъ конвенція получила общую извѣстность между Поморами, и они успѣли увеличить число своихъ кораблей. Новый періодъ усиленія Норвежской торговли начинается съ 1843 года, и этому опять предшествовала правительственная мѣра со стороны Норвегіи, дозволившей, § 21-мъ закона 8-го августа 1842 года, всѣмъ иностраннымъ кораблямъ продавать, прямо съ судовъ, мѣстнымъ жителямъ разные товары, въ количествахъ, минимумъ которыхъ опредѣленъ, но безъ ограниченія срока. Къ этому обстоятельству присоединилось еще то, что, послѣ необыкновенно хорошихъ улововъ рыбы съ 1837 по 1842 годъ, послѣдовалъ рядъ неуловныхъ годовъ съ 1843 по 1851 годъ, во время котораго рыбу, необходимую для продовольствія Архангельской губерніи, приходилось добывать преимущественно мѣною въ Норвегіи, а не собственно ловомъ. За 1851 годомъ послѣдовалъ опять рядъ годовъ съ блистательными уловами, продолжавшимися до 1859 года, чтó побудило значительное число Поморовъ обратиться къ Мурманскому лову, дававшему большія выгоды. Въ 1859, 1860 и 1861 годахъ, уловы опять были посредственные, чтó обратило многихъ къ торговлѣ

съ Норвегіею, усиленію которой содѣйствовали еще въ болѣе значительной мѣрѣ новыя права, дарованныя Поморскимъ жителямъ Русскимъ Правительствомъ, и состоявшія въ томъ, что имъ дозволено наравнѣ съ купцами вывозить въ Норвегію всякаго рода товары, тогда какъ прежде они могли вывозить только муку и крупу, все-же прочее возили они отъ имени купцовъ, будто бы зафрахтовавшихъ ихъ суда. Такимъ образомъ, вліяніе правъ, которыя Поморы получали то отъ Норвежскаго, то отъ Русскаго Правительства, въ соединеніи съ періодическими измѣненіями изобилія рыбы на Мурманскомъ берегу, совершенно удовлетворительно разъясняютъ измѣненія въ ходѣ поморской торговли съ Норвегіей, общимъ результатомъ которыхъ было увеличеніе числа занимавшихся ею судовъ въ 4½ раза въ теченіи послѣднихъ 60 лѣтъ.

Тоже самое подтверждается и вывозомъ ржаной муки и крупы, идущихъ исключительно въ Финмаркенъ. Этотъ вывозъ составлялъ по пятилѣтіямъ:

годы.			ржаной муки.	крупы.
Съ 1836 *)	по	1839	202.662	—
„ 1840	„	1844	222.317	—
„ 1845	„	1849	275.419	22.647
„ 1850	„	1854	329.019	22.994
„ 1855	„	1859	386.103	24.042
„ 1860	„	1864	403.582	37.765
„ 1865	„	1868	465.510	47.267

Въ Архангельской губерніи стрѣляется много дичи, часть которой, именно глухари и бѣлыя куропатки, употребляется самими жителями. Кромѣ того, убивается много дикихъ гусей. Перо и пухъ этихъ птицъ шли за границу въ слѣдующихъ количествахъ:

Съ 1845	по	1849	средн.	числ.	по	754	п.	въ	годъ.
„ 1850	„	1854	„	„	„	1.889	„	„	„
„ 1855	„	1859	„	„	„	2.021	„	„	„
„ 1860	„	1864	„	„	„	4.461	„	„	„
„ 1865	„	1866	„	„	„	776	„	„	„

*) Въ этомъ пятилѣтіи взятъ 1832 г. вмѣсто 1835, въ которомъ вывозъ необозначенъ.

Изъ этого видно, что и этотъ промыселъ до послѣдняго времени постоянно возрасталъ, не потому, конечно, чтобы стали все болѣе и болѣе убивать этихъ птицъ, а потому, что перо и пухъ, которые прежде бросали, стали все въ бо́льшей степени собираться и отправляться на ярманки и за границу. Уменьшеніе въ послѣдніе годы зависитъ, вѣроятно, отъ временнаго уменьшенія количества этой дичи, появленіе которой всегда бываетъ періодическое.

Хотя данныя, собранныя Данилевскимъ, не даютъ еще средствъ судить о ходѣ развитія рыболовства, однако-же, по мнѣнію его, и въ этой отрасли промышленности нельзя замѣтить признаковъ упадка, какъ потому, что число промышленниковъ на Мурманскомъ берегу увеличивается, такъ и потому, что цѣна на треску не только не возвышается, но постоянно падаетъ, когда, съ увеличеніемъ народонаселенія и съ развитіемъ двинскаго пароходства, потребленіе ея хотя медленно, но все таки усиливается. Конечно, это послѣднее обстоятельство можетъ быть объяснено и увеличеніемъ мѣны съ Норвегіею. Но эта мѣна вообще то возрастаетъ, то падаетъ, смотря по уменьшенію или увеличенію количества рыбы у нашихъ береговъ. Поэтому, по временному усиленію торговли съ Норвегіей, которому въ нѣкоторой степени соотвѣтствуетъ ослабленіе нашего Мурманскаго рыболовства, нельзя заключать о паденіи этого послѣдняго. Обѣ эти промышленности составляютъ какъ бы дополненіе одна другой. Такъ, напримѣръ, въ 1867 и 1868 годахъ, уловъ на Мурманскомъ берегу былъ изобильный; но въ 1867 году много промышленниковъ ходило однако въ Норвегію, и, такъ какъ торгъ былъ, по разнымъ причинамъ — какъ-то: по небольшому улову рыбы, большому привозу русскихъ товаровъ и банкротству многихъ Норвежскихъ домовъ, не удаченъ — то уже въ 1868 году замѣчено, что многіе обратились отъ Норвежской торговли къ Мурманскому рыболовству.

Обратимся теперь къ промысламъ другаго рода. Отпускъ строеваго лѣса въ доскахъ составляетъ изстари значительную статью торговли Архангельска. Эти доски бываютъ различной длины, ширины и толщины. Для единообразія приводятся онѣ къ общей мѣрѣ, извѣстной подъ именемъ нормальной дюжины (standart dozen), каковою должно считать рядъ досокъ въ 72 фута длины, 11 дюймовъ ширины и 3 дюйма толщины (или, при толщинѣ въ $1^1/_2$ дюйма, 144 фута длины). Такъ какъ въ дѣйствительности бо́льшая часть досокъ имѣетъ, при означенныхъ ширинѣ и тол-

щинѣ, 20 футъ длины, то я и принялъ за единицу не нормальныя дюжины, а эти, такъ сказать, нормальныя доски, коихъ приходится на дюжину 3,6.

Количество отпускаемыхъ досокъ измѣнялось не случайно, а въ извѣстные годы замѣтно внезапное сильное уменьшеніе, или увеличеніе, которыми и характеризуется цѣлый рядъ годовъ, послѣдовавшій за этими поворотными годами. Поэтому, я принялъ въ основаніе дѣленія эти поворотные годы, и такимъ образомъ все время, за которое имѣются данныя, раздѣлилось на 5 восьмилѣтнихъ, 1 шестилѣтній и 1 семилѣтній періоды, причемъ 1855 годъ вовсе оставленъ безъ вниманія, такъ какъ блокады довели отпускъ въ этомъ году до совершенно ничтожныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ получается гораздо болѣе ясное и вѣрное представленіе о перемѣнахъ, которымъ подвергалась эта торговля, нежели при дѣленіи по десятилѣтіямъ, или вообще по періодамъ равной продолжительности. Средній годовой отпускъ былъ:

Съ	1815	по	1822	г.	(8	лѣтъ)	139.000	норм.	досокъ.
„	1823	„	1830	„	(—	„)	363.321	„	„
„	1831	„	1838	„	(—	„)	351.292	„	„
„	1839	„	1846	„	(—	„)	134.389	„	„
„	1847	„	1854	„	(—	„)	136.073	„	„
„	1856	„	1861	„	(6	„)	226.237	„	„
»	1862	„	1868	„	(7	„)	532.924	„	„

Эта таблица показываетъ, что къ началу двадцатыхъ годовъ отпускъ лѣса изъ Архангельска увеличился въ 2½ раза сравнительно съ предъидущимъ восьмилѣтіемъ, и что этотъ размѣръ отпуска продолжался до конца тридцатыхъ годовъ. Принимая во вниманіе, что въ оба восьмилѣтія этого періода, средній годовой отпускъ былъ почти одинаковъ, можно прійти къ заключенію, что онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ тогдашней потребности иностранныхъ рынковъ и производительнымъ силамъ края, или, другими словами, что это былъ нормальный отпускъ,—такъ какъ малая величина колебаній составляетъ вѣрный признакъ равномѣрности и постоянства силы, производящей явленіе. Это заключеніе подтверждается еще тѣмъ, во-первыхъ, что раздѣленіе этихъ 16 лѣтъ, вмѣсто двухъ, на три періода, на два въ 5 и одинъ въ 6 лѣтъ, почти не измѣнитъ этой равномѣрности, ибо мы получимъ для перваго пятилѣтія 354.507, для втораго 338.248, и для послѣдняго шестилѣтія

375.502; во-вторыхъ. что годъ наибольшаго отпуска 1830 (511.767) превосходитъ годъ наименьшаго отпуска 1832 (270.664) менѣе, чѣмъ вдвое, тогда какъ колебаніе въ слѣдующее 16-ти лѣтіе доходило отъ 63.878 (въ 1841 г.) до 206.028 (въ 1844 г.), гдѣ maximum слишкомъ въ $3^1/_2$ раза превышаетъ minimum. Въ слѣдующее за 1839 годомъ 16-ти лѣтіе отпускъ упадаетъ въ $2^1/_2$ раза и составляетъ даже нѣсколько менѣе, чѣмъ въ осьмилѣтіе отъ 1815 по 1822 годъ. Упавши такимъ образомъ, отпускъ остается почти одинаковымъ въ первую и во вторую половину періода, что также заставляетъ предполагать постоянство въ причинѣ, произведшей это уменьшеніе отпуска. Но весьма было бы ошибочно принимать за таковую уменьшеніе средствъ края, или ослабленіе въ заграничной потребности на Архангельскій лѣсъ. Постоянная причина, въ такой сильной степени уменьшившая отпускъ, заключалась, на этотъ разъ, въ болѣе строгомъ и точномъ исполненіи существовавшихъ, и доселѣ еще, въ законодательномъ порядкѣ, не отмѣненныхъ, постановленій объ отпускѣ лѣса за границу, которое необходимо должно было послѣдовать, послѣ учрежденія Палатъ Государственныхъ Имуществъ. Послѣ Восточной войны, или собственно съ 1858 года, взглядъ этотъ начинаетъ измѣняться, и въ 1858 году отпускъ (256.381) превосходитъ уже почти вдвое средній отпускъ за предшествовавшія 19 лѣтъ, и такой размѣръ сохраняетъ средній отпускъ до 1861 года, все еще далеко не достигая размѣровъ отпуска съ 1823 по 1839 годъ. Наконецъ, въ послѣднее семилѣтіе, отпускъ еще увеличивается почти въ $2^1/_2$ раза и превосходитъ въ полтора раза отпускъ съ 1823 по 1839 годъ. На это измѣненіе взгляда правительства имѣло между прочимъ вліяніе—уничтоженіе Архангельскаго порта. Беречь корабельные лѣса оказалось ненужнымъ, и рубка была разрѣшена даже въ корабельныхъ рощахъ.

Общимъ результатомъ хода развитія отпуска строеваго лѣса изъ Архангельскаго порта, за послѣдніе 53 года, будетъ слѣдовательно то, что эта важная отрасль промышленности, упавши до совершенно-незначительныхъ размѣровъ въ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, теперь только начинаетъ оправляться. Безъ стѣснительныхъ мѣръ, внушенныхъ напраснымъ страхомъ за оскудѣніе лѣсовъ въ Архангельской губерніи еще съ 1798 года, и проводимыхъ болѣе строгимъ образомъ съ 1839 по 1862 годъ, можно бы было безъ сомнѣнія ожидать, что въ теченіе этого 22 лѣтняго періода цифра вывоза постепенно возрастала бы отъ

357.000 (средній вывозъ за 16-ти-лѣтіе съ 1823 по 1838 годъ) до 532.000, и что, слѣдовательно, средній вывозъ за это время составилъ бы около 447.000 нормальныхъ досокъ или 186.000 бревенъ вмѣсто 57.000, вывозившихся съ 1839 по 1854 годъ, и 20.000 съ 1856 по 1861, что̀ въ совокупности составило бы избытокъ вывоза въ 2.860.000 бревенъ, который доставилъ бы жителямъ Архангельской и Вологодской губерній одними излишними заработками по срубкѣ и сплаву лѣса около 1.700.000 руб., или слишкомъ по 70.000 руб. въ годъ.

Отпускъ смолы и пека, въ среднихъ числахъ, по десятилѣтіямъ представленъ въ слѣдующей табличкѣ:

Годы.				Смола.	Пекъ.	Количество смолы по приведеніи пека въ смолу.
Съ	1807	по	1818 *)	86.975	13.835	116.622
				(93.626)	(15.035)	(125.844)
„	1819	„	1828	66.879	11.300	91.093
„	1829	„	1838	72.223	13.065	100.220
„	1839	„	1848	78.681	12.534	105.538
„	1849	„	1858 **)	82.486	9.161	102.117
				(74.409)	(8.245)	(92.077)
„	1859	„	1868 ***)	91.208	12.545	118.090
				(80.986)		(112.992)

Изъ данныхъ таблицы видно, что смолокуреніе и пековареніе рѣшительно никакихъ успѣховъ не сдѣлали въ теченіе послѣднихъ 60 лѣтъ, и если въ послѣднее десятилѣтіе отпускъ смолы нѣсколько увеличился, сравнительно съ первымъ десятилѣтіемъ, то лишь потому, что въ первое десятилѣтіе входитъ 1812 годъ, когда, по военнымъ обстоятельствамъ отпускъ былъ совершенно ничто-

*) 1808 и 1809 годы пропущены, потому что блокада препятствовала отпуску. Цифра въ скобкахъ означаетъ средній отпускъ за 9 лѣтъ, исключая 1812 годъ, въ которомъ отпускъ былъ самый ничтожный.

**) Цифры въ скобкахъ означаютъ средній отпускъ за все 10-ти-лѣтіе, считая и 1855 г., когда отпуска совершенно не было.

***) Цифры въ скобкахъ означаютъ среднія числа за 7 лѣтъ, по исключеніи 1861, 1862 и 1863 годовъ, когда Американская война усилила, исключительнымъ образомъ, нашъ отпускъ смолы.

женъ. Съ другой же стороны, въ послѣднее десятилѣтіе, смоляное дѣло получило временное и случайное возбужденіе вслѣдствіе Американской междоусобной войны, заставившей обратиться за смолой почти исключительно къ намъ. Ежели же устранить не только оба эти обстоятельства, но одно какое либо изъ нихъ, увидимъ, что и послѣднее десятилѣтіе уступаетъ первому въ количествѣ отпущенной смолы; количество же пека — меньше чѣмъ 60 лѣтъ тому назадъ, даже если и не обращать вниманія на указанныя обстоятельства. Эти выводы не измѣняются, если пекъ обратить съ смолу, изъ которой онъ выдѣлывается, какъ это сдѣлано въ послѣдней графѣ таблицы, считая бочку пека въ 15 пудовъ, и 8 пудовъ смолы на 7 пудовъ пеку. Изъ сравненія данныхъ заграничнаго отпуска тѣхъ товаровъ, которые суть мѣстные продукты промышленности Архангельской губерніи, ясно слѣдуетъ, что морскіе и вообще всѣ тѣ промыслы, которые не подвергались ограничительнымъ правительственнымъ распоряженіямъ, постоянно развивались, хотя развитіе это, по условіямъ сбыта, и по нѣкоторымъ особенностямъ самаго производства, должно было происходить довольно медленно. Напротивъ того, лѣсные промыслы были, до послѣдняго времени, задерживаемы въ своемъ развитіи, главнымъ образомъ, мѣрами внушенными правительству опасеніемъ истощенія лѣсовъ.

Обращаясь далѣе къ общему ходу торговли Архангельска, можно заключить, что, собственно говоря, и здѣсь скорѣе замѣчается постепенное развитіе, хотя и далеко не столь быстрое какъ въ прочихъ портахъ Россіи; такъ что можно принять только относительный (сравнительно съ общимъ ходомъ развитія торговли въ Государствѣ), а не абсолютный упадокъ торговли Архангельска.

Слѣдующая табличка представляетъ среднія цифры годичнаго отпуска и числа отходившихъ кораблей по десятилѣтіямъ:

Годы.	Цѣнность отпуска. *)		Число отшедшихъ судовъ.
1724—1730—	289.642 р.	(351.259 р.)	31
1731—1740—	343.867 „		54
1741—1750—	326.610 „		46
1751—1760—	368.963 „		49

*) Числа въ скобкахъ означаютъ средній вывозъ, за исключеніемъ слѣдующихъ годовъ:

1761—1770 г.	699.505 р.		64	суд.
1771—1780 „	1.467.795 „		147	
1781—1790 „	1.572.445 „		120	
1791—1807 „	1.970.782 „		142	
1801—1810 „	2.745.851 „	(2.914.110 р.)	214	(224)
1811—1820 „	2.810.268 „	(2.237.773 р.)	235	
1821—1830 „	1.839.196 „		292	
1831—1840 „	2.790.102 „		388	
1841—1850 „	3.676.520 „		492	
1851—1860 „	4.854.072 „	(5.370.050 р.)	643	(708)
1861—1868 „	6.626.492 „		678	

Разсматривая ходъ развитія Архангельской торговли по этой таблицѣ, можно замѣтить, что торговля Архангельска во второй четверти прошедшаго столѣтія была совершенно ничтожна, тогда какъ извѣстно, что въ концѣ XVII вѣка и началѣ XVIII Архангельскъ былъ единственнымъ русскимъ портомъ. Когда Петръ Великій старался поднять Бѣломорскую торговлю, оборотъ ея простирался до 1.500.000 р. Этотъ упадокъ произошелъ отъ того, что съ открытіемъ Петербургскаго порта, Петръ сталъ всѣми мѣрами стѣснять Архангельскую торговлю; сначала наложеніемъ пошлины на привозные и отпускные товары, затѣмъ постановленіемъ, чтобы только $^1/_3$ отпускныхъ товаровъ возили къ Архангельску, а $^2/_3$ къ Петербургу, и наконецъ, въ 1722 году, совершеннымъ запрещеніемъ привозить товары въ Архангельскъ для заграничнаго отпуска. Въ это время, слѣдовательно, изъ Архангельска отпускались лишь мѣстныя произведенія, и за два послѣднихъ года того періода, за который имѣются свѣдѣнія, отпускъ составлялъ лишь 164.117 и 110.076 р. Затѣмъ, послѣ смерти Петра, стѣснительныя правила для Архангельской торговли исполнялись вѣроятно очень слабо, и сумма отпуска возрасла до 350.000 р. и на этомъ оставалась въ теченіе слишкомъ 30 лѣтъ, до временъ Екатерины II, когда въ 1762 году были отмѣнены правила, стѣснявшія Архангельскую

Для періода съ 1724—1730—1724 и 1725 годовъ.
» » » 1801—1810—блокаднаго 1808 года.
» » » 1811—1820—1817 и 1818, годовъ неурожая въ Западной Европѣ.
» » » 1851—1860—блокаднаго 1855 г.

торговлю. Въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ царствованія Екатерины, Архангельская торговля такъ быстро возрастаетъ, что отпускъ учетверился, и затѣмъ, достигнувъ, такъ сказать, своего настоящаго уровня, соотвѣтствовавшаго производительнымъ силамъ страны и потребностямъ заграничныхъ рынковъ въ товарахъ, отпускавшихся изъ Архангельска, уже медленнѣе возрастаетъ до начала текущаго столѣтія, сообразно общему ходу промышленнаго развитія. Но въ первое десятилѣтіе XIX вѣка Архангельскій отпускъ получаетъ опять сильный толчекъ, такъ какъ, въ періодъ господства континентальной системы, Архангельскъ сдѣлался временно тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ концѣ XVII столѣтія, т. е. единственнымъ портомъ, чрезъ посредство котораго Россія могла вести заграничную торговлю. Но и въ это десятилѣтіе былъ одинъ годъ, именно 1808, когда, вслѣдствіе Англійской блокады, отпускъ былъ весьма незначителенъ. Это положеніе продолжалось и въ слѣдующемъ десятилѣтіи, когда общее замиреніе въ 1815 году и затѣмъ неурожайные въ Западной Европѣ годы 1817 и 1818 тоже необыкновенно усилили отпускъ изъ Архангельска, какъ и вообще изъ всѣхъ портовъ Россіи. Но это сильное торговое развитіе Архангельска зависѣло, такъ сказать, отъ случайнаго и искусственнаго возбужденія, и потому, въ третье десятилѣтіе текущаго столѣтія, Архангельскій отпускъ упадаетъ ниже, чѣмъ 30 лѣтъ тому назадъ. Этому упадку должно было содѣйствовать и то, что значительный отпускъ товаровъ, въ концѣ прошедшаго десятилѣтія, долженъ былъ произвести въ Европѣ большіе запасы русскихъ произведеній. Только въ слѣдующее десятилѣтіе отпускъ сравнивается съ тѣмъ, который былъ въ первомъ десятилѣтіи, что̀ уже можно приписать естественному развитію промышленныхъ силъ страны, которое продолжается до настоящаго времени въ три послѣдующія десятилѣтія.

Однако, въ дѣйствительности это развитіе Архангельской торговли не было столь сильно, какъ показываетъ таможенная оцѣнка отпуска, ибо увеличеніе цѣнности отпуска не соотвѣтствуетъ увеличенію количества отпускныхъ товаровъ. Чтобы прійти къ положительному заключенію, зависитъ ли усиленіе цѣнности отпуска единственно отъ вздорожанія цѣнъ на отпускные товары, такъ что его должно считать лишь мнимымъ, или же увеличеніе отпуска самыхъ дорогихъ товаровъ пересилило уменьшеніе отпуска товаровъ менѣе цѣнныхъ, количество отпускавшихся каждый годъ то-

варовъ было помножено на однѣ и тѣже постоянныя цѣны, извлеченныя изъ маклерскихъ отчетовъ за послѣдніе четыре года. Группировка этихъ результатовъ, по десятилѣтіямъ, начиная съ 1809 года, представлена въ слѣдующей табличкѣ:

Съ	1809	по	1818	годъ	5.360.156	руб.
„	1819	„	1828	„	3.713.469	„
„	1829	„	1838	„	5.450.742	„
„	1839	„	1848	„	6.030.845	„
„	1849	„	1858	„	7.825.536	„
„	1859	„	1868	„	7.331.836	„

Въ цѣломъ, результаты этой таблицы мало разнятся отъ тѣхъ, которые представляетъ таблица составленная на основаніи таможенной оцѣнки по измѣнявшимся цѣнамъ. Въ обѣихъ таблицахъ замѣчается сильный упадокъ отпуска въ двадцатыхъ годахъ, достиженіе имъ въ тридцатыхъ годахъ той же величины какъ во второмъ десятилѣтіи, а также и общее постепенное увеличеніе архангельскаго отпуска; изъ чего должно заключить, что увеличеніе это не мнимое, зависящее единственно отъ вздорожанія товаровъ, но дѣйствительное. Однако же, обѣ таблицы представляютъ и немаловажныя разницы. 1) Если исключить вліяніе вздорожанія товаровъ, какъ это сдѣлано во второй таблицѣ, то усиленіе отпуска за послѣднее время окажется далеко не такимъ сильнымъ, какъ по первой таблицѣ. По первой—наибольшій отпускъ въ послѣднее восьмилѣтіе превосходитъ наименьшій въ десятилѣтіе отъ 1821 по 1830 годъ въ 3²/₃ раза; тогда какъ по второй таблицѣ, наибольшій отпускъ превосходитъ наименьшій всего только въ 2¹/₂ раза. Слѣдовательно, развитіе архангельской торговли было гораздо менѣе значительно, чѣмъ показываетъ таможенная оцѣнка, и если не совершенно, то въ значительной степени зависѣло именно отъ вздорожанія товаровъ. 2) Между тѣмъ какъ цѣнность отпуска, по таможенной оцѣнкѣ, представляетъ непрерывное возвышеніе съ двадцатыхъ годовъ по настоящее время—цѣнность отпуска, вычисленная по постояннымъ цѣнамъ, достигаетъ наибольшей величины въ пятидесятыхъ годахъ; въ послѣднее же десятилѣтіе уменьшилась среднимъ числомъ на полмилліона рублей въ годъ. Изъ сего слѣдуетъ, что именно въ это время произошло наисильнѣйшее вздорожаніе товаровъ, которое замаскировало дѣйствительное уменьшеніе отпуска. Если принять далѣе во вниманіе, что въ послѣднее

десятилѣтіе чрезвычайно усилился отпускъ изъ Архангельска строеваго лѣса, то окажется, что количество доставляемыхъ къ Архангельскому порту прочихъ товаровъ, не мѣстнаго происхожденія, значительно уменьшилось. Если спеціальнѣе разсмотрѣть главныя статьи отпуска, то окажется, что отпускъ льна и льняной пакли въ два послѣднія десятилѣтія почти вовсе не измѣнился (647.000 и 645.000 пуд.), отпускъ овса нѣсколько увеличился—съ 235.000 на 290.000 четвертей, отпускъ ржи уменьшился слишкомъ втрое—съ 213.000 на 62.000 четвертей, отпускъ пшеницы уменьшился слишкомъ впятеро—съ 18.000 на 3.500 четвертей, отпускъ льнянаго сѣмени уменьшился въ 1½ раза—съ 143.000 на 97.000 четвертей, отпускъ ржаной муки увеличился въ 1¼ раза, отпускъ овсяной крупы увеличился съ 23.000 на 40.000, т. е. почти вдвое. Обративъ вниманіе на происхожденіе этихъ товаровъ, на цѣнность и на спеціальное назначеніе ихъ, можно найти и причину этихъ явленій. Ленъ и льняная пакля идутъ преимущественно изъ восточной части Вологодской губерніи, откуда сбытъ въ Архангельскъ очень удобенъ, и откуда, съ другой стороны, сбытъ въ Петербургъ весьма затруднителенъ. Хотя около ²/₅ количества этихъ товаровъ доставляется изъ Вятской губерніи, но они такъ цѣнны, что весьма легко могутъ переносить неудобства доставки до Лузскихъ пристаней и сплава по Лузѣ, Югу и Двинѣ. Овесъ также въ значительной мѣрѣ доставляется изъ Вологодской губерніи, и хотя бóльшая часть, именно около ²/₃, идетъ и изъ Вятской, но изъ сѣверной части ея, такъ что, дабы быть отправленнымъ въ Петербургъ, надо ему спуститься около 500 верстъ по рѣкѣ Вяткѣ. Чтò касается до ржаной муки и крупы, то онѣ спеціально требуются для сѣверной Норвегіи, въ которую ни откуда не могутъ быть доставлены дешевле, чѣмъ изъ Архангельска Поморами. Относительно прочихъ товаровъ, отпускъ которыхъ уменьшился, нельзя принять ни уменьшенія потребности на нихъ заграницею, такъ какъ изъ другихъ портовъ отпускъ ихъ усилился, ни уменьшенія ихъ производительности въ тѣхъ мѣстностяхъ, откуда они идутъ въ Архангельскъ. Поэтому, надо искать причину уменьшенія Архангельскаго отпуска въ томъ, что эти товары нашли себѣ въ послѣднее время другой, болѣе выгодный, путь сбыта. Въ самомъ дѣлѣ, рожь въ зернѣ доставляется почти вся, за исключеніемъ развѣ ¹/₅ доли, изъ Вятской губерніи, и притомъ преимущественно изъ Яранскаго уѣзда; пшеница и льняное сѣмя съ

мѣстъ еще болѣе южныхъ; слѣдовательно, этимъ товарамъ, съ развитіемъ Волжскаго и Камскаго пароходства, съ проведеніемъ нового Ладожскаго канала, открылся болѣе удобный и дешевый путь къ Петербургу, нежели къ Архангельску, и надо ожидать, что съ устройствомъ Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги, когда эти удобства еще увеличатся, товары эти все болѣе и болѣе будутъ оставлять Архангельскъ, ежели не будетъ проведена желѣзная дорога между Вяткою и Двиною, которая возвратитъ Архангельску его естественное преимущество для сбыта вятскихъ товаровъ. Такимъ образомъ, одностороннее улучшеніе средствъ сообщенія, по направленію къ Петербургу, можетъ произвести, и отчасти уже произвело, тѣ же слѣдствія, которыя имѣли для архангельской торговли стѣснительныя мѣры Петра I-го.

Обращаясь далѣе назадъ, видно, что нѣкоторые товары покинули путь къ Архангельску еще прежде. Таковы: поташъ, котораго съ 1843 года ни одного пуда изъ Архангельска не вывозится, хотя прежде его отпускалось до 30.000 и болѣе пудовъ въ годъ; говяжье сало, отпускъ котораго съ 200.000 пудовъ упалъ до 3.000 или 4.000 пудовъ; и пенька, отпускъ которой въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ превышалъ 60.000 пудовъ, а въ послѣдніе годы или вовсе прекратился, или колебался между нѣсколькими сотнями или нѣсколькими тысячами пудовъ. Къ этому надо еще присовокупить, что отпускъ пшеницы въ пятидесятыхъ годахъ уменьшился уже въ 5 и даже въ 6 разъ, сравнительно съ отпускомъ ея въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Всѣ эти товары, какъ идущіе съ Камы или съ средней Волги, еще ранѣе приняли, вмѣсто Архангельска, направленіе на Петербургъ. Изо всего этого должно заключить, что, хотя архангельскій отпускъ, говоря вообще, увеличился сравнительно съ прошедшимъ временемъ, но увеличеніе это было несравненно слабѣе, чѣмъ бы можно было ожидать, если бы пути сообщенія, ведущіе къ нему изъ того края, который преимущественно питаетъ его торговлю, не такъ сильно бы отстали отъ ведущихъ къ Петербургу.

Возвращаясь къ той точкѣ зрѣнія, съ которой выше разсматривался ходъ развитія какъ отдѣльныхъ отраслей промышленности Архангельской губерніи, такъ и торговли Архангельскаго порта, можно и относительно торговли прійти къ тому же общему заключенію, что нѣтъ основанія принимать упадка въ торговлѣ Архангельской губерніи, и что, хотя она и не такъ быстро развивалась, какъ

бы можно было ожидать и надѣяться, все же это не даетъ права видѣть причину обѣдненія населенія Архангельской губерніи въ упадкѣ ея промышленной и торговой дѣятельности. Причина эта заключается въ несоразмѣрности развитія промышленныхъ силъ ея съ тѣми новыми тягостями, которыя въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ легли на народонаселеніе, какъ вслѣдствіе увеличенія правительственныхъ нуждъ, выразившагося въ усиленіи податей и повинностей, такъ и отъ вздорожанія главныхъ предметовъ потребленія, преимущественно же хлѣба, который въ значительной мѣрѣ долженъ пріобрѣтаться Архангельскою губерніею извнѣ.

Это не трудно доказать слѣдующимъ разсчетомъ. По порученію г. архангельскаго губернатора, была составлена записка о ходѣ увеличенія податей, сборовъ и повинностей съ 1839 года по настоящее время. Изъ нея видно, что въ 1839 году государственные крестьяне платили всякаго рода денежныхъ сборовъ 3 р. 85½ коп.; въ 1867-же съ нихъ сходило среднимъ числомъ по 8 руб. 8 коп. Число государственныхъ крестьянъ по 10-й ревизіи считается 84.856 душъ, слѣдовательно сумма взаимаемыхъ съ нихъ сборовъ — 685.636 р. 48 коп. Не имѣя подъ руками данныхъ о числѣ государственныхъ крестьянъ въ 1839 г., можно принять, что съ этого времени число ихъ увеличилось въ той же пропорціи, какъ и податныхъ сословій вообще. Такъ какъ эти послѣднія возрасли съ 97.083 до 116.775 душъ, то, безъ чувствительной ошибки, можно принять число государственныхъ крестьянъ по 8-й ревизіи въ 70.547 душъ. Слѣдовательно, вся сумма сходившихъ съ нихъ сборовъ составляла 271.958 руб. 68½ к.; поэтому, съ государственныхъ крестьянъ сходитъ въ настоящее время 413.677 р. 79½ коп., болѣе, чѣмъ 30 лѣтъ тому назадъ. Удѣльныхъ крестьянъ по 10-й ревизіи считается 24.487 душъ мужскаго пола, а по 8-й приблизительно было 20.358; съ нихъ сходитъ нынѣ по 4 руб. разныхъ сборовъ, не считая поземельнаго сбора, а тогда сходило только по 2 руб. 55 коп., такъ что теперь платятъ они 97.948 р. вмѣсто 52.012 руб. 90 коп., которыя платили 30 лѣтъ тому назадъ, т. е. съ нихъ сходитъ теперь 45.935 рублями больше. Вмѣстѣ же, оба разряда крестьянъ уплачиваютъ теперь разныхъ податей и сборовъ на 459.613 р. болѣе, чѣмъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ. По приблизительному, самому умѣренному разсчету, на 273.000 душъ дѣйствительнаго народонаселенія Архангельской губерніи, среднимъ числомъ прикупается до 1.000.000 пудовъ муки

сверхъ той, которая производится внутри губерніи. Считая 90 коп. среднею цѣною пуда ржаной муки въ Архангельской губерніи, выходитъ, что этотъ неизбѣжный расходъ составляетъ до 900.000 руб. въ годъ. Въ 1839 году на населеніе въ 220.000 душъ требовалось, по этой же пропорціи, не болѣе 800.000 пудовъ, а такъ какъ средняя цѣна въ то время не превосходила 50 коп. за пудъ, то населеніе должно было уплачивать, за необходимую для него добавочную муку, только около 400.000 руб. И такъ за покупкой хлѣба переплачиваетъ Архангельская губернія теперь до 500.000 руб. Слѣдовательно, на необходимыя издержки, которыхъ невозможно сократить никакою экономіею, Архангельская губернія должна уплачивать въ настоящее время на 959.000 руб. болѣе, чѣмъ платила 30 лѣтъ тому назадъ, что̀ составляетъ по 7 р. 30 коп. на мужскую душу, а на взрослаго, могущаго заработывать свой хлѣбъ, почти по 15 руб. Очевидно, что слабое развитіе промысловъ съ этого времени ни какимъ образомъ не могло доставить народу такого излишка въ доходахъ, который бы уравновѣшивалъ этотъ обязательный милліонъ лишняго расхода. Причина народнаго обѣдненія очевидна, и надо еще удивляться, что она выразилась только въ 800.000 рублей долга за данный въ ссуду хлѣбъ, и недоимкою въ 430.000 рублей. При опредѣленіи количества платимыхъ податей, еще не приняты во вниманіе ни натуральныя повинности, изъ коихъ однѣ дорожныя и подводныя оцѣниваются въ 154.000 руб., потому, что не имѣется данныхъ насколько онѣ возрасли съ 1839 года, когда, безъ сомнѣнія, онѣ были гораздо легче; ни косвенныя подати, ибо уплата ихъ, не будучи обязательною, такъ сказать, предоставлена произволу каждаго.

Послѣ этого общаго взгляда на средства Архангельской губерніи, на тѣ условія, при которыхъ народонаселеніе могло бы пользоваться извѣстнымъ благосостояніемъ, несмотря на скудость этихъ средствъ, на ходъ развитія главнѣйшихъ отраслей промышленности и торговли Архангельскаго края, и, наконецъ, на существенную причину обѣдненія его, Данилевскій переходитъ къ разсмотрѣнію, въ частности, тѣхъ мѣръ, которыми благосостояніе Архангельскаго края могло бы быть поднято. Эти мѣры раздѣляются на три класса, смотря по той ближайшей цѣли, которая ими достигается,—на мѣры, служащія: къ непосредственному усиленію производства хлѣба, къ усиленію средствъ для пріобрѣтенія его покупкою, и къ удешевленію цѣны хлѣба; т. е. на мѣры къ

развитію земледѣлія, къ развитію промышленности и къ улучшенію путей сообщенія. Четыре предложенія имѣютъ, по мнѣнію Данилевскаго, первостепенную важность, именно: по первому разряду — увеличеніе пространства крестьянскихъ полей расширеніемъ и облегченіемъ возможности дѣлать подсѣки, по второму—развитіе смолокуренія, и усиленіе отпуска строеваго лѣса заграницу въ видѣ досокъ, и по третьему—проведеніе Вятско-Двинской желѣзной дороги. Всѣ прочія мѣры или далеко уступаютъ этимъ четыремъ по своему значенію, или, хотя и весьма важны сами по себѣ, но могутъ лишь весьма медленно выказать свое полезное дѣйствіе, или, наконецъ, по свойствамъ своимъ, таковы, что правительство можетъ имѣть на ихъ успѣхъ лишь весьма косвенное вліяніе.

1. *Смолокуреніе.*

Ограниченіе смолокурнаго промысла послѣдовало въ первый разъ въ 1798 году. Въ изданной тогда оберъ-форстмейстерской инструкціи *) между прочимъ было постановлено: „§ 35. Казеннымъ поселянамъ, окромѣ какъ изъ пней и изъ деревъ, вѣтромъ сломленныхъ или сваленныхъ, сидѣніе смолы и дегтю не производить, подъ взысканіемъ пени, сколько сходъ сельскій приговоритъ. § 38. Запрещается въ казенныхъ лѣсахъ, принадлежащихъ казеннымъ селеніямъ, дѣлать насѣчки на деревьяхъ для добыванія смолы, или сдиранія кожи для сидѣнія дегтя, кромѣ лѣсосѣкъ, кои на настоящій и на два будущіе года для годовой рубки назначены, подъ взысканіемъ пени вдвое противъ учиненнаго вреда и убытка“.

Въ этомъ же году послѣдовало ограниченіе лѣснаго промысла и въ другихъ отношеніяхъ, что̀ принесло бы большое стѣсненіе для народа, если бы въ строгости соблюдалось. Но подсѣчка продолжала тайно производиться, и въ дѣлахъ того времени часто встрѣчаются конфискаціи смолы и смолья, несмотря на которыя въ то время добывалось въ Архангельской губерніи, сплавлялось по Двинѣ и отправлялось за границу болѣе 112.500 бочекъ въ годъ, конечно, не изъ однихъ пней и валежника. Въ началѣ царствованія Императора Александра I-го, правительство взгля-

*) Полное собраніе законовъ, годъ 1798. Указъ 12-го марта, № 18.429.

нуло другими глазами на это дѣло, и, по представленію тогдашняго Министра Финансовъ, графа Васильева, послѣдовалъ указъ 19-го февраля 1804 года, коимъ опредѣлено: „§ II. По Архангельской губерніи, въ уѣздахъ Шенкурскомъ, Холмогорскомъ и Пинежскомъ, чрезъ которые протекаетъ рѣка Двина, и въ коихъ какъ для флота лѣсъ, такъ и смола въ заморскій отпускъ приготовляется при тѣхъ только селеніяхъ, которыя смолокуреніе производятъ, сверхъ листвиничныхъ деревьевъ, кои повсюду запрещены въ пользу флота, отдѣлить для того жъ изъ сосновыхъ лучшіе также и для строенія коммерческихъ судовъ, въ разстояніи отъ судоходной рѣки Двины сосновые въ 50-ти верстахъ, а отъ малыхъ рѣкъ, въ судоходную впадающихъ, съ сторонъ на 25 верстъ. § III. Всѣ достальные сосновые лѣса, не имѣющіе такого качества, чтобы могли достигать по свойству грунта въ годные на корабельное строеніе, ни на доски, а только способные на крестьянское строеніе, на дрова и смолу, т. е. малорослые, низкосучные, ранностарѣющіеся, оставлять на употребленіе поселянамъ на ихъ промыслы. § IV. Отдѣленные корабельные и особо для строенія коммерческихъ судовъ лѣса, для лучшаго присмотра и различенія, отграничить отъ тѣхъ, кои оставлены будутъ поселянамъ, гдѣ нѣтъ живыхъ урочищъ, просѣками и ложниками. § V. Оставленные на промыслы крестьянскіе лѣса нынѣ не предполагается дѣлить на лѣсосѣки, по неудобности и затрудненію. § VI. Хотя извѣстно, что смолокуреніе производится изъ сосноваго валежника, сухаго подстоя, пней и корней, и изъ растущаго—низкосучныхъ и малорослыхъ деревьевъ, а по 38-му пункту оберъ-форстмейстерской инструкціи запрещено въ лѣсахъ дѣлать насѣчки на деревьяхъ, для добыванія смолы; но въ Архангельской губерніи, по изобилію лѣсовъ, полагается дозволить и подсочку деревьевъ на смолокуреніе, съ тѣмъ только, чтобы подсачиваемы не были толще семи вершковъ въ поперечникѣ, считая отъ земли на шести футахъ, ибо таковые годятся на хоромное строеніе“.

Для приведенія въ исполненіе этого указа была назначена особая Коммисія, которая весьма успѣшно и скоро окончила свое дѣло, потому, что смотрѣла на него съ самой простой и практической точки зрѣнія. Она отдѣлила только однѣ строевыя рощи, назначенныя для кораблестроенія, а все остальное пространство, безъ раздѣленія на участки, сообразно тому, какъ было сказано въ указѣ, предоставила крестьянамъ.

Коммисія начала свои дѣйствія съ Холмогорскаго уѣзда, гдѣ, выдѣливъ 4.457 десятинъ въ корабельныя рощи, 819.750 десятинъ предоставила на употребленіе крестьянамъ. Это еще не весь лѣсъ Холмогорскаго уѣзда, ибо въ немъ считается его слишкомъ 1.300.000 десятинъ, а только часть, прилежащая къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ смолокуреніе производилось. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ предоставлено было подъ смолокуреніе болѣе 1.000.000 десятинъ, остальной же (всего лѣсу въ этомъ уѣздѣ 2.059.000 десятинъ) не былъ осмотрѣнъ Коммисіей. Тогда же повелѣно было всю конфискованную смолу и смолье крестьянамъ возвратить. Послѣ указа 1804 года послѣдовали самые сильные отпуски смолы, доходившіе въ 1810 году до 163.166 бочекъ смолы и 29.784 бочекъ пеку, которыя соотвѣтствуютъ 63.823 бочкамъ смолы, такъ что весь отпускъ составлялъ 226.989 бочекъ смолы; въ 1811 году отправлено было 181.701 бочка, а въ 1815 году 238.804 бочки, что̀ составитъ наибо̀льшее количество, когда-либо отпущенное за границу. Самые сильные отпуски въ послѣдующее время не достигали даже отпуска 1811 года, именно въ 1840 году было отпущено въ видѣ смолы и пека 162.234 бочки, а въ 1863—151.535 бочекъ.

Изъ дѣлъ видно, что тогдашнее Лѣсное Управленіе не могло скоро свыкнуться съ свободою смолокуренія, и продолжало запрещать вырубку подсоченнаго лѣса, такъ что нужны были неоднократныя подтвержденія Лѣснаго Департамента—не препятствовать вырубкѣ этого лѣса. Но наконецъ взглядъ мѣстнаго управленія получилъ перевѣсъ и въ центральномъ управленіи. 15-го августа 1830 года Архангельская Казенная Палата донесла Министерству Финансовъ о необходимости ограничить смолокуреніе. Графъ Канкринъ потребовалъ свѣдѣній отъ военнаго губернатора, который подтвердилъ донесеніе Казенной Палаты, взваливъ всю вину на Коммисію 1804 года, отъ образа дѣйствій которой будто бы неминуемо должно было послѣдовать настоящее истощеніе лѣсовъ. Но эта фраза, которая потомъ непрестанно повторялась, не только была совершенно голословна, но прямо опровергалась тѣми положительными данными о состояніи лѣсовъ, которыя были доставлены Министру Финансовъ самою Казенною Палатою, на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ мѣстными лѣсничими. Эти свѣдѣнія могли быть окончательно собраны не ранѣе сентября 1837 года. Изъ нихъ видно, что въ Шенкурскомъ уѣздѣ на 1.180.311 десятинъ лѣса тѣхъ мѣстностей, гдѣ смолокуреніе производилось, про-

странство подсоченнаго лѣса составляло только 36.005 десятинъ, изъ коего въ то время выкуривалось 51.227 бочекъ смолы, и что изъ 40 дачъ, въ которыя входятъ эти 36.005 десятинъ, 9 находятся въ изобильномъ состояніи, 21 въ посредственномъ и только 10 въ скудномъ. Въ Холмогорскомъ же уѣздѣ, изъ 767.191 десятины лѣса, подсочено только 2.880 десятинъ, изъ коихъ выкуривалось 6.763 бочки смолы, и изъ 12 дачъ 9 находились въ изобильномъ состояніи и только 3 въ посредственномъ. Изъ этихъ свѣдѣній видно также, что въ Шенкурскомъ уѣздѣ крестьяне подсачивали лѣсъ даже до 25 верстъ отъ своихъ селеній, и что, слѣдовательно, нечего было опасаться оскудѣнія даже ближайшихъ къ селенію дачъ; и, хотя они подсачивали деревья не въ такихъ только дачахъ, гдѣ сплошь растетъ нискосучный и малорослый лѣсъ, ибо онъ почти вездѣ растетъ совмѣстно съ хорошими деревьями, но таковыхъ однако же крестьяне не трогали. Несмотря на это, еще до полученія этихъ свѣдѣній, 23-го октября 1835 г. послѣдовало распоряженіе Министра Финансовъ, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ: 1) изъ лѣсовъ Шенкурскаго уѣзда, приблизительно въ 1.000.000 десятинъ, выдѣлить лучшія сосновыя дачи, особенно вблизи рѣкъ, 700.000 десятинъ, приблизительно; 2) затѣмъ весь остающійся, для смолокуренія, лѣсъ раздѣлить, по суровости климата, на 100 частей; 3) каждый годъ употреблять только одинъ участокъ и затѣмъ запускать; 4) во избѣжаніе проволочекъ, отдѣлить для каждаго селенія по два годовыхъ участка, а затѣмъ отдѣлять по одному каждый годъ не позже 1-го августа, участки же отграничивать по глазомѣру просѣками; 5) по неимѣнію свѣдѣній о прочихъ уѣздахъ, гдѣ производилось смолокуреніе, составить и для нихъ правила сообразно вышеизложенному; 6) до приведенія же всего этого въ исполненіе, оставить выкурку смолы на прежнемъ основаніи.

На семъ основаніи, Казенная Палата запретила тогда же съ 1836 года дальнѣйшую подсочку деревьевъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, дозволивъ смолокуреніе только изъ подсоченнаго уже лѣса, до тѣхъ поръ, пока не будутъ выдѣлены годовые участки. Относительно же Холмогорскаго уѣзда, Палата приступила къ собиранію свѣдѣній, главные выводы изъ которыхъ сообщены выше. По полученіи этихъ свѣдѣній, Палата заключила, что въ Холмогорскомъ уѣздѣ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакого основанія принимать какія-либо ограничительныя мѣры и просила разрѣшенія Департамента Го-

сударственныхъ Имуществъ оставить смолокуреніе въ Холмогорскомъ уѣздѣ на прежнихъ основаніяхъ. Но Департаментъ не уважилъ представленія Палаты, и отъ 18-го сентября 1836 года предписалъ ей немедленно исполнить приказаніе Министра Финансовъ, т. е. ввести тѣже ограниченія, что̀ и для Шенкурскаго уѣзда. На этомъ основаніи, въ той части Холмогорскаго уѣзда, гдѣ занимались смолокуреніемъ, изъ 885.411 десятинъ положено было 311.020 десятинъ причислить къ корабельнымъ рощамъ; для смолокуренія же собственно оставить только 75.000 десятинъ, раздѣливъ ихъ также на 100 участковъ, и въ одномъ лишь участкѣ въ 750 десятинъ дозволять каждый годъ смолокуреніе. До введенія же сихъ участковъ, „дабы удержать крестьянъ Холмогорскаго уѣзда отъ истребленія лѣсовъ, предписать всѣмъ Волостнымъ Правленіямъ внушить крестьянамъ, чтобы они смолокуреніе производили въ мѣстахъ, гдѣ отъ мѣстнаго лѣснаго начальства указано будетъ, а вновь лѣсовъ отнюдь не подсачивали подъ страхомъ преданія суду". Временной Совѣтъ для Управленія Государственными Имуществами, найдя распоряженія Казенной Палаты правильными и согласными съ предписаніемъ Министра Финансовъ, разрѣшилъ 11-го февраля 1837 года привести ихъ въ исполненіе и въ Холмогорскомъ уѣздѣ. Этимъ распоряженіемъ нанесенъ былъ смолокуренію въ Холмогорскомъ уѣздѣ смертельный ударъ. Оно продолжалось еще нѣсколько лѣтъ изъ прежде подсоченныхъ деревьевъ; но, такъ какъ предполагавшіеся участки выдѣлены никогда не были, оно давно уже совершенно прекратилось. Между тѣмъ, въ Холмогорскомъ уѣздѣ выкуривалось еще въ 1834 г. 8.697 бочекъ смолы, что̀, по средней цѣнѣ въ 3 р. 60 к., составитъ слишкомъ 31.000 руб., а за исключеніемъ тогдашней пошлины въ 33 коп. съ бочки—28.000 руб. ежегоднаго дохода, котораго лишены были жители.

Въ началѣ не разсчитывали, конечно, на такой окончательный результатъ, и старались приступить, какъ можно скорѣе, къ выдѣлу участковъ. Но нужные землемѣры для этого не находились, и только 11-го мая 1838 г. были командированы три партіи ихъ изъ Петербурга. Въ инструкціи, данной имъ уже отъ вновь образовавшагося тогда Министерства Государственныхъ Имуществъ, опять повторяется, что крестьяне, пользуясь даннымъ имъ въ 1804 году правомъ, истощили во многихъ мѣстахъ лѣсныя дачи, выкуривая въ годъ до 50.000 бочекъ смолы и подсачивая для сего

деревья въ количествѣ, превышающемъ ежегодную пропорцію подроста. Между тѣмъ, по предписанію Министра Финансовъ, разбивъ смолокурные лѣса на 100 участковъ въ Шенкурскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ, предоставлялось крестьянамъ по 7.750 десятинъ въ годъ. Считая по 20 кубическихъ саженъ дровъ на десятинѣ и по 4 бочки смолы съ сажени смолья, это пространство соотвѣтствовало бы 620.000 бочкамъ, тогда какъ въ дѣйствительности, въ тѣ годы, отправлялось за границу не болѣе 100.000 бочекъ смолы, считая въ томъ числѣ и выдѣлываемый изъ нея пекъ. Несмотря на это, страхъ истребленія неистребимыхъ лѣсовъ заставилъ предпринять нескончаемую работу выдѣленія участковъ, которые приблизительно должны были равняться 1/100 доли всего количества лѣса, и каждый долженъ былъ быть окруженъ саженною просѣкою и имѣть, по возможности, форму квадратовъ и прямоугольниковъ.

Чтобы не заставить крестьянъ слишкомъ долго ожидать, сначала должно было выдѣлить участки на два года, сообразно съ тѣмъ, что̀ было предположено въ предписаніи Министра Финансовъ отъ 23-го октября 1835 года. Работы начаты были съ Шенкурскаго уѣзда, и въ теченіе лѣта 1838 г. надѣлено 5.364 души; а такъ какъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ считалось въ то время слишкомъ 21.000 душъ, то въ годъ надѣлили 1/4 крестьянъ участками на два года; слѣдовательно, продолжая такимъ образомъ, на третій годъ, когда приступили бы къ надѣленію третьей четверти, первая уже вырубила бы свои участки и требовала бы новаго надѣленія. Но до этого не дошло; въ слѣдующемъ же году это дѣло было оставлено, а вмѣсто того землемѣрамъ поручено приступить къ надѣленію крестьянъ 15-ти-десятинною пропорціею земли, во исполненіе Высочайшаго указа 1804 года, и дабы возможно было размежевать удѣльныхъ крестьянъ отъ государственныхъ. Но и эта мѣра не скоро могла быть приведена къ окончанію, а такъ какъ до тѣхъ поръ никакія мѣры, относительно смолокуренія, не могли быть установлены, подсочка же съ 1836 г. была пріостановлена, то Архангельская Удѣльная Контора, 6-го февраля 1842 года, вошла въ сношеніе съ Архангельскою Палатою Государственныхъ Имуществъ о дозволеніи подсачиванія лѣсовъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, прежде надѣленія удѣльныхъ крестьянъ узаконенною пропорціею земли, которое, по отзыву начальника землемѣрныхъ партій, раньше восьми лѣтъ не могло быть приведено

къ окончанію. Удѣльная Контора подкрѣпляла свою просьбу тѣми соображеніями, что въ Шенкурскомъ уѣздѣ смолокуреніе—главный промыселъ жителей, что значительная часть тамошнихъ лѣсовъ ни на какое другое употребленіе не годна, и что, при бдительномъ надзорѣ лѣснаго начальства и удѣльнаго вѣдомства, можно уберечь надежные лѣса отъ подсочекъ, и предлагала слѣдующія мѣры къ охраненію лѣсовъ: 1) чтобы нуждающіеся въ подсочкѣ объявляли на мірскомъ сходѣ, сколько кому нужно деревьевъ и въ какихъ мѣстахъ; 2) чтобы мѣста эти свидѣтельствовались старшинами, командируемыми Удѣльными Приказами; 3) чтобы Приказъ, удостовѣрившись, что указанныя мѣста ни на что болѣе, кромѣ подсочки, негодны, доводилъ о томъ до свѣдѣнія лѣснаго начальства; 4) чтобы мѣстный лѣсничій разрѣшалъ новую подсочку, удостовѣрившись въ справедливости донесенія Удѣльнаго Приказа. Эти предложенія нашли полное сочувствіе въ Архангельской Палатѣ Государственныхъ Имуществъ, которая считала полезнымъ не только разрѣшить на этихъ основаніяхъ подсочку въ Шенкурскомъ уѣздѣ, но распространить эту мѣру и на Холмогорскій уѣздъ, и въ такомъ смыслѣ доносила въ первый Департаментъ Государственныхъ Имуществъ. Но Департаментъ, проникшись лѣсоохранительными идеями, первоначально возникшими у мѣстнаго управленія, вмѣсто разрѣшенія этихъ мѣръ, потребовалъ отъ Палаты Государственныхъ Имуществъ, 13-го марта 1843 г., свѣдѣній, дѣйствительно ли ненадѣленные еще крестьяне имѣютъ недостатокъ въ подсоченномъ лѣсѣ, и въ какой мѣрѣ можно допустить новую подсочку, безъ истощенія дачъ. Свѣдѣнія эти могли быть собраны только къ августу 1846 года. Изъ нихъ оказалось, что въ Шенкурскомъ уѣздѣ среднимъ числомъ было еще подсоченнаго лѣса на 12²/₃ года на 1.983 хозяина. Такъ какъ этотъ разсчетъ могъ быть сдѣланъ только по произвольному предположенію, что каждый хозяинъ будетъ курить ежегодно извѣстную опредѣленную пропорцію, именно по одной ямѣ въ годъ, то, собственно говоря, это означало, что подсоченнаго лѣса было еще на 24.523 ямы. Но и яма мѣра неопредѣленная. Въ нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ показано, что на яму считается 10 кубическихъ саженъ смолья, въ другихъ же только четыре кубическія сажени, а въ бо́льшей части вовсе ничего не показано. Принявъ высшую пропорцію, и считая по 20 кубическихъ саженъ дровъ на десятину, окажется, что подсоченнаго лѣса оставалось 12,260 десятинъ, т. е. на годъ по 1.000 десятинъ, что̀

даетъ менѣе $^1/_2$ десятины на хозяина смолокура, т. е. гораздо меньше, чѣмъ по сколько намѣревались нарѣзывать въ смолокурные участки. Еще новое доказательство, что все дѣло было поднято по пустому, что вся тревога объ истощеніи лѣсовъ была фальшивая. Ежели же лѣсъ былъ подсоченъ на много лѣтъ впередъ, то это было тѣмъ выгоднѣе, потому что, чѣмъ долѣе подсоченное дерево стоитъ на корню, тѣмъ смолистѣе оно становится. Но, ежели такъ много подсоченнаго лѣса въ тѣхъ дачахъ Шенкурскаго уѣзда, въ которыхъ смолокуреніемъ занимались удѣльные крестьяне, то въ дачахъ государственныхъ крестьянъ какъ Шенкурскаго, такъ и Холмогорскаго уѣздовъ, такія прежде подсоченныя деревья уже приходили къ концу; именно, ихъ хватило только на 1—4 года для 748 лицъ, занимавшихся смолокуреніемъ. Весь запасъ заключался въ 1.040 ямахъ или въ 520 десятинахъ подсоченнаго лѣса, что̀ даетъ 7.429 кубическихъ саженъ смолья въ годъ. Это количество осмолу соотвѣтствовало, вмѣстѣ у удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ, 109.465 бочкамъ ежегодной выкурки, чѣмъ и подтверждается вѣрность всего разсчета, такъ какъ въ сороковыхъ годахъ среднее количество отпускавшихся за границу смолы и пеку, приведеннаго въ смолу, составляло 105.000 бочекъ.

Кромѣ этихъ данныхъ о количествѣ подсоченнаго лѣса, доставленныхъ въ Палату, а Палатою въ Департаментъ, были собраны свѣдѣнія о томъ, сколько удѣльные и государственные крестьяне желали подсочить деревьевъ для поддержанія своихъ оскудѣвавшихъ запасовъ. Удѣльные крестьяне объявили, что имъ нужно подсочить 2.388.355 деревъ, что̀ соотвѣтствуетъ, принимая 150 деревъ на кубическую саженъ и 4 бочки смолы изъ кубической сажени — 15.926 куб. саженямъ осмолу и 63.704 бочкамъ смолы. Такъ какъ это просилось на время отъ пяти до десяти лѣтъ, или среднимъ числомъ на семь лѣтъ, то на годъ выходило только 9.100 бочекъ смолы, что̀, при обильномъ запасѣ подсоченнаго лѣса, могло быть достаточнымъ. Государственные же крестьяне просили дозволить имъ подсочить 1.608.120 деревъ въ Холмогорскомъ и 534.800 деревъ въ Шенкурскомъ уѣздахъ; всего же 2.142.920 деревъ. Это количество просилось для 5.056 ямъ и 748 хозяевамъ, т. е., принимая по ямѣ на годъ, среднимъ числомъ на 6—8 лѣтъ, или, по вышеприведенному разсчету, по 2.101 куб. сажени на годъ, которыя могли дать 8.400 бочекъ смолы, т. е. именно то количество,

которое выкуривалось и прежде государственными крестьянами. Относительно бо̀льшее количество деревъ, просимыхъ государственными крестьянами, объясняется значительно бо̀льшимъ оскудѣніемъ ихъ запасовъ подсоченнаго лѣса, чѣмъ у удѣльныхъ крестьянъ. Собираніе всѣхъ этихъ свѣдѣній, однако же, не имѣло еще результатовъ, и въ Холмогорскомъ уѣздѣ подсочка деревьевъ остается до сихъ поръ запрещенною, допускаясь лишь въ видѣ исключенія нѣкоторымъ лицамъ, которымъ отводится для сего опредѣленное пространство. Только въ удѣльныхъ имѣніяхъ подсочка возобновилась, потому что тамошніе лѣса были, сообразно первоначальному плану графа Канкрина, разбиты на участки, или такъ называемые кварталы, которые отводятся не погодно, а на десять лѣтъ.

Такъ какъ государственные крестьяне не могли быть надѣлены 15-ти-десятинною пропорціею земли, по обширности пространства и многодѣльности этого надѣленія, то и прочіе лѣса, которые оставались бы внѣ надѣла, не могли быть разбиты на участки. Поэтому, предположены были Архангельскою Палатою Государственныхъ Имуществъ другія мѣры для спасенія лѣсовъ отъ истребленія излишнимъ смолокуреніемъ. Еще въ отвѣтѣ своемъ отъ 22-го мая 1842 года на предложеніе Удѣльной Конторы допустить вновь подсочку деревьевъ, подъ извѣстными условіями, Архангельская Палата совершенно справедливо замѣтила, что всѣ предложенія для охраненія лѣсовъ на вѣчныя времена, какъ-то: обращеніе поселянъ къ другимъ промысламъ, надѣлъ крестьянъ узаконенною пропорціею земли, раздѣленіе лѣсовъ на участки и т. д., лишены практическаго характера, и что, поэтому, надо изыскать легчайшій способъ къ охраненію лѣсовъ отъ совершеннаго истребленія. Этотъ способъ и изложенъ ею въ отвѣтѣ отъ 30 сентября 1846 г., на предписаніе Лѣснаго Департамента, отъ 13 марта 1843 г., доставить какъ свѣдѣнія о количествѣ имѣющагося еще подсоченнаго лѣса, такъ и свои соображенія о томъ, на какихъ основаніяхъ новая подсочка могла бы быть допущена. Это мнѣніе Палаты было впослѣдствіи повторено, какъ предложеніе инспектора межеванія казенныхъ земель, генералъ-маіора Венцеля, обозрѣвавшаго въ 1846 г. межевыя дѣйствія въ Архангельской губерніи, составленное имъ по взаимному соглашенію съ управляющими Удѣльною Конторою и Архангельскою Палатою Государственныхъ Имуществъ и съ начальникомъ съемки. Мнѣніе это, кажется, само по себѣ весьма основательнымъ, и если бы въ приложенной къ оному таб-

лицѣ не вкрались самыя странныя ошибки, оно должно бы было до очевидности ясно показать, что смолокуренію въ Архангельской губерніи можетъ быть предоставлена полнѣйшая свобода, безъ малѣйшаго опасенія за истощеніе лѣсовъ. Оно заключалось въ слѣдующемъ: По надѣленіи крестьянъ 15-ти-десятинною пропорціею, приступить къ приблизительной таксировкѣ остальныхъ частей дачъ; по окончаніи же оной, въ каждой дачѣ сдѣлать нѣсколько опытовъ, для опредѣленія средняго количества деревъ, приходящихся на кубическую сажень смольника, чѣмъ опредѣлится то количество смолы, которое можно будетъ въ каждой дачѣ ежегодно выкуривать. Слѣдовательно, если строго наблюдать за тѣмъ, чтобы болѣе сего количества не сплавлялось, то и не будетъ предстоять надобности приступать къ обременительной работѣ выдѣла ежегодныхъ или даже пятилѣтнихъ участковъ. Крестьяне сами собою прекратятъ излишнюю подсочку деревъ, потому что она будетъ для нихъ совершенно безполезна, когда они не будутъ имѣть права сплавлять болѣе назначеннаго по смѣтѣ количества смолы. Но, такъ какъ надѣленіе крестьянъ и отаксированіе лѣсовъ можетъ продолжаться неопредѣленное время, а если до того времени запретить подсочку, то запасъ подсоченнаго лѣса можетъ истощиться и, съ прекращеніемъ смолокуренія, крестьяне должны будутъ лишиться средствъ къ пропитанію,—посему допустить новую подсочку, какъ только приведется въ извѣстность количество имѣющагося въ запасѣ подсоченнаго лѣса, съ слѣдующими ограниченіями: составить для каждой дачи приблизительную смѣту того количества смолы, которое можетъ быть выкуриваемо безъ истощенія ея, принимая въ руководство, при исчисленіи вырубки деревъ, циркулярное предписаніе Товарища Министра Государственныхъ Имуществъ отъ 27 марта 1843 года, которымъ дозволяется ежегодно вырубать съ десяти десятинъ до четырехъ строевыхъ деревъ и четыре кубическія сажени дровъ, полагая на каждую сажень разнороднаго дровянаго лѣса до 20 деревъ и въ томъ числѣ только $^1/_6$ часть сосновыхъ. Слѣдовательно, по этому вычисленію выходитъ, что можно срубать съ десятины по 1,4 сосноваго дерева, или по 14-ти сосновыхъ дровяныхъ деревъ съ 10-ти десятинъ. Для опредѣленія же количества выкуриваемой смолы принять въ основаніе свѣдѣнія, доставленныя Удѣльною Конторою. На сихъ основаніяхъ была составлена таблица того количества смолы, которое можно дозволить выкуривать въ каждой дачѣ, не опасаясь истощенія лѣсовъ.

Основанія для составленія этой таблицы приняты, очевидно, самыя умѣренныя—съ 10-ти десятинъ по 14-ти сосновыхъ деревьевъ—и однако мы увидимъ, къ какимъ неожиданнымъ результатамъ это насъ приведетъ, если будемъ вычислять правильно. Для ясности, приводятся итоги таблицы по Шенкурскому и Холмогорскому уѣздамъ.

Пространство дачъ	1.695.801
Число деревъ, которое можетъ быть ежегодно вырубаемо.	2.374.121
Число деревъ, назначенныхъ крестьянамъ на домашнія потребности	186.840
Число деревъ, остающихся на смолокуреніе	2.187.281
Количество смолы, могущее выкуриваться изъ назначеннаго числа деревъ	58.708

Дѣйствительно, если бы ежегодно можно было выкуривать не болѣе 58.708 бочекъ смолы, между тѣмъ какъ ее выкуривалось въ теченіи послѣднихъ 60 лѣтъ среднимъ числомъ до 106.000 въ годъ, т. е. почти вдвое, и въ томъ же, по крайней мѣрѣ, размѣрѣ выкуривалось и прежде, то дѣйствительно пришлось бы позадуматься надъ участью Архангельскихъ лѣсовъ и удивляться, какъ до сихъ поръ еще такъ много лѣса даже въ тѣхъ мѣстностяхъ Шенкурскаго и Холмогорскаго уѣздовъ, гдѣ курится и курилась смола. Но изумленіе приметъ совершенно противоположное направленіе, если убѣдимся, что смѣтное количество смолы уменьшено въ 34 раза, частію по неосновательности, съ которою таблица составлена, частію по ошибочности примѣненія къ Шенкурскому и Холмогорскому уѣздамъ основаній, изложенныхъ въ предписаніи товарища Министра 1843 года. Въ самомъ дѣлѣ, вторая графа составлена на основаніи предположенія, что кубическая сажень дровъ выходитъ изъ 20 деревьевъ, а графа пятая — по свѣдѣніямъ, доставленнымъ Удѣльною Конторою, что на кубическую сажень дающую 4 бочки смолы, требуется 150 деревъ. Слѣдовательно, очевидно, что каждое дерево, которое дозволяется вырубать, сообразно второй графѣ, содержитъ въ себѣ 7½ тѣхъ деревъ, изъ которыхъ накалывается смолье для выкурки смолы, или, другими словами, что изъ 2.187.281 дерева, коихъ приходится по 20 на сажень, будетъ выкуриваться не 58.708 а 410.952 бочки, и это совершенно независимо отъ того, ошибалась или нѣтъ Удѣльная Контора, опредѣливъ, что кубическая сажень дровъ выходитъ изъ 150 деревьевъ. Этого перечисленія сажень на деревья вовсе не зачѣмъ было дѣ-

лать, такъ какъ вѣдь и контролировать предполагалось не число вырубаемыхъ или подсачиваемыхъ деревьевъ, а количество выдѣлываемой смолы, и если можно вырубать въ годъ $1/15$ куб. сажени сосновыхъ дровъ, среднимъ числомъ, съ десятины, какъ назначено въ циркулярѣ товарища Министра, и если изъ кубической сажени этихъ дровъ выходитъ 4 бочки смолы (что̀ дѣйствительно можно принять за норму для ямной выкурки), то количество смолы, которое можно ежегодно выкуривать будетъ $\frac{1.695.801 \times 4}{15} = 452.213,6$ бочекъ (разница съ вышеприведеннымъ числомъ происходитъ отъ того, что здѣсь не исключены тѣ деревья, которыя должны бы идти на домашнія нужды крестьянъ). Этой огромной ошибки составители таблицы могли бы и не дѣлать; но другая ошибка была, для нихъ, такъ сказать, обязательна, хотя они могли и даже должны бы были ее оговорить. Въ циркулярѣ товарища Министра принято, что сосна составляетъ $1/6$ смѣшанныхъ лѣсонасажденій. Можетъ быть для другихъ мѣстностей Россіи это и справедливо, но никакъ не для Холмогорскаго, Шенкурскаго и Пинежскаго уѣздовъ Архангельской губерніи. По таксаціи старшаго таксатора Цигры, въ Покшенской дачѣ Пинежскаго уѣзда, оказывается, что среднимъ числомъ изъ 5 пробныхъ площадей на одну десятину приходится на десятинѣ 26,61 куб. сажень дровъ и, въ томъ числѣ, не сосновыхъ—только 787 куб. саженъ; изъ чего слѣдуетъ, что сосновыя дрова составляютъ не $1/6$, а $7/10$, т. е. почти $3/4$ здѣшнихъ лѣсовъ, или въ 4,22 раза больше, чѣмъ принимаетъ инструкція Товарища Министра. Увеличивъ во столько разъ полученное выше число (410.952 бочки), мы найдемъ, что количество смолы, которое можно бы было добывать изъ дачь Шенкурскаго и Холморскаго уѣздовъ, составитъ 1.734.217 бочекъ въ годъ, а такъ какъ наибольшій отпускъ смолы составлялъ только 238.804 бочки, т. е. слишкомъ въ семь разъ меньше, средній-же выкуръ слишкомъ въ 16 разъ меньше, то всякая забота объ огражденіи лѣсовъ отъ истребленія ихъ смолокуреніемъ должна быть устранена, и смолокуренію можетъ быть данъ полнѣйшій просторъ. Если бы истинные результаты такой приблизительной таксаціи выяснились, какъ для Палаты, такъ и для Министерства, то должно полагать, что всякая мысль, какъ о таксаціи, такъ и о раздѣленіи лѣсовъ на участки, какъ о дѣйствіяхъ по крайней мѣрѣ совершенно безполезныхъ, была бы оставлена, и дѣло возвращено къ тому положенію, въ которое оно было по-

ставлено указомъ и дѣйствіями Коммиссіи 1804 года, и изъ котораго его вывело донесеніе Казенной Палаты отъ 15-го августа 1830 года.

Такимъ образомъ, результатомъ всего этого изслѣдованія выходитъ, что не только лѣса Архангельской губерніи вообще, но даже и въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ смолокуреніе производится, оскудѣть никакимъ образомъ не могутъ. Къ этому же выводу можно было бы дойти и гораздо проще. Такъ какъ въ годъ отпускается, среднимъ числомъ, съ небольшимъ 100.000 бочекъ смолы и пеку, а кубическая сажень смольника даетъ 4 бочки, то это количество добывается изъ 25.000 куб. саженъ дровъ (при печномъ смолокуреніи даже изъ 20.000 только). Принявъ, что съ десятины среднимъ числомъ нарубается не болѣе $12\frac{1}{2}$ кубическихъ саженъ сосновыхъ дровъ (вмѣсто 18 саженъ, какъ выходитъ по таксаціи), въ годъ истребится только до 2.000 десятинъ лѣсу, а какъ его болѣе 1.600.000 въ тѣхъ дачахъ двухъ уѣздовъ, гдѣ производится смолокуреніе, то если бы лѣсъ не подросталъ, то и тогда могъ бы онъ быть истребленъ не ранѣе 800 лѣтъ; а такъ какъ въ 100 лѣтъ онъ уже во всякомъ случаѣ выростаетъ до той степени, чтобы годиться на смолье, то на смолокуреніе употреблялось ежегодно не болѣе одной восьмой части годоваго подроста.

Но для развитія смолокурнаго промысла въ Архангельской губерніи еще недостаточно устраненія тѣхъ мѣръ, которыя стѣсняли его условнымъ или безусловнымъ запрещеніемъ подсочекъ. Отпускъ смолы изъ Архангельска ограничивается соперничествомъ съ нами Америки и Швеціи, такъ что и то количество, которое нынче выкуривается, въ иной годъ нельзя сбыть за границу по самымъ дешевымъ цѣнамъ, какъ напримѣръ въ нынѣшнемъ и прошедшемъ годахъ, когда цѣна на смолу составляла отъ 2 руб. 55 коп. до 2 80 коп. за бочку, а на пекъ 47 коп. за пудъ. На это пониженіе цѣны на смолу и ограниченіе ея отпуска имѣли вліяніе слѣдующія обстоятельства: 1) еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, значительное количество смолы употреблялось въ Шотландіи для обмазыванія овецъ, чѣмъ тамъ предохраняли ихъ отъ какихъ - то болѣзней: теперь-же, по причинѣ ли худшаго качества смолы, слишкомъ густой, или по причинѣ нѣсколько лѣтъ продолжавшейся дороговизны, стали для сего употреблять смолу, получаемую изъ каменнаго угля, при добываніи свѣтильнаго газа; 2) какъ причину уменьшенія въ потребности на смолу выставляютъ еще значитель-

ное количество строящихся въ настоящее время желѣзныхъ кораблей, которые не надо смолить, и замѣнъ пеньковыхъ канатовъ и веревокъ цѣпями и проволочными снастями. Я думаю однакоже, что мореплаванiе, которое главнымъ образомъ производится все-таки на деревянныхъ корабляхъ, такъ сильно возрастаетъ, что, несмотря на эти причины, уменьшающiя потребность въ смолѣ, въ настоящее время все-таки гораздо болѣе требуется смолы, чѣмъ въ началѣ нынѣшняго столѣтiя; 3) главную причину, ограничивающую отпускъ смолы изъ Архангельска, составляетъ, безъ сомнѣнiя, соперничество Америки и Швецiи. Въ Америкѣ смола добывается преимущественно изъ породы сосны, растущей въ Сѣверной Каролинѣ, и потому во время американской междоусобной войны отпускъ ея прекратился. Въ эти четыре года, съ 1861 по 1864, отпускъ нашей смолы возросъ до 108.917 бочекъ въ годъ (вмѣсто 79.407 бочекъ, отправленныхъ въ остальные 6 лѣтъ послѣдняго десятилѣтiя); къ тому же, цѣны за бочку смолы доходили до 7 р. Если бы подсачиванiе деревьевъ продолжалось по прежнему въ Холмогорскомъ уѣздѣ, мы могли бы отпустить гораздо болѣе; теперь-же всей потребности должны были удовлетворять однѣ удѣльныя дачи Шенкурскаго уѣзда. Но не мы одни воспользовались закрытiемъ американскихъ рынковъ и вздорожанiемъ смолы. Швецiя стала также въ большихъ размѣрахъ приготовлять и вывозить смолу, и по окончанiи американскаго междоусобiя, конкурренцiя стала сильнѣе прежней, и не только уменшился отпускъ, но и цѣны на смолу упали до такой степени, что, при значительности пошлины, несоотвѣтствовавшей выручаемой за смолу цѣнѣ, промыселъ этотъ, въ два послѣднiе года, почтиересталъ давать какiя-либо выгоды. Въ этомъ не трудно убѣдиться изъ слѣдующаго разсчета:

Пошлины за ямную смолу	1 р. 30	к.
„ „ бочку, куда наливаютъ смолу . .	— „ 10	„
„ „ дрова на выкурку бочки смолы .	— „ 5	„
„ „ плотъ или видило, на которомъ смолу сплавляютъ, на каждую бочку	— „ 5	„
Расходы на смолу, идущую на доливку, считая 5 бочекъ на 100	— „ 8½	„
Цѣна бочки	— „ 20	„
Приплавъ до Архангельска	— „ 20	„
Разнаго рода побочныхъ расходовъ	— „ 11½	„
	2 р. 10	к.
Цѣна въ Архангельскѣ	2 р. 80	к.

Слѣдовательно, съ бочки приходится всего только 70 коп. или 9 коп. съ ведра барыша, и то въ томъ случаѣ, если бы крестьяне сами сплавляли смолу; а то еще изъ этого значительная часть попадаетъ въ руки перекупщиковъ, такъ какъ крестьяне принуждены продавать смолу на мѣстахъ, для оплаты ея пошлиною и въ избѣжаніе другихъ расходовъ, которые имъ не подъ силу. При этомъ еще надо принять въ разсчетъ, что крестьянамъ выдаются билеты на вырубку извѣстнаго количества осмолу, по опредѣленной нормѣ выхода смолы изъ осмола, именно по 5 бочекъ изъ кубической сажени, не взирая на то, выкуривалось ли столько, или нѣтъ. Если-же вышелъ бы перекуръ, то это нейдетъ въ пользу смолокура, и онъ у него отбирается и продается съ аукціона, ибо предполагается, что перекуръ можетъ происходить лишь отъ тайно, верхъ назначеннаго количества, нарубленнаго лѣса. Наконецъ, къ расходамъ крестьянъ, продающимъ смолу въ Архангельскѣ, надо еще присчитать расходы на проживаніе тамъ и на обратный путь. Много ли послѣ этого ему останется?

Выкурка печной смолы нѣсколько выгоднѣе, именно пошлина за нее 80 коп. съ бочки; прочіе расходы тѣ же, что и на ямную 80 коп., итого 1 руб. 60 коп. Печная смола продавалась по 2 р. 55 коп. за бочку, такъ что тутъ барыша остается 95 коп. Поэтому теперь и стали, къ великому вреду для торговли смолой почти исключительно курить печную смолу; настоящей же ямной, доставляется не болѣе 5.000 бочекъ въ годъ. Пошлина, собираемая съ удѣльныхъ крестьянъ и съ государственныхъ, по 1-му Шенкурскому и 2-му Холмогорскому лѣсничествамъ еще 20 копѣйками выше, какъ съ ямной, такъ и съ печной смолы.

Изо всего вышеизложеннаго вытекаютъ, какъ необходимыя слѣдствія, два заключенія: во первыхъ, должно оставить всякое опасеніе о возможности истребленія или даже оскудѣнія лѣсовъ чрезъ смолокуреніе изъ подсоченнаго лѣса; во вторыхъ, должно употребить всѣ старанія къ тому, чтобы побѣдить соперничество Швеціи и Америки, и чрезъ это овладѣть смоляными рынками, что̀, по естественнымъ условіямъ Архангельской губерніи, представляется весьма возможнымъ, если она будетъ доставлять смолу возможно лучшаго качества, по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Для этого представляются слѣдующія средства:

1. По примѣру коммисіи 1804 года, выдѣлить какъ строевые лѣса, такъ и тѣ, на которые можно надѣяться, что они совреме-

немъ сдѣлаются строевыми; во всѣхъ же остальныхъ допустить совершенно свободную и безконтрольную подсочку, ибо опытъ достаточно показалъ, что излишняго количества крестьяне подсачивать не станутъ; а чѣмъ долѣе стоитъ подсоченный лѣсъ, тѣмъ дастъ онъ при выкуркѣ большую пропорцію смолы.

2. Такъ какъ крестьяне пряморастущихъ, большерослыхъ деревьевъ сами подсачивать не станутъ, то выдѣленіе запасныхъ строевыхъ рощъ можетъ быть полезнымъ въ тѣхъ только видахъ, чтобы дать лѣсу, въ настоящее время еще мелкому, но растущему при благопріятныхъ условіяхъ, безпрепятственно достигнуть современемъ большихъ размѣровъ. Поэтому, не предстоитъ никакой надобности ожидать выдѣла этихъ запасныхъ строевыхъ рощъ, для разрѣшенія свободной подсочки деревьевъ: она можетъ и должна быть допущена немедленно. При изобиліи лѣса, даже и послѣ многихъ лѣтъ подсочки, всегда найдутся дачи нисколько подсочкою не поврежденныя, которыя и можно будетъ запустить.

3. Раздѣленіе лѣсовъ на участки, или такъ называемые кварталы, прекратить, какъ не только совершенно безполезное, но даже вредное. При полной свободѣ подсачиванія, крестьяне, конечно, выберутъ для сего тѣ именно деревья, которыя вступили въ надлежащій для сего возрастъ, и, такимъ же точно образомъ, станутъ вырубать тѣ подсоченныя деревья, которыя вполнѣ успѣли осмолѣть. При такой выборочной рубкѣ, совершенное оголеніе сколько нибудь значительнаго участка становится немыслимымъ; поэтому, безъ всякой особой заботливости, такіе участки будутъ мало по малу сами собою обсѣменяться. При раздѣленіи же лѣсовъ на кварталы, назначаемые подъ вырубку на извѣстное число лѣтъ, очевидно, что въ послѣдніе годы крестьяне будутъ стараться вырубать все до тла, что̀ въ Шенкурскомъ и Вельскомъ уѣздахъ и дѣлается. Дабы такія, значительной величины, пространства не оголялись совершенно, надо принимать искуственныя мѣры для того, чтобы оставлялось на каждой десятинѣ по нѣскольку деревьевъ, для обсѣмененія, за чѣмъ углядить, конечно, очень трудно. Кромѣ этого, вредъ отъ раздѣленія на кварталы проистекаетъ и изъ того, что въ послѣдніе годы крестьяне станутъ курить смолу изъ лѣса слишкомъ молодаго и, слѣдовательно, нарубать лѣсу больше, чѣмъ бы нужно было для выкурки извѣстнаго количества смолы. Выборочная рубка составляетъ уже, сама по себѣ, правильное очередованіе, основанное на возрастѣ деревьевъ; къ чему же вводить еще

другое чередованіе по кварталамъ, очевидно менѣе совершенное, ибо въ кварталахъ будетъ вырубаться лѣсъ всякихъ возрастовъ, и притомъ совершенно оголяться большія пространства?

4. Покровительство печной смолѣ передъ ямною, наложеніемъ на сію послѣднюю высшей пошлины, должно быть прекращено; ибо, вопреки установившемуся мнѣнію, ямная выкурка во всѣхъ отношеніяхъ предпочтительнѣе печной, какъ это весьма нетрудно доказать.

а) Ямная жидкая смола, по качествамъ своимъ, гораздо выше густой печной, и оплачивается 25 коп. дороже. При браковкѣ раздѣляютъ смолу въ Архангельскѣ на 5 сортовъ, которые обозначаютъ насѣчками или рубежами, дѣлаемыми на бочкахъ. Ямная смола составляетъ высшій сортъ — однорубежку, которой теперь почти вовсе нѣтъ; печная-же составляетъ двү, трехъ, четырехъ и пяти-рубежку. Слава, которую заслужила себѣ въ прежнее время архангельская смола, зависѣла именно отъ того, что тогда производилась исключительно ямная выкурка. Достоинство ямной смолы видно изъ того, что она собственно составляетъ ту приманку, изъ-за которой покупается и болѣе густая печная смола. Такъ, отъ смолы, идущей въ Англію, требуется, чтобы по крайней мѣрѣ третью часть партіи составляла жидкая ямная смола; одной густой вовсе не покупаютъ, и, за неимѣніемъ настоящей ямной, эту роль исполняютъ теперь двү и трехъ-рубежка; въ Голландію же только и берутъ что ямную смолу однорубежку. Уменьшеніе доставки смолы въ Голландію, въ послѣднеее время, поразительно. Между тѣмъ какъ въ десятилѣтіе съ 1816 по 1825 годъ отпускъ въ Голландію составлялъ болѣе 16% всего отпуска, въ десятилѣтіе съ 1858 по 1867 годъ онъ составлялъ менѣе 4%. Неохота, съ которою иностранцы берутъ печную смолу, увеличивается еще тѣмъ, что, по причинѣ густоты, браковка ея невозможна, и въ нее кладутъ, для увеличенія вѣса, камни и песокъ, за что въ послѣдствіи архангельскимъ купцамъ приходится платить, когда дѣло раскроется, такъ называемое одобреніе, т. е. возвращать деньги за эту подмѣшанную смолу. Очевидно, что ежели Архангельскъ будетъ отпускать бо̀льшею частію лучшую ямную смолу не дороже, чѣмъ теперь отпускаютъ печную, что̀ весьма возможно при уменьшеніи пошлины, то весьма вѣроятно, что наша смола получитъ въ торговлѣ значительный перевѣсъ надъ шведскою и американскою и, слѣдовательно, нашъ отпускъ смолы сильно возрастетъ.

б) Пекъ, вываренный изъ ямной смолы, извѣстный въ торговлѣ подъ именемъ зеркальнаго—Spiegel-pech—блестящій, плотный, безъ ноздрей внутри, также цѣнится выше приготовляемаго изъ печной смолы. Но выгоды ямной выкурки не ограничиваются только лучшими качествами ея продуктовъ.

в) Ямная выкурка не требуетъ никакихъ инструментовъ, кромѣ топора да лопаты, и потому можетъ быть производима всякимъ самобѣднѣйшимъ крестьяниномъ, тогда какъ устройство печи требуетъ затраты рублей 40 капитала, чтó для инаго крестьянина очень много. Да такъ дешево стоитъ печь, гдѣ подъ руками глина и кирпичъ дешевъ; тамъ-же, куда нужно кирпичъ возить издалека, цѣна эта значительно увеличивается.

г) Когда печка разъ устроена, то, конечно, подсачиваніе деревьевъ и рубка смолья можетъ производиться только въ небольшомъ разстояніи отъ печки: иначе подвозъ смолья будетъ затруднителенъ; а такъ какъ устройство печи въ новомъ мѣстѣ, хотя бы изъ стараго матеріала, будетъ стоить денегъ, то, во избѣжаніе этихъ издержекъ, хозяинъ будетъ вырубать до тла лѣсъ въ окрестностяхъ печи. Слѣдовательно, печная выкурка содѣйствуетъ оголенію значительныхъ лѣсныхъ пространствъ, чего именно должно стараться избѣгать. Напротивъ того, ямная выкурка можетъ производиться повсемѣстно.

На всѣ эти существенныя преимущества, ямная выкурка представляетъ только одну невыгоду: изъ кубической сажени стольника, одинаковаго качества, выходитъ, при ямной выкуркѣ, нѣсколько меньше смолы, чѣмъ при печной. Это собственно и побудило наложить на ямную смолу 50 коп. лишней пошлины на бочку, и, кромѣ того, назначить ту же норму выкуриваемаго количества смолы для печной и ямной гонки. Но выше было уже объяснено, какъ неосновательны опасенія объ истощеніи лѣса смолокуреніемъ; а при изобиліи, можно даже сказать, при неисчерпаемости лѣснаго матеріала,—покровительствовать, ради его сбереженія, способу, дающему худшій продуктъ, едва-ли раціонально. Поощрять печную выкурку передъ ямною то же самое, чтò заботиться, напримѣръ, о введеніи такого способа солеваренія изъ морской воды, которымъ доставлялась бы соль худшаго качества, но за то въ нѣсколько большемъ количествѣ, ради сбереженія морской воды.

5. Уравненіе пошлинъ съ ямной и печной смолы непремѣнно улучшитъ качество Архангельской смолы; для удешевленія-же ея

необходимо вообще уменьшить эту пошлину, такъ какъ она составляетъ теперь $56^1/_2\%$ продажной цѣны для ямной и $42^1/_2\%$ для печной смолы, причемъ, конечно, очень затруднительно конкурировать съ иностранною смолою. Г. Данилевскій полагаетъ, что вмѣсто разнообразныхъ пошлинъ: за смолу, за дрова, употребленныя на ея выкурку, за лѣсъ на плотъ для ея сплава, за бочку, въ которую она наливается, надо назначить одну пошлину съ продажнаго продукта, т. е. съ самой смолы: по 60 коп. съ бочки, какъ ямной, такъ и печной. Въ такомъ случаѣ, если бы ямная смола стала продаваться вмѣсто 2 р. 80 к. дешевле нынѣшней печной по 2 р. 50 к., то все-же выгоды смолокура были бы на 68 коп. съ каждой бочки больше, чѣмъ сколько онъ нынче получаетъ, т. е. почти вдвое. Совмѣстныя улучшенія продукта, удешевленіе его и увеличеніе выгодъ промышленниковъ не могли бы не увеличить въ значительной мѣрѣ сбыта, такъ что, вѣроятно, чрезъ нѣкоторое время, собираемая со смолы пошлина составила бы не меньшую сумму, чѣмъ нынѣ.

6. Однообразная пошлина и устраненіе мысли объ истребленіи лѣсовъ смолокуреніемъ дозволяютъ отмѣнить всякій учетъ количества вырубленнаго смольника и всякую норму для выкурки смолы. Пошлина собиралась бы у Архангельской заставы, послѣ приплава смолы къ Архангельску, что̀, опять-таки, чрезвычайно бы облегчило крестьянъ, и дало бы возможность всякому смолокуру, или нѣсколькимъ вмѣстѣ сложившимся, самимъ доставлять свои продукты въ Архангельскъ и избавило бы ихъ отъ перекупщиковъ. Лѣсное же начальство было бы освобождено отъ совершенно напрасныхъ хлопотъ отводить участки, выдавать билеты на вырубку, и отъ тому подобныхъ, ни къ чему не ведущихъ, формальностей и стѣсненій. Нельзя, къ сожалѣнію, совершенно уничтожить билетовъ на сплавъ, ибо необходимо знать мѣсто происхожденія смолы, для внесенія пошлины въ удѣльное вѣдомство, или въ Государственное Казначейство. Но эти билеты должны ограничиться только обозначеніемъ числа сплавляемыхъ бочекъ и мѣста происхожденія смолы.

7. Такъ какъ смолокуреніе производится не изъ одниxъ подсоченныхъ деревьевъ, а также изъ пней, корней и сухоподстойнаго лѣса, и такъ какъ выкурка изъ нихъ смолы очищаетъ лѣса́, то для этой смолы полезно бы было назначить еще меньшую пошлину—напримѣръ 20 к. съ бочки; но, такъ какъ по наружному виду нельзя отличать эту смолу отъ выкуренной изъ подсочен-

наго лѣса; то желающіе воспользоватся уменьшенною пошлиною должны доставлять свидѣтельства отъ мѣстнаго лѣснаго начальства, удостовѣряющія, что дѣйствительно такое-то количество бочекъ выкурено такими-то изъ пней и корней.

8. Такъ какъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ смолокуреніе доселѣ не производилось, нѣтъ подсоченныхъ деревьевъ, то, дозволивъ немедленно тамъ подсочку, вырубку подсоченныхъ деревьевъ можно будетъ дозволить начать не ранѣе, какъ чрезъ 5 лѣтъ. Итакъ, подсочиваніе деревьевъ составляетъ трудъ, который начнетъ окупаться и приносить доходъ никакъ не ранѣе 5 лѣтъ; посему, чтобы была охота начать этотъ промыселъ, необходима увѣренность, что пошлина на смолу не будетъ увеличена по крайней мѣрѣ въ теченіе 10 лѣтъ. Слѣдовательно, она должна быть назначаема въ первый разъ на десять, а въ послѣдствіи по крайней мѣрѣ на пять лѣтъ впередъ, и въ теченіе этого времени оставаться неизмѣнною.

Съ принятіемъ этихъ простыхъ мѣръ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что смолокуреніе скоро разовьется по всѣмъ уѣздамъ Архангельской губерніи, и что доходъ Архангельскихъ крестьянъ увеличится не на одну сотню тысячъ рублей.

Прочія лѣсотехническія производства весьма мало развиты въ Архангельской губерніи. Пековарныхъ и скипидарныхъ заводовъ существуетъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ 12, сажекоптильныхъ въ Шенкурскомъ же уѣздѣ 3, дегтярныхъ 2 въ Архангельскомъ, и 1 въ Онежскомъ. По мнѣнію г. Данилевскаго, есть однако же возможность ввести два новыя лѣсотехническія производства, которыя будутъ весьма выгодны. По словамъ нѣкоторыхъ лицъ, слѣдящихъ за ходомъ торговли разными лѣсными произведеніями, въ послѣднее время, подъ вліяніемъ вздорожанія лѣсныхъ продуктовъ вслѣдствіе Американской междоусобной войны, развилась во Франціи новая отрасль промышленности, которая доставляетъ значительное количество канифоли и скипидара самаго превосходнаго качества. Растущую въ окрестностяхъ Бордо и въ Ландскомъ Департаментѣ приморскую сосну (pinus maritima) подсачиваютъ, дѣлая въ ней насѣчки, или просверливая дыры, къ которымъ подставляютъ или подвязываютъ черепки, куда собирается чистая смола, изъ которой приготовляются самые превосходные скипидаръ и канифоль. Продуктами этими пользуются въ періодъ подсочки, а за тѣмъ срубаютъ дерево и добываютъ изъ него обыкновенную смолу. Это

подтвердилъ г. Данилевскому бывшій въ тѣхъ мѣстахъ купецъ Бѣляевъ, сынъ извѣстнаго лѣсопромышленника, устраивающій теперь лѣсопильный заводъ въ деревнѣ Сорокѣ. По его словамъ, промышленность эта чрезвычайно выгодна, такъ что находятъ даже возможнымъ заводить, съ этою цѣлію, плантаціи приморской сосны. Эти канифоль и скипидаръ добываются уже въ довольно значительныхъ количествахъ, такъ что начинаютъ составлять предметъ заграничнаго отпуска. Нѣчто въ родѣ этого дѣлаютъ, правда, и у насъ соскабливаніемъ такъ называемой сѣры съ подсоченныхъ деревьевъ, но, получаемая этимъ способомъ, сѣра бываетъ смѣшана съ оскребками коры, и потому, при перегонкѣ, не можетъ давать продуктовъ столь превосходнаго качества, какъ чистая самотечная смола.

Венеціанскій скипидаръ составляетъ также новую отрасль лѣсотехническаго производства, которая могла бы, можетъ быть, ввестись у насъ въ обширныхъ размѣрахъ, при изобиліи лиственницы. Этотъ скипидаръ, сколько извѣстно, не продуктъ перегонки, а просто сокъ дерева, получаемый надрѣзываніемъ коры. Но неизвѣстно, подвергается ли затѣмъ этотъ сокъ какой-либо обработкѣ, или нѣтъ. Несмотря на легкость добыванія этого довольно дорогаго продукта, у насъ не было, однако-же, дѣлаемо никакихъ попытокъ къ его полученію. Это объясняется тѣмъ, что, до послѣдняго времени, лиственница считалась у насъ какимъ то священнымъ и неприкосновеннымъ деревомъ.

Для введенія въ Архангельской губерніи этихъ двухъ отраслей промышленности, слѣдовало бы удостовѣриться, могутъ ли наша обыкновенная сосна и наша лиственница, которыя составляютъ породу отличную отъ Европейской, доставлять продукты столь же цѣнные, какъ приморская сосна и Швейцарская лиственница, или, по крайней мѣрѣ, близко къ нимъ подходящіе. Затѣмъ, послать за границу способнаго человѣка изучить это дѣло, не только въ техническомъ отношеніи, что̀ не представитъ большаго труда, но и въ экономическомъ, т. е. разузнать количество получаемыхъ продуктовъ, стоимость ихъ, употребленіе, обширность и мѣста сбыта. Въ случаѣ благопріятныхъ отвѣтовъ, для введенія этихъ отраслей промышленности у насъ всего удобнѣе было бы, кажется, предоставить желающему заняться добываніемъ канифоли, обыкновеннаго и Венеціанскаго скипидара—участокъ лѣса, въ которомъ росли бы сосна и лиственница (низкосучная и малорослая), въ

нѣсколько сотъ или даже тысячу десятинъ, съ правомъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ безпошлинно добывать не только означенные продукты въ произвольномъ количествѣ, но и нѣкоторое количество обыкновенной смолы, получаемой изъ тѣхъ деревьевъ, изъ которыхъ уже извлекалась смола для канифоли и скипидара. Этому заводу стали бы, вѣроятно, доставлять крестьяне смолу и изъ другихъ мѣстъ, а по истеченіи льготнаго времени, вѣроятно завелись бы подобные заводы и въ другихъ мѣстахъ.

2. *Отпускъ строеваго лѣса за границу.*

Изъ Архангельска и изъ Онеги отпускалось, въ послѣдніе годы, около 325.000 деревъ, въ видѣ досокъ. Но изъ этого количества, собственно на Архангельскую губернію приходится гораздо менѣе половины, никакъ не болѣе 120.000 бревенъ. Какъ незначительно это количество, можно видѣть изъ того, что Петербургскій портъ отпускаетъ около 4-хъ разъ болѣе, тогда какъ область, откуда лѣсъ свозится въ Петербургъ, составляютъ только губернія Новгородская, бо̀льшая часть Олонецкой, и часть Петербургской и Псковской, что̀ составитъ никакъ не болѣе 1/5 или 1/6 доли пространства, отпускающаго лѣсъ чрезъ Бѣлое море, состоящаго изъ Архангельской губерніи, большой и самой лѣсистой части Вологодской, и изъ значительной части Олонецкой губерніи, и заключающаго въ себѣ отъ 50 до 60 милліоновъ десятинъ лѣсу. Незначительность этого отпуска открывается еще изъ той малой доли, въ которой Архангельская губернія, или, лучше сказать, весь бассейнъ Бѣлаго и Ледовитаго морей, въ предѣлахъ Европейской Россіи, участвуютъ въ снабженіи иностранныхъ рынковъ лѣсомъ. По свѣдѣніямъ лицъ ведущихъ лѣсную торговлю съ Лондономъ, въ одинъ этотъ городъ ежегодно свозится до 12.000.000 досокъ, Бѣломорскіе-же порты отправляютъ только 780.000 нормальныхъ досокъ, т. е. менѣе 1/15 доли количества, требуемаго однимъ Лондономъ, гдѣ, однако же, чрезвычайно высоко цѣнятъ доски изъ Архангельской сосны. Слѣдовательно, дѣло тутъ не въ недостаткѣ спроса. Относительно отпуска строеваго лѣса, нѣтъ надобности побѣждать чьего бы то ни было соперничества, его можно увеличивать почти въ произвольныхъ размѣрахъ. Невозможно также опасаться истощенія громадныхъ лѣсныхъ пространствъ, покрывающихъ Архангельскую губернію и сѣверовосточную часть Вологодской.

Если бы размѣръ отпуска опредѣлить соотвѣтственно нормѣ, назначенной въ циркулярѣ Товарища Министра Государственныхъ Имуществъ 1843 года, считая по четыре дерева съ 10-ти десятинъ, и изъ нихъ только 1/6 сосновыхъ, которыя одни лишь идутъ за границу въ настоящее время, что̀ составило бы по одному сосновому дереву съ 15-ти десятинъ, и принять, при 120-ти лѣтнемъ оборотѣ, только восемь строевыхъ сосновыхъ деревьевъ на десятинѣ, — то, и въ такомъ случаѣ, изъ портовъ Архангельской губерніи можно бы вывозить, безъ малѣйшаго опасенія въ оскудѣніи лѣса, отъ 3.000.000 до 4.000.000 деревьевъ, или отъ 10-ти до 13-ти разъ болѣе нынѣшняго. Но, какъ уже показано выше, не можетъ быть сомнѣнія, что сосновые лѣса составляютъ гораздо болѣе 1/6 части всѣхъ лѣсныхъ насажденій губерніи. Этотъ разсчетъ приводится г. Данилевскимъ съ цѣлію отстранить всякое опасеніе о возможности оскудѣнія Архангельскихъ и Вологодскихъ лѣсовъ отпускомъ изъ нихъ лѣсу за границу.

Какъ по смолокуренію, такъ и по отношенію къ отпуску лѣса, 1798 годъ положилъ основаніе неоправдываемымъ дѣйствительною надобностію стѣсненіямъ, которыя стали мало по малу отмѣняться только въ послѣднее время. Въ указѣ 10-го сентября 1798 года сказано: „Видя крайнее уменьшеніе лѣсовъ, нужныхъ для кораблестроенія, отъ небрежнаго смотрѣнія, и отъ разныхъ въ чужеземныя мѣста выпусковъ происшедшее, повелѣваемъ: 1) во всѣхъ казенныхъ дачахъ, нужные, къ кораблей и судовъ строенію, лѣса, какъ-то: дубъ, лиственницу, вязъ, кленъ, ильмъ, ясень, чинаръ, грабъ и букъ, ни подъ какимъ видомъ и ни на какое гражданское строеніе отнюдь вырубки чинить не дозволять; на обывательскія же постройки и другія надобности употреблять ель, ольху, осину и прочіе къ судовому строенію ненужные лѣса; но и то съ крайнимъ разсмотрѣніемъ; 2) изъ всѣхъ портовъ и прибрежныхъ мѣстъ Имперіи нашей, всякаго рода лѣсамъ отпуски въ чужеземныя мѣста пресѣчь, и безъ особеннаго отъ насъ Указа ни единаго древа не выпускать, кромѣ положеннаго Указомъ числа досокъ, по пропорціи отпускаемаго желѣза“.

Этотъ указъ и до сего времени служитъ основаніемъ нашего дѣйствующаго законодательства по заграничной торговлѣ лѣсомъ. Въ 1804 году, при отмѣнѣ стѣснительныхъ правилъ для смолокуренія, онъ не былъ отмѣненъ, а указомъ 1810 года еще подтвержденъ. Въ § 23-мъ сказано: „Запрещенную, Высочайшимъ указомъ

1798 года, продажу казеннаго лѣса за границу оставляя во всей силѣ, разрѣшить токмо продавать накопившійся въ огромныхъ количествахъ валежникъ, въ граничащихъ съ Пруссіей лѣсныхъ дачахъ". Изъ этого послѣдняго разрѣшенія видно, въ какомъ строгомъ смыслѣ принималось запрещеніе вывозить лѣсъ за границу. Это еще положительнѣе оказывается изъ ничтожныхъ отпусковъ лѣса изъ Архангельскаго порта, въ первые годы нынѣшняго столѣтія. Съ 1807 до 1811, въ тѣ именно года, когда Архангельскъ былъ единственнымъ портомъ, изъ котораго могли вывозиться русскіе продукты, лѣснаго отпуска вовсе не производилось. Въ 1811 году отпущено 17.988 досокъ, въ 1812—2.890, въ 1813—27.702, и въ 1814—29.314 досокъ, что̀ приблизительно соотвѣтствуетъ 7.495, 1.204, 11.543 и 11.797 деревьямъ. Что такое стѣсненіе въ отпускѣ лѣса не имѣло основаніемъ надобности въ лѣсѣ на строеніе какъ казенныхъ, такъ и частныхъ судовъ, доказывается тѣмъ, что изъ дѣлъ, возникшихъ по случаю указа 1804 года о смолокуреніи, видно, что для Адмиралтейства употреблялось тогда всего только 20.000 лиственничныхъ и сосновыхъ деревьевъ въ годъ (именно: лиственничныхъ отъ 10 до 32-дюймовыхъ около—7.000, сосновыхъ мачтовыхъ отъ 21 до 30-дюйм.—280, большемѣрныхъ той же толщины—2.800, строевыхъ отъ 10 до 21-дюйм.—10.000), да на купеческія суда—7.000 сосновыхъ деревьевъ.

Это запрещеніе отпуска лѣса за границу и до сихъ поръ осталось въ нашемъ законодательствѣ, такъ что весь производящійся отпускъ составляетъ какъ бы исключеніе. Въ ст. 669, т. VIII, ч. I, сказано: „отпускъ лѣса изъ казенныхъ дачъ для продажи за границу воспрещается, съ нижеслѣдующими однако же, изъятіями: 1) пильнымъ заводамъ Олонецкой губерніи разрѣшается отпускать изъ С.-Петербургскаго и Кронштадтскаго портовъ доски, выпиливаемыя на сихъ заводахъ; 2) изъ казенныхъ лѣсовъ Архангельской и Вологодской губерній разрѣшается отпускать 50.000 деревъ ежегодно частнымъ людямъ, для распиловки въ доски и отпуска, изъ Архангельскаго порта, за границу (а какъ изъ сего количества деревъ должно выходить разныхъ размѣровъ досокъ и батенсовъ, по приведеніи оныхъ въ Англійскія численныя доски, толщиною въ 1½ дюйма и длиною въ 12 футовъ, до 38.000 дюжинъ, то симъ и ограничивается ежегодный отпускъ за море досокъ, выпиливаемыхъ въ казенныхъ лѣсахъ): въ послѣдствіи это количество было еще увеличено, спеціально для Вологодской губерніи, „въ предо-

храненіе казенныхъ лѣсныхъ доходовъ Вологодской губерніи отъ упадка, по избыточному въ ней количеству лѣсовъ", на 25.000 деревьевъ. И это количество, соотвѣтствующее 183.600 нормальнымъ доскамъ, во все время, съ 1840 по 1855 годъ, было только два раза превзойдено, разъ на 23.400, а въ другой на 2.800 досокъ. Весь теперешній, далеко превосходящій эти размѣры, отпускъ основывается единственно на примѣненіи къ нему примѣчанія къ 669-й статьѣ, въ которомъ сказано, что иногда разрѣшается временно продавать лѣсъ изъ казенныхъ дачъ за границу, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ.

Такой взглядъ на дѣло не могъ, конечно, содѣйствовать развитію отпуска лѣса изъ Архангельской губерніи, и неудивительно, что она такъ слабо участвуетъ въ снабженіи лѣсомъ странъ, въ немъ нуждающихся. Въ настоящее время, конечно, взглядъ этотъ началъ, мало по малу, измѣняться. Было разрѣшено устроить лѣсопильные заводы въ Кеми покойному купцу Кардакову, а затѣмъ и купцу Бѣляеву разрѣшено доставлять отъ 30.000 до 50.000 деревъ, по р. Выгу въ Сороку, и распиливать тамъ на доски. По изложеннымъ основаніямъ, со своей стороны могу только заявить, что усиленіе отпуска лѣса изъ Архангельской губерніи составляетъ самое вѣрное и быстрое средство доставить народонаселенію Архангельской губернія хорошіе заработки, и тѣмъ поднять уровень его благосостоянія въ весьма значительной степени. Всего же важнѣе развить лѣсной отпускъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ его до сихъ поръ не было, между тѣмъ какъ естественныя условія его допускаютъ. На первомъ планѣ стоитъ въ этомъ отношеніи Мезень.

Изъ громадныхъ лѣсовъ этого уѣзда, пространство которыхъ превосходитъ всѣ прочіе лѣса Архангельской губерніи, не отпускается теперь и не отпускалось, на памяти людской, лѣса, за исключеніемъ небольшаго количества деревъ, сплавляемыхъ вверхъ по Кулою и переталкиваемыхъ, по короткому волоку, въ р. Пинегу. Въ послѣднее время было, однако, сдѣлано два предложенія устроить лѣсопильные заводы на устьѣ Мезени, и завести тамъ отпускъ лѣса за границу, въ видѣ досокъ. Одно изъ нихъ было сдѣлано купцомъ Мейеромъ, участвующимъ въ Архангельскомъ заводѣ Фонтейнеса, а другое—компаніею Кларка и Моргена, въ рукахъ которыхъ находится лѣсная торговля Онежскаго порта, и которые имѣютъ лѣсопильный заводъ и въ Архангельскѣ.

Устройство лѣсопильныхъ заводовъ на устьѣ Мезени можно

считать истиннымъ благодѣяніемъ для Мезенскаго края, жители котораго почти совершенно лишены заработковъ, а, по сѣверному положенію, почти не могутъ заниматься земледѣліемъ. Единственный промыселъ ихъ есть охота за морскими звѣрями, которая, при всей своей опасности и затруднительности, на долю Мезенцевъ не можетъ доставлять болѣе 50.000 руб., и представляетъ ту невыгоду, что по характеру своему болѣе или менѣе случайна; къ тому же требуетъ еще значительныхъ затратъ на лодки, снасти, пищу во время промысла, такъ что только половина цѣнности добытаго звѣря достается, по правиламъ покрута, бѣднѣйшему классу народа—работникамъ, а половина идетъ относительно болѣе зажиточнымъ—хозяевамъ. Между тѣмъ, вырубка и доставка деревьевъ, равно какъ и самыя работы на заводѣ, не требуютъ отъ работника ничего кромѣ здоровыхъ рукъ да топора, и весь заработокъ идетъ въ пользу самого работника. Сверхъ сего, лѣсной промыселъ—совершенно постоянный, и не зависитъ ни отъ какихъ случайностей. Наконецъ, и сумма денегъ, которую онъ долженъ пустить въ оборотъ между бѣднѣйшими классами населенія, гораздо значительнѣе, составляя никакъ не менѣе 100.000 руб. въ годъ, какъ видно изъ слѣдующаго разсчета: за вырубку и сплавъ лѣсовъ крестьянамъ придется, среднимъ числомъ, съ дерева 60 к.; за выкатку лѣса въ гору, подвозку къ заводу, отвозку распиленныхъ досокъ, опилокъ, горбылей и проч., уборку въ штабели, съ дерева до 15 коп.; за браковку и сортировку досокъ, укладку и уборку, нагрузку въ корабли, укладку на корабляхъ, также съ дерева до 15 к. Наконецъ, за прочія работы, совершаемыя простыми работниками, какъ-то распиловку въ доски машинными силами, топку печей подъ паровиками (за что на заводѣ г. Фонтейнеса по контракту приходится работнику по $6^1/_2$ к. съ дерева), караулъ, жалованье слесарямъ, кузнецамъ, пилоставамъ, и другимъ, высшаго разряда рабочимъ—никакъ не менѣе 10 к.; слѣдовательно, съ каждаго дерева придется кругомъ по 1 руб. въ пользу крестьянъ работниковъ, или 100.000 руб. на все количество деревьевъ.

Въ этотъ разсчетъ не входитъ то жалованье, которое переплатится лицамъ, занимающимъ, такъ сказать, высшія должности, при доставкѣ и распиловкѣ лѣса, прикащикамъ, пріемщикамъ, браковщикамъ, которые нанимаются изъ народа-же. Къ этому надо присоединить тѣ выгоды, которыя должны произойти отъ открытія новаго портоваго города. Приходъ иностранныхъ кораблей ожи-

вить глухую мѣстность, породить множество мелкихъ побочныхъ промысловъ и доставитъ сбытъ многимъ произведеніямъ, теперь или рѣшительно не имѣющимъ цѣны, или очень дешевымъ, какъ-то: маслу, говядинѣ, птицѣ, яицамъ, свѣжимъ овощамъ и т. п.— которыя потребуются на продовольствіе экипажей, во время ихъ стоянки, и на провизію въ обратный путь.

По этимъ соображеніямъ, кажется, что если-бы даже казна сама по себѣ ровно никакихъ выгодъ не извлекла бы изъ отпуска лѣса изъ Мезени, то вышеприведенныя основанія могли бы уже побудить правительство облагодѣтельствовать край бѣдный и пустынный новою отраслью промышленности. Уже одно прекращеніе или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе недоимокъ, да избавленіе отъ расходовъ, которые, такъ или иначе, а придется же дѣлать правительству, въ случаѣ повторенія неурожаевъ, подобныхъ неурожаямъ 1862 и 1867 г., которые, конечно въ Мезенскомъ краѣ не заставятъ себя долго ждать, составили бы для казны немаловажную выгоду.

Весьма желательно было бы также, если бы нашелся кто нибудь, кто взялъ бы на себя веденіе дѣла по распиловкѣ и отправкѣ лѣса изъ Кеми, пріобрѣтя совершенно устроенный уже тамъ заводъ.

Весьма жаль, что изо всѣхъ деревьевъ, составляющихъ лѣса Архангельской губерніи, дѣйствительное богатство составляетъ только одна сосна, прочія-же хвойныя породы—ель и лиственница, въ экономическомъ отношеніи, все равно что не существуютъ. Причина этого, относительно ели, по крайней мѣрѣ, заключается въ слишкомъ большой на нее пошлинѣ. Лучшимъ доказательствомъ сему служитъ то, что еловыя доски ни изъ Архангельска, ни изъ Онеги не отправляются, хотя опыты и были дѣлаемы. Въ 1864 году было отправлено изъ Архангельска около 12.000 или 15.000 дюжинъ еловыхъ досокъ, но результатъ былъ неблагопріятный, и потому заготовка ели была брошена. Мѣстные торговцы объясняютъ это такъ: за границею цѣнность еловыхъ досокъ 1-го сорта—немногимъ выше цѣнности сосновыхъ досокъ 2-го сорта, доски же 2-го сорта, на которыя, въ настоящее время, цѣна въ Англіи 5 фунтовъ стерлинговъ за нормальную сотню, между тѣмъ какъ за первый сортъ цѣна 8 фунтовъ 10 шиллинговъ, приходились бы въ убытокъ, если бы отправлялись въ большемъ количествѣ, какъ самостоятельный товаръ, отдѣльно отъ досокъ перваго сорта. Но

фрахтъ и всѣ расходы, кромѣ пошлины, на еловый лѣсъ будутъ совершенно тѣ-же, что и на сосновый; слѣдовательно, заготовлять еловыя бревна, распиливать ихъ на доски и отправлять за границу было бы возможно, полагаютъ они, если бы пошлина съ ели была не выше 20 копѣекъ съ дерева. Справедливъ ли этотъ разсчетъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ необходимо сбавлять пошлину съ ели до тѣхъ поръ, пока не начнутъ заготовлять и отправлять ее за границу. Въ самомъ дѣлѣ, какая польза, что въ контрактахъ значится на нее высокая такса, когда по ней ничего не покупается, и огромныя количества этого дерева совершенно напрасно растутъ и гибнутъ отъ естественныхъ причинъ, не принося никакой пользы? Всякая самая ничтожная пошлина, или даже отсутствіе всякой пошлины, предпочтительнѣе этого. Если бы ель не давала дохода казнѣ, то по крайней мѣрѣ давала бы заработки народу; теперь же—ни того, ни другаго.

Наконецъ, въ правилахъ, по которымъ производится отпускъ лѣса изъ Архангельскихъ дачъ заграничнымъ отправителямъ, было бы полезно уничтожить нѣкоторыя излишнія стѣсненія.

а) Лѣса раздѣлены на дачи, дачи распредѣлены на три разряда съ различною попенною таксою, смотря по удобствамъ рубки и доставки лѣса. Понятно поэтому, что вырубка лѣсу не въ той дачѣ, гдѣ назначено лѣснымъ начальствомъ, ведетъ за собою судебное преслѣдованіе и штрафъ. Но дачи, въ свою очередь, раздѣлены на урочища, не различающіяся между собою разностью цѣнъ на лѣсъ; и, однако же, вырубка лѣса въ одномъ урочищѣ вмѣсто другаго также точно влечетъ за собою конфискацію нарубленныхъ деревьевъ и двойной противу попенной таксы штрафъ. При этомъ надо обратить вниманіе, что вырубка лѣса не въ тѣхъ урочищахъ, гдѣ указано, не представляетъ никакого интереса самому лѣсопромышленнику, а дѣлается рубщиками въ виду бòльшихъ для нихъ удобствъ, или даже по неясности границъ урочищъ. Слѣдовательно, въ этого рода проступкахъ, со стороны лѣсопромышленника, нѣтъ никакой злой воли; большею частію, ея нѣтъ даже и у лѣсорубовъ. Съ другой стороны, весьма трудно усмотрѣть, въ чемъ именно заключается вредъ для интересовъ казны, или для обезпеченія сохранности лѣсовъ, тутъ такъ строго преслѣдуемый. Единственною цѣлію правительства въ этомъ дѣлѣ можетъ быть только облегченіе контроля надъ количествомъ вырубленнаго лѣса до спуска его въ воду, а также возможность слѣ-

дить за срубленными, но оказавшимися негодными для распиловки, такъ-называемыми фаутовыми деревьями. Кажется, поэтому, что полнѣ было бы достаточно, за вырубку лѣса въ назначенной дачѣ, сверхъ взысканія попенныхъ денегъ по тому разряду, къ которому дача принадлежитъ, брать еще процентовъ 20 штрафа, собственно за произведенный безпорядокъ. Что-же касается до распредѣленія лѣсныхъ порубокъ по урочищамъ, то таковое совершенно уничтожить, а вмѣсто сего опредѣлить: 1) чтобы лѣсопромышленники приплачивали извѣстный опредѣленный процентъ за срубленныя ими фауты; 2) чтобы мѣста рубки лѣса внутри дачи были совершенно предоставлены выбору самихъ промышленниковъ но чтобы 3) когда рубка уже окончена, въ концѣ зимы или въ началѣ весны, передъ сплавомъ, мѣста, гдѣ сложенъ срубленный лѣсъ, были объявляемы лѣсному начальству, дабы оно имѣло возможность повѣрить его; 4) за скрытіе такихъ мѣстъ должно быть налагаемо строгое наказаніе, какъ за явный и злонамѣренный обманъ.

б) Совершенно излишнимъ представляется также таможенный надзоръ на заводахъ, который долженъ слѣдить за числомъ отправляемыхъ досокъ, и тѣмъ контролировать, не провезено-ли и не распилено-ли на доски деревьевъ, неоплаченныхъ попенными деньгами. Надзоръ этотъ и прежде былъ чисто мнимый, потому что, при разныхъ размѣрахъ досокъ въ длину, ширину и толщину, провѣрить, столько-ли отпущено нормальныхъ дюжинъ, сколько показываетъ заводчикъ, чрезвычайно затруднительно; теперь-же, контроль этотъ сдѣлался совершенно невозможнымъ, ибо, при взысканіи попенныхъ денегъ, не обращается болѣе вниманія на толщину деревьевъ, а слѣдовательно, даже точно сосчитавъ число отправляемыхъ нормальныхъ дюжинъ, нельзя судить, какому количеству бревенъ оно соотвѣтствуетъ.

в) Въ правилахъ, ежегодно объявляемыхъ на заготовку лѣса къ Архангельскому порту, и даже въ контрактѣ съ Онежскими лѣсопромышленниками, находится статья, которою запрещается рубить деревья въ полосахъ, окаймляющихъ большія рѣки, какъ, напримѣръ: Двину, Пинегу, Онегу на 5 верстъ, а по меньшимъ— на $2^1/_2$ версты отъ каждаго берега. Если это дѣлается съ тѣмъ, чтобы сохраненіемъ лѣсовъ вдоль рѣкъ предохранить эти послѣднія отъ обмелѣнія, то въ этомъ отношеніи можетъ имѣть важность сохраненіе лѣса въ вершинахъ рѣкъ, рѣчекъ и притоковъ, а не

вдоль ихъ теченія. Что-же касается до этихъ вершинъ, то въ Архангельской губерніи онѣ выходятъ изъ болотъ, лежащихъ въ самой глуби лѣсныхъ трущобъ, и объ обсыханіи ихъ пока еще, слава Богу, заботиться нечего. Другая причина сбереженія лѣса вдоль рѣкъ могла-бы заключаться еще въ томъ, чтобы чрезъ оголеніе береговъ не усиливалась подмывка и осыпка ихъ, когда почва не будетъ болѣе сдерживаться переплетающими ее корнями. Но для этого нѣтъ никакой надобности, чтобы лѣсъ, растущій вдоль рѣки, былъ бы строевой; надо, напротивъ того, чтобы онъ былъ по возможности густъ, а этому условію всего лучше удовлетворяетъ мелкій дровяной лѣсъ. Поэтому, кажется, что и это стѣсненіе могло бы съ пользою для дѣла быть уничтожено, тѣмъ болѣе, что съ растущаго въ столь близкомъ разстояніи отъ большихъ судоходныхъ или сплавныхъ рѣкъ лѣса можно бы назначить нѣсколько высшую пошлину, которую вѣроятно съ охотой согласились-бы уплачивать промышленники.

г) Было бы весьма полезно, если бы правила и условія на заготовку лѣсовъ тамъ, гдѣ она производится не на основаніи долговременныхъ контрактовъ, не составлялись бы каждый годъ вновь, а утверждались на нѣсколько лѣтъ, хотя, напримѣръ, на три года впередъ. Это дало бы возможность промышленникамъ лучше располагать своими дѣлами, разсчитывая ихъ на болѣе продолжительный срокъ, и не было бы замедленія въ наймѣ рабочихъ, какъ теперь, когда, вслѣдствіе несвоевременности объявленія правилъ нерѣдко упускается время самое благопріятное для найма рабочихъ и заготовленія лѣса.

Изложивъ свои мысли о томъ, какъ должны бы быть устроены тѣ промыслы, которые могутъ доставить крестьянамъ Архангельской губерніи наибо̀льшее количество заработковъ, а слѣдовательно и средствъ для своего пропитанія, г. Данилевскій переходитъ къ тѣмъ мѣрамъ, которыя должны непосредственно усилить производство хлѣба въ тѣхъ частяхъ губерніи, гдѣ хлѣбопашество въ довольно значительныхъ размѣрахъ еще возможно и обѣщаетъ нѣкоторыя выгоды.

3. *Подсѣки и расчистки лѣсовъ.*

Тою же оберъ-форстмейстерскою инструкціею 1798 года, которою запрещено было подсачиваніе деревьевъ для смолокуренія, ограничена и свобода расчистки лѣсовъ. § 31 запрещаетъ „безъ доз-

воленія Волостнаго Правленія очищать лѣсныя угодья на пашни и пастьбы". Этимъ, можно, сказать, преждевременнымъ ограниченіемъ свободы расчистки лѣсовъ, была остановлена, или, по крайней мѣрѣ, ослаблена дѣятельность народоселенія, стремившагося къ увеличенію количества пахатныхъ, сѣнокосныхъ и пастбищныхъ мѣстъ насчетъ лѣса,—дѣятельность, которая не только тогда, но даже и теперь должна бы считаться въ высшей степени полезною и благодѣтельною для такого края, какъ Архангельскій, который почти весь занятъ одною сплошною лѣсною пустынею. Лучше всего доказываетъ это слѣдующая таблица, въ которой поуѣздно показано: количество лѣсовъ разнаго рода, количество обработанныхъ земель, и отношеніе общаго количества всѣхъ земель, состоящихъ подъ разнаго рода культурами, къ лѣсу и къ числу мужскаго народонаселенія.

УѢЗДЫ.	Количество лѣса.		Отношеніе культурныхъ земель въ лѣсу.
	Дес.	Саж.	
Архангельскій	1.529.496	901	1 : 36
Холмогорскій	1.301.137	1.507	1 : 44
Шенкурскій	2.059.603	2.036	1 : 32
Пинежскій	3.949.113	2.288	1 : 130
Мезенскій	14.908.236	974	1 : 805
Онежскій	2.315.629	59	1 : 86
Кемскій	4.754.683	1.613	1 : 160
	30.817.899	2 178	1 : 133

Уѣзды.	Количество пахатной земли.		Сколько приходится на душу.	Количество луговъ, сѣнокосовъ и пастбищъ.		Сколько приходится на душу.		Количество земли подъ усадьбами.		Общее количество всѣхъ земель подъ культурою.		Сколько приходится на душу культурныхъ земель.	
	Дес.	Саж.	Саж.	Дес.	Саж.	Дес.	Саж.	Дес.	Саж.	Дес.	Саж.	Дес.	Саж.
Архангельскій	10.733	148	1.775	27.179	1.826	1	1.404	1.692	26	39.608	2.000	2	1,747
Холмогорскій	13.016	2.162	2.256	14.344	2.025	1	87	1.320	278	28.681	2.065	2	171
Шенкурскій	29.527	2.030	2.507	33.086	978	1	397	1.237	1,462	63.851	2.079	2	599
Пинежскій	6.988	728	1.638	21.515	1.261	2	206	489	1.826	28.993	1.395	2	2.923
Мезенскій	4.185	1.336	543	11.623	2.298	—	1.490	449	506	16.259	1.740	—	1.082
Онежскій	7.240	1.462	1.039	18.128	187	1	877	707	438	26.075	2.087	1	2.314
Кемскій	11.075	1.279	1.708	16.444	245	1	123	1.160	84	28.680	1.608	1	2.001
	82.771	1.954	1.732	142322	1.600	1	577	7.055	2.220	232152	974	2	56

Въ губерніи, гдѣ все пространство земель—пахатной, луговой, пастбищной и усадебной—составляетъ только $^1/_{188}$ долю лѣсовъ, гдѣ на душу приходится $^2/_8$ десятины пахатной земли, да и всей, состоящей какъ подъ жилищами, такъ и подъ земледѣліемъ и скотоводствомъ,—по двѣ десятины на душу: все, что̀ отнимается отъ лѣса, должно считаться самымъ существеннымъ и желаннымъ пріобрѣтеніемъ для культуры; слѣдовательно, должны быть принимаемы всѣ мѣры, могущія тому способствовать. Лучшее и даже единственное средство побуждать крестьянъ подчищать лѣса и обращать ихъ въ пашни, луга и пастбища, заключается въ отдачѣ имъ подчищеннаго пространства въ долговременное личное и потомственное пользованіе, что̀ и дѣлалось до послѣдняго времени, когда подчищенныя пространства предоставлялись въ 40-лѣтнее пользованіе крестьянъ. Но съ 1865 года эта система была оставлена подъ вліяніемъ двухъ соображеній: 1) что крестьяне должны быть надѣлены 15-ти-десятинною пропорціею земли, которая и должна будетъ поступить въ общинное пользованіе. Слѣдовательно, если расчищенное пространство, отданное въ личное владѣніе на 40 лѣтъ, придется внутри пространства, имѣющаго поступить въ надѣлъ, то должно будетъ произойти столкновеніе права общиннаго землевладѣлія съ правомъ личнаго пользованія; 2) что вся земля, оставшаяся за крестьянскимъ надѣломъ, составляетъ полную государственную собственность, изъ которой крестьяне не должны ожидать прибавокъ къ полученному ими надѣлу.

На сихъ основаніяхъ, подчистки лѣса допускаются теперь лишь на томъ пространствѣ, которое должно оказаться внутри крестьянскаго надѣла, при отмеживаніи онаго, но съ предоставленіемъ права личнаго или семейнаго пользованія, не на 40 лѣтъ, а на неопредѣленный лишь срокъ до этого отмежеванія, послѣ котораго и эти подчищенные участки должны поступить, на одинаковомъ основаніи съ прочими частями надѣла, въ общинное пользованіе. Всякая-же подчистка на пространствѣ, остающемся за надѣломъ, положительно запрещена. При этихъ новыхъ условіяхъ, почти никто не принимается за подчистки, опасаясь напрасно затратить свой трудъ и капиталъ. Со времени возникновенія мысли о 15-ти-десятинномъ надѣлѣ, т. е. съ 1804 года, уже прошло 64 года; а надѣлъ произведенъ только въ части Шенкурскаго уѣзда. Весьма вѣроятно, что и еще пройдетъ болѣе 40 лѣтъ, прежде чѣмъ надѣлятся всѣ Архангельскіе крестьяне землею, такъ что соб-

ственно говоря, какъ опасенія крестьянъ не рѣшающихся начинать подсѣчки, такъ и опасенія администраціи, на дѣлѣ едва-ли осуществятся.

Совершенно такой же теоретически отвлеченный характеръ носитъ на себѣ и второе основаніе запрещенія подсѣкъ и подчистокъ. Все дѣйствительно важное и необходимое, по отношенію къ охранѣ принципа государственной собственности, заключается лишь въ томъ, чтобы народъ не возъимѣлъ ложной мысли, что лѣсъ составляетъ его собственность, которою онъ можетъ пользоваться по праву, какъ ему угодно. Но такого понятія народъ себѣ и не составляетъ. Чтобы не дать ему возникнуть въ будущемъ, достаточно того, чтобы, для производства подсѣкъ, каждый желающій долженъ бы былъ испрашивать разрѣшенія лѣснаго начальства, и платилъ бы за это дозволеніе самую ничтожную копѣечную сумму, которая служила бы лишь напоминовеніемъ, что онъ пользуется не своимъ правомъ, а дѣлаемою въ уваженіе его нуждъ льготою.

Чтб касается до того, что эти мелкіе клочки крестьянскихъ новинъ испестрятъ казенные лѣса, и произведутъ черезполосность, то это неудобство относится только до плановъ, а не до дѣйствительности. Если образуются довольно значительные клочки, на которыхъ будутъ стоять по привольнымъ мѣстамъ, вдоль рѣчекъ, или по берегамъ озеръ, хутора и усадьбы, которыми изрѣдка прорѣшетится сплошная громада лѣсовъ, то это будетъ явленіемъ въ высшей степени утѣшительнымъ. Эти мелкіе поселки составятъ зародыши будущихъ болѣе обширныхъ деревень и селъ; а такимъ только образомъ и можетъ проникать культура въ недосягаемую нынѣ чащу лѣсовъ. Народонаселеніе распредѣлялось, въ Архангельской губерніи, въ видѣ весьма слабо развѣтвленнаго дерева, главныя вѣтви котораго соотвѣтствуютъ большимъ рѣкамъ, ее орошающимъ. Только допущеніемъ полной свободы выселковъ можно будетъ достигнуть дальнѣйшаго развѣтвленія этого дерева, по второстепеннымъ и третьестепеннымъ рѣчкамъ, вливающимся въ главныя. Немногіе существующіе теперь такіе выселки, которые г. Данилевскій имѣлъ случай посѣтить, во время поѣздки на Печору, отличались благосостояніемъ, какъ потому, что крестьяне въ нихъ имѣли много скота, штукъ до 15, а нѣкоторые даже до 50 и до 100, такъ и потому, что промыслы лѣсныхъ звѣрей и дичи были у нихъ подъ руками. Суровость климата не позволяла тамъ тратить слишкомъ много труда и времени на земледѣліе; но, если бы

такіе выселки образовались въ болѣе южныхъ уѣздахъ, какъ напримѣръ въ Холмогорскомъ, въ Онежскомъ, то и хлѣбопашество составило бы для нихъ значительную отрасль хозяйства. Культурныя отношенія народа къ странѣ имъ населяемой находятся въ Архангельской губеріи на той же степени, на которой во внутреннихъ частяхъ Россіи оно стояло за нѣсколько сотъ, и даже за тысячу лѣтъ тому назадъ. Примѣненіе къ нимъ порядковъ XIX вѣка не можетъ привести ни къ какимъ полезнымъ результатамъ, и только задержитъ естественный ходъ развитія. Поэтому, г. Данилевскій полагаетъ;

1. Пока, совершенно отложить мысль о надѣлѣ крестьянъ опредѣленною пропорціею земли, такъ какъ этимъ приковалось бы населеніе къ нынѣ занимаемымъ имъ мѣстамъ, а все остальное пространство губерніи на вѣкъ осудилось бы оставаться лѣсною пустынею. Эта мысль долго служила, и до сего времени еще служитъ препятствіемъ къ развитію смолокуренія; неужели должна она служить препятствіемъ и къ развитію земледѣлія и культуры вообще? Понятно, что точное опредѣленіе границъ владѣній различнаго рода собственниковъ есть существенное условіе благоустроеннаго хозяйства тамъ, гдѣ должны возникать столкновенія отъ стремленія каждаго расширяться на счетъ своего сосѣда. Но какая надобность въ этомъ размежеваніи тамъ, гдѣ мелкіе крестьянскіе участки, такъ сказать, исчезаютъ въ цѣломъ морѣ собственности государства, которое не можетъ извлекать изъ нея никакой другой выгоды, какъ позволяя тѣмъ же крестьянамъ ею пользоваться, въ томъ или другомъ видѣ? Никакихъ столкновеній ни крестьянъ съ казною, ни крестьянъ между собою тутъ произойти не можетъ, и само размежеваніе является тутъ совершенною роскошью.

2. Дозволить крестьянамъ, на правѣ сорокалѣтняго пользованія, расчищать участки лѣса тамъ, гдѣ они пожелаютъ, по отводу лѣснаго начальства, если только эти мѣста не составляютъ дачь строеваго лѣса и запущенныхъ подъ него, а также мѣстъ, гдѣ производится смолокуреніе, если подсоченный въ нихъ лѣсъ еще не срубленъ.

3. Если избранныя для подчистки участки составляютъ удобныя мѣста для новыхъ поселеній земледѣльческихъ или скотоводныхъ, то дозволять крестьянамъ селиться по онымъ, оказывая имъ тѣ же содѣйствія, которыя назначены для переселенцевъ вообще, только

въ меньшихъ размѣрахъ: дозволеніемъ безпошлинно рубить лѣсъ на постройки, освобожденіемъ на нѣкоторое время отъ податей, и т. п. Такимъ образомъ, будутъ переселяться люди зажиточные или предпріимчивые; но и оставшіеся на прежнихъ мѣстахъ почувствуютъ, при общемъ малоземельѣ, значительное улучшеніе своего быта; ибо ихъ пашни и сѣнокосы увеличатся участками переселенцевъ. Этимъ, кажется, можетъ быть удержано народонаселеніе Архангельской губерніи отъ переселенія въ другія мѣстности Россіи, послѣ 1870 года, ибо переселеніе направится, такимъ образомъ, внутрь самой же губерніи.

4. При дозволеніи дѣлать расчистки, не должно брать никакой пошлины съ срубаемаго и сжигаемаго лѣса. Въ самомъ дѣлѣ, лѣсъ этотъ надо разсматривать какъ препятствіе, которое предстоитъ побѣдить немалымъ трудомъ, а не какъ матеріалъ промышленнаго производства, доставляющій выгоды. Если сожженный лѣсъ и служитъ удобреніемъ почвы, то это лишь отчасти вознаграждаетъ за понесенные, при расчисткѣ, труды. Въ этомъ очень легко убѣдиться, сообразивъ, что если бы находилась не занятая лѣсомъ десятина земли, то никто не сталъ бы для удобренія ея рубить лѣсъ съ сосѣдней десятины и возить на нее; ибо, гораздо менѣе труда и издержекъ стоило бы удобрить ее иными способами, какъ напримѣръ, торфомъ, употребляемымъ для этой цѣли въ Шенкурскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ. Слѣдовательно, удобреніе золою и углемъ срубленнаго лѣса есть какъ бы вынужденное необходимостію избавиться отъ срубленныхъ деревьевъ, и хотя отчасти вознаградиться за трудъ расчистки.

Но, какимъ бы успѣхомъ ни увѣнчались предложенныя доселѣ мѣры, конечно невозможно надѣяться, ни того, чтобы Архангельская губернія стала производить столько хлѣба, чтобы могла имъ прокормиться, ни даже того, чтобы рядъ неурожаевъ не потрясъ снова ея благосостоянія, если цѣны на хлѣбъ въ эти неблагопріятные годы будутъ также высоко держаться, какъ нынѣ. Единственное средство предупредить это бѣдствіе, которое возвышаетъ обыкновенные расходы крестьянина втрое и даже болѣе, и тѣмъ уничтожаетъ всѣ его хозяйственные расчеты, заключается въ соединеніи Архангельской губерніи хорошими путями сообщенія съ хлѣбородными мѣстностями.

4. *Проведеніе новыхъ путей сообщенія.*

Какъ ни важно для Архангельской губерніи проведеніе такого желѣзнаго пути, который обезпечилъ бы ей подвозъ дешеваго хлѣба, даже въ случаѣ самаго сильнаго мѣстнаго неурожая, желѣзныя дороги составляютъ, однако, столь дорогія сооруженія, что трудно, кажется, было бы рѣшиться на постройку сѣверной дороги, если бы, кромѣ своей особой цѣли, она не требовалась въ то же время и общими экономическими интересами государства. Слѣдовательно, вопросъ сводится къ тому, существуетъ ли такое направленіе для предполагаемой желѣзной дороги, которое удовлетворяло бы обоимъ вышеприведеннымъ условіямъ. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, г. Данилевскій обращаетъ сначала вниманіе на общую его сторону, и предварительно считаетъ полезнымъ высказать нѣсколько простыхъ и очевидныхъ началъ, примѣненіе которыхъ къ данному случаю, какъ онъ надѣется, прямо укажетъ на направленіе, которое должно избрать.

1. Направленіе желѣзной дороги должно быть такъ соображено съ физическими и экономическими условіями страны, чтобы никакая послѣдующая дорога, въ какомъ бы направленіи она ни была проведена, не могла бы уже лишить ее значенія въ будущемъ. Такое направленіе можно назвать естественнымъ. Если направленіе не такъ выбрано, то или должны пропасть трудъ и издержки, на дорогу употребленные, или же опасеніе этой потери будетъ служить препятствіемъ къ проведенію новаго пути, болѣе соотвѣтствующаго истиннымъ потребностямъ страны. При проведеніи сѣверной желѣзной дороги слѣдуетъ избѣгать неестественнаго направленія; причемъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, другая, удачнѣе выбранная, линія убила бы ее.

2. Желѣзныя дороги должны доставлять сообщеніе дешевое, и потому длина ихъ имѣетъ свои границы, опредѣляемыя степенью населенностью, обработанности и промышленности страны, по которой онѣ проходятъ. Въ странѣ населенной, обработанной и промышленной, дорога служитъ соединеніемъ не двухъ только крайнихъ пунктовъ, между которыми проведена, но и всѣхъ мѣстъ вдоль и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея лежащихъ. Поэтому, среднее разстояніе, на которое провозится по ней каждый пудъ товара, будетъ всегда въ нѣсколько разъ меньше всей ея длины,

и потому, можно разсматривать ее какъ-бы состоящею изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ участковъ, равняющихся длиною среднему разстоянію, проходимому каждымъ пудомъ товара, участковъ, изъ которыхъ, слѣдовательно, каждый самъ себя можетъ окупать, и дорога, поэтому, можетъ быть произвольной длины. Не то въ странѣ малонаселенной. Если бы желѣзная дорога соединяла два пункта, раздѣленные между собою пустыней; то очевидно, что весь провозимый по ней товаръ проходилъ бы ее во всю длину. Слѣдовательно, чѣмъ страна менѣе населена и обработана, тѣмъ проводимая чрезъ нее дорога будетъ болѣе подходить, по своему характеру, къ этому крайнему случаю. Длина такой дороги обусловливается цѣнностію товаровъ, имѣющихъ по ней везтись. Если товаръ дешевъ, то, при извѣстной длинѣ дороги, онъ уже не выдержитъ издержекъ провоза, и дорога не только не будетъ окупаться, но товаръ, для перевозки котораго она преимущественно построена, вовсе по ней не будетъ возиться. Примѣромъ можетъ служить хлѣбъ. Едва-ли онъ можетъ выдержать провозъ въ 2.000 верстъ сплошь по желѣзной дорогѣ, ибо провозная плата по нашему тарифу составила бы около 5 руб. съ четверти. Поэтому, невозможно, напримѣръ, провозить такимъ путемъ сибирскій хлѣбъ къ портамъ Чернаго, Балтійскаго, или даже Бѣлаго морей. Въ такихъ случаяхъ, надо обращаться къ болѣе дешевымъ средствамъ сообщенія, т. е. къ рѣкамъ и озерамъ, между которыми желѣзныя дороги должны являться лишь въ качествѣ соединительныхъ путей, ибо, въ большинствѣ случаевъ, онѣ имѣютъ преимущество передъ каналами, которые и не вездѣ возможны, и чрезвычайно удлинняютъ путь, проводясь большею частію между верховьями рѣкъ, которыя, къ тому же, всегда мелководны.

3. Всѣ считаютъ самымъ выгоднымъ такое расположеніе рѣкъ въ странѣ, при которомъ всѣ части ея имѣютъ въ нихъ удобное средство для доставленія своихъ произведеній къ ближайшимъ портамъ. При этомъ, жизненные соки, такъ сказать, равномѣрно распредѣляются во всѣ части государственнаго организма. Очевидно, что выгодное распредѣленіе желѣзныхъ дорогъ должно носить тотъ же характеръ, и онѣ должны исправлять недостатки въ направленіяхъ рѣкъ. Въ Россіи, и водяная сѣть, и сѣть желѣзныхъ дорогъ, на сколько она успѣла выясниться, говоря вообще, хорошо удовлетворяютъ этимъ требованіямъ. Середина Россіи, и водяными, и желѣзными путями, имѣетъ сбытъ къ Петербургу;

сѣверо-западная — къ Ригѣ, и вѣроятно въ непродолжительномъ времени будетъ имѣть его къ Либавѣ; юго-западная—къ Ростову, Таганрогу или вообще къ Азовскому морю. Но востокъ и сѣверо-востокъ пока не имѣютъ своего пункта сбыта, и направляютъ свои произведенія къ Петербургу, болѣе или менѣе окольными путями.

Бросимъ теперь взглядъ на карту Европейской Россіи, имѣя въ виду только-что изложенныя общія основанія. Три залива врѣзываются въ огромную материковую массу Россіи: Финскій, Двинскій и Таганрогскій. Изъ нихъ, Двинскій болѣе другихъ подходитъ къ самой континентальной, наиболѣе удаленной отъ морей, части Европейской Россіи, т. е. къ среднему Уралу и къ сосѣднимъ съ нимъ губерніямъ: Пермской, Вятской и сѣверной части Уфимской, составляющимъ бассейнъ Камы. Эта бо́льшая близость Камскаго бассейна къ Двинскому заливу усиливается уже тѣмъ, что, какъ водяные пути, такъ и желѣзныя дороги, уже существующія или предполагаемыя, ведущія къ Финскому заливу, весьма значительно удаляются отъ прямолинейнаго направленія, загибаясь къ сѣверу или къ югу, тогда какъ естественные водяные пути ведущіе къ Двинскому заливу, именно рѣки Вятка и Двина, лежатъ въ прямолинейномъ направленіи отъ устья рѣки Вятки къ Архангельску. Въ томъ же направленіи лежитъ и та линія желѣзной дороги, которою эти рѣки могутъ быть соединены, между городомъ Орловымъ или Котельничимъ на Вяткѣ, и устьемъ Вытегры на Двинѣ.

Устье рѣки Вятки составляетъ общую исходную точку всѣхъ путей, по которымъ Камскіе грузы могутъ идти, какъ къ Петербургу, такъ и къ Архангельску. Считая провозную плату съ пуда за 100 верстъ по желѣзнымъ дорогамъ въ $2\frac{1}{2}$ коп., по рѣкамъ буксирными пароходами вверхъ по теченію, высшую—въ $1\frac{1}{4}$ к., а низшую—въ 1 к.; внизъ же по теченію: высшую— въ $\frac{3}{4}$ коп., а низшую—въ $\frac{1}{2}$ коп., получимъ слѣдующія разстоянія и слѣдующія цѣны, за провозъ пуда товаровъ отъ устья рѣки Вятки:

I. Къ Петербургу

1) чрезъ Нижегородскую и Николаевскую желѣзныя дороги—

	Вер.	Р.	К.	Р.	К.
Камою	200	1	50	1	33
Волгою до Нижняго . . .	460	5	75	4	60
Желѣзною дорогою . . .	1.014	25	35	25	35
Итого	1.674	32	60	31	28

2) чрезъ Рыбинско-Осѣченскую желѣзную дорогу—

	Вер.	Р.	К.	Р.	К.
Камою	200	1	50	1	33
Волгою до Рыбинска . . .	920	11	50	9	20
Желѣзною дорогою . . .	610	15	25	15	25
Итого	1.730	28	25	25	78

3) по Маріинской системѣ

	Вер.	Р.	К.	Р.	К.
вверхъ по теченію Волгою, Шексною и другими рѣками до шлюзовъ	1.397	17	46	13	97
пошлюзованною частью системы	103	1	29	1	03
внизъ по теченію Камы, Вытегры, Невы и каналами . .	675	5	06	4	05
Итого	2.175	23	81	19	05

II. Къ Архангельску:

Рѣкою Вяткою до Орлова .	450	5	62	4	50
Желѣзною дорогою	325	8	13	8	13
Рѣкою Двиною	585	4	39	3	90
Итого	1.360	18	14	16	53

слѣдовательно, путь отъ устья Вятки къ Архангельску былъ бы короче и дешевле путей къ Петербургу:

	Вер.	Р.	К.	Р.	К.
По Нижегородско-Николаевской дорогѣ на	314 на	14	46 на	14	75
По Рыбинско-Осѣченской на	370 „	10	11 „	9	55
По Маріинской системѣ на .	816 „	5	67 „	2	97

Итакъ, путь на Архангельскъ былъ бы, для всѣхъ Камскихъ грузовъ, по крайней мѣрѣ на 3 к. съ пуда дешевле самаго дешеваго провоза въ Петербургъ по Маріинской системѣ. Но этотъ разсчетъ еще не вѣренъ, потому что, при исчисленіи расходовъ провоза по Маріинской системѣ, не приняты въ разсчетъ издержки при проходѣ чрезъ шлюзованную часть ея, которыя нельзя положить менѣе чѣмъ въ 2½ коп., такъ что Архангельскій путь былъ бы дешевле даже Маріинскаго никакъ не менѣе чѣмъ на 5½ коп. Если обратить вниманіе на скорость доставки, то и въ этомъ отношеніи преимущества Архангельскаго пути будутъ огромны. Счи-

тая 300 верстъ въ сутки среднею скоростью доставки товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ, 150 верстъ—буксирными пароходами, внизъ по теченію, и 100 верстъ—вверхъ по теченію, товаръ съ устья Вятки могъ бы быть доставленъ (не принимая въ разсчетъ перегрузокъ, переваловъ и ожиданій очереди на желѣзныхъ дорогахъ и у шлюзовъ): по Нижегородско-Московскому пути $9^1/_4$ сутокъ, по Рыбинско-Осѣчепскому—въ $12^1/_2$ сутокъ, по Маріинскому—въ $19^1/_2$ сутокъ (если бы вездѣ было возможно тянуть баржи пароходомъ), по Вятско-Двинскому-же пути въ Архангельскъ—въ $9^1/_2$ сутокъ. Слѣдовательно, по скорости доставки, только одинъ Нижегородско-Московскій путь имѣлъ бы на четверть сутокъ преимущество предъ Вятско-Двинскимъ. Рыбинско-Осѣченскій уступалъ бы ему на трое, а Маріинскій—на десять сутокъ. Въ дѣйствительности-же, этотъ послѣдній путь гораздо медленнѣе, ибо, даже при содѣйствіи буксирныхъ пароходовъ вездѣ, гдѣ только это возможно, путь этотъ отъ Рыбинска не можетъ быть совершенъ скорѣе 25-ти дней да до Рыбинска онъ потребуетъ не менѣе девяти дней.

Единственная невыгода, которой должны подвергнуться товары, имѣющіе идти за границу чрезъ Архангельскій портъ, заключается въ томъ, что фрахты изъ Архангельска нѣсколько дороже, чѣмъ изъ С.-Петербурга. Именно, по фрахтамъ нынѣшняго года, и при курсѣ 1 р. = 33 пенсамъ, эту разность можно принять: для хлѣбовъ—въ $6^1/_6$ к. съ пуда, а для льна, пакли и т. п. товаровъ—въ $4^1/_4$ к. въ пользу Петербурга. Принявъ въ разсчетъ этотъ болѣе дорогой фрахтъ, найдемъ, что отправка за границу, чрезъ Архангельскъ, хлѣба изъ Камскаго бассейна все-таки будетъ выгоднѣе на $8^1/_2$ к. съ пуда, чѣмъ по Нижегородско-Московскому пути; на 3 коп.—чѣмъ по Рыбинско-Осѣченскому; и только на 1 к. обойдется дороже самой дешевой доставки по Маріинской системѣ, что̀ съ избыткомъ вознаграждается своевременностью и быстротою доставки. Но, если фрахтъ изъ Архангельска въ Англію, въ настоящее время, отъ 4 до 6 к. дороже, чѣмъ изъ Петербурга, то отчасти это зависитъ отъ того, что въ Архангельскъ корабли приходятъ исключительно съ балластомъ; съ проведеніемъ же Вятско-Двинской желѣзной дороги откроется и для заграничныхъ товаровъ болѣе прямой и дешевый путь въ Прикамскій край и въ Сибирь черезъ Архангельскъ, что̀ необходимо должно удешевить изъ него фрахты.

Такимъ образомъ, благодаря счастливому направленію рѣкъ Вятки и Двины, Вятско-Двинская желѣзная дорога представляетъ наивы-

годнѣйшія условія для доставки за границу произведеній всего Камскаго бассейна съ населеніемъ въ 5.000.000 душъ, и поэтому должна оказать значительное вліяніе на усиленіе производительности этого обширнаго края. Кромѣ сего, эта дорога сократитъ и для всѣхъ произведеній Сибири путь къ морю, по крайней мѣрѣ, на 300 верстъ. Но Вятско-Двинская дорога не только превосходитъ всѣ прочіе, нынѣ существующіе пути, для доставки къ морю произведеній съ Камы, а невозможно даже придумать другаго, который могъ бы сравниться съ нимъ дешевизной и въ сколько-нибудь значительной мѣрѣ превзойти его скоростью. Если бы даже построилась желѣзная дорога, непосредственно ведущая изъ Перми, чрезъ Вятку, на Рыбинскъ, къ Петербургу, то она не могла бы имѣть менѣе 1.650 или 1.700 верстъ длины, слѣдовательно провозъ по ней обходился бы слишкомъ 40 коп. съ пуда, т. е. слишкомъ вдвое противъ цѣны провоза по Вятско-Двинскому пути, и могъ бы производиться только четырьмя днями скорѣе его, что̀ для товаровъ, въ большинствѣ случаевъ, не имѣетъ никакого значенія. Напротивъ того, всякая дорога, которая была бы проведена отъ Перми къ Вяткѣ, или изъ Сибири въ Пермь, только усилила бы значеніе Вятско-Двинской желѣзной дороги и, въ свою очередь, усиливалась бы ею въ своемъ значеніи. Даже, если бы исходною точкою Сибирско-Камской дороги былъ бы принятъ Сарапуль, то все же дальнѣйшій путь для доставленныхъ ею товаровъ лежалъ бы на Архангельскъ по Вятско-Двинской дорогѣ. Слѣдовательно, грузы изъ Камскаго бассейна навсегда обезпечены этой дорогѣ, да и сами сибирскіе грузы, направляющіеся къ морю, могли бы быть у нея отняты только соединеніемъ желѣзною дорогою Оби съ Печорою, что̀, конечно, не представитъ затрудненій, ибо, волокъ между рекою Сосною, притокомъ Оби, и Печорою, близь границъ Архангельской и Вологодской губерній, составляетъ всего 160 верстъ, и пролегаетъ по мѣстности почти совершенно ровной, какъ показала нивеллировка, произведенная г. Васильевымъ на Печорѣ, и южною оконечностію горы Сабли, отрога Урала. Но и эта дорога, которая со временемъ непремѣнно должна осуществиться, немного повредитъ значенію Вятско-Двинской дороги, такъ какъ она имѣетъ свою самостоятельную и обширную область сбыта, и разсчитываетъ главнѣйше не на сибирскіе, а собственно на камскіе грузы. И такъ, въ послѣднемъ результатѣ, всякое соединеніе Оби съ Камою, какіе бы ни были избраны для этого пункты, послужитъ въ пользу Вят-

ско-Двинской дороги. Соединеніе Перми съ Вяткою послужитъ ей еще въ бо́льшей степени. Съ другой стороны, эти сибирско-камскія дороги могутъ достигнуть своего полнаго значенія только при существованіи Вятско-Двинской; ибо, при значительной длинѣ, сокращеніе дальнѣйшаго пути къ морю, по крайней мѣрѣ, на 300 верстъ, будетъ для нихъ очень важно. Напротивъ того, всякая дорога, проложенная прямо къ Петербургу, будетъ-ли то отъ города Вятки на Рыбинскъ, или вообще изъ какой бы то ни было мѣстности Камскаго бассейна, убьется Вятско-Двинскою дорогою, какъ путь неестественный и дорого́й, путемъ естественнымъ и дешевымъ.

Если обратить, теперь, вниманіе на спеціальное значеніе сѣверной желѣзной дороги—обезпечить продовольствіе сѣвера Европейской Россіи и развить его благосостояніе, то не трудно убѣдиться, что Вятско-Двинская дорога, и только она одна, можетъ это исполнить. Въ самомъ дѣлѣ, дорога изъ Перми на Вятку въ Рыбинскъ, Ярославль, или Кострому, для крайняго сѣвера, т. е. для губерній Архангельской и сѣверо-восточныхъ уѣздовъ Вологодской, не только никакого значенія имѣть не можетъ, ибо ихъ и не коснется, но еще ухудшитъ ихъ положеніе, отвлекая въ другую сторону хлѣбъ изъ Вятки, идущій нынѣ въ Архангельскъ сухимъ путемъ, рѣками: Лузою, Югомъ и Двиною. Дорога изъ Ярославля въ Архангельскъ доставляла бы къ этому порту, тысячеверстнымъ желѣзнымъ путемъ, тотъ камскій и средне-волжскій хлѣбъ, который уже прошелъ болѣе половины пути по направленію къ Петербургу, и вмѣсто 18 коп. провоза, еслибы пошелъ къ Архангельску по Вятско-Двинскому пути, обойдется по 36 коп. за пудъ, т. е. какъ разъ вдвое.

Наконецъ, для обезпеченія продовольствія Архангельской губерніи, предлагаютъ еще каналъ, который долженъ соединить Онежское озеро съ Онежскимъ заливомъ. Путь этотъ пролегаетъ по мелкимъ озерамъ и порожистымъ рѣкамъ и перерывается волоками, которые нужно бы было перекопать каналами, самыя-же рѣчки сдѣлать судоходными, посредствомъ нѣсколькихъ системъ шлюзовъ. Въ настоящее время проѣзжаютъ на карбасахъ отъ селенія Сороки и отъ Сумскаго посада до города Повѣнца слѣдующими путями:

1) Отъ селенія Сороки рѣкою Выгомъ до деревни Вонцы, на протяженіи 70 верстъ. Устья Выга, хотя и усѣяны порогами, но по нимъ можно подниматься и спускаться въ карбасахъ; пороги-

же Матюжня, въ 8 верстахъ выше Выгъ-Острова, и Шаванъ, въ 7 верстахъ выше деревни Парандова, изъ которыхъ первый простирается на полторы, а второй на три версты въ длину, совершенно недоступны для плаванія, и ихъ обходятъ волокомъ. У деревни Вонцы также большой порогъ въ версту длиной, который обходятъ волокомъ. Выгъ-Озеро, дающее начало рѣкѣ Выгу, имѣетъ въ длину 80 верстъ и на всемъ пространствѣ удобно для плаванія въ карбасахъ. Изъ Выгъ-Озера ѣдутъ рѣкою Теликиной 40 верстъ до села Теликина, откуда идетъ волокъ на 2 версты до озера Масельскаго длиною въ 10 верстъ, которымъ ѣдутъ въ лодкахъ до деревни Масельки. Отъ этой послѣдней переѣзжаютъ волокомъ на протяженіи 5 верстъ значительную возвышенность, лежащую между озеромъ Масельскимъ и Узкими озерами. Узкими озерами ѣдутъ до деревни Волъ-Озеро, на пространствѣ 19 верстъ; отсюда же берегомъ до города Повѣнца 9 верстъ, по совершенно ровному мѣсту. Итакъ, весь путь отъ села Сороки до города Повѣнца составляетъ около 235 верстъ, изъ коихъ 22 версты проходятъ волокомъ.

2) Отъ Сумскаго посада дорога идетъ рѣкою Сумою на 10 верстъ, озеромъ Пустовскимъ—5 верстъ, опять рѣкою Сумою до деревни Лапиной—5 верстъ. Отъ нея до деревни Сумъ-Острова 10 верстъ волокомъ; откуда ѣдутъ Сумъ-Озеромъ на протяженіи 5 верстъ до села Воренжи. Отъ села Воренжи водяной путь пролегаетъ системою мелкихъ озеръ, соединенныхъ частію между собою протоками, а именно: 1) Палъ-Озеромъ полверсты, 2) Мардъ-Озеромъ—1 верста, 3) Кедръ-Озеромъ, 4) Мостовою-Ламбиною, 5) Тала-Ламбиною, 6) Каткъ-Озеромъ, 7) Тетръ-Озеромъ, 8) Собачьей Ламбиною, 9) Ша-Озеромъ, 10) Малгъ-Озеромъ, 11) Матко-Озеромъ, и 12) Коросъ-Озеромъ, самымъ большимъ во всей системѣ—7 верстъ. Эти озера, особенно носящія названія Ламбинъ, очень малы, и путь по нимъ, частію водою, частію же волокомъ по раздѣляющимъ ихъ перешейкамъ, составляетъ 37 верстъ до деревни Коросъ-Горы, лежащей на берегу Коросъ-Озера. Отъ этой деревни 25 верстъ волока до Выгъ-Озера и 5 верстъ озеромъ до села Выгъ-Озера и 60 верстъ озеромъ же до р. Телекиной. Наконецъ—40 верстъ рѣкою до села Телекина, гдѣ этотъ путь соединяется съ идущимъ отъ села Сороки. Такимъ образомъ, отъ Сумскаго посада до города Повѣнца 247 верстъ: 190 верстъ — водянымъ путемъ, и 57 верстъ—волокомъ. Не говоря о техническихъ

трудностяхъ, которыя надо-бы было побороть, дабы сдѣлать одинъ изъ этихъ путей годнымъ для сплава судовъ бо́льшихъ размѣровъ, нежели карбасы, достаточно замѣтить, что и по устраненіи этихъ трудностей, большими усиліями и значительными издержками, судамъ все-таки предстояла бы четверократная перегрузка: разъ на морскіе суда для плаванія по Онежскому озеру, отъ устья Вытегры къ Повѣнцу; въ другой разъ — на плоскодонныя барки, для прохода по каналамъ и мелководнымъ порожистымъ рѣчкамъ; въ третій разъ—опять на морскія суда, для доставки изъ Поморья въ Архангельскъ, и наконецъ, въ четвертый разъ—на рѣчныя суда, для развозки по Двинѣ и Пинегѣ нуждающемуся населенію. Всѣ эти издержки и затрудненія вели бы только къ тому, чтобы доставлять къ Бѣлому морю хлѣбъ, который у Вытегры уже совершилъ болѣе 3/4 своего пути къ Петербургу, т. е. уже сдѣлалъ такой крюкъ, который длиною своею значительно превосходитъ прямой путь отъ Камы къ Архангельску. Можно смѣло ручаться, что если бы эти каналы были прорыты, то все-таки по нимъ пойдетъ очень мало хлѣба въ Архангельскую губернію, даже и въ томъ случаѣ, если Вятско-Двинская дорога не будетъ построена, ибо Вятскій хлѣбъ обойдется дешевле въ Архангельскѣ, если везти его такъ, какъ онъ теперь везется сухимъ путемъ, Лузою, Югомъ и Двиною, чѣмъ хлѣбъ, доставленный Онежскими каналами. Въ январѣ текущаго года, по свѣдѣніямъ, имѣющимся у Архангельскихъ купцовъ, рожь въ Орловѣ стояла 50 коп. пудъ, въ Рыбинскѣ же—78 коп. Провозъ изъ Орлова до Архангельска обойдется копѣекъ въ 25. Слѣдовательно, купцу, закупившему хлѣбъ въ Орловѣ, онъ можетъ обойтись къ началу навигаціи 1869 года копѣекъ въ 75 пудъ, или не дороже, чѣмъ онъ теперь въ Рыбинскѣ; доставка-же изъ Рыбинска до Онежскаго-Озера обойдется не дешевле 9 коп. съ пуда; Онежскимъ-Озеромъ и предполагаемыми каналами, съ перегрузками до Онежскаго залива,—уже никакъ не менѣе 6 или 7 коп., да моремъ до Архангельска—отъ 4 до 5 коп., т. е. провозъ составитъ не менѣе 20 коп. Наконецъ, не надо упускать изъ виду, что, тогда какъ несравненно полезнѣйшая Вятско-Двинская желѣзная дорога можетъ быть сооружена на акціонерные капиталы, съ чисто номинальною гарантіею правительства,—не въ примѣръ менѣе полезныя гидротехническія работы по соединенію Онежскаго озера съ Онежскимъ заливомъ надо бы было предпринимать на казенный счетъ, безъ всякой надежды на

возвращеніе употребленнаго капитала въ нѣсколько милліоновъ рублей.

Имѣя въ виду выгоды, представляемыя Вятско-Двинскимъ путемъ, нельзя имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что дорога эта будетъ имѣть достаточное количество грузовъ для перевозки; но, чтобы нѣсколько опредѣлить то количество, на которое она смѣло можетъ разсчитывать въ первое время своего существованія, посмотримъ на данныя, которыя представляетъ торговля Архангельскаго порта въ настоящее время. Изъ главныхъ товаровъ, отпускаемыхъ Архангельскомъ, идутъ изъ Вятской губерніи: вся пшеница, почти вся ржаная мука и овсяная крупа (за исключеніемъ развѣ 1/10 части), 4/5 ржи, 3/4 льна, льняной пакли и рогожъ. Принимая въ основаніе разсчета эти данныя, мы найдемъ, что въ 1868 году было доставлено изъ Вятской губерніи Архангельску около 4.175.000 пудовъ означенныхъ товаровъ. Но, въ послѣднее время замѣчается, что, не считая мѣстныхъ Архангельскихъ произведеній, отпускъ изъ Архангельскаго порта возрастаетъ, или, по крайней мѣрѣ, не ослабѣваетъ, только для цѣнныхъ товаровъ, каковы ленъ и льняная пакля; отпускъ же болѣе дешевыхъ и тяжелыхъ товаровъ, каковы зерновые хлѣба, въ особенности же рожь и пшеница, уменьшается, чтб, безъ сомнѣнія, должно приписать тому, что доставка чрезвычайно возвышаетъ ихъ цѣну. Поэтому, мы вправѣ заключить, что, послѣ устройства желѣзной дороги, количество этихъ товаровъ, которое направляется къ Архангельску, по крайней мѣрѣ сравняется съ тѣмъ, которое шло туда въ лучшіе годы хлѣбнаго отпуска. Въ эти же годы доставлялось изъ Вятской губерніи для заграничнаго отпуска товаровъ:

Въ 1857	году	слишкомъ	6.000.000	пуд.
„ 1856	„	„	5.800.000	„
„ 1852	„	около . .	5.550.000	„
„ 1847	„	до . . .	6.550.000	„

Къ этимъ количествамъ товаровъ можно смѣло прибавить до 500.000 пудовъ разнаго рода зерна, муки и крупы, идущихъ для внутренняго потребленія Архангельской губерніи, такъ что въ эти годы привозъ изъ Вятской губерніи составлялъ среднимъ числомъ около 6.500.000 пудовъ въ годъ. Если же обратиться къ еще болѣе давнему времени, именно къ 20-мъ и 30-мъ годамъ нынѣшняго столѣтія, то увидимъ, что изъ Архангельска отправлялось въ

то время болѣе нынѣшнаго: около 100.000 четвертей или 1.000.000 пудовъ пшеницы, около 150.000 пудовъ сала, около 50.000 пудовъ пеньки, до 600.00 пудовъ желѣза, и до 25.000 пудовъ поташа, —товаровъ, которые теперь, вмѣсто Архангельска, обратились къ Петербургу, потому что улучшеніе ведущихъ къ Петербургу водяныхъ и сухопутныхъ средствъ сообщенія удешевило провозъ въ этомъ направленіи, въ ущербъ Архангельску. Поэтому, можно смѣло разсчитывать, что съ возвращеніемъ Архангельску, постройкою желѣзной дороги, его естественныхъ преимуществъ, какъ мѣсту заграничнаго отпуска для товаровъ Прикамскаго края,—къ нему возвратится то, что шло къ нему лѣтъ 30 или 40 тому назадъ, т. е. около 1.300.000 пудовъ товаровъ. При этомъ еще не принимается въ разсчетъ то естественное развитіе, которое должна была получить производительность Прикамскаго края въ эти 30 или 40 лѣтъ. Слѣдовательно, можемъ принять, что въ первые же годы, по Витебско-Двинской дорогѣ, будетъ отправляться не менѣе 7.800.000 пудовъ. Присоединивъ къ этому до полумилліона пудовъ трески, палтусины, сельдей, семги и другихъ рыбныхъ товаровъ, которые пойдутъ въ малорыбную Вятскую губернію, мы получимъ, для общаго движенія грузовъ по желѣзной дорогѣ, до 8.300.000 пудовъ товаровъ, опять-таки не принимая въ разсчетъ тѣхъ иностранныхъ произведеній, которыя пойдутъ по Вятско-Двинской дорогѣ въ Вятку, Пермь и Сибирь. Наконецъ, пассажирское движеніе, хотя и не очень значительное, можетъ быть, безъ сомнѣнія, приравнено, по его цѣнности къ 200.000 пудамъ клади, такъ что все движеніе дороги выразится цифрою въ 8.500.000 пудовъ. Считая по 10 коп. съ пуда, на первое время, когда отправка товаровъ не достигнетъ еще всего своего развитія, дорога должна дать не менѣе 850.000 валоваго дохода, что дастъ до 510.000 чистаго дохода, полагая 40% на издержки производства. Капитализируя этотъ доходъ по 5%, получается сумма въ 10.200.000 руб., на которую можетъ быть дана пятипроцентная гарантія, безъ всякаго опасенія. Такой суммы съ излишкомъ будетъ достаточно на постройку дороги отъ Орлова до впаденія Вычегды въ Двину, при селеніи Котлосѣ, ибо, по мѣстнымъ условіямъ, дорога эта можетъ быть проведена чрезвычайно дешево. Въ 1867 году, по приглашенію г. Архангельскаго губернатора, было сдѣлано изслѣдованіе направленія этой дороги, на сумму собранную Архангельскимъ купечествомъ, инженеромъ Шмитомъ, въ отчетѣ котораго говорится, между прочимъ, слѣдующее:

„Вся мѣстность отъ Орлова до Котлоса удобна для постройки желѣзной дороги, тѣмъ болѣе, что по всей линіи не встрѣчается никакихъ, такъ называемыхъ, препятствій. Дорога эта во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть построена дешевымъ способомъ. Мосты и трубы, станціи, водокачальни съ резервуарами, поворотные круги, навѣсы, мастерскія и вообще всѣ постройки могутъ быть деревянныя. Земляныя работы могутъ быть исчислены только приблизительно, пока не будетъ сдѣлано настоящей нивеллировки; однако, предварительное изслѣдованіе даетъ намъ возможность составить смѣту, въ основаніе которой принято 1.250 кубическихъ саженъ земляной работы на версту. Между Шульдукомъ и Лальскомъ (185 верстъ, т. е. почти ³/₅ всей дороги) есть мѣста, гдѣ не потребуется никакихъ земляныхъ работъ, такъ какъ шпалы можно укладывать непосредственно на пни деревьевъ. Этотъ способъ постройки очень дешевъ и проченъ“. Этими обстоятельствами объясняется, почему г. Шмитъ могъ вычислить стоимость дороги только въ 5.400.000 руб. или по 16.000 руб. за версту. Трудно сказать, не имѣя данныхъ, на сколько основательна эта смѣта, но во всякомъ случаѣ можно, не опасаясь неудачъ, затратить и двойную противъ смѣты сумму,—не принимая даже въ разсчетъ несомнѣннаго увеличенія притока товаровъ къ Архангельскому порту, и не разсчитывая на развитіе торговли Архангельска съ Прикамскимъ краемъ иностранными товарами, а предполагая лишь, что, съ устройствомъ дешеваго и удобнаго сообщенія, возвратится Архангельскому порту то, что̀ ушло отъ него, какъ по причинѣ дороговизны и неудобности сухопутныхъ зимнихъ дорогъ до Лузы и Юга, такъ и по кратковременности (лишь въ теченіе какихъ нибудь двухъ или трехъ недѣль) и опасности сплава по этимъ рѣкамъ, а также по мелководію Двины, отъ Устюга до устья Вычегды.

5. *Развитіе мореплаванія и кораблестроенія.*

Кораблестроеніе и мореплаваніе составляютъ такія отрасли промышленности, развитію которыхъ нельзя назначить никакихъ предѣловъ и которыя, поэтому, однѣ могли бы обезпечить населеніе гораздо бо̀льшее, нежели то, которое живетъ въ Архангельской губерніи. Цѣлыя страны, какъ Норвегія и Греція, извлекаютъ изъ мореплаванія, т. е. изъ морскаго извоза, главные свои доходы. Если-же, со всѣмъ тѣмъ, этотъ промыселъ въ Архангельской гу-

берніи отнесенъ здѣсь къ имѣющимъ второстепенную важность, то это только потому, что развитіе его зависитъ весьма косвеннымъ оброзомъ отъ мѣръ правительственныхъ, и что, даже въ случаѣ успѣха, оно можетъ развиваться и расширяться лишь весьма медленнымъ и постепеннымъ образомъ. Впрочемъ, говоря о судостроеніи и мореплаваніи, въ примѣненіи къ Архангельской губерніи, надо различать строеніе большихъ судовъ и торговое мореплаваніе въ отдаленныя страны, съ цѣлью получить доходъ отъ фрахтовъ, отъ судостроенія и плаванія Поморовъ. Поморское мореплаваніе, совершаемое вдоль береговъ Архангельской губерніи и Сѣверной Норвегіи, можетъ быть названо каботажнымъ. Но, кромѣ того, существенный отличительный характеръ его заключается въ томъ, что оно имѣетъ въ виду не фрахтъ, а или разные виды рыбной и звѣриной промышленности, или мелкую торговлю съ Норвегіею, причемъ хозяинъ судна есть вмѣстѣ съ тѣмъ и купецъ, продающій, вымѣнивающій и покупающій товаръ.

Чтò касается до перваго вида мореплаванія и до строенія большихъ судовъ, то должно сознаться, что весьма мало надежды, на ихъ развитіе, въ ближайшемъ, по крайней мѣрѣ, будущемъ. Постройка большихъ судовъ, какъ съ цѣлію плаванія на нихъ подъ Русскимъ флагомъ, такъ и для продажи, начиналась въ Архангельскѣ нѣсколько разъ со времени Петра Великаго: Бажановыми, Поповыми, Брандтомъ, обѣими бѣломорскими компаніями и другими; но всѣ эти начинанія не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ и оставлялись, за невыгодностію дѣла. Главная причина неудачи Архангельскаго судостроенія заключается, по видимому, въ томъ матеріалѣ, изъ котораго строились здѣшнія суда. Опытъ показалъ, что сосновыя суда годны только для плаванія въ сѣверныхъ моряхъ; въ южныхъ-же они не выдерживаютъ долѣе двухъ лѣтъ. Очевидно, что суда, только отчасти удовлетворяющія своему назначенію, которыя должны отказываться отъ фрахтовъ, назначаемыхъ въ теплыя страны, какъ бы они ни были выгодны, могутъ конкуррировать съ дубовыми судами только при своей крайней дешевизнѣ. Но дешевъ въ Архангельскѣ только одинъ лѣсъ; всѣ-же прочіе необходимые для судостроенія матеріалы, мастеровые, рабочіе, машины — очень дòроги. Чтò касается до мореплаванія, то едва ли Русскій народъ оказываетъ къ нему большую склонность и охоту. Этому, конечно, содѣйствуетъ отчасти наша паспортная система, при которой, напримѣръ, Архангель-

скаго матроса, прибывшаго, послѣ долгихъ странствованій, въ нашъ Черноморскій портъ, отправляютъ по этапу на мѣсто его родины, за просроченный паспортъ. Но не въ этомъ, можно полагать, главная причина слабаго развитія нашего мореплаванія, ибо, даже въ такихъ моряхъ, какъ Каспійское и Азовское, гдѣ не было бы надобности въ долгихъ отлучкахъ, весьма мало матросовъ изъ Русскихъ. Самые Поморы, привыкшіе къ морю, охотно подвергаются всѣмъ опасностямъ и трудностямъ морской жизни на три или четыре мѣсяца въ году, двѣ-же трети года имѣютъ въ виду провести дома, въ кругу своихъ семействъ и знакомыхъ, и весьма бы неохотно согласились на постоянную скитальческую жизнь настоящаго моряка. Такія склонности образовались, должно быть, подъ вліяніемъ долговременнаго отчужденія Россіи отъ моря, и тѣхъ климатическихъ условій, при которыхъ даже приморскіе жители должны были спѣшить возвращаться зимовать домой. Надо еще принять во вниманіе, что въ Англіи, съ которою мы всего болѣе ведемъ торговлю, ремесло матроса такъ обыкновенно, что тамъ матросъ есть поденщикъ. Шкиперъ, приходящій въ Англійскій портъ, сейчасъ же распускаетъ своихъ матросовъ, оставивъ одни лишь кадры экипажа, будучи увѣренъ, что ко времени его отправки всегда найдутся въ избыткѣ желающіе пополнить его экипажъ. У насъ, напротивъ того, матросъ есть спеціалистъ, которымъ шкиперъ или хозяинъ должны дорожить. Отъ одного этого обстоятельства фрахты на нашихъ судахъ, съ Русскими матросами, должны быть дороже, чѣмъ на Англійскихъ, и вообще иностранныхъ. Вообще, сословіе матросовъ, въ значительныхъ размѣрахъ, можетъ образоваться только тамъ, гдѣ существуетъ значительное бездомное населеніе, какъ въ Англіи, или гдѣ мореплаваніе составляетъ почти единственное средство для пропитанія, какъ въ Греціи и Норвегіи.

Выставляя на видъ всѣ эти соображенія, которыя препятствовали и до сихъ поръ препятствуютъ развитію у насъ мореплаванія, г. Данилевскій не заключаетъ, однако же, чтобы мы не могли имѣть своего торговаго флота, а утверждаетъ только, что на это существуютъ весьма большія препятствія, побороть которыя можно лишь при употребленіи весьма сильныхъ мѣръ. Въ такихъ же обстоятельствахъ находилась прежде наша мануфактурная промышленность. Чтобы побѣдить противостоявшія ей препятствія, надо было прибѣгнуть къ строгой покровительственной системѣ.

Только подобная же мѣра можетъ развить и нашъ купеческій флотъ. Когда Англіи нужно было бороться противъ, опередившей ее развитіемъ торговли, Голландіи, она приняла знаменитый навигаціонный актъ. Если Россія хочетъ имѣть значительный торговый флотъ, то и ей остается только послѣдовать примѣру, увѣнчавшемуся такимъ блистательнымъ успѣхомъ.

Въ отношеніи къ поморскому судостроенію и мореплаванію, задача гораздо легче, ибо тутъ предстоитъ не создавать вновь, а только поддерживать и развивать уже существующее. Прежде всего, г. Данилевскій опровергаетъ то возраженіе, которое, по видимому, представляется самобытнымъ развитіемъ, хотя и небольшаго, поморскаго флота, противъ выраженной имъ мысли о покровительственной системѣ, какъ о единственномъ условіи, при которомъ можетъ развиться Русскій торговый флотъ. Если развилась активная торговля Поморовъ съ Норвегіею, то не должно думать, чтобы это произошло безъ покровительства, и при томъ покровительства двоякаго рода, — естественнаго и искусственнаго. Естественное покровительство, давшее возможность Поморамъ завладѣть рынками Сѣверной Норвегіи, заключается въ томъ, что ни откуда не можетъ быть доставленъ въ Финмаркенъ хлѣбъ столь дешево, какъ Поморами изъ Архангельской губерніи. Но и это естественное преимущество Поморовъ начало приносить свои плоды только тогда, когда къ нему присоединилось искусственное покровительство, оказанное Поморамъ Норвежскимъ закономъ 13-го сентября 1830 года и Русско-Норвежскимъ торговымъ трактомъ 11-го (23-го) іюня 1834 года, съ которыхъ поморская торговля и начала собственно развиваться. Въ чемъ заключаются эти существенно-важныя привелегіи Поморовъ, было изъяснено выше. Но уже теперь Финмаркенскій рынокъ становится тѣсенъ для Поморовъ, и имъ необходимо расширеніе его. Нѣкоторые изъ нихъ, хотя еще и весьма немногіе, начали уже расширять свои обороты. Мурманскую треску возятъ они въ Петербургъ, и, продавши ее тамъ, отправляются въ Англію, гдѣ изъ первыхъ рукъ закупаютъ соль и снасти, дозволенныя къ безпошлинному привозу на Мурманскій берегъ. Существеннымъ средствомъ для развитія поморской торговли послужитъ удешевленіе хлѣба въ Архангельскѣ, съ проведеніемъ Вятско-Двинской желѣзной дороги, что̀, можетъ быть, дастъ имъ возможность доставлять хлѣбъ не въ одинъ Финмаркенъ, но и въ другіе Норвежскіе порты. Но такимъ удешевле-

ніемъ хлѣба въ полной мѣрѣ воспользуются только богатѣйшіе изъ Поморовъ, тѣ, которые въ состояніи пріобрѣтать его на чистыя деньги. Тѣ-же, которые принуждены брать его въ долгъ, должны будутъ платить за него 15 или 20% дороже. Чтобы дать имъ возможность покупать хлѣбъ на чистыя деньги, необходимо доставить имъ дешевый кредитъ, устройствомъ банковъ или вспомогательныхъ кассъ, въ двухъ главныхъ центрахъ Поморья: Кеми и Сумѣ. Мѣра эта была предложена Данилевскимъ еще въ 1860 году, въ отчетѣ экспедиціи объ изслѣдованіи сѣвернаго рыболовства. Министерство Финансовъ не нашло тогда возможнымъ привести ее въ исполненіе, по той причинѣ, что имущества Поморовъ слишкомъ малоцѣнны, дабы служить обезпеченіемъ ссудъ, подъ залогъ ихъ. Однако, такая вспомогательная касса была учреждена, впослѣдствіи, въ Астрахани, для вспомоществованія тамошнимъ рыбопромышленникамъ, ассигнованіемъ на это 150.000 руб., между тѣмъ какъ имущество, подъ залогъ котораго разрѣшено выдавать ссуды Астраханскимъ ловцамъ, именно промысловыя лодки, гораздо малоцѣннѣе поморскихъ морскихъ судовъ, которыя стоятъ отъ 400 или 500 руб. до нѣсколькихъ тысячъ рублей. Но, сомнѣнія Министерства Финансовъ относительно обезпеченности ссудъ, выдаваемыхъ подъ залогъ судовъ, могли бы, кажется, быть устранены другою мѣрою, также уже предположенною г. Архангельскимъ губернаторомъ, именно введеніемъ между Поморами взаимнаго страхованія судовъ, для котораго уже и составленъ проектъ правилъ. Но извѣстно, какъ неохотно Русскіе крестьяне соглашаются платить деньги, столь трудно имъ достающіяся, не имѣя въ виду, отъ такой уплаты, прямой и непосредственной выгоды. Если, по сему, предоставить это предложеніе своему естественному ходу, то едва-ли можно будетъ скоро дождаться осуществленія этой полезной мѣры. Съ другой стороны, не считая возможнымъ прибѣгать къ обязательному введенію взаимнаго страхованія судовъ, г. Данилевскій полагалъ бы избрать для этого слѣдующій путь: пригласить изъ главныхъ центровъ Поморья: Кеми, Сумы, Сороки, Керети и проч., депутатовъ отъ хозяевъ большихъ, среднихъ и малыхъ судовъ, для совѣщанія въ Архангельскъ о правилахъ взаимнаго страхованія; объяснить имъ его пользу, и постановить устройство вспомогательныхъ кассъ или банковъ въ зависимость отъ ихъ согласія на введеніе у себя взаимнаго страхованія; въ облегченіе-же уплаты имъ страховой преміи, прекратить сборы

которые они платятъ въ Архангельскѣ въ пользу города, именно 5 руб. съ судна, поднимающаго болѣе 2.000 пудовъ, и 3 р. съ судна, поднимающаго менѣе этого груза, каждый разъ какъ они приходятъ въ Архангельскъ изъ Русскихъ портовъ, и 28 к. съ ласта съ судовъ, приходящихъ изъ Норвегіи, или вообще изъ-за границы. Эта послѣдняя мѣра введена была подъ предлогомъ уравненія правъ иностранныхъ судовъ съ Русскими. Но, такъ какъ поморскія суда принадлежатъ къ числу каботажныхъ, совершающихъ лишь береговое плаваніе, хотя бы они заходили и въ Норвегію, то отъ этого отяготительнаго для нихъ сбора можно бы было ихъ избавить, не нарушая нисколько правъ, присвоенныхъ иностраннымъ судамъ. Такимъ образомъ, поморамъ пришлось бы весьма немного приплачивать для страхованія своихъ судовъ, и въ виду обѣщанія устроить у нихъ вспомогательныя ссудныя кассы, если они введутъ у себя взаимное страхованіе судовъ, нѣтъ сомнѣнія, что они согласятся на эту мѣру. Страхованіе грузовъ могло бы быть предоставлено желанію каждаго. Ссуды, выдаваемыя банкомъ подъ залогъ судовъ, были бы такимъ образомъ достаточно обезпечены. Но, такъ какъ банки, кромѣ помощи, которую они окажутъ торговлѣ Поморовъ, должны бы еще содѣйствовать развитію рыбной промышленности на Мурманскомъ берегу, то, дабы удовлетворять и этой существенно важной цѣли, должны бы они выдавать ссуды и подъ взаимное поручительство, какъ это установлено относительно Астраханской вспомогательной для ловцовъ кассы. Особенности Мурманскаго рыболовства требовали бы однако нѣкоторыхъ измѣненій въ этихъ правилахъ. Въ отчетѣ Данилевскаго о Мурманскомъ рыболовствѣ подробно изъяснено, что хозяинъ, начинающій промышлять на Мурманскомъ берегу, не имѣя запаснаго капитала, въ томъ только случаѣ можетъ ожидать благопріятныхъ результатовъ отъ своего дѣла, когда начало его предпріятія совпадетъ съ хорошими уловистыми годами; въ противномъ-же случаѣ онъ долженъ потерпѣть сильные убытки. Поэтому, для рыбопромышленниковъ необходима ссуда не на одинъ годъ, а на болѣе продолжительный періодъ времени, примѣрно до 4 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы каждый годъ уплачивалась часть занятаго капитала съ процентами за ту долю, которая еще остается въ долгу, такъ что, напримѣръ, за 400 р., занятыхъ на четыре года, пришлось бы въ первый годъ заплатить 124 р., во второй 118, въ третій 112 и въ четвертый 106 руб. Сумма, которую правительство

согласилось бы выдать заимообразно на учрежденіе этихъ банковъ, должна бы быть раздѣлена на двѣ части, съ тѣмъ чтобы, примѣрно, $^2/_3$ ея шло на кратковременныя ссуды, срокомъ не долѣе года, для содѣйствія торговлѣ Поморовъ, а остальная треть —на ссуды въ помощь рыбопромышленникамъ, которыя могли бы производиться, по желанію заемщиковъ, на срокъ отъ 8 мѣсяцевъ до 4 лѣтъ.

Третья мѣра, столь же, если еще не болѣе, важная, чѣмъ устройство банковъ и взаимное страхованіе, заключается въ доставленіи молодымъ людямъ изъ Поморовъ элементарнаго морскаго образованія.

Въ этомъ отношеніи остается только сослаться на прекрасный и вполнѣ выработанный проектъ г. Архангельскаго губернатора относительно устройства мореходныхъ классовъ въ Кеми, Сумѣ и Архангельскѣ, и мореходнаго училища въ Архангельскѣ. Съ своей стороны г. Данилевскій полагалъ-бы въ этомъ проэктѣ сдѣлать лишь слѣдующія измѣненія и дополненія: 1) Въ Архангельское училище торговаго мореплаванія допускать, на слушаніе курса, не иначе, какъ по экзамену, или по свидѣтельству объ окончаніи курса въ одномъ изъ трехъ морскихъ классовъ. 2) Такъ какъ ознакомленіе съ правилами кораблестроенія весьма важно для Поморовъ, то, дабы имѣть хорошаго преподавателя кораблестроительнаго искусства, слѣдовало бы назначить корабельному инженеру бóльшее жалованье. Въ проектѣ г. Архангельскаго губернатора предположено корабельному инженеру выдавать меньшее жалованье, чѣмъ младшему преподавателю морскихъ наукъ. Г. Данилевскій полагаетъ совершенно наоборотъ, ибо легче найти штурманскаго офицера способнаго занять должность младшаго преподавателя морскихъ наукъ, чѣмъ хорошаго преподавателя кораблестроенія. 3) Безсрочные паспорты должны быть выдаваемы тѣмъ только, которые уже получили званіе штурманскаго помощника, т. е. совершили по крайней мѣрѣ четыре рейса, ибо желательно, чтобы выпущенные изъ училища ученики поступали на Русскія суда и на нихъ практиковались, а не уходили на иностранныя суда, послѣ чего нерѣдко и совсѣмъ остаются за границей.

4) Для защиты интересовъ Поморовъ въ Норвегіи необходимо, чтобы въ одинъ изъ четырехъ городовъ Финмаркена, посѣщаемыхъ русскими: Тромсе, Гамерфестъ, Вардегусъ, или Вадсе, назначенъ былъ консулъ изъ Русскихъ, а не изъ мѣстныхъ Норвеж-

скихъ купцовъ, отъ которыхъ Поморы рѣшительно не видятъ никакой защиты своихъ интересовъ, такъ что, въ этомъ случаѣ, они совершенно предоставлены произволу тамошняго мѣстнаго начальства, вообще не слишкомъ дружелюбнаго къ Русскимъ, и честности тамошнихъ купцовъ. Случается, что наши Поморы судятся въ Норвегіи за какіе-либо проступки, и наказываются по норвежскимъ законамъ. Не имѣя ни желанія, ни повода набрасывать какую либо тѣнь на безпристрастіе и справедливость норвежскихъ судовъ, нельзя не замѣтить, однако же, что у Поморовъ, не имѣющихъ къ кому обратиться за защитой, образовалось мнѣніе, что многіе изъ нашихъ невинно приговорены къ болѣе или менѣе тяжелымъ наказаніямъ. Поморы жалуются также, что Норвежцы, приходящіе ловить къ нашимъ берегамъ, при неизбѣжныхъ ссорахъ и столкновеніяхъ тамъ, гдѣ скучено много ловцовъ, угрожаютъ нашимъ отмщеніемъ, когда они явятся для торга въ Норвегію. Это также показываетъ, что, и по понятіямъ Норвежцевъ, Поморы въ Норвегіи беззащитны. Главное же неудобство заключается въ томъ, что, въ случаѣ споровъ съ норвежскими купцами, тяжбъ и т. п., Поморы дѣйствительно не имѣютъ къ кому обратиться за помощію, ибо невозможно ожидать, чтобы норвежскій купецъ горячо принялъ сторону русскаго мужика противъ своего товарища, друга или сосѣда. Поэтому, существенно необходимо, чтобы на лѣтнее время, по крайней мѣрѣ отъ мая до октября, командировался въ сѣверный Финмаркенъ консулъ, который былъ бы изъ русскихъ, съ жалованьемъ отъ правительства, такъ какъ одинъ сборъ, наложенный въ пользу консуловъ, составляетъ слишкомъ ничтожную сумму.

Русскій консулъ не изъ норвежскихъ купцовъ, кромѣ защиты интересовъ торгующихъ въ Норвегіи Поморовъ, могъ-бы оказывать еще ту существенную услугу, что извѣщалъ бы въ Архангельскъ, по телеграфу, раньше отправленія Поморовъ въ Норвегію, о томъ, какіе именно товары въ настоящемъ году болѣе требуются въ Финмаркенѣ, каковы уловы рыбы и, вообще, виды на торговлю. Эти свѣдѣнія должны быть сообщаемы чрезъ каждыя двѣ недѣли, въ первую половину лѣта, на что́ должна бы назначаться особая небольшая сумма, сверхъ содержанія консула. Безъ такого своевременнаго извѣщенія, Поморы принуждены отправляться въ Норвегію на авось, часто съ такими товарами, въ кото-

рыхъ тамъ не чувствуется надобности, или съ излишнимъ количествомъ ихъ, какъ это, напримѣръ, случилось въ 1867 году.

5) Наконецъ, для развитія поморскаго судостроенія, которое съ году на годъ дѣлаетъ замѣчательные успѣхи, и для доставленія возможности заводиться собственными судами лицамъ съ самыми небольшими средствами, было бы полезно совершенно уничтожить взысканіе попенныхъ денегъ съ лѣса, идущаго на судостроеніе. Сумма, получаемая съ этого лѣса казною, совершенно ничтожна — отъ 3 до 4 тысячъ рублей въ годъ, а между тѣмъ, если бы даже Поморы стали строить суда не только для собственнаго употребленія, но и на продажу въ Норвегію, гдѣ сосновыя суда, преимущественно небольшаго размѣра, могли бы еще найти себѣ сбытъ, то водвореніе этого рода промышленности, при которомъ лѣсъ получилъ бы гораздо значительнѣйшую цѣнность, чѣмъ въ сыромъ видѣ, должно бы считаться въ высшей степени желательнымъ.

Кромѣ этихъ мѣръ, которыя должны содѣйствовать развитію поморской торговли, весьма важнымъ облегченіемъ для Поморовъ было бы разрѣшеніе имѣть на судахъ огонь, во время пребыванія въ Архангельскѣ. Запрещеніе это сдѣлано ради безопасности отъ пожаровъ; но пожаровъ на поморскихъ судахъ до сихъ поръ никогда не было, и притомъ, въ Архангельскѣ поморскія суда стоятъ такъ рѣдко, что, даже въ случаѣ пожара, большія несчастія совершенно невозможны. Въ Гамерфестѣ, на-примѣръ, гдѣ поморскія суда стоятъ чрезвычайно тѣсно, въ перемежку съ судами другихъ націй, употребленіе огня всѣмъ дозволено, и никогда еще тамъ пока несчастій отъ огня не происходило. Между тѣмъ, запрещеніе имѣть огонь на судахъ, въ холодные и сырые сентябрскіе и даже октябрскіе дни, чрезвычайно вредно въ гигіеническомъ отношеніи, и бываетъ причиною сильныхъ простудъ и другихъ болѣзней. Для варенія пищи принуждены Поморы отправляться на берегъ, гдѣ устроены кухни; но въ бурную погоду часто бываетъ вовсе невозможно попадать на берегъ, и они должны довольствоваться сухимъ хлѣбомъ; не могутъ даже согрѣваться чаемъ, потому что запрещено грѣть самовары. Поневолѣ придется обращаться къ водкѣ. Даже и въ тихую погоду, обѣдъ, привозимый на судно изъ береговой кухни, успѣваетъ уже совершенно остыть, а паужина, къ которому всѣ привыкли, и вовсе не позволяется готовить въ береговыхъ кухняхъ. Употребленіе огня на поморскихъ судахъ,

съ нѣкоторыми, конечно, ограниченіями, было бы тѣмъ возможнѣе и справедливѣе допустить, что иностранныя суда, стоящія на Архангельскомъ рейдѣ, пользуются этимъ правомъ, которое, безъ всякаго основанія, не болѣе пяти лѣтъ тому назадъ отнято у Поморовъ, ибо никакою неосторожностію, или даже случайнымъ несчастіемъ, они къ тому не подали повода.

6) *Рыбные промыслы и колонизація Мурманскаго берега.*

Рыбные промыслы Архангельской губерніи раздѣляются на пять разрядовъ: 1) Океанскіе промыслы трески, сайды, палтусины, производимые на Мурманскомъ берегу; 2) Бѣломорскій сельдяной промыселъ, производимый въ Кандалацкой, Онежской, Унской и Двинской губахъ, а также ловъ наваги и камбалы по берегамъ Бѣлаго моря; 3) семожій промыселъ, производимый по рѣкамъ впадающимъ въ Бѣлое море и Сѣверный океанъ, а также по морскому пребрежью Бѣлаго моря, вблизи рѣкъ въ него впадающихъ; 4) печорскіе промыслы семги и разныхъ сиговыхъ породъ (нельмы, омулей, пеляди и чировъ); 5) озерные и рѣчные промыслы сиговъ, налимовъ, щукъ и другихъ породъ прѣсноводныхъ рыбъ.

Усиленіе рыболовства желательно только для первыхъ двухъ разрядовъ, такъ какъ они имѣютъ своимъ предметомъ рыбъ, не только живущихъ въ морѣ, но и мечущихъ тамъ икру, и запасъ которыхъ, можетъ, поэтому, считаться неисчерпаемымъ. Относительно лова семги, которая идетъ метать икру въ рѣки съ чистою водою и каменистымъ дномъ, и изъ всѣхъ породъ рыбъ наименѣе сильно распложается, по причинѣ крупности ея икрянокъ и продолжительности времени развитія икры, выметываемой въ холодное время года, необходимы даже нѣкоторыя ограниченія, которыя и были предложены въ отчетахъ экспедиціи, изслѣдовавшей сѣверное рыболовство, и состоятъ въ запрещеніи устраивать вновь заборы въ тѣхъ рѣкахъ, гдѣ таковыхъ доселѣ не устраивалось, и въ оставленіи промежутковъ для свободнаго прохода рыбы въ $^1/_3$ ширины рѣки, тамъ гдѣ есть населеніе по рѣкѣ выше забора, и въ $^1/_8$ тамъ, гдѣ нѣтъ такого населенія. Печорскій ловъ также не можетъ быть увеличенъ въ сколько-нибудь значительной степени. Что̀ касается до лова по мелкимъ рѣкамъ и озерамъ, имѣющаго значеніе только для продовольствія мѣстнаго населенія, то надо замѣтить, что наши мелкія сѣверныя рѣки вовсе не рыбны. Озера заключаютъ въ себѣ довольно много рыбы, но лежатъ въ отдаленныхъ отъ жилыхъ мѣстъ лѣсныхъ пустыняхъ, и могутъ

доставить бóльшее количество рыбы только при разселеніи жителей по удобнымъ мѣстностямъ, лежащимъ среди лѣсовъ. И такъ, сколько-нибудь значительному развитію подлежатъ только сельдяной ловъ и Мурманскій тресковый промыселъ. Но и сельдяной ловъ не вездѣ можетъ быть усиленъ. Наибольшая масса сельдей добывается въ Сороцкой губѣ позднею осенью и въ началѣ зимы, куда онѣ къ этому времени приходятъ громадными стаями. Здѣсь ловъ производится неводами и сѣтками, всѣми силами прибрежнаго населенія, по мелкимъ мѣстамъ. Огромное количество налавливаемыхъ сельдей съ избыткомъ удовлетворяетъ всѣмъ нуждамъ не только мѣстнаго населенія, но и пріѣзжающихъ за ними изъ Олонецкой и Вологодской губерній, такъ какъ, даже при такомъ значительномъ требованіи, цѣна на сельдей упадаетъ иногда до 1 рубля за цѣлый возъ. Напротивъ того, ловъ въ Кандалацкой губѣ могъ бы быть значительно увеличенъ; а главное, жители береговъ этого залива могли бы быть въ значительной степени обезпечены отъ постигающихъ ихъ въ иные годы, какъ на-примѣръ прошлый 1868, совершенныхъ неулововъ, если бы между ними распространилось употребленіе ставныхъ сѣтей. При ловѣ неводами, рыбаки принуждены ожидать, пока сельди подойдутъ къ берегамъ, гдѣ они могли бы ихъ затягивать, по мелкимъ мѣстамъ, неводомъ; ловъ-же на глубинѣ этимъ орудіямъ не доступенъ. Напротивъ того, ставными, или, лучше сказать, висячими сѣтями, которыя устанавливаются на произвольной глубинѣ, удлинненіемъ или укорачиваніемъ веревокъ, привязанныхъ къ боченкамъ, на которыхъ виситъ сѣть, можно бы ловить среди залива, какъ въ Норвегіи ловятъ на значительной глубинѣ въ океанѣ. Въ отчетѣ экспедиціи, изслѣдовавшей рыболовство въ сѣверныхъ моряхъ, были уже предложены мѣры къ введенію этого способа лова въ Кандалацкой губѣ.

Мурманское рыболовство, вмѣстѣ съ вымѣномъ трески и сайды въ Норвегіи на муку и другіе товары, вполнѣ и даже съ излишкомъ удовлетворяетъ потребностямъ того рынка, который можетъ въ настоящее время снабжаться этою рыбою, какъ это доказывается дешевою цѣною на треску и сайду, въ послѣдніе годы, въ Архангельскѣ. Поэтому, единственное, средство усилить Мурманскій ловъ заключается въ расширеніи области сбыта его продуктовъ, чего можно достигнуть только проведеніемъ Вятско-Двинской желѣзной дороги, которая, давъ возможность дешево прово-

зить Мурманскую рыбу въ безрыбную Вятскую губернію, доставитъ ей по крайней мѣрѣ 1.000.000 новыхъ потребителей, т. е. болѣе того, чѣмъ сколько нынѣ употребляютъ ее. Такъ какъ торговля съ Норвегіей развилась до значительныхъ размѣровъ только въ послѣднія три или четыре десятилѣтія, а прежде сего Архангельская губернія снабжалась рыбою преимущественно съ Мурманскаго берега, то многіе полагаютъ, что вымѣнъ Норвежской рыбы повредилъ развитію нашего рыболовства, и потому видятъ въ ограниченіи нашей торговли съ Норвегіей, наложеніемъ пошлины на привозную рыбу, мѣру, которая подняла бы нашъ Мурманскій промыселъ. Этимъ, дѣйствительно, можно бы было усилить нѣсколько наше Мурманское рыболовство, но не иначе, какъ насчетъ потребителей рыбы, составляющей для Архангельской губерніи потребность не менѣе насущную, чѣмъ самый хлѣбъ, ибо весьма сомнительно, чтобы, сверхъ того количества рыбы, которое доставляетъ Мурманскій берегъ въ настоящее время, онъ могъ бы доставить и то количество, которое привозится теперь изъ Норвегіи, если бы даже всѣ Поморы, ходящіе нынѣ въ Норвегію, обратились къ Мурманскому рыболовству. Это можно заключить изъ того, что естественныя условія Мурманскаго берега далеко не такъ благопріятны для рыболовства, какъ берега Финмаркена; число-же Поморовъ, которые, оставивъ торговлю съ Норвегіею, обратились бы къ Мурманскому рыболовству, далеко не столь значительно, какъ число Финмановъ (Норвежскихъ Лопарей) и Норвежцевъ, которые занимаются финмаркенскимъ рыболовствомъ и сбываютъ намъ свою рыбу. Изъ этого слѣдуетъ, что всякая мѣра, которая стѣсняла бы Норвежскую торговлю Поморовъ, необходимо повлекла бы за собою вздорожаніе трески и сайды на Архангельскомъ рынкѣ. Но этого мало. Пошлина, наложенная на норвежскую рыбу и, вообще, всякое стѣсненіе норвежской торговли заставили бы Норвежцевъ, которые въ настоящее время не имѣютъ въ Финмаркенѣ другаго сбыта для рыбы лѣтнихъ улововъ, какъ нашимъ Поморамъ, или искать себѣ другихъ путей сбыта, или же совершенно прекратить этотъ промыселъ. Въ обоихъ случаяхъ, какъ Архангельская губернія, такъ и часть Вологодской и Олонецкой, рисковали бы въ иные годы совершенно остаться безъ рыбы, что́ равняется для нихъ неурожаю хлѣба, ибо на Мурманскомъ берегу иногда нѣсколько лѣтъ сряду, какъ

напримѣръ съ 1832 по 1836 годъ и съ 1844 по 1850 годъ, бываютъ совершенные неуловы.

Наконецъ, въ случаѣ проведенія Вятско-Двинской желѣзной дороги, всякое стѣсненіе торговли съ Норвегіею было бы безполезно, даже и для привлеченія бóльшаго числа ловцовъ къ Мурманскому лову, ибо, и безъ того, увеличеніе сбыта трески должно послужить болѣе въ пользу Мурманскаго лова, чѣмъ въ пользу мѣновой торговли съ Норвегіей, потому что эта послѣдняя уже, такъ сказать, близка къ своему насыщенію. Количество товаровъ, получаемыхъ норвежскими рыболовами, взамѣнъ ихъ рыбы, и теперь уже удовлетворяетъ ихъ потребностямъ, такъ что значительнѣйшіе изъ нашихъ поморскихъ торговцевъ, уже въ настоящее время, бóльшую часть своего торга ведутъ на деньги съ норвежскими купцами, а не мѣною съ рыбопромышленниками. Слѣдовательно, бóльшая часть рыбы, которая понадобится на удовлетвореніе новаго рынка, имѣющагося открыться съ устройствомъ Вятско-Двинской дороги, должна будетъ доставляться не Норвегіею, а Мурманскимъ берегомъ.

Кромѣ проведенія Вятско-Двинской желѣзной дороги, составляющаго главное условіе для развитія Мурманскаго рыболовства, могли бы быть приняты еще слѣдующія мѣры меньшей важности, которыя содѣйствовали бы той же цѣли: 1) Со времени поселенія Норвежцевъ въ значительномъ числѣ на западной части Мурманскаго берега, стали приходить къ этимъ же мѣстамъ норвежскіе промышленники и производить ловъ рыбы у самыхъ нашихъ береговъ, чтò стѣсняетъ нашихъ ловцовъ и ведетъ къ многочисленнымъ ссорамъ и столкновеніямъ. По норвежскимъ законамъ, нашимъ промышленникамъ дозволяется производить ловъ рыбы не ближе норвежской мили, т. е. 10 верстъ, отъ берега. Слѣдовательно, для уравненія правъ нашихъ промышленниковъ съ Норвежцами, слѣдовало бы или воспретить Норвежцамъ ловъ рыбы ближе 10 верстъ отъ русскихъ береговъ, или же войти въ соглашеніе съ норвежскимъ правительствомъ о томъ, чтобы подданнымъ обоихъ государствъ было дозволено производить ловъ рыбы близь береговъ, какъ Норвегіи, такъ и Россіи: Русскимъ до Вардегуса на-примѣръ, а Норвежцамъ до входа въ Кольскую губу. Для наблюденія за этимъ, также какъ и для охраненія выгодъ нашихъ торговцевъ, необходимо бы было имѣть въ сѣверной Норвегіи русскаго консула изъ русскихъ подданныхъ. 2) Дальнѣйшая

колонизація Мурманскаго берега Норвежцами должна быть пріостановлена. Эти поселенцы только временно поселяются на Мурманскомъ берегу, и живутъ тамъ не какъ осѣдлые жители, а какъ люди, имѣющіе въ виду возвратиться къ себѣ домой, нѣсколько улучшивъ свое положеніе, или при первой невзгодѣ. Между тѣмъ, они занимаютъ лучшія становища и самыя привольныя мѣста, и тѣмъ или стѣсняютъ нашихъ рыбопромышленниковъ, или отнимаютъ тѣ мѣста, въ которыхъ всего лучше могла бы основаться русская колонизація. Свой образъ мыслей относительно колонизаціи Мурманскаго берега г. Данилевскій высказалъ уже въ отчетѣ экспедиціи изслѣдовавшей сѣверное рыболовство («Изслѣдов. о рыбол. въ Россіи», т. VI, стр. 243 и слѣд.). По его мнѣнію, одно или нѣсколько небольшихъ поселеній на Мурманскомъ берегу, состоящія частію изъ Русскихъ, частію же изъ Норвежцевъ, могли бы принести для рыболовства ту же пользу, которую приносятъ для земледѣлія образцовыя фермы, т. е. могли бы указать нашимъ промышленникамъ, какъ на новыя отрасли рыбной промышленности, только еще начинающія входить у насъ въ употребленіе (наприм. акулы и сайды), такъ и на новые способа лова, напримѣръ удочкою на поддѣвъ. Но заселеніе Мурманскаго берега Норвежцами далеко уже перешло нынѣ за тѣ предѣлы, въ которыхъ оно могло бы быть полезнымъ. Едва ли удобно заселять сопредѣльную съ Норвегіею пустынную мѣстность, удаленную отъ центровъ административной и народной дѣятельности, Норвежцами, находящимися въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ ихъ соотечественниками, живущими по сосѣдству, даже въ зимнее время, когда прекращается всякое сообщеніе со всею Архангельскою губерніею, и даже съ сосѣднею Колою. Казалось бы, поэтому, своевременнымъ прекратить теперь же выдачу дозволеній на новыя поселенія Норвежцевъ на Мурманскомъ берегу. 3) Относительно заселенія Мурманскаго берега Русскими, г. Данилевскій продолжаетъ придерживаться того мнѣнія, что и оно можетъ имѣть только частный успѣхъ; что собственно Поморамъ, особливо состоятельнѣйшимъ изъ нихъ, нѣтъ никакой выгоды оставлять Поморье, для выселенія на Мурманскій берегъ. Два главныя обстоятельства, приводимыя въ пользу поселенія на Мурманскомъ берегу: а) ловъ рыбы въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, нежели это возможно для временныхъ ловцовъ, приходящихъ на Лапландскій берегъ въ концѣ марта и удаляющихся оттуда въ

концѣ августа или началѣ сентября, и б) климатъ болѣе мягкій, сравнительно съ прибрежьемъ Бѣлаго моря,—не могутъ доставить никакихъ существенныхъ выгодъ. Постоянные поселенцы, какъ показываетъ примѣръ Колянъ, могутъ продолжать ловъ какими-нибудь $1^1/_2$ или 2 мѣсяцами долѣе пришлыхъ ловцовъ, потому что въ зимнее время этому препятствуютъ сильные холода, короткость полярнаго дня и частыя бурныя погоды, при которыхъ, въ совершенно открытой мѣстности, невозможно выѣзжать въ море. Болѣе-же мягкій климатъ зависитъ единственно отъ менѣе низкой температуры зимы, ибо морозы, отъ утепляющаго вліянія океана, рѣдко превосходятъ 20 градусовъ; но за то лѣтняя температура, которая одна только и полезна для растительности, на Мурманскомъ берегу гораздо ниже, чѣмъ по прибрежьямъ Бѣлаго моря. Даже и несравненно умѣреннѣйшій климатъ Финмаркенскаго прибрежья, гдѣ, какъ напримѣръ въ Гамерфестѣ, осьми-градусные морозы составляютъ феноменальную рѣдкость, по недостатку лѣтней теплоты, уступаетъ въ отношеніи растительности какъ нашему Бѣломорскому краю, такъ и тѣмъ частямъ Норвегіи, которыя лежатъ въ глубинѣ фіордовъ.

Невыгоды поселенія на Мурманскомъ берегу въ экономическомъ отношеніи были изложены г. Данилевскимъ въ отчетѣ экспедиціи, изслѣдовавшей рыболовство въ сѣверныхъ моряхъ (см. стр. 240—243. VI т. „Изслѣдованій“), и тѣ, которые полагаютъ, что нашъ Мурманскій берегъ можетъ сравниться въ рыболовномъ отношеніи съ сѣверною Норвегіею, весьма ошибаются. Какъ климатическія, такъ топографическія и экономическія условія Финмаркена всегда дадутъ ему значительный перевѣсъ надъ нашимъ Лапландскимъ прибрежьемъ.

Со всѣмъ тѣмъ, г. Данилевскій не отвергаетъ безусловно мысли о заселеніи Мурманскаго берега Русскими, и преимущественно западной его части, гдѣ нынѣ основались норвежскія поселенія, а находитъ, что, въ небольшихъ размѣрахъ, оно можетъ принести дѣйствительную пользу для жителей тѣхъ мѣстностей Архангельской губерніи, которые обижены природою, въ особенности для Кореловъ. Они населяютъ полосу земли между Финляндіею и Бѣломорскимъ прибрежьемъ, занятымъ Поморами. Страна ихъ представляетъ весьма мало средствъ къ жизни, кромѣ хлѣбопашества; хлѣбопашество же въ суровомъ климатѣ въ весьма слабой степени обезпечиваетъ жизненныя потребности. Поэтому, рыболовный про-

мыселъ, которымъ могли бы заняться Корелы на Мурманскомъ берегу, хотя бы и несамостоятельно, а въ зависимости отъ Поморовъ, доставилъ бы имъ болѣе безбѣдное пропитаніе, чѣмъ ихъ теперешніе промыслы. Самая промысловая зависимость Кореловъ отъ Поморовъ, въ которую они непремѣнно впадутъ, поселившись на Мурманскомъ берегу, гораздо предпочтительнѣе того нищенства, которому значительная часть ихъ предается теперь по поморскимъ деревнямъ. Поэтому, г. Данилевскій вполнѣ сочувствуетъ тѣмъ мѣрамъ, которыя предложены г. Архангельскимъ губернаторомъ для развитія колонизаціи на Мурманскомъ берегу, если, какъ и должно ожидать, предлагаемыми льготами преимущественно воспользуются Корелы Кемскаго уѣзда. 4) Къ числу мѣръ, долженствующихъ содѣйствовать развитію Мурманскаго рыболовства, причисляютъ еще учрежденіе пароходнаго сообщенія между Архангельскомъ и Норвегіею. На эту мѣру указываютъ, какъ нашъ генеральный консулъ въ Норвегіи, г. Михелинъ, такъ и Архангельскій губернаторъ. Что̀ касается до г. Михелина, то онъ имѣлъ преимущественно въ виду примѣръ Норвегіи, гдѣ пароходство, вдоль ея береговъ, чрезвычайно содѣйствуетъ народному благосостоянію. Но въ Норвегіи, по крайней мѣрѣ въ сѣверной ея части, отъ Дронтгейма до русской границы, все населеніе расположено вдоль морскихъ береговъ, и, при трудности и даже невозможности устроить на этомъ пространствѣ сухопутныя сообщенія, чрезъ скалы, ледники и глубоко вдающіеся внутрь страны фіорды, должно необходимо имѣть сообщеніе моремъ, никогда здѣсь незамерзающимъ. Этой насущной потребности и удовлетворяетъ пароходство, производящееся здѣсь на счетъ правительства. Сообразно съ этой потребностью, пароходство это почти исключительно пассажирское. Собственно же къ рыболовству оно имѣетъ весьма мало отношенія. Промышленники, какъ на Лофоденскій тресковый, такъ и на Бергенскій сельдяной ловъ, отправляются и теперь, какъ и до учрежденія пароходства, на собственныхъ своихъ судахъ и ёлахъ. Огромные грузы Лофоденской рыбы свозятся, изъ Вестфіорда, также на парусныхъ судахъ; а пароходы даже и не доходятъ къ тѣмъ островамъ, у которыхъ производится Лофоденскій ловъ. Очевидно, что у насъ пассажирскаго движенія отъ Архангельска до Норвежской границы никакого быть не можетъ, какъ потому, что бо̀льшая часть сѣверныхъ береговъ Бѣлаго моря совершенно пустынна, такъ и потому, что промышленники, отправляющіеся на Мурманскій берегъ,

идутъ туда еще зимою, когда Бѣлое море покрыто льдомъ, возвращаются же осенью, бо̀льшею частью на судахъ своихъ хозяевъ. Поэтому Архангельское начальство, которому мѣстныя условія лучше извѣстны, нежели г. Михелину, имѣетъ главнѣйшимъ образомъ въ виду не пассажирское, а товарное движеніе. Въ пользу устройства пароходнаго сообщенія между Архангельскомъ и Норвегіею, съ казенною субсидіею, приводятся главнѣйше слѣдующіе доводы: 1) Рабочіе, занимающіеся промыслами на Мурманскомъ берегу, отрѣзаны отъ всего окружающаго міра, во все время производства промысловъ, отъ чего должны страдать промыслы, ибо рабочіе, оставаясь безъ хозяйскаго и полицейскаго надзора, дурно производятъ работы. 2) Пароходы, заходя въ становища и забирая заготовленные въ нихъ продукты, будутъ доставлять ихъ въ Архангельскъ, гдѣ, слѣдовательно, запасы рыбы не будутъ скопляться исключительно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, во время Маргаритинской ярмарки, а будутъ доставляться исподволь, и, по мѣрѣ доставки, развозиться вверхъ по Двинѣ. 3) Пароходы, заходя въ Норвегію, будутъ доставлять свѣдѣнія нашимъ прошленникамъ, какъ объ успѣшности норвежскихъ рыбныхъ промысловъ, такъ и о товарахъ, въ которыхъ нуждаются Норвежцы, тогда какъ теперь наши Поморы идутъ туда совершенно наобумъ. 4) Пароходы могли бы сообщать въ становища: гдѣ находится въ большомъ количествѣ наживка, а слѣдовательно и треска, дабы промышленники, слѣдуя этимъ извѣщеніямъ, могли переходить изъ мѣстъ неуловистыхъ въ уловистыя.

Изъ всѣхъ этихъ доводовъ нѣкоторую силу имѣетъ, по мнѣнію г. Данилевскаго, только второй. Время, проводимое рыбопромышленниками на Мурманскомъ берегу, раздѣляется на два періода: первый—отъ прихода ихъ въ становища, въ концѣ марта, до начала или первой половины іюня, т. е. до прихода судовъ изъ Поморья съ хозяевами, которые или остаются на своихъ промыслахъ, или же отправляются въ Норвегію, для производства торговли, а на промыслахъ по бо̀льшей части оставляютъ своихъ сыновей, родственниковъ, или вообще довѣренныхъ лицъ. Второй періодъ продолжается отъ половины іюня до половины или конца августа, когда промышленники возвращаются на хозяйскихъ или нанятыхъ судахъ въ Архангельскъ, а потомъ въ Поморье. Въ первый періодъ, въ который происходятъ главнѣйшій ловъ и приготовленіе самой цѣнной—сухой—трески, промышленники дѣйствительно от-

чуждены отъ всего міра; но этой отчужденности ни мало не пособитъ и учрежденіе пароходства, ибо пароходы раньше конца мая или начала іюня изъ Архангельска и Бѣлаго моря выйти не могутъ. Въ послѣдніе же два мѣсяца своего пребыванія на Мурманскомъ берегу, промышленники и теперь не находятся внѣ хозяйскаго надзора, если хозяева сами желаютъ быть на своихъ промыслахъ. Пароходство послужитъ, въ этомъ отношеніи, только нѣкоторымъ богатымъ промышленникамъ, которые, не желая оставаться всего времени въ становищахъ, хотѣли бы посѣщать ихъ отъ времени до времени, если бы пароходное сообщеніе доставило имъ для этого всѣ желаемыя удобства. Г. Данилевскій лично видѣлъ Мурманскіе промыслы и приготовленіе тамошней рыбы, и смѣло утверждаетъ, что мурманская треска, соленая и сушеная, приготовляется на столько хорошо, на сколько это требуется отъ сего товара, и качествомъ своимъ нисколько не уступаетъ лофоденской, а норвежскую треску лѣтняго улова, какъ приготовляемую нашими Поморами, такъ и норвежскаго посола, значительно превосходитъ. Старательность Поморовъ какъ въ ловѣ рыбы, такъ и въ приготовленіи ея, засвидѣтельствованная, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, знаменитымъ Леопольдомъ фонъ-Бухомъ, въ его путешествіи по Норвегіи, совершенно естественно объясняется организаціею этого промысла, при которой рабочіе покрутчики получаютъ не опредѣленную заработную плату, а долю изъ суммы, вырученной за продажу приготовленной ими рыбы, такъ что они участники въ выгодахъ и невыгодахъ предпріятія. Если же, со всѣмъ тѣмъ, старательность покрутчиковъ съ того времени уменьшилась, то этого нельзя приписать ничему иному, какъ усилившемуся пьянству, вслѣдствіе усилившагося контрабанднаго ввоза изъ Норвегіи рома и другихъ крѣпкихъ напитковъ, о чемъ будетъ говорено ниже.

Доставленіе своевременныхъ свѣдѣній о ходѣ норвежскаго рыболовства и о торговыхъ потребностяхъ Норвегіи можетъ дѣйствительно принести много пользы занимающимся торговлею съ этою страною; но для этого нѣтъ еще надобности въ пароходствѣ, а учрежденіе настоящаго русскаго консульства въ Финмаркенѣ, которому было бы поручено доставлять торговыя и промышленныя телеграфическія извѣстія въ Архангельскъ, принесло бы въ этомъ отношеніи гораздо болѣе пользы. Такія телеграфическія извѣстія могли бы послужить въ пользу даже самымъ раннимъ судамъ,

отправляющимся въ Норвегію, которымъ пароходы еще никакихъ свѣдѣній сообщить не могутъ.

Чтò касается до извѣщенія промышленниковъ о мѣстахъ, гдѣ въ изобиліи появляется наживка, а за нею треска, то надо принять во вниманіе, что для лова трески употребляется наживка двухъ сортовъ: мойва и песчанка. Первая рыба появляется временно, то тамъ, то сямъ, и извѣщеніе о мѣстахъ, гдѣ она находится, дѣйствительно могло бы принести пользу. Но мойва приближается къ берегамъ только въ первую половину лова, никакъ не позже Петрова дня, т. е. въ то время, когда пароходы еще не могутъ начать своихъ рейсовъ, или только во время перваго рейса. Песчанка же постоянно живетъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, при устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ песчаныя губы, и сообщать о появленіи ея нечего.

Подвозъ рыбы съ Мурманскаго берега въ Архангельскъ пароходами—исподволь, дабы рыба эта могла, въ теченіе всей навигаціи, препровождаться далѣе вверхъ по Двинѣ, можетъ дѣйствительно принести нѣкоторую пользу, при существованіи Вятско-Двинской желѣзной дороги и успѣшномъ ходѣ колонизаціи Мурманскаго берега, если пароходы сами будутъ скупать Мурманскую рыбу и тѣмъ доставлять возможность мѣстнымъ промышленникамъ выгодно сбывать свои уловы. Но, и въ этомъ отношеніи, нельзя слишкомъ преувеличивать надежды на пользу отъ пароходовъ, ибо и въ настоящее время, часть рыбы привозится въ Архангельскъ, съ самаго открытія навигаціи, на такъ называемыхъ раньшинахъ, т. е. небольшихъ палубныхъ судахъ, остающихся зимовать на Мурманскомъ берегу, съ тѣмъ, чтобы при первой возможности доставить въ Архангельскъ свѣжепросольную треску весенняго улова, которая своимъ качествомъ значительно превосходитъ лѣтнюю треску. Кромѣ этого, надо и вообще замѣтить, что, въ теченіе всего навигаціоннаго времени, Архангельскъ никогда не остается безъ мурманской рыбы свѣжаго подвоза; если бы, по этому, открылась бòльшая потребность въ постоянной доставкѣ ея къ Архангельску, то нѣтъ сомнѣнія, что этимъ занялись бы и парусныя суда, на чтò и должно надѣяться, послѣ открытія Вятско-Двинской желѣзной дороги.

Но, если устройство пароходнаго сообщенія между Архангельскомъ и Норвегіею и не доставитъ особенно значительныхъ выгодъ для развитія мурманскаго рыболовства, оно имѣетъ чрезвычайную

важность для административныхъ цѣлей, особенно если примется мурманская колонизація. При частыхъ сообщеніяхъ вдоль Мурманскаго берега, какъ полицейское, такъ и таможенное начальство могло бы съ бо̀льшимъ успѣхомъ слѣдить за искорененіемъ, или, по крайней мѣрѣ, за уменьшеніемъ контрабанды ромомъ, которая гибельно дѣйствуетъ на нравственность рабочихъ. Посему г. Данилевскій полагалъ бы полезнымъ, вмѣсто субсидіи въ 28.000 р., о которой ходатайствуетъ г. Архангельскій губернаторъ, назначить на первое время 10.000 или 11.000 руб. для выдачи изъ оныхъ премій по 1.000 руб. за каждый рейсъ до 15-го августа, и по 1.500 руб. за рейсъ послѣ этого срока. Этой суммы хватило бы конечно только на одинъ пароходъ. Но этого было бы совершенно достаточно на первое время для опыта, который показалъ бы, въ какой мѣрѣ пароходное сообщеніе вдоль западнаго берега Бѣлаго моря и Мурманскаго берега, соотвѣтствуетъ нуждамъ населенія и развитію мурманскаго рыболовства.

Значительное скопленіе промышленниковъ, въ нѣкоторыхъ становищахъ, обратило вниманіе мѣстнаго начальства на улучшеніе гигіеническихъ условій, въ теченіе 5 или 6 мѣсяцевъ, которые они проводятъ на Мурманскомъ берегу. Для этой цѣли, приняты мѣры къ доставленію промышленникамъ необходимѣйшей медицинской помощи, и предположено облегчить ихъ, безпошлиннымъ отпускомъ лѣса, въ устройствѣ больницъ по главнѣйшимъ становищамъ, и въ возобновленіи жилищъ, бань и кладовыхъ для посола рыбы, такъ какъ бо̀льшая часть этихъ строеній пришла уже въ ветхость. Для доставленія помощи заболѣвшимъ, нѣсколько фельдшеровъ и докторъ, живущій въ Колѣ, обязаны дѣлать разъѣзды по становищамъ. Въ этихъ отношеніяхъ — пишетъ г. Данилевскій — остается только согласиться на то, что̀ уже сдѣлано, или предложено г. Архангельскимъ губернаторомъ; съ своей стороны замѣчаетъ лишь: а) Что отпускъ лѣса для строеній безъ взысканія за него попенныхъ денегъ не можетъ быть произведенъ въ одинъ годъ или нѣсколько лѣтъ, такъ какъ въ короткое время невозможно построить вновь и исправить большаго количества строеній въ болѣе нежели 30 становищахъ. Число этихъ построекъ въ каждомъ становищѣ должно быть опредѣлено, и на каждый родъ постройки должна быть составлена предварительная, по возможности умѣренная, смѣта. На основаніи этой смѣты и могло бы быть отпускаемо то количество лѣса, которое ежегодно потребуется желающими

возвести то или другое строеніе, въ томъ или въ другомъ становищѣ. Дабы побудить промышленниковъ скорѣе воспользоваться этой льготою, долженъ быть опредѣленъ срокъ въ 10 или 12 лѣтъ послѣ котораго безпошлинный отпускъ лѣса долженъ прекратиться б) Относительно подачи медицинской помощи, объѣздъ 30 или 40 становищъ, расположенныхъ на пространствѣ 600 или 700 верстъ, однимъ докторомъ и нѣсколькими фельдшерами, долженъ оказаться во многихъ случаяхъ недостаточнымъ и обратиться въ пустую формальность. Но, такъ какъ главная болѣзнь, которой Поморы подвергаются, во время пребыванія на Мурманскомъ берегу есть цынга, то было бы не безполезно, если бы Медицинскій Департаментъ составилъ краткую инструкцію, кáкъ пользоваться отъ этой болѣзни безъ помощи доктора: тогда могло бы быть вмѣнено въ обязанность всѣмъ хозяевамъ промысловъ ежегодно брать и отправлять съ промышленниками извѣстное количество самонужнѣйшихъ противоцынготныхъ лѣкарствъ.

Для установленія порядка въ становищахъ, предположено устроить въ нихъ полицейское управленіе изъ выбранныхъ самими промышленниками старостъ. Разбросанность временнаго населенія Мурманскаго берега по значительному числу становищъ, при которой нигдѣ не бываетъ слишкомъ большаго скопленія народа, позволяла до сихъ поръ обходиться безъ особаго полицейскаго надзора. Если въ настоящее время стала чувствоваться въ немъ надобность, то это происходитъ единственно отъ усилившейся контрабанды ромомъ и другими крѣпкими напитками, привозимыми изъ Норвегіи. Эта торговля крѣпкими напитками вводитъ нерѣдко промышленниковъ, тамъ, гдѣ нѣтъ самихъ хозяевъ, въ соблазнъ вымѣнивать ихъ на рыбу и тресковый жиръ; а пьянство ведетъ къ ссорамъ и небрежному лову. Поэтому, если назначеніе старшинъ должно принести пользу, то главная обязанность ихъ должна заключаться въ недопущеніи привоза и продажи крѣпкихъ напитковъ. Но и эта мѣра сдѣлается совершенно безполезною, если дозволено будетъ устраивать по становищамъ питейные домá, ибо пьянство, нынѣ все-таки случайное, обратится тогда въ постоянное и нормальное. Г. Данилевскій полагалъ бы, поэтому, что продажа крѣпкихъ напитковъ, какъ иностраннаго привоза, такъ и внутренняго приготовленія, должна быть совершенно запрещена, подобно тому какъ, напримѣръ, запрещенъ ввозъ ихъ въ Самоѣдскую тундру. Кромѣ сего, дабы учрежденіе въ становищахъ по-

лицейскаго надзора принесло дѣйствительную пользу, необходимо, чтобы, сверхъ надзора за недопущеніемъ торговли крѣпкими напитками, обязанности старостъ ограничивались: а) недопущеніемъ ссоръ и дракъ, и разборомъ возникающихъ между промышленниками взаимныхъ жалобъ; б) чтобы выборные старосты несли свою службу безплатно, дабы не отягощать промышленниковъ новыми поборами. Для вознагражденія-же старостъ за ихъ труды, могли бы быть установлены почетныя награды медалями и т. п., для тѣхъ изъ нихъ, которые, будучи выбираемы нѣсколько разъ, будутъ безупречно исполнять свои обязанности, подобно тому, какъ это установлено для старостъ выбираемыхъ ловцами въ баконныхъ полосахъ, предъ устьями Волги; в) чтобы старосты эти и прочіе полицейскіе чины не вмѣшивались въ надзоръ за соблюденіемъ гигіеническихъ условій. Лица, незнакомыя съ характеромъ рыбной промышленности, какъ за границею, такъ и въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества, приходятъ въ ужасъ отъ зловонія на Мурманскихъ становищахъ, происходящаго отъ того, что остатки отъ чистки рыбъ гніютъ въ окрестностяхъ ихъ. Но это зловоніе, какъ свидѣтельствуетъ г. Данилевскій по личному опыту, далеко не такъ сильно какъ, напримѣръ, по низовьямъ Волги, или по берегамъ Кубанскихъ лимановъ въ Черноморьи, гдѣ, отъ бóльшей скученности народа, несравненно бóльшихъ залововъ рыбы и болѣе жаркаго климата, зловоніе гораздо сильнѣе, и, тѣмъ не менѣе, не производитъ однако же чувствительнаго вліянія на здоровье промышленниковъ. Дурной запахъ—неизбѣжный спутникъ рыбной промышленности; и на рыбномъ рынкѣ, въ Архангельскѣ и въ другихъ городахъ, онъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Мурманскихъ становищахъ, гдѣ, при освѣжающемъ вліяніи морскихъ вѣтровъ, холодномъ климатѣ и весьма умѣренномъ количествѣ налавливаемой рыбы, отъ него не можетъ происходить ощутительнаго вреда. Болѣзни, которымъ подвергаются промышленники, суть главнѣйшимъ образомъ горячка, ревматизмы и цынга. Онѣ зависятъ вовсе не отъ дурнаго воздуха, будто бы заражаемаго гніеніемъ рыбныхъ остатковъ, а первыя двѣ происходятъ отъ простудъ, неизбѣжныхъ, когда въ холодное и сырое время года вытягиваются яруса, и одежда ловцовъ промачивается морскою водою, температура которой гораздо ниже нуля. Чтó касается до цынги, то ею заболѣваютъ тѣ, которые, послѣ трудовъ пѣшеходнаго перехода отъ Кандалакши до Мурманскихъ становищъ, предаются бездѣя-

тельности и лѣни, въ первое время послѣ прихода, до начала лова. Кромѣ, этихъ причинъ, производящихъ болѣзни, условія, въ которыхъ находятся ловцы во время Мурманскаго промысла, весьма благопріятны для здоровья, и ловцы возвращаются обыкновенно съ Мурманскаго берега пополнѣвъ и разрумянившись, такъ что это составляетъ даже поговорку въ Поморьѣ. Наконецъ, удаленіе остатковъ, послѣ чищенія рыбы, рѣшительно неудобоисполнимо. Зарываніе этихъ остатковъ въ землю, на Мурманскомъ берегу, по причинѣ скалистой почвы, рѣшительно невозможно. Отвозить ихъ въ открытое море, часто довольно удаленное отъ становища, всегда расположеннаго при болѣе или менѣе вдавшейся въ материкъ губѣ, нельзя, по отсутствію лошадей. Выбрасываніе этихъ остатковъ въ губу ни къ чему не ведетъ, ибо каждый приливъ снова выброситъ ихъ на берегъ. Этого мало. Если бы даже возможно было принять эти мѣры, то зловоніе все же не уничтожилось бы, ибо тресковыя головы продолжали бы сушиться на солнцѣ по окрестнымъ скаламъ, а слѣдовательно отчасти и гнить; также точно, нельзя запретить и гноенія печенокъ, для добыванія жира, которое порождаетъ не малое зловоніе. Но извѣстно, что неудобоисполнимыя требованія составляютъ только постоянно открытый предлогъ для всевозможныхъ придирокъ и всякаго рода противозаконныхъ поборовъ. Поэтому-то, необходимо, чтобы наблюденіе за удаленіемъ остатковъ отъ чистки рыбъ, за сушеніемъ тресковыхъ головъ въ отдаленіи отъ становищъ и т. п. мѣры не были включаемы въ число обязанностей какъ старостъ, такъ и вообще полицейскаго надзора за мурманскими становищами. Вредъ отъ такого вмѣшательства полицейскаго надзора въ промысловыя дѣла можетъ еще усилиться тѣмъ, что невозможно назначить точныхъ границъ такому вмѣшательству, безъ чего нерѣдко могутъ быть дѣлаемы такія требованія, которыя совершенно не соотвѣтствуютъ своей цѣли. Такъ, напримѣръ, было высказано мнѣніе, что качеству трески вредитъ то, что въ амбарахъ, гдѣ ее солятъ до прибытія судовъ, нѣтъ половъ. Но подъ рыбу всегда подстилаютъ рогожи, которыя всякій разъ стелются новыя; между тѣмъ, полъ, пропитавшись разсоломъ, служилъ бы постояннымъ источникомъ гніенія и зловонія.

7. *Морскіе звѣриные промыслы.*

Во время пребыванія г. Данилевскаго въ Архангельскѣ, доходили до него съ разныхъ сторонъ слухи о томъ, что новыя правила Устьинскаго промысла морскихъ звѣрей, заключающіяся въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта, 23-го мая 1866 года, весьма стѣснительны для промышленниковъ. Въ послѣдствіи было сообщено ему г. Архангельскимъ губернаторомъ всеподданнѣйшее прошеніе крестьянъ деревни Койды, препровожденное изъ Хозяйственнаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, для доставленія по оному отзыва. При посѣщеніи города Мезени и деревень Немнюги и Ламножни, г. Данилевскій обратилъ на этотъ предметъ особенное вниманіе, и изъ распросовъ, какъ Мезенскихъ, такъ и Койденскихъ и Долгощелинскихъ промышленниковъ, убѣдился, что жалобы эти во многихъ отношеніяхъ совершенно основательны.

Общія основанія новыхъ правилъ Устьинскаго промысла изложены въ составленномъ г. Данилевскимъ второмъ отчетѣ объ изслѣдованіяхъ рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ на Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ; но, будучи дополнены мнѣніями мѣстнаго губернскаго начальства, они повели къ принятію черезчуръ стѣснительныхъ мѣръ излишнимъ вмѣшательствомъ во внутреннюю организацію промысла. Въ прежнія времена, Устьинскій промыселъ производился одною общею артелью, и такой порядокъ, имѣя на своей сторонѣ многія преимущества, состоялъ главнѣйше въ томъ, что всѣ отправлялись въ море одновременно съ одного мѣста, и никто не спугивалъ звѣря напромышлявъ нужное для себя количество, ибо дѣлежъ производился поровну между всѣми хозяевами лодокъ, составлявшими одну артель. Такой порядокъ разстроился отъ нѣсколькихъ причинъ: 1) Увеличеніе числа промышленниковъ, въ два или три раза, сдѣлало то, что дѣйствіе одною общею артелью стало неудобнымъ. 2) Большое число промышленниковъ съ Зимняго берега стало принимать участіе въ Устьинскомъ ловѣ, и изъ этихъ-то промышленниковъ образовалась, главнѣйшимъ образомъ, деревня Койда. Противоположность интересовъ между этими новыми промышленниками, поселенными у входа въ Мезенскій заливъ, и прежними (мезенцами, семжонами и проч.), занимавшими самый кутъ или уголъ залива, породила множество споровъ и столкновеній.

3) Многіе изъ хозяевъ перестали сами ходить на промыселъ, а покрутчики, менѣе заинтересованные въ удачѣ промысла, ибо издержки онаго лежать не на нихъ, не прилагали уже такого старанія, надѣясь, что, при общемъ дѣлежѣ добычи, имъ все-таки достанется какая-нибудь часть. Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, и понимая, какъ трудно возстановить однажды нарушенный общинный порядокъ, г. Данилевскій считаетъ необходимымъ ограничиться, для возстановленія прежняго устройства Устьинскаго лова, только тѣмъ, чтобы всѣ участвующіе въ промыслѣ собирались, къ опредѣленному дню, въ извѣстное мѣсто, и отправлялись оттуда не иначе, какъ вмѣстѣ и съ общаго согласія, когда соберется полный комплектъ рабочихъ. Возстановленія-же одной артели и общаго дѣлежа добычи, хотя и считалъ весьма желательнымъ, не предлагалъ, не надѣясь на осуществленіе этой слишкомъ радикальной мѣры, при тѣхъ недружелюбныхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ между Койдянами, выставляющими половину всѣхъ лодокъ, и прочими промышленниками. Для надзора за исполненіемъ этого постановленія, было предложено имъ выбирать особыхъ промысловыхъ старостъ изъ главнѣйшихъ селеній, принимающихъ участіе въ Устьинскомъ промыслѣ, и отъ Мезенскаго мѣщанскаго общества. Но, во 2-мъ § вновь утвержденныхъ правилъ, городу Мезени было предоставлено слишкомъ сильное въ этомъ дѣлѣ вліяніе, выборомъ двухъ старостъ, тогда какъ число мезенскихъ промышленниковъ почти вдвое меньше койденскихъ. Такое устройство промысловъ повлекло за собою множество неудобствъ. Нежелавшіе подчиняться промыслу одною артелью замедляли дѣло, не являлись къ сроку и даже упускали добычу, чтобы, какъ они говорили, не трудиться для другихъ, жалуясь, что многіе отставали отъ промысла и раньше срока возвращались на берегъ, въ надеждѣ все-таки получить долю изъ общей добычи. Другіе, въ той же надеждѣ, запасались недостаточнымъ количествомъ провіанта и, подъ предлогомъ пополненія его, возвращались домой. Къ этому присоединилось еще то, что мѣстное уѣздное начальство, въ своей излишней ревности, расширило, по недоразумѣнію, смыслъ новыхъ правилъ, запретивъ отправляться раньше срока назначеннаго для Устьинскаго промысла на Канутинъ мысъ, гдѣ бой морскихъ звѣрей обыкновенно начинается уже съ Алексѣева дня (17-го марта), и къ Устьинскому промыслу, который начинается не ранѣе начала апрѣля, вовсе не относится. Отъ этого запрещенія—отправляться своевременно на

Канутинъ мысъ—многіе промышленники потерпѣли значительные убытки.

Въ бытность г. Данилевскаго въ Мезени, гдѣ находились въ то время промышленники изъ Койды и Долгой-Щели, онъ старался сговориться съ ними относительно такого устройства Устьинскаго промысла, которое было бы, по-возможности, для всѣхъ безобидно, и ему удалось убѣдить какъ Койдянъ, такъ и Мезенцовъ къ взаимнымъ уступкамъ. Невыгоды одной общей артели такъ выяснились для всѣхъ, двухлѣтнимъ опытомъ, что на сохраненіи ея не настаивали даже Мезенцы, которые прежде особенно сего желали. Гораздо труднѣе было согласить различныя притязанія промышленниковъ разныхъ мѣстностей относительно самаго существеннаго вопроса,—назначенія мѣста и времени для выхода въ море, такъ чтобы одни не имѣли преимущества передъ другими. Наиболѣе центральный пунктъ для сбора промышленниковъ есть Неринскій мысъ, лежащій съ лѣвой стороны устья рѣки Кулоя, откуда въ прежнія времена вся артель и отправлялась на промыселъ. Но, съ другой стороны, Абрамовъ мысъ, откуда желали отправляться Койдяне, имѣетъ то преимущество, что съ него, при наибольшемъ числѣ румбовъ вѣтровъ, гораздо скорѣе можно попасть на льды, гдѣ залегаютъ тюлени. Но эта мѣстность слишкомъ удалена отъ Мезени и Семжи, и, такъ какъ большинство промышленниковъ изъ этихъ мѣстностей не имѣютъ оленей, то, при бездорожьи, было бы имъ очень трудно попадать туда, съ лодками на полозьяхъ. Хотя Койдяне и не требовали, чтобы Щеляне, Мезенцы и Семжане непремѣнно собирались на Абрамовъ мысъ, а предоставляли имъ право спускаться въ море гдѣ для нихъ удобнѣе; но, при отправленіи на промыселъ не ранѣе назначеннаго дня, невыгоды тѣхъ, которые не имѣли средствъ собираться на Абрамовъ мысъ, были слишкомъ очевидны, чтобы большинство Мезенцевъ и Семжанъ могло на это согласиться. Въ видахъ уравненія для всѣхъ вѣроятностей добычи, было предложено г. Данилевскимъ, чтобы тѣмъ, которые будутъ собираться на Неринскій мысъ, было предоставлено право спускаться въ море нѣсколькими днями раньше собирающихся на Абрамовомъ мысу, на что всѣ охотно согласились.

Такъ какъ участіе разныхъ мѣстностей въ боѣ морскихъ звѣрей весьма различно, то вмѣсто выборныхъ старостъ, по одному съ каждой изъ этихъ деревень и двухъ отъ города Мезени, гораздо справедливѣе будетъ назначить по одному старостѣ съ извѣстнаго числа

отправляющихся въ море лодокъ. Наконецъ, весьма важно, чтобы срокъ для отправленія въ море былъ всегда назначаемъ заблаговременно, такъ чтобы никто не имѣлъ отговорки, что срокъ этотъ имъ слишкомъ поздно объявленъ. Что касается до промысла въ Мезенскомъ заливѣ на стрѣльныхъ лодкахъ, о которомъ въ отчетѣ Экспедиціи ничего не было упомянуто, по причинѣ его незначительности, такъ какъ онъ производится на талой водѣ за отдѣльными звѣрьми, собственнно же Устьинскій ловъ — на льду за стадами отдыхающихъ лысуновъ; то между ними нѣтъ ничего общаго, и первый, по удостовѣренію всѣхъ промышленниковъ, никакой помѣхи послѣднему не дѣлаетъ. Посему и запрещеніе его излишне.

На этихъ основаніяхъ, правила для устьинскаго лова могли бы быть изложены слѣдующимъ образомъ.

1. Подъ Устьинскимъ промысломъ разумѣется бой лысуновъ, производимый на льдахъ Мезенскаго залива.

Примѣчаніе. Границею Мезенскаго залива, къ которому только и должны примѣняться нижеслѣдующія правила, принимается прямая линія, идущая отъ мыса Воронова къ Канутину, чрезъ юговосточную оконечность острова Моржовца.

2. Какъ производство Устьинскаго промысла, такъ и дѣлежъ добычи, одною или нѣсколькими артелями, предоставляется желанію самихъ промышленниковъ.

3. Для назначенія времени начала промысловъ и наблюденія за порядкомъ производства оныхъ, избираются на каждое трехлѣтіе промысловые старосты отъ города Мезени, деревень Койды, Нижи, Долгой-Щели, Семжи, Лампожни и Каргополя. На каждыя 20 лодокъ полагается по одному старостѣ. Для сего избранія соединяются Койда съ Нижею, Долгая-Щель съ Каргополемъ, Мезень съ Семжею и Лампожнею, и если въ такомъ обществѣ, сверхъ 20 лодокъ, или кратнаго отъ этого числа, окажется еще болѣе десяти лишнихъ лодокъ, то и на такой излишекъ избирается староста; на излишекъ-же меньше десяти лодокъ особаго старосты не выбирается.

4. Старосты собираются въ г. Мезень, около двадцатыхъ чиселъ марта, и назначаютъ день, въ который промышленники должны спускаться въ море. День этотъ долженъ быть непремѣнно назначенъ и объявленъ въ деревняхъ, поименованныхъ въ 3-й статьѣ, не позже Благовѣщенья (25-го марта).

5. Мѣстомъ для отправленія на Устьинскій промыселъ назна-

чаются Абрамовъ мысъ, или Нерингскій мысъ, куда желающіе и собираются къ назначенному дню.

6. Время для отправленія на Устьинскій промыслъ, съ Нерингскаго мыса назначается всегда четырьмя днями раньше срока, назначеннаго для отправленія съ Абрамова мыса, такъ что, если, напримѣръ, съ Абрамова мыса назначено отправиться 10-го апрѣля, то съ Нерингскаго мыса можно уже пускаться на промыслъ 6-го апрѣля.

7. Отправленіе на Устьинскій промыслъ ранѣе назначеннаго срока запрещается, подъ страхомъ взысканія 25 руб. штрафа, съ каждой нарушившей это правило лодки, и отобранія всей добычи.

8. Во время производства промысловъ, строго запрещается раскладывать огонь на вѣтрѣ отъ залежекъ звѣря, такъ какъ это можетъ спугнуть его и заставить удалиться. Уличенные въ намѣренномъ разложеніи огня, или вообще въ намѣренномъ спугиваніи звѣря, подвергаются штрафу въ 25 руб. съ каждой лодки, къ которой принадлежалъ нарушившій это правило промышленникъ, и отобранію всей добычи.

Относительно промысла морскихъ звѣрей было сдѣлано г. Данилевскимъ еще одно предложеніе, имѣвшее своимъ предметомъ не Устьинскій, а выволочный промыслъ, на Зимнемъ берегу, которое до сихъ поръ не было приведено въ исполненіе. Именно, онъ полагалъ запретить выходъ на зимнебережный промыслъ ранѣе 15-го февраля. Причины, побудившія его сдѣлать это предложеніе, въ подробности изложены на стр. 95-й и 96-й VI т. изслѣдованій о рыболовствѣ. Въ нынѣшнее его посѣщеніе Мезенскаго края, многіе промышленники снова обращали его вниманіе на важность этой мѣры.

Наконецъ, г. Данилевскій упоминаетъ о пошлинѣ, которую платятъ тюлене-промышленники, хотя и весьма ничтожной, но тѣмъ не менѣе для нихъ стѣснительной. Небольшихъ легкихъ лодокъ, съ которыхъ стрѣляютъ звѣрей на водѣ, и которыя приспособлены къ тасканію по льду, выходитъ изъ одного дерева отъ четырехъ до пяти штукъ. За такое дерево платится не болѣе 30 коп. попенныхъ денегъ, такъ что на каждую лодку приходится только отъ 6 до 8 коп. пошлины. Но, для обозначенія, что пошлина съ дерева, изъ котораго выстроена лодка, уже уплачена, требуется освидѣтельствованіе лѣсничаго и наложеніе на лодку клейма. Между тѣмъ, лѣсничій не во всякое время можетъ посѣтить разныя при-

морскія мѣстности, гдѣ дѣлають такія лодки; промышленники-же часто не имѣютъ возможности дожидаться лѣсничаго для спуска лодокъ въ море, и платятъ за это 1 руб. 20 коп. штрафу съ каждой лодки, т. е. отъ 15 до 20 разъ больше попенныхъ денегъ. Въ виду ничтожности этого попеннаго сбора, г. Данилевскій полагалъ бы возможнымъ, или совершенно его отмѣнить для лодокъ употребляемыхъ на охоту за морскими звѣрями, или, по крайней мѣрѣ, уменьшить штрафъ за неимѣніе клейма, до 20 коп. вмѣсто 1 руб. 20 коп. съ лодки.

Новоземельскіе промыслы имѣютъ своимъ главнѣйшимъ предметомъ также морскихъ звѣрей. Свѣдѣнія, собранныя Данилевскимъ объ нихъ, какъ въ прошлыя, такъ и въ настоящую его поѣздку въ Архангельскъ, вполнѣ подтвердили замѣчанія г. академика Бэра объ ихъ періодическомъ характерѣ. 1859 и 1860 годы, въ которые производились изслѣдованія сѣвернаго рыболовства, приходились именно въ періодъ величайшаго ихъ оскудѣнія, такъ такъ на Новую-Землю отправлялось тогда не болѣе 5 или 6 судовъ. Въ настоящее время, промыслъ этотъ снова началъ подниматься; въ прошломъ (1868) году ходило на Новую-Землю уже 17 судовъ, и результаты ихъ промысловъ были весьма удовлетворительны. Для удобства промышленниковъ, и въ гигіеническихъ видахъ, г. Архангельскій губернаторъ ходатайствовалъ объ устройствѣ, въ главныхъ становищахъ этого острова, избушекъ и бань, такъ какъ прежде тамъ находившіяся уже давно совершенно разрушились. Г. Архангельскій губернаторъ предполагалъ устоить до 22 избъ съ амбарами и 12 бань, которыя при даровомъ отпускѣ лѣса, стоили-бы казнѣ отъ 7.000 до 8.000 р. Въ отвѣтъ на ходатайство его, г. Министръ Финансовъ полагалъ достаточнымъ ограничиться безплатнымъ отпускомъ лѣса изъ казенныхъ дачь, предоставивъ постройку означенныхъ строеній самимъ промышленникамъ. Я убѣжденъ, что такая полумѣра не привела бы рѣшительно ни къ какимъ результатамъ. Время, въ которое возможно посѣщеніе этой полярной страны, такъ коротко, что оно должно быть все употреблено на промыслъ звѣрей и ловъ гольцевъ (родъ семги), и ни одинъ промышленникъ не будетъ имѣть возможности заняться, въ теченіе его, постройкою избъ, не отказавшись совершенно на этотъ годъ отъ добычи, т. е. не затративъ, совершенно непроизводительно, довольно значительнаго по своимъ средствамъ капитала на снаряженіе судна. Этого мало. Такъ какъ всѣ ра-

ботники нанимаются изъ покрута, т. е. суть пайщики предпріятія, то хозяева, которые вздумали бы взять на себя постройку избушекъ и бань, должны бы были, кромѣ всѣхъ напрасныхъ расходовъ на снаряженіе судовъ, выплатить изъ своего кармана ту долю, которая, по примѣрному разсчету, пришлась бы на пай покрутчиковъ, на что̀ очевидно никто не рѣшится. Если, посему, правительство желаетъ оказать нѣкоторую помощь нашимъ Новоземельскимъ промышленникамъ, то должно принять всѣ расходы по постройкѣ избъ и бань — на свой счетъ. Въ виду возможнаго сокращенія казенныхъ издержекъ, число избушекъ можетъ быть уменьшено. Именно, по словамъ самихъ Новоземельскихъ промышленниковъ, можно бы ограничиться постройкою 12 избъ и 8 бань въ слѣдующихъ 4 становищахъ, гдѣ пристаетъ наибольшее число судовъ: въ Пѣтухахъ, въ Логиновыхъ-Крестахъ, у Маточкина-Шара и въ Баренцѣ (лежащемъ уже на сѣверномъ островѣ). Издержки, которыя сохранились бы чрезъ это, могли бы быть, съ большою пользою, употреблены на устройство избъ въ другихъ пустынныхъ мѣстахъ, именно: 5 избъ вдоль пути, которому слѣдуютъ Поморы, отправляясь зимою изъ Кандалакши на Мурманскій берегъ, въ которыхъ могли бы они отогрѣться и хотя нѣсколько отдохнуть отъ утомительнаго пути. Остальныя затѣмъ 5 избушекъ полезно бы было построить на самой оконечности Канина носа, называемой Тонкимъ (точно также, какъ и оконечность Арабатской косы въ Азовскомъ морѣ), какъ съ бѣломорской, такъ и съ океанской стороны, по одной избушкѣ, и далѣе по одной же избѣ: на островѣ Коргѣ, лежащемъ въ 70 верстахъ отъ берега Канинской тундры, противъ Ко̀лгуева; у Микулкина носа, при заворотѣ въ Чешскую губу, въ 80 верстахъ къ востоку отъ Корги; и на западномъ берегу Чешской губы на Лудоватомъ мысѣ, верстахъ въ 60 отъ Микулкина мыса. Устройство этихъ избушекъ было бы весьма полезно, какъ для промысла лысуновъ, идущихъ вдоль Канинскаго берега въ Бѣлое море, и тѣмъ же путемъ выходящихъ изъ него въ океанъ, такъ, можетъ быть, и для лова трески, которой довольно много у Канина мыса, и куда Мезенскимъ промышленникамъ было бы гораздо удобнѣе отправляться, чѣмъ на отдаленный Мурманскій берегъ. Въ недавнее время, лѣтъ 35 тому назадъ, въ этихъ мѣстностяхъ, именно въ Тархановѣ, верстахъ въ 8 къ югу отъ Канина носа, а также въ Воловѣ, въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ мыса Канутина, и даже на Ко̀лгуевѣ,

были поселенія раскольниковъ, гдѣ они жили зиму и лѣто, занимаясь промыслами звѣрей и рыбы. Въ Архангельскѣ была тогда Контора отъ раскольничьяго Данилова монастыря Олонецкой губерніи. Въ эту Контору сбывали они продукты своихъ промысловъ, а Контора доставляла имъ снасти и продовольствіе. Раскольничьи поселенія, на столь отдаленномъ сѣверѣ, приносили конечно большую пользу въ промышленномъ отношеніи; по пустынности-же мѣста жительства едва-ли могли приносить какой либо вредъ въ религіозномъ отношеніи. Но Архангельская Контора была уничтожена, и осѣдлыя поселенія по берегамъ Канинской тундры исчезли, оставивъ лишь едва замѣтные слѣды бывшихъ тутъ человѣческихъ жилищъ.

Такъ какъ Канинъ носъ и берегъ, простирающійся отъ него на востокъ, имѣютъ безплодную каменистую почву, то невозможно надѣяться, чтобы кто-либо добровольно на нихъ поселился, не имѣя на то какихъ-либо особыхъ причинъ, какъ напримѣръ жившіе тутъ раскольники; поэтому постройка избушекъ въ указанныхъ мѣстахъ, такъ какъ онѣ могутъ служить лишь для временнаго пристанища промышленниковъ, должна быть непремѣнно сдѣлана на казенный счетъ. Но на поселенія въ менѣе негостипріимныхъ мѣстностяхъ, по сѣверо-восточному берегу Мезенскаго залива и по восточному берегу Бѣлаго моря, къ сѣверу отъ Канутина мыса, есть и нынѣ охотники, которые не потребовали бы отъ Правительства ничего, кромѣ дароваго отпуска лѣса и тѣхъ временныхъ льготъ, которыя даны желающимъ поселиться на Мурманскомъ берегу. Наиболѣе удобными для сего мѣстами считаются устья рѣкъ Шойны и Кіи, впадающихъ въ Бѣлое море на Канинскомъ берегу, и рѣки Яжмы, впадающей въ сѣверную часть Мезенскаго залива. Во время посѣщенія г. Данилевскимъ города Мезени, ему указывали, какъ на желающихъ поселиться, на мѣщанъ: Ѳедора Калинцова и Павла Окладникова на Кіѣ, Андрея Тихонова на Шойнѣ, Михаила Коткина на Яжмѣ, а также на нѣкоторыхъ крестьянъ селенія Семжи. Устья названныхъ рѣкъ изобилуютъ превосходными лугами и пастбищами, сами рѣки рыбою, а море доставляетъ удобства для звѣриныхъ промысловъ. Поэтому, должно надѣяться, что эти поселенія, пользуясь большимъ привольемъ, скоро достигли бы значительной степени благосостоянія, подобно теперешнимъ поселеніямъ на Индигѣ, впадающей въ Чешскую губу. Препятствіемъ къ этимъ поселеніямъ служитъ опасеніе, чтобы они не

стѣснили Самоѣдовъ, собственностью которыхъ считается тундра. Но, поселившись при устьяхъ рѣкъ, для разведенія скота, поселенцы, пользуясь лугами и пастбищами, не причинили бы никакого вреда Самоѣдамъ, такъ какъ для оленей нуженъ мохъ, а не трава поемныхъ луговъ. Если бы, однако, поселенцы захотѣли завести и оленей, то на нихъ можно бы было наложить небольшую покопытную подать въ пользу Самоѣдовъ. О важности такихъ поселеній на отдаленномъ сѣверѣ нечего много распространяться; ибо, кромѣ общей пользы отъ разселенія народа по обширнымъ пустыннымъ пространствамъ Архангельской губерніи, о которой было говорено выше, достаточно обратить вниманіе на важность образованія поселковъ, вдоль пустынныхъ береговъ сѣверныхъ морей, для терпящихъ крушеніе мореплавателей. Такъ въ прошломъ году, одно англійское судно потерпѣло крушеніе, возвращаясь съ устьевъ Печоры. Изъ спасшагося на берегъ экипажа, двое погибли отъ голода и холода; погибли бы и остальные, если бы не были найдены Зырянами, пасшими въ тундрѣ оленей. Поселенія вдоль Канинскаго берега Бѣлаго моря и по Тиманскому берегу тѣмъ желательнѣе, что они въ настоящее время совершенно пустынны, между тѣмъ какъ на противоположныхъ Терскомъ и Мурманскомъ берегахъ существуютъ уже деревня Поной и заштатный городъ Кола, а въ лѣтнее навигаціонное время всѣ становища наполняются промышленниками.

Вѣроятно найдутся охотники селиться не у устьевъ только трехъ названныхъ рѣкъ, но и въ другихъ привольныхъ мѣстахъ тундры. Посему, весьма полезно общее постановленіе, которое разрѣшало бы такія поселенія всякому, гдѣ кто пожелаетъ, съ тѣмъ лишь, чтобы поселенцы были обязаны уплачивать извѣстный покопытный сборъ, если пожелаютъ, между прочимъ, заниматься и оленеводствомъ.

Въ бытность Данилевскаго въ Мезени, онъ разспрашивалъ также промышленниковъ о Чешской губѣ, и они всѣ подтвердили ему справедливость свѣдѣній, доставленныхъ Поповымъ, какъ объ изобиліи тамъ звѣрей, такъ и объ удобствахъ боя ихъ на льдахъ, ибо воды тамъ тихія. По несчастію, въ тотъ годъ, когда тамъ былъ Поповъ, господствовали относные вѣтры, что̀ соотвѣтствовало удачнымъ промысламъ на Зимнемъ берегу. Переѣздъ на оленяхъ на Чешскую губу, черезъ Канинскій перешеекъ, не затруднительнѣе, чѣмъ напримѣръ переѣздъ изъ Мезени на Канутинъ мысъ. Но,

небогатые промышленники не рискуютъ туда отправляться, боясь, погнавшись за новымъ и неизвѣстнымъ, упустить старое и извѣстное, такъ какъ промыселъ на Чешской губѣ долженъ производиться въ то же время, какъ и на Зимнемъ берегу, или въ Мезенскомъ заливѣ. Посему, всего полезнѣе было бы, по мнѣнію г. Данилевскаго, отдать безденежно зимніе и весенніе звѣриные промыслы на Чешской губѣ, лѣтъ на пять или на шесть, въ исключительное содержаніе какому-либо купцу или богатому промышленнику, который пожелалъ бы этимъ заняться. Мезенскіе промышленники утверждаютъ, что это никого бы не стѣснило, что многіе стали бы наниматься на Чешскіе промыслы изъ покрута, а по окончаніи пяти или шестилѣтняго срока, привыкнувъ къ новымъ промысламъ, вѣроятно и сами стали бы заниматься ими, уже на свой счетъ и страхъ. Ловъ бѣлуги, стрѣльня звѣря на водѣ и рыбные промыслы, которыми занимаются немногіе поселенцы по рѣкамъ, впадающимъ въ Чешскую губу, должны бы оставаться попрежнему свободными и при отдачѣ въ исключительно содержаніе боя звѣрей на льдахъ, въ зимнее и весеннее время.

Относительно Новоземельскихъ промысловъ должно еще прибавить, что въ два послѣдніе года стали и туда являться норвежскія суда и даже пароходы, которые стѣсняютъ нашихъ промышленниковъ, тѣмъ болѣе, что употребляютъ огнестрѣльное оружіе для боя морскихъ звѣрей, чего наши не дѣлаютъ. Эта стрѣльба пугаетъ звѣрей. Посему, промышленники просятъ, чтобы Норвежцамъ запрещено было ходить на Новую-Землю, на что̀ они никакого, кажется, права не имѣютъ. Если Новоземельскіе промыслы не могутъ выдержать долговременной охоты одними нашими промышленниками, а періодически уменьшаются, то тѣмъ болѣе основаній не допускать туда иностранцевъ.

8. *Солевареніе.*

Вслѣдствіе ходатайства г. Архангельскаго губернатора, какъ Министерствомъ Финансовъ, такъ и Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, сдѣлано нѣсколько облегченій и льготъ въ пользу солеваренія въ Архангельской губерніи, пришедшаго въ послѣдніе годы въ совершенный упадокъ, по невозможности соперничать съ иностранною солью, которая пользовалась многими облегченіями сравнительно съ солью, привозимою въ прочіе порты Имперіи

Такъ какъ центральное правительство раздѣляетъ, въ этомъ отношеніи, взгляды мѣстнаго губернскаго начальства, г. Данилевскій ограничивается немногими замѣчаніями, имѣющими цѣлью показать, что льготы, дарованныя архангельской соляной промышленности, недостаточны и, подобно всѣмъ полумѣрамъ, не могутъ достигнуть своей цѣли. Облегченія, которыми пользовалась иностранная соль при ввозѣ въ Архангельскую губернію, заключались въ слѣдующемъ:

1. На Мурманскій берегъ безпошлинный ввозъ соли былъ допущенъ въ неограниченномъ размѣрѣ, между тѣмъ какъ русская соль этою привилегіею не пользовалась. На это было обращено вниманіе еще экспедиціею, изслѣдовавшею сѣверное рыболовство, такъ какъ вліяніе этой мѣры не ограничивалось стѣсненіемъ нашей соляной промышленности, но, за недостаткомъ конкурренціи, не содѣйствовало даже, въ настоящей мѣрѣ, удешевленію соли на самомъ Мурманскомъ берегу.

2. Въ Бѣломорскіе порты былъ разрѣшенъ безпошлинный привозъ 21.000 пудовъ иностранной соли, также въ видахъ облегченія рыбной промышленности. Но, такъ какъ эту соль, въ каждой мѣстности, скупалъ какой-либо одинъ торговецъ и потомъ перепродавалъ по произвольной цѣнѣ, то и эта соль не дешево обходилась рыбопромышленникамъ.

3. Вся иностранная соль, ввозимая въ порты Архангельской губерніи, платила только 22 к. пошлины съ пуда, вмѣсто 35 к., которыми обложена иностранная соль въ прочихъ русскихъ портахъ.

Министерство Финансовъ согласилось на слѣдующія измѣненія этихъ мѣръ.

1. Соль, вывариваемая въ Архангельской губерніи, освобождена отъ акциза при вывозѣ на Мурманскій берегъ, съ тѣмъ, чтобы каждый разъ отпускалось съ солеварень не менѣе 1.000 пудовъ. Это ограниченіе въ значительной степени ослабляетъ полезное дѣйствіе самой мѣры. Удешевленіе соли на Мурманскомъ берегу могло бы тогда имѣть мѣсто, когда бы она привозилась нѣсколькими судами, въ каждое, или по крайней мѣрѣ въ главнѣйшія становища. Но рѣдкій промышленникъ, отправляясь на Мурманскій берегъ, захочетъ нагрузиться одною солью, какъ потому, что значительная часть груза можетъ остаться у него на рукахъ непроданною, такъ, еще болѣе, и потому, что почти каждый изъ нихъ, заѣзжая въ Мурманскія становища, отправляется потомъ въ Нор-

вегію, куда долженъ брать муку, крупу, лѣсъ и вообще такіе товары, которые могъ бы тамъ сбыть, или вымѣнять на рыбу. При небольшихъ же размѣрахъ поморскихъ судовъ, которыя, по большей части, поднимаютъ не болѣе 2.000 и даже только 1.500 пуд., грузъ соли въ 1.000 пуд. будетъ для нихъ слишкомъ великъ. Посему, размѣръ безакцизнаго отпуска соли на Мурманскій берегъ слѣдовало бы уменьшить до 300 пудовъ. Такъ какъ, далѣе, Печора находится совершенно въ такомъ же положеніи, относительно затруднительности полученія соли для посола рыбы, какъ и Мурманскій берегъ, то безакцизный отпускъ соли слѣдовало бы распространить и на Печору. Это имѣло бы еще то полезное вліяніе, что многіе Поморы, имѣя товаръ, который могли бы сбывать на Печорѣ, стали бы отправлять туда свои суда и забирать семгу и другую рыбу. Чрезъ это возникла бы конкурренція между ними и Чердынцами, единственными покупателями Печорской рыбы весенняго и лѣтняго улововъ, и рыба, превосходная по своимъ качествамъ, но дурно солимая, стала бы лучше приготовляться и увеличилась бы въ своей цѣнности.

2. Беспошлинный привозъ 21.000 пудовъ соли въ порты Бѣлаго моря отмѣненъ. Эта мѣра, конечно, полезна, но недостаточна: можно опасаться, что чрезъ это вздорожаетъ соль, употребляемая для посола сельдей, семги и вообще рыбы, ловимой въ Бѣломъ морѣ. Въ виду этого, разрѣшено соль, вывариваемую въ Архангельской губерніи, при употребленіи оной на мѣстахъ производства на посолъ рыбы, освободить отъ акциза, также какъ и ту, которая вывозится на Мурманскій берегъ. Но при этомъ раждается вопросъ, что̀ должно разумѣть подъ посоломъ рыбы на мѣстахъ производства соли, и какъ великъ будетъ районъ этого мѣстнаго производства? Можетъ ли, напримѣръ, соль, вываренная въ Керети, идти на посолъ рыбы въ Умбѣ, или нѣтъ? Если принимать этотъ районъ въ тѣсномъ смыслѣ того населенія, или даже той волости, въ которой соль варится, то для многихъ заводовъ тутъ никакого облегченія не будетъ. Напримѣръ, лучшій заводъ для выварки морской соли, Красногорскій, принадлежавшій полковнику Никитину и нынѣ не дѣйствующій, или Кулойскій, никакого облегченія отъ этого не получатъ, такъ какъ въ непосредственной близости ихъ рыба не ловится; съ другой стороны, въ большинствѣ случаевъ, рыбная промышленность никакой пользы отъ этой мѣры не получитъ, ибо не вездѣ, гдѣ ловится рыба, удобно построить солеваренный заводъ.

Если же, напротивъ того, районъ мѣстнаго производства расширить на все Бѣлое море, или даже только на цѣлый уѣздъ, то весьма будетъ трудно услѣдить, дѣйствительно ли на посолъ рыбы, а не на другое употребленіе, идетъ безакцизно отпускаемая соль, такъ что пришлось бы можетъ быть и всю соль отпускать безъ акциза, что̀, конечно, было бы весьма полезно для Архангельской губерніи, но можетъ быть не соотвѣтствуетъ видамъ Министерства Финансовъ. Выйти изъ этого затрудненія можно, по мнѣнію г. Данилевскаго, не иначе, какъ назначивъ вмѣсто опредѣленнаго количества иностранной соли, допускавшагося къ безпошлинному ввозу, опредѣленное же количество соли внутренняго приготовленія, для безакцизнаго отпуска на посолъ рыбы. Это общее количество должно бы уже распредѣляться мѣстнымъ начальствомъ между отдѣльными варницами, смотря по значительности рыболовства въ сосѣднихъ съ нею мѣстностяхъ. Имѣя въ виду усиленіе рыболовства, это количество могло бы быть опредѣлено, вмѣсто 21.000, въ 30.000 пудовъ, и распредѣленіе ихъ между заводами должно бы производиться на нѣсколько, напримѣръ на пять лѣтъ впередъ, по истеченіи которыхъ долженъ бы дѣлаться новый передѣлъ, такъ какъ въ это время могутъ возникнуть новые заводы.

Но, и въ такомъ видѣ, мѣры эти не поведутъ еще къ значительнымъ результатамъ, ибо иностранная соль, платя только 22 к. пошлины съ пуда, и пользуясь почти даровымъ провозомъ въ видѣ баласта, въ состояніи убить выварку соли, идущей на другое употребленіе, чѣмъ на посолъ Мурманской, Печорской и Бѣломорской рыбы. Чтобы соль внутренняго производства имѣла возможность конкуррировать съ иностранною, необходимо обложить эту послѣднюю, если не тою же пошлиною, какая взимается въ прочихъ портахъ Имперіи, то по крайней мѣрѣ въ 30 коп., вмѣсто 22 к., съ пуда. Въ самомъ дѣлѣ, если на посолъ рыбы будетъ допускаться безакцизная русская соль, то трудно отыскать причину на продолженіе привилегіи, которою пользуется иностранная соль въ Архангельской губерніи, къ ущербу соляной промышленности въ мѣстностяхъ, гдѣ такъ настоятельно необходимо развитіе всякаго рода промысловъ. Что̀ касается до попеннаго сбора за дрова, употребляемыя при вываркѣ соли, то дозволеніемъ, даннымъ г. Министромъ Государственныхъ Имуществъ, взимать его вмѣстѣ съ акцизомъ, вопросъ этотъ получилъ уже, кажется, совершенно удовлетворительное рѣшеніе.

9. *Охота за бѣлками, птицами и нѣкоторыя новыя отрасли промышленности, которыя могли бы быть заведены на сѣверѣ.*

Собственно охота за бѣлками и дичью не требуетъ никакихъ особенныхъ мѣръ со стороны правительства, ни для своего развитія, ни для охраненія животныхъ, составляющихъ предметъ ея. Изобиліе бѣлокъ зависитъ почти исключительно отъ урожая шишекъ на хвойныхъ деревьяхъ. Если нѣтъ шишекъ, бѣлки перекочевываютъ въ Сибирь, при урожаѣ же ихъ, снова населяютъ Архангельскіе лѣса. Что же касается до дичи, то только двѣ породы ея составляютъ предметъ торговли: рябчики и тетерева. Постояннаго уменьшенія этихъ птицъ опасаться нечего, какъ по обширности лѣсовъ, въ глубь которыхъ охотники проникаютъ не болѣе 50 или 60 верстъ отъ мѣстъ ихъ жительства, такъ и потому, что въ теченіе всего лѣта, въ то время, когда птицы высиживаютъ яйца и подростаютъ молодые птенцы, охоты за ними не бываетъ. Она начинается не ранѣе конца сентября, когда холодное время позволяетъ уже сохранять набитую дичь, а оканчивается около Рождества, когда глубокіе снѣга затрудняютъ хожденіе по лѣсамъ. Единственное средство увеличить количество набиваемой птицы, безъ всякаго опасенія за оскудѣніе ея, заключается въ увеличеніи числа поселеній среди лѣсовъ, по берегамъ рѣчекъ, въ удобныхъ для скотоводства или земледѣлія мѣстахъ (см. выше), которыя сдѣлаются новыми центрами для отправленія охотниковъ. Но, если нельзя быстро увеличить количества убиваемыхъ цѣнныхъ породъ дичи, тетеревей и рябчиковъ, можно зато извлекать гораздо больше пользы изъ породъ дикихъ птицъ менѣе цѣнныхъ, которыя и нынѣ убиваются въ значительныхъ количествахъ, но не составляютъ предмета торговли. Таковы, въ особенности, бѣлыя куропатки и дикіе гуси. На Печорѣ, въ иные годы, такъ много бываетъ бѣлыхъ куропатокъ, что, не зная что съ ними дѣлать, жители валятъ ихъ по 30 и 40 штукъ разомъ въ котелъ. Одно перо идетъ въ продажу, и выше мы видѣли, что за границу отпускается лишь до 8.000 пудовъ такъ называемаго полуперья, т. е. пера, смѣшаннаго съ пухомъ; всего же закупалось Архангельскими купцами, въ нѣкоторые годы, до 12.000 пудовъ этого пера. Такъ какъ 300 куропатокъ даютъ пудъ пера, то это количество соотвѣтствуетъ 3.600.000 куропаткамъ; а какъ, конечно, не все перо съ убитыхъ

птицъ поступаетъ въ продажу, иное бросается, иное употребляется самими крестьянами на набивку перинъ и подушекъ, то можно положить, не опасаясь преувеличенія, что въ такіе изобильны-годы налавливается до 4.000.000 куропатокъ. Охота за куропате ками производится, по крайней мѣрѣ зимою такъ что мясо ихъ идетъ въ неиспорченномъ видѣ на пищу человѣка. Съ гусями же поступаютъ гораздо хуже. Во время линанія гусей на тундрахъ, сгоняютъ ихъ, когда они не могутъ летать, стадами вдоль рѣчекъ въ главную рѣку, куда тѣ впадаютъ, и такъ до самой Печоры. Здѣсь убиваютъ ихъ десятками и сотнями тысячъ. Охота эта была неоднократно описана путешественниками на Печору. Количество убитыхъ гусей бываетъ такъ велико, что съ ними не успѣваютъ убираться, ощипывать, чистить и солить, да притомъ жалѣютъ и соли. Поэтому, продаютъ этихъ полугнилыхъ гусей за безцѣнокъ. Огромное количество гусей собирается также на Колгуевъ, гдѣ съ ними поступаютъ такимъ же образомъ. Изъ сказаннаго видно какъ важно было бы приготовлять это огромное число птицъ такимъ образомъ, чтобы онѣ могли выдержать дальную перевозку, или извлекать изъ нихъ какіе либо цѣнные продукты. Если правительство желаетъ оказать свое содѣйствіе новой отрасли промышленности, которая могла бы возникнуть на отдаленномъ сѣверѣ, то въ настоящее время представляется для этого весьма благопріятный случай.

Въ числѣ лицъ, сосланныхъ за послѣднее Польское возстаніе въ отдаленныя мѣстности Россіи, нѣкто Клечковскій, человѣкъ очень искусный и предпріимчивый, попалъ въ городъ Пинегу. Здѣсь устроилъ онъ, съ самыми небольшими средствами, въ маломъ видѣ заводъ, на которомъ приготовляется бульонъ изъ дичи самаго превосходнаго качества, бульонъ изъ тресковыхъ головъ, отъ которыхъ онъ нашелъ даже средство отбивать непріятный запахъ, свойственный сушеной трескѣ, и копченые оленьи языки, а изъ остатковъ варятся клей и мыло. Предметы эти нашли себѣ сбытъ даже въ Варшавѣ. Въ послѣдствіи Клечковскій получилъ разрѣшеніе ѣхать на родину, куда и отправился. Но, не желая бросить начатаго имъ производства, онъ просилъ дозволенія возвращаться въ Пинегу, для личнаго надзора за своимъ заведеніемъ, чтó и было ему разрѣшено. Заводъ Клечковскаго представляетъ благопріятный случай осуществить одно изъ предложеній, сдѣланныхъ Данилевскимъ еще въ качествѣ начальника экспедиціи для изслѣдованія рыбныхъ и

звѣриныхъ промысловъ на Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ. Во время посѣщенія Печорскаго края, г. Данилевскій убѣдился, что многія Печорскія рыбы, какъ то: чиры, пеляди, въ особенности же нельмы и омули, принадлежащія къ сиговому роду, а также семга, не смотря на превосходныя ихъ природныя качества, теряютъ, отъ дурнаго приготовленія, все свое достоинство; тогда какъ въ копченомъ видѣ могли бы съ успѣхомъ соперничать: омули — съ знаменитыми Невскими и Ладожскими сигами, нельма — съ Волжскою бѣлорыбицею, а Печорская семга—съ Рижскою копченою семгою. Для этого г. Данилевскій предлагалъ тогда устройство небольшой компаніи, которая занялась бы приготовленіемъ этихъ продуктовъ; но въ теченіе девяти лѣтъ, протекшихъ со времени этого предложенія, не нашлось никого, кто пожелалъ бы его осуществить. Если бы г. Клечковскій согласился перенести свою дѣятельность на Печору, то не только предложеніе Данилевскаго получило бы надлежащій ходъ, но къ этому присоединились бы производства, которыя въ будущемъ могли бы получить еще бо́льшую важность. Г. Клечковскій, какъ видно изъ его докладной записки, и самъ имѣлъ намѣреніе перенести свою дѣятельность на Печору, гдѣ она могла бы получить несравненно обширнѣйшіе размѣры, нежели въ Пинегѣ; но отъ этого удерживали его—сначала положеніе ссыльнаго, а теперь недостатокъ денежныхъ средствъ. Просимые Клечковскимъ 5.000 р. взаймы, безъ процентовъ на 5 лѣтъ, составляютъ весьма умѣренную сумму, которая, по всѣмъ вѣроятностямъ, съ избыткомъ вознаградится тою пользою, которую должна принести его дѣятельность въ столь пустынномъ и отдаленномъ краю, какъ Печорскій. Для сбыта продуктовъ, которые сталъ бы добывать г. Клечковскій, могла бы съ большимъ удобствомъ служить Пинежская Никольская ярмарка, куда и въ настоящее время свозится много продуктовъ Печорскаго края, и которая начинаетъ пріобрѣтать все бо́льшее и бо́льшее значеніе. Во время поѣздки Данилевскаго на Печору, Пинежская ярмарка была еще чисто-мѣстнымъ торгомъ, а въ настоящее время на нее уже пріѣзжаютъ многіе купцы изъ Вологодской губерніи, и запасаются тамъ не только спеціальными продуктами крайняго сѣвера, но скупаютъ уже и такіе предметы, какъ коровье масло, для отправки его въ Петербургъ. Въ нѣсколько лѣтъ, количество масла, туда свозимаго, увеличилось уже втрое и составляетъ не менѣе 3.000 пудовъ (на 18.000 р.). Самый видъ города съ того времени

значительно улучшился; въ немъ уже нѣсколько каменныхъ строеній, что̀ весьма много для уѣзднаго города Архангельской губерніи.

Къ сказанному г. Данилевскій присовокупляетъ, что Императорское Вольное Экономическое Общество и Медицинскій Департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, которымъ были представлены нѣкоторые продукты, выдѣлываемые г. Клечковскимъ, отзываются объ нихъ весьма одобрительно; съ другой-же стороны, г. Архангельскій губернаторъ свидѣтельствуетъ о полной благонадежности Клечковскаго.

10. *Устройство Печорскаго края.*

Во время управленія Архангельскою губерніею княземъ Гагаринымъ, обращено было вниманіе и на отдаленный Печорскій край, и съ этою цѣлію снаряжена была особая экспедиція, представившая подробный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ.

На основаніи свѣдѣній, доставленныхъ этою экспедиціею, и другихъ соображеній, сдѣланы г. Архангельскимъ губернаторомъ два существенно важныя предложенія: 1) соединеніе всего Печорскаго края, раздѣленнаго нынѣ между тремя губерніями, въ одно административное цѣлое — особый Печорскій уѣздъ Архангельской губерніи, и 2) обращеніе Печорскаго порта, не получившаго еще до сихъ поръ юридическаго существованія, въ порто-франко.

Печорскій край составляетъ совершенно особенную мѣстность, ограниченную съ сѣвера океаномъ, съ запада обширнымъ, почти не заселеннымъ пространствомъ верстъ въ семьсотъ, съ юга также почти двухсотверстною незаселенною страною, съ востока же обширными тундрами и Уральскимъ хребтомъ. При такой замкнутости и затруднительности сообщенія Печорскаго края съ окружающими его мѣстностями, самъ онъ прорѣзывается, во всю длину, огромною судоходною рѣкою, по которой и расположены всѣ заселенныя мѣста, что̀ чрезвычайно облегчаетъ внутреннія сообщенія края. Такая обособленность края дѣлаетъ изъ него какъ административную, такъ и экономическую единицу: поэтому ничего не можетъ быть основательнѣе, какъ образованіе изъ него особеннаго уѣзда. Въ этомъ отношеніи, г. Данилевскій считаетъ необходимымъ сдѣлать одно только замѣчаніе. Образованіе особаго Печорскаго уѣзда необходимо должно повлечь за собою уни-

чтоженіе Мезенскаго уѣзда; ибо, за выдѣленіемъ Печорскаго края, остающаяся часть будетъ слишкомъ мала для того, чтобы составить отдѣльный уѣздъ, и ее предположено присоединить къ Пинежскому уѣзду. Но, съ обращеніемъ Мезени въ заштатный городъ, какъ Мезенскіе мѣщане, такъ и жители окрестныхъ деревень, потеряютъ не малую часть и безъ того скудныхъ средствъ къ существованію; ибо уѣздная администрація всетаки доставляла нѣкоторые заработки окрестному населенію, потребляя многіе продукты мѣстнаго производства. Выше предложенная мѣра—устройство лѣсопильнаго завода—должна оживить какъ самую Мезень такъ и весь 1-й станъ уѣзда (не выходящій въ составъ Печорскаго края) въ несравненно сильнѣйшей степени, нежели сколько мѣстность эта потерпитъ отъ упраздненія въ ней уѣзднаго центра. Въ интересахъ бѣднаго средствами населенія Мезени и его окрестностей, было бы весьма важно, чтобы упраздненіе Мезенскаго уѣзда послѣдовало не прежде, чѣмъ приступлено будетъ къ устройству Мезенскихъ лѣсопильныхъ заводовъ.

Что́ касается до устройства порто-франко, то безпошлинный привозъ товаровъ не можетъ ограничиваться однимъ портомъ въ низовьяхъ Печоры, куда будутъ приставать корабли, такъ какъ, какая бы мѣстность для сего ни была избрана, малолюдность ея совершенно уничтожила бы всю пользу, которой можно ожидать отъ этой мѣры для развитія торговли съ Печорою. Поэтому, въ порто-франко долженъ быть обращенъ весь Печорскій край, и притомъ безъ всякаго наблюденія за непровозомъ иностранныхъ товаровъ внутрь Россіи. По сему, эта мѣра можетъ быть приведена въ исполненіе только отчасти; ибо, какъ ни затруднительны сообщенія Печорской области съ окружающими ее частями губерній Архангельской, Вологодской, Пермской и Тобольской, многіе мануфактурные товары представляютъ столь значительную цѣнность въ маломъ объемѣ, что провозъ ихъ въ прочія мѣстности Россіи былъ бы выгоденъ, не смотря на затруднительность сообщеній. По этому, г. Данилевскій полагалъ бы возможнымъ допустить безпошлинный ввозъ на Печору только колоніальныхъ товаровъ и предметовъ продовольствія, а не продуктовъ фабричной промышленности. Кромѣ этой мѣры, для усиленія и облегченія торговыхъ сношеній Печорскаго края, необходимо озаботиться точнымъ снятіемъ и наложеніемъ на карту устьевъ Печоры; ибо, частыя крушенія кораблей, идущихъ въ Печору, показываютъ, что

мѣры, принятыя, въ этомъ отношеніи, Печорскимъ товариществомъ, совершенно недостаточны. Между тѣмъ, опасности, которымъ подвергаются суда идущія на Печору, не только увеличиваютъ фрахтъ, но могутъ совершенно отбить охоту предпринимать это плаваніе, которое, въ сущности, мало чѣмъ затруднительнѣе плаванія къ устьямъ Двины или Онеги. Совершенно необходимо было бы, также, обязать Печорское товарищество, взамѣнъ предоставленныхъ ему правительствомъ льготъ и привилегій, содержать на устьяхъ Печоры облегчительныя средства для прохода судовъ чрезъ баръ, для ввода ихъ въ рѣку, и обратно вывода изъ нея, какъ то: камели, или по крайней мѣрѣ разгрузныя суда, пароходы и хорошихъ лоцмановъ.

Коммисія, посѣщавшая Печорскій край, указываетъ еще на важность устройства путей сообщенія между верховьями Печоры и Чердынью, такъ какъ этимъ путемъ доставляются всѣ продовольственныя средства на Печору. Для этой цѣли, почитаетъ она необходимымъ устроить зимній путь между Цидвинскимъ селеніемъ и Устьяловскою пристанью на рѣкѣ Березовкѣ, принадлежащей къ системѣ Камы, и лѣтній путь между этой пристанью и Явшинскою пристанью на Печорѣ. Такъ какъ пути эти пролегаютъ по Пермской губерніи, то г. Архангельскій губернаторъ не могъ внести устройства ихъ въ число проектовъ, имѣющихъ цѣлью усиленіе производительности Архангельской губерніи. Г. Данилевскій не высказываетъ рѣшительнаго мнѣнія по сему предмету, потому что мѣстныя потребности и нужды верховьевъ Печоры ему совершенно неизвѣстны, и полагаетъ необходимымъ войти объ этомъ предметѣ въ сношеніе съ мѣстными властями Пермской губерніи. Печорская компанія сообщаетъ, между прочимъ, что одинъ купецъ, Константинъ Юргасовъ, брался устроить на свой счетъ зимнее сообщеніе между селомъ Цидвинымъ и Устьяловскою пристанью, проведеніемъ на разстояніи 100 верстъ просѣки въ 3 сажени шириною, постройкою 22 мостовъ чрезъ ручьи и рѣчки, и казармъ съ навѣсами для остановки ямщиковъ съ лошадьми, и устройствомъ фашинника чрезъ болота въ $3^1/_2$ версты близъ самой Устьяловской пристани, обязываясь, кромѣ того, запасать фуражъ для корма лошадей. За проложеніе этой дороги онъ выговаривалъ себѣ слѣдующія условія: а) чтобы въ продолженіе 12 лѣтъ со времени устройства дороги, на которое онъ полагаетъ 3 года, торгующіе съ Печорскимъ краемъ обязаны были платить ему по 20 коп. съ

воза товаровъ, провозимыхъ изъ Чердыни на Якшу и обратно въ Чердынь; б) чтобы вырубленный съ просѣки лѣсъ былъ безпошлинно предоставленъ ему, для постройки казармъ, мостовъ, трубъ и проч.; в) чтобы ему дозволено было безпошлинно расчищать сѣнокосы по рѣкамъ и ручьямъ вблизи дороги, и косить на нихъ сѣно для заготовленія фуража; и г) чтобы въ теченіе этихъ 12 лѣтъ былъ запрещенъ проѣздъ и провозъ тяжестей по другимъ дорогамъ. На всѣ эти мѣры, кромѣ послѣдней, г. Данилевскій полагалъ бы возможнымъ согласиться, дабы не обременять казну расходами.

11. *Добываніе минеральныхъ богатствъ.*

Въ Архангельской губерніи есть руды желѣзныя, мѣдныя и даже серебряныя, а также признаки нефти. Желѣзныя руды разработывались нѣкогда въ Кореліи, и нынѣ жителямъ этого края разрѣшено безпошлинное употребленіе лѣса для выплавки чугуна изъ тамошнихъ рудъ. Въ Кемскомъ-же уѣздѣ, а также по теченію рѣки Цильмы, находятся мѣдныя руды. На первыя являются желающіе устроить заводы для ихъ обработки. Серебряныя руды находятся на Медвѣжьемъ островѣ, лежащемъ близь сѣвернаго берега Кандалацкаго залива. Содѣйствовать разработкѣ этихъ рудъ можетъ правительство однимъ лишь безпошлиннымъ отпускомъ, какъ строеваго лѣса на устройство заводовъ, такъ и дровянаго для выплавки рудъ; а за симъ все должно быть предоставлено частной предпріимчивости.

Въ заключеніе своего отчета, г. Данилевскій замѣчаетъ, что если мѣры, въ немъ предложенныя, будутъ удостоены вниманія правительства и въ возможно-непродолжительномъ времени приведены въ исполненіе, то можно смѣло надѣяться, что жители Архангельской губерніи получатъ значительное облегченіе, и положеніе ихъ, мало по малу улучшаясь, достигнетъ со временемъ значительной степени благосостоянія; но очевидно, что на это потребуется не мало времени. До тѣхъ же поръ, нельзя не опасаться, что неблагопріятные годы, какъ въ отношеніи урожаевъ, такъ и относительно промысловъ, могутъ поставить жителей въ бѣдственное положеніе. Посему, кажется необходимымъ улучшить бытъ крестьянъ

Архангельской губерніи немедленнымъ облегченіемъ лежащихъ на нихъ податей и повинностей, и образованіемъ особаго капитала, насчетъ котораго въ неурожайные годы могли бы быть дѣлаемы имъ ссуды хлѣбомъ, для пропитанія и для посѣва.

Относительно облегченія податей и повинностей, г. Данилевскій, соглашаясь вполнѣ съ проектомъ г. Архангельскаго губернатора, ограничивается лишь перечисленіемъ тѣхъ изъ этихъ мѣръ, которыя кажутся ему наиболѣе существенными: 1) Привлечь къ участію въ земскихъ повинностяхъ всѣ промышленныя и торговыя заведенія. 2) Включить въ число предметовъ обложенія казенные и удѣльные лѣса, обложивъ ихъ пошлиною, напримѣръ въ 2 процента съ валоваго годоваго дохода. 3) Подвергнуть сбору на земскія повинности земли удѣльнаго и казеннаго вѣдомствъ, въ соразмѣрности съ доходностью ихъ. 4) Обложить сборомъ мѣстные крестьянскіе промыслы, какъ то: звѣриные и рыбные промыслы, смолокуреніе и т. п. 5) Уменьшить государственный земскій сборъ съ 40 на 10 коп. съ души. 6) Отнести содержаніе всѣхъ почтовыхъ дорогъ, пролегающихъ внѣ крестьянскаго надѣла, по казеннымъ или удѣльнымъ землямъ, на государственный земскій сборъ. Имѣя въ виду, съ одной стороны, малонаселенность губерніи и огромное протяженіе этихъ дорогъ, простирающихся на 1.750 верстъ, а съ другой, что содержаніе ихъ въ исправности еще болѣе важно въ общегосударственномъ отношеніи, чѣмъ для нуждъ мѣстныхъ жителей, нельзя не прійти къ заключенію о необходимости и справедливости этой мѣры. Надо принять только во вниманіе, что крестьянамъ приходится иногда отправляться, для исправленія дорогъ, за 400 верстъ отъ мѣста жительства. 7) Отнести, по крайней мѣрѣ, содержаніе станцій для полицейскихъ управленій также на государственный земскій сборъ, ибо и подводная повинность, исправляемая на пространствѣ 6.000 верстъ, не подъ силу населенію губерніи.

Что̀ касается до продовольствія губерніи, то, соглашаясь, въ принципѣ, съ мнѣніемъ губернатора, что даровое кормленіе народа вредно по своимъ послѣдствіямъ, и что оно никоимъ образомъ не можетъ лежать на обязанности правительства, Данилевскій тѣмъ не менѣе полагаетъ, что въ виду особыхъ условій, въ которыхъ находится Архангельская губернія, недовольно еще, чтобы всегда имѣлся во всѣхъ мѣстностяхъ ея достаточный, для продовольствія жителей, запасъ хлѣба, продаваемаго не по торговой, а по той

цѣнѣ, по которой бbошлась его заготовка. Неурожаи въ такой степени увеличиваютъ расходы населенія на пріобрѣтеніе хлѣба, что оно становится ему не подъ силу. Посему, необходимо повсемѣстно образовать ссудные хлѣбные магазины, изъ которыхъ каждое общество могло бы выдавать членамъ своимъ, заимообразно, необходимое количество хлѣба, взыскивая розданный въ ссуду хлѣбъ въ тѣ годы, когда онъ дешевъ. Общественныя запашки, какъ совершенно основательно замѣчено г. Архангельскимъ губернаторомъ, могутъ имѣть мѣсто только въ южной части губерніи, и то только въ томъ случаѣ, если крестьянамъ дана будетъ для сего земля отъ казны и отъ удѣла, по 1/8 десятины на душу, и разчистка этой земли произведена будетъ на общественный счетъ, преимущественно неисправными плательщиками податей. Что-же касается до сѣверныхъ частей губерніи, то общественные запашки къ ней не примѣнимы. Всего полезнѣе было бы принять общую для губерніи мѣру—наложеніе на вино, при отпускѣ его изъ складовъ, по 50 к. съ ведра, сверхъ акциза. Получаемая отъ сего сумма должна бы идти первоначально на образованіе ссудныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, начиная съ мѣстностей наиболѣе въ семъ нуждающихся. По удовлетвореніи этой насущной потребности, этотъ сборъ можно бы продолжать взимать для образованія капитала сельской благотворительности. Если бы общественная запашка, на данной для сего казною и удѣломъ землѣ, въ южныхъ частяхъ губерніи, была введена совмѣстно съ наложеніемъ 50-ти копѣечнаго сбора съ ведра вина, то необходимый для образованія ссудныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и сельской благотворительности капиталъ могъ бы составиться въ довольно непродолжительное время, ибо одинъ налогъ съ вина далъ бы ежегодно не менѣе 70.000 руб. Съ усиленіемъ промысловыхъ средствъ губерніи, съ усиленіемъ ея хлѣбопашества, съ удешевленіемъ хлѣба посредствомъ проведенія Вятско-Двинской желѣзной дороги, какъ общественныя запашки, такъ и сборъ съ вина, могли бы быть прекращены, и, въ случаѣ возможности, даже хлѣбъ изъ ссудныхъ магазиновъ могъ бы быть проданъ, для усиленія благотворительнаго капитала тѣхъ обществъ, для которыхъ миновала бы опасность раззоренія отъ неурожаевъ.

V.

О СПОСОБАХЪ БОРЬБЫ СЪ ФИЛЛОКСЕРОЮ.

Докладъ предсѣдателя филлоксерной коммисіи дѣйств. ст. сов. Н. Я. Данилевскаго.

1882 г.

Бороться съ филлоксерою можно тремя способами:

1. Стараться уничтожить самый очагъ заразы и всѣ успѣвшія уже отродиться отъ него второстепенныя гнѣзда, такъ чтобы поставить виноградную мѣстность въ тоже положеніе, въ которомъ она находилась до занесенія въ нее заразы.

2. При невозможности достигнуть этого результата, потому что зараза уже слишкомъ распространилась ко времени начатія борьбы,—стараться отыскать способъ продолжать прежнюю культуру винограда, не взирая на существованіе грознаго врага, ослабляя его дѣятельность въ такой степени, чтобы культура приносила еще достаточную выгоду, не смотря на увеличеніе издержекъ производства, или, другими словами, стараться найти modus vivendi съ филлоксерой. Сюда относятся всѣ способы леченія виноградниковъ отъ филлоксерной болѣзни.

3. Наконецъ, если очаги заразы почему-либо не могутъ быть уничтожены, если не примѣнимы почему-либо способы леченія, не даютъ удовлетворительныхъ результатовъ, или слишкомъ дороги, ничего другаго не остается, какъ, бросивъ прежнюю виноградную культуру, перейти къ воздѣлыванію другихъ растеній, соотвѣтствующихъ климату и почвѣ, обѣщающихъ наибольшій доходъ. Ка-

кія это будутъ растенія, — совершенно ли иныя, не имѣющія ничего общаго съ виноградомъ: фруктовыя деревья, табакъ и т. п., или же другіе виды винограда, оказывающіеся достаточно устойчивыми противъ нападеній филлоксеры,—съ экономической точки зрѣнія совершенно безразлично, ибо въ обоихъ случаяхъ капиталъ, употребленный на культуру погибшаго или обреченнаго на гибель винограда, одинаково пропадаетъ, и для извлеченія выгодъ изъ почвы, прежде занятой, требуется вложить въ нее новый капиталъ.

Уже изъ одного поименованія этихъ трехъ способовъ борьбы съ филлоксерою вытекаетъ до очевидности яснымъ образомъ, въ какой послѣдовательности, когда и гдѣ должно прибѣгать къ первому, второму или третьему способу. Очевидно, что, если зараза сосредоточена въ одной мѣстности на сравнительно небольшомъ пространствѣ, то должно стараться искоренить въ ней заразу, сдѣлать все возможное, чтобы пресѣчь и предупредить ея дальнѣйшее распространеніе. Найдя въ подозрительной мѣстности новое гнѣздо заразы, было бы безуміемъ ограничиться его лѣченіемъ, при которомъ насѣкомое никогда не уничтожается вполнѣ и продолжаетъ, какъ естественнымъ, такъ и искусственнымъ путемъ, заражать все новыя и новыя мѣстности, вмѣсто того, чтобы употребить всѣ усилія для совершеннаго искорененія заразы, т. е. какъ самаго насѣкомаго, такъ и винограда, его питающаго. Еще страннѣе было бы оставить все своему естественному ходу, т. е. предоставить виноградники несомнѣнному зараженію, что̀ стало бы лишь вопросомъ времени, съ перспективой замѣнить ихъ впослѣдствіи американскими лозами, и, такимъ образомъ, рѣшиться пожертвовать многомилліоннымъ капиталомъ и употребить новый, по меньшей мѣрѣ, столь же значительный, для возобновленія дохода.

Если мы обратимся за примѣромъ къ странамъ, прежде нашего имѣвшимъ несчастіе подвергнуться филлоксерной заразѣ, то найдемъ, что и тамъ слѣдуютъ именно этому порядку. Гдѣ болѣзнь успѣли захватить своевременно, тамъ стараются уничтожить самые очаги заразы, какъ въ Швейцаріи, частію и въ Германіи, и хотя нигдѣ еще борьба не кончена, но въ поименованныхъ странахъ она ведется съ надеждою на успѣхъ, и можно сказать, что положеніе въ нихъ улучшается, зараза не только не распространяется, но кругъ зараженія стѣсняется съ каждымъ годомъ. Напротивъ того, тамъ, гдѣ своевременный захватъ болѣзни былъ невозможенъ по той ли причинѣ, что поздно ознакомились съ сущностью бо-

лѣзни, какъ во Франціи и Португаліи, или потому, что климатическія условія слишкомъ благопріятствуютъ размноженію насѣкомаго, не прерываемому даже въ зимніе мѣсяцы, какъ въ Андалузіи, или, наконецъ, потому, что время для радикальныхъ мѣръ было упущено по недостаточности отпущенныхъ на это средствъ, какъ въ Австро-Венгріи,—болѣзнь распространяется неудержимо, захватывая все большія и большія пространства, и угрожаетъ конечною гибелью виноградниковъ въ этихъ странахъ. Относительно Франціи это свидѣтельствуютъ карты филлоксернаго зараженія 1878—1881 годовъ.

Уже одинъ этотъ примѣръ показываетъ съ достаточною ясностью, какой методы должно держаться у насъ для борьбы съ филлоксерою, какая метода имѣетъ наибольшіе шансы на успѣхъ. Чтò желательнѣе: находиться ли въ положеніи Швейцаріи, гдѣ, не смотря на то, что филлоксера открыта уже 8 лѣтъ тому назадъ, а существуетъ уже не менѣе 12 или 13 лѣтъ, болѣзнь остается ограниченной немногими, недалеко другъ отъ друга лежащими мѣстностями Женевскаго и Невшательскаго кантоновъ, гдѣ сосѣдній съ Женевскимъ—Водскій кантонъ, главная винодѣльная мѣстность Швейцаріи, продолжаетъ быть свободнымъ отъ заразы, гдѣ, наконецъ, и въ самыхъ зараженныхъ кантонахъ, подлежащіе уничтоженію куски вмѣсто цѣлыхъ гектаровъ, какъ то было въ началѣ, ограничиваются небольшими пятнами въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ метровъ, — или въ положеніи Австро-Венгріи, гдѣ болѣзнь уже разбросана въ одной Венгріи въ 20 комитатахъ и занимаетъ собою уже тысячи гектаровъ?

Всѣ возраженія, приводимыя противъ методы борьбы съ филлоксерою посредствомъ совершеннаго уничтоженія зараженныхъ виноградниковъ, въ сущности приводятся къ тому, что нельзя быть вполнѣ увѣреннымъ, что мы уничтожимъ дѣйствительно все больное, и что гдѣ нибудь не ускользнетъ отъ нашихъ глазъ какая нибудь затаившаяся искорка заразы. Но это возраженіе общее противъ всѣхъ безъ исключенія дѣлъ человѣческихъ. Дѣйствительно, ни въ чемъ, нигдѣ и никогда нельзя ручаться, что не сдѣлано того или другаго упущенія, и, еслибъ дѣло шло объ уничтоженіи филлоксеры непремѣнно сразу, то, дѣйствительно, трудно бы было рѣшиться взяться за это дѣло; но, по счастію, такое невозможное условіе никому и ни при какомъ дѣлѣ, и всего менѣе при борьбѣ съ такимъ врагомъ, какъ филлоксера, и не ставится въ обязан-

ность. Въ большинствѣ случаевъ, всякій успѣхъ достигаетъ постепеннымъ приближеніемъ къ конечному благопріятному результату. И это все, на что можно разумно надѣяться, все, за что можно браться безъ дерзости и легкомыслія.

Какъ ни странно требованіе, чтобы борьба съ филлоксерой, посредствомъ уничтоженія зараженныхъ виноградниковъ, удалась сразу, въ одинъ пріемъ, тѣмъ не менѣе, однако, оно было сдѣлано. Нѣкто г. Павловскій, изучающій агрономію въ земледѣльческой школѣ въ Монпелье, возражая [1]) на мою статью „Сравненіе методовъ борьбы съ филлоксерою", между прочимъ говоритъ: „Но замѣтимъ, что обыкновенно называютъ радикальнымъ средствомъ такое, которое, будучи разъ употреблено, избавляетъ отъ необходимости прибѣгать снова или къ нему, или къ какому бы то ни было другому средству". Признаюсь, такое опредѣленіе радикальнаго средства встрѣчается мнѣ въ первый разъ. До сихъ поръ я считалъ радикальнымъ такое средство, которое избавляетъ вполнѣ отъ болѣзни, совершенно не зависимо отъ того, сколько разъ и въ теченіи какого времени приходится его употреблять. Если болитъ зубъ, то, вырвавъ его, мы избавляемся отъ зубной боли, но если болѣло два зуба, а мы вырвали только одинъ, то это не значитъ, чтобы вырываніе больнаго зуба не было радикальнымъ лекарствомъ отъ зубной боли. Въ сущности, къ этому и приводятся возраженія противъ той методы борьбы съ филлоксерной заразой, которая основана на искорененіи больныхъ виноградниковъ. Само собою разумѣется, что, уничтоживъ одно гнѣздо заразы, мы тѣмъ самымъ нисколько не обезпечили себя отъ существованія гдѣ-либо другаго такого гнѣзда. Но это относится одинаково, какъ къ искорененію больныхъ виноградниковъ, такъ и къ лѣченію ихъ, ибо въ обоихъ случаяхъ необходимо тщательное изслѣдованіе виноградниковъ съ цѣлью отысканія пунктовъ заразы. Я охотно допускаю, что въ этомъ отношеніи разведеніе американскихъ лозъ имѣетъ большое преимущество, ибо оно избавляетъ отъ необходимости прибѣгать къ столь труднымъ разслѣдованіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему налагать на себя этотъ трудъ, если мы рѣшились пользоваться своими виноградниками пока Богъ попуститъ, а затѣмъ, когда они

---

[1]) «Записки Имп. Общ. Сельск. Хозяйства Южной Россіи», Октябрь, 1881 года, стр. 583.

настолько пострадаютъ отъ филлоксеры (что̀, рано или поздно, непремѣнно случится), что доходъ съ нихъ не будетъ соотвѣтствовать издержкамъ, то перекопать ихъ и засадить болѣе устойчивыми американскими лозами. Конечно, это преимущество,—но въ чемъ же оно, въ сущности, заключается? Не въ иномъ чемъ, какъ въ отказѣ отъ борьбы, въ рѣшимости пожертвовать огромнымъ капиталомъ. Но такая рѣшимость можетъ быть оправдана лишь въ одномъ случаѣ, — въ томъ, если мы пришли уже въ совершенное отчаяніе въ возможности сохранить этотъ капиталъ, пришли къ убѣжденію въ полной безнадежности и безполезности всѣхъ способовъ борьбы. Но такое отчаяніе и такая безнадежность оправдываются ли фактами, доселѣ проявившимися, какъ за границей, такъ и у насъ? Нисколько. Я уже говорилъ, какъ энергическая борьба въ Швейцаріи въ теченіи 8 лѣтъ предохраняла доселѣ сосѣдній съ Женевскимъ Водскій кантонъ отъ заразы, какъ въ самихъ Женевскомъ и Невшательскомъ кантонахъ, съ уничтоженіемъ найденныхъ очаговъ заразы, съ каждымъ годомъ уменьшались вновь находимыя гнѣзда ея. Совершенно подобное видимъ мы и у насъ въ Крыму. Въ первую осень открытія заразы (окт. 1880) только мы двое, г. Порчинскій и я, нашли до 14 десятинъ зараженнаго пространства. На весну 1881 года, хотя число разслѣдователей увеличилось до ста слишкомъ человѣкъ, найдено было уже не болѣе 5 зараженныхъ десятинъ въ пяти отдѣльныхъ кускахъ. Притомъ, если на большой части этого пространства, именно на половинѣ Абиль-бахскаго виноградника, не было найдено заразы въ первую же осень, то единственно потому, что рано наступившіе морозы заставили прекратить всякія розысканія. Наконецъ, при третьемъ разслѣдованіи, осенью 1881 года найдена была новая зараженная мѣстность только на десятинѣ съ небольшимъ. На Кавказѣ зараза была найдена въ окрестностяхъ Сухума на небольшомъ пространствѣ, и всѣ культурные виноградники, даже въ окрестностяхъ этого города, не оказали пока никакихъ слѣдовъ зараженія.

Конечно, разсуждая теоретически, мы можемъ предположить заразу вездѣ: въ одной мѣстности съ такимъ-же вѣроятіемъ, какъ и во всякой другой. Но, по счастію, на дѣлѣ это не такъ.

Какъ у насъ, такъ и заграницей, зараза была занесена первоначально только туда, куда были выписываемы изъ зараженныхъ мѣстностей укоренившіяся виноградныя лозы. Такъ было это и въ Крыму, въ имѣніи Тессели, такъ и на Кавказѣ, въ саду г. Вве-

денскаго. Но, по счастію, такая выписка укоренившихся лозъ составляетъ рѣдкое исключеніе, такъ сказать, фантазію или капризъ, которые не часто повторяются и, по самому существу своему, составляютъ рѣдкое исключеніе. Надобности въ этомъ нѣтъ никакой, такъ какъ въ Никитскомъ саду есть столько сортовъ винограда, что онъ можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ самаго прихотливаго любителя. Наконецъ, даже и тѣ, которые желаютъ завести обширныя плантаціи, засадить ихъ лозами непосредственно изъ знаменитѣйшихъ заграничныхъ винодѣльныхъ мѣстностей, довольствуются выпискою чубуковъ, покупка, привозъ и посадка которыхъ гораздо дешевле и удобнѣе, чѣмъ укоренившихся лозъ. А чубуками, какъ показываютъ всѣ сдѣланныя доселѣ наблюденія завести заразу почти невозможно. Изъ этого мы видимъ, что совершенно невѣроятно опасеніе открытія многихъ самостоятельныхъ центровъ завоза болѣзни.

Что̀ касается до разнесеній заразы изъ существующихъ и извѣстныхъ уже центровъ ея, то и въ этомъ отношеніи не должно предаваться излишнимъ опасеніямъ, представлять себѣ дѣло окруженнымъ непреоборимыми затрудненіями. При сравненіи Крыма, я полагаю, что можно сказать и Кавказа, пока тамъ зараженіе не будетъ открыто въ другихъ мѣстахъ, кромѣ окрестностей Сухума, съ Швейцаріей и вообще съ мѣстностами Западной Европы, только въ одномъ отношеніи борьба съ филлоксерой, посредствомъ искорененія всѣхъ очаговъ заразы, представляетъ бо̀льшія затрудненія у насъ, во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ она легче и представляетъ больше шансовъ на успѣхъ. Затруднительнѣе она тѣмъ, что, кромѣ культурныхъ виноградниковъ, у насъ есть виноградъ дикій или одичалый, растущій въ лѣсахъ и садахъ. Выбивка его, по обширности распространенія корней, по плотности и каменистости почвы, очень затруднительна; но, однако-же, и тутъ есть обстоятельство, которое можетъ успокоить насъ на счетъ успѣшнаго исхода борьбы. Это то, что многочисленныя наблюденія въ Крыму показали намъ, что изъ дикаго или одичалаго винограда оказывались зараженными только тѣ кусты, которые ростутъ по близости отъ зараженныхъ культурныхъ виноградниковъ, именно, не болѣе, какъ на нѣсколько десятковъ саженъ отъ нихъ. Всѣ же кусты вдали отъ этихъ центровъ заразы постоянно оказывались здоровыми. Изъ отчета гг. Геевскаго и Ходжаева о работахъ, про-

изведенныхъ ими въ окрестностяхъ Сухума, я заключаю, что въ главномъ то-же самое относится и къ этой мѣстности.

Выгодными же обстоятельствами должно считать:

1) То, что по южному берегу Крыма виноградники тянутся узкою полосою между морскимъ берегомъ и стѣною скалъ и горъ—Яйла, на которой, по ея высотѣ, виноградъ уже не ростетъ; а такъ какъ доселѣ, единственнымъ пунктомъ, откуда зараза распространялась, оказывается исключительно западная оконечность этой полосы, то зараза могла подвигаться, по крайней мѣрѣ естественнымъ путемъ, только въ одномъ направленіи—съ запада на востокъ. Но, и относительно искусственнаго распространенія, заносомъ рабочими и т. п., по мѣстнымъ условіямъ, заразѣ остается также этотъ одинъ путь, потому что, за горами, въ Байдарской долинѣ и въ прилегающей къ ней степи, культурой винограда не занимаются. Изъ упомянутаго отчета гг. Геевскаго и Ходжаева, какъ кажется, видно, что и въ окрестностяхъ Сухума виноградники расположены также неширокою полосою вдоль берега моря. Здѣсь замѣчается еще одно обстоятельство, само по себѣ вовсе не благопріятное, но которое, относительно распространенія заразы, имѣетъ весьма полезное вліяніе, какъ-бы въ доказательство поговорки, что нѣтъ худа безъ добра. Раззореніе Сухума и окрестностей турками въ 1877 году, т. е. вскорѣ послѣ заноса туда болѣзни, имѣло своимъ результатомъ забросъ виноградной культуры въ этой мѣстности, такъ-что распространеніе заразы искусственнымъ путемъ, при перекопкѣ, обрѣзкѣ и другихъ работахъ, работниками, переходящими изъ одного виноградника въ другой, было пріостановлено.

2) Господство сѣверовосточныхъ, сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ на южномъ берегу препятствуетъ естественному распространенію заразы, унося крылатыхъ насѣкомыхъ въ море.

3) Вообще, дѣйствіе заразы на виноградъ и ея распространеніе происходитъ на южномъ берегу Крыма очень медленно. Послѣ, по крайней мѣрѣ, 8-лѣтней заразы въ Тессели, на опытномъ полѣ,—томъ самомъ, на которомъ были посажены заграничныя лозы, занесшія заразу, еще болѣе половины кустовъ имѣли хорошее облиствленіе, а нѣкоторые цвѣли и завязали ягоды. Въ другихъ мѣстностяхъ, какъ на Абиль-бахѣ, куда зараза была занесена позднѣе, но все-же отъ 3-хъ до 4-хъ лѣтъ передъ его уничтоженіемъ, плодоношеніе было изобильное и кусты въ хорошемъ состояніи. Съ другой стороны, во всѣхъ виноградникахъ въ Абиль-бахѣ,

Мшаткѣ и Мухалаткѣ, не находящихся въ непосредственной связи съ Тессели, въ которыхъ была открыта зараза, можно было указать на особыя причины, по которымъ зараза была имъ сообщена, какъ то: на пересадку деревьевъ, росшихъ на зараженныхъ виноградникахъ, употребленіе инструментовъ, передъ тѣмъ употребленныхъ на зараженныхъ мѣстностяхъ, вѣроятный заносъ рабочими. Между тѣмъ такія мѣстности, которыя по своему мѣстоположенію должны-бы оказаться зараженными при естественномъ разносѣ заразы, остались совершенно здоровыми. Однимъ словомъ. по всѣмъ сдѣланнымъ доселѣ наблюденіямъ, оказывается, что распространеніе заразы разлетомъ, разносомъ вѣтромъ, водными теченіями и другими естественными путями, имѣло мѣсто только на пространствѣ одного и того-же виноградника и въ непосредственномъ, или въ очень близкомъ съ нимъ, сосѣдствѣ.

Все это, т. е. медленное дѣйствіе филлоксеры на виноградные кусты и слабое распространеніе ея естественнымъ путемъ разлета, можетъ быть объяснено только сравнительно небольшимъ числомъ филлоксеры на нашемъ виноградѣ, размноженію которой должно препятствовать какое-либо неблагопріятное для нея обстоятельство.

Это неблагопріятное для размноженія филлоксеры и благопріятное для устойчивости виноградныхъ кустовъ обстоятельство на южномъ берегу Крыма заключается въ томъ, извѣстномъ всѣмъ здѣшнимъ хозяевамъ, фактѣ, что корни винограда на южномъ берегу имѣютъ очень мало боковыхъ развѣтвленій, и что эти развѣтвленія не представляютъ густой корневой волосатости (le chevelu) Въ этомъ всякій могъ убѣдиться и ранѣе раскопокъ, дѣлавшихся съ цѣлью филлоксерныхъ розысканій, изъ тѣхъ сотенъ и тысячъ отводковъ, которые дѣлались ежегодно на всѣхъ тщательно содержимыхъ виноградникахъ,—отводковъ, для которыхъ виноградные корни откапываются на глубину 10 и 12 вершковъ. Такъ какъ филлоксера преимущественно нападаетъ именно на молодые корешки этихъ волосатостей, то, конечно, съ одной стороны, рѣдкость развѣтвленій, образующихъ ихъ, составлятеъ неблагопріятное условіе для размноженія филлоксеры, а, съ другой, виноградный кустъ, который лишь въ слабой долѣ извлекаетъ свое питаніе изъ почвы этими боковыми корнями, главнѣйшимъ-же образомъ питается идущими въ глубь корнями, легче можетъ переносить лишеніе второстепенныхъ для него органовъ питанія — боковыхъ

корней, гибнущихъ отъ уколовъ филлоксеры. Посему вѣроятно, что только постепенно сообщаемое корню гніеніе наконецъ приводитъ и у насъ кусты къ гибели.

Но, такъ какъ куколки или нимфы, которыя превращаются въ крылатыхъ, происходятъ именно изъ яицъ тѣхъ насѣкомыхъ, которыя живутъ на корневыхъ раздутіяхъ, то очевидно, что, при слабомъ развитіи корневой волосатости, число нимфъ, а слѣдовательно и крылатыхъ, не можетъ быть велико; а такъ какъ разносъ заразы крылатыми вдаль, на виноградники болѣе или менѣе отдаленные, раздѣленные другъ отъ друга различными препятствіями, стѣнами скалъ, лѣсистыми холмами и т. п., есть чистая случайность и, притомъ, вообще, рѣдкая, то вѣроятность такого случая обусловливается лишь очень большимъ числомъ крылатыхъ и становится тѣмъ менѣе, чѣмъ вообще меньше число ихъ.

Относительно окрестностей Сухума есть, кажется, другая причина, обусловливающая и тамъ слабое распространеніе заразы. На эту причину указываютъ гг. Геевскій и Ходжаевъ. Именно, вслѣдствіе сильныхъ дождей, бывающихъ зимою, тамошніе виноградники ежегодно какъ-бы подвергаются естественному леченію затопленіемъ, которое должно уничтожать огромное количество зимующихъ филлоксеръ.

Изъ этого обзора нашихъ виноградниковъ видно, что весьма невѣроятно нахожденіе новыхъ центровъ самостоятельнаго завоза болѣзни изъ-за границы, сношеніе съ которою у насъ вообще не велико, и что распространеніе заразы естественнымъ путемъ изъ существующихъ уже центровъ происходитъ весьма медленно; вѣроятность же искусственнаго распространенія также ослабляется по мѣрѣ удаленія отъ существовавшаго центра заразы. Но, съ уничтоженіемъ всѣхъ извѣстныхъ зараженныхъ виноградниковъ, уже совершенно уничтожается на будущее время эта возможность разнесенія заразы. По всѣмъ этимъ причинамъ, дальнѣйшіе шансы борьбы, путемъ искорененія всѣхъ зараженныхъ виноградниковъ, представляются у насъ въ благопріятномъ свѣтѣ и обѣщаютъ успѣхъ, конечно, подъ условіемъ упорнаго и неослабнаго труда, который долженъ заключаться: 1) въ тщательномъ разслѣдованіи виноградниковъ, съ цѣлію отысканія новыхъ пунктовъ заразы, буде таковые есть, и 2) въ строгомъ наблюденіи за уничтоженными уже культурными виноградниками и за выбитымъ дикимъ виноградомъ на пространствѣ бывшей зараженной мѣстности.

Но, кромѣ этихъ общихъ возраженій противъ употреблявшейся у насъ досел̂ѣ методы борьбы, есть одно спеціальное, которое имѣло бы гораздо болѣе вѣса, если бы можно было на немъ основываться съ полнымъ довѣріемъ. Это возраженіе приведено г. Саломономъ въ его брошюрѣ: „Филлоксерный конгрессъ въ Бордо". Оно заключается въ томъ, что даже совершенно уничтоженный зараженный виноградникъ представляетъ еще опасность распространенія заразы посредствомъ филлоксеры, сохраняющейся въ почвѣ и затѣмъ превращающейся въ нимфы и крылатыя. Вотъ это мѣсто, которое выписываю текстуально: „Касательно живучести филлоксеры и трудности уничтожить ее окончательно, интересно явленіе, замѣченное на уничтоженномъ виноградникѣ въ Клостер, нейбургѣ, близъ Вѣны. Кусты были вырваны и сожжены, земля перекопана и дезинфекцирована весьма сильными дозами сѣрнистаго углерода и затѣмъ на второй годъ засажена табакомъ: тѣмъ не менѣе, на второй годъ на нижней поверхности табачныхъ листьевъ было найдено большое количество крылатыхъ насѣкомыхъ. Что это были окрылившіяся нимфы, вышедшія изъ почвы, а не новое зараженіе крылатыми насѣкомыми изъ другой мѣстности, служитъ доказательствомъ то обстоятельство, что ни одного насѣкомаго не было найдено на верхней сторонѣ листьевъ".

Въ приведенномъ фактѣ, т. е. въ томъ, что на нижней сторонѣ листьевъ табака, посаженнаго на второй годъ послѣ уничтоженія Клостернейбургскаго виноградника, нѣтъ ни малѣйшей возможности сомнѣваться, и онъ имѣлъ бы поразительное, страшное значеніе, если бы при этомъ были установлены еще слѣдующія два обстоятельства: 1) что въ окрестностяхъ Клостернейбурга нигдѣ не было зараженныхъ филлоксерою виноградниковъ и 2) что Клостернейбургскій виноградникъ былъ столь тщательно уничтоженъ, что виноградъ на немъ не проросталъ изъ оставшихся въ почвѣ корней. Но безъ совокупности этихъ двухъ обстоятельствъ, фактъ этотъ, въ моихъ глазахъ, не имѣетъ ровно никакого значенія. Въ самомъ дѣлѣ, если виноградъ не былъ хорошо выбитъ и корни не были выбраны изъ почвы, то мы очень хорошо и давно знаемъ, что на этихъ корняхъ долго можетъ жить филлоксера, а на пробившихся вновь кустахъ и всегда. Но это не значитъ, чтобы филлоксера могла жить въ почвѣ безъ частей виноградного растенія. Изъ только-что приведенной выписки, кажется, можно однако съ полнымъ основаніемъ усумниться, чтобы

работы въ Клостернейбургѣ были произведены тщательно. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней говорится: кусты были вырваны и сожжены, земля перекопана и проч.; если эти слова выражаютъ дѣйствительную послѣдовательность работы, то не можетъ оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что очень много виноградныхъ корней осталось въ почвѣ, которые и должны были прорости. Виноградъ не должно вырывать, иначе большое число корней непремѣнно оборвется и останется въ почвѣ вмѣстѣ съ находящеюся на нихъ филлоксерою, и дальнѣйшая перекопка только перемѣшаетъ въ ней эти обрывки корней, а не извлечетъ ихъ изъ нея. Извлеченіе корней изъ почвы должно быть результатомъ самой перекопки. У насъ ни одинъ корешокъ намѣренно не вырывался, и если еще сидѣлъ въ землѣ, то извлекался изъ нея ударами кирки съ боку. Можетъ быть, поэтому и работы шли у насъ относительно медленно и стоили дорого; но въ такой работѣ и заключается вся сущность дѣла. Самъ въ Клостернейбургѣ я не былъ, но долженъ сказать, что слышалъ, что, послѣ уничтоженія тамошняго виноградника, тамъ находилось много проросшихъ кустовъ, которые продолжали быть зараженными филлоксерою. Но если бы и тщательно были произведены клостернейбургскія работы, но окрестность оставалась зараженною, — а это несомнѣнный фактъ, ибо въ окрестныхъ виноградникахъ, въ окружности 14 верстъ (2 миль) въ діаметрѣ, зараза распространена, то источникъ, откуда бралась на табачныхъ листьяхъ крылатая филлоксера, ясенъ, и нѣтъ надобности прибѣгать къ странному и невѣроятному факту — сохраненія филлоксеры въ почвѣ, очищенной отъ виноградныхъ корней.

Что̀ касается до нахожденія крылатой филлоксеры исключительно на нижней сторонѣ табачныхъ листьевъ, то это обстоятельство ровно никакого значенія въ моихъ глазахъ не имѣетъ. Иначе оно и быть не могло, какъ сейчасъ увидимъ. Если бы табачные листья отдѣлялись отъ ствола подъ прямымъ угломъ и если бы крылатая филлоксера поднималась съ земли прямо вверхъ, какъ отпрыгивающій мячикъ, упавшій на землю въ вертикальномъ направленіи, то я бы понялъ, что, ткнувшись о нижнюю поверхность листа, она на немъ бы и осталась. Но вѣдь нѣтъ ни того, ни другаго: листья отдѣляются отъ табачнаго ствола приблизительно подъ угломъ въ 45°; окрылившаяся филлоксера, вѣроятно, поднимается косвенно вверхъ, и притомъ нѣтъ никакой необходи-

мости, чтобы филлоксера, сидящая на почвѣ подъ какимъ-либо табачнымъ растеніемъ, сѣла непремѣнно на листья именно этого самаго растенія, а не другаго какого либо спереди, сзади или сбоку растущаго. Поэтому-то, какъ для почвенной филлоксеры, такъ и для со стороны прилетѣвшей или занесенной вѣтромъ, — шансы сѣсть на нижнюю или на верхнюю поверхность табачнаго листа совершенно одинаковы, и нѣтъ никакого основанія, изъ нахожденія ея на нижней или на верхней сторонѣ, заключать о мѣстѣ ея происхожденія. Стоитъ только представить себѣ это въ воображеніи, чтобы въ этомъ убѣдиться.

Затѣмъ, все таки остается, повидимому, страннымъ фактъ, что всѣ филлоксеры безъ исключенія были найдены на нижней сторонѣ листьевъ, для объясненія чего и придумана собственно невѣроятная теорія,—происхожденіе ея непремѣнно изъ почвы уничтоженнаго виноградника. Я уже сказалъ, что иначе ни въ какомъ случаѣ, откуда бы ни происходила филлоксера, оно и быть не могло.

Мы знаемъ, что крылатая филлоксера кладетъ свои яйца, изъ которыхъ выходятъ половыя насѣкомыя, всегда на нижней сторонѣ виноградныхъ листьевъ; почему она это дѣлаетъ, потому-ли, что болѣе волосистая и неровная нижняя поверхность представляетъ въ углахъ нервовъ лучшія точки прикрѣпленія, или потому, что нижняя поверхность болѣе затѣнена, или по другой какой причинѣ, намъ неизвѣстно, но фактъ остается фактомъ. Что̀ же можетъ быть естественнѣе, что, напавъ случайно не на виноградный листъ, крылатая филлоксера продолжаетъ слѣдовать своему инстинкту и остается на нижней сторонѣ табачнаго листа, если прямо на него попала, или перебирается съ верхней стороны на нижнюю, если первоначально попала на первую? Соединяя эти два обстоятельства, 1) уголъ отдѣленія табачныхъ листьевъ отъ ствола, при которомъ ни та, ни другая ея поверхность не представляетъ крылатой филлоксерѣ, все равно, извнѣ ли она прилетѣла или поднялась съ почвы, бо̀льшихъ удобствъ усѣться на которой либо изъ нихъ, и 2) инстинктъ насѣкомаго класть яйца именно на нижней сторонѣ,—мы необходимо приходимъ къ заключенію, что только ту филлоксеру можно бы было найти на верхней сторонѣ листа, которая, попавъ на нее, не успѣла еще перебраться на нижнюю, на что̀, всякій согласится, очень мало шансовъ, и что, во всякомъ случаѣ, изъ нахожденія филлоксеры на ниж-

ней сторонѣ листьевъ, нельзя сдѣлать никакого правильнаго заключенія о мѣстѣ ея происхожденія, а тѣмъ болѣе нельзя принять столь невѣроятнаго объясненія — для весьма просто объясняемаго факта, — какъ жизнь насѣкомаго въ теченіи двухъ лѣтъ въ средѣ, не представляющей ему никакого питанія.

Изъ сказаннаго доселѣ, кажется мнѣ, можно заключить, что единственный раціональный способъ борьбы съ филлоксерой въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя представляются намъ въ Крыму и на Кавказѣ, заключается въ тщательномъ разслѣдованіи виноградниковъ и въ уничтоженіи всѣхъ пунктовъ заразы по мѣрѣ ихъ нахожденія.

При этомъ уничтоженіи, какія же средства должны мы употреблять, какому пути слѣдовать? Операція уничтоженія зараженныхъ виноградниковъ состоитъ изъ двухъ частей: 1) изъ возможно тщательнаго извлеченія изъ почвы и сожженія виноградныхъ кустовъ, до мельчайшихъ корешковъ, чтобы избѣжать проростанія этого живучаго растенія изъ оставшихся въ почвѣ частей и, уничтоженіемъ корешковъ, уничтожить вмѣстѣ съ ними могущую на нихъ находиться филлоксеру, которая можетъ очень долго жить и на отдѣльныхъ корешкахъ и затѣмъ обратиться въ нимфы и окрылиться и, можетъ быть, распространить заразу. Для достиженія этой цѣли, извлеченіе корней должно быть произведено самою перекопкою, а не вырываніемъ корней изъ почвы, при чемъ обрываніе корней неминуемо, а отысканіе ихъ впослѣдствіи, при перекопкѣ, затруднительно и просто недостижимо. Эта операція должна дѣлаться зимою, когда нѣтъ ни нимфъ, ни крылатыхъ, когда насѣкомыя находятся въ состояніи спячки, собраны на толстыхъ корняхъ, на которыхъ крѣпко держатся. Слѣдовательно, при работахъ, въ это время года, очень мало шансовъ разнести случайно заразу, и гораздо болѣе ручательства съ корнями уничтожить и всю филлоксеру, такъ какъ всего легче не замѣтить и оставить въ почвѣ мелкіе корешки, и потому, для успѣха дѣла весьма благопріятно то обстоятельство, что на этихъ корешкахъ зимою нѣтъ филлоксеры или, если и есть, то какъ рѣдкое исключеніе. Эта часть операціи самая главная и существенная, и потому должна быть произведена съ возможною тщательностію.

2) Другая часть операціи заключается въ дезинфекціи посредствомъ веществъ, дѣйствующихъ на филлоксеру какъ сильный ядъ. Употребленіе этихъ ядовитыхъ веществъ имѣетъ троякую цѣль и,

соотвѣтственно этому, должно быть производимо въ три различные періода времени:

а) Передъ перекопкою зараженнаго виноградника, въ тѣхъ видахъ, чтобы убить предварительно всѣхъ насѣкомыхъ, или, по крайней мѣрѣ, большую ихъ часть, чтобы имѣть, по возможности, дѣло уже съ мертвыми экземплярами ихъ, и тѣмъ уменьшить шансы разноса.

б) Послѣ перекопки и извлеченія корней, отравляется дно вырытыхъ канавъ, чтобы убить тѣ корни, съ могущими на нихъ находиться филлоксерами, которые углубляются глубже дна канавъ и, при копкѣ, могли остаться незамѣченными. Само собою разумѣется, что при копкѣ не должно ограничиваться разъ опредѣленною глубиною, а рыть и гораздо глубже, тамъ, гдѣ такой уходящій въ глубь корень будетъ замѣченъ. По окончаніи же перекопки и выборки корней, поверхность виноградника также должна быть отравлена, дабы убить насѣкомыхъ, которыя могли остаться на невыбранныхъ мелкихъ корешкахъ. Употребленіе дезинфекціонныхъ веществъ съ этою цѣлью есть какъ бы дополненіе къ перекопкѣ, исправленіе неизбѣжныхъ при ней недосмотровъ и упущеній.

в) Наконецъ, третій видъ употребленія дезинфекціонныхъ веществъ имѣетъ мѣсто, когда, во время осмотра виноградниковъ, который можетъ быть производимъ съ успѣхомъ только въ лѣтнее время, будетъ найдено зараженное мѣсто. Немедленное употребленіе веществъ, убивающихъ насѣкомыхъ, необходимо здѣсь для того, чтобы предупредить распространеніе заразы въ теченіе промежутка времени до зимняго уничтоженія новаго очага заразы, какъ переползаніемъ и перелетомъ, такъ и искусственнымъ разнесеніемъ при происходящихъ на виноградникѣ работахъ.

Есть и еще употребленіе веществъ, убивающихъ насѣкомыхъ, это—дезинфекція обуви и одежды работниковъ и инструментовъ, при переходѣ съ зараженнаго виноградника на предполагаемый здоровымъ, и вообще, при окончаніи ежедневныхъ работъ,—дезинфекція, которою никогда не должно пренебрегать.

Изъ множества веществъ, гибельныхъ для насѣкомыхъ, съ надеждою на успѣхъ могутъ быть употребляемы только тѣ, которыя легко испаряются и убиваютъ ихъ газами или парами, а не непосредственнымъ только прикосновеніемъ въ жидкомъ видѣ. Необходимость этого условія явствуетъ изъ того, 1) что нѣтъ никакой

возможности до такой степени пропитать всю почву, какою бы то ни было жидкостью, чтобы она пришла въ соприкосновеніе съ каждымъ изъ безчисленныхъ корешковъ, въ ней развѣтвляющихся; 2) что при прикосновеніи жидкости къ корешку, или вообще къ твердому, и въ особенности къ тонко-развѣтвленному тѣлу, часто образуются воздушные пузырьки, а какъ разъ подъ этимъ-то именно пузырькомъ можетъ находиться филлоксера, которая и будетъ предохранена отъ вліянія жидкости слоемъ воздуха. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется, что затопленіе виноградниковъ, какъ средство леченія отъ филлоксерной заразы, должно продолжаться въ теченіи 40 или 50 дней, и что, при всемъ этомъ, оно не уничтожаетъ насѣкомыхъ до послѣдняго.

Если таково дѣйствіе воды, покрывающей глубокимъ слоемъ почву въ теченіе многихъ недѣль, то, конечно, весьма мало можно ожидать отъ всякаго другаго жидкаго вещества, которое, по необходимости, пришлось бы употреблять въ сравнительно очень умѣренныхъ количествахъ.

При этомъ случаѣ, я позволю себѣ замѣтить, что отчасти употребленное въ окрестностяхъ Сухума затопленіе зараженнаго виноградника г. Введенскаго, не въ видахъ леченія, а въ видахъ уничтоженія его, кажется мнѣ мѣрою рискованною. Оно можетъ имѣть успѣхъ въ такомъ случаѣ, если вода будетъ столь долго, не зимою только, но и весною и лѣтомъ, держаться на затопленномъ виноградникѣ, что онъ совершено погибнетъ. Если же, по спускѣ воды или по высыханіи ея, кусты отродятся, то можно опасаться, что спасшаяся гдѣ-нибудь, подъ воздушнымъ пузырькомъ, филлоксера, снова размножась, заразитъ виноградникъ. Вообще, кажется, можно принять за правило, что филлоксеру окончательно уничтожаетъ только то, чтò убиваетъ самый виноградъ, такъ что, ко всякому ядовитому веществу, для полнаго и абсолютнаго его дѣйствія, долженъ быть призванъ въ союзники—голодъ.

Изъ всѣхъ безчисленныхъ веществъ, предложенныхъ для убиванія филлоксеры, остановились, во всѣхъ странахъ Европы, собственно только на двухъ: на сѣрнистомъ углеродѣ и на сѣрноуглеродистомъ каліѣ, изъ коихъ первый впрыскивается въ чистомъ видѣ въ почву, посредствомъ спеціально изобрѣтеннаго инструмента, а второй, хотя и употребляется въ водномъ растворѣ для поливки кустовъ, но главнымъ образомъ дѣйствуетъ также посредствомъ отдѣляющихся отъ него при разложеніи, вредныхъ для насѣкомыхъ,

газовъ. Сѣрноуглеродистый калій былъ предложенъ собственно въ видахъ болѣе постепеннаго и менѣе разрушительнаго дѣйствія на виноградное растеніе, нежели дѣйствіе сѣрнистаго углерода, и это безспорно имѣетъ свое преимущество въ нѣкоторыхъ условіяхъ, когда имѣется въ виду леченіе виноградниковъ; но, когда дѣло идетъ объ уничтоженіи ихъ, то чѣмъ сильнѣе и разрушительнѣе дѣйствіе, тѣмъ лучше. Въ этомъ отношеніи, сгущенная въ жидкость сѣрнистая кислота, которая также была съ успѣхомъ употреблена въ Швейцаріи, имѣла бы преимущество и предъ сѣрнистымъ углеродомъ, если бы употребленію ея не препятствовала значительная дороговизна, и еще то обстоятельство, что влажность почвы и содержаніе въ ней извести препятствують ея успѣшному дѣйствію. Сѣрнистый углеродъ, и по умѣренной цѣнѣ своей (40 франковъ 100 килограммовъ), и по сильному дѣйствію на насѣкомыхъ, не оставлялъ бы желать ничего лучшаго для нашей цѣли, если бы также не имѣлъ одного недостатка, въ которомъ мы имѣли случай убѣдиться многочисленными наблюденіями. Именно, разсѣяваясь, пары его, по мѣрѣ приближенія къ поверхности, въ значительной степени ослабляются, смѣшиваясь съ воздухомъ, и, вообще, по причинѣ своей тяжести, уменьшаются въ количествѣ, начиная отъ уровня ихъ впрыскиванія кверху. Поэтому, нѣкоторое число филлоксеръ на ближайшихъ къ поверхности частяхъ корней остаются живыми, не смотря иногда на очень значительныя дозы употребленнаго вещества,—дозы, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ доходили до 700 и 800 граммъ (2 фунта) на кустъ или на $^1/_4$ квадратной сажени. Въ виду этого обстоятельства, при лѣтнемъ отравленіи кустовъ на Абильбахѣ и въ мшатскихъ татарскихъ виноградникахъ, мы прибѣгали къ совмѣстному дѣйствію сѣрнистаго углерода и сѣрноуглеродистаго калія, именно, послѣ впрыскиванія перваго поливали кусты густымъ растворомъ послѣдняго. При этомъ, даже употребляя значительно меньшія дозы сѣрнистаго углерода—отъ 180 до 240 граммъ на кустъ, мы ни разу не находили ни одного живаго экземпляра филлоксеры, или ея яицъ. Такое усиленіе дѣйствія этихъ веществъ, отъ совмѣстнаго ихъ употребленія, легко объясняется какъ тѣмъ, что смоченная жидкостью глинистая почва наша представляетъ болѣе препятствій для выхода паровъ сѣрнистаго углерода, такъ еще болѣе тѣмъ, что растворъ сѣрноуглеродистаго калія, соприкасаясь непосред-

ственно съ поверхностными филлоксерами и дѣйствуя на нихъ отдѣляющимися газами, убиваетъ ихъ.

Впрыскиваніе сѣрнистаго углерода лучше производить въ два пріема, черезъ промежутокъ отъ 6 до 8 дней, для убіенія и тѣхъ насѣкомыхъ, которыя при первомъ впрыскиваніи были еще въ состояніи яицъ, на которыя отрава дѣйствуетъ слабѣе, чѣмъ на самое насѣкомое.

Въ окрестностяхъ Сухума были у насъ употреблены и нѣкоторые продукты перегонки нефти. Я не могу сказать, на сколько дѣйствіе ихъ было успѣшно. Но, во всякомъ случаѣ, едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что эти вещества уступаютъ по своей дѣйствительности сѣрнистому углероду, потому что, упругость паровъ, даже наиболѣе легко испаряющихся изъ нихъ, значительно уступаетъ упругости паровъ сѣрнистаго углерода и, слѣдовательно, они не столь сильно разсѣеваются, диффундируютъ въ почвѣ. По этой причинѣ, если употребленіе ихъ можетъ быть допускаемо, то только въ почвахъ рыхлыхъ, удобопроницаемыхъ, при высокой лѣтней температурѣ, и при выборѣ тѣхъ изъ этихъ продуктовъ перегонки, которые имѣютъ самую низкую точку кипѣнія. Во всякомъ случаѣ, желательно, чтобы разсѣеваемость паровъ ихъ въ почвѣ, при различныхъ обстоятельствахъ, была подвергнута опытному изслѣдованію.

Говоря о борьбѣ съ филлоксерою посредствомъ радикальнаго уничтоженія всѣхъ очаговъ заразы, должно имѣть въ виду еще слѣдующія обстоятельства, которыя существенно измѣняютъ характеръ борьбы. Пока можно надѣяться, что зараза существуетъ въ одной лишь ограниченной и опредѣленной мѣстности, какъ это было, напримѣръ, въ Крыму до открытія зараженія въ Мухалаткѣ, для большей вѣрности успѣха можно и должно было уничтожить цѣлые виноградники, въ которыхъ найдено было нѣсколько пунктовъ заразы, или даже только одинъ пунктъ. Мало этого, даже сосѣдніе виноградники могли быть предаваемы уничтоженію въ видахъ предосторожности. Такая роскошь предупредительныхъ мѣръ оправдывалась здѣсь еще тѣмъ, что присутствіе дикаго винограда, между которымъ также были найдены больные кусты, заставляло опасаться, что зараженный кустъ дикаго винограда могъ быть пропущенъ или недостаточно тщательно выбитъ и зараза отъ него могла перейти и на культурный участокъ. Но этотъ методъ не можетъ быть продолжаемъ, коль скоро будетъ открыто

зараженіе въ болѣе или менѣе отдаленной мѣстности, ибо невозможно предать уничтоженію всѣ виноградники, лежащіе въ промежуточномъ пространствѣ. Въ этомъ случаѣ, ничего другаго не остается, какъ уничтожить только то, что дѣйствительно заражено, съ достаточно широкимъ поясомъ здороваго винограда. Ширина этого пояса всего лучше можетъ быть опредѣлена такъ, чтобы сдѣлать ее равною наибольшему промежутку между отдѣльными пятнами зараженія, т. е. такъ сказать, наибольшимъ скачкамъ, которые дѣлала зараза въ своемъ распространеніи по винограднику. То, чего мы лишаемся въ обезпеченіи, при этой, менѣе строгой методѣ дѣйствій, должно быть вознаграждено тщательностью разслѣдованія.

О второй методѣ борьбы съ филлоксерою, посредствомъ лѣченія больныхъ виноградниковъ, я распространяться не стану, потому что мнѣ не случалось ни читать, ни слышать мнѣній, которыя совѣтовали бы предпочесть методу лѣченія методѣ радикальнаго уничтоженія очаговъ заразы. Всѣ, сколько мнѣ извѣстно, согласны съ тѣмъ, что время для лѣченія наступаетъ лишь тогда, когда утвердится убѣжденіе въ невозможности окончательно справиться съ гибельнымъ врагомъ и въ необходимости прилаживаться къ нему, такъ сказать, раздѣлять съ нимъ пользованіе виноградомъ, лишь бы часть, остающаяся на нашу долю, была не слишкомъ мала. Поэтому относительно лѣченія виноградниковъ я ограничусь лишь нѣкоторыми замѣчаніями.

Уже было замѣчено, что изъ всѣхъ средствъ, употребляемыхъ для лѣченія зараженныхъ виноградниковъ, остановились собственно только на двухъ—на сѣрнистомъ углеродѣ и сѣрноуглеродистомъ каліѣ. Изъ отчета г. Саломона о конгрессѣ въ Бордо я въ первый разъ узналъ еще о третьемъ средствѣ—сѣрнистомъ каліѣ, который былъ съ успѣхомъ употребленъ въ Монпелье въ виноградникахъ Масъ-де-ла-сорѣ. Къ сожалѣнію, единичный опытъ не даетъ еще возможности судить о дѣйствіи этого средства. Если бы, впрочемъ, оно оказалось полезнымъ, то, по легкости его употребленія, ему можно бы отдать преимущество передъ всѣми прочими, такъ какъ оно не требуетъ для своего примѣненія ни особыхъ инструментовъ, какъ сѣрнистый углеродъ, на что нужны и опытные работники и значительныя издержки для пробиванія и заколачиванія дыръ, ни воды, какъ для сѣрноуглеродистаго калія, ибо сѣрнистый калій употребляется въ сухомъ видѣ. Не имѣя доста-

точныхъ свѣдѣній объ этомъ послѣднемъ средствѣ, мы принуждены ограничиться сравненіемъ двухъ остальныхъ въ примѣненіи къ нашимъ условіямъ.

Сѣрноуглеродистый калій имѣетъ то преимущество, что дѣйствіе его на растеніе менѣе сильно, чѣмъ сѣрнистаго углерода, и что онъ заключаетъ въ составѣ своемъ кали, служащее удобрительнымъ веществомъ для винограда. Съ другой стороны, онъ имѣетъ тѣ невыгоды, что стоитъ значительно дороже и требуетъ для своего употребленія огромнаго количества воды, именно отъ 16.000 до 24.000 ведеръ, т. е. отъ 400 до 600 бочекъ, на десятину,—воды, которой большею частью на нашихъ южнобережныхъ виноградникахъ достать негдѣ, или доставка которой была бы столь дорога и сопряжена съ такими затрудненіями, что изъ-за одного этого пришлось бы отказаться отъ лѣченія этимъ веществомъ. Что́ касается того преимущества сѣрноуглеродистаго калія, что онъ дѣйствуетъ менѣе вреднымъ образомъ на растительность виноградннаго растенія, то, не думая отвергать его вообще, въ примѣненіи къ нѣкоторымъ почвамъ и въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, я смѣю утверждать, на основаніи многочисленныхъ наблюденій, что у насъ, на Южномъ берегу Крыма, это опасеніе слишкомъ сильнаго дѣйствія слабыхъ дозъ сѣрнистаго углерода — отъ 20 до 30 граммъ на $^1/_4$ квадратной сажени или на кустъ — рѣшительно не можетъ имѣть мѣста. Мы употребляли, при отравленіи форосскаго, абильбахскаго, мелкихъ татарскихъ виноградниковъ и отчасти Тессельскаго, не такія дозы. Минимумъ былъ 180 граммъ на кустъ, большею же частью 240 и 360 граммъ, а иногда 780—800 граммъ, и притомъ, какъ зимою, такъ весною и среди лѣта, и совершенно убить кустъ этимъ огромнымъ количествомъ отравы намъ едва-ли когда удавалось. Къ этому надо прибавить, что значительная часть этихъ кустовъ была уже сильно ослаблена многочисленными нападеніями филлоксеры. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда были употреблены самыя высокія дозы въ лѣтнее время, при вполнѣ распустившихся листьяхъ, и притомъ такъ, что два отверстія изъ 6, при всякомъ отравленіи, дѣлались непосредственно у самаго кутюка, кусты, повидимому совершенно убитые, черезъ нѣсколько недѣль оживали, давали новые побѣги и листья. Тамъ же, гдѣ мы ограничивались 180 граммами на кустъ въ началѣ весны, большею частью листья вполнѣ развивались, цвѣты распускались и ягоды завязывались, и только сравнительно въ небольшомъ числѣ слу-

чаевъ, именно у болѣе молодыхъ кустовъ, листья нѣсколько запаздывали и были нѣсколько меньше, но впослѣдствіи и это стремилось сравняться. Причину такого слабаго дѣйствія сѣрнистаго углерода на виноградное растеніе приписываю я тому же указанному выше обстоятельству, по которому и дѣйствіе филлоксеры у насъ менѣе сильно, чѣмъ бы можно было ожидать по климатическимъ условіямъ Южнаго берега,—именно, слабому развитію боковыхъ корней и корневой волосатости и значительному углубленію корней въ почву.

Такъ какъ мое вниманіе было обращено на этотъ вопросъ мнѣніемъ г. Саломона, что сѣрнистый углеродъ, какъ средство лѣченія винограда — „можетъ быть употребляемъ въ весьма исключительныхъ случаяхъ, что для успѣшнаго его дѣйствія нужно совмѣстное существованіе массы благопріятныхъ условій, относительно температуры, влажности, свойствъ почвы и т. п., что значеніе его, какъ антифиллоксернаго средства крайне умаляется и рискъ его употребленія весьма значителенъ“, то я со вниманіемъ прочелъ полученный недавно отчетъ г. профессора Моріона объ употребленіи сѣрнистаго углерода для лѣченія винограда въ теченіи 1880 и 1881 годовъ. Отчетъ этотъ большею частью состоитъ изъ свода слишкомъ двадцати отчетовъ и замѣтокъ разныхъ владѣльцевъ виноградниковъ, употреблявшихъ это вещество. Изъ этихъ документовъ я вывелъ слѣдующія убѣжденія: 1) что многія неудачи напрасно приписываются употребленію сѣрнистаго углерода, такъ какъ онѣ въ сущности зависѣли отъ неблагопріятнаго для роста цвѣтенія и плодоношенія винограда состоянія погоды въ теченіе 1880 и 1881 годовъ, что̀ доказывается тѣмъ, что и сосѣдніе виноградники, въ которыхъ сѣрнистый углеродъ вовсе не употреблялся, пострадали точно въ такой же степени.

2) Что употребленіе сѣрнистаго углерода не обѣщаетъ успѣха въ почвахъ мелкихъ, съ непроницаемою подпочвою, и въ этомъ случаѣ представляетъ нѣкоторую опасность, потому что пары его сосредоточиваются на маломъ пространствѣ.

3) Что сѣрнистый углеродъ вредно дѣйствуетъ на кустъ, если сама жидкость приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ корнями винограда, что̀ съ нѣкоторою вѣроятностію можетъ случиться лишь при впрыскиваніи въ отверстіе, сдѣланное у самаго кутюка.

4) Что сѣрнистый углеродъ вредитъ винограду, когда почва

совершенно размокаетъ отъ сильныхъ зимнихъ дождей; напротивъ того, умѣренная влажность благопріятствуетъ его дѣйствію.

Перечисляя эти условія неудачи употребленія сѣрнистаго углерода во Франціи, я имѣлъ въ виду собственно этотъ 4-й пунктъ, съ цѣлью показать, что у насъ сѣрнистый углеродъ, при самой сильной влажности почвы, при совершенномъ проникновеніи ея водою, не имѣетъ того же вреднаго вліянія на виноградный кустъ. Черезъ одинъ изъ форосскихъ виноградниковъ протекаетъ ручей, высыхающій только лѣтомъ. Онъ образуетъ неширокую долину, которая въ апрѣлѣ и маѣ 1881 года была совершенно залита водою. Какъ разъ въ это время, росшій въ этой долинѣ виноградъ былъ отравленъ 180 граммами на кустъ, и именно въ этомъ мѣстѣ кусты имѣли самый лучшій и свѣжій видъ послѣ отравленія. Это было въ такой степени поразительно, что въ представленномъ мною отчетѣ я счелъ возможнымъ помѣстить въ числѣ причинъ, ослабляющихъ вредное дѣйствіе сѣрнистаго углерода на виноградъ, сильную степень сырости и мокроты почвы, приписывая это тому, что вода, составляя непроницаемый слой для дѣйствія паровъ сѣрнистаго углерода, предохраняетъ отъ дѣйствія ихъ глубокіе корни, которые могли углубиться гораздо ниже слоя, пропитаннаго водою.

По характеру почвы, должно полагать, что не одни только виноградники южнаго берега, но и большей части Крыма вообще, а также и Кавказа вынесутъ тѣ слабыя дозы сѣрнистаго углерода, которыя требуются для лѣченія винограда, если бы, чего избави Богъ, намъ пришлось къ нему прибѣгнуть.

Но едва-ли справедливо, и въ примѣненіи къ Франціи, мнѣніе, что сѣрнистый углеродъ можетъ быть употребляемъ, какъ средство лѣченія, только въ весьма исключительныхъ случаяхъ. Судя по фактамъ, кажется справедливѣе будетъ противоположное мнѣніе, что исключительны случаи, когда примѣненіе его было бы вредно или, вообще, неудобно. Факты эти заключаются въ томъ, что изъ всѣхъ употребляющихся доселѣ средствъ для лѣченія и возстановленія виноградниковъ во Франціи, какъ-то: затопленія, разведенія винограда въ пескахъ, лѣченія сѣрноуглеродистымъ каліемъ и, даже, разведенія американскихъ сортовъ,—лѣченіе сѣрнистымъ углеродомъ наиболѣе распространено и примѣненіе его возрастаетъ всего быстрѣе.

Вотъ эти факты: лѣченіе сѣрнистымъ углеродомъ по усовер-

шенствованному способу началось съ 14 апрѣля 1877 года и съ этого времени употреблявшееся количество его возрастало въ слѣдующей пропорціи:

въ 1877 году . . .	108,500	килограмм.
„ 1878 „ . . .	238,200	„
„ 1879 „ . . .	423,000	„
„ 1880 „ . . .	890,700	„
„ 1881 „ . . .	1.415,000	„

Это количество было употреблено въ 42 департаментахъ, т. е. почти во всѣхъ, зараженныхъ филлоксерою. Кромѣ того, сѣрнистый углеродъ требовался въ 6 иностранныхъ государствъ: въ Италію, Германію, Португалію, Швейцарію, Грецію и Россію, а въ Португаліи завели свою фабрикацію его. Какъ велико все пространство виноградниковъ, которое подвергалось этому леченію, изъ имѣющихся у меня статистическихъ данныхъ непосредственно не видно. Но, по французскимъ законамъ, владѣльцы виноградниковъ, желающіе получать субсидію правительства, должны соединяться въ общины, называемыя синдикатами. Они начали образовываться лишь съ 1879 года, когда въ 4 департаментахъ 153 общника съ 390 гектарами виноградниковъ получили 46937 франковъ субсидіи. Черезъ годъ, въ 1881 году, уже 6414 общниковъ въ 19 департаментахъ съ 17125 гектарами получили 1.162966 фр. субсидіи. Если предположить, что и владѣльцы виноградниковъ не соединившіеся въ синдикаты, употребляли среднимъ числомъ то же количество сѣрнистаго углерода на гектаръ, то мы увидимъ что въ 1881 г. этимъ способомъ лечилось уже почти 18700 гекторовъ. Между тѣмъ, въ 1880 году американскими лозами были засажены всего еще только 6441 гектаръ, затопляемо было 8093 гектара. Но и этимъ дѣло не ограничивается. Въ отчетности желѣзно-дорожнаго общества отправленіе сѣрнистаго углерода потребителямъ раздѣляется на два періода: съ 1 октября по 31 декабря одного года и съ 1 января по 30 сентября слѣдующаго года. Съ 1 октября по 31 декабря 1880 года (изъ общаго числа этого періода, 1.415000 килограммовъ) было отправлено 471,000 килограммовъ, а уже съ 1 октября по 31 декабря 1881 г. отправлено 915,900 килограммовъ, т. е. почти вдвое. Такъ что, если предположить, что та же прогрессія будетъ продолжаться и въ остальную часть періода 1882 года, то должно ожидать, что ко-

личество употребляемаго сѣрнистаго углерода дойдетъ до 2.750,000 килограммовъ, а число лѣчимыхъ гектаровъ до 36,000 слишкомъ, что̀ далеко превосходитъ пространство, на которомъ вообще производится во Франціи борьба съ филлоксерою какимъ бы то ни было способомъ.

Изъ всего этого, я прихожу къ тому заключенію, что и по примѣру Франціи, и, въ особенности, по тѣмъ наблюденіямъ, которыя мы имѣли случай сдѣлать надъ дѣствіемъ сѣрнистаго углерода на виноградное растеніе, на Южномъ берегу Крыма, — лѣченіе этимъ веществомъ есть наиболѣе дешевое, наиболѣе удобное, ибо не зависитъ отъ того, имѣется-ли или нѣтъ достаточное количество воды на виноградникѣ, и у насъ, по крайней мѣрѣ въ Крыму, а вѣроятно и на Кавказѣ и въ Бессарабіи, не представляетъ никакой опасности для самаго винограда. Послѣ употребленія этого вещества, для поправленія винограда требуется удобреніе почвы, но это требуется одинаково и при другихъ способахъ лѣченія: и при сажаніи винограда въ пескахъ, и при затопленіи, и при употребленіи сѣрноуглеродистаго калія, и только въ этомъ послѣднемъ случаѣ одно изъ удобрительныхъ веществъ можетъ и отсутствовать, потому что оно предлагается уже въ достаточномъ количествѣ въ самомъ лѣкарствѣ. Мало этого, удобреніе требуется и для совершенно здоровыхъ виноградниковъ, если почва уже долго находилась подъ виноградной культурой. Впрочемъ, принимая во вниманіе слабое развитіе у насъ корневой волосатости и, вообще, боковой корневой системы, которая одна только и можетъ пострадать отъ употребленія сѣрнистаго углерода, можно полагать, что это вещество будетъ приносить у насъ пользу даже и безъ содѣйствія удобреній, хотя, конечно, и не столь значительную. Вотъ, впрочемъ, фактъ, который не долженъ быть оставленъ безъ вниманія въ этомъ отношеніи. Г. Тіольеръ де Лиль (Thiolliere de l'Isle), бывшій инженеръ путей сообщенія, на основаніи опытовъ, произведенныхъ въ Дромскомъ департаментѣ, на знаменитомъ эрмитажномъ холмѣ, говоритъ: „По мѣстному обычаю, не употребляютъ сильнаго унавоживанія, излишекъ котораго вредитъ качеству вина и, даже, самому растенію въ нашихъ сухихъ и тощихъ почвахъ. Я уже сказалъ прежде, что употребленіе необычныхъ удобреній, которыя составляютъ причину значительныхъ издержекъ, не казалось мнѣ необходимымъ для возрожденія виноградниковъ посредствомъ сѣрнистаго углерода. Въ самомъ дѣлѣ, мой управляющій

предпочелъ воздержаться отъ нихъ, и успѣхъ дѣла нисколько отъ этого не пострадалъ въ теченіе трехъ лѣтъ". Прибавлю еще, что какъ г. Тіольеръ, такъ и многіе другіе употребляли съ полнымъ успѣхомъ сѣрнистый углеродъ для лѣченія или предупрежденія зараженія совершенно молодыхъ виноградниковъ, однолѣтнихъ и двухлѣтнихъ, которые должны бы быть болѣе чувствительны къ дѣйствію этого вещества, чѣмъ старыя, уже хорошо укоренившіяся лозы.

Но, если, вообще, не настаиваютъ на предпочтеніи метода лѣченія передъ методомъ кореннаго уничтоженія заразы тамъ, гдѣ, благодаря небольшому еще распространенію заразы, успѣхъ послѣдняго метода еще вѣроятенъ, — то многіе, какъ заграницей такъ и у насъ, въ виду большихъ затрудненій, сопряженныхъ съ обоими этими методами, которыя они полагаютъ непреодолимыми, считаютъ всякую непосредственную борьбу съ филлоксерою тщетною и совѣтуютъ прямо перейти къ постепенной замѣнѣ предназначенныхъ къ неизбѣжной гибели нашихъ прежнихъ сортовъ винограда устойчивыми американскими лозами, которыя должны въ будущемъ служить или непосредственными производителями винограда, или дичками для прививки западно-азіятскихъ и европейскихъ сортовъ.

Мы уже видѣли, на сколько это мнѣніе преувеличено. Да если бы было доказано, что борьба съ филлоксерою тщетна, при всѣхъ обстоятельствахъ и во всѣхъ случаяхъ, тогда, конечно, ничего бы не оставалось, какъ прибѣгнуть къ замѣнѣ европейскихъ лозъ американскими, но и это въ томъ лишь случаѣ, если бы сами американскія лозы или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, представляли полное ручательство въ ихъ устойчивости, ибо безъ этого можно-ли съ спокойнымъ сердцемъ предоставить гибели огромный капиталъ, съ тѣмъ, чтобы, употребивъ на замѣну его капиталъ столь же, или еще болѣе значительный, подвергнуться риску уничтоженія и этого капитала черезъ болѣе или менѣе продолжительный срокъ? Признаюсь, что при такой неопредѣленности, при такомъ рискѣ, мнѣ казалось бы предпочтительнѣе совершенно отказаться отъ культуры винограда, замѣнивъ ее чѣмъ-либо другимъ.

Но таково-ли дѣйствительное положеніе дѣла, какъ представляютъ его рьяные приверженцы американскихъ лозъ? Выше я уже показалъ, что дѣло вовсе не находится въ такомъ безнадеж-

номъ положеніи ни у насъ, ни въ тѣхъ заграничныхъ странахъ, которыя ведутъ радикальную борьбу съ филлоксерою.

Я не принадлежу къ безусловнымъ противникамъ американскихъ лозъ, а полагаю только, что каждому положенію дѣла, каждому фазису борьбы есть и приличествующая форма — методъ этой борьбы.

Гдѣ врагъ до того усилился, зараза до того распространилась, что остается только выборъ между лѣченіемъ виноградниковъ и замѣною менѣе устойчивыхъ сортовъ сортами болѣе устойчивыми, тамъ, полагаю я, не можетъ быть и рѣчи объ исключительномъ выборѣ одного изъ этихъ средствъ. Дѣло рѣшается мѣстными удобствами и экономическими соображеніями. Если виноградники еще хороши и стоятъ поддержки, если почвенныя и другія условія, какъ напримѣръ, присутствіе или отсутствіе воды, представляютъ возможность примѣненія того или другаго способа лѣченія съ надеждою на успѣхъ, то, конечно, слѣдуетъ предпочесть лѣченіе, т. е. сохраненіе капитала, хотя и съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ приносимыхъ имъ процентовъ. Тамъ-же, гдѣ капиталъ уже погибъ или гибель его неизбѣжна, конечно, придется какъ можно скорѣе замѣнить его новымъ источникомъ дохода, т. е. прибѣгнуть къ американскимъ лозамъ, даже и въ томъ случаѣ, если обезпеченіе, ими представляемое, и не абсолютно, а если только можно надѣяться, что вложенный вновь въ землю капиталъ успѣетъ окупиться, что̀ въ свою очередь зависитъ отъ того, какъ великъ этотъ капиталъ, чего стоитъ засажденіе вновь извѣстнаго пространства американскимъ виноградомъ.

Такимъ образомъ, казалось бы, что въ такихъ странахъ, къ числу которыхъ принадлежитъ Франція и Португалія, слѣдовало бы предоставить каждому свободный выборъ того средства, которое онъ считаетъ наилучшимъ. Оно и было бы такъ, если бы не было одного обстоятельства, въ извѣстныхъ случаяхъ говорящаго сильно противъ распространенія американскихъ лозъ и которое побудило французское правительство допустить безпрепятственное разведеніе американскихъ лозъ только въ тѣхъ округахъ (arrondissements), гдѣ виноградники уже совершенно пропали, или гдѣ, по крайней мѣрѣ, гибель ихъ неизбѣжна, швейцарское правительство — совершенно ихъ запретить, а итальянское — допустить ихъ разведеніе только на маленькомъ островѣ Монте-Кристо, для подготовленія питомниковъ на будущее время, если бы прочія средства борьбы съ филлоксерою оказались несостоя-

тельными. Обстоятельство, заставляющее такъ дѣйствовать, заключается въ томъ, что, при филлоксерномъ зараженіи, совмѣстное разведеніе американскихъ и европейскихъ сортовъ винограда представляетъ для этихъ послѣднихъ значительную опасность распространенія и усиленія заразы.

Опасность эта заключается въ слѣдующемъ: на американскихъ сортахъ винограда находится форма филлоксеры, живущая на листьяхъ, которая размножается гораздо быстрѣе корневой. Именно, между тѣмъ, какъ эта послѣдняя кладетъ отъ 20 до 40 яицъ, листовая кладетъ ихъ нѣсколько сотенъ, до 400 и даже до 600. Такъ какъ и листовая филлоксера спускается къ осени на корни, то и размноженіе насѣкомаго, и вредъ, имъ приносимый, значительно черезъ это усиливаются. Далѣе, разнесеніе листьевъ вѣтрами и искусственно человѣкомъ гораздо вѣроятнѣе и чаще должно случаться, чѣмъ разнесеніе насѣкомыхъ только на корняхъ, внутри почвы живущихъ

Г. Саломонъ сообщаетъ въ своемъ отчетѣ, что, по наблюденіямъ Валери-Майе въ Жирондѣ, зимнее яйцо кладется, по преимуществу, на кору американскихъ сортовъ. Наконецъ, нѣкоторые наблюдатели утверждаютъ, что они находили нимфъ въ коростинкахъ, такъ что листовая форма, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, производила бы непосредственно крылатую. Можно ли, послѣ этого, считать разведеніе американскихъ сортовъ винограда среди европейскихъ безвреднымъ и безопаснымъ? Не могу не цитировать здѣсь словъ г. Саломона изъ не разъ упомянутаго отчета его, тѣмъ болѣе заслуживающихъ вниманія по своему безпристрастію, что авторъ принадлежитъ, повидимому, къ приверженцамъ американскихъ лозъ. „Въ виду этихъ фактовъ“, говоритъ онъ, „понятно стремленіе правительства задержать распространеніе культуры этихъ (американскихъ) сортовъ въ департаментахъ, гдѣ существуетъ еще хотя тѣнь надежды на спасеніе, и упреки, высказанные на конгрессѣ, какъ правительству, такъ и высшей филлоксерной коммиссіи, будто бы стремящимся, въ угоду самолюбія нѣкоторыхъ личностей, какъ напримѣръ Дюма, или даже въ угоду матерьяльныхъ выгодъ фабрикаціи сѣрнисто-углеродистыхъ препаратовъ, задержать распространеніе американскихъ сортовъ, — по меньшей мѣрѣ не заслужены и главнымъ образомъ объясняются желаніемъ нѣкоторыхъ производителей чубуковъ американскихъ сортовъ открыть новыя мѣста сбыта, такъ какъ производство это, при су-

ществующихъ цѣнахъ на чубуки, отъ 800 до 100 франковъ за 1000, принадлежитъ къ крайне выгоднымъ". Къ этому прибавлю, что производство сѣрнистаго углерода не представляетъ даже непосредственныхъ выгодъ, потому что онъ отпускается желѣзнодорожнымъ обществомъ, взявшимъ все дѣло въ свои руки, по цѣнѣ, по которой онъ ему самому обходится. Выгода общества въ усиленіи провоза вина. Достигается ли это посредствомъ сѣрнистаго углерода, для общества рѣшительно все равно.

Но, возразятъ мнѣ, — можетъ быть, что опасность отъ американскихъ лозъ можетъ существовать лишь въ томъ случаѣ, когда онѣ будутъ разводимы, какъ непосредственные производители винограда; если же онѣ будутъ употребляемы какъ дички для прививки, то вѣдь только корни будутъ американскіе, а листья европейскіе. — Во-первыхъ, чтобы привить европейскія лозы, нужно сначала посадить американскія и оставить ихъ расти года два до прививки и давать свойственные имъ листья. Во-вторыхъ, не всѣ прививки примутся, и въ плантажѣ будетъ не малая доля вполнѣ американскихъ. Наконецъ, вѣдь отъ корня или, точнѣе, подземнаго ствола идутъ побѣги, которые будутъ чисто американскіе. Ихъ нужно тщательно срѣзывать и срѣзанные сжигать. Можно-ли ожидать, что это будетъ тщательно исполняемо, а съ другой стороны, можно-ли ожидать, чтобы самая эта обрѣзка или пасынкованіе достаточно тщательно производилась и достаточно часто повторялась въ сколько-нибудь обширномъ виноградникѣ? А что̀ будетъ въ виноградникахъ, дурно обработываемыхъ, или совершенно заброшенныхъ? Однимъ словомъ, если только будутъ посажены американскіе сорты винограда, хотя бы только какъ дички для прививки, недостатка въ американскихъ листьяхъ, а слѣдовательно и въ листовой формѣ филлоксеры, не будетъ.

Но вотъ еще возраженіе. Въ своей статьѣ, г. Павловскій говоритъ (стр. 596): „Листовая форма, которая такъ часта въ Америкѣ, очень рѣдка въ Европѣ. Найти листовую форму на американскихъ виноградникахъ здѣсь — работа кропотливая, которая обыкновенно не увѣнчивается успѣхомъ". Далѣе излагаются факты, доказывающіе эту рѣдкость. Факты можно только принимать, или отвергать, доказывать ихъ разсужденіями нельзя; поэтому и я, съ своей стороны, представлю факты. Вотъ листья съ филлоксерными коростинками въ спирту, въ одной банкѣ — съ американскаго сорта изъ Америки, въ другой — съ американскаго изъ Европы.

Банки эти принадлежатъ къ коллекціямъ энтомологическаго института г. Бланкенгорна, которыя продаются всѣмъ желающимъ ихъ купить и которыхъ распродано, конечно, уже не одна тысяча экземпляровъ. Слѣдовательно, при составленіи этихъ коллекцій не чувствуется особаго затрудненія для добыванія столь рѣдкихъ, будто бы, въ Европѣ зараженныхъ листьевъ американскаго винограда. Г. Фасіо показывалъ мнѣ цѣлую банку, наполненную такими же листьями въ спирту, съ еще большимъ числомъ покрывающихъ ихъ коростинокъ. Всѣ они были собраны въ виноградникахъ Эрмитажа. При этомъ г. Фасіо разсказывалъ мнѣ, что спутники, его сопровождавшіе, срѣзывали вѣтки съ такими зараженными листьями, и цѣлыми пучками носили ихъ за плечами, такъ что онъ не могъ надивиться безпечности и неосторожности, съ которыми они, такъ сказать, разсѣевали болѣзнь. Наконецъ и у насъ въ Сухумѣ, какъ только была открыта филлоксера въ виноградникахъ г. Введенскаго, гдѣ росли американскіе сорты, такъ на другой же день нашли на листьяхъ этихъ послѣднихъ (сорты Clinton, Dawenport, Halifax) листовую форму филлоксеры. „Кромѣ корневой филлоксеры", говорятъ въ своемъ отчетѣ гг. Геевскій и Ходжаевъ: „была въ *значительномъ количествѣ* и листовая въ бородавочкахъ на нижней сторонѣ листьевъ. Галлы эти на болѣе старыхъ листьяхъ были уже безъ яицъ, между тѣмъ какъ на молодыхъ были наполнены яичками, числомъ до нѣсколькихъ сотъ, и тутъ же сидѣла сгорбленная филлоксера, болѣе значительныхъ размѣровъ, чѣмъ корневая. Число галлъ на листьяхъ колебалось отъ 3 до 20 и болѣе". Г. Саломонъ сообщаетъ, что и онъ видѣлъ филлоксерныя коростинки на листьяхъ американскаго винограда въ большомъ количествѣ во Франціи. Какъ же тутъ быть при такомъ разнорѣчіи фактовъ? Не остается ничего другаго, какъ принять, что есть обстоятельства, при которыхъ и въ Европѣ бываетъ много листовой филлоксеры на листьяхъ американскихъ сортовъ, какъ въ Эрмитажѣ, въ Сухумѣ, въ тѣхъ виноградникахъ, откуда добываетъ ихъ г. Бланкенгорнъ и въ томъ, которые видѣлъ г. Саломонъ, хотя есть другія обстоятельства, когда ихъ бываетъ немного. Но эти обстоятельства намъ до сихъ поръ не извѣстны, и слѣдовательно и не извѣстно, много ли или мало будетъ листовой филлоксеры на тѣхъ американскихъ лозахъ, которыя мы бы рѣшились посадить у себя. Вотъ, слѣдовательно, по моему мнѣнію, вполнѣ достаточная причина, по кото-

рой многія европейскія правительства, даже въ странахъ, гдѣ уже исчезла всякая надежда совершенно избавиться отъ филлоксеры, или совершенно запрещаютъ, или по крайней мѣрѣ ограничиваютъ извѣстными мѣстностями разведеніе американскихъ лозъ. Для насъ всѣ эти причины сохраняютъ полную силу по крайней мѣрѣ въ такой же степени, какъ напримѣръ для Швейцаріи, и въ гораздо большей, чѣмъ для Франціи. Но для насъ существуютъ еще и другія причины. Мы сказали выше, что гдѣ капиталъ, заключающійся въ виноградникахъ, уже погибъ или близокъ къ несомнѣнной гибели, тамъ есть основательный разсчетъ сдѣлать новую затрату капитала, въ особенности если расходы не велики, хотя бы это употребленіе капитала и не было вполнѣ обезпечено отъ послѣдующей гибели, если только можно съ нѣкоторыми основаніями надѣяться, что новый виноградникъ просуществуетъ достаточно, чтобы окупить себя, принося въ теченіе этого времени достаточный доходъ. Но такой разсчетъ былъ бы непозволительно рискованнымъ и весьма плохимъ, когда капиталъ еще цѣлъ и невредимъ, когда не только не исчезла, но даже и не умалилась, а скорѣе еще возросла надежда отстоять его. Предоставить все это богатство вѣрной гибели (буде филлоксера еще есть въ сторонѣ) въ томъ разсчетѣ, что, когда онъ погибнетъ, мы замѣнимъ его такимъ, котораго тля не точитъ, — такой разсчетъ, говорю я, былъ бы уже безумнымъ, подобнымъ, напримѣръ, тому — если дурно выстроенный городъ лишить всякой охраны отъ пожаровъ, въ видахъ выстроить лучшій, когда онъ сгоритъ до тла. Но какъ же назвать разсчетъ — если даже нѣтъ увѣренности въ томъ, что вновь вложенный, для разведенія новыхъ виноградниковъ, капиталъ вполнѣ обезпеченъ отъ той же гибели, которой мы предали старый? Намъ необходимо, слѣдовательно, строго и тщательно разсмотрѣть, обезпечены ли американскіе сорты винограда отъ филлоксеры.

Прежде всего возникаетъ слѣдующее теоретическое сомнѣніе, которое многими было выражено: американскіе винограды, считаемые противостоящими филлоксерѣ, суть или дикія породы,—и эти именно наиболѣе устойчивы,—или очень недавно подвергнуты культурѣ, между тѣмъ какъ европейскій или, точнѣе, кавказскій виноградъ культивируется уже въ теченіе тысячелѣтій. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что культура измѣняетъ всѣ части растеній, ей подвергнутыя: плоды, цвѣты, листья, стволы и корни, чему можно бы представить столько же примѣровъ, сколько есть

культивируемыхъ растеній. При этомъ, вліяніе культуры, доставляющей растеніямъ болѣе обильную пищу, болѣе рыхлую и глубокую почву, больше влажности, заключается преимущественно въ увеличеніи размѣровъ частей, въ сообщеніи тканямъ ихъ большей сочности и рыхлости и, вслѣдствіе этого, и въ ослабленіи силы противодѣйствія растеній различнымъ вреднымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Уже изъ этихъ общихъ соображеній раждается вопросъ—не произойдетъ ли тоже съ американскими сортами винограда въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго вліянія на нихъ интенсивной культуры? Въ примѣръ такого вліянія культуры, именно на корень растенія, я привелъ въ моей брошюрѣ—„Сравненіе методовъ борьбы съ филлоксерой" — морковь, которая дико растетъ по лугамъ почти всей Россіи и, въ этомъ состояніи, имѣетъ тонкій, плотный, деревянистый корень, съ характеристическимъ морковнымъ запахомъ и вкусомъ, между тѣмъ какъ корень моркови огородной, не только увеличивается въ объемѣ, но получаетъ такія нѣжность и сочность, что становится съѣдобенъ даже въ сыромъ видѣ, какъ какой-нибудь плодъ. На этотъ примѣръ г. Павловскій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе, почерпнутое изъ слышаннаго имъ разсужденія г. Планшона объ опытахъ Вильморена надъ морковью: Изъ дикой моркови Вильморенъ избралъ такую, корни которой подходятъ всего ближе къ корнямъ огородной и разводилъ ее; ему удалось превратить дикую морковь въ огородную. Что въ этомъ случаѣ и гибридація съ видомъ огородной моркови играла большую роль, это видно изъ того, что всякій разъ, какъ только возможность гибридаціи была устранена, опыты не удавались, какъ это было доказано опытами при агрономической станціи въ Монпелье.

Что̀ же изъ этого слѣдуетъ, спрошу я въ свою очередь? Что гибридація влечетъ за собою соединеніе признаковъ обоихъ родителей и что этимъ путемъ, т. е. повтореніемъ гибридаціи, довольно скоро можно получить въ потомкахъ свойства, принадлежащія одному изъ родителей. Да, это несомнѣнно. Но дѣло совершенно не въ этомъ. Первая огородная морковь вѣдь какъ-нибудь же произошла, но гибридаціей произойти не могла, потому что не съ чемъ ей было гибридироваться, такъ какъ въ природѣ ея не существуетъ, и если г. Павловскій назвалъ огородную морковь видомъ, то безъ сомнѣнія только по ошибкѣ. Слѣдовательно, въ концѣ концовъ, хотя и не та огородная морковь, ко-

торую удалось получить г. Вильморену изъ дикой, а та, которую во всемъ свѣтѣ разводятъ въ огородахъ, произошла изъ дикой, никакъ уже не путемъ гибридаціи, а путемъ болѣе или менѣе продолжительнаго вліянія культуры. Слѣдовательно, что же насъ обезпечиваетъ, что нѣчто подобное,—т. е. разрыхленіе ткани корней, уменьшеніе въ ней деревянистыхъ элементовъ,—не произойдетъ и съ американскими виноградными лозами, при болѣе или менѣе продолжительной культурѣ?

Впрочемъ, я охотно соглашаюсь: одни эти теоретическія соображенія, подкрѣпленныя только аналогіями, взятыми отъ другихъ растеній, не имѣли бы большаго практическаго вѣса. Но дѣло въ томъ, что, не смотря на недавность культуры американскихъ сортовъ винограда, многіе изъ считавшихся противостоящими нападеніямъ филлоксеры уже успѣли выказать свою несостоятельность въ этомъ отношеніи. Первый и наиболѣе вниманія обратившій на себя примѣръ представляетъ сортъ клинтонъ, который я привелъ въ моей брошюрѣ; и г. Павловскій говоритъ, что клинтонъ много повредилъ репутаціи американскихъ виноградовъ, но потому только, что настоящая причина гибели не всѣми понимается. Въ чемъ же заключается эта настоящая причина? По объясненію г. Павловскаго и всѣхъ приверженцевъ американскихъ лозъ, она можетъ быть выражена слѣдующимъ приводимымъ имъ афоризмомъ: слѣдуетъ дѣлать большое различіе между устойчивостью американскихъ лозъ противъ филлоксеры и способностью ихъ приспособляться къ почвѣ. Если-бъ этотъ афоризмъ имѣлъ тотъ смыслъ, который приверженцы американскихъ лозъ желаютъ ему придать, то дѣло должно бы обстоять такъ: въ нѣкоторыхъ почвахъ американскія лозы плохо расли бы, подвергались бы разнымъ болѣзнямъ, отъ которыхъ бы и гибли, но филлоксерѣ все таки бы противостояли, сохраняли бы свое основное качество, точно такъ же какъ и на оборотъ, — сорты европейскихъ лозъ, также вѣдь неодинаково ростущихъ на разныхъ почвахъ, тѣмъ не менѣе на всѣхъ, даже и на наиболѣе благопріятствующихъ ихъ росту, все таки отъ филлоксеры погибаютъ. Такъ и желаетъ представить это дѣло г. Павловскій. Что филлоксера играетъ при этомъ второстепенную роль (т. е. при гибели клинтона) говоритъ онъ,—„было доказано множествомъ опытовъ, которые заключались въ томъ, что больное растеніе пересаживалось въ другую почву, и, къ концу перваго года послѣ пересадки, растеніе

не представляло никакихъ признаковъ болѣзни". Но мы приведемъ другіе опыты, и во первыхъ самый первоначальный опытъ г. Лалимана, родоначальника всѣхъ приверженцевъ американскихъ лозъ. 11 лѣтъ прекрасно росъ у него клинтонъ, я говорю—прекрасно, ибо иначе, ни онъ, ни вслѣдъ за нимъ г. Планшонъ и другіе не рекомендовали бы этого сорта, — и въ той же почвѣ клинтонъ погибъ именно отъ филлоксеры, иначе не зачѣмъ бы было г. Лалиману столь открыто и благородно сознаваться въ своей ошибкѣ, нечего бы было и г. Планшону такъ негодовать на него, что онъ принужденъ былъ даже оставить залу ліонскаго конгресса. Но этого мало. Гибнутъ, хотя и не безусловно и единственно отъ филлоксеры, а отъ вліянія этой послѣдней, при помощи нѣкоторыхъ свойствъ почвы, не одинъ клинтонъ, а очень многіе сорты рекомендованные сначала, какъ устойчивые. Вотъ примѣръ. Упомянутый уже г. Тіолльеръ изъ Эрмитажа сообщаетъ: „Прививка была распространена на клинтоны; но кустъ, заключающій эти прививки, продолжаетъ получать примѣненіе сѣрнистаго углерода, которое съ 1879 года сдѣлало необходимымъ жалкое состояніе (dépérissement) клинтоновъ. Нортонова-виргинія и цинитіана, вторично испробованныя, и на этотъ разъ пропали. Что же касается гербемонтовъ и кунингамовъ, то они продолжаютъ свое существованіе, лишь представляя признаки пропаданія отъ филлоксеры. Такъ какъ отчеты высшей коммиссіи признаютъ, что эти различные сорты подвержены нападеніямъ паразита и не противостоятъ ему, мнѣ не остается ничего прибавлять"[1]).

Къ этому добавимъ, что, изъ числа названныхъ сортовъ, и клинтонъ, и гербемонтъ, и кунингамъ включены въ списокъ сортовъ, перечисляемыхъ г. Павловскимъ по различнымъ почвамъ, въ которыхъ они оказываются устойчивыми, и изъ числа ихъ кунингамъ оказывается годнымъ для всѣхъ перечисляемыхъ имъ почвъ. Это заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что списокъ предлагается г. Павловскимъ не отъ своего имени, а онъ предпосылаетъ ему слѣдующія слова: „считаю не лишнимъ привести слѣдующую таблицу, заимствованную мною изъ недавно вышедшей книги профессора Фекса Manuel pratique de viticulture pour la reconstitution des vignobles meridionaux. Слѣдующія американскія лозы даютъ

---

[1]) Application de sulfure de carbon 5 A 6 année, стр. 66.

хорошіе результаты". И такъ, съ одной стороны г. Павловскій и г. Фексъ, съ другой стороны г. Тіолльеръ съ своими опытами и высшая филлоксерная коммисія. Вотъ другой примѣръ [1]). Г. Жофре, владѣющій виноградникомъ въ Палюстранѣ и Вело въ департаментѣ Устьевъ-Роны, расположеннымъ въ долинѣ съ наносною (аллювіальною) почвою необычайнаго плодородія (d'une fertilité exceptionelle), говоритъ: „Я прибавлю нѣсколько словъ объ опытѣ, произведенномъ мною надъ нѣсколькими кустами американскихъ лозъ клинтоновъ и кунингамовъ" (опять кунингамъ, яко-бы приспособляющійся ко всѣмъ почвамъ), „привитыхъ сортомъ кореньямъ весною 1877 года".

„Изумивъ меня своимъ роскошнымъ (exubérante) ростомъ, эти прививки съ прошлаго года начали слабѣть. Я удостовѣрился, что молодые корешки были покрыты филлоксерою и вздутіями, и, хотя я признаю, что корни были въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ были бы корни французскихъ сортовъ при такомъ нашествіи, все-таки мнѣ было трудно не приписать филлоксерѣ относительно плохое состояніе этихъ лозъ".

„Въ нынѣшнемъ году ростъ ихъ сталъ еще слабѣе: побѣги короткіе и тонкіе, листья едва достигающіе размѣровъ монеты въ 20 су, нѣсколько ничтожныхъ кисточекъ, — вотъ что оставалось отъ изумительнаго роста 1877 и 1878 годовъ". (Значитъ для роста почва была пригодна, и безъ филлоксеры они бы росли отлично).

„Я рѣшился примѣнить въ іюлѣ сѣрнистый углеродъ въ количествѣ 40 граммовъ, распредѣленныхъ въ 8 отверстіяхъ вокругъ куста, и, черезъ немного дней послѣ этого, замѣчательное улучшеніе произошло въ растительности; скоро новые побѣги оказались покрытыми листьями съ яркою зеленью и нормальнаго развитія; нѣсколько кисточекъ, висѣвшихъ на этихъ кустахъ, достигли зрѣлости; однимъ словомъ, все въ этихъ кустахъ было для меня новымъ доказательствомъ дѣйствительности сѣрнистаго углерода". (Значитъ, дѣло опять-таки не въ почвѣ, которую сѣрнистый углеродъ вѣдь не измѣнилъ, а въ филлоксерѣ, которую онъ убилъ).

Это происходило въ 1880 году. Тотъ же г. Жофре приводитъ еще слѣдующее о другихъ своихъ виноградникахъ. Зимою съ 1880

---

[1]) Idem, стр. 76.

на 1881 годъ онъ лѣчилъ сѣрнистымъ углеродомъ 14 гектаровъ виноградниковъ, въ томъ числѣ ½ гектара, засаженнаго американскими лозами, привитыми французскими. Плантація американскаго винограда, которая въ прошломъ году оставляла очень многаго желать, сильно поправилась послѣ двухкратнаго примѣненія сѣрнистаго углерода. Изъ этого, кажется мнѣ, справедливымъ заключить, что эти лозы чувствительны къ нападеніямъ филлоксеры, но могутъ быть, какъ и наши туземныя лозы, лѣчимы съ успѣхомъ. Приведу еще нѣсколько примѣровъ, заимствованныхъ изъ другаго источника, происхожденіе котораго ручается за его безпристрастіе. Филлоксера, подвигаясь во Франціи съ юга на сѣверъ, достигла наконецъ до богатыхъ виноградниковъ Бургундіи. Центральный филлоксерный комитетъ департамента Сены и Луары, угрожаемаго въ главномъ источникѣ своего благосостоянія, склонялся къ мысли, что единственное спасеніе заключалось въ насажденіяхъ американскихъ лозъ, и потому послалъ въ 1880 году делегацію изъ трехъ лицъ,—гг. Бернара, Бріана и Милло, изслѣдовать насажденія американскихъ лозъ въ юговосточной Франціи. Очевидно, что лица эти не имѣли причинъ быть ни за, ни противъ этихъ лозъ; ихъ цѣль была доставить легчайшее и дѣйствительнѣйшее средство для избавленія ихъ родины отъ опасности, ей угрожавшей. Изъ отчета, представленнаго членомъ этой делегаціи г. Милло, я представлю еще нѣсколько фактовъ: „Насажденіе клинтона въ Кужанѣ, принадлежащее г. Ги, на шестой (1880) годъ стало слабѣть, имѣя довольно много филлоксеры на корняхъ, такъ что сдѣлалось нужнымъ лечить ихъ сѣрнистымъ углеродомъ, дабы сохранить въ хорошемъ состояніи [1])".

„Сортъ, который считали сначала устойчивымъ, объявляется нынѣ непригоднымъ и его вообще оставляютъ".

„Такъ, клинтонъ и тайлоръ [2]) уважаютъ нынѣ гораздо менѣе, чѣмъ вначалѣ, потому что, во многихъ мѣстахъ они оказали ясные

---

[1]) Millot. Rapport sur les plantations des vignes americaines dans le Midi (стр. 8).

[2]) Этотъ сортъ посѣянъ и у насъ въ Никитскомъ саду 7 лѣтъ тому назадъ, но до сихъ поръ еще плода не давалъ и растетъ вообще слабо; прежде онъ сильно рекомендовался, и потому именно и былъ разведенъ въ Магарачѣ отъ сѣмянъ.

признаки ослабленія (dépérissement) или даже совершенно погибли, и вообще ихъ оставляютъ"[1])

„Въ Валотрѣ у г. Тюренна мы видѣли сортъ жаке въ довольно дурномъ состояніи. Мы осмотрѣли корни; они имѣли очень развитыя вздутости и были покрыты филлоксерами, — и дѣйствительно кусты гибнутъ, хотя почва, въ которой они посажены, чрезвычайно плодородна. Г. Молинье также удостовѣрился, что жаке гибнетъ довольно скоро, и онъ считаетъ его мало устойчивымъ, что—мы должны это сказать—противорѣчитъ мнѣнію большинства" [2]).

„Гербемонтъ казался намъ вездѣ здоровымъ, кромѣ Валотра, гдѣ онъ раздѣлялъ судьбу жаке". „Г. Молинье, напротивъ того, не могъ сохранить куннингама, который онъ выписалъ изъ Америки". „Мы видѣли, что оба эти сорта гибнутъ въ Эрмитажѣ Сортъ виргинія-Нортона въ Пиньянѣ погибъ вмѣстѣ съ кунингамомъ и цинтіоной" [3]).

„Цинтіону, также какъ и виргинію-Нортона, причисляютъ къ типамъ, устойчивость которыхъ сомнительна; она не удалась ни у г. Тюренна, ни у г. Пажези. Тайлоръ, который въ началѣ раздѣлялъ блистательную славу съ клинтономъ, раздѣляетъ, повидимому, теперь его неудачи" [4]).

„Конкордія, подобно двумъ предъидущимъ, оставлена бòльшею частью винодѣловъ; она не устояла у г. Тюренна. Посаженная въ 1873 г. у г. Пажези (большаго приверженца американскихъ лозъ), она погибла въ 1878 г. въ части его владѣній" [5]).

И такъ, не одинъ только *клинтонъ*, а еще *гербемонтъ*, *куннингамъ*, *цинтіона*, *виргинія-Нортона*, *конкордія*, *тайлоръ*, *жаке*,— итого 8 сортовъ, въ томъ или другомъ мѣстѣ, погибали отъ нападенія филлоксеры.

Какой же должны мы изъ этого сдѣлать главный выводъ? Онъ навязывается самъ собою. Поименованные сорта американскаго винограда гибнутъ не отъ неспособности ихъ примѣняться къ нѣкоторымъ почвамъ: мы видѣли, что во многихъ изъ нихъ они растутъ не только отлично, но даже роскошно, а если, тѣмъ не ме-

---

[1]) Millot, ibid., стр. 10.
[2]) Millot, ibid., стр. 16.
[3]) Millot, стр. 17.
[4]) Ibid., стр. 21.
[5]) Ibid., стр. 22.

нѣе, гибнутъ, то только потому, что, въ этихъ почвахъ по крайней мѣрѣ, корни ихъ теряютъ свойство устойчивости, вначалѣ имъ присущее, и притомъ, что̀ весьма важно, теряютъ не вдругъ, а постепенно, послѣ нѣскольколѣтняго вліянія на нихъ. Что̀ же намъ ручается за то, что и другіе сорта, долѣе ихъ противостоящіе, наконецъ также не подвергнутся этому вліянію, и далѣе, что̀ намъ ручается за то, что сорта, которые мы выбрали, будутъ пригодны для нашей почвы? Считая необходимымъ обратить здѣсь вниманіе на то обстоятельство, что простой опытъ хорошаго и здороваго роста извѣстнаго сорта въ извѣстной почвѣ ровно ничего не докажетъ. Да, безъ филлоксеры онъ въ этой почвѣ растетъ отлично, а при филлоксерѣ погибаетъ. Что̀ же, нарочно заражать его ради опыта? Такихъ дерзкихъ опытовъ никто и нигдѣ не дѣлалъ; не думаю, чтобы у насъ на это осмѣлились, и при томъ безъ нужды.

Посмотримъ, однако, и на тѣ сорта, которые доселѣ, по крайней мѣрѣ, сохранили свою полную устойчивость. Во главѣ ихъ стоитъ дикій Vitis viparia, который годнаго плода не даетъ, и потому долженъ быть прививаемъ; онъ и хорошо принимается, и легко прививается, хотя имѣетъ только недостатокъ, что даетъ очень тонкіе, нитеобразные побѣги, къ которымъ невозможно прищеплять толстыхъ побѣговъ; а такіе именно и бываютъ у сортовъ, отличающихся плодородіемъ,—качество, которое мы преимущественно ищемъ для нашихъ виноградниковъ. Причину устойчивости Vitis viparia одни видятъ въ полномъ почти отсутствіи филлоксеры на корняхъ этого вида; другіе приписываютъ ее, такъ сказать, крѣпости его сложенія, чтобы не сказать его дикости, потому, что Vitis viparia въ буквальномъ смыслѣ дичекъ [1]).

Ни та, ни другая причина не представляютъ большаго ручательства за будущее. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ мнѣнія нѣкоторыхъ компетентныхъ лицъ, которыя извлекаетъ изъ того же отчета г. Милло. „Сорта американскаго винограда“, говоритъ г. Ги, „тѣмъ лучше противостоятъ филлоксерѣ, чѣмъ меньше ея на нихъ; если же, напротивъ того, она живетъ на нихъ въ значительномъ количествѣ, въ особенности, если вздутія становятся крупными и многочисленными, эти лозы умираютъ, если не прійти къ нимъ на помощь съ сѣрнистымъ углеродомъ, какъ и для простыхъ француз-

[1]) Millot, стр. 19.

скихъ лозъ". Но эти сорта, какъ замѣчено многими наблюдателями, всегда имѣютъ больше филлоксеры послѣ ихъ привоза изъ Америки, чѣмъ сколько было ея на нихъ прежде [1]).

Это же утверждаетъ и г. Пажези.

Если же устойчивость Vitis viparia зависитъ отъ того, что это еще дикій видъ, еще почти вовсе не подвергшійся вліянію культуры, то это именно и заставляетъ опасаться ея вліянія. Впрочемъ, мнѣ кажется, что оба эти мнѣнія въ сущности сливаются въ одно. Нѣсколько лѣтъ послѣ ввоза чубуковъ изъ Америки, потому именно и появляется на корняхъ ихъ болѣе филлоксеры, что корни эти, подъ вліяніемъ культуры, становятся пригоднѣе для жизни и питанія этого насѣкомаго.

Согласимся, наконецъ, съ мнѣніями приверженцевъ американскихъ лозъ, что причина гибели многихъ изъ нихъ заключается именно въ ихъ неприспособленіи къ почвѣ. Но понятіе, выражаемое словомъ *почва*, вообще столь сложно, что описать словами качества почвы, пригодныя для такого-то и такого-то сорта, невозможно; это будутъ одни общія мѣста. Для этого надобны и химическіе анализы почвы, и точное обозначеніе ея физическихъ свойствъ, и это послѣдее условіе еще гораздо труднѣе выполнить, чѣмъ первое, ибо оно не допускаетъ такой опредѣленности. Но ни того, ни другаго, сколько мы знаемъ, доселѣ еще серіозно сдѣлано не было; никто еще не опредѣлилъ, что такой-то сортъ растетъ хорошо и не боится филлоксеры, если почва имѣетъ такой-то составъ и такія-то опредѣленныя физическія свойства. Да и сдѣлать это очень трудно. Но вѣдь и это было бы мало. Дѣло усложняется еще вліяніями климатическими, ибо извѣстно, что почва, соотвѣтсвующая дикому растенію въ одномъ климатѣ, совершенно для него не пригодна въ другомъ. Пусть же все это будетъ рѣшено тѣми, которые находятся въ необходимости рѣшить эти вопросы, прежде, чѣмъ приступятъ къ насажденіямъ американскихъ лозъ, для насъ же эта необходимость еще не наступила и, смѣемъ надѣяться, Богъ дастъ, и не наступитъ.

Г. Саломонъ, въ упомянутомъ уже мною мѣстѣ своего отчета, выражаетъ мнѣніе, что для успѣшнаго лѣченія сѣрнистымъ углеродомъ требуется рѣдкое совпаденіе условій почвы и климата, и

---

[1]) Millot, стр. 14.

что, поэтому, оно примѣнимо лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Мнѣ кажется, что было бы гораздо справедливѣе примѣнить это мнѣніе къ успѣшности разведенія американскихъ лозъ, съ ручательствомъ за сколько нибудь продолжительный успѣхъ этого дѣла. Но, однако, вотъ нѣкоторыя условія, довольно опредѣленныя, выставляемыя нѣкоторыми знатоками дѣла. Г. Пишаръ, директоръ агрономической станціи въ Авиньонѣ, полагаетъ: „Вопросъ о приспособленіи важенъ въ томъ отношеніи, что степень устойчивости того же сорта не одинакова во всѣхъ почвахъ, и что физическія свойства ихъ—проницаемость, плотность, глубина, свѣжесть и проч. имѣютъ значительное вліяніе". Онъ думаетъ, напримѣръ, что въ почвѣ сильно глинистой (а у насъ въ Крыму всѣ онѣ глинисты), всякая американская лоза кончитъ тѣмъ, что погибнетъ, если заражена филлоксерой (а если не заражена, то въ такой лозѣ и надобности нѣтъ). Она будетъ противостоять болѣе или менѣе долго, смотря по сорту, но окончательно все-таки погибнетъ; онъ думаетъ, напротивъ, что въ почвахъ легкихъ и свѣжихъ, устойчивость будетъ очень продолжительна, можетъ быть безгранична. Наконецъ, по его мнѣнію, необходимо вообще искать для американскихъ лозъ почвы свѣжія, проницаемыя, глубокія, и никогда не сажать ихъ въ почвѣ, заключающей въ себѣ менѣе 45% песку. Есть же у насъ такія почвы. На подобныхъ почвахъ, если еще прибавить процентовъ 20 песку, можно бы сажать, не смотря на филлоксеру, и обыкновенныя европейскія лозы, для которыхъ тоже есть такая почва, въ которой онѣ филлоксеры не боятся.

Всѣми этими приведенными фактами, повторяю еще разъ, я вовсе не имѣю въ виду доказать, чтобы американскія лозы не имѣли никакого значенія ни при какихъ обстоятельствахъ. Совершенно напротивъ, я думаю, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ значительная часть виноградниковъ уже погибла подъ ударами филлоксеры, есть прямой разсчетъ замѣнять ихъ насажденіями американскаго винограда, какъ во всякомъ случаѣ болѣе устойчиваго, чѣмъ европейскій, и потому, даже если онъ и не будетъ въ состояніи противостоять филлоксерѣ самъ по себѣ—самою своею устойчивостью, но также потребуетъ помощи сѣрнистаго углерода или, вообще, веществъ, убивающихъ насѣкомыхъ, то успѣшное его лѣченіе будетъ болѣе обезпечено, чѣмъ лѣченіе европейскихъ сортовъ.

Но дѣло принимаетъ совершенно другой оборотъ для тѣхъ странъ, гдѣ зараженіе находится въ самомъ началѣ, гдѣ, слѣдова-

тельно, есть основательная надежда вполнѣ совладать съ врагомъ, гдѣ, если-бъ это даже не удалось, виноградники еще слабо поражены и могутъ быть поддерживаемы лѣченіемъ. Въ такихъ странахъ, мнѣ кажется очевидно, что всѣ усилія должны быть направлены къ тому, чтобы сохранить и поддержать тотъ капиталъ, который заключается въ здоровыхъ еще или слабо пораженныхъ виноградникахъ, между прочимъ уже и потому, что американскіе сорта винограда не представляютъ полнаго ручательства въ томъ, что они окажутся вполнѣ устойчивыми, что капиталъ, употребленный на ихъ насажденіе, можетъ въ свою очередь погибнуть, или, по крайней мѣрѣ, будетъ требовать такого же увеличенія расходовъ лѣченіемъ, какіе мы употребляли бы на сохраненіе тѣхъ насажденій, которыя уже существуютъ.

Поэтому, намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, чѣмъ мы рискуемъ, если допустить погибнуть наши теперешніе виноградники, какъ велики должны быть тѣ издержки, которыя пришлось бы употребить на замѣну прежнихъ винорадниковъ новыми, состоящимъ изъ американскихъ лозъ. Такой разсчетъ былъ уже разъ мною представленъ въ моей брошюрѣ. „Сравненіе методовъ борьбы съ филлоксерою". Г. Павловскій обвиняетъ его въ очень сильномъ преувеличеніи. Соглашаюсь отчасти съ справедливостью этого упрека, именно, цѣны американскихъ чубуковъ, принятыя по имѣвшимся тогда у меня даннымъ, слишкомъ высоки. Я оцѣнилъ количество чубуковъ на засажденіе десятины, смотря по сортамъ, отъ 1.075 до 1.334 рублей. По даннымъ, сообщаемымъ г. Павловскимъ, это будетъ стоить только около 300 рублей. Но, если отбросить худшіе сорта, клинтонъ, тайлоръ, конкордію, стоющіе отъ 1,50 до 4 франковъ за сотню, завѣдомо гибнущіе при многихъ обстоятельствахъ и посадка которыхъ уже оставлена, почему они между прочимъ и стоятъ такъ дешево, то прочіе сорты стоятъ отъ 8—12 франковъ за сотню, т. е. отъ 320 до 480 рублей на десятину. Слѣдовательно, мы не ошибемся, если примемъ цѣнность чубуковъ, потребныхъ на засажденіе десятины,—въ 400 рублей. Г. Павловскій считаетъ 20% неудачи при посадкѣ; это составитъ 480 рублей. Прививку г. Павловскій оцѣниваетъ по французскимъ цѣнамъ въ 150 рублей за десятину, что̀ составило бы немногимъ болѣе 1½ к. съ куста. Всякій, знакомый съ цѣнами работъ у насъ, согласится, что это невозможно. Отводки нельзя положить у насъ менѣе 4 к. съ куста, но сдѣлать прививку съ оголеніемъ и зака-

пываніемъ куста, съ обвязкою прививки,—не легче, чѣмъ отводку, а поэтому едва-ли возьмутся у нась за эту работу дешевле. Но положимъ только по 3 коп., что составитъ 288 руб. и 20% надбавки—57 руб., итого 344 руб., т. е. вмѣстѣ съ чубуками и посадкой—824 руб. Къ излишкамъ расхода я причисляю еще проценты за всѣ издержки производства, за лишній годъ замедленія плодоношенія посредствомъ прививки. Можетъ ли это быть отрицаемо — вотъ въчемъ вопросъ? Очевидно, — нѣтъ, и г. Павловскій этого не дѣлаетъ, но увѣряетъ насъ, что привитый американскій виноградъ начинаетъ приносить плоды съ третьяго года, а на четвертый иногда даетъ урожай на столько значительный, что оплачиваетъ всѣ издержки. Но тутъ дѣло идетъ не объ *иногда*, т. е. не объ исключительныхъ случаяхъ, а о нормальномъ урожаѣ. Всѣмъ нашимъ хозяевамъ извѣстно, что на третій годъ можно у насъ получить только нѣсколько кистей и что раньше пятаго года нельзя разсчитывать на окупающій издержки и дающій настоящій доходъ урожай, и что, слѣдовательно, при прививкѣ онъ долженъ потерять годъ. Что это такъ и во Франціи,—вотъ не подлежащее сомнѣнію свидѣтельство. Въ журналѣ „Vigne americaine", органѣ приверженцевъ и защитниковъ американскихъ лозъ, въ августовскомъ № 1880 года, помѣщена статья г. Улиса Молина о причинахъ, почему при значительныхъ уже насажденіяхъ американскаго винограда, почти нѣтъ вина, только чубуки для продажи. „Между владѣльцами виноградниковъ, засаженныхъ американскими лозами", говоритъ онъ, — „немногіе привилегированные могутъ говорить о сборѣ винограда, но большая часть должна сознаться, что они собираютъ лишь надежды и что, если сердца ихъ полны ими, то бочки ихъ пусты". Въ числѣ причинъ этого явленія г. Молинъ приводитъ и слѣдующую: „потому что американская лоза даетъ нормальный урожай только на пятый годъ, какъ и простая французская лоза". Къ этому г. Милло прибавляетъ слѣдующее разсужденіе. „Да, нужно довольно значительное время, чтобы какъ американскія, такъ и французскія лозы были бы въ состояніи доставить полный урожай; для первыхъ нужно даже гораздо болѣе времени, чѣмъ для вторыхъ: въ самомъ дѣлѣ, для этихъ послѣднихъ, коль скоро они принялись, все уже сдѣлано, но для первыхъ это еще только половина работы. Не только послѣ того, какъ саженцы примутся — надо ихъ привить, что представляется намъ весьма крупнымъ и серьезнымъ дѣломъ, но надо еще охранять

прививки отъ различныхъ вліяній, могущихъ причинить ихъ гибель; надо также остерегаться, чтобы они не укоренились, ибо иначе дичекъ погибнетъ, и у насъ останется обыкновенная французская лоза, съ которою филлоксера скоро справится".

То обстоятельство, что, не смотря на значительное количество, засаженныхъ уже американскими лозами плантацій, вина отъ этихъ лозъ получается очень мало, приводитъ меня къ убѣжденію, что, въ отношеніи времени, въ которое насажденіе американскими лозами начинаетъ давать полный урожай, — опытъ г. Павловскаго не можетъ быть великъ, хотя онъ и живетъ въ южной Франціи. Поэтому, я остаюсь при своемъ утвержденіи, что ранѣе 6 года на такой урожай разсчитывать нельзя; слѣдовательно, процентовъ за лишній годъ съ 3000 руб., т. е. 180 руб. мы отбросить не можемъ. Нѣкоторыя изъ нашихъ цифръ должны быть измѣнены, но не столь сильно, какъ полагаетъ г. Павловскій. Именно, проценты съ цѣны чубуковъ, т. е. 480 руб. мы сохранимъ за всѣ 6 лѣтъ, что составитъ 173 руб., проценты за прививку съ 344 руб. за 4 года, если привьемъ на второмъ году — 83 р. Также мы должны сохранить и издержки обработки и ухода за виноградникомъ за лишній годъ — 125 руб. Итого 1365 руб. излишка при насажденіи американскаго винограда противъ насажденій европейскихъ сортовъ. Но при этомъ мы принимаемъ, что всѣ прививки удались, чего быть не можетъ; при самомъ лучшемъ уходѣ многія пропадутъ, ихъ надо будетъ перепрививать; затѣмъ, въ концѣ-концовъ, все-таки отстанутся плѣшинки, которыя нельзя будетъ замѣнить отводками. Такъ-ли это?

Вотъ г. Пажези, приверженецъ американскихъ лозъ, разведшій ихъ къ 1880 году уже 50 гектаровъ, при прививкѣ къ клинтону сорта арамонъ, не могъ въ концѣ-концовъ получить на 1200 привитыхъ кустахъ болѣе 1000 окончательно привившихся. Эти плѣшинки при виноградникѣ, засаженномъ привитыми американскими лозами, нельзя послѣ иначе замѣстить, какъ укоренившимися, положимъ, уже привитыми въ питомникѣ лозами, что̀ требуетъ у насъ поливки, иногда невозможной, всегда же дорого стоющей. Положимъ на эти излишніе расходы только 115 руб., чтобы получить круглое число въ 1600 руб., и мы увидимъ, что проценты съ этой суммы уже будутъ равняться издержкамъ на ежегодное лѣченіе сѣрнистымъ углеродомъ виноградника съ европейскими лозами. Но что же, если и съ такими издержками заведенный виноградникъ на

американскихъ корняхъ также придется поддерживать тѣмъ же сѣрнистымъ углеродомъ, что̀ далеко не невозможно, ибо выше мы представили нѣсколько тому примѣровъ?

Итакъ, возвращаясь къ нашей точкѣ отправленія, мы приходимъ къ тому выводу, что перспектива замѣны нашихъ теперешнихъ виноградниковъ американскими вовсе не привлекательна: именно, не представляя даже полнаго ручательства въ ихъ окончательной устойчивости противъ филлоксеры, она во всякомъ случаѣ угрожаетъ намъ потерею огромнаго капитала, лежащаго въ теперешнихъ виноградникахъ и необходимостью истратить вновь капиталъ приблизительно въ полтора раза болѣе значительный, чѣмъ тотъ, который требуется для разведенія обыкновеннаго виноградника. Неужели не должно бороться всѣми силами, чтобы избѣжать подобной необходимости?

Но, если, вмѣсто прививки европейскими сортами, мы будемъ имѣть въ виду тѣ американскіе сорта, которые даютъ непосредственно вино, то это будетъ стоить значительно дешевле. Это правда, дешевле, но все-таки дороже обыкновеннаго винограда. Но за то лучшіе изъ этихъ сортовъ жаке, гербемонтъ и кунингамъ, не вполнѣ устойчивы, и мы видѣли примѣръ въ Эрмитажѣ, въ Волотрѣ, въ Понъ-Роялѣ, у г. Жоффре, что эти сорта гибли отъ филлоксеры (хотя бы и въ союзѣ съ почвою, къ которой они не могутъ примѣниться), или требовали лѣченія сѣрнистымъ углеродомъ для своего сохраненія. Но что же мы получимъ отъ этихъ сортовъ? Отъ жаке, по словамъ г. Саломона, превосходнаго свойства красное вино, весьма алкоголичное и сильно окрашенное. Эти послѣднія качества подтверждаетъ и г. Милло. „Вино жаке", говоритъ онъ, „очень окрашено и содержитъ отъ 11 до 15% алкоголя", и прибавляетъ къ этому, „отвратительнаго вкуса". — „Il est vrai que le gout de ce vin est détestable"; „слово это покажется, можетъ быть, жестокимъ", продолжаетъ онъ, „жителямъ юга, которые полны снисхожденія къ своему баловню, какъ они сами называютъ жаке; но мы совершенно убѣждены, что нѣтъ ни одного бургундца, который не былъ бы нашего мнѣнія". Какъ же примирить эти два мнѣнія — и то, что за жаке во Франціи платятъ довольно дорого (около 2 рублей ведро)? Мнѣ кажется, примиряется это тѣмъ, что во Франціи, по словамъ г. Саломона, вино это идетъ для купажей съ винами, получаемыми съ наводняемыхъ виноградниковъ, которыя очень слабы. Но такое вино можетъ съ

успѣхомъ производится тамъ только, гдѣ, по свойствамъ климата и почвы, урожаи его очень велики, ибо никогда не дадутъ хорошей цѣны за такія вина, которыя употребляются на поддѣлку другихъ винъ. Если на Южномъ берегу Крыма сбытъ на вино не обезпеченъ, то именно потому, что главные покупатели вина хотятъ имѣть матеріалы для ихъ операцій, а не чистое вино, а за такой матеріалъ дорого платить не желаютъ. Покупатели и безъ того находятъ, что наше вино не довольно похоже на французское; каково же будетъ оно, если станетъ получаться отъ жаке и, вообще, отъ американскихъ сортовъ? Каковъ будетъ сбытъ на вина, подобныя жаке, которыя и не могутъ быть употребляемы иначе, какъ на поддѣлку? Очевидно, что разведеніе этого сорта можетъ быть выгодно лишь тамъ, гдѣ урожаи его будутъ огромны. Но для мѣстностей съ болѣе холоднымъ климатомъ жаке не годится, какъ свидѣтельствуютъ лозы жаке съ авиньонской агрономической станціи, которымъ для созрѣванія ихъ побѣговъ нуженъ ноябрь съ исключительно хорошей погодой. Но на такой ноябрь мы рѣдко можемъ разсчитывать и на Южномъ берегу, климатъ котораго никакъ не теплѣе авиньонскаго. Слѣдовательно, сортъ этотъ уже не годится для сѣвернаго Крыма, сѣвернаго Кавказа, Бессарабіи и Дона. Но, кромѣ этого, онъ боится еще сырости, ибо въ сырыхъ климатахъ подверженъ атраккозѣ, слѣдовательно, не годится и для черноморскаго побережья Кавказа. Сказанное объ этомъ сортѣ относится болѣе или менѣе и ко всякимъ разновидностямъ вида Vitis aestivalis, единственно годныхъ для непосредственнаго производства вина.

Мнѣ кажется, что всѣхъ приведенныхъ фактовъ и разсужденій достаточно, чтобы показать совершенную непримѣнимость у насъ разведенія американскихъ виноградиковъ въ видахъ борьбы съ филлоксерою, при томъ фазисѣ развитія филлоксерной заразы, въ которомъ мы находимся въ настоящее время. Надо ясно представить сѣбѣ тѣ цѣли, тѣ перспективы, тѣ надежды, которыхъ мы можемъ имѣть въ виду достигнуть, употребляя ту или другую методу борьбы противъ филлоксеры: 1) При радикальномъ уничтоженіи очаговъ заразы, какъ это дѣлается въ Швейцаріи, континентальной Италіи и у насъ, въ случаѣ успѣха надѣются цѣною единовременныхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, издержекъ сохранить въ цѣлости весь огромный капиталъ, заключающійся въ виноградныхъ странахъ; 2) при лѣченіи виноградниковъ какимъ

бы то ни было способомъ имѣется въ виду сохранить капиталъ цѣною уменьшенія доставляемыхъ имъ процентовъ, т. е., другими словами, рѣшаются на болѣе или менѣе значительное уменьшеніе его цѣнности; 3) наконецъ, какую перспективу представляютъ американскія лозы?—уничтоженіе въ болѣе или менѣе длинный срокъ всего капитала, лежащаго въ виноградникахъ, съ обѣщаніемъ возможности возстановить его, употребивъ на это капиталъ, превосходящій въ полтора раза тотъ, который погибъ, и застраховавъ его уже совершенно отъ филлоксеры. Вѣдь вотъ все, что могутъ намъ обѣщать американскія лозы, и даже на послѣднюю часть обѣщанія, самую важную, т. е. на полное застрахованіе, вполнѣ нельзя положиться. Я понимаю, что въ крайности можно рѣшиться прибѣгнуть и къ этому послѣднему средству изъ-за того единственно, что оно обѣщаетъ возможность къ возстановленію источника дохода, хотя и дорогою цѣною;—но только въ крайности, когда другихъ шансовъ на спасеніе не останется.

Но, скажутъ намъ, къ чему исключительность, почему не вести борьбы всѣми средствами, которыя имѣются подъ руками, примѣняя гдѣ радикальное уничтоженіе, гдѣ лѣченіе тѣмъ или другимъ способомъ, гдѣ засажденіе американскими лозами? По нашему мнѣнію, потому, что при настоящемъ положеніи нашемъ, способы эти несовмѣстимы, что они противорѣчатъ, противодѣйствуютъ другъ другу и въ результатахъ своихъ и въ средствахъ для ихъ достиженія.

1) Или мы уничтожили уже на Южномъ берету и въ Сухумѣ очаги заразы, и въ такомъ случаѣ ничего не остается лѣчить и нечего засаживать американскими лозами, продукты которыхъ безъ прививки хуже получаемыхъ отъ европейскихъ лозъ, и съ прививкою гораздо дороже ихъ обходятся.

Или мы ихъ еще не уничтожили, и существуютъ еще неизвѣстные намъ зараженные виноградники, болѣзнь которыхъ окажется впослѣдствіи. Въ такомъ случаѣ, американскія лозы представляютъ большую опасность—и усиленія болѣзни, и быстрѣйшаго распространенія, а лѣченіе, при которомъ виноградники всегда подвержены реинфекціи, парализировало бы наши усилія исторгнуть болѣзнь съ корнемъ.

2) Радикальное уничтоженіе очаговъ заразы, также какъ лѣченіе, при которыхъ нужно захватить заразу какъ можно раньше, предполагаютъ и требуютъ самаго тщательнаго осмотра, самаго

строгаго изслѣдованія виноградниковъ; засажденіе американскими лозами, напротивъ того, не требуетъ никакихъ предварительныхъ изслѣдованій, ибо это было бы напрасною, весьма значительною издержкою. Болѣзнь, если она есть, окажется сама собою значительнымъ уменьшеніемъ плодоношенія, а раньше этого никто же не согласится уничтожить приносящій еще доходъ виноградникъ, для засажденія его американскими лозами.

3) Гдѣ вся страна заражена, гдѣ гибель того или другаго виноградника есть только вопросъ времени, нѣтъ никакого препятствія одному прибѣгнуть къ лѣченію, другому—къ разведенію новаго американскаго виноградника, потому что первый и безъ этого считаетъ его подверженнымъ реинфекціи, а второй зараженія не боится (по крайней мѣрѣ не долженъ бы бояться), и оба не помышляютъ объ искорененіи заразы. Совершенно другое дѣло въ странѣ, гдѣ надежда на окончательное избавленіе не исчезла; тамъ и то, и другое, и лѣченіе, и засажденіе американскими лозами находятся въ прямомъ противорѣчіи съ этою надеждою и съ этою цѣлью, и нужно избирать одно изъ двухъ — продолжать истребительную войну противъ врага, или капитулировать, вступить съ нимъ въ переговоры, въ компромиссы, чтобы, такъ сказать, сообща пользоваться виноградомъ. Какъ соединить оба эти образа дѣйствія, я не понимаю.

Наконецъ, существуетъ еще мнѣніе, что, хотя и есть надежда на одолѣніе врага въ Крыму, но такъ какъ, кромѣ Крыма, есть въ Россіи и другія винодѣльныя мѣстности, гдѣ, по топографическимъ условіямъ, борьба съ заразою будетъ труднѣе, то, поэтому, въ видахъ подготовленія къ будущему, — тѣмъ болѣе, что заносъ возможенъ даже при соблюденіи самыхъ строгихъ карантинныхъ мѣръ, какъ доказываетъ примѣръ Швейцаріи, гдѣ, не смотря на всѣ мѣры предосторожности, зараза распространилась на нѣсколькихъ пунктахъ невшательскаго кантона,—было бы полезно создать въ какомъ либо мѣстѣ, уединенномъ отъ виноградныхъ насажденій, питомники американскихъ сортовъ, для испытанія ихъ, подготовки чубуковъ и образованія людей, хорошо знакомыхъ съ прививкою, словомъ сдѣлать то, что̀ сдѣлала Италія на островѣ Монте-Кристо. Этою мыслью оканчиваетъ г. Саломонъ свой интересный отчетъ о филлоксерномъ конгрессѣ въ Бордо.

Я не смотрю такъ пессимистически на занесеніе филлоксерной заразы какъ нибудь случайно. И у насъ, и вездѣ, куда была за-

носима до сихъ поръ зараза, средствами заноса были всегда только укоренившіяся лозы, отъ которыхъ, думаю, можно уберечься таможенными мѣрами, а также, думаю, можно же разсчитывать и на благоразуміе самихъ гг. садовладѣльцевъ, что, послѣ столь очевидныхъ опытовъ въ Крыму и на Кавказѣ, они сами не станутъ подвергать ни себя, ни другихъ грозной опасности. Что̀ касается до примѣра невшательскаго кантона, то онъ совершенно не вѣренъ. Откуда и когда была занесена зараза въ этотъ кантонъ, извѣстно: изъ питомника Аннаберга, близь Бона. Зараженіе оставалось долго незамѣченнымъ и потому успѣло распространиться на многія мѣстности, которыя были открыты не всѣ вдругъ; но ни о какомъ новомъ заносѣ ни въ одномъ изъ отчетовъ о тамошнихъ работахъ не упоминается. Напротивъ того, мнѣ кажется, что Швейцарія представляетъ утѣшительный примѣръ того, что хорошо принятыми мѣрами можно оградить себя отъ заносовъ даже въ мѣстности, столь невыгодный въ этомъ отношеніи какъ ЮЗ. Швейцарія, съ одной стороны которой лежитъ энскій департаментъ, зараженные виноградники котораго подходятъ на 20 или 25 километровъ къ швейцарской границѣ, съ другой стороны тоже зараженная Савойя; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не было до сихъ поръ констатировано ни одного случая заноса изъ этихъ, столь близко сосѣднихъ, мѣстностей. Не гораздо-ли безопаснѣе положеніе Крыма, Кавказа, Астрахани, Дона и даже Бессарабіи?

Со всѣмъ этимъ, я не имѣлъ-бы никакихъ теоретическихъ причинъ отвергать предложеніе г. Саломона; соображенія, по которымъ я тѣмъ не менѣе съ нимъ не согласенъ, совершенно практическаго характера. Я думаю, что созданіе такого питомника будетъ безполезно и, стоя довольно дорого, отниметъ средства отъ болѣе полезнаго ихъ употребленія. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ также и такого удобнаго мѣста для опытовъ, какъ Италія.

Въ самомъ дѣлѣ:

1) Зачѣмъ тратить деньги на произращеніе американскихъ лозъ, въ которыхъ, съ одной стороны, можетъ быть вовсе не ощутится надобности, а съ другой, если бы таковая ощутилась, то ихъ легко было-бы получить изъ той-же Франціи, гдѣ онѣ должны дешевѣть годъ отъ году, такъ какъ до сихъ поръ цѣль французскихъ разводителей состояла не столько въ полученіи вина, сколько въ размноженіи чубуковъ, въ случаѣ дѣйствительной въ нихъ надобности; посадивъ ихъ на погибшіе отъ филлоксеры виноградники,

мы очень скоро получили-бы все то количество, въ которомъ можемъ нуждаться, подобно французамъ, обративъ вначалѣ все наше вниманіе на разведеніе чубуковъ, а не на добываніе плодовъ. И это стоило-бы гораздо дешевле, чѣмъ заблаговременное подготовленіе питомниковъ, которые еще, Богъ знаетъ, когда потребуются, да и потребуются-ли.

2) Опыты, которые мы можемъ произвести въ нашемъ питомникѣ, будутъ, по необходимости, весьма ограниченны, ибо будутъ производиться въ одной почвѣ и при одномъ климатѣ, между тѣмъ какъ опыты, которые производятся во Франціи, дѣлаются въ самыхъ большихъ размѣрахъ и при разнообразныхъ условіяхъ, и въ свое время, когда мы въ этомъ почувствуемъ нужду, кто мѣшаетъ намъ воспользоваться этими даровыми для насъ опытами?

3) Всѣ посѣвы и насажденія, которые мы теперь произведемъ, легко могутъ оказаться черезъ нѣсколько лѣтъ напрасными, не тѣхъ сортовъ, которые бы слѣдовало сѣять и сажать, что̀ уже разъ случилось со всѣми производителями американскаго винограда. Лѣтъ пять, шесть тому назадъ, для преимущественнаго разведенія были-бы, конечно, избраны клинтонъ и тайлоръ, и это было-бы потерянное время и трудъ, ибо, какъ теперь говорятъ во Франціи, on n'en veut plus. И у насъ въ Магарачѣ, бывшій директоръ г. Цабель посѣялъ именно сортъ тайлоръ, выбравъ, конечно, тотъ сортъ, который въ то время, 7 лѣтъ тому назадъ, наиболѣе рекомендовался. Мимоходомъ будь сказано, что вотъ уже 7 лѣтъ, какъ онъ ростетъ, но еще ни разу плода не давалъ. Вотъ, напримѣръ, касательно этого-же предмета мнѣніе г. Молина, уже разъ упомянутое мною. Между прочимъ и потому до сихъ поръ американскіе виноградники не даютъ, по его мнѣнію, вина, что „первыми нашими прививками были новыя американскія разновидности для исправленія первоначальныхъ нашихъ ошибокъ“ [1]. Кто-же ручается, что не придется перещеплять и теперь находящіеся въ славѣ сорта для полученія чубуковъ другихъ сортовъ, которые ихъ замѣнятъ въ свою очередь, какъ они замѣнили клинтонъ и тайлоръ? Не лучше-ли, слѣдовательно, подождать и, ежели намъ придется со временемъ прибѣгнуть къ американскимъ лозамъ, то прибѣгать къ тѣмъ сортамъ, на сторонѣ которыхъ будетъ самый продолжительный опытъ въ ихъ пользу? И этотъ опытъ, опять-таки,

---

[1]) Millot, стр. 27.

намъ можетъ доставить Франція и, вообще, другія страны, безъ всякихъ съ нашей стороны издержекъ и разочарованій.

4) Остается одна цѣль, которую и я признаю полезною и существенною,—это приготовленіе работниковъ, хорошо знакомыхъ съ прививкою, ибо, если можно получить чубуки изъ-за границы, то прививщиковъ оттуда достать нельзя; но для этого нѣтъ, кажется, надобности производить опыты непремѣнно надъ американскимъ виноградомъ. Это всего удобнѣе сдѣлать въ Никитѣ и въ Магарачѣ, гдѣ, во-первыхъ, есть уже американскій сортъ тайлоръ, который можно прищеплять, и гдѣ, наконецъ, есть много сортовъ европейскаго винограда, которые съ выгодою можно замѣнить другими, или плодороднѣйшими, или въ другомъ отношеніи лучшими. Почему не производить, для доставленія практики, опытовъ прищепы по англійскому способу?

Наконецъ, примемъ во вниманіе, что̀ заставило саму Италію завести питомникъ на о-вѣ Монте-Кристо. Изъ всѣхъ странъ, пораженныхъ филлоксерою, Италія придерживается самой строгой карантинной системы: не только въ нее запрещенъ ввозъ всѣхъ живыхъ растеній, но даже и плодовъ; тѣмъ болѣе строго запрещенъ въ нее ввозъ всѣхъ частей винограднаго растенія. Но требованія публики, всегда склонной критиковать правительственныя мѣры, заставили правительство снизойти къ ея желаніямъ, имѣя въ рукахъ очень безопасный для этого способъ въ разведеніи американскихъ лозъ на сосѣднемъ маленькомъ островѣ, какого мы подъ руками не имѣемъ.

Изъ всѣхъ представленныхъ здѣсь мною фактовъ и разсужденій, кажется мнѣ, съ достаточною ясностью вытекаетъ тотъ окончательный выводъ, что, при настоящемъ положеніи филлоксернаго зараженія нашихъ виноградниковъ, какъ въ Крыму, такъ и на Кавказѣ, всѣ усилія должны быть направлены на то, чтобы уничтоженіемъ очаговъ заразы совершенно избавиться отъ постигшей виноградники наши болѣзни, а для этого необходимо: 1) Тщательно слѣдить за уничтоженными культурными виноградниками и выбитымъ дикимъ виноградомъ, дабы сейчасъ-же уничтожать всякое виноградное растеніе, какъ только оно начнетъ проростать въ этихъ мѣстахъ, все равно—изъ оставшихся въ почвѣ частей корней, или даже изъ сѣмянъ. 2) Тщательный осмотръ виноградниковъ съ цѣлью открытія новыхъ пунктовъ заразы, буде такіе новые имѣются.

Библіографическій списокъ сочиненій и переводовъ Н. Я. Данилевскаго *).

1843. **Литературныя замѣтки.** Письмо въ редакцію Отечественныхъ Записокъ о томъ, что помѣщенная въ Библіотекѣ для чтенія 1842 года, ч. LII, за подписью Б. Б., повѣсть «Паденіе Ширванскаго царства», кромѣ первыхъ 36 страницъ, не сочиненіе О. И. Сенковскаго, а переводъ повѣсти Моріера «History of Mobarek Shah und the magician».— Отечественныя Записки, т. XXVIII; подпись Д—й.

1848. **Дютроше.** Двѣ статьи—Отеч. Записки, т. LVIII.

Космосъ. Ал. Гумбольдта. Переводъ Н. Фролова. Ч. I. Три критическія статьи.—Тамъ же, тт. LVIII и LIX; безъ подписи. [За статьи о Дютроше и Гумбольдтѣ получено 600 р.].

1851. **Статистическія изслѣдованія о распредѣленіи и движеніи народонаселенія въ Россіи за 1846 годъ.** Шесть статей—Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, чч. 34 и 35; есть отдѣльные оттиски. [За этотъ трудъ, присланный авторомъ изъ Вологды, получено 300 р.].

Отрывокъ изъ статистическаго описанія Вологодской губерніи—Вологодскія губернскія вѣдомости, №№ 1, 2, 11, 12.

О времени и количествѣ теплоты, нужныхъ для созрѣванія ячменя въ Устьсысольскѣ,—тамъ же, № 14.

Высота городовъ Вологды и Тотьмы надъ уровнемъ океана—тамъ же, № 19.

Практическое замѣчаніе о весенней температурѣ въ Вологдѣ—тамъ же, № 45.

1852. **Гидрографія Вологодской губерніи**—тамъ же, №№ 45—49.

1853. **Климатъ Вологодской губерніи**—Записки Русскаго Географическаго Общества, т. IX; есть отдѣльные оттиски. [Написано въ 1851 году и награждено отъ Географическаго Общества Жуковскою преміей въ 250 р.].

1854. **О Каспійскомъ рыболовствѣ.** Извлеченіе изъ отчета Высочайше учрежденной Экспедиціи для изслѣдованія о Каспійскомъ рыбо-

*) Годы, выставленные впереди, означаютъ время появленія произведеній Н. Я. Данилевскаго въ печати. Большая часть ихъ печаталась съ подписью его фамиліи; случаи, когда они появлялись анонимно, оговорены въ спискѣ.

ловствѣ за 1853 годъ. Переводъ статьи К. М. Бера—Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, ч. L.

1855. О Каспійскомъ рыболовствѣ. Извлеченіе изъ отчета за 1854 годъ. Переводъ двухъ статей К. М. Бера—Журн. Мин. Гос. Им., чч. LV и LVII.

1856. О Каспійскомъ рыболовствѣ. Переводъ статьи К. М. Бера—Журн. Мин. Гос. Им. ч. LVII.

Ученыя замѣтки о Каспійскомъ морѣ и его окрестностяхъ. Переводъ статьи К. М. Бера «Caspische Studien»—Записки Р. Геогр. Общ., кн. XI.

1858. Краткій очеркъ уральскаго рыбнаго хозяйства — Вѣстникъ Русскаго Географическаго Общества, т. XXII. [Читанъ въ общемъ собраніи Общества въ февралѣ 1858 г.].

Отвѣтъ Экономическому Указателю — тамъ же, т. XXII. [По поводу разбора предшествовавшей статья И. В. Вернадскимъ].

1859. О климатѣ Россіи. Сочиненіе К. С. Веселовскаго. Критическая статья—тамъ же, т. XXV.

Извѣстія о собраніи череповъ разныхъ народовъ въ Санктпетербургской Академіи Наукъ. Переводъ статьи К. М. Бера—Русскій Вѣстникъ № 9.

Отчетъ Экспедиціи для изслѣдованія Каспійскаго рыболовства за 1855 годъ. Переводъ статьи К. М. Бера—Журн. Мин. Гос. Им. ч. LXX и LXXI.

1860. О Каспійскомъ рыболовствѣ. Переводъ сочиненія К. М. Бера—Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи. Изданіе Министерстерства Госудаственныхъ Имуществъ. Т. II. [Первоначально напечатано въ Журн. Мин. Госуд. Имущ. за 1854—1856 и 1859 гг.].

Описаніе уральскаго рыболовства—тамъ же, т. III.

Отчетъ Высочайше утвержденной Экспедиціи для изслѣдованія рыбнаго и звѣринаго промысловъ въ Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ за 1859 годъ—Журн. Мин. Госуд. Имущ., т. 74.

1861. Отчетъ (той же) Экспедиціи за 1860 годъ—тамъ же, т. 77. [Особое приложеніе].

Изслѣдованія (той же) Экспедиціи въ Норвегіи въ теченіе зимы и весны 1861 года—тамъ же, т. 78. [Особое приложеніе].

1862. Дополнительный отчетъ (той же) Экспедиціи—тамъ же, т. 80.

Рыбные и звѣриные промыслы на Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ.—Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи, т. VI.

Разборъ проекта Каразина объ устройствѣ рыболовства въ Каспійскомъ морѣ и изложеніе началъ, которыя должны быть положены въ основаніе. Астрахань.

1863. Статистика Каспійскаго рыболовства. — Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи. Т. V. [Написано въ 1856 г.].

Теорія ледниковаго періода. [Читано въ общемъ собраніи Р. Геогр.

Общества 9-го января 1863 года, но напечатано не было; изложеніе въ Журналѣ этого собранія въ Запискахъ Имп. Р. Геогр. Общества 1863 г., кн. 1].

О рыбоводномъ заведеніи Врасскаго—Земледѣльческая газета№ 6.

1865. Краткій отчетъ о поѣздкѣ на Азовское море въ 1864 году. [Изложеніе въ Отчетѣ Р. Геогр. Общества за 1864 г., составленномъ В. П. Безобразовымъ].

Взглядъ на рыболовство въ Россіи—подробное извлеченіе изъ записки, представленной департаменту сельскаго хозяйства, по поводу правилъ о рыбной ловлѣ на Псковскомъ и Чудскомъ озерахъ.—Сельское Хозяйство и лѣсоводство 1865 г., т. I.

1867. Coup d'oeil sur les pêcheries en Russie. St.-P. [Переводъ предшествующей статьи, сдѣланный въ виду Парижской всемірной выставки 1867 года].

Нѣсколько мыслей по поводу упадка цѣнности кредитнаго рубля, торговаго баланса и покровительства промышленности—Торговый Сборникъ, №№ 4, 5, 11, 13, 18, 20, 22; безъ подписи.

1868. О мѣрахъ къ обезпеченію народнаго продовольствія на крайнемъ сѣверѣ Россіи — Правительственный Вѣстникъ, №№ 90—93, есть отдѣльные оттиски.

1869. Изслѣдованія о Кубанской дельтѣ—Записки Имп. Р. Геогр. Общества по общей географіи, т. II.

Извлеченіе изъ письма Н. Я. Данилевскаго о результатахъ поѣздки его на Манычь—тамъ же.

Нѣсколько мыслей о русской географической терминологіи по поводу словъ: лиманъ и ильмень—тамъ же.

Дополненіе къ Опыту областнаго велико-русскаго словаря—Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. VII; есть отдѣльные оттиски.

Россія и Европа—Заря №№ 1—6, 8—10.

1871. Россія и франко-германская война (дополненіе къ предшествующему сочиненію)—Заря № 1.

Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ германо-романскому. Изданіе 2-е. Спб.

Описаніе рыболовства въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ—Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи, т. VIII.

1872. Возможное вліяніе пароходства на рыболовство въ рѣкѣ Курѣ — Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ, т. II. Тифлисъ.

1875. Описаніе рыболовства въ сѣверо-западныхъ озерахъ—Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи, т. IX.

1877. О настоящей войнѣ, очеркъ—Русскій Міръ, № 207.

Какъ отнеслась Европа къ Русско-Турецкой распрѣ—тамъ же, № 279.

Проливы. Тамъ же, №№ 289, 290.

Константинополь. Тамъ же, №№ 308, 309.

1878. Конференція или даже конгрессъ—тамъ же. №№ 74,75, 92, 99 и 101.

1879. Россія и восточный вопросъ—Русская Рѣчь, №№ 1 и 2.

1880. Филлоксера на южномъ берегу Крыма и средство борьбы съ нею. Феодосія.

1881. Отчетъ о результатахъ поѣздки за границу предсѣдателя филлоксерной коммисіи. Симферополь. 5-го февраля 1881 года—Сельское Хозяйство и лѣсоводство, февраль.

Сравненіе методовъ борьбы съ филлоксерой. Симферополь.

Отвѣтъ на коресподенцію изъ Крыма въ № 50 Московскихъ Вѣдомостей—Моск. Вѣд., № 102. [По вопросу о филлоксерѣ въ Крыму].

1882. О способахъ борьбы съ филлоксерою. Докладъ предсѣдателя филлоксерной коммиссіи — Сельское Хозяйство и лѣсоводство, май; есть отдѣльные оттиски.

Нѣсколько словъ по поводу конституціонныхъ вожделѣній нашей либеральной прессы—Моск. Вѣдом. № 138.

Отчетъ предсѣдателя филлоксерной коммиссіи—Отчетъ о дѣятельности по уничтоженію филлоксеры въ Крыму барона А. Н. Корфа.

Нѣсколько мыслей по поводу низкаго курса нашихъ бумажныхъ денегъ и нѣкоторыхъ другихъ экономическихъ явленій и вопросовъ—Русскій Вѣстникъ, №№ 8 и 9.

1883. О пути Мадьяръ съ Урала въ Лебедію—Извѣстія Имп. Р. Геогр. Общества, т. XIX; есть отдѣльные оттиски.

1884. Происхожденіе нашего нигилизма. По поводу статьи: Этюды господствующаго міровоззрѣнія—Русь, №№ 22 и 23.

1885. Г. Владиміръ Соловьевъ о православіи и католицизмѣ—Извѣстія Спб. Славянскаго Благотворительнаго Общества, №№ 2 и 3.

1885—1889. Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. I. Двѣ части. Изданіе М. Е. Комарова. Спб. 1885.—Т. II. (одна посм. глава и указатели) 1889.

1886. О низкомъ курсѣ нашихъ денегъ и новыхъ источникахъ государственныхъ доходовъ. Изданіе М. Е. Комарова. Спб.

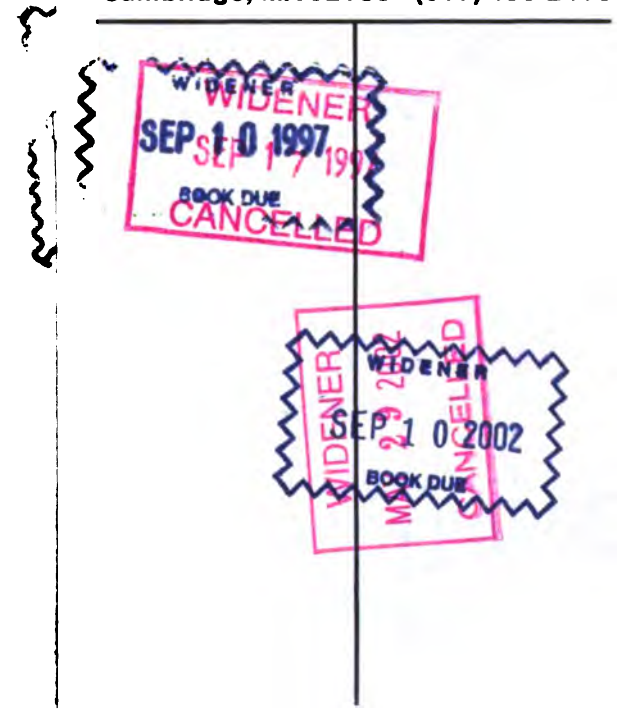
1887. Экспрессія или выраженіе чувства у человѣка и животныхъ—Русскій Вѣстникъ, №№ 5 и 6.

1888. Россія и Европа. Изданіе 3-е (Н. Н. Страхова), съ портретомъ и посмертными примѣчаніями. Спб.

1889. Россія и Европа. Изданіе 4-е. Спб.

Н. Я. Данилевскимъ была переведена еще статья К. М. Бера Ueber das Vorkommen von Kropf und Cretinismus im Russischen Reiche St.-P. 1858.

3 2044 010 603 009

WIDENER
WIDENER
SEP 1 0 1997
BOOK DUE
CANCELLED
WIDENER
SEP 1 0 2002
BOOK DUE
WIDENER
CANCELLED